

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

32

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).

1883.

ИЗДАНИЯ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

продающихся въ Комитетѣ Правленія и у комиссіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

выходить въ неопредѣленные сроки и содержитъ въ себѣ,

сверхъ извлеченій изъ протоколовъ и отчетовъ отдѣленія:

- Томъ I.** Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Характеристика Державина какъ поэта, Я. К. Грота. — Споменія П. И. Рычкова съ Академією Наукъ въ XVIII столѣтіи. П. П. Пекарскаго. — Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. К. Грота. — О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, его же.
- Томъ II.** Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — Литовскія народныя пѣсни, И. Юшкевича. — Коренное значеніе родства у Славянъ, П. А. Лавровскаго. — Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. П. Пекарскаго. — Труды югославянской академіи наукъ и художествъ, И. И. Срезневскаго. — Литературныя труды П. И. Копцева, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.
- Томъ III.** Древніе Славянскіе памятники юсоваго писма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.
- Томъ IV.** Бессоанъ Проконевичъ и его время, И. А. Чистовича. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.
- Томъ V.** вып. I. Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савванто ва, съ письмами къ Городчанянову и Анастасевичу. — Переписка Евгенія съ Державнымъ, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — О словаряѣ Евгенія, А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.
- Томъ V.** вып. II. Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VI.** Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ, его же. — О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи, А. В.

Никитенко. — О языкѣ Крылова, И. И. Срезневскаго. — О баснях Крылова въ переводахъ на иностр. языки, А. Ф. Бычкова. — Сатира Крылова и его Почта Духовъ, Я. К. Грота. — Слово въ день юбилея Крылова, пресв. Макарія. — Широугъ; Лѣвитій; Кофейница, драматич. сочин. Крылова. — Циръ басня, его же. — Объясненіе Крылова. Нисмо его къ В. А. Оленникову. Забѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова, Я. К. Грота. — О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова, его же. — тибліографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова, сост. В. Ф. Кеневичемъ. — Матеріалы для біографіи Крылова, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семейскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки», записка И. И. Срезневскаго. — Записка о томъ же, А. Ф. Бычкова. — Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, П. П. Пекарскаго. — Толковый словарь В. И. Даля, записка Я. К. Грота. — О зоологическихъ названіяхъ въ словарь Даля, записка Л. И. Шренка. — О ботаническихъ названіяхъ въ словарь Даля, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — Дополненія и замѣтки съ словарю Даля, Я. К. Грота. — Дополненіе къ областному словарю, Н. Я. Данилевскаго. — Объясненіе темныхъ и несороченныхъ мѣстъ русской лѣтописи, Я. К. Эрбена. — Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки», статья К. И. Невоструева. — О греческомъ кондакарѣ XII — XIII вѣка, архим. Амфилохія. — Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи, В. Макушева. — Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ, С. И. Пономарева. — Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. — Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Барі и Анкона, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота. — Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго. — Когда основаны Уфа и Самара, П. П. Пекарскаго. — Новѣсть о судѣ Шемяки, М. И. Сухомлинова. — Библіографическія находки во Львовѣ, Я. Ф. Головацкаго. — Дополненіе къ словарю Даля, П. В. Шейна. — Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. К. Грота. — Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774), М. Н. Лонгинова. — Дополненіе къ очерку славяно-русской бібліографіи В. М. Ундольскаго, сост. Я. Ф. Головацкимъ. — Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля. Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ, И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвигъ Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г.

- Извѣстія о тогдашней Русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, И. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVII. Анокріоновыя сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописамъ Соловецкой бібліотеки, И. Я. Порфирьева. — Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для бібліографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета, Я. К. Грота. — Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховскій договоръ. — Происхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова. — На память о Бодяскомъ, Григоревичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды пресвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова. — Чешскія Гласы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шаханини, по рукописамъ XV вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іосафа, А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC. И. И. Срезневскій. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Забавы Императрицы II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій, М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго. С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскіхъ духовныхъ стиховъ. Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ Н. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго, составленныя акад. Я. К. Гротомъ. — Русско-индусскій словарь Минской губерніи мѣстечка Семенова. — Старообрядческій синодикъ, А. Н. Пыпина. — Разысканія въ области духовныхъ стиховъ. А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ, И. А. Чистовика. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Ст. II. Я. К. Грота. — Фриульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Белорусскому

- словарию, И. И. Носовича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г., составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Нѣсколько примѣнителей о научной дѣятельности А. Е. Викторова. И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXII.** Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V. — Южно-русскія былины. А. Н. Веселовскаго. — *Gröszszam-egesees* и Среднебѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. А. Н. Веселовскаго. — О Кеафонѣ. Греческая Транезунтская былина Византійской эпохи. Г. С. Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.
- Томы XXIII — XXVII.** Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. Сказки и забавныя листы. — Кн. II. Листы историческіе, календари и буквари. — Кн. III. Притчи и листы духовныя. — Кн. IV. Примѣчанія и дополненія. — Кн. V. Заключение и алфавитный указатель именъ и предметовъ. — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.
- Томъ XXVIII.** Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандѣ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленнымъ подъ редакцію И. И. Срезневскаго. — Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V. А. Н. Веселовскаго. — Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ. Цѣна 2 р.
- Томъ XXIX.** Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ. А. Н. Веселовскаго. — Новыя свѣдѣнія о Котошникѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота. — Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Издавъ подъ редакцію А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.
- Томъ XXX.** Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ XXXI.** Славянскія рукописи въ заграничныхъ бібліотекахъ. Г. Воскресенскаго. — Письма Погодина къ Максимовичу. С. И. Пономарева. — Исторія Россійской Академіи. Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина. Я. К. Грота, Н. П. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

- Сочиненія Державина** съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:
- Томъ I (съ портретомъ Державина и 4-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.
- Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.
- Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.
- Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.
- Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.
- Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1874: 2 руб. 50 коп.
- Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.
- Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 3 руб.
- Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.
- Цѣна всѣмъ девяти томамъ роскошнаго изданія Сочиненій Державина 25 руб.

- Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:**
 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.
 Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. —
 Томъ III. 1870: 1 руб. — Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI.
 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.
- Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ).** Спб. Т. I. 1880.
 Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.
- Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ.** Спб.
 1865. Цѣна 1 р. 50 к.
- Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго.** Спб.
 1865. Цѣна 50 к.
- Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта.** Бумаги Кара и Бибикова (со сним-
 комъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.
- То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота.** Спб.
 1862. Цѣна 25 к.
- То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пу-
 гачева.** Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.
- Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота.** 1862: 30 к.
- Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова.** Его же. 1865: 20 к.
- Письма Карамзина къ Дмитріеву.** Съ портретомъ и снимками. Издали съ при-
 мѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.
- Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина.** Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.
- Литературная жизнь Крылова.** Его же. Спб. 1868: 25 к.
- Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,**
 П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.
- Путешествіе акад. Дедлава въ Березовъ 1740 года.** П. Пекарскаго. 50 к.
- Жизнь и литературная перенеска П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекар-
 скаго (съ портретомъ и снимкомъ).** Спб. 1867: 75 к.
- Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II.**
 П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.
- Извѣстія о Татищевѣ.** Его же: 40 к.
- Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича.** Спб. 1870: 3 р.
- Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго.** Спб. 1870: 1 р. 50 к
- Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской премии, Я. Грота (разборъ
 Толковаго Словаря Даля).** Спб. 1870: 45 к.
- Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота.** Спб. 1874: 20 к.
- Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота.** Спб. 1873: 1 р. 50 к.
- Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I.** Спб. 1870.
 Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.
- Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота.** Спб. 1873: 25 к.
- Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *).** Вып. II, цѣна
 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна
 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб.
- Екатерина II и Густавъ III.** Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.
- Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета.** Я. Гро-
 та. Спб. 1877: 30 коп.
- Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I.** М. Сухомлинова. Спб.
 1877: 45 коп.
- Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происжде-
 ніе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора).** Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.
- Чешскія Глоссы въ Mater Verborum.** Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя
 замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.

*) Отдѣльно уже не вытѣтся; но заключается въ томъ XI Сборника Отдѣленія.

XIII Слово Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библиотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.

Русская историческая библиографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к.

Древніе памятники русскаго писма и языка. (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Трудъ И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. Спб. 1882. 2 рубля.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ приѣчаниями и приложениями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота, съ приложениемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель. 1888 г.

Непреѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ПОЭЗИИ ЖУКОВСКАГО ¹.

Академика Я. К. Грота.

Въ современную жизнь нашу, матеріальную и тревожную, неожиданно является духовно-ясный и спокойный образъ идеальнаго поэта. Невольно спрашиваешь себя: способны ли мы, погрязшіе въ эгоистическихъ интересахъ настоящаго, вполне понять и оцѣнить это свѣтлое явленіе? Попытаемся на нѣсколько минутъ отрѣшиться отъ своихъ заботъ и стремленій, чтобы привѣтливо встрѣтить дорогого пришельца изъ другой, чуждой намъ среды, и отнестись къ нему съ любовью, съ полною готовностью принять тѣ духовныя сокровища, которыя онъ несетъ намъ въ своемъ чарующемъ словѣ, въ своей назидательной жизни.

Съ перваго взгляда чествованіе памяти замѣчательныхъ людей представляетъ характеръ чего-то случайнаго, насильственно вторгающагося въ нашу вседневную жизнь и нарушающаго правильный ходъ ея. Но, съ другой стороны, это невольное отвлеченіе нашихъ мыслей отъ обычной прозы дѣлъ и занятій, это обязательное обращеніе къ тому, что временемъ отброшено далеко отъ насъ, чрезвычайно благотворно: оно даетъ намъ возможность взглянуть съ новой точки зрѣнія на наше настоящее и на самихъ себя, провѣрить наши собственныя помышленія, желанія и дѣйствія.

Юбилейныя рѣчи подвергаются обыкновенно двойному упреку. Критика любитъ замѣчать, во-первыхъ, что ораторъ не сказалъ

¹ См. Примѣчанія, приложенныя къ статьѣ въ концѣ ея.

ничего новаго; но вѣдь понятіе о новомъ и старомъ въ высшей степени относительное: то, что извѣстно и старо для одного, можетъ быть ново и любопытно для другого; къ тому же и цѣль чествованія состоитъ не въ томъ, чтобы сказать о дѣятелѣ много новаго, а чтобы возстановить истинный образъ его, оказать справедливость достойному, напомнить о его заслугахъ въ назиданіе потомству. Другой упрекъ заключается въ томъ, что юбилейныя рѣчи обращаются въ похвальные слова. На это можно замѣтить, что такой характеръ этихъ рѣчей естественно проистекаетъ изъ самой идеи чествованія. Странно было бы, при общественномъ памятованіи человѣка, рѣзко выставлять его недостатки и помрачать ими картину его дѣятельности. Впрочемъ, безпристрастная оцѣнка не исключаетъ и указанія слабыхъ сторонъ чествуемаго: онѣ не могутъ затмить несомнѣнныхъ заслугъ его.

Въ ряду первостепенныхъ писателей нашихъ есть двое, которые отличаются особенно высокимъ нравственнымъ достоинствомъ: это Карамзинъ и Жуковский. Ихъ имена дороги для исторіи не одной литературы. Оба они были обязаны авторскому таланту достигнутымъ ими высокимъ положеніемъ и вліяніемъ: Карамзинъ, какъ другъ и совѣтникъ своего государя, Жуковский какъ наставникъ будущаго императора и нѣсколькихъ членовъ царскаго семейства².

Давно сказано, что для пониманія поэта нужно побывать въ его отечествѣ. Это справедливо и въ отношеніи къ Жуковскому, несмотря на то, что большую часть его трудовъ составляютъ переводы; даже и въ нихъ, особенно же въ его оригинальныхъ, хотя и не многочисленныхъ произведеніяхъ, часто отражается то, что съ дѣтства окружало его на родинѣ. Но къ нему еще болѣе примѣнима другая неоспоримая истина — что для объясненія трудовъ писателя необходимо изучитъ его жизнь.

Нѣтъ, можетъ-быть, ни одного поэта, у котораго вдохновеніе и художественная дѣятельность были бы въ болѣе тѣсной связи съ жизнью, чѣмъ у Жуковскаго. Говоря о своей молодости, онъ самъ въ одномъ стихотвореніи сказалъ:

«И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно...»

Эта связь никогда не прекращалась и впоследствии.

Вотъ почему для характеристики, хотя въ главныхъ чертахъ, поэзіи Жуковскаго, мы должны бросить взглядъ на обстоятельства его жизни; а приступая къ тому, нельзя не вспомнить съ благодарностью тѣхъ лицъ, которыя трудами своими доставили наиболѣе средствъ къ полному изученію той и другой, именно двухъ друзей поэта: нашего покойнаго товарища П. А. Плетнева и доктора Зейдлица, какъ біографовъ Жуковскаго, и почтеннаго бібліографа нашего, П. А. Ефремова, какъ издателя полнаго собранія его сочиненія³.

Первоначальное духовное развитіе Жуковскаго происходило подъ вліяніемъ особеннаго положенія его въ семьѣ Буниныхъ, среди которой онъ явился на свѣтъ въ селѣ Мишенскомъ (въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева). Одаренный пылкою, впечатлительною душою, съ живымъ воображеніемъ, съ сильною склонностью къ задумчивой мечтательности, которую привлекало все таинственное, онъ росъ посреди картинъ сельской природы и особенностей кореннаго русскаго быта. Съ нѣжною заботливостью занимались имъ двѣ дочери Бунина, которыя, будучи гораздо старше мальчика, не могли не приобрести большаго значенія въ его первоначальномъ воспитаніи. Одна изъ нихъ была Варвара Афанасьевна, впоследствии по мужу Юшкова, другая Катерина Афанасьевна, въ замужствѣ Протасова. Последнюю онъ, по разности лѣтъ, привыкъ называть то тетужкой, то маменькой. Позднѣе, ихъ молоденькія дочери сдѣлались ученицами Жуковскаго, полюбили идеальнаго юношу и приобрѣли въ жизни его другого рода значеніе. Все окружавшее его въ дѣтствѣ способствовало къ развитію въ немъ литературнаго направленія и страсти къ авторству, сначала въ семействѣ Юшковой, въ Тулѣ, гдѣ онъ получилъ первое воспитаніе внѣ дома, а потомъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ уже на школьныхъ скамьяхъ, съ Жуковскимъ во главѣ, образовалось малень-

кое литературное общество, труды котораго печатались въ особомъ журналѣ «Утренняя Заря». Московскій Благородный пансіонъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, сдѣлался прототипомъ будущаго царскосельскаго лицея, гдѣ Пушкинъ между своими товарищами занялъ почти такое же мѣсто, какое нѣкогда занималъ Жуковскій въ московскомъ пансіонѣ. Но въ то время онъ былъ еще только подражателемъ Ломоносова и Державина; по выходѣ же изъ заведенія, онъ сталъ переходить къ болѣе легкимъ формамъ поэзіи и, увлекаясь примѣромъ Дмитриева, долго переводилъ большею частію басни Лафонтена и Флоріана. Но и тогда уже у него въ элегическихъ стихотвореніяхъ началъ преобладать необыкновенная въ такомъ возрастѣ меланхолія, находившая себѣ пищу въ мысляхъ о непрочности всего земного, о неизбѣжности смерти и могилы. Самымъ удачнымъ опытомъ его въ этомъ родѣ, еще въ 1802 году, явился переводъ *Сельскаго Кладбища* англійскаго поэта Грея, обратившій на него вниманіе Карамзина и положившій начало его извѣстности.

Здѣсь въ первый разъ поразительнымъ образомъ обнаружилась необычайная способность Жуковскаго до такой степени усваивать себѣ настроеніе иностраннаго поэта, что переводъ получаетъ достоинство оригинальнаго произведенія. Въ наше время о Жуковскомъ иногда говорили съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, потому что онъ былъ большею частью только переводчикомъ; но быть такимъ переводчикомъ, какимъ былъ Жуковскій, не удавалось еще никому ни въ нашей, ни въ другихъ литературахъ. Притомъ Жуковскій всегда избиралъ для перевода только то, что отвѣчало его собственному поэтическому характеру и настроенію, такъ что между всѣми его переводами есть внутреннее родство, отражающее душу и жизнь самого переводчика.

Однакожь послѣ передачи имъ Греевой элегіи прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде нежели онъ угадалъ свое призваніе—быть для Русскихъ возсоздателемъ ново-европейской и преимущественно пово-германской поэзіи. Въ первый разъ обратился онъ къ Шиллеру въ 1807 году и перевелъ изъ его «Валленштейна»

пѣсню: «Тоска по миломъ», которая потомъ была положена на музыку и долго пѣлась съ увлеченіемъ по всей Россіи. Вскорѣ послѣ того явилась баллада *Людмила*, заимствованная изъ Бюргера, и затѣмъ уже идетъ цѣлый рядъ балладъ изъ Шиллера, которому нашъ поэтъ сначала предпочиталъ Бюргера.

Эти переводы его были въ связи съ уроками иностранныхъ языковъ, которые онъ давалъ своимъ молодымъ племянницамъ. Прослуживъ года два въ Москвѣ, въ Главной соляной конторѣ, Жуковскій вернулся въ деревню, и къ этому-то времени относятся названные переводы его, а въ 1808 году онъ снова переселился въ Москву, чтобы заняться изданіемъ «Вѣстника Европы». Въ короткое время ему удалось возстановить значеніе этого журнала, упавшее съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ передалъ его въ другія руки. Но званіе журналиста вовсе не согласовалось съ характеромъ и духовными потребностями поэта: срочная работа такъ тяготила его, что онъ еще до истеченія двухъ лѣтъ передалъ главное завѣдываніе журналомъ прежнему издателю его, профессору Каченовскому, а потомъ и вовсе отказался отъ участія въ изданіи.

Возвратясь опять въ сельское уединеніе, Жуковскій рѣшился дѣлать свое время между уроками своимъ племянницамъ и занятіями для пополненія собственнаго своего образованія. Его журнальная и литературная дѣятельность открыла ему глаза на недостаточность прибрѣтенныхъ въ пансіонѣ познаній. Съ нимъ произошло то же, что и теперь еще у насъ часто повторяется: по вступленіи въ жизнь молодой человекъ чувствуетъ, что онъ слишкомъ мало вынесъ изъ школы, и онъ начинаетъ снова учиться. Въ Жуковскомъ мы видимъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ самообразованія: ибо какъ всѣ послѣдующіе труды его, такъ и переписка съ друзьями показываютъ, какія обширныя свѣдѣнія онъ успѣлъ прибрѣсти самостоятельнымъ трудомъ и чтеніемъ. Изъ одного письма 1810 года къ его другу и школьному товарищу, А. И. Тургеневу, мы узнаемъ, какой планъ занятій составилъ себѣ будущій наставникъ цар-

ственнаго отрока. Сознавая себя совершеннымъ невѣждой въ исторіи, онъ собирается серьёзно изучить сперва всеобщую, «какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ», а потомъ русскую и языки латинскій и греческій ⁴. Обстоятельства не позволили ему однакожъ въ точности выполнить этотъ планъ: греческій языкъ остался ему навсегда неизвѣстенъ. Русскою исторіею дорожилъ онъ особенно, и тѣмъ болѣе, что уже теперь онъ задумалъ поэму «Владиміръ», которая потомъ нѣсколько лѣтъ занимала его и для которой онъ впоследствии намѣревался даже предпринять путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что взглядъ на важность изученія русской исторіи, какъ богатаго источника художественныхъ созданій, остался у него до конца, и онъ не разъ указывалъ на нее въ этомъ смыслѣ молодымъ литераторамъ ⁵.

Письмо къ Тургеневу позволяетъ намъ также проникнуть въ тогдашнее состояніе сердца нашего поэта: онъ жалѣеть о потерянныхъ годахъ и явно сознаетъ причину прежней своей недѣятельности, говоря: «Если романтическая любовь можетъ спасти душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ». Лѣкарствомъ противъ этого душевнаго недуга онъ предназначаетъ себѣ трудъ, постоянный, неутомимый. И дѣйствительно, трудъ сдѣлался съ этихъ поръ спасительнымъ прибежищемъ поэта, но только не въ томъ суровомъ видѣ, въ какомъ онъ его представлялъ себѣ, а въ видѣ поэтическаго творчества, и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ того самаго сердечнаго недуга, отъ котораго онъ въ дѣятельности искалъ исцѣленія. Въ томъ же письмѣ онъ выражаетъ намѣреніе заниматься поэзіею только мимоходомъ: «Чтобы не раззнакомиться съ музами, буду дѣлать минутные набѣги на парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ храму славы... Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ, или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя на-

дѣяться достигнуть до перваго». Однако онъ немного ошибся въ своихъ предположеніяхъ: то, что онъ въ своей жизни предполагалъ второстепеннымъ, сдѣлалось главнымъ и дало ему мѣсто не близь храма славы, а въ самомъ храмѣ. Любовь сдѣлалась на всю жизнь вдохновительницею его музы. Но кто же была виновница этого сердечнаго недуга? Это была его племянница, бывшая десятию годами моложе его, Марья Андреевна Протасова. Страсть, овладѣвшая всѣмъ его существомъ, окрыляла его талантъ, и въ то же время внушала ему самыя возвышенныя чувства, ограждала его отъ всякихъ низкихъ побужденій и поступковъ....

Здѣсь насъ поражаетъ противоположность путей, по которымъ шло развитіе двухъ главныхъ представителей русской поэзіи, Жуковскаго и Пушкина: талантъ Пушкина созрѣвалъ посреди самыхъ пылкихъ увлеченій и порывовъ молодости. За то, конечно, и въ результатѣ оба писателя представляютъ весьма различныя явленія: одинъ, сдѣлавшись народнымъ поэтомъ, былъ подобенъ горному потоку, который пробиваетъ себѣ путь сквозь утесы и скалы и мчится съ неудержимою силою, ничему не подчиняясь; другой — поэтъ-космополитъ — можетъ быть приравненъ широкой спокойной рѣкѣ, отражающей въ своемъ прозрачномъ лонѣ разнообразныя берега, мимо которыхъ протекаетъ. Жуковскій можетъ служить какъ-бы доказательствомъ простора русскаго духа, способнаго воспринять и усвоить себѣ духовныя особенности всѣхъ другихъ народовъ. Впрочемъ, несправедливо было бы отрицать въ Жуковскомъ всякое отраженіе народнаго духа: оно явно въ его *Светланѣ*, въ его поэмѣ *Двенадцать спящихъ дней*, въ его *сказкахъ*.

Въ стихотвореніяхъ Жуковскаго за послѣдующіе годы, между прочимъ въ частыхъ посланіяхъ его къ друзьямъ, безпреставно выражается то благородное настроеніе, которое онъ почерпалъ въ тогдашнихъ своихъ отношеніяхъ и занятіяхъ; его убѣжденіе въ томъ, что мысль о любимомъ предметѣ — лучшей охранитель чистоты сердца, что трудъ составляетъ высшее наслажденіе, что онъ самъ себѣ высшая награда. Эта мысль въ раз-

ныхъ формахъ часто повторяется имъ до самаго конца его жизни. Въ посланіи къ Вяземскому и В. Л. Пушкину, въ 1814 году, онъ между прочимъ говоритъ:

«Хвала воспламеняетъ жаръ,
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастья животворитель!
Что предъ тобою ничтожный судъ
Толпы — въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной и разногласной?»

Тутъ же поэтъ ссылается на судъ и примѣръ Карамзина, литературные взгляды котораго вообще сдѣлались закономъ для цѣлой школы писателей, гордившихся названіемъ его послѣдователей: не искать легкаго успѣха въ одобреніи мало смыслящей толпы, дорожить только сочувствіемъ не многихъ, но просвѣщенныхъ судей, не унижать своего достоинства ни дѣломъ, ни словомъ, — таковы были правила, которымъ слѣдовали приверженцы Карамзина еще до образованія арзамасскаго общества, которыя ранѣе всѣхъ наслѣдовалъ отъ него Жуковский, которыя позднѣе принялъ и Пушкинъ. Эти благородныя традиціи одушевляли еще и послѣдующее поколѣніе лучшихъ изъ русскихъ писателей. Пушкинъ хотѣлъ поддержать эти самыя традиціи, когда задумалъ основать *Современникъ* оплотомъ отъ *Библиотеки для чтенія* и *Съверной Пчелы*, угрожавшихъ гибелью этимъ благороднымъ началамъ.

Посланіе къ Батюшкову, писанное въ 1812 году, исполнено самой высокой философіи: поэтъ тутъ изображаетъ между прочимъ отраду и благотворное вліяніе истинной дружбы и чистой любви, значеніе для совершенствованія юности того существа, для котораго въ сердцѣ его нѣтъ другого названія, кромѣ *она*:

«*Она* — въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя...⁶»

Мы уже знаемъ, что для самого Жуковскаго такимъ существомъ была старшая изъ сестеръ Протасовыхъ, вполне раздѣлявшая его чувства; въ его собственныхъ замѣткахъ мы находимъ сердечную исповѣдь съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ пламенныхъ надеждъ, которыя онъ питалъ; но въ 1812 году эти надежды внезапно рушились, когда онъ рѣшился просить руки своей очаровательной Маши и получилъ отъ ея матери суровый отказъ съ указаніемъ на кровное между ними родство. Жуковский долженъ былъ покинуть имѣніе Протасовыхъ, Муратово, въ Орловской губерніи, и поступилъ въ московское ополченіе.

Съ этой минуты интересъ жизни и поэзіи Жуковскаго раздвояется: съ одной стороны начинаются для него блестящіе литературные успѣхи, которые скоро открываютъ ему новое высокое поприще дѣятельности. Съ другой стороны онъ носитъ въ сердцѣ своемъ неисцѣлимую рану, глубокую скорбь, которая отзывается на лирѣ его томными, унылыми звуками ⁷. Сначала ударъ, нанесенный ему отказомъ сестры, еще не вполне убиваетъ его надежды, но когда чрезъ нѣсколько лѣтъ благоразуміе побуждаетъ самый предметъ его любви навсегда отказаться отъ его руки и согласиться на бракъ съ профессоромъ Дерптскаго университета Мойеромъ, — тогда и Жуковский видитъ необходимость окончательно примириться съ своею участью; сердечная невзгода вызываетъ его на самую великодушную жертву, какая возможна въ подобныхъ обстоятельствахъ: онъ рѣшается стать безкорыстнымъ другомъ, отцомъ той, съ которою судьба не позволила ему соединиться ⁸).

Жребій былъ брошенъ въ Дерптъ, куда передъ тѣмъ переселилась г-жа Протасова, выдавъ вторую дочь свою Александру Андреевну за А. Ѳ. Воейкова, назначеннаго профессоромъ русской словесности при тамошнемъ университетѣ. Это семейное событіе послужило поводомъ къ тому, что и Жуковский сталъ часто посѣщать Дерптъ и по временамъ жить тамъ довольно долго. Время не позволяетъ мнѣ остановиться на этомъ любопытномъ эпизодѣ жизни его. Упомяну только, что вдохно-

влявшая нашего поэта муза опять нашла себѣ сильную поддержку въ дѣйствительности: его связь съ Дерптомъ еще болѣе сроднила его съ нѣмецкой литературой и вызвала нѣсколько новыхъ произведеній, заимствованныхъ изъ его любимаго міра поэзій.

Всѣ предшествовавшія условія жизни Жуковскаго объясняютъ намъ тѣ основныя духовныя начала, которыми неизмѣнно во всю жизнь проникнуто его авторство: его неколебимую вѣру въ безсмертіе души, его убѣжденіе, что узы, соединявшія на землѣ два любящія другъ друга существа, не разрываются смертью одного изъ нихъ, но продолжаютъ и за гробомъ. Эти упованія прекрасно выражены имъ въ стихотвореніи *Теонъ и Эсхинъ* (1813 года), въ которомъ отразился итогъ всего міросозерцанія поэта. Возвратившемуся на родину Эсхину Теонъ говорить:

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то, въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одиночнмъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цѣла,
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушить могила.

. . . . .
Все небо намъ даю, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горестъ и радость — все къ цѣли одной:
Хвала Жизнедавцу-Зевесу!»

Стихъ: «Все въ жизни къ великому средство» заслуживаетъ особеннаго вниманія: самъ поэтъ его запомнилъ и впоследствии не разъ ссылался на него въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Дѣйствительно, слова эти оправдались въ собственной его жизни:

какъ въ послѣдствіи удаленіе Пушкина изъ столицы сдѣлалось для него источникомъ новыхъ плодотворныхъ впечатлѣній и художественныхъ созданій, такъ и Жуковскаго то, что казалось ему величайшимъ несчастіемъ, привело къ осуществленію высшихъ задачъ его жизни. Великая историческая эпоха, съ которою совпалъ расцвѣтъ его таланта, естественно настроила его лиру на патриотическій тонъ: еще въ 1806 году онъ написалъ «Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей». Теперь, поступивъ въ ополченіе за нѣсколько дней до бородинской битвы и бывъ въ арьергардѣ во время ея, онъ не могъ не воодушевиться всѣмъ, что видѣлъ, и вскорѣ «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» пронесъ по рядамъ цѣлой арміи и по всей Россіи, виѣсть со славою нашихъ героевъ, имя тридцатилѣтняго поэта. Послѣдствіемъ, котораго онъ и не думалъ искать, было приближеніе его ко двору; вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны вызвало его посланіе къ императору Александру и стихотвореніе «Пѣвецъ въ Кремль», внушенныя ему конечно не чѣмъ инымъ, какъ непритворными чувствами, оживлявшими въ эти славные годы всѣхъ Русскихъ. Въ концѣ 1817 года Жуковскому поручено было преподаваніе русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшейся супругою государева брата, а по вступленіи великаго князя Николая Павловича на престолъ, нашъ поэтъ назначенъ былъ наставникомъ Наслѣдника его.

Не о томъ мечталъ Жуковскій: «Желаю одной независимости, одной возможности писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ»,—вотъ что онъ передъ тѣмъ писалъ къ жившему въ столицѣ Тургеневу: «Что и гдѣ и когда писать — мнѣ на волю; я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ». И вдругъ такой нежданый оборотъ судьбы!.. Но Жуковскій понималъ всю великость и святость возложенныхъ на него обязанностей: онъ не колебался ни минуты въ рѣшеніи, которое долженъ былъ принять, и изъявилъ полную готовность привести свои планы въ жертву долгу передъ отечествомъ. Замѣтимъ однакожь, что, отказываясь отъ *стиховъ*, онъ не отказывался отъ *поэзии*, т. е.

и въ новомъ своемъ призваніи сознавалъ родную себѣ поэтическую стихію⁹⁾.

Казалось, начавшаяся для него съ 1818 года педагогическая дѣятельность совершенно удаляла его отъ прежняго, столь дорогаго ему поприща. Вышло напротивъ: знакомство великой княгини съ вѣмецкою литературой, ея любовь къ поэзій, ея тонкій вкусъ, ея рѣдкая любознательность и сочувствіе ко всему прекрасному послужили для счастливаго наставника ея новымъ, сильнымъ возбужденіемъ къ продолженію его поэтической дѣятельности по тому же пути, на которомъ онъ давно стоялъ. Можно даже сказать, что обученіе сдѣлалось взаимнымъ: безъ просвѣщенныхъ указаній и внушеній своей высокой ученицы Жуковскій не перевелъ бы многого, что составило лучшіе цвѣты въ вѣнкѣ его литературной славы. Такъ прежде помогали его творчеству и уроки молодымъ его племянницамъ. Къ личному вліянію великой княгини на его занятія присоединились заграничныя путешествія, которыя выпадали на его долю въ свѣтъ ея и такимъ образомъ давали ему возможность снова сближаться съ природой и пользоваться свободою для поэтическихъ созданій. Такими же путешествіями, вынуждаемыми состояніемъ его здоровья, прерывалась не разъ его дѣятельность по участию въ воспитаніи Наслѣдника, что также доставляло ему благотворный досугъ для обогащенія литературы новыми произведеніями. Его пребыванію за границей, въ разные годы этой эпохи, мы обязаны между прочимъ появленіемъ въ печати «Орлеанской Дѣвы», отрывковъ изъ «Лала Рукъ», «Шильонскаго узника» и «Ундины».

Въ настоящее время найдется, можетъ быть, не мало людей, которые спросятъ: «Дѣйствительно ли Жуковскій принесъ русской литературѣ пользу своими переводами, оказалъ ли онъ ими вліяніе на ея развитіе, и не лучше ли было бы, еслибъ онъ, вмѣсто переводовъ, посвятилъ свой талантъ самобытнымъ произведеніямъ?»

Послѣдній вопросъ нельзя не признать празднымъ, потому что хотя Жуковскій безъ сомнѣнія и обладалъ творческимъ та-

лантомъ, какъ видно изъ оригинальныхъ трудовъ его, но разсудать можно только о томъ, что дѣйствительно сдѣлано имъ. Относительно значенія Жуковскаго для русской литературы въ первой половинѣ нашего столѣтія мы смѣло утверждаемъ, что оно было велико. Главная доля этого значенія принадлежала именно пересаженнымъ имъ на родную почву произведеніямъ нѣмецкой и англійской литературы. Уже одно то, что Жуковскій своими прекрасными стихотвореніями доставлялъ многочисленнымъ читателямъ высокое эстетическое наслажденіе, должно быть поставлено ему въ немалую заслугу. Такого изящнаго, музыкальнаго стиха, такого чистаго, правильнаго, образнаго и вмѣстѣ сжатаго, сильнаго языка еще не было слыхано въ русской литературѣ. И въ этихъ чудныхъ формахъ являлось богатое содержаніе, которое вполне отвѣчало духовнымъ потребностямъ и настроенію тогдашняго общества. Въ сущности, это идеальное стремленіе къ чему-то возвышенному, эта задумчивая мечтательность, эта глубокая вѣра въ таинственное, это патріотическое настроеніе, которыми звучала лира Жуковскаго, — вполне согласовались съ духомъ того времени; можно даже сказать, что Жуковскій, съ его энтузіазмомъ къ прекрасному, съ его страстью къ поэзіи и къ воспроизведенію иностранныхъ образцовъ ея, былъ создателемъ своей эпохи; но дѣло въ томъ, что у него эти общіе вкусы совпали съ необычайнымъ талантомъ, съ высокими свойствами собственной его природы, а потому и труды его, выливавшіеся изъ глубины души, проникнутые горячею искренностью, должны были носить печать превосходства и воздѣйствовать на облагороженіе общества, на усиленіе въ немъ челоуѣчности и расположенія ко всему прекрасному и идеальному.

Затѣмъ, поэтическій матеріалъ, заимствованный имъ изъ самыхъ образованныхъ литературъ, матеріалъ, и тамъ имѣвшій большое значеніе, переданный въ возможномъ совершенствѣ, не могъ не пріобрѣсти великой цѣнности для молодой русской литературы. Жуковскій перенесъ къ намъ цѣлый міръ новыхъ идей, ощущеній и образовъ; вліяніе ихъ на современниковъ конечно

нельзя измѣрить и опредѣлить съ математическою точностью, но оно не подлежитъ сомнѣнію. Миръ этотъ привыкли означать именемъ *романтическаго*, названіе неопредѣленное и далеко не покрывающее всего разнообразнаго содержанія заимствованій Жуковскаго изъ новой западно-европейской литературы, но понятное для всякаго, кто вникнетъ во внутренній характеръ переводовъ Жуковскаго, а съ этимъ характеромъ въ близкомъ родствѣ состоитъ и содержаніе оригинальныхъ его сочиненій.

Чтобы уяснить себѣ это, стоить сравнить поэзію его предшественниковъ съ тѣмъ, что онъ далъ своимъ соотечественникамъ. Изъ его современниковъ, до Пушкина, одинъ только Батюшковъ соперничалъ съ Жуковскимъ въ красотѣ формы, но вся внутренняя сторона его созданій принадлежитъ къ совершенно другой, можно сказать противоположной, сферѣ идей и образовъ. Не разъ уже было указываемо на Пушкина, какъ на живое доказательство значенія Жуковскаго для послѣдующаго поколѣнія поэтовъ. Дѣйствительно, надобно вспомнить, что когда Пушкинъ поступилъ въ царскосельскій лицей, были уже извѣстны нѣкоторыя изъ произведеній, прославившихъ Жуковскаго, другія появились во время пребыванія Пушкина въ лицей, такъ что уже ранніе опыты его возникали подъ влияніемъ вдохновеній пѣвца Людмилы, Свѣтланы и Громобоя.

Извѣстно, какъ Жуковскій самъ охарактеризовалъ въ старости свое прежнее значеніе въ русской литературѣ. Въ одномъ письмѣ къ Стурдзѣ онъ сказалъ о себѣ: «Во время оно — родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтической дядька чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ»¹⁰. Подъ романтизмомъ въ поэзіи Жуковскаго слѣдуетъ разумѣть не одни переводы его, но и то, что вообще составляетъ содержаніе его поэзіи, углубленіе въ самого себя, изображеніе внутренней своей жизни, своихъ душевныхъ помысловъ и стремленій, своихъ сердечныхъ страданій и надеждъ. Были у насъ и прежде и послѣ лирическіе поэты, но ни одинъ изъ нихъ не выразилъ въ такой полнотѣ именно этихъ сторонъ душевнаго міра. Даже и переводы

Жуковскаго, при всей своей вѣрности, носятъ отпечатокъ преобладающаго настроенія души его. Сквозь всѣ его труды различныхъ эпохъ, если исключить немногія шуточные стихотворенія, проходитъ одинъ общій характеръ поэзіи. Что же именно составляетъ этотъ характеръ? — Кажется, его можно выразить словами: восторженная мечтательность, сопровождаемая горячею любовью къ ближнему, непоколебимою вѣрою и глубокимъ сознаніемъ святости человѣческой жизни. «Жизнь есть святыня», сказалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и никогда не измѣняя этому взгляду ни дѣломъ, ни словомъ. Его поэзія была вѣрнымъ отраженіемъ его жизни, а жизнь была въ ладу съ поэзіей, и вездѣ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, онъ стремился къ осуществленію самаго высокаго идеала человѣка и гражданина. Къ нему нельзя примѣнять извѣстныхъ стиховъ Пушкина о поэтѣ, погруженномъ «въ заботахъ суетнаго свѣта», что

... «межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожѣй онъ»....

Ни одинъ поэтъ не придавалъ своему призванію такого высокаго смысла, какъ Жуковскій. Еще въ 1816 году онъ писалъ А. И. Тургеневу: «Поэзія часъ отъ часу становится для меня тѣмъ-то возвышеннымъ.. Не надобно думать, что она только забава воображенія: она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію ¹¹»....

До послѣднихъ дней своей жизни Жуковскій оставался поэтомъ. Хотя онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ и повторялъ, что пора перейти къ прозѣ, но еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ возвратился къ давно задуманной имъ поэмѣ «Вѣчный жидъ», и доказалъ ею, что поэтический талантъ не всегда ослабѣваетъ въ старости ¹². Князь Вяземскій, представившій собою другой примѣръ того же явленія, находилъ, что эта поэма выше

всего, что Жуковский когда-либо прежде писалъ. Хотя онъ остановился на второй пѣсни, однакожъ основная идея созданія видна уже и въ написанномъ: она состоитъ въ томъ, что любовь Господня неистощима, что она даже и величайшаго грѣшника путемъ страданій способна привести къ раскаянію, къ вѣрѣ и къ упованію. Въ концѣ второй пѣсни есть замѣчательныя строки о значеніи поэзіи. Вѣчный жидъ; Агасверъ, изображая свое одинокое положеніе во вселенной, говоритъ, что видимыя имъ чудеса природы отзываются въ его душѣ молитвою, а «съ нею

«Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія земная —
Сестра небесныя молитвы, голось
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова»...

Идеаль возможнаго на землѣ счастья Жуковский видѣлъ въ семейной жизни. Къ нему стремился онъ съ молодыхъ лѣтъ, но успѣлъ достигнуть осуществленія его только приближаясь къ 60-лѣтнему возрасту. Еще разъ судьба показала себя благосклонною къ его таланту, давъ ему возможность устроить на послѣднее десятилѣтіе жизни тихое пристанище для умственнаго труда, вдали отъ шума свѣта, посреди живописной природы близъ береговъ Рейна.

Сдѣлавшись женихомъ молодой дѣвушки, бывшей почти втрое моложе его, онъ пожелалъ отдать жившимъ въ Россіи роднымъ своимъ подробный отчетъ въ своемъ сватовствѣ. Послушаемъ, какъ самъ онъ рисуетъ свой идеаль въ обширномъ письмѣ, посланномъ имъ въ Муратово¹⁸: «Я гонюсь за немногимъ; жизнь спокойная, посвященная труду, для котораго я былъ назначенъ и отъ котораго отвлекли обстоятельства; жизнь смиренная посреди домашняго круга, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, съ нѣкоторымъ весьма умѣреннымъ, если можно, избыткомъ, дѣятельность, болѣе обращенная на то, чтобы всему, что есть во мнѣ добраго,

дать большую твердость; чтобы все дурное или испорченное жизнь поправить или привести въ порядокъ, чтобы наконецъ рачестья, какъ должно, со всѣмъ здѣшнимъ, подвести подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь— вотъ идеалъ моего земного счастья, которое стало мнѣ гораздо возможнѣе теперь, нежели прежде. Для достиженія къ этому смиренному идеалу у меня теперь есть вѣрный товарищъ, и пустота, донныѣ окружавшая дорогу мою, вдругъ исчезла».

Но такова невѣрность человѣческаго счастья, что и этотъ скромный идеалъ далеко не вполне осуществился въ старости Жуковскаго. Спокойствію его мѣшали съ одной стороны революціонныя движенія въ южной Германіи, а съ другой болѣзненность молодой жены. Эти двойныя тревоги нѣсколько разъ заставляли его мѣнять мѣстопробываніе. Нельзя не удивляться кротости и христіанскому терпѣнію, съ какими онъ переносилъ эти испытанія, сохраняя всю прежнюю энергію своей дѣятельности—продолжая съ неистощимою любовію и юношескимъ жаромъ работать надъ задуманными трудами. Особенно занимала его доро, гая Одиссея, переводъ которой онъ считалъ важнѣйшимъ литературнымъ подвигомъ своей жизни; а рядомъ съ нею его увлекало изобрѣтеніе педагогическихъ приѣмовъ и особенно составленіе таблицъ для обученія своихъ малолѣтнихъ дѣтей. «Всего изумительнѣе», замѣчаетъ его біографъ Плетневъ, говоря объ этомъ времени, «была быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ и неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразнѣйшихъ»¹⁴.

Трогательною чертою послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго на чужбинѣ было его постоянное стремленіе возвратиться въ отечество; но изъ года въ годъ здоровье жены заставляло его отлагать исполненіе этого завѣтнаго желанія, а между тѣмъ друзья звали его въ Петербургъ, на празднованіе пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, которое наконецъ и совершилось въ его отсутствіи. Въ одну изъ такихъ-то минутъ тоски по отчизнѣ и чувства одиночества онъ задумалъ своего «Царско-

сельскаго Лебеда», стихотвореніе, звучащее какимъ-то торжественно-заунывнымъ тономъ и сдѣлавшееся его собственною лебединою пѣснью. Не себя ли самого разумѣлъ онъ, говоря:

«Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
 Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
 Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
 Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
 Жизни переживши, сѣтуя глубоко,
 Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
 Сумрачный пустынный, изъ уединенья
 Ты на молодое смотришь поколѣнье,
 Грустными очами; прежняго единый,
 Брошенный обломокъ — въ новый лебединый
 Свѣтъ, на пиръ веселый гость неприглашенный,
 Ты вступишь дичишься въ кругъ неблагоклонный
 Рѣзвой молодежи»...

Стихотвореніе кончается описаніемъ смерти лебеда:

«Лебедь благородный днѣй Екатерины
 Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый,
 А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
 И крылами сильно дряхлыми взмахнувши, —
 Къ небу, какъ во время оное бывало,
 Онъ съ земли рванулся... и его не стало
 Въ высотѣ, и навзничъ съ высоты упалъ онъ,
 И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
 Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
 Въ небеса впередъ взоръ ужъ не горящій».

Мы проводили нашего поэта въ бѣгломъ очеркѣ отъ колыбели до могилы. Мы вовсе не касались педагогической его дѣятельности; она составитъ сегодня же предметъ особаго чтенія. Позволю себѣ только повторить о ней замѣчаніе одного изъ биографовъ Жуковскаго: «онъ былъ нравственнымъ орудіемъ рус-

ской исторіи»¹⁾). Мы говорили, что онъ задачею поэта считалъ воспитаніе народа. Какъ человѣку, ему ввѣрено было воспитаніе будущаго Государя. Какъ выполнилъ онъ эту задачу — рѣшить потомство; но одно несомнѣнно: это — глубокое нравственное вліяніе, которое онъ не могъ не распространять на все, что его окружало: если онъ, какъ писатель, дѣйствовалъ на литературу и общество, то нельзя не сказать, что его вліяніе, какъ дѣятеля въ царской учебной комнатѣ, отозвалось на цѣломъ двадцатипятилѣтіи въ жизни Русскаго народа.

---

¹⁾ Seidlitz. Ein russisches Dichterleben. Стр. 142.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Этотъ очеркъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, былъ прочитанъ Я. К. Гротомъ въ публичномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности 30 января 1883 года, въ воскресенье, по случаю празднованія столѣтія со дня рожденія Жуковскаго. О предшествовавшихъ тому обстоятельствахъ упомянуто въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ, напечатанныхъ въ томѣ XXXI *Сборника Отдѣленія* (стр. iv).

Это собраніе почтили своимъ присутствіемъ: Его Императорское Высочество великій князь Владиміръ Александровичъ, президентъ Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, многіе другіе министры и почетныя лица какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства, многіе представители ученаго и литературнаго міра, а также нѣкоторые члены другихъ двухъ Отдѣленій Академіи Наукъ. Въ числѣ присутствовавшихъ было и много дамъ. На эстрадѣ, украшенной роскошною зеленью и живыми цвѣтами, возвышался за каедрой бюстъ Жуковскаго.

По открытіи засѣданія, академикъ Я. К. Гротъ заявилъ, что вслѣдствіе ходатайства президента Академіи министръ финансовъ испросилъ всемилостивѣйшее соизволеніе на ассигнованіе въ распоряженіе Академіи 1.000 р. для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о В. А. Жуковскомъ *).

*) См. *Сборникъ Отдѣленія р. яз. и слов.*, т. XXXI, стр. iv — v. Перепечатываемъ здѣсь правила присужденія этой преміи, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія:

1. Содержаніе сочиненій о Жуковскомъ можетъ быть троякаго рода:
а) обстоятельное критическое разсмотрѣніе произведеній Жуковскаго въ связѣ

Затѣмъ Я. К. Гротъ прочелъ полученную передъ самымъ засѣданіемъ телеграмму Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Іосифовны: «Свидѣтельница глубокаго уваженія двухъ незабвенныхъ Государей къ В. А. Жуковскому, съ благодарною памятью присоединяюсь къ чествованію столѣтія рожденія славнаго поэта — достойнаго воспитателя великаго Царя Освободителя и безгранично преданнаго слуги Россіи и ея Государей».

Городской голова И. И. Глазуновъ, прибывшій съ депутаціею думы (Л. Я. Яковлевъ, П. В. Жуковский, А. А. Краевскій, М. М. Стасюлевичъ, М. И. Семеvскій и Г. В. Лермонтовъ), прочелъ слѣдующее постановленіе думы: «1) Просить г. городского голову, его товарища Л. Я. Яковлева и 5-хъ гласныхъ явиться въ качествѣ представителей отъ общества управленія столицы на богослуженіе, на актъ и на торжественный спектакль въ память В. А. Жуковскаго. 2) Возложить отъ города Петербурга два вѣнка: одинъ на могилу В. А. Жуковскаго, а другой на его бюстъ въ Академіи Наукъ. 3) Открыть къ предстоящему учебному году два новыя городскія училища имени В. А. Жуковскаго и въ этихъ училищахъ поставить его портретъ, и 4) Поставить бюстъ В. А. Жуковскаго, присоединивъ къ общей издержкѣ на это пожертвованную профессоромъ К. К. Зейдлицемъ сумму».

По возложеніи И. И. Глазуновымъ вѣнка на бюстъ поэта академикъ Гротъ прочелъ рѣчь о жизни и поэзіи Жуковскаго.

съ его жизнію; б) полное разсмотрѣніе, какъ въ литературномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи, какого-нибудь отдѣла переводовъ Жуковскаго въ связи съ подлинниками (наприм. его заимствованій изъ Шиллера или изъ древне-классическаго міра); в) полное разсмотрѣніе трудовъ Жуковскаго со стороны языка и слога.

2. Сочиненія представляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ рукописи или въ печати.

3. Премія присуждается Отдѣленіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть къ участію въ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій пригласить и посторонныхъ литераторовъ.

4. Срокомъ конкурса для представленія сочиненій о Жуковскомъ назначается 1-е мая 1885 года.

Затѣмъ П. И. Вейнбергъ прочиталъ написанное имъ въ честь Жуковскаго стихотвореніе *).

Вступившій вслѣдъ за нимъ на кафедру профессоръ О. Ѡ. Миллеръ прочелъ два стихотворенія: М. П. Розенгейма и кн. Ухтомскаго и свою рѣчь о педагогической дѣятельности Жуковскаго **).

Послѣ того сперва А. Н. Майковымъ, а потомъ Я. П. Полонскимъ были прочитаны приготовленные ими къ этому дню стихотворенія ***).

Въ концѣ акта академикъ Гротъ, взойдя вновь на кафедру, заявилъ о желаніи представителей: Общества художниковъ, Пушкинскаго Кружка и Кружка с.-петербургскихъ преподавателей прочесть ихъ привѣтствія въ честь Жуковскаго. Вотъ эти адреса:

Отъ Общества художниковъ :

«Празднованіе столѣтняго юбилея дня рожденія поэта Василія Андреевича Жуковскаго, имя котораго внесено въ славный списокъ лицъ, составляющихъ честь, гордость и славу Россіи, не могло остаться безъ отзыва со стороны русскихъ художниковъ, по слѣдующимъ тремъ причинамъ: 1) Жуковскій съ ранняго возраста обнаружилъ свой талантъ способностью къ рисованію, которая не покидала его и послѣ; напротивъ, живя въ 1815 году въ Дерптѣ, онъ занимался въ мастерской профессора живописи Зенфа искусствомъ гравированія на мѣди, а впоследствии иллюстрировалъ свои стихотворенія; такъ напримѣръ, въ собраніи своихъ сочиненій 1849 года предъ «Пѣснью въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскій представилъ въ маленькой виньеткѣ своего Пѣвца, т. е. самого себя, безъ бороды, въ казачьей курткѣ, съ

*) Напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 1883, № 26.

**) Рѣчь эту см. въ газетѣ *Русь* 1883 г. № 4; стихи г. Розенгейма въ той же газетѣ № 5; а стихи кн. Ухтомскаго въ *Новомъ Времени* 3-го февраля № 2491.

***) Стихотвореніе г. Майкова напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* № 26 и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* № 1, а пьеса г. Полонскаго въ *Вѣстникѣ Европы* 1883 г. № 3.

лирой, стоящимъ передъ бородачами товарищами, расположившимися на землѣ около сторожевого огня. 2) Сочувствуя художникамъ, Василій Андреевичъ, сдѣлавшись въ 1808 году достойнымъ руководителемъ журнала «Вѣстникъ Европы», первый сталъ украшать свое изданіе статьями по исторіи изящныхъ искусствъ съ приложеніемъ гравюръ знаменитыхъ произведеній живописцевъ. Кромѣ того, положительно можно сказать, что Жуковскій, несмотря на свое высокое общественное положеніе, какъ поэтъ-художникъ былъ искреннимъ другомъ русскихъ художниковъ, и въ минуты неудачъ и тяжкихъ невзгодъ послѣднихъ являлся, безъ всякаго зова, къ нимъ на помощь; достаточно вспомнить его участіе къ Витбергу, первоначальному строителю храма Спасителя въ Москвѣ, и къ нашему извѣстному маринисту Айвазовскому, который свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своей автобіографіи, напечатанной на страницахъ «Русской Старины». 3) Наконецъ, будучи наставникомъ Наслѣдника престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, онъ старался руководить въ немъ любовью къ изящнымъ искусствамъ, и по всей вѣроятности, благодаря Жуковскому, въ альбомѣ, изданномъ Ваттемаромъ въ 1837 году извѣстнымъ всей Европѣ, явились два рисунка черкесовъ, нарисованныхъ 15-ти лѣтнимъ Цесаревичемъ. Затѣмъ, по инициативѣ наставника будущаго Царя-Освободителя, предоставлена была свобода поэту-художнику Тарасу Шевченко, для чего К. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, который былъ разыгранъ въ лотерею за 2.500 р., и этою цѣною Шевченко избавился отъ крѣпостной зависимости. Приведенные факты невольно вызываютъ чувство искренняго, задушевнаго выраженія самаго высокаго почтенія и глубокаго уваженія къ Жуковскому; почему русскіе художники, среди которыхъ находятся еще лично знавшіе его, сочли долгомъ настоящимъ адресомъ принести подобающую дань своего сочувствія къ памяти поэта».

Отъ Пушкинскаго Кружка :

«Память перваго учителя того Пушкина, именемъ котораго имѣетъ честь называться кружокъ ;

«Память задушевнаго поэта сладкихъ грезъ юности и благородныхъ стремленій къ гуманнымъ идеаламъ человѣчества ;

«Память незабвеннаго наставника нашего въ мировой поэзіи ;

«Память добраго заступника, наконецъ, и стоятеля за Пушкина и Гоголя въ трудныя минуты ихъ жизни, —

«Горячо привѣтствуетъ Пушкинскій Кружокъ, отъ души желая, чтобъ русскій геній находилъ себѣ достойную оцѣнку и признательность современниковъ и благодарнаго потомства».

Отъ Кружка преподавателей :

«Кружокъ петербургскихъ преподавателей русскаго языка и словесности, въ день юбилея В. А. Жуковскаго, не можетъ не высказать тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя всегда соединяются у нихъ съ именемъ дорогаго поэта. Ихъ призваніе — знакомить новыя поколѣнія съ тѣми высокими идеалами, на которые указывали даровитѣйшіе русскіе писатели. Въ поэзіи Жуковскаго много родственнаго съ общечеловѣческими идеалами геніальнаго Шиллера, и въ ней обильный источникъ для знакомства съ патріотизмомъ древняго Грека, въ ней обильный источникъ той воспитательной силы, которая долго и долго будетъ направлять наше юношество къ добру, истинѣ, — словомъ, ко всему тому прекрасному, что составляетъ высшій интересъ жизни и безъ чего нельзя стать достойнымъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ.

«Поэзія Жуковскаго даетъ учителю могучее средство вызвать въ юной душѣ ту вѣру въ идеалъ, съ которой каждый образованный гражданинъ долженъ выступить въ жизнь общественной дѣятельности.

«Жизнь Жуковскаго, столь часто являвшагося покровителемъ страждущихъ, представляетъ намъ такія черты, изъ которыхъ слагается образъ честнаго гражданина.

«*Педагогическая* дѣятельность Жуковскаго есть незабвенная заслуга предъ отечествомъ. Его воспитанникъ былъ на царскомъ престолѣ человѣколюбивѣйшимъ монархомъ. Давая такое воспитаніе, всецѣло направленное къ одной возвышенной цѣли, мы всегда доставимъ отечеству добрыхъ и дѣятельныхъ гражданъ, и такимъ добрымъ и дѣятельнымъ гражданиномъ былъ бы и Царь-Мученикъ, однако удѣломъ его былъ престолъ, и онъ еще шире воспользовался плодами воспитанія на пользу дорогой отчизны.

«Такимъ образомъ, и поэзія, и жизнь, и дѣятельность Жуковскаго даютъ намъ то, что нужно для педагога, чтобы стать на высоту своего призванія».

* *
*

Затѣмъ Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что отъ сына поэта, Павла Васильевича Жуковскаго, получено изъ Венеціи письмо, въ которомъ онъ выражаетъ глубокую скорбь о томъ, что болѣзнь не позволяетъ ему принять личнаго участія въ чествованіи памяти отца.

Прочитаны *телеграммы*:

1. Отъ Елизаветы Николаевны Карамзиной изъ Алупки (на имя П. Н. Батюшкова):

«Всѣмъ сердцемъ, полнымъ дорогихъ воспоминаній, принимаю участіе въ торжествѣ. Посылаю вамъ сто рублей на стипендію».

Видѣстъ съ этою телеграммой въ Академію доставленъ отъ имени семейства Карамзиныхъ роскошный вѣнокъ для помѣщенія передъ бюстомъ Жуковскаго.

На имя Отдѣленія русскаго языка и словесности и академика Грота:

2. Отъ директора каменецъ-подольской гимназіи Сторожева:

«Вѣренна я мнѣ каменецъ-подольская гимназія сегодня, по отслуженіи законоучителемъ панихиды по В. А. Жуковскомъ, чествовала память писателя изложеніемъ свѣдѣній о жизни его и значеніи покойнаго въ русской литературѣ и чтеніемъ учени-

нами произведеній поэта. Учащіе и учащіеся просятъ присоеди-
нить ихъ къ знаменательному торжеству».

3. Изъ Праги:

«Кружокъ любителей русскаго языка проситъ изъяснить чув-
ства уваженія къ памяти Василя Андреевича Жуковскаго, ве-
ликаго человѣка и поэта».

4. Изъ Гельсингфорса:

«Александровская и Маріинская русскія гимназіи просятъ, въ
лицѣ вашемъ, торжественное собраніе Академіи принять и ихъ
привѣтъ памяти великаго русскаго писателя и служителя правды
и добра».

5. Изъ Дерпта, отъ профессора Висковатаго:

«На могилахъ прошлаго торжествуя новую славу поэта, нѣмъ
мы русскій привѣтъ собравшимся во имя его».

6. Изъ Дерпта же, отъ друга и біографа Жуковскаго, 84-х-
лѣтняго доктора Карла Карловича Зейдлица:

«Милостивые государи. Позвольте и мнѣ изъ края, гдѣ по-
коится прахъ ангела-хранителя помышленийъ всей жизни Жуков-
скаго, гдѣ готовилъ онъ себѣ вѣчный пріютъ, — присоединить
голосъ къ выраженію общаго прославленія нашего поэта. Дай
Богъ, чтобы его поэтическія творенія, педагогическіе труды и
примѣръ патріотической жизни снова и снова свѣтили грядущимъ
поколѣніямъ яркимъ маякомъ сквозь туманъ и мракъ эгоизма и
соціальныхъ заблужденій».

Этимъ закончилось блестящее академическое торжество, оста-
вившее во всѣхъ присутствовавшихъ самое отрадное впечатлѣніе.
Возбужденное въ собраніи восторженное сочувствіе выражалось
послѣ каждаго чтенія продолжительными рукоплесканіями. Никогда
еще академическія торжества не привлекали такой многочисленной
публики: зала была до того переполнена, что число пригото-
вленныхъ креселъ и стульевъ оказалось, противъ ожиданія, недоста-
точнымъ. Въ сосѣдней съ заломъ комнатѣ была устроена выставка
портретовъ и бюстовъ Жуковскаго, нѣкоторыхъ изъ его руко-
писей, всѣхъ изданій его сочиненій, рисунковъ его собственной

работы и т. п. Выставка эта, состоявшаяся главнымъ образомъ по почину и стараніями Н. И. Стояновскаго, оставалась открытою еще цѣлую недѣлю послѣ празднованія памяти Жуковскаго

На другой день послѣ академическаго торжества получена была слѣдующая телеграмма изъ Люблинь (Лайбаха):

Literaturnoje obscestvo Matica Slovenska prisustsvujet duhom segodnjasjej toržestvennosti nezabvennago slavjanina i velikago poeta Žukovskago. Подписаль: Grasselli.

(Изъ *Правительственнаго Вѣстника*, № 26).

Чествованіе началось еще наканунѣ академическаго собранія, въ субботу 29-го января, заупокойною литургіей и панихидой въ Александро-Невской лаврѣ.

30-го же января устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ въ Большомъ театрѣ. Составъ вечера былъ слѣдующій: 1-е дѣйствіе и 2-я картина 3-го дѣйствія оперы: «Орлеанская дѣва» Чайковскаго; драматическая поэма «Камозансъ»; баллада «Свѣтлана» съ живыми картинами, во время представленія которыхъ самая баллада была прочитана г-жою Савинною; нѣсколько стихотвореній В. А. Жуковскаго, положенныхъ на музыку; апофеозъ (чтеніе стихотвореній Полонскаго и Вейнберга). Живая картина. Вѣнчаніе бюста поэта и стихи Пушкина къ портрету Жуковскаго, прочитанные А. А. Потѣхинымъ.

2. Карамзинъ имѣлъ болѣе случаевъ высказывать свои политическіе и общественные взгляды, во многомъ несогласные съ господствующими нынѣ понятіями, и это въ глазахъ нѣкоторыхъ повредило его славу, какъ гражданскаго дѣятеля. Спрашивается однакожь, могутъ ли строгіе порицатели такихъ убѣжденій его ручаться, что еслибъ они были его современниками, то сами думали бы иначе? Жуковский, какъ поэтъ и педагогъ, стоялъ далѣе отъ общественныхъ интересовъ подобнаго отгѣнка и не навлекъ на себя этого нареканія. Напротивъ, извѣстно, что онъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, прослылъ-было либераломъ за то, что от-

пустилъ на волю два семейства крѣпостныхъ, изъ которыхъ одно было прежде куплено на его имя книгопродавцемъ Поповымъ.

3. Трудъ Плетнева: «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго» напечатанъ въ *Живописномъ Сборникѣ* 1853 года и тогда же изданъ отдѣльною книгой (Спб., 188 стр.). Трудъ К. К. Зейдлица явился въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1869 г. (май, апрѣль и июнь, ч. СХLII и СХLIII), потомъ отдѣльно на нѣмецкомъ языкѣ (W. A. Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben. Mitau 1870, а въ слѣдующемъ году 2-мъ изданіемъ) и наконецъ отдѣльною же книгой на русскомъ языкѣ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго», Спб. 1883 г.»—Подъ редакцію П. А. Ефремова напечатано Глазуновымъ 7-е, самое полное до сихъ поръ, изданіе сочиненій и писемъ Жуковскаго въ 6-ти томахъ.

4. Вотъ болѣе полное извлеченіе изъ этого письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, напечатаннаго въ VI томѣ изданія г. Ефремова, стр. 388—392.

«Вся моя прошедшая жизнь покрыта туманомъ недѣятельности душевной... Причина тебѣ извѣстна... Ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня посланіе о дѣятельности, о благодѣтельности этого святаго генія, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое счастье... Я всегда говорю себѣ: настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный.

«Такъ, милый другъ, дѣятельность и предметъ ея, польза — вотъ что меня теперь одушевляетъ... Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій. Въ Вѣстникъ Европы буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана... Лучше поздно, нежели никогда... Трудъ, который былъ для меня прежде тяжель, становится для меня любезенъ часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь, что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ».

Интересно также то, что Жуковский въ этомъ письмѣ сообщаетъ о правильности своего образа жизни, оправдываясь въ томъ, что долго не писалъ къ своему другу: «Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть и часы для писемъ... Но я долженъ часто писать въ типографію. Два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру... отчего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; я въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ; въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ неосновательно...» Въ концѣ письма онъ опять возвращается къ этому предмету: «Мое посланіе (къ тебѣ) очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, если бы не былъ рабомъ моего нѣмецкаго порядка—и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволить ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобъ поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо дьяволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмила* и гораздо ея лучше. И этотъ дьяволъ посвященъ будетъ милой переписчицѣ (одной изъ племянницъ его Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, вполн. Воейкова), которая сама нѣкоторымъ образомъ, по своей обольстительности — дьяволъ» (VI, 393).

5. Здѣсь я говорю по собственнымъ своимъ воспоминаніямъ. Вскорѣ послѣ появленія въ *Современникъ* (январь 1838 г.) моего перевода «Мазепы» Байрона (который еще въ рукописи былъ прочитанъ Жуковскимъ), Василій Андреевичъ черезъ Плетнева попросилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ (части Зимняго дворца, гдѣ нынѣ императорскій музей). Я поднялся къ нему въ верхній этажъ этого высокаго зданія и засталъ его работающимъ, въ халатѣ, стоя передъ конторкой. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, похвалилъ мой переводъ, разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и между прочимъ совѣтовалъ изучать исторію Карамзина, какъ лучший источникъ истинной поэзіи. Потомъ онъ водилъ меня по своимъ ком-

натамъ и показывалъ на подоконникахъ множество картонокъ, въ которыхъ хранились автографы его сочиненій. Сбираясь ѣхать за границу въ свѣтъ Наслѣдника, онъ намѣренъ былъ въ Швецію познакомиться съ Тегнѣромъ и взять у меня рукопись уже почти оконченнаго мною перевода «Фритіофс-саги». Это свиданіе произвело на меня глубокое впечатлѣніе, и я тогда же написалъ сонетъ, котораго однакожь не только не поднесъ ему, но и никому до сихъ поръ не сообщалъ. Кстатѣ помѣщая его здѣсь, въ примѣчаніяхъ къ моей академической рѣчи:

Жуковскому.

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!
Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ мнѣ новомъ,
И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ,
И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

Благодарю! священъ мнѣ будетъ твой совѣтъ:
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ,
Наградн только въ немъ искать дамъ обѣтъ;
Отъ суетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.

Хвала судьбѣ: сбылись давнишнія мечты:
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ нѣжно, такъ уныло,

Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть; а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и геній красоты.

(1838).

Въ слѣдующемъ году Жуковскій оказалъ мнѣ важную услугу. Въ то время я еще служилъ въ Государственной канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученое поприще, и именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую кафедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковскій вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ

ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ Жуковскій помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ.

6. Въ посланіи къ Батюшкову такъ изображены цѣли, къ которымъ долженъ стремиться истинный поэтъ:

«Когда любовью страстной
 Лишь то боготворимъ,
 Что благо, что прекрасно;
 Когда отъ нашихъ лиръ
 Лютя жизни звуки,
 Чарующіе муки,
 Сердцамъ даючи миръ;
 Когда мы пѣснопѣнемъ
 Жаръ славы пламеннмъ
 Въ душѣ, леташей къ благу,
 Стезю къ убогихъ прагу
 Являемъ богачамъ,
 Не льстимъ земнымъ богамъ,
 И дочери стыдливой
 Заботливая мать
 Гармоніи игривой
 Сама велитъ внимать,—
 Тогда и дарованье
 Во благо намъ самимъ,
 И мы не посрамимъ
 Поэтовъ достоянья.
 О другъ! служенье музъ
 Должно быть ихъ достойно:
 Лишь съ добрымъ ихъ союзъ».

Въ концѣ Жуковскій рисуетъ тотъ идеалъ поэта, которому онъ хочетъ остаться вѣренъ во всю жизнь и которому дѣйствительно никогда не измѣнять:

«Что ждетъ его вдали,
 О томъ онъ забываетъ;
 Давно не довѣряетъ

Онъ счастью на земли.
 Но, другъ, куда бь судьбою
 Онъ ни былъ приведенъ,
 Всегда, вездѣ душою
 Онъ будетъ пригипленъ
 Лишь въ жизни непорочной:
 Таковъ къ друзьямъ заочно,
 Каковъ и на глазахъ—
 Для нихъ стихи кропаеть
 И быть таинъ желаетъ,
 Какимъ въ своихъ стихахъ
 Себя изображаетъ».

7. Изъ напечатанныхъ недавно писемъ Жуковского и отрывковъ изъ его дневника *) можно видѣть, какъ нѣжно онъ заботился о своей безцѣнной Машѣ, и въ какое невыразимое горе его повергъ отказъ ея матери. Онъ самъ рассказываетъ, какія надежды передъ тѣмъ его оживляли: «Я съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе быть его достойнымъ своею жизнію, въ благодарность за то счастье, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой живой надеждѣ. О! я въ эту минуту только чувствовалъ, что *можно быть счастливымъ въ этой жизни*. Другая мысль неслыханно меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ не одно неизяснимое счастье принадлежать ей, дѣлить съ нею жизнь и все; я видѣлъ тамъ самого себя совсѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ... Эта надежда нѣкогда увидѣть самого себя лучшимъ восхитительна. Мнѣ представляется, какъ будто сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда даетъ мнѣ ббольшую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастье было прочно и чисто!... О! теперь вѣра становится милѣйшею моею мыслью — вѣрить для меня теперь необходимо. Вѣра есть

*) Русская Старина 1833, январь, стр. 207.

то святое убѣжище, въ которое переношу счастье въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать, тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ».

8. Покидая Дерптъ по волѣ сестры своей, Жуковскій писалъ оставшейся тамъ Марѣ Андреевнѣ: «Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою» (Зейдлицъ, *Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго*, стр. 73).

9. Вскорѣ послѣ назначенія своего въ наставники великаго князя, Жуковскій писалъ къ своей племянницѣ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ: «Прощай навсегда поэзія съ римами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная часть жизни». (Плетневъ, *О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго*. Спб. 1853. Стр. 69). Педагогическая дѣятельность нашего поэта при дворѣ продолжалась ровно 10 лѣтъ, если считать ее съ опредѣленія его въ преподаватели къ великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ и доводить до путешествія по Европѣ съ августѣйшимъ сыномъ ея.

10. *Сочиненія Жуковскаго*, т. VI, стр. 541. При складѣ своего ума, при своей склонности къ чудесному и сверхъестественному, Жуковскій между прочимъ пристрастился къ средневѣковому міру, къ сказкамъ о рыцаряхъ и ихъ замкахъ, о духахъ и привидѣніяхъ. Это была одна изъ тѣхъ областей поэзіи, которая пришла въ наиболѣе по вкусу тогдашней русской молодежи. Явилось безчисленное множество подражателей этого направленія литературы. Даже въ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди упражнялись въ сочиненіи рыцарскихъ сказокъ такого рода, въ рисованіи къ нимъ картинокъ съ замками, луной и гробницами. Говорю опять по своимъ воспоминаніямъ: поступивъ, въ 1823 году,

въ царскосельскій лицейскій пансіонъ, я видѣлъ подобныя произведенія пера и кисти въ тетрадахъ моихъ товарищей. Однимъ изъ любимыхъ романсовъ, которые пѣлись тогда въ этомъ заведеніи, рядомъ съ «Черною шалью» Пушкина, было положенное на музыку стихотвореніе Жуковскаго: «Дубрава шумить».

Приведенныя изъ письма къ Стурдзѣ слова Жуковскаго являются тамъ въ слѣдующей обстановкѣ: «Единственною *отпущеною* наградою моего труда (т. е. перевода Одиссеи) будетъ сладостная мысль, что я (во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтической дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ поръ для нея запертого».

Это было сказано конечно подъ влияніемъ того увлеченія, съ какимъ онъ отдался изученію и воспроизведенію на родномъ языкѣ Гомера. Ему казалось, что важнѣйшимъ его литературнымъ подвигомъ и главною заслугою передъ потомствомъ будетъ этотъ трудъ его старости. Между тѣмъ нельзя не признать, что въ поэтической его дѣятельности переложенія произведеній нѣмецкой и англійской литературы, и по художественному достоинству ихъ, и по влиянію на современниковъ, стоятъ выше перевода Одиссеи. Какъ ни глубоко было поэтическое чутье Жуковскаго для постиженія духа и красотъ древне-классическаго эпоса сквозь германскую оболочку, хотя и обставленную всякими историческими и филологическими поясненіями, мы все-таки не можемъ относиться къ его переводу съ тѣмъ довѣріемъ, съ какимъ читаемъ переводъ, сдѣланный талантливымъ переводчикомъ прямо съ подлинника. Можно согласиться, что трудъ поэта-переводчика, хотя и незнакомаго съ языкомъ Гомера, выше другого, который былъ бы сдѣланъ знатокомъ-эллинистомъ, но безъ поэтическаго таланта; тѣмъ не менѣе, для полной вѣрности подлиннику, и талантъ не можетъ обойтись безъ знанія его языка. Своими переводами изъ Шиллера Жуковскій внесъ въ русскую литературу цѣлый новый міръ идей и созерцаній, которыя безъ его посредничества остались бы

чужды русскому обществу и которыя не могли не имѣть значенія для всей современной отечественной литературы. Въ недавно изданномъ трудѣ г. Цвѣтаева о балладахъ Шиллера *) показано, что въ нѣкоторыхъ строкахъ и цѣлыхъ куплетахъ Жуковский не совсѣмъ точно передавалъ смыслъ подлинника; но это частности, не имѣющія большой важности въ цѣломъ: для переводчика въ стихахъ бываютъ трудности непреодолимыя; онъ отвѣчаетъ за точность своего переложенія въ предѣлахъ возможнаго; удачный стихотворный переводъ, несмотря на отступленія въ подробностяхъ, все-таки вѣрнѣе передаетъ идею, характеръ и тонъ подлинника, нежели переводъ въ прозѣ, совершенно убивающій поэтическую прелесть, дающій одинъ остовъ вмѣсто дышащаго жизнью тѣла. Вотъ почему переводы Жуковского изъ новыхъ поэтовъ настолько близки къ совершенству, насколько это вообще возможно.

11. Передъ нами шесть томовъ убористой печати, въ которыхъ поэтъ осуществилъ это понятіе о своемъ высокомъ призваніи. Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ нашей литературы. Ужели на потомствѣ будетъ лежать упрекъ, что оно не познало одного изъ вѣщихъ сыновъ русскаго народа? Мы должны не только съ благодарностью свято хранить память о Жуковскомъ, но и съ любовью изучать его жизнь и поэзію, себѣ въ назиданіе, въ очищеніе собственной нашей жизни, нашихъ помысловъ, стремленій и дѣлъ.

12. За два дня передъ смертью, Жуковский, говоря со священникомъ Базаровымъ объ этой поэмѣ, между прочимъ сообщилъ ему, что Юстинъ Кернеръ беретъ переводъ ея въ стихахъ. Обѣщаніе это теперь исполнено: къ отпразднованному недавно юбилею въ Баденъ-Баденѣ явился прекрасный, очень близкій къ подлиннику переводъ: «*Ahasver, der ewige Jude. Dichtung von Jonkoffsky. Baden-Baden, 1883*». Обращаемъ на него вниманіе любителей нѣмецкой поэзіи.

*) См. воронежскія *Филологическія Записки* 1882, и отдѣльное изданіе этого труда.

13. Это письмо въ первый разъ появилось въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г., кн. III, а недавно перепечатано въ книгѣ г. Загарина: «Жуковскій и его произведенія».

14. Плетневъ, *О жизни и сочинснхъ Жуковскаго*, стр. 137.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXXII, № 2.

ПОЖАРЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

17 ДЕКАБРЯ 1837 ГОДА.

Записка В. А. ЖУКОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12)

1838.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1888 г.

Непримѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ПОЖАРЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

17-го декабря 1837 года.

Записка В. А. Жуковского.

Жители Петербурга съ печалію встрѣтили 1838-й годъ. Не пришла они, по старому обычаю, въ Зимній дворецъ, гдѣ донынѣ болѣе двадцати тысячъ гостей собирались на семейный праздникъ Царя своего, дабы поздравить его съ наступающимъ новымъ годомъ. Зимній дворецъ, величественное жилище Императоровъ русскихъ, великолѣпнѣйшее и почти самое древнее зданіе сѣверной столицы, не существуетъ. Смотри на сіи обгорѣлыя стѣны, въ коихъ за нѣсколько дней блистало такое великолѣпіе, кипѣла такая жизнь, и кои теперь такъ пусты и мрачны, ощущаешь въ душѣ невольное благоговѣніе; не знаешь чему дивиться, величію ли того, что погибло и что въ самыхъ развалинахъ своихъ является еще столь твердымъ; могуществу ли силы, которая такъ легко и такъ быстро уничтожила то, что казалось вѣчнымъ.

Такъ, въ зрѣлищѣ сихъ развалинъ есть что-то невыразимое: какъ будто глазами видишь судьбу земную во всѣхъ ея перемѣнахъ — изъ счастья въ бѣдствіе, изъ блеска во мракъ, изъ славы въ упадокъ. Какой-то чудный, всемірный образъ стоитъ передъ тобою и говоритъ тебѣ то, чего не выразить словомъ языкъ человѣческій.

Зимній дворець, какъ зданіе, какъ царское жилище, можетъ-быть, не имѣлъ подобнаго въ цѣлой Европѣ. Своею огромностію онъ соотвѣтствовалъ той обширной имперіи, которой силамъ служилъ средоточіемъ. Суровымъ величіемъ, своей архитектурою, изображалъ онъ могущественный народъ, столь недавно вступившій въ среду образованныхъ націй, но еще сохранившій свой первобытный, нѣкогда дикій образъ; а внутреннимъ своимъ великолѣпіемъ напоминалъ о той неисчерпаемой жизни, которая кипитъ во внутренности Россіи. Иноземець, посѣщавшій столицу Сѣвера, останавливался въ изумленіи передъ его громадою. Быть-можетъ, взыскательный вкусъ, разсматривая его по частямъ, могъ оскорбиться и нѣкоторою нестройностію ихъ состава, и пестротою обветшалыхъ украшеній, и мелкостію безчисленныхъ колоннъ, и множествомъ колоссальныхъ статуй, стоявшихъ на этой массѣ какъ гѣсъ на скалѣ огромной; но цѣлое зданіе представляло какую-то разительную, гигантскую стройность: при видѣ Зимняго дворца всегда вспоминалась поэтическая мысль того зодчаго, который изъ горы Аеоса хотѣлъ вытесать статую Александра.

Но если Зимній дворець изумлялъ иноземца какъ чудный памятникъ искусства, то для насъ русскихъ имѣлъ онъ совсѣмъ иное значеніе. Зимній дворець былъ для насъ представителемъ всего отечественнаго, русскаго, нашего. Для *всѣхъ* насъ *вмѣстѣ* онъ былъ то же, что для *каждаго* изъ насъ въ *особенности* домъ отеческій, гдѣ мы были молоды, откуда пустились въ жизнь, куда изъ всѣхъ угловъ земли, изъ всѣхъ тревогъ житейскихъ переносились душою, какъ будто въ пріютъ покоя. Кто изъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя помнить, не думалъ часто и съ одинакимъ, всѣмъ намъ общимъ чувствомъ, о томъ, что происходило въ этомъ царскомъ жилищѣ, и хотя каждый имѣлъ *свои особенныя* заботы, съ другими не раздѣляемыя, но эти *общія заботы* о царскомъ бытѣ, въ томъ мѣстѣ, съ которымъ мы всѣ, и близкіе и далекіе, изъ дѣтства такъ свыклись, было для всѣхъ насъ какою-то родственною связію, и теперь, при мысли, что Зимній

дворецъ нашъ не существуетъ, пробуждается въ душѣ что-то похожее на сиротство, и кажется, какъ будто насъ что-то разрознило.

Въ отношеніи историческомъ Зимній дворецъ былъ то же для новой нашей исторіи, что Кремль для нашей исторіи древней. Кремль говоритъ о живыхъ, младенческихъ и юношескихъ лѣтахъ Русскаго царства: смотря на стѣны его и башни, на Грановитую палату, на святые соборы, и слушая чудный голосъ колоколовъ, во всё времена одинаково съ нами слышанный и отцами и дѣдами, разгорячаешься воображеніемъ и чувствуешь себя такъ же разстроеннымъ какъ при мысли о собственныхъ политическихъ лѣтахъ молодости. Здѣсь вся поэзія нашей исторіи. Но видъ Зимняго дворца, который своею громадою (гдѣ великанское время минувшихъ такъ чудно сливалось съ строгою правильностію настоящаго) такъ могущественно, такъ одиноко возвышался посреди всѣхъ окружавшихъ его зданій, говорилъ менѣе воображенію нежели мысли. Здѣсь представлялась уже возмужавшая Россія, Россія сплоченная вѣками въ твердую, грубую массу, такую перешедшая въ руки Петра, имъ присвоенная Европѣ и со времени его до нашихъ, подъ рукою своихъ императоровъ, завоеваніями давшими ей все что ей нужно, достигнувшая крайнихъ предѣловъ своего матеріальнаго могущества. Здѣсь вся новѣйшая Россія въ блистательнѣйшіе дни европейской ея жизни.

Здѣсь самодержавіе, перешедшее отъ царей къ императорамъ, слившись съ законностію и уваженіемъ къ человѣчеству, преобразовалось изъ древняго безотчетнаго самовластія во власть благотворную, животворную, образовательную, на твердой неприкосновенности которой стоитъ бытіе Россіи, и внѣшняя сила ея и внутреннее ея благоденствіе. Отсюда истекли всѣ тѣ законы и тѣ политическія измѣненія, кои въ послѣднее восьмидесятилѣтіе возвеличили, образовали, утвердили Россію и приготовили для нея великое будущее.

Здѣсь жила Екатерина, первая вступившая въ стѣны двор-

ца, воздвигнутыя Елисаветою, но при ней еще не населенныя. Имя Екатерины и теперь глубоко отзывается въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Хотя уже почти всѣ соучастники ея царствованія сошли со сцены, но преданіе о ней живо: оно перешло къ намъ изъ первыхъ рукъ, во всей своей свѣжести, ибо каждый, чья жизнь началась въ ея царствованіе, кто ее видѣлъ, еще болѣе тотъ, кто имѣлъ счастье къ ней приближаться, и теперь говоритъ объ ней съ тѣмъ пламеннымъ вдохновеніемъ любви, съ которымъ нѣкогда говорила о ней вся Россія. Здѣсь произошли важнѣйшія явленія царственной жизни Екатерины, которая по искусству царствованія стоитъ на первой степени между всѣми государями славными въ исторіи: здѣсь начертала она свой Наказъ, и понынѣ служащій основаніемъ нашего гражданскаго порядка; отсюда устроила она свою обширную имперію, отсюда посылала своихъ полководцевъ на сѣверъ, западъ и югъ за побѣдою, завоеваніями или славою. Здѣсь на каждомъ шагѣ могли мы слѣдовать за государственною и частною ея жизнію; мы знали, гдѣ былъ ея кабинетъ, въ которомъ уединенные часы свои посвящала она глубокимъ размышленіямъ и всеобъемлющимъ трудамъ царицы, мы знали гдѣ являлась она во всемъ блескѣ самодержавной владычицы передъ собраніемъ представителей имперіи, между которыми блистали Потемкины, Румяновы, Суворовы, Вяземскіе, Панины и Безбородко; знали, гдѣ она съ царскаго трона принимала пословъ Европы и Востока, гдѣ совершались ея пышныя праздники, гдѣ были ея веселыя вечеринки, гдѣ она слушала вдохновенныя пѣсни своего Державина, гдѣ наконецъ отборный кругъ ея общества, изъ просвѣщеннѣйшихъ соотечественниковъ и иноземцевъ составленный, былъ услаждаемъ ея остроумною и въ самой легкости глубоко-мысленною бесѣдою.

Изъ Зимняго дворца Императоръ Павелъ послалъ Суворова испытать возмужавшую силу Россіи противъ возрастающаго могущества Франціи и начать за горами Альпійскими то, что впоследствии довершено подъ стѣнами Парижа.

Зимній дворецъ былъ свидѣтелемъ и свѣтлыхъ и темныхъ временъ Александра I. Здѣсь, вдохновенный Промыслемъ, уже предавшимъ во власть его жребій Европы, рѣшилъ Онъ судьбу своей имперіи великимъ русскимъ словомъ: *не положу оружія пока хотя единый врагъ останется на землѣ моей* и отдалъ Москву за Россію. Сюда возвратился онъ, совершивши чудную всемірную войну, благословенный свыше, увѣнчанный такою славою, какая ни одному изъ предшественниковъ его не доставалась, и въ этой славѣ смиренный передъ избравшимъ его Богомъ. Здѣсь видѣли мы его и въ страшную минуту испытанія, когда столица его, обхваченная наводненіемъ, трепетала и гибла. Въ эту роковую минуту явился онъ въ той красотѣ своей, по которой принадлежалъ онъ къ лучшимъ изъ всѣхъ украшавшихъ землю созданий. Изъ оконъ дворца смотрѣлъ онъ на разрушеніе, производимое волнами, и горько плакалъ, порываясь спасти погибающихъ и чувствуя всю ничтожность своей власти передъ бездушнымъ могуществомъ стихій. И всѣмъ намъ памятно, съ какою заботливостію, съ какимъ простодушнымъ, родственнымъ участіемъ являлся онъ повсюду, гдѣ только побывало несчастіе, особенно на развалинахъ хижинъ, дабы загладить слѣды раззоренія, возвратить утраченное ими, утѣшить горе о невозвратномъ. И въ народѣ, одаренномъ памятію сердца, живо преданіе о сихъ прекрасныхъ дняхъ Александра, быть можетъ лучшихъ въ жизни его не по блестящимъ дѣламъ царя, а по тайнымъ человѣческимъ чувствамъ, и если исторія, провозглашающая только славное міра сего, скажетъ о нихъ не громко, то есть другое, высшее судилище, предъ которымъ и тайныя страданія души также имѣютъ свое великолѣпіе и свою знаменитость.

Въ Зимнемъ дворцѣ проводила и кончила жизнь свою современница и соучастница всѣхъ царствованій, коихъ событіямъ онъ былъ свидѣтель: здѣсь жила Государыня Марія Федоровна, супругою Наслѣдника имперіи, Императрицею, матерью двухъ Императоровъ. Сначала вся ея дѣятельность сосредоточивалась въ тѣсномъ домашнемъ кругѣ: вмѣстѣ съ прекрасными сыновья-

ми и дочерями своими, сама (и до позднихъ лѣтъ) величественно прекрасная, она сначала была, такъ сказать, однимъ только отблескомъ великой Сѣверной Царицы, которая приводила въ неописанный восторгъ и Русскаго и чужеземца, когда, окруженная очарованіемъ исторической славы своей (придававшая лицу Ея характеръ чего-то не земнаго), являлась она передъ ними въ сопутствіи внуковъ и внучекъ, прелестныхъ и красотою и молодостию и тою надеждою, которая въ лицѣ ихъ такъ сладостно говорила сердцу. И въ этомъ же дворцѣ, когда не стало Екатерины Великой, увидѣли мы Императрицу Марію Ѳеодоровну матерью другаго семейства, — цѣлой Россіи. Приготовленная къ исполненію сихъ всеобъемлющихъ обязанностей строгимъ исполненіемъ должностей домашнихъ, она предалась имъ съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, и должность стала для нея религіею. Съ одной стороны принявши подъ свой покровъ сиротство, нищету, вдовство и болѣзнь, она сдѣлалась благотворительницею *настоящею*, съ другой, принявъ на себя заботы о женскомъ воспитаніи въ Россіи, она явилась Провидѣніемъ домашней жизни и нравовъ семейныхъ Русскаго народа и положила прочное основаніе *будущему* его благоденствію, коего источникъ есть нравственность женъ и просвѣщенная дѣятельность матерей семейства. И сколько разъ она сама, счастливая и достойная счастья мать, въ великолѣпной дворцовой церкви присутствовала на радостныхъ праздникахъ семейныхъ, то' подносила своихъ милыхъ младенцевъ къ св. причастію, то благословляла браки сыновей и дочерей своихъ то предстояла св. купели, держа на рукахъ своихъ внука или внуку. Наконецъ, въ томъ же Зимнемъ дворцѣ, гдѣ ни одинъ изъ ея современниковъ не провелъ столько лѣтъ какъ она, прекратилась и чистая жизнь ея. И памятна еще намъ та ночь, въ которую Императрица Марія Ѳеодоровна покинула землю: кто видѣлъ ее черезъ нѣсколько минутъ послѣ кончины, тотъ былъ пораженъ и глубоко растроганъ выраженіемъ ея лица, удивительно просвѣтлѣвшаго, какъ будто бы на немъ величіе земное вдругъ перешло въ величіе небесное.

Изъ дверей Зимняго дворца Императоръ Николай Павловичъ вышелъ на площадь, кипящую народомъ, въ первую и самую рѣшительную минуту своего царствованія, и эта минута какъ долгіе годы познакомила Россію съ новымъ ея Императоромъ и Европу съ достойнымъ преемникомъ Александра.

Намъ памятно, какое зрѣлище въ день сей представило собраніе чиновъ имперіи, соединившихся въ залахъ дворцовыхъ для молитвы за воцаряющагося Государя, памятны и мертвая тишина, тогда оцѣпявшая сіе блестящее многолюдство, и мрачность лицъ столь разительная при блескѣ одеждъ торжественныхъ, и шопотъ тревожныхъ вѣстей, и тяжкая безызвѣстность о Государѣ, который съ утра до приближенія ночи простоялъ въ виду бунтовщиковъ на ружейный выстрѣлъ отъ ихъ фронта, и общее движеніе всѣхъ, когда узнали, что Государь возвратился, что бунтъ уничтоженъ, и наконецъ всего памятна та минута, въ которую онъ къ намъ вышелъ, рука объ руку съ Императрицею, — онъ съ какимъ-то новымъ, никогда дотогѣ невиданнымъ на лицѣ его впечатлѣніемъ, она съ глубокою преданностію въ волю Промысла, съ смиренною возвышенностію надъ судьбою и съ удивительнымъ выраженіемъ всего, что въ этотъ день перешло черезъ ея душу, и между ими Наслѣдникъ, тогда еще младенецъ, ясный и беззаботный какъ надежда.

И въ этомъ же дворцѣ, гдѣ такимъ великимъ событіемъ ознаменовалось воцареніе Николая, прошли и первые двѣнадцать лѣтъ его царствованія, столь богатаго тяжкими испытаніями для Государя, но столь обильнаго дѣлами благотворными для народа. Здѣсь совершилось замышленное Петромъ, приготовленное Екатериною и тщетно предпринятое Александромъ: воздвигнуто стройное, всѣмъ доступное зданіе русскихъ законовъ и тѣмъ положено начало *законности*, безъ коей нѣтъ въ государствѣ вѣрнаго благоденствія. Наконецъ, въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, подъ кровомъ Зимняго дворца мы съ умиленіемъ видѣли то, что рѣдко встрѣчается и въ смиренномъ жилищѣ частнаго человѣка, счастливую домашнюю жизнь, величествен-

ный примѣръ всего нравственнаго для цѣлой имперіи. Нѣжнѣйшее согласіе супружеское, основанное на взаимномъ уваженіи другъ къ другу, заботливость отца и матери о дѣтяхъ, не скупающая никакими подробностями, ихъ ребяческая ласковость съ тѣми, кои еще во младенчествѣ, ихъ попечительная заботливость о тѣхъ, кои достигли отроческихъ лѣтъ и коихъ воспитаніе предъ глазами родителей совершается, ихъ довѣрчивое товарищество съ тѣми, кои уже вошли въ возрастъ; съ другой стороны нѣжная къ нимъ привязанность дѣтей, которымъ нигдѣ и ня съ кѣмъ такъ не бываетъ весело, такъ не бываетъ свободно какъ съ добрымъ отцомъ и милою матерью и самымъ царскимъ величіемъ, только усиливающимъ въ дѣтяхъ сердечное благоговѣніе — вотъ то прекрасное, чего были свидѣтелями эти стѣны, столь прежде пышныя, столь нынѣ печальныя. Какъ ни горестно видѣть въ развалинахъ тѣ величественныя чертоги, которые такъ блистали во дни торжественныя, но они скоро воздвигнутся снова и могутъ быть великолѣпнѣе прежнихъ; но то, что было освящено воспоминаніемъ лучшаго и драгоцѣннѣйшаго въ жизни, — убѣжища многихъ лѣтъ, изъ одного царскаго колѣна перешедшія къ другому, свидѣтели дѣтскихъ игръ, первыхъ уроковъ, семейныхъ праздниковъ, они исчезли невозвратно и никакому зодчему не построить ихъ по прежнему. Былъ въ Зимнемъ дворцѣ рядъ горницъ, черезъ которыя ежедневно проходилъ Государь Николай Павловичъ, начиная царственный день свой: въ однихъ колыбели окружены были дѣтскими игрушками; въ другихъ учебные предметы говорили о занятіяхъ болѣе строгихъ соответственно разнымъ возрастамъ; въ другихъ являлось уже все, что принадлежало разцвѣтшему юношеству, готовящемуся къ дѣятельности житейской. — И проходя чрезъ нихъ, счастливый отецъ встрѣчаемъ былъ голосами любви столь плѣнительными и въ радостномъ ребяческомъ крикѣ и въ сердечномъ привѣтѣ юношества. Изъ всѣхъ сихъ горницъ особенно драгоцѣнны по воспоминаніямъ, съ ними соединявшимся, тѣ, въ коихъ провелъ свою молодость Императоръ Александръ, которыя при немъ

перешли къ его младшимъ братьямъ и наконецъ при нынѣшнемъ Государѣ достались Цесаревичу. Изъ этого пріюта первыхъ лѣтъ, ознаменованныхъ такимъ беззаботнымъ счастьемъ, Наслѣдникъ Русской Имперіи пустился въ путь, указанный ему его Государемъ. Ни одному изъ предшественниковъ Императора Николая Павловича не даровалъ Богъ счастья показать такого милаго сына такой великой имперіи. Мысль высокая и вмѣстѣ трогательная, которую съ глубокою благодарностію къ Царю своему вполне поняла Россія. Она увидѣла въ этой поспѣшности Государя познакомить молодаго Наслѣдника съ его будущею имперіею всю нѣжную заботливость и отца о сынѣ и Государя о царствѣ. Она поняла, почему именно теперь, а не въ другое время, и почти всю огромную Россію въ немногіе мѣсяцы захотѣлъ показать Государь своему сыну. Если царю необходимо быть любимымъ отъ своего народа, то ему еще необходимѣе любить народъ свой. Но сіе пламя любви не всякой душѣ дается, и счастлива та, въ которой пробудится она рано. Такова была очевидно мысль Государя: Наслѣдникъ во всемъ цвѣтѣ молодости, съ душою, еще не тронутою никакою заботою житейскою, никакимъ болѣзненнымъ опытомъ, мѣшающимъ вѣрѣ въ челоѣчество, былъ отданъ имъ, такъ сказать, съ рукъ на руки Россіи, и она приняла его на руки съ неописанною любовію. Ни одинъ изъ русскихъ Государей не давалъ такого праздника своему царству; и все, отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ предѣловъ Польши до глубины Сибири, во всѣхъ областяхъ, орошаемыхъ великими нашими рѣками, Волгою, Камою, Иртышемъ, Днѣпромъ и Дономъ, оживотворилось одинакимъ чувствомъ, и это чувство не было ни любопытство, пробуждаемое въ толпѣ явленіемъ необычайнаго, ни робкое раболѣпство, ни своекорыстная надежда: это чувство было святая любовь Русскаго народа, глубокая религія, перешедшая къ нему по преданію отъ предковъ, религія, врѣзанная ему въ душу его судьбою, воспитанная въ немъ и свѣтлыми и темными временами его жизни, нѣчто такое чего никакая власть прозвести не можетъ, что есть

драгоценнѣйшее сокровище русскаго Самодержца, твердѣйшая опора самодержавія, на чемъ незыблемо стоитъ Россія. Такое чувство встрѣчало Наслѣдника, и онъ принялъ его на сердце свое въ такую пору жизни, когда всѣ впечатлѣнія неизгладимо въ насъ остаются. Въ зрѣлые годы свои онъ опять и не разъ увидитъ Россію, и увидитъ ее съ пользою инаго рода; но такой союзъ, какой заключенъ между ими нынѣ, заключается только въ свѣжія лѣта молодости, душою новою и жаждущею любить. И въ зрѣлые годы свои онъ не забудетъ, что Россія была его первою любовію и никогда не перестанутъ въ памяти его отзываться тѣ благословенія, съ которыми еще безъ всякой личной заслуги своей, а только потому, что онъ святыня, сынъ Государя, онъ былъ повсюду принятъ добрымъ, умнымъ, вѣрнымъ Русскимъ народомъ. Совершивъ благополучно сіе путешествіе, продолжавшееся болѣе семи мѣсяцевъ, Наслѣдникъ и Государь Императоръ, обзрѣвши со своей стороны западныя и южныя области отъ устьевъ Невы до подошвы Арарата, соединились со всѣмъ Императорскимъ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ пробыли нѣсколько недѣль, и наконецъ всѣ вмѣстѣ возвратились въ Петербургъ, гдѣ ожидало ихъ, повидимому, сладкое отдохновеніе подъ кровлею царственнаго Зимняго дворца. И вдругъ это могущественное зданіе, со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, исчезло въ нѣсколько часовъ какъ бѣдная хижина.

Хотя обстоятельства сего событія, ужаснуваго Петербургъ и горестнаго для цѣлой Россіи, уже описаны другими, но мы считаемъ не лишнимъ сообщить читателямъ то, что было и намъ рассказано очевидцами. Здѣсь всякая подробность драгоценна: мы даже не боимся повторить уже извѣстное, ибо желаемъ составить нѣчто цѣлое и полное: намъ кажется, что мы исполняемъ священный долгъ передъ отечествомъ, отдавая послѣднюю честь великому жилищу Екатерины и Александра, и платимъ сладкую дань благодарности всеобщей, скорбя о разрушеніи царскаго дома, гдѣ Государь Николай Павловичъ былъ двѣнадцать лѣтъ такъ счастливъ въ своемъ семействѣ.

17-го декабря 1837 года ознаменовалось симъ бѣдственнымъ происшествіемъ. Было восемь часовъ вечера. Государь Императоръ съ Ея Величествомъ Императрицею, съ Ихъ Высочествами Наслѣдникомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и Великою Княжною Маріею Николаевною находился въ театрѣ, когда ему донесено было, что въ Зимнемъ дворцѣ горитъ. Государь немедленно покинулъ театръ и вмѣстѣ съ Великими Князьями отправился на мѣсто пожара. Повидимому не представлялось большой трудности остановить его дѣйствіе, но онъ уже начиналъ распространяться; уже Фельдмаршальская зала была вся въ огнѣ; зала Петра Великаго загоралась и пламя начинало показываться въ Бѣлой залѣ.

Первою заботою Государя Императора была безопасность его семейства. Великіе Князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи и Великія Княжны Ольга и Александра Николаевны находились въ Зимнемъ дворцѣ: имъ было приказано немедленно перѣхатъ въ Собственный Его Величества дворецъ. Въ это время Государыня Императрица уже возвратилась изъ театра. Она была встрѣчена въ Большой Морской Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, посланнымъ къ ней отъ Государя Императора съ извѣщеніемъ о случившемся. — Гдѣ дѣти? былъ первый вопросъ Ея Величества. — Государь приказалъ перевезти ихъ въ Собственный дворецъ; онъ желаетъ, чтобы и Ваше Величество ѣхали туда же. — Но перевезены ли дѣти? — Еще нѣтъ, но скоро. — Скажите Государю, что мое мѣсто тамъ, гдѣ мои дѣти, и что я до тѣхъ поръ не покину дворца, пока они не будутъ отправлены, отвѣчала Государыня и поѣхала на пожаръ. На лѣстницѣ она была встрѣчена всѣми дѣтьми своими; младшихъ несли на рукахъ, полусонныхъ. Государыня отпустила ихъ, а сама прямо пошла къ одной изъ своихъ фрейлинъ, которая жила въ нижнемъ этажѣ и лежала въ постелѣ больная. Императрица при себѣ отправила ее изъ дворца и потомъ уже пошла (вмѣстѣ съ Великою Княжною Маріею Николаевною) въ свои комнаты, отъ коихъ пожаръ еще былъ далеко. — Долго

изъ оконъ, обращенныхъ на внутренній дворъ, смотрѣла она, какъ на противоположной сторонѣ свирѣпствовало пламя, какъ оно разрушило Бѣлую и Фельдмаршальскую залы и какъ начало приближаться къ той сторонѣ, гдѣ жило Императорское семейство. Наконецъ явился Государь Императоръ и говоритъ Императрицѣ и Великой Княжнѣ: «Уѣзжайте, черезъ минуту огонь будетъ здѣсь». Они простились. Государь опять пошелъ на пожаръ. А Государыня рѣшилась переѣхать въ домъ министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ оконъ коего можно было глазами слѣдовать за дѣйствіемъ пламени. Но прежде нежели совѣмъ оставить дворецъ, она захотѣла проститься съ своимъ погибающимъ жилищемъ: зашла въ свой кабинетъ и въ дѣтскія горницы, въ коихъ при свѣтѣ пожарнаго зарева все еще было такъ спокойно, и помолвившись въ послѣдній разъ въ малой дворцовой церкви, въ коей столько времени все семейство ея собиралось на молитву, съ благодарною горестію покинула тѣ мѣста, гдѣ на каждомъ шагѣ являлись ей милыя воспоминанія, гдѣ она встрѣчена была невѣстою, гдѣ была привѣтствована Императрицею, гдѣ провела мирные, первые годы супружескаго и материнскаго счастья, о коемъ молится вся Россія. Въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Государыня пробыла до той минуты, въ которую Наслѣдникъ извѣстилъ Ея Величество, что для спасенія дворца не осталось никакой надежды.

Вторымъ распоряженіемъ Государя Императора было послать за войсками; первый баталіонъ л.-г. Преображенскаго полка, какъ ближайшій, явился прежде другихъ, и въ одну минуту знамена гвардейскія и всѣ портреты, украшавшіе залу Фельдмаршальскую и галерею 1812 года, сняты и вынесены. Въ то же время закладены были кирпичемъ двѣ двери, дабы отдѣлить пылающую часть дворца отъ той, куда еще пламя не успѣло проникнуть; а часть собравшагося войска была отправлена на кровлю, дабы, разломавъ ее, успѣшнѣе противудѣйствовать расширенію пожара. Но здѣсь всѣ усилія остались тщетны. Густой дымъ, развиваясь вихремъ по всему чердаку, препятство-

вагъ видѣть и дышать, и не допустилъ никого приступить къ дѣлу. Тогда стало очевидно, что спасеніе дворца уже невозможно. Государь Императоръ, не желая подвергать опасности солдатъ, которые дѣйствовали съ неимоверною отважностію и съ удивительнымъ самоотверженіемъ, отдалъ повелѣніе, чтобы всѣ сошли съ кровли и спѣшили спасать изъ внутреннихъ комнатъ то, что спасти было возможно. Воля Его Величества была исполнена съ быстротою и точностію, достойными удивленія. Всѣ отъ генерала до простаго солдата принялись за дѣло; никто себя не жалѣлъ. Священныя утвари, образа и ризы обѣихъ церквей, Императорскіе брилліанты, картины, драгоценныя убранства дворца и всѣ вещи, принадлежащія Царской фамиліи, были взяты и отнесены, частію къ Александровской колоннѣ, частію въ адмиралтейство.

Въ это время Государь Императоръ былъ увѣдомленъ, что въ Галерной гавани загорѣлось нѣсколько хижинъ. Онъ немедленно послалъ на спасеніе оныхъ Наслѣдника. А самъ, рѣшившись пожертвовать главнымъ зданіемъ Зимняго дворца, которымъ пламя совершенно овладѣло, приказалъ исключительно обратить всѣ усилія на защиту Эрмитажа. Немедленно крыши галерей, соединявшихъ сіе отдѣленіе дворца съ главнымъ корпусомъ, были разрушены, всякое сообщеніе между ними прервано. Такимъ образомъ пожаръ не достигъ къ Эрмитажу, хотя все пламя стремилось прямо на него по направленію сильнаго вѣтра. Здѣсь особенно оказалась неустрашимая спокойность пожарныхъ и солдатъ; они, можно сказать, вступили въ рукопашный бой съ огнемъ и отважно закладывали окна и двери, несмотря на пламя и дымъ, которые съ ними боролись, но ихъ не отразили. Всѣ они дѣйствовали подъ особеннымъ надзоромъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Между тѣмъ пожаръ, усиливаемый порывистымъ вѣтромъ, бѣжалъ по потолкамъ верхняго этажа; они разомъ во многихъ мѣстахъ загорались, и падая съ громомъ, зажигали полы и потолки средняго яруса, которые въ свою очередь низвергались

огромными огненными горами на крѣпкіе своды нижняго этажа, большею частію оставшагося цѣлымъ. Зрѣлище, по сказанію очевидцевъ, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнулъ вулканъ. Сначала объята была пламенемъ та сторона Дворца, которая обращена къ Невѣ; противоположная сторона представляла темную громаду, надъ кою пылало и дымилось ночное небо: отсюда можно было слѣдовать за постепеннымъ распространіемъ пожара; можно было видѣть, какъ онъ, пробираясь по кровлѣ, проникнулъ въ верхній ярусъ; какъ въ среднемъ ярусѣ все еще было темно (только горѣло нѣсколько ночниковъ и люди бѣгали со свѣчами по комнатамъ) въ то время какъ надъ нимъ все уже пылало и разрушалось; какъ вдругъ загорѣлись потолки и начали падать съ громомъ, пламенемъ, искрами и вихремъ дыма, и какъ наконецъ потоки огня полилися отвсюду, наполнили внутренность зданія и бросились въ окна. Тогда вся громада дворца представляла огромный костеръ, съ котораго пламя то всходило къ небу высокимъ столбомъ, подъ тяжкими тучами чернаго дыма, то волновалось какъ море, коего волны вскакивали огромными, зубчатыми языками, то вспыхивало снопомъ безчисленныхъ ракетъ, которыя сыпали огненный дождь на всѣ окрестныя зданія. Въ этомъ явленіи было что-то невыразимое: дворецъ и въ самомъ разрушеніи своемъ какъ будто неприкосновенно вырѣзывался со всѣми своими окнами, колоннами и статуями неподвижною черною громадою на яркомъ трепетномъ пламени. А во внутренности его происходило что-то неестественное: какая-то адская сила тамъ господствовала, какіе-то враждебные духи, слетѣвшіе на добычу и надъ ней разыгравшіеся, бѣшено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прыдали съ колонны на колонну, прилипали къ люстрамъ, бѣгали по кровлѣ, обвивались около статуй, выскакивали въ окна и боролись съ людьми, которые мелькали черными тѣнями, пробѣгая по яркому пламени. И въ то время, когда сей ужасный пожаръ представлялъ такую разительную картину борьбы противоположныхъ силъ, разрушенія и гибели, другая картина приводила въ умиленіе душу своимъ торже-

ственнымъ, тихимъ величіемъ. За цѣнью полковъ, окружавшихъ дворцовую площадь, стоялъ народъ безчисленною толпою въ жертвомъ молчаніи. Передъ глазами его горѣло жилище Царя: общая всѣмъ святыня погибала; объятая благоговѣйною скорбію, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокіе вздохи, и всѣ молились за Государя.

Пожаръ, начавшійся въ 8-мь часовъ вечера, продолжался во всей своей силѣ до восхожденія солнца, и только въ эту минуту Государь Императоръ изволилъ возвратиться къ своему семейству.

Такъ разрушился нашъ Зимній дворецъ, великолѣпный представитель послѣднихъ славныхъ временъ Россіи. Все, что можетъ быть снова сооружено, погибло съ главнымъ зданіемъ; но сокровища Эрмитажа, которыя въ теченіе столькихъ лѣтъ были собираемы Государями Русскими и коихъ утрату ни что бы не замѣнило, всѣ безъ изыятія спасены. Утѣшеніемъ въ семъ печальномъ событіи можетъ послужить то, что никто изъ многочисленныхъ жителей дворца не погибъ, и что весьма многіе изъ нихъ спасли свое достояніе.

Но сіе величественное царское жилище, нынѣ представляющее однѣ обгорѣлыя развалины, скоро возобновится въ новомъ блескѣ. Опять въ великій день Свѣтлаго праздника будемъ, по старому обычаю, собираться на поздравленіе Царя въ той великолѣпной дворцовой церкви. Опять будемъ видѣть Русскаго Царя, встрѣчающаго новый годъ въ свѣтлыхъ чертогахъ своихъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ. Опять, передъ спасеннымъ изображеніемъ Александра, будемъ воспоминать времена великой русской славы, гдѣ многолѣтіе Царю царствующему, возглашать вѣчную память Благословенному и славить его войско, нѣкогда столь храбро отстоявшее Россію. Наконецъ опять посреди этихъ возобновленныхъ палатъ императорскихъ, увидимъ добраго Отца народа веселымъ семьяниномъ, окруженнаго мирнымъ домашнимъ счастіемъ, которое да продлитъ Богъ для блага Россіи.

И Царь и его Россія съ благоговѣніемъ приняли новое испытаніе, ниспосланное имъ Всемогущимъ Промысломъ, и это испытаніе, съ одной стороны, даровало случай Царю явить предъ лицомъ народа своего покорность Божіей власти; съ другой народу съ новою силою выразить любовь свою къ Царю, и такимъ образомъ узами скорби еще сильнѣе скрѣпился союзъ между державнымъ Отцомъ и вѣрными дѣтьми его.

В. Жуковскій.

• Январь
1838 года.

Эта записка найдена мною, въ двухъ экземплярахъ, между бумагами П. А. Плетнева, съ своеручными поправками Жуковскаго и съ такою же подписью полнаго его имени. Къ одному изъ экземпляровъ была приложена слѣдующая бумага отъ 31 января 1838 года: «Министръ Императорскаго Двора честь имѣетъ увѣдомить Г. Издателя Современника, что онъ имѣлъ счастье представлять Государю Императору возвращаемую при семъ статью о пожарѣ Зимняго дворца, но что на напечатаніе оной Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику довольно уже было писано въ публичныхъ листкахъ о семъ несчастномъ событіи. Князь Волконскій». Статья Жуковскаго составляетъ видное дополненіе къ тѣмъ запискамъ о томъ же пожарѣ, которыя напечатаны были въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 и 1869 годовъ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще записку князя Вяземскаго: «Incendie du palais d'hiver à St. Pétersbourg», изданную въ Парижѣ, въ 1838 году, особою брошюрою, а передъ тѣмъ напечатанную въ выходившемъ въ Петербургѣ французскомъ журналѣ (кажется, *Revue étrangère*).

Я. Гротъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXXII, № 3.

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ, ПЕРЕВОДОВЪ И ИЗДАНІЙ

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Я. К. ГРОТА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО УЧЕНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СПИСОКЪ

сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота ¹⁾

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ
50-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ЕГО 6 СЕНТЯБРЯ 1882 ГОДА.

1830.

1. Забѣтка профессора Тиллѣ о «Курсѣ французской литературы» Ферри де Пиньи: Cours élémentaire и проч. de la Littérature française, rédigé par Ferry de Pigny. (съ франц.).

Литер. Газета барона Дельвига 1830, № 29, Отд. «Критика», стр. 233 — 234. Переводъ сдѣланъ во время воспитанія академика въ Царскосельскомъ лицѣѣ, по порученію профессора, который и подписанъ подъ замѣткой.

1838.

2. *Мазепа, поэма Байрона.

Современникъ 1838, т. IX, стр. 94 — 128. Переводъ съ подлинника. Въ концѣ «Эпиграфъ» переводчика.

3. Жанъ-Поль Фридрихъ Рихтеръ.

Современн. 1838, т. X, стр. 66 — 90. Изъ Quarterly-Review. Подписано: Л. В. (Лицейскій Воспитанникъ).

---

¹⁾ Этотъ списокъ, какъ и помѣщенный въ *Русской Старинѣ* (1883, кн. I), составленъ С. И. Пономаревымъ, но въ исключительно повременномъ порядкѣ и притомъ съ поправками и пополненіями прежняго. По плану составителя, стихи подъ каждымъ годомъ первой эпохи дѣятельности академика помѣщаются прежде прозы и означаются звѣздочкою.

1839.

4. *Изъ шведскихъ поэтовъ.

Современн. 1839, т. XIII, стр. 16 — 50. Это переводы, помѣщенные въ статьѣ, означенной подъ слѣдующимъ за симъ номеромъ.

5. Знакомство съ Рунебергомъ.

Современн. 1839, т. XIII, стр. 5—57. Описание поѣздки въ Борго вмѣстѣ съ финляндскимъ литераторомъ Цигнеусомъ.

6. О переводѣ Фауста, сдѣланномъ Губеромъ.

Современн. 1839, т. XIII, стр. 73 — 78.

7. Поэзія и мифологія Скандинавовъ. Исландскія поэмы.

Отч. Зап. 1839, т. IV, № 6, Отд. II, Науки, стр. 1—38. По поводу изданной въ Парижѣ книги Бергмана *Römetes islandais*.

8. Зимніе Цвѣты, шведскій альманахъ.

Современн. 1839, т. XIV, стр. 5—20.

1840.

9. *Вечеръ на Рождество (изъ Рунеберга).

Современн. 1840, т. XVII, стр. 28 — 30.

10. *На гробницу младенца.

Современн. 1840, т. XVIII, стр. 254.

11. *Изъ народнаго эпоса «Калевала».

Современн. 1840, т. XIX, стр. 89—96. Отрывки, помѣщенные въ статьѣ, означенной ниже подъ № 16.

12. *Привѣтствіе финляндскимъ литераторамъ.

Современн. 1840, т. XX, стр. 17—19, въ статьѣ Плетнева «Двухсотній юбилей Александровскаго университета». (См. также его «Сочиненія», т. I, стр. 440—442). Читано на обѣдѣ, данномъ русскими литераторами въ честь финляндскихъ.

13. О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народа во внутренности края. Статья Рунеберга.

Современн. 1840, т. XVII, стр. 5—31. Въ концѣ помѣщено стихотвореніе того же автора «Вечеръ на Рождество», означенное выше особо подъ № 9.

14. Гельсингфорсъ.

Современн. 1840, т. XVIII, стр. 5—82.

15. Путешествіе Врангеля по Сибири.

Современн. 1840, т. XVIII, стр. 103—122. Подписано: Г.

16. О Финнахъ и ихъ народной поэзіи.

Современн. 1840, т. XIX, стр. 5—101. Здѣсь, между прочимъ, изложено все содержаніе финскаго эпоса «Калевала».

17. Литературныя новости въ Финляндіи. Письмо изъ Гельсингфорса (безъ подписи).

Современн. 1840, т. XX, стр. 24—85. Здѣсь, между прочимъ, переводы: статьи Аттербома о значеніи университетовъ, и стиховъ неизвѣстнаго финскаго поэта цесаревичу в. кн. Александру Николаевичу.

18. Воспоминанія Александровскаго университета.

Альманахъ въ память двухсотнаго юбилея Имп. Александровскаго университета, 1842, стр. 1—143. См. ниже №№ 59 и 60.

1841.

19. *Перо.

Соврем. 1841, т. XXI, стр. 222—224. По поводу свѣтчнаго подарка, по финляндскому обычаю полученнаго авторомъ отъ неизвѣстнаго.

20. *Маркизъ М. А. де Траверсѣ.

Современн. 1841, т. XXI, стр. 236—237.

21. *Борго.

Современн. 1841, т. XXII, стр. 176—180.

22. *Приговоръ.

Тамъ же, стр. 186.

23. *Опасеніе.

Тамъ же, стр. 190.

24. *Обращеніе къ Фритіофу.

Современн. 1841, т. XXIII, стр. 47—49, первой нумераціи, въ статьѣ Плетнева о переводѣ «Фритіофа». Этимъ стихотвореніемъ оканчивается письмо къ г-жѣ Ишимовой, служащее предисловіемъ поэмы. Во второмъ изданіи «Фритіофа» (см. ниже подъ 1874 г. № 298) письмо замѣнено вступленіемъ, и стихи не перепечатаны.

25. *Жребій.

Современн. 1841, т. XXIII, стр. 166. Подпис. Г.

26. *Вопросъ,

Тамъ же, стр. 177. Подпис. Г.

27. *Изъ поэмы Рунеберга «Надежда».

Современн. 1841, т. XXIV, стр. 61—70, первой нумераціи. Это стихотворный отрывокъ въ составѣ статьи, излагающей прозою содержаніе поэмы; см. ниже № 32.

28. *Новый домъ (изъ Уланда). Посвящено А. Веттергофу.

Современн. 1841, т. XXIV, стр. 70—71. Подпис. Г.

29. *Фритіофъ, скандинавскій богатырь. Поэма Теггера въ рус-

- скомъ переводѣ. Гельсингфорсъ 1841, 12^о, 207 и 3 не-
нум. стр. — 2-е изданіе см. ниже подъ 1874 г.
30. Жизнь Тегнёра, описанная Франценомъ (съ шведскаго).
Соврем. 1841, т. XXI, стр. 52—81. Подпис. Г.
31. Стрѣлки оленей, поэма Рунеберга.
Соврем. 1841, т. XXII, стр. 49—67. Въ подлинникѣ, написанномъ
экзаменами, поэтическая картина быта финскаго крестьянина. Въ пе-
реводѣ представлено извлеченіе прозою.
32. Надежда, поэма Рунеберга.
Соврем. 1841, т. XXIV, стр. 49—80. Содержаніемъ служить раз-
сказъ изъ временъ Екатерины II. Въ переводѣ извлеченіе прозою съ
примѣсью стиховъ; см. выше № 27

1842.

33. *Привѣтствіе финляндскихъ студентовъ канцлеру Але-
ксандровскаго университета. Съ финскаго подлинника про-
фес. Линсена.
Современн. 1842, т. XXVII, стр. 17, первой нумераціи.
34. *Радость Вейнемэйнена.
Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго
университета, стр. 105—111. См. ниже № 59.
35. *Путешествіе на юбилей. (Стихотвореніе Францена, пере-
водъ съ шведскаго).
Тамъ же, стр. 117—132.
36. *Новый годъ.
Звѣздочка, журналъ для дѣтей, 1842, ч. I-я, стр. 43—45. Тамъ же
стр. 74—78, «Вечеръ на Рождество» (перепечатано изъ Современника,
см. здѣсь № 9).
37. *Насъ семеро, съ англійскаго, изъ Вордсворта.
Тамъ же, стр. 131—134.
38. *Херувимъ.
Звѣздочка 1842, ч. II, стр. 14—17.
39. *Зеркало, съ шведскаго, изъ Францена.
Тамъ же, стр. 133—134.
40. *Звѣзды, съ шведскаго, изъ Францена.
Тамъ же, стр. 136—137.
41. *Чижикиъ.
Тамъ же, отд. II, стр. 50.
42. *Къ рѣчкѣ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.
Тамъ же 1842, ч. III, стр. 106—107.

43. *Могу ли я увидѣть Бога? съ шведскаго.
Звѣздочка 1842, ч. IV, стр. 173 — 175.
44. *Милый ученикъ, съ нѣмецкаго, изъ Рюккерта.
Звѣзд. 1842, ч. IV, отд. II, стр. 72 — 74.
45. Что такое исторія?
Тамъ же, ч. I, стр. 81 — 97.
46. Праздникъ Рождества въ Финляндіи.
Тамъ же, стр. 163 — 169.
47. Праздникъ въ Александровскомъ университетѣ.
Тамъ же, стр. 212 — 216.
48. Что такое географія?
Звѣзд. 1842, ч. II, стр. стр. 1 — 13.
49. Епископъ Францѣнъ.
Тамъ же, стр. 79 — 102.
50. Дѣтскія письма.
Тамъ же, стр. 145 — 155 .
51. Жизнь и страданіе, съ шведскаго.
Звѣзд. 1842, ч. III, стр. 36 — 55.
52. Письма о русской исторіи. Письмо 1-ое.
Тамъ же, стр. 73 — 95. (Отъ Рюрика до кончины Ярослава).
53. Портреты и силуэты.
Тамъ же, стр. 96 — 103.
54. Наказаніе.
Тамъ же, стр. 129 — 138.
55. Пчелы.
Тамъ же, стр. 145 — 167.
56. Перелетныя птицы, съ шведскаго.
Звѣзд. 1842, ч. IV, стр. 49 — 61.
57. Русскія примѣчательности.
Тамъ же, стр. 81 — 99.
58. О зимнемъ снѣ растений и животныхъ, съ шведскаго.
Тамъ же, стр. 155 — 172.
59. Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго университета. Гельсингфорсъ, 1842, 8°, 303 и 15 нен. стр.

Общее содержаніе Альманаха такъ объяснено въ началѣ книги: «Издатель, собравъ нѣсколько статей на русскомъ языкѣ и нѣсколько другихъ на шведскомъ, представляетъ здѣсь первыя въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ, а послѣднія въ русскомъ переводѣ. За этимъ вскорѣ послѣдуетъ другое изданіе той же книги, въ которомъ наобороть статьи, по-шведски написанныя, будутъ помѣщены въ подлинникѣ,

а написанныя по-русски явятся въ шведскомъ переводѣ». См. вслѣдъ за симъ № 60.

ОГЛАВЛЕНІЕ АЛЬМАНАХА.

Посвященіе канцлеру университета, Наслѣднику Цесаревичу.
Воспоминанія Александровскаго университета. Статья издателя.

Глава I. Начало университета въ Або.

II. Черты изъ первыхъ временъ существованія университета.

III. Война дважды разстраиваетъ университетъ.

IV. Императоръ Александръ.

V. Абовская ученость.

VI. Поэзія на Аурѣ.

VII. Императорскій Александровскій университетъ.

Путешествіе на юбилей 1840 года, еписк. Францэна.

Финляндія въ русской поэзіи, П. А. Плетнева.

Нѣсколько дней въ Лапландіи, М. А. Кастрэна.

Необойденный домъ, кн. В. О. Одоевскаго.

О національномъ характерѣ Финновъ, И. Э. Эмана.

Макбетъ христіанская ли трагедія? И. Л. Рунеберга.

О литературной совѣстливости, гр. В. А. Сологуба.

Нынѣшніе крестьяне-поэты въ Финляндіи, Ильи Ленрота.

60. Kalender till minne af Kejsarliga Alexanders-Universitetets andra secularfest. . Utgifven af J. Grot. Helsingfors, 1842. 339 и 15 ненум. стр. Статья издателя въ переводѣ съ русскаго: Minnen af Alexanders-Universitetet, стр. 1 — 131. (То же самое, что здѣсь подъ № 59).

Переводы русскихъ статей на шведскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ издателя, финляндскими литераторами, особенно молодымъ, даровитымъ чиновникомъ канцеляріи генераль-губернатора Юлиемъ Лундалемъ († 1853), который замѣчательно удачно перевелъ и стихи, помѣщенные въ статьѣ Плетнева: «Финляндія въ русской поэзіи». Другимъ дѣятельнымъ помощникомъ издателя въ переводахъ былъ лекторъ русскаго языка при университетѣ, Матвѣй Акиандеръ.

61. Привѣтствіе канцлеру Александровскаго университета Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, при посѣщеніи имъ университета.

Соврем. 1842, т. XXVII, стр. 11 — 14.

62. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1842, т. XXVIII, стр. 29 — 51. Исторія Петра Великаго, соч. Шюслера; о происхожденіи имени и государства русскаго, соч. Францэна; Финны; Францэнъ; замѣтки о Россіи и Ломоносовѣ, шведскаго писателя; Альмквистъ ¹⁾.

¹⁾ Въ рядѣ статей подъ заглавіемъ «Листки изъ скандинавскаго міра» мы указываемъ замѣтки, наиболѣе важныя по содержанію. С. П.

1843.

63. *Паукъ, съ шведскаго, изъ Стагнелиуса.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 268.
64. *Бабочка.
Звѣздочка 1843, ч. V, отд. II, стр. 67 — 73.
65. *Счастливая старость, съ англійскаго, изъ Соути.
Звѣздочка 1843, ч. VI, стр. 78 — 79.
66. *Цвѣтокъ.
Тамъ же, стр. 205 — 207.
67. *Шляпа.
Звѣздочка 1843, ч. VII, стр. 122 — 123.
68. *Пѣсенка, съ шведскаго.
Тамъ же, отд. II, стр. 47 — 48.
69. Второе письмо о русской исторіи.
Звѣздочка 1843, ч. V, стр. 1 — 44. Разсказъ событій отъ смерти Ярослава до смерти Юрія Долгорукаго.
70. Письмо къ читателю (1-е апрѣля).
Тамъ же, ч. VI, стр. 1 — 11.
71. Князь Я. О. Долгоруковъ.
Тамъ же, стр. 81 — 110.
72. Странный обычай.
Звѣздочка 1843, ч. VII, стр. 15 — 18.
73. Вечеръ въ физическомъ кабинетѣ.
Тамъ же, стр. 19 — 36.
74. Румянцовы.
Тамъ же. Статья 1 (стр. 75—83). Статья 2 (стр. 97 — 121). Статья 3 (стр. 195 — 211).
75. Троицкій Соборъ на Петербургской сторонѣ.
Тамъ же, стр. 87 — 94.
76. Водолазный колоколь и барометръ.
Звѣздочка 1843, ч. VIII, стр. 1 — 12.
77. Листки изъ скандинавскаго міра.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 84 — 107. Замѣтки о Россіи, шведскаго писателя; Тегниръ; стихи Мармье; сочиненіе г. Дершау.
78. Кастрэнъ и Ленротъ въ Русской Лапландіи.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 145 — 160. Продолженіе статьи Кастрена, помѣщенной въ Альманахѣ: см. выше №№ 59 и 60.
79. Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній Россіи.
Соврем. 1843, т. XXXI, стр. 5 — 33. Переводъ съ шведскаго.

80. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1843, т. XXX, стр. 218 — 240 и 331 — 340. Два трагическія происшествія; отзывъ нѣмца о романахъ Фредерики Бремеръ; вниманіе финляндскихъ листковъ къ русской литературѣ; сочиненіе проф. Вассера о бракѣ; драмы шведскаго короля Густава III; путешествіе Кастрена по Россіи; Альмквистъ; Оссианъ въ шведскомъ переводѣ.

81. Рѣчь по случаю рожденія великаго князя Николая Александровича, произнесенная въ торжеств. собраніи Гельсингфорскаго университета 15 октября 1843 года.

Соврем. 1843, т. XXXII, стр. 199 — 211.

1844.

82. *Подарокъ.

Звѣздочка 1844 г., ч. IX, отд. II, стр. 1—3.

83. Панины.

Звѣздочка 1844, ч. XII, стр. 75—84.

84. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1844, т. XXXIII, стр. 121 — 155. Забѣчанія финляндскихъ филологовъ о русской грамматикѣ и русскомъ народѣ; финскіе крестьяне; Альмквистъ; Цигнеусъ о финляндской войнѣ 1741—1742 г.; о р. правописаніи географическихъ именъ въ Финляндіи; книжная торговля въ Финляндіи; сочиненіе Ленстрема о Пушкинѣ.

85. Разказы изъ шведской исторіи (по Фрюкселю).

Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 225 — 278. Общій обзоръ сочиненія Фрюкселя. Извлеченія изъ первыхъ томовъ. Разказъ о Рагнарѣ Лодброкѣ и его сыновьяхъ.

86. Литературныя замѣтки и выписки.

Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 269 — 297. Гёте и русскіе поэты; мысли Аттербома объ исторіи литературы; академикъ Кругъ; Упсальскій университетъ; исправленный Шекспиръ.

87. О романѣ «Семейство», соч. Фредерики Бремеръ.

Москвитян. 1844, ч. II, № 3, стр. 171—186.

1845.

88. *Пѣсня.

Звѣздочка для младшаго возраста 1845, ч. I, стр. 143—144.

89. *Зимнее веселье.

Тамъ же, стр. 190—191.

90. *Смерть.

Тамъ же, ч. III, стр. 101.

91. *Пѣсня передъ зеркаломъ.
Звѣздочка для старшаго возраста 1845, ч. XIII, стр. 160—161.
92. *Письмо изъ деревни.
Тамъ же, ч. XV, стр. 1—2.
93. *Печаль.
Тамъ же, стр. 153—154.
94. *Желаніе.
Тамъ же, ч. XVI, стр. 43.
95. *Порядокъ.
Тамъ же, ч. XVIII, стр. 11—12.
96. *Притча о блудномъ сынѣ.
Тамъ же, стр. 78—80.
97. *Пѣснь финскаго стрѣлковаго баталіона (съ шведскаго).
Тамъ же, стр. 100—101. Стихи эти помѣщены въ письмѣ переводчика изъ Гельсингфорса, содержащемъ описаніе праздника по поводу назначенія новорожденнаго великаго князя, нынѣ Императора Александра Александровича шефомъ финскаго стрѣлковаго баталіона.
98. *Къ другу.
Тамъ же, стр. 145—146.
99. Бибиковъ.
Звѣздочка для старшаго возраста 1845, ч. XIII, стр. 1—3.
100. Изъ писемъ учителя къ ученикамъ.
Тамъ же, ч. XV, стр. 3—15.
101. Маленькая психологическая сцена.
Тамъ же, стр. 168—172.
102. Первые главы русской исторіи.
Тамъ же, ч. XV и XVI, стр. 19—32 и 63—84. Разсказъ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: Новгородское княжество. — Кіевское княжество. — Походъ подъ Царьградъ и договоръ съ Греками. — Ольга-христіанка. — Святославъ въ Болгаріи. — Олегъ Черниговскій и Владиміръ Мономахъ. — Борьба Мономаховичей и Олеговичей. — Лѣтописецъ Несторъ.
103. Изъ біографіи Франклина.
Тамъ же, ч. XVI, стр. 124—128.
104. Птичка. Письмо къ другу.
Тамъ же, стр. 178—183.
105. Маленькая философка.
Звѣздочка для младшаго возраста, ч. II, стр. 65—69.
106. Дѣтскія письма.
Тамъ же, ч. III, стр. 59—62.

107. Черты изъ жизни княгини Екатерины Романовны Дашковой.
Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 5 — 32. Переведено изъ англ. подлинника Записокъ кн. Дашковой, напечатанныхъ въ 1840 г. въ Лондонѣ.
108. Воспоминанія о войнѣ 1808 г. и путешествіи императора Александра I-го по Финляндіи.
Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 274 — 290. Извлечено изъ шведской книги г-жи Ваклигъ: Hundra minnen från Östergötten.
109. Державинъ.
Соврем. 1845, т. XXXVII, № 2, стр. 121 — 184. Эта статья состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. — Первая эпоха. Тридцать четыре года жизни: 1. До 27-лѣтняго возраста. — 2. Слѣдующія семь лѣтъ.
110. Участіе Державина въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ.
Соврем. 1845, т. XXXVIII, № 4, стр. 38 — 87. Отдѣлы: 1. Четыре года (1778 — 1781). — 2. Женитьба. — 3. Самобытное направленіе въ поэзіи. — 4 — 7 (отдѣлы безъ заглавій). — 8. Сближенія.
111. Фелица и Собесѣдникъ любителей руссійскаго слова.
Соврем. 1845, т. XL, стр. 113 — 150 и 225 — 263. — Отдѣлъ I: 1. Прекращеніе С. Петербургскаго Вѣстника. — 2. Сказка о паревичѣ Хлорѣ. — 3. Происхожденіе оды «Фелица». — 4. «Собесѣдникъ». Отдѣлъ II: 1. Державинъ въ борьбѣ съ врагами. — 2. Рѣшемысль. — 3. Державинъ членъ Росс. Академіи. — 4. Ода «Богъ».
112. Объ основныхъ формахъ русскаго глагола.
Соврем. 1845, т. XXXVIII, стр. 269 — 363.
113. Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи.
Соврем. 1845, т. XXXIX, стр. 321 — 338. По «Разсказамъ изъ шведской исторіи» Фрюксея. Отдѣлы: 1. Упсальскій храмъ. — 2. Биргеръ ярлг и его законы. Похищеніе невѣсты. Судебные поединки. Кораблекрушеніе. Основаніе Стокгольма. — 3. Магнусъ, Замѣкъ житницъ. Первые станціи. — 4. Происхожденіе дворянства и гербовъ. Духовенство и рыцари. — 5. Торкель Кнутсонъ въ Финляндіи. Война съ Русскими. — 6. Шведы на Невѣ. — 7. Казнь Т. Кнутсона. — Король Биргеръ губить братьевъ.

1846.

114. *Пѣсня при захожденіи солнца, съ нѣмецкаго (съ нотами).
Звѣздочка для младшаго возраста 1846, ч. V, стр. 96.
115. *Трудъ.
Тамъ же, стр. 138 — 139.
116. *Привѣтствіе новому товарищу.
Тамъ же, ч. VI, стр. 61.

117. *Маленькій кусть, съ нѣмецкаго.
Тамъ же, стр. 71.
118. *Свѣтлякъ, съ шведскаго, изъ Францена.
Тамъ же, ч. VIII, стр. 57 — 58.
119. *Терпѣніе (съ нѣмецкаго). Посвящено Ел. Θ. Келмеръ.
Звѣздочка для старшаго возраста, ч. XIX, стр. 51 — 52.
120. *Шестнадцатилѣтнему стихотворцу.
Тамъ же, ч. XX, стр. 98 — 94. Стихи, обращенные къ покойному С. Н. Николаевскому.
121. *Г-ну С. Н.
Тамъ же, стр. 191 — 192. Къ тому же лицу, какъ и № 119.
122. Подражаніе притчѣ о птицахъ и лиліяхъ.
Соврем. 1846, т. XLIII, стр. 211 — 212.
123. Негро и Васька, два друга.
Звѣздочка для младшаго возраста, 1846, ч. V, стр. 70 — 81.
124. Разговоры Василія Дмитріевича съ Алексѣемъ.
Звѣздочка для старшаго возраста 1846, ч. XVII, стр. 112 — 121, и часть XVIII, стр. 81 — 87.
125. Ученая бесѣда въ Гельсингфорсѣ.
Соврем. 1846, т. XLII, стр. 252 — 269. Разказъ о чтеніяхъ профессоровъ: Шульгена, Нервандера, Бонсдорфа, Рейна и пастора Гиппинга. Послѣдній, авторъ книги *Нева и Невшанцы до основанія Петербурга* (1846), читалъ о первобытныхъ жителяхъ Гельсингландіи (части южнаго, приморскаго края), въ которыхъ предполагаетъ коренное шведское населеніе, оставшееся здѣсь во время перехода германскаго племени съ Востока на Скандинавскій полуостровъ.
126. Указатель содержанія «Современника» за десятилѣтіе съ 1836 по 1845 г. Спб. 1846, 8^о, 79 стр.
Изданъ отдѣльно редакторомъ «Современника» въ 1846 году. Отдѣлы: 1. Указатель заглавій и содержанія статей въ прозѣ. — 2. Указатель именъ, означенныхъ подъ статьями въ прозѣ. — 3. Указатель стихотвореній и именъ, подъ ними подписанныхъ.

1847.

127. *Воспоминаніе старика.
Звѣздочка для старшаго возраста 1847, ч. XXI, стр. 54 — 55.
128. Прогулка въ Пальдамо.
Тамъ же, стр. 69 — 105. Вошло потомъ въ книгу: «Переѣзды по Финляндіи». См. слѣдующій за симъ номеръ.
129. Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки

Торнео. Путевыя записки. Спб. 1847, 12^о, xvii и 242 стр.

Авторъ собиралъ изложенныя здѣсь свѣдѣнія на мѣстахъ во время путешествій по Финляндіи, начиная съ 1839 года. Въ 1846 онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Ленротомъ, знаменитымъ собирателемъ и издателемъ финскаго эпоса. Книга издана на иждивеніи бывшаго въ 40-хъ годахъ цензоромъ Крылова, который впоследствии присоединилъ къ тексту рядъ полиטיפажей. Отдѣлы: I. Кексгольмъ, Сердоболь и Нейшлотъ. — II. Отъ Нейшлота до Куопіо. — III. Отъ Куопіо до Торнео. — IV. Поѣздка къ горѣ Авакакъ и незаходящее солнце. — V. Торнео и Улеоборгъ. — VI. Озеро Улео и городъ Кааяна. — VII. Прогулка въ Пальдамо и воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ I. — VIII. Возвращеніе въ Кааяну и оттуда въ Гельсингфорсъ.

130. О произношеніи буквъ е, ѣ, э.

Спб. Вѣд. 1847, № 178. Здѣсь въ первый разъ изложено подмѣненное авторомъ явленіе, что звукъ э произносится различно, т. е. широко или узко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ.

131. Некрологъ генерала А. П. Теслева (вице-канцлера Гельсингфорскаго университета и и. д. Финляндскаго генералъ-губернатора).

Спб. Вѣдом. 1847, № 284.

132. Нѣсколько писемъ изъ Швеціи (1847).

Спб. Вѣдом. 1848, № 77: I. Историческій диспутъ на пароходѣ. — № 81: II. Приѣздъ въ Упсалу. — № 84: III. Упсальская бібліотека. — № 95: IV. Студенты. — № 104: V. Рудники въ Давнеморѣ. — № 106: VI. Старая Упсала. — № 120: VII. Еще о студентахъ. — №№ 122 и 123: VIII. Знакомства съ учеными.

133. Изъ дневника, веденнаго въ Швеціи (1847).

Спб. Вѣдом. 1848, № 273 и 275. Упсала.

134. Прогулка по Готскому каналу (1847).

Съверн. Обзорніе, 1849, № 1, стр. 470—488.

135. Стокгольмъ (1847).

Москвит. 1849, ч. V, окт., стр. 239—284.

136. Отъ Веттера до Венера (Изъ дневника, веденнаго въ Швеціи въ 1847 г.).

Отч. Зап. 1850, т. LXVIII, Смѣсь, стр. 203—220.

137. Подъ наблюденіемъ Я. К. Грота, въ 1846 и 1847 гг., напечатанъ былъ въ Гельсингфорсѣ, при его участіи въ окончательной обработкѣ, Шведско-Русскій словарь въ

двухъ томахъ, 8°, составленный при Финляндскомъ статсъ-секретариатѣ. Ч. I. А — L, 1846, 684 и 8 нenum. стр.; ч. II, M — Ö, 1847, 645 стр.

Кромѣ того, подѣ его надзоромъ и при его дѣятельномъ участіи сдѣланы всѣ переводы съ шведскаго, появившіеся въ «Современникѣ» 1840-хъ годовъ, какъ-то между прочимъ: «О королѣ Густавѣ Адольфѣ» (т. XXVII), «Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній» (т. XXXI), «Яковъ Делагарди» (тамъ же), «Вечеръ на Рождество въ лопманской избѣ» (т. XXXIV), «Островъ на рѣкѣ Улео (тамъ же), «Бронзовый вепрь» (т. XL), «Дворецъ» (тамъ же). Особенно же участвовалъ онъ въ переводѣ съ шведскаго двухъ, напечатанныхъ въ «Современникѣ» и отдѣльно, романовъ: «Семейство», Фредерики Бремеръ, и «Импровизаторъ» Андерсена.

1848.

138. Плутархъ. Изъ Вильмена.

Звѣздочка для старшаго возраста 1848, ч. XV, стр. 61 — 74.

139. Прогулка по Готенбургу.

Тамъ же, стр. 100 — 118. Это отрывокъ изъ дневника, веденнаго въ Швеци въ 1847 г. См. №№ 181 — 185.

140. *Кульневъ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.

Спб. Вѣдом. № 82. Помѣщено въ составѣ одной изъ статей: «Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 г.» См. ниже № 149.

141. Литературные Опыты. Кн. I. Чтеніе для юношества. Гельсингфорсъ, 1848, 8°, 160 и IV нenum. стр.

Выборъ статей и стихотвореній Грота, напечат. въ журналѣ «Звѣздочка».

142. Одертъ Грипенбергъ.

Спб. Вѣдом. 1848, №№ 91 и 92. Статья эта — некрологъ замѣчательнаго финляндскаго педагога.

143. Можно ли питаться мясомъ? (По поводу статьи В. С. Порошина).

Спб. Вѣдом. 1848, № 248.

144. Разборъ сочиненія князя П. А. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ».

Спб. Вѣдом. 1848, №№ 281, 282 и 283.

145. Theoretisk och praktisk Lärobok i ryska språket. Första kursen (för begynnare). Helsingfors. 1848. Той же книги 2-е издание: Andra upplagan. Helsingfors, 1849, VIII и 117 стр.
146. Rysk Läsebok, innehållande smärre arbeten på prosa och vers af J. Grot. Helsingfors. 1848, 160 и 5 нenum. стр. Приложение: Lexikon till Rysk Läsebok. IV и 71 стр.
Содержаніе этой книги для чтенія то же, что № 141; но всё статьи и стихи напечатаны съ удареніями. Въ словарь принято за правило означать глаголы двумя формами: неопред. наклоненіемъ и 3-мъ лицомъ множ. числа наст. вр.

1849.

147. О русскихъ журналахъ.
Русск. Инвалидъ, №? (см. первые мѣсяцы).
148. Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?
Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, т. LXII, № 5, стр. 100—130 (и отдѣльн. оттиски¹⁾).
149. Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 гг.
Статья 1. Спб. Вѣдом. 1849, №№ 79, 80, 81, 82. — Статья 2. Спб. Вѣдом. 1849, № 101. — Статья 3: см. ниже № 166.

1850.

150. Замѣтка о книгѣ Цигнеуса: «Bidrag till de nordeuropeiska folkslagens historia». (Матеріалы для исторіи сѣверно-европейскихъ народовъ, собранные во Франціи и Италиі).
Журн. Мин. Нар. Просв. 1850, т. LXV, отд. VI, стр. 46—54.
151. Handbok i Ryska Rikets historia, af J. Grot. Första Häftet. Ryssland före det Moskovitiska väldets uppkomst. Helsingfors, 1850. XII и 86 стр. Подъ тѣмъ же заглавіемъ: Andra Häftet. Det Moskovitiska väldet. Helsingfors. 1851.

---

¹⁾ Большая часть статей Я. К. Грота, помѣщавшихся съ этого времени въ Ж. М. Н. Пр. и въ другихъ, особенно академическихъ изданіяхъ, печатались и отдѣльными оттисками, хотя это здѣсь не всегда означено при заглавіяхъ.
С. П.

1851.

152. Письма съ береговъ Чернаго моря (професс. Лагуса, перев. съ шведскаго).

Спб. Вѣдом. 1851, №№ 271, 273, 277, 283 и 287.

153. Ученые диспуты въ Александровскомъ университетѣ. (Извлечение изъ русскихъ лѣтописей, изд. на шведскомъ языкѣ. — Литературные вечера въ Гельсингфорсѣ).

Журн. Мин. Народн. Просв. 1851, ч. LXX, отд. VII, стр. 62 — 70.

154. Разборъ книгъ: Hertiginnan af Finland, соч. Топелюса. (Герцогиня Финляндская, романтизированный рассказъ, съ приложеніемъ исторіи финляндской войны 1741 — 1743 гг.), и Bidrag till Nordens sjukdomshistoria, соч. Ильмони. (Матеріалы для исторіи болѣзней въ Сѣверной Европѣ).

Журн. Мин. Нар. Просв. 1851, т. LXXI, отд. VII, стр. 31 — 38.

1852.

155. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1852, т. LXXIV, № 6, стр. 97 — 197.

156. Областные великорусскія слова, сродныя съ скандинавскими.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1852: Матеріалы для словаря, т. I, кн. III, стр. 38 — 48.

157. Областные великорусскія слова финскаго происхожденія.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ. 1852. Матеріалы для словаря, т. I, кн. V, стр. 65 — 68.

158. Замѣчанія по поводу «Опытга областного великорусскаго словаря».

Изв. II отд. Ак. Наукъ. 1852: Матеріалы для словаря, т. I, кн. VII, стр. 113 — 120. Статьи подъ №№ 155, 156 и 158 вошли потомъ въ отдѣльно изданныя: «Филологическія Разысканія». См. №№

159. Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1852, т. II, кн. I, II, стр. 9 — 15.

160. Некрологъ Кастрѣна.

Спб. Вѣдом. 1852, № 10.

161. Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, т. LXXVII, № 1, стр. 1 — 17. Въ основаніе статьи положены шведскіе источники.

162. О пребываніи плѣнныхъ Шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. т. LXXVII, № 2, стр. 119 — 178. Статья составлена на основаніи книги шведа Эйнеса: «Biographiska minnen af konung Carl XII-s krigare».

163. Забѣчанія о спряженіи русскаго глагола.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. II: Матеріалы для словаря и грамматики, л. XXV, стр. 391 — 399.

164. Дополнительное замѣчаніе о спряженіи русскаго глагола.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. III, л. VIII, IX, стр. 141—144.

1854.

165. Россія и Англія.

Сѣв. Пчела, 1854, апр. 20, № 87. Забѣтка со стихами Хомякова.

1855.

166. Очерки финляндскаго похода 1809 г.

Современникъ 1855, т. LI, май. Отд. IV, стр. 1—14. См. выше № 149.

167. О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ.

Извѣстія II отд. Ак. Н. 1856, т. V, вып. II. Прибавленія, стр. 337 — 348.

168. Сравнительныя замѣчанія о русскихъ словахъ.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. V, вып. II. Прибавл., стр. 348—354. Статьи подъ №№ 163, 164, 167 и 168 вошли потомъ въ «Филологическія Разысканія».

169. Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. VI, вып. I, стр. 19 — 34. Вошло въ 3-е изданіе «Филологическихъ Разысканій».

1856.

170. Рѣчь при выпускѣ 21-го курса воспитанниковъ Александровскаго Лицея, 6 іюня 1856 года.

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856 — 1857 годъ. Спб. 1856, стр. 33 — 37.

171. Rusk Læsebok (см. здѣсь № 146), 2-е изданіе, тамъ же, 1856, 153 и 4 нен. стр. Приложеніе: Lexikon, viii и 77 стр. Было и 3-е изданіе, сдѣланное въ Гельсингфорсѣ книгопродавцемъ Стольпе.

Сверхъ того въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній», въ 1855 и 1856 гг., напечатаны были Я. К. Гротомъ, съ сокращеніями, для малолѣтнихъ великихъ князей Николая и Александра Александровичей, слѣдующіе рассказы: 1) Капитанская дочка; 2) Путешествіе въ Арзрумъ, Пушкина; 3) Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро, Основьяненка, и 4) Послѣднее сраженіе Фигнера, Невѣдомскаго.

1857.

172. Грамота герцога Карла къ царю Теодору Иоанновичу, найденная въ шведскомъ государственномъ архивѣ.
Журн. Мин. Нар. Просв. 1857, т. ХСП, № 3, стр. 347 — 355.
173. Автографъ Пушкина (19-е октября 1825 г.).
Изв. II отд. Ак. Н. 1857, т. VI, вып. IV, стр. 326 — 336.

1858.

174. *Въ альбомъ Государю Наслѣднику Николаю Александровичу.
Русск. Вѣстн. 1860, № 1 и 2, стр. 391.
175. Замятка о значеніи идеаловъ въ воспитаніи.
Журн. для воспитанія, 1858, т. IV, стр. 207 — 210.
176. Въ какихъ изданіяхъ наша литература особенно нуждается?
Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. I, стр. 17 — 26. То же Журн. Мин. Нар. Просв. 1858, ч. ХСVIII, стр. 174 — 184.
177. Словари областныхъ нарѣчій.
Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. II, стр. 81 — 95.
178. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія.
Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. III, стр. 161 — 200.
179. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря.
Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. IV, стр. 241 — 256.
№№ 177, 178 и 179 вошли позднѣе въ книгу «Филологическія Разысканія». См. ниже № 297.
180. Разборъ поэмы Никитина «Кулакъ».
Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. IV, стр. 289 — 918. Есть и отд. оттиски, 8°, 1 — 38 стр.
Сборникъ II Отд. И. А. Н.

1859.

181. *Царское Село.

Русск. Бесѣда 1859, кн. VI, стр. 6 — 8.

182. *Скальдъ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.

Тамъ же, стр. 9 — 10.

183. Гимнастика въ Петербургѣ.

Спб. Вѣдом. 1859, № 12.

184. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря, статья 2-я (см. здѣсь № 179).

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1859, т. VIII, вып. III, стр. 203 — 214. Та же статья въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., кн. VI, стр. 1 — 52, подъ заглавіемъ: «Мысли Якова Гримма о національномъ словарѣ».

185. Рѣчь къ выпускнымъ воспитанникамъ Александровскаго лицея на актѣ 24 мая 1859 г.

Спб. Вѣд. 1859, № 136. (Отд. оттиски стр. 1 — 11); Моск. Вѣдом. № (?); Извѣст. II отд. Ак. Наукъ, т. VIII, вып. III, стр. 295 — 240.

186. Планъ академическаго изданія сочиненій Державина.

Спб. Вѣдом. 1859, мая 14, № 103; Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1859, т. VIII, вып. II, стр. 81 — 89 (и отд. оттиски); Журн. Мин. Нар. Просв. 1859, ч. СII, стр. 177 — 183.

187. Рукописи Державина и Н. А. Львова.

Спб. Вѣдом. 1859, дек. 9, № 268; Моск. Вѣдом. 1859, № 295; Извѣст. II отд. Ак. Н. 1860, т. VIII, вып. IV, стр. 241—260 (и отд. оттиски).

188. Читалагайскія оды Державина.

Библиограф. Записки 1859, № 16, стр. 482 — 495 (и отд. оттиски).

1860.

189. Литературный вечеръ 10 января 1860 года въ С.-Петербурѣ.

Спб. Вѣдом. 1860, № 9; Моск. Вѣдом. 1860, № 11; Журн. Мин. Нар. Просв. 1860, т. CV, стр. 95 — 98.

190. Литва или Скандинавія?

Отеч. Зап. 1860, т. СХХІХ, № 4, отд. 1, стр. 377 — 388. По поводу бывшаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ публичнаго диспута между Погодинымъ и Костомаровымъ, который въ «Современникѣ» напечаталъ статью о происхожденіи Руси изъ Литвы.

191. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія. Статья II (см. здѣсь № 178). О переходѣ ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1860, т. VIII, вып. V, стр. 361 — 373. Вошло въ «Филологическія Разысканія». См. ниже № 297.

192. Жизнь Державина.

Русск. Вѣстн. 1860, т. XXVI, № 7, стр. 331—378 (были отд. оттиски). Начало новой біографіи Державина (до вступленія его въ службу), предпринятой по поводу приготавливашагося тогда академическаго изданія его сочиненій. Дополненія въ № 8 Р. Вѣстника, стр. 397—400.

1861.

193. *Добрая память.

Русск. Вѣстн. 1861, № 4, стр. 701—702.

194. *Памяти Пушкина.

Тамъ же, № 9, стр. 300—302. Также въ Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея. Написано по поводу приготовленій къ празднованію 50-лѣтней годовщины Лицея.

195. Замѣтка о русской журналистикѣ.

Русск. Вѣстн. 1861, т. XXXI, № 2, Литер. Обзор., стр. 905—911

196. Рѣчь на юбилей князя П. А. Вяземскаго (2 марта 1861 г.).

Извѣстія II отд. Ак. Н. 1860, т. IX, вып. V, стр. 342—345. Также въ отдѣльномъ изданіи «Юбилей 50 л. литературной дѣятельности князя П. А. Вяземскаго», Спб. 1861, 8°, стр. 45—49.

197. О ходѣ въ 1860 году приготовительныхъ работъ по изданію Державина.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 128—139.

198. Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ во время заграничнаго путешествія.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 139—160.—№№ 197 и 198 изданы вмѣстѣ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: «Записка о ходѣ» и т. д.

199. По поводу вопроса о признакахъ спряженія русскихъ глаголовъ. Отвѣтъ на письмо Бяларскаго.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 261—264.

200. Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи.

Спб. Вѣдом. 1861, № 109 (и отд. оттиски).

201. Критическія замѣтки о письмахъ Карамзина и Грибоѣдова.— Два слова объ Академіи Наукъ.

Русск. Вѣстн. 1861, апрѣль, т. XXXII, Литер. Обзор., стр. 145—152.

202. Критическая замѣтка объ «Исторической хрестоматіи новаго періода русской словесности (отъ Петра I до нашего времени)», составл. А. Галаховымъ, Спб. 1861, т. I.

Изв. II отд. Ак. Н., т. X, вып. II, л. 235, стр. 152.

203. Матеріалы для біографіи Державина. Дѣятельность и переписка его во время Пугачевского бунта.
Учен. Зап. II отд. Ак. Наукъ, 1861, кн. VII, вып. I, стр. 1—169 (и отд. оттиски).
204. Объ авторѣ «Митюхи Валдайскаго» (П. Н. Семеновѣ).
Библиограф. Записки 1861, № 15, стр. 447 — 457.

1862.

205. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. Со снимкомъ съ почерка Бибикова.
Зап. Ак. Наукъ, 1862, т. I, кн. 2. Прилож. № 4, стр. 1—65 (и отд. оттиски).
206. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Матеріалы для исторіи русскаго образованія. Со снимками почерковъ Сумарокова и Ломоносова.
Зап. Ак. Н. 1862, т. I, кн. I. № 1, стр. 1 — 52. (и отд. отт.).
207. Изъ дорожнаго дневника, веденнаго за границей (лѣтомъ 1860 г.).
Русск. Вѣсти. 1862, № 1, стр. 383 — 410; № 2, стр. 781 — 746.
208. Записка о дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина (собранныхъ въ Тамбовѣ и на Волгѣ).
Записки Ак. Н. 1862, т. II, кн. 1, стр. 29 — 94 (и отд. оттиски).
209. По поводу толковъ о правописаніи.
Соврем. Лѣтоп. 1862, июль, № 28, стр. 1—4. Ср. Сѣв. Пч. 1862, № 314.
210. Занятія Пушкина (архивныя, особенно по исторіи Пугачевского бунта). Къ матеріаламъ для его біографіи.
Русск. Вѣсти. 1862, № 12, стр. 636 — 645.

1863.

211. Дешево купленное эстетическое наслажденіе.
Моск. Вѣд. 1863, № 31. По поводу затрудненій при полученіи билета на театральное представленіе.
212. Замѣтка о народномъ лѣчебникѣ.
Сѣверн. Пчела 1863, № 72.
213. Библиографическая замѣтка объ одѣ «Богъ».
Зап. Ак. Наукъ 1863, т. III, кн. 1, стр. 39—45. Переведена на нѣмецкій языкъ въ Archiv für wissensch. Kunde von Russland, Band XXIV, Heft 1, стр. 177 — 184. См. въ этомъ же изданіи замѣтку Я. К. Грота, Heft 4, стр. 687.

214. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Переписка императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ.
Зап. Ак. Н. 1863, т. III, кн. 1, № 4, стр. 241—258 (и отд. оттиски).
215. Поѣздка въ Петрозаводскъ и на Кивачъ.
Зап. Ак. Наукъ 1863, т. IV, кн. 1, стр. 51—63 (и отд. оттиски).
216. Званка и могила Державина.
Соврем. Лѣтоп. 1863, сент., № 33, стр. 4—6.
217. Державинъ и графъ Петръ Панинъ.
Спб. Вѣдом. 1863, №№ 208 и 210 (и отд. оттиски 12 д. л., стр. 1—43)

1864.

218. Начало Руси.
Семейные Вечера, младшій возрастъ, № 2, стр. 28—32, и № 10, стр. 466—472.
219. Некрологъ академика А. Х. Востокова.
Спб. Вѣдом. 1864, февраля 9, № 33.
220. Похороны Востокова.
Спб. Вѣдом. 1864, № 38.
221. Некрологъ графа Д. Н. Блудова.
Спб. Вѣдом. 1864, февр. 20, № 43.
222. Воспоминаніе о Гоголѣ.
Русскій Арх. 1864, № 2, стр. 177—180.
223. Критическая замѣтка объ «Исторической Хрестоматіи новаго періода русской словесности», А. Галахова, т. II, Спб. 1864.
Спб. Вѣдом. 1864, № 305.
224. Откуда слово Кремль?
Зап. Ак. Наукъ, 1864, т. VI, кн. 1, стр. 203—211. Нѣмецкій переводъ съ сокращеніями въ Archiv für wiss. Kunde v. Russland, Band XXIV, Heft 2, стр. 247 и слѣд. Вошло въ «Филологическія Разысканія». См. ниже № 297.
225. Годовщина основанія Царскосельскаго Лицея.
Спб. Вѣдом. 1864, № 239.
226. Извлеченія изъ писемъ Илличевскаго къ Фусу.
Русск. Арх. 1864, № 10, стр. 1050—1076.
227. Критическая замѣтка о «Русскомъ Архивѣ».
Спб. Вѣд. 1864, № 210.
228. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1864 г.

(съ характеристикой графа Блудова, Востокова и Шевырева).

Торжеств. Собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1864.—Отчеты Ак. Н. по Отд. Русск. языка и словесности. Спб. 1866, стр. 401 — 427.

229. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Томъ I. Стихотворенія, ч. I. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта, съ портретами и снимками. Спб. 1864, 8°, L и 812 стр. Роскошное изданіе въ девяти томахъ. (См. выше №№ 186 и 197).

1865.

230. Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный въ торжественномъ собраніи Акад. Наукъ 6 апрѣля 1865 г.

Зап. Ак. Наукъ 1865, т. VII, кн. II, стр. 220 — 258 (и отд. оттиски). Былъ напечатанъ и въ нѣсколькихъ газетахъ, какъ-то: въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ Сынѣ Отечества и др.

231. Отвѣтъ на библиографическій вопросъ.

Русск. Арх. 1865, стр. 1400 — 1402. Покойный А. А. Котляревскій обратился къ библиографамъ съ вопросомъ: кто авторъ брошюры: «Хронологическій Списокъ русскихъ сочинителей и библиографическія замѣчанія о ихъ сочиненіяхъ». Въ отвѣтъ указано на П. А. Плетнева.

232. Годовщина дня основанія Царскосельскаго Лицея (со стихами).

Русскій Арх. 1866, № 1, стр. 127 — 131.

233. Замѣтка о «Русскомъ Архивѣ».

Спб. Вѣдом. 1865, № 303. (Ср. здѣсь № 227).

234. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1865 годъ (съ некрологами К. И. Арсеньева и П. А. Плетнева).

Торж. Собраніе Имп. Ак. Наукъ, 29 дек. 1865 г. Спб. 1866, стр. 51—62. — Отчеты Ак. Наукъ по Отд. русск. языка и словесн. Спб. 1866, стр. 431 — 451.

235. Характеристика Державина, какъ поэта.

Торж. собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1865, стр. 87 — 103; Русскій Вѣстн. 1866, т. 61, № 2, стр. 450—469; Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. I, №, 4, стр. 1 — 25.

236. Сочиненія Державина. Томъ II. Стихотворенія, ч. II. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. 1865. XIV и 736 стр. (см. здѣсь № 229).

1866.

237. *Въ день годовщины основанія Царскосельскаго Лицея.
Русск. Архивъ 1866, № 1, стр. 127.
238. Некрологъ П. А. Плетнева.
Спб. Вѣдом. 1866, № 1.
239. Сочиненія Державина. Томъ III. Стихотворенія, ч. III. Съ портретомъ Д. А. Державиной и пятью виньетками. 1866, ххп и 784 стр. (см. здѣсь № 229).
240. О Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ.
Моск. Вѣдом. 1866, № 102, мая 21. — Сборн. Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. I, № 5, стр. 1 — 16.
241. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина.
Спб. Вѣдом. 1866, №№ 323 и 324 (съ тѣми сокращеніями, съ какими рѣчь была читана въ Академіи). Перепеч. и въ нѣк. др. изданіяхъ. Полная рѣчь: Торж. собраніе Имп. Ак. Н. 1 декабря 1866 г., въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина. Спб. 1867, стр. 7—45. Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. 1, № 10, стр. 1—60. Нѣмецкій переводъ въ Centralblatt für slavische Litteratur und Bibliographie, 1867, №№ 9 — 12.
242. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Съ примѣчаніями и указателемъ издали Я. Гротъ и П. Пекарскій.
Спб. 1866, 8°. хп, 483, 0214 и 3 нenum. стр.

1867.

243. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка.
Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 4, т. СХХХIV, стр. 20 — 76.
244. Забѣтка о топографическихъ названіяхъ вообще.
Журн. М. Нар. Просв. 1867, ноябрь, т. СХХХVI, стр. 617 — 628. №№ 243 и 244 позднѣе вошли въ «Филологическія Разысканія», томъ I, стр. 61 — 131. (См. здѣсь №№ 297 и 319).
245. Переписка преосв. Евгенія съ Державиннымъ.
Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. 1868, томъ V, вып. 1, стр. 65 — 216 (и отд. оттиски). Въ приложеніяхъ: письма Евгенія къ гр. Хвостову и К. К. Гирсу.
246. Сочиненія Державина. Томъ IV. Драматическія сочиненія. Съ указателемъ къ первымъ четыремъ томамъ. 1867. хп, 861 и 3 нenum. стр. (см. здѣсь № 229).

1868.

247. Литературная жизнь Крылова.

Спб. Вѣдом. 1868, №№ 34, 36 и 37. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 1 — 28¹⁾.

248. Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ (съ тремя приложениями).

Сборн. Отд. русск. яз. и слов., 1869, т. VI, стр. 29 — 47. (Прежде было въ Спб. Вѣдом.).

249. Сатира Крылова и его «Почта Духовъ».

Вѣсти. Евр. 1868, № 3, стр. 203—224. Полнѣе въ Сборн. Отд. рус. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 109—134.

250. Замѣтка о пасторѣ Гротѣ (дѣдѣ академика).

Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1868, т. V, вып. 1-й, стр. 289—292.

251. Сельская школа (изъ Рязанской губ.).

Соврем. Лѣтоп. 1868, № 28, стр. 10—12.

252. Отзывъ о русско-французскомъ словарѣ Макарова.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1868, т. II, стр. ххi — ххvi. Отзывъ акад. Броссэ и Грота о французско-русскомъ словарѣ Макарова, Сборникъ Отд. р. яз. 1870, т. VII, стр. лхvii — лхviii.

253. Разборъ брошюры: «Die Lehre vom russischen Accent, von Dr. L. Kayssler. Berlin, 1866».

Ж. М. Н. Просв. 1869, янв., ч. СХLI, стр. 239—251. №№ 252 и 253 вошли въ «Филологическія Разысканія».

254. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе (безъ рисунковъ). Содержаніе томовъ и ихъ заглавія тождественны съ роскошнымъ изданіемъ. Томъ I, 1868, хххv, 542 и 2 нум. стр. (См. здѣсь № 229).

1869.

255. Разборъ «Исторіи русской литературы, А. Галахова, т. II. Спб. 1868».

Журн. М. Н. Просв. 1869, февраль, ч. СХLI, стр. 476—496.

256. Къ исторіи шведской войны въ 1788 г.

Русск. Арх. 1869, № 1, стр. 111—124.

257. Рѣчь объ университетскомъ образованіи, произнесенная на

¹⁾ Статьи, которыя печатались и въ Запискахъ Ак. Наукъ, и въ Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов., внесены здѣсь, по большей части, только съ обозначеніемъ тома Сборника.
С. II.

юбилейномъ обѣдѣ С.-Петербургскаго университета, 9 февр. 1869 г., и письмо о томъ къ М. И. Сухомлинову.

Юбилейный Актъ Импер. Спб. университета, Спб. 1869, стр. 166—171.

258. Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 279—286.

259. По поводу учрежденія въ Петербургѣ Гимнастическаго Общества.

Голосъ 1869, № 319. Подпис. — ъ.

260. Петръ Александровичъ Плетневъ. По поводу статьи И. С. Тургенева. «Литературный Вечеръ у Плетнева».

Русск. Арх. 1869, стр. 2067—2089.

261. Разборъ Толковаго Словаря Даля. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, чит. 29 дек. 1869 г.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 1—60; то же съ сокращеніями, въ Спб. Вѣдом. 1870, №№ 2 и 4.

262. Дополненія и замѣтки къ Толковому Словарю Даля.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 90—112. №№ 261 и 262 вошли позднѣе въ «Филологическія Разысканія».

263. Сочиненія Державина. Томъ V. Переписка (1773—1793). Съ портретомъ Державина и четырьмя таблицами снимковъ. 1869, LXIV, 924 и 2 нenum. стр. (см. здѣсь № 229).

264. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ II, 1866, vi и 464 стр. (см. здѣсь № 254).

1870.

265. Россія и Европа на желѣзныхъ дорогахъ.

Соврем. Лѣтоп. 1870, № 34, стр. 6—7. Подпис.: «Проѣзжій».

266. П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта.

Русская Старина, историческое изд. 1870, т. II, книга X, стр. 379—414 (и отд. оттиски).

267. Еще два слова о приписанной Крылову баснѣ «Обѣдъ у Медвѣдя».

Русская Старина, изд. 1870, т. II, книга X, стр. 414—416. Подпис. «Читатель». (Доказательства, что басня, напечат. въ Русской Старинѣ, дѣйствительно написана Крыловымъ).

268. Нѣсколько замѣтокъ на письма митроп. Евгенія къ Македонцу и Н. И. Зиновьева къ своему сыну.
Р. Арх. 1870, № 10, стр. 1768 — 1776.
269. Изъ поѣздки въ Воронежъ. (Провинціальная печать).
Вѣсти. Евр. 1870, № 11, стр. 141 — 159.
270. Замѣтка гимназическаго учителя для мыслящихъ собратій.
Спб. Вѣд. 1870, № 333. Подпис.: «Русскій учитель».
271. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ III, 1870. хvi и 642 стр. (см. здѣсь № 254).

1871.

272. Замѣтки о дѣятельности петерб. гимнастическаго общества.
Спб. Вѣдом. 1870, № 279; 1871 г., № 114.
273. Замѣтки о привилегированныхъ закрытыхъ заведеніяхъ.
Спб. Вѣдом. 1871, № 42., въ отдѣлѣ «Хроника». Подпис.: «Русскій учитель».
274. Замѣтка о «Русскихъ народныхъ пѣсняхъ», собранныхъ Шейномъ.
Спб. Вѣдом. 1871, № 43.
275. Въ чемъ сущность вопроса о классицизмѣ (по поводу статьи А. Н. Бекетова).
Голосъ 1871, № 102.
276. О возобновеніи подписки на памятникъ Пушкину.
Спб. Вѣдом. 1871, № 104. Перепеч. въ Москов. Вѣдомостяхъ.
277. По поводу вопросовъ о предметахъ общаго образованія (отвѣтъ М. М. Стасюлевичу).
Спб. Вѣдом. 1871, № 117.
278. Изъ Рязска.
Спб. Вѣдом. 1871, № 196. Подпис. X.
279. Дмитрій Степановичъ Протопоповъ. (Некрологъ).
Спб. Вѣдом. 1871, № 278. (и отд. оттиски).
280. Библиографическія замѣтки объ изданныхъ въ Тифлисѣ книгахъ: «Бакинская губернія» и «Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ».
Спб. Вѣдом. 1871, № 349. Подпис. Г.
281. Къ исторіи ссылки Сперанскаго. (Двѣ замѣтки о генералѣ А. В. Воейковѣ).
Русск. Арх. 1871, № 12, стр. 2073 — 2078 и 2121 — 2124.

282. Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (1745 — 1784). Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ.
Русская Старина, историч. изданіе 1872, кн. II, стр. 215 — 284. Читано въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1871 г. (Вошло въ изданіе: «Сочиненія и письма Хемницера», см. ниже, № 295).
283. Сочиненія Державина. Томъ VI. Переписка (1794—1816) и «Записки». Съ портретомъ Державина. 1871, xxx, 904 и 2 венум. стр. (см. здѣсь № 229).
284. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ IV, 1871, vi и 274 стр. (см. здѣсь № 254).

1872.

285. Замѣтка о нищихъ на Васильевскомъ острову.
Спб. Вѣдом. 1872, № 26. Подп. «Островитянинъ».
286. Памятная книжка Хемницера.
Русская Старина, истор. изд. 1872, книга IV, стр. 612 — 623.
287. Филологическая замѣтка о словѣ аистъ и о названіяхъ нѣкоторыхъ днѣпровскихъ пороговъ.
Журн. М. Нар. Просв. 1872, т. CLX, № 4, стр. 288 — 294. Вошло во 2-е изданіе «Филологическихъ Разысканій».
288. Замѣтка о спб. гимнастическомъ обществѣ.
Спб. Вѣдом. 1872, №№ 122 и 128 (см. здѣсь № 272).
289. Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ.
Спб. Вѣдом. 1872, авг. 1, № 268; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873 т. X, стр. 55 — 59.
290. Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Читано въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 31 мая 1872 года.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, № 3, стр. 1 — 56 (и отд. отт.).
291. Сочиненія Державина. Томъ VII. Сочиненія въ прозѣ. 1872, xvii, 157 и 3 вен. стр. (см. здѣсь № 229).

1873.

292. Екатерина II въ своей литературной перепискѣ.
Правит. Вѣстн. 1873, № 287; Сборн. Импер. Русск. Истор. Общества, т. XIII, Спб. 1874, стр. xii — xxvi.

293. Замятка о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ русскаго языка.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1773, т. X, стр. lxxi — lxxv. Вошло во 2-е изд. «Филологическихъ Разысканій». См. здѣсь № 319.
294. Воспоминаніе о Вл. Ив. Далѣ (съ извлеченіями изъ его писемъ).
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, стр. 37 — 54. №№ 289 и 294 напечатаны и отдѣльными оттисками, подъ общимъ заглавіемъ: «Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ». Спб. 1873, 8°, стр. 37 — 59.
295. Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и примѣч. Я. Грота. Къ тексту приложены: портретъ Хемницера и снимки съ его почерка. Спб. 1873, v и 434 стр.
296. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота. Спб. 1873, 8°, 162 стр.
Эта книга есть отдѣльное изданіе одной части слѣдующаго за симъ номера.
297. Филологическія Разысканія. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1873, vni, и 668 стр.

1874.

298. Первенцы Лицея и его преданія.
Складчина, лит. сборникъ. Спб. 1874. (6. 8°). стр. 339 — 376.
299. Библиографическая замѣтка о нѣмецкомъ переводѣ басенъ Крылова, изданномъ Ф. Лѣве.
Спб. Вѣдом. 1874, № 61.
300. Видѣніе Валы (изъ Сеймундовой Эдды).
Образцовыя произведенія скандинавской поэзіи, изд. редакціи Филологическихъ Записокъ, ч. 1. Воронежъ, 1875, стр. 29 — 38.
301. Желѣзнодорожная замѣтка.
Спб. Вѣдом. 1874, № 248. Подп. «Пассажиръ 2 класса».
302. Фритіофъ, скандинавскій витязь, поэма Тегнера. Второе, исправленное изданіе. Съ прилож. перев. первоначальной исландской саги. Воронежъ, 1874, 8°. IV, 170 и 29 стр.
Отдѣльный оттискъ изъ «Сборн. Скандинавской поэзіи». См. здѣсь №№ 29 и 300.

303. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XIII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ (1762 — 1774). Спб. 1874. лн и 471 стр.

1875.

304. Воспитаніе Екатерины II.
Древн. и Нов. Россія 1875, № 2, стр. 110 — 125.
305. Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ. — Ея часовыхъ дѣлъ мастеръ Фази.
Русская Старина, истор. изд. 1875, кн. XI, стр. 587 — 590.
306. Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ (по датскимъ извѣстіямъ).
Русская Старина, историч. изд. 1875, книга IV, стр. 760 — 768.
307. Рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ въ честь В. Я. Буняковского.
Описание празднованія докторскаго юбилей вице-президента Академіи Наукъ. Спб. 1876, стр. 27 — 30.
308. Старина Царскосельскаго Лицея: 1) Малиновскій и Вальховскій; 2) Матюшкинъ; 3) Лицейскія годовщины.
Русск. Арх. 1875, № 4, стр. 479 — 498.
309. Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду матежа и къ поимкѣ Пугачева.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1876, т. XV, в отд. оттиски, стр. 1—144
См. выше №№ 205 и 214.
310. Письмо о брошюрѣ И. Валькова (псевд.): «Сборникъ правилъ р. правописанія» и проч.
Голосъ 1875, № 279.

1876.

311. Привѣтствіе академику Ф. Ф. Бранту въ день его юбилея.
Спб. Вѣдом. 1876, № 13; нѣмецкій переводъ St. Petersburg. Zeitung 1876, № 13.
312. Разборъ книгъ: «Опытъ фонетики резыянскихъ говоровъ», И. Бодуэна де Куртенэ. Варшава 1875, и «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго». Е. Бѣлявскаго, М. 1875.
Журн. М. Нар. Просв. 1876, № 1, т. CLXXXIII, стр. 190 — 204.

313. Воспоминаніе о графѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ.
Русская Старина, историч. изд. 1876, книга II, стр. 422 — 425.
314. Екатерина II и Густавъ III. Статья 1.
Древняя и Новая Россія 1876, № 2, стр. 105—129 (см. здѣсь № 323).
315. Библиографическая замѣтка о Каспій, академика Дорна.
Спб. Вѣдом. 1876, № 62.
316. Старина Царскосельскаго Лицея. Графъ М. А. Корфъ.
Де-Будри. Еженедѣльные бесѣды.
Русск. Арх. 1876, кн. I, стр. 481 — 487.
317. «Горе-Богатырь» Екатерины II.
Братская Помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Спб. 1876, стр. 185 — 190. Вошло потомъ въ приложенія къ статьѣ «Екатерина II и Густавъ III», въ Сбор. Отд. р. яз. и слов. (см. здѣсь № 323).
318. Письмо изъ Рима (сент. 1876 г.).
Славянскій Сборникъ, 1877, т. II, Отд. III, стр. 17 — 23.
319. Филологическія Разысканія (см. здѣсь № 297), второе, значительно дополненное изданіе, въ двухъ томахъ: Томъ I. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1876, viii и 526 стр. — Томъ II. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра В. донынѣ. Спб. 1876, xii, 460 и ненум. стр. (Совершенно переработанное изданіе № 296).
Томъ II выпущенъ и въ видѣ отдѣльнаго труда подъ заглавіемъ: «Спорные вопросы» и т. д.
320. Сочиненія Державина. Второе изданіе. Томъ V, 1876, lix и 939 стр. — Томъ VI, 1876, xxviii и 840 стр. (см. здѣсь № 254).
321. Въ память Юрія Федоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины. Съ приложеніемъ портрета. Изд. Славянскаго комитета. Спб. 8^о, 53 стр.
- 1877.
322. Эпизодъ изъ Пугачевщины.
Древняя и Новая Россія 1877, № 3, стр. 230—248. (Вошло потомъ въ біографію Держ. Сочиненія его, т. VIII: см. ниже № 350).
323. Екатерина II и Густавъ III. Статья 2-я.
Русская Старина, историч. изд. 1877, книга III, стр. 408 — 417.

См. зкѣсь № 314. Обѣ статьи, слитыя вмѣстѣ и дополненныя приложеніями, напечатаны въ Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878 г., т. XVIII, № 1, стр. 1 — 115.

324. Забѣтка къ статьѣ «Герцогиня Кингстонъ».

Русская Старина, историч. изд. 1877, книга III, т. XVIII, стр. 417—418.

325. Некрологъ Рунеберга.

Спб. Вѣдом. 1877, апр. 28, № 116.

326. Филологическія занятія Екатерины II.

Р. Арх. 1877, № 4, стр. 425 — 442.

327. Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой.

Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. 1877, т. XX, стр. 525 — 542. Вошло потомъ, съ перебрѣнами, въ біографію Держ. Соч. его, т. VIII.

328. Рѣчь на шведскомъ языкѣ, произнесенная въ Упсалѣ отъ имени Академіи Наукъ на юбилей тамошняго университета 6 сентября (26 авг.). 1877 г.

Nya Dagligt Allehanda 15 (8) сентября 1877; Helsingfors Dagblad 7 (19) сент. 1877. Русскій переводъ въ статьѣ «Воспоминанія о 400-лѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета» (см. далѣе, подъ № 330).

329. Рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная на ужинѣ въ Дротнинггольмѣ, въ отвѣтъ королю Оскару II, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, 8 сент. (28) авг.) 1877 г.

Nya Dagligt Allehanda 15 (8) сент. 1877. Перепеч. въ Journal de St.-Petersbourg 14 (26) сент. 1877, № 242. Русскій переводъ напечатанъ въ Сѣв. Вѣстникѣ 15 сент. 1877, № 187, и въ Моск. Вѣдом. 18 сент. 1877, № 231.

330. Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета.

Спб. Вѣд. 1877, №№ 251, 254 и 263 (отъ лица русскаго очевидца). Поляѣе: Зап. Акад. Наукъ 1877, т. XXXI, № 1; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 2, стр. 1 — 67.

1878.

331. Рѣчь по случаю празднованія 150-лѣтняго юбилея Спб. Вѣдомостей.

Спб. Вѣд. 1878, №№ 17 и 18.

332. Письмо къ редактору «Новаго Времени» о нашей журна-листикѣ.

Новое Время 1878, янв. 19, № 680.

333. *В. Я. Буняковскому, въ день его юбилея, 7 мая.
Спб. Вѣдом. 1878, № 126.
334. Замятка о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 8, стр. 1—22. Первоначально на нѣмецкомъ языкѣ въ Archiv für Slavische Philologie, 1878, Band III, Heft 1, стр. 138—151: Ueber die Natur einiger Laute im Russischen.
335. Отчетъ о присужденіи преміи графа Куселева-Безбородко за біографію князя А. А. Безбородко, соч. Н. И. Григоровича.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 7, стр. 1—34.
336. Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (съ литограф. снимкомъ изъ русск. текста договора).
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 4, стр. 1—32. Последняя статья — о происхожденіи Екатерины I — въ шведскомъ переводѣ г. Вестрина напечатана въ Historiskt Bibliotek 1880, Häftet III, стр. 571—587. (отд. отт. на обоихъ языкахъ).
337. Гриммъ и г-жа Д'Эпинъ.
Руск. Арх. 1878, № 8, стр. 463—471.
338. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (некрологъ).
Новое Время 1878, ноября 19, № 980; Моск. Вѣдом. 1878, № 297; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, стр. ix—xi.
339. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.
Спб. Вѣдом. 1879, №№ 19 и 20; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 5, стр. 10—30.
340. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общества (см. здѣсь № 303). Томъ XXIII. Спб. 1878, VIII и 734 стр. Изданъ въ то же время отдѣльно, подъ заглавіемъ: Lettres de Catherine II à Grimm. Письма императрицы Екатерины II къ Гримму (1774—1796). По порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества издалъ акад. Я. Гротъ.
341. Сочиненія Державина. Второе изданіе, Томъ VII, 1878, XIV и 661 стр. (см. здѣсь № 254).
- 1879.
342. О словѣ «шпильманъ» въ старинныхъ русскихъ памятникахъ.
Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 1, стр. 35—38.

343. По поводу замѣтки о словѣ «шпильманъ».
Новое Время 1879, іюля 3, № 1200.
344. Замѣтка о брошюрѣ «Die Sylben-analyse als sprachliches Lehr- und Lern-Mittel, von Cleary».
Русск. Филолог. Вѣсти. 1879, № 1, стр. 103 — 105.
345. Замѣтки о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій.
Филолог. Записки 1879, вып. I, стр. 1 — 6. Указанія на неправильности въ сравнительной грамматикѣ Миклошича. №№ 343 и 344 войдутъ въ 3-е изданіе Филологическихъ Разысканій.

1880.

346. Къ вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи.
Филолог. Зап. 1880, вып. V, стр. 11 — 16.
347. Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину, читанный 5 іюня 1880 г. въ залѣ Московской городской думы.
Москов. Вѣдомости 1880, іюня 6, № 155.
348. Личность Пушкина.
Новое Время 1880, іюня 24, № 1551. Читано въ торжеств. собраніи Общества Любителей Росс. Словесности, 7 іюня 1880 г., въ Москвѣ. Перечень въ книгѣ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», Спб. 1881, стр. 233 — 248.
349. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья первая.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 1, стр. 1 — 130.
350. Сочиненія Державина (см. здѣсь № 229). Томъ VIII. Биографія поэта. Съ портретомъ, рисунками и снимкомъ. 1880, хпш, 1043 и 1 ненум. стр. Издавъ въ то же время въ видѣ отдѣльнаго труда, подъ заглавіемъ: «Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ описанная Я. Гротомъ».

1881.

351. Еще замѣтка къ записанной Пушкинымъ былинь о Стенькѣ Разинѣ.
Русь 1881, февр. 6, № 13, стр. 17 — 18.
- Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

352. Пѣснь Пушкина о Стенькѣ Разинѣ.
Русь 1881, февр. 20, № 15, стр. 16 — 17.
353. Переписка Пушкина съ Плетневымъ.
Вѣстн. Евр. 1881, № 3, стр. 5 — 18.
354. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья вторая.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1881, т. XXI, № 4, стр. 1 — 300. (См. здѣсь № 349).
355. Замятка о брошюрѣ «Etymologische Beiträge» и проч. von Dr. Haag. Zürich. 1880.
Archiv für slav. Philologie; Филолог. Зап. 1881, вып. IV — V, стр. 12—15. Войдетъ въ 3-е изд. Филологическихъ Разысканій.
356. Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ.
Моск. Вѣдом. 1881, авг. 26, № 236. Описаніе путешествія Пальмквиста.
357. По вопросу о прекращеніи торговли въ воскресные дни.
Воронежскій Телеграфъ 1881 г., сент. 4, № 100.
358. Эрикъ Лаксманъ. По поводу книги г. Лагуса: «Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brevvexling». Helsingfors, 1880.
Спб. Вѣдом. 1881, №№ 320 и 321; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, № 1, стр. 1 — 22.
359. Изъ міра шведской и финской поэзіи.
Юбилейная книжка. Премія къ Собранію романовъ Ел. Н. Ахматовой. Спб. 1881, стр. 147 — 170.
360. Разборъ словаря областного Архангельскаго нарѣчія, составленнаго А. О. Подвысоцкимъ. (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи).
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, стр. xvii — xxxv.
361. Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II и семь писемъ Дидро къ Екатеринѣ II.
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (см. здѣсь №№ 303 и 340). Томъ XXXIII. Спб. 1881. Тѣ и другія письма изданы также отдѣльно, первыя особымъ томомъ, помѣченнымъ 1880 годомъ (iv и 439 стр.); вторыя брошюрою съ означеніемъ 1881 года: *Sept lettres de Diderot à l'impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie par J. Grot* (32 стр.).

1882.

362. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, № 3, стр. 1 — 33.

363. Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина, читанный въ публичномъ засѣданіи II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ 19 октября 1882 г.

Правительств. Вѣстникъ 1882, № 232; Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1883, т. XXXI, № 4, стр. 1—22. И отдѣльно въ брошюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ вѣстѣ съ разборами Н. Н. Страхова и О. Ф. Миллера.

1883.

364. Когда родился Жуковскій?

Новое Время 1883, января 7, № 2464.

365. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковского. Рѣчь, читанная въ академическомъ собраніи 30 января 1883 г.

Правительств. Вѣстникъ 1883, № 27; Сборн. Отд. русск. языка и слов. 1883, т. XXXII, стр. 1—36 (съ примѣчаніями).

366. Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковского.

Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Т. XXXII, стр. 1 — 16. Эта статья, найденная въ бумагахъ Плетнева, издана отдѣльно ко дню юбилея Жуковского.

367. Библиографическая замѣтка о книгѣ: «В. А. Жуковскій и его произведенія», соч. П. Загарина. М. 1883.

Новое Время 1883, апр. 1, № 2547.

368. Сочиненія Державина. Томъ IX. Со снимками портретовъ, нотами и указателемъ ко всѣмъ томамъ изданія. Дополнительныя примѣчанія и приложенія. 1883, х и 762 стр. Изданъ также въ видѣ II-го тома отдѣльнаго труда подъ заглавіемъ: «Жизнь Державина», съ указателемъ къ обоимъ томамъ біографіи (см. здѣсь №№ 229 и 350).

369. Bemerkungen über das gegenseitige Verhältniss einiger slavischer und nordischer Wörter.

Archiv für Slavische Philologie 1883. Band VII, Heft 1, стр. 134 — 141. То же подъ заглавіемъ: «По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ», съ дополненіями. Филологическія Записки 1883. Выпускъ III.

370. Пьянство и его послѣдствія.

Москов. Вѣдомости 1883, авг. 21, № 231.

371 Основныя начала фонетики, соч. Э. Сиверса.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1883. Октябрь.
Обзоръ содержанія всего сочиненія, съ критическими замѣчаніями.

372. Донесенія шведскаго посланника барона Нолькена о пребываніи въ Петербургѣ Юсяфа П (подъ именемъ графа Фалькенштейна) въ 1780 г., съ примѣчаніями Я. Грота.

Русская Старина 1883, ноябрь.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Помѣщенный выше списокъ трудовъ Я. К. Грота составленъ по поводу пятидесятилѣтняго юбилея его учено-литературной дѣятельности, который праздновался 6 сентября 1882 года. По опредѣленію Отдѣленія русскаго языка и словесности, здѣсь печатаются главные документы, относящіеся къ этому случаю¹⁾.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя академика, тайнаго совѣтника Грота²⁾.

Яковъ Карловичъ! Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей служебной дѣятельности, посвященной всецѣло литературѣ, наукѣ и преподаванію. Исполняя въ теченіе многихъ лѣтъ обя-

---

¹⁾ Описаніе юбилея напечатано: въ Правительственномъ Вѣстникѣ 8 сентября, № 198; въ Новомъ Времени 9 сент., № 2346; во Всемирной Иллюстраціи, въ Огонькѣ и въ Нивѣ того же мѣсяца (съ портретами юбиляра); поздѣе въ Русской Старинѣ 1883, № 1; также въ чешскихъ журналахъ: Rokrok 1882, № 212, и Svetozor № 46. Статья изъ Rokrok издана и отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: «Jakub Karlovič Grot. Jeho život a padesátileté působení». V Praze 1882. 12° 16 стр. См. также газету L'Union 1882, окт. 30, № 303.

²⁾ Былъ прочитанъ у юбиляра г. министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Деяновымъ въ присутствіи президента Академіи наукъ графа Д. А. Толстаго и лицъ, собравшихся для поздравленія академика.

занности профессора въ Гельсингфорскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ Александровскомъ лицѣѣ, вы своимъ постоянствомъ въ трудѣ, даромъ изложенія и душевными качествами имѣли благотворное вліяніе на учащіяся поколѣнія. Впослѣдствіи вы были призваны преподавать русскій языкъ и словесность въ Бозѣ почившему Цесаревичу Николаю Александровичу и Мнѣ; неусыпнымъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ Нашихъ Родителей. Труды ваши по званію члена Академіи Наукъ и Русскаго Историческаго Общества справедливо оценены по ихъ ученому достоинству и отличаются, сверхъ другихъ качествъ, безпристрастіемъ и глубоко-нравственнымъ чувствомъ. Мнѣ особенно пріятно въ столь знаменательный для васъ день выразить вамъ сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«и искренно уважающій васъ **АЛЕКСАНДРЪ**».

6-го сентября 1882 года.

Рѣчь академика А. Ф. Бычкова.

Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ вы, глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ, покинувъ скамью Царско-сельскаго лица, гдѣ въ то время были такъ живы преданія о Пушкинѣ, вступили на служебное поприще. Предъ вами лежала широкая и торная дорога къ отличіямъ и почестямъ, по которой уже успѣшно шли лицейскіе воспитанники предшествовавшихъ вашему выпускѣ; но вы черезъ нѣсколько лѣтъ предпочли ей другую, болѣе скромную и спокойную, и смѣю сказать, болѣе надежную и едва ли не болѣе блистательную. Вы отдали себя всецѣло литературѣ и наукѣ, и этому вашему выбору, этому благородному предпочтенію, мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ и прекрасный переводъ Фритюфъ-саги, передающій всѣ поэтическія

красоты этого перла скандинавской литературы, и ученяя разысканія въ области русскаго языка, и образцовое изданіе твореній поэта «Фелицы», дающее богатый матеріалъ для внутренней исторіи царствованія Екатерины II, и драгоценную переписку этой великой Государыни съ разными лицами и особенно съ барономъ Гриммомъ, и тщательное изданіе басень Хемницера и писемъ Карамзина къ Дмитріеву.

Какъ эти, такъ и другіе ваши многочисленные труды, простой перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько печатныхъ страницъ, отвели вамъ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, которое вы по праву стяжали вашимъ 45-лѣтнимъ служеніемъ отечественному слову, вашею слишкомъ 25-лѣтнею непрерывною и неустанною дѣятельностью въ средѣ Императорской Академіи Наукъ. Въ послѣднемъ отношеніи ежегодные отчеты по Отдѣленію русскаго языка и словесности являлись живыми и неподкупными глашатаями передъ просвѣщеннымъ нашимъ обществомъ о вашихъ трудахъ по званію академика, и оно, всегда чуткое при оцѣнкѣ истинно полезныхъ дѣятелей, уже давно присоединило ваше имя къ именамъ тѣхъ членовъ этого высшаго ученаго учрежденія, которыхъ, по пользѣ, принесенной ими нашему отечеству, знаетъ и уважаетъ всякій образованный русскій.

Но еще до вступленія вашего въ Академію Наукъ была по достоинству оцѣнена ваша профессорская дѣятельность, какъ въ Гельсингфорсскомъ Александровскомъ университетѣ, гдѣ вы знакомили студентовъ не только съ русскимъ языкомъ, но и съ прошлыми судьбами нашего отечества, такъ и въ Александровскомъ лицѣѣ, — дѣятельность, оставившая много свѣтлыхъ воспоминаній въ слушателяхъ этихъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Мнѣ не слѣдовало бы здѣсь касаться вашихъ нравственныхъ качествъ, глубокочтимый юбиляръ, но я не посмѣлъ пройти молчаніемъ того, что извѣстно всѣмъ намъ, а именно, что вы постоянно стоите за все прекрасное и полезное, справедливое и честное; что вы дорожите успѣхами отечественнаго просвѣщенія, потому что любите Россію; что вы уважаете и цѣните оте-

чественныхъ ученыхъ; что вы науку ставите выше всего и выдѣляете ее изъ обыденныхъ отношеній, весьма часто мелочныхъ и себялюбивыхъ; наконецъ, что вы ни на шагъ не отступили отъ того, что сами слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ сказали:

Я передъ ангеломъ благимъ
 Добру и правдѣ общаю
 Всегда служить перомъ моимъ!
 И если я обѣтъ нарушу,
 И если низости змѣя
 Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
 И развратится рѣчь моя,
 Пускай мой бѣлый гость обратно
 Къ тебѣ умчится, помрачась,
 И стихъ исчезнетъ благодатный . . .

И вы не нарушили этого прекраснаго обѣта.

Принося вамъ искреннее поздравленіе какъ отъ себя, такъ и отъ имени отсутствующихъ товарищей по Отдѣленію, съ сегоднешнимъ, многознаменательнымъ для васъ днемъ, я присоединяю къ моему привѣтствію сердечное желаніе, которое безъ сомнѣнія раздѣлитъ каждый, кому не чуждо умственное движеніе въ Россіи, чтобы вы продолжали еще десятки лѣтъ столь же успѣшно, какъ и доселѣ, трудиться надъ воздѣлываніемъ того поля, съ котораго сняли такую богатую жатву, и чтобы ваша полувѣковая ученая дѣятельность служила молодымъ поколѣніямъ поучительнымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ трудиться для науки и на пользу родины.

Рѣчь академика М. И. Сухомлинова.

Глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ! Сочлены ваши по Второму Отдѣленію Академіи Наукъ привѣтствуютъ васъ братскимъ привѣтомъ съ пройденнымъ вами поприщемъ, ознаменованнымъ такими важными, такими драгоценными вкладами въ русскую науку и литературу. Многіе годы вашего безупречнаго прошлаго посвящены Академіи Наукъ, съ которою вы жили и которую, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія, нельзя себѣ

и представить безъ васъ. Имя ваше пользуется громкою извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ Россіи. Вашимъ трудамъ и заслугамъ отдавалась должная справедливость именно тогда, когда всего живѣе выступаетъ потребность почтить заслуги наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и просвѣщенія. С -Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, возвелъ васъ въ степень доктора русской словесности, на основаніи того параграфа устава, по которому возводятся въ степень доктора знаменитые ученые. Московскій университетъ избралъ васъ почетнымъ членомъ при чествованіи памяти великаго русскаго поэта девятнадцатаго столѣтія.

Намъ, членамъ Второго Отдѣленія, излишне было бы входить въ оцѣнку изумительно многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ вашихъ. Мы постоянно пользуемся ими въ нашихъ работахъ, а потому и нѣтъ надобности повторять словами то, что доказывается и подтверждается самимъ дѣломъ. Близкое же знакомство съ вашимъ благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій налагаетъ на насъ обязанность упомянуть о той сторонѣ вашей дѣятельности, которая вполне извѣстна только сочленамъ вашимъ по Академіи Наукъ.

Какъ въ лѣтописи научныхъ трудовъ и предпріятій академіи, такъ и въ лѣтописяхъ академической жизни имя ваше сохранится навсегда съ подобающимъ ему значеніемъ. Право на это вы приобрѣли отзывами и заявленіями своими по вопросамъ академической жизни. Всѣ заявленія ваши проникнуты уваженіемъ къ закону и законности и самою горячею заботливостью о чести и достоинствѣ академіи. Вы считаете обязанностью русскаго академика содѣйствовать вступленію въ академію достойныхъ русскихъ ученыхъ, и съ благородною ревностью заботитесь о томъ, чтобы удержать въ академіи тѣхъ изъ русскихъ ученыхъ, которые рѣшаются преждевременно покинуть ее къ ущербу и для академіи, и для науки. Суть вашихъ дѣйствій и стремленій можно выразить такимъ образомъ: «Академія есть академія наукъ и существуетъ въ Россіи и для Россіи».

Руководясь этимъ началомъ, вы остаетесь вѣрны и основной мысли Петра Великаго, учредившаго Академію Наукъ, и лучшимъ преданіямъ Академіи, связаннымъ съ именами Эйлера, Бэра и другихъ свѣтилъ европейской науки; вмѣстѣ съ тѣмъ вы стоите на твердой почвѣ закона, какъ это блистательно доказывается достопамятнымъ постановленіемъ Государственнаго Совѣта, состоявшимся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Государственный Совѣтъ недавнимъ своимъ постановленіемъ уничтожилъ тѣ преграды, которыя могли бы возникнуть для вступленія русскихъ ученыхъ въ академію. При этомъ академія впервые названа дорогимъ для нея именемъ, которымъ она называлась когда-то и которое давнымъ давно исчезло. Государственный Совѣтъ называетъ академію «русскою академіею наукъ» и находитъ, что «весьма желательно, чтобы доступъ въ академію для Русскихъ, подвизающихся на ученомъ поприщѣ, не былъ ограниченъ, но, напротивъ того, подвергся нѣкоторому расширенію. Необходимость сего очевидна. Въ теченіе прошедшихъ съ изданія послѣдняго академическаго устава пятидесяти лѣтъ, ознаменовавшихся вообще большими успѣхами просвѣщенія въ нашемъ Отеествѣ, наука приобрѣла себѣ въ немъ значительное число преданныхъ и талантливыхъ тружениковъ. Между ними нерѣдко встрѣчаются имена, пользующіяся европейскою извѣстностью. Несомнѣнно, что этой національной нашей силѣ, болѣе чѣмъ кому-либо другому, приличествуетъ мѣсто въ російской Академіи Наукъ».

Честь и слава русскимъ ученымъ, потрудившимся для науки и для Россіи въ истекшее пятидесятилѣтіе! Въ ряду этихъ незабвенныхъ тружениковъ науки вамъ принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Трудами своими вы проложили путь для послѣдующихъ поколѣній русскихъ ученыхъ, соединенныхъ съ вами внутреннею, живою связью.

Вы — утромъ вышли на работу,
Они — въ одиннадцатый часъ.

Мудрый Хозяинъ вертограда, распредѣляющій часы работъ и жизни человѣческой, да сохранитъ васъ для новыхъ трудовъ на избранномъ вами поприщѣ. Дай Богъ, чтобы ваши труды и заслуги, ваши взгляды и мнѣнія встрѣчали всегда и всюду то искреннее, непритворное сочувствіе и то безграничное довѣріе, которыми вы пользовались и пользуетесь въ средѣ ближайшихъ вашихъ товарищей — бывшихъ и настоящихъ членовъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ¹⁾.

Адресъ Александровскаго лицея, прочитанный директоромъ его Н. Н. Гартманомъ, прибывшимъ въ главѣ депутаціи отъ этого заведенія.

Яковъ Карловичъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совѣтъ лицея, награждая васъ первою золотою медалью и отпуская на поприще общественной дѣятельности, возлагалъ на васъ лучшія надежды. Эти надежды не остались тщетными. Вы отблагодарили лицей: въ теченіе десяти лѣтъ вы были украшеніемъ лицея, но уже не въ качествѣ ученика, а какъ профессоръ. Лицей не забудетъ вашей профессорской дѣятельности, не забудетъ онъ и рѣчи, которую вы нѣкогда произнесли въ немъ на торжественномъ актѣ и которую можно счесть одною изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ русской литературѣ. Вы вдвойнѣ принадлежите лицей. и онъ гордится этимъ. Въ настоящій торжественный день пятидесятилѣтія вашего служенія государству и обществу совѣтъ лицея является передъ вами съ искреннимъ поздравленіемъ и желаніемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности еще на многіе годы.

Привѣтствіе С. Петербургскаго университета, прочитанное деканомъ Историко-Филологическаго факультета В. В. Бауэромъ, прибывшимъ съ членами университетскаго Совѣта.

Глубокоочтимый Яковъ Карловичъ. Полвѣка исполняется сегодня вашему служенію отечественной наукѣ. Въ теченіе

¹⁾ Рѣчь, которую Я. К. Гротъ выразилъ сочленамъ свою благодарность, напечатана въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ Отдѣленія въ XXXI томѣ *Сборника*.

столь долгаго времени вы были неутомимымъ труженикомъ ея, любившимъ истину для нея самой, живымъ примѣромъ неослабной ревности о ней для молодыхъ поколѣній, на образование которыхъ въ свое время вы посвятили лучшія силы. Русская наука всегда будетъ гордиться вашими работами для нашей литературы и родного языка.

Выразивъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, свое глубокое уваженіе къ ученой дѣятельности вашей избраніемъ васъ на степень доктора, Совѣтъ С. Петербургскаго университета привѣтствуетъ васъ въ настоящій многознаменательный день, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ русскаго просвѣщенія. Желая почтить вновь вашу любовь къ наукѣ и заслуги предъ нею, на благо которой да продлится ваша многоплодная жизнь, университетъ единогласно избралъ васъ своимъ почетнымъ членомъ¹⁾.

Подписали 15 членовъ Совѣта.

Привѣтствіе, сказанное отъ имени Историко-Филологическаго института инспекторомъ его, Н. П. Некрасовымъ.

Яковъ Карловичъ! Императорскій С.-Петербургскій Историко-Филологическій институтъ, выражая предъ вами свое глубокое уваженіе къ вашимъ полезнымъ трудамъ по русской филологіи, привѣтствуетъ день вашего пятидесятилѣтняго юбилея и искренно желаетъ, чтобы какъ ваша жизнь, такъ и соединенная съ нею ваша почтенная научная дѣятельность длилась еще долго и долго на пользу отечественнаго просвѣщенія.

---

¹⁾ За тѣмъ, въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ, дипломы на званіе почетнаго члена получены Я. К. Гротомъ отъ университетовъ: Св. Владиміра, Казанскаго и Новороссійскаго.

**Привѣтственный адресъ отъ Юго-Славянской академіи наукъ
и художествъ въ Загребѣ.**

Preuzvišeni gospodine! Dozvolite, da se i ova akademija, koja se ponosi što vas u svojem krugu imade, pridruži onoj obćenitoj radosti, koju svakolika učena Rusija osjeća i očituje prigodom $\frac{6}{18}$ t. m. dovršena petdeset-godišta vašega na polju nastave i znanošći velezasluzhnoga rada; te da vam izjavi svoju iskrenu želju, da vas svemožni Bog mnogo još godina zdrava i kriegpka uzdrži vašoj velikoj otačbini, cielomu Slavjanstvu i nauci¹⁾.

U Zagrebu, 24 rujna 1882.

Dr. Nr. Račkij predsjednik. Dr. B. Šulek tajnik.

**Телеграмма его императорскаго высочества герцога Николая
Максимиліановича Лейхтенбергскаго.**

Regrette n'avoir pas connu plus tôt le jour du cinquantième anniversaire de votre activité scientifique pour me joindre à ceux qui vous ont témoigné leurs sympathies et leur estime que j'ai toujours eues pour vous depuis mon enfance. Que Dieu vous conserve longtemps pour la gloire de la science en Russie²⁾.

Duc Nicolas Leuchtenberg.

¹⁾ (Переводъ съ хорватскаго). Ваше превосходительство. Позвольте и нашей академіи, которая гордится тѣмъ, что вы принадлежите къ ея средѣ, присоединиться къ общей радости, заявляемой всею ученою Россіею по случаю совершившейся 6-го (18-го) сентября годовщины вашей пятидесятилѣтней высоко-заслуженной дѣятельности на поприщѣ преподаванія и науки. При этомъ позвольте академіи выразить свое искреннее желаніе — да сохранить васъ Господь Богъ еще на многіе годы здоровымъ и бодрымъ, на пользу вашему великому отечеству, всему Славянству и наукѣ.

Загребъ, 24-го сентября 1882 года.

Д-ръ К. Рачкій, предсѣдатель. Д-ръ Б. Шулекъ, секретарь.

²⁾ (Переводъ съ французскаго). Жалѣю, что не зналъ ранѣе о днѣ пятидесятой годовщины вашей ученой дѣятельности, чтобы присоединиться къ лицамъ, выразившимъ вамъ свои симпатіи и уваженіе, чувства, которыя я всегда питалъ къ вамъ съ самаго дѣтства. Да сохранить васъ Богъ надолго для славы науки въ Россіи. Герцогъ Николай Лейхтенбергскій.

Телеграмма изъ Москвы отъ имени Императорскаго Русскаго Историческаго общества.

Искренно сожалѣемъ, что не можемъ лично принести вамъ поздравленіе и спѣшимъ выразить вамъ отъ лица Историческаго общества и общую радость по случаю сегодняшняго праздника, и глубокую признательность за ваше неутомимое сотрудничество и сочувствіе. Дай Богъ вамъ еще много лѣтъ трудиться на пользу русской науки.

Предсѣдатель А. Половцовъ. Секретарь Г. Штендманъ.

Адресъ Совѣта Варшавскаго университета.

Пятьдесятъ лѣтъ исполнилось на дняхъ со времени выступленія вашего на поприще литературнаго и общественнаго служенія Россіи, а съ нею и всему Славянству. Служеніе это ознаменовалось цѣлымъ рядомъ важныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ филологическихъ и историко-литературныхъ наукъ вообще, а русско-славянскихъ въ частности. Русскій языкъ, въ его историческихъ судьбахъ, современномъ видѣ и отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ, былъ предметомъ вашего непрерывнаго изученія и всесторонняго изслѣдованія. Плодомъ этихъ занятій были многочисленныя сочиненія, статьи и замѣтки по русской грамматикѣ и лексикологіи, вошедшія въ ваши «Филологическія Разыканія». Обширный трактатъ «О спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» сталъ настольною книгою каждаго русскаго филолога и постепенно завоевываетъ себѣ значеніе общеобязательнаго кодекса въ области вопросовъ орфографическихъ.

Монументальное ваше изданіе сочиненій Державина является трудомъ единственнымъ въ русской литературѣ, да и въ любой европейской оно могло бы считаться образцовымъ по научности приемовъ и важности историко-литературныхъ объясненій. Не съ однимъ, впрочемъ, Державинымъ сдружили вы свое

мя: оно тѣсно связано съ изученіемъ и многихъ другихъ писателей и дѣятелей прошлаго и нынѣшняго вѣка, напримѣръ Ломоносова, Хемницера, Крылова, Карамзина, Дмитриева, особенно же Екатерины II-й, какъ Государыни и писательницы.

Вамъ же обязана русская литература ознакомленіемъ съ поэтическими сокровищами шведскаго и финскаго Сѣвера, а послѣдній открытіемъ доступа къ языку и литературѣ русской.

Если прибавить ко всему этому вашу плодотворную педагогическую дѣятельность въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, а также по образованію членовъ Царской Семьи; ваше тридцатилѣтнее, почти уже, участіе въ трудахъ Императорской Академіи Наукъ, гдѣ вы всегда старались и умѣли примирять интересы чистой науки съ условіями народной жизни; ваше теплое содѣйствіе всякому доброму научному и общественному начинанію, то получается такой итогъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ, который создаетъ для васъ право на уваженіе и признательность не только современниковъ, но и отдаленнаго потомства.

Во вниманіи ко всему изложенному, Совѣтъ Императорскаго Варшавскаго университета опредѣлилъ привѣтствовать васъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея и пожелать вамъ еще многихъ лѣтъ столь же безупречной, просвѣщенной и плодотворной дѣятельности.

Гор. Варшава, 29-го сентября 1882 года.

(Слѣдуютъ подписи ректора и декановъ университета.)

Адресъ Совѣта Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ ¹⁾.

Väl äro snart hela tre decennier hänsvunna sedan Eders Excellens, i egenskap af lärare, tillhörde Alexanders-Universi-

¹⁾ (Переводъ со шведскаго). Хотя скоро исполнится тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ вы, въ качествѣ профессора, принадлежали Александровскому университету; хотя въ Совѣтъ его нѣтъ уже никого изъ прежнихъ со товарищей вашихъ; хотя смерть уже похитила наибольшую часть самыхъ близ-

tetet; väl återfinnes numera i dess konsistorium ingen af Edra forne embetsbröder; väl har döden bortryckt de allra flesta bland Edra närmaste finske vänner; men oförminskad och oföränderlig fortlevver, i kär tradition från äldre till yngre akademiska släkten, högaktningen för Eder personlighet, tacksamheten för hvad Ni verkat till vårt lärosätes fromma.

Dessa känslor, dessa minnen, lifvas särskildt i en stund, då oss unnas betyga Eder en vördnadsfull lyckönskan att med obrutna kropps- och själskrafter hafva nått den höga lefnadsåldern af sjuttio år; ja de söka sig, dessa tänkesätt, desto mera manande ett uttryck, som endast genom en ogynsam tillfällighet Finlands högskola nyligen gick miste om fågnaden att, med så många an-

---

кихъ вамъ финляндскихъ друзей; но неизмѣнно и безъ ущерба живеть, въ дорогомъ преданіи отъ старшихъ университетскихъ поколѣній къ младшимъ, уваженіе къ вашей личности и благодарность за то, что вы сдѣлали на пользу нашего храма наукъ.

Эти чувства, эти воспоминанія пробуждаются съ особенною живостью теперь, когда мы можемъ принести вамъ почтительное поздравленіе по случаю достиженія вами, съ полнымъ сохраненіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, преклоннаго 70-тилѣтняго возраста. Потребность выразить вамъ эти мысли ощущается тѣмъ сильнѣе, что только неблагопріятная случайность недавно лишила финляндскій университетъ удовольствія официально привѣтствовать васъ, вмѣстѣ съ столь многими другими учеными обществами, въ годовищину вашего пятидесятилѣтняго служенія.

Позвольте припомнить знаменательныя обстоятельства, впервые привязавшія ваше участіе, ваше сочувствіе къ самымъ дорогимъ интересамъ нашей родины. Прибывъ, правда, еще молодымъ гостемъ, но уже извѣстнымъ и уважаемымъ за литературные труды и талантливые переводы изъ лучшихъ произведеній финской и шведской поэзіи, — прибывъ на двухсотлѣтній юбилей нашего университета, вы почтили его памятною книгой, которая своимъ привлекательнымъ изложеніемъ и цѣннымъ содержаніемъ доставила вамъ не только самую теплую признательность всѣхъ нашихъ литературныхъ и академическихъ круговъ, но и милостивое расположеніе, распространявшееся и на предметъ книги — нашъ древній университетъ — со стороны августѣйшаго его канцлера, впоследствии Императора Александра II, достославной и любезной памяти.

Около помянутаго времени бывъ назначены профессоромъ русской исторіи, языка и литературы при Александровскомъ университетѣ, вы успѣли, частью тщательно приготовляемыми лекціями, частью изданіемъ хорошихъ учебниковъ и другихъ трудовъ, возбуждать въ молодежи охоту къ этимъ, въ нашемъ положеніи столь важнымъ для насъ предметамъ. Въ то же время

dra vetenskapliga samfund, officiellt frambära sin hyllningsgård vid Edert femtioåra tjenstjubileum.

Tillåt, Eders Excellens, en flygtig erinran om det betydelsefulla tillfälle, hvilket först sammanknöt Edert deltagande, Eder välvilja, med vårt fosterlands dyrbaraste intressen. Anländ, väl som ung, men redan för vitter idrott och talangfulla öfversättningar ur Finlands och Sveriges yppersta skaldeverk berömligen känd och ärad gäst till vår högskolas andra sekularhögtid, hedrade Ni henne med en minnesskrift, hvars anstående form och värderika innehåll tillvunno Eder icke blott det varmaste erkännande i alla våra litterära och akademiska kretsar, utan jemväl en huldrik och på skriftens föremål, vårt åldriga läroverk, tillbakafallande bevågenhet af dess dåvarande Höge Kansler, sedermera Kejsar Alexander II, glorvördig och älskad i åminnelse.

ивѣнія, которыя вы подавали, и вашъ образъ дѣйствій въ университетскомъ совѣтѣ, какъ свидѣтельствууютъ и теперь еще наши акты, постоянно отличались искреннѣйшею гуманностью и просвѣщеннымъ усердіемъ къ правдѣ, закону и праву.

Такъ, при возраставшихъ къ вамъ симпатіяхъ вашихъ товарищей и слушателей, протекло 12 лѣтъ, когда милостью Государя и благоволеніемъ Канцлера вы были призваны въ столицу къ участию въ воспитаніи двухъ старшихъ сыновей Цесаревича, великихъ князей Николая и Александра. Оба августѣйшіе воспитанники ваши впоследствии были также Канцлерами Александровскаго университета.

Не только это счастливое обстоятельство, но и качества вашей многообъемлющей и плодотворной авторской дѣятельности по исторіи, лингвистикѣ и литературѣ при первенствующемъ ученomъ учрежденіи Имперіи, а равно ваша дружеская и ученая переписка съ нашими знаменитыми современными писателями, Рунебергомъ, Ленротомъ и др., наконецъ ваши по временамъ повторявшіяся посѣщенія Финляндіи доставляли намъ удовольствіе всегда видѣть въ васъ высокоуважаемаго почетнаго члена нашего университета.

Провидѣніе, давшее вамъ силы совершить столь же важные, сколько и славные труды, да поддерживаетъ еще долго, долго ваше здоровье и любовь къ занятіямъ на пользу изслѣдованія и науки, на радость вашего отечества и того университета, который пожалъ богатые плоды отъ трудовъ вашей юности и съ благодарными благожеланіями слѣдитъ за вашею старостью.

Отъ имени Александровскаго университета Совѣтъ его.

(Слѣдуютъ подписи: ректора д-ра Лагуса и 19-ти профессоровъ).

Гельсингфорсъ, 15 (27) декабря 1882 года.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Kring antydd tidpunkt utnämnd professor i ryska historien, språket och litteraturen vid Alexanders Universitetet, lyckades Ni, dels genom vårdade föreläsningar, dels genom utgifna förtjenstfulla läroböcker och andra arbeten, hos ungdomen lifva hågen för dessa i våra förhållanden så viktiga kunskapsämnen; på samma gång Edra vota och åtgöranden vid det konsistoriela rådsbordet, såsom våra akter ännu intyga, städse stämplades af redbaraste humanitet samt upplyst nitälskan för sanning, lag och rätt.

Så hade, under växande sympatier från Edra kollegers och lärjungars sida, tolf år förflutit, då Monarkens nåd och Kanslers ynnest kallade Eder att i residensstaden handleda den senares tvenne äldste söner, Storfurstarne Nikolai och Alexander. Begge Edra Höga elever blefvo framdeles, efter hvarandra, jemväl de, Kanslerer för Alexanders Universitetet.

Icke mindre denna lyckliga omständighet, än arten af Eder omfattande och gedigna såväl historiska som lingvistiska och skönlitterära forfattare-verksamhet vid Kejsardömet's förnämsta vetenskapliga institution, jemte en förtrolig och lärd brevvetling med våra samtida litterära stormän, en Runeberg, en Lönnrot o. a., samt dessemellan äfven Edra temporära besök på denna ort, hafva skänkt oss förmånen at fortfarande betrakta Eder som en vördad hedersledamot af finska Universitetet.

Mätte den Försyn, som gifvit Eders Excellens förmågan att utföra lika magtpåliggande som ärofulla lefnadsvärf, ännu länge, länge uppehålla Eder helsa och arbetslust, till gagn för forskningen och vetenskapen samt till glädje och hugnad för Edert fädernesland och för den högskola, som njutit rika frukter af Eder ungdoms id och med tacksam välgångsönskan följer Eder ålderdom.

På Kejsarliga Alexanders Universitetets vägnar

Dess Konsistorium: etc.

Постановленіе С. Петербургской Городской Думы.

С. Петербургская Городская Дума, собравшись 10-го сего сентября, въ первое послѣ бывшаго, 6-го числа юбилея академика Я. К. Грота, засѣданіе, единогласно постановила принести Якову Карловичу поздравленіе отъ имени Городскаго Общества.

ПРИМѢЧАНІЕ. Рядъ этихъ документовъ, оканчивается заявленіемъ академика А. Н. Веселовскаго въ Отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія за 1882 годъ, который напечатанъ въ XXXI томѣ *Сборника*.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ списку сочиненій, переводовъ и изданій

Я. К. Грота.

(Цифры указываютъ номера въ спискѣ).

- Библиографическія замѣтки, 3, 6, 8, 17, 62, 77, 80, 84, 86, 125, 126, 150, 153, 154, 176, 198, 213, 231, 233, 268, 274, 275, 280, 299, 310, 315, 324, 344, 355, 367, 372.
- Биографическія статьи и замѣтки, 5, 30, 83, 103, 107, 192, 203, 208, 216, 217, 222, 226, 230, 245, 250, 260, 281, 282, 286, 308, 316, 337, 348, 364, 365.
- Географія и топографія, 13, 78, 79, 152, 244.
- Гимнастика, 183, 259, 272, 288.
- Журналы русскіе, 110, 141, 126, 147, 332.
- Изданія сочиненій писателей, 59, 60, 186, 197, 229, 236, 239, 242, 246, 254, 263, 264, 271, 283, 284, 291, 292, 295, 320, 321, 341, 350, 366.
- Исторія русская, 52, 69, 102, 108, 148, 149, 151, 161, 162, 166, 172, 190, 205, 214, 218, 256, 266, 290, 303 — 306, 309, 314, 322, 323, 336, 339, 340, 349, 354, 356, 361, 362.
- Исторія шведская, 18, 85, 108, 113, 140, 149, 161, 162, 166, 172, 256.
- Исторія литературы русской, 107, 108 — 111, 173, 187, 188, 204, 206, 210, 228, 234, 235, 240, 243, 249, 258, 267, 276, 317, 326, 327, 347, 351, 352, 353, 363.
- Исторія литературы шведской, 87, 113, 358, 359.
- Критическія статьи, 15, 87, 144, 147, 180, 195, 200, 201, 202, 223, 227, 255, 261, 312, 335.
- Некрологи, 131, 142, 160, 219—221, 238, 279, 289, 294, 313, 325, 338.
- Педагогика, 169, 175, 251, 257, 270, 273, 277, 298.
- Переводы: изъ Байрона, 2; Вордсворта, 37; Калевалы, 11; Линсена, 33; неизвѣстнаго финскаго поэта, 17; нѣмецкой поэзіи, 114, 117, 119; Рунеберга, 9, 13, 27, 31, 32

- 42, 182; Рюкерта, 44; скандинавской поэзии, 300; Соути, 65; Стагелюса, 63; Тегнера, 29, 302; Уланда, 28; финской поэзии, 11, 33, 359; Францена, 30, 35, 39, 40, 118; шведской поэзии, 4, 43, 68, 97, 359; Эдды, 300.
- Поэзия скандинавовъ, 7, 15. См. Переводы.
- Поэзия шведская, 4, 5, 8, 9, 17, 24, 27, 31, 32, 35, 39, 40, 42, 43, 359.
- Путешествія, 5, 14, 128, 129, 132—136, 139, 198, 207, 208, 215, 247, 248, 269, 307, 311, 318, 330.
- Рѣчи, 61, 81, 170, 185, 196, 230, 241, 257, 290, 292, 328, 329, 331, 348, 365.
- Смѣсь, 1, 143, 165, 189, 211, 212, 225, 232, 237, 265, 278, 285, 301, 357, 370.
- Статьи для дѣтскаго чтенія (проза), 45—58, 69, 70—76, 83, 99—106, 123, 124, 138, 141.
- Стихотворенія для дѣтей, 36 — 44, 64—68, 82, 88—98, 114—121, 127.
- Стихотворенія оригинальныя, 10, 12, 19, 20—26, 34, 63, 96, 122, 174, 181, 193, 194, 333.
- Филологія:
- грамматика, 112, 130, 145, 155, 163, 164, 167, 169, 178, 191, 199, 297, 319, 334, 345, 346, 371.
  - правописаніе, 209, 296.
  - слова областныя, 156—158.
  - словари, 137, 156 — 159, 168, 177, 179, 184, 224, 252, 261, 262, 287, 293, 342, 343, 360, 369.
  - удареніе въ словахъ, 167, 178, 191, 253.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
къ списку сочиненій, переводовъ и изданій

Я. К. Грота.

(Цифры указываютъ номера въ спискѣ).

Академія Наукъ, 201, 230, 240, 290, 307, 311, 328.	Броссъ, 252.
Александровскій университетъ. См. Университетъ.	Буняковскій, В. Я., 307, 333.
Александръ I, императоръ, 108, 129.	Бѣлинскій, В. Гр., 200.
Александръ II, императоръ, 17, 61.	Бѣлявскій, Е., 312.
Александръ III Александровичъ, им- ператоръ, 97, 171.	Вальковъ (псевд.), 310.
Альмвистъ, 62, 80, 84.	Вальховскій, товарищъ Пушкина, 308.
Андерсенъ, 137.	Вассеръ, проф., 80.
Анна Леопольдовна, правит., 306.	Вестригъ, 336.
Арсесій Мацѣевичъ, 305.	Воейковъ, А. В., ген., 281.
Арсеньевъ, К. И., 234.	Война 1788 года, 256.
Аттербомъ, 17, 86.	Война 1808 года, 108, 140, 149, 166.
Ахматова, Е. Н., 359.	Воронежская печать, 269.
Байронъ, 2.	Востокъ, А. Х., 219, 220, 228.
Безбородко, кн., А. А., 335.	Врангель, 15.
Бекетовъ, А. Н., 275.	Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, 240.
Бибиковъ, А. И., 205.	Вяземскій, кн., П. А., 144, 195, 338.
Биларскій, П. С., 199.	Гаагъ, 355.
Блудовъ, гр., Д. Н., 221, 228.	Галаховъ, А. Д., 202, 232, 255.
Боуэнъ де-Куртенеъ, 312.	Гельсингфорсъ, 14, 17, 125, 153.
Брантъ, Ф. Ф., 311.	Гете, 86.
Бремеръ, Фредерика, 80, 87, 137.	Гирсъ, К. К., 245.
	Гоголь, Н. В., 222.
	Готенбургъ, 139.

- Готскій каналъ, 134.
 Грибоѣдовъ, 201.
 Григоровичъ, Н. И. 335.
 Гриммъ, баронъ Фр. М., 337, 340, 349, 354, 361.
 Гриммъ, Як. 184.
 Гриненбергъ, Од., 142.
 Гротъ, I. Хр., 250.
 Губеръ, Э. И., 6.
 Густавъ II Адольфъ, король шведскій, 137.
 Густавъ III, кор. шведскій, 80, 314, 317, 323.
 Даль, Вл. Ив., 261, 262, 294.
 Дашкова, кн., Е. Р., 107, 327.
 Де-Будри, 316.
 Делагарди, Яковъ, 137.
 Державинъ, Г. Р., 109, 110, 111, 186, 187, 188, 192, 197, 203, 208, 213, 216, 217, 229, 235, 236, 239, 245, 246, 254, 263, 264, 271, 283, 284, 291, 320, 322, 341, 350, 367.
 Дершау, О., 77.
 Дидро, 361.
 Дмитріевъ, И. И., 242.
 Долгоруковъ, кн. Я. О., 71.
 Дорнъ, акад., 315.
 Д'Эннэ, г-жа, 337.
 Евгений, митроп., 245, 268.
 Екатерина I, имп., 336.
 Екатерина II, имп., 32, 214, 292, 303 — 305, 314, 317, 323, 326, 327, 339, 340, 349, 354, 361.
 Жавъ Поль Фридрихъ Рихтеръ, 3.
 Жуковскій, В. А., 364 — 367.
 Журналы русскіе, 147, 195, 332.
 Загаринъ, П. 367.
 Зиновьевъ, Н. И., 268.
 Илличевскій, А. Д., 226.
 Ильмонъ, проф., 154.
 Юсифъ II, императоръ, 372.
 Ишимова, А. О., 24.
 Кайслеръ, 253.
 Калевала, финскій эпосъ, 11, 16.
 Карамзинъ, Н. М., 201, 241 — 243.
 Карлъ, герцогъ, 172.
 Каръ, ген., 205.
 Кастрёнъ, 78, 80, 160.
 Кингстонъ, герцогиня, 324.
 Клири, 344.
 Корфъ, гр. М. А., 313, 316.
 Костомаровъ, Н. И. 190.
 Котларевскій, А. А. 231.
 Котошкинъ, Григ., 362.
 Кремль, 224.
 Кругъ, I. Ф., 84.
 Крыловъ, И. А., 247 — 249, 258, 267, 299.
 Крыловъ, издатель, 129.
 Кульневъ, Я. П., ген., 140.
 Кушелевъ-Безбородко, 335.
 Лагусъ, проф., 152, 358.
 Лаксманъ, Эрнстъ, 358.
 Лёва, 299.
 Лёпротъ, 78, 79, 129, 137.
 Ленстрёмъ, 84.
 Литва, 190.
 Лицей Царскосельскій, 170, 185, 194, 225, 232, 298, 308, 316.
 Ломоносовъ, М. В., 62, 206, 230, 237, 261.
 Лундаль, Юлій, 60.
 Львовъ, Н. А., 187.
 Макаровъ, Н. П., 252.
 Македонецъ, В. И., 268.
 Малиновскій, тов. Пушкина, 308.
 Мармье, 77.
 Мартинъ Беръ, 148.
 Матюшкинъ, товар. Пушкина, 308.
 Миклошичъ, 345.
 Нивитинъ, И. С., 180.
 Николаевскій, С. А. 120, 121.
 Николай Александровичъ, цесаревичъ, 81, 171, 174.
 Оскаръ II, кор. шведск., 329.
 Оссіанъ, 80.
 Пальмевистъ, 356.
 Панинъ, гр. П. И., 214, 217.
 Панины, 83.
 Пекарскій, П. П., 242, 289, 294.
 Петербургскій край, 161.
 Петръ Великій, 62, 161, 162, 202, 290, 296.

- Шлетневъ, П. А., 24, 59, 60, 126, 231, 234, 238, 260, 366.
 Плутархъ, 138.
 Погодинъ, М. П., 190.
 Подвысоцкій, А. Осипов., 360.
 Порошинъ, В. С., 143.
 Потемкинъ, Павелъ Серг., 266.
 Протопоповъ, Дм. С., 279.
 Пугачевъ, Емельянъ, 203, 205, 210, 214, 266, 309, 322, 353.
 Пушкинъ, А. С., 84, 171, 194, 210, 276, 347, 348, 351, 352, 363.
 Разинъ, Стенька, 351.
 Румянцовъ, 74.
 Рунбергъ, 5, 13, 27, 31, 42, 140, 182, 325, 359.
 Самаринъ, Ю. Ф. 321.
 Санктетербургскія Вѣдомости, 331.
 Семеновъ, П. Н., 204.
 Сиворсъ, Эд., 371.
 Скандинавы, ихъ поэзія, исторія, 7, 62, 80, 85, 190, 300, 302.
 Собесѣдникъ, журналъ кн. Дашковой, 111.
 Сперанскій, гр., М. М., 281.
 Стасюлевичъ, М. М., 277.
 Стокгольмъ, 113, 135.
 Суворинъ, А. С., письмо къ нему, 332.
 Сумароковъ, А. П., 206.
 Сухомяиновъ, М. И., 257.
 Тегвѣръ, 24, 29, 30, 77, 302.
 Теслевъ, ген., 131.
 Тилло, проф., 1.
 Топелиусъ, 154.
 Траверсе, маркиза, 20.
 Тургеневъ, И. С., 260.
 Университетъ Александровскій, 18, 33, 47, 59, 60, 81, 131, 153.
 Университетъ С. Петербургскій, 257.
 Университетъ Упсальскій, 86, 132, 328, 330.
 Фалькенштейнъ, гр., 372.
 Фаустъ, Гёте, 6.
 Ферри-де-Пинья, 1.
 Финляндія, 12, 13, 16, 17, 33, 46, 59, 60, 62, 80, 84, 113, 125, 128, 129, 149, 165.
 Фонъ-Визинъ, Д. И., 144.
 Франклинъ, 103.
 Францъ, 30, 35, 39, 40, 49, 62, 118.
 Фритюфъ, поэма Тегвѣра, 24, 29, 302.
 Фрюксель, 85.
 Фусъ, П. Н. 226.
 Хвостовъ, гр., 245.
 Хемницеръ, Ив. Ив., 282, 286, 295, Цигнеусъ, 84, 150.
 Швеція, 132 — 136, 139.
 Шевыревъ, С. П., 228.
 Шейнъ, Пав. Вас., 274.
 Шекспиръ, 86.
 Шуваловъ, И. И., 206.
 Шюслеръ, 62.
 Эдда Сеймундова, 7, 300.
 Эвнесъ, шв. писатсль, 162.
 Эрикъ Лаксманъ. См. Лаксманъ.
 Теодоръ Ивановичъ, царь, 172.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXXII, № 4.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

VI-X.

Академика А. П. Вессловскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1883 года.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

(Академика А. Н. Веселовскаго.

VI.

ДУХОВНЫЕ СЮЖЕТЫ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ РУМЫНЬ.

Изученіе народной румынской словесности, сравнительно съ славянскими и русской, представляетъ дѣйствительно-научный интересъ, — подъ условіемъ, чтобъ изслѣдователи въ той и другой области отрѣшились отъ желанія — видѣть во всемъ славянскомъ — праславянское, во всемъ румынскомъ — отзвуки классическаго Рима. Въ подобномъ увлеченіи, апріорно стѣснявшемъ кругозоръ выводовъ, повинны не одни русскіе изслѣдователи, но и румынскіе, съ тою разницею, что на сторонѣ послѣднихъ были извиняющія ихъ политическія обстоятельства, болѣзненно вліявшія на развитіе народнаго самосознанія. Живя среди Мадьяръ, упорно отрицавшихъ латинское пропехожденіе Румынъ, *Maghiencescu* не только очищаль отъ славизмовъ и другихъ иноязычныхъ вліяній текстъ изданныхъ имъ румынскихъ колядокъ, зводя напр. *sigilŭ* вм. *recete*, *agatrŭ* вм. *plugŭ*, и т. д., но и внесъ въ одну колядку Римлянъ (*gomanazi*) и похищеніе Сабинянокъ (*fetisiŭre sabiniŭre*). Этимъ доказывалось, по признанію Точилеску, что Румынъ, «потомокъ Траяна, не только не забылъ похищенія Сабинянокъ, но и называетъ ихъ по имени въ своихъ пѣсняхъ», обличая такимъ образомъ «огненными буквами» свое

римское происхождение. Въ глазахъ болѣе трезвой критики эти огненные буквы оказались сомнительнаго блеска; но настоящій свѣтъ пробивался туго. Теодореску (Teodorescu, *Notiuni despre colindele romanе. Bucuresci* 1879), очень удачно характеризовавшій издательскіе приемы Marienescu (I. с. р. 27 слѣд.), заключаетъ такимъ образомъ свою характеристику румынскихъ колядокъ (I. с. 117): «какъ по этимологіи слова и своему происхожденію, такъ и по обрядамъ, при которыхъ онѣ употребляются, колядки не только не заимствованы у славянъ, какъ то утверждали иные, но и возводятъ насъ къ греко-латинской классической древности, отражая въ себѣ судьбы народной жизни». Это возведеніе къ классической древности представляется отзвучкомъ стараго, во всякомъ случаѣ ненаучнаго предубѣжденія — если поставить вопросъ односторонне, забывая о византійско-церковномъ культурномъ элементѣ, съ его школами и литературными памятниками, проникавшими въ народъ путемъ проповѣди и обряда, иногда рядомъ съ церковью и помимо ея — въ струѣ полуеретическаго, полународнаго сектанства. Этотъ культурный элементъ былъ общій — у южныхъ славянъ, русскихъ и румынъ, и нерѣдко славяне были для послѣднихъ передатчиками того, что сложилось или ходило въ Византіи, какъ заповѣдное или отреченное чтеніе. Библиотека народнаго чтенія у старыхъ и новыхъ румынъ не отличается составомъ отъ славяно-русской: Александрія¹⁾ — и Варлаамъ и Іоасафъ, Синтипъ²⁾, Трепетникъ, Громовникъ, Рожденикъ, Лечебникъ; Вопросы и отвѣты; статьи: о злыхъ

¹⁾ Интересно замѣтить, что въ концѣ изданій румынской Александріи присоединяется еще одна статья, вѣроятно, переведенная съ русскаго, героемъ которой является — русскій мореходъ Шараповъ. Ея заглавіе: *Vrednica de insemnare întimplare a patru corăbierii rusesci cari au fost strămtorați de iarnă în ostrovul Spitzberg la anul 1743.* (Достойное замѣчаніе приключеніе четырехъ русскихъ моряковъ, застигнутыхъ зимою на островѣ Шпицбергенѣ въ 1743 году).

²⁾ См. Сырку, Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, въ Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. ССХІ, отд. 4, стр. 70—1 прим.

и добрыхъ днѣхъ, Семьдесятъ именъ Богу; апокрифы: Хожденіе Богородицы, Откровеніе Аврааму, Апокалипсисъ св. Павла; Эпистоля о недѣлѣ, Сонъ Богородицы; можетъ быть, Вопросы Юанна Господу на горѣ Фаворской и т. п.; легенды о происхожденіи табака и т. д. ¹⁾ Любимые сюжеты народнаго чтенія овладѣвали фантазіей и переходили въ поэзію, народный разсказъ; одинаковость культурныхъ условий, при однѣхъ и тѣхъ-же точкахъ отправленія, опредѣляла сходство народно-поэтическихъ воспроизведеній; вопросъ расы и до-христіанскихъ воспоминаній удаляется передъ единствомъ церковной культуры, въ которомъ мирятся румыны и славяне.

Это не устраняетъ возможности позднѣйшаго перехода уже сложившихся произведеній народной поэзіи изъ одной области въ другую, географически смежную, что также могло бы послужить къ объясненію возможнаго между ними сродства. Въ области религіозной поэзіи народа, на сколько она внушена христіанствомъ, далеко не лишнимъ представляется вопросъ: откуда пошло движеніе и кто былъ заказчикомъ? Исслѣдователи (Буслаевъ, О. Миллеръ) склонны отнести наши духовные стихи къ очень ранней порѣ, къ первымъ временамъ по введеніи христіанства; древними слѣдуетъ считать во всякомъ случаѣ обрядовыя малорусскія колядки христіанскаго содержанія, представляющія столько сродства въ мотивахъ и разработкѣ подробностей — съ румынскими.

Главнымъ источникомъ для слѣдующихъ сообщеній послужила мнѣ прекрасная книга проф. Хыждеу (Cuvînte din bêtrâni. Cărțile poporane ale Românilor în secolul XVI în legătura cu literatura populară cea necrisă. Studiū de filologia comparativă de V. Petriceicu-Hasdeu 1880), познакомившая насъ съ цѣлымъ рядомъ древне-румынскихъ текстовъ религіознаго, особливо апокрифическаго содержанія, и обстоятельно комментирующая ихъ

¹⁾ См. приложеніе № 1.

какъ со стороны языка, такъ и въ отношеніи историко-литературномъ. Мнѣ лично книга румынскаго ученаго тѣмъ интереснѣе, что нѣкоторые изъ текстовъ, въ ней разобранныхъ, были, ранѣе того, изслѣдованы и мною, при чемъ и мнѣ выяснилось важное значеніе народныхъ ересей, богомиловъ и, повдѣе, флагеллантовъ, въ исторіи общенія христіанской и псевдо-христіанской догмы — съ народной поэзіей. Богомилами, и именно съ точки зрѣнія, указанной Häsdeu, я занимался въ моей книгѣ: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. (СПБ. 1872), оставшейся, какъ кажется, неизвѣстной автору (см. стр. 500: *este prima încercare de acéstă natură*). По видимому, по данному вопросу между нами не могло-бы быть разногласія; между тѣмъ оно существуетъ — не въ принципѣ, а въ примѣненіяхъ. Я по прежнему не сомнѣваюсь въ сильномъ вліяніи богомильской проповѣди и богомильской фантазіи на религіозное и, болѣе того, поэтическое міросозерцаніе тѣхъ народныхъ слоевъ, которые такъ или иначе тронуло движеніе сектанства; но я выразился-бы теперь менѣе категорично относительно опредѣленныхъ слѣдовъ этого вліянія, чѣмъ дѣлалъ это прежде, — чѣмъ дѣлаетъ это, съ большею смѣлостью противъ меня, г. Häsdeu, усматривая печать богомильства въ той или другой народной пѣснѣ. Въ этомъ мое главное разногласіе съ почтеннымъ трудомъ румынскаго ученаго. Но объ этомъ послѣ.

Значеніе флагеллантовъ въ исторіи народной поэзіи было выяснено мною въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды, явившихся въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1876—1877 годы, въ тѣхъ именно, которые были посвящены легендамъ и повѣрьямъ о Недѣлѣ и Пятницѣ. Съ «Опытами» г. Häsdeu познакомился по частямъ, и лишь впоследствии съ ихъ полнымъ составомъ; такъ моя статья о «Свѣ Богородицы и сводныхъ редакціяхъ Эпистолии» дала ему отчасти матеріалъ для соотвѣтствующей главы его изслѣдованія (стр. 386 слѣд.), тогда какъ моя работа объ «Эпистолии» стала ему извѣстна уже послѣ отпечатанія его собственнаго разбора этого памятника.

Тексты, изданные г. Нăсдеу, составляютъ содержаніе сборника, принадлежавшаго нѣкоему Григорію, священнику въ Магачѣ (Маһасіу, въ Трансильваніи) въ 1580 — 1620 гг. Около 1600 г. погъ Григорій принялся за составленіе сборника статей духовно-легендарнаго содержанія, отчасти перевода ихъ самъ съ славянскаго (греческаго языка онъ, по видимому, не зналъ), частью списывая уже готовые переводы. Эту часть рукописи, отличающуюся и діалектическими особенностями языка, г. Нăсдеу издалъ въ первой части своей книги подъ заглавіемъ: Магачскихъ текстовъ. Сюда вошли: 1) Эпистолиа о Недѣлѣ (Legenda Dumnică. 1600 г.); 2) отрывокъ гомиліи, приписываемой Іоанну Златоусту (εἰ τις εὐσεβῆς καὶ φιλόθεος), писанный отчасти самимъ Григоріемъ, отчасти его ученикомъ, около 1600 года; 3) краткій катихизисъ, составленный по свв. Кириллу Александрійскому и Анастасію Антиохійскому, какъ полагаютъ, св. Максимомъ либо Іоанномъ Златоустымъ, списанный въ 1607 году попомъ Григоріемъ съ текста, напечатаннаго въ Брашовѣ въ 1560 году; 4) проповѣдь (1619 г.); 5) Легенда о св. Венерѣ (ок. 1580 г.); 6) отрывокъ заговора (до 1583 г.); 7) апокрифъ объ Авраамѣ (до 1600 г.); 8) отрывокъ литургическаго содержанія, писанный ок. 1600 года, ученикомъ Григорія, участвовавшимъ и въ № 2; 9) проповѣдь ок. 1600 г., нѣсколько отличающаяся діалектически отъ предъидущихъ текстовъ; по всей вѣроятности — оригинальное сочиненіе, не переводъ. — Въ приложеніи къ Магачскимъ текстамъ сообщаются двѣ румынскія записи, найденныя въ славянскомъ евангеліи центральной бібліотеки въ Букарештѣ № 258.

Погъ Григорій не ограничился переводомъ и списываніемъ статей, а еще обогатилъ свой сборникъ внесеніемъ въ него болѣе древняго сборника, составленнаго другимъ лицомъ между 1550—1580 годами, преимущественно апокрифическаго содержанія. Статьи этого отдѣла, напечатанныя г. Хыждеу во второй части его труда подъ заглавіемъ: Богомилскихъ, слѣдующія: 1) Молитва для изгнанія бѣса (Легенда о св. Сисиніи); 2) Хожденіе

Богородицы; 3) Видѣніе ап. Павла; 4) Размышленія въ смертный часъ.

Слѣдующій далѣе разборъ, останавливающийся лишь на главныхъ текстахъ, изданныхъ г. Näsdeу, сообразуется съ порядкомъ его книги, обращая вниманіе и на объяснительныя статьи при текстахъ и въ приложеніи къ труду, въ которыхъ авторъ собралъ массу указаній литературно-историческаго и народно-поэтическаго содержанія.

I.

Магачскіе тексты открываются «Эпистолией о Недѣлѣ», которая сообщается по списку пона Григорія и по новой народной книгѣ. Изданію предшествуетъ историко-литературное предисловіе; укажу на его отношенія къ моей работѣ, явившейся въ 1876 году. Для исторіи текста у меня собраны были слѣдующія данныя: 1) указаніе на существованіе эпистоли въ VI вѣкѣ (584 г.), въ письмѣ карагенскаго епископа Лякиньяна; 2) отрывокъ латинскаго текста 745 и латинскій-же текстъ 788 года; 3) греческій текстъ, изданный Фабриціемъ, и указаніе на *парижскій* (по *Thilo*); 4) *тексты Amaducci* и *Hoveden'a-Wendover'a*; 5) указаніе на *англосаксонскую* эпистолию; 6) тексты Клозенера и Шмумпфа, указанія у *Henrica de Hervordia*; 7) польскій текстъ у Ерлича и чешскій у Ганки; 8) *старо-сѣверный* и *ново-нѣмецкій*; 9) русскіе тексты: по изданіямъ Тихонравова, Пыпина, Безсонова; по *ркн. Кирилло-Бѣлозерской библиотеки* 1448 г. (книгой Драгоманова я еще не могъ пользоваться); 10) восточные тексты (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Май, стр. 121—123 и Näsdeу l. c. p. 735, прим. къ стр. 387). — Тексты и указанія, напечатанные выше курсивомъ, были неизвѣстны автору, который съ своей стороны обогатилъ библиографію эпистоли новыми данными, указавъ: на существованіе греческой эпистоли въ XVI в. (1578: изъ меморіала Стефана Герлаха); на латинскіе тексты апокрифа, находящіеся въ Вѣнской

Императорской библіотекѣ; на свидѣтельство Альберта Аргентинскаго о баварскихъ флагеллантахъ 1349 года и объ употребленіи у нихъ эпистоли іерусалимскаго извода; на французскую, венгерскую и румынскія рецензіи этой статьи и на нѣкоторыя русскія (Библіотека Общ. Ист. и Древностей. Москва, 1845 г. стр. 101, ркн. № 217 in 8; Горскій и Невоструевъ, Опис. слав. ркн. и т. д. т., II, ч. 3, стр. 105, № 231), изъ которыхъ одна, сохранившаяся въ отрывкѣ синодальной рукописи, дѣйствительно интересна по упоминанію Печенеговъ (аще бы възбранили поганіи Печенегове, то вамъ было оставити все имѣніе и іти было въ црковь), имя которыхъ уже въ XII-мъ вѣкѣ исчезаетъ изъ памяти исторіи ¹⁾).

Какъ видно, обѣ библіографіи восполняютъ другъ друга, и надлежало-бы имѣть подъ руками ту и другую, чтобы устать то, что зовется генеалогіей текстовъ. Генеалогія, предлагаемая авторомъ (стр. 36 — 8), едва-ли полна и можетъ вызвать нѣсколько замѣчаній. Начать съ того, что въ ней недостаетъ типа: *Gaziza (Amadassi)*, который помѣстился бы въ таблицѣ г. *Hasdei* на такомъ-же сиротскомъ мѣстѣ, какъ и типъ *Galata* (DG: чешск.); нѣтъ и типа съ Голговою и Симеономъ (*Hoveden-Vendover*; сѣверныя редакція) ²⁾, который приурочился бы въ той-же таблицѣ гдѣ-нибудь подъ DJ (типъ съ Іерусалимомъ). Но и вообще вся генеалогія г. *Hasdei* возбуждаетъ сомнѣнія. Для меня остается по прежнему яснымъ одно: существованіе двухъ древнѣйшихъ типовъ, съ Іерусалимомъ и Римомъ, и посредствующаго, въ которомъ эпистолиа, обрѣтенная въ первомъ городѣ, отправилась впоследствии въ Римъ. Далѣе, приуроченіе могло

¹⁾ Что до болгарской пѣсни, цитуемой авторомъ стр. 34—5, то она, не примыкая непосредственно къ литературному преданію эпистолиа, была разсмотрѣна мною въ другомъ мѣстѣ monkъ Опытовъ, 1. с. 1877, Февраль, стр. 194.

²⁾ См. жоп Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ III, стр. 33—5, прик. 2.

разнообразиться *ad libitum*, внѣ строгой традиціи, нерѣдко — по случайному смѣшенію. Продуктомъ подобнаго смѣшенія представляется нѣ типъ DO (Оливная гора), который у Häsdey стоитъ довольно высоко на вѣтвяхъ его генеалогическаго древа, тогда какъ, по моему, его слѣдовало-бы спустить къ корню. Эпистолиа съ Оливной горой встрѣтилась нѣ лишь въ текстахъ, обнаруживающихъ вліянія другой статьи: Сна Богородицы. Такъ и въ приведенныхъ у Häsdey: малорусская эпистолиа списывается *совмѣстно* со Сномъ (р. 32, 34), и ту-же *совмѣстность* обнаруживаетъ румынская народная книга, гдѣ за эпистолией обыкновенно слѣдуетъ Хожденіе Богородицы, интерполированное Сномъ (сл. 40). Изъ послѣдняго текста, приуроченнаго къ Масличной горѣ въ землѣ Бретанской (Bretania-Bethania, какъ удачно толкуетъ Häsdey р. 33), это зачало было перенесено на вступленіе эпистолиі и въ тѣхъ случаяхъ, когда она являлась выдѣленной изъ свода (см. напр. мадыарскую эпистолию l. c. р. 32). — Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія помѣщать въ генеалогіи Эпистолиі типъ съ Масличной горой (DO), какъ особый.

Іерусалимскій типъ (DJ) распадается у Häsdey на три варианта: въ одномъ эпистолиа является прямо съ неба, въ другомъ она падаетъ въ камнѣ, въ третьемъ она написана на мраморной доскѣ. Вариантъ съ камнемъ встрѣчается въ греческомъ, славянскомъ и пошедшемъ отъ него румынскомъ текстѣ; мраморная доска лишь въ флагеллантскихъ редакціяхъ (у Closener'a, Генриха de Hervordia, Stumpf'a). Нѣтъ никакого вѣроятія предположить, что образъ камня выработался изъ мраморной доски, какъ полагаетъ Häsdey (27, 36, 38), а не наоборотъ. Что между той и другой подробностью есть связь — доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что та и другая находятся въ редакціяхъ съ Іерусалимской локализацией.

Еще одинъ вопросъ, касающійся все той-же генеалогіи. Древнѣйшіе тексты эпистолиі говорятъ лишь о почитаніи воскреснаго дня; въ редакціяхъ *завѣдомо* флагеллантскихъ (Closener,

Stampf) къ этому наставленію присоединяется и другое: наставленіе читать пятницу, какъ день страданій Господнихъ. Особый культъ пятницы въ средѣ флагеллантовъ повелъ меня къ заключенію, что внесеніе пятницы и касающихся ея поученій и заповѣдей въ составъ эпистоли *можно* быть дѣломъ сектантовъ. Нѣздей, очевидно, колеблется относительно этого вопроса: популярная въ народѣ святая Венера, т. е. Пятница-Параскева, представляется ему христіанизованнымъ отзвукомъ языческой Венеры (сл. 143—4, 396—397, 400); упоминаніе пятницы въ нѣкоторыхъ текстахъ эпистоли онъ объясняетъ внѣшнимъ вліяніемъ — легенды о св. Венерѣ на писателей эпистоли (сл. р. 167—8 и 733 прим. къ стр. 168). Въ третьемъ мѣстѣ (397), по поводу провансальскаго духовнаго стиха съ содержаніемъ Сна Богородицы, въ концѣ котораго заповѣдуется читать его по пятницамъ, онъ отвергаетъ и гипотезу Пятницы — классической Венеры, и Пятницы флагеллантовъ, указывая вообще на святость пятого дня недѣли, который самъ собою напрашивался на память: этимъ онъ объясняетъ появленіе его въ провансальскомъ стихѣ, стало бытъ, — и въ текстахъ эпистоли? Но это не такъ; по поводу послѣднихъ мы читаемъ на стр. 27 слѣдующее: «Упоминаніе рядомъ съ Недѣлей и Пятницы; встрѣчающееся въ обоихъ флагеллантскихъ текстахъ, не въ редакціяхъ 584, 740 и 788 гг., не лишено интереса: такъ какъ Пятница, день Христова мученія, день, предназначенный для страданія, былъ особенно свято чтимъ флагеллантами, то внесеніе ея въ румынскую редакцію эпистоли и другія аналогическія — внесеніе, за которыми послѣдовало и другое: среды — представляется, кажется, дѣломъ флагеллантовъ». На этомъ, именно, выводѣ, остановился и я.

Мое изслѣдованіе объ Эпистоли не ограничилось однимъ текстомъ апокрифа, а пыталось и далѣе прослѣдить идею развитія, указавъ, какимъ образомъ культъ воскреснаго дня очутился въ представленіи народа культомъ дѣйствительной личности: Недѣли, Анастасіи, Доминики (румын.; сл. *Rumenica* одной южно-итальянской грѣсни), до сихъ поръ живущей въ суевѣрныхъ пред-

ставленіяхъ — и въ сказкахъ Славянъ и Румынъ. Въ воскресный день крестился Христосъ, сказано въ эпистолиі (сл. у Нăсдеу, въ румынскомъ текстѣ этого памятника р. 45: *sfânta domerescă mă boteđaiu la ара Iordanului cu sfântul Ioanū*) — а въ народныхъ отраженіяхъ этого повѣрья его бабкой, воспріемницей является олицетворенное Воскресенье: Анастасія (старо-франц. и старо-нѣм.), Думника румынской колядки. Въ какихъ отношеніяхъ явился этотъ причудливый образъ къ опредѣленнымъ церковью христіанскимъ воззрѣніямъ на субботній день? Отвѣчу сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ, не попавшихъ въ мой опытъ: о Доминикѣ-Анастасіи и Пятницѣ-Параскевѣ. Извѣстно древнерусское слово о недѣлѣ ¹⁾, ратующее противъ христіанъ, поклоняющихся ея иконописному изображенію: «зане *творъ* есть». Далѣе идетъ древне-нѣмецкій лейхъ Эццо, второй половины XI-го вѣка, въ самомъ дѣлѣ считающій ея *творю*, созданной Богомъ на поклоненіе и въ назиданіе людямъ: на это олицетворенное воскресенье перенесено соблюденіе рабочихъ запретовъ, которые связывались въ средневѣковомъ суевѣрїи съ воскреснымъ культомъ, нарушеніе которыхъ строго преслѣдуется Анастасіей русскаго народнаго повѣрья.

Вотъ текстъ Эццо ²⁾:

In principio erat verbum,
daz was der wāre gotes sun.

¹⁾ Дважды издано И. И. Срезневскимъ: по Пансіевскому сборнику, въ Древнихъ Памятникахъ русскаго письма и языка стр. 272—5, и по финляндскому отрывку XII—XIII вв. въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XLI, стр. 31—32.

²⁾ Я сообщаю его по: K. Müllenhoff und Scherer, *Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII—XII Jahrhundert*, № XXXI перваго изданія. Новый текстъ лейха недавно былъ изданъ фотографически, Barack'омъ: *Ezzo's Gesang von den Wundern Christi und Notkers Memento mori*, Strassburg, Trübner. Сл. Liter. Centralblatt за 1879 г. № 42, р. 1356—7; *Literaturbl. f. germ. und rom. Philolog.* I, Sp. 13 слѣд.; *Anz. f. deutsches Alterth.* V, 431 слѣд.

Von dem einen worte
 bequam tröst al der werlte.
 O lux in tenebris,
 dû hërre, dû der samet uns bist,
 dû uns daz wære lieht gibest,
 neheiner untriwe dâne phligist,
 dû gäbe uns einen hërren,
 den scholte wir wol êren.
das was der quote suntach:
 neheines werches erne phlach;
 Ube wir den behielten,
 wir pardyses gewielten.

«Въ началѣ бѣ слово — то былъ истинный сынъ Божій. Отъ единого Слова явилось утѣшеніе всему міру. О свѣтъ, просіявший во мракѣ! Ты, Господи, съ нами вкупѣ пребывающій, дающій намъ свѣтъ истины, не вѣдающій неправды, ты даровалъ намъ господина, котораго намъ слѣдовало-бы чествовать. *То было Честное Воскресенье: никакой работы оно не дѣлало. Еслибъ мы блюли его, мы сподобились-бы райскаго блаженства*».

Всего далѣе пошло въ указанномъ направленіи и всего образнѣе сказалось повѣрье Ингушей, называющихъ олицетворенное *Воскресенье* — *Сыномъ Божиимъ*. У Бога было три сына, рассказываютъ они: кривой Елта управляетъ дикими звѣрами, и охотники молятся ему о дарованіи успѣха; Этеръ завѣдуетъ дѣлами мертвыхъ, почему ему приносятъ жертвы, когда долго дѣтся агонія умирающихъ; *Воскресенье*-же, олицетвореніе дня, считаемаго священнымъ и важнымъ праздникомъ, *господствуетъ надъ временемъ* ¹⁾.

¹⁾ Сборникъ Свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VIII, Ч. Акріевъ, Ингуши, ихъ преданія, вѣрованія и повѣрья, стр. 12—15: Елта. — Легенда о Елтѣ сходна по основнымъ очертаніямъ съ русской легендой объ Ильѣ пророкѣ и Николѣ (Аванасьевъ, Народныя русскія легенды № 10): Ильѣ отвѣчаетъ Богъ, Николѣ—Елта.

Какъ изъ церковнаго культа воскреснаго дня, выразившагося въ области апокрифа Эпистоліей о недѣлѣ, вышелъ народный образъ Недѣли-Доминики-Анастасіи, такъ было и съ почитаніемъ пятницы. У ней былъ также свой апокрифъ, Сказаніе о 12-ти пятницахъ, климентовскую редакцію котораго Насдей указала у Мадьяръ, гдѣ она является въ такомъ-же внѣшнемъ соединеніи съ Эпистоліей, въ какомъ видѣ Сонъ Богородицы ¹⁾. Въ последнемъ случаѣ процессъ народнаго претворенія и образной метафорфозы облегченъ былъ—житіемъ св. Параскевы или Венеры, названной такъ потому, что она родилась—въ пятницу. Популярное житіе давало готовые, реальныя черты для образа, который, вѣроятно, сложился бы и безъ него путемъ такого-же внутренняго претворенія, какимъ Недѣля-Доминика-Анастасія—изъ церковнаго культа и строгихъ напоминаній апокрифической Эпистоліи.

Насдей напечаталъ легенду о св. Венерѣ, Пятницѣ-Параскевѣ, извѣстную и по славянскимъ текстамъ. Святая, дочь Агаѳона и Политія, родилась по молитвѣ дотогѣ бездѣтныя

---

¹⁾ Сл. стр. 29. Легенда о 12-ти пятницахъ разобрана мною въ Опытахъ и т. д., I. с. Июнь 1876 г. Къ русскимъ текстамъ, тамъ приведеннымъ, слѣдуетъ присоединить малорусскую редакцію у Драгомирова, Малор. Нар. преданія, стр. 144—5; сл. Время 1862 г. VII, стр. 69—70 (статья Ф. Арсеньева: Лайбодонъ) и Зап. Югозападн. Отд. Имп. русск. Географ. Общ. II стр. 116—118.—Къ библиографіи Элевверьевской редакціи сл. респ. Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, нынѣ СПб. Духовн. Акад. 1888, XV в., л. 234 об. внизу: «Сказаніе о ѿ. пятницъ, обрѣтеніе Елоферія епископа иже обрѣте в западной странѣ (приведенное заглавіе писано кинноварью). В земли Саоуръ бѣ гра^л великъ иманемъ Шитталъ внемже живаше множество жидовъ при Кириитъ цри. И бѣ имъ пра велика со хртіани швогда в торгоу, швогда во вра[тахъ градныхъ]. За тѣмъ вырѣзаны два листа. Если запись нѣкоего Евфросина, слѣдующая на л. 235 лиц. нынѣшней нумераціи («Азъ Евфроси^нъ грѣшной, сѣ во зборѣ не чти ни многимъ явлан в цервнѣ писавъ в лѣ «СЦУС» и т. д.), относится къ вырѣзанному тексту, то онъ записанъ былъ въ 1478 году.

родителей. Въ первое подвижничество совершается въ Антиохіи: греческій императоръ Антиохъ подвергаетъ её разнообразнымъ мучамъ, между прочимъ; велитъ бросить её въ котель съ растопленнымъ свиномъ, саломъ и смолою; святая прыскаетъ въ лице кувшину раскаленною смѣсью, отчего тотъ мгновенно ослѣпъ; но молитвѣ мученицы зрѣніе возвращается къ нему снова, и онъ и весь его народъ крестятся. — А св. Венера идетъ въ другой городъ, гдѣ царитъ императоръ Атизма(?): онъ велитъ отвести её на пограние змѣю, которому онъ самъ и его люди поклонялись какъ богу, тогда какъ въ немъ поселился диаволь и всё нечистые духи. Они обращаются въ бѣгство, какъ только святая едѣлала знаменіе креста; тогда она подошла къ змѣю, наступила ему на голову, вошла въ него черезъ пасть и вышла задомъ (pri zgăul). Злые духи возопили и покинули тотъ городъ; императоръ крестился со своими людьми. — Третье мученичество св. Венеры у императора Аклита кончается ея смертію отъ меча.

Народное представленіе Венеры-Пятницы стоитъ, какъ мы замѣтили, лишь во второстепенной зависимости отъ житія; фантастическій образъ, въ которомъ является она, и родственная съ нею Недѣля-Доминика, въ народномъ суевѣріи, брагъ свои яркія краски и густыя тѣни съ народной палитры, но контуры могли быть взяты изъ житія. Когда въ одной румынской сказкѣ (Häsdey I. с. стр. 144) Венера является окруженная змѣями и змѣятами, лисицами и совами, ящерицами, ехиднами и гущерами, тогда какъ собака съ желѣзными зубами и стальными челюстями её охраняетъ, — это напоминаетъ мнѣ эпизодъ о змѣѣ въ сообщенной выше легендѣ. Здѣсь могло произойти перенесеніе смысла въ границахъ одного и того-же атрибута. Венера, побѣждающая демоническаго змѣя, обратилась въ Венеру, властвующую надъ нимъ, окруженную подвластными ей звѣрями. Въ житіи св. Марины мы встрѣчаемъ тотъ-же эпизодъ со змѣемъ и съ тѣми-же подробностями (поглощеніе, и выходъ изъ чрева чудовища), а въ русскихъ былинахъ Марина якшается съ Горынычемъ, либо съ Тугаринымъ Змѣевичемъ.

Интересную переработку данныхъ житія представляетъ одна румынская колядка ¹⁾. Очертанія тѣ-же, что въ извѣстномъ циклѣ южно-славянскихъ пѣсень, гдѣ огненная Марія и т. п. жалуется на людское невѣріе, а святые караютъ грѣшную землю. Здѣсь вмѣсто Маріи является св. Венера, проповѣдующая слово Божіе, мучимая въ городѣ «Ирода». Она-то молитъ Господа помочь ей противъ невѣрнаго, отмечающаго Христова благовѣстіе. Карающимъ является св. Илья; когда въ концѣ колядки говорится, что «драки испугались и приняли крещеніе», то вѣроятнымъ представляется, что «драки» (демоны, нечистые) явились вмѣсто «невѣрныхъ, язычниковъ», по связи съ Ильей, преслѣдующимъ своей молніей нечистую силу; но и эта подробность, по всей вѣроятности, переименована изъ житія.

Вотъ текстъ колядки:

Susū pe slava cerului,
 Ler-oî-Leo d'ai Ler-oî-Dómne-le,
 La pólele raiului,
 La scaunulǎ Domnului,
 La scaunǎ de judecatǎ,
 Unde merge lumea tótǎ,
 Genuchiat'a sffinta Vineri,
 Genuchia și mi'si plángea
 Și de Domnulǎ se ruga,
 Și din gurǎ-așia' mǐ grǎia:
 — Șciǐ, dómne, cǎ m'ai trimesū
 Páméntulǎ ca sē'lǎ botezū.
 Toți s'aǎ datǐ botezului,
 Numai unulǎ nu s'a datǔ:
 Cetatea Irodului
 Nu s'a datǔ botezului,
 Nici creștinētǎțilorǎ,

¹⁾ Teodorescu стр. 41—2.

Ci pe mine prinsu-m'a,
 Prinsu-m'a,
 Legatu-m'a,
 Cu cutitū tăiatu-m'a,
 In cazanū băgatu-m'a,
 Și trei dīle fiertu-m'a
 Numa 'n cēră și 'n rușină.
 Eī din cazanū scosu-m'aū,
 Apoi strecuratu-m'aū,
 La gardū aruncatu-m'aū,
 In obrazū scuipatu-m'aū.
 Ș'amū făcutū
 Cum amū pututū,
 Și la tine c'amū venitū
 Sē'mī dai sfinții'n ajutorū
 Pe Irodū ca sē'lū omorū.
 Domnulū dec'o audia,
 Ast-felū din gură'mī grăia:
 — Savaī Petre, sfinite Petre,
 Sē mi'lū trăsnescī tu cu sete;
     Sav'Ilie,
     Sânt'Ilie,
 Sē mi'lū trăsnescī cu mânie,
 Că estī sfântū mai cu tărie.
     Ilie dec'audia,
 De grabă că 'mi alerga:
 Lăa fulgerulū d'a stānga
 Și trăsnetulū d'a drēpta,
 După draci că mi'și pornia
     Și 'ī trāsnia,
     Și 'ī fulgera,
 Cerulū de se' ntuneca,
 Pământulū se tremura;
 Dracii că se speriaū
 Și botezulū se daū,
     Mirulū,
     Botezulū
 Și creștinătăților.
 Sfīnta Vinerī boteza,
 Tótă lumea creștina.

La mulți ani cu sănătate,
 Bună seară'n aste case ¹⁾.

Третьим апокрифом, изданным в магачских текстах, является отреченное сказание о смерти Авраама, известное в греческом тексте и в славянских, из которых один изданный был Тихонравовым по ркп. XVI в. ²⁾, другой Häsdeu

¹⁾ «На верху, на небѣ славы — Leg-oi-Leo d'ai Leg-oi-Dómpnele (обычный заповѣвъ румынскихъ колядокъ) — у подножья рая, у господна престола, престола суднаго, куда все приходитъ, стоять на колѣняхъ св. Пятница, стоять и плачетъ, Господа молить, говорить такое слово: «Ты знаешь, Господи, что послалъ меня крестить землю. Все приняли крещеніе, только одинъ его не принималъ: градъ Ирода не принималъ крещенія и христіанства, но схватилъ меня, схватилъ, связалъ, ножомъ рѣзалъ, бросилъ въ котелъ и три дня варилъ меня, только въ воску и смолѣ. Вынули меня изъ котла, процѣдили, бросили на изгородь, плевали въ лице. Сдѣлала я, какъ могла, и къ тебѣ пришла, дабы ты инѣ далъ на помощь святыхъ, пусть уморятъ онъ Ирода». Какъ услышалъ это Господь, такимъ образомъ возговорилъ: Иди Петръ, поразилъ его жаждой; ступай Илья, поразилъ его гнѣвомъ, ибо ты наиболѣе сильный изъ святыхъ. — Какъ услышалъ это Илья, тотчасъ же послѣдидъ: беретъ молнію гнѣвой рукой, громовую стрѣлу правой, бросился за драками, громилъ и поражалъ ихъ. Небо омрачилось, дрогнула земля, драки испугались и приняли крещеніе, муромъ и водою, приняли христіанство. Св. Пятница крестить, всехъ обращаетъ въ христову вѣру. — На многіе годы возраданіе, добрый вечеръ этому дому! (обычное окончаніе румынскихъ колядокъ)». — Въ румынскомъ житіи св. Венеры мученіе въ котлѣ встрѣчается дважды: одинъ разъ императоръ велитъ варить еѣ въ теченіе 3-хъ дней и 3-хъ ночей, какъ въ колядкѣ. Съ просьбой святой къ Богу сл. соответствующее мѣсто легенды: Doamne Doamne deulu meu! caută și spre mine, să po laude-să dracii spre mine, și tremiate fingerul tău cu arătaria silelor tale, și miluiaște sufletulu meu Doamne! [de] ceia ce încuigă-mă, și alége ceia-ce luptă-să cu mine! (Häsdeu 147—8). Въ колядкѣ эти дрacii оказываются впоследствии крещенными св. Венерой. — Роль св. Петра, грозящаго жаждой, т. е. бездождіемъ, опредѣлена такимъ же образомъ въ сербскихъ и одной итальянской пѣснѣ.

²⁾ Пам. отреч. русск. лит. II 79—90.

параллельно съ магачской легендой. Рукопись, изъ которой заимствованъ послѣдній текстъ, была собственностью монастыря св. Михаила (Mihailu-voda) въ Букарештѣ, а въ настоящее время находится въ библиотекѣ румынскихъ государственныхъ Архивовъ. Это сборникъ первой половины XVI вѣка, писанный одною и тою-же рукою; оригиналы отдѣльныхъ статей, очевидно, принадлежали болѣе древнему времени, разнымъ эпохамъ и редакціямъ, діалектическія особенности которыхъ сохранились отчасти и въ копіи. Такъ въ № 1 сборника Hăşdei указалъ оттѣнки малорусскаго говора (стр. 184), тогда какъ въ изданной имъ легендѣ объ Авраамѣ есть болгаризмы (строжщжаса; дѣбоу и дѣбоу). Съ точки зрѣнія историко-литературной составъ сборника интересенъ: нѣсколко №№ относятся къ извѣстному и по рукописямъ и по изданіямъ Сказанію о крестномъ древѣ (№№ 4—8); № 9 несомнѣнно отвѣчаетъ по содержанию и, какъ намъ стало извѣстно впоследствии, по тексту, той редакціи повѣсти о Соломонѣ и его женѣ, которую я называлъ, въ отличіе отъ другихъ, Кипрской, по имени одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. По крайней мѣрѣ напечатанный мною текстъ (въ основѣ тождественный съ текстомъ г. Сырку) озаглавленъ также, какъ и повѣсть Букарештскаго сборника: Слово ѿ прѣмъдрости Соломонѡвѣ и женѣ его ¹⁾. — За этимъ 9 № сборника слѣдуетъ въ 10 «другая легенда подъ тѣмъ-же заглавіемъ» (altă legendă sub acelaşi titlu), но въ сущности одинъ изъ соломоновскихъ судовъ, какъ мы могли убѣдиться изъ списка г. Сырку. — Подъ № 23 встрѣчаемъ: «Слово ѿ Сивилѣ і ѿ Давидѣ цари» — вѣроятно, тождественное съ напечатаннымъ мною по списку проф. Дринова въ Архивѣ проф. Ягича ²⁾. Изъ остальнаго содержанія сборника замѣчу № 25:

¹⁾ См. Разысканія и т. д. V, Приложение I. Повѣсть букарештскаго сборника, которую я видѣлъ съ тѣхъ поръ въ списокѣ г. Сырку, подтвердила предположенія, высказанныя въ текстѣ.

²⁾ Zur bulgarischen Alexandersage, въ Archiv für slav. Philologie I, 608—11. Въ копентагенскомъ сборникѣ, описанномъ Н. П. Срезневскимъ (Свѣдѣнія и Записки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Дигинь царь (*Împăratul Diogen*); № 26: Слово о ветхом Александрѣ, како оуби Іова царѣ и Сіона царѣ; № 27: Слово о царѣ Фшцѣ и ѡ братіи его, како погоуби ихъ едина кръчма-рица во единъ ноцъ; № 28: Слово ѡ сватѣмъ пророцѣ Іліи како бѣжа ѡт жены.

«Слово ѡ житіи и ѡ смърти авраамовѣ», напечатанное Нăздеу по букарештскому сборнику (№ 22) en regard съ румынскимъ апокрифомъ того-же содержания, отнюдь не является его оригиналомъ; еще болѣе отстоятъ отъ румынскаго текстъ славянскій апокрифъ, изданный Тихонравовымъ. Это потому прискорбно, что интересный вопросъ, поднятый г. Нăздеу по поводу одного темнаго выраженія румынскаго текста, могъ-бы найти себѣ точное истолкованіе — въ славянскомъ подлинникѣ статьи, тогда какъ теперь мы принуждены ограничиться сравненіемъ текстовъ, принадлежащихъ, очевидно, къ разнымъ редакціямъ одного и того-же памятника.

Дѣло въ слѣдующемъ: въ славянскомъ текстѣ архангелъ Михаилъ «възыде на нбса оу прѣстола» (Тихонравовъ: «възыде на нбса предъ гъ бгъ»); въ румынскомъ это выражено такимъ образомъ: архангелъ отправился *in geroe*, на западъ солнца, когда собираются (туда) ангелы (*arhaggheli se dose in geroe g'arusul soarelui, cāndo se adora ingerii*). Разъясненію загадочнаго слова г. Нăздеу посвятилъ особую главу своей книги

какъ № LXI, стр. 353), находится заглавіе статьи: «какш самовина зачаху ся у из[мь?]». «Но объ этомъ ни слова, сказано въ описаніи, а послѣ начала объ *Александрѣ Македонскомъ* продолжаютъ выписки изъ Пчелы о женахъ». Выпагъ или опущенъ(?), очевидно, изданный мною текстъ. — Замѣтимъ въ той-же Копенгагенской рукописи рассказъ «о Самсонѣ Богатырѣ, о рожденіи Самсона, сына Мануилова, о силѣ его и о женѣ его Далидѣ». Сл. въ букарештскомъ сборникѣ № 29; это, можетъ быть, повѣсть, встрѣчающаяся въ такъ называемой краткой Цалѣ. Самсонъ, сынъ Мануила (библ. Маной), далъ имя и отчество Самсону Манойловичу, Нанойловичу, Самойловичу нашихъ былинъ.

подъ заглавіемъ: *Genune—genoe—geroe. Paradisul la Români (Genune—genoe—geroe. Румынскій рай)*¹⁾.

Выше было замѣчено, что большинство магачскихъ текстовъ, вышедшихъ изъ подъ пера пона Григорія либо его школы, отличается особенностями діалекта, между которыми замѣчательна замѣна *n* между гласными звукомъ *r*. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого ротапизма: (изъ Эпистоли) *domerescă-domenesca, verere-venere, tutindiri-tutindini* и др.; (изъ апокрифа объ Авраамѣ): *mere-mene, mârâncă-mâpâncă* и др. Въ текстѣ, выше приведенномъ, *adoga* можетъ стоять вмѣсто *adona (aduna)*, *geroe* вм. *genoe*. Но что такое *genoe*?

Hăşdeu сравниваетъ древнерумынское слово *genune*, исчезнувшее изъ народнаго говора и сохранившееся лишь въ стихотворномъ псалтирѣ митрополита Досиея съ значеніемъ: *puteus, profundum, mare, aquae multae*, и у Кантемира въ переносномъ смыслѣ: множество. — Общее значеніе слова выясняется для автора, какъ: великое водное пространство, океанъ; ангелъ отправляется на западъ, къ водной безднѣ (*în părţile oceanului atlantic?* см. стр. 204); самое слово *genune*²⁾ родственно съ греческимъ ὠκεανός, ³⁾ ближе — съ діалектическими формами, отмѣченными у Гезихія: ὠγγήν, ὠγγήνος, ὠγενός, γγγήν, которыя г. *Hăşdeu* не прочь былъ бы предположить Фракійскими, еслибы въ современномъ албанскомъ языкѣ сохранились ихъ слѣды. Съ другой стороны представляется цѣлый рядъ мѣстныхъ именъ кельтскаго происхожденія, привязанныхъ къ морю или вообще

¹⁾ Сл. I. с. стр. 201—210.

²⁾ *Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco-romane, II: Éléments slaves, magyars etc.*, p. 680, объясняетъ *genune—abime, précipice* изъ турецкаго *djehennem*: *abime, précipice, enfer*, т. е. геенна. Другую форму этого слова: *ghebnă* авторъ помѣстилъ въ числѣ словъ новогреческаго происхожденія (*γγέννα*, евр. *gēhinnom*).

³⁾ ὠκεανός далъ въ рум.: *poian, poean; oceanus: ocean = poean* по объясненію *Cihac'a, Dictionnaire etc. I, Éléments latins, a. v. p. 180.*

къ мѣстностямъ у воды: Genabum, Genua, Geneva и т. п. Общее заключеніе такое, что румынское *genune* стоитъ, колеблясь, на перепутьѣ между греческимъ ἠγενός и кельтскимъ *geni* (I. с. 207).

Если *гегое* апокрифа равняется *genune*-океану, то заставляя архангела отправляться «къ океану, на западъ солнца», румынское сказаніе отразило языческое представленіе, сохранившееся изъ всѣхъ романскихъ народовъ исключительно у Румынъ (сл. 208) — о жилищахъ блаженныхъ (*oi Măxares*) на западѣ, въ океанѣ, гдѣ Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ помѣщаютъ Гесперию, Элизій и Атлантиду. Это и есть народный рай румынъ, продолжающихъ называть, въ отличіе отъ другихъ народностей, западъ — святымъ. *Hăvdeu* (208—9) заключаетъ такъ изъ слѣдующей народной пѣсни: любовниковъ хоронятъ въ церкви — на противоположныхъ концахъ:

Și'n beserică ȳ-aŭ dus,
 Și'n doă racle ȳ aŭ pus,
 Racle mândre' mpărătesci
 Purtând semne letinesci,
 Și pe dînsul l'a zidit
 În altar la resărit,
 Pe ea'n tindă la sfîntit.

т. е. «Повезъ ихъ въ церковь и положилъ въ двухъ ракахъ, въ двухъ красивыхъ царскихъ ракахъ съ латинскими надписями. Его замуrowалъ у восточной стороны въ алтарѣ, еѣ въ преддверіи у святыни». *Sfîntitŭ*, въ этой связи, является эпитетомъ панерти, *tindă*, помѣщаемой на западной сторонѣ церкви, откуда и могло развиться *sfîntitŭ* въ значеніи западной стороны вообще. — Когда герои французскаго эпоса молятся *devers Saint Orient* (*Parise la Duchesse* p. 18), то въ этомъ случаѣ точка отправленія была иная, опредѣленная не только святыней алтаря, но и обще-европейскимъ повѣрьемъ, сложившимся подъ церковными вліяніями и издревле помѣщавшимъ рай, т. е. земной рай, на крайнемъ, недоступномъ людямъ востокѣ. Такъ уже у Гонорія изъ

Аутип, такъ и у нашего новгородскаго епископа Василя. *Макарій римскій*, въ извѣстномъ Словѣ «о трехъ мнисяхъ», представляется живущимъ въ двадцати поприщахъ отъ него; Зосима и Агапій, въ апокрифическихъ сказаніяхъ о хожденіи ихъ къ *Рахманамъ*, посѣщаютъ жилище блаженныхъ, благоуханное и вѣчно-цвѣтущее, куда они переправляются чудеснымъ образомъ черезъ рѣку и стѣну облачную, которая тянулась отъ воды до неба (Зосима), либо черезъ *рѣку-океанъ* (Агапій)¹⁾. Всѣмъ этимъ представленіямъ, отразившимся въ русскомъ повѣр'ѣ образами рахмановъ, макарицкихъ острововъ — противопоставалось другое: объ адскихъ мукахъ на западѣ. Но за христіанской двойственностью загробныхъ міровъ могло сохраниться другое, болѣе цѣльное и древнее воззрѣніе. «Гдѣ умирало солнце, туда, казалось древнему человѣку, удалились и всѣ усопшіе предки, тамъ ожидается судьба и его по смерти», говоритъ Аванасьевъ²⁾; наши изслѣдователи помѣщаютъ, очевидно, на западѣ этотъ безразличный славянскій рай, островъ Буянъ русскихъ повѣр'ій, лежащій на океанѣ: «сюда отходитъ солнце, окончивъ свое дневное шествіе, здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтеть вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы и улетаютъ птицы, здѣсь хранятся сѣмена, приносимыя на землю, здѣсь-же обитаютъ души предковъ и души людей еще не рожденныхъ»³⁾. На сколько эта характеристика поддерживается фактами, этого вопроса я не касаюсь, какъ и міеологическаго толкованія «геніпе». Важнѣе показанія румынской народной пѣсни, помѣщающей на западѣ *мытарства*, по которымъ суждено пройти душѣ умершаго, и къ изображенію которыхъ примыкаетъ—изображеніе рая.

1) Агапій доходитъ до «*луки морскихъ*»; затѣмъ Господь и его ангелы перевозятъ его въ корабль на ту сторону *рѣки*.

2) Аванасьевъ Поэт. возр. I, 182.

3) Котляревскій, Погребальные обычаи стр. 1.

Я имѣю въ виду интересную записку (bocetü) изъ Баната, которую Häsdeу сообщаетъ далѣе, въ отдѣльной статьѣ: Загробныя странствованія души по повѣрью румынскаго народа въ Банатѣ¹⁾. Нѣсколько замѣчаній, которыя мы приобщимъ къ тексту записки, возвратятъ насъ къ исходной точкѣ нашего разбора: къ Апокрифу объ Авраамѣ.

*Petrecerea mortului*²⁾.

Trandafire, fire,
 Reü mai ești la fire!
 Ce te-ai zebovit
 De n'ai înflorit
 5 De ieri dimineta
 Pin'adi-dimineta?
 Lasă ciudei c'am privit
 Pina ce s'a despărtit
 Suflet dela oșă
 10 Din lume frumoșă,
 Din lume cu sôre,
 Din vînt cu recóre
 Ș'apă curgătoare!
 Trandafire, fire,
 15 Reü mai ești la fire!
 Ce mi te-ai grăbit
 De ai înflorit?
 — M'am grăbit
 De-am-înflorit,
 20 Căci vremea mi-a venit,
 Ca și tie de pornit,

¹⁾ I. с. стр. 706 слѣд.

²⁾ Проводы мертвеца. «Роза ты, роза! Зла ты по природѣ! Почему замѣшкалась ты и не разцвѣла отъ вчерашняго утра до сегодняшняго?» — Не гнѣвайся на то, что я смотрѣла, какъ душа отдѣлялась отъ костей, отъ прекраснаго міра, отъ подсолнечнаго, отъ прохладнаго вѣтра, текучей воды! — «Роза ты, роза! Зла ты по природѣ! Почему ты поспѣшила разцвѣсти?» — Поспѣшила я разцвѣсти, потому что пришло мнѣ время, а тебѣ

De pornit cătră apus,
 Unde sórele-î ascuns,
 Unde-s tóte florile
 25 Cu tóte surorile,
 Ş'unde Flórea-sórelui
 Şede'n pórtá raiului
 Să judece florile
 Unde li-s mirósele:
 30 Cu de séră a ploăit,
 Cu de nópte-a'nseminat,
 In đori bruma a căđut,
 Mirósele s'or perdut!—

Suflet despărtit,
 35 De multe măhnit,
 Plécă şi se duce,
 Marea o ajunge.
 Vine Marea mare,
 Vine'n tulburare,
 40 Greü urlând
 Şi urducând,
 Tótă lumea spăimntând:
 Unda sa aduce
 Lumea s'o îmbuce,
 45 Tot mălini,
 Călini,
 Brađi din rădăcini.
 Iăr in ripa Mărilor,
 Unde'î Bradul Dinelor,
 50 Trecétórea, apelor,

мора — отправиться на западъ, гдѣ спрятано солнце, гдѣ находятся все цвѣты и ихъ сестры, гдѣ солнечный цвѣтъ стоитъ у вратъ рая, творя судъ надъ цвѣтами, (справивая): гдѣ ихъ благоуханія? Когда съ вечера шелъ дождь, ночь была свѣтлая, а на зарѣ паль иней—благоуханія исчезаютъ.— Душа отрѣшенная (отъ тѣла), сильно омежаленная, отправляется и идетъ, ее догоняетъ море. Идетъ великое море, идетъ съ волненіемъ, странно воя и шума, устраниая весь свѣтъ: несетъ свою волну, чтобы все поглотить; малину и калину, деревья съ корнемъ. У морскаго берега, гдѣ вязъ

Sufletul stătea
 Și mi-se ruga:
 Brade, brade!
 Să'mi fii frate:
 55 Intinde'ti, intinde
 Eū să le pot prinde
 Virfurile tele,
 Să trec preste ele
 Marea în cea parte
 60 Ce lumea-mă desparte.

— Eū nu pot intinde,
 Tu să le poți prinde,
 Virfurile mele
 Să treci preste ele,
 65 Că'n mine-a puiat
 D'inima spurcat
 Roșul șoimuleț
 Cu ochiul semet.
 Când nici vei gândi,
 70 Puii te or simți
 Și vor șuera
 De te-î speria,
 În Mare'i căde
 Și te'î inneca!—
 75 «Las'să fie ș'așab»

76 Vine Marea mare
 (vv. 76—92—vv. 38—54).
 «Intinde'mi intinde

Дзинъ и раздѣлъ водъ, душа остановилась и просить: «Вязъ, вязъ! будь мнѣ братомъ, потянись-ка, протянись, чтобы мнѣ схватиться за твои вершины и по нимъ перейти на ту страну моря, раздѣляющаго свѣтъ». — Не могу я протянуть своихъ вершинъ, чтобы ты могъ за нихъ взяться и перейти по нимъ, потому что на мнѣ завелъ итенцовъ злобный духомъ, гордый взоромъ, красный соколъ. Не успѣешь ты подумать, какъ итенцы тебя почувютъ, засвистятъ, а ты испугаешься, упадешь въ море и утонешь—«Пусть будетъ такъ!»—Идетъ великое море и т. д. «Потянись-ка,

- Să le pot eu prinde
 95 Trupinele tele,
 Să trec preste ele
 Marea în cea parte
 Ce lumea'mi desparteb
 — Eu nu'ti pot întinde
- 100 Să le poți cuprinde
 Trupinele mele,
 Să treci preste ele,
 Că'n mine-a puiat
 Vidra lătrătoare
- 105 De-omeni pânditoare;
 Nici nu vei gândi,
 Puii te-or simți:
 Ei mi-te-or lătra
 De te'î spăimînta,
- 110 În Mare'î căde
 Și te'î înneca! —
 «Las'să fie ș'așab»
- 113 Vine Marea mare
 (vv. 113—129—vv. 38—54, 76—92)
- 130 «Întinde-mi întinde
 Ca să le pot prinde
 Rădăcini a tele,
 Să trec preste ele
 Marea în cea parte
- 135 Ce lumea'mi desparteb
 — Eu nu pot întinde
 Ca să le poți prinde

протанись, чтобы мнѣ ухватиться за твои стволы и по нимъ пройти на ту сторону моря, разделяющаго свѣтъ»—Не могу я протянуть своихъ стволъ, ибо на мнѣ завела семью лающая выдра, подстерегающая людей. Не успеешь ты подумать, какъ ценки тебя услышатъ и залаютъ, а ты испугаешься, упадешь въ море и потонешь—«Пусть будетъ такъ»—Идетъ великое море и т. д. «Потанись-ка, протанись, чтобы мнѣ ухватиться за твои корни и т. д.»—Не могу я и т. д., ибо на мнѣ загниѣдилась и развела дѣтей желтая змѣя, умпрающая отъ голода. Не успеешь ты

- Rădăcină a mele,
Să treci preste ele,
140 Că'n mine-a'ncuibat
Ș'apoî a puiat
Galbena șerpóne
Ce piere de fóme:
Nici nu vei gândi,
145 Puii te-or simți
Și or șuera,
Tu te'i spăimînta,
In Mare'i cǎdê
Și te'i inneca!
- 150 «Las'să fie ș'așă!
Hai, brade, hai,
Mult te mai rugai
O rugare mare
Ca multă răbdare!
- 155 Brade, brade!
Am și eū un frate,
Un frumos pēcurărel,
Și are un toporel.
Ș'are verișori
- 160 Doi voinicî feciorî;
Ei te vor taia
Și te-or resturna;
Maistori vor veni
Și te vor cîopli;
- 165 Din tine vor face
Ca să fie pace

подумать, какъ змѣншии тебя услышать, засвистать и т. д. — «Пусть будетъ такъ! Эй дерево, эй! много я тебя просилъ, великой просьбой, съ большимъ терпѣнiемъ! Дерево, дерево! у меня есть братъ, красивый дегтярь, а у него топоръ и двоюродные братья, да два сына, молодые храбрецы: они тебя срубить и свалить, придутъ мастера, обтешуть тебя и сдѣлаютъ мостъ, чтобы былъ покой и путь усталымъ душамъ, идущимъ въ рай». — Тутъ вязъ спохватился, протянулъ стволы, и мертвецъ перешелъ, куда влекло его желанiе, черезъ безымянное море на тотъ свѣтъ. —

- Punte preste Mare:
S'aibă trecătoare
Suflete-ostenite
170 Cătră raia pornite!
- Bradul atunci se gândia
Și trupinele'ntindea
Iară mortul îmi trecea
Unde dorul îl ducea:
175 Marea fără nume
L'aia-l'alcă lume.
Pas, suflete, pas!
Du-te fără'năcaz,
Pîn'vei trece tu cu dare
- 180 Cele grele șapte vame.
Tine, dragă suflete,
Drumul'nainte
Pînă vei ajunge
Unde se infrânge
- 185 Drumul jumătate
Ce locuri desparte.
Acolo să stai
Și sémă să ieși;
Că'i vedé o-salcă
- 190 Mare și înaltă,
Salcă aplecată
Și cu feunda lată.
Sémă aci iar să ieși
Și spre stînga să nu-mi dai,
- 195 Căci în partea stîngă

Ступай, душа, ступай! Иди безпрепятственно, пока не пройдеши, за плату, через семь тяжелых иктарствъ. Держись, дорогой, прямого пути, пока не дойдешь до половины, гдѣ онъ дѣлится на двое. Тамъ остановись и обрати вниманіе: ты увидишь вербу, великую и высокую, склонившуюся съ большою листвою. Опять замѣть это и не иди на лѣво, потому что тамъ путь извилистый и загроможденный, орошенный слезами. Далѣе, по той-же сторонѣ, полѣ, худо вспаханныя, засѣяныя колючимъ терніемъ: тамъ старая Девна возьметъ у тебя изъ руки твоей видѣ. — Пойди ты

- E calea cea strămbă,
 Strămbă ș'astupată,
 Cu lacrimi udată.
 Apoi tot în aia parte
 200 Sînt cîmpuri urît arate
 Și cu spinii reii semenate.
 Acolo-i Dîna bătrînă,
 Și'ti ȳea pasușul din mînă;
 Ci să dai în partea dréptă,
 205 Precum firea ții arată,
 C'acolo tu vei afla
 Spre îndestulirea ta
 Cîmpuri frumóse
 Cu flori alese,
 210 Cîmpuri d'ale-arate
 Cu flori semenate.
 Flori tu vei culege,
 Și doru'ti va trece.

- Ș'apoi iar să stai
 215 Și sémă să ȳeai,
 Că'n două răzóre,
 Va fi câte-o flóre,
 Flóre la pămînt
 N'ajunsă de vînt,
 220 Flóre
 La recóre
 N'ajunsă de sóre.
 Tu să mi le ȳeai,
 Că sînt flori din raiu.

направо, какъ указываеъ тебѣ твой разумъ, тамъ ты найдешь, въ утѣху себѣ, прекрасныя равнины съ рѣдкими цвѣтами, воздѣланныя поля, ими засѣянныя: ты ихъ станешь брать и твоя тоска пройдетъ. — И опять остановись и обрати вниманіе: на двухъ грядахъ будетъ по одному цвѣтку: цвѣтокъ на землѣ, нетронутый вѣтромъ, и цвѣтокъ въ тѣни, недоступный солнцу; возми ихъ, то цвѣты райскіе. Потомъ пойди снова, пока не достигнешь, съ помощью св. Димитрія, высокой яблони св. Петра. Велика она и развѣснста до основанія, вершиной достигаетъ неба,

- 225 Apoi iar să mi-te duci
Pînă când vei să ajungi
L'al măr mare de Sân-Petru
Cu-ajutorul lui Sân-Medru.
Măru-î mare și rotat
- 230 Și de pôle aplecat,
Cu vârful ajunge'n cerin,
Cu pôlele pin'la Mări;
Și spre virf e inflorit
Iar pre pôle înpupit;
- 235 Jos la rădăcina
E lină
Fântînă:
Acolo-î Sânta-Mariă,
Cu noi mila ei să fie!
- 240 Călători cîți mai trecea,
Ea spre toți se îndura,
Ea pre toți îi adăpa,
Drumurile le-arăta:
Sufletul din apă bea,
- 245 Și el lumea o uita!
Iărasi calea să'ți apuci
Pînă când vei să ajungi
La mândră răchită,
Răchită'npupită.
- 250 Nu-î mândră răchită,
Răchită'npupită,
Ci—milă să-î fie! —
Tot Sânta Mariă,

дножиємъ моря, вершиной цвѣтеть, у основанія распускается, у кор-
ней тихій источникъ; тамъ находится пресвятая Марія — да будетъ она
милостива къ намъ! Сколько ни проходило путниковъ, надо всѣми она
смиловалася, всѣхъ напаяла и указывала пути: напьется душа воды
и забудеть о мирѣ! — Затѣмъ снова ступай путемъ, пока не дойдешь до
прекрасной, распускающейся ракиты. То не прекрасная, распускающаяся
ракита, а св. Марія — да будетъ она милостива! — въ богатой шелковой
одеждѣ. У убранныго, покрытаго цвѣтами стола сидитъ и пишетъ мать

- In haină alésă,
 255 Haină de mătăasă.
 La mėsă chitită,
 Mėsă înflorită,
 Sede și scrie
 Maica Mariă
- 260 Pre cei vii și pre cei morți
 Și-și însemnă a lor sorti.
 Rógă-mi-te tu de ea
 Cóla viilor s'o íea,
 Dórá că s'a îndura
- 265 Și'ntre vii te-o însemna;
 Dar ea nu se-va'ndura
 Intre vii a te scriá,
 Căci cóla i s'a împlut,
 Condeîul și-l'a perdut;
- 270 Dar tu rógă-mi-te bine
 Să te íea în raîu cu sine,
 Dēcă nu mi-te-ai rugat
 Când a'ntrat
 Scrisórea 'n sat.
- 275 Apoi iar du-mi-te du-te
 Pre cărări bătute
 Pînă vei petrunde
 Și tu vei ajunge
 Tócmă'n porta raîului,
- 280 Unde-î Florea sórelui.
 Acolo să te opresci,
 Acolo s'adăpostesci,

Марія, (записуваеъ) живыхъ и мертвыхъ, отмѣчаетъ себѣ ихъ судьбу. Попроси ея, чтобы она взяла страницу живыхъ, быть можетъ, она смеется и помѣститъ тебя съ живыми. Но она не смеется и не запишетъ тебя въ живыхъ, ибо страница наполнилась, перо затеряно. А ты попроси ея хорошанько взять тебя съ собою въ рай — коли не просилъ ея о томъ, когда было время. Затѣмъ иди себѣ, иди торными дорогами, пока не достигнешъ райскихъ вратъ, гдѣ находится цвѣтъ Солнца. Тамъ ты остановись и укройся и жди терпѣливо часа возврата —

Si astéptă cu răbdare
 Ciăsul de reînturnare,
 285 Că el va sosi,
 Si tu vei veni:
 Décă cerbii vor ara,
 Cîntele vor semena!

Pămînte, pămînte!
 290 De ađi înainte
 Îan să'mi fii părinte!
 Să nu te grăbesci
 Să mă putredesci,
 Că acum îți dau
 295 Și nu le mai icaū
 Spatele mele
 In brațele tele,
 Și'ti dau fata mea
 In pajiștea ta!

Румынское «причитаніе» — интересный образец народно-поэтического синтеза, берущаго свои матеріалы отовсюду, достигающаго известной цѣльности плана болѣе чутьемъ, чѣмъ расчетомъ. Оттуда съ одной стороны накопленіе сходныхъ подробностей, съ другой — пробѣлы; то и другое даетъ поводъ къ анализу.

Загробный міръ — на западѣ; въ валашскихъ деревняхъ до сихъ поръ сохранился обычай хоронить покойника по полудни, чтобъ направить душу усопшаго въ загробный міръ вмѣстѣ съ заходящимъ солнцемъ (Аванасьевъ, Поэт. воззрѣнія, I, 182). Этотъ міръ отдѣленъ отъ нашего бушующимъ моремъ, на краю котораго, по сю сторону, символическое дерево «богинь» (дзинъ) съ тремя загадочными животными.

ибо онъ наставеть, и ты придешь, — когда олени будутъ пахать, а лани сѣять! Земля, земля! Отнынѣ будь мнѣ матерью, не торопись обратитъ меня въ врахъ! Вотъ я отдаю въ твои объятія мое тѣло, которое никогда не возьму обратно, и лице — тебѣ подъ пастбище!

Если, как полагаетъ Häsdeu (l. c. p. 707—9), въ основу этого изображенія легъ извѣстный анологъ. Варлаама и Иосафа («притча о богатыхъ отъ болгарскихъ книгъ» или притча объ иворогѣ), то въ заглавкѣ онъ понятъ было своеобразно. Укажу, во всякомъ случаѣ, на сходную образность при сѣверномъ Иггдразилѣ: на вершинѣ его орелъ, у одного изъ корней змѣй, между орломъ и змѣемъ рыщетъ бѣлка, поселяя между ними вражду (сл. сокола, выдру и змѣя притчтаніи). Дерево румынской пѣсни, дерево богинь (эпитеть, перенесенный изъ сказочнаго Bradul, Bustenul-dînelor)¹⁾, впрочемъ, не является въ значеніи міроваго, служа другой цѣли: по его протянутымъ къ нему стволамъ мертвецъ переходитъ по ту сторону моря. — Когда Зосима на пути къ Рахманамъ, достигъ рѣки Евмеаса (Юоумы), черезъ которую невозможно было перейти смертному, по молитвѣ святаго совершилось чудо: «и се два древа възрастоста ꙗ земля доброзрачне и оукрашъса зѣло исполнено доброоуханіа, възвысивса ꙗдино древо иже на сей странѣ рѣкы и взать ма на верхъ свои и възвысивса зѣло и преклониса до средѣ рѣкы, и срѣте и другое древо и взат ма на верхъ свои и преклонивса постави ма на земли, ꙗко възвысивса древо пренесе ма чресъ рѣку» (Тихонр. Пам. II 79).

Еще два дерева встрѣчаются далѣе въ румынской заглавкѣ уже по ту сторону рѣки, на томъ свѣтѣ: верба и яблоня св. Петра; ракита—отрицательное уподобленіе: не распускающаяся ракита, а Богородица. Яблоня св. Петра едва-ли не выродилась изъ представленія крестнаго, міроваго дерева: то и другое касаются вершинами небесъ, одно спускается корнями въ преисподнюю, какъ другое достигаетъ ими моря; подъ крестнымъ древомъ въ раю также упоминается источникъ юности, какъ здѣсь — источникъ забвенія.

Загробный путь румынскаго мертвеца нѣсколько запутанъ. Въ началѣ ему предстоитъ пройти «за плату» черезъ семь мы-

¹⁾ l. c. p. 709 и 715 прим. 4 (Mangîuscă).

тарствъ; въ житіи Василя Новаго ихъ двадцать одно, въ Словѣ о небесныхъ силахъ — двадцать. Преподобный Василій вручилъ ангеламъ, несшимъ душу Феодоры, «мѣшецъ червленъ полнъ»; чтобы искупить душу усопшей, когда нечистые духи будутъ пестязать её на мытарствахъ. По ученію житія всѣ души безразлично, грѣшныя и праведныя, подвергаются посмертнымъ испытаніямъ. Такова, очевидно, точка зрѣнія, и румынской заплачки: пути спасенія и пути осужденія раздѣляются лишь за областью семи мытарствъ, за вербой, откуда въ одну сторону дорога идетъ по полямъ, усѣяннымъ терніемъ, въ другую по цвѣтущимъ равнинамъ, какъ въ другой румынской заплачкѣ (Hâsdeu p. 707):

Tu te duci în ceia lume,
Unde nu cunoscî pe nime;
Dar îea sêma tare bine
Și m'ascultă șe pe mine,
Că sînt doă drumurile:
Unu-î tot cu floricele,
Flori negrite și de jele;
Cel-al-alt cu busuîoc,
Par' că-î un pârîu de foc ¹⁾.

Далѣе — слѣдуетъ предположить еще перепутье: у яблони св. Петра Богородица указываетъ странствующимъ душамъ «дороги», и она-же представляется еще въ другомъ образѣ: записывающею въ книгу живыхъ и мертвыхъ, т. е. спасенныхъ и осужденныхъ, «указывая имъ судьбу», т. е., вѣроятно, пути спасенія или осужденія, по которымъ имъ предстоитъ идти. — Я несомнѣваюсь, что подробности о расходящихся дорогахъ и Богородицѣ, очутившіяся въ заплачкѣ на разныхъ мѣстахъ загробнаго хожденія, въ началѣ составляли одно цѣлое, какъ

¹⁾ «Ты идешь на тотъ свѣтъ, гдѣ никого не знаешь; потому замѣть себя хорошенько и послушай меня: есть двѣ дорожки, одна вся въ цвѣтахъ темныхъ и печальныхъ, другая въ цвѣтахъ васильба, словно огненный потокъ».

въ заключеніи славянскаго апокрифа объ Авраамѣ, напечатаннаго Нāsdeū (румынскій текстъ безъ конца): Господь велеть архангелу Михаилу вознести Авраама «на аерь», гдѣ онъ видитъ на четвертомъ небѣ челоуѣка велелѣпна, то радовавшася, то плакавшаго. Это «первозданный Адамъ», онъ радуется праведнымъ душамъ, идущимъ въ рай, сѣтуеть о грѣшныхъ, идущихъ въ муку. «И пакы тоу видѣ единого чѣка стара, и юноша съ ним, и расписуетъ *въськомоу грѣхы*, и видѣ *двоа врата, на десной великотѣснаа, а на лѣво великоширокаа*, и прїиде едина жена, и ста на срѣдѣ обохъ врат, и ни въ едина врата въходащи. И въпроси Авраамъ ему. абгѣкж и голжба лѣпа, и възлюби Авраамъ сагнж да прїимет. и прѣдастъ дѣхъ свои ббѹ. мѣа мрт̄ кѣ ббѹ нашему слава в вѣкы.». — Въ текстѣ, изданномъ Тихоновымъ, представляющемъ болѣе подробную редакцію апокрифа, распорядокъ разсказа иной: архангелъ взялъ «Авраама съ тѣломъ на облацѣхъ, и несе его *на рѣку нарицающу юса окіанъ*», знакомую намъ рѣку загробныхъ хожденій. «И възрѣвъ Авраамъ видѣ двоа врата выспръ, единѣ мали, а другая велика, посреди же обохъ вратъ сѣдаше му^ъ великъ на престолѣ славы дивныа, и народъ аггелъ окрѣтъ его. Се^ъ му^ъ плакаше и смѣаше. (:Адамъ). Ангелы вгоняють семь душъ во врата «ведущаа въ пагубоу», всѣ онѣ оказались грѣшными, «развѣ юже дръжаше ангелъ дпѣю въ рукоу своею, обрѣте бо еа грѣхъ точенъ съ правдами еа, да не остави еа, ни въведе еа в покой, но въведе ю еже есть посрѣ». — Это отвѣчаетъ непонятному эпизоду текста Нāsdeū о женѣ, которая «ста на средѣ обохъ врат, и ни въ едина врата въходащи». Далѣе Авраамъ просить Михаила довести его «до соуднаго мѣста, да би^ъ видѣлъ како соудитъ. — Тогда Михаилъ рече къ Аврааму: Доидевѣ, Аврааме, идѣже есть рай». Здѣсь происходитъ судъ надъ грѣшной душею, (не тою-ли, которую ангелъ держалъ въ рукахъ своихъ?): «соудя же рече: Принесите съписанаа памяти. — И херувимъ несши двои книги, бѣше моужъ с нимъ великъ сѣло, имѣа на главѣ вѣнца три, единже вѣнецъ бѣше вышши другаго, его-же моужа на послуш-

ство звааху, и дръжаше му* сей въ рущѣ своей трость слагу. И рече судія къ нему: Обличи грѣхи сеа души. И разгнувъ книги му* носимому херувимы и поиска грѣха тоа души». Тотъ судья — «Авель, муча прѣвіе, сеи-же штвѣщеванъ есть отецъ твой Енохъ, се есть учитель небесныя и книгчїи правдивъ, пусти-же и сѣмо да исписаетъ безаконїа и правды комуждо», объясняетъ Аврааму архангелъ. — Если въ румынскомъ причитанїи послѣдняя роль перенесена на Богородицу, то эта замѣна естественно мотивировалась народнымъ представленїемъ о Божьей Матери, какъ предстательницѣ за людей, которую желательно было видѣть судьей ихъ прегрѣшенїй.

Нѣтъ сомнѣнїя, что ко многимъ изъ мнѣическихъ представленїй о загробной жизни, встрѣтившимся намъ въ хожденїи румынскаго мертвеца, легко подыскать параллели не только въ греко-римской ¹⁾, но и въ индоевропейской древности: ей принадлежитъ представленїе о потокѣ, который предстоитъ переплыть или перейти умершему, о лающихъ псахъ, охраняющихъ загробный путь, о платѣ корыщнику, перевозящему души и т. п. ²⁾. Но тѣ-же образы встрѣчаются и въ апокрифическихъ легендахъ, влїяніе которыхъ несомнѣнно обнаруживаетъ румынская записка. Сходныя черты усвоились другъ другу и дали въ результатъ одно изъ тѣхъ осложненїй, передъ которыми останавливается въ недоумѣнїи изслѣдователь мнѣологическаго генезиса. Какъ подѣлить мнѣ въ немъ долю своего и чужаго? Если западная локализациа загробной области опредѣлилась «штарствами», то она входитъ въ знакомый намъ кругъ представленїй о мучахъ на западѣ, и ея до-христіанскїй характеръ подлежитъ сомнѣнїю — независимо отъ того, устоитъ или нѣтъ

¹⁾ См. примѣчанїа Mangiucă къ тексту разобраннаго причитанїя, сообщеннаго имъ Hărdeu I, с. стр. 713—16.

²⁾ Котляревскїй, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ стр. 172—3; см. ib. стр. 145 и 203—4, 210—212 (о загробной платѣ, взимаемой съ мертвеца).

толкованіе *geroe* въ легендѣ объ Авраамѣ, которое *Häsdeu* выводитъ изъ *genune*, предполагая, что 1) либо *geroe* написано въ. *geroge*, *genone*, *genune*, либо 2) искажено изъ *genunoe*—*gerunoe*—*geroe*. Примѣры подобнаго рода описокъ встрѣчаются у попа Григорія (сл. стр. 205); не приписать-ли ему возможность еще и слѣдующей: въ текстѣ стояло: *arhagghelü se dose in ceruri* (или: *segori*, на небеса) *g'arusul soarelui, cândo se adoga ingerii*; описка *in geroe* могла произойти подъ впечатлѣніемъ слѣдующаго: *ingerii*. Если такъ, то это устранило бы изъ области комбинацій слово *geroe*, не румынское народное повѣрье о загробномъ мірѣ за бурнымъ моремъ на западѣ солнца.

II.

Второй отдѣлъ текстовъ, изданныхъ г. *Häsdeu*, открывается введеніемъ, въ которомъ говорится о происхожденіи богомилской ереси, о ея географическомъ распространеніи и о созданной или принятой ею литературѣ. Новаго въ этомъ обзорѣ—роль, предоставленная Румынамъ. Отраженіе манихейско-павликианскихъ вѣрованій, богомилство создано въ Болгаріи и оттуда высылало своихъ проповѣдниковъ далеко на западъ, черезъ сѣверную Италію въ Провансъ, являясь подъ новыми кличками: Катаровъ, Патареновъ и т. д., но поддерживая постоянную учительную связь съ своей болгарской родиной. Что Румыны могли быть вовлечены въ религиозное движеніе, обуявшее сосѣднюю съ ними страну, представляется вполне вѣроятнымъ. «Съ 950 по 1650 г., говоритъ г. *Häsdeu* (р. 259), въ теченіи шести столѣтій, богомилство *могло имѣть*, большее или меньшее, но во всякомъ случаѣ прямое вліяніе на сосѣднихъ Румынь. Если это вліяніе не оказалось у насъ шумно, то главная тому причина—извѣстная терпимость румынскаго клира, показывавшаго видъ, что не замѣчаетъ мелкихъ отступленій отъ догмата, но отчасти—его догматическое невѣжество, не позволявшее ему установить строгое различіе между ересью и православіемъ,

между тѣмъ, во что слѣдуетъ вѣровать и тѣмъ, во что нѣтъ. — Магачскій попъ Григорій, который не былъ простецомъ и тѣмъ менѣе еретикомъ, иначе онъ не сталъ бы столь ревностно списывать православный катихизисъ, — попъ Григорій распространяетъ всякаго рода еретическіе апокрифы, единственно по недостатку основательнаго богословскаго образованія. Тѣмъ легче могли совращаться заурядные попы. Такимъ-то образомъ было переведено въ XVI вѣкѣ на румынскій языкъ множество богомильскихъ сочиненій».

Этой переводческой дѣятельности, безразлично относившейся къ догматической сторонѣ своего дѣла, недостаточно для того, чтобъ объяснить на почвѣ Румыніи самостоятельное литературное движеніе богомильскаго характера. Я имѣю въ виду памятникъ, напечатанный г. Насдей подъ заглавіемъ: Размышленія въ смертнѣй часть, авторъ котораго былъ «богомилемъ въ полномъ смыслѣ этого слова», и притомъ румыномъ, потому что въ указанной статьѣ издатель видитъ «единственное, извѣстное доселѣ, и притомъ чисто румынское произведеніе богомильскаго характера» (р. 448). Это предполагаетъ самостоятельное движеніе богомильской либо сродной съ нею еретической мысли на почвѣ Румыніи — если указанная выше статья въ самомъ дѣлѣ окажется богомильской, въ чемъ я лично не убѣжденъ. Какія-же существуютъ доказательства развитія дѣйствительно-румынскаго богомильства? То, что въ этомъ отношеніи сообщаетъ Насдей, представляется мнѣ не особенно убѣдительнымъ. Начнемъ съ перваго. *Vulgarus*, *bougre* было однимъ изъ средневѣковыхъ названій для болгарскихъ богомиловъ; впоследствии оно стало браннымъ прозвищемъ и обобщилось — до нынѣшняго значенія франц. *bougre*, *bougresse*. Замѣтимъ другое, подобное-же обобщеніе, на этотъ разъ не унизительнаго характера: Катаръ — родоначальникъ нѣмецкаго *Ketzer*, т. е. вообще еретика. Встрѣчается-ли слово Валахъ въ томъ-же значеніи, въ какомъ *vulgarus*-богомилъ? Этого мы не знаемъ и Насдей не даетъ намъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, безъ которыхъ его

параллель съ bulgarus-богомилъ, и далѣе новофр. bougre, теряетъ свою доказательность. Дѣло въ томъ, что у Испанцевъ, начиная съ XIV в., vellaco, vellacho, bellaco означаетъ: maraud, coquin, fourbe; у Французовъ blaische, blesche, blêche — *trompeur, homme de mauvaise fois*. Уже старикъ Huet призналъ въ этомъ словѣ средневѣковую форму имени Valaque, говоритъ Häsdeu (249), что подтверждаетъ и Francisque Michel, присоединяя, что на языкѣ современныхъ французскихъ мошенниковъ (argot) blêche значитъ vagabond, gueux. — Если bougre-Bulgarus восходитъ къ эпохѣ Альбигойцевъ, почему не blêche-Blachus, тѣмъ болѣе, что слово это извѣстно лишь во Франціи и Испаніи, но обѣ стороны Прованса? Изъ этого слѣдовало-бы, что въ XII—XIII в. Румыны принимали почти равное съ Болгарами участіе въ распространеніи богомилства въ Европѣ.

Заключеніе было-бы вѣрно лишь при данной точкѣ отправления: Vlachus-богомилъ, которая не найдена. Влахъ, съ значеніемъ bellaco, blêche и т. п. не дурно вяжется съ ученіемъ, которое богомилы будто-бы приписывали Христу: *τρόπος σωδότης, τουτέστι, μετὰ μηχανῆς καὶ ἀπάτης* (Häsdeu 253—4); но, быть можетъ, тутъ нѣтъ никакого отношенія къ ереси, и кличка относится къ такимъ-же народнымъ опредѣленіямъ, какъ Славяннъ, sclavus, перешедшій къ общему значенію раба (schiauo, sclave, esclave и т. п.), какъ «Влахъ—кошка» въ зооморфической росписи народовъ, встрѣчающейся въ славянскихъ Вопросахъ и отвѣтахъ (см. Häsdeu p. 185; Тихонравовъ, Пам. Отреч. русск. литер. II, стр. 441). Нелестная характеристика Влаховъ въ замѣткахъ одного Византіяца XI в., недавно открытыхъ проф. Васильевскимъ, какъ разъ сводится къ blêche=trompeur, homme de mauvaise foi.

«Заповѣдаю вамъ и вашимъ внукамъ слѣдующее», говоритъ византіяскій бояринъ: «Родъ Влаховъ—родъ совершенно невѣрный и развращенный, не сохраняющій прочной вѣрности ни Богу, ни царю, ни сроднику, ни другу, но старающійся всѣхъ провести; они—большіе лгуны и страшные воры; они готовы каждый день

клясться самыми ужасными клятвами предъ своими друзьями и легко отметають ихъ; они заключаютъ побратимства и вступаютъ въ кумовство, но этимъ только ухищряются обманывать простаковъ. Они никогда и ни къ кому не соблюдали вѣрности, ни даже къ древнимъ царямъ римскимъ. . . . Они трусливы, обладаютъ заячьими сердцами, обнаруживаютъ иногда дерзость, но и это отъ трусости. И такъ, заповѣдаю вамъ, совсѣмъ не довѣряйте имъ, и если возникнетъ когда мятежь, и они будутъ притворно высказывать любовь и вѣрность и будутъ давать клятву предъ Богомъ въ соблюденіи оной — не вѣрьте имъ. Лучше вамъ совсѣмъ не приводить ихъ къ присягѣ и съ своей стороны не давать имъ клятвы, но остерегаться ихъ какъ злодѣевъ, чѣмъ клясться имъ или принимать отъ нихъ клятву. Совсѣмъ не слѣдуетъ имъ вѣрить; развѣ только изъ притворства будь другомъ ихъ» . . . .¹⁾ — Это, быть можетъ, лицепріятный судъ сосѣдей, какъ въ другихъ подобныхъ кличкахъ отозвался судъ исторіи; но bellaso-богомилъ тутъ не при чемъ, тѣмъ болѣе, что и отождествленіе перваго слова съ Valachus отвергается Дипомъ: онъ сблизжаетъ его съ итальянскихъ *vigliasso*, отъ *vilis*, тогда какъ франц. *blèche* производитъ отъ греч. βλάξ (*Diez Wb. a. v. bellaso* и *blèche*).

Другое доказательство въ пользу румынскаго богомилства относится, собственно, не къ нему, а къ родственному ему павликианству. Извѣстно, что послѣдователи послѣдней ереси особенно почитали ап. Павла, считая себя его прямыми послѣдователями, почему и называли себя христіанами св. Павла. — Подобное говорить о Молдаванахъ Георгій Рейхерсторферъ въ 1527 году: «gens ista Moldavica S. Pauli, ut ipsi volunt, religionem hactenus iam inde ab initio non sine summa veneratione et pietate coluit», а въ 1536 одинъ Молдаванскій боя-

¹⁾ Васильевскій, Совѣты и рассказы византійскаго боярина XI вѣва. СПБ. 1881, р. 105—6, § 186, греч. текстъ ib. 106—107. Сл. р. 112—113, § 188.

ринь увѣрялъ нѣмецкаго дипломата, что Petru-vodă Rareș — христіанинъ «по закону св. Павла». Еще въ 1699 году нѣкоторые трансильванскіе Румыны почитали ап. Павла выше всѣхъ святыхъ, а среди венгерскихъ Саксовъ до сихъ поръ ходитъ присловье: *er hat sie verlassen, wie Sanct-Paul die Bloch*, онъ покинулъ ихъ, како св. Павелъ Валаховъ (сл. Häsdeu l. с. 251—2). Пропаганду Павликіанства или Манихейства въ Румыніи г. Häsdeu (р. 565) считаетъ очень древнею: до зарожденія болгарскаго богомилства, стало быть, до X-го вѣка. Этимъ онъ объясняетъ *богомилскій* характеръ двухъ международных пѣсень, до сихъ поръ не найденныхъ въ Болгаріи (если онѣ не встрѣтятся въ собраніи Верковича), сложившихся, по его мнѣнію, въ Персіи, въ манихейско-павликіанской средѣ, перешедшихъ въ Румынію, и отсюда уже распространившихся далѣе съ проповѣдью богомилства — до Италіи и Прованса. — Разборъ этого мнѣнія, возможный лишь въ связи съ разборомъ самихъ пѣсень, мы предложимъ въ слѣдующей главѣ.

Такъ или иначе, существованіе на румынскомъ языкѣ богомилскихъ апокрифовъ, либо такихъ, которые были усвоены богомилами, не связано необходимо съ самостоятельной жизнью ереси на румынской почвѣ. Перейдемъ къ краткому обозрѣнію памятниковъ этого рода, изданныхъ г. Häsdeu.

Въ числѣ книгъ, отнесенныхъ восточною церковью, упоминаются молитвы противъ трясавицъ и нежитей; индексы приписываютъ одну такую молитву болгарскому попу Іереміи, т. е. Іереміи Богомилу, и указываютъ на ея содержаніе: въ ней упоминался св. Сисиній на горѣ Синаѣ, архангелъ Михаилъ и семь трясавицъ, дочерей Ирода ¹⁾. Очень вѣроятно, что подъ

¹⁾ «(вопросы Іереміа къ Богородици о недузѣ естественнѣмъ,) и еже именують трясавици, басни суть Іереміа пола Болгарьскаго; глаголетъ бо океаннѣй сей, яко сѣдѣшу святому Сисенію на горѣ Синаистѣй, и Ангела Михаила именуеть, еже на соблазвъ людемъ многымъ, и семь дщерій Иродовнхъ трясцами басньствоваше, сихъ же ни Евангелисты,

Сисиніемъ богомильскаго заговора разумѣется послѣдователь Манеса (ὁ τοῦτου διάδοχος), ставшій во главѣ секты по смерти ея основателя (I. c. стр. 717). У Богомиловъ могла существовать легенда о немъ и молитва съ его именемъ, планъ которой указалъ церковнославянскимъ индексомъ. Въ этомъ свѣтѣ представляются мнѣ взаимныя отношенія статей, собранныхъ г. Найденомъ (стр. 264 — 91 и 717 — 719) для уясненія даннаго вопроса, я присоединю къ нимъ еще греческія легенды у Алліція, на которыя давно указалъ мнѣ проф. Дестунисъ ¹⁾.

Алліціи приводитъ два разсказа о Сисиніи, одинъ подробный, безъ начала, другой краткій, но сохранившійся вполне и дающій возможность возстановить начало первого ²⁾.

Въ Аравіи, въ странѣ авситидійской, жила одна женщина по имени Мелитина. Она произвела на свѣтъ семерыхъ дѣтей, но всѣ они были погублены Гилло—демоническимъ существомъ, похищавшимъ и пожиравшимъ новорожденныхъ по повѣрью, восходящему къ древней Греціи (Γελλῶ), популярному въ средніе

ни одинъ отъ святыхъ семи именована, но одна, поспросившая главу Предотечеву, о ней-же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова. Великій-же Сисеній, Патріархъ Костянтина града, въ своихъ ему словесѣхъ, сице глаголаше: не мните мя оного Сисенія лживаго, его-же нависа Іереміа помъ неразумный на соблазнъ людемъ, и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыни исходятъ и о древѣ крестѣмъ.... то всѣ пошь Іереміа изглаголаше. Сл. Калайдовичъ, Іоаннь Эксархъ болгарскій стр. 210 прим. 8. — См. сводный текстъ у Пыпина, Для объясненія статьи о ложныхъ вѣнгахъ въ Лѣт. Зап. Археограф. Комиссіи 1861 г. I стр. 39—40; къ имени Михаила вариантъ: Сиханлъ.

¹⁾ *Apitii De quorundam Graecorum orinationibus*, стр. 126 и слѣд., стр. 133 и слѣд. Эти сопоставленія были сдѣланы мною, когда я получилъ, благодаря любезности И. Д. Мансветова, его статью: Византійскій матеріалъ для Сказанія о двѣнадцати трысавицахъ (Москва 1881). Мнѣ оставалось воспользоваться его изложеніемъ греческихъ легендъ и другими указаніями, разсѣянными въ его интересномъ трудѣ. Тексты Алліціи см. въ Приложеніи № II.

²⁾ Мансветовъ стр. 9 слѣд.

вѣка (Γιλλῶ, Γιλῶ, Γυλοῦ, Γελοῦ), живому и въ современномъ простонародьи ¹⁾). — Чтобы спасти слѣдующихъ дѣтей, Мелитина строитъ, вдали отъ всякаго жилья, башню, и, намѣреваясь произвестъ на свѣтъ двухъ мальчиковъ, заперлась въ ней, такъ что ни снаружи, ни изнутри нельзя было проникнуть въ ея убѣжище. Но въ это время святые Сисиній и Сисинодоръ, родные братья Мелитины, возвратясь съ военной службы, вздумали навѣстить свою сестру, пришли и просятъ пустить ихъ. Мелитина отвѣчаетъ, что не можетъ отворить, потому что боится за своихъ дѣтей. Они повторяютъ свою просьбу, прибавляя, что они ангелы Божіи. И вотъ, когда двери отворились, поднялся съ земли злой духъ, вошелъ въ горло лошади, на которой прѣхалъ одинъ изъ братьевъ, и въ полночь умертвилъ ребенка. Узнавши объ этомъ Мелитина начала плакать и жаловаться на своихъ братьевъ; святые, поднявши руки къ небу, стали просить (Бога) дать имъ власть надъ нечистою и поймать ея. — Здѣсь примыкаетъ пространная версія легенды. — Получивъ власть отъ Бога Вседержителя, они тотчасъ сѣли на своихъ коней крылатоуздныхъ (πτερογαλίνος) и погнали черезъ пропасти и моря на гору Ливанскую. На пути повстрѣчали они ἰτεάν, вербу (по краткому сказанію — τεύχη), и спросили у нея: не видала-ли она пролетѣвшую Гилло? Но она сказала: нѣтъ, не видала. И заклиаи ея святые, говоря, да не будетъ отъ тебя плода во вѣкъ, и человекъ да не вкуситъ отъ него. Затѣмъ, продолжая свой путь, всадники повстрѣчали терновый кустъ (βάτον), спросили у него то-же самое и, получивъ отрицательный отвѣтъ, также произнесли на него проклятіе: «корень твой пусть произведетъ верхушку, а верхушка корень; плодъ твой пусть будетъ никуда не годенъ и человекъ не будетъ питаться имъ». Наконецъ они встрѣтили благословенную оливу (ἐλαία), спросили у нея и получили въ отвѣтъ: «бѣгите скорѣе; святые Божіи, потому

¹⁾ Сл. Schmidt, Volksleben der Neugriechen I, 139—140.

что она спѣшитъ скрыться на морскомъ берегу» (по краткой вер-
сїи: при морѣ подъ двадцатью травами, подъ горящею головою,
подъ мовгами дѣтей). Святые Божїи, Сисинїи и Сисинодоръ, благо-
словили оливу и сказали: «плодъ твой великъ будетъ, святые
просвѣтятся чрезъ него, пари и бѣдники возвеселятся о немъ».
Поспѣшивъ къ морю, святые увидѣли летѣвшую мерзкую Гилло,
и какъ только она увидѣла святыхъ, обратилась въ рыбу, а
святые въ рыболововъ, и начали ловить её. Тогда мерзкая Гилло
обратилась въ ласточку, а святые, получившіе благодать, сдѣла-
лись соколами и стали преслѣдовать её. Тогда Гилло, увидѣвъ,
что не можетъ обмануть святыхъ, сдѣлалась козлинымъ волосомъ
и сѣла въ царскую бороду, чтобы остаться неузнанною. Святые,
приступивъ, поклонились царю, говоря: «Владыке царь, хотимъ
просить у твоего величества исполнить одну нашу просьбу,
и если хорошо и угодно будетъ тебѣ исполнить её, объяви намъ
въ скорости, потому что мы находимся въ большомъ смущенїи».
Тогда царь говоритъ святымъ: «Просите, ибо я вижу, что вы
благородны и разумны». Святые говорятъ царю: «ничего другаго
не желаемъ отъ величества твоего, какъ только вынуть козїей
волосъ изъ бороды твоей, чтобы ты видѣлъ и удивился». «Воз-
мите его», говоритъ царь; и вотъ святые, расправивши её
съ почтенїемъ, съ великимъ вниманїемъ вынули волосъ. Тогда
мерзкая Гилло, видя, что не можетъ обмануть святыхъ, обрати-
лась въ женщину...., а они, схвативши её за волосы, повергли
на землю и начали сильно бить, говоря: «Престань, мерзкая Гилло,
не убивай дѣтей христіанскихъ, ни рабы Божїей имя рекъ».
Гилло обѣщаетъ возвратитъ ребенка, если Сисинїи и Сисино-
доръ въ состоянїи будутъ вывести на ладонь матернее молоко,
которое сосали, что они, послѣ молитвы, и исполняютъ. Гилло
сдается и объясняетъ, что нужно, чтобы избавиться отъ нея
и лишитъ ее силы вредить людямъ: если кто напишетъ 12 съ поло-
виною именъ моихъ, не взойду въ домъ раба Божїя, имѣющаго
молитву сію, ни къ сожительницѣ его такой-то, ни къ дѣтямъ
ихъ, но отойду отъ дома ихъ на 75 стадїй. Тогда говорятъ

святые къ Гилло: «Скажи-же проклятая, премерзкія имена твои, прежде чѣмъ предадимъ тебя жестокой смерти». Разсказъ кончается перечнемъ этихъ именъ.

Въ слѣдующихъ пересказахъ легенды мы встрѣтимъ то-же содержаніе и тѣ-же сказочныя подробности, за исключеніемъ эпизода о превращеніяхъ (рыба—рыболовы, ласточка—соколы; козій волосъ), извѣстнаго въ цѣломъ циклѣ сказокъ востока и запада ¹⁾, и Сисиндора. Дѣйствующимъ лицомъ является одинъ Сисиній; лишь однажды намъ встрѣтится упоминаніе его братьевъ.

Нѣздеу издалъ три пересказа нашей легенды; 1) въ славянскомъ текстѣ, написанномъ около 1500 г. какимъ-то румыномъ, на что указываютъ особенности языка, смѣшеніе родительнаго падежа съ дательнымъ и т. п. Списокъ съ этого текста, нашедшій себѣ мѣсто въ сборникѣ Григорія, относится ко времени около 1580 г.; 2) въ румынскомъ переводѣ этой легенды, сдѣланномъ ок. 1550 г. (сл. Нѣздеу р. 274); 3) въ редакціи современной народной книги. Сообщаемъ содержаніе славянской статьи:

Великій воинъ былъ св. Сисиній, одолѣвалъ Сирианъ, Измаильтянъ и Татаръ; однажды, когда онъ возвращался съ востока въ Равію, ангель Господень явился ему во снѣ и сказалъ: Пойди къ сестрѣ твоей Мелентіи, она родила шестерыхъ дѣтей, пять изъ нихъ похитилъ дьяволъ, хочеть взять и шестаго. Она-же сотворила мраморный столбъ, оковала его гвоздіемъ желѣзнымъ и залила оловомъ, и въ немъ затворилась съ двумя отроковицами—служанками. — Сисиній ѣдетъ къ столпу, но сестра отказывается отворить ему, «якожъ боасе врага Вараха(?)» (въ рум. текстѣ: *să mă temu de dracul înșelătoriu!*). Только послѣ увѣренія Сиси-

¹⁾ Нѣздеу говоритъ о немъ по другому поводу р. 550—553, цитуетъ (по сообщенію Гастера) румынскую сказку у Шоттовъ № 18, сербскую (Караџић № 6); Straparola VIII, 5 (6); Grimm *Kindermärchen* № 68 (п т. III р. 117—119); Hahn № 68; 1001 ночь (ночь 54—55); Сорокъ визирей, ночь XVIII р. 195 слѣд.; Ssiddikar, введение.

нѣе «азъ есмь ловцу (вм. ловець) діавола (вм. —у) тому, мене раді отженет ГѢ діаволу (вм. —а) того», она его впустила, но вмѣстѣ съ нимъ вошелъ и діаволь, спрятавшись въ образѣ просянаго зерна подъ копыта Сисиніева коня, похитилъ сына Мелентіи и побѣжалъ къ морю. Сисиній скачетъ за нимъ слѣдомъ: въ рукахъ у него пламенное копьѣ, отъ коня его пышетъ огнемъ. Онъ прыскавалъ къ вербѣ и спрашиваетъ, не видала-ли она «врага бежаща и отроку (—а) носеща». Та видѣла, но отвѣщается невѣдніемъ, и Сисиній проклинаетъ еѣ: «Да цветеш и плод да не сътвориш!» Далѣе онъ обращается съ тѣмъ-же вопросомъ къ кушнѣ (gudī); тотъ же отвѣтъ и проклетіе: «да си проклета, гдѣ естъ корень твой, ту бждеть и врѣх твой! кто хочет мно ити к тебѣ, а ты потъкнеші (рпк. ті) е, а себе на проклетіе». Отвѣта онъ добивается отъ маслинѣ, стоявшей у моря: она говоритъ ему, что врагъ ринулся въ море—и Сисиній еѣ благословляетъ: «да иси блѣвенно и ѡщпенно древо бжїи маслину (sic), и будеше въсем црквам на просїценіе, а члѣом на спасеніе. Тако бысть¹⁾. — Сисиній подходитъ къ морю, закидываетъ свою удицу, вытянулъ дьявола на берегъ и началъ его бить желѣзною палицею, требуя, чтобы онъ выдалъ ему дѣтей Мелентіаны. Я пожралъ ихъ, отвѣчаетъ дьяволь. — Изрыгни ихъ. — Изрыгни и ты на дань матернее молоко, которое сосалъ ребенкомъ! — Чудо совершается по молитвѣ святаго, и дьяволь принужденъ изрыгнуть пожранныхъ имъ младенцевъ. Тогда Сисиній говоритъ, что не отпуститъ нечистаго, пока онъ не дастъ ему зарока — и тотъ дважды клянется: гдѣ *молитва сія глаголется и имя твое упомянуто будетъ*, «ту діавол не настигнетъ». Подъ молитвой несомнѣнно разумѣется тотъ перечень именъ, о которомъ

¹⁾ Новый текстъ легенды (по народной книгѣ) вставилъ между кушной и маслиной еще одно дерево у морскаго берега: тополь (pältinū); на вопросъ святаго онъ отвѣчаетъ, что видѣлъ діавола и слышалъ крики мальчица. Сисиній благословляетъ его: да стойтъ онъ передъ церковью, грѣшнымъ на исправленіе, праведнымъ на спасеніе. — Очевидно, позднѣйшее умноженіе древнаго мотива.

говоритъ греческая статья и который здѣсь опущенъ. Новый текстъ румынской легенды (по народной книгѣ) обращаетъ клятву въ рукописаніе, *zaris*; такъ и въ молитвѣ румынскаго трепетника. — Въ текстѣ Григорія святой, взявъ клятву съ діавола, «посла его подъ мракомъ» (*supra întunecat*); въ новомъ онъ рубитъ ему голову, поретъ ему грудь по животъ и бросаетъ въ море, зажавъ его никогда оттуда не выходить. Особое отличіе представляетъ начало этой версіи: св. Сисиній — *съ братьями* ходилъ охотиться съ какимъ-то императоромъ (вспомнимъ царя и брата Сисинодора греческой легенды); однажды въ лѣсу поднялась страшная буря (сл. въ древнемъ текстѣ рѣчь Сисинія къ сестрѣ: *штврзи ми стгънь да вьниду, гакъ велѣа естъ вьну зима и велѣа вьалица: рум. mare vihor*), всѣ разсѣялись кто-куда, а Сисиній, по волѣ Божіей, добирается до башни на берегу моря, гдѣ жила его сестра и т. п. — Проклятія и благословія, расточаемыя деревьямъ, принадлежатъ уже греческой статьѣ; *Häseu* (р. 297—8; сл. 276) вмѣнялъ ихъ болгарскому оригиналу и указывалъ на мотивы одной пѣсни въ сборникѣ Миладиновыхъ (№ XXXVI, р. 36), гдѣ Богородица точно также прокликаетъ, либо благословляетъ деревья:

Тонка ясика тонка да бидить

Тонка да бидить, сенка да нематъ...

Тонка-на евла тонка да бидить

Ни путь да цутить, ни родъ да родить...

Зелени бжршенъ зеленъ да бидить,

Зеленъ да бидить зиме и лете,

Путь да ми цутить, родъ да ми родить,

Родъ да ми родить цжрни ѡжгена.¹⁾

¹⁾ Въ одномъ варьянтѣ этой пѣсни проклятіе обращено на «бжрбу»; въ болгарскихъ колядкахъ Богородица прокликаетъ «абленево» дерево, не преклонившееся во время крещенія Спасителя; І. Христоръ — дерево «трепетлику». Что до вопросовъ, обращенныхъ въ деревьямъ, то они принадлежатъ распространенному сказочному мотиву. См. напр. Аван. Р. Н. С. IV, стр. 64.

Мы видѣли, что румынская легенда разумѣла подъ *молитвой*: запись дьявольскихъ именъ, гонящихъ бѣса. Еѣ отобрагъ у него Сисиній: это — молитва св. Сисинія. Въ заключеніи пространной греческой статьи помѣщены три заговора противъ Гилло, обращенные къ Сисинію и Сисинодору, къ І. Христу и Божьей Матери; подобныя заговоры встрѣтились въ одномъ коптскомъ евхологѣ: одинъ изъ нихъ—съ сказаніемъ о Гилло¹⁾; въ греческомъ заклинаніи на головную боль читается обращеніе къ свв. Сисинію и Сисиніану, упоминается о нечистой Гилло, о семи дѣтяхъ Мелитины и о двѣнадцати именахъ, которыя писали на бумажкѣ и носили какъ предохранительное средство²⁾. Мотивы легенды дали рамку заговору: сидѣніе у моря, въ каменномъ столбѣ (башня Мелитины), на горѣ (сл. Ливанскія горы греческой статьи), моментъ послѣдней борьбы; но дѣйствуетъ не Сисиній, а небесныя силы, архангелъ Михаилъ и т. п.; Гилло-дьяволъ то является съ своими разнообразными именами, то раздробился на столько-же демоническихъ лицъ, трясавицъ, дочерей Ирода, выходящихъ изъ моря, какъ Гилло-дьяволъ, поражаемый святымъ. Такъ сложился типъ *молитвы Сисинія*, о которомъ говоритъ индексъ.

Къ этому типу относятся двѣ румынскихъ молитвы, изъ которыхъ одна, печатающаяся при Трепетникѣ, замѣнила имя Сисинія—именемъ *Иосифа*, другая входитъ въ составъ народной книги, ходящей подъ заглавіемъ: Чудеса св. *Сисоя* (*Minunile sfintului Sisoie*), т. е. Сисинія, и представляющей сводъ различныхъ апокрифическихъ статей: за молитвой св. Сисоя идетъ его легенда (въ новой редакціи, о которой говорено выше), далѣе приговоръ Понтія Пилата, перечень воздыханій, слезъ Спасителя и т. п. Оба текста молитвы могутъ быть признаны принадлежащими къ одной редакціи, не смотря на отличіе именъ и нѣкоторыя мелкія разногласія. Сообщаю въ переводѣ статью, замѣнившую Сисинія—Сисоемъ (*Häsdeu* 277—8):

¹⁾ Мансветовъ I. с. стр. 11, прим. I.

²⁾ I. с. стр. 15.

«Я, святой Сисой, рабъ Господень, сходя съ Сіонъ-горы, съ высотъ Элеона, видѣлъ какъ архангелъ Михаилъ, ангельскій воевода, встрѣтилъ Авеицу (= Гилло, дьявола), крыло Сатанино: волосы у ней до пятъ, глаза словно огонь, изъ пасти и отъ всего тѣла исходило пламя; она шла, сильно блеща, безобразная видомъ. Встрѣтилъ её архангелъ Михаилъ и спрашиваетъ: Откуда идешь ты, Сатана, духъ нечистый, и куда, и какія тебѣ имена? А она отвѣчала: Я—нечистый духъ, крыло Сатанино. Тогда Архангелъ схватилъ её за волосы и страшно билъ её, она-же завопила гласомъ великимъ, говоря, чтобъ ангелъ отсталъ бить её, что она все скажетъ ему по ряду. Когда-же ангелъ прекратилъ бить её, она принялась сказывать ему: Слышала я о дѣвицѣ Маріи, дочери Іоакима и Анны, о которой архангелъ Михаилъ возвѣстилъ по всѣмъ градамъ, что отъ Маріи родится Іисусъ Назарянинъ; я и иду съ моими дьявольскими ухищреніями, дабы соблазнить её. А архангелъ говоритъ: Расскажи мнѣ, каковы были донинѣ твои ухищренія. И онъ схватилъ её за волосы и началъ её сильно бить и колоть. Она и говоритъ ангелу: Оставь меня, я расскажу тебѣ всё по ряду: я обращаюсь въ муху, паука, собаку, во всѣ образы видимые и невидимые, и иду соблазнять женщинъ, похищаю юношей, соблазняю ихъ дѣвушекъ въ глубокомъ снѣ. У меня 19(?) именъ (слѣдуетъ ихъ перечень). Гдѣ обрѣтутся записанными мои имена, къ тому дому я никогда не подойду на семь миль, ни къ обитателямъ того дома, пока будутъ стоять небо и земля, во вѣки, аминь». — Въ редакціи Трепетника сатана даетъ на то записъ (zapis) архангелу.

Сюда принадлежитъ и Буслаевскій заговоръ: мѣсто дѣйствія у моря, имена дьявола обратились въ столькихъ-же трясавицъ, дочерей Ирода; вмѣсто Михаила названы другіе ангелы (Сихангъ) и святые:

«При мори Черномъ стоятъ столпъ каменный, въ столпѣ сѣдигъ святой великій апостолъ Сисинѣй, и зреть апостолъ святой Сисинѣй: возмутится море до облака и изыдутъ изъ моря гв. женъ простовласыхъ... окаяніи дьяволіе видѣніе? Они-же

рѣвоша: Мы есмь трасавицы, дщери Ирода цара. И вопроси ихъ святыи Сисинѣи: Окаянии діаволи, почто есмь сѣмо пришли? Они-же рекоша: Пришли есмь мучити родъ человѣческій и т. д. И помолися богу святыи Сисинѣи: Господи, Господи, избави рода сего человѣческаго шть окаянныхъ сихъ диявогъ. И посла къ нему Христось .б. аггела, Сихайла и Аноса и .д.х евангелистовъ; Луку, Марка, Матфеа, Иоанна, и начаша ихъ бити .д.ми дубьцы желѣзными и дающи им по три тысячи ранъ на день. Они-же начаша молитися имъ: Святыи великій апостоль Сисинѣи и Сихайло и Аносъ и .д. евангелисты Лука, Марко, Матфей, Иоанъ, не мучите насъ; гдѣ ваши имена святые заслышимъ, прославится въ которомъ роду, того мы роду бѣгаемъ за .г. дни поприщъ. И вопроси ихъ святыи апостоль Сисинѣи и Сихайло: Что ваши суть діаволи имена?» (Слѣдуетъ отвѣтъ) ¹⁾.

Видоизмѣненіемъ этой заговорной формулы представляются тѣ ея варьянты, въ которыхъ Сисинѣи, игравшій въ предыдущихъ молитвахъ роль зрителя, забыть, и борьба происходитъ между небесными воителями и демонской силой. Такъ въ нѣкоторыхъ русскихъ заклинаніяхъ: мѣсто дѣйствія на Фаворской горѣ, подъ дубомъ Мамврійскимъ, тамъ сидятъ Сихайлъ и Михайлъ, собрались всѣ силы небесныя, поражающія семь дѣвъ простовласыхъ, дочерей Ирода ²⁾ и т. д. — Этотъ типъ заговора попадаетъ и безъ позднѣйшей дифференціаціи одного демоническаго лица на нѣсколько. Такъ въ одномъ народномъ заклятіи изъ Буковины (Häsdeu 279 — 80), гдѣ архангелъ Михайлъ встрѣчается съ Сатаной на горѣ Элеонской, и въ славянскомъ заговорѣ попа Симеона, помѣщенномъ въ магачскомъ сборникѣ Григорія.

¹⁾ Буслаевъ, О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ, Приложенія стр. 28; сл. Тихонравова, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 351—2; Майкова, Великорусскія Заклинанія № 103 (и тамже другіе заговоры отъ трасавицы. Малорусскіе у Ефименка, Сборникъ малоросійскихъ заклинаній №№ 33—35).

²⁾ Буслаевъ I. с. Приложенія стр. 29, в. (по Лѣчебнику XVII в.); сл. Майковъ I. с. № 105.

Приводимъ его какъ образецъ славянскаго литературнаго языка, бывшаго въ ходу у румынскаго священства въ XVII в.

«Азь архаггль Михайль ходих по горѣ Елешнстѣи и обрѣтох вѣщицъ именимъ Авизою и рекох ей: ти еси злоплемен и проклетое вѣ.... сна бо бѣше прострѣла власи свои до пету. И рече еи архаггль Михайль: не имамъ поустити, аще ми са не кльнеши, и повѣжда ми роду своему и име.... (она) же рече ему: наш род мо(....) име: .а̄. мора, .б̄. вѣщица, .г̄. ахоха, .д̄. пладница, .е̄. лекта, .ѕ̄. члюку.... дица, .ж̄. полонощница и свевела, .ѣ̄. дѣ.... издаважща, .і̄. нерадостна, .л̄. чръни.... нигде да не сам бми кльнуотиса, архаггле Михайле, идеже стоит мѣтви сіе въ дому....» (ib. стр. 280—1).

Имена демона, какъ ни попорченными они являются въ текстѣ попа Симеона, могутъ дать поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ. Насдеу (281—2 и 719) сопоставилъ ряды именъ, встрѣчающихся въ румынскихъ и русскихъ текстахъ заговора и въ заклинаніи попа Симеона; русскія имена не идутъ въ сравненіе, какъ поздніе эпитеты, явившіяся съ обращеніемъ молитвы отъ Гягу въ заговоръ противъ лихорадки (Трясея, Огnea и т. п.); новый матеріалъ сближеній даетъ греческая статья. — Въ румынскихъ текстахъ демонъ является въ началѣ съ *общимъ* именемъ; которое потомъ встрѣчаемъ въ числѣ частныхъ:

Сисой: Михайль встрѣчаетъ *Автицицу*. Ея 1-ое имя: *Автицица*, 6-е *Avezihă*.

Иосифъ: Михайль встрѣчаетъ *Автицицу*; 1-ое имя: *Автицица*, 2-ое *Avariva*.

Буковинская Сказка: Михайль встрѣчаетъ *Avezihă*'у; 1-ое имя: *Втицица*, 6-е *Avezihă*.

Попъ Симеонъ: Михайль встрѣчаетъ *Авизою*; 1-ое имя: *Мора*, 2-ое *Втицица*.

Вѣщица = Авѣщица и *Avezihă—Avezuhă—Авизою—Авагуза(?)*—частныя имена демона, вѣроятно стоявшія въ началѣ серіи и обобщенныя, какъ въ греческой статьѣ Гюлоу является въ томъ и другомъ значеніи. Здѣсь послѣдовательность частныхъ

именъ такая: 1) Γυλοῦ (Вѣщица?) 2) Μωρρα̅ (Μωρά) = *Мора*, первое имя у Симеона; 3) Βυζοῦ = *Авизоя* и т. д. Βυζοῦ объясняется: «высасывающая» изъ человѣка кровь, силы и т. д.; сл. Ὁβίζου̅ в Testamentum Solomonis: ея дѣло «убивать дѣтей (= Гилу), поражать глухотою уши, слѣпить глаза, смыкать уста уздою, губить разсудокъ и знобить тѣло»¹⁾. Изъ слѣдующихъ обозначеній одно, 9-ое въ текстѣ Симеона, покрывается греческимъ: дѣ. . . иудаваѣща = παιδοπνίκτη. — Объясненія нѣкоторыхъ другихъ именъ можно ожидать отъ дальнѣйшаго изслѣдованія нашей статьи, источники которой г. Мансветовъ возводитъ къ халдейскому учению о 12-ти астральныхъ духахъ, влияющихъ на человѣческую судьбу: учению, усвоенному гностическими и манихейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Въ этой исторической послѣдовательности становится понятнымъ, почему «молитва о трясавицахъ» могла быть понята, какъ принадлежащая къ составу богомильскаго апокрифическаго кодекса.

Уже во время печатанія этихъ строкъ я могъ познакомиться, благодаря любезности д-ра Гастера²⁾, съ корректурными листами его работы по средневѣковымъ еврейскимъ сказаніямъ, захватившимъ въ свою область и нашу заговорную формулу. Оказывается, что сложившись гдѣ-то на востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи (I. c. p. 77), она отразилась не только въ богомильской, но и въ іудейско-каббалистической литературѣ. Въ Alphabetum Siracidis, относящемся къ VIII в. (p. 77), разсказывается

¹⁾ Мансветовъ, I. c. p. 6.

²⁾ Изъ письменнаго сообщенія д-ра Гастера я узналъ, что ему удалось приобрести еще одинъ сборникъ румынскихъ апокрифовъ, первой половины XVIII в., содержащій, между прочимъ: Дни добрые и злые, Истолкованіе Алфавита, Вопросы и отвѣты (космологическаго содержания), Легенду о 12-ти пятницахъ; — и что, кромѣ упомянутыхъ выше (стр. 2—3) повѣстей, въ румынской литературѣ извѣстны и Синагрипъ, и 12 Сновъ Шаханшаха, и Семь Мудрецовъ и т. д.

о первозданной женѣ Адама, Lilith, что она удалилась отъ него и Господь послалъ за нею трехъ ангеловъ, дабы привести её обратно. Ангелы находятъ её стоящею въ водѣ, той самой, въ которой впоследствии суждено было погибнуть Египтянамъ; когда она отказывается идти, и посланные грозятся утопить её, она говоритъ: «Оставьте меня, ибо я создана для того, чтобы вредить новорожденнымъ, мальчикамъ до восьми, дѣвочкамъ до 12 дней отъ роду», и клянется именемъ Бога жива, что гдѣ ни увидитъ на амулетѣ имена или образъ ангеловъ, тамъ она не будетъ приносить вреда дѣтямъ (67).—Serpher Raziel сообщаетъ содержаніе заговорной формулы противъ нея: «Заклинаю тебя, первая Ева, именемъ твоего Творца и трехъ ангеловъ, посланныхъ за тобою Господомъ, и ангела моря, которымъ ты клялась, что ни ты и никто изъ твоего сонма не будете вредить тамъ, гдѣ ты увидишь наши имена, ни тому, кто ихъ носить на себѣ; заклиная тебя . . . что ни ты и никто изъ твоихъ не будете вредить рожаницѣ (имярекъ) и ея новорожденному, ни днемъ, ни ночью, ни головѣ, ни сердцу, ни 208 членамъ, ни 365 жиламъ. Запрещаю это тебѣ и твоему сонму силой этихъ именъ и печатей» (68—9).—Sohar I говоритъ о Лилитъ, которую зовутъ Kelipha'ой, что она сначала заклета была въ море, но по грѣхопадениі Адама и Евы, блуждаетъ по свѣту, умерщвляя малыхъ дѣтей за грѣхи ихъ родителей (69).— Вотъ наконецъ и еще одно еврейское сказаніе (70—1), совершенно приводящее насъ къ типу румынскихъ и славянскихъ заклинаній: однажды пророкъ Илья встрѣтилъ Лилитъ со всѣмъ ея сонмомъ и спросилъ её: куда идешь ты, злая, нечистая, съ твоимъ нечистымъ сонмомъ? Она отвѣчала: Илья, господинъ мой! я иду къ родильницѣ такой-то, чтобъ навести на неё смертный сонъ, похитить ея ребенка, выпить его кровь, мозгъ его костей, не трогая его тѣла.— Илья заклинаетъ её именемъ Божіимъ, чтобъ она стала безгласнымъ камнемъ, а она молитъ его снять съ нея проклятіе, обѣщаясь удалиться отовсюду, гдѣ она услышитъ или увидитъ записанными свои семьнадцать именъ, которыя и перечисляетъ.—Съ сообщен-

ными выше перечнями имена эти не представляют ничего общаго; этотъ отдѣлъ заговора долженъ былъ всего легче подвергаться измѣненіямъ и нарощеніямъ. Интересно во всякомъ случаѣ сближеніе Гастера — имени *Сисинія* съ однимъ изъ именъ ангеловъ въ *Alphabetum Siracidis: Smetu* (76): и здѣсь, стало быть, преданіе восходило къ манихейскому типу, которымъ шталось богомилское вѣроученіе.

Слѣдующіе далѣе отреченные тексты, изданные Насдей въ отдѣлѣ богомилскихъ, не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

Извѣстная вставка славянскаго Хожденія Богородицы: о Троянѣ, Хорсѣ, Велесѣ и Перунѣ («Трогана, Хърса, Велеса, Пероуна на бгы обратиха) дала г. Насдей поводъ (р. 303—306) распространиться, по примѣру другихъ, объ императорѣ Траянѣ, попавшемъ въ число южно-славянскихъ божествъ. Обоготвореніе это сложилось, по мнѣнію автора, среди Румынъ, отъ которыхъ оно и перешло къ Славянамъ; извѣстная сербская сказка о Троянѣ, сообщенная Караджичемъ, приурочена къ Босніи, румынское населеніе которой лишь впоследствии ославянилось. Я указалъ, при другомъ случаѣ¹⁾, на румынскій вариантъ сербскаго преданія, слышанный Гакстгаузенемъ. За Ольтой, въ Романацкомъ округѣ, это преданіе существуетъ и до сихъ поръ, говоритъ г. Насдей (р. 305). Императоръ, который растопился отъ солнечныхъ лучей, названъ здѣсь: *Domnul-de-roșă*, господиномъ росы, и народъ увѣряетъ, что римскій каменный путь, ведущій отъ Дуная черезъ Каракалъ къ Ольтѣ, былъ сооруженъ именно этимъ императоромъ, чтобъ ему можно было скорѣе добираться до своей милой. Слогъ *ro* въ имени *Troian* вызвалъ далѣе новый мифъ и съ нимъ вмѣстѣ новое названіе: *Domnul-de-roșă*. Солнце поглощаетъ росу, какъ растопило Трояна. Если такъ, то метаморфозѣ *Troian*

¹⁾ См. Легенды о Вѣчномъ жидѣ и объ императорѣ Траянѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, ч. ССХ стр. 96.

въ Domnul-de-гоаă должна была предшествовать другая: Траіан (Trajanus) въ Troiăн, Троянъ, что едва-ли обошлось безъ посредства славянской народной этимологіи. Такъ или иначе, и въ данномъ случаѣ, какъ при сличеніи греческой сказки съ боснійско-румынской легендой¹⁾, я полагаю вѣроятнымъ, что Domnul-de-гоаă древнѣе Troiăн'а, имя котораго вторглось въ народное преданіе—по предполагаемой связи императора съ сооруженіями, которыя ему приписывали; въ данномъ случаѣ—съ римскимъ путемъ отъ Дуная къ Ольтѣ.

Выше было сказано, что въ румынской народной книгѣ хожденіе Богородицы по мукамъ является осложненнымъ—внесеніемъ въ него другой апокрифической статьи: Сна Богородицы. Это дало поводъ г. Hărdeу къ особому экскурсу, въ которомъ, передавая содержаніе моего изслѣдованія, онъ дополняетъ его указаніями на новые варианты и народно поэтическія обработки: на провансальскій стихъ (395—6), на испанское заклинаніе (399) и румынскую пѣсню о Теодорѣ Владимиреску. (р. 401—402; сл. 721—3)²⁾. Я имѣю въ виду предложить нѣсколько замѣчаній по поводу двухъ послѣднихъ сближеній г. Hărdeу, а пока замѣчу, что и ему, какъ и мнѣ, не удалось отыскать греческой редакціи Сна. Слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ἀπαξ λεγόμενον, сложившимся на западѣ, тогда какъ апокрифическіе сюжеты, ходящіе въ народной поэзіи, обыкновенно указываютъ на Византію, какъ на свой источникъ? (сл. I. с. 398). — Основной мотивъ

¹⁾ Легенды объ императорѣ Траянѣ, I. с. стр. 95—6.

²⁾ Укажу съ своей стороны на валлійскій Сонъ Богородицы, въ *Revue Celtique* III р. 448—9. Текстъ представляетъ обычный типъ Сна, но заключеніе своеобразное: «По ту стороны горы, холодной горы, возлежитъ Марія (la tête sur un oreiller?), копаеть пространство между душой и адомъ. Кто знаетъ эту молитву, никогда не попадетъ въ адскую область; кто трижды скажетъ еѣ передъ сномъ, не увидитъ недобрыхъ сновидѣній».

Сна я пытался указать въ отреченной статьѣ объ «Успеніи Богородицы». Приведу его содержанія по варьянту, напечатанному Майковымъ и воспроизведенному у Насдей (р. 393—4)— съ цѣлью оправдать мое нижеслѣдующее разногласіе съ почтеннымъ румынскимъ изслѣдователемъ.

Что во церкви, во соборѣ,
 На правой рукѣ, на престолѣ
 Стоитъ Дѣва Марія,
 Молятся Богу со слезами
 И просятъ своего Сына:
 «Оже Ты, Сынъ,
 Я видѣла про Тя сонъ,
 Страшенъ, ужасенъ:
 Поведуть Тя къ Богу(?), къ императору,
 Стануть руки и ноги распинати,
 Голову крестомъ убивати,
 Потечетъ Твоя кровь, что быстрая рѣка,
 Запечется Твое тѣло, что еловая кора».
 — Оже Ты, Мать,
 Я Самъ про то знаю,
 Я Самъ про то вѣдаю,
 Что поведуть меня къ Богу....
 Кто этотъ сонъ въ день три раза проговорить,
 Съ тѣмъ человекомъ будетъ ангель ходить.
 О, Господи, слава Тебѣ!
 Дѣва Богородица, слава Тебѣ! ¹⁾

Вотъ испанскій заговоръ «отъ зубовъ», привлеченный г. Насдей къ сравненію съ Сномъ:

A la puerta del Cielo
 Polonia estaba;
 Y la Virgen Maria
 Allí pasaba.
 «*Dis, Polonia, que haces?*

¹⁾ Майковъ Великорусскія Загаданія № 246.

Duermes o velas?»

— *Señora mia, ni duermo ni velo,*

Que de un dolor de muelas

Me estoy muriendo —

«Por la estrella de Venus

Y el sol poniente,

Por el santísimo sacramento

Que tuve en mi vientre,

Que no te duela mas ni muela ni diente.

Общаго съ «Сномъ» здѣсь ничего нѣтъ, нѣтъ и мотива Сна, а лишь нѣсколько фразъ, типическихъ для послѣдняго, а здѣсь являющихся посторонней вставкой, лишеной смысла — можетъ быть, по внѣшнему воспоминанію о какой нибудь испанской стихотворной редакціи Сна? Сл. приведенный мною (Häsdeu p. 395) португальскій варьянтъ: Спаситель спрашиваетъ мать:

Se velava ou dormia?

она отвѣчаетъ:

Eu não velo e não durmo

Pela vossa vinda espero!

Sonhei esta noite um sonho и т. д.

Вопросъ: спишь-ли ты или нѣтъ, мыслимъ лишь въ томъ случаѣ, когда за нимъ слѣдуетъ соотвѣтствующій отвѣтъ (разсказъ о сновидѣніи), не отвѣтъ Апполоніи — что она умираетъ отъ зубной боли! Испанскій заговоръ, очевидно, не можетъ считаться «варьянтомъ» Сна. Французскій варьянтъ не знаетъ и самаго мотива ¹⁾. — То-же слѣдуетъ сказать и о румынской пѣсни о Феодорѣ Владимиреску. Здѣсь даже сонъ видитъ и пугается его послѣдствій — не мать, а сынъ, она и ободряетъ его, — не такъ, какъ въ нѣкоторыхъ (русскихъ) пересказахъ Сна, гдѣ ободряющія слова принадлежать Спасителю. Пусть судятъ читатели.

¹⁾ Сл. R. Köhler, Segensprüche, Germania XIII p. 181.

«Tudor, Tudor, Tudorel,
 Dragul mamei voinicel!
 Decând mama ți-ai lăsat
 Și Olteni ți-ai adunat
 Pe ciocoi să-î prindî în ghiară
 Și s'alungî Grecii din țeră;
 Mult la față te-ai schimbat,
 Și mi-te-ai întunecat!
 Spune, maică, ce te dore,
 Că m'oîu face vrăjitoare
 De alén să te descânt,
 Să calci vesel pe pămînt!»

— Alei, maică, alei, dragă!
 Curând visul mi-l deslégă!
 Că scii, maică, am visat
 Buzduganu-mi fărîmat,
 Sabia-mi cea bună nouă
 Am visat'o ruptă'n două,
 Pușca mea cea ghintuită
 Am visat'o ruginită;
 Maică! pistolele mele
 Le-am visat făr' de otele;
 Apoi înc'am mai vedut
 Șerpe galben prefăcut,
 Ce purta córne de țap
 Și creștă roșiă'n cap;
 El avea ochiü vîndator,
 Avea graiu lingușitor,
 Și mă tot ruga mereü
 Să mă duc la cuibul seü! —

«Ba, ferescă Dumneđeü!
 Să nu te duci, fătul meü,
 C'acel șerpe veninos
 E vr'un dușman ticălos,
 Vre-un hoț volintiras
 Și la inimă vrăjmaș»

— Maică, măiculită mea!
 Cum să scap de cursă rea?

Căci un glas prevestitor
Îmi tot spune c'am să mor.... —

«D'ai să mori, drăguțul meu,
Facă ce-a vrea Dumnezeu!
Dar să știi tu dela mine,
C'un Român voinic ca tine,
Pîn'ce cade, pîn'ce móre,
Calcă șerpii în picioare,
Căci d'un șerpe'nveninat
I se iértă un păcat!».

«Федоръ, Федоръ, юный Федоръ, дорогой мамѣ храбрецъ! Съ тѣхъ поръ какъ ты оставилъ мать и собралъ Ольтенцовъ, чтобы забрать въ руки бояръ¹⁾ и выгнать Грековъ изъ страны, ты сильно переѣнился въ лицѣ, весь почернѣлъ. Скажи мнѣ, матери, что съ тобою, — а я стану знахаркой, чтобъ излѣчить тебя отъ напасти, чтобы ты весело ходилъ по землѣ» — Увы, мама, увy, дорогая! Лучше растолкуй мнѣ мой сонъ: видѣлъ я мою палицу — разбитую въ дребезги, мою добрую, новую саблю переломленную по-поламъ, мое нарѣзное ружье заржавленное, мои пистолеты безъ курковъ. И еще видѣлъ большее: желтаго, лукаваго змѣя, съ козлиными рогами и краснымъ гребнемъ на головѣ, съ предательскимъ взглядомъ и лъстивою рѣчью. Онъ просилъ меня настойчиво, чтобы я отправился въ его логовище — «Храни тебя Богъ, сынъ мой, ходить туда! тотъ ядовитый змѣй — какой нибудь презрѣнный врагъ, разбойничья вольница, врагъ въ душѣ!» — Мама моя, матушка! Какъ мнѣ избыть злобныхъ ковъ? Вѣщій голосъ говоритъ мнѣ, что я умру. — «Если умереть тебѣ, дорогой мой, да свершится Господня воля! Но узнай отъ меня, что храбрый Румынъ, каковъ ты, падая, умирая, топчетъ змѣй ногами — ибо за одного ядовитаго змѣя человѣку прощается одинъ грѣхъ».

¹⁾ Сіосої. Сл. Сінас, Dictionnaire и т. д. Éléments slaves и т. д. р. 55, а. в. сіосбій, и Teodorescu l. с. р. 100 прим. 3.

Тудоръ Владимиреску, любимый герой народныхъ румынскихъ пѣсень, глава возстанія румынъ (Ольтенцы) противъ фанариатовъ (бояре, Греки), былъ измѣннически убитъ главою гетеріи, княземъ Ипсиланти (лукавый змѣй съ предательскимъ взглядомъ). Такова историческая подкладка сложившейся о немъ пѣсни; коварный врагъ очутился въ образѣ лукаваго змѣя, что совершенно въ обычаяхъ народной поэтики. Если уже искать родственныхъ мотивовъ и параллелей, то не въ Снѣ Богородицы, а въ легендахъ о св. Θεодорѣ-змѣеборцѣ, гдѣ найдется, кромѣ тождества имени, и бой съ змѣемъ, и бранные подвиги Θεодора, и роль его матери, и его сонъ (не сновидѣніе) передъ боемъ, и вѣщее сновидѣніе (царя, въ изданномъ мной греческомъ сказаніи). Св. Θεодоръ (Тиронъ и Стратилать), одинъ изъ любимыхъ святыхъ православнаго востока, оставилъ по себѣ память въ русскомъ духовномъ стихѣ, косвеннымъ образомъ — и въ матерьялѣ былинъ¹⁾; тѣмъ интереснѣе было-бы дознаться, не перешелъ-ли онъ въ пѣсни и сказаніи Румынъ, какъ чувствуется въ ихъ обрядахъ. Румынскій варьянтъ могъ-бы освятить генеалогическіе вопросы, поднимаемые русскими стихами и, вѣроятно, привлечь-бы въ эту связь и южно-славянскія пѣсни. Мы отчасти убѣдились въ этомъ, изслѣдуя русское пѣсенное преданіе о другомъ народномъ змѣеборцѣ, св. Георгіи. Въ этомъ отношеніи и пойду теперь еще далѣе — опираясь на ту-же румынскую пѣсню въ сборникѣ Marienescu.

Я обратилъ вниманіе на коротенькую болгарскую пѣсню у Чолакова²⁾, въ которой усмотрѣлъ отрывокъ какого-то утраченнаго поэтическаго пѣлаго³⁾. Слѣдуетъ предположить, что въ области пѣсенныхъ преданій о Георгіи утраты были значительныя, и что ими, главнымъ образомъ, слѣдуетъ объяснить

¹⁾ См. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха № I; II стр. 158—160.

²⁾ Българскій нар. сборн. № 87.

³⁾ Разысканія II, стр. 122—123.

обособленность, въ какой представляются намъ теперь иные цѣклы георгіевской легенды: забыты или еще не найдены посредствующія звенья, которыя помогли-бы возстановить идею связи. Попытаемся сдѣлать это для пѣсни, сообщенной Чолаковымъ.

Стытъ Гьорія коня кове
 Іу темнина безъ борина,
 Сребро плочы, злато клинци.
 Спроти него Стана стоп,
 А онъ ю отговаря:
 «Не стой, Стано, спроти мене,
 Че погледнемъ іу тебека,
 Іу твои-тѣ цѣрни оічи,
 Іу твои-то бѣло лице,
 Іу крѣтко-то смѣянік,
 Іу тънка-та половина,
 Іу ситно-то ходеніе,
 Та чемъ коня да іубоуемъ,
 Отъ дружина че останемъ,
 Отъ мои-тѣ дѣлги друми.

Разбирая малорусскія народныя пѣсни съ сюжетомъ: «Теща въ плѣну у зятя» и сопоставляя ихъ съ великорусскими и болгарскими, гг. Антоновичъ и Драгомановъ ¹⁾ замѣчаютъ, что въ малорусскихъ вариантахъ атрофировался одинъ эпизодъ болгарской пѣсни. Въ первыхъ теща попадаетъ въ плѣнъ къ зятю, во второй этотъ зять оказывается, въ одно и то-же время, сыномъ половянки. Такъ въ редакціи, сообщенной Миладиновыми ²⁾.

¹⁾ Историческія пѣсни Малорусскаго народа, Т. I, № 64, стр. 286—296.

²⁾ Болгарски народни пѣсни, стр. 164. — Бракъ брата съ сестрою, но въ другой версіи, см. еще ib. № 135. Имя брата кровосмѣсителя — Павелъ, какъ въ болгарской легендѣ о сынѣ кровосмѣсителя (изд. Ламанскимъ) послѣдній также названъ Павломъ. См. еще тотъ-же сюжетъ у Верковича, Народне песме Македонски бутара стр. 29—30, № 22.

Когда была война, то Янкула взяли въ плѣнь, и отнесли въ горнюю землю, откуда восходитъ солнце, а Янику взяли въ плѣнь и отнесли въ дальнюю землю, куда солнце заходитъ, а мать осталась за Чернымъ моремъ. — Позднѣе, когда Янкуль возмужалъ и сталъ искать себѣ сверстной невѣсты, не нашелъ на востокѣ ни одной, которая-бы ему нравилась, поѣхалъ туда, гдѣ заходитъ солнце, взявъ за себя Янику и прижилъ съ нею мальчика: «дете како люта зміа», никакъ его не угомонишь. Жена и говоритъ мужу: пусть пойдетъ на базаръ за Черное море и купить няньку, которая качала-бы ея ребенка. Янкуль привелъ старую няньку; стала она качать мальчика, а сама припѣваетъ:

Нани, нани, мое мнуче,
Мнуче отъ сына, отъ зерка!

Дитя тотчасъ затихло и уснуло. Припѣвъ обращаетъ на себя вниманіе родителей: оказалось, что старая нянька — ихъ мать. По ея совѣту мальчику отрубили голову, а трупъ сожгли. Янкуль оставилъ жену свою и она стала милой ему сестрою.

Въ другомъ варьянтѣ той-же пѣсни ¹⁾ имена дѣйствующихъ лицъ иныя: *Георгій и Стана*, какъ въ первой приведенной нами пѣсенкѣ — *«святъ Георгій» и Стана*. Основывать какія бы то ни было соображенія на личныхъ именахъ народной пѣсни, особливо отрѣшенной отъ обряда, не мыслимо, если эти соображенія не опираются на другихъ, внѣ ея стоящихъ. Въ данномъ случаѣ опору дастъ намъ румынская пѣсня о св. Георгіи.

Приведемъ сначала Чолаковскій варьянтъ: «тещи у зятя».

Георги си тоарнува нахъ манастиренъ,
Георги си Стани тиху ромоне:
«Ой Стано, Стано, поарву любовк!
Какоавъ аргаманъ да ти донеса?»
— Ой Георги, Георги, поарву любовк!
Буни ми, Георги, стара робинка,

¹⁾ Чолаковъ I. с. № 72, стр. 328—9.

Да ми люѣе малу-ну дѣте. —
 Станалъ е Георги та е утишногъ.
 Купилъ хи аргаманъ-нъ,
 Аргаманъ-нъ — стара робинка;
 Пруводилъ хи е стара робинка,
 Да хи люѣе малу-ну дѣте;
 Таче утишногъ на другъ манастирь.
 Ага са воарна отъ манастиренъ,
 Та си утлде у Станини дворк,
 Утъ конче слиза и Стана пита:
 «Ой Стано, Стано, поарву любовк!
 Слуше-ли си та стара робинка,
 Люѣе-ли ти малу-ну дѣте?»
 — Ой Георги, Георги, поарву любовк!
 Слуше-ма, слуше стара робинка,
 Люѣе си ми малу-ну дѣте;
 Хенъ гу люѣе, хенъ му запѣва:
 «Неени ми, неени, Станину дѣте,
 Станину дѣте, бабину внуче;
 Ей соай е майка Стана люѣла,
 Стана люѣла, Георги даржела». —
 Георги си вѣзе при стара робинка,
 Та си рубинем тиху ромоне:
 «Ой-та, рубинко, стара робинко!
 Оти ми пѣешь такыва пѣсни?
 Да нл боадиме съ Стана роднина?»
 — Ой Георги, Георги, ты мой сыну!
 Вие сте, сыну, двамина братк —
 Я ви самъ, сыну, стара-на майка! —
 Георги са тугава чюдомъ зачюди:
 «Оти, майчю, думашъ сакыва думы, —
 Аку смѣ съ Стана двамина братк!»
 Тобава станаха Стана и Георги,
 Та утидоха нахъ манастиренъ,
 Та да сидѣли до три гудени, —
 Дано хи Госпудъ тѣхъ испрости.

Это удаленіе въ монастырь объясняетъ, вѣроятно, и двойное
 появленіе монастыря въ началѣ пѣсни, гдѣ оно ничѣмъ не моти-

вировано. Въмѣсто него могла поминаться какая-нибудь страна. Важнѣе — личныя имена, чередующіяся въ обѣихъ редакціяхъ пѣсни: *Георгій* и *Янкуль*, т. е. Янко, уменьшительное отъ Іованъ съ румынскимъ членомъ-суффиксомъ — *ul*; *Стана* и *Яника*, уменьшительное отъ Яна.

Въ румынскихъ пѣсняхъ о св. Георгіи, сообщенныхъ *Magie-pescu*, герой называется двойнымъ именемъ: *Йованъ-Йоргованъ*, т. е. *Іоаннъ-Георгій*. Что разумѣется Егорій нашихъ духовныхъ стиховъ, въ этомъ не оставляетъ сомнѣніи главное содержаніе пѣсни: бой съ змѣемъ. Три сестры-красавицы гуляютъ въ лѣсу, собирая цвѣты: подъ-вечеръ старшія ушли домой, оставивъ младшую, заснувшую отъ усталости. На неё-то набрасывается змѣй, отъ котораго освобождаетъ её *Йованъ-Йоргованъ*. Имена сестръ: *Garafina*, *leliti'a Maria* и *An'a Girozana*; либо: *An'a*, *Stan'a*, *Sandiana*. Освобожденная дѣвушка предлагаетъ себя въ супруги побѣдителю, если онъ выведетъ её къ деревнѣ, къ сестрамъ; иначе въ одномъ вариантѣ: когда *Йованъ-Йоргованъ* обнялъ её, она говоритъ ему: не будемъ спѣшить, мы похожи одинъ на другаго, спросимъ-ка другъ у друга: какого мы роду-племени. — Они оказываются братомъ и сестрой: Заключили насъ родители, говоритъ *Йованъ-Йоргованъ* — тебѣ быть на востокѣ блуждающимъ оленемъ, мнѣ-же скитаться, что раненый левъ.

Болгарская пѣснь о *Георгіи* (сл. свѣтъ Георгій въ № 87 Чолакова) и *Станъ* какъ-бы досказываетъ, съ иной развязкой, содержаніе румынской пѣсни.

Я полагаю, что эти сопоставленія могутъ дать поводъ заключить, что 1) и въ Болгаріи была извѣстна пѣсня о чудѣ Георгія, сходная по типу съ Румынской; 2) что о сестрахъ Егорія, полонянкахъ Демьяница («блуждающія на востокѣ») русскаго стиха, знало не только румынское, но и болгарское пѣсенное преданіе. — Это позволило-бы выдѣлать въ георгіевской легендѣ особый циклъ, извѣстный пока лишь въ славяно-румынскомъ мірѣ: о сестрахъ Георгія; западные рассказы знаютъ, главнымъ образомъ, его братьевъ.

Невыясненной, едва-ли не заимствованной чертой, остается, по прежнему, проклятіе Йована-Йоргована родителями, какъ и отношенія брата и сестры, сохранившіяся въ одномъ варьантѣ румынской пѣсни и напомнившія намъ Ивана да Марья русскаго *кутальскаго повѣрья* ¹⁾. Средній терминъ сравненія представляетъ, быть можетъ, румынская колядка объ *Иванъ Креститель*, обращенномъ въ оленя — *проклятіемъ матери* ²⁾. Охотники Кречуна настигаютъ оленя,

Cerbutu stretinoru,
 Și l'a păru cam surșoru,
 Susu la córne sicluitu,
 La copită argintitu.

(«оленя трехъгодовалого, съ сѣровой шерстью, съ золотыми рогами и серебряными копытами»). Въ него готовятся стрѣлять, онъ вѣщаетъ: не стрѣляйте, я — не олень,

Ci eũ'su Ion Botezătorulu,
 Domnului premergetoru;
 Daru'n codru am a fire
 Nouă ani și nouă zile,
 Maica asia m'a blestematu,
 Că pe mine s'a mâniatu,
 Dac'acele voi plini,
 Josu la țără-oï pogorî,
 Che'n mână lua-voiu,
 In biserică intra-voiu,
 Leturgia face-voiu.

(«я Иванъ Креститель, предтеча Господа; девять лѣтъ и девять дней быть мнѣ въ лѣсу, такъ заклала меня моя мать, потому

¹⁾ Разысканія II, стр. 99—100, 147—9.

²⁾ Tocilescu, Poesia populară a Românilorū въ Foia societatii Romanismul. I, № 4—5 p. 197—8. — Сл. Schuller, Kolinda (Hermanstadt, 1860) p. 10—11.

что на меня разгнѣвалась. Когда они исполнятся, я сойду на землю, возьму въ руки ключи, войду въ церкви и буду служить литургію». — О «сивомъ» оленѣ, въ котораго собирается стрѣлять молодой князь, говорятъ и малорусскія колядки (Чубинскій, Труды этногр. стат. экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. — Матеріалы и изслѣдованія, т. III: Народный Дневникъ, колядки № 168, сл. iv. № 2; Головацкій, Галицкія и Угорско-русскія пѣсни II р. 48—9 № 2, IV, р. 18—19 № 23. Сл. Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни малор. народа, I, № 8), но ихъ развязка другая ¹⁾.

Колядка называетъ Ивана Крестителя, что совершенно въ духѣ ея христіанскихъ воспоминаній, въ которыхъ мотивъ «крещенія» играетъ выдающуюся роль. Церковная память Ивана Крестителя приходится на 24 Іюня, на оборотъ, въ рождественскомъ циклѣ 27 Декабря — день памятованія св. Іоанна Евангелиста. Въ народномъ повѣртіи они могли смѣшиваться, тѣмъ болѣе, что, приходясь въ зимній и лѣтній повороты солнца, попадали сразу въ аналогическую обрядность, знаменовавшую эти важные переломы народнаго земледѣльческаго года. Укажу лишь на обычай купальскихъ и рождественскихъ огней, элементъ гаданья, развитый тамъ и здѣсь, и т. п. Какъ нѣмецкій обычай *Johannis pinne* распределяется между лѣтнимъ и зимнимъ Ивановымъ днемъ, такъ разбрелась, быть можетъ, по колядкѣ и купальскому повѣртію и легенда объ Иванѣ. Но ея разборъ завлекъ-бы насъ за предѣлы настоящей статьи.

III.

Отъ Георгія и Феодора, проникшихъ въ народную пѣснь изъ церковной легенды, намъ не трудно будетъ перейти къ тому

¹⁾ Въ малорусскихъ колядкахъ и щедривѣхъ молодецъ цѣлится въ двухъ, трехъ сизыхъ голубей, сидящихъ на дворѣ, звонцѣ, на стогу; они оказываются ангелами. Чуб. I. с. щедр. № 29, кол. 144 и др. Одна румынская пѣсня отеривается такою-же сценой, но здѣсь бѣлогрудая птица — Богородица. Сл. Tocilescu I. с. I, № 6 р. 256—7; Schuller р. 8—9.

отдѣлу книги г. Häsdeу, въ которомъ онъ изслѣдуетъ судьбы такого-же перехода, специально — на почвѣ богомильства.

Богомильское, какъ позднѣе флагеллантское религиозное движеніе, являются въ средніе вѣка серьезными факторами духовной жизни народа. Близкія къ нему, стремившіяся вліять на его низшіе слои, обѣ секты подняли въ немъ крѣпость религиозной мысли, освободивъ её отъ стѣснительныхъ условій церковнаго преданія, указавъ ей пути и матеріалъ новаго творчества, не связаннаго страхомъ этого преданія. Сектанты владѣли народной пѣснью, обращались къ живымъ источникамъ народной рѣчи: это было условіемъ ихъ успѣха — и народная поэзія и преданіе должны были отразить слѣды ихъ проповѣди, ея фантастическую образность болѣе, чѣмъ сторону догмата — потому что она именно должна была скорѣе сократиться и поблекнуть, когда церковь снова отвоевала себѣ народъ у овладѣвшаго имъ иновѣрія. Вліяніе послѣдняго шло, впрочемъ, и выше: оно дало новый тонъ литературѣ, поднимъ въ ней интересъ съ религиознымъ сюжетамъ, къ апокрифамъ, усвоеннымъ или пересозданнымъ еретиками, къ восточной образности «басенъ», распространенныхъ напр. богомилами и т. п.

Такъ понялъ я въ моихъ предъидущихъ изслѣдованіяхъ культурное значеніе обѣихъ сектъ; такъ понимаетъ его и г. Häsdeу. Я уже сказалъ, что изслѣдуя этотъ вопросъ по отношенію къ богомильству, я пошелъ, можетъ быть, дальше — дозволенныхъ гипотезъ. Вотъ почему я не совсѣмъ согласенъ съ отзывомъ г. Häsdeу о помѣщаемой далѣ характеристикѣ богомильскаго движенія, которую онъ заимствуетъ изъ книги Lombard'a¹⁾: характеристикѣ «очень поэтической, но не превышающей мѣру» (*dar nu mult exagerată*, p. 257). Я былъ бы не прочь вычеркнуть въ этой фразѣ — частицу отрицанія.

«De ce mouvement religieux (т. е. богомильства) naquit toute une littérature, говорить Ломбаръ. À l'origine elle revêt un

¹⁾ Lombard, Pauliciens, Bulgares et Bons-hommes. Genève 1879.

caractère religieux, naïf et populaire. Peu à peu ce quelle a de spécialement bogomile s'efface, les couleurs riches et variées, les fantaisies merveilleuses et bizarres de l'Orient font irruption dans son sein; elle perd de plus en plus les contours précis et nettement terminés des récits bibliques(?). La littérature profane, ainsi graduellement préparée et annoncée, parait finalement sous la forme de traductions des romans byzantins du moyen-âge et d'oeuvres originales, telles que chroniques, lois expliquées par des exemples etc. C'est à ce moment que la littérature attient l'apogée de son développement; elle s'émancipe à la fois de l'ancienne langue slovaque(?) et de l'influence grecque(?); par la Bosnie elle se répand chez les Croates, par la Roumanie(?) chez les Russes; elle devient ainsi le canal par lequel l'antique culture de l'Orient et le monde fabuleux de l'Arabie et de l'Inde pénètrent chez les Slaves du sud et du nord; et tandis que la doctrine des Bulgares remuait toute l'Europe occidentale, leurs livres faisaient luire quelques rayons de lumière dans l'Europe orientale».

Съ указанной точки зрѣнія — международнаго, религіознаго и поэтическаго, вліянія богомилства, г. Нăсдеу предпринялъ изученіе двухъ произведеній румынской народной поэзіи: баллады «кукушка и горлица» (Cucul și turturica) и «Povestea Numerelor», отвѣчающей «Евангелистой пѣснѣ» нашихъ духовныхъ стиховъ.

Первая извѣстна ему въ 26 варьянтахъ: пяти румынскихъ, двухъ мораво-румынскихъ, четырехъ провансальскихъ, пяти французскихъ, одномъ каталонскомъ, одномъ рето-романскомъ, двухъ итальянскихъ, одномъ польскомъ и трехъ сербскихъ, одномъ персидскомъ и одномъ турецко-персидскомъ, (сл. р. 501—566 и 694—705) ¹⁾. Сообщаемъ въ текстѣ и переводѣ первый изъ румынскихъ варьянтовъ, приведенныхъ г. Нăсдеу (р. 503—505):

¹⁾ Самъ Нăсдеу р. 694 насчитываетъ ихъ лишь 23.

Cucul

Dulce turturică ¹⁾
 Dalbă păsărică!
 Hai să ne iubim,
 Să ne dragostim
 La nourī, la sóre,
 În frunđi la recóre,
 La stele, la lună
 Cântând împreună!

Turturica

Pentru dumné-ta
 Eū n'aş dice ba,
 Dar dic şi dic ba
 Pentru maică-ta,
 Că-ī bănuitóre
 Şi fărmeacă-tóre:
 Ea mī va bănui
 De te oiu pré-iubi,
 Şi m'a fărmeacă
 De te-oiu desmierda.

Cucul

Dragă turturică,
 Pasere dălbică,
 Nu-mī fīi duşmănică!
 Vara că ne'ndémná
 Şi frunđa ne chīamă
 Să ne drăgostim
 Şi să ne iubim.

---

¹⁾ «Милая горлица, бѣлая пташка! Будемъ любиться, станемъ милываться — подъ облаками, при солнцѣ, въ прохладной тѣни листьевъ, при звѣздахъ и лунѣ, распѣвая вмѣстѣ!» — Твоей милости я не сказала-бы: нѣтъ! но говорю и говорю: нѣтъ, ради твоей матери, ибо она сварлива, да и колдунья: станеть журить меня, коли я тебя полюблю, околдуетъ меня, коли я тебя приголублю. — «Дорогая горлица, бѣлая пташка! не будь мнѣ недругомъ: весна манить насъ, листья велеть намъ любиться, милываться». — Нѣтъ, кукушка, нѣтъ! Не послушаю

Turturica

♦ Ba, cucule, ba,
 Nu te-oîu asculta.
 Dă'mî tu bună pace,
 Că, deî, m'oîu preface
 Azimîoră'n vatră
 Cu lacrămî udată
 Şi de foc uscată,
 De toţi lepădată.

Cucul

Ori-cum te'î preface,
 Tot nu ți-oîu da pace,
 Că și eî m'oîu face
 Un mic vătrărel,
 Frumos, suptirel,
 Şi'n foc voîu intra
 De te-oîu săruta,
 Şi te-oîu coperi
 De foc te-oîu ferî;
 Incăt chiar de silă,
 Dacă nu de milă,
 Tu me'î îndrăgi
 Si ne vom iubi.

Turturica

Eî n'aş dice ba
 Pentru dumné-ta,
 Dar cumplit mî-e témă
 De cumplita'ţi mamă,
 Că-î bănuitóre

я тебя, оставь меня въ покоѣ, не то, ей Богу, я обращусь въ (неква-
 шенный) хлѣбъ въ печи, орошенный слезами, изсушенный огнемъ, всѣми
 брошенный. — «Какъ бы ты ни превращалась, я не оставлю тебя
 въ покоѣ, ибо я обращусь въ тоненькую, хорошенькую вочергу, войду
 въ огонь, поцѣлую тебя, покрою въ защиту отъ огня, такъ что силой,
 если не волей, ты меня полюбишь, и мы станемъ миловаться». — Твоей
 милости я не сказала-бы: нѣтъ! но у меня большой страхъ передъ твоей
 злой матерью, ибо она сварлива, колдунья, будетъ бранить меня, что я

Și fărmeccătore.
 Decăt m'a muștra
 Că te oiu dermierda,
 Și mî-a bănui
 Că te oiu pré-iubi,
 M'oiu face mai bine,
 Ca să scap de tine,
 Trestioră'n baltă,
 Subțire și naltă.

Cucul

Ori-cum te-î preface,
 Tot nu ți-oiu da pace,
 Că și eu m'oiu face
 Un mic ciobănaș
 Din fluer doinaș,
 Ș'oiu căta prin baltă
 O trestia naltă,
 Și căt te-oiu vedé,
 Pe loc te-oiu tăia,
 Și'n tine-oiu cănta
 Și te-oiu săruta.

Turturica

Ba, cucule, ba!
 Nu te-oiu asculta!
 Porumbacule!
 Frumuselele!
 Peștrisorule!
 Drăgușorule!
 Sciū că mî-ar fi bine

тебя приголюблю, станеть журить меня, если я тебя очень полюблю. Лучше обращусь я, чтобы избѣжать тебя, въ болотную тростиночку, тонкую, высокую. — Чѣмъ-бы ты ни обернулась, я тебя не оставлю въ покоѣ: сдѣлаюсь нагушномъ, играющимъ на свирѣли, стану высматривать въ ставу высокую тростину, и когда тебя увижу, тотчасъ-же срѣжу, на тебѣ буду пѣть-играть, буду тебя цѣловать. — Пѣть, кукушка, пѣть! Голубожъ мой сизенькій, красивенькій, пестренькій, дорогой! Знаю, что хорошо было-бы мнѣ, еслибъ я была вся съ тобой, но мать

Să fiu tot cu tine,
 Dar maică-ta'i rea,
 Și decât cu ea
 M'oiu face mai bine,
 Cu gândul la tine,
 Iconiță mică
 Într'o biserică.

Cucul

Ori-cum te-î preface,
 Tot nu ți-oiu da pace,
 Ca și eă m'oiu face
 Un mic dăscălaș
 La cel sfnt locaș,
 Și pe la icóne
 Voiu duce plocóne,
 Și m'oiu închina,
 Și le-oiu săruta
 De luni care pică
 Pfnă duminică.
 Țar când te-oiu zări,
 Astfel ți-oiu grăi:
 «Sfintă iconică,
 Fă-te păserică,
 Ca să ne iúbim,
 Să ne drăgostim
 La nourí, la sóre,
 In frunđi la recóre,
 La stele, la lună,
 In veci împreună!

твой—злая, и скорѣе чѣмъ съ ней быть, я лучше стану, съ мыслью о тебѣ, образкомъ въ церкви. — «Чѣмъ-бы ты ни обернулась, я не оставлю тебя въ покоѣ, сдѣлаюсь маленькимъ причетникомъ въ томъ святомъ мѣстѣ, ставу иконѣ приносить дары, буду вѣнчаться ей и чествовать её, отъ навечерія понедѣльника до воскресенія, и когда завиджу тебя, скажу: «Святой образокъ, стань пташкой, чтобы намъ любиться, чтобы намъ миловаться, подъ облаками, при солнцѣ, въ прохладной тѣни листьевъ, при звѣздахъ и лунѣ, на вѣки — вмѣстѣ!»

Приведенная пѣсня можетъ дать понятіе о содержаніи всего цикла: вездѣ просьба о любви — и отказъ, вызывающій новую просьбу; всюду — обѣщаніе милой такъ измѣнить свой образъ, чтобы удалить всякую надежду влюбленнаго, и на встрѣчу — его увѣреніе, что онъ достигнетъ своего — путемъ соответствующей метаморфозы. Отсюда — вереница превращеній, задуманныхъ, не совершающихся на дѣлѣ. Во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ редакціяхъ пѣсни дѣйствующія лица: муштина и женщина; только въ приведенномъ выше румынскомъ вариантѣ, въ другой румынской балладѣ (*Șoimul și flăvea fragului*: соколъ и земляничный цвѣтъ. См. I. с. 545), — если она дѣйствительно является отрывкомъ пѣсни о превращеніяхъ, да, можетъ быть, въ одной неаполитанской (I. с. 695) — люди замѣнены животными (и цвѣткомъ?).

Вотъ относящаяся сюда неаполитанская пѣсенка:

Dimmi, palomma, dove ai lu niro?
 Dimmi, palomma, se ssi po'pigliare?
 — Si tu ti fai aucielo pe'volare,
 I'mmi faccio valente cacciatore;
 Si ti fai pesce e ti jetti a lu'mare,
 I'mmi faccio valente pescatore;
 Si tu pig'na lanza pe'mmi ferire,
 I'mmi faccio'nu marmoro duro....

(Casetti e Imbriani, *Canti popolari delle provincie meridionali*, I p. 187). Вариантъ на столько отрывочный или испорченный, что изъ него нельзя съ увѣренностью заключить, были-ли въ немъ дѣйствующими лицами — животныя. Такимъ образомъ одна лишь переведенная нами баллада является, въ сравненіи съ другими, съ особымъ типомъ, и типъ этотъ — продуктъ искаженія: одно, изъ преднамѣренныхъ превращеній было принято за совершившееся, молодецъ обѣщавъ обернуться въ птицу (какъ напр. въ одномъ итальянскомъ, одномъ французскомъ, каталонскомъ, персидскомъ вариантахъ), а далѣе — и прямо явился птицей. Это повело за собою дальнѣйшее измѣненіе, ясно указывающее, что процессъ совершился въ указанномъ мною напра-

влени. Въ одномъ изъ провансальскихъ варьянтовъ (р. 523) дѣвушка говоритъ, что готова пойти въ монастырь, лишь бы отвязаться отъ человѣка, преслѣдующаго её своей любовью, а онъ отвѣчаетъ:

Se tu te fas moungeto
Dins un coubant,
Iéu me farei lou prestre,
T'aurei en counfessan.

То-же въ провансальскихъ, въ нѣсколькихъ французскихъ (р. 530, 533, 534) и въ каталонскомъ (704) варьянтахъ, сохранившихъ въ большей чистотѣ этотъ эпизодъ древней пѣсни, чѣмъ румынскій пересказъ. Въ самомъ: сдѣлавъ своихъ дѣйствующихъ лицъ птицами, онъ не рѣшился — горлицу заставить идти въ церковь или монастырь: отсюда неудачная метаморфоза послѣдней — въ образокъ, стоящій въ церкви, передъ которымъ кладесть поклоны — маленькій пѣвчій, кукушка.

Метаморфозы, затѣянныя лицами, дѣйствующими въ пѣснѣ «превращеній», довольно однообразныя: рыба (дѣвушка) — и рыбацъ (мущина), птица — и охотникъ, заяцъ — и собака, цвѣтокъ — и косарь и т. п. Все дѣло понято — какъ игра въ *фантастическія* прятки, какъ рядъ шаловливыхъ угрозъ. Когда въ кельтской (какъ извѣстно, не въ ней одной) свадебной пѣснѣ свать говоритъ о голубкѣ и соколѣ, разумѣя подъ ними невѣсту и жениха — мы имѣемъ дѣло съ другаго рода *символизмомъ*, чисто поэтическаго характера, котораго нечего искать въ пѣснѣ «превращеній». Существуетъ, наконецъ, циклъ восточныхъ и западныхъ сказокъ¹⁾, съ рядомъ *дѣйствительныхъ* метаморфозъ, въ которыхъ участвуютъ поочередно преслѣдующій и преслѣдуемый, послѣдній — чтобы укрыться отъ врага, первый, чтобъ настичь свою жертву. Мы видѣли выше, что къ этимъ рассказамъ слѣдуетъ присоединить и эпизодъ греческой легенды о Сисиніи. — Передъ

¹⁾ Сл. превращенія Метиды и Немезиды, преслѣдуемыхъ Зевсомъ. Hesiod. 886—900, 924 слѣд.; Apollod. 1, 3, 6; Cypr. fr. 3 (Athen. VIII, p. 334, с.).

нами—три группы несоразмѣримыхъ другъ съ другомъ, не смотря на внѣшнее сходство, фактовъ, которыя не слѣдовало-бы сравнивать (сл. 1. с. 550—560). Если это сдѣлано было г. Häsdeu, то потому, что онъ далъ характеръ реальности метаморфозамъ, которыя въ пѣснѣ является чисто поэтической, чтобы не сказать — риторической фигурой. Это толкованіе обусловлено предвзятымъ взглядомъ изслѣдователя на серьезное и именно религиозное содержаніе разобранной имъ пѣсни. Замѣтимъ, что ни одинъ ея варьянтъ не даетъ повода къ такому пониманію; мистическій колоритъ присущъ лишь одному турецко-персидскому пересказу, не вездѣ ясному, судя по англійскому переводу Ходзько (сл. р. 546—8)—но именно этотъ пересказъ и не имѣлъ по мнѣнію г. Häsdeu (р. 564) никакого вліянія на европейскія. — Тѣмъ не менѣе г. Häsdeu заключаетъ, что пѣснь «превращеній» въ основѣ — религиозная, сложившаяся въ средѣ парсійскаго дуализма, какъ поэтическое выраженіе «борьбы между злымъ и добрымъ началомъ», которая и представлена борьбой между преслѣдователемъ — любовникомъ и дѣвушкой, отвергающей его ласки. Эта пѣснь будто-бы перешла на европейскую почву вмѣстѣ съ дуалистическими сектами и распространялась по ихъ слѣдамъ. Выше мы видѣли, почему г. Häsdeu считаетъ именно Румынію той почвой, на которой восточная пѣсня впервые выразилась на европейскомъ языкѣ, что открыло ей возможность дальнѣйшаго движенія и вліянія.

Предлагаемъ здѣсь обращикъ толкованія г. Häsdeu (р. 562—563). Любовникъ-соблазнитель въ балладѣ о «превращеніяхъ» не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ представителемъ злаго начала — Сатанюю. «Кто же его жертва, начало добра, красавица, которую демону удастся послѣ долгаго сопротивленія покорить себя, несмотря на то, что она его ненавидитъ? Искомый нами мифъ существовалъ у средневѣковыхъ дуалистическихъ сектъ, и ничто не мѣшаетъ предположить, что заимствовали онѣ его, вмѣстѣ съ основами своего ученія, у древняго парсійскаго язычества».

«Вогъ относящаяся сюда легенда.

«Создавъ вещественный міръ, Сатана захотѣлъ во что-бы то ни стало создать и человѣка. Тѣло ему кое-какъ удалось сотворить, но оно не двигалось, потому что не доставало духа. Тогда демонъ рѣшился похитить съ неба ангела, чтобы вложить его въ неодушевленное тѣло человѣка. Но какъ похитить его? Надо обмануть, соблазнить его, чтобы его достать, надо самому прибѣгнуть къ разнымъ превращеніямъ, чтобы не угадали, кто онъ такой....

«Эта легенда ходила между дуалистами въ разныхъ вариантахъ, литературныхъ и народныхъ, изъ которыхъ лишь часть дошла до насъ.

«Les dualistes absolus, говорить Шмидтъ, croient se tirer d'embarras en attribuant la cause de la chute au Dieu mauvais par le mythe suivant: le Dieu mauvais, jaloux de voir le Dieu bon régner sur un peuple saint et heureux, et enviant à ce peuple sa félicité inaltérable, s'introduisit dans le ciel, prit la figure d'un ange resplendissant de beauté et de lumière, et parvint à se faire aimer des âmes célestes qui ne soupçonnaient pas sa ruse; après les avoir, par mille séductions, attachées à sa volonté, il leur persuada de le suivre sur la terre» etc. ¹⁾.

«Въ XIII вѣкѣ доминиканецъ Moneta такъ резюмируетъ это учение: «Diabolus, qui et Satanas dicitur, invidens Altissimo, caute ascendit in coelum Dei sancti, et ibi colloquio fraudulento praedictas animas decepit, et ad terram istam et caliginosum aërem duxit.... ²⁾.

«Баллада о превращеніяхъ — не что иное, какъ «colloquium fraudulentum», посредствомъ котораго демонъ хочетъ соблазнить ангела, привлечь его къ себѣ, чтобы заключить въ тѣло Адама: «quemdam Angelum lucis in eo summa vi inclusisse», по выраженію другаго средневѣковаго источника ³⁾. Легенда эта, какъ

¹⁾ Schmidt, Hist. des Cathares etc. II, 25.

²⁾ Hahn, Gesch. der neu-manichäischen Ketzler. Stuttg. 1845, p. 68.

³⁾ ib. p. 454.

было сказано выше, вращалась тогда между дуалистами въ различныхъ варьянтахъ ¹⁾, имѣвшихъ цѣлью объяснить, какимъ образомъ Сатана успѣлъ, путемъ коварства, дать сотворенному имъ тѣлу человѣка — духъ жизни, истекшій отъ Господа».

Я не считаю ни доказаннымъ, ни вѣроятнымъ, чтобы эта дуалистическая легенда лежала въ основаніи баллады о «превращеніяхъ». Эти превращенія—объектъ шутки, перекура, напоминаютъ мнѣ скорѣе пререканія русской пѣсни: А мы просо сѣяли— А мы просо вытопчемъ и т. п. — и разнообразны *Contrasti* между парнемъ и дѣвушкой, столь популярны въ Италіи, особливо въ Сициліи; гдѣ древнѣйшимъ ихъ образцовъ является извѣстный *Contrasto Ciullo d'Alcamo*. Парень также пристаётъ къ дѣвушкѣ, и та также отпѣкивается, пѣсня развивается въ рядъ пререканій, угрозъ, напр. угрозы—уйти въ монастырь, постричься, какъ въ контрасто у *Ciullo*: скорѣе чѣмъ отдаться юношѣ, дѣвушка готова постричься въ монастырѣ, а онъ возражаетъ:

Se tu consore arenneti, donna col viso cleri
Alo mostero venoci, e rennomi confreri:
Per tanta prova vencierti, faràlo volonteri:
Con teco stao la sera e lo maitino:
Besongne ch'io ti tenga al meo dimino.

Либо она хочетъ броситься въ море (*Avanti in mare itomi al profonno*); я за тобою; говорить юноша. На особое развитіе этого эпизода въ *Contrasto* я не обращаю вниманія; я ищу только аналогій. — *Contrasto* кончается неожиданно-юмористически: *Alo letto ne gimo ala bon'ora*; сл. въ французской балладѣ «превращеній» (I. с. p. 532):

Si tu te mets nuage, nuage blanc,
Tu m'a suivi partout jusqu'au firmament:
Prends-moi en mariage, brave galant.

Если такимъ образомъ религіозная основа баллады не доказана, то вопросъ объ ея распространеніи и исходѣ представится

¹⁾ Schmidt I. с. II, p. 68.

относительно безразличнымъ. Румынія, какъ точка отправленія, важна лишь въ томъ случаѣ, когда бы пѣсня явилась дѣйствительно продуктамъ сектантской поэзіи — перешедшимъ напр. изъ Румыніи въ Моравію, оттуда въ Польшу (р. 698), а въ Италію — черезъ посредство албанскихъ колоній въ Базиликатѣ (ib. р. 696). Но гдѣ посредствующая итальянско-албанская, гдѣ наконецъ албанская редакція, источникомъ которой могъ быть болгарскій либо македонско-румынскій пересказъ? Ни объ одномъ изъ этихъ звеньевъ, необходимыхъ на пути отъ Румынъ въ южную Италію, мы пока ничего не знаемъ. Но я уже сказалъ, что вопросъ о направленіи перехода является безразличнымъ, какъ только устранена богомильская гипотеза. Переселеніе могло совершиться обратнымъ путемъ, напр. въ западъ-на востокъ; гипотезъ можетъ быть предложено нѣсколько, потому что устное перенесеніе народной пѣсни обусловлено бываетъ самыми разнообразными мотивами, начиная съ вліянія преобладающихъ культурныхъ теченій и кончая случайностями колонизаціи. Южно-русская пѣсня переходитъ на сѣверъ и въ свою очередь допустила позднѣе у себя вторженіе великорусской; формы, образы, готовые типы итальянской народной лирики ведутъ свое начало съ юга, ихъ распространеніе по матеріку связано съ древнимъ культурнымъ преобладаніемъ Сициліи; позднѣе движеніе измѣняется, и въ центръ и на югъ Италіи проникаютъ балладные сюжеты, популярныя на ея сѣверѣ, общіе—Провансу, Франціи, южно-славянскимъ землямъ. Это—та-же географическая область, какую предполагаетъ г. Насдей для движенія богомильской пѣсни — изъ Румыніи въ Провансъ; по гипотезѣ Нигры, изслѣдовавшаго сѣверно-итальянскія баллады, направленіе этого движенія предполагается обратное: изъ Прованса въ Италію и далѣе на востокъ! Намъ предоставляютъ выбирать между двумя крайностями; лишь точное, микроскопически подробное изученіе извѣстнаго цикла пѣсенъ, со стороны мѣстныхъ условій ихъ возникновенія, ихъ содержанія и мелкихъ, типическихъ подробностей — можетъ опредѣлить этотъ выборъ. Гдѣ зародилась

напр. и какъ распространялась другая румынская пѣсня (*Amărită turturică*), извѣстная — въ Италиі, между прочемъ въ Истриі, а съ другой стороны — въ Сербіи и Даніи (сл. *ib.* 442—5 и 728—730)?

О другомъ памятникѣ румынской народной поэзіи, которому г. *Häsdeu* (р. 567—608) приписываетъ такое-же богомилское происхожденіе и тѣ-же пути растраненія по Европѣ — изъ Румыніи¹⁾, я могу высказаться короче. Дѣло идетъ о курьозномъ текстѣ, извѣстномъ у насъ подъ названіемъ: Евангелистая пѣсня. Она состоитъ изъ ряда вопросовъ, обращенныхъ къ ученому, начетчику: скажи мнѣ, что есть одинъ? — Господь; что есть два? скрижали Моисеевы; что есть шесть? шесть сосудовъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и т. д., обыкновенно до 12-ти. — Библиографія этой пьесы, собранная г. *Häsdeu*, распадается на двѣ группы.

А) Съ одной стороны представляются тексты, аналогическіе съ приведеннымъ русскимъ: такова румынская пѣсня, изъ числа *Cântecese de stea și de vicleim* (пѣсни о звѣздѣ и вилеискихъ ясляхъ), поющаяся въ навечеріе Рождества (л. с. 567—569); два провансальскихъ варианта (л. с. 576—79), одинъ каталонскій (579—80), одинъ французскій (изъ Канады 581—82), нѣсколько португальскихъ (584—89), одинъ латинскій (593—4), одинъ еврейскій (595—6); болгарскіе, русскіе, польскіе и чешскіе пересказы (597 слѣд.), къ которымъ слѣдуетъ присоединить и нѣмецкіе. Одинъ нѣмецкій текстъ встрѣтился намъ въ ркп. Имп. Публ. Библ. (*Mss. Franc., Poésie, O, I, 176: f. 3 recto*):

Ach Leser, Leser, sag mir was ist eins?

Eins, eins, eins ist Gott.

Ach Leser, Leser, sag mir was ist zwey?

Zwey, zwey, zwey taflen Moisis.

¹⁾ Сл. стр. 608 *in fine*. Съ замѣчаніемъ, что Болгары не знаютъ этой статьи сл. мою замѣтку *ib.* р. 597 *in fine* и Безсоновъ, Калики I, р. 391—393.

Ach Leser, Leser, sag mir was ist drey?
 Drey, drey, drey Patriarchen: Abraham,
 Jsac undt der kleine Jacob mit dem
 lederen fup sac, fup sac, fup sac.

Далѣе слѣдуетъ: fir Evangelisten; finfe Gebott der Kirchen; sex Hidria gesehet in Cana Galilea; sieben Sacramenten, acht Beatitudines (сверху надписано: Seligkeit), neun Chor der Engel, zehen Gebott Gottes, elf Tonsent der Iungfrauschaft, zwelf Apostelen.

Общій характеръ отвѣтовъ — религіозно-догматическій, облигающій школьное происхождение и цѣли — христіанской катехизации. Нормальное число вопросовъ и отвѣтовъ—12, меньшее или большее ихъ число (13 въ провансальскомъ и португальскомъ варьянтахъ, на стр. 577 и 587) представляется позднѣйшимъ отступленіемъ. Русскіе тексты «евангелистой пѣсни» пришли къ намъ, вѣроятно, изъ юго-западной школы; у евреевъ въ Германіи и въ Славянскихъ земляхъ эта статья становится извѣстной съ конца XVI вѣка и поется въ числѣ другихъ въ первые два дни Пасхи: вопросовъ, библейско-галмудическаго содержания, 13; не оттуда-ли то-же число вопросовъ и отвѣтовъ въ соотвѣствующихъ провансальскомъ и португальскомъ текстахъ?

В) Существуетъ рядъ сказокъ (двѣ румынскія 569—72, одна сакская изъ Трансильваніи 574—5, двѣ греко-албанскія, 597 и одна малорусская изъ Подолія, 599—600), въ которыхъ чортъ предлагаетъ на разрѣшеніе человѣку числовыя загадки: что есть единь, два и т. д.; вопросовъ является 6, 9 и 10, но они не имѣютъ ничего общаго съ предъидущими, догматически-религіозный колоритъ въ нихъ отсутствуетъ. Мы имѣемъ дѣло съ особымъ сказочнымъ цикломъ, со сказкой «загадокъ», довольно распространенной, если взять въ расчетъ слѣдующее замѣчаніе Häsdeu: въ сакскомъ варьянтѣ чортъ обѣщаетъ юношѣ — замокъ (castel) и девять свиней (поѣ рога), если онъ отгадаетъ его загадки. Что есть девять — и притомъ нѣчто хорошее? спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ: девять *свиней* въ закутѣ (cotițu). Въ малорусской сказкѣ

чортъ дарить бѣдняку шесть *свиней*, отъ которыхъ онъ разбогачѣетъ, съ условіемъ, что черезъ три года онъ самъ станетъ добычей дьявола. Черезъ три года чортъ явился и предлагаетъ загадки, которые вмѣсто бѣдняка разрѣшаетъ какой-то старикъ. На вопросъ: что есть шесть, онъ отвѣчаетъ: «Шість кабанів чорт мав, бідному чоловікові дав і на вічне відданне пропало». Нѣчто подобное могло находиться въ бретонской «повѣсти чисель» (какъ называетъ г. Häsdeу, что у насъ зовется «евангелистой пѣсней»), которую, по своему обыкновению, передѣлалъ de la Villemarqué въ діалогъ друида съ ребенкомъ (Les séries ou le druide et l'enfant), гдѣ первый поучаетъ втораго значенію чисель, отъ 1 до 12; при числѣ 9 дается такое толкованіе: «*свинья* съ девятью поросятами у входа въ хлѣвъ хрюкаетъ: хрю! хрю! хрю! скорѣе къ яблонѣ, старый кабанъ хочетъ поучить васъ!» (сл. р. 590 и 593).

Къ этому отдѣлу текстовъ относятся пеглевійское преніе загадками между волшебникомъ Ahkt и благочестивымъ Gósh-t-i Fгуáпó: кто не отгадаетъ ихъ, долженъ погибнуть отъ руки противника; побѣждаетъ доброе начало. Числовыя загадки идутъ отъ 1 до 10, какъ въ киргизскомъ вариантѣ, отличающемся отъ предъидущаго болѣе религіознымъ характеромъ отвѣтовъ (одинъ-Господь, пять-молитвъ, семь-обителей ада, восемь-райскихъ и т. п.), обращенныхъ къ «невѣрующему врагу».

Я не обращаю вниманія на пародическія подражанія «Повѣсти чисель», на которыя указываетъ Häsdeу (р. 580—1, 583—4, 594—5, 598—9), и остановлюсь лишь на разобранныхъ нами группахъ текстовъ, которыя я считаю самостоятельными, тогда какъ г. Häsdeу приводитъ ихъ во взаимную связь. Я полагаю, что его точкой отправленія были португальскіе тексты типа А, называющіе одного изъ участниковъ діалога — св. Кипріяномъ, либо Custodio (т. е. ангеломъ хранителемъ), и замѣчаніе Coelho: «народъ увѣряетъ, что въ этомъ діалогѣ дьяволъ пыгается похитить душу своего противника, Кустодія или Кипріяна, и что еслибы святой ошибся однимъ отвѣтомъ, онъ былъ бы потерянтъ».

Одинъ португальскій вариантъ, утратившій діалогическую форму и служащій (какъ и всѣ остальные) заговоромъ, кончается такимъ образомъ:

Sete raios leva o sol,
Sete raios leva a lua,
Arrebenta para ahí nabo,
Que esta alma não é tua!

«Семь лучей у солнца, семь лучей у мѣсяца, удались отсюда, дьяволъ, ибо это душа — не твоя!»

Португальскіе пересказы А, вѣроятно, повели изслѣдователя къ сближенію съ типомъ В, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ, предлагающимъ загадочные вопросы, является дьяволъ — или волшебникъ, какъ въ персидскомъ пересказѣ, а цѣной побѣды — душа либо жизнь противника. Мы снова пришли къ противоположенію, къ борьбѣ злаго и добраго началъ, къ парсійскому дуализму, изъ котораго вышли секты Манихеевъ, Павликіянъ и, позднѣе, Богомиловъ. «Повѣсть чисель» перешла къ нимъ уже съ готовымъ религіознымъ содержаніемъ, и Богомиламъ оставалось лишь воспользоваться ея формой, чтобы выразить въ катехической формѣ свое собственное ученіе: имъ приписываетъ авторъ выдѣленіе типа А, простаго перечня знаменательныхъ чисель, изъ сказочнаго типа В, замѣну 10-числоваго перечня—12 либо 13-числовымъ и т. п. Всѣ это было-бы вѣроятнымъ, еслибы— въ догматическомъ содержаніи А была-бы хотя-бы одна, самая невинная подробность, напоминающая богомильство. Но такая подробность не встрѣтилась мнѣ ни въ одномъ варьантѣ. Остается либо возвратиться къ *statu quo*, къ признанію двухъ независимыхъ другъ отъ друга цикловъ А и В, случайно и внѣшнимъ образомъ соединившихся въ Португалии; либо признать ихъ филиацію, но въ возникновеніи А отвергнуть участіе какого-бы то ни было внѣ-церковнаго толка. А и мнѣ представляется краткимъ катехизисомъ, но катехизисомъ церковно-школьнаго происхожденія, который отвѣчалъ первичнымъ мнемоническимъ требованіямъ духовнаго обученія. Не даромъ «Повѣсть о числахъ» поется на

Рождествѣ не только въ Румыніи, но и въ Польшѣ и у Галицкихъ Русиновъ (Головацкій, I. с. II № 6, стр. 146—7); среди известной части Евреевъ она приняла значеніе пасхальной пѣсни, а французское населеніе Канады иллюстрировало её — архаическимъ духовнымъ танцемъ. «Je connais depuis bien longtemps cette ancienne ronde, que l'on pourrait parfaitement appeler une ronde religieuse, говорить о ней Gagnon. L'exécution en est très simple. Les danseurs se comptent d'abord à haute voix, de façon que chacun d'eux se trouve désigné par un nombre pair ou impair. Le chant commence ensuite et la chaîne se met à tourner. On tourne ainsi constamment, tantôt à droite, tantôt à gauche, mais quand les chanteurs en sont au sixième couplet, et chaque fois que ce sixième couplet se répète, tout le monde s'arrête, et pendant que l'on chante: *Six urnes de vin remplies*, les danseurs désignés par un nombre pair se tournent, d'abord à droite, puis à gauche, et font à leur voisins de profonds saluts. Ceux que désigne un nombre impair font la même cérémonie en sens inverse: le tout avec la gravité d'une cérémonie religieuse. Puis, lorsque l'on chante: *A Cana en Galilée*, les danseurs recommencent» (I. с. 582—3).

Я не считаю вѣроятнымъ, чтобъ реалистическая фантазія Богомиловъ, любившая образность апокрифа, пустила въ обращеніе среди народной поэзіи — голый катехическій перечень и въ любовной пѣснѣ выразила дуалистическій принципъ, главную основу своего міросозерцанія. Богомильскій дуализмъ — серьезнаго, нѣсколько мрачнаго характера, требоваль другихъ красокъ и образовъ. Его слѣды сохранились въ космогонической баснѣ, распространенной въ славянскихъ преданіяхъ о созданіи свѣта Богомъ и дьяволомъ. Подобныхъ отраженій древняго богомильства слѣдовало-бы поискать тамъ и здѣсь — и никто такъ не приготовленъ къ этой работѣ, какъ г. Häsdeu, безпорно одинъ изъ лучшихъ знатоковъ румынскаго языка и древности, умѣющій освѣщать то и другое данными языковъ и древности славянскихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

6*

І.

РУМЫНСКОЕ СКАЗАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА.

Hăşdeu (I. с. стр. XXIV—VIII Предисловія) напечаталъ по копіи, сдѣланной въ началѣ этого столѣтія съ болѣе древняго оригинала, румынскую повѣсть о тютюнѣ (Istoriei pentru tütüin) и въ объясненіе ея два народныхъ румынскихъ разсказа на тотъ-же сюжетъ. Первая интересна по отношенію къ русской легендѣ или легендамъ о происхожденіи табака, какія часто встрѣчаются въ рукописяхъ; можетъ быть, въ числѣ ихъ найдется сходная съ сообщаемой далѣе румынской, чего нельзя сказать о напечатанной Костомаровымъ (Пам. Стар. русск. лит. II р. 427—34). Замѣтимъ по поводу румынской повѣсти, что нѣкоторыя ея подробности (мѣстность: Аравія ¹⁾; насажденіе діаволомъ тютюна на горѣ Кармилѣ) напоминаютъ русскія сказанія о происхожденіи вина или хмѣля (насажденнаго на Аравитскихъ горахъ), тогда какъ въ народной сказкѣ, записанной

---

¹⁾ р. XXIV: peşteră.... ce să chiamă Araviia. Сл. Raviia въ легендѣ о св. Сисиніи (I. с. р. 284). Съ выраженіемъ повѣсти: unul sa acela să fie legat şi afurisăt de 15 părinţi de a Ierusalimului (р. XXV), сл. въ легендѣ (р. 291): şi de tariaă celor 40 de popi celora ce țină fnaltul Ierusalimului şi rugă fac şi dua şi noapte.

въ верхнемъ Городникѣ (Hogodnic-de-sus) есть черты, сходныя съ нашими повѣстями о табакѣ: какъ у насъ онъ произрастаетъ изъ трупа блудницы, такъ у румынъ изъ тѣла дьявола, повѣсившагося отъ несчастной любви, въ Малороссіи изъ трупа Иродіады, у Сербовъ — изъ внутренностей Арія.

Повѣсть о тютюнѣ.

«Послушайте любимые мои, благословенные, многополезное христіанамъ поученіе, особливо тѣмъ, кто впадетъ въ этотъ грѣхъ и дьявольскій соблазнъ и станетъ пить тютюнъ. Это писаніе переведено съ латинскаго языка на молдаванскій трудами великаго даскала Іерусалимскаго, Киръ Сильвестра, собравшаго его изъ многихъ писаній святыхъ іерусалимскихъ отцевъ, говоря тако:

Поклонившись священному гробу Господа нашего І. Христа, сидя на камнѣ и бесѣдуя о душевныхъ нашихъ дѣлахъ, видѣлъ я и слышалъ такое чудо, а именно: пришелъ древній старецъ, поклонился святому гробу и обратился къ намъ съ поклономъ. Мы сказали: Да проститъ тебя Господь, отче! А онъ принялся рассказывать со слезами: Послушайте, братья, чуда, я расскажу вамъ о приключеніи, видѣнномъ мною на этомъ пути. Живу я, братья, 75 лѣтъ въ пещерѣ, что зовется Аравіей; и вотъ, выйдя на свѣтъ, чтобы пойти поклониться святому гробу Господа нашего І. Христа; встрѣтилъ я на пути высокаго мужа: одна челюсть была у него больше, другая меньше и носъ громадный; тотъ человѣкъ прошелъ мимо меня молча, но я остановился и, размысливъ, догадался, что то былъ — не христіанинъ отъ міра сего, а, можетъ быть, дьяволъ, и я не пренебрегъ легкимъ трудомъ, ибо тотчасъ-же поднялся вслѣдъ за нимъ и, по волѣ Божіей, нашелъ его на одной высокой горѣ Кармила: онъ устраивалъ садъ со стѣной изъ камня, копалъ въ саду и сѣялъ. Но я приблизился къ нему, и сказалъ: Скажи мнѣ, что ты

копаешь и съешь? Онъ не отвѣчалъ ни слова. Тогда я сказалъ ему: Я заклянута тебя именемъ царя вашего Сатаны, да не будетъ тебѣ въ немъ части, если ты не отвѣтишь мнѣ, что ты тамъ съешь. — Онъ-же съ великой тяготой отвѣтилъ мнѣ такъ, что посредствомъ длинной трости и сквозь нее прошепталъ мнѣ на ухо и сказалъ: Святой отецъ, я — Галаоръ, демонъ, начальникъ надо всѣми демонами, особливо довѣренный у царя нашего Сатаны за вѣрную службу. Ради этого задумали мы теперь сотворить и себѣ самимъ какое-нибудь благоуханіе и собрались всѣ на эту гору Кармилъ. Обсуждая это, мы положили тыкву, и всѣ нап...ли въ нее, и сказали, что имѣющее изъ нея выйти будетъ намъ благоуханіемъ. Мы размололи одну изъ тыквъ и сдѣлали это сѣмя — тютюнь, и онъ будетъ намъ благоуханіемъ, ибо люди потянутъ его носами и ртомъ; въ началѣ будутъ тянуть язычники, потомъ цыгане, затѣмъ и христіане. И распространится онъ отъ востока на западъ и совлекутся бояре, а также духовные, и будетъ онъ цѣниться дороже тимьяна; человекъ напередъ затянется тютюномъ, а затѣмъ пойдетъ въ церковь; и хотя, нѣкоторые изъ нихъ не потянутъ (передъ обѣдней), то, выйдя изъ церкви послѣ св. антидора, тотчасъ-же затянутъ тютюнь. Безъ тимьяна могутъ жить, а безъ тютюна не проживутъ и одного дня; ротъ ихъ будетъ смердѣть, какъ гнѣздо удода, на зубахъ образуется смола. И кто бы ни сталъ его пить, въ скорости исполнить всякое наше желаніе и тѣмъ болѣе будетъ почтенъ у нашего царя; кто хотя-бы три раза его потянулъ, совсѣмъ будетъ нашимъ, мы почтимъ его большой наградой и дадимъ ему часть въ царствѣ.

Поэтому, еслибы случилось кому впасть въ этотъ грѣхъ и дьявольскій соблазнъ, съ благословеніемъ молимъ васъ оставить и покинуть это дьявольское дѣло; если-же случится, что кто-нибудь не увѣруетъ въ это и не оставитъ того дьявольскаго соблазна, да будетъ связанъ проклятіемъ пятнадцати іерусалимскихъ отцевъ, какъ другъ и пособникъ дьявольскихъ начинаній, дабы онъ тѣмъ паче избѣгалъ и отрицался того дѣла и другіе

научались его отрицаться. И за этотъ грѣхъ онъ повиненъ по праздникамъ, какіе случатся за время его грѣхопаденія, приносить въ церковь во всякое время тимьянъ. А кто отречется отъ сего грѣха, да будетъ благословенъ и счастливъ во вѣки вѣковъ, аминь.»

Варьянтами этого сказанія являются слѣдующія румынскія народныя легенды изъ Буковины:

1) «Однажды два демона захотѣли взять себѣ въ жены дочь одного боярина, но мѣстный священникъ отказался обвѣнчать ее съ ними. Старшій демонъ, разсерженный тѣмъ, что не могъ исполнить своего желанія, пошелъ и повѣсилъ на одномъ тополѣ, но дерево однажды сильно встряхнулось и швырнуло его на вѣсть куда, гдѣ онъ, упавъ на землю, обратился въ селитру и порошокъ. Младшій демонъ, присутствовавшій при томъ, увидѣвъ это испугался и бросился очертя голову въ адъ. Прийдя туда разсказалъ наибольшему изъ нихъ, какъ пострадалъ его братъ. Тогда наибольшій изъ демоновъ, Искаріотъ (scaraoțchi: Искаріотскій) сказалъ: Погодите, да отъ него мнѣ больше пользы, чѣмъ отъ васъ! Сказавъ эти слова, онъ вышелъ изъ ада и, бросившись къ мертвому демону, нашелъ множество тютюна, выросшаго изъ его трупа. Увидѣвъ это, Искаріотъ вернулся въ адъ и послалъ на землю трехъ демоновъ, дабы они всюду сѣяли тютюнъ...».

2) Слѣдующій рассказъ примкнулъ къ имени св. Василя, вѣроятно, Василя Великаго, вовлеченнаго въ христіанскую демонологию — легендами о Эвладіи и Кассіанѣ; въ повѣсть о тютюнѣ онъ вовлеченъ былъ по такимъ-же побужденіямъ народной поэтики, по какимъ — въ русскій духовный стихъ о «пьяницѣ»: запретъ табаку и хмѣля (лозы) одинаково освящался его именемъ, какъ объяснялся сходными фантастическими сказаніями. Самый замыселъ буковинской легенды напоминаетъ циклъ рассказовъ о «Bruder Rausch» и итальянскую новеллу «del diavolo coi monaci».

Въ одинъ монастырь, которымъ правилъ св. Василій проникъ дьяволъ, жилъ какъ монахъ около шести лѣтъ и всегда присут-

ствовагь на божественной службѣ, лишь скрываясь изъ церкви всякій разъ при началѣ Херувимской. Замѣтилъ это св. Василій, и въ немъ зародилось сомнѣніе: однажды онъ запечатлѣлъ знаменіемъ креста всѣ входы и выходы церкви.

«Дьяволъ, не подозрѣвавшій, что ему уготовано, пожелалъ выйти, когда началась Херувимская, но, увидѣвъ выходъ запечатлѣнный крестомъ, быстро вернулся къ окнамъ; когда и тамъ оказались кресты, онъ поспѣшилъ на верхъ купола, но не будучи въ состояніи выйти и здѣсь, ибо и куполъ былъ запечатлѣнъ крестомъ, вдругъ пролился среди церкви, обратившись въ деготь. Увидѣвъ это, св. Василій велѣлъ другимъ клирикамъ тотчасъ-же взять деготь и камень, куда упалъ дьяволъ, вынести все и бросить въ глубокой оврагъ, находившійся вблизи церкви; клирики исполнили порученіе св. Василя, взяли деготь и камень и бросили въ глубокой оврагъ. Изъ этого дегтя выросъ впоследствии большой, тучный бурьянъ, т. е. тютювъ . . .».

Далѣе разсказывается, какъ другой демонъ вошелъ въ царскую дочь, которая не могла излечиться, пока ей не принесли листь тютюну. Съ тѣхъ поръ онъ и распространился по лицу земли.

II.

ГРЕЧЕСКІЕ ЗАГОВОРЫ ОТЪ ТРЯСАВИЦЪ ¹⁾.

1.

Ἐπί τῆς ὑπατείας Λαυρεντίου τοῦ βασιλέως ἦν γυνὴ ἐν τῇ χώρᾳ τῇ Αὐσσητίδι, ἣτοι Ἀραβία, ὀνόματι Μελιτηνή, ἣτις ἔτεκε τέκνα ἑπτὰ. Καὶ ἔλαβεν αὐτὰ ἡ μουσάρᾳ, ἣτις λέγεται Γελοῦ. καὶ

¹⁾ По: Leo Allatius, De templis Graecorum recentioribus etc. nec non de Graecorum hodie quorundam opinationibus. Coloniae Agrippinae 1645, p. 133—5 (краткій пересказъ, у насъ № 1), и p. 126—9 (пространный пересказъ, безъ начала, у насъ № 2).

πάλιν ἐν γαστρὶ ἔλαβεν ἡ Μελιτηνὴ, καὶ ἐμελλε τεκεῖν. ὤκοδόμησε δὲ πύργον καὶ καθήλωσεν αὐτὸν ἔσωθεν, καὶ ἔξωθεν, καὶ ἀπέδετο δαπανὸν ἐν τῷ πύργῳ ἑτῶν εἴκοσι πέντε, καὶ συλλαβοῦσα ἡ Μελιτηνὴ δύο κοράσια εἰσῆλθεν ἐν τῷ πύργῳ. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισίνιος καὶ Σισυνόδωρος ἦσαν ἀδελφοὶ τῆς Μελιτηνῆς, ἦσαν δὲ στρατεύομενοι ἐν Νουμέρω, ἧτοι Ἀραβία. Ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν πήξαντες τὸν στρατόν, ἀπήλθον ἐν τῷ πύργῳ ἐπισκέψασθαι τὴν ἑαυτῶν ἀδελφὴν, καὶ γενομένων αὐτῶν πρὸς τὴν θύραν, ἔκραζον ἀνοιχθῆναι αὐτοῖς. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ἰσχυρίζετο μὴ ἀνοίξει αὐτοῖς λέγουσα· Οὐ δύναμαι ἀνοίξει ὑμῖν, ὅτι παιδίον ἐγέννησα, καὶ φοβοῦμαι ἀνοίξει. Οἱ δὲ δισχυρίζοντο, λέγοντες· Ἀνοίξον ἡμῖν, ὅτι ἄγγελοι τοῦ θεοῦ ἐσμὲν, καὶ τὰ μυστήρια τοῦ θεοῦ βαστάζομεν. Τότε ἠνοιξεν αὐτοῖς, καὶ εἰσῆλθον οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ. Τότε τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα ἐγένετο γῆν γελῶν(?) θάπτων, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν λαιμόν εἰς ἓνα τῶν ἵππων τῶν ἁγίων, ὡπερ καὶ περὶ τὸ μεσονύκτιον ἀπέκτεινε τὸ παιδίον. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ὠλόλυξε πικρῶς, λέγουσα· ὦ Σισίνιε, καὶ σὺ Σισυνόδωρε, τί τοῦτο ἐποιήσατε; διὰ τοῦτο οὐκ ἠθέλον ἀνοίξει ὑμῖν. Τότε οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἐκτείναντες τὰς χεῖρας εἰς τὸν οὐρανὸν ἤτοῦντο λαβεῖν τὴν ἐξουσίαν ταύτην κατὰ τῆς μουσαρᾶς. Ἐπὶ πολὺ δὲ αὐτοὶ προσευχόμενοι ἀπεστάλη πρὸς αὐτοὺς ἄγγελος τοῦ θεοῦ, καὶ λέγει αὐτοῖς· Ὑπήκουσε κύριος ὁ θεὸς τῆς δεήσεως ὑμῶν, καὶ ἀπέστειλέ με ἐνισχύσαι ὑμᾶς, καὶ δοῦναι δύναμιν, ὅπου ἐὰν πορευθῆτε. Οἱ δὲ ἐξελθόντες ἐκ τοῦ πύργου, ἐπέβησαν ἵπποις πτερογαλίνοις, καὶ ἐδίωξαν βάρη καὶ θαλάμους ἐπὶ τὰ ὄρη τοῦ Λιβάνου, καὶ συναντήσαντες πεύκην ἠρώτησαν αὐτὴν οἱ ἅγιοι· Πεύκη, ἴδες τὴν μουσαρὰν παρερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Οὐκ οἶδα. Λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐν οἷς ἔκρυψας ἡμῖν τὴν μουσαρὰν, καὶ τὴν ἀλήθειαν ἡμῖν οὐκ εἶπας, ἄριζος ὁ βλαστός σου, καὶ ξηρός ὁ καρπός σου. Εἶτα συνήντησαν τὴν ἐλαίαν, καὶ λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐλαία, ἴδες τὴν μουσαρὰν περιερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Ναί, κύριοί μου, ἔνθα κάκειθεν περὶ τὴν θάλασσαν ὑπὸ εἴκοσι βοτανῶν ὑπὸ φάσκοντος κεφαλᾶς, ὑπὸ παιδῶν μυελῶν. Ναί ἐκεῖ μένει. Καὶ εἶπον αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Εὐλογημένος ὁ καρπός σου, καὶ εἰς ναὸν κυρίου δαπανηθήσεται. Τότε κατέλαβον αὐτὴν τὴν μουσαρὰν ἐπὶ τὸν αἰγιαλόν

τῆς θαλάσσης καὶ λέγουσιν αὐτῇ· Ὁ θεὸς δι' ἡμᾶς τοὺς ἀχρεῖους αὐτοῦ δούλους προστάττει σοι κρατηθῆναι. Ἡ δὲ μυσαρὰ ἰδοῦσα τοὺς ἁγίους ὥρμισε κατὰ τῆς θαλάσσης. Συντείναντες οἱ ἅγιοι τὸν δρόμον αὐτῶν κατέλαβον αὐτήν. Καὶ λέγει ἡ μυσαρὰ· ὦ Σισίννιε, καὶ σὺ Σισυνόδωρε, τί με πολλὰ βασανίζετε; Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἅγιος Σισίννιος λέγει αὐτῇ· Ἀπένεγκέ μοι τὰ ἑπτὰ τέκνα τῆς Μελιτηνῆς, καὶ οὐ βασανίζω σε. Λέγει δὲ πρὸς αὐτὸν ἡ μυσαρὰ· Ἐὰν δύνασαι σὺ ἀνενεγκεῖν μητρικὸν γάλα, ὃ ἐδήλασας, καὶ γὰρ σοὶ δώσω τὰ ἑπτὰ παιδία τῆς Μελιτηνῆς. Τότε ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ Σισίννιος ἐπεκαλέσατο τὸν θεόν· Κύριε σὺ εἶπας, ὅτι οὐκ ἀδυνατήσῃ παρα τῷ θεῷ πᾶν ῥῆμα. Καὶ ἐν ἐμοὶ δεῖξον τὴν σὴν ἀγαθότητα, καὶ γνώτωσαν τὸ ὄνομά σου πάντες, ὅτι σὺ εἶ θεὸς ὁ μόνος. Καὶ εὐθέως ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ Σισίννιος ἀνήνεγκε τὸ μητρικὸν γάλα ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ. Καὶ λέγει πρὸς τὴν μυσαρὰν· Ἴδου τὸ μητρικὸν μου γάλα, ἀνενεγκε καὶ σὺ τὰ ἑπτὰ παιδία τῆς Μελιτηνῆς. Καὶ εὐθέως ἀνήνεγκε καὶ αὐτῇ τὰ ἑπτὰ τέκνα τῆς Μελιτηνῆς. Εἶτα λέγει ἡ μυσαρὰ τοῖς ἁγίοις· Δέσμαι ὑμῶν, ἅγιοι τοῦ θεοῦ, μὴ με πολλὰ βασανίζετε. Καὶ ὅπου κεῖται τὸ φυλακτήριον τοῦτο, οὐ μὴ εἰσέλθο ἐκεῖ, καὶ ὅπου ἀναγνωσθῇ, οὐ μῆτι κεισῶ ἐν τῷ τόπῳ ἐκεῖνῳ κατακοπῶ, καὶ φεύξομαι ὡς ἀπὸ σταδίων ἐξήκοντα. Ἦν καὶ ἐὰν τις δυνηθῇ καταγράψαι τὰ δώδεκά μου ὀνόματα, οὐκ ἀδικήσω τὸν οἶκον ἐκεῖνον, οὔτε δυναστεύσω τὸν οἶκον αὐτοῦ, οὔδὲ τετράποδα αὐτοῦ ἐξαλείψω, οὔδὲ τῶν μελῶν αὐτοῦ ἔγω ἐξουσίαν. Τότε ὥρμισεν αὐτήν ὁ ἅγιος Σισίννιος, λέγων· Ὁρκίζω σε κατὰ τοῦ ὀνόματος τοῦ θεοῦ, οὐ ἤκουσεν ἡ πέτρα, καὶ διερράγη. Ὁ θεὸς τοῦ ἁγίου Μάμαντος, τοῦ ἁγίου Πολυκάρπου, τοῦ ἁγίου Ταρασίου, τοῦ ἁγίου Δομετίου, τοῦ ἁγίου μάρτυρος Παντελεήμονος, καὶ Ἑρμολάου, τοῦ ἁγίου μάρτυρος Νικήτα, τοῦ ἁγίου Βαβύλα, τοῦ ἁγίου Πορφυρίου, τοῦ ἁγίου Βλασίου, τοῦ ἁγίου Εὐλογίου, τοῦ ἁγίου Νικολάου, τοῦ ἁγίου Βασιλείου, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, τοῦ ἁγίου Λέοντος, τοῦ ἁγίου Ἐλευθερίου, τοῦ ἁγίου Δημητρίου, τοῦ ἁγίου Γεωργίου, τοῦ ἁγίου Θεοδώρου, τοῦ ἁγίου Ἰακώβου τοῦ Πέρσου, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου προσήτου, προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου, τοῦ ἁγίου Εὐσταθίου, τοῦ ἁγίου Ὁρέστου, τοῦ ἁγίου Ἀνδρέου, τῶν ἁγίων τριακοσίων

πάλιν ἐν γαστρὶ ἔλαβεν ἡ Μελιτηνὴ, καὶ ἔμελλε τεκεῖν. ὠκοδόμησε δὲ πύργον καὶ καθήλωσεν αὐτὸν ἔσωθεν, καὶ ἔξωθεν, καὶ ἀπέθετο δαπανὸν ἐν τῷ πύργῳ ἑτῶν εἴκοσι πέντε, καὶ συλλαβούσα ἡ Μελιτηνὴ δύο κοράσια εἰσῆλθεν ἐν τῷ πύργῳ. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισίνιος καὶ Σισυνόδωρος ἦσαν ἀδελφοὶ τῆς Μελιτηνῆς, ἦσαν δὲ στρατευόμενοι ἐν Νουμέρῳ, ἧτοι Ἀραβία. Ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν πῆξαντες τὸν στρατὸν, ἀπῆλθον ἐν τῷ πύργῳ ἐπισκέψασθαι τὴν ἑαυτῶν ἀδελφὴν, καὶ γενομένων αὐτῶν πρὸς τὴν θύραν, ἔκραζον ἀνοιχθῆναι αὐτοῖς. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ἰσχυρίζετο μὴ ἀνοῖξαι αὐτοῖς λέγουσα· Οὐ δύναμαι ἀνοῖξαι ὑμῖν, ὅτι παιδίον ἐγέννησα, καὶ φοβοῦμαι ἀνοῖξαι. Οἱ δὲ διίσχυρίζοντο, λέγοντες· Ἀνοῖξον ἡμῖν, ὅτι ἄγγελοι τοῦ θεοῦ ἐσμέν, καὶ τὰ μυστήρια τοῦ θεοῦ βαστάζομεν. Τότε ἤνοιξεν αὐτοῖς, καὶ εἰσῆλθον οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ. Τότε τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα ἐγένετο γῆν γελῶν(?) θᾶπτον, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν λαιμόν εἰς ἓνα τῶν ἵππων τῶν ἁγίων, ὡπερ καὶ περὶ τὸ μεσονύκτιον ἀπέκτεινε τὸ παιδίον. Ἡ δὲ Μελιτηνὴ ὠλόλυξε πικρῶς, λέγουσα· ὦ Σισίνιε, καὶ σὺ Σισυνόδωρε, τί τοῦτο ἐποιήσατε; διὰ τοῦτο οὐκ ἤθελον ἀνοῖξαι ὑμῖν. Τότε οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἐκτείναντες τὰς χεῖρας εἰς τὸν οὐρανὸν ἠτοῦντο λαβεῖν τὴν ἐξουσίαν ταύτην κατὰ τῆς μυσσαρᾶς. Ἐπὶ πολὺ δὲ αὐτοὶ προσευχόμενοι ἀπεστάλη πρὸς αὐτοὺς ἄγγελος τοῦ θεοῦ, καὶ λέγει αὐτοῖς· Ὑπήκουσε κύριος ὁ θεὸς τῆς δεήσεως ὑμῶν, καὶ ἀπέστειλέ με ἐνισχύσαι ὑμᾶς, καὶ δοῦναι δύναμιν, ὅπου ἐὰν πορευθῆτε. Οἱ δὲ ἐξελθόντες ἐκ τοῦ πύργου, ἐπέβησαν ἵπποις πτεροχαλίνοις, καὶ ἐδίωξαν βάρη καὶ θαλάμους ἐπὶ τὰ ὄρη τοῦ Λιβάνου, καὶ συναντήσαντες πεύκην ἠρώτησαν αὐτὴν οἱ ἅγιοι· Πεύκη, ἴδες τὴν μυσσαρὰν παρερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Οὐκ οἶδα. Λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐν οἷς ἔκρυψας ἡμῖν τὴν μυσσαρὰν, καὶ τὴν ἀλήθειαν ἡμῖν οὐκ εἶπας, ἄριζος ὁ βλαστός σου, καὶ ξηρός ὁ καρπός σου. Ἐἶτα συνῆντησαν τὴν ἐλαίαν, καὶ λέγουσιν αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Ἐλαία, ἴδες τὴν μυσσαρὰν περιερχομένην; Καὶ λέγει αὐτοῖς· Ναί, κύριοί μου, ἐνθα κάκειθεν περὶ τὴν θάλασσαν ὑπὸ εἴκοσι βοτανῶν ὑπὸ φάσκοντος κεφαλᾶς, ὑπὸ παιδῶν μυελῶν. Ναί ἐκεῖ μένει. Καὶ εἶπον αὐτῇ οἱ ἅγιοι· Εὐλόγημένος ὁ καρπός σου, καὶ εἰς ναὸν κυρίου δαπανηθήσεται. Τότε κατέλαβον αὐτὴν τὴν μυσσαρὰν ἐπὶ τὸν αἰγιαλὸν

τῆς θαλάσσης καὶ λέγουσιν αὐτῇ· Ὁ θεὸς δι' ἡμᾶς τοὺς ἀχρεῖους αὐτοῦ δούλους προστάττει σοὶ κρατηθῆναι. Ἡ δὲ μουσάρᾳ ἰδοῦσα τοὺς ἁγίους ὥρμισε κατὰ τῆς θαλάσσης. Συντείναντες οἱ ἅγιοι τὸν ὁρόμον αὐτῶν κατέλαβον αὐτήν. Καὶ λέγει ἡ μουσάρᾳ· ὦ Σισίνιε, καὶ σὺ Σισυνόδωρε, τί με πολλὰ βασανίζετε; Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἅγιος Σισίνιος λέγει αὐτῇ· Ἀπένεγκέ μοι τὰ ἑπτὰ τέκνα τῆς Μελιτηνῆς, καὶ οὐ βασανίζω σε. Λέγει δὲ πρὸς αὐτὸν ἡ μουσάρᾳ· Ἐὰν δύνασαι σὺ ἀνενεγκεῖν μητρικὸν γάλα, ὃ ἐθήλασας, καὶ γὰρ σοὶ δώσω τὰ ἑπτὰ παιδιά τῆς Μελιτηνῆς. Τότε ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ Σισίνιος ἐπεκαλέσατο τὸν θεόν· Κύριε σὺ εἶπας, ὅτι οὐκ ἀδυνατήσει παρὰ τῷ θεῷ πᾶν ῥῆμα. Καὶ ἐν ἐμοὶ δεῖξον τὴν σὴν ἀγαθότητα, καὶ γνώτωσαν τὸ ὄνομά σου πάντες, ὅτι σὺ εἶ θεὸς μόνος. Καὶ εὐθέως ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ Σισίνιος ἀνήνεγκε τὸ μητρικὸν γάλα ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ. Καὶ λέγει πρὸς τὴν μουσάρᾳ· Ἴδου τὸ μητρικὸν μου γάλα, ἀνενεγκε καὶ σὺ τὰ ἑπτὰ παιδιά τῆς Μελιτηνῆς. Καὶ εὐθέως ἀνήνεγκε καὶ αὐτῇ τὰ ἑπτὰ τέκνα τῆς Μελιτηνῆς. Εἶτα λέγει ἡ μουσάρᾳ τοῖς ἁγίοις· Δέσμαι ὑμῶν, ἅγιοι τοῦ θεοῦ, μὴ με πολλὰ βασανίζετε. Καὶ ὅπου κεῖται τὸ φυλακτήριον τοῦτο, οὐ μὴ εἰσέλθο ἐκεῖ, καὶ ὅπου ἀναγνωσθῆ, οὐ μῆτι κεισῶ ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ κατακοπῶ, καὶ φεύξομαι ὡς ἀπὸ σταδίων ἐξήκοντα. Ἦν καὶ ἐὰν τις δυνηθῆ καταγράψαι τὰ δώδεκά μου ὀνόματα, οὐκ ἀδικήσω τὸν οἶκον ἐκεῖνον, οὔτε δυναστεύσω τὸν οἶκον αὐτοῦ, οὐδὲ τετράποδα αὐτοῦ ἐξαλείψω, οὐδὲ τῶν μελῶν αὐτοῦ ἔγω ἐξουσίαν. Τότε ὥρμισεν αὐτήν ὁ ἅγιος Σισίνιος, λέγων· Ὀρχίζω σε κατὰ τοῦ ὀνόματος τοῦ θεοῦ, οὐ ἤκουσεν ἡ πέτρα, καὶ διερράγη. Ὁ θεὸς τοῦ ἁγίου Μάμαντος, τοῦ ἁγίου Πολυκάρπου, τοῦ ἁγίου Ταρασίου, τοῦ ἁγίου Δομετίου, τοῦ ἁγίου μάρτυρος Παντελεήμονος, καὶ Ἑρμολάου, τοῦ ἁγίου μάρτυρος Νικήτα, τοῦ ἁγίου Βαβύλα, τοῦ ἁγίου Πορφυρίου, τοῦ ἁγίου Βλασίου, τοῦ ἁγίου Εὐλογίου, τοῦ ἁγίου Νικολάου, τοῦ ἁγίου Βασιλείου, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, τοῦ ἁγίου Λέοντος, τοῦ ἁγίου Ἐλευθερίου, τοῦ ἁγίου Δημητρίου, τοῦ ἁγίου Γεωργίου, τοῦ ἁγίου Θεοδώρου, τοῦ ἁγίου Ἰακώβου τοῦ Πέρσου, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου προφήτου, προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου, τοῦ ἁγίου Εὐσταθίου, τοῦ ἁγίου Ὀρέστου, τοῦ ἁγίου Ἀνδρέου, τῶν ἁγίων τριακοσίων

δέκα καὶ ὀκτῶ ἁγίων πατέρων, τῶν ἁγίων ἀναργύρων Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ, τοῦ ἁγίου Ἐπιφανίου, τοῦ ἁγίου Εἰρηνάρχου, τῶν ἁγίων μαρτύρων Αὐξεντίου, Εὐγενίου, καὶ Ὁρέστου, καὶ Μαρδαρίου, καὶ Λουκίας τῆς παρθένου, καὶ τῶν ἁγίων μαρτύρων Πηγασίου, Ἄφθονίου, Ἐλπιδοφόρου, καὶ Ἀνεμποδίστου, τῆς ὑπερυμνήτου δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, καὶ πάντων σου τῶν ἁγίων. Ἄμην.

2.

... μήπως σεύη ἐν τῷ πύργῳ, καὶ καταφάγη μου τὸ βρέφος, καθὰ καὶ πεποίηκεν. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισύνιος καὶ Συνίδωρος, ὡς εἶδον τὴν ἀδελφὴν αὐτῶν κοπτομένην, ἔκλαυσαν καὶ αὐτοὶ οὐ μετρίως, καὶ εὐθύς κλίναντες τὰ γόνατα αὐτῶν ἐν τῇ γῆ, ἐδέοντο τοῦ θεοῦ τοῦ δοῦναι αὐτοῖς ἐξουσίαν καὶ ἰσχύον κατὰ τῆς μιαρᾶς Γυλοῦς, ὅπως αὐτὴν χειρώσωνται. Καὶ δὴ λαβόντες ἐξουσίαν ἐκ θεοῦ παντοκράτορος, ἐγαλίνωσαν τοὺς ἵππους αὐτῶν εὐθύς καὶ ἤρξαντο καταδιώκειν τὴν μιάραν Γυλοῦν, καὶ ἐλθόντες ἐν τῇ ὁδῷ ἠρεύουν καὶ ἠρώτουν εἴ τι δὲ ἂν εὔρισκον. Ὑπήνητησαν δὲ τὴν ἰτέαν καὶ ἠρώτησαν αὐτὴν, λέγοντες· Ἴδες ἐδῶ τὴν μιάραν Γυλοῦν πετομένην; Ἡ δὲ ἠρνήσατο, ὅτι οὐκ οἶδα. Καὶ ἐκατηράσαντο αὐτὴν οἱ ἅγιοι, λέγοντες· Μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς τὸν αἰῶνα, καὶ ἄνθρωπος οὐ φάγεται ἀπ' αὐτοῦ. Καὶ πάλιν οἱ ἅγιοι δρομαῖοι ἔτρεχον ἔμπροσθεν. Καὶ ὑπήνητησαν τὴν βᾶτον καὶ ἠρώτησαν αὐτὴν, λέγοντες· Ἴδες ἐδῶ τὴν μιάραν Γυλοῦν πετομένην; Καὶ ἠρνήσατο καὶ αὐτὴ ὁμοίως, ὅτι οὐκ οἶδα. Καὶ ἐκατηράσαντο καὶ αὐτὴν οἱ ἅγιοι λέγοντες· Ἡ ρίζα σου ποιήσει κορυφὰς καὶ ἡ κορυφή σου ρίζας, καὶ ὁ καρπὸς σου ἀνόφελός ἐστι, καὶ ἄνθρωπος οὐ ζήσεται ἐξ αὐτοῦ. Καὶ πάλιν οἱ ἅγιοι δρομαῖοι ἔτρεχον ἔμπροσθεν, καὶ ὑπήνητησαν τὴν εὐλογημένην ἐλαίαν. Καὶ ἠρώτησαν αὐτὴν οἱ ἅγιοι λέγοντες· Ἴδες ἐδῶ τὴν μιάραν Γυλοῦν πετομένην; Ἡ δὲ λέγει πρὸς τοὺς ἁγίους· Δράμετε, ἅγιοι τοῦ θεοῦ, ἐν τάχει, ὅτι ὑπάγει πρὸς τὸν αἰγιαλόν. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισύνιος καὶ Συνίδωρος ἠυλόγησαν αὐτὴν, καὶ εἶπον· Ὁ καρπὸς σου πολλὸς γίνεται, καὶ οἱ ἅγιοι ὑπ' αὐτοῦ φωτισθήσονται καὶ βασιλεῖς καὶ πτωχοὶ ἐξ αὐτοῦ εὐφρανθήσονται. Φθάσαντες οὖν οἱ ἅγιοι εἰς

τὸν αἰγιαλὸν ἰδὼν τὴν μιανὰν Γυλοῦν πετομένην, καὶ ὡς ἰδεν τοὺς ἁγίους ἢ μιανὰ Γυλοῦ ἐγένετο εὐθύς, ὡς ἰχθύς. Καὶ οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἀλείψαι καὶ ἠλίευον αὐτήν. Καὶ πάλιν ἢ μιανὰ Γυλοῦ ἐγένετο ὡς χελιδῶν. Καὶ οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ὡς εἶχον τὴν χάριν ἐγένοντο ὡς φαλκωνες, καὶ κατεδίωκον αὐτήν. Ἰδὼν δὲ ἢ μιανὰ Γυλοῦ ὅτι οὐκ ἰσχύει πλανῆσαι τοὺς ἁγίους, ἐγένετο ὡς αἷγιος τρίχα, καὶ ἐκάθισεν εἰς τὸν πώγωνα τοῦ βασιλέως, ὅπως μὴ γνωρίσουσιν αὐτήν. Φθάσαντες οὖν οἱ ἅγιοι πρὸς τὸν βασιλέα, προσεκύνησαν αὐτὸν λέγοντες· Δέσποτα βασιλεῦ, μίαν αἴτησιν θέλομεν αἰτήσασθαι τῇ βασιλείᾳ σου τοῦ δοῦναι ἡμῖν. Καὶ εἰάν καλῶς ἢ βουλευτὸν τῇ βασιλείᾳ σου τοῦ δοῦναι ἡμῖν, ἀνάγγειλον ἡμῖν ἐν τάχει, ὅτι ἐν ἀδυμῖα ἐσμέν περὶ τούτου. Ὁ δὲ βασιλεὺς λέγει πρὸς τοὺς ἁγίους· Μὰ τὴν βασιλείαν μου, ὅτι εἰ τι ἂν ὑμῖν παρέχω, ὃ αἰτεῖτε· ὁρῶ γὰρ ὑμᾶς εὐγενεῖς καὶ φρονίμους. Οἱ δὲ ἅγιοι λέγουσι τῷ βασιλεῖ· Ἄλλο οὐ θέλομεν ἀπὸ τὴν βασιλείαν σου, μόνον καὶ τὴν αἷγιον τρίχα, ἣν ἔχεις εἰς τὸν πώγωνά σου, ἕνα ἰδῆς καὶ θαυμάσης. Ὁ δὲ λέγει πρὸς αὐτούς· Ἐπάρετε αὐτήν. Ἀπλώσαντες οὖν οἱ ἅγιοι ἐντίμως, καὶ μὲ προσοχὴν μεγάλην ἤραν αὐτήν. Ἰδὼν δὲ ἢ μιανὰ Γυλοῦ, ὅτι οὐκ ἰσχύει πλανῆσαι τοὺς ἁγίους οὐκέτι, ἐγένετο εὐθύς γυνή. Καὶ ὡς εἶδεν ὁ βασιλεὺς ἐξέστη, καὶ ἠρώτησε τοὺς ἁγίους περὶ τούτου. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ διεσάφησαν τῷ βασιλεῖ πάντα, καὶ ἐθαύμασεν ὁ βασιλεὺς. Οἱ δὲ ἅγιοι τοῦ θεοῦ κρατήσαντες τὴν μιανὰν Γυλοῦν ἀπὸ τῶν τριγῶν ἔρριψαν αὐτήν χαμαὶ καὶ ἤρξαντο τύπτειν αὐτήν σφοδρῶς λέγοντες· Παῦσαι μιανὰ Γυλοῦ, μὴ ἀποκτείνης τὰ βρέφη τῶν χριστιανῶν, μήτε τῆς δούλης τοῦ θεοῦ τῆς δεῖνα. Ἡ δὲ μιανὰ Γυλοῦ ἤρξατο παρακαλεῖν τοὺς ἁγίους λέγων· Ἐάσατέ με, ἅγιοι τοῦ θεοῦ, καὶ μὴ με δεινῶς βασανίζετε, καὶ εἶπω ὑμῖν. Ἀποκριθέντες οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισύνοκος καὶ Συνιδωρος λέγουν πρὸς αὐτήν· Ἐάν μὴ ὁμώσης ἡμῖν τοῦ μηκέτι πολεμεῖν τὰ βρέφη τῆς δούλης τοῦ θεοῦ τῆς δεῖνα, καὶ ἀποδώσης ἡμῖν καὶ τὰ βρέφη τῆς ἀδελφῆς ἡμῶν Μελιτηνῆς, ἐν ᾧ ἀπέκτεινας, οὐκ ἐῶμεν σὲ τοῦ ζῆν. Ἡ δὲ μιανὰ Γυλοῦ λέγει πρὸς τοὺς ἁγίους· Ἐάν δυνηθῆτε καὶ ὑμεῖς τοῦ ἐπιδοῦναι τὸ μητρικόν σας γάλα, ἐν ᾧ ἐθηλάσατε, ἐν τῇ παλάμῃ σας, ἐπιδώσω καὶ ἐγὼ τὰ βρέφη τῆς Μελιτηνῆς. Καὶ εὐθύς οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ, τείναντες τὰ

ὄμματα εἰς τὸν οὐρανόν, ἐδεήθησαν περὶ τούτου. Καὶ εὐθὺς ἔπτυσαν ἐν τῇ παλάμῃ αὐτῶν ὡς γάλα. Καὶ λέγουν πρὸς τὴν μιανὰν Γυλοῦν· Ἰδοῦ ἐπέδωκαμέν σοι τὸ γάλα τὸ μητρικόν, ἐν ᾧ ἐθλάσαμεν. Ἄποδος ἡμῖν καὶ σὺ τὰ βρέφη τῆς ἀδελφῆς ἡμῶν Μελιτηνῆς ἐν ᾧ ἀπέκτεινας, καθάπερ ἐπηγγείλω ἡμῖν, ἵνα μὴ κακῶς σε βασανίσωμεν. Ἡ δὲ μιανὰ Γυλοῦ μὴ ἔχων τί διαπράξασθαι ἀπέδωκε καὶ αὐτὴ τὸ βρέφος, ἐν ᾧ ἀπέκτεινεν ἐν τῷ πύργῳ. Καὶ πάλιν οἱ ἅγιοι τοῦ θεοῦ ἔτυπτον αὐτὴν σφοδρῶς, λέγοντες· Παῦσαι μιανὰ Γυλοῦ, μὴ ἀποκτείνῃς τὰ βρέφη τῶν χριστιανῶν μηδὲ τῆς δούλης τοῦ θεοῦ τῆς δεῖνα. Ἡ δὲ μιανὰ Γυλοῦ ἐπαρεκάλει τοὺς ἁγίους λέγουσα· Ἐάσατέ με, ἅγιοι τοῦ θεοῦ Σισύνιε καὶ Συνιδῶρε, καὶ μὴ με εἰς τέλος ἀποκτείνετε. Καὶ εἶπω ὑμῖν τί δὴ ποιήσετε, καὶ οὐκ εἰσελεύσομαι ἐκεῖ πώποτε, ἀλλὰ ἀπέχω στάδια ἐβδομήκοντα πέντε. Τί δὴ ποιήσομεν, μιανὰ Γυλοῦ; Ἡ δὲ λέγει αὐτοῖς. Εἰ τις δυνηθῆ τοῦ γράφαι τὰ δώδεκα ἡμισύ μου ὀνόματα, οὐ μὴ εἰσελεύσομαι εἰς τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος τοῦ ἔχοντος τὴν εὐχὴν ταύτην, μήτε εἰς τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, μήτε εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν, ἀλλὰ νὰ ἀπέχω ἀπὸ τὸν οἶκον αὐτῶν σταδίους ἐβδομήκοντα πέντε. Τότε λέγουν οἱ ἅγιοι πρὸς τὴν μιανὰν Γυλοῦν· Λέγε μιανὰ τὰ παμμιανὰ σου ὀνόματα, πρὶν κακῶς σε θανατώσωμεν. Ἡ δὲ ἤρξατο λέγειν αὐτά· Τὸ πρῶτον μου ὄνομα καλεῖται Γυλοῦ. Τὸ δεῦτερον Μωρρά. Τὸ τρίτον Βυζοῦ. Τὸ τέταρτον Μαρμαροῦ. Τὸ πέμπτον Πετασία. Τὸ ἕκτον Πελαγία, τὸ ἑβδόμον Βορδόνα. Τὸ ὄγδοον Ἀπλετοῦ, τὸ ἔννατον Χαμοδράκαινα, τὸ δέκατον Ἀναβαρδαλαία, τὸ ἐνδέκατον Ψυχρανωσπάστρια, τὸ δωδέκατον Παιδοπνίκτη, τὸ ἡμισυ Στρίγλα. Ἄγιε Σισύνιε καὶ Συνιδῶρε βοηθήσατε τὸν δούλον τοῦ θεοῦ τὸν δεῖνα, καὶ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, καὶ τῶν τέκνων αὐτῶν, τῶν ἔχόντων τὸ φυλακτήριον τοῦτο. Καὶ δῆσατε, καὶ μολυβδώσατε πᾶν εἰδωλικόν, καὶ ἀέριον καὶ τὴν μιανὰν Γυλοῦν τοῦ μὴ ἔχειν δύναμιν μήτε ἰσχὺν τοῦ προσεγγύσαι εἰς τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος, καὶ ἀπὸ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, μήτε εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν, μήτε ἐν νυκτὶ, μήτε ἐν ἡμέρᾳ, μήτε ἐν ὥρᾳ μεσονυκτίου, μήτε ἐν μέσῃ ἡμέρᾳ. Ἄλλὰ νὰ ἀπέχει πᾶν πνεῦμα ἀκάθαρτον καὶ πᾶν εἰδωλικόν καὶ ἀέριον καὶ πᾶν κακόν καὶ ἡ μιανὰ Γυλοῦ ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου

τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος, καὶ ἀπὸ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, καὶ ἀπὸ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἀλλὰ νὰ ἀπέχῃσι στάδια ἐβδομήκοντα πέντε. Ἄγιε Πατάπιε, πάταξον πᾶν κακόν, καὶ δαιμονικόν μεσημβρινόν, καὶ μεσονυχτικόν, καὶ τὴν μιარὰν Γυλοῦν ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος, καὶ τῶν σὺν αὐτῷ, καὶ τῶν ἀναγινωσκόντων τὴν εὐχὴν ταύτην. Ἄγία Μαρίνα ὁ δῆσας καὶ πατάξας τὸν Βελζεβούλ, ὀησαι καὶ φίμωσαι καὶ πάταξαι πᾶν ἀέριον, καὶ δαίμονικόν καὶ τὴν μιარὰν Γυλοῦν ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ τῆς δεῖνος, καὶ τῶν τέκνων αὐτῶν. Ἄγιε Νικολάε θαυματουργέ βοήθησον. Ἄγιε Γεώργιε, ἄγιε Θεόδωρε Τύρων καὶ στρατηλάτα βοηθήσατε τῇ δούλῃ τοῦ θεοῦ τῇ δεῖνα, ἅμα συμβίου καὶ τῶν τέκνων αὐτῆς, καὶ πατάξατε καὶ ἀποδιώξατε καὶ δῆσατε καὶ μολυβδώσατε πᾶν δαιμονικόν καὶ πᾶν εἰδωλικόν καὶ ἀέριον καὶ πᾶν πνεῦμα πονηρόν ἀπὸ τὸν οἶκον τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνος καὶ ἀπὸ τὴν σύμβιον αὐτοῦ τὴν δεῖνα, ἀπὸ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἵνα αὐξηνθῶσιν ἐν τῷ παρόντι καιρῷ καὶ ἔσονται ἀνενόχλητοι ἀπὸ παντός κακοῦ, καὶ εἰδῶσιν υἱὸς τῶν υἱῶν, καὶ χαρήσεται αὐτῶν ἡ καρδία, καὶ δοξάσωσι τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

Εὐχὴ εἰς τὸν Κύριαν ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν. Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, Υἱὲ τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ ἐλθὼν εἰς τὸν κόσμον σῶσαι τὸ ἀνθρώπινον γένος ἐκ τοῦ διαβόλου τυραννίδος, εἰσάκουσόν μου τοῦ δούλου σου, δεομένου σου ὑπὲρ τοῦ δούλου σου τοῦ δεῖνος, ἅμα συμβίου αὐτοῦ καὶ ὑπὲρ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἵνα διὰ τῆς χάριτος καὶ πολλῆς σου εὐσπλαγχνίας ἐξαποστείλῃς ἄγγελον φωτεινόν φρουρεῖν καὶ σκέπειν τὰ τέκνα τοῦ δούλου σου τοῦ δεῖνος καὶ δεῖνος ἀπὸ παντός κακοῦ τοῦ πολεμοῦντος αὐτούς, καὶ σκέπασον αὐτούς ἐν τῇ σκέπῃ τῶν πτερυγῶν σου. Ἀποδιώξον ἐξ αὐτῶν πάντα ἐχθρόν, καὶ πολέμιον. Εἰρήνευσον αὐτῶν τὴν ζωὴν, Κύριε, καὶ δός αὐτοῖς, Κύριε, τὴν χάριν τοῦ ἐλέους σου, καὶ χάρισαι αὐτοῖς τὸν καρπὸν τῆς κοιλίας αὐτῶν, ὅπως ζήσωσιν καὶ γενήσωσιν μακρόβιοι. Φύλαξον αὐτούς, Κύριε, ἀπὸ παντός πονηροῦ καὶ ἀπὸ δαιμονίου μεσημβρινοῦ καὶ νυκτερινοῦ καὶ ἀπὸ πνευμάτων πονηρῶν, καὶ ἀπὸ τὴν μιარὰν Γυλοῦν, ἵνα μὴ, Κύριε, ἔχωσιν ἐξουσίαν ἢ ἰσχύιν τοῦ ἐλθεῖν ἐξ αὐτῶν τῶν

πονηρῶν πνευμάτων, καὶ ἀκαθάρτων, μήτε εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ τὸν δεῖνα, μήτε εἰς τὴν σύμβιον αὐτοῦ, μήτε εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν. Ὅτι τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον ἐπικαλοῦνται ἐν νυκτὶ καὶ ἡμέρα καὶ πρὸς σε καταφεύγουσιν οἱ δούλοι σου οὗτοι, Κύριε, καὶ παρακαλοῦν, καὶ δέονται τὴν εὐσπλαγχνίαν σου ὑπὲρ τῶν τέκνων αὐτῶν, ἵνα αὐξήσῃς αὐτὰ, καὶ ἰδῶσιν υἱὸς υἱῶν, καὶ δοξάσωσι τὸ πανάγιον ὄνομά σου. Ὅτι σὺ εἶ ὁ δοτὴρ καὶ τῶν καλῶν χορηγός, καὶ σοὶ τὴν δόξαν ἀναπέμπομεν τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι, νῦν καὶ αἰεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν. — Εὐχὴ εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον. Δέσποινα ἡ μήτηρ τοῦ Κυρίου μου, ἡ τὸν θεὸν λόγον κατὰ σάρκα γεννήσασα ἀσπόρως καὶ ὑπερφυῶς. Παρθένος καὶ ἔτεκες καὶ παρθένος ἔμεινας μηδὲν τῆς παρθενίας μολυνθείσης. Ἰκέτευσον οὖν, δέσποινά μου, τὸν Υἱόν σου καὶ θεὸν ὑπὲρ τῶν δούλων σου τούτων τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, ὅπως χαρήσῃται τὰ τέκνα αὐτῶν διὰ τῆς πρεσβείας σου. Πολλὰ γὰρ ἰσχύει δέσις μητρὸς πρὸς εὐμένειαν δεσπότητος. Δέσμαι οὖν, δέσποινά μου, τὴν σὴν ὀξυτάτην βοήθειαν, ἵνα αὐξηθῶσι τὰ τέκνα τῶν δούλων σου τούτων τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, ἵνα ζήσωσι καὶ εὐαρεστήσωσιν ἐνώπιον Κυρίου πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐτῶν. Ναι, δέσποινά μου, ἐπάκουσόν μου τοῦ ἁμαρτωλοῦ καὶ ἀναξίου δούλου σου, εἰ καὶ ἁμαρτωλὸς τυγχάνω· μὴ μου παρίδῃς τὴν δέσιν ταύτην τὴν οἰκτρὰν καὶ πενιχράν, καὶ φύλαξον τὰ τέκνα τῶν δούλων σου ἵνα ζήσωνται, καὶ ἐξαπόστειλον ἄγγελον φωτεινὸν ἐπ' αὐτοὺς τοῦ φρουρεῖν καὶ φυλάττειν αὐτοὺς ἀπὸ παντός κακοῦ, καὶ ἀπὸ πνευμάτων πονηρῶν, καὶ ἀπὸ τὰ ἐν ἀέρι καὶ ἀφανῇ εἰδῶλα, καὶ ἀπὸ τὴν μιανὰν Γυλοῦν, ἵνα μὴ ἐπιρεάζει αὐτοὺς εἰς τὰ τέκνα αὐτῶν. Καὶ δός, Κυρία μου, δέσποινά μου, ὑπεραγία μου θεοτόκε, τὴν χάριν σου καὶ τὸ ἔλεός σου, ἵνα ζήσωνται τὰ τέκνα τῶν δούλων σου τούτων, ὅπως ἰδῶσιν υἱὸς υἱῶν, καὶ εὐφρανθήσεται αὐτῶν ἡ καρδία, καὶ δοξάσωσι τὸ πανάγιον καὶ ὑπερευλογημένον ὄνομά σου, δέσποινά μου. Ὅτι εὐλογημένη ὑπάρχεις ἐν πάσαις ταῖς γενεαῖς, καὶ μεγαλύνεται σου τὸ ὄνομα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

РАЗЫСКАНИЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

VII.

РУМЫНСКІЯ, СЛАВЯНСКІЯ И ГРЕЧЕСКІЯ КОЛЯДЫ.

Древняя церковь преслѣдовала христіанъ, продолжавшихъ справлять языческій праздникъ генварскихъ календъ, Καλανδῶν ἐορτή, festum Calendarum, веселыми играми, ряженіемъ, между прочимъ — въ звѣриный образъ, и пѣснями — «пѣснями календъ», которыя ревнителямъ христіанства должны были представляться бѣсовскими. 62-й канонъ трулльскаго собора, направленный противъ остатковъ языческихъ празднествъ, указываетъ въ общихъ чертахъ на матеріалъ греко-римскихъ вѣрованій, не разъ вызывавшій нареканія какъ восточной, такъ и западной церкви.

•Τὰς οὕτω λεγόμενας Καλάνδας καὶ τὰ λεγόμενα Βοτὰ καὶ τὰ καλούμενα Βρουμάλια καὶ τὴν ἐν τῇ πρώτῃ τοῦ Μαρτίου μηνὸς ἡμέρα ἐπιτελουμένην πανήγυριν, καθάπαξ ἐκ τῆς τῶν πιστῶν πολιτείας περιαιρεθῆναι βουλόμεθα. Ἀλλὰ μὴν καὶ τὰς τῶν γυναιῶν δημοσίας ὀρχήσεις καὶ ἀσέμνους καὶ πολλὴν λύμην καὶ βλάβην ἐμποιεῖν δυναμένης, ἐτι μὴν καὶ τὰς ὀνόματι τῶν παρ' Ἑλλῆσι ψευδῶς ὀνομασθέντων θεῶν, ἢ ἐξ ἀνδρῶν ἢ γυναικῶν γινομένης ὀρχήσεις καὶ τελετὰς κατὰ τι ἔθος παλαιὸν καὶ ἀλλότριον τοῦ τῶν χριστιανῶν βίου, ἀποπεμπόμεθα ὀρίζοντες μηδένα ἄνδρα γυναικεῖαν

στολήν ἐνδιόυσκεσθαι, ἢ γυναῖκα τὴν ἀνδράσιν ἀρμόδιον. Ἄλλὰ μήτε προσωπεῖα κωμικά ἢ σατυρικά ἢ τραγικά ὑποδύεσθαι, μήτε τὸ τοῦ βδελυκτοῦ Διωνύσου ὄνομα, τὴν σταφυλὴν ἐκθλίβοντας ἐν ταῖς ληνοῖς, ἐπιβοᾶν μηδὲ τὸν οἶνον ἐν τοῖς πίθοις ἐπιχέοντας γέλωτα ἐπικινεῖν, ἀγνοίας τρόπῳ ἢ ματαιότητι τὰ τῆς δαιμονιώδους πλάνης ἐνεργοῦντας. Τοὺς οὖν τοῦ νῦν τι τῶν προειρημένων ἐπιτελεῖν ἐγγειροῦντας, ἐν γνώσει καθισταμένους, τούτους εἰ μὲν κληρικοὶ εἶεν, καθαιρεῖσθαι προστάσσομεν, εἰ δὲ λαϊκοί, ἀφορίζεσθαι»¹⁾. — Славянская Кормчая по списку 1282 года передаетъ запретъ комическихъ, сатирскихъ и трагическихъ масокъ такимъ образомъ: «ни въ ωбличыа иγрьць и ликъственикъ или къзлогласованию (вариантъ: въ козьлогласованиа) ходити»; Зонарино толкованіе этого канона, воспринятое въ тексты кормчей, поясняетъ (по списку 1282 г.): «Καλανδια соуть первѣи въ комъждо мѣи дѣнь, въ нихъ-же ωбычаи бѣ κλιномъ творити жертвы; и Вота же і κвроумалиа κλιньстин бѣаху праздьници: Вроумъ бо порекло κсть Діωнисово»²⁾; потому св. отцы «не повелѣвають моужемъ облачатиса въ женьскыя ризы, ни женамъ въ моужьскыя, κже творать на праздьники Діωнисовы плашюще, ни лицъ же косматыхъ възлагати на са, ни козлихъ, ни сатоурьскыхъ, косматыа лица оубо соуть на пороуганиκ нѣкимъ оухыщрена, козлыа же κко жалостына и на плачь подвизающе, сатоурьскыа же Дионисовъ праздиκъ твораще бѣахоу»³⁾.

¹⁾ Сл. передачу (сокращенную) этого канона въ славянскомъ переводѣ Пандектъ Никола Черногорца, у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Заимѣтки, № LV р. 267.

²⁾ О Врумѣ сл. Athen. IV, 137 a, b; XI, 465; Tzetzes: Βροῦμος γάρ παρ' αὐτοῖς ο Διόνυσος (о Римлянахъ); въ житіи св. Стефана Никомидійскаго: Διόνυσον καὶ Βροῦμον. Сл. Tomaschek, Ueber Brumalia und Rosalia, въ Sitzungsberichte der philos. hist. Cl. der kais. Ak. der Wiss. Wien, LX V. (1868) Heft 1—III р. 361, 363.

³⁾ Сл. Буслаевъ, Истор. Христом. стр. 382—3; Jagić, Opisi i izvodi II, р. 147—149. Сл. Срезневскій, Свѣдѣнія и Заимѣтки № XLIV, стр. 67: 1280-хъ годовъ.

Мѣсто, отведенное Каландамъ въ обличеніи Трульскаго собора, указываетъ на особое значеніе, какое получилъ этотъ праздникъ въ исходѣ VI-го столѣтія. Хронологически, въ порядкѣ года, имъ предшествовали Врумаліи, открывая собою цѣлый праздничный циклъ, завершавшійся Каландами.

Врумаліи (въ кормчей 1282 г.: шестыкы), первоначально празднество въ честь Фракійскаго Діониса, осложнившееся на почвѣ Фракіи празднованіемъ vindemia или bruma, внесеннымъ римскими колонистами, приурочивались къ 24-го Ноября, которымъ открывалась зима, пора самыхъ короткихъ дней въ году. Популярныя особливо въ восточной части римской имперіи, въ областяхъ фракійско-македонскихъ, онѣ развились въ византійской имперіи въ особый циклъ, обнимавшій время отъ *24-го Ноября по 17 Декабря*, по числу буквъ греческаго алфавита ¹⁾).

Обличенія Трульскаго собора, воспріятыя нашей Кормчей, настоятельно говорятъ объ обрядности Діонисовскихъ празднествъ, отождествленныхъ съ Врумаліями и удержавшихся въ христіанскую пору. На нихъ намекаетъ и обычай женщинъ рядиться муштинами, муштинъ — облекаться въ женское платье; и упоминаніе масокъ: иоифаллы Діониса, вооруженные фигурными либо кожаными фаллами, окрашивали себѣ лицо отстоемъ вина либо сокомъ шелковичнаго плода и растворомъ кровавика, или покрывались личинами, въ отличіе отъ фаллофоровъ, также снабженныхъ характернымъ символомъ фаллуса, но не замаскированныхъ, а чернившихъ лицо сажей, либо драпировавшихъ его травою, тогда какъ другіе участники празднества бѣлили его или накидывали на него кусокъ полотна. Упоминаніе плясокъ и призываніе имени Діониса при «точилахъ» напоминаетъ діонисовскія празднества, полныя распущеннаго веселья, ряженія, неистовыхъ плясокъ, воспроизводившихъ мимически различныя акты при сборѣ винограда и изготовленіи вина ²⁾).

¹⁾ См. Tomaschek, l. c. p. 358 и слѣд.

²⁾ Édelestand Du Ménil, Histoire de la comédie p. 93, 239—40, 245—6, 248—9, 251, 253—4.

Къ Врумаліямъ, какъ онѣ установились въ Византіи (съ 24-го Ноября по 17 Декабря), примыкали *Сатурналии* и *Опалии*, въ честь Сатурна и его супруги Ops, считавшихся «*tam frugum quam fructuum repertores*» (Macrobi. I, 10, 19). Во время республики празднованіе Сатурналіи продолжалось семь дней, *отъ 17 по 23 Декабря*, и сопровождалось рядомъ обрядовъ, отзывающихся и въ святочномъ культѣ современныхъ европейскихъ народовъ: гладіаторскими играми, охотами въ циркѣ (venationes et quae vocantur munera Saturno attribuitae sunt, Lactant. Inst. 6, 20, 35), закаланиемъ поросенка (porcus):

Iste tibi faciat bona Saturnalia porcus,
Inter spumantes ilice pastus apros (Martialis 14, 70);

Cras Genium mero
Curabis et porco trimestri,
Cum famulis operum solutis (Horat. od. 3, 17, 14),

взаимными угощеніями, подарками, играми, въ числѣ которыхъ обратимъ вниманіе хотя бы на дѣтскую: игру въ цари. «Ἐν Σατουρναλίαις λέλογγε βασιλεύς ἔδοξε γὰρ παιζαὶ ταύτην τὴν παιδίαν προστάσει, Σὺ πίε, Σὺ κέρασον, Σὺ ἄσον, Σὺ ἀπελθε, Σὺ ἐλθέ» (Argian. diss. Epict. 1, 25; сл. Tac. Ann. 13, 15 и Lucian. Saturn. 3). Обычай выбирать себѣ для потѣхи судей и начальниковъ, подчиняясь ихъ смѣшнымъ приказаніямъ, поминается въ числѣ календныхъ генварскихъ; это — мотивъ для цѣлаго ряда святочныхъ забавъ, извѣстныхъ на западѣ: укажу на Roi de la fève, на англ. king of Christmas, на старо-французскую игру «as roys et as roines» или «à Saint Coisne», о которой говоритъ въ XIII вѣкѣ Adans de la Halle и упоминаетъ Раблэ (à saint Cosme)¹⁾. Ворстерскій соборъ

¹⁾ Сл. Strutt, The sports and pastimes of the people of England, стр. 343—4; Ducange Gloss. med. et inf. lat.: Ludus de rege et regina. — Въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды II: Берта,

осуждаеть её за одно съ игрой въ кости: *nec ludant ad aleas vel taxillos, nec sustineant ludos fieri de rege et regina*. Обычай играть въ кости въ первый день новаго года, засвидѣтельство-ванный Ливаніемъ, извѣстенъ въ римскихъ Сатурналіяхъ и, какъ преимущественно рождественскій, во Франціи, Англіи и Сици-ліи ¹⁾).

За Сатурналіями слѣдовали *Воты*. Въ пору республики Рим-ляне приносили 1-го Генваря жертвы и *votum pro reipublicae salute*; къ этому дню относился при императорахъ и обычай *strenae*, т. е. подарковъ императорамъ, тогда какъ *votum punctionatio, vota publica* являются приуроченными къ 3-му Генваря ²⁾).

Кормчая 1282 года, перевода «воты» каноническаго правила словомъ *паствы*, имѣеть въ виду нестолько каппадокійскія *симозіи*, справлявшіяся въ недѣлю Богоявленія, сколько визан-тійскія *клиторіи*: угощенія народа въ царскомъ дворцѣ, во время *каландъ*, завершавшіяся 5-го Января такъ называемымъ жат-веннымъ или Готскимъ пиромъ (*Γρουητικόν, Готѣхόν δειπνον*), сопровождавшимся воинственной пляской ряженыхъ — Готовъ, остаткомъ вакхической обрядности Линовъ, напоминающимъ такія-же святочныя пляски современной Англіи ³⁾).

Празднество *генварскихъ Каландъ*, продолжавшееся въ IV в. съ 1-го по 5-е Генваря, было, по словамъ Ливанія, обще всему

Анастасія и Пятница, II Сивилла-Самовила и т. д., въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, Февраль, стр. 273—4 прим. 4, я считалъ возможнымъ ограничиться при объясненіи этого обычая однимъ лишь моментомъ христіанскихъ воспоминаній.

¹⁾ Lecoq de la Marche, *La chaire française au moyen âge* p. 338; Strutt, l. c. p. LIII, LX прим.; Pitre, *Biblioteca delle tradizioni popol. siciliane*, v. XII, p. 441.

²⁾ Сл. Marquardt, *Römische Staatsverwaltung*, III В. стр. 562—4 (о Сатурналіяхъ и Опаліяхъ), 255—257 (о Вотяхъ).

³⁾ Σάβα, Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντινῶν. (1879) стр. 77—82, 189—191, 15; Éd. Du Ménil l. c. 88.

греко-римскому міру: *Ταύτην τὴν ἑορτὴν εὐροὶ τ' ἄν, ὧ νέοι, τεταμένην ἐφ' ἅπαν ὅσον ἢ Ῥωμαίων ἀρχὴ τέταται* ¹⁾. Это былъ праздникъ общей радости, братавшей сословія, возрасты и положенія; столованье и особливо попойки были въ разгарѣ, даже у бѣдняка оказывались въ тѣ дни лакомые куски на столѣ. Думали, что если весело и привольно проведутъ начало года, то и годъ будетъ таковъ-же; Іоаннъ Златоустъ возставалъ противъ этого суевѣрнаго блюденія дня и элемента гаданія ²⁾. Въ ночь на 1-е Генваря веселая толпа бродила по улицамъ, съ пѣснями и плясомъ, свистомъ и гамомъ, стучась въ дома и будя хозяевъ шутками и насмѣшками. Рядились, дарили другъ друга, сыпали деньгами и попрошайничали: дѣти ходили изъ дома въ домъ, поднося хозяину яблоко, утыканное серебряными монетами, за которые получали вдвойнѣ ³⁾; назойливо побирались толпы кудесниковъ и скомороховъ — какъ будто девизомъ праздника было: Дай и возьми ⁴⁾.

Вліяніемъ христіанства объясняется, почему при Юстиніанѣ празднованіе генварскихъ Календъ распространено было на двѣнадцатидневный святочный циклъ, отъ Рождества по Крещеніе ⁵⁾. Смѣшанные съ обрядностью сосѣднихъ Врумалій и Вотъ, онѣ удержались въ народномъ обиходѣ до XIII-го столѣтія, когда уступили часть своей славы, свое веселье и ряже-

¹⁾ Libanii Sophistae Orationes et declamationes ed. Reiske I p. 257 (εις τὰς κλάνας); сл. IV, стр. 257—260 (*Ἐμφρασις κλαναδῶν*) и Астерія Λόγος κατηγορικὸς τῆς ἑορτῆς τῶν Καλαναδῶν, у Migne, Patrol. graecae t. XL p. 216 и слѣд. См. общую характеристику Каландъ у Саеы I. с. 70 и слѣд. и Tomaschek. I. с. p. 366—7.

²⁾ См. Λόγος ἐν ταῖς κλάναδαις у Migne, Patrol. graecae t. XLVIII p. 954—5.

³⁾ Asterius ib. f. 220.

⁴⁾ Eustathii Thessolonicensis epistolae 7, у Migne, Patrologiae graecae t. CXXXVI p. 1257.

⁵⁾ Σάθχ I. с. 77.

ныхъ — Масляницѣ (Ἀπόκριες) ¹⁾. Это перенесеніе слѣдуетъ имѣть въ виду при объясненіи обрядовъ, сопровождающихъ то и другое празднество.

I.

Языческій элементъ колядь.

Обличенія древней церкви, направленныя противъ Календъ, имѣли въ виду греко-римскій фондъ вѣрованій, нашедшій въ нихъ выраженіе; но онѣ оставались въ силѣ всюду, гдѣ существованіе аналогической обрядности вызывало подобный-же протестъ. Оттого обличенія такъ часто повторяютъ другъ друга. Но откуда эта аналогичность обряда, замѣчательное сходство, представляемое святочными обычаями современныхъ европейскихъ народовъ? Многое можно объяснить — единствомъ натуралистическихъ представленій, легшихъ въ ихъ основу; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ общемъ есть частности и совпаденія, невольно вызывающія вопросъ — о возможности одного древняго культурнаго вліянія, распространившагося разновременно и оставившаго слѣды въ очертаніяхъ новаго обряда. Классическій орнаментъ на скандинавскихъ подѣлкахъ древняго желѣзнаго періода указываетъ на воздѣйствіе греческихъ колоній въ Скиіи; Римляне заходили въ Скандинавію, что засвидѣтельствовано недавно открытыми могилами и т. п. — Я ставлю только — возможность вопроса, котораго коснусь дагѣ лишь эпизодически.

Языческому чествованію новолѣтія церковь противопоставила свой собственный праздничный циклъ, рождественскій (съ 24 Декабря по 6 Января), языческимъ воспоминаніямъ — христіанскія, древнимъ маскамъ и играмъ — хожденіе со звѣздой и ца-

¹⁾ I. с. 84—5.

рями волхвами. Самое названіе *календы* было перенесено съ языческаго праздновація на Рождество (болг. *колада*, *комада*, *коледа*, *коленде*; нар. франц. *tsalenda*, *chalendes*, *charandes*, прованс. *calendas*; сл. *chalendal*, *caligneau* = серб. бадьяк, болг. бждникъ) или его навечеріе (новогреч. τὰ χόλιαυτα; бѣлорусск. *коляды*, мѣрс. *колядь*); въ Сициліи *carènnuli di Natali* означаетъ двѣнадцать дней, предшествующихъ Рождеству, по которымъ гадаютъ о погодѣ, какая будетъ въ каждомъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ слѣдующаго года; отсюда поговорка: *Li dudici misi di l'annu si cumincianu di li dudici jorna prima di Natali*. — Согласно съ этимъ пѣсни *calendatum или *calendae* стали означать не только пѣсни на новый годъ (новогреч. τὰ κάλαντα; καλαντιζω = *dare il buon caro d'anno*), но чаще рождественскія или святочныя вообще: таково значеніе малорус. *колядка*, вѣрусс. *колядская пѣсня*; чешск. словац. *koleda*, словинск. *kolednica*, *coleda*; сербск. *koleda*, *kolenda*; румынск. *colinda*. Албанское *kolëndrë* означаетъ Рождество и круглый пирогъ, который печется наканунѣ Рождества; вскорѣ по полуночи толпы дѣтей, въ 10—15 человѣкъ, ходятъ по домамъ, и хозяйки одѣляютъ ихъ колендрой. — Въ Болгаріи эти хлѣбы зовутся *колендары*; въ новогреч. χόλλαντον — круглый хлѣбъ, который подають дѣтямъ, ходящимъ наканунѣ Рождества изъ дома въ домъ и стучащимъ въ ворота съ пригѣвомъ: Христось родился! Сл. нар. франц. *chalendar*, *charendar*: provision de pain que l'on cuit pour un an vers Noël; «on fait aussi la veille de Noël un gros pain qu'on appelle *le pain de Calende*, on le fait le plus blanc que l'on peut et fort gros. On en coupe un petit morceau sur lequel on fait trois ou quatre croix avec un couteau. On le garde pour guérir plusieurs maux, et le reste on le réserve pour le jour des Rois, auquel jour on le partage dans la famille comme on fait ailleurs le gâteau des Rois». Я полагаю, противъ Littré, что такова должна быть и этимологія франц. *chaland*: «se disoit d'une sorte de pain, assez blanc et très massif»; «pain chaland: ce pain étoit ainsi nommé, parcequ'il étoit le pain ordinaire des

chalands d'un boulanger» ¹⁾. Schuchardt ²⁾ относитъ сюда-же исп. *aguinaldo*, *aguilando*: *étrennes*, собственно: *calendae*.

Старое и новое празднество стали рядомъ другъ съ другомъ, ие безъ взаимнаго вліянія въ обѣ стороны: элементъ гаданія и пожеланій, ряженья и подачекъ (сл. лит. *kalēda* = *aumōne*, *calendes*; мадыарское *koleda* = *collecte*; ит. *calendare* = *ricercare*, *ascattare*, можетъ быть, отъ *calendari, не отъ *quaerendo*) объясняются въ чертѣ языческой обрядности; пѣсни о плугѣ ³⁾, первоначально ей принадлежавшія, встрѣчаются въ числѣ маю-русскихъ рождественскихъ колядокъ, какъ, наоборотъ, христіанскіе сюжеты послѣднихъ (крещеніе; святые гости; хожденіе Богородицы и т. п.) проникли въ щедрівки, т. е. въ пѣсни, приуроченныя къ чествованію языческаго новолѣтія, вмѣстѣ съ именами христіанскихъ святыхъ: свв. Василія (1-го Генваря) и Меланія (31 Декабря) ⁴⁾.

Не смотря на эти признаки смѣшенія, оно осталось, относительно, внѣшнимъ, въ нынѣшнемъ святочномъ циклѣ еще выдѣляются пѣсни и обряды съ слѣдами языческаго празднованія

¹⁾ Сл. Miklosich, *Die Fremdwörter in den Slavischen Sprachen* 27; *ero-je: Die christliche Terminologie der Slavischen Sprachen* 22; Cihac, *Dict. d'étymologie daco-romane. Éléments Slaves etc.* p. 69—70, a. v. *Colindă*; Hahn, *Albanesische Studien* I p. 154; *Romania* VIII p. 468; *Mélusine* № 22 p. 536; Sabatini, *Le costumanze del Natale* p. 18, прим. 33 (ссылка на: D'Albano, *Phylactères ou préservatifs contre les maladies, le malefice etc.*); Pitrè, *l. c.* p. 458—9; Littré, *Dict. de la langue française* a. v. *chaland*.

²⁾ *Romania* № 14 p. 253.

³⁾ Сл. Чубинскій, *Народный Дневникъ, Колядки* №№ 50, 76, 116, 161; Головацкій, *Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси* II № 20 (стр. 14), 21 (стр. 15), 23 (стр. 16—17), 24 (стр. 17); № 11 (стр. 8); *ib.* IV № 16 (стр. 12—14), №№ 19—21 (стр. 16—17); № 3 (стр. 111); № 4 (стр. 117).

⁴⁾ Въ щедрівкѣ у Терещенко, *Быть русскаго народа* VII p. 83 (Маланка ходыла) христіанская основа ясна. Сл. *ibid.* стр. 82 (Васильева хаты).

новогѣтія, съ его идеями плодородія, надеждами на жатву и бойкимъ весельемъ ряженныхъ. Различаются еще кое-гдѣ и самые исполнители обряда, смотря по его языческимъ или христіанскимъ источникамъ. Такъ въ *Боларіи* ходятъ подъ Рождество, славя Христа, *коледари*, подъ новыи годъ *василичари*; въ *Малороссіи* *щедрують* преимущественно дѣти, рѣдко молодья женщины и парни ¹⁾, о колядованіи-же сообщается между прочимъ слѣдующее: «Члены младшаго братства колядуютъ особеннымъ образомъ. Они идутъ сначала къ священнику, поютъ колядную пѣснь и записываются здѣсь внести въ пользу церкви небольшую сумму независимо отъ того, что будетъ «выколядовано». Испросивъ у священника благословеніе, берутъ у старосты церковный колокольчикъ и съ этимъ колокольчикомъ, нерѣдко вмѣстѣ со старостой, идутъ колядовать и выколядованное или отдаютъ въ пользу церкви, или покупаютъ воскъ и дѣлаютъ большую братскую свѣчу, которая зажигается во всѣ праздничные дни, при каждомъ богослуженіи» ²⁾. Подобное распредѣленіе замѣчается и относительно *Румыніи*: румынскіе *колядовщици*, т. е. тѣ, что поютъ собственно рождественскія колядки, люди отъ 18-го до 45-ти лѣтняго возраста, юноши и отцы семейства; въ теченіи всего поста они заняты были разучиваніемъ текста и напѣвовъ колядокъ, которыя поются на тотъ или другой гласъ псалтыря. Обыкновенно они ходятъ вчетверомъ, двое поютъ два стиха съ ихъ обычнымъ припѣвомъ (*Leg-oï-Leo* и т. п., *Florile dalbe*), а слѣдующіе два подхватываютъ два другіе и т. д. — На *новый годъ* составъ пѣвцовъ иной: это дѣти и юноши, отъ 7 до 20 лѣтъ; славятъ двояко: либо ходятъ съ плугомъ, либо поютъ колядки (съ плугомъ либо безъ него) ³⁾.

¹⁾ Чубинскій, I. с. р. 438; Терещенко, I. с. VII р. 81.

²⁾ Чубинскій, I. с. р. 265; сл. Аеанасьева, Поэт. возрѣнія III, 752; Петровъ, О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1871, Сентябрь, стр. 596—7.

³⁾ Teodor escu, Notiuni despre colindele române, p. 32—3, 37, 68, 94.

Такимъ образомъ христіанскія колядки внѣшнимъ образомъ выделяются изъ общаго состава святочнаго обряда: онѣ пріютились подъ сѣнь церкви, взявшей подъ свой покровъ и рождественскую мистерію; поются въ Румыніи на ладъ священныхъ пѣсень, въ Малороссіи — членами церковныхъ братствъ; это напоминаетъ мнѣ колядныя общества средневѣковой Европы (Calendae, Calandsgilden, Fratres Calendarum), отчасти отвѣчающія древне-русскимъ братчинамъ.

Христіанскими колядками мы займемся впослѣдствіи; пока обратимся къ тому матеріалу святочнаго обряда и поэзіи, который позволено отнести къ до-христіанскимъ основамъ вѣрованія. Мы остановимся лишь на одной группѣ обычаевъ *аграрнаго* характера.

Въ *Великороссіи* подъ новый годъ толпа молодежи ходитъ подъ окнами и поетъ *усень* (авсень, овсень, говсень, бодцень, баусень, баусимъ; тусень, туасень, таусень, таусинь, тыдзень, титусень; послѣднія формы имени, вѣроятно, образовались изъ пѣсеннаго припѣва: да-ту-усень), и, какъ о Рождествѣ, выпрашиваетъ подачекъ ¹⁾. Этимологическихъ объясненій названію авсень, ъсень и т. д. предложено было нѣсколько: одна изъ старыхъ (овсень отъ овесъ; вѣрнѣе, быть можетъ, отъ корня *съ*: сѣять; сл. причастіе сѣнь — и усень) опиралась на обычай, распространенномъ какъ въ Великороссіи, такъ и между южными славянами: дѣти поселянъ ходятъ обществами *сѣять* изъ рукава или мѣшка зерна овса, гречихи, ржи, кукурузы и другихъ хлѣбовъ ²⁾.

¹⁾ Селивановъ, Годъ русскаго селянина (Русск. Бес. 1856, II р. 118); Калининскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Русь, въ Зап. Имп. русск. географ. Общ. по отд. этнографіи, т. VII, стр. 349.—Великорусскія пѣсни на новый годъ см. у Шейна, Русск. нар. пѣсни стр. 368—71. Сл. Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники II, стр. 111—113; Терещенко I. с. VII, стр. 111 слѣд.

²⁾ Снегиревъ II, 103; Сахаровъ, Сказанія русскаго народа II, VII, 2, 3; Терещенко VII, 23—26, 108—10; Петрушевичъ, Обще-

Судя потому, что въ грамотѣ 1649 года усень упоминается рядомъ съ колядой въ новечеріе Рождества, а наканунѣ Богоявленія обычай «кликать плугу»¹⁾, можно заключить о сходствѣ великорусской обрядности съ сообщаемой далѣе малорусской и румынской, только что въ первомъ случаѣ она распредѣлилась по крайнимъ срокамъ святочного цикла²⁾. — *Свиное мясо, свиная голова* либо печенье въ образѣ свиньи составляетъ необходимую принадлежность Васильева вечера и Рождественскихъ святокъ не только у Русскихъ, но и у Болгаръ, Сербовъ и Румынъ, въ Сициліи и Англіи, Германіи и скандинавскихъ земляхъ³⁾. «Свинку да боровка выдай для Васильева вечерка», говорятъ подъ окнами русскіе крестьяне, совершающіе праздничное обхожденіе Авсенья; у людей зажиточныхъ пѣлюю недѣлю отъ Рождества до Новаго года стоять на столѣ свиная голова; въ Орловской губерніи на новый годъ готовятъ жаренаго поросенка и называютъ его «Кесарецкимъ», т. е. кесарійскимъ, по имени Василя Кесарійскаго, давшаго свое имя первому дню новаго года: русск. Васильевъ день, сербск. Васиљив дан, Васиљица, болг. Васиљица, румынск. sfântul Vasilie. Съ кесарецкимъ поросенкомъ

русскій дневникъ стр. 22—3, 90; Аванасьева, I. с. III, 744—6; Даль, а. в. Авсень. Сл. Караѣић, Сербск. нар. рјечн. а. в. полажајинь; Головацкій, Нар. пјесни Галицк. и Угорской Руси IV, стр. 150—1; Sborn. slav. nar. pjesni, vydáva Matica slovenská, I, 173.

¹⁾ Сахаровъ, I. с. II, VII, стр. 99 а.

²⁾ Калайдовичъ упоминаетъ праздникъ *раляца*, справлявшійся въ *Рождество* и Воскресеніе Христова, который онъ склоненъ произвести отъ *рала*. Сл. Записки важныя и мелочныя К. Ф. Калайдовича, въ Лѣт. русск. лит. и древн. III, Матеріалы стр. 96.

³⁾ Grimm, Deutsche Mythologie 4-e Ausg. 41—2, 176—8, 1036; Аванасьева, Поэт. возвр. I стр. 778—81; Терещенко I. с. VII стр. 4, 6—7, 101; Калининъ, I. с. стр. 350; Каравеловъ, Пам. Народн. быта болгаръ стр. 276; Teodorescu, Incercaři critice asupra unor credințe, datine și moravuri ale romanilor (1874 г.), стр. 19; Pitrè, I. с. р. 444 прим.

я сближаю румынское *Vassilca*: такъ называется свиная голова, которую ставятъ на блюдо и, окрывъ полотенцемъ и украсивъ лентами и бусами, носить съ пѣснями. *Vassilca*, можетъ быть, *васильевскій*? ¹⁾ Сл. серб. *васильца* = колач што се по обычаю мѣсяи на мали Божій.

Всѣ эти обряды отвѣчаютъ жертвоприношенію свиньи въ римскомъ обиходѣ Сатурналіи. Сатурнъ — богъ плодородія (*Saturnus* отъ *sa* = *segerere*: сл. Авсень), благословеній мира (*Saturnia regna*); ему «*venationes*» (т. е. охоты въ циркѣ). . . . *attribuitae sunt*. Если *Grimm* ²⁾ сравниваетъ Фрейра, пришлаго (*Vanr*) бога сѣверной мѣологии, съ *Liber*'омъ = Діонисомъ, то еще ближе его связь съ Сатурномъ: къ *Freyr*'у, т. е. господину, *хѣриос*, взываютъ о плодородіи и мирѣ, онъ — богъ охоты (?) ³⁾; ему приносятъ въ жертву наканунѣ Рождества вепря, *sonag-göltr* ⁴⁾. Изъ жертвеннаго, посвященнаго богу животнаго выработался его атрибутъ: вепрь съ золотой щетиной (*Gullinbursti*) везетъ его колесницу; тоже въ повѣрьи Гельдерна, гдѣ въ ночь на Рождество ходитъ Дитрихъ съ кабаномъ (*Derk met den beer*) ⁵⁾. — Подобный-же переходъ въ русскомъ суевѣрїи: жертвенный поросенокъ колѣтся на новый годъ, на день св. Василя; отсюда св. Василій — покровитель свиней (сл. на западѣ св. Антонія, 17 Января); далѣе, можно было представить себя Авсенья (олицетвореніе новаго года, какъ и св. Василій) приѣзжающимъ на сивенькой свинкѣ. Я принимаю обычное у русскихъ изслѣдователей (Аванасьевъ, О. Миллеръ) толкованіе авсе-

¹⁾ Pontbriant, *Dict. româno-francesu*, а. v. *vassilca* — безъ обозначенія, къ какому обрядовому акту относится это пошеиіе свиной головы.

²⁾ I. с. 175.

³⁾ *Grimm*, I. с. 178.

⁴⁾ I. с. 41.

⁵⁾ I. с. 177.

невой пѣсни; собственно говоря, въ пѣснѣ у Терещенка (VII, 118) говорится:

Кому мостами ѣздити?
Таусень!
Молодцу удалцу.
Таусень!

Таусень = Авсень — припѣвъ, не обозначеніе лица. Сл. варьянтъ Шейна (I. с. стр. 369 — 70):

Кому по немъ ѣздить?
Таусень!
Василію ѣздить.
Таусень!

и колядку у Чубинскаго (I. с. № 88):

Да мости, мости все калинові....
А чимъ побивали? Все талярами....
А туда ишло да три святні,
Да три святні, да три роздвянні и т. д.

Остается пока неразъясненнымъ отношеніе великорусскаго Усенья, Авсенья къ латышскому Ushing ¹⁾, котораго свидѣтельства 1606 и 1613 гг. называютъ богомъ-покровителемъ коней; онъ сближается съ св. Георгіемъ, но также съ св. Мартиномъ, 15-го ноября, что относитъ насъ къ періоду Врумалій и къ древнему обычаю западной церкви начинать рождественскій постъ съ мартинова дня. Въ одномъ нѣмецкомъ заговорѣ на свиней ²⁾ говорится: *Iohannes videat illos, Martinus exрасcat*; латышская колядка заставляють его встрѣтиться съ св. Антоніемъ (Тенпес, 17 Генваря), патрономъ свиней, по имени котораго истрийскіе Румыны называютъ Генварь ³⁾.

¹⁾ О немъ см. статью Ahning, Wer ist Ushing? Ein Beitrag zur lettischen Mythologie, въ *Magazin hrsg. v. d. lettischen litter. Gesellschaft*. XVI B. 2. H. (Mitau, 1881).

²⁾ Grimm I. с. III p. 371 прим. къ стр. 1037.

³⁾ Miklosich, Rumunische Untersuchungen I, въ словарѣ.

Перейдемъ къ соответствующему святочному обиходу *Малоруссовъ* ¹⁾.

Наканунѣ новаго года крестьяне справляютъ «богатую кутью или «богатый вечеръ», называемый иначе щедрівкою или щедрухою (въ Бѣлоруссіи: быгатыя, товстыя, ласая, жирная коляда; сл. Mart. XI, 6: unctis falciferi senis diebus; также: огогуха) ²⁾, и поются особыя пѣсни, представляющія, за исключеніемъ сюжетовъ, воспринятыхъ отъ христіанскихъ колядокъ, свой особый стиль, опредѣленный древнею обрядностью, гаданіями о «щедромъ», «богатомъ» годѣ. Парни маскируются кто медвѣдемъ, кто бабой, кто Меланкой, какъ великорусскіе крестьяне о святкахъ — быкомъ, медвѣдемъ, волкомъ, лисицей, журавлемъ, бабой ягой, чортомъ и т. п. ³⁾. Колядованіе съ козой, отбываемое въ Бѣлоруссіи на новый годъ и — о масляницѣ, упоминается для Малороссіи въ числѣ рождественскихъ обычаевъ: козу дѣлаютъ изъ дерева а туловище покрываютъ шубой; ее поддерживаетъ скрытый подъ шубой мужикъ. Козу водятъ съ музыкой, подъ звуки которой она пляшетъ. Бѣлорусская святочная коза — парень въ кожухѣ на изнанку; голова прикрыта незатѣйливой маской съ приставленными коровьими рогами; съ ней вмѣстѣ ходятъ ряженые (стариками, цыганами, жидами, аистомъ); она пляшетъ, переминаясь съ ноги на ногу, подъ звуки скрипки и барабана и пѣніе пѣсни: Ого-го, коза, и т. д. ⁴⁾. — Съ ея причудливой маской мы еще встрѣтимся.

¹⁾ Чубинскій, I. с. въ отдѣлѣ щедрівокъ; Петровъ, I. с. стр. 597—9; Петрушевичъ, I. с. стр. 23. — Сл. Шейнъ, Бѣлорусскія нар. пѣсни, въ отдѣлѣ колядныхъ.

²⁾ Шейнъ, I. с. стр. 41, 59; Крачковскій, Бытъ западно-русскаго селянина стр. 170. — У Словаковъ щедрымъ вечеромъ зовутся кануны Рождества и Новаго года. См. Sbornik I, 165, 175.

³⁾ Этнограф. Сборникъ II 37, 229; Аван. П. В. II 718.

⁴⁾ Чубинскій, I. с. стр. 264—5; Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 448—451; Крачковскій, I. с. 170.

Къ ужину ставятся передъ хозяиномъ-малороссомъ пироги и кныши; дѣти, призванныя въ хату, должны спросить: «А дежъ нашъ батько»? — А хйба ви мене не бачите»? отвѣчаетъ отецъ изъ за кучи пиროговъ. Ні, не бачимо, тату»? — «Дай-же Боже, щобъ завше не бачили», т. е. чтобы всегда было такое изобиліе хлѣба, какъ въ этотъ вечеръ ¹⁾. — Пашутъ землю, какъ-бы приготавливая её для посѣва, причемъ пѣснями и тѣлодвиженіями представляютъ процессъ паханія. Наканунѣ Рождества кладутъ подъ столъ чересло плуга (либо на столъ рукоять плуга) ²⁾, а наканунѣ новаго года ходятъ по домамъ съ плугомъ. На идею и цѣль этого обрядоваго дѣйствія указываютъ щедрівки съ образами плуга и мольбою объ урожаѣ:

Шовъ Пля
 На Василя,
 Въ ёго пужечка
 Житяночка;
 Куди ёю махнуть,
 Тамъ жито ростеть.
 Зароди, Боже, жито, пшеницю,
 Всягу пашницю.

(Чубинскій I. с. Щедрівки № 16. Въ колядкѣ № 50, *ibid.* «житяная пужка» у самого Христа); или:

Гиля, гиля
 На Василя;
 А у Василя
 Житня пуга,
 Куда махне
 Жито пахне.

(Терещенко I. с. VII, 109, 110) и т. п.

¹⁾ Указанія на сходный герцеговинскій обрядъ и арконскій обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, см. у Леанасьева, I. с. III стр. 745—6.

²⁾ Сл. Терещенко, I. с. VII, 28. Сл. сходный словацкій обычай въ *Sbornik Slav. narodn. piesni* I, 166.

Сито, сито
 На нове лѣто!
 Зароди, Боже, жито, пшееницю,
 Усяку пашницю.

(Метлинскій стр. 344).

Въ чистомъ полі плужоѣ оре,
 А въ тимъ плужку штири воли коловні,
 А въ нихъ рога золоті;
 Святий Петро за плугомъ ходить,
 Святий Павло воли гонить,
 Пресвятая Дѣва істи носить,
 Істи носить, Бога просить:
 Уроди, Боже, жито, пшееницю,
 Всяку пашницю ....

(Чубинскій I. с. Щедрѣвки № 13). Сл. Шейнъ, Бѣлор. нар.
 лѣсни стр. 48—9, № 94 и Kolberg, Lud, sergя V, стр. 236—7,
 № 46: самъ Господь ходить за золотымъ плугомъ (Сл. Чубин-
 скій, I. с. № 15, и тамже колядку № 161):

Hej nam hej! a na onėj roli
 Złoty płużek stoi,
 A przy owym płużku
 Stery konie w cużku,
 Na naręcznym koniu
 Święty Szczepan siedzi,
 A święty Jan im koniki wodzi.
 A za onym płużkiem
 Sam pan Jezus chodzi,
 Najświętsza Panienska
 Sniadanko nosiła (bis),
 Scęścia im zyczyła:
 A dajże tu, Boże,
 Wselakie zboże и т. д.

По надъ дороги лежать облоги,
Тамъ горе плужокъ въ осьмеро-жъ конь

(Чубинскій, I. с. № 29 Б).

А тамъ Василько плужкомъ оре

(I. с. № 33; сл. Головацкій, I. с. IV, стр. 117, № 4; стр. 145, № 2).

Имя «Василько», рядомъ съ «Меланкой», можетъ быть, не случайное въ пѣснѣ на Васильевъ день ¹⁾).

Мимическое подражаніе паханію, которое мы встрѣтили въ обрядѣ щедраго вечера, разработано у *гаммикихъ Русиновъ* въ цѣлую игру, которая производится паробками въ день св. Меланіи, наканунѣ Васильева дня, даже въ самый день. Въ навечеріе новаго года сельскіе парни наряжаются дѣдомъ, цыганомъ или въ какой-нибудь странный нарядъ, и водятъ медвѣдя, козу, журавля, или тащатъ плугъ по хатамъ. Медвѣдя или козу представляютъ мальчики, также и журавля, вмѣсто-же плуга парни волочатъ старыя чепиги (заднюю часть плуга безъ желѣза), приговаривая разныя шутки и насмѣшки, приплясываютъ и поютъ пѣсни на Маланку; между переодѣтыми бываетъ и парень, нарядившійся дѣвушкой Меланкой (= св. Меланія). Случается, что парни вносятъ въ хату и самыя чепиги, показывая будто орютъ ниву и, приплясывая, сѣютъ хлѣбныя зерна ²⁾).

У *Румынъ* наканунѣ св. Василія мальчики и парни ходятъ по домамъ съ пожеланіемъ новаго года и пѣніемъ пѣсни, носящей характерное названіе: *Plugul, Plugusorul, Plugulet* = плугъ, плужокъ. Пѣніе сопровождается игрой на флейтѣ и звяканіемъ

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, у Головацкаго IV, стр. 549, № 1 (въ отдѣлѣ «Горданскихъ» пѣсенъ) выраженіе: «Гой, чепчики *Васильчички*, Охрестѣте сына мого». Содержаніе пѣсни нерѣдко встрѣчается въ колядкахъ; Васильчички указываютъ на болгарскихъ Васильчаровъ.

²⁾ Головацкій, I. с. III стр. 144—5.

желѣзь отъ сохи, либо звономъ колокольчика, хлопаньемъ бича и игрой на инструментѣ, прозванномъ «быкомъ»: *boi, buhaii, tougi*, и напоминающемъ такой-же рождественскій снарядъ чешскихъ ребятъ (*bukál, bukaš* = рум. *buhaii, бугай*), датскій, голландскій, сѣверно-нѣмецкій *Rummelpott*, сицилианскій *chiu-chiu*¹⁾. Онъ имѣеть форму бубна, сквозь кожу котораго продѣта толстая струна изъ конскаго волоса; вода ею взадъ и впередъ, въ вертикальномъ направленіи, производять треніе о кожу и звукъ, похожій на отдаленное мычаніе. — При этомъ тащуть либо настоящій плугъ, либо игрушечный, украшенный цвѣтами и разноцвѣтной бумагой.

«Плуговая пѣсня», распространенная въ варьянтахъ²⁾, открывается явленіемъ плуга:

Niі plugulū cu doi-spre-ce boi,
 In cōde codălbicē,
 In frunte străinei:
 Sē vē facă Dumnezeu parte de ei.
 Plecarămū într'ua sfinta Joi
 Cu plugulū cu doi-spre-ce boi
 La câmpū vērătū,
 Unde era bine de arătū,
 Si mândru de semēnatū³⁾.

¹⁾ Сл. Erben, *Prostonárodní české písně* стр. 38; Reinsberg-Düringsfeld у *Sabatini* I. c. p. 18—19, прим. 42.

²⁾ Сл. Alecsandri, *Poesiі populare ale românilor* 1867, стр. 101—104 и 187 слѣд.; Teodorescu, *Incercari* и т. д. 59—60.

³⁾ Teodorescu *Notiuni etc.* стр. 37—8; id. *Incercari*, p. 59, 61. Изъ первой брошюры заимствованы главнымъ образомъ слѣдующіе дагѣ тексты румынскихъ колядокъ, полное критическое изданіе которыхъ остается по прежнему желательнымъ. Сл. *Notiuni* p. 26. Колядками собранія *Marinescu* (несуществующаго болѣе въ продажѣ) я пользовался по извлеченіямъ у *Tocilescu*, *Poesia populară a românilorū* въ *Foia societății Românilorū* I (1870), и переводамъ у *Schuller'a*, *Kolinda* (*Hermannstadt*, 1860).

[«Ей, плугъ о двѣнадцати быкахъ, бѣлохвостыхъ, чудно-головыхъ! Да сдѣлаетъ васъ Господь причастными имъ! Шли мы въ одинъ святой четвергъ съ плугомъ о двѣнадцати быкахъ, по яровому полю, хорошо вспаханному, отлично засѣянному»].

Содержаніе пѣсни сопровождаетъ земледѣльца отъ перваго выѣзда въ поле съ плугомъ — къ пашнѣ, посѣву и жатвѣ, на мельницу и оттуда — въ домъ, гдѣ печется румяный святочный «колачъ». Это — годъ румынскаго земледѣльца, воспѣтый обрядовой пѣсней, какъ въ нормандской *gonde mimique*, извѣстной и въ Каталоніи и въ Италіи, не привязанной, какъ кажется, ни къ какому обрядовому акту:

Aveine, aveine, aveine
que le bon Dieu t'amène!
Avez-vous jamais oui
Comme on sème l'aveine?
Mon père le semait ainsi.

Слѣдуютъ соотвѣтствующія тѣлодвиженія, сопровождающія и дальнѣйшіе вопросы пѣсни: какъ боронять, полють, косятъ, вяжутъ, вывозятъ, молотятъ, вѣютъ, мелютъ, ѣдятъ овесъ и т. д. ¹⁾).

Румынская плуговая пѣснь завершается пожеланіями урожая и приплода:

Să aveți vaci cu lapte
Și la veră bucate;
Câte pietre la fântână,
Atâtea ôle cu smântână;
Câți cărbuni în coptorū,
Atâția gonitori în oborū;
Câtă ierbă pe hotarū,
Atâtea oite'n cosarū;
Câte fire la mătură,

¹⁾ Édelestand Du Meril, Hist. de la Comédie I p. 423—426.

Atătia copii în pătură;
 Câte paie pe casă,
 Atătia galbeni pe mésa ¹⁾.

[«Да будутъ у васъ коровы молочны а лѣтомъ былъ-бы хлѣбъ. Сколько камней въ колодцѣ, столько крянокъ сливокъ; сколько углей въ печи, столько бычковъ въ хлѣву; сколько травы на межѣ, столько овецъ въ загонѣ; сколько стеблей въ метлѣ, столько ребятъ на постелѣ; сколько соломы на дому, столько денегъ на столѣ»].

Это напоминаетъ пожеланія славянскихъ и нѣмецкихъ колядовщиковъ ²⁾ — и провансальской пѣсни, съ которой вносилась въ домъ la bûche de Noël или Trefoir (= сербск. бадьяк):

Souche baudisse,
 doman sara panisse,
 tout bon ça y entre,
 fremes enfantan,
 cabres cabrian,
 fedes aneillan,
 prou bla et prou farine,
 de vin un plene tine ³⁾.

Сличите пожеланія критской каланды:

Καλή σας ἀρχιμενιά,
 Τὰ ρίφια καὶ τ'ἀρνιά σας θηλυκά,
 Καὶ τὰ κοπέλια σας ἀσερνικα,

и средневѣковаго новолѣтняго обряда, описаніе котораго я приведу по примѣру Teodorescu, прилагая къ нему опытъ комментарія.

¹⁾ Teodorescu, Noțiuni p. 24—25. Сл. пожеланія въ текстахъ, изданныхъ Александрн.

²⁾ Сл. Терещенко, I. с. VII, 24, 26, 31 и словацкія параллели въ Sbornik Slovenskych narodnich piesni и т. д. Sv. I стр. 167, 173, 176. Сл. Mannhardt, Weihnachtsblüthen p. 129—130.

³⁾ Sabatini, I. с. p. 18, прим. 33.

«*Hic sunt ludi Romani communes in Kalendis Januarii. In vigilia Kalendarum in sero surgunt pueri et portant scutum. Quidam eorum est larvatus cum maza in collo; sibilando sonant timpanum, eunt per domos, circundant scutum, timpanum sonat, larva sibilat. Quo ludo finito, accipiunt munus a domino domus, secundum quod placet ei. Sic faciunt per unamquamque domum. Eo die de omnibus leguminibus comedunt. Mane autem surgunt duo pueri ex illis, accipiunt ramos olivi et sal, et intrant per domos, salutant dominum: Gaudium et laetitia sit in hac domo; tot filii, tot porcelli, tot agni, et de omnibus bonis optant, et antequam sol oriatur, comedunt vel favum mellis, vel aliquid dulce, ut totus annus procedat iis dulce, sine lite et labore magno*» ¹⁾.

1) Теодореску сравниваетъ это описаніе съ существующей румынской обрядностью: тѣ-же реальныя пожеланія и участіе ряженныхъ, съ которыми сближаются румынскіе: Брезая и паясы. Румынскій *Брезая* (brezaia, brezae, brăzae) одѣтъ въ длинный плащъ, испещренный множествомъ яркихъ тряпокъ, лентъ и цвѣтовъ; оттого о женщинахъ, одѣвающихся слишкомъ пестро, говорятъ, что она похожа на Брезая. Его голова замаскирована головой какого-нибудь животнаго: козы, козла, волка, либо птицы: журавля, пѣтуха, павлина, челюсти или клювъ которой онъ приводитъ въ движеніе и заставляетъ стучать другъ о друга подъ тактъ скрипки, на которой играетъ, подпѣвая подходящія пѣсни, какойнибудь старикъ-музыкантъ ²⁾. — Это напоминаетъ святочную козью маску русскихъ и болгаръ ³⁾. — Румынскому брезаяѣ отвѣчаетъ *береза* малорусскихъ святочныхъ обрядовъ — главный колядовщикъ, обыкновенно привѣтствующій хозяевъ по окончаніи известной колядки; у галицкихъ руси-

¹⁾ Ducange, Glossarium med. et inf. latin. a. v. Kalendae januariariae (no Cerem. Rom. ad. calcem cod. Ms. eccles. Camerac.).

²⁾ Teodorescu, Incercari p. 27—8.

³⁾ Сл. Качановскій, Болгарскія пѣсни, стр. 3—4.

новъ: береза, вайда или ватагъ¹⁾; у Богорова я нахожу болг. *брезая* съ значеніемъ «маски», вѣроятно, святочной. — Брезая, береза (церковнослав. брѣза) связано съ санскр. *bhrāj* = *φλέγω*, *fulgeo*²⁾, но того-же происхожденія и нѣм. *Berchte*, *Perchte*, (*Eisen*)*berta*: такъ называется ряженный (= береза; сл. *quidam eorum est larvatus*) или ряженые, бѣгающіе о святкахъ, звоня погремушками, хлопая бичами и собирая подачки: это называлось *berchteln*, *bechteln*, *bechten*³⁾. Какъ наше колядованье стоитъ въ русскихъ пѣсняхъ рядомъ съ олицетвореніемъ Коляды, такъ ряженые *Berchten* сосѣдятъ съ *Bērhta*'ой и многочисленными видоизмѣненіями ея имени и образа, народно-миѳическаго олицетворенія Эпифаніи, *ἡμέρα τῶν ἄγιων φώτων*, распространеннаго на весь святочный циклъ. *Bērhta* — свѣтлая, блестящая (сл. *die weisse Frau*, *la dame blanche*, бѣлаго Бертольда) — какъ береза, брезая малорусскаго и румынскаго обряда; *chodí jako Perčta*, говорятъ въ Чехіи о щеголѣ; похожа на брезакъ — въ Румыніи о щеголихѣ. Нѣмецкія повѣрья рассказываютъ о святочныхъ обходахъ Берты, отразившихся въ обрядѣ *bechteln*: это колядованье съ березой. Въ одной нѣмецкой сказкѣ пряха встрѣтила въ ночь на Крещеніе Берту съ толпою дѣтей, тащившихъ тяжелый *пflug*, и была наказана за непочтительный смѣхъ слѣпотою, отъ которой Берта освободила её по прошествіи года. Пflugъ напоминаетъ наше «кликанье шугу» наканунѣ Крещенья, явленіе плуга въ малорусско-румынскихъ обрядахъ на новый годъ, наконецъ англійскій рождественскій «fool-plough»: «a pageant that consists of a number of sword-dancers dragging a plough about with music, and

¹⁾ Головацкій, I. с. IV, стр. 1.

²⁾ Miklosich, *Lexicon a. v. br̄za*, и *Sihac*, I. с. a. v. *breaz*.

³⁾ См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II: Берта, Анастасія и Пятница: V Недѣля-Анастасія (*Dominica-Anastasia*) и Пятница-Параскева, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февраль, стр. 226—8 и прим.

one, or sometimes two of them attired in a very antique dress: as the *Bessy* (Берта?) in the grotesque habit of an old woman, and the Fool almost covered with skins, a hairy cap on his head, and the tail of some animal hanging down his back. The office of one of these characters is to go about rattling a box among the spectators of the dance to collect their little donations; and it is remarkable that in some places where this pageant is retained, they plough up the soil before any house where they receive no reward»¹⁾. — Перенесеніе святочнаго веселья на масляницу повлекло за собой и перенесеніе обрядности: хожденіе съ плугомъ засвидѣтельствовано въ Германіи для того и другаго времени; въ итальянскомъ Тиролѣ послѣдній день масляницы зовется «il giorno delle Froberte», у Словинцевъ поминается объ эту пору *Vehthro-baba* (= Берта) и существуетъ такой обычай: пахари (*ogači*) проводятъ плугомъ отъ одного дома къ другому борозду въ снѣгу либо въ землѣ, погонщикъ замаскированъ, другой изъ ряженныхъ ходитъ съ кошелькомъ для сбора подаяній²⁾.

Ослѣпленіе и дарованіе зрѣнія, въ нѣмецкой сказкѣ связано съ представленіемъ *сѣтлой* Берты, которую въ нѣкоторыхъ западныхъ повѣрьяхъ замѣняетъ св. *Lucia* (13, но и 25-го Декабря), святая помощница противъ глазной немочи (Сицилія), какъ и св. *Клара* (Франція)³⁾.

Изъ двухъ западныхъ представленій о Бертѣ, христіанско-миѳическаго (*τὰ φῶτα*) и обрядоваго (*Berchteln*), румынско-

¹⁾ Brand u Strutt'a, l. c. p. 348, 215.

²⁾ J. Grimm, D. Myth. p. 218—19; Schneller, Märchen und Sagen aus Wälschtirol, p. 201; Šuman, Die Slovenen, p. 100—1.

³⁾ Сл. Опыты и т. д. II, I: Сивилла-Самовилла-reine Pedauque-Берта, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. Февраль, p. 276 слѣд.; ib. II, V, стр. 217. Сл. Grimm, Deutsche Myth. a. v. Berchtolt; Hanuš, Bajeslovny Kalendař p. 234—5; Pitřé, l. c. стр. 424 слѣд.; Thiriот, Croyanances, Superstitions etc. dans le département des Vosges, Mélusine № 20, p. 479.

малорусское брезая-береза отвѣчаетъ второму. По другому поводу¹⁾ я пытался сблизить Меланку (= св. Меланія) галицкаго обряда на новѣй годъ съ олицетвореніемъ Берты, въ ея значеніи мрачной, карающей, *wilde Bertha*, *eiserne Bertha*, *Perht mit der eisnen nasen*, какой она представлялась уже Чеху, написавшему въ началѣ XV вѣка *Candela rhetoricae: (Metallinum ut Chimera vel) Perhta, que habet aureum caput, stagneos oculos, ereos aures, ferreum nasum, argenteam barbam et plumbeum collum*²⁾.— Въ греческихъ каландахъ св. Василій является въ мѣдныхъ сапогахъ и желѣзной одеждѣ.

2) Оливная вѣтка западнаго средневѣковаго обряда напоминаетъ *Teodorescu* — *Sorcova'y*: шесть украшенный разноцвѣтной бумагой, золотой и серебряной мишурой, съ которымъ румынскіе ребята ходятъ въ день новаго года, привѣтствуя домохозяевъ:

Să 'nflorimū,
Să 'mărgărimū,
Ca unū pěrū,
Ca unū měrū,
Ca unū firū
De trandafirū,
Tarī ca ferulū,
Iuṭī ca oṭelulū,
Tarī ca pétra,
Iuṭī ca săgéta³⁾.

[«Да разцвѣтемъ мы и приукрасимся, какъ груша, яблонь и цвѣтъ розы; крѣпкіе, какъ желѣзо, острые, что сталь, крѣпкіе, какъ камень, быстрые, какъ стрѣла»]. *Sorcova*, вѣроятно, стоитъ

¹⁾ См. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго въ 22-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ стр. 29—30.

²⁾ К(arl) M(üllenhoff), *Mythologisches*, въ *Zs. für deutsch. Altethum*, XIII p. 577 съ ссылкой на *Archiv für Kunde oesterreichischer Geschichtsquellen* 1864, Bd. XXX, p. 199.

³⁾ *Teodorescu*, *Incerari* p. 25.

въ связи съ болгарской *суравой*, *сурваткой* и болгарскимъ-же новогоднимъ обычаемъ *сурватковать*, *суроквать*¹⁾. До утрени на новый годъ мальчики (васильчары) идутъ по домамъ къ своимъ роднымъ, несутъ вѣтки кизиля (дрѣнка), — это и есть сурава, сурватка, которую я сблизжаю съ црквнсл. соуровъ — *χλωρός* и соуровицей, отмѣченной у Миклошича (Lex. а. в. соуровица и соуровъ), какъ слово сомнительнаго значенія: «жъзъмкъ и соуровицами нападоше на нь», т. е. съ свѣжими, зелеными прутьями? — Суравами васильчары бьютъ хозяина дома, приговаривая:

Сурава година,
Весела година!
Червена яболка въ градина
Жлжтъ клась на нива,
Кичуръ грозде на лозе,
И до-година сжсь здраве!

и потомъ подаютъ свои вѣтки хозяину, а онъ, взявъ ихъ и привязавъ къ нимъ красной ниточкой серебряную или золотую монету, отдаетъ ихъ обратно мильчикамъ, а вмѣстѣ и коровай (кравайче) и т. п. По окончаніи обѣдни священники отправляются въ дома богатыхъ, да *сураквать*. Это *суракване* продолжается вплоть до вечера; вечеромъ-же мальчики бросаютъ свои вѣтки въ рѣку и приговариваютъ:

Иди съ Богомъ, сурава!
Иди съ Богомъ, сурава!
И до-година сжсь здраве!²⁾

Не сюда-ли относится и вѣтка, съ привѣщеннымъ къ ней звонкомъ, съ которой ходитъ по домамъ наканунѣ *Рождества*

¹⁾ Болг. сурава, сурватка, сурватковать, суроквать: суффиксъ рум. *sorgsova* стоять, вѣроятно, въ связи съ глагольной формой.

²⁾ Каравеловъ I. с. 173—4, 283; Чолаковъ 29—32.

дѣвушка — bože džeso? ¹⁾). Новолѣтній обрядъ могъ быть перенесенъ на другой день, какъ напр. обысканіе, приурочившееся у Сербовъ къ Рождеству, а не къ новому году и т. п. — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи сохранился обычай, что въ день памяти младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ (28, 29-го Декабря, 6-го Генваря), дѣти ходятъ по домамъ съ вѣтками можжевельника либо сосновыми въ рукахъ, бьютъ ими старшихъ, выпрашиваютъ у нихъ подарка и желаютъ имъ здравія ²⁾).

Было-бы крайне желательно собрать изъ *новогреческихъ* обычаевъ и пѣсень побольше матерьяла, касающагося празднованія новаго года, потому что то немногое, что намъ стало извѣстно изъ греческихъ «каландъ», представляетъ замѣчательныя параллели къ румынскимъ и малорусскимъ. Василий съ хлѣбомъ, съ пучкомъ травы въ рукѣ, съ чудесно распускающимся жезломъ, Василий землепашецъ, сѣятель, съ парой воловъ, чернымъ и половымъ; Христось, благословляющій молодые всходы — все это знакомые образы: плугъ встрѣтился намъ и въ обрядѣ и въ пѣснѣ, гдѣ имъ пахутъ святые; Василий, Илья или Христось, машущіе «житяной пужкой», — только болѣе аграрный образъ благословенія полей грядущимъ урожаемъ; разцвѣтающій жезлъ отвѣчаетъ румынской сорковѣ, болгарской суравѣ, оливной вѣткѣ средневѣковаго обряда, какъ, съ другой стороны, образъ дерева, вырастающаго на слѣдахъ Спасителя и построеніе церкви — относятъ насъ къ мотивамъ южно-русскихъ и румынскихъ колядокъ христіанскаго содержанія.

Вотъ отрывки относящихся сюда греческихъ пѣсень.

Σήμερ' ἐχοῦμ' ἀποκοπή κι' αὔριον ἀρχή τοῦ χρόνου,
 Ἀρχημηνιά κι' ἀρχηχρονια κι' ἀρχή τοῦ Γεναρίου.
 Κι' ἅγιος Βασίλης ἐρχεται ἀπὸ τὴν Καισαρεία,
 Βασταίν' εἰκόνα καὶ σταυρὸ, χαρτί καὶ καλαμάρι,

¹⁾ Аванасьевъ, II. В. III, 741—2; Mannhard, Weihnachtsblüthen, 137—8.

²⁾ Mannhard, l. c. p. 153.

Βασταίνει κρίδινο ψωμί και μιὰ χεριά χορτάρια.
 «Βασίλη πόθεν ἔρχεσαι; Βασίλη ποῦ παγαίνεις;»
 Ἄπ' τὸ σχολεῖό μου ἔρχομαι, στὴν μάνα μου παγαίνω». —
 «Βασίλ' ἂν ξέρης γράμματα, πές μας τ' ἄρφαβητάρη».
 Καὶ τὸ ραβδί τ' ἀπῆθωσε νὰ πῆ τ' ἄρφαβητάρη.
 Καὶ τὸ ραβδί πούτον ξηρόν, χλωρούς βλαστοὺς πετάει,
 Κ' ἐπάνω στοὺς χλορούς βλαστοὺς περδίκια καρκαριόνται,
 Κί' ὄχι περδίκια μοναχὰ, μονὲ καὶ περιστέργια.
 Μ' ἂν ἦναι μὲ τὸν ὀρισμὸ στ' ἄρχοντικὸ νὰ ποῦμε,
 Ἐπαίνους καὶ ταῖς χάραις σας τώρα νὰ διηγηθοῦμε η τ. δ. 1).

То же начало, нѣсколько измѣненное, представляет и нѣ-
 сколько другихъ пѣсенъ на день св. Василя; сл. въ сборникѣ
 Пассова №№ ССХСVI, ССХСVII, ССХСVIII. Въ № ССХСVI
 св. Василю «Βαστᾶ λιβάνι και χερί, χαρτί και καλαμάρι, Τὸ
 καλαμάρι ἔγραφε καὶ τὸ χαρτί ὠμίλει» (сл. № ССХСVII vv. 2—3);
 на вопросъ, кѣ нему обращенный, онъ отвѣчаетъ: «Ἀπὸ τὴν
 μάνα μ' ἔρχομαι καὶ στὸ σχολεῖό πηγαίνω. — Κάθσε νὰ φᾶς, κάθσε
 νὰ πιῆς, κάθσε νὰ τραγουδήσης. — Ἐγὼ γράμματα μάθαινα,
 τραγούδια δὲν ἤξεύρω» (= № ССХСVII v. 5). — Λοιπὸν ἤξεύρεις
 γράμματα, πέ μας τὴν ἄλφα βῆτα. — Καὶ στὸ ραβδί ἀκούμπησε
 νὰ πῆ τὴν ἄλφα βῆτα. Καὶ τὸ ραβδί ἦτον ξηρὸ κ' ἐβλάστησε
 κλονάρια, Κ' ἐπάνω στὰ κλονάρια του βρύσαις ἐκυμάτουσαν, Κ' ἐκατ-
 εβαῖναν τὰ πουλιά κ' ἔλουαν τὰ πλεκὰ των, Κ' ἔλουαν τὸν ἀφέντη
 των τὸν πολυχρονισμένον» и т. д. № ССХСVIII говоритъ, что св.
 Василю «Βαστᾶ χαλκῶν ποδήματα και σιδερένια μάτια».

Новыя подробности приносить критская каланда, записанная
 Яннарakis 2). Привожу ея начало:

Ταχυὰ, ταχυὰ ν' ἀρχιμενία, ταχυὰ ν' ἀρχή τοῦ χρόνου,
 Πρῶτα ποῦ βγῆκεν ὁ Χριστὸς 'ς τὴ γῆς κ' ἐπεριπάθει
 Κ' ἐβγῆκε κ' ἐδιαλάλησε 'ς οὐλοὺς τὴν ζευγολάταις.
 Ὁ πρῶτος ποῦ τ' ἀπάντηξε ἦτον ἅγιος Βασίλης.
 «Ἄγιε Βασίλη δέσποτα, καλὸ ζευγάριν ἔχεις».

1) Passow, *Popularia carmina Graeciae recentioris* № ССХСIV.

2) Jeannaraki, *Kretas Volkslieder* № 307.

— Καλὸ τὸ λέω, ἀφέντη μου, καλὸ καὶ βλοημένε
 Ἀπὸ τὸ βλόησ' ὁ Χριστὸς μὲ τὸ δεξιό του χέρι,
 Μὲ τὸ δεξιό, μὲ τὸ ζερβό, μὲ τὸ μαλαμματένιο·
 Τὸ μαῦρο καὶ τὸ μελισσό, ποῦ 'νε στεφανοκέρυ.
 — Νὰ σέ ρωτήξω, δέσποτα, πόσα μουζούρια σπέρνεις; —
 «Μετὰ χαρᾶς, ἀφέντη μου, νὰ σοῦ τὰ μολοήσω·
 Σπέρνω σταράκι δώδεκα, κριθάρι δεκαπέντε,
 Ψαράις καὶ ῥόβι δεκοχτὼ κι' ἀπονωρῆς 'ς τὸ σταῦλο.
 Μ' ἀλήθεια κάτω 'ς τὸ γιאלό, κάτω 'ς τὸ περιγιάλι,
 Μουζούρι στάριν ἔσπειρα κι' ἕναν πλατὺ πινάκι,
 Κ' ἐκεῖ τ' ἀνεδιαστήκανε λαγούδια καὶ περδίκια.
 Στένω πλακιά, στένω βροχιά νὰ πιάσω τὰ περδίκια,
 Μηδὲ λαγούδιαν ἔπιασε μηδὲ περδίκιαν εἶδα,
 Μὰ θέρισα κι' ἀλώνευσα χίλια μουζούρια 'κάμα,
 Μὲ τ' ἀποσκυβαλίδια μου χίλια καὶ πεντακόσια.
 Μ' ἀλήθει' ὄντην ἀλώνευγα καὶ ὁ Χριστὸς ἐπέрна,
 Ἐκεῖ ποῦ σιάθηκε ὁ Χριστὸς χρουσό δεντρὸν ἐβγῆκε.
 Κι' ἀπάνω ἠ κορφίτσαν του χρουσῆ κι' ὀλόχρουσ' εἶνε,
 Καὶ κάτω ἠ ριζίτσαν του ὄλο κι' ὀλάργυρ' εἶνε.
 Κι' ἀπάνω 'ς τὴν κορφίτσαν του πέρδικα κακκάριζει,
 Κακκάριζε, κακκάριζε κι' ἄν κηλαϊδῆς κηλαϊδε,
 Κ' ἐγὼ θὰ χτίσω ἐκκλησιὰ μὲ δεκοχτὼ καμάραις,
 Κάθε καμάραι τὸ κερί, καὶ κάθε δυὸ λαμπάδα,
 Καὶ κάθε τρεῖς καὶ τέσσερις ὄρηα, πανώρηα βρούσι.
 Κι' ὅσοι διαβάταις κι' ἄ διαβοῦν, περάταις καὶ περάσσουν,
 Νὰ πίνουν τὸ κρυγιὸ νερὸ τὸν Κύριο νὰ δοξάζουν π τ. δ.

Съ первыми четырьмя стихами этой пѣсни сходно начало Эпирской у Хазіота ¹⁾, дагѣ совпадающей съ ходомъ пѣсенъ предыдущей группы: разцвѣтаніе жезла, на немъ птицы, поющія хозяину:

Ἐσὲ σοῦ πρέπει, ἀφέντη μου, καράβι ν' ἀρματώσης,
 στὴν Ἰγγλιτέρα νὰ τὸ 'πᾶς φλουρι νὰ τὸ φορτώσης.

¹⁾ Συλλογὴ τῶν κατὰ τὴν Ἠπίρον δημοτικῶν ἁσμάτων p. 194—5 № 12; другую эпирскую Каланду того-же содержания см. въ Συλλογὴ δημοδῶν ἁσμάτων τῆς Ἠπείρου ὑπὸ Π. Ἀραβαντινοῦ (1880) p. 121.

Σлѣдуетъ описаніе корабля, которымъ ограничивается другая, очевидно, отрывочная каланда у Пассова I. с. № CCCIV:

Ἐσένα πρέπ', ἀφέντη μου, φρεγάδα ν'ἀρματώσης,
 Νάχη τὴν πρύμνη του ψηλὴ, τὴν πλώρη σαν λιοντάρι,
 .....
 Στὴν πλώρη κάθεται ὁ Χριστὸς, στὴν μέσ' ἡ Παναγία,
 Καὶ πίσω εἰς τὸ τεμόνι του κάθεται ἅγιος Νικόλαος.
 Στὴν Ἐγγλεντέρα νὰ διαβῆς κ τ. δ.

Это — знакомый образъ корабля — церкви, встрѣчающійся въ нѣмецкой рождественской пѣснѣ XIV вѣка и цѣлой группѣ другихъ, на которыя я указалъ при другомъ случаѣ ¹⁾.

Въ объясненіе приведенныхъ нами каландъ, особливо критской, слѣдуетъ замѣтить, что и въ Греціи существуетъ обычай обсыпанія или осѣванія зернами, извѣстный у Славянъ. «Primo Jannarii die, qui civilis anni apud Graecos initium est, cum Basilii magni memoria recolitur, pater, aut, ubi is defuerit, materfamilias, illucescente jam die, antequam quispiam de domo egrediatur, egressus ipse, et canistrum, ad id praeparatum, in quo *varii generis fructus et bellaria et panes etiam candidissimi et summa cum diligentia facti*, repositi sunt, accipiens, in domum revertitur, et fausta domui et habitatoribus obmurmurans, per totam domum ter circumiens, *illa abundanter effuseque spargit*. Tradunt hoc susurro et rerum comestibilium profusione, per cum annum fausta domui omnia eventura» ²⁾.—Василій «святѣль» критской каланды явился символическимъ показателемъ обряда. На него перенесена и другая обрядовая черта: выше мы сравнили съ рум. *soțova*'ой, болг. суравой—жезлъ, чудесно разцвѣтающій въ рукахъ святаго. Въ Греціи женщины изъ простонародья ходятъ въ *день новаго года*, собирая подачки, съ значками, *σίγμα*,

¹⁾ Сл. моя Опыты II, V: Недѣля-Анастасія и т. д. I. с. стр. 241 прил. 2.

²⁾ Allatii, De templis graecorum etc., p. 174—5.

въ рукахъ: обычай, который, вѣроятно, имѣли въ виду комментаторы каноновъ Лаодикійскаго собора, когда, обвиняя мірянъ въ неправильномъ пѣніи церковныхъ пѣсень, говорятъ, что они «ἐφαλλον δὲ καὶ τινα παρηλλαγμένα καὶ ἀσυνήθη, οἷά εἰσι τὰ σήμερον φαλλόμενα παρὰ τῶν γυναικῶν ἐπομένων τοῖς σίγνοις»¹⁾. Называя сигнофорами, σιγνοφόροι, пропатаевъ, побравшихся съ пѣснями о святкахъ, Тцетць, очевидно, имѣлъ въ виду тотъ-же обрядовой значекъ, жезлъ или вѣтку, съ явленіемъ которыхъ въ святочномъ обиходѣ мы познакомились выше²⁾. Такая вѣтка-жезлъ очутилась, въ каландахъ, въ рукахъ Василия³⁾; онъ какъ-бы самъ колядуетъ и поетъ (κάθουε νὰ τραγουδήσης), его просятъ спѣть ἀλφαβητάρι, какъ звались въ византійскомъ мірѣ особаго рода пѣснопѣнія, тропари, расположенные въ порядкѣ азбучнаго акростиха⁴⁾.

Укажемъ въ заключеніи, въ связи съ алфавитаріемъ греческихъ каландъ, на упомянутый выше византійскій обычай — праздновать Врумаліи въ теченіи 24-хъ дней, по числу знаковъ греческаго алфавита, при чемъ каждый чествовалъ день, на который приходилась начальная буква его имени. Въ житіи св. Стефана Никомидійскаго⁵⁾ говорится о Константиנѣ Копронимѣ, соблюдавшемъ языческій обрядъ Врумаліи: ἐν ταύτῃ δὲ τῇ ἡμέρᾳ πρῶιδεν συγκαθίσας ἐπὶ τὰς τῶν σχολῶν στοάς μετὰ τῶν αὐτοῦ ὁμοφρόνων κιθαριδῶν μελέτην ἐποιεῖτο ἄσημον καὶ θεῶν

¹⁾ Σάθα I. с. р. 247 прим. 1.

²⁾ Къ свидѣтельству Тцетца мы еще вернемся. Σάθα I. с. р. 388 прим. 1 едва-ли удачно поминаетъ, по поводу его сигнофоровъ, свидѣтельство Прококія III 59.

³⁾ Иначе толкуетъ Σάθα I. с. р. 38.

⁴⁾ I. с. стр. 137, 183.

⁵⁾ Tomaschek, I. с. 362—3. Латинскій текстъ у Сурія (Historiae seu vitae Sanctorum d. 28 Nov.) представляетъ нѣкоторыя отличія: ad scholarum portibus sedens una cum symmistis suis Satanicas quasdam cum organis et citharis cantiones, adventanti festo congruentes, addiscebat.

ἐχθρώδῃ πρὸς τὴν παροῦσαν σπονδῆν, ἐν ἣ τὸ στοιχεῖον τοῦ πέμπτου γράμματος ἐπεφθάκει, ὄνομα φέρον τῆς αὐτοῦ τρίτης μοιχαλίδος γυναικὸς Εὐδοκίας». —

II.

Святочныя маски и скomoroxи.

Къ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ обычаевъ святочнаго обихода несомнѣнно относится обычай *ряженія*. Если вообще святочная *обрядность* представила много общаго и дословно сходнаго въ ея проявленіяхъ у различныхъ народовъ Европы, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о *маскахъ* и *личинахъ*. Русское, малорусское, болгарское и румынское ряженіе *козю*, восходящее, быть можетъ, къ «козлимъ», «сатурскимъ» лицамъ языческихъ Врумалій, продолжаетъ жить въ Норвегій и Даніи (Yole-bukk, Yole-geit), Англии и Германіи (Klapperbock, Habergais); сл. средневерхнен. rōcklein loufen = маскироваться (сл. Narrenschiff, ed. Gödeke, 100^b, v. 7: bōnkenwis), buckeln — маскированіе; buscke, въ значеніи lagva — первоначально козливой? — Къ распространеннымъ принадлежатъ святочныя маски *кона* и *тура*: нѣм. Fasnachtschimmel, «бѣсовская кобылка» древнихъ русскихъ колядъ, «турица» дубровницкой масляницы, являвшаяся въ сообществѣ двухъ другихъ масокъ (чороје и вила): у ней «није се људска глава ни видјела, него је више ње на дугачкоме чупавоме врату била коњска с великијем зубима, која је тако начињена да су се уста одоздо могла ласно отворати и затворати, те је све клоцала; а ноге је имала све чупаве и на дну као у тице». — «Туръ Сатана» колядскихъ игрищъ, о которомъ говоритъ авторъ Синописа, представляя, вѣроятно, другую животную маску: въ Польшѣ и Галиціи еще недавно водили на святкахъ по домамъ парня, наряженнаго туромъ —

быкомъ, какъ на Оркадскихъ островахъ въ навечеріе новаго года играетъ роль ряженный въ коровью шкуру ¹⁾.

Не останавливаясь на другихъ, менѣе распространенныхъ личинахъ (напр. на исландской святочной *Grýla*, когда-то представлявшейся въ образѣ чудовищной лисы и т. п. ²⁾), укажемъ лишь на святочные маски *cervulus* ³⁾ и *vitula*, противъ которыхъ такъ рьяно протестуютъ французскіе клерики. Последняя встрѣчается обыкновенно въ формѣ *vetula*, которую едва-ли справедливо отвергаетъ Du Méril ⁴⁾: рядомъ съ ряженіемъ въ «турицу» могло существовать и ряженіе въ старухъ; *la vecchia*, *vecia*, *ecia*, *vegia*, *marantega*, *vechia di Natali* сѣверно-итальянскаго и сициланскаго рождественскаго повѣрья ⁵⁾, являющаяся въ роли средне-итальянской *Vefana*'ы = Эпифаніи, могла примкнуть къ одной изъ древнихъ календныхъ масокъ и, въ этомъ отношеніи, получить объясненіе совмѣстно съ ними. — Замѣтимъ еще и форму *vetulus*, стало быть — маска старика: *nullus in kal. jan. nefanda aut ridiculosa, vetulos aut cervulos aut joticos, faciat*, проповѣдывалъ св. Элигій ⁶⁾.

Если въ области рождественской обрядности вообще мыслима гипотеза перенесенія, то тѣмъ болѣе относительно такого внѣш-

¹⁾ Weinhold, *Weihnachtsspiele*, стр. 4 слѣд.; *Édélestand Du Méril*, l. c. стр. 72 слѣд.; Strutt, l. c. p. 250, 253; Ivar Aasen, *Nors Ordbog*, 2 изд.: *jolebuk*; Lexer, *Mittelhochd. Handwörterbuch*, а. v. *böckelin*, *bucke*, *buckeln*; Терещенко, l. c. VII, 37; Аванасьевъ, l. c. I, 607, 663—5, 765; III, 750; Карацихъ, *Живот*, стр. 19—20.

²⁾ *Vigfusson*, *Dictionary a. v. grýla*; сл. *ibid. leppa-lúsi*, а. v. *leppr*.

³⁾ Сл. *Ducange*, *Gloss lat. a. v. cervulus*; *id. Gloss graec. a. v. κερβούρολος*.

⁴⁾ l. c. стр. 75 и прим. 4.

⁵⁾ Сл. мой *Опыты II*, I: *Сивилла-Самовила*, и т. д., стр. 276—7 и прим. 3 на стр. 276—7; *Pitrè*, l. c. XII, 404—6; *Sabatini* l. c. стр. 5—6. Сл. *Vecchia ri li fusa* и *l'Affidata* карнавала въ Модикѣ, у *Guastella*, *L'Antico Carnevale della contea di Modica*, p. 45—6.

⁶⁾ *Grimm*, *D. Myth*, l. c. II, 630.

няго признака, какъ маски и ряженые, который легче всего могъ отвязаться отъ культа, объективироваться и переноситься съ мѣста на мѣсто. Бродячіе потѣшники, скоморохи могли быть ихъ распространителями — и вмѣстѣ насадителями внѣшнихъ элементовъ древняго театра въ новой Европѣ. Я имѣю въ виду греко-римскихъ мимовъ ¹⁾.

«Mimus est sermonis cuiuslibet et motus sine reverentia vel factorum turpium cum lascivia imitatio. A Graecis ita definitus: «μῖμος ἐστὶ μίμησις βίου τὰ τε συγχεχωρημένα καὶ ἀσυγχώρητα περιέχων» (Diomed. III p. 488) ²⁾. Небольшія комическія сцены изъ обыденной жизни, полныя грубаго, нерѣдко циническаго шаржа въ языкѣ и положеніяхъ: «флейтистка», «уличный праздникъ», «тряпичникъ», «рыбакъ» — таковы были мимы; мимами назывались и ихъ исполнители. Въ началѣ они ютились между оркестрой и *pulpitum*, впоследствии перешли и на сцену театра и получили организацію: они собираются въ труппы, коллегіи (*grex, commune, collegium*), во главѣ которыхъ стоятъ *archimimus*, — титулъ, упоминаемый уже во время Суллы, — съ главнымъ актеромъ (*actor mimi*) и неизбѣжнымъ при немъ потѣшникомъ: *scurra, morio* или *stupidus* ³⁾, который передразнивалъ его рѣчи и движенія и самъ сильно паясничалъ, за что награждался тумаками, возбуждавшими смѣхъ толпы ⁴⁾.

Рядомъ съ мимами театра, оркестры и просцениума, были и такіе, которые являлись потѣшниками, фиглярами на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ, площадяхъ и въ шинкахъ. Это были тѣже мимы, потѣшники: *γελωτοποιοί*, шарлатаны: *θαυματοποιοί*; магоды и лизіоды (*μαγῶδοι, λυσιῶδοι*), представлявшіе разнаго

¹⁾ О мимахъ см. Grysar, Der römische Mimus въ Sitzungsberichte der kais. Akad. der Wissenschaften, philos. histor. Classe XII, 14 (1854) p. 237—337; Marquardt l. c. III 527—9; Σάθλх l. c. passim.

²⁾ Grysar, l. c. p. 240.

³⁾ Сл. въ Исидоровскихъ глоссахъ *scorio* = *stultus, fatuus*.

⁴⁾ Grysar, l. c. p. 239—240, 250, 266, 269, 274—6, 321—327.

рода скандальныя сцены, являясь въ женскомъ платьѣ, съ лита-
врами и кимвалами въ рукѣ, и изображая собою продажныхъ
женщинъ, сводниковъ, пьяницъ и т. п. ¹⁾ Вращеніе въ народѣ
сблизило ихъ съ его обычаями и требованіями; упадокъ правиль-
ной сцены поднялъ ихъ значеніе, упадокъ вкуса расширилъ ихъ
спеціальность, принизивъ ихъ общественную роль. Свѣдѣнія
о мимахъ изъ временъ упадка имперіи ставятъ ихъ на одинъ
уровень и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ,
болѣе низменныхъ потѣшниковъ. «Adduxerat secum et *fidicinas*
et *tibicines* et *histriones scurrasque mimarios* et *praestigiatores*»,
говорится объ императорѣ Верѣ (Capitolin., Verus c. 8);
«Memorable maxime et Carini et Numeriani hoc habuit imperium,
quod ludos populo Romano novis ornatos spectaculis dederunt,
quos in Palatio circa porticum Stabuli pictos vidimus. Nam et
neurobaten, qui velut in ventis cothurnatus ferretur, exhibuit,
et *tichobaten*, qui per parietem urso eluso cucurrit, et *ursos*
mimum agentes, et item centum *salpistas* uno crepito concinnentes,
et centum *camptaulos*, *choraulos* centum, etiam *pithaulos* centum,
pantomimos et *gymnicos* mille... *Mimos* praeterea undique
advocavit» (Vopiscus, Carin. 18) ²⁾. — «Мимы», исполняемые
медвѣдями, указываютъ на мимовъ, какъ на вожаковъ приручен-
ныхъ звѣрей; ихъ, быть можетъ, имѣетъ въ виду 61-й канонъ
Трулльскаго собора противъ медвѣдчиковъ, хранящихъ «медвѣды
или ина нѣкага животнага на глоумленіе и на прѣльщеник» ³⁾ —

¹⁾ l. c. 241—3.

²⁾ ib. 278, 316—17.

³⁾ Jagić, Opisi II p. 139 (изъ иловницкой кормчей). Сл. отраженія
этого канона въ позднѣйшихъ Памятникахъ: въ пандектахъ Никона
Черногорца у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LV p. 267:
«иже медвѣди водащамъ и ни животныи игры на пакость слабымъ»;
въ Синагигѣ Матвѣя Властаря («меч'ководи»), см. Зигель, Заковникъ
Стефана Душана, Приложенія, стр. 116—117 и Русск. Филол. Вѣстникъ,
1882 г. I, стр. 14—15.

какъ, позднѣе, запретъ Гинкмара (852 г.) противъ «turpia jocosum urso vel tornatricibus»¹⁾, гдѣ *tornatrix* = *saltatrix* = мима.

Съ другой стороны произошло и другое сближеніе: мимовъ — потѣшниковъ, фигляровъ, шарлатановъ — съ другими шарлатанами, знахарями и кудесниками, низменными представителями разлагавшагося религіознаго преданія. Имя магодовъ, встрѣтившееся намъ въ обзорѣ мимовъ, Атенеи объясняетъ «ἀπὸ τοῦ οἰονεὶ μαχικὰ προφέρουσαι» (XIV, 621 с.); его фаллофоры и вейфаллы (ib. 621 f. 622) — простые скиники: сценическія преданія вакхическаго культа отозвались не только въ созданіи правильной греческой драмы, но и въ символикѣ позднѣйшаго народнаго театра. Маски и расписанныя лица діонисовскихъ празднествъ перешли въ маски Тесписа — и въ личины позднѣйшихъ мимовъ, первоначально обходившихся безъ нихъ²⁾: гистріоны Исидора Севильскаго³⁾ надѣваютъ личины, вымазанныя гипсомъ (сл. гипсовыя маски побиравшихся Галловъ — агиртовъ), расписанныя разными красками (сл. *Sanniones* Невія у Non. Marc. p. 218, 31); византійскіе скоморохи чернятъ свои лица сажей, какъ древніе фаллофоры, надѣваютъ звѣриныя хари⁴⁾; вакхическій фаллусъ становится атрибутомъ мима⁵⁾. — И въ то-же время жрецы Реи-Кибелы, ἀγύρται, спустившись къ роли

¹⁾ Hincmari Opera I p. 714 ed. Sirmond.

²⁾ Grysar l. c. p. 265, 270.

³⁾ Isid. Hispal. Etymol. l. X, a. v. hypocrita.

⁴⁾ Σάθχ, l. c. p. 391 и прим. 1 (по Филѣ и Θεодору Продрому), p. 397 прим. 2 (изъ поэмы Мануила Филы, 1280—1330). Что мимы рядились въ звѣриныя хари — Grysar (l. c. 317—318) заключаетъ изъ слѣдующихъ словъ Лактанція (въ Апологіи): *Multis enim jocos et otio opus erit, si velimus ad hanc partem lascivire* (о мимахъ). *Quis, in quam bestiam reformari velit?*

⁵⁾ Сл. Schol. Juv. 6, 66: *penem ut habent in mimo*; Aug. Civ. D. 6, 7: *numquid Priapo mimi, non etiam sacerdotes enormia pudenda fecerunt?* Arnob. 7, 33: *delectantur (dii) — stupidorum capitibus rasis — fascinatorum ingentium rubore*. Сл. Marquardt l. c. 528, прим. 8.

попрошатаевъ, обманщиковъ (сл. подобный переходъ значеніи въ словѣ *παράστος*; м. б. *βωμολόχος*), смѣшиваются съ народными потѣшниками: Астерій въ описаніи Генварскихъ каландъ упоминаетъ за одно *μιμοσς*, орхестовъ, авлетовъ — и *δημόται ἀγύρται*; црквнсл. *скомрашъ* означаетъ и *ἀγύρτης* и *μίμος* (съ *δημόται ἀγύρται* Астерія сл. *скомрашъскы* = *τὰ δημοτῶν*); *ψηφᾶς* = *praestigiator*, отводящій глаза (*ποιεῖ ὀφθαλμοπλανίαν*) является въ толпѣ мимовъ, въ житіи Симеона Столпника, написанномъ Леонтиемъ, епископомъ неапольскимъ (около 630 г.)¹⁾; вожаки ученыхъ звѣрей творять чары, знахарствуютъ²⁾. отождествленіе мима и кудесника, *ἀγύρτης*, *praestigiator*, зачавшееся, можетъ быть, на классической почвѣ, провожаетъ насъ потомъ на всемъ протяженіи исторіи: сл. *στρίγλος* = *praestigiator*, *γής*; *strigio* = *mimarius*, *scenicus*³⁾; црквнсл. коудесьникъ = *magus*, и коудешникъ = *μίμος*; сѣв. *ginn*, *ginnungr* = a juggler, *jester* — и a magical character, *ginna* = to dupe, intoxicate one и т. п.

Сближеніе мима съ нищенствовавшимъ жрецомъ, знахаремъ получало особое значеніе въ глазахъ строгихъ ревнителей христіанства IV вѣка: той и другой стороною своей дѣятельности мимъ входилъ въ ихъ систему осужденія всего языческаго

¹⁾ Ducange, Gloss. med. et inf. Graec. a. v. *ψηφᾶς*; *Leontii Neapoleos Synogram episcopi Vita S. Symeonis Sali*, у Migne, Patrol. graec. t. 93, p. 1716 и 1740. О *ψηφᾶδες* см. *Quaestiones ad Antiochum Ducem*, приписанные св. Афанасію, у Migne, l. c., t. 28, стр. 677.

²⁾ Сл. толкованіе Зонары на 61-й канонъ Трулльскаго собора: вожаки медвѣдей *βάμματα ἐξαρτῶσιν αὐτῶν, καὶ τρίχας κείροντες ἐξ αὐτῶν διδῶσι γυναιξίν, ὡς φυλακτῆρια, καὶ ὡς τάχα ἐν νόσοις ἢ βασκάνοις ὀφθαλμοῖς λυσιτελεῖν τι δυνάμενα. Αἱ δὲ ταῦτα ὡς ἀναγκαῖα λαμβάνουσαι, μισθὸν ἐκείνοις παρέχουσι, καὶ ἀξιοῦσι τὰ τέχνα αὐτῶν τοῖς νόταις τοῦ θηρὸς ἐπιθέσθαι, ὡς δὴ τινῶν κακῶν ἀποτροπῆς ἐσομένης ἐκ τούτου τοῖς πκισίν αὐτῶν.*

³⁾ *Σάθα*, l. c. p. 30 прим. *Strigio*, впрочемъ, едва-ли не вѣтшнее смѣшеніе съ (hi)strio.

въ жизни и обрядѣ: народнаго веселья и игрищъ, остатковъ сценическаго искусства и народной, даже колыбельной пѣсни ¹⁾. Мимы и потѣшники, представителями этого народнаго веселья, должны были прежде всего вызвать укору и нареканія, въ которыхъ трудно отдѣлнить дѣйствительность отъ односторонне-аскетическаго освѣщенія фактовъ. Мимъ — язычникъ, мима непремѣнно блудница; она противопоставляется свободной женщинѣ, какъ мимы полноправнымъ гражданамъ ²⁾: они лишены были права наслѣдства, права быть свидѣтелями въ судѣ; скиникамъ не было выхода изъ ихъ званія, приходилось умирать въ немъ; церковь неохотно приобщала ихъ къ своимъ таинствамъ, отказывала въ предсмертномъ напутствованіи, свѣтская власть призывала ихъ къ участию въ обрядѣ казни, съ цѣлью усилить

¹⁾ См. о народныхъ пѣсняхъ Іоанна Златоуста (t. V, p. 132, у Саом стр. 66—7, прим. 2): «Ὅτω γοῦν ἡμῶν ἡ φύσις πρὸς τὰ ἄσχητα καὶ τὰ μέλη ἡδέως ἔχει καὶ οἰκείως, ὡς καὶ τὰ ὑπομάζια παιδιὰ κλαυμυρίζοντα καὶ δυσχεραίνοντα, οὕτω κατακομίζεσθαι αἱ γοῦν τίτθαι ἐν ταῖς ἀγκάλαις αὐτὰ βαστάζουσαι, πολλάκις ἀπιούσαι τε καὶ ἐπανιούσαι, καὶ τινα αὐτοῖς κατεπέδουσαι ἄσχητα παιδικά, οὕτως αὐτῶν τὰ βλέφαρα κατακομίζουσι· διὰ τοῦτο καὶ ὁδοιπόροι πολλάκις κατὰ μεσημβρίαν ἐλαύνοντες ὑποζύγια, ἄδοντες τοῦτο ποιῶσι, τὴν ἐκ τῆς ὁδοπορίας ταλαιπωρίαν ταῖς ὕδαϊς ἐκείναις παραμυθούμενοι· οὐχ ὁδοιπόροι δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ γηπόνοι ληνοβατοῦντες καὶ τρυγῶντες καὶ ἀμπέλους θεραπεύοντες καὶ ἄλλο ὅτιοῦν ἐργαζόμενοι, πολλάκις ἄδουσι· καὶ ναῦται κωπηλατοῦντες τοῦτο ποιῶσιν· ἤδη δὲ καὶ γυναῖκες ἰστοουργοῦσαι καὶ τῆ κερκίδι τοὺς στήμονας συγκεχυμένους διακρίνουσαι, πολλάκις μὲν καὶ καθ' ἑαυτὴν ἐκάστη, πολλάκις δὲ καὶ συμφῶνως ἅπασαι, μίαν τιὰ μελωδίαν ἄδουσι· ποιῶσι δὲ τοῦτο καὶ γυναῖκες καὶ ὁδοιπόροι καὶ γηπόνοι καὶ ναῦται τῷ ἄσχητι τὸν ἐκ τῶν ἔργων πόνον παραμυθήσεσθαι σπεύδοντες, ὡς τῆς ψυχῆς, εἰ μέλους ἀκούσειε καὶ ὠδῆς, ῥῆξον ἂν ἅπαντα ἐνεγκεῖν δυναμένης τὰ ὀχληρὰ καὶ ἐπίπονα».

²⁾ Iohann. Chrysostomi in epist. ad Ephes. cap. V, hom. XVII (y Migne, Patrolog. graecae t. LXII p. 119—120); id. ib. t. LVII p. 425; In Matth. Homil. XXXVII al. XXXVIII.

ея позоръ элементомъ площаднаго глумленія ¹⁾. Эта низкая общественная оцѣнка не мѣшала имъ быть любимымъ въ народѣ, показываться на пирахъ, принимать участіе въ обрядѣ свадьбы, играть не менѣе дѣятельную роль въ народныхъ празднествахъ. Нередко раздаются голоса противъ допущенія сценическихъ представленій, пѣсень и плясокъ мимовъ, оркестовъ и т. п. за *трапезой* ²⁾, на *свадьбахъ* ³⁾, на *празднествѣ Маюмы* ⁴⁾,

¹⁾ Σάθα I. c. p. 8—11, 14 прим. 1, 27, 92, 365 и прим. 2, и passim. — Интересна слѣдующая форма глумленія, заимствованная, вѣроятно, изъ обычая скомороховъ-вожаковъ: Анна Комнена такъ описываетъ наказаніе, постигшее заговорщиковъ противъ ея отца: «*παραλαβόντες τούτους οἱ σκηνικοὶ καὶ σάκκουοι περιβαλόντες, τὰς δὲ κεφαλὰς ἐντοσθίαις βουῶν καὶ προβάτων ταινίας δίχην κοσμίσαντες, ἐν βουσίῳ ἀναγαγόντες καὶ ἐγκαθίσαντες οὐ περιβάδην, ἀλλὰ κατὰ θάτεραν πλευράν, τούτους διὰ τῆς βασιλικῆς ἤγον αὐλίδος. Ραβδούχοι ἐμπροσθεν τούτων ἐφαλλόμενοι καὶ ἄσμάτιόν το γελοῖον καὶ κατάλληλον τῇ πρῆμῃ προσάδοντες ἀνεβόων λέξει μὲν ἰδιώτιδι διηρημοσμένον, νοῦν δὲ ἔχον τοιοῦτον ἔβουλετο γάρ τὸ ἕσμα πάνδημον πᾶσι παρακelaύεσθαι τε καὶ ἰδεῖν τοὺς τετυραννευκότες τούτους κερασφόρους ἄνδρας, οἵτινες τὰ ζῆφν κατὰ τοῦ αὐτοκράτορος ἔθηξαν» Ἀλεξιάς XII p. 361; см. Σάθα, I. c. p. 403. — Участіе скинниковъ, скомороховъ въ обрядѣ наказанія упоминается не разъ. См. Procopii Bell. Vand. I, 3, p. 321, Bonn; Acta Passionis S. Victoris, 8 Maji, въ AASS.: *jussit vocare scurriones et jussit eis, ut duceretur ad silvulam et ibi decollaretur.**

²⁾ Iohann. Chrysost. in epist. ad. Ephes. cap. V. Hom. XVII, I. c. p. 120; смичи приписанное Златоусту слово *περὶ μετανοίας.*, у Migne. Patrol. graecae t. LIX стр. 761; см. посланіе Нила, ученика Златоуста, къ Софисту Никогиху, у Саен I. c. p. 89 и ib. p. 91 (рассказъ Палладія о пирѣ Эфесскаго епископа, на которомъ онъ самъ явился — въ роли Вахха) и 192 (о затрапезныхъ сценическихъ представленіяхъ при иконоборческихъ императорахъ).

³⁾ Ioh. Chrysost.: *Εἰς τὸ ἀποστόλικον ῥῆτον διὰ δὲ τὰς πορνείας ἕκαστος τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα ἔχετω.* См. Σάθα I. c. 67—9, 337 и 371—2 (24-й канонъ Трульскаго собора) и Jagić Opisi II 139 (Кормчая).

⁴⁾ Σάθα I. c. 338. Праздникъ этотъ справлялся въ ночь на субботу первой недѣли мѣсяца Марта. Какое празднество разумѣется 62-мъ канономъ Трульскаго собора: *τὴν ἐν τῇ πρώτῃ τοῦ Μαρτίου μηνὸς ἡμέρᾳ ἐπιτελουμένην πανήγυριν*, недостаточно объясняетъ Вальсамонъ.

въ пору *генварскихъ каландъ* и на *масляницъ*¹⁾. Мы остановимся на участіи мимовъ въ обиходѣ генварскихъ каландъ:

«Каланда соуть первіи въ космъждо мѣи дѣнь, въ нихъ же обычаи бѣ кляномъ твориті жертвы», говорится въ нашей Кормчей по поводу запрета Каландъ. Первые дни мѣсяца, *ιερομηνιαί, νεομηνιαί*, и въ христіанскую пору были обставлены суевѣрною обрядностью, возжженіемъ огней²⁾, — обычай повсюду удержавшійся преимущественно для генварскихъ каландъ —; гаданіями (сл. византійскія *καλανδολόγια*), народными увеселеніями при участіи потѣшниковъ, скомороховъ. Таковаго описываетъ намъ Синезій: τὸν ἐν θεάτρῳ δὲ ἄνθρωπον, ὅς πολλὴν καὶ καλὴν τῷ δήμῳ διατριβὴν, ἔξεστι καθ' ἐκάστην ἱερομηνίαν τῷ καταλαβόντι θεᾶν θεᾶσθαι. Οὗτος ἔστι μὲν τῶν τέχνη φαλακρῶν, οὐ τῶν φύσει, βαδίζων ἐπὶ τὰ κουρεῖα τῆς ἡμέρας πολλάκις· πάρεσι δὲ εἰς τὸν δῆμον ἐπ' αὐτὸ τοῦτο, τῆς κεφαλῆς τὴν ῥώμην ἐπιδειξόμενος, ἢ μηδὲν ἔστι δεινὸν τῶν δεινῶν· ἀλλὰ καὶ πρὸς πίτταν ἀναζέουσιν παραβάλλεται, καὶ διακυρίττεται δεδιδαγμένῳ χριῶ, πόρρωθεν εὖ μάλα τὸν πίτυλον κατασεῖοντι и т. д.³⁾

Между всѣми каландами — генварскія вскорѣ заняли первое мѣсто, онѣ по преимуществу и праздновались: "Ἦγοντο μὲν οὖν πᾶσαι καλάνδαι διὰ τιμῆς, καὶ ἱεραὶ ἦσαν ἡμέραι, ὅτε καὶ νεομηνιαὶ καὶ τὸ τῆς ἀρχῆς οὕτω δεῖον ἀνέφαινον." Ἐδοξέ δὲ πως τὰς Ἰαννουαρίου καλάνδας προέχειν τῶν ἄλλων, καὶ τὸ τῶν λοιπῶν πρεσβεῖον

¹⁾ Σάθα I. с. 393 прим. 3 (изъ Иоанна Хумна).

²⁾ Сл. Буслаевъ, Историческ. Христом. 384 (изъ Кормчей).

³⁾ Synesii Calvitiі encomium у Migne'я, Patrol. graecae t. LXVI p. 1189, 1192. Сл. ib. p. 1694 въ прим. 91 цитату изъ Григорія Назіанзіана ер. 62, t. I p. 819 ed. Bill, лишь косвенно касающуюся мимы, описанной Синезіемъ: «Οἷον ἠγγόησα ὡς σκαῖον λίαν καὶ ἀπαίδευτον ἄνδρα σοφιστὴν ἐνουθέτησα, ὃ τῆς ἀπονοίας, καὶ οὐδὲ ὑπὸ τῆς παροιμίας τῆς ἰδιωτικῆς ἐπαιδεύθην φαλακρὸς ὢν κατὰ κριοῦ μὴ νυστάζειν ἀντιπρόσωπως, μηδὲ σφηκίαν ἐγείρειν κατ' ἑμαυτοῦ, γλῶσσαν πρὸς τὸ κακῶς λέγειν ἐτοιμοτέρην».

ἐξιδιώσασθαι, καὶ ἀποκρύψαι τὰς ἄλλας τῷ θαύματι.... συνεῖλε πᾶσαν τὴν τῶν καλανδῶν τιμιότητα ὁ Ἰαννουάριος εἰς ἐαντόν μὴν, πλεονεκτήσας τοὺς ἄλλους, καὶ τὸ κοινὸν ἐξιδιώσάμενος ¹⁾. — Интересно въ этомъ отношеніи слова Тзетца ²⁾ о томъ, какъ ежемѣсячные обходы древнихъ агиртовъ въ пору календъ перешли къ значенію специально святочныхъ обходовъ.

Οἱ παλαιοὶ ἀγύρται γάρ, ὡσπερ Βαβρίας γράφει,
 .....
 Εἰς ὄνον θέντες εἰδῶλον θεᾶς αὐτῶν τῆς Ῥέας,
 Τυμπάνοις περιήρχοντο τὰς κόμας προσαιτοῦντες,
 Μετ' ἐπασμάτων καὶ ᾠδῶν, σελήνης ἀρχιμήνοις.
 Ἄκουσον καὶ Βαβρίου δὲ τινῶν χωλῶν ἰάμβων
 «Γάλλοις ἀγύρταις εἰς τὸ κοινὸν ἐπράθη
 ἄνος τις, οὐκ εὐμορφος, ἀλλὰ δυσδαίμων.
 Εἶτα παρελθὼν καὶ-κατωτέρω λέγει
 «Οὔτοι δὲ κύκλω πᾶσαν ἐξ ἔθους κόμην
 «Περιόντες ἔλεγον, τίς γὰρ ἀγροίκων
 «Οὐκ οἶδεν Ἄττιν λευκόν, ὡς ἐπηρώθη;
 «Τίς οὐκ ἀπαρχὰς ὀσπρίων τε καὶ σίτων
 Ἄγνῳ φέρων δίδωσι τυμπάνῳ Ῥείης;

Вотъ во что преобразовались ἀγύρται или μηναγύρται во время Тзетца:

Κυρίως τοὺς ἀγύρτας δὲ καὶ μηναγύρτας νόει,
 .....
 Οἱοὶ εἰσιν οἱ παρ' ἡμῖν σύμπαντες σιγνοφόροι,
 Ὅποσοι περιτρέχουσι χώρας καὶ προσαιτοῦσι
 Καὶ ὅσοι κατ' ἀρχιμήνον τὴν Ἰαννουαρίου
 Καὶ τῆ Χριστοῦ Γεννήσει δὲ καὶ Φώτων τῆ ἡμέρα,
 Ὅποσοι περιτρέχουσι τὰς θύρας προσαιτοῦντες
 Μετὰ ᾠδῶν ἢ ἐπωδῶν ἢ λόγοις ἐγκωμίων,
 Καὶ δῶθεν ἐν προφάσεσιν ψευδέσιν, εὐαφόρμοις,

¹⁾ Eustathii Thessalonicensis I. c. стр. 1258—9.

²⁾ Ioannis Tzetzae Historiarum variarum Chiliades, ed. Kiessling p. 490—1.

Οὔτοι πάντες ἂν λέγοιντο κυρίως μνηγύρται.
 Μᾶλλον ἂν σιγνοφόρους μοι σὺ μίξις τοιουτώδεις,
 Καὶ κατ' ἀρχίμνηνον καιρὸν νοήσοις περιτρέχειν
 Καὶ προσαιτεῖν ἐν τῷ λαβεῖν ἄπερ καλοῦσιν οὔτοι.
 Μνηγυρτῶν ἐφεύρηκας τὴν ἀρμοδίαν κλήσιν.

Этихъ агиртовъ — колядовщиковъ мы встрѣчаемъ уже у Астерія (IV—V вв.) въ интересномъ описаніи генварскихъ календъ, на которомъ мы думаемъ остановиться ¹⁾. Эпископъ Амасіи убѣждаетъ христіанина бросить безсмысленное, грѣхонное празднованіе: «φέρε, τὴν μωρὰν καὶ βλάπτουσαν τέρψιν λόγῳ τῶν ψυχῶν ἀπελάσωμεν, ὡσπερ τινὰ φρενίτιν ἐν τῷ γελᾶν καὶ παίζειν τὸν θάνατον ἄγουσαν». Онъ нападаетъ на нелѣпный обычай подарковъ, обращающійся въ подачки и вызы- вающій вымогательства. Попрошайничаютъ дѣти, собираются толпы агиртовъ и глумцовъ: «ἑορτὴ αὕτη ψευδώνυμος, ἐπαχ- θείας γέμουσα· καὶ γὰρ ἡ πρόοδος ἐπαχθῆς, καὶ ἡ ἔνδον μονὴ οὐκ ἀνενόηλος. Δημόται γὰρ ἀγύρται καὶ οἱ τῆς ὀρχήστρας θαυματοποιοί, εἰς τάξεις καὶ συστήματα ἑαυτοῦς κατα- μερίσαντες, ἐκάστην οἰκίαν διοχλοῦσιν· καὶ δῆθεν μὲν εὐφημοῦσι καὶ ἐπικροτοῦσιν, μένουσι δὲ πρὸς ταῖς πύλαις τῶν πρακτῆρων εὐτονώτερων, μέχρις ἂν ἀποκναισθεῖς ὁ ἔνδον πολιορκούμενος, προῆται τὸ ἀργύριον ὅπερ ἔχει, καὶ ὁ οὐ κέκτηται. Ἄμοιβαδὸν δὲ προσιόντες ταῖς θύραις, ἀλλήλους διαδέχονται, καὶ μέχρις δείλης ὀψίας ἀνεσις οὐκ ἔστιν τοῦ κακοῦ· ἀλλὰ φατρία φατρίαν καταλαμβάνει, καὶ βοή βοῆν, καὶ ζημία ζημίαν». — Особливо солено доста- валось въ эти дни крестьянамъ, если дословно понять слѣ- дующія выраженія Астерія: «φευκτὴν αὐτοῖς καὶ ἄβατον τὴν πόλιν ἐργάζεται· καὶ μᾶλλον αὐτὴν ἀποδιδράσκουσιν, ἢ οἱ λαγῶοι τὰ δίχτυα. Οἱ γὰρ εὐρισκόμενοι μαστίζονται, παροινοῦνται, ἀπολλοῦουσιν τὰ ἐν χερσίν, ἐν εἰρήνῃ πολεμοῦνται, ἐπιγλυ-

¹⁾ Asterii Amaseni, Homilia IV adversus Calendarum festum, у Migne, Patrol. graecae t. XL p. 216—225.

άζονται, κωμφοδούνται λόγοις και έργοις. — Люди зажиточные (οί ένοπλοι στρατιώται) теряють нравы, научаясь всему дурному: μανθάνουσι γάρ άνελευθερίαν, έπιτηδεύματα σκηνηκῶν, έκλυσιν και μαλακίαν ήθῶν, παιδιάν κατά τῶν νόμων, και τῆς άρχῆς, ἥς έτάχθησαν φύλακες. Τήν γάρ μεγίστην άρχήν κωμφοδούσιν και διασύρουσιν, άρμα ως επί σκηνης άναβαίνοντες, και δορυφόρους πεπλασμένους χειροτονούντες, και δημοσία ποιούντες τά τῶν έξυρημένων προς κόνδυλον. Και ταυτ' έστιν τῆς πομπείας τά σεμνότερα. Τά δε άλλα πῶς άν τις είποι; Μή και έκκαλυψάμενος γυναικίζεται ο άριστεύς, ο τόν θυμόν λεοντώδης, ο μετά την όπλησιν θαυματός οφθῆναι τοῖς αίκείοις, και φοβερός τοῖς εναντίοις: και τόν χιτώνα μέχρι τῶν σφυρῶν αφήσει, και τοῖς στέρνοις περιελίττει τήν ζώνην, και υποδήματι χέχρηται γυναικίῳ, και τόν κρόβυλον έπιτίθεται τῇ κεφαλῇ, ἥ γυναιξί νόμος: και φέρει τήν ήλακάτην έρίου γέμουσαν, και τῇ δεξιᾷ νῆμα κατάγει, τῇ πατε φερούση τὸ τρόπαιον: και τόν τόνον τῆς ψυχῆς έναλλάττων, τὸ οξύτερον και γυναικῶδες φθέγγεται». — Между тѣмъ сановники, шпаты, «Θεόν παροξύνοντες προκάθηνται νῦν, και μετ' ολίγον ήνίοχοις μερίζοντες τόν χρυσόν, και αύληταῖς κακοδαίμοσι, και μίμοις, και ορχησταῖς, και άνδρουγύνοις, και γυναιξί πόρναις, ὧνιον παρεχούσαις τῷ δημίῳ τὸ σῶμα: και αὔθις θηριομάχοις μικροῖς και άνελπίστοις, και αὐτοῖς τοῖς θηρίοις».

Передъ нами, на сценѣ празднованія колядъ, весь персоналъ народнаго театра, кривляющійся и побирающійся, ряженые ¹⁾, «окрутники», комическіе шествія — и нѣсколько, къ сожалѣнію не достаточно ясныхъ указаній на характеръ византійскаго святочнаго лицедѣйства. Рядились женщинами; другіе, возсѣвъ на колесницѣ, шествовали, окруженные оруженосцами — и Астерій говорить о нихъ, что они издѣваются надъ предрезащей

¹⁾ О ряженіи скитниковъ и даже клириковъ въ пору каландъ см. толкованіе Вальсамона на 62-й канонъ Трулльскаго собора.

властью. Какъ понять это показаніе? Одно-ли ряженіе царемъ показалось непристойнымъ строгому ревнителю (сл. святочную игру въ царя), или оно сопровождалось соответствующимъ сатирическимъ «дѣйствомъ»? Я, по крайней мѣрѣ, склоненъ допустить, вмѣстѣ съ Саоой¹⁾, подобное толкованіе для другаго мѣста у Астерія: насмѣшки и побои, будто-бы достававшіеся на долю крестьянъ, сомнительны, если истолковать ихъ дословно, и весьма вѣроятно, что ихъ слѣдуетъ понять, какъ указаніе — на репертуаръ святочной народной сцены, на которой выводились и осмѣивались крестьянскіе типы. Саоа склоненъ пойти и далѣе, вкладывая такой-же смыслъ въ слова Астерія: «γελᾶν καὶ παίζειν τὸν θάνατον», и предполагая за ними какой-нибудь сценической актъ. Сравненіе съ «пляской мертвыхъ» во всякомъ случаѣ неумѣстно; скорѣе припомнимъ такой (весенній) обрядъ, какъ похороны зимы или смерти, или святочную забаву, кое-гдѣ встрѣчающуюся на Руси: толпа ряженныхъ несетъ одного изъ своей среды, представляющагося умершимъ, причитываетъ и голоситъ надъ нимъ и, положивъ его, начинаетъ комическое отпѣваніе²⁾. — Можно пойти и далѣе по дорогѣ гипотезъ, перенести свидѣтельство о каландныхъ играхъ вообще — на генварскія: я имѣю въ виду рассказъ Синезія о мимѣ, бодающемъ съ бараномъ. Это — сцена изъ русскихъ святокъ: является «Антонъ съ козю»; его появленіе есть вызовъ къ пляскѣ съ припѣвомъ:

Антонъ козу ведетъ,
 Антонова роза нейдетъ;
 А онъ еѣ подгоняетъ,
 А она хвостикъ поднимаетъ;
 Онъ еѣ возжамп,
 Она его рожками.

¹⁾ 1. с. 75; сл. тамже прим. 2.

²⁾ Алексѣй Веселовскій, Старинный театръ въ Европѣ р. 404.

Сначала коза пляшетъ, потомъ упрямится. Антошь бьетъ еѣ веревкою, а она бодаетъ его и дрыгаетъ ногами ¹⁾).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну внѣшнюю подробность, характеризующую потѣшниковъ Синезія и Астерія: первый называетъ ихъ *πλῆθις* не по природѣ, а искусственно: нѣсколько разъ въ день они ходятъ стричься (или бриться?) въ цирюльню, какъ будто затѣмъ, добавляетъ Астерій, чтобы оголенная голова была доступнѣе ударомъ (*ἐξυρήμενοι πρὸς χόνδρον*). Разумѣются такъ называемые *Μωροὶ φαλακροὶ, calvi mimici*, низменный типъ шута, о которомъ сохранился цѣлый рядъ латинскихъ и греческихъ, раннихъ и позднихъ свидѣтельствъ. Сл. *Non. Marc. s. v. Calvitur*: dictum est frustatur, tractum a calvis mimicis, quod sint omnibus frustatui ²⁾). — *Juven. V. 171*: Pulsandum vertice raso quandoque caput. — *Arnob. 7, 33*: delectantur (dii) stupidorum capitibus rasis. — *Lucian. Conviv. 18* (ο γελωτοποιός): παρῆλθεν ἄμορφός τις ἐξυρημένος τὴν κεφαλὴν, ὀλίγας ἐπὶ τῇ κορυφῇ τρίχας ὀρθὰς ἔχων. οὗτος ὠρχήσατό τε κατακλῶν ἑαυτὸν καὶ διαστρέφων, ὡς γελοιότερος φανείη. — *Artemid. I, 22*: ξυρεῖσθαι δὲ δοκεῖν τὴν κεφαλὴν ὅλην Αἰγυπτίων θεῶν ἱερεῦσι καὶ γελωτοποιοῖς καὶ τοῖς ἔθος ἔχουσι ξυρεῖσθαι ἀγαθόν. — *Alciphron. III ep. 43*: τῇ προτεραίᾳ ξυράμενοι τὰς κεφαλὰς ἐγὼ καὶ Στρουθίων καὶ Κύναιδος οἱ παράσιτοι (далѣ забавляющіе сотрапезниковъ παρὰ μέρος ἀλλήλους ἐπιρραπίζοντες). — *Johann. Chrysostomus, In Matth. Homil. XXXVII al. XXXVIII* (у Migne'я *Patrolog. graecae t. LVII p. 426*): τίς δὲ καὶ ὁ πάταγος; τίς δὲ καὶ ὁ θόρυβος καὶ αἱ σατανικαὶ

¹⁾ Терещенко, I. с. VII, 186—7.

²⁾ Сл. Ducange *Gloss. med. et inf. lat.*: calvitus = frustatus; calvere = decipere (пров. calevre? = deceptor, fallax); calventes = frustra calumniantes. Не сюда-ли относится и среднелат. названіе такъ называемаго charivari: *chalvaricum, chalvaritum, charavaritum, charivarium, charavaria, charavallium* (Ducange *ib. a. v.*; Diez, *Wb. a. v. charivari*). Какъ извѣстно, такъ назывался существующій еще кое-гдѣ обычай глумиться надъ сочетавшимися вторымъ и слѣдующими браками.

κραυγαί, καὶ τὰ διαβολικὰ σχήματα; Ὁ μὲν γὰρ ὀπισθεν ἔχει κόμην νέος ὢν, καὶ τὴν φύσιν ἐκδηλύνων, καὶ τῷ βλέμματι, καὶ τῷ σχήματι, καὶ τοῖς ἱματίοις, καὶ πᾶσιν ἀπλῶς εἰς εἰκόνα κόρης ἀπαλῆς ἐκβῆναι φιλονεικεῖ. Ἄλλος δέ τις γεγηρακῶς ὑπεναντίως τούτῳ τὰς τρίχας ξυρῶ περιελῶν, καὶ ἐξοσμένοσ τὰς πλευράς, πρὸ τῶν τριχῶν ἐκτέμνον τὴν αἰδῶ, πρὸς τὸ βραπιζεσθαι ἔτοιμος ἔστηκε, πάντα καὶ λέγειν καὶ ποιεῖν παρασκευασμένος. — Сл. приписанное Златоусту слово περί μετανοίας (y Migne's I. c. t. LIX p. 760): Ἄλλος γελωτοποιὸς εἰσεισιν, εἰς αἰσχύνῃν ἑαυτοῦ διαπλάσασθαι μέλη, γέλῳτι μισθώσας τὴν κεφαλὴν, αἰσχυνόμενος εἰ μὴ δημοσίᾳ βραπιζῆται, καὶ τοῖς κτύποις τῶν πυέλων προευτρεπιζῶν τὰς παρειάς, καὶ ξυρῶ τὰς τρίχας περιαιρῶν, ἵνα μὴδὲ θριξ μεσιτεῦηται ταῖς ὕβρεσι. — Γρηγορίου Ναζιανζηνῶ, Oratio IV, contra Julianum I (ed. Migne I. c. t. XXXV p. 604—5): Ἀλλὰ τοῦτο μὲν, ὅπερ εἶπον, γελῶτον μᾶλλον ἢ λυπηρόν, καὶ εἰς τὴν σκηνὴν ἀποπεμπόμεθα πάντως οὐ ποτ' ἂν ὑπερβαλλοίμεθα τοὺς βραδίως ἐκεῖ κατὰ τῆς κόρης τὰ γε τοιαῦτα παιζομένους καὶ παιζοντας (σχολία: κόρῃν δὲ λέγει τὴν κεφαλὴν, ἣν εἰώθασι πατάσσειν οἱ μῖμοι παιζοντες). — *Εἰο-με*, Oratio XLIII In laudem Basilii magni (y Migne's I. c. t. XXXVI p. 581): καὶ τοὺς ἐπὶ τῆς σκηνῆς θαυμάζοι, ὡς ἤδεξτε καὶ φιλανθρώπους, ὅτι τοῖς δῆμοις χαρίζονται, καὶ κινουσι γέλῳτα τοῖς ἐπὶ κόρῃς βραπίσμασι καὶ ψοφήμασι. — *Εἰο-με* послание Πρὸς Σέλευκον (y Migne I. c. t. XXXVII p. 1583, v. 85 слѣд.):

Μῖμοι γελῶν, κονδύλοις εἰδισμένοι,
 Αἰδῶ τεμόντες τοῖς ξυροῖς πρὸ τῶν τριχῶν,
 Ἀσελγῆς αἰσχρότητος ἐργαστήριον,
 Οἷς πάντα πάσχειν καὶ παθεῖν, ἂ μὴ θέμις,
 Ἐν ταῖς ἀπάντων ὄψεσι, τέχνης μέρος ¹⁾).

¹⁾ Сл. съ v. 86 (Αἰδῶ τεμόντες τοῖς ξυροῖς πρὸ τῶν τριχῶν) при-
 веденное въ текстѣ выражение Иоанна Златоустаго (изъ слова на еван-
 гелие отъ Матѳея): πρὸ τῶν τρίχων ἐκτέμνον τὴν αἰδῶ. — Сава I. c. 344
 цитуетъ послание къ Селевку, какъ принадлежащее св. Амфилохію.

Ελο-же послание παρὰ Νικοβούλου προς τὸν πατέρα (Migne l. c. стр. 1517 v. 159): καὶ μίμων σκιερότσι βαπίσμασι, οἷς ὑποκόρη γυμνοῦται.

Сл. подобныя выраженія у *Продрома*: «ἐὶ μὴ μέλλοιμεν καὶ κονδύλοις ὑποσχεῖν κατὰ κόρησ παρὰ τοῖς οἰκοτριβωσι τῶ βασιλικῶ δαπέδῳ» ¹⁾ — и у цитованнаго выше *Φила*:

ἄνδρα γελωτοκάρηνον ἐνιδρύσαντο θοώκῳ,
 γλαίνῃ μὲν σχεδίῃ περιλαμπέα, παιζόμενον δέ,
 ὄλβῳ ἐπ' ὀθνεῖῳ πενήνῃ ὅτι δόξε καλύπτειν
 τὸν ῥα γέλωσ μόρφωσε βίου φορέοντα καλύπτρην,
 ὄλβιον ὑψικάρηνον ἕως μόνον ἔζετο παίζων
 ἀγλαίνῃ βιότοιο, κενῶ δ' ἐπετέρπετο θώκῳ,
 ὅς ψαλίσιν τοπάροιθε τεμῶν ἀπεκείρατο χαίτην ²⁾.

Уже во время Прокопія среди фратрїи гипподрома было въ обычаѣ остригать переднюю часть головы по виски, оставляя волосы лишь назад ³⁾. Сава полагаетъ, что этого обычая держались лишь низменные представители народной сцены, потѣшники, γελωτοποιοί, тогда какъ, наоборотъ, другіе скиники отпускали волосы (ἔμμαλοι, χαράμαλλοι, χρυσόμαλλοι) ⁴⁾. Исидоръ Севильскій (Etym. l. X, Nupocrita) различаетъ эти два типа: его гистріоны «in spectaculis contacta facie incedunt, distinguentes vultum caeruleo minioque colore, et caeteris pigmentis, habentes simulacra oris lintea gypsata, et vario colore distincta, nonnunquam et colla et manus creta perungentes, ut ad personae colorem pervenirent, et populum, dum in ludis agerent, fallerent, modo in specie viri, modo in feminae, modo tonsi, modo criniti, anili et virginali caeteraque specie, aetate sexuque diverso, ut fallant populum, dum in ludis agunt». См. также приведенный выше отрывокъ изъ гомилїи Златоуста in Matth. XXXVII al. XXXVIII.

¹⁾ Σάθα р. 389 прим. 1 (изъ Notices et Extraits, VIII, 92).

²⁾ l. c. р. 397.

³⁾ l. c. 316 (Procopius t. III р. 48, ed. Bonn).

⁴⁾ l. c. р. 312—3, 319—322.

Укажу въ заключеніи на нѣсколько средневѣковыхъ греческихъ словъ, имѣющихъ отношеніе къ понятію мима, плясуна, потѣшника.

Ducange ¹⁾ дважды (a. v. κουτούλοι и φορακίδες) приводитъ слова Варѳоломея Эдесскаго: και οἱ μὲν μουσικοὶ κρούουσι τὰς μουσικάς, οἱ δὲ φορακίδες ὀρχοῦνται ἀσκεταίς κούτουλοι, και οἱ κοσμικοὶ, και οἱ λαϊκοὶ μετὰ τῶν παίδων αὐτῶν κρούουσι τὰς ἑαυτῶν χεῖρας, και ἀναιδῶς φωνάζουσι. Και οἱ κουτούλοι ὀρχοῦνται και οὕτως καταπίπτουσιν ἐνταλαμένοι, και ἀφρίζουσιν ²⁾. Слово κούτουλοι, оставленное Дюканжемъ безъ объясненія, Lemoine переводитъ: proni in terram et cernui, capite prono, имѣя, быть можетъ, въ виду кούτελον = μέτωπον, κουτελίζειν, κουτουλεῖν = cognupetere, coniscere. Ducange отсылаетъ для объясненія къ κουζουλόс = stultus, amens — и къ куотроу́λης (куотроу́λος) = depilatus, tonsus, κευουρευμένος; новогреч. куотроу́λος = mozzo, куотроули́ζω = tagliar le sommità degl'alberi, но куотроу́λης = кууреμένος, и въ переносномъ смыслѣ: окарнанный — куций жалкій, meschino, misero. Сл. подобный же переходъ значеній въ куотζός: собственно mutilus, культа, култыга, какъ выясняется изъ сложныхъ формъ (куотζομύτης, куотζοχέρис и т. п.), но въ новогреч. куотζούρα = meschina, misera; куотζуруон = truncus, κόλοβος, στέλεχος, обрубокъ, колода, — и, далѣе: тупой человекъ, колода, (сл. франц. bûche; русск. столпъ и остолопъ; чурка, чурбанъ: короткій отрубокъ бревна, жерди, чурбанъ = неловкій, неповоротливый человекъ), тогда какъ съ другой стороны куотτζα, куотζούνα, хотζούνα, хосῶνα выродились изъ понятія чурки, короткаго отрубка къ значенію — куклы.

¹⁾ Gloss. graec. a. v. κουτούλοι (φορακίδες), кούτελον, куотеліζειν, куотζός (и производныя), куотроу́λης, куотзулός. Новогреческія формы приводятся по словарямъ Сомаверы и Византія.

²⁾ Bartholomaei Edesseni Elenchus et confutatio Agareni, у Migne, Patrol. graec. t. 104, p. 1428.

Одна среднегреческая рукопись (Ducange a. v. *κουτρούλης*) замѣняетъ слово *λυσιχαίτας* двумя: *κουτρούλους, καραγίους*. Если *κουτρούλος* = *tonsus*, то очевидно, что не оно отвѣчаетъ *λυσιχαίτης*. *Καράγιος*, среднелат. *caragius, carajus, caragus* («*caragios, coriocos et divinos*») = *sortilegus, praestigiator, qui characteribus magicis utitur* ¹⁾. Ducange предлагаетъ написаніе *χαράγιοι*, очевидно производя это слово отъ корня *χαράγ*: *χαράττειν, χάρακτηρ*, къ которому возводитъ и среднелат. *caraua*, старофр. *charaude, charaie* и т. п.: волшебство, *schedula magica notis seu litteris magicis inscripta* ²⁾. Сравненіе съ турецкимъ карагѣзъ (собственно: черноглазый), можетъ быть, лишь осмыслившимъ чужое слово, ведетъ меня къ другой гипотезѣ. Синонимами карагѣза являются: хайяли-зыль = марionетки, китайскія тѣни, и масхара = смѣшная фигура, буфонъ, маска; румынское (съ турецкаго) *caraghiós = bouffon, comique, farceur* ³⁾. Точкой отправления могло быть греч. *χοραγός, χοραγία, χοράγιον* (сл. старовѣрхненѣм. глоссу: *coragios = liodirsázo*); понятія кудесника — карага и потѣшника — карагѣза могли выйти изъ одного источника; подобное сочетаніе значеній мы уже имѣли случай встрѣтить. Въ объясненіе укажу еще на слѣдующее: въ глоссаріяхъ, ходящихъ подъ именемъ Исидора Севильскаго,

¹⁾ Ducange, Gloss. lat. a. v. *caragus*; Gloss. Graec. a. v. *κουτρούλης*.

²⁾ Ducange, Gloss. lat. a. v. *caraua*; Tobler, Zeitschs. f. rom. Philol. III p. 263—4.

³⁾ Сінас, l. c. II p. 556 a. v. *caraghiós*, минуя турецкое карагѣзъ (иначе у Pontbriant), сближаетъ тур. *chorata = facétie, farce, bouffonnerie, chorátadji = farceur, bouffon, facétieux*; новогреч. *χορατᾶς = plaisanterie, facétie, χορατευτικός = plaisant, facétieux*, къ которымъ можно присоединить: *χορατατζής = тур. chorátadji*. Эти слова едва-ли не слѣдуетъ отдѣлить отъ карагѣза = *caraghiós*: онѣ восходятъ къ греч. *χορίτης = деревенщина*, откуда новогреч. *χορατᾶς* и соответствующія турецкія, тогда какъ *χορατατζής*, наоборотъ, могло сложиться по типу турецкаго *chorátadji*. — Объясненіемъ турецкихъ словъ я обязанъ проф. Смирнову.

читаемъ ¹⁾: *corugio* — *puer*; *est ludus, quando proverbialia dicunt; alibi igitur: coragium pars est in ludis, quando proverbialia dicuntur;* въ глоссахъ, *coragium: virginalis signum, vel pompa virginalis quam solent virgines facere in quibusdam locis contra mortuum, scilicet chorea, et quaelibet chorea sic potest dici; danss, rey, doden-spiel, gelycnissen-vortbrenging* ²⁾. Стало быть: игра, пляска, вѣроятно, обрядовая; говорится о похоронномъ обрядѣ, въ которомъ участвуютъ дѣвушки, можетъ быть, плясцы, мимы: извѣстны пляски римскихъ мимовъ на похоронахъ (*indictiva funera*), при чемъ *archimimus* представлялъ собою лицо умершаго; насмѣшны плакальщики и плакальщицы Римлянъ отражаются въ жонглерахъ — наемныхъ плакальщикахъ въ Лангедокѣ ³⁾; соборныя постановленія говорятъ объ обрядности похоронъ: *nullus ibi praesumat diabolica carmina cantare, non joca et saltationes facere* ⁴⁾ и т. п. Такія игры должны были представляться духовнымъ людямъ языческими, пляска — волхвованіемъ, хорагъ — карагомъ, знахаремъ.

Подобный переходъ мы предположили-бы для другаго унаслѣдованнаго названія древняго мима, *choraules*, еслибы можно было привязать къ нему сициліанскаго бродячаго знахаря, заговаривающаго змѣй, *seraule, cigaraulu, cigaraulu* ⁵⁾. Греч. *χοραύλης* = среднелат. *choraules, choraula, caraula* = *cocula* • (*caucula*),

¹⁾ Migne, *Patrol. lat.* t. 83 p. 1345 (въ Исидоровскихъ глоссахъ); *Ducange, Gloss. lat. a. v. coragium*; *Diefenbach, Gloss. lat. germ. a. v. coragium*.

²⁾ Вѣроятно смѣшеніе глоссъ: *corugio* и *coragium*. Съ *corugio* = *puer* сл. сициліанск. *carusu: bambino, fanciullo*, южно-итальянск. *caruso* = *testa gasa*. Сл. ит. *toso*, пров. *tos*, старофранц. *tosel* = мальчикъ (*tonsus*).

³⁾ *Legrând D'Aussy, Fabliaux II, p. 392.*

⁴⁾ *Narzheim Conc. II 500.*

⁵⁾ *Pitrè, въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari I, I, стр. 76, слѣд. Pitrè производить seraule отъ χοραύλης. Объ этомъ подробнѣе въ моемъ отчетѣ о первомъ выпускѣ Архива, имѣющемъ появиться въ Журн. Мпн Нар. Просвѣщенія.*

joculator, joculatrix, spoelmann, kempfer, streiter, но и sayten-spiel, — tanz; princeps chori ludorum, quo nomine potest dici totus chorus ¹⁾. Въ смыслѣ пляски, и именно обрядовой, запретной, понято это слово въ житіи св. Элигія: nullus in festivitate S. Johannis . . . solstitia aut vallationes (т. е. ballationes) aut saltationes aut caraulas aut cantica diabolica exercent ²⁾. Переходъ *χοραύλης* къ значенію старофр. *carole*, пров. *carola* тотъ-же, какой предполагается для исп. *zambra*: араб. *zamara* = jouer de l'instrument a vent appellé zammârah: espèce de flûte composée de deux tuyaux; *zamar*, *zimir* = qui joue de la flûte (у P. de Alcalá: *harpador*, *juglar*, *tañedor de flautas*); *zammarah*: femme qui joue de la flûte, femme adultère. *Zamaga*, мн. ч. отъ *zimir*: флейтисты, оркестръ духовой музыки; таково первоначально было значеніе испанск. *zambra*, означавшаго впоследствии—родъ танца, потому что онъ сопровождался подобнаго рода музыкой, и отвѣчающій ему напѣвъ ³⁾. — Я остановился на этой этимологіи, потому что она, по моему мнѣнію, освѣщаетъ одно загадочное выраженіе древнерусскихъ текстовъ. Въ 39-мъ словѣ св. Григорія Богослова читается: οὐδὲ Φρυγῶν ἐκτομαί, καὶ αὐλοὶ καὶ Κορύβαντες, καὶ ὅσα περὶ τὴν Ῥεᾶν ἄνθρωποι μαίνονται τελούντες τῇ μητρὶ τῶν θεῶν; въ славянскомъ переводѣ XI вѣка, л. 3 а: «ни фружскаяа кроенна и *свиртли* и *Кориванти* и елико же о Рен чльци бѣсаться жържште матери божьстѣй» ⁴⁾; въ позднѣйшихъ передѣлкахъ того-же слова ⁵⁾ *Кориванты* исчезли и загадочное *замара*, *самара* является, вѣроятно, передачей греч. αὐλοὶ, араб.

1) Ducange, Gloss. lat. a. v. choraules, coraula; Diefenbach, l. c. a. v. chorgaula; Исидоровскіи глоссы у Migne l. c. a. v. chorgaula.

2) Иначе повялъ это Ducange a. v. caranda = caraula.

3) Сл. словарь Freytag'a и Dozy-Engelmann, Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe, a. v. zambra.

4) Будиловичъ, XIII словъ Григорія Богослова.

5) Тихонравовъ, Лѣтописи русск. литературы и древности IV, Слѣсь: Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, № № III—V.

замара: Тихонр. № III стр. 96: «Фружьскаа слонница и *гуслеі мусикѣйскага іже самара* е бѣсаться жруще мтрѣ бѣсовьстѣ Афродитѣ бгйѣ»; № IV (по ркп. Новг. Соф. библ. № 1295): «и *гоусли мосукига и замара*, иже бѣсатса . . .»; № V *замара*. Сл. въ житіи препод. Θεοδοσία объ игрищахъ: «овы гоусльгыга гласы испощающемъ, друугыга же оръганыгыга гласы поющемъ, а ивѣмъ *замарыгыга* пискы гласащемъ»¹⁾.

Καράγιος-κουτρούλης: depilatus, tonsus возвращаетъ насъ къ характерному признаку греко-римскихъ потѣшниковъ, къ ихъ голымъ, стриженнымъ, точно подъ ударъ уготованнымъ головамъ. Какъ объяснить себѣ эту особенность? Коротко-остриженные волосы были и у древнихъ (ἀνδραποδώδης θρίξ), какъ въ старогерманскомъ правѣ, отличіемъ несвободнаго человѣка, раба; а на грекоримскихъ, какъ на средневѣковыхъ потѣшникахъ лежало бремя infamia'я, безправности. — Потому я считаю возможнымъ вопросъ: лат. scurra производятъ отъ корня skar, skur, kar: рѣзать, царапать, стричь и т. п.; отсюда ξυράω, ξυρίω = стричь, и scurra — потому-ли, что въ основѣ лежало понятие остраго, рѣзущаго остроумія²⁾, или потому, что scurra былъ — calvus mimicus?

Напомню, съ другой стороны, римскихъ ludii, ludiones, (λυδίων), съ поздними этимологическими потомками которыхъ мы познакомясь впоследствии. Это — вооруженные юноши, участники традиціонной игры, будто-бы заимствованной у Лидійцевъ Этрусками, а у послѣднихъ Римлянами (Dion. Halys. 2, 71). Позднѣ ихъ имя стало обозначать бродячихъ комедіантовъ, плясцовъ (ὄρχηστῆς), дававшихъ представленія, наравнѣ съ другими народными потѣшниками и шарлатанами въ циркахъ либо на улицѣ (Ov. A. Am. 112; Suet. Aug. 74). Чтобы казаться

¹⁾ Въ средне — и новогреческомъ я не встрѣтилъ соотвѣтствующаго по созвучію слова; но албанское dζαμάρε-ja = флейта.

²⁾ Сл. Vaniček, Griechisch-Lateinisches Etymologisches Wb. II, p. 1119—21 и 1080 слѣд.

богѣ юными и свѣжими, они усердно брились и стриглись, — какъ мимы Синезія, — такъ что Плавтъ Aul. 2, 9, 6 могъ сравнить оципаннаго пѣтуха съ безволосымъ лудіемъ:

tu istum gallum, si sapis,
Glabriorem reddas mihi, quam volsus ludius est.

Когда въ началѣ среднихъ вѣковъ великое народное движеніе унесло съ собою древнюю культуру, однимъ изъ немногихъ ея наслѣдій, пережившихъ эпоху погрома, былъ институтъ мимовъ, главнымъ образомъ его низкіе, площадные элементы, выразителемъ которыхъ былъ потѣшникъ, паясъ, scurra. Мимовъ и гистрионовъ¹⁾ мы встрѣчаемъ уже при дворѣ первыхъ германскихъ влaстителей: еще Ангильбертъ вызываетъ упреки Алкуина (Alcuini Epist. ed. Wattenbach und Duemmler, ep. 116 и 177; сл. I. с. ep. 81 и 289) за свое пристрастіе къ ихъ играмъ. Они являются пришлыми, прохожими людьми, съ остатками древней организаціи: о «balatronum et histrionum collegium» говоритъ Оттонъ Фрейзингенскій (Chron. I. VI, с. 32); французскія корпораціи жонглеровъ и менестрелей, стоявшія подъ покровительствомъ св. Юліана (патрона всѣхъ странствующихъ) и св. Генесія, мима и мученика при Діоклетьянѣ, лишь обновили древнее преданіе²⁾. За мимами остались ихъ греко-римскія клички: mimi, mimici, thymelici (themelici), scenici, histriones, scurrae, citharistae, choraules и т. п.; особливо пощастливилось названіямъ jocolator (= старофранц. juglere), jocularis (старофранц. jugler,

¹⁾ Литература по исторіи средневѣковыхъ мимовъ указана Scherer'омъ, Gesch. d. deutsch. Dichtung im XI u. XII Jhrh. (1875), стр. 11, прим. 1; Сл. Vogt, Leben und Dichten der deutschen Spielleute im Mittelalter (1876). О французскихъ жонглерахъ см. Gautier, Les épopées françaises I (перваго изданія), стр. 344 слѣд.; для Италіи Muratori, Antiquitates Italicae II, стр. 840 слѣд. На другія работы указано будетъ далѣе.

²⁾ Gautier, I. с. I 375—6.

пров. *juglar, joglar*, исп. *joglar*, ит. *giocolare*), встрѣчающимся уже у Сальвиана = нѣм. *spilmann*. На нѣкоторыхъ изъ ихъ туземныхъ кличекъ слѣдуетъ остановиться: понятіе *scurra*'ы, гистрiona, *joculator* выражалось на староверхненѣм. языкѣ словомъ *scërno, scërnari, mthd. scërne, scërnaere*; althd. *scërn = scurrilitas*, шутка, насмѣшка, *scernôn = subsannare, mthd. schërn, schërnenn = muthwille treiben, spotten*, старосакс. *scern = verhöhnung, spott*; нижненѣм. *scheren = spotten, höhnen, spott*; среднеголл. *scern = ludibrium*, англ. *scorn: ludibrium, irrisio, contentio, illudere, contemnere*; прквнсл. скрѣны = *εὐτραπέλια, scurrilitas*; ск(в)рѣньство = то-же (сл. сопоставленіе: сквернословцы и скоморохи). *Diez* относитъ къ нѣм. *scërn* романскія ит. *scherno*, исп. *escarnio* и т. д., устраняя лат. (ex) — *carinare: carinare = arguere, conviciari, illudere*; *carinator = conviciator et maledictor*; *carinantes = inludentes* (сл. еще: *carisa, carissa = lena vetus et litigiosa, ancilla dolosa, fallax, αὐλητής, πορνοβοσχος*; прквнсл. карина: *βωμολόχος, scurra, scurrilitas*). — Всѣ эти слова восходятъ къ тому-же корню *skar*, съ которымъ мы встрѣтились по поводу *scurra*'ы: рядомъ съ *scërn*, скрѣны = *scurrilitas* стоятъ староверхненѣм. *scëgan*, средневерхнен. *schërn*, нижненѣм. *scheren = radere, tondere* (сл. прквнсл. крѣнь въ общемъ значеніи: *mutulus: крѣнь = ὠτότμητος*, рум. *cărn = курносый*); средневерхненѣм. *schërzen = fröhlich springen, hüpfen, sich vergnügen, scherzen* — и **schërzen = abschneiden, kürzen*. Для соединенія понятій: шутить издѣваться — и стричь сл. старофр. *bertauder, bertoder, bretauder: tondre, couper les cheveux trop courts, châtrer* — и *se moquer, tourmenter*; итал. въ Комо: *bertoldà: окарнать уши, волосы*; ит. *berta: burla, beffa; bertone: cavallo con orecchie tagliate, drudo; bertonar = обрѣзывать волосы; bertuccia, — o: scimmia*; прованс. (у *Rochevide*) *bertaud — sot, penaud*; старофранц. (*Roquefort*) *berte: mauvais sujet méchant, vaugien*. — Сл. еще лат. 1) *burra* (*Anthol.*) первоначально, вѣроятно, тоже, что ит. *borra = cimatura o tosatura di pelo di panni*; франц. *bourre = Scherwolle, abgeschorenes Haar von Tüchern*,

grobe Wolle; Flocken von Haar; исп. borra = Füllhaar, Scheerwolle, gerupfte Wolle von altem Haar, Werg von Flachs oder Hanf, borro = struppiges Barthaar. Сл. среднелат. reburrus = struppig, kraus, и burla (отъ burrula) = spicatum manipulus, fascis — 2) burra (Auson.) = quisquiliae, pugae, ит. borre и burla (burlare и т. д.), исп. borra.

Что касается до отличительной особенности греко-римскихъ потѣшниковъ — извѣстнымъ образомъ стричь себѣ голову, то слѣды этого обычая на сѣверѣ нѣсколько скудны и сбивчивы. Я припомню по этому поводу догадку Гримма¹⁾ объ этимологiи слова skáld: старосѣв. skálda, шведск. skálla, датск. skolde, голл. schouden = glabare. Гриммъ сравниваетъ лат. excaldare, франц. eschauder, échauder; skáld, стало быть, depilis, glaber? (сл. старо-англ. skull, skald-head и сѣв. skalli = a bald head). Вейнгольдъ²⁾ утверждаетъ, съ другой стороны, что въ Германiи потѣшники, spielleute, обязаны были поступиться украшенiемъ свободнаго человѣка, стригли волосы и бороду, и, кажется, носили болѣе короткое верхнее платье («кротополюе» нашихъ скомороховъ), чѣмъ было въ общемъ обычаѣ. Strutt³⁾ говорить о подобныхъ-же особенностяхъ англiйскихъ жонглеровъ: одна повѣсть, записанная въ первой половинѣ XIV вѣка, рассказываетъ о молодомъ человѣкѣ, хорошей семьи, явившемся въ общество въ короткой одеждѣ нѣмецкаго покроя. Гдѣ-же, прiятель, твоя скрипка, твои инструменты? спросилъ его насмѣшливо одинъ старый рыцарь, и получивъ въ отвѣтъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ жонглеромъ, возразилъ, что кто унижаетъ себя и свой родъ, одѣваясь какъ жонглеръ, долженъ-бы запа-

¹⁾ J. Grimm, Deutsche Myth. стр. 750, прим. 1. Другiя этимологiи слова skáld см. въ Kuhn's Zeitschr. III, 428—9, VIII, 399, XI, 200, и въ словарѣ Vigfusson'a, а. v.

²⁾ Weinhold, Die deutschen Frauen im Mittelalter, стр. 363—4. Противъ него: Vogt, l. c. стр. 30, прим. 13.

³⁾ Strutt, l. c. p. 189—190.

стись и его искусствомъ. — Характернѣе слѣдующій анекдотъ: два священника попросились на ночлегъ въ бенедиктинскій монастырь, неподалеку отъ Оксфорда, и были впущены, потому что братія приняла ихъ за странствующихъ жонглеровъ и разсчитывала позабавиться. Strutt полагаетъ, что жонглеры одѣвали иногда костюмъ клериковъ, и какъ они, стригли гумеңце. Съ стриженнымъ гумеңцемъ является и скальдъ въ сагѣ, приводимой далѣе. Предположить-ли здѣсь смѣшеніе съ клериками, вагантами, или видоизмѣненіе древняго преданія? Вейнгольдъ ¹⁾ выразилъ мнѣніе, что паясы, Naggen, старонѣмецкой драмы — выродки прежнихъ мимовъ, а отличіемъ средневѣковаго Nagg'a была именно гладко остриженная голова либо выстриженное гумеңце ²⁾).

Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ церковъ явилась открытымъ врагомъ шпильмана, званіе котораго причислялось къ крайне-грѣховнымъ. (Сл. althd. skirnun = scortatores, zatarra, zaturra = изъ theatrica, съ значеніемъ meretrix и т. п.; сл. у византійцевъ: *μυρὰς* = *πόρνη*) ³⁾. Она громила его своею проповѣдью, постановленіями сборовъ, не допускала до причастія и лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяла ему пріобщиться христовыхъ тайнъ — подѣ условіемъ не заниматься своимъ ремесломъ за двѣ недѣли до причастія и столько-же спустя. Говоря о людяхъ, допустимыхъ къ монастырской жизни, Hugo a Sancto Victore выражаетъ сомнѣніе относительно живописцевъ, врачей и жонглеровъ: *joculatores ante conversionem leves; cum ad conversionem veniunt, saepius usi levitate, leviter recedunt* ⁴⁾. Опредѣленія

¹⁾ Weinhold, Ueber das Komische im altdutschen Schauspiel, въ Jahrb. f. Literaturgeschichte, hrsg. v. Gosche, стр. 32; сл. 39.

²⁾ V. d. Hagen, Gesamtabenteuer I, p. 216, v. 177—8; A. v. Keller, Fastnachtspiele I, стр. 122 и 143; сл. далѣе, стр. 158, цитату изъ *Deus bordeors ribauz* и Legrand D'Aussy, Fabl. V, стр. 114—115 прим.

³⁾ W. Wackernagel, Kleinere Schriften, III p. 260 прим. 1.

⁴⁾ Gautier, l. c. I, стр. 379 прим. 1.

свѣтскаго закона не отставали отъ церкви: саксонское зеркало признаетъ шпильмановъ безправными, лишаетъ ихъ права наслѣдства, развѣ его отецъ былъ такимъ-же, какъ онъ, потѣшникомъ, торговавшимъ своею честью. Если кто-нибудь оскорбитъ шпильмана, то швабскій кодексъ (Landrecht) позволялъ ему такое удовлетвореніе: обидчикъ становился у стѣны, освѣщенной солнцемъ, на которую падала его тѣнь, а пострадавшій могъ подойти къ тѣни и — ударить её по горлу. Еще сильнѣе поглумилось надъ обиженнымъ шпильманомъ право города Naumburg'a: кто ударить его, не платитъ за то никакой пени ни судѣ, ни обиженному — которому можетъ дать еще три удара сверхъ прежнихъ ¹⁾. — Въ Швеціи наслѣднику убитаго шпильмана (lekaге) предоставлялось: схватить рукой, одѣтой въ рукавицу, намазанную олеемъ, гладко-остриженный хвостъ молодой коровы, которую гонять бичемъ подъ гору; — если онъ сѣмъ-бѣе удержитъ её, она будетъ ему вирой за убитаго ²⁾.

Безправные юридически, гонимые церковью, эти бродячіе пѣвцы были тѣмъ не менѣе вхожи въ народъ, являлись на его игрища, свадьбы ³⁾, пиры, турниры, похороны и т. п.; носители культурнаго преданія, чуждаго, заповѣднаго, и вмѣстѣ близкаго по уровню къ духовному кругозору народа, эти потѣшные люди не могли не повліять на его содержаніе; къ ихъ почину восходятъ, быть можетъ, не одна заговорная формула, сложившаяся на почвѣ римско-византійскаго міра и доживающая свой вѣкъ въ сѣверной Европѣ. — Инымъ изъ нихъ удавалось пристроиться къ мѣсту, при дворахъ, въ болѣе или менѣе почетной роли; они

¹⁾ Vogt, l. c. 23—26; Zappert, Ueber das Fragment eines Liber datus, в Sitzungsberichte der philos. hist. Cl. d. Kais. Ak. d. Wiss. XIII B. p. 152 прим. 115. Въ работѣ Zappert'a собрано много фактическихъ данныхъ для исторіи нѣмецкаго шпильмана.

²⁾ J. Grimm, Rechtsalterthümer p. 678.

³⁾ Шпильманы на свадьбахъ. Сл. Schultz, Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger, I, 493.

забавляютъ, но они-же являются исполнителями болѣе важныхъ порученій, послами, развѣдчиками (сл. прквносл. глюумьць = *minimus* и *punitius*); международное право средневѣковой Европы гарантировало ихъ неприкосновенность ¹⁾. Таковы англосаксъ *Vidsið*, *cantor* Саксона Грамматика, *Изунгъ* Тидрексаги, *Нурт* и *Plot* въ Тристанѣ Эйльгарта 8369 и слѣд.; валлійскій шпильманъ въ Тристанѣ Готфрида v. 16275, шпильманы въ Соломонѣ и Морольфѣ, *Swemmel* и *Werbel* въ Нибелунгахъ. По удачному объясненію Мюлленгофа *Werbel*: *Hwerbilo* = *гуговагус*, *Swemmel*: *Sweimilo* = *der Fahrende*; это такія-же клички какъ пров. *Cercalmon*, англос. *Vidsið*: шпильманы, жонглёры — народъ по преимуществу неусидчивый, бездомный, бродячій, «прохожіе люди» (о скоморохахъ), «*fahrende Leute*»; сл. староверхнен. *wefari* = *histrion* (англос. *väferlic* = *theatralis*, *väferstöv* = *theatrum*, *väfersyn*, староверхнен. *wabarsiuni* = *spectaculum*) и англос. *väfre* = *wabernd, hin und her fahrend, unruhig, unstät*; греч. *πλανός*: бродяга и кудесникъ. — Они бродятъ, обществами либо въ одиночку, какъ *Trougemunt* (= драгоманъ) старо-нѣмецкой пѣсни, восходящей, быть можетъ, къ оригиналу XII вѣка и сохранившейся въ сборникѣ произведеній несомнѣнно шпильманскаго пошиба.

Willekome, varender man!
wâ laege du hinaht?
od wâ mite wacre du bedaht?
oder in welre hande wise
bejageste kleider oder spise?

¹⁾ Сл. *Þidreksaga* с. 140: *hvervitna megu leikarar fara i friði millum hofðingia, þar sem eigi comaz aðrir menn fyrir mistrúnaðar sakar*. Оттуда мотявъ передѣванія шпильманомъ, жонглеромъ, чтобы проникнуть въ неприлельскій лагерь, замокъ, избѣжать преслѣдованія и т. п. Сл. рассказы объ Альфредѣ Великомъ, Анлафѣ, и соответствующія положенія въ эпосѣ (Соломонъ и Морольфъ, *Roman du Horn, Daurel et Beton, Eustache le Moine, Foulke Fitzwarin* и т. п.).

Daz hāste gefrāget einen man
 der dir ez wol gesagen kan:
 mit dem himel was ich bedaht,
 mit rosen was ich unbestaht,
 in eines stolzen knappen wise
 bejāge ich kleider unde spise.

Nu sage mir meister Trougemunt,
 zwei und sibenzec lant diu sint dir kunt:
 waz boumes birt āne bluot?
 waz vogeles sōiget sine jungen?
 waz vogeles ist āne zungen?
 waz vogeles ist āne magen?
 kanstu mir des iht gesagen,
 sō wil ich dich für einen waetlichen knappen haben ¹⁾.

Трагемунтъ отвѣчаетъ на эти вопросы-загадки совершенно въ стилѣ нашихъ духовныхъ пѣсенъ и колядокъ ²⁾: находчивые, остроумные отвѣты, обличающіе школьное знаніе, иногда не лишены поэзіи.

---

¹⁾ Müllenhoff und Scherer, Denkmäler, 1-е изд. № XLVIII (сл. ib. примѣчанія). «Здорово, прохожій человекъ? Гдѣ ты ночевалъ, подъ чьей кровлей? и какъ досталъ себѣ одежду и нишу? — Спросилъ ты такого человекъ, который разскажетъ тебѣ все по правдѣ. Небо было моей кровлей, розами былъ я обтыканъ, а одежду и нишу я добываю себѣ, какъ добываетъ то и другое гордый рыцарь. — Скажи-же мнѣ, Трагемунтъ — ты бывалъ вѣдь въ 72-хъ странахъ: какое дерево приносить плоды безъ цвѣта, какая птица питается молокомъ своихъ итепцовъ?» и т. п.

²⁾ См. моя Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, V, I с. стр. 238 прим. 2. Къ указаніямъ, тамъ собраннымъ, можно-бы прибавить нѣсколько колядокъ изъ сборника Головацкаго (II стр. 52, № 1; стр. 73—4, № 4, стр. 83, № 19 и др.), у Чубинскаго, I с. Колядки № 44 и т. п.

Durch waz ist der Rîn sô tief?
 durch waz sint die frowen liep?
 durch waz sint die maten grüne?
 durch waz sint die ritter küene?

.....
 von mangem ursprunge ist der Rîn sô tief,
 von minnen sint die frowen liep,
 von wûrzen sint die maten grüne,
 von wunden sint die ritter küene ¹⁾).

Къ такимъ бродячимъ людямъ народъ льнулъ тѣмъ болѣе, что народное веселье находило въ ихъ средѣ самыхъ разнообразныхъ представителей, напоминающихъ репертуаръ византійскихъ мимовъ: тутъ были «игрецы», «плясцы», паясы, бойцы, выступавшіе парами и бившіеся другъ съ другомъ — изъ за подачки; фокусники, показывавшіе марионетки, которыя приводили въ движеніе помощью нитокъ и за которыхъ говорили сами; оттуда въ одномъ староверхненѣмецкомъ глоссаріи отождествленіе: *tocha* (кукла) = *mîma*, *пура* (Graff, V, 364).

До насъ дошелъ рядъ средневѣковыхъ памятниковъ, знакомящихъ насъ съ разнообразной, литературной и художественной программой хорошаго жонглера. Пока займемся лишь послѣдней, не притязая на фактическую полноту обзорѣнія.

Giraut de Calanson поучаетъ Fadet'a жонглёрскому искусству ²⁾. Жонглёръ долженъ умѣть играть на разныхъ инструментахъ, вертѣть на двухъ ножахъ мячи, перебрасывая ихъ съ одного острія на другое; показывать марионетки, прыгать черезъ четыре

---

¹⁾ «Отчего такъ глубоко Рейвъ, отчего такъ милы женщины, отчего зелены дуга и рыцари храбры? — Отъ источниковъ глубоко Рейвъ, любовью милы жены, дуга зелены отъ разнаго былія, рыцари храбры отъ ранъ».

²⁾ Сл. Bartsch, *Denkmäler der provenzalischen Litteratur* стр. 94—101 и предисловія стр. XIV—XV. Въ слѣдующей далѣе передачѣ содержанія я не вездѣ схожусь съ пониманіемъ издателя.

кольца; завести себѣ рыжую приставную бороду и соответствующій костюмъ, чтобъ рядиться и пугать дураковъ; приучить собаку стоять на заднихъ лапахъ; знать искусство вожака обезьянъ; возбуждать смѣхъ зрителей потѣшнымъ изображеніемъ человѣческихъ слабостей; бѣгать и скакать по веревкѣ, протянутой отъ одной башни къ другой, смотря, чтобы она не подалась и т. п.

E paucs pomels
 Ab dos coltels
 Sapchas girar e retenir,
 E chanz d'auzels
 E bavastels
 .....
 E per catre sercles salhir
 .....
 Barba coja
 Auras roja
 Don ti poiras totz revestir;
 Si'l garnimen
 As, que'y apen,
 Ben poiras fol esferezir
 .....
 Tom de baston
 E de guoson
 E fay l'en dos pes sostenir.
 Apren mestier
 [Cel] de cimier
 E fai los avols escarnir;
 De tor en tor
 Sauta e cor
 Mais guarda que la corda tir и т. д.

Сл. такое-же, хотя менѣе подробное описаніе жонглёрскихъ забавъ въ провансальскомъ романѣ *Flamenca* ¹⁾; я выбираю нѣсколько подробностей въ параллель къ приведеннымъ:

¹⁾ Le roman de *Flamenca* ed. Paul Meyer, p. 19 слѣд.

603 *L'us fai lo juec dels bavastels,
L'autre jugava de coutels;
L'us vai per sol et l'autre tomba,
L'autre balet ab sa retomba;
L'us passet sercle, l'autre sail,
Neguns a son mestier non fail.*

Въ старофр. фавльò «des deux bordeors ribauz» ¹⁾ происходитъ комическая перебранка между двумя жонглёрами, обличающими другъ друга въ невѣжествѣ. Отъ тебя не добьешься путнаго слова, говорить одинъ другому:

*Pour ce si te devoit on tondre
Tantot autresi comme un sot,*

а тотъ хвастается передъ нимъ своими знаніями: онъ играетъ на разныхъ инструментахъ, онъ немного колдунъ:

*Bien sai joer de l'escanbot,
Et faire venir l'escharbot
Vif et saillant dessus la table,
Et si sai maint beau jeu de table
Et d'entregiet et d'arrumaire
Bien sai un enchantement faire ²⁾
.....
Et si sai tant d'enging et d'art:
Ge sai joer des baasteax
Et si sai joer des costeax,
Et de la corde et de la fonde,
Et de toz le beax giex du monde.*

¹⁾ Recueil général et complet des fabliaux des XII—XIII siècles ed. An. de Montaiglon I, p. 1 и слѣд.

²⁾ Сл. I. с. II, фавльò о Roi d'Angleterre et le jongleur d'Ely p. 242: жонглёры «Molt bien sevent de tricherie, D'enchantementz e genglerie». Продажи Barbarin'a въ Floire et Blanchefleur (ed. Éd. Du Méril p. 229), какъ и Чосеровскихъ tregotors, колеблются между фокусомъ и магіей. Сл. старофр. joglerie, прованс. juglaria = tromperie, escamotage.

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ жонглерскаго репертуара ¹⁾.

Жонглёры, шпильманы играютъ на *музыкальныхъ инструментахъ*, разнообразныя названія которыхъ сообщаются и въ указанныхъ выше памятникахъ и въ другихъ: въ Brut, (v. 10823 слѣд., 3761 слѣд.), Cléomadés, roman de la Poire, у Arcipreste de Hita и т. п. ²⁾. Ихъ международная исторія крайне интересна. Нѣкоторые изъ нихъ пришли съ востока: такъ среднел. *pacara*, греч. *ἀνάραρα*, старофр. *apasaire*, пров. *pacagi*, ит. *paccheга*, исп. кат. *пасага*, русск. *накры* (тимпанъ), *нагара* у Аванасія Никитина = курдск. *пасага*, перс. *nakâret* (арабск. *пакаг*: бить въ барабанъ и трубить; *poqqârieh*), *пасагieh* въ Дарфурѣ, у Берберовъ и т. п.; французскимъ *menestriers de pasaire* противопоставляются *menestriers de bouche* (разскащики, пѣвцы?), какъ въ Испаніи различались *yoglares de boca* отъ *yoglares de peñola*³⁾, игравшихъ на струнномъ инструментѣ помощью перышка (сл. Arc. de Hita v. 1203: *bihuela de pendola*), какъ играютъ на южнославянской *тамбурѣ* (Kuhač XXXIX p. 74). — Исторія послѣдняго инструмента, также встрѣчающагося въ числѣ международныхъ, принадлежитъ къ запутаннымъ: перс. *tambûr*, *tamburâk*, *tambuk*, *tabir*, курдск. *tâmpur*, арм. *thembug*, арабск. *tonbûr*, *thanbur*, *tambura*, турец. *tambura*, означаютъ струнный инструментъ, *cithara*; если арабск. *thabal* = цимбалъ и барабанъ (исп. *atabal*, *atambal* у Arcpr. de Hita v. 1208), въ такомъ случаѣ слѣдующая

¹⁾ О репертуарѣ жонглеровъ и шпильмановъ см. еще Karlmeinet 287, 11.

²⁾ Сл. между прочимъ въ моей книгѣ: Вилла Альберти (Москва, 1870) стр. 314—315, прим. 103, стр. 331—3, прим. 200. Для слѣдующихъ въ текстѣ подробностей см. кромѣ Исторій музыки (Fétis'a, Reissmann'a и др.) и лексиконовъ — сопоставленія Kuhač'a, Prilog. za poviest glasbe južnoslovenske, въ Rad, t. XXXVIII, XXXIX, XLI, XLV, L. Сл. также Schultz, l. c., I, 429.

³⁾ Mila y Fontanals, De la poesia heroica popular castellana p. 411.

дифференціація слова не требуетъ объясненій. На западѣ тамбуръ вездѣ — барабанъ (тамбуринъ): такъ въ старофр. *tabor*, *tabour*, пров. *tabor*, *tapbor*, средневерхнен. *tambûr*, *tâbûr*; одно изъ названій французскихъ жонглеровъ заимствовано отъ ихъ излюбленнаго инструмента: *taboreor*, исп. *atambores*, *musicos de tamborete*; когда-то почетный, носившійся на перевязи на груди, этотъ инструментъ спустился въ послѣдствіи до значенія банальнаго, недостойнаго жонглера-художника, который предоставлялъ его своимъ нищимъ собратьямъ ¹⁾. — На европейскомъ востокѣ за тамбуромъ удержалось значеніе струннаго инструмента, кивары: новогреч. *τάμπουρας*, *ταμπούρι* (но *ταμπούρλο*, -α, *ταμπούρο* = *tympanum*), болг. тамбуръ, тамбурица, сербск. тамбура (тамбураш, тамбуриџа = игрокъ на тамбурѣ), рум. *tambură*, *tambur*. Интересна замѣтка Кунаѳ'а (XXXIX, 14), что болгары прежде называли тамбурицу — пандзурой, смѣшивая её съ *пандурой* или *бандурой*, которую знали еще Греки, какъ восточный инструментъ (Pollux: *τρίχορδον*, ὅπερ Ἀσσύριαί πανδοῦραν ὠνόμαζον), а западные народы начиная отъ Испаніи (*bandurria*), Италіи (*mandola*), Прованса (*mandoga*), Франціи (*mandoïre*), и до Славянъ включительно (малор. бандура, польск. *id.*, болг. пандзура) восприняли какъ народный, жонглерскій: такимъ онъ является у Guigaut de Salapçon, въ рукахъ южнорусскаго бандуриста и, вѣроятно, еще греческаго мима: по крайней мѣрѣ въ синаксарѣ на 3-е Февраля является мимъ, именемъ Πάνδορος ²⁾, у Малалы Пандуры въ качествѣ музыкантовъ ³⁾. Съ тамбурой, въ восточномъ смыслѣ

¹⁾ Сл. Jubinal, *Jongleurs et trouvères* p. 164—169.

²⁾ Ducange, *Gloss. med. et inf. graec. a. v.* *ξυλοπάνδορος*.

³⁾ При описаніи Врумалій. Интересно сближеніе съ Амартоломъ (ed. Muralt, p. 16): *οἱ στρατιῶται . . . ἀφ' ἐσπέρας ἤϋλουν καὶ ἐχόρευον*; у Малалы (ed. Bonn, p. 179, 15): *οἱ οὖν ἐκάστου ἀριθμοῦ πανδοῦροι ἀπὸ ἐσπέρας . . . ἤϋλουν*. Диндорфъ указываетъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту (p. 542), что пандура, кромѣ значенія струннаго инструмента, имѣла, какъ кажется, и другое, согласно съ смысломъ:

этого слова, я связываю русск. *домбра*, домра = азиатская бала-лайка съ проволочными струнами (Даль, Гротъ): струнный инструментъ, также приросшій къ имени скомороха (см. поговорку: радъ скомрахъ о своихъ домрахъ), какъ франц. *tabor* дало *tabogere* = жонглёръ; сл. впрочемъ, въ параллель къ западному употребленію тамбура, индійское *домра*, въ значеніи *ударнаго* инструмента (сообщ. И. П. Минаева). Я не знаю, на какомъ основаніи Кунаѳ (XXXVIII, 75) отождествляетъ хорватск. *gudnica* съ русск. домрой и то и другое съ — віолончелемъ; извѣстно только, что гусли, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ упоминаніяхъ о нашихъ скоморохахъ, являются въ рукахъ южно-славянскихъ эпическихъ пѣвцовъ смычковымъ инструментомъ, какъ гудокъ; хотя церковносл. прѣгждница, гжслъ переводятъ: *cithara*, *psalterium*; гусли: *κινύρα*, *κιδάρα*.

Перейдемъ къ *представленіямъ* жонглёровъ.

Выраженіе «*fai los avols escarnir*», очевидно, тождественное съ *juegos de escarnio*, упоминаемыхъ въ *Siete Partidas* (I, tit. VI; ley 34); ряженіе и маски — всё это отрывочныя указанія на какую-то народную, свѣтскую сцену, неразвившуюся, потому что устраненную церковнымъ театромъ. Что такое были *spetacula in scenis*, о которыхъ говоритъ Ахенскій соборъ 816 г. (с. 83), мы не знаемъ; подъ *juegos de escarnio* разумѣлся, вѣроятно, родъ интермедій, бытовыхъ сценъ съ комическими лицами-типами, которыхъ исполняли особые мимы-паясы, испанскіе *remedadores*, пров. *contrafazedors*, буффоны, тогда какъ другіе члены «коллегій» играли, пѣли и т. п. Въ смыслѣ такого именно раздѣленія специальностей я понимаю выраженіе *Boncompagni: velut scurra totam Italiam regiravit cum sonatoribus*,

---

πῦλον. Такъ у Гезихія (Σύριγγες, ἐκ χαλάμων πανδοῦρα) и у Mart. Capella De Nupt. Philolog. I. 9. — Кунаѳ (I. с. XXXIX р. 94) указываетъ въ хорв. *randurica*, *randurnica* = *signalpfeife*. Замѣтимъ, что въ слав. переводѣ Малалы *πανδοῦρο*: переведено словомъ: свирѣць. Срезневскій, Свѣд. и Зам. LXXXIV р. 120.

и обособленіе *buffoni* и *sonatori* у Алипранда, и разсказъ миланской хроникѣ, «super quo *histriones cantabant, sicut modo cantatur de Rolando et Oliverio; finito cantu, buffoni et nimi in citharis pulsabant et decenti motu corporis se circumvolvebant*, какъ лонгобардскій мимъ новалезской гѣтониси, которій, позванный къ Карлу Великому, поеть передъ нимъ, кружась (rotando se), сложенную имъ самимъ гѣсенку ¹⁾).

Жонглѣры рядятся, надѣваютъ *личины*; подвязная борода, назначенная пугать простаковъ, напоминаетъ средневерхнен. *schème* = *schëmbart* ²⁾): бородатая маска, маска вообще; *hagebart* вм. *agebart*: маска — пугало; въ жизнеописаніи Кола du Ріенци говорится о буффонѣ, плясавшемъ на пиру въ бычачьей шкурѣ, съ рогами на головѣ (*vestito di suojo di bue, le cogna in capo avea; bue parea; giocò e saltò*) ³⁾); *Summa de penitentia* даетъ жонглѣрамъ «horribiles larvas»; спеническое указаніе, встрѣчающееся при текстѣ одной мистеріи: «*grimo exit praecursor non larva nec barba equina indutus*», служитъ косвеннымъ свидѣтельствомъ, что маски, не употребительныя въ церковной драмѣ, были представлены глашатаямъ при ней, вѣстникамъ, *praecursores, proclamatores*, въ которыхъ Вейнгольдъ видитъ наслѣдниковъ древнихъ мимовъ ⁴⁾). — Замѣной маски могло служить *окрашиваніе лица*: такъ красятся гистріоны Исидора Севильскаго, жонглѣры у Étienne de Bourbon (*Anecd. hist. № 279: ad similitudinem illorum jocularum qui ferunt facies depictas, que dicuntur artificia gallice, cum quibus ludunt et homines deludunt*); византійскіе скоморохи чернятъ себѣ лицо сажей: одинъ изъ простѣйшихъ и распространенныхъ способовъ маскированія, откуда рядъ романскихъ производныхъ отъ *маскары* = маски съ значеніемъ: чернить: порт. *mascarra*, кат. *mascara* = черное пятно отъ угля или сажи; пров. *mascaar*, старонсп. *mascaar*, порт.

¹⁾ Итальянскія свидѣтельства см. у Muratori, I. c.

²⁾ Этимологию слова см. въ Kuhn's Zs. XIX, 275.

³⁾ См. Muratori I. c.

⁴⁾ Jahrb. f. Litteraturgeschichte I, I. c., стр. 31—2, 43.

mascarrar, старо и новофр. mascarer, mascurer, maschurer, mascerer, mâchurer: tacher, souiller, barbouiller. Сл. Ch. d'Antioche I, 42 v. 570: car il estoit d'une herbe noircis et mascu-rés, какъ въ Aliscans v. 3398: Li maistre keus l'ot fait A la paele noircir et charbonner, Trestot le vis li out fet mascerer. — L'octave des Rois se nomme à Metz les Rois machurez (Roquefort, Gloss.): вѣроятно о ряженныхъ. Интересны, въ смыслѣ сохранности обычая, тѣ средневѣковые рассказы, гдѣ окрашивание лица, съ цѣлью не быть узаннымъ, соединяются съ переодѣваніемъ въ жонглера. Никоleta «prist une herbe si en oinst son cief et son visage, si qu'ele fu tote noire et tainte.... si s'atorna a guise de jogleor ¹⁾. Друзіана «tole un 'erba, si la destenperà, E tuta la carne ela se fregà, Plu negra de mora ela diventà,... A modo de çublara va cercando le contra'.... Cossi è negra Druхiana como carbon amorça» ²⁾. Renart молитъ Бога такъ измѣнить его видъ, чтобъ никто его не призналъ; упавъ въ кадъ съ желтой краской, онъ достигаетъ желаемаго, хотя съ опасностью жизни; онъ радъ, теперь онъ неузнаваемъ и, встрѣтившись съ волкомъ, выдаетъ себя за ограбленнаго разбойниками жонглера, подъ видомъ котораго и является къ своей женѣ въ то время, какъ она готовится сочетаться вторымъ бракомъ ³⁾. Jehan de Rampayne «fist teyndre ces chevoyls e tut son corps entierement auxi neyr come giet», называя себя «menestrel Ethiopien» ⁴⁾.

Я далеко отъ мысли истолковать эти показанія исключительно въ смыслѣ жонглёрской традиціи. И не-жонглёры могли покрываться масками либо красить лица, не въ потѣшныхъ только,

¹⁾ Aucassin und Nicolete, ed. Suchier, 2 Aufl. p. 39.

²⁾ Сл. текстъ Венеціанскаго Vovo v. 2251 слѣд., v. 2481 у Rajna, I Reali di Francia.

³⁾ E. Martin, Le Roman de Renart, I, I v.

⁴⁾ Moland et D'Héricault, Nouv. françaises en prose du XIV s.: Histoire de Fouques Fitz-Warin, p. 76.

часто въ преступныхъ дѣляхъ, вызывавшихъ правительственныя запрещенія¹⁾. Укажу на *walarauz* лонгобардскихъ разбойниковъ, на значеніе црвнсл. корѣлькъ = *persona*, *lagva*: «такъ-же кто *сходникъ*, когда хочетъ *сходити отъчство тоужде* или градъ иныи и корѣлькъ възети, да не познавъ боудеть»²⁾. — Съ другой стороны участіе жонглѣровъ, скомороховъ, въ народныхъ празднествахъ и обрядѣ, на святкахъ и похоронахъ и т. п., даетъ особое значеніе вымазанымъ сажею лицамъ святочныхъ *jólasveinar*, *jolevátter* Дави, Эльзасскаго *Hanstrapp'a*, штирійскаго Бартеля, масляничныхъ масокъ въ Тироли (*schemen*) и Черногоріи (машкаре), невольно напоминающихъ зачерненныя лица римскихъ рабовъ, надъ которыми въ пору Сатурналій потѣшались римская молодежь, сталкивая ихъ воду³⁾. Сл. *Nagtschiff*, (ed. Gödeke p. 239—40) 110^b: *Von fasnachtarren v. 5 слѣд.*

Ein teil die dünt sich vast *berutzen*,
antlit und lib sie ganz *verbutzen*
und loufen so in *bönkenwis*,

какъ и бѣлорусская святочная коза, когда она не въ маскѣ, является съ лицомъ зачерненнымъ сажей. Я не знаю, слѣдуютъ-ли поставить въ этой связи сициліанскія маски, одѣтыя въ черныя женскія платья, съ головой, накрытой бѣлымъ полотномъ, и задымленными лицами, оплакивающія, какъ настоящія *giputatrici*, умирающій Карнавалъ⁴⁾. Распространенность такого простѣйшаго обычая, сама по себѣ не ведетъ къ гипотезѣ историческаго распространенія; но когда римское ряженіе оленемъ и теленкомъ, засвидѣтельствованное Діонисіемъ Галикарнасскимъ, встрѣчается съ такой-же точно обрядностью средневѣковыхъ колядъ, поневолѣ поминаются пути, искрестившіе всю Европу, по которымъ могли

¹⁾ Сл. Strutt, l. c. p. 252.

²⁾ Miklosich Lex. a. v. корѣлькъ.

³⁾ Mannhardt, *Weinachtsblüthen* p. 49, 59, 133, 159; *Zs. für deutsche Mythologie* II 359 (Zingerle); Карацянъ, *Живот* p. 18.

⁴⁾ Guastella, *L'Antico Carnevale della Contea di Modica* p. 84.

распространяться съ мимами и скоморохами, элементы стараго сценическаго преданія.

Такому-же унаслѣдованному преданію, какъ маски, принадлежатъ и другія знанія жонглѣра, требуемыя Giraut de Calanson. Такова *игра съ ножами*: на миниатюрѣ одной англосоксонской ркп. въ числѣ потѣшныхъ людей, окружающихъ царя Давида, одинъ мечетъ тремя мячами и тремя ножами, очевидно, подхватывая ихъ на лету ¹⁾. — Объ удивительныхъ продѣлкахъ *акробатовъ* говорятъ Albericus Trium Fontium (1237: о жонглерѣ, qui in equo super cordam in aëre equitavit) и Базельскія анналы (1275: Basileam quidam corpore debilis venit, qui funem protensum de campanili majoris ecclesie ad domum cantoris manibus et pedibus descendebat) ²⁾. — Любопытнѣе свѣдѣнія о жонглѣрахъ *кукольникахъ*: забава знакомая, какъ извѣстно, еще и древнимъ, распространенная и въ средніе вѣка. Миниатюра въ Hortus Deliciarum Геррады Ландсбергской (XII в.) представляетъ намъ игру съ марионетками, въ костюмѣ рыцарей, сражающихся мечами, когда ихъ приводятъ въ движеніе помощью шнуровъ; сценой служить столъ ³⁾. — Ими обыкновенно орудуютъ шпильманы; такъ въ Buoch von den Wahteln (XIV в.):

Nu koment, ir spilliute!

.....

Rihtet zuo den snüeren

die taterman und weset stolz! ⁴⁾.

¹⁾ Th. Wright, The history oh domestic manners and sentiments in England p. 37; сл. p. 175—6 и Strutt, l. c. p. 173.

²⁾ Позднѣйшія свидѣтельства у Strutt'a l. c. p. 216 и слѣд. Объ египетскихъ и турецкихъ скиноватахъ у Григоры и Халкондильи см. Σάβα l. c. I 397 прим. 3.

³⁾ См. у Schultz'a, l. c. I, 118, рисунокъ № 36 и также стр. 442 указаніе на миниатюру одной рукописи (Romans d'Alexandre) 1338—44 гг. у Westwood'a, Archaeolog. Journal V, 198.

⁴⁾ Wackernagel, Lesebuch, 5-е А., стр. 1153; Zingerle въ Zs. f. deutsch. Myth. III, 207.

Это могло называться *gaukel-spil*, хотя выражение Hugo von Trimberg (Renner v. 5064 слѣд.) указываетъ на иную игру съ куклами, *kobolt*. Последнее слово, равно какъ и *taterman*, одинаково означаютъ куклу, марьонетку; сравненіе Renner'a v. 10276—7: *einer siht den andern an als kobolt hern taterman*, заимствовано, вѣроятно, отъ кукольной игры, гдѣ Kobolt и Taterman сходились въ дѣйстви и діалогѣ, какъ марьонетки на миниатюрѣ къ Hortus deliciarum. Въ отрывкахъ нѣм. Malagis'a (XV в.) фея Орианда является на брачное торжество въ замокъ Aigremont, одѣтая шпильманомъ, велитъ подать столъ и показываетъ марьонетки, волшебника и волшебницу; отъ лица последней она рассказываетъ про собственную судьбу и такимъ образомъ узнана воспитанникомъ своимъ Малагисомъ, съ которымъ не видѣлась пятнадцать лѣтъ ¹⁾.

Нѣмецкой игрѣ съ *taterman*'омъ, отвѣчаетъ пров. *juoc dels bavastels* (Guir. de Calanson; Flamenca; Guiraut Riquier, Pus Dieu, vv. 582 — 3; N'Anfos de Castela, Sitot s'es grans afans vv. 206—7), франц. *jeux des baasteax* (Deux bord. gibauz). Bavastel толкуется какъ: кукла, чучело; baastel указываетъ на выпаденіе средней согласной. Этимологія слова загадочна въ виду обычной формы старофр. *bastel*, восходящей къ корню греч. βαστᾶζω, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ производныхъ: 1) ит. исп. *basto*, пров. старофр. *bast*, новофр. *bât*: вьюкъ, сѣдло для вьюковъ; 2) итал. исп. португ. *bastardo*, пров. *bastard*, франц. *bastard*, *bâtard*, среднелат. *bastardus* — по очень вѣроятному толкованію Caix'a ²⁾ могло означать въ началѣ «носильщи-

¹⁾ Отрывки Malagis'a напечатаны von der Hagen'омъ въ его *Germania*, VIII, стр. 280.

²⁾ Caix, *Studi di Etimologia italiana e romanza a. v. bastardo*; Brinkmann, *Die Metaphern*, I p. 386 слѣд.; — Матеріалъ слѣдующихъ лингвистическихъ сообщеній заимствованъ у Diez'a *Wb. a. v. bastardo, basto*; Littré, *Dict. a. v. bateleur, bâton*; Scheler, *Diction. d'étymologie franç. a. v. basteleur*; Ducange a. v. *bastasius, bastaxius, bastassus*.

ковъ тяжестей» по преимуществу, т. е. муловъ; лишь изъ этого конкретнаго понятія развилось позднѣйшее, переносное, господствующее при словѣ: ублюдокъ. Параллели къ подобному переходу значенія представляютъ: исп. *muleta* и *mulato* (оба отъ *mulus*): *muleta* — молодая мулица; всякая вещь, назначенная носить, поддерживать другую; посохъ; *mulato*: мулатъ — сынъ двухъ разноцвѣтныхъ родителей; сл. ит. *mulo* = *bâtard*. Точно также среднелат. *burdo* означаетъ мула (*asinus*?) — и посохъ (*baculus*); послѣднее значеніе сохранилось въ ит. *bordone*, исп. пров. *bordon*, франц. *bourdon*; первое, въ переносномъ смыслѣ, въ сардинскомъ *burdu*: ублюдокъ, исп. *hijo de borde*; сл. тосканск. аретинск. *bordello*, *bordello*: *ragazzo*, и *bardotto*: *mulo*, *ragazzo*, *apprendista*. Сл. прквносл. ослѣдъ = *ὄναγρος* и русск. ослидъ = жердь, стягъ, бревно. 3) (греч. *βάσταξ*) среднелат. *bastaxius*, *bastasius*, *bastagarius*: носильщикъ; древнеит. *bastagio*—*facchino*, *mulattiere*, пров. *bastais*, испанск. *bastaje*, каталонск. *bastax*, сардинск. *bastasciu*, сицил. *vastasu*; сл. тоск. *bastaccone*: *uomo tarchiato*, *nerboruto*, и аретинск. *basacco*: *mulattiere* (вм. *bastacco*; сл. бергам. *bassec*). — Но средневѣковой *bastaxius* получилъ и другое значеніе: мима, жонглера. Сл. *Concil. Terrac. an. 1314*: *bastacii*, *mimi*, *histriones*, *lenones*, *carbonerii*, *fornerii*, *cursorii* seu *pirati*, nisi forte contra infideles seu sagiones curiae saecularis, non existant clerici; *Conc. Terrac. 1317*: *bastaxi sive juglars*, *mimi*. Что это объединеніе двухъ понятій въ словѣ *bastaxius* совершилось уже на византійской почвѣ, я заключаю это изъ сициlianскаго обозначенія масляничныхъ фарсовъ: *vastasati*, названныхъ такъ потому, что въ нихъ изображались нравы носильщиковъ, факкиновъ, которыхъ тамъ зовутъ греческимъ именемъ *vastasi*. Переходъ значенія объясняется тѣмъ, что въ основѣ лежали фарсы, разыгрывавшіея ремесленниками, городскими цехами; извѣстны сценическія представленія византійскихъ ремесленныхъ цеховъ, особливо *ὁ Μαχελλάριος*, пантомимическая пляска мясниковъ, удержавшаяся въ обычаѣ до настоящаго столѣтія. — Буржуазное остроуміе выбирало свои жертвы

и типы въ крестьянствѣ, среди факкиновъ и т. п.; припомнимъ святочное глумленіе византійскихъ горожанъ именно надъ мужицкою простотою, и этимологию новогреч. *χωρατεῖον* и т. п. — Иначе, быть можетъ, придется объяснить внутреннюю исторію греч. *κόβαλος* и переходъ значеній — отъ демона въ окруженіи Діониса къ понятію носильщика и скурры¹⁾. — Въ какомъ отношеніи находится къ *bastaxius* среднелат. *bastassus* = *hospes, alienigena*? Мимы были народъ пришлый, странствующій, *fahende Leute*. — 4) ит. *bastone*, франц. *baston, bâton* и т. д.: то что носить, поддерживаетъ: посохъ, трость, палка. На нѣсколько специальныхъ значеній указываетъ Littré: *sauter le bâton* = дѣлать что-нибудь противъ воли, — выраженіе, заимствованное отъ фигляровъ, заставляющихъ собакъ и обезьянъ прыгать черезъ палку (сл. выше у Guiraut de Calanson: *tom de baston*); *il sait bien le tour du bâton* = онъ ловокъ, вертокъ: терминъ, перенятый у фокусниковъ, обыкновенно держащихъ въ рукахъ *палочку*. Въ этомъ смыслѣ Littré склоненъ понять и значеніе старофр. *bastel, basteau*, обычной принадлежности потѣшниковъ, *basteleur, bateleur, faiseur* или *joueur des basteaux*, какъ зовется Perrinet Samson въ одномъ документѣ 1408 года, гдѣ онъ появляется, въ обществѣ жены и дѣтей, съ ученымъ медвѣдемъ, лошадыю и козою, извѣщая о представленіи звуками трубы и барабана. — Древнее сближеніе мима съ магомъ, шарлатаномъ повторялось, мы видѣли и на французской почвѣ; отсюда новое значеніе *bastel*: *sa femme avoit répondu qu'elle n'estoit venue ne yssue d'enchanteurs ne de sorciers et qu'elle ne savoit jouer des basteaux de nuit ne de balais* (Ménagier I, 6). Последнее значеніе *bastel* напоминаетъ намъ *loterholz, нижнен. lodderholt* нѣмецкихъ потѣшниковъ, вращая которое, они гадали

---

¹⁾ Сл. мои Критическія и библиографическія замѣтки въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г. Генварь, стр. 173, по поводу Guastella, *L'antico Carnevale della Contea di Modica*; *Σάθα* 1. с. стр. 15, 31.

и присказывали. Такъ въ шпильманской присказкѣ, сохранившейся въ одной рукописи съ пѣсней о Trougemunt'ѣ:

Louf umbe, loterholz!
 es ist manic ritter stolz,
 und ist ouch manic traege,
 der gerne snel waere;
 unde nackete hiute
 friuset an der hiute,
 daz ez niht entaete,
 ob si guotiu cleider haeten.

Lâz aber dar gân!
 schade wecket den man.
 nu louf umbe gedrâte,
 daz got alle die berâte
 die uns ie guot getâten,
 .....
 die lebenden an den êren,
 die tôten an der sêle ¹⁾

Жонглёры-шпильманы встрѣчались намъ въ роли *вожаконъ* ручныхъ животныхъ, собакъ, обезьянъ. Сл. у *Guir. Riquier*, Pus Dieu: Ni cels que fan ioglar — Cimis ne bauastels; *N'Anfos*, Sitot s'es grans afans: que fan sautar — Simis o bocx o cas, vv. 204 — 5; *Rom. de Alexandre*, copl. 1798: iograres.... menaban simios é xafarrones; *Karlmeinet*: (mynistere — De wir nennen speleman) De bucke mit den perden — Daden sy samen stryden — Ind merkatzen ryden; — Sulche de ouch konden — Dantzen mid den honden. — *Aye d'Avignon* p. 83: gieu des

¹⁾ Mullenhoff и Scherer Denkm. I. c. № XLVIII p. 432. Сл. въ мансievскомъ сборникѣ (отъ заповѣдей Греческаго собора) осужденіе «вербогонивца», «метаньемца» и «разгомечца» (= розгомечца). Срезневскій, Свѣд. и Зам. № LVI p. 301; Аѳанасьевъ, П. В. III, 608; сл. «розгометанинъ» въ славянской передѣлкѣ слова св. Григорія Богослова, Лѣтоп. русск. лнт. и древн. IV, Смѣсь, стр. 100.

ours et des lions и т. п. Средневежковья миниатюры представляют намъ танцующихъ собакъ, обезьявъ верхомъ на лошади, медвѣдя, прикинувшася мертвымъ, козу, играющую на арфѣ и т. д. ¹⁾. — Мимы и ученые медвѣди выводятся уже въ Ruodlieb'ѣ:

Et pariles ursi . . . .
 Qui vas tollebant, ut homo, bipedesque gerebant.
 Mimi quando fides digitis tangunt modulantes,
 Illi saltabant, neumas pedibus variabant.
 Interdum saliunt, seseque super jaciebant,
 Alterutrum dorso se portabant residendo,
 Amplexando se, luctando deiciunt se
 Cum plebs altisonam fecit gyrando choream,
 Accurrunt et se mulieribus applicuere,
 Quae gratiâ voce cecinerunt deliciose.
 Insertisque suis harum manibus speciosis,
 Erecti calcant pedetemptim, murmure trinsant.
 Ut mirarentur, ibi circum qui graderentur,
 Non irascantur, quicquid mali paterentur ²⁾.

Въ Тидрексагѣ (с. 140 слѣд.) разсказывается о томъ, какъ Vildifer освободилъ Видгу, томившагося въ плѣну у короля Озантрикса: шпильманъ (höfuðloddari, leikari) Изунгъ зашиваеъ Vildifer'a въ шкуру убитаго имъ медвѣдя (сл. с. 139 и 181) и ведетъ за собою на привязи и съ ошейникомъ, точно настоящаго звѣря. Прийдя ко двору Озантрикса онъ хвалится своими художествами (с. 142: ek kann slá högru ok draga fiðlu ok gígju ok allskonar strengleika), начинаетъ играть на арфѣ, а медвѣду пляшетъ и скачетъ (þa leikr hans biðrn ok horpar þar eptir). Когда король, чтобы позабавиться надъ нимъ, выпускаеъ на него 60 собакъ, Вильдиферъ схватываеъ за заднія ноги самаго

¹⁾ Wright, l. c. стр. 65; Strutt, l. c. стр. 176, 239 слѣд.; Legrand D'Aussy, l. c. II, 364; Zs. für deutsch. Alterth. VI, 185—6.

²⁾ Grimm und Schmeller, Lateinische Gedichte des X und XI Jahrh. p. 144.

рослаго пса и побиваетъ имъ двѣнадцать другихъ, а затѣмъ убиваетъ и самаго Озантрикса. Изунгъ говоритъ, что его медвѣдю кличка: Vizleo (с. 142), которую В. Гриммъ и Уландъ сближаютъ съ *berge Wisselau, Wislau* утраченной нидерландской поэмы, усматривая въ ней слав. Вацлавъ ¹⁾; сл. *Wizlân* Битерольфа, *Wenezlan* нѣмецкой, сохранившейся лишь въ отрывкахъ поэмы о немъ и Дитрихѣ Бернскомъ ²⁾. — Вацлавъ — не медвѣжья-ли кличка славянскихъ вожаковъ-скомороховъ, зашедшая въ Германію и, съ пѣснями нижненѣмецкихъ людей, на сѣверъ, въ пересказъ Тидрексаги?

Сага о королѣ Сверри ³⁾ знакомитъ насъ съ эпизодомъ, нерѣдкимъ, вѣроятно, въ бродячей жизни вожаковъ-скомороховъ. Къ королю Магнусу явился однажды исландскій скальдъ *Máni*, изъ Рима, худой и оборванный, съ остриженной маковкой (*kollótr*) ⁴⁾, и засталъ въ покояхъ двухъ фигляровъ, скомороховъ (*leikarar*), которые заставляли маленькую собачку прыгать черезъ жерди, и тѣмъ выше, чѣмъ именитѣе были присутствующіе. (*laupa létu smáragka yfir hafar stengr fyrir tignum þönnum, ok því haerra, sem menn vögu tignari*). А скоморохи на тебя косятся, сказалъ король скалду и предложилъ ему сложить на нихъ пѣсню. Мани запѣлъ:

Slaegr ferr gaurr með gígju,
ginn er hér komit inni,
meiðr hefir skjaldar skóða
Skrípa-lát ok pípu;

¹⁾ W. Grimm, Deutsche Heldensage 2 A. p. 350 прим.; J. Grimm D. Myth, 4 A. p. 655; Uhland, Germania VI, 315.

²⁾ Deutsches Heldenbuch V, p. 267 слѣд.

³⁾ Fornmanna Sögur VIII p. 206—8.

⁴⁾ Лексиконы Вигфуссона, Йонсона и Фритцнера даютъ слову *kóllotr* значеніе: безротій, безволосій, съ выстриженнымъ гуменцемъ; говорится: о скалду, о мальчикѣ, котораго продаютъ въ рабство; о подземномъ гномѣ.

rekkir laetr ganda bikkju,
rekit skvaldr, fyrir aldir,
skolnt lýða því þjóðir,
þat er skaup, yfir staf hlaupa.

(Хитрый бродяга скоморохъ ходитъ со скрипкой, пришелъ и сюда; его оружіе — скоморошья ухватка и дуда. Поднялся шумъ, прислушайтесь: онъ заставляетъ рыжую сучку — вотъ такъ потѣха — прыгать черезъ шесть).

И еще онъ пропѣлъ:

Gígjan sýngt, þar er ganga,
Grípa menn til pípu,
Faera fólsku stóra,
Fram leikarar bleikir;
Undr er hve augum vendir,
umb sa er þýtr í trumbu,
kníðan lít ek á kauða
kjapt ok blásna hvarta.

(Скрипка поетъ, гдѣ идутъ жалкіе скоморохи, съ дудой въ рукахъ и большой долей безстыдства. Смотрите, какъ чудно поводить глазами тотъ, что играетъ на трубѣ! Вижу я у негодня битое лицо и надутыя щеки).

Уже древніе *circulatores* (ἀγύρτης, θαυματοποιός) показывали выдрессированныхъ собачекъ. На одной терракоттовой лампѣ изображенъ такой фигляръ, около него обезьяна, съ другой стороны собачка взбирается по перекладинамъ лѣстницы; Теофанъ рассказываетъ о какомъ-то итальянцѣ Андрѣ и его рыжей, слѣпой собакѣ, распознававшей на монетахъ изображенія императоровъ, угадывавшей безъ ошибки, какая изъ присутствующихъ женщинъ беременна, кто скупъ или щедръ или развратенъ и т. п. ¹⁾. — Битье по щекамъ напоминаетъ намъ прописное

¹⁾ Theophanes ed. Bonn. I, 347—8, ad. a. 536: καὶ τῷ αὐτῷ ἔπει-
τις ἐκ τῶν Ἰταλῶν χώρας κωμοδρόμος ὀνόματι Ἀνδρέας ἔχων μεθ'
ἑαυτοῦ κύναν ξανθὸν καὶ τυφλόν, ὅστις κελευόμενος ὑπ' αὐτοῦ ἐποίηει

выраженіе о византійскихъ потѣшникахъ: ἐξυρημένοι πρὸς κόνδυλον; но интересно, что и самъ, нападающій на Фигляровъ скальдъ Мани является — съ стриженнымъ гуменцемъ. — Я ограничиваюсь и въ этомъ случаѣ, какъ въ предъидущихъ, указаніемъ на слѣды какой-то особой прически, обычной въ сферѣ народныхъ пѣвцовъ, потѣшниковъ, не позволяя себѣ болѣе положительныхъ заключеній. — Передъ нами, можетъ быть, представители одного и того-же древняго, захожаго типа: скомороха, гистріона, всякій съ своей исторіей. Одни остались фиглярами, фокусниками, шарлатанами и на нихъ презрительно оглядываются ихъ пошедшіе выше собратья. Такъ скальдъ Мани, такъ и нѣмецкіе шпильманы высшаго разбора, сѣтующіе на знать, что она одаряетъ ту сволочь, забывая ихъ, знатоковъ музыки и поэзіи¹⁾, въ рукахъ которыхъ лежала восходящая исторія этой поэзіи. Вѣковое враженіе въ народѣ сблизило этихъ избранниковъ съ его духовными интересами: они принесли ему фантастическія, забавныя сказки востока (Соломонъ и Морольфъ и т. п.), но приобщили къ нимъ и нѣмецкія эпическія преданія. Когда я покою въ народѣ, жалуется Марнеръ, то одинъ требуетъ, чтобъ я спѣлъ ему о томъ, какъ Дитрихъ покидалъ Бернъ, другой о королѣ Ротерѣ, и т. п.

Singe ich den liuten mīniu liet,
 sô wil der êrste daz,
 wie Dietrich von Berne schiet,
 der ander, wâ Kūnig Ruther saz,

Θεάματα ἐστῶτος γὰρ αὐτοῦ ἐν τῇ ἀγορᾷ, καὶ ὄχλου παρεστῶτος, λάθρα τοῦ κυνὸς ἐκομίζετο τὰ τῶν ἐστῶτων δακτυλίδια, χρυσᾶ τε καὶ ἀργυρᾶ καὶ σιδηρᾶ· καὶ ἐτίθει αὐτὰ εἰς τὸ ἔδαφος, περισκέπων αὐτὰ τῷ χῶματι καὶ ἐπέτρεπεν τῷ κυνὶ, καὶ ἔπερνεν, καὶ εἰδίδου ἕκαστῶ τὸ ἴδιον. ὁμοίως καὶ διαφόρων βασιλείων νομίσματα μιγνύμενα ἐπεδίδου κατ' ὄνομα. ἀλλὰ καὶ παρεστῶτος ὄχλου ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, ἐπερωτῶμενος εἰδείκνυεν τὰς ἐν γαστρὶ ἔχούσας καὶ τοὺς πόρνοους, καὶ τοὺς μοιχοὺς, καὶ κνίπους καὶ μεγαλοψύχους· καὶ ὑπεδείκνυεν πάντα μετὰ ἀληθείας. ὅθεν ἔλεγον ὅτι πνεῦμα ἔχει Πύθωνος.

¹⁾ Vogt, l. c. 26.

der dritte wil der Riuzen sturn,
 sô wil der vierde Eggehartes nôt,
 der fünfte, wen Kriemhilt verriet,
 dem sehsten tete baz,
 war komen si der Wilzen diet и т. д. ¹⁾.

Эпическая и историческая пѣсня, новелла и басня, *jocularis cantio* (*sacerdos et lupus*), *verba jocularia* (*versus de unibove*), загадки и пословицы и гномика ²⁾ — таковъ кругозоръ и такова дѣятельность позднѣйшаго шпильмана, къ которому уже въ XII в., если не ранѣе, присосѣживается бродячій, длинноволосый (*scolares cum longa coma*) школяръ-клерикъ ³⁾. Наслѣдникъ классическаго мима, въ началѣ отличный отъ народнаго пѣвца, онъ становится нѣмецкимъ поэтомъ, презрительно оглядываясь на своихъ запоздалыхъ въ развитіи родичей.

Французскіе жонглѣры также соединяли низменное искусство фигляра и потѣшника съ литературными вкусами. Они поютъ *chansons de geste*, но имъ извѣстны и пришлыя сказанія, библейскія и классическія, сказки о людодѣдахъ (*G. de Calanson: faulas d'orc*); цѣлый рядъ соблазнительныхъ фавль и — повѣсти о невѣрной женѣ Константина Великаго (*Bertran de Paris*), о сокровищѣ императора Октавяяна (*E del tezaur, Qu'Octavian fes sebelir. Guir. de Calanson*) и демонѣ, котораго держалъ въ устахъ Соломонъ (*E de satan Que Salamon saup pres tenir. Guir. de Calanson*) — не легенду-ли объ Асмодеѣ-Китоврастѣ? — Они рассказывали о какомъ-то царѣ Лерѣ и нагорномъ царствѣ, куда не заходятъ

¹⁾ I. с. p. 16; W. Grimm, *Deutsche Heldensage*, 2-е Ausg. p. 163.— Сл. Hugo v. Trimberg въ Renner'ѣ у Grimm'a, I. с. p. 173.

²⁾ Scherer, *Deutsche Studien I* въ *Sitzungsber. der philos. hist. Cl. der Kais. Ak. der Wiss. Wien*. 1870, B. LXIV, p. 339 слѣд.

³⁾ Müllenhoff., *Zur Gesch. d. Nibelungenot* p. 20. Эти *scolares cum longa coma* въ обществѣ (стриженыхъ?) шпильмановъ невольно напоминаютъ подобныя сопоставленія Исидора Севильскаго и Златоуста. Сл. выше стр. 143.

вѣтеръ (Del rei Leri—e del emperi—Del pueg on vens non pot ferir) и т. п. ¹⁾.

И здѣсь произошла дифференціація: въ то время, какъ одна часть жонглёровъ спускается до значенія площаднаго шута, возбуждающаго смѣхъ циническими выходками ²⁾, и шарлатана-знахаря, другіе идутъ въ литературу и не только поютъ сложенные другими пѣсни, но и сами слагаютъ ихъ и перерабатываютъ старыя. Расколъ замѣченъ былъ уже въ XIII вѣкѣ: Lambert d'Ardres (Hist. Com. Ard. XCI) различаетъ *mimi* отъ *scurrae* и *joculatores*; *Summa de penitentia* говоритъ о трехъ родахъ глестрionовъ: *Quidam* transformant et transfigurant corpora sua per turpes saltus vel per turpes gestus, vel denudando corpora sua turpiter, vel induendo horribiles larvas; et omnes tales dampnabiles sunt, nisi relinquunt officia sua. — Sunt etiam *alii histriones* qui nichil operantur sed curiose agunt, non habentes certum domicilium, sed circumeunt curias magnas et locuntur opprobria et innominias de absentibus: tales et dampnabiles sunt, quare prohibet apostolus cum talibus cibum sumere, et dicuntur tales *scurrae sive magi*, quare ad nichil aliud utiles sunt nisi ad devorandum et ad maledicendum. *Est tertium genus histrionum* qui habent instrumenta musica ad delectandum homines; sed talium *duo sunt genera*: *quidam* enim frequentant potaciones publicas et lascivas congregationes ut cantent ibi lascivas cantilenas, et tales dampnabiles sunt, sicut alii qui movent homines ad lasciviam. *Sunt autem alii, qui dicuntur joculatores, qui cantant*

¹⁾ Сл. Gantier l. c. стр. 352 прим. 1; ib. стр. 353 и 362 прим. 2; стр. 363. Сл. литературный репертуаръ жонглера въ извѣстныхъ пьесахъ Bertran de Paris de Rouergue, Guiraut de Cabreira и Guiraut de Calanson (Bartsch, l. c. стр. 85 слѣд.) и въ приведенномъ выше фавльѣ о «deux bordeors gibauz».

²⁾ Сл. напр. Johannis Saresberiensis Polycraticus l. I c. VIII и менестрелей-обезьянъ, Martin и Monnequin, на свадьбѣ у царя льва, въ Roman du Renart.

gesta principum et vitas sanctorum et faciunt solacia hominibus in egritudinibus suis vel in angustiis suis, et non faciunt innumeras turpitudines sicut faciunt saltatores et saltatrices et alii qui ludunt in ymaginibus inhonestis, et faciunt videri quasi quedam fantasmata per incantationes vel alio modo. Si autem non faciunt talia sed cantant gesta principum instrumentis suis, ut faciant solatia hominibus, sicut dictum est, bene possunt sustineri tales, sicut ait Alexander пара¹⁾.

Выдѣленіе жонглёра-пѣвца и поэта—совершилось; Guiraut Riquier съ негодованіемъ отзывается о предосудительной разтяжимости названія жонглёра, *joglar*, въ которое укладывался и трубадуръ и становящійся подъ нимъ *joglar* и веселый потѣшникъ таверны, буффовъ (*Püs Dieu*). Авторъ пьесы *Des Tabureors* (XIII в.)²⁾ проникнуть тѣмъ-же негодованіемъ, а *Baudouin de Condé*³⁾ описываетъ съ сознательнымъ шаржемъ голодныхъ и оборванныхъ скомороховъ, явившихся въ роли *higaus*, герольдовъ, у большихъ баръ⁴⁾.

¹⁾ Сл. Huon de Bordeaux ed. Guessard (Anc. poètes de la France V), Préface p. VI прим. Сл. въ *Siete Partidas* VII, tit. 6, l. 4: «Otro si los que son juglares é los remedadores é los facedores de los zaharrones que publicamente andan por el pueblo ó cantan ó facen juegos por precio, esto es porque se envilecen ante otros por aquel precio que les dan. Mas los que tañeren estrumentos ó cantasen por facer solaz á si mesmos, ó por facer placer á sus amigos ó dar solaz á los reyes ó á los otros señores, non serian por ende enfamados». — Площадные Remedadores, представившіе всякаго рода комическіе типы (сл. N'Anfos de Castela, Sitot s'es grans afans: Et als *contrafazens* Ditz hom *remendadors*) и los facedores de los *zaharrones* (о нихъ послѣ) противопоставляются *пнѣцамъ*, потѣшающимъ царей и знатныхъ. Сл. въ венеціанскомъ Воѵо v. 2247: *A nobeli cantadori e bufon e a çublar*.

²⁾ Ach. Jubinal, *Jongleurs et trouvères*, p. 164, 169.

³⁾ Dits et Contes de Baudouin de Condé etc. ed. Scheler I p. 153 слѣд.

⁴⁾ Сл. средненѣм. *krfer*, *grôier*, *grôgierer*, *krôgierer* = герольды, то отождествляющіеся съ шнильманами (*Karlmeinet* 287, 11 *speleman* — *Ind von wapeu sprechen kan*), то съ *lantvarer* (*Ottokar von Steier*, DCXC VIII) и *varnde liute* (*Mai u. Beafior* p. 88, 25).

Бродячіе потѣшники извѣстны были и въ славяно-русскомъ мірѣ¹⁾: и здѣсь они являлись такими-же прохожими людьми, какъ всюду, съ цѣлымъ рядомъ специальныхъ кличекъ, между которыми тѣмъ труднѣе разобраться, что онѣ, по значенію, нерѣдко покрываютъ другъ друга. Такъ слово *шпильманъ* (сл. у Миклошича Лех. еще и шпиль), слово, зашедшее къ Славянамъ, по мнѣнію Востокова, еще въ X—XI вв. съ приходившими отъ нѣмцевъ скоморохами — отвѣчаетъ 1) греч. *μίμος*, но и 2) ὁ τῆς ὀρχήσεως, стало-быть *ὀρχηστῆς*, *плясунъ*; 3) въ Иловицкой кормчей 1262 г.: шпильманъ сказантъ се *игрьць*; въ Прологѣ XV в. апр. 17: в той днь страсть стго мѣника Ардалеона шпильмана *игреца*. Црквнслав. игрьць = *σχηνικός*, *θυμελικός*; *θυμέλη*, = црквнслав. глоума, оттуда глоумьць = *σχηνικός*, *θυμελικός* — и еще 4) отождествленіе шпильмана съ *глумцемъ*, въ той-же Кормчей: шпильманъ, рекше глоумьць (*καὶν σχηνικός ἐστι, καὶν μίμος*); шпильманить, рекше глоумы дѣють: *μίμους γινόμενους*; въ третьемъ мѣстѣ слова: «игрьца илі глоум'ца» передають одно греческое: *σχηνικόν*; «также се скомраси и глоум'ци» = *ὡς μίμοι καὶ σχηνικοί*, гдѣ мимъ отвѣчаетъ скомрашу, хотя глумецъ = шпильманъ также переводитъ греческое *μίμος*²⁾.

Отождествленіе играца и глумца, можетъ быть, опирается на этимологическихъ данныхъ: црквнсл. игра производить отъ корня *gar* = *sonare*, *grorgie* игра *est clamor*, говоритъ Миклошичъ (Лех. а. в.)³⁾, приравнивающій црквнсл. глоума къ сѣв. *glauing* =

¹⁾ Сл. Бѣляевъ, О скоморохахъ, Временникъ, стр. 69—92; Jagič'a, *Oriini i izvodi II* (Krtisaja ilovicka godine 1262 стр. 130—134, 146, 147); Гротъ, О словѣ шпильманъ, Русскій Филологич. Вѣстникъ 1879, I, р. 35—38; Жмакина, Митрополитъ Данилъ и его сочиненія, часть II, въ Читеніяхъ въ Имп. общ. Истор. и Древностей 1881, II, стр. 553 слѣд. Сл. Словарь Миклошича подъ словами, разобранными въ текстѣ.

²⁾ Запрету Кормчей облачатъся «въ шблнчъа *игрьць* и *ликоственикъ*» (см. выше стр. 98) отвѣчаетъ въ Стоглавѣ гл. 93: «тавожь неподобныхъ одѣяній и пѣсней *плясцовъ* и *скомороховъ*».

³⁾ Иначе Потебня, Этимол. Запѣтки, Русск. Филол. вѣстникъ 1881 р. 143 слѣд.: корень *ig*, санскр. *yajati*, греч. *ἄγιος*. Сл. Archiv für slav. Phil. VI p. 154.

strepitus (ib. a. v.). Сл. Vigfusson, Dict: 1) старосѣв. *glaurm* = a merry noise, *glumra* = to rattle, *glymya* = to rattle, clash, plash; *gleyma* = to make a merry noise (шведск. *glömma*, датск. *glemme*); староангл. *glauwen*: to shout; 2) старосѣв. *glamr*: a tinkling sound, *glama* = to twaddle, talk idly, староангл. *glam*: a noise, cry. Матценауер¹⁾ относить ко второй группѣ словъ сербск. *glomot* = strepitus, чешск. *hlomoz*, и, предположительно, хорв. *glamazaz* = praestigiator, impostor, *glamazati* = *nugari*, отдѣляя ихъ отъ глоумы и производныхъ, которыя разсматриваетъ въ связи съ первой: црквнсл. глоума — *impudicitia*, глоумъ — *scena*, *jocus*, глоумьць — *scenicus*, *mimus*, *puntius*, (глоумитиса = *ἀδολεσχέιν*, *ἐπιγελᾶν*); русск. глумъ = *jocus*; словинск. *gluma* = *jocus*, *insania*, *glumač* = *histrio*, *glumar* = *praestigiator*; хорв. *gluma* = *comœdia*, *glumac* = *tibicen*, *histrio*, *scurra*, *sannio*, *praestigiator*; сербск. *glumač* = *histrio*; старочешск. *hluma* = *mimus*; рум. *glum* = *jocus*, *glumec* = *jocosus*, *glumesc* = *jocari*. — Переходъ значеній совершился, несомнѣнно, въ такомъ направленіи: отъ конкретнаго представленія поющаго, играющаго (*sonus*, *strepitus*), къ понятію скиника (глоумъ = *scena*), мима, потѣшника, насмѣшника (глоумитиса = *ἐπιγελᾶν*) и, далѣе, безстыдника, зазорника (глоума = *impudicitia*). Подобный переходъ значеній, нерѣдкій въ словахъ, обозначающихъ понятіе мима, представляетъ *comiz*: *αὐλητής* (сопль = *αὐλός*), и, по толкованію азбуковника: *scurra* (Micl. Lex. a. v.), тогда какъ, наоборотъ, црквнсл. ржгъ = *ὀνειδισμός*, γέλως (сл. ржжъникъ = *ἐμπαίκτης*) стало обозначать и *σκηνή*²⁾.

При словѣ скомрахъ мы встрѣчаемъ такое-же колебаніе опредѣленій: это *ἀγύρτης* (*praestigiator*), но и *μίμος*; въ глоссахъ Иловицкой кормчей: *λάταξ*, ὃ ἐστὶ *θυμελικός* = глоумьць, игрць.

¹⁾ Matzenauer, Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu, въ Listy filologické a pedagogické, ed. Křivala a Gebauer, VII, seš. III—IV (1880), a. v. *glamazaz*, *glomot*, глоума.

²⁾ Micl. Lex. a. v.; Сл. Будиловичъ, XIII Слово Григорія Богослова, р. 160 л. 214 δ.

Въ объясненіе этого слова предложено было нѣсколько догадокъ ¹⁾. Миклошичъ (Lex. a. v.) указалъ на корень *skam*, откуда и греч. *σκῆμος*; Шафарикъ ²⁾, сопоставляя *скомороховъ* — съ *скамарами* Ротарисова эдикта, Иорнанда (*abactoribus scamarisque et latronibus undecumque collectis*), Евгѣнія (*latrones, quos vulgus scamagos appellabat*), Менандра и Теофана, — давалъ имъ этнографическую генеалогію. Памятники не даютъ никакой опоры послѣднему толкованію: скамары вездѣ — *latrones*, среднев. *scamages, scamagae, scamerae, scamaratores* и т. д. встрѣчаются въ значеніи разбойника. Гриммъ ³⁾ указалъ, по поводу такого именно значенія слова, на замаскированныхъ, переодѣтыхъ разбойниковъ Ротарисова эдикта: *31. de uualapauz est qui se furtim vestimentum alium induerit, aut se caput latrociniandi animo aut faciem transfiguraverit*; а Schmeller-Fromman ⁴⁾ прибавляетъ къ этому сопоставленію еще *ahd. scema, mhd. scheme, schem: larva, маска; schembart и schemhaupt = id.; Schemenloufen* въ Тироли: большая процессія маскированныхъ, сопровождающаяся сценическими представленіями изъ животнаго и людскаго міра; *Schönbartlaufen* нюренбергскихъ ножевщиковъ и мясниковъ. — Если бы это сопоставленіе показалось вѣроятнымъ, то лонгобардскіе скамары оказались бы ряжеными, замас-

¹⁾ Аналогія играца и глумца повела меня къ предположенію для *скомраха* корня *skabh: lärmel, tönen*; лит. *skamb—ù = tönen, schallen, klingen*; греч. *σκῆμψ-ισαι = γογγύσαι* (сл. Vaniček l. c. II, 1077); древнел. *скомати = gemege, скомлати = γούζειν* (Micl. Lex. a. v.). Юрій Владиміровичъ веселился «ночи сквозь на скомонѣхъ (музыка?) проигрывать» (Татищевъ, Ист. Росс. т. II стр. 300). — Сл. Чешск. *šumař* (отъ *šum*): шинельманъ.

²⁾ *Slov. Starož.*, 2-е изд. I p. 358—9. Сл. Diefenbach, *Vergleichendes Wb. der gothischen Sprache a. v. scamari*; Meyer, *Sprache und Sprachdenkmäler der Longobarden, Glossar, a. v. scamago*.

³⁾ J. Grimm, *Rechtsalterthümer* p. 635 прим.; *Gesch. d. d. Sprache* 695. Сл. Meyer l. c. *Glossar, a. v. uualapauz*.

⁴⁾ Schmeller-Fromman, *Bayerisches Wb.* p. 418—19, a. v. *Schem*.

кированными, и это было-бы первичное значеніе слова, перешедшее къ понятію разбойниковъ, потому-ли, что послѣдніе также надѣвали личины (паларапц), или по общей склонности, замѣченной нами уже не разъ, обобщать понятіе мима, потѣшника въ унизительномъ смыслѣ: кудесника, блудника, бродяги и т. п.? Мы уже знакомы съ такими сопоставленіями какъ: *bastaxii*, *shimi*, *histriones*, *lenones*.... *cursorii seu pirati* ¹⁾ и увидимъ далѣе подобное-же отождествленіе: *sobalus* — *parasitus*, *scutta* и *praedo vel sicarius*; сл. пандуровъ, т. е. бандуристовъ, игроковъ на бандурѣ у Малалы ²⁾ — и позднѣйшее значеніе того-же слова: разбойникъ. — Остается опредѣлить этимологически значеніе скамара. Meyer сличаетъ сѣв. *skamr*, *skammr* = *short*; какъ понимаетъ онъ внутреннюю связь значеній, я не знаю; но *skammr* связано съ *skemta* = (*properly: to shorten Vigf.*) *to amuse, entertain* (сл. выше: *scherzen*); *skemtan: entertainment, amusement*. — Скамарь-потѣшникъ могъ дать црквнсл. *скомрачь, лит. *skamarakas*; сл. выше *ютскихъ* ряженыхъ на византійскихъ колядахъ.

Я не скрываю отъ себя, что предложенное толкованіе скамара — скомраха основывается на историческихъ аналогіяхъ, убѣдительныхъ лишь при болѣе прочныхъ *основаніяхъ* сближенія, къ которому повелъ Шафарика одинъ лишь элементъ созвучія. — Въ виду очевидной неясности вопроса (а въ международной терминологіи средневѣковаго театра такихъ вопросовъ множество) я позволю себѣ предложить здѣсь еще одну этимологическую гипотезу.

Арабск. *sakhira* = *se moquer, rire de quelqu'un, le railler*; отсюда 1) *sukhrat, sokhra* = *une personne ridicule et dont on se moque*; *sukharat, sokhara* = *moqueur, rieur, railleur*, откуда исп. *zaharron*: *bouffon travesti et masqué*, и, можетъ быть, наши *скураты*-личины, тогда какъ скоморошья *хара* восходитъ вмѣстѣ

¹⁾ Сл. выше стр. 167.

²⁾ Сл. выше стр. 160.

съ исп. *careta*, *carantala* и т. п., порт. *careta*, *carantonha* (сл. исп. *carantoña*) = маска — къ значенію греч. *κάρα*, лат. *caera*; 2) *maskharat*, *maskhara* = *risée*, *moquerie*, *objet de risée*, *figure ridicule*, *bouffon* (съ XII вѣка), *histrion*, *baladin*; *un homme dont on se moque*: *cocasse*, *jouet*, *marmouset*. На западъ арабск. *maskhara* перешло въ значеніи: буффона, потѣшника, но приняло здѣсь и новое: ряженого, маски, возвратившееся позже, уже съ послѣднимъ смысломъ, на востокъ. Сл. среднегреч. *μασχαράς* = *ludio*, *scurra*, новогреч. *μάσχαρα* = *masque*, *μασχαράς* = *bouffon*, *Maskenträger*, но и *Schuft*, *coquin*; алб. *maskarâ* = *saltimbanque*, *homme méprisable*, *mascaar* = *sannio*, *scurra*, *maskarë* = *ludio*; рум. *mascara*, *măscara* = *arlequin*, *bouffon*, *obsécinité*, *vilenie*, *ordure*, *Schandfleck*; польск. *maszkara* (откуда русск. *машкара*, сл. Сказанія князя Курбскаго, СПб. 1842, стр. 92—3), чешск. *maškara*, серб. хорв. малор. *маскара*; ит. *maschera* (*Ugutio*, XII в.: *mascaarel*), исп. порт. *mascara* (объ особомъ значеніи *mascara*, *mascaar*, *mascurer* и т. п. см. выше, стр. 162—3); турецк. *maskhara* = *saltimbanque*, *arlequin*, *personnage masqué ridicule*, *bouffon*, *paillasse*; фигляры, разыгрывающіе вѣчто вродѣ интермедій въ Туркестанѣ, зовутся *масха-рабазъ* (базъ = играющій). Тоже въ современномъ армянскомъ и грузинскомъ: въ послѣднемъ *масхара* — площадной шутъ, тогда какъ потѣшники болѣе высокаго разбора носятъ названіе *хумара*, можетъ быть, арабск. *moharrach* = *badin*, *bouffon*, *facétieux*, *farceur*, *plaisant*, *scaramouche*; сл. исп. *moharrache* (*motarrache*) и *homarrache*¹⁾. Это такая-же метатеза, какъ

¹⁾ См., кромѣ словарей *Diez'a*, *Littré*, *Scheler'a* (а. в. *maschera*, *masque*, *mâchurer*), *Dozy-Engelmann*, *Glossaire des mots espagnols et portugais, dérivés de l'arabe*, 2-е éd. а. в. *mascara*, и *Cihac*, I. с. II р. 593—4, а. в. *mascara*. — Не объяснить-ли изъ этого цикла словъ (сл. арабск. *tamaskhor*, *toumoukhar*) среднелат. *talamasca* = *larva daemonum*, старофр. *talemasche*, *talmasche* = *masque*, *déguisement*? Это я оставляю вопросамъ. — Проф. Цагарели я обязанъ указаніемъ на Кавказъ 1882 г. № 2: *Микиртумъ Мунтоевъ*, придворный шутъ цари Ира-

въ новогреч. *χαρφλός* = *φαλακρός* и т. п. Скоморохъ не стоитъ-ли въ такомъ-же точно отношеніи къ масхара? Перестановка могла совершиться подъ влияніемъ *скомляти*, *скомати* и т. п.

Для полноты вопроса приведу изъ средневѣковыхъ, латинскихъ и греческихъ памятниковъ, нѣсколько указаній на какихъ-то загадочныхъ *самардаковъ* (*Samardaci*, *Sarmadaci*; *Samardoci*, *Sarmadoci*), невольно, по созвучію, напоминающихъ *скомраховъ*¹⁾. Бл. Августинъ *Contra Acad.* III с. 15 говоритъ о злостномъ насмѣшникѣ: *ille autem casu planus erat, de iis quos Samar-docos jam vulgus vocat*; Иоаннъ Златоустъ въ 17-й проповѣди на посланіе къ Ефес.: *οὐχ ὁρᾷς τοὺς λεγομένους γελωτοποιοὺς, σαμάρδακους* (al. *τοὺς κόρδακας*), *οὗτοί εἰσιν εὐτράπελοι*; въ одномъ древнемъ комментарий къ Горацию I. I sat. 6, 115 читаемъ: *fallacem dicit circum propter Sarmadocos et sortilegos et mathematicos qui ad metas spectantes circumstabant et imperitos pugis fallebant*; наконецъ, въ актахъ св. Квирина: *Video enim te sicut rusticanum quasi a Samardaco inductum, qui et te*

кія II; проф. Патканову и Смирнову разъясненіемъ турецкихъ и армянскихъ словъ. — Уже при послѣдней корректурѣ этого листа я получилъ отъ проф. Цагарели нѣсколько новыхъ свѣдѣній касательно грузинскихъ потѣшниковъ. Сообщаю извлеченія изъ его письма: *Масхара* — скорѣе «смѣшной», чѣмъ насмѣшникъ или шутникъ; онъ смѣшитъ словами или дѣйствіями, часто не желая и не сознавая того. *Таки-масхара* — прихвастень, помощникъ, подражатель масхара, иначе *пампула*, собственно, слуга канатнаго плясуна, который, стоя подъ канатомъ, на землѣ, старается подражать своему патрону-акробату, передразнивая его во всемъ, что тотъ продѣлываетъ. — *Боломасрадина*, буквально, прихвостень, и, какъ таки-масхара, второстепенной масхара, котораго фарсы онъ копируетъ. — *Хумара*: шутникъ, юмористъ, острякъ. Роль таки-масхара напоминаетъ римскаго скурру; имя — арабск. *tamaskhor*.

¹⁾ Сл. Ducange, *Gloss. med. et infim. lat. a. v. samardacus*; id. *Gloss. med. et infim. Graec. a. v. Σαμάρδοκος* (ссылку Дюканжа на акты св. Квирина я не въ состояніи былъ удостовѣрить), лексиконы Стефана и Forcellini и Lobeck, *Aglaorphanus* II p. 1327—8.

et se decipit. Интересно сопоставить: *sarmadocos et sortilegos et mathematicos* съ выраженіями Иловицкой Кормчей: ω *шмилманнхъ* и ω *шмоумманнхъ* и ω *пласцихъ* = μαθηματικῶν καὶ μίμων; *чародѣй, скомрагъ* (Новгородская кормчая 1282 г.: чародѣй, скоморохъ)¹⁾ = ἐπαοιδός, λῶταξ, ὅ ἐστι θυμελικός.

Обратимся къ скоморохамъ на Руси.

Они — захожіе люди. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ «латинскомъ» костюмѣ и «кротополіи», отличавшемъ, мы видѣли, и нѣмецкихъ шпильмановъ: «и начаша пристроати собѣ кошюли, и аки гворъ (= мѣшокъ) въ ногавици створше, образъ килы шмоуще, и не стыдящеса отынуть, аки скомраси»²⁾.

На Руси имъ особенно посчастливилось: они любовно проникли не только въ разгульные пѣсни и пословицы, но и въ болѣе строгую былевую поэзію — не смотря на то что церковь неустанно преслѣдовала ихъ вмѣстѣ съ ихъ собратьями по ремеслу, отъ ихъ перваго упоминанія въ памятникахъ литературы до той поры (половина XVI вѣка), когда изъ навязчивыхъ «прохожихъ» (*fahrende Leute*) попрощатаевъ (*gehrende Leute*) скоморохи обратились въ какихъ то воровъ, которые ходятъ ватагами (сл. *фратринъ, τάξις, συστήματα* навязчивыхъ агиртовъ у Астерія), играютъ насильно, такъ что отъ нихъ приходится оберегаться. — Ихъ ремесло такое-же разнообразное, какъ

¹⁾ Сообщ. Н. С. Тихонравовымъ по списку Синодальной библиот. № 132, л. 155.

²⁾ Бѣляевъ, I. с., по Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго. Съ ногавицами сл. ногавки или нагавки (панталоны) у Лешковъ; сл. въ Азбуковникахъ: настегнѣвы = ногавицы или портки; гворъ водный = пузырь водный (сообщ. Тихонравовымъ). Безсоновъ (Бѣлорусскія пѣсни, стр. 31, № 55) толкуеть: ногавицы = ножная кожаная обувь, сапоги. — Скоморошій костюмъ, описанный выше, очевидно, поздній, можетъ быть не раньше XVI вѣка. Сл. одежду потѣшниковъ на фрескѣ Кіевскаго собора (о ней далѣе) и сходное изображеніе скоморошскихъ игръ въ миниатюрѣ одной англосаксонской рукописи у Wright'a, *History of domestic manners* и т. д. № 24, р. 34.

и у ихъ византійскихъ и западныхъ собратьевъ: они играютъ на трубахъ и сопѣляхъ, сурнахъ и домрахъ, надѣваютъ «личины и платье скomorошеское»¹⁾, машкары и скураты, противъ чего такъ ратовали церковные люди²⁾; въ русскомъ переводѣ (XVII в.) Эзоповой басни: Ἀλώπηξ πρὸς μωμολόχειον, послѣднее слово переведено «*харей*», а ὑποκρίτης — кошунникомъ сирѣчь *скоморохомъ* (Буслаевъ, Истор. Христоматія, стр. 1409).—Къ скоморохамъ присосѣживаются *вожаки медведей*, ученыхъ звѣрей; если упоминанія о нихъ Стоглава (гл. 93) и Домостроя (издан. Яковлева, стр. 16, 22, 23, 73) воспроизводятъ древнія постановленія соборовъ, то грамоты (см. Акты Арх. эксп. III, 402: 1636 г., авг. 14; IV, 138: 1657 г., окт. 23) отражаютъ дѣйствительность, и въ нихъ-то вмѣстѣ съ скоморохами, веселыми людьми, попрошатаями, выводятся и *медведчики*, *медвонки* *поводчики*, какъ и въ разсказѣ 2-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 167): «Лѣта 7080 (1571) мѣсяца Сентября . . . въ 18,

¹⁾ Бѣляевъ, I. с. р. 78, прим. 5, по грамотѣ Алексѣя Михайловича въ Бѣлгородъ къ воеводѣ Бутурлину, 1648 года (нап. у Иванова, Описание Госуд. архива старыхъ дѣлъ стр. 296—9). Сколкомъ съ этой грамоты, но менѣе подробнымъ, является грамота 1649 года (Шуйскому воеводѣ Змѣеву) изъ которой выше, стр. 108, прим. 1) сообщены свѣдѣнія о Колядѣ, Усенѣ и Плугѣ. Изъ пяти мѣстъ, гдѣ они упоминаются въ текстѣ, въ трехъ распредѣленіе такое, что кликанье Коляды и Усеня приходится въ навечеріе Рождества, Плуги — наканунѣ Богоявленія, на что мною и обращено было вниманіе. Въ текстѣ 1648 года упоминаніе одно: «въ навечеріе Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличуть: Коледу и Таусень и Плугу».

²⁾ Кромѣ указаній Кормчей сл. еще приписанное Златоусту поученіе *περὶ πсевδοπροφητῶν* (Сл. Малининъ, Изслѣдованіе Златоструа по рел. XII в. стр. 80—1, 222—3; Тихонравовъ, Лѣтописи IV, Смѣсь, стр. 109): *ποταποὶ χριστιανοὶ οἱ τὰ ἐθνῶν σχήματα ποιοῦντες ἀφανισμὸν πρόσωπων . . . ἢ στολισμὸν γυναικῶν ἐν ἀνδράσι* = Кацы вѣрстьяни поганыхъ образъ творяще, *прокужающе* лица . . . или оутварь женьскоую на мужи си творащим.

вторникъ, въ Новѣгородѣ на Софійской стороны, въ земщины, Субота Осетръ дьякъ Данила Бартенева биятъ да и медвѣдемъ драгъ его.... а втапоры много въ людехъ учинилось (отъ медвѣдя) изрону. Въ тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали *веселыхъ людей* да и *медвѣдя* отписывали на государя, сея весны, у кого скажутъ.... Да и того-же мѣсяца 21, въ пятокъ, поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота и съ *скоморохами* и *медвѣдей* повезли съ собою на подводахъ къ Москвѣ. Веселымъ людямъ принадлежали, вѣроятно, и «плясовые медвѣди съ бубнами и домрами», и «хари», противъ которыхъ такъ неудачно ожесточился, ревнуя по Христѣ, протопопъ Аввакумъ¹⁾. Если грамота 1648 года нападаетъ на тѣхъ, что «медвѣди водятъ *и съ собаками пляшутъ*», запрещая впредь, чтобы они «медвѣдей (не водили) и съ *сучками не плясали*», то грамота 1649 года, повторившая основныя положенія предъидущей, прямо имѣетъ въ виду игрецовъ бѣсовскихъ *скомороховъ* «съ домрами и съ дудами и съ *медвѣди*».

---

¹⁾ Выписками изъ актовъ и Новгородской 2-й лѣтописи я обязанъ Л. Н. Майкову. Сл. Лѣтописи русск. лит. и древн. III: Автобіографія протопопа Аввакума, стр. 124. Объ ученыхъ медвѣдяхъ см. Забѣлина, Домашній бытъ русскаго народа II р. 456—7. — Замѣтимъ, что постановленія противъ *скомороховъ*, *медвѣдчиковъ* и *попрошатаевъ* распространяются иногда на — *псарей* и *коноховъ*. Такъ въ уставной грамотѣ Звенигородскаго уѣзда дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ отъ 1544 г. апрѣля 20 читаемъ: «А *скоморохамъ* у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ силно не играти, а *попрошатаемъ*, *конохомъ* и *псаремъ* и *имымъ попрошатаемъ* по тому селу деревнямъ потому-же силно не ѣздити, ни просити ничего (Акты Арх. Эксп. I, 180; см. ib. 207: жалованная грамота старикаго князя Владиміра Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю 1548 г. Янв. 1). — Кокохи и псари упомянуты здѣсь, вѣроятно, какъ *попрошатап*, вымогатели. Сл. въ Законникѣ Душана (Зигель, I. с., Приложенія, стр. 114): «я псаремъ и соколаромъ и свингаромъ, коуде идоу, да имъ се ница не дае».

Кленовичъ въ своей Роксоланіи такъ описываетъ русскихъ медвѣдчиковъ XVI вѣка:

- 719 *Indigenae Russi nidis feralibus ursos*
Surripiunt specubus, dum fera mater abest.
Cum nondum validae maturo in corpore vires
Crevère, aut nervis vis genuina venit:
Tunc dociles ursi varias domitantur in artes,
Fingitur in varios flexa iuventa modos.
Ingenio paret robur mentemque veretur,
Terrestrem agnoscit visque ferina Deum.
Cogitur ad numerum faciles ediscere plausus;
Dum sonat assuetis tibia rauca modis.
In varios motus immitia pectora flectit
Harmonia, numeris commoderata suis.
Tantus inest ursis arguti carminis ardor
Indomitasque movet Musica sacra feras.
Exercent docti varias humanitus artes,
Naturae oblitī roboris atque sui.
Assurgunt jussi porrecto ad sidera vultu,
Humani vultus aemula membra levant.
Clunibus obscenos imitantur sponte choreas,
Quas lasciva hominum ducere turba solet.
Talia casta, precor, fugiat spectacula virgo....
- 753 *Ergo per varias ita circumducitur urbes*
Ursus et hoc ludo, Russe, placere studes.
Organa laetitiae praesto cytharaeque tubaeque,
Tibia quae plausus cogit inire novos.

Сл. свидѣтельство Михалона Литвина: «Крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подь вольтку»¹⁾.

¹⁾ А. В. Стороженко, С. Ф. Кленовичъ и латинская его поэма Роксоланія (Кіевъ 1881), стр. 32. Л. Н. Майкову я обязанъ знакомствомъ съ текстомъ Роксоланіи, въ изданіи Мѣржинскаго. Сл. *Roxolania Sebastiani Sulmyrcensis Acerni, civis Lublinensis, у Mierzyński, De vita moribus scriptisque latinis S. F. Acerni (Berolini, 1857).*

Русскіе медвѣдчики заходили въ XVI вѣкѣ на западъ: въ Германію, по свидѣтельству Мозеллана (*Paedologia, Dialog. XXIII*) ¹⁾, и можетъ быть, и дагѣ: Аріосто (*Orl. Fur. c. XI, st. 49*) сравниваетъ горделивое презрѣніе Роланда къ обступившимъ его врагамъ съ невозмутимостью медвѣдя, водимаго русскими или литовскими поводырями, когда на него лаютъ соба-ченки:

Ma come l'orso suol, che per le fiere
Menato sia da Rusci o da Lituani,
Passando per la via, poco temere
L'importuno abbaiar di picciol cani,
Che par non se li degna di vedere:
Così poco teme di quei villani
Il paladin.

Хожденіе славянскихъ поводырей на западъ могло начаться гораздо ранѣе XVI вѣка, если объяснить въ нашемъ смыслѣ кличку медвѣдя: *Wislau*, о чемъ говорено было выше (стр. 171).

Рядомъ съ скоморохами медвѣдчиками становились скоморохи *кукольникки* ²⁾. Разсказъ Олеарія ³⁾ не только указываетъ на тѣсную связь тѣхъ и другихъ, но и знакомитъ насъ съ характеромъ скоморошскихъ фарсовъ, вѣроятно, доживающихъ свою исторію въ той или другой масляничной или святочной игрѣ, но дававшихъ сюжеты и кукольной комедіи. «Подобныя срамныя дѣла уличные скрипачи воспѣваютъ всенародно на улицахъ, другіе-же комедіанты показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ представленіяхъ за деньги простонародной молодежи и дѣтямъ, а вожаки медвѣдей имѣютъ при себѣ такихъ комедіантовъ, которые, между

¹⁾ Сл. Massebieau, *Les colloques scolaires du XVI s. et leurs auteurs*, Paris 1878, p. 92 (указаніе А. Н. Майкова).

²⁾ Костомаровъ, *Очеркъ домашней исторіи и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII столѣтіяхъ*, стр. 140; *Забытый*, I. с. II, 435.

³⁾ Путешествіе Олеарія, перев. Барсова, стр. 178—9.

прочимъ, тотчасъ же могутъ представить какую-нибудь шутку или Klücht (шалость), какъ называютъ это Голландцы. Для этого они обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню, поднимаютъ свободную его сторону вверхъ и устраиваютъ надъ головою своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (theatrum portatile), съ которою они ходятъ по улицамъ и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія». — Можетъ быть, фреска Кіевскаго собора, изображающая игры, пляску и фиглярство скомороховъ¹⁾, сохранила въ лѣвой, къ сожалѣнію, потерятой половинѣ, память о кукольникѣ-невроспаствѣ, заставлявшемъ двигаться марионетки при помощи шнурковъ. Такъ понимаю я фигуру, слегка наклоненную передъ крытымъ помостомъ, верхняя часть котораго наискось завѣшена занавѣсомъ, тогда какъ средняя представляетъ сцену; руки фигуры протянуты впередъ, какъ-бы управляя шнуромъ — занавѣса или куколь?²⁾ Вспомнимъ нѣмецкихъ и провансальскихъ кукольниковъ и отождествление: tocha = шма. Въ древнемъ переводѣ Малалы *куклы, игры*

¹⁾ Въ послѣдній разъ издана Прохоровымъ, Матеріалы по Исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной (1881 г.), въ стр. 60.

²⁾ Игры и пляска скомороховъ, изображенныя на софійской фрескѣ, напоминаютъ мнѣ описаніе другаго рода скоморошскихъ игръ въ одномъ эпизодѣ Слова Данила Заточника, въ редакціи, изданной Ундольскимъ (стр. 119—120): «инъ в'спадъ на еарь, бѣгаетъ черезъ подрумие, отчаввся живота, а инъ летаетъ съ дѣрви ли съ высоки полаты наволочиты крыи, а инъ нагъ мечется во огнь, показующе крѣпость сердець своихъ царемъ своимъ; а инъ, прорѣзавъ листа, обнаживъ кости голеней своихъ, кажетъ цареви своему, являетъ ему храборство свое.... а инъ, привязавъ вервь къ уху дѣрвному, а другий конецъ къ земли, отнесъ далече дѣрви и по тому бѣгаетъ доловъ, емся адною рукою за конецъ на верви той, а въ другой руке держа мечъ нагъ; а инъ, обвився мокрымъ полотномъ, борется рукопашъ съ лютымъ звѣремъ». Сл. въ житіи св. Поппона описаніе игръ гистрионовъ въ присутствіи императора Генриха I: «ursis etiam nudus quidam vir, membra melle perunctus, exhibetur, a quo etiam plurimum pro periculo suimet timetur, ne forte ab iisdem ursis ad ossa sui, melle consumto, perveniretur». Muratori, l. c. стр. 848.

куколныя отвѣчаютъ греческому: τῶν σκηνηκῶν: «въ прѣство Клавдія Антиωχійстіи Соури пятьигрьва година. просиша праз'новати куклами дѣтскими (?), на столпъ лаженіемъ, браніемъ, оутеканіемъ кон'скимъ, сѣчевнымъ и преспѣваніемъ» = κατὰ πενταετῆ χρόνον πολύτροπον θέαν... σκηνηκῶν, θυμελικῶν καὶ τραγικῶν καὶ ἀθλητῶν ἀγῶνα καὶ ἵπτικῶν καὶ μονομάχων (ed. Вонп. I, X, p. 248—9); «творити *иры* *скомраишьскыя* и [с]коуколныя и всѣхъ боріи сноузныхъ и пѣшихъ оуристаніи» = ἀγῶνας ἀχρομάτων καὶ θυμελικῶν, σκηνηκῶν πάντων καὶ ἀθλητῶν καὶ ἵπτικόν ἀγῶνα (ib. I, IX, p. 224—5)¹⁾.— Въ «въпрошеніи апостольскомъ о мукахъ и о грѣсѣхъ и о покаяніи и обрѣтеніи милости господней»²⁾ запрещаются *иры, моголемыя куклы, и скоморохи, и русалію плашющаа*.

«Игры, глаголемыя куклы», апостольскихъ вопрошаній вызы-
ваютъ общее объясненіе.

Миклошичъ³⁾ объясняетъ новогреч. κοῦκλα = кукла (кото-
рое, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отдѣлить отъ однозначущаго
κοῦτ(α) перенесеніемъ съ русскаго, производя русск. кукла
(= болг. кукла) отъ турецк. κουκλα. Иначе Сінас⁴⁾: турецкое
слово онъ выводитъ изъ новогреческаго, оставляя открытымъ
вопросъ о происхожденіи какъ послѣдняго, такъ и соответствующаго
русскаго. Я усматриваю источникъ въ среднелатинскомъ
(caucula) = caucularius, coclearius, cauculator, по Дюканжу соб-
ственно: «qui *poculis amatoris, cibis vel phylacteriis*... mentes
quorundam inficiunt», а далѣе вообще: circulator, praestigia-
tor. Какое слово лежитъ въ основаніи приведенныхъ, я рѣшить
не берусь: среднелат. caucus,—а, среднегреч. καῦχος, καύχα,
καύχα = famulus,—а, amasius,—а, (црквнсл. кавъка = παλλακή);

¹⁾ Сл. Срезневскій, Свѣдѣнія и Забѣтки № LXXXIV, стр. 119—120, 121.

²⁾ Тихомировъ, Пам. отреч. русск. лпт. II стр. 313.

³⁾ Miklosich, Die Slavischen Elemente im Neugriechischen (1870), 19.

⁴⁾ I. c. II, а. в. cocúta, p. 649.

среднелат. *caucus*, среднегреческ. *καῦχος* = *calix*, *patena* (тоже: *καύκαλον*, *καυκάλιον* = црквнсл. кавкаль, ковкаль); въ греческомъ глоссаріи а. в. *ψηφᾶς* Ducange отождествляетъ это слово съ средне-лат. *calculator* = *cauculator*: «qui calculis et globulis videntium oculos fallunt».

Caucula могло дать староверхненѣм. *goucal*, *goukil*, *coukel* = *praestigium*, средневерхнен. *gougel*, *goukel* = *närtisches treiben*, *possen*, *zauberei*, *blendwerk*; сѣв. *kukl* = *gauckelei*, *zauberische verblendung*, *taschenspielerei*; шведск. диалект. *kukkel* = *zauberei*, *narretei*. Въ основѣ могло лежать конкретное представле- ніе — не художества, а художника: сл. въ нѣм. глоссахъ *geuckel* = *magus*, *gögl* = *timus*; средневерхненѣм. *gaukel*: *hanswurst* — и *gaukler*; сл. швейцар. *gäuggel* = *geck*, *auch eine vermummte person zur belustigung des volkes*; швабск. *göckel* = *gaukler*. Какъ приведенныя формы слова связываются съ *caucula*, такъ другія, болѣе распространенныя, примкнули къ *caucularius*, причѣмъ на новыя сложенія могли повліять близкія по значенію и созвучію: *jocularius*, *jocularis*. Оттуда: староверхнен. *gougulâri*, *gouculâri*, *caucalâri*, *gouggilâri*; средневерхнен. *gougelaere*, *goukelaere* и т. д., сѣв. *kuklari*, шведск. *koklage*, и цѣлый рядъ диалектическихъ отраженій въ германскихъ нарѣчіяхъ и въ славянскихъ заимствованіяхъ: чешск. *keyklar*, польск. *kuglarz*, верхнегуж. *kekler*: всѣ съ значеніемъ кудесника, фокусника, паяса и т. п. — Гриммъ¹⁾ отрицаетъ необходимость указаннаго нами производства, считая вѣроятнымъ: 1) что староверхнен. *gougulâri* могло, наоборотъ, повліять на среднелат. формы: *jocularis*, *jocularius*; 2) что вліяніе послѣднихъ словъ допустимо развѣ для немногихъ нѣмецкихъ выраженій понятія *gaukler*: *jaukelor*, *jeukeler*, *jokeler*; 3) что среднелат. *caucularius* и т. п. отразилось, быть можетъ, въ диалектическомъ *kocheler*, *coechler*

¹⁾ Deutsches Wörterbuch, а. в. *gaukel*, *gaukeln*, *gaukelmann*, *gaukler* и въ производныхъ; сл., наоборотъ, въ словарѣ Weigand'a и средневерхненѣмецкомъ Lexer'a.

и, какъ общій субстратъ разбираемой группы нѣмецкихъ словъ, не допустимо уже потому, что его не знаютъ среднелат. памятники, записанные въ Германіи. Но именно въ такомъ мы нашли форму *sosula* = *causula*; я имѣю въ виду указанную выше глоссу: *choraula, caraula, choraules, sosula* = *joculator* и т. п. (см. стр. 146—7).

Если наше построение вѣрно, то понятіе *gaukel* = *praestigium* выработалось изъ конкретнаго *causula-gaukel-praestigiator*; въ этомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понять запретныя «игры, глаголемыя куклы»: это — *causula*, староверхнен. *caukel*, сѣв. *kukl* = *praestigium*, который творили скоморохи — и въ то-же время: марионетка, *pupa*; сл. нѣм. *gaukel-mann: gaukler, histrio*, — и *signum mobile, neugospasta, pupa praestigiatoris, citeria*. Подобное соединеніе понятій: знахарства и жонглёрскаго «фокуса, продѣлки, уже встрѣтилось намъ при словѣ *bastel*; въ французскихъ процессахъ противъ колдуновъ, начала XVII в., *марионетками* (*marionnettes*) названы — домашніе духи, которыхъ обвиняемые держали у себя, въ образѣ лягушекъ, обезьянъ и т. п. ¹⁾; русск. кукла встрѣчается съ значеніемъ колдовства: въ Орловской губерніи такъ именно зовется за́вертка, за́крутка, закрута въ хлѣбѣ, завои колосьевъ знахаремъ, на порчу того, кто сниметъ куклу — куклю Бѣлоруссовъ ²⁾. Что понятіе куклы = *pupa* вызывало представленіе о сверткѣ, узлѣ и т. п. — понятно само собою; и вотъ въ Псковской губерніи кукла означаетъ: «около 20 фунтовъ льна въ связкѣ», какъ франц. *roupée* = кукла и — початокъ, кудель, *raquet d'étoupes dont on garnit le fuseau*.

Отъ понятія знахаря-кудесника мы пришли къ значенію кудесничества, знахарства и наконецъ къ его орудію: куклѣ. Этотъ переходъ не единичный: 1) греч. *κόβαλος* = «δαίμονες τινες

¹⁾ Magnin, Histoire des marionnettes en Europe, 2-e éd. p. 110—11.

²⁾ Даль; о закрутѣ сл. Аванасьевъ, П. В. III 515—516; Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, стр. 64.

σκληροὶ περὶ τὸν Διόνυσον», βωμολόχος, среднелат. cobalus = qui lusu assimilato fallit, vel parasitus, vel blatero, hallucinatorque vel praedo, vel sicarius; scurra и — носильщикъ ¹⁾ — изменилось (черезъ понятие: ряженаго, пугала, чучела?), съ одной стороны, до значенія куклы, kobolt, которой орудуютъ фокусники; съ другой — шаловливаго духа ²⁾ — 2) исп. zaharron = ряженный, потѣшникъ; но тѣ zaharrones, которыхъ показываютъ испанскіе joglares (Rom. de Alixandre, copl. 1798) вмѣстѣ съ обезьянами, вѣроятно, ни что иное, какъ куклы — чучелы (сл. пров. simils ni bavastels). 3) Въ кормчей XIII вѣка читается слѣдующее мѣсто, приведенное Востоковымъ ³⁾: «*λέμυα λουτζκы и позорища ιαγъ*» = τοῖς λεγομένοις μίμοις καὶ τὰ τούτων θέατρα; сл. въ приведенномъ выше текстѣ апостольскихъ вопрошаній: «*ιγры, μαλολεμυα куклы и скоморохы*». Миклошичъ сравниваетъ староверхненѣм. lotar, средневерхнен. loter, lotter, loder (нижнен. lodder, loder, loderer) = taugenichts, schelm — и gaukler, possenreisser, о которомъ нѣмецкіе памятники поминаютъ за одно съ «vagende lude» и шпильманами: онъ обучаетъ обезьянъ и собакъ, является на свадьбы и т. п.; сѣв. loddari, англос. loddere = scurra; сербск. лотар, польск. lotr, рум. lótrü, нашъ лодарь, лодырь. — Миклошичъ привлекаетъ сюда-же и готск. liuthareis = cantor; я напоминаю: лат. ludio, среднелат. ludio = spelman; лат. ludia = жена гладиатора, среднелат. ludia = speylwур, joculatrix, lena; среднегреч. λουδάριος = ludarii, gladiatores; среднелат. ludarius: spilman, schimpfer; можетъ быть, старофранц. loudier, обыкновенно производимое отъ среднелат. lodia = tugurium (франц. loge); сл. у Валафрида Страбона: ludorum exhibitores, carminum

¹⁾ Ducange, Gloss. med. et inf. lat. a. v. cobalus; Lobeck, Aglaophamus II, 1321, 1323.

²⁾ J. Grimm, Deutsche Myth. 4. Ausg. p. 414—416. Иначе въ Deutsch. Wb. (я у Lexer'a) а. в. kobolt: сравниваются англосакс. cofgodas = lares, cofgodu = penates.

³⁾ Словарь церковнослав. яз. а. в. лодуѣкъ; Miclosich, Lex. a. v. Сл. Lexer, l. c. подъ loter; Сінас, l. c. II p. 176—7, а. в. lótrü.

rompatisci relatores; среднегреч. λουδεμπιστής = «ὁ ἀρχῶν τῶν παιγνίων λουδα γὰρ τὰ παίγνια τοῖς Ῥωμαίοις»; «λουδεμπιστής ἐρμηνεύεται ὁ διαχοριστής, ἤ γονν ὁ παρθενοφθόρος, λουδοὶ γὰρ παρὰ Ῥωμαίοις ἢ φθορά»; λουδεμπιστής = ἀρρητοποιός; сл. въ переводѣ Иловицкой Кормчей: «на колесницахъ оурисканыи творе, или самоборьць, или пѣшь оурисканыи творе на позорищихъ, или *ирищезъ старпичишна*, или борьць» = Ἡνίοχος ἢ μονόμαχος ἢ σταδιοδρόμος, ἢ лουδεμπистής ἢ лουдепáхτης ἢτοι παιγνίων ἀρχων, ἢ Ὀλυμπικός и т. д.; сл. еще лουδοτρόφος (или лουδιοτρόφος) = ἐπιστάτης μονομάχων¹⁾. — Къ этой группѣ словъ примыкають, быть можетъ, *москолудити* = μιμολογούμενοι, *москолудъ* = τινῶν γελοιαστῶν; (играми и) *москолудимъ* (и pianствомъ): τῆς μιμολογίας²⁾; и *лoutэкъ*, mimus, histrio, и далѣе (черезъ понятіе ряженаго, чучела)³⁾ сербск. лутка, чешск. loutka, польск. łałka, бѣлор. лялька = кукла. Укажу въ заключеніи еще на отрывокъ поученія изъ Дубенскаго сборника XVI вѣка: «А о турехъ и ω *лodyмахъ* и ω *коледницехъ* и про беззаконныи бои вы попове уимаете дѣтей своихъ»⁴⁾, и въ грамотѣ Алексѣя Михайловича 1648 года на нареканіе противъ тѣхъ, которые «медвѣди водять и съ собаками пляшуть, зернью и карты и шахматы, и *лodyмами играютъ*». Сл. съ другой стороны русск. лотыги = марнотравцы (Памва Берында).

Рядомъ съ этимъ развитіемъ значеній совершается и обратное: отъ конкретнаго понятія куклы — чурки, куклы — свертка, къ чучелѣ, ряженому, пугалѣ, наконецъ, къ шаловливому духу. Разумѣется, не вездѣ развитіе сохранило всѣ элементы такой именно

¹⁾ Ducange, Gloss. med. et inf. graec. a. v. λουδος, λουδάριον, λουδεμπιστής, лουδοτρόφος; Diefenbach, Nov. Glossarium a. v. ludarius, ludia, ludio; Jagić, Opisi II p. 133.

²⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и Забѣтен № LXXXVII p. 172 (изъ житія Андрея Юродиваго).

³⁾ Терещенко, I. с. VII, 294: «Дѣтописи наши называютъ переряживанія — *лудами* (отъ лат. ludex)»(?).

⁴⁾ Срезневскій, I. с. № LVII p. 314.

последовательности: 1) новогреч. *κοῦτζα, κοῦτζούνα, κοτζούνα, κοσώνα* = кукла (*κοῦτζός* = *mutulus, truncatus, κοῦτζουρον* = *truncus* и т. п.) указывают на понятие чурки, отрубка, какъ 2) исп. *muñeca*: кисть, кулакъ, кукла (въ последнемъ значеніи и *muñeco*); сл. франц. *moignon*: отрубокъ какого-нибудь члена; итал., въ Комо: *mignà*—карнатъ, въ Романьѣ: *mignac* = колода, обрубокъ (но франц. *mannequin* отъ флам. *manneken* = *Männchen*); 3) нѣм. *doscke*, средневерхнен. *toscke*, староверхненѣм. *toscka* = кукла — и *doscke* = *ein meist walzenförmiges Stück, ein Klotz, Zapfen, eine kleine Säule, gewöhnlich von Holz*. Гриммъ (D. Wb. а. в.) считаетъ последнее значеніе основнымъ: древнѣйшія куклы дѣлались, вѣроятно, изъ деревянной чурки, грубо обтесанной и обмотанной тряпками; отсюда, быть можетъ, и особое значеніе *doscke*: *Strang von gesponnenem Flachs, Wolle, Seide, «manipulus lanae vel lini aut canabis qui ex colo pendet et fuso trahitur»*. Дальнѣйшее развитіе приведетъ насъ, черезъ представленіе ряженаго, чучела, некрасиваго, одѣтаго въ лохмотья человѣка, пугала (Швейцарія), къ понятію альпа, эльба, демоническаго существа, котораго въ Швейцаріи зовутъ *doggi, toggeli, doggeli*. Предположеніе Гримма, что куклы могли первоначально изображать эльбовъ, домашнихъ духовъ и т. п., не представляется мнѣ необходимымъ; 4) средневерхнен. *butze*: обрубокъ, комокъ (*klumpen*), нѣм. *bützel*—недоростокъ, голл. *but*—толстый, коренастый ребенокъ—и нѣм. *butze* = *larva, manducus*, кобольдъ, *verbutzen* = *verkleiden, verummern*; *fastnachtbutz* — ряженный на масляницѣ; *butzemann* тоже что *bockelmann* = святочная (первоначально, козлиная?) маска, являвшаяся рядомъ съ Бертой (Frank, Heillosichk. 33: *Pan wirt geacht der Gott sein, den die Kinder Bockelmann oder Bercht heissen*): румынскій береза съ козлиной харей ¹⁾; — 5) *taterman* = средневерхнен. *kobold*,

¹⁾ Grimm, D. W. а. в. *butze, fastnachtbutz, bockelmann*; id. *Deutsche Myth.* 4-е изд. р. 418—20 (иное объясненіе); Lexer, *Mittelhochd. Handwb.* а. в. *butze*.

figur im puppenspiele, очевидно, не отъ Tater = татаринъ, какъ полагають иные, а въ связи съ сѣв. töturr, англ. tatters = тряпки: тряпичная кукла. — 6) романское *baga: свертокъ, узелъ, व्योकъ (сл. Diez, Wb. a. v. bagatella); ит. bagatella: giuoco di mano, fatto da giocolieri; «cognomine vocatus el Bagatella, propter ejus cavillationes umbratiles et pueriles, vel quod illam artem poverit bagattandi» (Muratori, t. 2, p. 214 c. 2); среднелат. bagattare: nugare, tricare (Ducange, Gloss. lat. a. v. bagattare); сл. magatelli = bagatelli = марьонетки у Кардана ¹⁾).

И такъ наши скоморохи *творили* или показывали *куклы* — въ томъ и другомъ смыслѣ этого слова. Ихъ любили въ народѣ, зывали въ дома и на пирь; они являлись на братчины ²⁾; церковь внимательно слѣдила за представителями свѣтскаго, стало быть, языческаго веселья. «Сатанино замышленіе, тои бо позоры наоучилъ смѣхотворца и кощунники и *скомраси* и игреца, да тѣхъ злыми дѣлы израща ихъ погубить», говорится въ «Словѣ о Христіанствѣ» ³⁾. «Како бо позорующе не то-же ли творать? Аще пустошникъ что глумаса изречеть, тогда сии больма смѣются, его-же бы дѣла злословнаго кощунника бьюще отгнати. Но и зраще чудатса: тии оучать злу, друзія же и мзды игрецемъ даютъ, тѣмъ болии огнь на свою व्यю збирають. Аще ни зрѣли бы ни двилиса имъ, то оставили бы пустованія; не токмо бо диватса зра, но и словеси ихъ извыкли, да егда въ пирю или гдѣ са зберуть, то подобно бы христьяномъ глаголати ѿ пророчствѣ и ѿ оученіи сватыхъ, (то сии въ того мѣсто) глаголють: (се глаголетъ) онъ сій *скоморохъ* или онъ игрецъ и кощунникъ; тѣмъ многы себѣ пути готовать ведуще въ муку вѣчную». — «Смѣха бѣгаи, лихаго *скомороха* и сла точьхара(?)

¹⁾ Magnin, l. c., p. 71—2.

²⁾ Бѣляевъ, l. c. стр. 78.

³⁾ См. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1854 г. ч. LXXXIV: Слово о Христіанствѣ, стр. 182—4 = Лѣтописи русск. лит. и древн. IV, Смѣсь, стр. 111—112. Слова въ скобкахъ заимствованы изъ послѣдняго текста.

и гудца (въ ркп. судца) нѣ оуведи оу домъ свои глума ради», поучаетъ Зарубскій черноризецъ Георгій (XIII в.): ... «дыаволи бо то суть всегда сии, съмысли и созваны и весѣлыя блудскыя, бо то нсть краса и радость бѣсыщихса штрокъ»¹⁾. — «Въ домъ свой къ женѣ и дѣтемъ приводиши *скоморохи*, плясци, сквернословци, погубляя себе и дѣти, и жену, и вся сущая въ дому паче потопа онаго» (Митрополитъ Данилъ)²⁾. — Домострой нападаетъ на *скомороховъ* «и ихъ дѣло, плясаніе и согѣли» (изд. Яковлева, стр. 73); Стоглавъ, гл. 93, повторяетъ нареканія Трульскаго собора противъ «плясцовъ и скомороховъ»; его характеристика современнаго скоморошьяго попрошайничества, «васильнаго» игранія, о которомъ говорятъ и грамоты, едва-ли не отзывается благочестивымъ шаржемъ: «Да по дальнымъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими по штидесять и по семидесять и до ста человекъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ и изъ клетей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ» (гл. 41, вопросъ 19). — Грамоты 1648 и 1649 годовъ совокупили всевозможныя реальныя обвиненія противъ «*глумнѣнїя и скоморошества*» и его представителей, ходившихъ съ медвѣдями, домрами, гуслиями, волынками, дудами «и со всякими игры»: «и многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ *прелесникомъ и скоморохомъ* послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечеромъ и во всенощныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерскихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женесково полу и до сущихъ младенцевъ» (грамота 1649 г.). — «Сатанинскія игры *скомороховъ*», о которыхъ говорилъ въ томъ-же XVII вѣкѣ неизвѣстный священникъ, авторъ Статира³⁾, не преминули попасть въ статью Требника. «Согрѣшихъ в сладость, слушаа гуденїа гуслей и арганъ и трубъ

¹⁾ Срезневскій, Свѣд. и Зам. № VII, стр. 56.

²⁾ Жмакинъ, I. с. стр. 559.

³⁾ Указаніе А. Н. Майкова. Сл. Духовную бесѣду 1858 г.

и всакого *скоморошества*, бѣсовскаго неистовства, и за то имъ и м'зду давахъ», читается въ чинѣ исповѣданія мірянъ; «или сотворилъ еси пиръ съ смѣхотвореніемъ і плясаніемъ, или слушалъ еси *скомороховъ* или гуселниковъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсовскія или слушалъ еси іныхъ поющихъ?» (вопросы священника на исповѣди) ¹⁾.

Византійскій церковный ригоризмъ, осудившій профессію потѣшника, какъ грѣховную, былъ только послѣдователемъ, уготовивъ ему и въ будущей жизни подобающее наказаніе. Эти угрозы перешли и на Русь, въ переводахъ греческихъ эсхатологическихъ сочиненій, отразились въ самостоятельныхъ произведеніяхъ того-же характера и, черезъ ихъ посредство, въ народныхъ поэзіи и искусствѣ. Въ словѣ Палладія мниха «О второмъ пришествіи Христовѣ» — «плясцы и свирѣльцы и гусленицы и смычницы и смѣхотворцы и глумословцы отъидуть въ плачь неутѣшный никогдаже»; въ древне-русскомъ словѣ «о небесныхъ силахъ» караются въ мытарствахъ «буе слово, срамословіе, бестудныя словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадьбахъ и въ павечерницахъ и на игрищахъ и на улицахъ» — и тѣ, «еже басни бають и въ гусли гудуть»; въ изображеніяхъ страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ плясуны являются повѣшенными за пупъ, какъ въ духовныхъ стихахъ, создавшихся подъ впечатлѣніемъ тѣхъ-же идей, «плясуны и волынщики» осуждены на повѣшеніе надъ каменными плитами и на гвоздьѣ желѣзное; либо:

Еретники и клеветники изыдутъ въ преисподнія,

Смѣхотворцы и глумословцы въ вѣчный плачь.

Повятно въ этой связи, что въ «Сказаніи о скончаніи міра и о Антихристѣ», приписанномъ св. Ипполиту, послѣднія времена характеризуются тѣмъ, что всюду будутъ пѣться «пѣсни вражія», тогда какъ въ житіи Андрея Юродиваго послѣдній царь Византіи, ииѣющій явиться въ пору Антихриста, проявитъ свое благочестіе

¹⁾ Выдержки изъ Требника сообщены мнѣ Н. С. Тихонравовымъ по ркп. его библіотеки.

тѣмъ именно, что не будетъ въ городѣ «на согѣльника, ни гудьца, ни поющаго или ино что либо творящаго лихо дѣло». Русская интерполированная редакція псевдо-мееодіевскаго Откровенія воспроизводитъ это пророчество такимъ образомъ: «Тогда не будетъ.... ни чародѣя, ни *скомороха* (сверильника) ¹⁾».

Нравственная оцѣнка скоморошества съ точки зрѣнія свѣтскихъ людей, въ сущности, сходилась съ церковной, не доходя лишь до крайностей ея практическихъ выводовъ. Твоя наука «что скоморошить и у христіанъ деньги выманывать», говоритъ князь скомороху, вызвавшемуся вступить въ преніе съ жидовскимъ философомъ. «Княже мой господине, отвѣчаетъ тотъ, и христіанъ обманывать надобно умѣючи: збодливаго обманить, а середняго возвеселить, а скупаго добра и податлива учинить. А, не учась, и у христіанъ ничего не добыть, и головы своей не прокормить». И онъ побѣждаетъ ученаго противника не столько знаніемъ, сколько находчивостью и нахальствомъ ²⁾. Это требовало своего рода дрессировки, служившей цѣлямъ смѣха, но вызывавшей презрительное снисхожденіе къ тѣмъ, кто подвергалъ ей себя:

Свѣтильникъ да свѣтитъ, огнемъ ся свѣдаетъ,
Коцунникъ да тѣшитъ, самъ ся изнураетъ,

говоритъ Симеонъ Полоцкій ³⁾, а русскій бояринъ у Маскѣвича сравниваетъ западные танцы съ потѣшнымъ скаканіемъ фигляра, скомороха: «что за охота ходить по избѣ, искать, ничего не потерявъ, притворяться съумапедшимъ и скакать скоморохомъ (skakać jak kuglarz = gaukler)! Человѣкъ честной долженъ

¹⁾ Сл. Сахарова, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской писменности и т. д. 1879 г. стр. 67, 111, 136—7, 164, 187, 243, и источники, тамъ указаные.

²⁾ Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской, Лѣтоп. русск. лит. и древн. III 61—78.

³⁾ Л. Майковъ, Симеонъ Полоцкій, Древняя и Новая Россія 1875 г., № 11, стр. 226.

сидѣть на своемъ мѣстѣ и только забавляться кривляніями шута, а не самъ быть шутомъ для забавы другаго: это не годится» ¹⁾).

Этотъ отрицательный взглядъ свѣтскихъ либо свѣтски-образованныхъ людей на скоморошье дѣло мирился практически съ институтомъ шутовъ, какъ народная пословица: Богъ далъ попа, чортъ скомороха — съ дѣятельнымъ участіемъ послѣдняго въ *народной обрядности*. Его роль въ *свадебномъ обиходѣ*, засвидѣтельствованная церковными и правительствованными запретами, пережила его историческое существованіе, какъ члена отдѣльнаго института, сословія. «Не подобаеъ хрѣстьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, аще ли то не бракъ наричетса, нъ идолослужение, иже суть: пласба, гоудба, пѣсни бѣсовскыя, сопѣли, боубни и вса жертва идольска», говорится въ Словѣ Христолюбца по рукописи конца XV вѣка ²⁾. — «Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поють; и какъ къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ». Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Стоглава (гл. 41, вопр. 16) говорится: «къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ *скоморохомъ* и глумотворцемъ предъ свадьбою не приходити». Такъ уже въ статьѣ о многихъ неисправленіяхъ, «неудобныхъ Богу и не полезныхъ душѣ», приписываемой владыкѣ рязанскому Кассіану: «свадбы творять и на браки призываютъ ереевъ со кресты, а *скомороховъ* з дудами» ³⁾. То-же въ грамотѣ 1648 г.: «Да въ городскихъ же и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бывають на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и *скоморохи* со всякими бѣсовскими игры». — Когда въ былинахъ

¹⁾ Pamiętniki Samuela Maskiewicza, wydany przez Jana Zakrzewskiego (Wilno, 1838), стр. 39—40 (на русскій языкъ переведены Устряловымъ).

²⁾ Лѣтописи русск. лѣт. и древн. IV, Смѣсь, стр. 94.

³⁾ Лѣтоп. русск. лѣт. и древн., т. V, отд. V, стр. 137—9.

о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» богатырь является на свадьбу жены переодѣтый *скоморохомъ*, (какъ въ соответствующемъ положеніи Renart, сл. выше стр. 163), «дѣтиной пріѣзжей, скоморошной, гусельной» (Рыбн. I № 26), такое именно переодѣваніе является умышленнымъ: оно шло къ обряду. Въ Бѣлоруссіи еще говорятъ: что за «веселле безъ *скоморохи*» (Носовичъ, въ Словарѣ; сл. его-же Бѣлор. пѣсни, стр. 147), какъ сербская свадьба не обходится безъ чауша или глумпача ¹⁾, а чувашская безъ музыканта, игрока на гусяхъ либо *сурнахъ* — не *сурны*-ли нашихъ скомороховъ? ²⁾. — Въ Орловской губерніи, передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, поютъ:

Какъ нынче у насъ ли порошица выпадала,
Натальюшка извошничковъ нанимала,
Она семь паръ коней, восьмой возъ;
А какъ-бы кто-же *скоморошечка* да подвезъ?
Играй, играй, *скоморошичекъ* въ село до села,
Ужъ штобъ была Натальюшка весела и т. п.

Въ Малороссіи свадебные поѣзда иногда отправляются въ церковь и изъ церкви съ музыкой (бубны или рѣшета и цимбалъ), пѣснями и даже пляской; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай въ заключеніи свадьбы *цыганить*: *переодѣваются* цыганомъ, цыганкой, москалемъ, жидомъ, церковнымъ старостой; иногда муштина рядится женщиной, и всѣ вмѣстѣ, въ сопровожденіи музыки, отправляются цыганить. При этомъ *цыганы* и *салдаты* воруютъ всё попавшееся подъ руки, а *жиды переводятъ*. Нѣкоторые изъ участвующихъ собираютъ деньги будто на церковь или на сиротъ и проч. Все выпрошенное и украденное потомъ продается, за исключеніемъ

¹⁾ Kanitz, Serbien 531.

²⁾ Магнитскій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 200, прим. 2. *Сурнай*, въ сущности, тоже что шыбырь: родъ волынки.

домашней птицы, которую рѣжутъ и ѣдятъ; на вырученныя деньги покупаютъ водку. — Сходный обычай ряженья встрѣчается и въ Московскоѣ губерніи: на другой день свадьбы, когда молодые ѣдутъ въ баню, около дома ихъ и по деревнѣ ѣздить *ряженые* и бьютъ въ сковороды и тазы ¹⁾. — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Симбирскоѣ губерніи въ свадебное веселье вводится цѣлый эпизодъ драматическаго характера: на средину избы выходятъ два крестьянина-балагура и заводятъ такой (заученый) разговоръ:

Первый. Слушай-ка, Ванька, кулѣшна стать,
Съумѣешь-ли на вопросъ отвѣтъ дать?

Второй. Эва-ста дѣло! Чать, умѣемъ.

Первый. Ну-ка, отгадай,
Только промаху не дай!

Второй. Ну, бай да смотриай,
Не плошай.

Первый. Повѣхаль я на базарь, купилъ мѣру гороху.

Второй. Ну, это хорошо.

Первый. Хорошо, да не больно.

Второй. А что-же?

Первый. Да вотъ то-же!
Повѣхаль я горохъ сѣять,
Поднялся вѣтеръ,
Онъ и уродился рѣдокъ.

Второй. Ну, это плохо!

Первый. Плохо, да не больно.

Второй. А что-же?

Первый. Дать то-же:
Рѣдокъ да лучистъ.

Второй. Ну, это хорошо.

Первый. Хорошо, да не больно и т. д.

---

¹⁾ Сл. Бѣляевъ, I. с. стр. 74—6; Чубинскій, Труды Этнограф. Статист. Экспедиціи и т. д. IV, стр. 262, 272, 465; Этнограф. Сборникъ I, 191; Пермскій Сборникъ I, 99. Сл. сходный обычай въ лужицкой свадьбѣ, Haupt und Schmalen, Volkslieder, II, 236.

Въ такихъ несвязныхъ вопросахъ и отвѣтахъ проходить часть діалога; оказывается далѣе, со словъ балагура, что сосѣдская кошка съѣла у него сало, онъ её убилъ, изъ нея шубу спилъ, сосѣдъ её отнялъ, а онъ у него дочку украдъ — словно эту, точь въ точь, и попь ихъ повѣнчалъ. — Тутъ вмѣшивается дружка:

Спасибо на красношь словѣ, господа,
 Съ самаго съ исподѣ,
 А ты, дядюшка Тарась,
 Послушай-ка лучше насъ....
 Расскажемъ какъ въ високомъ терему
 Сидитъ красная дѣвица,
 Собою бѣлолица,
 Полна, румяна,
 Безъ всякаго изъяна,
 Очи орлиныя,
 Брови соболинныя,
 Руки бѣлыя,
 Очи смѣлыя.

Ай, ребята!
 Кому ту дѣвицу,
 Лицомъ бѣлолицу,
 Полну да румяну,
 Безъ всякаго изъяну,
 Взять да отвѣдать,
 Да вѣкъ ни ужинать, ни обѣдать?
 (обращается къ пирующимъ)
 Ну-ка, кому?
 Видно мнѣ одному! ¹⁾.

¹⁾ Сообщено Л. Н. Майковымъ, напеч. Юрловымъ въ Сибирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г., № 37. Въ Архангельской губерніи во время свадьбы, когда женихъ прѣзжаетъ за невѣстой, въ избу входитъ изъ числа зрителей мужчина съ кочергой и держитъ рѣчь, въ которой характеризуетъ одежду гостей и выговариваетъ себѣ угощеніе. См. Труды Этногр. Отд. Общ. Любит. Естествознанія V, 1, 82.

Необходимо различить во всей этой театральной обрядности элементъ народнаго обычая и пришлый, присталый къ нему, древними представителями котораго являлись, «глумотворцы и органныки и смѣхотворцы и гусельники» съ ихъ «бѣсовскими» пѣснями и играми. Народный обычай и захожіе глумцы — вотъ что противопоставлялось у насъ христіанству, какъ силы, совокупившіяся на противоудѣйствіе ему; иначе въ Византіи: тамъ эти силы были, въ сущности, — одной силой, одно и тоже язычество продолжало жить и въ свадебной пѣснѣ и въ мимахъ, участникахъ брачнаго обряда. «Οἱ ἐφ' ἡμῶν καὶ ὕμνους εἰς τὴν Ἀφροδίτην ἄδουσι χορεύοντες, καὶ μοιχείας πολλὰς, καὶ γάμων διαφθοράς, καὶ ἔρωτας παρανόμους καὶ μίξεις ἀθέσμους, καὶ πολλὰ ἕτερα ἀσεβείας καὶ αἰσχύνης γέμοντα ἄσματα κατ' ἐκείνην ἄδουσι τὴν ἡμέραν, καὶ μετὰ μέθην καὶ τοσαύτην ἀσχημοσύνην δι' αἰσχρῶν ρημάτων δημοσίᾳ τὴν νύμφην πομπεύουσιν». Іоаннъ Златоустъ еще разъ возвращается къ этому изображенію брачнаго обряда: «διὰ τῆς ἀγορᾶς εἰς ἐπίδειξιν πομπεύουσι, μετὰ λαμπάδων αὐτὴν (т. е. τὴν νύμφην) παραπέμποντες ἐν ἑσπέρᾳ βαδείᾳ. . . . καὶ οὐδὲ μέχρι τούτων ἴστανται, ἀλλὰ μετὰ αἰσχρῶν ρημάτων αὐτὴν ἄγουσι. . . . τί γὰρ ὁ πολὺς ὄχλος βούλεται; τί δὲ ἡ μέθη, τί δὲ αἱ σύριγγες; οὐκ εὐδηλον ὅτι ἕνα μὴδὲ οἱ ἐν ταῖς οἰκίαις ὄντες καὶ βαπτιζόμενοι ὑπὼ βαθεῖ ταῦτα ἀγνοῶσιν, ἀλλ' ὑπὸ τῆς σύριγγος διεγειρόμενοι καὶ ἄνωθεν ὑπὸ τῶν δρυφάκτων κατακύπτοντες, μάρτυρες γένωνται τῆς κωμωδίας ἐκείνης; τί ἂν τις εἴποι τὰς ψῆδὰς αὐτάς, αἱ πάσης γέμουσιν ἀκαλασίας, ἔρωτας ἀτόπους καὶ μίξεις παρανόμους καὶ οἰκίῶν ἀνατροπὰς καὶ μυρίας παρεισάγουσαι τραγωδίας, καὶ πολὺ τὸ τοῦ φίλου καὶ ἐρῶντος ὄνομα ἔχουσαι, καὶ τὸ τῆς φίλης καὶ ἐρωμένης;» Въ такомъ обиходѣ естественно принимали участіе и представители языческаго вѣрованія и веселья, и Златоустъ ратуетъ противъ тѣхъ, кто допускаетъ ихъ на свадьбы, наполняя домъ театральнымъ людомъ, мимами мужескаго и женскаго пола, плясцами и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Сл. выписки у Саом, I. с. р. 67—9.

Указанное различіе необходимо имѣть въ виду, говоря о сходныхъ нареканіяхъ Византійской и — Русской церкви на народныхъ потѣшниковъ.

Особливое вниманіе обращала церковь на участіе скомороховъ въ годичныхъ праздникахъ, освященныхъ христіанскими воспоминаніями, тогда какъ народные потѣшники обновляли въ нихъ — или и вносили новый языческой элементъ. Связь скомороховъ съ *русаліями* давно извѣстна. Русаліи¹⁾ — распространенное среди Славянъ, Румынъ, Албанцевъ, извѣстное въ Италиі, Испаніи и средневѣковой Греціи, названіе Пятидесятницы (Троицына и Духова дней); у Словинцевъ оно служитъ къ обозначенію какъ этого дня, такъ и Мая мѣсяца; въ Стоглавѣ оно является обобщеннымъ: «роусалии о іоанновѣ дни и навечерии рождства Христова и богоявленія». Уже въ нашей начальной лѣтописи читаемъ: «дигаволь льститъ и друугъими нравы, всъачъскъими льстѣми прѣваблагъ ны отъ бога, *тробами и скомрахи, юусльми и русалми*»; то-же въ поученіи, приписанномъ въ одномъ сборникѣ Θεодосію Печерскому и, вѣроятно, заимствованномъ изъ Злато струя (Слово о ведрѣ и о казньхъ бжїихъ), тогда какъ въ другомъ поученіи Злато струя (еже не прешвидѣти цркви бжїа и свѣихъ тайнъ) *скомрахи и русаліи* («о скомрасѣхъ и ѡ русаліахъ») передаютъ греч. «ἐν μὲν ἰπποδρομίαις». Сл. толкованіе къ ап. Павлу, XIII вѣка: «егда играютъ *роусалиа ми скомороси* ли пылицѣ кличють, или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ пребоуди дома²⁾; тоже соединеніе встрѣтилось намъ выше въ Вопросаніи апостольскомъ: «игры, глаголемыя куклы

¹⁾ Miklosich, Die Rusalien, Wien, 1864 г.

²⁾ Срезневскій, Свѣд. и Зам. № XXIV; Малининъ, Исгѣдование Злато струя I. с. стр. 95—6 и 207—9. Интересны въ указанномъ Словѣ другія передачи слова *скомраха*: κηθαφδός ἢ ὄρχηστῆς = гудецъ или *скомраха*; ὑπὲρ δὲ ἰππων καὶ ἡνιόχων καὶ σοφιστῶν καὶ ῥητόρων = а иже ѡ коняхъ и ѡ скомрасѣхъ и ѡ пустыхъ повѣстехъ (Περὶ τοῦ μὴ κηθαφρονεῖν τῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας καὶ τῶν ἀγίων μυστηρίων).

и *скоморохи и русалию пляшущаа*», почему Азбуковникъ толкуетъ: *русалиа* = игры скоморошескія ¹⁾.

Интересенъ для нашего вопроса эпизодъ изъ житія св. Нифонта ²⁾: «и се ѡбрѣтеся члвкъ скача съ сопѣльми, и идыше съ нимъ множество народа, послушахоу кого.... ѡ^т одинаго мурина съвязани и ведоми яко кдинѣмъ оужемъ поверѣсты въ слѣдъ сопѣльника». Тотъ мурина—князь бѣсовскій Алазіонъ, имя сопѣльнику—Оптиюль. «И се видѣвше ѡканьни бѣси сего народа прельщена ѡ^т князя ихъ, въздрадовашася радостию великою и начаша и ти люди въззоуцати, ѡвы подвизахоу пласати, а другыя плескати и въспѣвати. И бѣсомъ съ ними плашющемъ, а другимъ плещющемъ ѡнѣмъ невидимо, и се моужь нѣкыи зѣло богатъ зряше съ полаты, и тѣ постреченъ ѡ^т сотоны повелѣ предъ собою ставъши играти и пласати, бѣсомъ оугодитя творяще. И начаша друзии пласати. Изъмъ сребрь(ни)цю болгаринъ, дасть ю сопѣльнику; ѡнъ-же ю приѣмъ, въложи въ чпагъ свои. Бѣси же, изъмъше сребрьницу ищъпага сопѣль(ни)кою, поустиша къ ѡцю свокму дияволоу въ бездноу и рѣша лоукавому бѣсоу сице: иди, рѣчи оцю нашему великому, тамо съвязаному ісѣмъ: се ти жертвоу кдинъ ѡ^т князь поусти, нарицаемыи Алазиѡнъ, Оупотиѡлѣмъ, старѣишиноу жрьцемъ (дагѣе: Оптиѡлоу сопѣльнику)». — Сатана возвеселился этому приношенію, но велитъ отнести обратно и тайно вложить въ чпагъ сопѣльнику сребро и мѣдъ, «ѡсквърнивъ га своимъ ѡмрачениемъ». Все это увидѣвъ «чювьствьными ѡчима», блаженный Нифонтъ сказалъ: «яко труба събираетъ вокъ, млтва же творима събираетъ англѣ бжїѣа, тако же сопѣли и гоусли събирають ѡколо себе бестоудьныи бѣсы; държанъ въ сласть сопѣльника чѣтѣтъ тьмнаго бѣса, иже желаетъ пожерети весь миръ». Потому да удаляются всѣ отъ хитрости дья-

¹⁾ Miklosich, l. c. стр. 5—7.

²⁾ Отрывки сообщаются по ркп. Румянцевскаго музея, XIII вѣка, описанной Полѣновымъ въ Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ и т. д. X стр. 374 слѣд.

вольской, «наипаче ѡже свои имении пронырливому бѣсоу дають, ꙗже соуть *роусалии и шрими*. — Приведенный нами отрывокъ житія выдѣлялся изъ него и въ этомъ видѣ нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Слово святаго Нифонта о русаляхъ», при чемъ *шрими* заключительной фразы замѣняются *скоморохами*: «остати всѣмъ игръ бѣсовскихъ и ѡ лъсти дыволя, наипаче (и)же свои имении дають бѣсу лукавому, *ѡже суть русалыи, а и ниже скоморохомъ*»¹⁾.

Скоморохи слились съ русалками; ихъ пляска — служеніе бѣсу, который и самъ является въ ихъ образѣ. Одинъ старецъ, сидѣвшій въ кельѣ за рукодѣлемъ и пѣвшій псалмы, увидѣлъ нечистаго, вошедшаго къ нему дверьми, срачинина съ виду, въ *скомрашьей одеждѣ*; ставъ передъ старцемъ онъ принялся плясать — ибо тотъ задремалъ за пѣніемъ псалтыря²⁾. —

¹⁾ Пам. стар. русск. лит. I, стр. 208.

²⁾ I. с. стр. 202: О пляшущемъ бѣсѣ. Богѣ древній текстъ этой повѣсти указанъ мнѣ Н. С. Тихонравовымъ въ славянскомъ переводѣ Синайскаго Патерика по Синодальному пергаменному списку XII вѣка, № 551, л. 111 об.: «видѣхъ вѣгъзоуца отрока дврѣрами, срачинина, *носима(sic) заринонъ*, и ставъ прѣдъ мною нача пласати». Если, какъ полагаютъ Тихонравовъ, заринонъ = среднегреч. ζάριον, ἄζάριον, древносл. *зарь* (сл. Jagić, Archiv f. Slav. Philol. V, 92—93; Opisi, IV, стр. 14), *зарія* (Азбуковникъ) = tesserae, aleatum ludus, ταυλία (съ арабск. az-zahr = dé, откуда исп. azag, франц. hasard и т. п.), то демонъ пришелъ смущать задремавшаго старца не только пляскою, но и азартною игрою, запретною съ точки зрѣнія церкви. — Сообщаю далѣе выписку изъ письма ко мнѣ Н. С. Тихонравова: «Въ позднѣйшихъ спискахъ этого-же Патерика по другому пересказу и, можетъ быть, съ другой греческой редакціи, это мѣсто читается такъ: «Повѣдаше прѣподобный игумень Павелъ братии общаго житія: Въ Огони слышахъ, рече, ѡтъ нѣкоего старца, яко нѣкогда ми седящу въ кѣльи моеи и дѣлаючи ми рукодѣліе свое, и пояхъ псалтырь изво устѣ, и видѣхъ влѣзша отрока дврѣрами моими, срачинина, въ *скомрастѣи* одежди *стучко*(?), и ставъ предо мною нача плесати». Эту выписку я сдѣлалъ изъ скорписнаго сборника XVII в. моей библіотеки изъ статьи, озаглавленной:

Предположеніе, высказанное выше (стр. 152), что древній мимъ отразился въ паясѣ, *Naag*'ѣ средневѣковой драмы, мирится такимъ образомъ съ другимъ, усматривающимъ въ послѣднемъ типѣ отраженіе комической роли дьявола въ старинныхъ мистеріяхъ¹⁾. Дьяволъ и фигляръ отождествились; сами бѣсы—скоморохи играютъ на русаліяхъ, говорится въ пересказахъ приведенной выше легенды о Нифонтѣ: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и, собравъ бѣсы, преобрази въ челоуѣки, и идяше въ сборѣ велицѣ упрострѣвъ въ градъ, ови біяху въ бубны, друзіи въ козици и въ согѣли сопяху, иніи же, *возложши на я скураты, дтяху на глумленіе челоуѣкомъ... и нарекоша иры тѣ русалія*»²⁾. —

Другія подробности подсказываетъ намъ Стоглавъ (гл. 41, вопр. 23): «въ *Троишкую субботу* по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробамъ с великимъ кричаніемъ, и егда начнутъ играть *скоморохи* гудницы и прегудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плесати и въ долони бити и пѣсни сатанинскія пѣти на тѣхъ-же жальникахъ, обманщики и мошеники». Соборъ обязалъ священниковъ убѣждать свою паству, чтобы «въ кои времена родителей своихъ поминають, и они бы нищихъ покоили и кормили по своей силѣ, а *скоморохомъ* и гудцамъ и всякимъ глумцомъ запрещали и возбраняли, чтобы въ тѣ времена, коли родителей поминають, православныхъ христіанъ не смущали, запрещали тѣми бѣсов-

---

«Слово отъ Лемониса о плясавшемъ бѣсе предъ мнхомъ соблазна ради, а исалма ради ищезнувшемъ .ξξ.» Любопытно, что въ печатномъ изданіи этого Патерика (Лимонарь сирѣчь Цвѣтникъ иже во святыхъ отда нашего Софронія патріарха Іерусалимскаго. Кіевъ, тип. Спиридона Соболя 1628 г. л. 123 об. глава 160) подробности о скоморохѣ сглажены.

¹⁾ Koskoff, Geschichte des Teufels, I, стр. 386.

²⁾ Костомаровъ, Очеркъ стр. 141; Православный Собесѣдникъ 1860, XI, 253; Калининскій, I, с. 340. Сл. Жмакинъ, I, с. 556 прим. 2.

скими играми»¹⁾. Сл. описаніе русалий у Димитрія Хоматиана, архієпископа болгарскаго XIII вѣка: жители Молизской области показываютъ «ὅτι παλαιοῦ ἔθους ἐν τῇ χώρᾳ τούτων κρατοῦντος, ὃ δὴ βρουσάλια ὀνομάζεται, τῇ μετὰ τὴν πεντηκοστὴν ἐβδομάδι σύνταγμα γίνεσθαι νεωτέρῳ καὶ τὰς κατὰ χώραν κώμας αὐτοὺς περιέρχεσθαι καὶ παιγνίοις τισὶ καὶ ὀρχήσασιν καὶ βεβαχυευμένοις ἄλμασι καὶ σκηνηκαῖς ἀρχημοσύναις ἐγκαλεῖσθαι δῶρα παρὰ τῶν ἐνοικοῦντων εἰς κέρδος αὐτῶν, ἐξῆλθον καὶ οὗτοι κατὰ παρὸν ἔτος, συντάξαντες ἑαυτοὺς καὶ παρασκευάσαντες ἐν οὗτω κατὰ χώραν σκηνοβατήσωσιν» и т. д.²⁾. Сκηνοβατέω = выступать, представлять что-либо на сценѣ, предполагать участіе театральнаго элемента; можетъ быть, скомороховъ? Поминки покойниковъ до сихъ поръ не обходятся у Чувашъ безъ пляски и пѣсенъ и участія музыканта, обязательнаго и при похоровахъ. Вспомнимъ значеніе средневѣк. *choragium* и жонглёровъ-плакальщиковъ въ Лангедокѣ³⁾.

Нетрудно представить себѣ, что и такія празднества, какъ *колядныя*, не обошлись безъ участія скомороха. Я укажу на аналогію византійскихъ порядковъ, на свидѣтельство Стоглава (гл. 92) и грамоты 1648 года о глумахъ и играхъ и «скарденныхъ образованіяхъ», и обращу вниманіе на нѣсколько выраженій, связывающихъ скомороха съ святочными округниками.

1) Црквнсл. *коудесъ*, *коудесъникъ* = *magus*, чаровникъ, волхвъ; древнерусск. *кудъ* = *incantatio, diabolus*; русск. *окуда*, *окудникъ* рязанской губ. = колдунъ, волхвъ, проказникъ; *кудесить* = колдовать, ворожить; *кудесы* = чары. — *Кудесниками* зовутся въ Новгород. губерніи *святочные ряженые*, въ Кирилловскомъ уѣздѣ *кудесы*; болг. *къдени вечеръ* = канунъ новаго года. — Црквнсл. *коудешъникъ* = *μῦθος*, *коудешънъ* = *mimicus*; коудеш-

¹⁾ Бѣляевъ, I. с. стр. 71—2.

²⁾ Miklosich, I. с. стр. 3.

³⁾ Сл. Магнитскій, I. с. стр. 172, 175, 180, и выше стр. 146.

наша творы = шпильманскія игры¹⁾. — Къ извѣстному намъ древнему отождествленію: *мама* и *мима* — присоединяется и третій терминъ: *ряженія и колдовства о святкахъ*. Сл. сербск. чароица = *persona in maschera*, чароице = колядующіе подъ новыи годъ (сл. чороје упомянутаи выше, стр. 128, масляничной забавы) — и чарати = колдовать, ворожить (Pargić, Лавровскій). Можетъ быть, и русск. колдунъ, колдовать, только народныя формы: коляды, колядовать и т. п.?

2) Малор. румын. болг. *березу* — *брезаю* я приравнялъ выше (стр. 118 слѣд.) къ нѣм. *berhte*. Въ одномъ изъ предыдущихъ изслѣдованій²⁾ я понялъ отношенія *Berhta*'ы къ *berhten* такимъ образомъ, что олицетвореніе древнѣе обряда, и народная игра явилась вѣшнимъ выраженіемъ годичнаго появленія, обходовъ Берты — Рождества. Аналогію къ такому именно развитію я усмотрѣлъ въ греко-славянскомъ олицетвореніи Пятницы, о которой также сложилось представленіе, что она навѣщаетъ, обходитъ людей³⁾, и которая также спустилась до вещественнаго выраженія въ обрядѣ, до «простоволосой женки», что водили въ стародубскомъ полку. Какъ за олицетвореніемъ Пятницы удержалось названіе соответствующаго дня недѣли, такъ и для Берты представлялась вѣроятной такая-же этимологія: τὰ φῶτα. — Новый матеріалъ сравненія, являющійся въ малор. румын. *березѣ*, *брезаѣ*, можетъ видоизмѣнить предложенное мною построеніе. Факты представляются слѣдующіе: обрядовыя маски *березы* и *berhte* являются одинаково и въ нѣмецкомъ и въ малорусско-румынскомъ повѣр'ѣ; образъ *Berhta*'ы — Рождества только въ первомъ; потому-ли, что во второмъ онъ утратился либо не развился? Нѣмецкой Бертѣ мы можемъ

¹⁾ Сл. м. проч. Miclosich, Lex. a. v. коудесь, коудесьникъ, коудешникъ, коудешень.

²⁾ Опыты и т. д. II, V, стр. 255 и слѣд.

³⁾ Сл. Чувашскую «Эрне ватты», «недѣльную старуху», смотрящую за соблюденіемъ пятницы. Магнитскій, I, с., стр. 64, 65, 89.

противопоставить развѣ Меланку — и олицетворенную Коляду русскихъ пѣсень и обряда ¹⁾. Такъ или иначе, границы обряда: береза—berhte, ставятся шире границъ олицетворенія: Berhta'ы, развившейся односторонне. Объясненіе тому можетъ быть предложено слѣдующее: олицетвореніе Berhta'ы = τὰ φῶτα прикинуло къ существовавшему уже, болѣе древнему обрядовому образу: березы, berhte. Этимологія этихъ словъ указана выше: санскр. bhraj = φλέγω, fulgeo; рум. breaz = пятнистый, пестрый, разноцвѣтный, ποικιλός; чешск. brza = Ader im Fleisch oder Holz, Flader, Maser; brzovatý = aderig, maserig. Это возвращаетъ насъ, быть можетъ, къ обычному костюму древнихъ мимовъ, такъ называемому centunculus, удержавшемуся въ традиціонной одеждѣ итальянскаго арлекина: пестрому платью, сшитому изъ разноцвѣтныхъ лохмотьевъ. Сл. о мимахъ у Sidon. Apoll. Epist. II, 2: pigmentis multicoloribus, и въ житіи св. Беральда: ab utroque latere divisis, item mixtis coloribus vestimenta variabant ²⁾. Такова одежда и румынскаго брезая. — Названіе ряженныхъ въ Новгородскомъ уѣздѣ *соттками* отвѣчаетъ значенію березы—брезая—berhte.

3) *Мѣхоношей* ³⁾ въ колядныхъ обходахъ зовется тотъ изъ *колдовщиковъ*, который принимаетъ подачки и носитъ ихъ въ мѣшкѣ до раздѣла; арханг. губ. *мѣхоноша*, *мѣхонъ* = вахлакъ, неловкій, неуклюжій человѣкъ; онежск. губ. = тотъ изъ числа христовлапцевъ, который принимаетъ на свои руки и хранитъ

¹⁾ Сл. бѣлорусскихъ ряженныхъ: богатую и бѣдную Коляду у Аван. П. В. III стр. 749, I стр. 780. Въ малорусской колядѣ «*святая Василья* дѣяжу мѣсила, пироги пекла, и рогагы п буетыне».

²⁾ Gautier, l. c. I стр. 349, прим. 3.

³⁾ Снегиревъ, l. c. II, 104; Даль, а. в. мѣхъ, и личныя сообщенія. Сл. мѣхоношу въ повѣсти о царѣ Аггеѣ, Разысканія въ области русск. духовн. стиха V, Приложение, стр. 149. — Носовичъ, Словарь бѣлорусск. нар. а. в. мѣхоношій, торба, торбоношій, кошелоношъ; Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 75 слѣд.; Карацянъ, Рѣчн. а. в. торбоноша.

собранныя имъ подачки; (онежск. арханг. сибирск.) прислужникъ у дѣсовщиковъ и оленьихъ промышленниковъ, который носить и охраняетъ ихъ вещи и т. п.; въ рязанской губ. дѣвушки и молодцы ходятъ подъ окна славить овсень: одна изъ нихъ, несущая кошель для сбора, зовется *махоноской*, т. е. мѣхоноской. — Малорусск. *михоноша* = провожатый нищихъ, носящій ихъ торбы или мѣха. — Въ Бѣлоруссiи *мѣхоноша*, *мѣхоношій*, *мѣхоношь*: человекъ, который въ артели завѣдываетъ запасомъ; сборщикъ подаваемого при поздравленіи съ праздниками; *мѣхеда*: неповоротливая, непроторная (о работницѣ); сл. въ последнемъ значеніи: торба; *торбаношій* = *мѣхоношій* (сербск. *торбоноша* = мѣхоноша у разбойниковъ). *Миханошей*, *миханожичемъ* зовется собственно тотъ изъ «волочесниковъ», ходящихъ славить Христа о Пасхѣ, на обязанности котораго лежитъ — носить мѣшокъ съ получаемыми за пѣсни подарками; пѣсни зовутъ его и «*каша-лоносомъ*» (сл. Шейнъ, Б. Н. П. стр. 81 № 139; сл. стр. 93, № 145: Миханоши—жита калошу; Безсоновъ, Бѣл. п. стр. 7, № 4: Нашъ мѣхоношь кошель носить).

Не слѣдуетъ-ли объяснить въ этой связи средневѣковыхъ карбонасовъ, о которыхъ говорятъ дубровницкіе акты въ связи съ праздниками Пасхи: *carbomasii*, *carbomasii*, *carbomasii*, *ludus carbomasiorum*. Это, несомнѣнно, ряженые; подъ латинскимъ обликомъ скрывается хорв. *krabanoša*, *krabanosica*, *krabulja* = маска; сл. *škraban*, *kraban* = *persona in maschera* ¹⁾. Я предполагаю въ основѣ слова црквнсл. *крабий*, *крабиа* = *fiscella e vimine plexa*, *argula*, *marcupium*; словинск. *krabulja*, *korbulo*, сербск. *krbulja*, русск. *коробъ*. Крабаноша могло явиться первоначально въ значеніи мѣхоноши, обрядоваго ряженаго, откуда

¹⁾ *Parčić*, *Rječn. slov. ital. i ital. slov.*, даетъ еще нѣсколько словъ для выраженія «*persona in maschera*»: *čarogjica*, о которомъ упомянуто выше; *čuvjida*, необъяснимое для меня, равно какъ и *krinka* = *maschera*; наконецъ *buša*, можетъ быть, нѣмецк. *butze*.

развилося общее понятіе маски, какъ maskhaga дошло до него, отправившись, отъ значенія потѣшника ¹⁾.

Такими могли быть первоначально бѣлорусскіе волочебники, волочинники, *fahrende Leute* (сл. волокита, вольчага, волочуга, волоцуга, волочай = бродяга и т. п.), нынѣ поющіе духовные стихи, въ стилѣ и съ сюжетами колядокъ, но первоначально «игрецы», подобно колядовщикамъ ²⁾, болѣе ихъ сохранившіе слѣды какой-то внутренней организаціи (*collegium*, ватага): между ними есть *починальникъ* или *начинальникъ* = запѣвало, и *помагальники*, *подголосники* или *подхатнички*, *мѣлоноша* и *освѣстѣй* = острякъ, шутникъ, и *музыка*, *музычина*, *скрипка* ³⁾;

---

¹⁾ Сообщеніемъ дубровницкихъ актовъ, касающихся варбонасовъ, я обязанъ В. И. Ламанскому. Вотъ нѣсколько выдержекъ:

(1335) Die Martis 20 Martii = In minori Concilio, quod nulla persona audeat facere se *Carbonezum seu judeum* vel se *trasfigurare* in aliquam figuram turpem hinc ad unum annum prox. sub pena 25 урр.

(1347) Die 22 Februarii = in Majori Consilio in quo 62, quod non obstante forma statuti loquente de *Carbonosiis*, nulla persona audeat se facere *Carbonossium* neque ludum *Carbonossii*, et ista reforma duret usque ad unum annum.

— Die 15 Madii = In Majori Concilio in quo 96, quod licitum est facere ludum *Carbonassiorum* observando infrascripta: 1) quod ludus *Carbonassiorum* possit incipi in Dominica Resurrectionis Dominicæ et durare usque in sequentem Dominicam; 2) quod nullus *Carbonassius* audeat portare secum arma ad offendendum; 3) quod nullus *Carbonassius* audeat facere rissam vel rumorem cum aliqua persona neque dicere verba injuriosa; 4) quod nullus ex dd. *Carbonassiis* audeat facere se facere *Carbonassium* neque ludum ipsum *Carbonassiorum* post sonum *campane Ave Marie*.

²⁾ Сл. Шейнъ, I. с. стр. 105, № 150, въ волочебной пѣснѣ: Подари госпей колядовщицѣвъ.

³⁾ Безсоновъ, I. с. стр. 20—1; сл. Шейнъ, I. с. стр. 93, 96, № 146. — У Чувашъ о Пасхѣ толпа мальчиковъ, къ которымъ присоединяются и возрастные, ходитъ по домамъ, избравъ изъ своей среды двухъ *загонщиковъ* и *сборщика съ пещеромъ* (сумкой, плетеной изъ лыкъ) за плечами. Эти избранные обыкновенно идутъ впередъ и пред-

можетъ быть и *скомороха*: по крайней мѣрѣ отрывокъ одной пѣсни у Носовича (Словарь):

А *скоморохова* горькая доля,
Што даюць тольки, берець и тое,

напоминаетъ выраженіе волочебныхъ:

А *музыка* горькая доля,
Горькая доля, кварта горѣѣи и т. д.

(Безсоновъ, I. с., стр. 7, № 4; Шейнъ, I. с. стр. 100, № 147);

или: А *музыка* горькая доля
Жонка ня любяць, ня цалуць

(Шейнъ, I. с. стр. 93, № 145);

Миханожно горькая доля,
Яго жонка ня любяць,
Дайтя яму кусокъ сала и т. д.

(Шейнъ, I. с. стр. 78, № 138; сл. стр. 82, № 140; стр. 96, № 146).

Интересна замѣтка Шейна въ словарѣ, приложенномъ къ его Бѣлорусскимъ пѣснямъ, а. в. *кукольникъ*, *кукольнички*: «родъ волочебниковъ, ходившихъ на св. Недѣлѣ (въ прежнія времена) по деревнѣ для собиранія подачекъ, съ пѣснями, возя за собою особаго устройства ящикъ съ куклами». Личныя объясненія Шейна даютъ мнѣ возможность пополнить эти свѣдѣнія: куклы движутся на колышкахъ и изображаютъ лошадокъ, обыкновенно краснаго цвѣта, среди которыхъ на бѣломъ конѣ фигурируетъ св. Георгій; тѣ лошади — его стадо. За этимъ легендарнымъ сюжетомъ, какъ за «вертепомъ» колядъ, легко предположить существованіе болѣе древняго, свѣтскаго, съ такими-же типами «хлопа», «пана», «жида», «цыгана» и т. п., какіе

варягутъ хозяевъ словами: «Идетъ полкъ (толпа), давай 200 яицъ». Домохозяинъ долженъ дать сборщику два яйца; за угощеніе, пивомъ или виномъ, толпа пляшетъ на дворѣ подъ звуки кобыз (скрипки) и высказываетъ благожеланія угостившимъ. Сл. Магнитскій, I. с. стр. 128—9, 132 крим.

до послѣдняго времени являлись на святочной сценѣ Бѣлорусовъ, то живьемъ, въ лицѣ ряженныхъ, то въ кукольной драмѣ¹⁾. Если послѣдняя относитъ насъ къ древнимъ *кукламъ скомороховъ*, заподозрѣннымъ церковью, то тѣмъ интереснѣе прослѣдить слѣды первой въ современномъ народномъ обрядѣ. Въ малорусской святочной игрѣ²⁾ *мѣхоноша* является колядовщикомъ, вожакомъ козы:

Не ходи, коза, у тее сельце,
 Да въ тее сельце, да въ Михайловку,
 А въ Михайловці всі люде стрельці,
 Встрелили козу въ правее ухо,
 Крозь полотенде да въ шире сердце.
 Пуць, коза впала, не жива стала.
*А мѣхоноша бери дудочку,
 Дуи козі въ жилу.
 Надимае жила, будь, коза, жива.*

Я попрошу вспомнить великорусскую святочную игру въ «лынекъ»³⁾ съ сопровождающей её пѣсней:

Какъ во старова мужа молодая жена,
 Вотъ на емъ, хо, хо!
 Вотъ на емъ, охти мѣѣ!
 Ена часто неможеъ, все повохивантъ:
 Такъ вохъ, таки вохъ! да головушца болить,
 Такъ вохъ, таки вохъ! ретиво сердце щемить!
 Вотъ на емъ и т. д.

Охъ ты мужъ, муженекъ, молодой разумоъ,
 Ты поѣзжай, мужъ, въ городъ, ты купи жаны лынька,
 Ты купи жаны лынька, ты купи животка и т. д.

— и святочную-же плясовую пѣсню о старомъ мужѣ и молодой женѣ⁴⁾. — Эти параллели послужатъ намъ къ объясненію старой пѣсни о Терентьищѣ.

¹⁾ Безсоновъ, I. с. стр. 98—9.

²⁾ Чубинскій, Дневникъ, стр. 265—6; сл. игру съ козою у Терещенка, I. с. VII, стр. 186—7; Безсоновъ, I. с. стр. 78—9 и т. д.

³⁾ Шейнъ, Великор. нар. пѣсни стр. 384—5, № 5.

⁴⁾ ib. стр. 382—3 = Снегиревъ, II стр. 98—9, № 8.

У стараго гостя Терентьища молодая жена, Авдотья. Однажды она объявила себя больной, чтобы удалить изъ дома мужа и принять любовника. Терентьище идетъ за докторами, встрѣчаетъ скомороховъ, которые, распросивъ его, догадываются о родѣ болѣзни, посѣтившей его жену, и берутся еѣ вылѣчить (вспомнимъ сопоставленіе: «чародѣй, скомрахи» и знахарскія знанія французскихъ жонглѣровъ). Спрятавъ Терентія въ шелковомъ мѣшкѣ, который одинъ изъ нихъ беретъ себѣ за плечи, они идутъ къ Авдотѣ и говорятъ, что ея мужъ убитъ, они сами видѣли его мертвымъ. Та обрадовалась вѣсти, велитъ скоморохамъ войти и пройтъ про стараго Терентьища, «Въ дому бы его вѣкъ не видать». Тѣ начинаютъ пѣть:

Слушай, шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами,
 А слушай Терентій гость,
 Что про тебя говорятъ,
 Говоритъ молодая жена.

.....
 Шевелись, шелковый мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами,
 Вставай-ка, Терентьище,
 Лѣчить молодую жену,
 Бери червеной вязъ,
 Ты дубину ременчатую,
 Походи-ко, Терентьище,
 По своей свѣтлой гридни
 И по середи кирпичатой
 Ко занавѣсу бѣлому,
 Ко кровати слоновыхъ костей,
 Ко перьямъ ко пуховья;
 А лѣчи-ко ты, Терентьище,
 А лѣчи-ко ты молодую жену,
 Авдотью Ивановну.

И онъ, принявшись лѣчить еѣ по указанію, самъ видитъ, какъ недугъ «въ окошко скочилъ».

Въ началѣ пѣсни *мѣхоношей* названъ *скоморохъ*, взявшій къ себѣ за плечи мѣхъ, въ который спрятали Терентьица; когда далѣе къ нему самому обращаются съ прозвищемъ мѣхоноши (Шевелись, шелковый мѣхъ, мѣхоноша за плечами), то это напоминаетъ намъ малорусскую святочную игру: какъ тотъ мѣхоноша оживляетъ козу своей дудочкой, такъ мѣхоноша-Терентій глѣчитъ свою жену — червленымъ вязомъ. Скоморошья пѣсня является пародіей святочной.

Но русская былевая поэзія знаетъ скомороховъ еще въ другой роли: они эпическіе пѣвцы, какъ шпильманы запада. Вернувшись изъ долгой отлучки къ женѣ, переодѣтый *скоморохомъ* (сл. Скомороха Скомороховича = Добрыню у Гильф. № 210), Добрыня играетъ:

Играеть-то въ Царя-града,
А на выгрышь беретъ все въ Кіевѣ

(Рыбн. I № 25);

Играеть ѣвъ во Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Еросалима

(I. с. № 26);

Выпгивалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царя-града до Іерусалима,
А изъ Іерусалима ко той земли Сорочинской

(I. с. № 27);

Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
И третью отъ Еросалима,
Тонцы онъ повель-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ за синя-моря

(I. с. II № 7);

Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой разъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ поигривати,
Всѣ свое похождение рассказывати

(I. с. III № 16; сл. Гильф. № 222).

Тѣ-же подробности, съ подновленіями, въ цѣломъ рядѣ другихъ пересказовъ былинь о Добрынь (сл. напр. Гильф. № 5, 43, 65, 80, 100, 107, 110, 118, 145, 149, 157, 187, 198, 215, 217, 228, 290, 292, 306; Рыбн. I № 27; Кир. II № 1, стр. 37 и друг.)¹⁾; о Садкѣ:

Играеть-то Садке въ Новѣ-градѣ,
А выигрышь ведетъ отъ Царя-града

(Рыбн. I № 63);

о Ставрѣ:

Сыгрншь сыгралъ Царя-града,
Тонцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейской стихъ.

(Кирша № XIV; сл. Рыбн. II № 19, стр. 101; Гильф. № 169 и друг.), и въ другой комбинаціи: не объ игрѣ, а о камкѣ съ хитрымъ узоромъ:

Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замысли Соловья, сына Будимировича

(Кирша № 1): — очевидно, искаженіе болѣе древняго мотива. Сл. Рыбн. I № 53 р. 324:

Младъ Соловей сынъ Будимировичъ
Струнку во струнѣхъ натагиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,
А всѣ малне припѣвки за синя моря.

---

¹⁾ См. тотъ-же мотивъ — признанія по пѣснѣ въ сказкахъ у Аеанасьева, № 104, стр. 29, 59; № 118, стр. 218.

Передъ нами эпическая формула, смыслъ которой сдѣлался непонятнымъ самимъ пѣвцамъ. Пѣніе-игра Добрыни (Садка, Ставра) выражены словами: наигрышь, сыгрышь, выигрышь, игрище, напѣвки, тонцы; это, быть можетъ, отвѣчаетъ средневерхненѣм. *wise*: напѣвъ; по напѣву, слышанному имъ, будто-бы, въ Иерусалимѣ, Морольфъ узнавъ Саломеей (*Salman und Markolf*). Древняя связь напѣва съ содержаніемъ пѣсни не раскрываетъ-ли передъ нами скоморошій репертуаръ, съ мотивами «отъ Ерусалима», «отъ Царя-града», «отъ Кіева»? Это, въ одно и то-же время, и репертуаръ нашего былевого эпоса и указаніе на культурные слои, залегшіе въ нашей эпической поэзіи. Тамъ и здѣсь участіе захожихъ людей, скомороховъ, вѣроятно; нѣтъ лишь того дифференцированія, того роста народнаго пѣвца, которымъ обусловлено было на западѣ литературное развитіе эпоса изъ посылкъ народной пѣсни-былины. Отчего этого не было — это вопросъ, равняющійся другому, болѣе общему: отчего древне-русское развитіе лишено было поэтической *литературы*?

Къ скоморохамъ восходятъ, вѣроятно, тѣ мотивы былинь, которыя изслѣдованіе обнаружитъ какъ международные, захожіе, и тѣ ихъ черты, которыя оказались бы достояніемъ мѣстной поэзіи, «былинами своего времени». Ближе опредѣлить живое участіе этихъ людей въ сложеніи нашего эпоса нѣтъ возможности: нашъ эпосъ окаменѣлъ, его сказители только помнятъ его, въ области былинь нѣтъ новыхъ пѣсенныхъ сложеній, которыя указали-бы намъ на процессы первичнаго. Иначе напр. въ Кабардѣ, гдѣ бродячіе, бездомные пѣвцы, *теуако* ¹⁾, еще недавно являлись на народныхъ собраніяхъ, праздникахъ и тризнахъ, прославляя современныхъ героевъ, но воспѣвая и древнихъ. Умиралъ-ли человекъ, уважаемый за мудрость и храбрость, народъ, собрав-

---

¹⁾ Сл. Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, вып. I, отд. II: Сказанія о нартскихъ богатыряхъ у татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа Терской области (Урусбіева).

пѣсь на его могилѣ, приглашалъ нѣсколькихъ гегуако сложить пѣсню про умершаго на память потомству. Въ такихъ случаяхъ одинъ изъ гегуако брался воспѣть одну сторону дѣятельности покойнаго, другой другую. Уединившись и сложивъ въ тишинѣ свои пѣсни, они, по нѣкоторомъ времени, объявляли объ окончаніи своей работы и, сойдясь вмѣстѣ, пѣли одинъ за другимъ. Толпа внимала, затаявъ дыханіе; только въ перерывахъ можно было разслышать шепотъ: откуда они берутъ такія чудныя слова? По окончаніи пѣнія раздавался взрывъ восторженныхъ криковъ и начинался пиръ; родственники умершаго дарили пѣвца платье, лошадь, оружіе и т. п. Присутствуя на народныхъ сборищахъ, при битвѣ, гегуако внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ, воспѣвая доблести одного, привлекая на иного позоръ и всеобщее осужденіе; — потому что ихъ пѣсни далеко разносились по ауламъ, ихъ неприкосновенность, обеспеченная народною любовью, позволяла имъ быть откровенными въ порицаніи и дѣйствовать воспитательно. «Я однимъ словомъ своимъ изъ труса дѣлаю храбреца, защитника свободы своего народа; вора превращаю въ честнаго человѣка», выразился одинъ изъ гегуако; «на мои глаза не смѣеть показаться мошенникъ; я противникъ всего безчестнаго, нехорошаго».

Во всемъ этомъ есть черты, обращающія насъ къ памяти объ общественно-поэтической дѣятельности скальдовъ, труверовъ, и т. п. Для древней исторіи русскаго былеваго эпоса у насъ нѣтъ подобныхъ указаній. Важно одно: что въ его персоналѣ именно скоморохи являются единственными представителями *тъсни*. Вотъ почему я считаю возможнымъ удѣлить имъ извѣстную роль въ сложеніи эпоса, какъ, съ другой стороны, въ поэзіи народнаго обряда, въ той колеблющейся и пока неизслѣдованной его области, которая посредствуетъ между элементами туземнаго и христіанскаго вѣрованій. Въ этой области бродячіе пѣвцы, потѣшники могли проявлять свое вліяніе, безсознательно проводя, во внѣшней, театральной формѣ обряда многое, противъ чего сознательно возставали древніе отцы церкви — и славян-

скіе ревнители, повторявшіе ихъ нареканія, нерѣдко съ полупониманіемъ и фантастическими приращеніями, въ которыхъ мы напрасно стали-бы искать слѣдовъ туземныхъ языческихъ воззрѣній ¹⁾.

Ни одного изъ этихъ возможныхъ элементовъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при анализѣ народнаго обрядоваго міва.

Я кончу эту главу указаніемъ на одну миѣическую подробность, тѣсно связанную съ церковнымъ осужденіемъ — *скоморошней пляски*. Съ точки зрѣнія церкви пляска — дѣло грѣховное, сатанинское, на которое подстрекаетъ самъ дьяволъ; плясать въ большіе праздники было кощунствомъ, за которымъ неминуемо слѣдовало возмездіе: дѣвицу, плясавшую «во дни святыхъ, егда паче слово Божіе проповѣдается, бѣсы во время сна занесли въ геенну ²⁾»; другая наказана была за тотъ-же проступокъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ своей прялкой заклята на мѣсяць: тамъ она сидитъ и прядетъ, ея нити — осенняя паутина, которую въ Германіи зовутъ нитями Богородицы (*Marienfäden*) ³⁾; трое молодыхъ людей и три дѣвушки плясали на площади въ праздничный день, не обращая вниманія на про-

¹⁾ Сличеніе древняго текста 39-го Слова св. Григорія Богослова (у Будиловича) съ его позднѣйшими передѣлками (у Тихонравова, Лѣтописи IV) во многихъ отношеніяхъ поучительно. На *замару* я обратилъ вниманіе выше (стр. 147—8); вотъ еще нѣсколько подробностей: Буд. л. 3, β: *Семелино тръсновеник кланътемо* (Σεμέλης κεραινός προσκουρούμενος) вызвало въ позднѣйшихъ текстахъ толкованіе: *Семелино требокладенъ грому і моланьамъ і вилу* (Тихонр. I с. № III, р. 97); см. подобную-же глоссу къ «*бали* кадици ни *иоувамъ*» (Буд. л. 3, γ: φαλλοί τινες καὶ Ἰθόφαλλοί) Григорія и къ его: *малакія* = mollities. — Интересно по отношенію къ Орфену = Орфею славянской псевдо-веды слѣдующее сопоставленіе: Буд. л. 4, β: *орфеовы тръбы* (Ὀρφείως τελεταί); Тихонр. № III: *Ефреновы сквернѣа басни*; № IV (по ркп. Новг. Соф. библ. № 1295): *еертновы*; № V: *сфртновы*.

²⁾ Пам. старинн. русск. лит. I, стр. 209.

³⁾ Schwartz, Sagen u. alte Geschichten der Mark Brandenburg, p. 200.

цессію, проходившую въ то время съ святыми дарами; въ наказаніе за то они продолжали плясать въ теченіи цѣлаго года, не имѣя силъ остановиться ¹⁾. Подобнаго рода благочестивыхъ разсказовъ можно было-бы привести нѣсколько. — Типомъ грѣшной плясуньи являлась Иродіада; не даромъ цѣной своего искусства она поставила требованіе: голову Іоанна Предтечи. Авторъ приписываемаго Златоусту слова *περί μετανοίας* говоритъ о ней въ связи съ осужденіемъ орхестовъ и свѣтскихъ игрищъ ²⁾; среднѣвѣковыя миниатюры изображаютъ её на пиру Ирода танцующей и кувыркающеюся въ стилѣ скomorоха ³⁾. Она была орудіемъ дьявола: «καὶ εἰσῆλθὼν ἐγὼ εἰς τὴν Ἰροδιάδα γυναῖκα, καλὴν καὶ ὑπουργόν μου καὶ συγκληρονόμον τῶν ἔργων μου, говоритъ о себѣ дьяволъ у Евсевія Эмесскаго; καὶ δι' ἐκείνης παρῶζυνα βασιλέα, καὶ τοῦτον ἐν ἀρίστῳ ἀπέτεμον, καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ δέδωκα τῷ χορασίῳ ἐπὶ πινάκι, καὶ ὡς μήλω προσέπαιξεν» ⁴⁾. «О злое проклятое плясаніе, о лукавыя жены многовертимое плясаніе», читается въ одномъ поученіи: «пляшущи бо жена — любодѣйца дьяволя, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящии плясати безчестіе Іоанну Предтечѣ творять, со Иродьею неугасимый огонь и неусыпай червь осудить» ⁵⁾. — И вотъ Иродіаду постигла кара: каталонское преданіе ⁶⁾ заставляеть её и Ирода *блуждать* безъ устали по ночамъ, скрываясь въ пещерахъ съ первымъ пѣніемъ пѣтуха; либо она *носится* по воздуху, въ *бурной пляскѣ вихря*. Такъ въ Reinardus I, 1139—1164:

¹⁾ Mélusine № 17, p. 404.

²⁾ Сл. также приписанное Златоусту слово на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, у Migne l. c. t. LIX, 485—90.

³⁾ Сл. Wright, History и т. д. p. 167, 168.

⁴⁾ Eusebii Emeseni Or. I, у Migne, Patrol. Graec. t. LXXXVI, I, p. 517.

⁵⁾ Костомаровъ, Очеркъ, стр. 142 (Златая Матица по ркп. Имп. Публ. Библ. л. 341).

⁶⁾ Pitriè e Salamone-Marino, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, vol. I, fasc. I, стр. 136.

будто-бы дочь Ирода любила св. Иоанна, отказываясь отъ всякаго другаго брака; когда разгнѣванный этимъ отецъ велѣлъ устѣчъ святаго, и опечаленная дѣвушка хотѣла поцѣловать его голову, которую несли на блюдѣ, голова отшатнулась отъ поцѣлуя, и отъ ея дуновенія Иродіада понеслась по воздуху. Тамъ она носится и теперь, лишь отдыхая на дубахъ и орѣшинахъ отъ полуночи до первыхъ пѣтуховъ. Её зовутъ Фараильдой, «*Herodias ante saltria*». — Пляской Иродіады объясняютъ себѣ въ Саксоніи вихорь. — Средневѣковыя повѣрья о ночныхъ поѣздахъ Иродіады несомнѣнно выработались изъ церковно-аскетической легенды о танцовщицѣ, осужденной на вѣчную пляску или вѣчное скитаніе. Каталонское преданіе сдѣлало изъ одной Иродіады — нѣсколько Иродіадъ, дочерей Ирода; судя по присловью, вѣроятно, запѣву утраченной пѣсни, онѣ принуждены вѣчно плясать въ воздухѣ въ наказаніе за смерть Предтечи:

Las fillas del rey Herode
Ballan, que mes ballaran ¹⁾.

Вѣчно пляшущія, сотрясающіяся въ порывистомъ движеніи, онѣ могли быть отождествлены съ трясавицами — лихорадками; въ этомъ сочетаніи дочери Ирода, трясавицы, вошли въ отреченную статью, разобранныю выше: въ молитву св. Сисинія, и Невѣя буслаевского текста оказалась тогда всѣмъ лихорадкамъ старѣйшей сестрой, *плясавицей*, ради которой отсѣчена была голова Иоанна Предтечи. Русск. плясея=плясунья и названіе лихорадки ²⁾.

¹⁾ Сл. Grimm, D. Myth. p. 234—7 и III, p. 282, прим. къ стр. 780; Mila y Fontanals, Observaciones sobre la poesia popular, p. 95 прим. 6.

²⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы прибавить еще нѣсколько объясненій къ молитвѣ св. Сисинія (см. выше стр. 40). Какъ греческая Гилло, Гилу похищаетъ и пожираетъ новорожденныхъ, такъ и славянская *отщипца* (у попа Симеона и въ румынскихъ текстахъ): вѣшница се зове жена која... лети по кућама и једе људе, а особито малу дјецу (Барацѣнъ, Живот, стр. 211); «вѣшница (вѣдьмы) летаютъ по ночамъ подъ видомъ безхвостой сороки; онѣ спускаются ночью въ трубы, которыя были закрыты

III.

Христіанскіе мотивы колядокъ.

Съ скоморохами мы проникли въ одинъ изъ закоулковъ языческой поэзіи колядъ, которую христіанство пыталось искоренить, которой впослѣдствіи старалось завладѣть. Не вездѣ удачная въ смыслѣ обряда, эта попытка привела въ области колядокъ, т. е. свѣточныхъ пѣсенъ, къ наполненію ихъ христіанскимъ содержаніемъ, относительно котораго можетъ подняться вопросъ: гдѣ и когда оно привилось къ нимъ впервые? Я имѣю въ виду сходство, или скорѣе, тождество малорусскихъ и румынскихъ колядокъ, предполагающее перенесеніе готовыхъ типич-

не благословясь, похищаютъ дѣтей изъ утробы матери, разводятъ на шестѣ огонь и съѣдаютъ ребенка, а вмѣсто него оставляютъ въ утробѣ матери голицъ, краюшку, ладанку или головню» (Потанинъ, Югозападная часть Томской губерніи, въ Этногр. Сборн. VI стр. 147—8). — *Стриглъ* греческаго текста (сл. стр. 94), одному изъ именъ Гилу, отвѣчаетъ бѣлорусская *стрига* (чешск. *střiha*, слов. *struga*, польск. *strzyga*, хорв. *strigoŭ*), опасная беременнымъ женщинамъ, подмѣнивающая и убивающая дѣтей (Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, 64), какъ чешск. *помудница*, *polednice*, (Grohmann, 13—14, 114) — очевидно *пладница* (Meridiana) попа Спмеона, въ параллель къ его *полунощницѣ*. Можетъ быть, такъ именно значилось въ одномъ бѣлорусскомъ заговорѣ отъ лпхорадки, сообщенномъ мнѣ Шейномъ, съ слѣдующими именами трясавиць: веснянка, ледзянка, *мста-пладница* (пладница?), косцяница, квактука, *нощница* (полунощница?), смутница. — Съ одиннадцатымъ именемъ Гилу греческаго текста: *ψυχρανσπάστρια* (сл. р. 94) сл. въ житіи св. Андрея Юродиваго (AA. SS. Maii VI, Corollar. р. 24) рассказъ о демонѣ, принявшемъ образъ старухи, и обличеніи его святымъ: *Θρήνησον, οἰμῶζον, λύσσα ἐβδελυγμένη, ἐσχοτισμένη κοπρία γραῦ... χρῆσαι ταῖς μαγανίαις σου, ψυχοανασπάστριά, гдѣ послѣднее слово переводится *periturbatrix animarum*, въ превъсл. душепрелестнице; съ точки зрѣнія легенды о Гилу и народныхъ повѣрій, быть можетъ: высасывающая душу.*

ческих и символических образовъ изъ одной среды въ другую. Труднѣе опредѣлить, за неполнотою данныхъ, отношенія греческихъ каландъ, разобранныхъ выше, къ южнорусскимъ и румынскимъ, хотя и здѣсь согласіе нѣкоторыхъ специальныхъ подробностей скорѣе говоритъ въ пользу перенесенія. Вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства могли переселяться не только церковныя, но и народныя обряды, удержавшіеся случайно подъ сѣнію церкви и прикрытіемъ христіанскаго святаго¹⁾); а съ обрядомъ переселялись и сопровождавшія его пѣсни — оригиналы нашихъ щедривокъ, какъ тѣмъ-же путемъ могли заходить оригиналы и собственно христіанскихъ, рождественскихъ пѣсень.

Пользуясь собраніемъ Teodorescu я думаю разобрать одну группу такихъ пѣсень съ цѣлью указать, какъ разработались въ нихъ сюжеты, навѣянные христіанскими воспоминаніями, не задаваясь вопросомъ: въ какой мѣрѣ качества этой разработки опредѣлены были образами древняго, сложившагося міоа, либо общими процессами миѣической мысли. Потому именно, что вторая гипотеза, не исключая первую, вмѣстѣ съ тѣмъ и не предполагаетъ её необходимо, такъ недоказательны попытки возстановить, сквозь призму христіанства, очертанія смѣненнаго имъ языческаго вѣрованія.

Святочный циклъ, обнимавшій время отъ Рождества до Крещенія, исчерпывался, главнымъ образомъ, идеями обоихъ празднествъ, но вокругъ нихъ сгруппировались другія, по аналогіи и смежности, по наивному смѣшенію, иногда по глубокому символизму: отъ рожденія Спасителя колядка переходила послѣдовательно къ его страданію, охватывая весь циклъ евангельскихъ повѣстей и апокрифовъ о жизни Христа и обобщая ихъ въ своемъ образномъ символизмѣ.

---

¹⁾ Русскій обычай вытирать новый огонь изъ сухаго дерева напунѣ 1-го Сентября, сопоставленный съ обрядомъ бадняка на генварскія календы, относитъ насъ къ воспоминаніямъ неоменій. См. выше стр. 136 и Аванасьевъ, Поэт. Возвр. III, 738.

Любимымъ мотивомъ является Крещение Спасителя; вспомнимъ, что до IV вѣка празднованіе Крещенія и Рождества совпадали на 6-мъ Генварѣ¹⁾. Крещение понято простодушно, какъ совершенное надъ младенцемъ Иисусомъ; участіе Пресвятой Дѣвы явилось совершенно естественной чертой; напомнимъ, однако, что въ отреченномъ Кѣрүма Петра и Павла крещение Спасителя совершилось по настоянію его Матери. — Въ малорусскихъ колядакахъ его купають-крестить Богородица, пеленають въ шелковыя пеленки (Чубинскій, Дневникъ, въ отдѣлѣ колядокъ, № 51). Поэтическимъ распространеніемъ объясняется слѣдующая картинка: Богородица бѣлить ризы Господа на тихомъ Дунаѣ, какъ поднялись буйныя вѣтры и унесли тѣ ризы подъ небеса, гдѣ ихъ «убрагъ» самъ Господь (I. с. Колядки № 58; Головацкій, I. с. II № 29 стр. 90—1; IV, стр. 64, № 1). Либо дѣло происходитъ на Иорданѣ, и ризы уносятъ ангелы (Чубинскій, I. с. Щедривки № 7; сл. № 62; Терещенко, I. с. VII стр. 83: Ой на рычци). Въ одной румынской пѣсни (не колядкѣ) Богородица придетъ на зеленой тропѣ, ведущей къ вратамъ рая, придетъ золотыя нити на одежду своему сыну; откуда ни взялись соколы, похитили пряжу; Богородица посылаетъ Ивана Крестителя, пусть разыщеть соколиное гнѣздо и принесетъ ей, а соколятъ возьметъ себѣ. Это выше моихъ силъ, отвѣчаетъ святой: соколы унесли *золотую нить* высоко подъ небеса, свили изъ него гнѣздо — *золотой мѣсяцъ*²⁾, а соколятъ негдѣ взять: изъ нихъ подѣлались дробныя звѣзды³⁾. — Колядка отвѣчаетъ, быть можетъ, повѣрью о *прясть* на лунѣ: ея нити зовутся иногда нитями *Маріи*; Маріей зовется злополучная пряха-плясуня, перенесенная на мѣсяцъ въ нѣмецкомъ повѣрѣѣ, приведенномъ выше⁴⁾; иные отождествляютъ луну съ ликомъ Маріи Магдалины, заступившей мѣсто Божьей Матери⁴⁾.

¹⁾ См. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, I р. 274.

²⁾ Schuller, I. с. р. 7—8.

³⁾ стр. 220.

⁴⁾ Аванасьевъ, Ц. В. III 274—5.

При другомъ случаѣ ¹⁾ я сообщилъ содержаніе румынской колядки объ Иванѣ Крестителѣ, превращенномъ въ *олениа* проклятіемъ матери и скитающемся въ лѣсу, чтобы, по истеченіи извѣстнаго срока, снова явиться среди людей, «войти въ церковь и *служить литургію*». Такъ своеобразно понятъ былъ евангельскій рассказъ объ Иоаннѣ Предтечѣ, удалившемся въ пустыню, облеченномъ въ одежду изъ *верблюжьей шерсти* (εἶχε δὲ ὁ Ἰωάννης τὸ ἔνδυμα αὐτοῦ ἀπὸ τριχῶν καμήλου, καὶ ζώνην δερματικὴν περὶ τὴν ὀσφύα αὐτοῦ. Matth. 3, 1, 4) и являющемся снова, чтобы совершить надъ Спасителемъ обрядъ Крещенія. — Объ этомъ событіи поетъ другая колядка ²⁾:

Богородица послала св. Думиница'у принести для новорожденнаго какое нибудь украшеніе на крестины; та идетъ, видитъ, по Иордану плывутъ три золотыя фіалки, она украшаетъ ими свою голову и спѣшитъ къ Богородицѣ съ драгоценнымъ даромъ. Но она опоздала: Спаситель уже окрещенъ, воспріимникомъ былъ св. Иоаннъ, и Богородица отдаетъ обратно Думиникѣ золотыя цвѣты: онѣ идутъ къ ней, пусть будетъ она красивѣе Венеры. — Въ болгарскихъ колядкахъ (№№ 4 — 6 собранія Качановскаго) Богородица обращается къ святому Николѣ съ просьбой окрестить ея Сына; но тотъ отказывается и отсылаетъ еѣ къ св. Ивану, что крестилъ небо и землю, солнце и мѣсяць на небѣ, горы и воды на землѣ. На предложеніе Богородицы онъ отвѣчаетъ:

Постой малко та почѣкай,
 Да си запремъ слънце-мѣсець на небо,
 И да запра гора-вода на земи (№ 5) ³⁾.

¹⁾ Разысканія VI, стр. 64—5.

²⁾ Schuller, l. c. стр. 12.

³⁾ Въ Эпирской пѣснѣ на Крещеніе Богородица проситъ Іоанна «евангелиста» окрестить «бога-младенца»; онъ согласенъ и проситъ: ν'ἀνοιξουσιν τὰ οὐράνια καὶ μὴδ' ἂν βγῶ, καὶ ἂν σοῦ βαπτίσω θεὸν παιδί. Chasiotis l. c. p. 34, № 1; сл. Passow, № СХХСІІІ.

Когда онъ крестить «млада-Бога» (№ 5) въ Иорданѣ, всё деревья преклонились, кромѣ одного («абленово»), которое и проклято Божьей Матерью:

Цвѣтъ да цвѣтишь,
Ражба да не машь (№ 4),

или: когда совершилось крещеніе,

Чуло си е на дно-море,
Чуло си е една рыба,
Чуло го е и станала;
И го чуло едно дѣрво,
Едно дѣрво трепетлика ¹⁾,
Оно чуло, не станало,
Пай го прокле самски Господъ.
Е ты-зе-ка едно дѣрво,
Едно дѣрво трепетлика!
Да изникнешь на зло мѣсто,
Дека слънце неизгрѣва,
Дека роса неопада,
Да си трептишь и со-съ вѣтеръ,
И со-съ вѣтеръ и безъ вѣтеръ ²⁾.

Особую разработку мотива «крещенія», или точнѣе, «купанія» представляетъ слѣдующая румынская колядка ³⁾:

¹⁾ вар.: трепетлюга.

²⁾ См. еще колядку о крещеніи Господа св. Иваномъ у Безсонова, Болг. пѣсни, № LXIV.

³⁾ Teodorescu I. с. 47—49. Объ обычномъ зачатѣ колядокъ и его варьянтахъ: оі-Leg-оі; Leg-оі-Leg; Leg-оі-Leoі; Leg-оі-Leo; D'аі Leg-оі Domnele и т. п. сл. у него р. 38 и прии. 1 и 2.—Имя Leg встрѣчается въ румынскихъ сказкахъ, изъ которыхъ одна носитъ заглавіе: Leg împregăt. См. объясненіе Сінас'а I. с. II подъ словомъ legu-i стр. 170, и пригвѣвъ галицкой Колядки: Гей, гей, *лемля*, Головацкій, I. с. IV р. 24—5, № 31; ib. стр. 31, № 3: Ой *лемля*; польской: oj *lelom*, Kolberg, Lnd, веруа V, р. 237, № 48; бѣлорусской: *ламля*, Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 20. Это — *lelum* (et Polelum) Кромера (De origine et rebus gestis Polonorum I. III р. 30, изд. 1589 г.), *лемля* (полюлюмъ) Синопсиса. — Польскій пригвѣвъ: oj *lelom* = рум. d'аі Leg-om.

D'ai Ler-om, d'ai Ler-om Dómné ¹⁾,
 Icea, mǎre, 'n céste curți,
 Céste curți, céste domniі,
 Crescutu-mi-aú doі meri naltі,
 Doі meri naltі și minunați,
 La vérfuri amestecați.
     Susu în meri,
     In dalbe flori,
     Ardu'mi doue luminări;
     Și din doue luminări,
 Pică'mi trei din picături;
 Érū din trei din picături
     Ruptu mi s'a,
     Faptu mi s'a
     Rtū de vinū
     Și rtū de mirū,
     Rtū de apă
     Limpede.

[N] rtū de vinū cin'mi se scaldă?

Icea bunulū Dumneđeū:
     Scaldă-sē,
     Băiézá-sē,

---

¹⁾ «(Ай люли, люли). Здѣсь, братъ, на этомъ дворѣ, въ этомъ господствѣ выросли двѣ высокія яблони, высокія, дивныя, силетшіяся вершинами. А на яблоняхъ, на верху, среди бѣлыхъ цвѣтовъ горятъ два свѣточа; изъ тѣхъ двухъ свѣтильниковъ каплютъ три капли, а отъ тѣхъ отъ трехъ капель стала, прорвалася рѣка съ виномъ, рѣка съ муромъ, рѣка съ прозрачною водою. Кто купается въ рѣкѣ съ виномъ? То Господь Богъ милостивый: купается, моется, въ водѣ очищается, въ бѣлую одежду облекается, муромъ помазуется. — Пониже его Иванъ, святой Иванъ и старикъ Кречунъ купаются, моются, въ водѣ очищаются, въ одежды облекаются, муромъ помазуются. Еще ниже купаются всѣ святые подъ рядъ: купаются, моются, въ водѣ очищаются, въ бѣлыя одежды облекаются. — А пониже ихъ брода купается этотъ добрый человѣкъ, добрый человѣкъ, хозяинъ (имарекъ); купается, моется, въ водѣ очищается, въ одежды облекается. Говорить Господь Богъ милостивый: Бому ты во слѣдъ идешь, добрый человѣкъ? Мнѣ-ли, или святымъ,

In apă se limpedesce
 [N] vestmântū albū se premenesce,
 Cu mirū că se miruiesce.
 Mai din josū de vadulū lui
 E Ión,
 Sfintulū Iónū
 Si bătránulū de Crăciunū:
 Scaldă-se,
 Băieză-se,

[N] apă limpedescu-se,
 [N] vestmântū premenescu se,
 Cu mirū miruiescu se.
 Mai din josū de vadulū lorū
 Scaldă-sē sfintii de rēndū:
 Scaldă-se,
 Băieză-se,

In apă se limpedescū,
 [N] vestmântū albū se premenescū.
 Mai din josū de vadulū lorū
 Scaldă-se ici cestū omū bunū.
 Cestū omū bunū jurānū (cutare),
 Scaldă-se,
 Băieză-se,

либо Ивану, святому Ивану, или старику Кречуну? Говорить тутъ добрый человекъ: Не иду я, Господи, во слѣдъ ни тебѣ, ни святымъ, ни Ивану, святому Ивану, ни старику Кречуну. Съ молодыхъ лѣтъ я оженился, построилъ домъ при дорогѣ, слагъ столъ черезъ дорогу; кто ни проходилъ той дорогой, всѣ садлись за столъ, пили и угощались, и меня за то благодарили. — И еще сдѣлалъ я, Господи: подѣлалъ дороги въ непроходныхъ (tele) мѣстахъ: кто по нимъ ходилъ, меня благодарилъ. — И еще сдѣлалъ я, Господи: подѣлалъ колодцы въ безводныхъ (grele) поляхъ: кто отъ нихъ пилъ воду, меня благодарилъ. — Говорить ему тогда Господь Богъ: И такъ да будетъ благо тебѣ! Доброе ты сдѣлалъ на этомъ свѣтѣ, доброе обрѣтешь и на томъ. Ступай въ рай безъ суда, садись за столъ непозванный, пей чашу непрощенный. — Да будетъ здравіе этому дому и намъ, добра желающимъ, въ этомъ году и на многія лѣта! Заключительныя стихи колядки (пожеланіе здравія) принадлежатъ къ типическимъ.

In apă se limpedesce,
Cu vestmântū se premenesce.

Grăi bunulū Dumneđeū:
«Cui, omū bunū, te potrivesci?

Aū mie? Aū sfiintilorū?

Aū lui Ión,

Sfintū Iónū?

Aū bătrânulū Crăciunū?»

Grăi icea cestū omū bunū:

«Nu me, Dómne, potrivescū

Nici ție, nici sfiintilorū,

Nici lui Ión,

Sfintū Ión,

Nici bătrânulū Crăciunū.

De tinērū m'amū însuratū,

Fapt-amū casă

Lângă drumū,

'Ntins-amū mėsă

Peste drumū.

Căți pe drumū că mi'si treceaū

Toți la mėsă că ședeau

Și toți beaū și ospătaū,

Totū mie că'mi mulțamiaū.

Fapt-amū, Dómne, ierū amū faptū

Podurele

'N locuri rele:

Cine pe podū c'a trecutū

Totū mie'mi-a mulțamitū.

Fapt-amū, Dómne, ierū amū faptū,

Puturile

'N câmpuri grele:

Cine apă c'a beütū

Totū mie'mi-a mulțamitū» ¹⁾.

Atunci Dumnulū fi grăia:

— Fie bine

Derū de tine.

¹⁾ Сл. въ Бритской колядѣ (сл. выше стр. 124—5): Καὶ κάθε τρεῖς καὶ τέσσαρες ὥρα πανώρηα βρῦσι. Κι' ὅσοι διαβάταις κι' ἄ διαβοῦν, περάταις καὶ περάσουν, Νὰ πίνουν τὸ κρυγιὸ νερὸ, τὸν Κύριο νὰ δοξάζουν.

Fapt-ai bine'n astă lume,
 'N cea-l-altă'i găsi bine.
 Mergi la raiu nejudecatū,
 Sedī la mėsă nechiămatū
 Sē beī paharū ne'nchinatū. —
 Sănătate'n cēste case,
 'N cēste case,
 'N cruci frumose,
 Și cu noi, cu voiă bună,
 La anulū
 Și la multī anī.

Дерева, яблони ¹⁾, *сплетшіяся верхами*, освѣщенные свѣто-
 чами, относятся насъ къ символикѣ крестной легенды, не разъ
 отразившейся своими чертами въ малорусскихъ, галицкихъ
 и польскихъ колядкахъ образами дерева либо трехъ деревьевъ
 на горѣ, изъ которыхъ рубятъ кресты, ставятъ церковь съ тремя
 гробами и т. д. ²⁾. Въ одной галицкой колядкѣ ³⁾ по рѣкѣ плыветъ

¹⁾ Сл. яблонь, какъ древо креста, въ слѣдующей дагѣ колядкѣ.

²⁾ Сл. Объ одномъ мотивѣ рождественскихъ колядокъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февраль; Разысканія, III 22, 30—38; IV, стр. 59 слѣд.; V, 136 слѣд.; Mannhardt, Weihnachtsblüthen, p. 66. Сіонскую церковь духовнаго стиха я пытался объяснить (Разысканія, III) въ связи съ памятью о древнемъ Соенасіумъ на Сіонѣ. Оттуда древне-русское названіе для особаго рода дарохранительницъ, употреблявшихся въ церкви: Іерусалимы или *Сіоны*. Онѣ имѣютъ видъ церквей, внутри полны, съ двустворчатыми дверцами. Всеславъ Полоцкій, ограбившій Новгородъ въ 1066 г., взялъ изъ св. Софіи, по позднѣйшему, но домонгольскому свидѣтельству лѣтописи, между прочимъ, «ерусалимъ церковный»; Андрей Боголюбскій устроилъ во Владимирскій соборъ «три ерусалима велии велици отъ злата чиста (и) отъ каменя многоцѣнна», и въ Боголюбовскую церковь «ерусалимъ златъ». Такія дарохранительницы извѣстны были и у Грековъ, но неизвѣстно, какъ онѣ назывались. Сл. Голубинскій, Истор. русск. церкви I, II, стр. 147—9 и прим. 3 на стр. 149: на западѣ также были Сіоны, но тамъ они были *совсѣмъ* другое, чѣмъ у насъ. Ducange, Gloss. latin. a. v. Sion (= Cochlear). Замѣтимъ, что во второмъ Титурелѣ дарохранительница Граля имѣла видъ его храма въ миниатюрѣ.

³⁾ Головацкій, II № 42 p. 30—1.

райское дерево съ тремя вершочками: на одномъ «сиво соколъ», на другомъ «сива кунонька», на третьемъ «сивы ластовлята»; соколъ — это господарь, куница — «газдиненька», ласточки — дѣти. Эти образы видоизмѣняются: иной разъ три прутка (калиновый, малиновый, орѣховый) растутъ на камнѣ, на нихъ — соколъ, возуля и пчелы¹⁾; либо является сосна, у ней «троякій хосенъ», но звѣри распредѣлены не по нимъ, а по одному стволу, сверху внизъ: на верху сивы соколы, въ срединѣ пчелы, у корня «жовты лишойки»²⁾. Или: стоитъ яворъ, на верху въ гнѣздѣ соколъ, въ срединѣ пчелы, у корня бобры; либо: сосна, въ корнѣ (?) перепелки, въ пнѣ яры пчелойки, на верху — куницы³⁾. Румынскія колядки⁴⁾ представляютъ такіе-же образы и съ подобными же приложеніями къ хозяину, хозяйкѣ, ихъ дѣтямъ и т. п., которыя могли разнообразно измѣнять первичное значеніе образа. Въ румынской заплачкѣ, напечатанной Häsdeu⁵⁾, мертвецъ переходитъ на тотъ свѣтъ по вѣтвямъ дерева, на вершинѣ котораго сидитъ соколъ, въ срединѣ выдра, у корня змѣй. Это напоминаетъ символику Иггдразила, крестнаго древа средневѣковыхъ сказаній⁶⁾ и чудесной оливы у Нюва (Dion. XI, 467 слѣд.), окутанной негорючимъ пламенемъ, съ орломъ и чашей на вершинѣ и змѣей, извивающейся внизу. — Птицъ, сидящихъ на, очевидно, символическихъ деревьяхъ, либо церкви⁷⁾, мы встрѣчаемъ не разъ въ поэзіи колядокъ.

Свѣточи на деревѣ принадлежатъ къ распространенной народной обрядности, къ тому, что я позволилъ себѣ назвать общими мѣстами культа, жертвоприношенія, не дающими повода

1) *ib.* IV, p. 30 № 1.

2) *ib.* II p. № 4, стр. 3.

3) *ib.* IV, p. 6 № 5.

4) Tocilescu l. c. I № 4—5, p. 184—5.

5) Сл. Разысканія VI, стр. 22 слѣд.

6) Сл. Разысканія и т. д. IV. § III.

7) Сл. Разысканія и т. д. IV, стр. 69—71.

къ спеціальнымъ миеологическимъ выводамъ ¹⁾. Обычай приношенія и возженія свѣчей на деревьяхъ, издавно возбуждавшій запреты западной церкви, существовалъ до послѣдняго времени въ чертѣ христіанскаго народнаго обряда: въ священной рощѣ около церкви свв. Квирика и Авлиты, въ Сванетіи, на 15-ое Іюля, огромное дерево унизывалось множествомъ горящихъ свѣчей ²⁾; въ Зачеренскомъ погостѣ Псковской губерніи лежала большая упавшая сосна, къ ней сходились на Ильинскую пятницу крестьяне, принося шерсть, сыръ, мясо и свѣчи, которыя зажигали, прикрѣпивъ къ стволу ³⁾; на свѣточн крестнаго древа старо-французскихъ романовъ я указалъ по другому поводу ⁴⁾. — Съ другой стороны зажженная свѣча является на вершинѣ малорускаго свадебнаго вильца ⁵⁾ и аналогичной съ нимъ «дзѣвѣй красоты», какъ зовется въ Ярославской губерніи ёлка, украшенная цвѣтами и лентами, которую несутъ дѣвушки, отправляясь къ невѣстѣ на дѣвичникъ ⁶⁾; въ чувашскомъ виль-тавраш (моленье о предотвращеніи смерти отъ людей и скота) ветляный кустъ разрубается на три части, одна часть должна быть только съ тремя сучками — она предназначается духу, отнимающему душу; на нихъ разставляютъ свѣчи, зажигаютъ ихъ и молятся, совершая такимъ образомъ обрядъ «виль» ⁷⁾. Слѣдующая мордовская пѣсня ⁸⁾ несомнѣнно воспроизводитъ какую-нибудь русскую и, вѣроятно, колядную: въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ точно также все святыя въ сборѣ, нѣтъ лишь святаго «Рождества»,

¹⁾ Разысканія II, 157.

²⁾ *ibid.* стр. 60, прим.

³⁾ Мандельштамъ, Опытъ объясненія бычаевъ (индо-европейскихъ народовъ), созданныхъ подъ вліяніемъ мѣа, I, стр. 215—216.

⁴⁾ Разысканія IV, 61—2.

⁵⁾ Сумцевъ, О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, стр. 179.

⁶⁾ Мандельштамъ, I. с. стр. 216.

⁷⁾ Магнитскій, I. с. стр. 113 и слѣд.

⁸⁾ Образцы мордовской народной словесности, вып. I (Казань 1882 г.), № XXVI (сл. № XXV).

за которымъ и посылаютъ одного изъ святыхъ. Такъ и въ мордовской; при этомъ — образъ дерева со свѣточами:

Изъ большихъ полей въ большое поле,
 Въ большомъ погѣ вершина бугра,
 На вершинѣ-то бугра ложбина,
 Въ амѣ этой ложбины-то яблоня.
 Корни яблони дерева во всю ширину земли,
 Вѣтки ея во всё небо,
 На концахъ вѣтохъ почки ея,
 На концахъ почекъ мѣдокъ ея каплетъ,
 Воскъ ея садится на листьяхъ,
 По концамъ листовъ свѣчи горять.
 Питія сдѣлалъ Вышній Богъ,
 Созвалъ онъ всѣхъ боговъ,
 Онъ всѣхъ истинныхъ сликалъ;
 Нѣтъ только бога Норова,
 Нѣтъ только богини Норова.
 «Кого пошлемъ за богомъ Норовомъ,
 Кого пошлемъ за богиней Норовомъ?
 Дайте-ка пошлемъ мы скорого Николу,
 Милостиваго Ниволу:
 Никола ходитъ скоро».
 Гдѣ живетъ богиня Норовъ,
 Гдѣ живетъ богиня урожая?
 Норовъ живетъ на пшеничномъ загонѣ,
 На пшеничномъ загонѣ, на правой межѣ.

Вернемся къ разбору румынской колядки. Что деревьевъ въ ней было первоначально не два, а три — на то указываетъ нарушенный параллелизмъ: два дерева, два свѣточа — и *три капли*, источаемыя свѣтильниками и собирающіяся въ трехсоставную рѣку: вина, мѣра и прозрачной воды. Далѣе упоминаются, впрочемъ, лишь два послѣднія вещества крещенія, для котораго и служить символическая рѣка; вино явилось третьимъ въ союзѣ — можетъ быть, ради параллелизма, безъ особаго иносказательнаго смысла (крещеніе кровью)? Я стою за такой именно смыслъ. См. напр. въ Словѣ св. Ипполита объ Антихристѣ толко-

ваніе: «*Испереть виною одежду свою — разумѣть благодать Св. Духа, отъ Отца ниспешую на Иорданѣ. И кровію гроздію отдѣланіе свое.* Кровію какого гроздія, какъ не своей плоти, подобно виноградной кисти, выжатой на деревѣ? Изъ ребра его исторглись два источника — воды и крови: ими, омываясь, очищаются народы, которыхъ онъ считаетъ своею одеждою». Въ отреченномъ Словѣ о видѣніи ап. Павла ангелъ показываетъ ему въ Эдемѣ дерево, изъ корня котораго исходили воды, давшія начало четыремъ рѣкамъ: Фисону, Гіону, Тигру и Евфрату; Духъ Божій почивалъ на этомъ деревѣ и когда онъ дышалъ, тогда шли воды, наполняя тѣ рѣки медомъ, виномъ, елеемъ и млекою¹⁾. — Это фонъ крестныхъ легендъ объ елеѣ милосердія: то древо — крестное, на немъ имѣетъ почить самъ Спаситель, источникъ воды и крови, которыми, омываясь, очищаются народы.

Изъ подобныхъ данныхъ, приведенныхъ во взаимное сочетаніе, могъ развиваться символизмъ колядки, съ ея трехсоставной рѣкой. Въ этой рѣкѣ крещенія, Иорданѣ, назначенной омытъ все грѣховное человѣчество, выше всѣхъ купается, т. е. крестится, Господь Богъ; ниже его св. Іоаннъ и «старикъ Кречунъ», первоначально — олицетвореніе *навечерія* Рождества (древнерусск. крачунъ, корочунъ, корочюнь; малорусск. керечунъ, керечунъ вечеръ; крачунъ у Карпаторуссовъ = бѣлый хлѣбъ, который пекутъ наканунѣ Рождества. Крачунъ = *adventus*? сл. болг. крачьсж, хорв. сербск. корачити: ступать, идти),

---

¹⁾ Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и т. д., стр. 77, 210, 214. Въ объясненіе темнаго эпизода въ румынскомъ апокрифѣ объ Авраамѣ, разобранныго выше, стр. 18 слѣд., объ ангелахъ, собирающихся на западѣ, укажу на соотвѣтствующую черту въ Видѣніи апостола Павла: каждый день, *по захожденіи солнца*, ангелы, приставленные къ людямъ, идутъ къ Богу на поклоненіе и приносятъ ему дѣла людей, которыя они сдѣлали отъ утра до вечера, добрыя и злыя. (Сахаровъ, I. с. 216).

перешедшее въ румынскомъ, болгарскомъ, чешскомъ и мадыарскомъ къ значенію самаго праздника ¹⁾. Малорусскія и бѣлорусскія колядки также знаютъ олицетвореніе Рождества, «св. Різдово» (сл. Чубинскій, I. с. Колядки № 80), «Ріство», и съ этой точки зрѣнія понятно сосѣдство Кречуна и св. Іоанна въ переведенной нами румынской пѣснѣ. Въ сообщаемой далѣе колядкѣ Стăсіупп — навечеріе, канунъ Рождества; Жиды-Кайны хватаютъ Спасителя «вечеромъ наканунѣ, въ домѣ Кречуна». — Въ этомъ первичномъ смыслѣ «adventus» — «старый» Кречунъ могъ быть понятъ, какъ противоположеніе Рождеству, какъ нѣчто ему враждебное. Не отсюда-ли нѣкоторыя пессимистическія значенія, соединенныя въ русскомъ языкѣ съ словомъ «карачунъ» (задать кому карачунъ и т. п.)?

Ниже св. Іоанна и Кречуна крестятся святые, а за ними — представитель человѣчества, хозяинъ такой-то. Рѣчь, съ которой обращается къ нему Господь, сводится къ вопросу: на сколько его земная жизнь отвѣтила требованіямъ, наложеннымъ на христіанина таинствомъ крещенія. «Добрый человѣкъ», какимъ необходимо является хозяинъ въ колядкѣ, отвѣтилъ на нихъ подвигами милосердія, за что и удостоенъ райскаго блаженства.

Въ другомъ варьянтѣ той-же колядки, извѣстнымъ мнѣ лишь по переводу Шуллера ²⁾, христіанскій мотивъ сильно затертъ, за то въ началѣ являются подробности, приближающія насъ къ приводимымъ далѣе малорусскимъ варьянтамъ: во дворѣ выросли яблони и груша, стволъ о стволъ стоятъ онѣ, ихъ вершины сіяютъ, а на нихъ сидятъ двѣ горлицы, держатъ каждая по свѣчѣ, проливаютъ по слезѣ. Отъ тѣхъ слезъ вырастаютъ цвѣты мирры (?), и онѣ-же собираются въ водоемъ, въ которомъ купается Господь и его спутникъ, товарищъ. Къ нему-то Господь

¹⁾ Miklosich, Fremdwörter 29; его-же: Die slavischen Elemente im Magyarischen 36; его-же: Christliche Terminologie 22; Сінас, I. с. II а. в. Стăсіупп р. 79—80.

²⁾ I. с. стр. 22—4.

нѣсколько разъ обращается съ вопросомъ: что ему всего болѣе нравится на свѣтѣ? Тотъ отвѣчаетъ: здоровый вольтъ, рьяный конь, овца и, наконецъ, доброе, чистое сердце!

Сличите слѣдующіе малорусскіе пересказы: въ чистомъ полѣ стоитъ «грушечка подмурована, Зъ той грушечки впала росица.... на муравицю..., А зъ муравиці стала кирниця». Господь и св. Петръ купаются въ ней и пререкаются: Господь говоритъ, что земля больше (?), св. Петръ, что небо. Велѣли ангеламъ смѣрять то и другое, и Господь оказался правымъ. «Ой, видишь, Петре, що твоя кривда, а Божя правда» (Головацкій I. с. II стр. 31—2 № 44). Въ другихъ колядкахъ (Чубинскій I. с. Колядки № 38) дерево, по знакомому намъ символизму, замѣнено церковью. Сл. варьянтъ Г:

Добри-вечірѣ, пане господару!
 Радуйся, земле, що Сусь Христось намъ народився.
 Що въ твоімъ дворі церковь будують
 Зъ трома верхами, зъ трома дверами,
 Що въ перве да омонце якъ сходить сонце,
 А въ друге да омонце якъ заходить сонце,
 А въ трете да омонце ангель влітае,
 Ангель влітае, на престолі сідае,
 На престолі сідае, сильненько ридае.
 [Варьянтъ А: А зъ тоі слѣзи ручаець потікъ,
 Зъ того ручайця річенька біжить],
 А въ тихъ слізюнькахъ самъ Богъ купався,
 Самъ Богъ купався изъ Петромъ.
 Петро каже: Земля буїльша,
 Господь каже: Небо буїльше.
 Посучимъ шнуръ да зміраємъ небо.
 Небо буїльшѣ, що скруїзь руйвне,
 А земля маленька, що гори да долини,
 Гори й долини, всякі могили.

Въ № 38 Д и въ варьянтахъ къ № 75 является третьимъ лицомъ «Святый Микола»:

Склонивъ голову,
Вронивъ слёзоньку.
Де слёза кане,
Тамъ Дунай стане,
А въ тѣмъ Дунаю
Господь купався
И святой Петро.
Ой купалися,
Тай ѣ сперечалися и т. д.

(Сл. Головацкій II, стр. 10 № 14 и стр. 40 № 60).

Интересно, какимъ внѣшнимъ приѣмомъ развились изъ этого типа колядки нѣкоторыя изъ его отличій: изъ слезъ образуется рѣка ¹⁾, а это повело къ представленію корабля, челнока:

¹⁾ Сл. рѣку изъ слезъ въ 4-й рунѣ Калевали: мать оплакиваетъ дочь, Айно, утопившуюся, чтобы не выйти за нежелаго ей Вейнмейнена. Канула одна слеза, другая, съ груди на полу платья, съ пола на красно-полосые чулки, съ чулковъ на башмаки, съ башмаковъ на землю:

Только канули на землю,
Потекли тремя ручьями,
Точно три большія рѣки,
Отъ обильной слезной влаги,
Въ головѣ что зародилась
И стезала по ланнтамъ.
Въ каждомъ изъ троиэхъ потоковъ
Водопадъ бурлитъ кинучій;
Изъ среды его гнѣистый
Поднялися три утеса;
На окраинѣ утеса
Воздымаются пригорокъ,
На пригоркѣ, у вершины,
Три березы выростали,
А на маковѣ березы
Двѣ усѣлися кукушки,
И поютъ и распѣвають:
О «любви» твердитъ одна все,
Про «сужѣнаго» другая,
Третья кличетъ: «Радость! Радость!».

А на томъ кораблі Иванъ молодой.
Що-жъ вуйнъ робить? Листовьки пише

(№ 38 А; сл. № 172; съ vv. 13 слѣд. № 38 В сл. vv. 6 слѣд. № 114);

А у тому човнику да красная панна.
Що-жъ вона діе? Широночки шие.

Тоже въ одной бѣлорусской колядкѣ: на горѣ, въ шелковой травѣ, голуби гудуть, церковь будують, съ тремя верхами, четырьмя окнами; въ первые три окна входятъ солнце, мѣсяць, зоря, въ четвертое влетѣлъ соловей, сѣлъ на престолѣ, слезу уронилъ; слезки потекли рѣкой, на которой является челнокъ и т. п. ¹⁾ — Ближе къ картинѣ, которой открывается первая румынская колядка, другая бѣлорусская, неизданная: свѣчи стоятъ въ церкви, на престолахъ, «искорка упала, тамъ рѣчка стала», гдѣ купается самъ Господь. Въ бѣлорусской-же купальской пѣснѣ ²⁾ — эти свѣчи очутились на деревѣ:

У пана Ивана
Посередь двора
Стояла верба,
На верби горили свичи,
Съ той вербы
Капля упала,
Озеро стало,
Въ озерѣ самъ Богъ купаўся,
Съ дитками, су дитками.

Стало быть, какъ въ румынскомъ святочномъ варьянтѣ. Понятно, что идея крещенія = *купанія* была поводомъ ввести пѣсню въ разрядъ *купальскихъ*.

Вино, муро (елей) и вода, вещества христіанскихъ таинствъ, истекають изъ свѣтильниковъ, горящихъ на символическихъ

¹⁾ Изъ неизданнаго собранія П. В. Шейна, имѣющаго появиться въ изданіяхъ 2-го Отд. Имп. Академіи Наукъ. Сл. его-же Бѣл. народн. пѣсни, стр. 116—117, № 164 (волооченная).

²⁾ Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, стр. 46, № 82.

(—райскихъ-крестныхъ) деревьяхъ. Таковъ былъ одинъ отвѣтъ румынской колядки на вопросъ — откуда ихъ освѣщающее, таинственное дѣйствіе. Другая румынская колядка иначе рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи этихъ веществъ ¹⁾).

D'înréba şî, înréba ²⁾
 Sfinţi pe Dumneđeu:
 — Dómnne milostive,
 Din ce este faptū
 Vinulū
 Şi cu mirulū
 Şi rumenulū grăū?
 Domnulū le grăia:
 «Sfinţi nepricepuţi
 Şi nechibsuiţi,
 Vreţi sē m'ispitiţi,
 Că voi bine sciti

¹⁾ Teodorescu, l. c. стр. 43—46.

²⁾ «Допрашиваютъ, пытаются святые у Господа Бога: Господи милостивый, отчего сталося вино и муро и бѣлоярая пшеница? Говоритъ имъ Господь: Святые непонятливые, недогадливые, хотите испытать меня, а хорошо знаете сами, откуда взялось вино и муро и бѣлоярая пшеница. Когда гонялись за мною Каины-Жиды, изъ дома въ домъ, отъ стола къ столу, настigli меня на верху у Иерусалима, вечеромъ наканунѣ (Рождества), въ домѣ Кречуна, распяли меня на сладкой яблонѣ, прибывали меня по пятамъ, по ладонямъ, все гвоздями желѣзными, гвоздиками стальными. Гдѣ ихъ прибывали, тамъ кровь текла, вся стала виномъ. Одѣвали меня въ рубашку зеленую, изъ зеленой крапивы, что больно колола тѣло; опоясывали поясомъ изъ боярышника; гдѣ меня вязали — тамъ потъ съ меня лился, муромъ становился. А на голову мнѣ возложили вѣнокъ изъ терніевъ и шиновъ: гдѣ его возлагали, тамъ сыпались слезы, рассыпаясь становились зернами пшеницы. Съ той поры вино дано было старикамъ, пшеница народу, а муро священникамъ, дабы мазали насъ въ великіе дни, въ день Рождества и Крещенія, когда священники крестятъ и народъ приводятъ въ христіанскую вѣру. — Здравіе этому дому, бояре милостивцы, съ нашимъ добрымъ желаніемъ, на этотъ годъ и на многія лѣта!

Din ce este faptū
 Vinulū
 Și cu mirulū
 Și rumenulū grăū.
 Cândū eī m'au gonitū,
 Căinii de Jidovī,
 Totū din casă'n casă
 Și din mėsă'n mėsă,
 Și ei m'au ajunsū
 Susū la Rusalimū,
 In sēra d'ajunū,
 'N casa lui Crăciunū,
 Și m'au răsticnitū,
 Pe cruce d'mērū dulce;
 Și eī cāmī băteaū
     Prin talpe
     Prin palme
 Totū cuie de ferū,
 Tinte de otelū;
 Ș'und'le tintuia,
 Sānge cā curgea,
 Totū vinū se făcea.
 Și eī me'mbrăca
 Cu cămașiă verde,
 Verde de ursică,
 Rēū trupulū bēșică.
 Ș'unde mă'ncingea
 Cu brăū de măceșiū;
 Ș'unde mă stringea
 Sudórea 'mī curgea,
 Totū mirū se făcea.
 Da'n capū ce'mī puneau?
 Cunună de schinī,
 Schinī și mārăcinī;
 Ș'unde-o aședaū,
 Lacrimi ciuruaū,
 Se rostogoliaū,
 Totū grăū se făceaū.
 D'atuncia s'a datū

Vinulū la bētrānī,
 Grāulū la norodū,
 Mirulū la preoṭī,
 Sē ne mirniéscă
 Rarū la dile-mari,
 Dina de Crăciunū
 Ș'a de Bobotéză,
 Cândū preoṭī botéză,
 Norodū crestinéză.
 Sănetate'n casă,
 Boieri dumné-vóstră,
 Totū cu voie bună
 L'annū,
 La multī anī.

Русскія и западныя повѣрья знаютъ о травѣ, цвѣтахъ, выросшихъ изъ слезъ Богородицы (плакунъ-трава), изъ крови Спасителя (босилекъ) и т. п.; въ одной болгарской пѣснѣ объ обрѣтеніи честнаго креста (№ 2 собранія г. Качановскаго) парика «еврейтя» говорить св. Еленѣ:

Камо найдешъ три стърка босилекъ,
 Тамъ найдешъ ваши честны кресты ¹⁾.

Нигдѣ этотъ поэтический мотивъ не встрѣтился мнѣ разработаннымъ такъ подробно и реально, какъ въ румынской колядкѣ. Легко замѣтить, что къ концу она не выдерживаетъ начального символизма: вещество таинствъ забыто, и дѣло идетъ какъ-бы о простыхъ винѣ, елеѣ и пшеницѣ, которые распределяются по сословіямъ и званіямъ — какъ въ болгарской пѣснѣ о св. Георгіи отъ убитаго имъ змѣя истекають три рѣки: пшеницы, вина и молока: пшеница пахарямъ, вино винодѣламъ, молоко пастухамъ.

¹⁾ Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 174—5. Иначе рассказываютъ, что отъ крови Спасителя, пролитой на крестѣ, выросъ цѣлебный *ἀνδρόσακον* = *hyregisum montanum*, видъ звѣробоя Сл. Мандельштамъ, I. с. 316.

Посмотримъ, какъ отразился одинъ изъ мотивовъ румынской колядки («происхожденіе вина») въ малорусскихъ:

Пане господару, гораздъ ся маешъ,
 Гораздъ ся маешъ, ні въ чимъ не знаешъ!
 На твоімъ двору зеленій явіръ,
 По підъ явора стоять столі нові,
 По за столивами стоять панове,
 Ой пишуть письма первичніи —
 Не можуть ся дописати и дочитати,
 Зъ чого настало зелене вино?
 Ой панъ господаръ та й обізвася:
 «Ой я жъ бо знаю, та й відгадаю,
 Зъ чого настало зелене вино.
 Якъ жидова Христа мучили,
 Терновий вінокъ на голову клали,
 Хмелѣмъ, ожиною вперезували,
 Копъемъ дзѣбро попробивали,
 Вшеляке дерево за нпгті били,
 Всякее дерево не согрішло,
 Червнва ива всімъ согрішила,
 Що кровь пустила,
 Червнва ива прогрішила.
 Бодай тя, иво, хориби точили,
 Відъ молодості ажъ до старості,
 Відъ коріннячка й ажъ до верхка.

(Чубинскій, I. с. № 136 Б). Оставленъ безъ отвѣта существенный вопросъ: откуда взялось вино? Очевидно, изъ крови, пролитой Спасителемъ на крестѣ. Варьянтъ къ этой колядкѣ (№ 136 А), какъ и колядки у Головацкаго II № 33 р. 23—4, IV № 34, стр. 26—7, № 35, стр. 27, ограничиваются рассказомъ о страданіяхъ Христа, съ эпизодомъ ивы, которая и проклята (Чубинскій, № 136 А); послѣднія прибавляютъ: гдѣ пала капля святой крови, тамъ стала церковь:

Де кровця кане, церковця стане

и т. д. (Голов., I. с.). Иначе Чубинск. № 63: жидова

Христа мучила:
 Шепшови шпичі
 За нігті гнали,
 И ёму муки задавали.
 Съ пальця мизинця
 Кровка канула;
Кровка кане,
Тамъ Дунай стане,
А въ тилъ Дунаю
Господь кутався

(Сл. выше, стр. 237—8, Чуб. № 38 Д).

Какъ здѣсь вода крещенія отождествляется съ кровью, такъ въ варьянтахъ другой группы колядокъ кровь—съ виномъ, которое также служитъ крещенію. Я имѣю въ виду колядки, сюжетомъ которыхъ является исканіе, преслѣдованіе жидами новорожденнаго, только что *крещеннаго* Спасителя (Головацкій II, стр. 25, № 35; стр. 26, № 36; Чубинскій, I. с. колядка № 74): они ищутъ его въ лѣсу, въ пшеницѣ, травѣ, крутыхъ горахъ, но не находятъ: нашли деревце,

Съ того деревца стала церковця,
 А въ тій церковці три гроба стоить,
 У першему гробі самъ Христосъ лежить и т. д.

(Чубинскій № 74); либо Христосъ уже «на небесахъ», «на высокости» (Головацкій II, стр. 25—6, №№ 35, 36), «у мѣсяцѣ»:

Стали ѿжиды съ книгъ читати,
 Мусѣвъ мѣсяцъ Христа дати.

Слѣдуетъ мученіе, эпизодъ объ ивѣ, пустившей кровь изъ подъ ногтей:

А де тая кровця кане,
 Тамъ церковця заразъ стане,
 Тамъ самъ Господь службы служить.

(I. с. IV, стр. 550—1, № 2: Иорданская пѣсня? Сл. еще Купчанка, Нѣкоторые историко-геогр. свѣдѣн. о Буковинѣ, стр. 395). У Голов. IV, № 5, стр. 112—113, послѣдній отвѣтъ Бого-

родицы на вопросы жидовъ тотъ, что она занесла его «до Пана Бога», гдѣ они находятъ его (?) и подвергаютъ мученіямъ (эпизодъ объ ивѣ):

Де кровця цяне, тамъ церковь стане,
 Де кровля капне, тамъ вилице стане,
 Святая церковь людамъ на службы,
 Зелене вилице людамъ на законъ.

Въ одной изъ предъидущихъ колядокъ отъ крови Христа становится Дунай, въ которомъ и купается Господь; у Чуб. I. с. № 78 начинается такимъ образомъ:

Ой отци чесні, на великімъ дворі,
 Ой дай, Боже!
 На вашімъ двору зъ виномъ кірниця.
 Пресвята Діва Христа купала,
 Якъ покупала, въ ризи повила,
 Занесла ёго въ тихій Дунай,
 Прийшла жидова рови копати и т. д.

Передъ нами такое-же соединеніе мотива *крещенія и страданія*, какъ въ русскихъ редакціяхъ Сна Богородицы; вспомнимъ, что болгарскія колядки (сл. выше стр. 227) перенесли на крещеніе Спасителя проклятіе (и благословеніе) дерева. Также легендарная подробность, заимствованная изъ апокрифическаго Дѣтства Христова, приурочена въ одной галицкой колядкѣ — къ бѣгству святаго семейства отъ преслѣдованія Ирода: Богородица бѣжитъ съ святымъ младенцемъ, отдыхаетъ по дорогѣ, повивая сына; всѣ растенія преклонились передъ нимъ, только не преклонились «осика» и «терня»: оттого они прокляты (Головацкій II № 13, стр. 9—10). Румынскія колядки представляютъ тотъ-же сюжетъ: Іосифъ проклинаетъ тополь, отказавшійся дать свою тѣнь усталой Богоматери, и благословляетъ яблоню, протянувшую надъ ней свои вѣтви¹⁾. Когда святое семейство ищетъ пріюта, гдѣ-бы

¹⁾ Эпизодъ о проклятій дерева встрѣчается въ разнообразныхъ приуроченіяхъ. Сербская пѣсня, которая поется постомъ, примыкаетъ къ приведеннымъ въ текстъ, но дѣйствіе въ ней уже обобщилось: Божья

Богородица могла разрѣшиться отъ бремени, повторяется то-же проклятіе и благословеніе: Кречунъ, въ домъ котораго попросились странники, указалъ имъ мѣсто въ хлѣву, кони продолжали топать ногами, волы-же лежали спокойно — и Богородица благословляетъ ихъ отъ себя и отъ имени своего Сына ¹⁾. Эта

Матерь стоитъ въ церкви на службѣ, поютъ еѣ свв. Петръ и Никола, отпѣвають сестры Анделіа и Марія, дѣтп приумоляя, ни одно дерево не шелеститъ, кромѣ *осики*, которая за то и проклята (Караѣиѣ, Живот, стр. 231). То-же обобщеніе въ нѣмецкомъ повѣр'ѣ: когда Христосъ шелъ лѣсомъ, всѣ деревья преклонились, за исключеніемъ *осины*, осужденной за то вѣчно трепетать листвою (Bechstein, Mythen, Gebräuche и т. д. III, 22). Въ чувашскомъ пересказѣ сохранилось приуроченіе къ преслѣдованію Христа «богатыми людьми», желавшими убить его за любовь къ бѣднымъ: всѣ деревья, кромѣ *ели* и *сосны*, отказались спрятать его, почему и лишены на зиму листьевъ (Магнитскій, I. с. стр. 245, прим.). По западно-англійскому повѣр'ю крестъ былъ сдѣланъ изъ *омели* (англ. mistletoe), которая до тѣхъ поръ была красивымъ деревомъ, а послѣ распятія осуждена стать чуждымъ; отсюда одно изъ нѣмецкихъ ея названій: Kreuzholz. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ слѣдуетъ подсказать такой-же мотивъ *проклятія*, какъ для осики малорусскихъ колядокъ, согрѣшившей тѣмъ, что она стала орудіемъ страданія? — Еврейскій варьянтъ къ этому повѣр'ю представляетъ Toledoth-Ieschu: Евреи пытаются повѣсить Христа, но всѣ деревья ломаются, кромѣ — капустнаго стебля, росшаго въ саду Іуды, который объясняетъ, что со всѣхъ деревьевъ Исусъ взялъ клятву не вредить ему, не взялъ лишь съ капустнаго стебля. — С. Hoffmann и недавно Sophus Bugge (Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen, übers. von O. Brenner, 1-е Reihe, 1-е Heft, p. 47—8; сл. p. 50) сближаютъ эту легенду съ извѣстнымъ мнѣомъ объ убіеніи Бальдра; но существуетъ еще и другая еврейская легенда, болѣе близкая къ сѣверной.

¹⁾ Tocilescu, I. с. I № 6, стр. 259; Schuller, I. с. p. 5—6. Сл. Крачковскій, Бытъ Западно-русскаго селянина, стр. 166: «Сѣно, которое «на кутью» послано было на столъ и на которомъ ужинали на слѣдующій день, раздается скоту. Хозяинъ не даетъ его только лошадямъ; причину указываютъ въ томъ, что когда родился Христосъ, лошадь яко-бы съѣла то сѣно, на которомъ онъ былъ положенъ въ ясляхъ. Сл. Драгомановъ, Малорусскія народн. преданія и раз-

апокрифическая данная облегчала вторженіе въ область колядокъ — аграрныхъ мотивовъ щедрівки, съ ея плугомъ и чудесными, пашущими волами. Но и въ другихъ отношеніяхъ отреченная повѣсть о Дѣтствѣ Христовѣ разъясняетъ намъ образованіе коляднаго пѣсеннаго цикла. При другомъ случаѣ я предположилъ, что типъ колядки, который говоритъ о посѣщеніи дома Святыми и Богородицей или тремя товарищами и т. п., сложился подъ вліяніемъ рождественскихъ обходовъ, въ которыхъ являлись Богородица и Різдво, и три царя волхва ¹⁾. Я присоединю къ этому поводу новые: евангельскія сказанія и легенды о дѣтствѣ Христовѣ, объ исканіи святымъ Семействомъ ночлега, о бѣгствѣ отъ Ирода въ Египетъ и т. п. — дали обильное содержаніе мотиву о святыхъ рождественскихъ гостяхъ. Съ другой стороны преслѣдованіе Иродомъ Божественнаго младенца приведено было въ поэтически-наивную связь съ тѣмъ преслѣдованіемъ, за которымъ послѣдовала крестная смерть. Это — та-же точка зрѣнія, которая заставляетъ колядку говорить о *крещеніи младенца Христа* — Богородицей, къ чему непосредственно примкнуло исканіе его *Жидами* и мученіе на крестѣ: крещеніе кровью. Простодушный синкретизмъ народной пѣсни выразилъ такимъ образомъ тѣ-же символическія идеи, какія мы встрѣтили у св. Ипполита (сл. выше стр. 234—5), только перенесъ ихъ на Христа, заставивъ его самого креститься-купаться въ рѣкѣ, криницѣ съ виномъ-кровью ²⁾.

сказы, стр. 109: Христось въ ясляхъ; Чубинскій, Труды Этногр. стат. эксп. въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣдованія и т. д. т. I, стр. 49.

¹⁾ Объ одномъ мотивѣ рождественскихъ колядокъ I. с. стр. 251 in fine.

²⁾ Въ настоящей работѣ я не имѣлъ въ виду исчерпать всѣ сюжеты колядокъ со стороны ихъ апокрифическаго содержанія. Укажу лишь на одно возможное воздѣйствіе апокрифической легенды на несомнѣнно языческую основу, такъ какъ дѣло идетъ о разобранномъ выше циклѣ обрядовъ и пѣсней о плугѣ и обѣваніи и чудесномъ сѣятель-святѣмъ (сл. выше стр. 107 слѣд.). Въ апокрифическихъ разсказахъ

Нѣсколько иначе рассказываетъ о происхожденіи вина, мвра и пшеницы (или-же одного вина) другая группа славянскихъ колядокъ: три птицы прилетаютъ съ неба, поютъ сербскія рождественскія пѣсни:

Једна носи гроздак од лознице,
 Да се Срби понапију вина;
 Друга носи класак од шенице,
 Да Српскије мјесе погаче;
 Трећа носи брацког' миробожја,
 Да се Срби и грле и љубе.

Въ варьантѣ къ этой пѣснѣ вмѣсто *миробожја* говорится о «*здравь и весельѣ*»¹⁾. Подъ миробожьемъ разумѣется *мирбожанье*: обычай взаимнаго, братскаго цѣлованія въ день Рождества; едва-ли оно не замѣнило болѣе древнее упоминаніе *мвра*, которое въ румынской колядкѣ является необходимымъ при *винт* и *шеницѣ*. См. выше (стр. 228 слѣд.) румынскую колядку о «купаньѣ» Господа въ рѣкѣ вина, мвры и воды, и варьантѣ къ ней, въ которомъ рѣка-водоемъ собирается изъ слезъ, источаемыхъ *птицами*. — Въ галицкой колядкѣ (Головацкій II, стр. 39, № 58)

Бѣжая Мати насѣня косить,
 Насѣня трое, не единакое:
 Едно насѣня — зелене винце,

о дѣствіи Христа онъ самъ является чудеснымъ сѣятелемъ, зерно, имъ брошенное, приноситъ невиданный урожай. Упоминаемая въ славянскихъ текстахъ статья: «како Христосъ плугомъ орае», указываетъ, съ другой стороны, на нѣкоторыя подробности отреченнаго евангелія св. Томи (гл. 13), извѣстныя уже св. Юстину: «καὶ ἐλθόντος τοῦ Ἰησοῦ ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην, καὶ νομιζομένου Ἰωσήφ τοῦ τέκτονος υἱοῦ ὑπάρχαι, καὶ αἰδοῦς, ὡς αἱ γραφαὶ ἐκήρυσσον, φαινομένου, καὶ τέκτονος νομιζομένου (ταῦτα γὰρ τὰ τεκτονικὰ ἔργα εἰργάζετο ἐν ἀνθρώποις ὢν, ἀρότρα καὶ ζυγὰ διὰ τούτων καὶ τὰ τῆς δικαιοσύνης σύμβολα διδάσκων, καὶ ἐνεργῆ βίον), τὸ Πνεῦμα οὖν τὸ ἅγιον» и т. д. См. Migne, Patrol. gr. t. VI, Dialogus cum Tryphone Iudaeo § 88.

¹⁾ Караџић, Српске народне пјесме из Херцеговине, стр. 336, № 344; стр. 342, № 353.

Друге насѣня — яра пшеничка,
 Трете насѣня — ладанъ пахнучій.
 Яра пшеничка на Божу службу,
 Зелене винце на причащаня,
 Ладанъ пахнучій до кадилицѣ ¹⁾.

Птицы снова являются въ буковинской пѣснѣ (Купчанко, I. с. р. 375—6, № 4), несомнѣнно искаженной: ея начальныя стихи указываютъ, что въ оригиналѣ вопросъ былъ троякій, сократившійся до одного («происхожденіе вина»), но и тотъ не поставленъ вопросомъ: зажурились горы, долины,

Шо не зродило *жито*, *пшеница*,
 Але зродило *зелене вино*;
 Зелене вино славно зацвіло,
 Славно зацвіло, мало зродило (?).
 Сокотила його вгрешная панна,
 Кгрешная панна на имя Анна,
 Шитьечко шила, уже заснула.

Райская птичка разбудила её ударомъ крыльевъ, а панна Анна просить её не пить того вина: оно ей понадобится на три службы: «на святе Різдово», «на Василя», «на Великий день». — Галицкій варьянтъ (Головацкій II стр. 93, № 33) представляетъ интересный обрацикъ бытоваго искаженія: зажурилась черная гора, что не родила жито, пшеницу, а родила зелено вино, «зелене вино, що Богу мило». Его стережетъ «красная панна»; она заснула, а райскія пташки похитили зелено вино, оставили — лишь винное яблоко, которое выпрашиваетъ у дѣвухи отецъ и мать, сестра и братъ; но она сохраняетъ его для милаго, которому и отдаетъ его. (Сл. Головацкій IV, стр. 547, № 6).

Перейдемъ къ другимъ колядкамъ, въ которыхъ идея крещенія продолжаетъ отражаться новыми образами. Въ одной румынской рождественской пѣснѣ ²⁾, интересной по своему запѣву

¹⁾ Сл. бѣлорусскую (неизданную) колядку: на дворѣ огни горять, три котла кипятъ, съ пшеничнымъ виномъ, червоннымъ пивомъ, сладкими медами; вино — хозяину, пиво — женѣ его, сладки медки — дѣткамъ.

²⁾ Teodorescu, I. с. р. 34—6.

(Florile dalbe)¹⁾ и первому стиху, напоминающему начало испанской (Esta noche es noche buena), сами колядовщики являются въ роли крестителей:

Astă séră'i séra mare ²⁾,
 Florile dalbe,
 Séra mare-a lui Crăciunū,
 Florile dalbe,
 Cându s'a născutū Domnulū bunū,
 Florile dalbe.
 Noi umblămū
 Să colindămū
 P'astă nópte'ntnecósă!
 Pe cărare alunecósă
 Nemerirămū l'astă casă,
 L'astă casă, l'astū domnū bunū,
 Domnulū bunū, domnulū [cutare].
 Elū de veste cum prindea,
 Inainte ne esia
 C'unū clondirū plinū de rachiū:
 Cu clondirulū d'a drépta,
 Cu paharulū d'a stânga,
 Din clondirū turnându-ne,
 Din gură grăindu-ne:
 — Voi, patru colindători,

¹⁾ Въ колядкѣ у Александри, р. 394—5, Florile dalbe повторяются, какъ привѣвъ, послѣ каждого стиха.

²⁾ Этотъ вечеръ — великій вечеръ — Бѣлые цвѣты! — великій вечеръ Рождества — Бѣлые цвѣты! — когда родился Господь Богъ милостивый — Бѣлые цвѣты! — Мы ходимъ, колядуемъ въ эту темную ночь, по скользкой тропѣ набрали на этотъ домъ, на этотъ домъ, къ этому доброму господарю. Добрый господарь, господарь (нмярежь) спохватился, выходилъ къ намъ на встрѣчу съ бутылью, полной ракии, съ бутылью въ правой рукѣ, съ чашей въ лѣвой, изъ бутылки наливая намъ, приговаривая: «Вы, четыре колядовщика, избирайте двоихъ промежь себя, двоихъ изъ себя помоложе, да скачите въ этотъ садъ, рвите цвѣтъ канунера да стебель василька; идите, ходите къ источнику, источнику Иордани, омочите цвѣтъ канунера и стебли василька, потомъ идите

Vă alegeți doi
 Din voi
 Doi din voi mai tinerei,
 Și săriți în cea grădină:
 Rupeți firu
 De calomfiru
 S'ua stebli de busuiocu;
 Treceti
 Mergeti
 La fântână,
 La fântâna lui Iordanu:
 Muiați firu
 De calomfiru
 Și stebles de busuiocu,
 S'apoți mergeti colindându,
 Două pe urmă botezându:
 Stropiți casă,
 Stropiți mesă,
 Stropiți feți
 De coconi creți:
 Coconi creți s'orū pomeni,
 Mai frumosū ne orū dărui
 Cu daruri de la parinți.
 Stropiți feți
 De fete mari:
 Fete mari s'orū pomeni,
 Mai frumosū ne-orū dărui
 Cu mahrămi grele de firu.
 Stropiți feți

вдвоемъ колядуя, а двое крестя: кропите домъ, кропите столъ, кропите лица курчавыхъ боярскихъ дѣтей: курчавые дѣти спохватлися, красивѣйшаго подарятъ родительскими подарками. — Кропите лица, верослмхъ дѣвушекъ: дѣвушки на выданѣ спохватятся, красивѣйшаго они подарятъ полотенцемъ съ тяжелой золотой вышивкой. — Кропите лица стариковъ: старики спохватлися, красивѣйшему они поднесутъ колачъ изъ чистаго жита, а съ колачемъ ведро, полное блага вина — ибо таковъ законъ отъ стариковъ, отъ добрыхъ людей. — Благоденствие этому дому на многія лѣта и здравіе: оно лучше всего!

De ceî bătrâni:
 Ceî bătrâni s'orū pomeni,
 Mai frumosū ne-orū dărui
 C'unū colacū de grăū curatū,
 Pe colacū védra de vinū,
 Fiă galbenulū de plinū,
 C'asia'ī legea din bătrâni,
 Din bătrâni din ómenī bunī.
 Bună vremea'n aste case,
 La multī anī cu sănătate,
 Că'ī mai bună de cătu tóte.

Очень вѣроятнымъ представляется, что нѣкоторыя изъ христіанскихъ колядокъ, по видимому постороннихъ идеямъ рождественскаго цикла, вошли въ него по какой-нибудь аналогіи. Идея *крещенія*, христіанской проповѣди лежитъ въ основѣ румынской колядки о св. Венерѣ-Параскевѣ¹⁾, и того-же самаго мотива можно было-бы искать въ болгарскихъ колядкахъ о св. Георгіи, еслибы содержаніе ихъ, полное чисто земледѣльческихъ интересовъ и весеннихъ надеждъ, не относило насъ всецѣло къ знаменательному чествованію языческаго новолѣтія. Процессъ здѣсь совершился такой: чудо св. Георгія съ змѣемъ обратилось въ болгарскую *весеннюю* пѣсню, съ чудеснымъ новаго, аграрнаго характера: рѣки жита, вина и молока истекають изъ убитаго звѣря. Одна нѣмецкая духовная пѣсня поеть о встрѣчѣ святаго Георгія съ Богородицей²⁾; въ болгарскихъ колядкахъ³⁾ та-же встрѣча, но разговоръ посвященъ вопросамъ урожая, надеждамъ на богатую жатву. — Такъ мирилось старое и новое, формы христіанской легенды паполнялись реальнымъ содержаніемъ языкачества.

¹⁾ Сл. въ предъидущей главѣ, стр. 14—16.

²⁾ Сл. Mittler, Deutsche Volkslieder № 394.

³⁾ Собранія Качановскаго №№ 34—6.

IV.

БЫТОВЫЕ МОТИВЫ КОЛЯДОКЪ.

То, что остается въ колядкахъ за вычетомъ христіанскихъ мотивовъ, такъ или иначе перелицованныхъ, представляетъ самую разнообразную смѣсь свѣтскихъ сюжетовъ лирико-эпического, балладнаго характера. Ихъ не назвать-бы колядками, еслибы не встрѣчался иногда въ концѣ заповѣдный припѣвъ (Ragü — La țile marî, — Țiua de Crăciunü — Și de Bobotéză, — Căndü preoți botéză, — Lumea creștinéză), насильно и не кстати навязанный рѣснѣ, далекой отъ идей христіанскаго праздника, нерѣдко поющей про любовь, то идиллически-сентиментальную, то эротически страстную. Таковы двѣ слѣдующія румынскія колядки ¹⁾.

Ler-oï-Leo! ²⁾
 La fontână
 Lină,
 La colțu de grădină,
 Treșü
 Mi se petrecü
 Trei fete de Grecü.
 Calea cin'le ține?
 [Vêlcu] fetü frumosü.
 Elü că mi-le-alege
 Pe gene
 Sprâncene,
 Care e mai naltă

¹⁾ Teodorescu, l. с. 52—55 и 72—74.

²⁾ Ай люди, люди! У тихаго источника, на углу сада, идутъ вѣстѣ три дѣвушки-Гречанки. Кто сталь имъ на пути? Vêlcu добрый молодецъ: онъ выбираетъ между ними, по рѣсницамъ, по бровямъ, какая повнше ростомъ, съ густыми бровями, словно выведенными,

Și mai sprâncenată,
 Cu sprâncenă trasă,
 Chipū de jupânesă.
 [Néga] e mai naltă,
 Și mai sprâncenată,
 Cu sprâncéna trasă,
 Chipū de jupânesă.
 [Vêlcu], fêtū frumosū,
 Din gură'i grăia:
 «Haï sê vii cu mine
 De vei sê fiî bine,
 Cū tu'mi ești de sémă
 Și d'a mea potrivă!»
 [Néga] că'i grăia:
 — Tu nu'mî ești de sémă
 Și d'a mea potrivă.
 Vedî'mî, aū nu'mî vedî
 Cele luncî înverdî,
 Luncile'nverdite
 De florî înălbite?
 Nu'sū dalbe de felū,
 Ci'sū dalbe de florî:
 Pên'nu le-oiū purta,
 Nu m'oiū mărita. —
 [Vêlcu], fêtū-frumosū,
 Din gură'i grăia:
 «Vedî-mî, aū nu'mî vedî
 Acei muntî
 Căruntî?»

у которой — лицо боярыни. Няга повыше всѣхъ, у ней брови гуще, слово выведены, и лицо боярыни. — Говоритъ ей Vêlcu, добрый молодецъ: Пойди со мною, коли хочешь себѣ добра, ибо ты пришла съ мнѣ по праву, ты мнѣ сверстна. — Говоритъ ему Няга: Ты не пришла съ мнѣ по праву, ты мнѣ не сверстна. Видишь-ли ты, или не видишь тѣ зеленые луга, зеленые, съ бѣлыми цвѣтами? Не по себѣ бѣлѣютъ тѣ луга, бѣлѣютъ отъ цвѣтовъ: пока я не буду носить ихъ, не выйду замужъ. — Говоритъ ей Vêlcu, красивый парень: Видишь-ли ты, или не видишь тѣ сѣрыя горы? Не по себѣ онѣ сѣрыя, а отъ овецъ. У овецъ черные ягнята; то не ягнята, а пастухи, опирающіеся на клюки, закутанные

Nu'sü cãrunți de felü,
 Ci 'sü cãrunți de oi:
 Prin dalbele oi,
 Negrii colpãnei.
 Dêrũ nu'sü colpãnei,
 Ci suntũ ciobãnei,
 In cãți rãdimați,
 In glugĩ aciõti.
 Oile-orũ porni
 Spre sóre rêsare,
 P'a gurã de vale,
 Prin florile tale:
 Frunți le-orũ infrunți,
 Cõde le-orũ dfrĩ.
 Ce-orũ mãi rãmãnea,
 Ciobani le-orũ lua
 Și le-orũ invirsta
     Dalbe
     Cu albastre,
 Verdĩ cu mohorite;
 În sînũ le-orũ bãga,
 În sînũ și prin straie
 Și ei c'orũ feri
 Fie-care flõre
 De rađe de sóre,
 De norelũ de plõie;
 Tie țĩ-le-orũ da,
 Și tu-le-ĩ purta
 Rarũ la dũle mari,
 Dũa de Crãciunũ
 Și de Bobotézã и т. д.

въ канюшоны. Овцы пойдутъ на восходѣ солнца, по ущелью долины, по твоимъ цвѣтамъ: увѣнчаютъ себѣ головы (цвѣтами), волоча (по нимъ) хвосты. Какіе цвѣты останутся, пастухи возмутъ ихъ, сплетутъ бѣлыя съ голубыми, зеленыя съ пунцовыми, положить ихъ за нозуху, воткнуть въ илатье, уберегутъ ихъ отъ лучей солнца, отъ дождливаго тумана, дадутъ ихъ тебѣ, а ты станешь ихъ носить иногда по великоднямъ, въ день Рождества и Крещенія и т. д.

Приводимая далѣе колядка, судя по запѣву, поется, вѣроятно, на новый годъ:

In noptea de Sân-Vasile, ¹⁾
 Oî-Ler-oî d'ai Ler-oî Dómne,
 Toți boieri la curte'mi vine,
 Numai [Manciu] nu'mi venia.
 La trei zile, cându sosia,
 Mari boieri flū intreba:
 «Ce ți-e calulū d'asudatū.
 D'asudatū și ne-adăpatū?
 Ai gonitū, orī te-aū gonitū?»
 Êră [Manciu] le grăia:
 — N'amū gonitū, nici m'aū gonitū.
 La vnatū că mī-amū eșitū,
 Ciută-lină mī-amū scornitū,
 Ciută-lină mī-amū gonitū
 Din câmpulū Solotrulūi
 Pênē 'n malulū Oltulūi.
 Dete ciuta făr'de vadū,
 Eū mai josū că m'amū lăsatū,
 Cu murgu'n ap'-amū intratū.
 In suliță c'o luaī
 Și pe malū c'o aruncaī:
 Zăbovii
 Pên 'ce-o cojii.
 Dat'amū cărni la măcelari,
 Unghile la păhărarī,
 Ochii 'i negrii

¹⁾ «Въ ночь на св. Василія — Ай люли, люли — всѣ бояре пришли ко двору, не пришелъ лишь Манчу. На третій день, когда онъ прибылъ, спрашивали его бояре наибольшіе: Отчего у тебя конь взмыленъ, взмыленъ, не напоенъ? Ты-ли гнался за кѣмъ, или за тобой гнались? — Говоритъ Манчу: Ни я не гнался, ни за мной не гнались. Вышелъ я на охоту, поднялъ вѣжную лань, вѣжную лань гонялъ отъ Солотрсакаго (Solotrulūi) поля до берега Ольты. Лань перешла безъ броду, а я спустился пониже и съ воронкомъ вошелъ въ воду, поднялъ лань на коньѣ и бросилъ на берегъ. Я и замѣшкался, пока свѣжевалъ еѣ: мясо отдакъ

La şioimieî,
 Osele
 La ogăreî,
 Sângele
 Pe la dulăi,
 Córnele la piepténari,
 Érú pelea la tâbăcarî
 Sě'mî facú japiû bunû pe calû,
 Sě'mî facú sgarde la ogari».

Mică pruncă mi'lû pfra:
 — O voi, mari boierî sunteţi
 Şi'mî totû staţi de mi'lû credeţi.
 Are-uă Grécă ibovnică,
 Şi'î e calea cam departe,
 Departe de nouë dîle;
 Elû mi-o face în trei dîle,
 În trei dîle pe trei cai:
 C'unulû la dēnsa se duce,
 Cu-altulû la dēnsa prujēsce,
 Cu-alû treilea mi se'ntórce.
 De nu credeţi, mari boierî,
 Sě'lă cătaţi în posunarû,
 În posunarû .
 Şi'n peptarû,
 Sě'î găsiţi odórele
 Strălucindû ca sórele,

мясникамъ, конята тѣмъ, что дѣлають кубки, черные глаза соколамъ, кости гончимъ, кровь овчаркамъ, рога гребенщикамъ, а кожу дубильщикамъ, чтобы они сдѣлали мнѣ добрую попону для коня, ошейники для гончихъ. — Маленькая дѣвочка оговариваетъ его: Вы бояре наибольшіе, хороши вы, коли вы ему вѣрите: у него есть любовница Гречанка, и путь къ ней долгій, на девять дней — а онъ совершаетъ его въ три, въ три дня по тремъ дорогамъ: по одной къ ней идетъ, по другой забавляется у ней, по третьей возвращается. Коли не вѣрите, бояре наибольшіе, посмотрите у него въ карманъ и за пазухой: вы найдете тамъ свадебные подарки, блестящіе, какъ солнце, найдете платокъ, которымъ онъ съ ней поѣмнялся. Коли не вѣрите, бояре наибольшіе,

Și i-êți găsi ș'ua basma,
 Ce elü a schimbatü cu ea.
 De nu credeți, mari boieri,
 Së'lü cătați și'n degețelü,
 Că i-êți găsi d'unü inelü,
 Ce ea a schimbatü cu elü,
 C'aü schimbatü inelile
 Ce lucescü ca stelele.
 De nu credeți, mari boieri,
 Së'lü cătați și'n islicelü,
 Că i-êți găsi cununa,
 Cunună-s'arü cu dënса,
 I-êți găsi a lorü cunună
 Strălucindü ca sfînta lună. —
     Mari boieri mi'lü căutaü,
     Și pe tóte le găsiaü.
 Êră [Manciu], fêtü-frumosü,
 Elü së'mi fie sănëtosü
     Cu-aï lui frați,
     Cu-aï lui părinți,
     Și cu noi, cu voie bună,
     La anulü și la multü anï.

Колядка эта обращена къ холостому молодцу, какъ и предъ-
 идущая (colindü de flăcaü); большая часть этихъ пѣсень поется
 «ad hominet», для известнаго возраста, для дѣвушки или
 мушны, холостому или женатому и т. п. Оттуда ихъ разноо-
 бразіе, при неизбѣжномъ повтореніи нѣкоторыхъ типическихъ
 стиховъ и образовъ, характерныхъ для стіля колядки. Такъ

поглядите ему на палець, найдете кольцо, которымъ она съ нимъ обмѣ-
 нялась: они помѣнялись кольцами, блестящими, какъ звѣзды. Коли не
 вѣрите, бояре наибольшіе, посмотрите у него въ мѣховой шапкѣ: найдете
 вѣнецъ, которымъ онъ съ ней повѣнчался, найдете ихъ вѣнецъ, блестящій,
 какъ святая луна. — Наибольшіе бояре осмотрѣли его и всё нашли.
 А Манчу, добрый молодець, да будетъ здоровъ, съ братьями и родителями
 и съ нами, добра желающими, въ этомъ году и на многія лѣта!

въ одной колядкѣ, обращенной къ женатому ¹⁾, мужъ хвалится своей долей, своею женою, жена мужемъ; вставлено это небольшое дѣйствіе въ такую картинку: на дворѣ выросли два орѣшника, осенью посаженные, разцвѣтшіе весною, подъ ними столуютъ бояре и купцы, танецъ ведетъ — хозяинъ, которому и влагаются въ уста похвальба; а на верхушкахъ деревьевъ, среди свѣточей (сл. тотъ-же образъ въ одной изъ христіанскихъ колядокъ, приведенныхъ выше), шелковая качель, на ней сидитъ, шьетъ, вышиваетъ узоры — хозяйка — и слѣдуетъ ея похвальба. Тамъ и здѣсь она вводится типически: хозяинъ

Dantu'mî dăntuiesce,
Toiağü răsucesece,
In susü l'asvîrlesce,
'N palmă'lü sprijinesce
Şi se fericesce

(«пляшетъ, жезломъ вертитъ, вверхъ его швыряетъ, рукой подхватываетъ, похваляется»); хозяйка:

Rupe'sî căte-unü mărü,
Şi'n-susü l'asvîrlesce
'N palma'lü sprijinesce,
Şi se fericesce.

(«срываетъ по яблоку, вверхъ его швыряетъ, рукой подхватываетъ, похваляется»). Швыряніе палицы, буздугана, копья подъ облако и подхватываніе ихъ руками являются выраженіемъ удали, какъ здѣсь чувства полного довольства. Въ малорусской колядкѣ у Чубинскаго (I. с. 27) на шелковой травѣ стоитъ наметъ, гдѣ, на золотомъ стулѣ, сидитъ «можвий панонько,

Сидить-же, сидять, далеко видить,
Двома яблочки підкидаючи,
Трома горішки та питаючи.

¹⁾ Teodorescu p. 56—58.

(Сл. Головацкій, I. с. II, стр. 65—6, № 19; IV, № 11, стр. 41; сл. ib. p. 73—4, № 17). Эпическое общее мѣсто, встрѣчающееся и въ греческомъ и во французскомъ эпосѣ: въ кипрскихъ пѣсняхъ объ Ародафнусѣ она идетъ къ королевѣ, играя (золотымъ, чернымъ) яблокомъ, какъ въ другой греческой пѣснѣ золотымъ яблокомъ играетъ жена Яниша, а въ *chanson du Voyage de Charlemagne à Jérusalem* Турпинъ хвастается, что на всемъ скаку будетъ играть четырьмя яблоками и ни одного не уронить.

Интересна по своей композиціи колядка къ священнику ¹⁾, «*colindü de greotü*»: она можетъ служить образцомъ несложныхъ поэтическихъ приемовъ народной пѣсни. Хозяинъ, къ которому обращается колядка, непременно почтенный, именитый, добродѣтельный; идеалъ священника — набожность, точное исполненіе обязанностей службы. Въ пѣснѣ онъ и отвѣчаетъ этимъ требованіямъ: на берегу Чернаго моря, въ бѣломъ монастырѣ службу служатъ девять поповъ и девять служекъ (*logofeți*). Старый протопопъ велитъ младшему служкѣ взойти на колокольню и зазвонить, дабы весь народъ слышалъ и пришелъ въ церковь преклониться, помолиться, чтобы сбить имъ половину грѣховъ, третью часть прегрѣшеній. Служка отправился, но заглядѣлся на Черное море и забылъ о звонѣ. А по морю черный корабль плыветъ, къ берегу пристаеетъ, изъ него выходитъ священникъ: на немъ черныя туфли, въ рукахъ посохъ; онъ идетъ по пути райскому, въ церковь, поклониться, помолиться, пропѣть: Святъ Господь Богъ нашъ, І. Христось, чтобы весь народъ слышалъ, пошелъ бы въ церковь преклониться, помолиться и т. д. И пришли они и помолились, и Господь простилъ имъ половину грѣховъ, третью часть прегрѣшеній. Тотъ священникъ (имярекъ) да будетъ здоровъ со своей бѣлолицей попадьей, съ дѣтками, со всѣмъ, что у него есть (?), и съ нами, добра желающими, въ этомъ году и на многія лѣта.

¹⁾ Teodorescu, I. с. 62—64.

Если хозяинъ — рыбакъ, плетущій сѣти (năvodár), то несомнѣнно удачливый, и колядка разрабатывается по этому поводу старую сказочную тему ¹⁾.

Ler-oî-Leo, d'ai Ler-om Dómne. ²⁾
 Este vâtafû Argeşenulû,
 Şi'mî are trei fete mari,
 Câtesî trei cu meserii.
 Şi'mî împletescû pe isvóde,
 Pe isvóde
 La năvóde,
 La năvóde de mătase,
 Cu sfórâ cu vit'a'n gese;
 Pletî Vinerî şi Sâmbătă,
 Cândû fu sfânta Duminică,
 Cam pe tónă că'mî pleca.
 Dete-ură tónă, dete doûe;
 Cândû fu tóna cea d'a treia,
 Năvodulû că'mî închiăiaû,
 Năvodarii că'lû trăgeaû
 Pusû în matite'lû duceaû.
 Cândû vâtafulû şiuşania,
 Nici unû pesce nu găsia.
 Dêrû în fundulû matitei
 Iatê gâsi puinlû Iudei.
 Şi vâtafulû Argeşenulû
 Ast-felû inte le grăia:
 «Săritî, fraţî,
 De mi'lû legatî».

¹⁾ Teodorescu, 59—61.

²⁾ «Ай люля, люля! Есть у ватажка Арджешскаго три взрослыхъ дочери, всѣ три обученныя ремесламъ, по узору плетуть онѣ полковный неводъ изъ шнура, въ шесть нитокъ. Плетутъ въ пятницу и въ субботу, а когда настало святое Воскресенье, отправились на ловлю. Дали они одну тоню, дали другую, а когда была третья тоня, заменили неводъ, и рыбаки, тащившіе его, повезли его собранный въ мотнѣ. Когда ватажко встрясъ его, не нашелъ въ немъ ни одной рыбы, только на двѣ мотни нашелъ Юдина дѣтеныша. Скоро говорилъ ватажко

Frumuseală că'lă judecău,
 Mi'lă judecău
 Mi'lă băteaă.
 'Ncepu puiulă a țipa,
 Êră cândă Iuda'lă audia,
 De peste mări că'mi venia,
 Și la vătafă se răstia:
 «Hei, vătafe Argeșene,
 De ce'mi bați tu puiulă meu,
 Că, vedă bine, mi mititelă.
 Mititelă și 'nfășiătelă.
 De nu'ti scii vênatală tēu,
 Haide să țilă arētū eă.
 La năvodari poruncia,
 Năvodu' 'n vase punea,
 După Iuda se lua,
 Și Iuda că 'i arēta
 Lui vătafulă
 Argeșenulă
 Adâncă somnă, potmolă cu crapă
 Și renișiułă cu cosacă.
 Năvodulă că'mi întindeaă,
 L'întindeaă
 Și'lă închiăiaă;

Арджешский таково слово: Бросайтесь братцы, вяжите его. Они его порядкомъ поносили и принялись бить, а дѣтенышъ сталъ пищать. Какъ услышалъ это Юда, вышелъ изъ моря, закричалъ на ватажка: Ой-ли, ватажко Арджешский, зачѣмъ бьешь ты моего птенца? Видишь, онъ маленькій, еще въ пеленкахъ. Если ты не знаешь, гдѣ найти себѣ добычу, я укажу еѣ тебѣ. — (Ватажко) отдалъ приказаніе рыбакамъ положить неводъ на лодки и отправился за Юдой, а Юда показалъ ему, ватажку Арджешскому, сома въ глубинѣ, карпиевъ въ илу, косатокъ въ камышѣ. — Закинули неводъ, заменили его, бросили веревки и принялъ тащить; на половину вытащили, но дагѣ не могли: девять дней вытряхали рыбу, напдали еѣ громадными рядами. Сколько ни было торговцевъ рыбою на торгу, онъ (ватажко) всѣхъ оповѣстилъ и весь городъ продовольствовалъ. — А ватажко Арджешский да будетъ здоровъ и т. д.

Șiufanele c'aruncaï
 Și'ncepeaï
 De mi'lũ trãgeau.
 Și mi'lũ tragũ pe jumãtate
 Dãrũ d'aci nu'lũ mãi poțũ trage.
 Noũe dũle pesce'mĩ scote,
 Facũ grãmedĩ ca șirele.
 Cãțĩ pescarĩ prin tãrgũ era,
 Elũ pe toțĩ cã mi 'ĩ vestia,
 Orasiulũ de'ndãstula.
 Èrũ vãtafulũ Argeșãnulũ,
 Elũ sã 'mĩ fie sãnãtosũ и т. д.

Я сказалъ выше, что колядка разработала одинъ изъ распро-
 страненныхъ сказочныхъ сюжетовъ: о водяномъ царѣ, дающемъ
 рыбаку богатый уловъ въ награду за услугу, въ оплату за
 одолженіе. Подобный мотивъ лежитъ въ основаніи первой поло-
 вины нашей былины о Садкѣ: онъ угодилъ водяному царю игрою
 на гусяхъ и тотъ обѣщаетъ обогатить его. Садко бьется о за-
 кладъ съ Новгородскими купцами, что въ Ильменѣ водятся
 золотыя рыбы — и выигрываетъ: въ трехъ мѣстахъ закинули
 шелковыя сѣти и вытащили по рыбѣ съ золотой чешуей.
 Въ другомъ пересказѣ былины вмѣсто морскаго царя является
 на берегу озера какой-то человекъ, совѣтующій Садку —
 отправиться съ работниками на рыбную ловлю. Три раза закинуты
 сѣти и поймано несмѣтное количество рыбы, обращающейся на
 другой день въ серебро и золото. См. также ловъ Вейнемейнена
 въ пятой рунѣ Калевалы и въ эстонской сказкѣ рассказъ о томъ,
 какъ старый Тũhi (чертъ), кравшій рыбу въ тоняхъ Lijõn'a,
 попадаетъ въ его сѣти и платится спиною ¹⁾.

Важно въ румынской колядкѣ прозвище водянаго царя —
Юдой. Юда стоитъ вмѣсто демона; вспомнимъ «Искаріотскій»,
 Scaraoțchi, эпитетъ, принятый за собственное имя дьявола

¹⁾ Harry Jannsen, Märchen und Sagen des estnischen Völkes, 1-e Lief.
 № 10.

въ румынской повѣсти о табакѣ (сл. выше, стр. 88) и въ румынской-же сказкѣ о солдатѣ и смерти¹⁾; содраганіе дерева, на которомъ повѣсился демонъ въ повѣсти — видоизмѣненіе легенды объ Іюдѣ, удавившемся на осинѣ, которая съ той поры постоянно дрожить. Сл. сближеніе Бугге: Локи = Луциферъ = Іюда²⁾. — Въ одной румынской колядкѣ³⁾ Іюда прокрадывается въ рай, и пользуясь сномъ св. Петра, крадетъ райскіе ключи, похитилъ мѣсяцъ, солнце и утреннюю зарю, престолъ Господа, купель Сына, траву босилька и райскіе цвѣты, крестъ и муро — и всё это принесъ въ адъ, который приукрасился, тогда какъ въ небѣ настала ночь. Кто возмется принести обратно похищенное? спрашиваетъ Господь, а святые молчатъ, всѣмъ страшенъ Іюда; вызывается одинъ Илья, проситъ дать ему громъ и молнію. Молодъ ты и не силенъ, говоритъ Господь, не по тебѣ это оружіе; но Илья надѣется на себя, разгромилъ Іюду, привязалъ его цѣпями къ столбу и отнялъ у него его добычу. Въ небѣ снова стало свѣтло, а въ аду наступила ночь. Съ тѣхъ поръ громъ и молнія въ рукахъ Ильи; съ ними онъ охотится на «драковъ»; кабы онъ зналъ, когда бываетъ ему празднованіе, онъ убилъ бы ихъ всѣхъ и свѣтъ погибъ-бы отъ его грозovýchъ ударовъ; оттого Господь скрываетъ отъ святаго день, въ который приходится его память⁴⁾. По другому преданію⁵⁾ лживый навѣтъ дьявола побудилъ Илью убить своего отца и мать, и святой принялся такъ страшно мстить дракамъ, что истребилъ бы ихъ въ конецъ, еслибы Господь не поразилъ его правую руку.

Имя ненавистное христіанской легендѣ обобщилось до нарицательнаго значенія демона, обладающаго моремъ, какъ въ нашей колядкѣ. Прозвище принято за имя собственное. Аналогію

¹⁾ Rumänische Märchen, übers. von Mite Kremnitz, № IX.

²⁾ Сл. Sophus Bugge, Studien, 1-е Reihe, 1-е Heft, p. 11, 49, 55, 57, 73 слѣд.

³⁾ Tocilescu, l. c. I № 4—5, p. 188—9; Schuller, l. c. 14—15.

⁴⁾ Teodorescu, p. 39—40.

⁵⁾ Schuller, l. c. 28.

къ такой замѣнѣ представляетъ сербская пѣсня ¹⁾, принадлежащая къ распространенному среди славянъ циклу преданій о созданіи свѣта Богомъ и дьяволомъ: вмѣсто Бога является св. Іоаннь, вм. дьявола — *Диоклитіанъ*. Сл. въ хлудовскомъ текстѣ апокрифическаго мученія св. Георгія игру словами по поводу имени Диоклитіана: «царю неправды противу имени твоему подгнѣщаемъ *ѡцемъ твоимъ дьяволомъ*» ²⁾. — *Иродъ* отразился въ змѣѣ *Иродъ* русской сказки и чертѣ Геродъ малорусской легенды ³⁾. Можетъ быть и *Неръ* въ повѣрьяхъ нахичеванскихъ Армянъ: глава ада и Антихристъ, ни что иное какъ *Неронъ* ⁴⁾.

Первоначально за Юдой румынской колядки могло стоять — древне-славянское названіе для воднаго божества, сохранившееся и въ (Чудѣ)-*Юдъ* русской сказки, и въ имени южно-славянской *Юды*, встрѣчающемся и отдѣльно, какъ обозначеніе особыхъ стихійныхъ существъ воднаго характера, и какъ нарицательное при имени Самовилы. Юда-Самовила, собственно, Самовила водная, «морская вила» болгарской повѣсти о Троянскихъ дѣяніяхъ: Юда отъ корня und; сл. лат. *unda*, болг. *уда*, онежск. *иуда* (Петрозав. у Барсова, Причитанія, II, въ Словарѣ). — Къ этому вопросу я надѣюсь вернуться по другому поводу.

V.

Балладные, эпические мотивы колядокъ.

Колядки «свѣтскаго» содержанія развились изъ элемента пожеланій и славленія, непремѣнно присутствующемъ въ рождественской пѣснѣ и видоизмѣнявшемся смотря по возрасту, полу и состоянію тѣхъ членовъ хозяйской семьи, къ которымъ обращались колядовщики. Хозяину сулилось семейное счастье и до-

¹⁾ Караѳић, Српск. нар. пјесме II, 83.

²⁾ Разысканія II, стр. 47, прим. 1.

³⁾ Чубинскій, Труды Этногр. стат. эксп. и т. д. I, стр. 106.

⁴⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управленія Кавк. учебн. округа II, отд. 2-й, стр. 44.

вольство, дѣвухкѣ счастливый бракъ и любовь, какъ рыбаку удача. Эпическая обработка этого мотива представляла это желанное — осуществившимся: хозяинъ живетъ въ довольствѣ и счастливъ въ семьѣ, молодецъ — любовью и т. д. Созданная такимъ образомъ поэтическая гипотеза развивалась въ колядкѣ реальными чертами — и это открывало въ ея цикль доступъ готовымъ пѣсеннымъ, лирическимъ и балладнымъ сюжетамъ, иногда сказочнымъ мотивамъ, на сколько тѣ и другіе являлись примѣнимыми къ данному лицу и положенію. А средства примѣненія ограничивались, не рѣдко, внесеніемъ собственнаго имени, если оно укладывалось въ размѣръ стиха, и, можетъ быть, варьяціями на тему заключительнаго славословія.

Чѣмъ богаче былъ жизненный путь, открывавшійся впереди тому или другому лицу, тѣмъ разнообразіе должно было быть содержаніе относившихся къ нему колядокъ. Оттого колядки, обращенныя къ дѣвухкѣ, бѣднѣе обращенныхъ къ мальчику, парню, которыхъ могли ожидать впереди обаяніе власти и слава подвиговъ. Идеаль «брани», преимущественно воспѣваемый въ колядкахъ этого рода, можетъ служить относительнымъ указаніемъ ихъ древности. Критская каланда желаетъ родителямъ, чтобы у нихъ родился сынъ, бравый ѣздокъ.

*Nà séietai, nà luçízetai nà péftη τὸ λογάρι,
Nà τὸ μαζόνου οἱ γι ἄρχοντες nà κάνου δαχτυλίδια,
Καὶ τὰ μικρ ἄρχοντόπουλα μικρὰ παρανυχίδια.*

Въ малорусской колядкѣ (Чубинскій, № 1) мать годуетъ, выправляетъ сына и посылаетъ въ войско, гдѣ, несмотря на ея совѣтъ — держаться позади, онъ выѣзжаетъ напередъ, совершаетъ чудеса храбрости и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя. Такихъ бранныхъ подвиговъ совершаетъ молодецъ малорусской колядки во множествѣ; реальнаго элемента въ нихъ столько-же, сколько въ слѣдующихъ румынскихъ.

Мальчика холитъ мать, одѣваетъ его съ фантастическою роскошью; фантастическія прикрасы одежды, напоминающія

СТИЛЬ НАШЕЙ БЫЛИНЫ О ДЮКѢ СТЕПАНОВИЧѢ, ПОДЪ КОНЕЦЪ ОЖИ-
ВАЮТЪ, СТАНОВЯСЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ И СУЛЯ МАЛЬЧИКУ ВЫСОКУЮ
ДОЛЮ ¹⁾).

Leo-oï-Leo, Dómne-le! ²⁾
Oștile purcesu-mî-aũ,
Dérũ pe unde datu-mî-aũ?
Pe la muma lui [cutare];
Érã muma lui [cutare]
Ea de veste prinsu-șî-a,
'Nainte eșitu-le-a
C'unũ clondirũ
Plinũ de rachiũ,
Cu clondirulũ d'a stãnga,
Cu paharulũ d'a drépta,
Din paharũ numindu-le,
Din gurã grãindu-le:
«Linũ, mai linũ, oștirile
Pên'oiũ gãti pe [cutare],
Cã'i gata, ca și gãtitũ;
Cãci i-amũ croitũ
D'unũ vestmẽntũ,
Vestmẽntũ lungũ
Pînẽ 'n pãmẽntũ.
Creitorũ croitu-l'a,
Zugravũ zugrãvitu-l'a.
Scrisũ mî-e'n spate,
Scrisũ mî-e'n peptũ,
Scrisũ e'n șele,
Scrisũ e'n póle:

¹⁾ Сл. Teodorescu, 95—7.

²⁾ «Ай люди, люди! Войско пошло, куда пришло? Бъ матери (та-кого-то). А его мать спохватилась, на встрѣчу выходила, съ бутылью полной ракин, съ бутылью въ лѣвой рукѣ, съ кубкомъ въ правой, чувствуя по имени, приговаривая: «Тихо, тиге, военные люди, пока я снаряжу (такого-то). Готовъ онъ, снаряженъ, ибо я сшила ему платье, длинное до земли. Портной его шилъ, живописецъ расписывалъ: писано на плечахъ, писано на груди, на лядвяхъ и на полахъ: по обѣимъ сторонамъ

D'améndonë părțile
 Scrisă câmpulă cu florile,
 Éră în cei doi umerii,
 Scrisă cei doi luceferii.
 Jură-pre jurulă póleloră
 Scrisă'i marea turbure
 Cam cu nouë vădurele,
 Éră în nouë vădurele
 Suntă cam nouë corăbiele
 Și stegari cu stegărele,
 Căpitani cu bălăcele,
 Și'mi ascéptă pe [cutare]
 Sě'lu rădice la rangă mare,
 La rangă mare-ală oștiloră,
 Mai mare-ală călariloră:
 Elă sě'mparta lefile,
 Sě dé lefi la lefegii,
     Gălbiori
 La tinereori,
 Postavă roșiă la fustasi,
     Gălbinași
 La boiernași.
 Éră [cutare] ténërulă
 Elă sě'mi fie sănëtosă
     Și cu mamă,
     Și cu tată,
 Și cu noi totă d'a'mpreună.

Описание костюма увлекло пѣсню (если не предположить варьянтъ, напечатанный Teodorescu, нѣсколько искаженнымъ)

писано поле съ цвѣтами, на плечахъ два свѣточа, по полямъ вокругъ— бурное море, а на немъ девять бродовъ; а на тѣхъ девяти бродахъ девять кораблей, знаменники съ знаменами, капитаны съ булавами ожидаютъ (такого-то), чтобы возвести его въ великій санъ, въ великое званіе въ войскѣ, въ большее званіе въ конницѣ, дабы онъ раздавалъ жалованіе стрѣльцамъ, желтое платье тѣмъ, что помоложе, красное сукно фусташамъ, а боярскимъ синкамъ червонцы. — А молодецъ (такой-то) да будетъ здоровъ, съ мамой и татой и со всѣми нами.

къ смѣшенію эпизодовъ: избраніе мальчика въ наибольшіе въ войскѣ исходитъ отъ капитановъ и знаменщиковъ, изображенныхъ на хитро-расписанномъ платьѣ юноши, тогда какъ первоначально онъ исходилъ отъ — войска, являющагося въ началѣ пѣсни и затѣмъ не играющаго въ ней никакой роли. Что дѣло было именно такъ, тому доказательствомъ другая колядка, гдѣ также происходитъ избраніе юноши, на этотъ разъ прямо — царемъ ¹⁾:

Sub zare ²⁾
 De sóre,
 In ostrovü de mare,
 Născut-a,
 Crescut-a
 D'unü verde darvonü,
 D'unü rumenü călinü.
 Susü mî-e frunđa désa,
 Josü mî-e umbra grósă,
 Érü la răděcină,
 La verdea tulpină,
 Pe câmpü mohoritü,
 Oști aü tăbăritü,
 Oști moldovenesci
 Și craiovenesci,
 Multe 'sü muntenesci.

¹⁾ Teodorescu, 65—68. Другая редакція той-же колядки напечатана изъ собранія Minescu въ Poia societatii romanismulu I № 3 р. 163—164. Въ концѣ колядки родители отдають мальчика воинамъ — и слѣдуетъ такое-же фантастическое описаніе костюма, какъ и въ предъидущей.

²⁾ На зарѣ солнца, на морскомъ острову, поднялось, выросло зеленое дерево, румяная калина. Густая листва на верху, внизу густая тѣнь, а у корня, у зеленого ствола, по пунцовому, темному полю она пріютила войска, войска изъ Молдавіи, Крайовыи много изъ Валахіи. Тѣ, что изъ Валахіи, смотрѣли, выспрашивали, отъ брода къ броду, отъ деревни къ деревнѣ, изъ дома въ домъ, отъ стола къ столу, ибо они узнали, удостовѣрили, что у господина (такого-то) есть сынъ, молодецъ (такой-то). — Просятъ (о немъ) бояре наибольшіе: Дай его намъ, отецъ, дай-ко, дай его намъ,

Cele muntenesi
 Ele că'mi cătau
 Și mi'si întrebău
 Totu din vadu
     In vadu
 Și din satu
     In satu,
 Și din casă
     'N casă,
 Și din masă
     'N masă,
 Că mi s'a d'afiatu
 Și s'a 'devăratu
 La domnul stăpănu
 [Cutare] jupănu
 C'are d'unu coconu,
 Coconu pe [cutare].
     Ceru-lu mari boieri:
 Dă-ni'lă, taică, dă-ni'lă,
 Dă-ni'lă, maică, da-ni'lă,
 Căci e bunu de domnu
 Și de mari boieri.
 Tat-său că mi'lă da,
 Dăru mă-sa nu vrea,
 Căci e'nfașiătelu
     Și e mititelu
 De curëndu născutu
     Și nepriceputu:
     Nu scie domni,
     Nici împărați.
 Ceru-lu mari boieri:
 «Dă-ni'lă, taică, dă-ni'lă,

матушка, дай-ко, ибо онъ годится быть господиномъ, годится въ бояре
 набольше. Отецъ отдаеть его, мать не желаетъ, ибо онъ еще въ пелен-
 кахъ, маленький, недавно родился, неразуменъ, не знаетъ править цар-
 ствомъ. Просятъ (о немъ) бояре набольше: Дай намъ его, отецъ, дай-ко,
 отдай намъ его, матушка, отдай-ко, ибо легко править и царствовать:
 пусть смотритъ за своимъ дворцемъ, сидитъ за столомъ, возноситъ кубокъ,
 ѣздятъ верхомъ на добромъ конѣ, изъ царской казны раздаетъ жало-

Dă-ni'lū, maică, dă-ni-lū,
 Că-i lesne-a domni
 Și d'a 'mpărăți:
 De curte sē 'și vędă,
 La mēsă sē'mi sędă,
 Paharū sē rădice,
 Calū bunū sē'ncalice,
 Din cula domnēsă
 Lefuri sē'mpărtēsă,
 Lefi la lefegii,
 Spade la spahii,
 Arme la armași,
 Cai la călărași».

Ténérulū [cutare]

Fie'mi sănētosū,
 Cu taică,
 Cu maică,
 Cu frați,
 Cu surori,
 Și cu noi cu totii,
 L'anulū, la multī anī.

Сл. болгарскую колядку (Жачановскій № 21):

Собразисе три краљеве,
 И се молили на единъ човѣтъ:
 «Имашь момче-златна коса,
 Ты пушти намъ го, царь да намъ баде.

Отець отвѣчаетъ:

Не умѣ на краљство да варди,
 Не умѣ войско да си стега.

Все это будутъ за него дѣлать три короля:

«Еденъ ште му войска реди,
 Еденъ ште му стеги стега,
 Еденъ ште му на стуль сѣды,
 На стуль сѣды, да му реди».
 И пуштнѣ го, царь станало.

ванье стрѣльцамъ, сабли снахиямъ, оружје — оруженосцамъ, коней — конникамъ. — Да будетъ здоровъ мальчикъ (такой-то) съ отцемъ и маткой, съ братьями и сестрами и со всѣми нами, въ этомъ году и на многія гѣта!

Мальчикъ, которому съ молодю сулятъ такую блестящую будущность, будетъ храбрецомъ, богатыремъ: новый поводъ колядовщикамъ выразить свои рождественскія пожеланія въ формулахъ балладной пѣсни. Въ одной колядкѣ ¹⁾ *Mîrcea-Vodă* завлекаетъ къ себѣ обманно девять (крестовыхъ) братьевъ, а съ ними десятого, ихъ атамана (*vătaful*), который совѣтуетъ своимъ не отдавать лошадей, оружія и обуви, когда явятся ко двору, а всё держать при себѣ. Тѣ не вняли совѣту, одинъ лишь атаманъ пьетъ стоя, съ оружіемъ за поясомъ, съ конемъ въ поводу. Когда *Mîrcea-Vodă* велитъ притворить двери и убить пришельцевъ, атаманъ высадилъ мѣдныя двери, рубитъ привратниковъ и слугъ — а воевода кричитъ ему: пусть не проливаетъ крови, не рубитъ прислужниковъ, потому что — здѣсь рождественская пѣснь вступала въ свои права и совершалось приуроченіе посторонней пѣсни къ циклу — потому что они иногда понадобятся тебѣ и мнѣ въ великодни, въ день Рождества и Крещенія и т. д. — Да будетъ здравъ атаманъ такой-то и т. д.

Другая колядка рассказываетъ о томъ, какъ молодець добылъ себѣ, состоя на службѣ у *Negru-Vodă*, боеваго коня. Имя *Negru-Vodă*, распространенное въ народныхъ преданіяхъ, произвольно замѣняется и другими ²⁾.

D'in curte ³⁾
 D'in curte
 La Domnū Negru-Vodă,
 Mi-e unū calū legatū.
 Dér eî nu'mî e legatū,
 Ci mî-e priponitū
 Cu priponū d'argintū
 Şi pe elū mi'lū ține

¹⁾ Teodorescu 99—102.

²⁾ l. с. 68—71.

³⁾ «Во дворѣ господара *Negru-Vodă* привязанъ конь, не привязанъ, а припунанъ серебряною путой, держать его пять конюховъ, двое за узду, двое за бѣлья стремена, а пятый, красивенькій, треплетъ его по хребту,

Vro cincî aprodiori:
 Doi de dîrlogei,
 Doi de dalbe scări;
 Celü d'alü cincilea
 Frumuşelü mi'lü bate,
 Mi'lü bate
 Pe spate
 Şi mi'lü netezesce
 Şi mi'lü potrivesce
 Cu cioltarü de firü,
 Ciucuri d'ibrişinü,
 Ciucuri de argintü
 Lungî pënë'n pământü.
 Domnulü Negru - Vodă
 Afară'mi eşia,
 Calulü mi 'şi vedea
 Ş'ast-felü întreba:
 «Alü cui e astü calü,
 Tênerü, bidiviu,
 Cu cioltarü de firü,
 Ciucuri d'ibrişinü,
 Ciucuri de argintü,
 Lungî pënë'n pământü?»
 Tênerulü [cutare]'
 Din gură 'mî graia
 Şi mi 'i răspundea:
 «O Dómnne, o Dómnne,
 Alü meü e astü calü,
 Căci scii ai nu scii

гладеть, прилаживаеть на немъ цвѣтную попоу съ шелковой и серебряной бахрамой, доходящей до земли. — Выходилъ господарь Negru-Vodă, увидѣлъ коня, такъ спрашивалъ: Чей этотъ конь, молодой, арабской породы, съ цвѣтною попоной, съ бахрамой шелковой и серебряной, доходящей до земли? Такъ говорилъ въ отвѣтъ молодець (такой-то): Мой этотъ конь, господинь. Помнишь-ты или не помнишь, какъ ты когда-то послалъ меня къ одному великому королю, чтобы снести ему голову? А великій король, выйдя со свитой, лишь только меня увидѣлъ, заблагоразсудилъ посадить меня за столъ, угостить и подарить мнѣ

Cându m'ai fostü tramisü
 La unü mare craiü
 Capulü së i-'lû taiü?
 Êrü marele craiü,
 Viindü cu alaiü,
 Déca m'a vëdütü,
 Bine i-a pärutü:
 La mésä m'a pusü,
 Şi m'a ospëtatü,
 Şi m'a dărütü
 Cu-astü calü bidiviü.
 Frumösa cräieşa,
 Mändrä şi alésä,
 Déca m'a vëdütü,
 Bine i-a pärutü:
 La mésä m'a pusü
 Şi m'a ospëtatü,
 Şi m'a dărütü
 Cu cioltari de firü.
 Dalbii coconasi,
 Dalbi şi drägälaşi,
 Déca m'ai vëdütü,
 Bine le-a pärutü:
 La mésä m'ai pusü
 Şi m'ai ospëtatü
 Şi m'ai dărütü
 Cu ciucari de firü,
 Ciucuri d'ibrisinü,
 Ciucuri de argintü

этого арабского коня. Прекрасная королева, гордая, величественная, лишь только увидѣла меня, заблагоразсудила посадить меня за столъ, угостить и подарить цвѣтной попоной. Бѣленькiе королевичи, бѣленькiе, миленькiе, лишь только увидѣли меня, заблагоразсудили посадить меня за столъ, угостить и подарить бахромой цвѣтной, шелковой и серебряной, доходящей до земли.—Какъ усмьшалъ это Negru-Vodä, такъ сказалъ: Коли онъ его (коня) далъ тебѣ, да будетъ твой во вѣки! — Молодецъ (такой-то) да будетъ здоровъ съ братьями, съ родителями, со всѣми вкупѣ!

Lungi pène'n paméntü» ¹⁾.
 Domnulü Negru-Vodă
 Déca 'mî anġia,
 Ast-felü ũi grăia:
 «De ũi l'a datü ũie,
 Dăruitü sē 'ũi fie,
 Fie 'ũi spre vecie».
 Tēnērulü [cutare]
 Fie 'mî sänētosü и т. д.

Изъ былевой пѣсни, воспѣвавшей вмѣстѣ съ соколомъ и его вѣрнаго товарища — коня, тотъ и другой переселились въ колядку. Вмѣстѣ съ ними и охотничій соколъ. Символь сокола, какъ хищной, быстрой, но и какъ охотничьей птицы — обыченъ въ южно-славянской, румынской и русской народной поэзiи; интересны, какъ показатели древности именно тѣ обороты, гдѣ онъ является въ послѣднемъ значенiи: поэтический образъ пережилъ нѣкогда распространенный обычай, удержавшись въ памяти лишь въ силу пѣсенной косности. Таковы, изъ цѣлаго ряда сравненiй, заимствованныхъ отъ сокола въ Словѣ о полку Игоревѣ, образы соколовъ, напускаемыхъ на стадо лебедей, сокола «въ мытехъ»; въ былинахъ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ — «охотничекъ-сокольникъ» выѣзжаетъ на конѣ,

У коня изо рта пламя пышетъ,
 Изъ ушей у коня кудревь дымъ валить;
 Изъ подъ стремени борзой вышлецъ выскакиваетъ,
 У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ ²⁾,

¹⁾ Чубинскiй, l. с. колядки № 13.

Тп-жь, пане козаченьку, да ідь до короля,
 Да ідь до короля, позивать сокола.
 Дастъ тобі король червоную короговь,
 А короліха — полумисокъ червонцівъ,
 А короленко — вороного коня,
 А королівна — зъ підъ злота хусточку.

²⁾ Сл. Рыбв. III № 14 и другіе варианты той-же былинны.

какъ молодецъ слѣдующей румынской колядки является на конѣ, съ соколомъ на плечѣ и гончимъ псомъ, который названъ въ началѣ и далѣе не играетъ никакой роли, потому что всё дѣйствие сосредочивается на конѣ и соколѣ. Оба отличаются быстротою; недаромъ во французскомъ эпосѣ быстрый конь сравнивается съ соколомъ, а румынская колядка заставляетъ того и другого состязаться въ бѣгѣ.

Молодой Мануилъ (Manole) холитъ гончаго пса, веницейскаго сокола и — коня, котораго кормить и поить

Totü cu fëñü tocatü
 Și cu ordü pisatü
 De vëntü vënturatü,
 Cu apă
 Din nästrapă. ¹⁾

«рубленнымъ сѣномъ, толченымъ ячменемъ, провѣяннымъ вѣтромъ, водой изъ кубка»). Когда соколъ упрекаетъ его, что онъ ѣсть и пьетъ задаромъ, такъ какъ не можетъ поспорить съ нимъ въ быстротѣ, конь жалуется хозяину на самохвала, и Манойло отводитъ ихъ для состязанія въ далекое поле,

La câmpulü curatü,
 De toți lädatü,
 Unde se totü batü
 Douï vulturi în cerü
 P'unü fulgü d'aurelü.

(«въ чистое поле, всѣми прославленное, гдѣ два ястреба бьются въ небѣ изъ за золотого пушка»). Конь перебѣжалъ ястреба, увлекшагося на пути охотой за малыми птишками и являющагося къ хозяину съ повинной головой: пусть казнить его. Не казни

---

¹⁾ Вильгельмъ Оранскій обѣщаетъ своему Volantin: Ne menjassiez d'orge, si fust parez, II fois ou III o le bacin colez, Et li forrages fust gentil fein de prez, tot esleuz et en seson feruz, Ne bëussiez s'en vessel non dorez.

его, вступается конь: онъ понадобится тебѣ въ великодни, о Рождествѣ и Крещеніи:

La curte de'i merge
 Cálare pe murgulü,
 Pe umeri cu zioimulü

(«когда поѣдешь ко двору верхомъ на воронкѣ, съ соколомъ на плечѣ»); увидить это господинъ, поблагодарить и одарить тебя ¹⁾).

Товарищество коня и сокола нерѣдко встрѣчается въ румынскихъ колядкахъ и пѣсняхъ ²⁾; ихъ состязаніе въ бѣгѣ еще и въ мордовской ³⁾, указывающей въ свою очередь на какой-нибудь русскій источникъ. Ему-ли, или передѣлкѣ, принадлежить сказочное освѣщеніе дѣйствія, это придется оставить вопросомъ.

Возлѣ моря,
 На крутомъ берегу,
 Серебряный столбъ;
 Въ столбъ вбито
 Золотое кольцо,
 Къ кольцу привязанъ
 Карій конь,
 На столбѣ
 Ясень соколъ.
 Соколъ съ конемъ
 Спорять, тягаются.
 О чемъ они
 Спорять, тягаются?
 Конь говорить:
 «Земля широка, велика!»
 Соколъ говорить:
 «Небо высоко, велико!»
 Конь поскакалъ
 Вокругъ земли,
 Мокрыми мѣстами,

¹⁾ Teodorescu p. 111—115.

²⁾ Teodorescu, l. c. стр. 113, прим. 1.

³⁾ Образцы мордовской народной словесности l. c. стр. 159, 161.

Между кочками,
 По кочкарнику;
 Соколы полетѣль
 По поднебесью,
 За густымъ облакомъ,
 Сквозь зарю.
 Который поспѣеть
 Къ тому столбу,
 Къ золотому кольцу,
 Тотъ пусть будетъ
 Землю держащій,
 Народъ кормящій.
 Конь вернулся,
 Конь поспѣль
 Къ тому столбу,
 Конь сталь
 Землю держать,
 Народъ кормить.

Другую группу параллелей вызываетъ румынская колядка:
 о спорѣ, бесѣдѣ молодца съ своимъ конемъ ¹⁾: въ саду стоитъ
 привязанный къ столбу вороной, и хозяинъ поощряетъ его —
 постоять и потучнѣть: онъ хочетъ продать его

Pe care de grâu,
 Şi pe buţi cu vinu,
 Tencuri de postavu,

чтобы было молодцу на что сыграть свадьбу. Конь не знаетъ,
 отчего на него такая напасть; за нимъ всего одна вина:

De cându ne băteamu
 Intr'alu Marii prundă
 Cu Turcii,
 Cu Frâncii,
 Frâncii ne'nfrângeaŭ,
 Turcii ne băteaŭ,

---

¹⁾ Teodorescu, l. c. стр. 88—91.

'N Mare ne băgaŭ,
 Mulți că se'necaŭ.
 Eŭ amŭ înnotatŭ,
 Marea'n lungŭ și'n latŭ.
 D'asta'sŭ vinovatŭ:
 Că m'amŭ'pedicatŭ
 D'ua péna
 De mréna
 Și că ți-amŭ udatŭ
 Pólă de caftanŭ,
 Colțŭ de posunarŭ.
 Déru m'amŭ bisuitŭ
 La malŭ d'amŭ eșitŭ:
 Din nări c'amŭ suflatŭ,
 Tóte le-amŭ svéntatŭ,
 Nimicŭ n'amŭ stricatŭ.

(«Когда мы бились на морскомъ берегу, съ Турками и Франками, Франки насъ разгромили, Турки разбили, побросали насъ въ море, гдѣ многіе потонули — я поплылъ по морю, вдоль и поперекъ. Однимъ я виновенъ: запнулся о (плавательное) перо мурены и замочилъ полу твоего кафтана, край твоего кармана. Но я надѣялся на себя: выйдя на берегъ, осушилъ ихъ дуновениемъ моихъ ноздрей и ничѣмъ не попортилъ»). — Но хозяинъ успокоиваетъ коня: онъ хотѣлъ — лишь испытать его; а конь отвѣчаетъ:

Maŭ m'ai ispititŭ
 Anŭ la Bobotéză
 Cu cincŭ-deci de cai,
 Toți cai potcoviți.
 Eŭ, nepotcovitŭ,
 Silă mŭ-amŭ făcutŭ,
 'Nainte amŭ eșitŭ,
 Fală ți-amŭ făcutŭ
 Tie de voinicŭ,
 Mie de calŭ bunŭ!

(«Ты еще испыталъ меня на прошломъ Крещеніи, въ запуски съ пятнадцатью конями, подкованными. Я, неподкованный, при-

натужился, напередъ прибіжалъ, тебѣ честь сдѣлалъ, какъ храбрцу, себѣ, какъ доброму коню»).

Существуетъ нѣсколько малорусскихъ колядокъ того-же содержания и сходнаго изложенія: сл. Чубинскій, Нар. Дневн., колядки №№ 19 и 39 съ вариантами, Головацкій, I. с. IV, стр. 43—5, №№ 14—16, стр. 127, № 1, по которымъ почти возстановляется текстъ, близкій къ румынскому: въ саду, въ виноградѣ, либо подъ калиною, Микита, или козаченько говоритъ съ своимъ конемъ: Продамъ я тебя за великую цѣну, за сто червонцевъ,

За бочку вина, за другу пива

(Чуб. № 39 В).

Не продавай меня, отвѣчаетъ конь:

Издумай, пане, свою пригоду,

А мою выгоду:

Ябъ насъ Турки за Дунай загнали,

Більшъ потопали, якъ виринами.

А ти, мій пане, и чоботка не вмочивъ,

Ні чоботка, ни стременичка,

Ні стременичка, ни сиделочка

(№ 39, А)

Ні поли жупана, ни чоботка сап'яна

(№ 39, В)

«Я тебѣ молодого по вершечку нійсь» прибавляетъ одинъ вариантъ (Б); въ 19 А и 39 В и въ галицкихъ пересказахъ на ряду съ Турками являются и Татары, — какъ въ румынской пѣснѣ Франки; въ неизданной пока бѣлорусской¹⁾ враги вовсе не названы:

Ци дома, дома самъ панъ господарь?

Светы вечарь! ²⁾

¹⁾ Изъ собранія Шейна, пѣющаго бытъ напечатаннымъ въ изданіяхъ 2-го Отд. Имп. Ак. Наукъ. Сл. Метлинскій, стр. 337.

²⁾ Припѣвъ, повторяющійся послѣ каждаго стиха.

Нема дома, у новой стайни
 Коня сѣдае,
 Съ конемъ разговляе
 Коню, коню, продамъ я тебе
 За триста злотыхъ,
 За три червонныхъ.
 «Якъ были мы
 У чужой земли,
 За нами стрѣлы
 Якъ громъ гримѣли,
 За нами були
 Поле орали.
*Якъ я скачѣю,
 Мора пираскачѣю,
 Ни замачивъ я копытка,*
 Ни хвоста свойго
 Шовковаго,
 Ни свойго пана
 Молодзенькаго,
 Ни сѣделечка.
 Узяли мы ясную стрѣлку,
 Красную дзѣвуку.

Элементы этой колядки вошли въ другую, бѣлорусскую-же, также неизданную и, очевидно, сводную: молодець хвалитса своимъ конемъ, послѣ чего непосредственно слѣдуютъ стихи:

*Кониъ скачѣю, мора пираскачѣю,
 Копытика ни замочѣю,*

а далѣе идетъ другой сюжетъ (сл. также у Безсонова, Бѣлор. пѣсни, колядки №№ 118 и 122). Такое-же соединеніе «похвальбы конемъ» и «бесѣды коня съ молодцемъ» встрѣчается и въ одномъ изъ указанныхъ выше малорусскихъ вариантовъ, Чуб. 19, А: бесѣдѣ коня съ паномъ предшествуетъ похвальба послѣдняго передъ королемъ:

Нема въ короля такого коня —
 У мого коня золота грива,
 Золота грива, срібни копита,

Срібни копита, шовковий хвостикъ,
Шовковий хвостикъ, очи тернови,
Очи тернови, вушка листови.

Мотивъ «похвальбы» попадаетъся и отдѣльно (Чуб. № 39 Г и 20; сл. №№ 21 и 27: Вицѣтавъ коня та зъ-підъ короля; Головацкій, IV, № 26, стр. 52; № 33, стр. 58—9; № 5, стр. 546), но намъ интересно было-бы опредѣлить его мѣсто въ колядкѣ, главное содержаніе которой исчерпывается мотивомъ «бесѣды». Не слѣдовалъ ли за похвалой — бѣгъ въ запуски? Нашъ Иванъ Гостиный сынъ также похваляется на пиру у князя Владимира своимъ бурушкой; какъ въ греческой пѣснѣ ¹⁾ Константинъ передъ королемъ: тамъ и здѣсь слѣдуетъ бѣгъ. О немъ говорится эпизодически и въ нашей колядкѣ, онъ далъ сюжетъ румынскимъ и болгарскимъ ²⁾ святочнымъ пѣснямъ; малорусскія (Чуб. №№ 31 и 22; Головацкій, II № 20, стр. 66—7; IV, № 1, стр. 35; №№ 12—13, стр. 42) сохранили память о какомъ-то бѣгѣ, въ которомъ потонуло стадо коней и съ ними чудесный конь, описанный такими-же чертами, какъ въ указанныхъ выше пѣсняхъ.

Половянку бѣлорусской колядки и загадочныхъ «Франковъ» румынской, давшихъ поводъ къ интереснымъ соображеніямъ Teodorescu, мы встрѣтимъ въ слѣдующей румынской колядкѣ, которую я привожу цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что она вызоветъ новыя параллели къ русскому эпосу ³⁾.

Colea 'n vadulū Brailei ⁴⁾
Florile dalbe-le de mărū!
Sede [Négoie] călare

¹⁾ Kind, Anthologie neugriechischer Volkslieder, стр. 64.

²⁾ Toeilescu, l. c. I, № 3, стр. 123 слѣд.; Безсоновъ, Болг. пѣсни, № LXIII.

³⁾ Teodorescu, 77—80.

⁴⁾ «Тамъ на бродѣ у Браилы — Бѣлыя яблоневыя цвѣты! — сидитъ Négoie верхомъ на конѣ, желтомъ какъ овсянка; его сѣдло залито зо-

P'unü calü galbenü grängorelü:

Şéna 'i nóta 'n aurelū.

Cu fréulü cu stragăliä,

Cu biciulü cu măciuliä,

Şéde 'n apă

Péné 'n sapă

Şi 'n noroiü péne 'n genuchie,

Şi se bate cu Turcii,

Cu Turcii

Şi cu Frâncii,

Turci sê ié vadurile

Şi Frâncii corabile.

Se luptarä,

Le luarä

Şi'mi trecurä 'n alta ţerä,

'N altä ţerä, 'n Moldova,

Şi de Domnū se ruga

Şi'i de'tera sê robescä.

Se rugase

Şi i-o dase,

Şi robi elü în trei ðile

În trei ðile în trei plénuri.

Plénü întăiu ce mi'şi robia?

Totü junei

D'ei tinerei,

Tinerei fär' de mustăti,

Falnici şi rumeni la faţă.

лотомъ; съ желѣзами на уздечкѣ, съ шипками на бичѣ, онъ сидитъ въ водѣ по лошадиный задъ, въ грязи по колѣна (варианты: въ крови по щиколку, по копыто), бьется съ Турками, съ Франками. Турки (бьются), чтобъ занять броды (вар.: порты), Франки — корабли. Бились они, взяли ихъ и перешли въ другую землю, землю Молдаванскую. Просить (онъ) у господара, чтобъ онъ далъ ему другую землю, гдѣ-бы ему пограбить; спросилъ онъ, и ему дали, а онъ началъ половить въ теченіи 3-хъ дней, въ три дня взялъ три полона. Что половилъ онъ въ первый коловъ? Молодыхъ безусыхъ юношей, полнолицыхъ, румяныхъ лицомъ. Что половилъ онъ во второй коловъ? Молодыхъ женъ, по ребенку у каждой. Что половилъ онъ въ третій коловъ? Взрослыхъ дѣвушекъ, съ монетами

Plénũ alũ doilea ce-și robia?
 Neveste de câte-unũ pruncũ.
 Plénũ alũ treilea ce-și robia?
 Fete mari cu bani pe capũ.
 Mergũ junei șuierândũ,
 Nevestele prunci saltândũ,
 Fete-mari totũ hori jucândũ.
 Cam pe urma tuturorũ
 Vine [Jita] smediórã.
 Pésã'i capulũ de parale
 Urechiusi
 De cerceluși
 Și gâtulũ de mãrgeluși,
 Degețele
 De inele.
 Érũ [Négoie], fétũ-frumosũ,
 Elũ din gura cã'i grãia:
 «Taci (Jito), nu mai plãngeã:
 Nu te ducũ robã s'e'mi fi,
 Ci te ducũ Dómnã s'e'mi fi,
 Dómnã mie, curtilorũ,
 Și norã pãrintilorũ,
 Cumnãticã frațilorũ,
 Stãpãnã argațilorũ».
 Tóte cã i-le spunea,
 Dérũ dënsa ne le credea:
 Fatã albãși sgúriia,

на головѣ. — Молодцы идутъ, посвистываютъ, молодые жены попрыгиваютъ, взрослые дѣвушки хоромъ водятъ. — Почти позади всѣхъ идетъ смугленькая Жнца, голова у ней обременена монетами, уши серьгами, шея жемчугомъ, пальцы кольцами. Говоритъ ей Négoie, красивый парень: «Перестань, Жнца, не плачь, не для того тебя веду, чтобы быть мнѣ рабой, а чтобы быть госпожней, мнѣ и дому, снохой родителямъ, золовкой братьямъ, хозяйкой работникамъ». Что онъ ей ни говорилъ, она не вѣрила тому: царапала себѣ бѣлое лицо, рвала бѣлокурные волосы. Какъ увидѣлъ онъ это, бралъ на руки, садилъ въ повозку (фаэтонъ въ подлинникѣ, несомнѣнно, подковленіе), везъ къ родителямъ и съ нею повѣчался. Лишь тогда она ему повѣрила. — Здравія этому дому и т. д.

Pêrulü galbenü își smulgea.
 Elü, așa
 Déca vedea,
 In brațe că mî-o lua
 Și'n fătonü că mî-o punea,
 La părinti că mî-o ducea,
 Și cu ea
 Se cupuna:
 Tocm atunci că'lü credea.
 Sănătate 'n céste case и т. д. ¹⁾

Битва съ Турками и Франками, можетъ быть, та-же, о какой поетъ предъидущая колыдка: и тамъ и здѣсь бой идетъ у моря (сл. vadurile, corăbile) ²⁾; неясно, о комъ говорится, что

¹⁾ Иначе разрѣшается участь полонянки въ малорусской пѣснѣ XVI вѣка, переизданной, съ комментаріями, Потебней, Филологическія Записки 1877, II, стр. 1—53; сл. *ibid.* великорусскій варьянтъ, стр. 31—2; бѣлорусскій въ «Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсней» того-же автора, Русск. Филол. вѣстникъ 1882, II, стр. 237—8, прим. (Сл. тамже, стр. 236, русскую масляничную пѣсню, сообщенную г-жей Кохановской). Въ малор. пересказѣ «три роты» стоятъ на Дунаѣ: Турецкая, Татарская и Волошская:

В Турецкій мѣ ротѣ саблями шермю,
 В Татарскій мѣ ротѣ стрѣлками стрѣляю,
 В Волошскій мѣ ротѣ Штефанъ воевода,
 В Штефановій ротѣ та дивонька плачетъ.

Въ великор. пѣснѣ три роты: первая — «то Донскіе казаки», вторая пронесла знамена, въ третьей молодець уговариваетъ дѣвушку не плакать. Бѣлор. варьянтъ знаетъ, вмѣсто ротъ, «палкі»:

Ой да ў першюм палку конікі і ржудь,
 А ў другоом палку малуойды пеюць,
 А ў трейцюом палку дзеўчина плаче.

Сл. соответствующій параллелизмъ румынской колыдки.

²⁾ «In vadulü Brailoi. Въ одной румынской балладѣ (Alecsandri, Poesiï populare ale Romanilor. 1867 № XXXII стр. 124 слѣд.: Badiul)

они перешли «въ молдаванскую землю», и кто тотъ «господарь», котораго Négoie просить указать ему «другую землю», гдѣ бы онъ могъ пограбить. Внутренняя связь обѣихъ колядокъ, говорящихъ о бояхъ съ Турками и Франками, представляется вѣроятною. Имя послѣднихъ Teodogescu толкуетъ такимъ образомъ: Франками вообще назывались на востокъ западные люди латинскаго обряда, особливо Венеціанцы, участіе которыхъ въ основаніи латинской имперіи въ Царьградѣ (1202) открыло имъ торговые пути на востокъ, на Черное и Каспійское моря; позднѣе, по возстановленіи Палеологовъ (1261) — Генуэзцы, отгнѣсившіе Венеціанцевъ и забравшіе въ свои руки торговлю съ Татарами, съ Азовскимъ моремъ и Крымомъ, гдѣ ими основана Кафа, съ портами и городами по западному и восточному берегамъ Чернаго моря до самаго Константинополя: Киліей, Сулиной, св. Георгіемъ, Констанцой, Мангаліей, Варной и др.; наконецъ съ Румынскими землями: въ Сучевѣ, древней столицѣ Молдавіи, у нихъ было поселеніе и своя церковь¹⁾. «Когда, такимъ образомъ, наши предки находились въ тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ такъ называемыми Франками; когда извѣстно, что при Иваничѣ Румыно-болгаре вели большія войны съ Франками, усилившимися въ Константинополь; когда постоянныя стычки и жестокая борьба обагрили кровью страны, непосредственно

встрѣчаются снова загадочные Франки въ связи съ Браилой: на Дунай, у моря, лодья, въ ней

Era Capitan-Paşa,
Baş Ağa-o Turcilor,
Măcelarul Frâncilor,
Cu cincî-şeci de braileni,
Şi cincî-şeci de bosnieni,
Braileni din Brăila,
Bosnieni din Bosnia.

Сл. прим. издателя (въ выраженію: Măcelarul frâncilor) на стр. 127.

¹⁾ Сл. объ этомъ сомнѣніи Бруна, Черноморье I, 222.

сосѣднія съ Румыніей и отчасти наши собственныя владѣнія; когда Бранковянъ клалъ свои капиталы въ венеціанскій банкъ, а римскіе папы поощряли и прославляли побѣды румынскаго оружія, начиная съ Стефана Великаго до храбраго Михаила, потому что они защищали Христіанъ отъ магометанскаго ятагана и покровительствовали итальянской торговлѣ на востокѣ: не можетъ быть никакого сомнѣнія, что народныя колядки поминаютъ именно эти давнія событія, когда говорятъ о *битвахъ Турковъ съ Франками* ¹⁾. Но о битвахъ Турковъ съ Франками не знаетъ ни одна изъ упоминающихъ ихъ колядокъ, а лишь о боѣ съ тѣми и другими — третьяго лица, героя пѣсни. Теодореску ²⁾ старается помирить ихъ заявленіе съ своимъ толкованіемъ, когда говоритъ о битвахъ Франковъ съ Турками, отъ которыхъ *пострадало* румынское населеніе (*Frâncii ne'nfrângeaï, — Turcii ne bâteaï*). Ихъ (очевидно, приморское) приуроченіе онъ не рѣшается опредѣлить, считая возможнымъ приблизительно указать на эпоху воспѣваемыхъ въ колядкахъ событій: начало второй половины XV вѣка ³⁾. Завоеваніе Турками Константинополя (1453) нанесло ударъ генуэзской торговлѣ на всемъ востокѣ; генуэзцы были разбиты при Амасрѣ; мѣнѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяць всѣ ихъ колоніи въ Тавридѣ подпали подъ иго завоевателей. Такова — историческая подкладка — битва Франковъ съ Турками; если Теодореску ⁴⁾ упоминаетъ въ этой связи о вторженіи Турецкаго войска въ Молдавію (1452) и побѣдоносномъ отраженіи его Стефаномъ Великимъ, — то, очевидно, онъ въ этомъ смыслѣ понялъ загадочныя для меня слова колядки:

Se luptară,
Le luară
Și'mî trecură 'n altă țeră,
'N altă țeră, 'n Moldova.

¹⁾ Teodorescu, l. c. p. 87—8.

²⁾ l. c. 93.

³⁾ l. c. 94.

⁴⁾ l. c. 92.

Но колядка — не лѣтописный памятникъ, отъ котораго можно ожидать раздѣльной памяти о событіяхъ, сплывающихъ, по неизвѣстнымъ намъ законамъ творчества, въ синтезъ народной пѣсни. Что въ этомъ синтезѣ интересуеъ насъ наиболее — это память о «Франкахъ», подтверждающая толкованіе сходнаго термина, предложенное нами по поводу русскихъ былинъ ¹⁾.

Послѣднимъ изъ итальянскихъ поселеній въ Тавридѣ сдался Туркамъ — Судаку, Сурдаку, Сураку; Soldadia, Soldaia, Sodaia итальянскихъ извѣстій, Шолтадія Эдриси; древняя Сугдея или Сугдая, русск. Сурожъ. — Основанный, по преданію въ 212 году, онъ уже съ конца VII-го столѣтія былъ мѣстопребываніемъ архіепископа, зависѣвшаго отъ цареградскаго патріарха; и во второй половинѣ слѣдующаго вѣка имѣлъ своего, мѣстнаго святаго, не находящагося въ греческихъ святцахъ: Стефана, архіепископа Сурожскаго, между чудесами котораго находится извѣстная загадочная легенда: о пришествіи русскаго князя «бранлива» (Бравлинъ, Бравалинъ, Бравленинъ), полонившаго всю страну отъ Корсуни до Керчи. Связи съ Византіей не прерывались и при временномъ владычествѣ Хазаръ и Половцевъ, сдѣлавшихъ Сурожъ землей «незнаемой» для Руси (Слово о Полку Игоревѣ); не порвало ихъ и болѣе устойчивое иго Татарь, овладѣвшихъ Сурожемъ въ 1223 году и вторично въ 1239-мъ. — Позднѣе венеціанцы и генуэзцы оспаривали другъ у друга обладаніе имъ; Турецкое завоеваніе застало его въ рукахъ итальянцевъ.

Торговое значеніе Сурожа засвидѣтельствовано для древней поры арабскимъ названіемъ Чернаго моря — Судакскимъ и русскимъ именемъ *Сурожанъ* для купцовъ, торговавшихъ въ Сурожѣ, либо набѣзжавшихъ оттуда, преимущественно торговцевъ шолкомъ; *суровскій* (вм. сурожскій) рядъ, *суровскіе* товары сохранили до поздняго времени слѣды этой древней популярности. Когда въ пер-

¹⁾ См. мои Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, в Arch. f. slav. Philol. III, стр. 570—73. О Сурожѣ: Матеріалы для исторіи Сугдеи, у Бруна, Черноморье II, стр. 120 слѣд.

вой половинѣ XIII вѣка Генуэзцы основались въ Каффѣ, и русская торговля перешла туда изъ Сурожа, названіе Сурожанъ, какъ нарицательное, перенесено было и на итальянскихъ купцовъ. Рядомъ съ нимъ должно было быть извѣстнымъ и другое, аналогическое съ румынскимъ «Frâncii»: Frenk, Ferenk, Felenk — такъ называли крымскихъ Генуэзцевъ Татары и Турки; въ русской перегласовкѣ: Пленко; Пленко изъ Сурожа, отецъ Чурилы Пленковича; и самъ Чурило — представители романской этнографической особи въ циклѣ пріѣзжихъ богатырей, которыми русскій эпосъ окружилъ князя Владимира ¹⁾.

Еще и другаго Суроженина знаютъ былины: молодого Суровца—Суздальца, т. е. Судальца или Сугдальца (сл. Сугдая, Судакъ и др.), но что поется о немъ ²⁾ можетъ дать поводъ предположить въ немъ представителя древняго, до-итальянскаго Сурожа. Мы знаемъ враждебныя отношенія этого города къ Татарамъ. И вотъ пѣсня поетъ объ «охотничкѣ Суровцѣ», «богатомъ Суздальцѣ», какъ онъ выѣхалъ на охоту и долгое время ѣздилъ, не находя добычи, пока не наѣхалъ на дубъ, на которомъ сидѣлъ воронъ ³⁾. Онъ собирается стрѣлять въ него,

¹⁾ Имя Чурилы я объяснилъ (Beiträge I. c. 573—4) особымъ произношеніемъ Κούριλλος = Коуриль. Тажимъ же образомъ χύρ, χυρά (χύριος, χυρία) дали: чуръ (I. c. 574), цуръ и исказились въ «зара» Марина заговора = χυρά (сл. Разысканія II стр. 101). Сл. въ новогреческихъ диалектахъ: τσιουρά = χυρά (Аѳины), dzir и dzùri, dzirà и (niko)dzurà: χύρ, χυρά у Цаковцевъ.

²⁾ Къ былинамъ о немъ, которыми я пользовался въ указанной выше статьѣ (Кир. I, 3, p. 107—112 = № 1 и 2; ib. Приложенія, стр. VIII—X; I, 4 p. XXVIII—XXIX = № 3) слѣдуетъ присоединить еще и напечатанную по сборнику Мордовцева и Костомарова у Тихонравова, Лѣтописи IV, Матеріалы p. 12—14 = № 4.

³⁾ Фантастическое описаніе ворона (и дерева) въ минусинскомъ изводѣ былины напомнило мнѣ (сл. Beiträge I. c. p. 591, прим. 1) — разувереннаго ворона въ нѣмецкой повѣсти объ Освальдѣ. — Аналогическихъ описаній можно-бы указать нѣсколько. Сл. въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ такую-же подробность о соловьѣ: Ich würde all eur

а воронъ вѣщаетъ: пусть не стрѣляетъ, эта добыча не по немъ, а есть лучшая: тамъ въ чистомъ полѣ, въ зеленыхъ лугахъ переправляется черезъ рѣку съ своею ратью татарскій царь Курганъ (Курбанъ, Кумбалъ). Съ нимъ и вѣдается Суровець: либо побиваетъ Татаръ, и царь принужденъ просить у него пощады, либо вѣдается съ нимъ въ единоборствѣ, послѣ чего они расстаются мирно. Если сопоставить этотъ мотивъ съ татарскими отношеніями Сурожа, возможно предположить, что пѣсня о Суровцѣ сложилась на основѣ событій, ознаменовавшихъ исторію города въ первой половинѣ XIII вѣка.

Память о «Суровцѣ-Суздальцѣ» сохранилось въ небольшомъ циклѣ былинъ, обособленныхъ отъ общаго движенія эпоса, стремившагося группироваться вокругъ Кіева и Владимира. Память о «Франкахъ» дошла до насъ въ румынскихъ колядкахъ; вѣроятно, и объ нихъ ходили особыя пѣсни, но онѣ исчезли, какъ таковыя, и сохранились лишь подъ покровомъ пѣсни обрядовой. Такихъ древнихъ отголосковъ древней народной лирики и эпоса слѣдуетъ искать именно въ обрядовой пѣснѣ, свадебной или колядной, открывавшихъ, въ извѣстныхъ своихъ отдѣлахъ, доступъ подобнымъ влияніямъ, и простиравшихъ на приставшіе къ нимъ пѣсенные мотивы охранительную руку консервативнаго обряда. Являю въ виду пѣсни балладнаго характера, являющіяся въ числѣ свадебныхъ, и весь святскій отдѣлъ колядокъ. Отъ изученія тѣхъ и другихъ могутъ получиться откровенія для исторіи народнаго эпоса; но надо умѣть уберечься отъ натяжекъ, отъ исканія историческихъ откровеній тамъ, гдѣ они исключаются природою поэтического синтеза и, въ области колядокъ, послѣдовательной, сложной аггломерацией, которой онѣ подвергались.

Federlein — Mit golddrath lassen bewinden. Сл. Uhland, Schriften III, р. 90, 91, 111, 112. Въ болгарской пѣснѣ (собранія г. Качановскаго, № 85): «Соколъ піе по Вардара вода, Нодзе му у сребро укованы, Криле му у злато позлатены, Глава му бѣлъ трендафилъ цвѣти, На гърло му дробенъ бисеръ трепти» и т. д.

Этимъ путемъ могла вторгнуться въ нихъ дѣйствительно историческая пѣсня, пѣсня-преданіе; но когда болгарскія колядки поютъ о Кралевичѣ Маркѣ, о его снѣ, о его посестримѣ Марѣ, о Маркѣ Кралевичѣ въ Прилѣпѣ и т. п., — невольно ставится вопросъ объ отношеніи этихъ опредѣленныхъ эпическихъ сюжетовъ къ тѣмъ общимъ, нерѣдко безыменнымъ, какіе встрѣтились намъ въ колядкахъ румынскихъ и малорусскихъ. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ обобщеніемъ дѣйствительно эпическихъ пѣсень о народныхъ герояхъ, воспѣвавшихся въ пору колядъ, или эти пѣсни примкнули къ колядамъ случайно, по созвучію съ тѣми другими, общими, образцы которыхъ представили намъ святочные пѣсни Румынъ и Южноруссовъ? Критическая стоимость послѣднихъ по отношенію къ исторіи героическаго эпоса зависитъ отъ того или другаго отвѣта на этотъ вопросъ. Таже двойственность рѣшенія представляется и въ области историческихъ воспоминаній: болгарскія колядки поютъ о паденіи болгарскаго царства; но изъ общихъ упоминаній Царьграда и турецкаго царя въ колядкахъ малорусскихъ едва-ли можно извлечь что-либо кромѣ общаго мѣста.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

VIII.

ИЛІА — ИЛІИ (ГЕЛІОСЪ)?

Брошюра Полиа объ Иліи — Геліосѣ¹⁾, равно какъ и «Народныя метеорологическія повѣрья» того-же автора, вышедшія незадолго передъ тѣмъ, являются не столько продолженіемъ, сколько болѣе подробной переработкой нѣкоторыхъ частей его «Новогреческой міѳологіи», остановившейся, какъ извѣстно, на второмъ выпускѣ. Авторъ подробно разсматриваетъ новогреческія примѣты, повѣрья и легенды, касающіяся солнца, и указываетъ на соответствующія въ представленіяхъ другихъ народностей, между прочимъ Славянъ, при чемъ пособіями ему служили, главнымъ образомъ: Hanusch, Slavische Mythologie; Chodzko, Contes der paysans slaves; Talvy, Volkslieder der Serben; Karadschitsch, Volksmärchen der Serben; Rosen, Bulgarische Volksdichtungen; Ralston, Contes populaires de la Russie, trad. Bruyère, и Rambaud, La Russie épique. — Древнегреческіе міѳы о солнечномъ божествѣ привлечены какъ матеріалъ сравненія, не какъ точка его отправленія, что можетъ быть только

---

¹⁾ Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, ὑπὸ Ν. Γ. Πολίτου (Ἐν Ἀθήναις, 1882).

одобрено въ смыслѣ метода. Ни Гелиось, ни Аполлонъ, ни другія древнія выраженія натуралистическаго мѣта не перешли въ современное народное повѣрье, какъ Аполлонъ и Гелиось и т. п.; общее между древнимъ и современнымъ вѣрованіемъ касается, собственно говоря, того общаго фонда простѣйшихъ мифическихъ представленій, изъ котораго въ классическую пору вышелъ художественный Олимпъ Гомера и трагиковъ, тогда какъ въ народѣ онъ могъ остаться сравнительно не тронутымъ, не развиться до системы и генеалогіи, и въ этомъ видѣ дожить до современнаго повѣрья, сказки и примѣты. Какъ *пріемъ* мифическаго мышленія — это повѣрье является, такимъ образомъ, стоящимъ на болѣе древней стадіи развитія, чѣмъ поэтическая мифологія, извѣстная намъ изъ произведеній греческой литературы и искусства; оттого онъ непосредственно не соизмѣримъ, тогда какъ между вѣрованіями современнаго греческаго и западно-европейскаго простонародья является такъ много точекъ соприкосновенія.

Имѣя въ виду остановиться подробнѣе на одномъ эпизодѣ изслѣдованія Полита, я укажу лишь въ общихъ чертахъ на содержаніе цѣлаго, присоединяя кое-гдѣ и новыя фактическія указанія.

I.

Греческія повѣрья представляютъ солнце человѣкоподобнымъ; на то указываютъ выраженія для различныхъ моментовъ его видимаго пути по небу. Иныя изъ нихъ отличаются знаменательною образностью: заходъ напр. выражается словомъ *βούτημα* или *βούτισμα τοῦ ἡλίου*, т. е. погруженіе (омовеніе) солнца, — образъ, извѣстный Гомеру и Эсхилу, но и современнымъ нѣмецкимъ вѣрованіямъ. Другое выраженіе, различно истолкованное Корай и Гриммомъ, удачнѣе объяснено Политомъ: это — *βασίλευμα τοῦ ἡλίου; βασιλεύει, ἐβασίλευσεν ὁ ἥλιος*: солнце царить, воцарилось, вм. закатилось, зашло, т. е. водворилось въ своемъ дворцѣ, на далекомъ западѣ, за горами, на краю

земли и свѣта. Сюда-то возвращается послѣ дневнаго странствованія солнце-исполинь, голодный и злой; едва завидѣвъ его, мать бросаетъ ему навстрѣчу въ окно или двери сорокъ хлѣбовъ (*καρβέλια ψωμιά*) ¹⁾ и ставитъ ему, когда онъ садится за столъ, хлѣбы изъ сорока печей, которые онъ мгновенно пожираетъ. Горе, если при его возвращеніи домой пища окажется не готовой: тогда онъ пожираетъ всё, что попадетъ подъ руку; однажды онъ съѣлъ, въ такихъ обстоятельствахъ, своихъ братьевъ и сестеръ, отца и даже мать; оттого, когда солнце поднимается багровое, въ Пелопоннезѣ говорятъ, что то отъ крови убитой имъ матери. Въ сказкахъ онъ является людоедомъ, въ типическомъ сюжетѣ, что въ его палаты приходитъ въ его отсутствіе какой-нибудь человекъ, и жена солнца, сжалившись надъ пришельцемъ, прячетъ его, а первыя слова вернушагося мужа напоминаютъ такія-же нашей Бабы-Яги: здѣсь человѣчимъ мясомъ пахнетъ, *ἀνθρωπινὸν κρέας μυρίζει!* Въ румынской сказкѣ солнце также ощущаетъ присутствіе человека, но причина его гнѣва другая. «Утромъ оно стоитъ у райскихъ вратъ, оттого оно такое свѣтлое, улыбающееся на весь свѣтъ; днемъ оно сердится, глядя на людскія прегрѣшенія, потому оно становится такимъ знойнымъ и палящимъ; вечеромъ его одолеваетъ гнѣвъ и печаль, ибо его путь домой идетъ мимо вратъ ада» ²⁾.

Политъ усматриваетъ въ людоедствѣ, которымъ отличается солнце не только въ греческихъ, но иногда въ нѣмецкихъ и славянскихъ преданіяхъ, признакъ солярнаго божества; къ тому-же

¹⁾ Я полагаю что *καρβέλι* = нашъ коровай. Пр. Дестуяисъ пишетъ мнѣ: «Въ монастырѣ τοῦ Μεγάλου Σπηλαίου (въ Ахайѣ) каждому монаху выдаютъ по *καρβέλι* или по два въ сутки (не упомяну)».

²⁾ Krennitz, Rumänische Märchen p. 59—60; J. Grimm, D. Myth. 4-e A. p. 601. Талмудическое повѣрье объясняетъ различный цвѣтъ солнца утромъ и вечеромъ — отблескомъ райскихъ розъ, либо адскаго пламени. Сл. Goldzieher у Laistner, Nebelsagen, p. 244. Иное толкованіе того-же явленія въ нѣмецкомъ повѣрью у Schönwerth'a. Сл. Schwartz, Sonne, Mond und Sterne, p. 162—4.

заключенію вѣдетъ, по его мнѣнію, и прозорливость, ему приписанная, и убіеніе имъ ближайшихъ родственниковъ (Ираклъ), и обращеніе въ камень всѣхъ, приближающихся къ его жилищу. Такъ въ одной сказкѣ изъ Закинѳа, гдѣ царевна, придя въ башню солнца, находитъ тамъ болѣе десяти тысячъ царевичей, обращенныхъ имъ въ камень, которыхъ она возвращаетъ къ жизни, окропивъ ихъ, по указанію одного старца, ея ангела хранителя, живой водою. Полить напоминаетъ по этому поводу солнечнаго героя Персея, обращающаго въ камень, посредствомъ головы Горгоны, жителей Серифа; сходные германскіе мифы и родственныя представленія дикарей центральной Америки и острововъ Фиджи. Къ этимъ указаніямъ Гримма и Тейлора слѣдуетъ присоединить славяно-румынское преданіе о Троянѣ и соотвѣтствующую ему греческую сказку въ собраніи Шмидта: о героѣ, погибающемъ отъ солнечныхъ лучей.

Женой солнца называютъ луну. Такъ въ граціозной сказкѣ изъ Аѳинъ, гдѣ солнце является любящимъ и вмѣстѣ ревнивымъ мужемъ, заставляющимъ жену сидѣть дома, — а той хочется поглядѣть на Божій свѣтъ. И вотъ когда мужъ уходитъ на охоту, за горы (т. е. когда солнце заходитъ), она выглядываетъ робко, лишь только затихли его шаги. Коли увидитъ его свиту-лучи, скрывается, но какъ скоро исчезнетъ и послѣдній лучъ, она показываетъ свое чело и любитъ міромъ, а съ первымъ лучемъ, занявшимся на востокѣ, снова уходитъ къ себѣ. Такъ она живетъ съ мужемъ въ любви и согласіи ¹⁾.

Древній мифъ о Кефалѣ и Прокридѣ во многомъ напоминаетъ отношенія аѳинской сказки. Что въ новогреческихъ вѣрованіяхъ солнце и луна представляются не только супругами, но и братомъ и сестрой, это утверждаетъ Полить, не приводя фактовъ, которые-бы указывали на такія именно отношенія. Въ румынскомъ сказаніи солнце и луна были — братъ и сестра, посягнувшіе на бракъ и вслѣдствіи того перенесенные на небо: одно изъ

¹⁾ Мифъ о брачныхъ отношеніяхъ солнца и луны собраны у Schwartz'a, I. с. стр. 159 слѣд.

мифическихъ выраженій излюбленной въ славянскомъ мірѣ сюжета: о любовной связи брата съ сестрою. Если новогреческія свадебныя пѣсни поютъ о матери, выславшей солнце-жениха, чтобы онъ привезъ луну-невѣсту — освѣтить родимый домъ, то въ этой метафорѣ я не могу усмотрѣть непременно — отзвуки мифическаго повѣрья о бракѣ небесныхъ свѣтилъ. Это такое-же поэтическое выраженіе, какъ многія другія, заимствованныя отъ «краснаго солнышка»¹⁾. Красивая дѣвушка свѣтитъ, что солнце, она — Ἡλιόγεννητη (Солнцемъ рожденная), Ἡλιόκαλη = красивая какъ солнце, эпитетъ, перешедшій и на Богоматерь: въ Македоніи, въ Серахъ, есть церковь этого имени, Παναγία Ἡλιόκαλη. У красавицы на лицѣ солнце, на грудяхъ мѣсяць, вороново крыло на выгнутыхъ дугою бровяхъ:

Βάνει τὸν ἥλιο πρόσωπο καὶ τὸ φεγγάρι στῆθη,
καὶ τοῦ κοράκιου τὸ φτερό βάνει κχιμαροφρούδι.

Въ сказкахъ дѣвушки рождаются, одна — съ солнцемъ на челѣ, другая съ мѣсяцемъ, третья съ вечерней звѣздой, Венерой. Подобныя выраженія для красоты встрѣчаются уже у Теокрита, Ахилла Тація и Нонна, у автора среднегреческой поэмы о Floire и Blanseflor; они обычны въ народной поэзіи Сербовъ, Литвы, Финновъ и итальянцевъ; если итальянскій пѣвецъ говоритъ своей мильи: ты «proti la luna in petto, il sole in fronte», то извѣстныя выраженія русскаго духовнаго стиха о Егоріи храбромъ, на сколько они не испытали иконографическаго вліянія²⁾, равно какъ и соотвѣтствующіе образы русской сказки и заклія³⁾, должны быть истолкованы въ смыслѣ ходячей метафоры, не какъ

¹⁾ Сл. Барсовъ, Прочитанія Сѣвернаго Края, II, стр. 13 (о рекрутѣ): И ты гости, да теплокрасное наше солнышко, — И пока на-своей родимой ты сторонущкѣ . . . Какъ тебя, да теплокрасное наше солнышко — сожальютъ вси спорадныя сусѣдушки; сл. р. 83: Мое солнышко закатное, — Моя звѣздочка ненаглядная и т. п. Сл. серб. «о мој царе, огрјано сунце» и «солнцеподобное величество» у Шекспира, Генрихъ IV, ч. I, III, 2; Генрихъ VI, ч. 2, III, 1.

²⁾ Сл. Разысканія II, стр. 130.

³⁾ Леонасьевъ, Поэт. возрѣнія I, 731; III, 539.

миеологическія. Дальнѣйшимъ развитіемъ того-же круга идей является — наименованіе дѣтей солнцемъ и мѣсяцемъ: такъ дѣти Клеопатры названы были Гелиосомъ и Селеной, Sole и Luna въ сказкѣ Пентамерона ¹⁾. Обычай женщинъ въ Атикѣ — изображать на щекахъ молодой, будь она красива или нѣтъ, солнце и мѣсяць, Полить совершенно послѣдовательно ставить въ связи съ метафорическимъ языкомъ народныхъ пѣсней; г. Сумцевъ увидѣлъ-бы въ этомъ фактѣ новое доказательство, что земной бракъ ни что иное, какъ *μίμησις* небснаго.

Солнце — свѣтлое, блестящее, «красное» (сл. «красное солнышко» и «красная дѣвица»), не только символъ, но и податель красоты. «Когда родила тебя твоя мама, солнце зашло, отдало тебѣ свою красу и взошло снова», поется о дѣвухѣ въ одной греческой пѣснѣ; и если дѣвушка возгордится своей красотой, она вызоветъ самое солнце на состязаніе съ собою: «Говорила она съ солнцемъ, говорила: Выйди, солнышко, чтобы и мнѣ выйти, засвѣти, чтобы и мнѣ засвѣтитъ. Скоро засвѣтило солнышко, сушить траву, а я моими лучами сушу паликаровъ».

Γὰρ ἔβγα. ἤλιε μου, νὰ ἔβγῶ, γιὰ λάμψε γιὰ νὰ λάμψω!
 "Ελαμψ ὁ ἥλιος τὸ ταχὺ, μαραινεὶ τὰ χορτάρια,
 κ' ἐγὼ μὲ ταῖς ἀκτῖνάς μου μαραινῶ παλληκάρια.

Въ румынской сказкѣ златовласая красавица выглядываетъ вечеромъ изъ своего гнѣздышка на Божій свѣтъ, и все твореніе возликовало при видѣ ея, новое, болѣе свѣтлое и чудное солнце показалось на востокѣ, когда старое уже зашло за горы запада. Въ другой румынской сказкѣ оно остановило свой путь чтобы полюбоваться красавицей Иляной ²⁾, какъ въ итальянскомъ *stornello* оно застоялось при рожденіи дѣвухи:

Quando nascesti tu, nacque bellezza,
 Spuntò lo tulipano in mezzo all'acqua,
 Lo sole s'arrestò per allegrezza ³⁾.

¹⁾ Сл. солнце, какъ почетный титулъ у дикихъ народовъ.

²⁾ Krennitz, l. c. стр. 126—7, 75.

³⁾ Изъ сборника Marcoaldi у Schuchardt, Ritornell und Terzine, стр. 13; сл. *ibid.* стр. 9 и 17.

Появленіе красавицы сравнивается съ восходомъ солнца. Среди моря построю я домикъ изъ павлиныхъ перьевъ, съ золотыми и серебряными лѣстницами, съ окнами изъ драгоценныхъ камней:

Quando Nennella mia se va a facciare,
Ognuno dice: mi sponta lu sole,

какъ о Кримгильдѣ въ Нибелунгахъ говорится, что она выступила

alsô der morgenrôt

tuot úz trúeben wolken ¹⁾,

а въ Руодлибѣ (XIV, 3, ed. Seiler) женщина въ цвѣтѣ лѣтъ уподобляется лунѣ.

Солнце, день деньской гуляющее по небу, всё видитъ, ничто не укроется отъ этого небеснаго, божьяго ока, ἡ μάτι τοῦ Θεοῦ (Пелопоннезъ). Оттого у него просятъ вѣстей о милыхъ, которыхъ и слѣдъ простылъ, велятъ передать имъ вѣсточку о себѣ; ходятъ къ нему за разрѣшеніемъ загадочныхъ вопросовъ (на эту тему есть сказки); злая мачиха пыталась извести свою падчерицу, красотѣ которой завидовала, и вотъ, полагая, что той нѣтъ болѣе въ живыхъ, она обращается къ солнцу (въ другихъ европейскихкихъ пересказахъ: къ зеркалу = солнцу): «Солнце мое, солнышко, вокругъ свѣта ходящее: ты красно, я красива, видѣло-ли ты другую, красивѣе меня?»

Ἦλιε μου καὶ παραήλιε μου καὶ κοσμογυριστή μου,
εἶσαι καὶ σὺ, εἶμαι καὶ ἔγω, μὰ εἶδες καὶ ἄλλην ὀμορφότερη;

Цѣлый рядъ славянскихъ, финскихъ и т. д. представлений отвѣчаетъ приведеннымъ новогреческимъ, народнымъ, изъ которыхъ въ древнюю пору развилась идея всевидящаго Гелиоса (πανόπτης, παντόπτης), повѣдавшаго Гефесту о невѣрности его супруги, Деметрѣ — о похищеніи ея дочери. Эти «классическіе» мифы были забыты, какъ скоро исчезли условія, поддерживавшія существованіе официальной религіи государства и образованнаго класса; осталось на чередѣ, такъ сказать, «вульгарная»

¹⁾ Uhland, Schriften III стр. 340, прим. 280; стр. 516, прим. 191.

миеологія; въ этомъ смыслѣ я принимаю слова Полита о современныхъ «остаткахъ *культа* Гелиоса». Остатки эти оказываются, впрочемъ, крайне жалкими: пѣсенка, записанная въ Филиппопольской епархіи во Фракіи. Когда въ полдень облака вдругъ заволокутъ солнце, дѣти поютъ:

Ἦλιο μ', παραήλιο μ',
 χρυσό μου παλληκάρι,
 ἔβγαλε τὰ μαῦρά σου,
 καὶ βάλε τὰ χρυσά σου.

(«Солнце мое, солнышко, золотой мой палликаръ! Скинь съ себя темное платье, надѣнь золотое»). Такія дѣтскія пѣсенки извѣстны по всей Европѣ; сл. русскую: «Солнышко, солнышко, выгляни въ окошечко, твои дѣтки плачутъ»; или нѣмецкую:

Leve Sunne, kumm wedder
 Mit diner goldnen Fedder и т. д. ¹⁾.

Полидевкъ засвидѣтельствовалъ и для древней Греціи такое-же причитанье: когда облако набѣгало на солнце (ὅπότεν νέφος ἐπιδράμη τὸν θεόν), дѣти пѣли: Выйди, любезное солнышко, ἔξεχ' ὦ φίλ' ἥλιε! — Признаюсь, мнѣ также трудно усмотрѣть въ пѣсенкѣ изъ Филиппополя слѣды солнечнаго *культа*, какъ въ слѣдующей критской указаніе на жертвоприношенія солнцу печеній съ молокомъ и медомъ:

Ἐλα, ἥλιε νὰ ἴκαστῶ,
 καὶ κουλλούρια σοῦ βαστῶ,
 μέ τὸ μέλι, μέ τὸ γάλα,
 μέ τῇ σιδεροκουτάλα.

«Выйди, солнышко, обогрѣй меня, я несу тебѣ пироги съ медомъ и молокомъ и желѣзной ложкой».

¹⁾ Uhland, l. c. стр. 344; Mannhardt, Germanische Mythen, p. 380 слѣд.

II.

Полиътъ посвятилъ, въ концѣ своей брошюры, особую главу современному народному культу пророка Ильи, на котораго перешли, по его мнѣнію, черты Гелиоса и акрейскаго Зевса. Въ виду особаго интереса, какой получаетъ его гипотеза по отношенію къ славянскимъ представленіямъ объ Ильѣ Громовникѣ, я сообщу соображенія Полита въ болѣе подробномъ извлеченіи, чтобы привязать къ нимъ нѣсколько замѣтокъ.

Вершины греческихъ горъ часто носятъ имя св. Ильи, и на большей ихъ части возвышаются посвященные ему часовни. Наиболѣе извѣстная изъ нихъ стоитъ на высочайшей вершинѣ Тайгета, прозваннаго «горой св. Ильи» (Ἅγιος Ἰλίας или Ἅγιο-λιάς) уже въ XVIII вѣкѣ, по свидѣтельству лаконскаго поэта Никиты Нифаки. Двадцатаго Іюля, въ день, посвященный восточною церковью памяти пророка, паломники, съ трудомъ взабравшіеся на вершину горы, разводятъ вечеромъ множество костровъ, въ которые бросаютъ въ честь святаго ладанъ. Какъ только завидятъ эти огни окрестные жители, сами начинаютъ палить вороха сѣна и солома, пляшутъ вокругъ и прыгаютъ черезъ нихъ. Замѣчательно, рядомъ съ обычаемъ жечь на Тайгетѣ костры въ праздникъ св. Ильи, отсутствіе тамъ такого-же обычая на 24 Іюня, извѣстнаго въ другихъ частяхъ Греціи и по всей Европѣ.

Въ объясненіе культа св. Ильи на вершинахъ горъ разсказывается легенда, впрочемъ не особенно распространенная, что Магометъ (sic) преслѣдовалъ пророка, настигъ его въ равнинѣ, но не въ состояніи былъ угнаться за нимъ на вершины, гдѣ святой и укрылся. — Полиътъ объясняетъ себѣ этотъ культъ — отождествленіемъ Ильи съ Зевсомъ, громовержцемъ и подателемъ дождя, и Гелиосомъ. Первое подтверждается народно-мнеологическимъ значеніемъ Ильи, какъ громовника и дождевика, не только у Грековъ, но и у Славянъ и въ средневѣковой Европѣ; второе —

смѣшеніемъ именъ Ἥλιος и Ἡλιος, совершившимся на греческой почвѣ, и древнимъ отождествленіемъ Гелиоса, съ «нагорнымъ» Зевсомъ (ἑπάκριος, κορυφαῖος, ἀκραῖος), соединившимъ въ себѣ значеніе дождеваго и солнечнаго божества. Таковъ Ликійскій Зевсъ въ Аркадіи, Атавирскій въ Родосѣ — первоначально финикійскій богъ солнца; празднованіе горнему Зевсу на вершинѣ Пилія въ пору каникулъ, когда въ другихъ мѣстахъ праздновали Гелиосу, и чествованіе Зевса на Талетѣ, посвященной Гелиосу вершинѣ Тайгета, также говорятъ въ пользу сближенія или отождествленія обоихъ божествъ въ греческихъ вѣрованіяхъ. Таковы данныя, которыя водворили Илью на вершинахъ горъ, освященныхъ присутствіемъ «нагорнаго» Зевса и открывавшихся первымъ лучамъ восходящаго Гелиоса.

Еще Вольтеръ сближалъ Илью съ Гелиосомъ; основаніемъ сближенія были: звуковое сходство именъ, пламя жертвы, принесенной пророкомъ, дождь имъ низведенный, его огненная колесница и его вторичное появленіе при концѣ міра ¹⁾. Мифъ этотъ было повторено впоследствии Maury, Lenormant'омъ, Wachsmuth'омъ и др.; но уже въ древнюю христіанскую пору подобныя сопоставленія были въ ходу. Въ началѣ пятаго вѣка Седулій такъ играетъ именами Ἥλιος и Ἡλιος (= Sol):

Quam bene fulminei praelucens semita coeli
 Convenit Heliae! merito qui, et nomine fulgens,
 Hac ope dignus erat: nam si sermonis Achivi
 Una per accentum mutetur litera, Sol est.

¹⁾ Le mot d'Élie a un rapport sensible avec celui d'Elios, le soleil. L'olocauste offert par Élie et allumé par le feu du ciel est une image de ce que peuvent les rayons du soleil réunis. La pluie qui tombe après de grandes chaleurs est encore une vérité physique. Le char de feu et les chevaux en flamme qui enlèvent Élie au ciel sont une image frappante des quatre chevaux du soleil. Le retour d'Élie à la fin du monde semble s'accorder avec l'ancienne opinion, que le soleil viendrait s'éteindre dans les eaux, au milieu de la destruction générale que les hommes attendaient: car presque toute l'antiquité fut longtemps persuadée que le monde serait bientôt détruit. Dict. philosoph, art. Élie.

На древнихъ христіанскихъ саркофагахъ вознесеніе пророка на колесницѣ представляется въ чертахъ, излюбленныхъ классическимъ искусствомъ для изображенія восхода Гелиоса; Іоаннъ Златоустъ понялъ эти отношенія обратно, утверждая, что языческіе поэты и художники заимствовали изъ сказанія о пророкѣ Ильѣ — идею колесницы солнечнаго бога. Наконецъ въ изображеніяхъ Преображенія Господня, относящихся къ первымъ временамъ христіанства, солнце и луна нерѣдко являются замѣной Ильи и Моисея, представшихъ по ту и другую сторону Господа: Спаситель на крестѣ, по одну сторону изображеніе одной изъ лунныхъ фазъ, или надпись Luna, по другую написано солнце либо слово Sol.

Отождествленіе Ильи съ Гелиосомъ совершилось, по мнѣнію Полита, тѣмъ легче, что выдающаяся роль пророка въ судьбахъ Израйля и его подвиги на пользу истинной вѣры не замедлили окружить его образъ легендарнымъ ореоломъ, преданіями, въ которыхъ слились воедино многіе семитическіе мифы о солнцѣ. Когда составлялись книги царей, бѣльшая часть этихъ преданій уже сложилась, не выключая и, очевидно, позднѣйшаго: о взятіи Ильи на небо въ огненной колесницѣ. Развиваясь постепенно, эти легенды смѣшались у позднѣйшихъ Евреевъ съ ихъ представленіями о пришествіи Мессіи. Во время Іисуса Христа вѣровали, что предтечѣ Мессіи будетъ Илья: такъ объяснили одно мѣсто у пророка Малахія (IV, 5), которое Матвѣй (XI, 14, XVII, 11) и Маркъ (IX, 11) толковали, какъ пророчество о первомъ пришествіи Христа, разумѣя подъ именемъ Ильи — Іоанна Предтечу, тогда какъ иные отцы церкви относили его ко второму пришествію: «Προφήται . . . τῆς δευτέρας (παρουσίας) προδρομον λέγουσι τὸν Ἰλίαν ἕσθαι», говоритъ Златоустъ. Вѣрили, что тогда явятся Илья и Енохъ, избѣжавшіе смертнаго рока (Ев. Nicodem. 25); многіе толкователи давали такой именно смыслъ одному мѣсту Апокалипсиса (XI, 3); по Златоусту Илья проявится въ концѣ дней одновременно съ Антихристомъ: оттого въ пѣснопѣніяхъ восточной церкви, поемыхъ 20 Іюля, Илья называется

«божественнымъ предвѣстникомъ втораго Христова пришествія», которому выпала доля «не познать смерти, пока онъ не возвеститъ совершеніе всего».

И теперь еще въ греческомъ народѣ вѣрятъ, что Илья живетъ въ небѣ, гоняясь за дракономъ-демономъ. Можетъ быть, еще сохраняется гдѣ-нибудь въ Греціи преданіе, приводимое однимъ византийцемъ: «еще живетъ Илья на землѣ, и никто не знаетъ его; живетъ и Энохъ и вращается среди людей, но никто его не знаетъ».

Политъ указываетъ, какъ на источникъ этого сообщенія, на рукопись монастыря τῶν Λεζβίων на Лесбосѣ, часть которой была напечатана въ газетѣ «Смирна» (6-го Авг. 1871 г.). Тоже указаніе далъ онъ еще въ первомъ выпускѣ своей Мисологіи (I, 22—4; сл. его-же Δημῶδες μετεωρολογικοὶ μῦθοι, р. 8), гдѣ привелъ имъ и значительный отрывокъ текста. При другомъ случаѣ я объяснилъ, что текстъ этотъ ничто иное, какъ отрывокъ изъ извѣстнаго житія Андрея Юродиваго ¹⁾. Не имѣя въ настоящее время подъ руками никакихъ библиографическихъ пособій, тѣмъ менѣе Acta Sanctorum, я не въ состояніи отождествить рецензію этого текста съ напечатанной болландистами. Въ виду его особаго интереса для исторіи народнаго культа Ильи сообщаю его по рецензіи Полита:

Ἐπιφάνιος εἶπεν· Ἄρα ἀληθεύουσιν οἱ λέγοντες, ὅτι ὁ προφήτης Ἰηλίας ἐστὶν ἐν τῷ ἄρματι βροντῶν καὶ ἀστράπτων ἐν ταῖς νεφέλαις, καὶ ὅτι δράκοντα διώκει;

Ἄνδρέας. Μὴ γένειτο — ἐσχάτης ἀνοίας τοῦτο ἐστὶ, καὶ ἀκοή παραδέξασθαι, ἄνθρωποι φρενοβλαβεῖς ἐξ οἰκείας διανοίας ταῦτα συνεγράψαντο, ὡσπερ ὅτι καὶ στρουθία ὁ Χριστὸς ἐνώπιον τῶν Ἰουδαίων ἐκ πηλοῦ διέπλαττεν, εἰς τὸν ἀέρα ἐπέριπτε καὶ ἐπέταντο, καὶ χιῶν ἄλευρος ἐχρημάτιζεν· ὡσπερ γὰρ ταῦτα ἐστὶ ψεῦδος, οὕτως καὶ αὐτὰ ψεῦδος καθεστήκασιν· καὶ ὅποσα οἱ αἰρετικοὶ νοθεύσαντες ἀλλόκοτα ἐδογμάτισαν . . .

¹⁾ Разысканія II, 86.

Ἡλίας οὖν εἰς τοὺς οὐρανοὺς οὐκ ἀνέβη μὴ γένοιτο, οὔτε ἐπὶ ἄρματος καθέζεται χάριν δὲ ἔχει ἐπὶ τοῦ ἕτεοῦ, τοῦ παρακαλεῖν τὸν Θεόν, ὅπως ἐν καιρῷ ἀνδρῶν δώσει τῇ γῆ ἕτεόν «ἐπεὶ οὐδεὶς ἀναβέβηκεν εἰς τὸν οὐρανόν εἰ μὴ ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ὁ ὢν ἐν τῷ οὐρανῷ . . .

Ζῆ τοίνυν ὁ Ἡλίας καὶ ἔστι ἐπὶ τῆς γῆς κἄν μηδεὶς ὁ γνωρίζων αὐτόν, ζῆ δὲ καὶ ὁ Ἐνώχ καὶ μέσῳ πολλῶν ἀναστρέφεται, καὶ οὐδεὶς ἔστιν ὁ γνωρίζων αὐτόν. Ζῆ δὲ καὶ ὁ Ἰωάννης, καὶ ἔστιν εἰς τὸν κόσμον ὡσπερ μαργαρίτης ἐν μέσῳ τοῦ θορύβου ἀφεθείς τοῦ εἶναι ἐν σαρκὶ ἀντιπρόσωπος Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ ἰλάσκεσθαι ἡμῶν τὰς ἁμαρτίας . . .

Περὶ δὲ τοῦ καίειν δράκοντα ἢ ἀστραπῆς, οὐκ ἀμφιβάλλω, ἀληθὲς γάρ ἐστιν, ἀλλ' οὐχ ὁ ἅγιος Ἡλίας ὁ ἀστράπτων ἐστίν, ἀλλ' ὁ ἄγγελος κυρίου ὁ εἰς τοῦτο τεταγμένος.

Какъ-бы ни приурочивали св. Андрея Юродиваго, ко времени-ли Льва Философа (886—912), или къ V—VII вѣкамъ (И. И. Срезневскій), во всякомъ случаѣ показанія житія касательно культа пророка Ильи драгоцѣнны по своей древности. Самъ авторъ житія, протестуя противъ народнаго суевѣрія, лишь смягчаетъ его, находится подъ его давленіемъ: если Илья не взять на небо, то все-же онъ живъ. Къ этому вѣрованію естественно примыкало другое: о вторичномъ явленіи пророка на землѣ.

Мы снова возвращаемся къ брошюрѣ Полита. Мифы о вторичномъ явленіи людей, не познавшихъ смерти, распространенные почти у всѣхъ народовъ, какъ арійскихъ, такъ и неарійскихъ, вышли, по мнѣнію автора, изъ солнечныхъ мифовъ, разработавшихся въ теченіи времени, то въ космическіе, то въ историческіе. О нихъ онъ общаетъ поговорить подробнѣе при разборѣ народной легенды о царѣ, замурованномъ въ криптѣ святой Софіи. — Общаніе, крайне интересное для меня, занимавшася сказаніемъ о «возвращающемся императорѣ» въ первыхъ главахъ моихъ Опытовъ по исторіи развитія христіанской легенды. Русскіе пересказы псевдо-меоодіевскаго откровенія выводятъ въ такой

именно роли императора Михаила; не это-ли царь, покоящийся въ св. Софїи?

Что касается до іудейскихъ вѣрованій, что Илья явится передъ вторымъ пришествіемъ Спасителя, то Ренанъ, цитуемый Политомъ, полагаетъ ихъ заимствованными изъ Парсійскихъ представленій. Въ средніе вѣка Илья очутился противникомъ Антихриста, съ которымъ будетъ биться, какъ по талмудическимъ легендамъ ему надлежитъ вернуться на землю, дабы поразить Самаяла. По сказаніямъ Мусульманъ, приводимымъ Мануиломъ Палеологомъ, онъ и Энохъ еще живы: «Ζῆν γὰρ αὐτοὺς (Ἐνώχ καὶ Ἠλίαν), φάσιν (Μωάμεθανοί), ἠθέλησεν ὁ Θεός, ὥστε τὰ ἱμάτια ράπτειν τῶν ὅσοι δήπου μέλλουσι τοῦ παραδείσου τεύξεσθαι. οὗτοι δὲ ἄρ εἰσὶν οἱ τοῖς Μωάμεθ ἔπονται νόμοις».

Говоря вообще, Илья пророкъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ почитаніи восточной церкви, заключаетъ Политъ. Церковныя пѣснопѣнія называютъ его земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, вознесеннымъ на небо, говоритъ Златоустъ, потому что земля была его недостойна. Оттого торжественное отбываніе его праздника, 20-го Іюля; по свидѣтельству Ліутпранда въ десятомъ вѣкѣ день его памяти праздновался въ Константинополѣ театральными зрѣлищами. Отъ Грековъ сказанія о немъ перешли вмѣстѣ съ христіанствомъ къ славянскимъ народамъ. Славяне считаютъ Илью властителемъ молній и подателемъ дождя; древній славянскій богъ грома, Перунъ, перешелъ въ Илью громовника, по имени котораго названы были многія горы. Присоедините къ этому, что богатырь Илья русскихъ былиныхъ ни что иное какъ олицетвореніе солнца. — Авторъ, очевидно, находитъ въ этомъ обстоятельствѣ, заимствованномъ имъ изъ книги Rambaud (*La Russie épique*), подтвержденіе своего мнѣнія, что Илья вступилъ въ права Геліоса и что эта тождественность еще ощутима была на почвѣ, создавшей пѣсни о русскомъ богатырѣ. Но доказана-ли эта тождественность? Къ этому вопросу мы и обратимся.

III.

Прежде всего необходимо устранить указаніе на семитическіе солнечныя мифы, сошедшіеся въ еврейскомъ сказаніи объ Ильѣ пророкъ: для народностей, воспринявшихъ его культъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, эта далекая подкладка должна была быть неощутимой болѣе. Что касается до другихъ доказательствъ тождества Ильи съ Гелиосомъ-солнцемъ, то, производя извѣстное впечатлѣніе своей совокупностью, они оказываются не доказательными, будучи взяты въ разбродъ. Нельзя отрицать для Греціи, и то для отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ мѣстное поклоненіе Гелиосу предварило такое-же чествованіе Ильи, что внѣшнее сближеніе именъ и образовъ могло имѣть мѣсто. Такъ напр. на Тайгетѣ; нынѣ Ἄγιος Ἡλίας, гдѣ въ древнюю пору существовалъ культъ Гелиоса; но огни на 20-е Іюля едва-ли слѣдуетъ *необходимо* истолковывать въ связи съ послѣднимъ: извѣстны Ивановскіе огни и широкое распространеніе обычая палить костры, какъ вообще типическаго, праздничнаго. — Что касается до признаковъ отождествленія Ильи съ Гелиосомъ, то они распадаются по разнымъ несоразмѣримымъ категоріямъ: Седулій риторически *играетъ* созвучіями именъ Ἡλῖος и Ἡλίας; изображеніе вознесенія Ильи на небо на древнихъ христіанскихъ гробницахъ — отражаетъ *вліяніе* классическаго искусства, такъ именно изображавшаго восхожденіе солнечной колесницы; что до описанной выше картины Преображенія, то едва-ли она не продуктъ христіанскаго символизма, сблизившаго Преображеніе Господа на Фаворѣ, съ Моисеемъ и Ильемъ по бокамъ, — съ образами крестнаго акта на Голгоѣѣ, по сторонамъ котораго омраченныя солнце и мѣсяцъ представлены заплаканными лицами, либо человѣческими фигурами, отирающими слѣзы ¹⁾).

¹⁾ Piper, Mythologie und Symbolik der christlichen kunst II, 156; Menzel, Christliche Symbolik, I, 526.

Культъ Илья на вершинахъ горъ также не возвращаетъ насъ *необходимо* къ нагорному Зевсу, соединявшему въ себѣ качества дождеваго и солнечнаго божества. Свидѣтельство Ross'a ¹⁾ заставляетъ заключить, что Илья пророкъ является въ новогреческомъ повѣрѣѣ на мѣстѣ не одного какого-нибудь древняго бога, а нѣсколькихъ, а это удаляетъ предположенія о преемственности мифическаго содержанія. «Der Prophet Elias hat in Griechenland Götter aller Art von hohen und niedrigen Bergspitzen verdrängt; auf dem Helikon die Musen, auf Aegina den panhellenischen Zeus, auf dem Menelaion bei Sparta den Helfer im Streit Menelaos u. s. w.; es giebt im Aegäischen Meere keine Insel, wo er sich nicht wenigstens auf einer Bergspitze eingeknistet und allein in der südlichen Maina, über Tánaron, sind nicht weniger als fünf Gipfel des Taygetos, welche H. Elias heissen.... Auf die scheinbare Uebereinstimmung der Namen Helios und Elias hat man, obgleich dies ein beliebtes Steckenpferd des archäologischen Topographen ist, so viel wie nichts zu geben». Bursian ²⁾, Clark ³⁾ и В. Schmidt ⁴⁾ раздѣляютъ съ Россомъ его сомнѣнія относительно излюбленной параллели; Schmidt указываетъ на нее какъ на образчикъ невѣрныхъ результатовъ, къ которымъ приводитъ сближеніе, по внѣшнему сходству признаковъ, христіанскихъ святыхъ съ древними божествами, объясняя съ своей стороны культъ Илья — библейскимъ сказаніемъ о его вознесенія на небо. Полить, считающій характерной чертой этого культа его приуроченіе на вершинахъ, замѣтилъ на это, что въ такомъ случаѣ тѣ вершины названы были-бы напр. горой Вознесенія, либо Спасителя, по извѣстнымъ событіямъ Вознесенія либо Преображенія Христова, а не носили бы имя

¹⁾ Ross, Griechische Königsreisen, 1848, II p. 211—212.

²⁾ Rhein. Museum f. Philologie N. F. t. XVI (1861) p. 423; Geograph. v. Griech. t. II p. 105 прим. 3.

³⁾ Clark, Peloponnesus, p. 190.

⁴⁾ В. Schmidt, Volksleben der Neugriechen p. 48.

Илья, тѣмъ менѣе, что по библейскому разсказу взятіе пророка на небо совершилось даже не на горѣ, а въ пустынѣ у Иордана. — Но мы уже видѣли, что въ смыслѣ, искомомъ Политомъ, локализация Илья на горахъ ничего не означаетъ.

Чтобы выяснитъ себѣ источники чествованія Илья у христіанскихъ народовъ и магометанъ, необходимо опредѣлитъ общія черты его народнаго культа. Онѣ укажутъ, какъ на точку отправления, на библейскую легенду (III кн. Царствъ гл. XVI, 30 — XIX; IV, 1—2.)

«И дѣлалъ Ахавъ, сынъ Амврія, неугодное предъ очами Господа, болѣе всѣхъ, бывшихъ прежде него.... и сталъ служить Ваалу и поклоняться ему.... И сказалъ Илія (пророкъ), Оесвитянинъ, изъ жителей Галаадскихъ, Ахаву: Живъ Господь, Богъ Израилевъ, предъ которымъ я стою! въ сіи годы не будетъ ни росы, ни дождя, развѣ только по моему слову». — Настаетъ засуха и голодъ; между тѣмъ Илья удалился по повелѣнію Божію, и представъ передъ Ахава лишь въ третій годъ, по слову Господню, говоритъ ему: «Теперь пошли и собери ко мнѣ всего Израиля на гору Кармиль, и четыреста пятьдесятъ пророковъ Вааловыхъ, и четыреста пророковъ дубравныхъ, питающихся отъ стола Іезавели.... Пусть дадутъ намъ двухъ тельцовъ, и пусть они выберутъ себѣ одного тельца и разсѣкутъ его и положатъ на дрова, но огня пусть не подкладываютъ; а я приготовлю другаго тельца и положу на дрова, а огня не подложу. И призовите вы имя Бога вашего, а я призову имя Господа, Бога моего. Тотъ Богъ, который дастъ отвѣтъ посредствомъ огня, есть Богъ». — Напрасны были воззванія жрецовъ; по молитвѣ-же Илья «низпалъ огонь Господень и пожралъ всеожженіе, и дрова, и камни, и прахъ, и поглотилъ воду, которая во рвѣ». И сказалъ Илья отроку своему: «пойди, посмотри къ морю. Тотъ пошелъ и посмотрѣлъ и сказалъ: Ничего нѣтъ. Онъ сказалъ: продолжай (это) до семи разъ. Въ седьмой разъ тотъ сказалъ: вотъ небольшое облако поднимается отъ моря, величиною въ ладонь человѣческую. Онъ сказалъ: Пойди, скажи

Ахаву: запрягай (колесницу свою) и поѣзжай, чтобы не засталъ тебя дождь. Между тѣмъ небо сдѣлалось мрачно отъ тучъ и отъ вѣтра, и пошелъ большой дождь. Ахавъ-же сѣлъ въ колесницу, (заплакалъ) и поѣхалъ въ Изреель». — Принужденный вторично бѣжать отъ гнѣва Іезавели въ пустыню, Илья слышитъ въ нещерѣ слово Господне: «выйди и стань на горѣ предъ лицомъ Господнимъ. И вотъ, Господь пройдетъ, и большой и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь. Послѣ землетрясенія огонь; но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня вѣяніе тихаго вѣтра, (и тамъ Господь)». Когда Охозія, сынъ Ахавъ, воцарившійся по его смерти, занемогъ и послалъ спросить у Веельзевула, божества Аккаронскаго, выздоровѣтъ-ли онъ или нѣтъ, Илья говоритъ посланнымъ, что царь умретъ, не сойдя съ постели, потому что предпочелъ спросить языческое божество, а не бога Израиля. Узнавъ о томъ, Охозія шлетъ къ Ильѣ пятидесятника съ его пятидесяткомъ. «И онъ взошелъ къ нему, когда Илія сидѣлъ на верху горы, и сказалъ ему: Человѣкъ Божій! Царь говоритъ: Сойди. И отвѣчалъ Илья и сказалъ пятидесятнику: Если я человѣкъ Божій, то пусть сойдетъ огонь съ неба и поपालитъ тебя и твой пятидесятокъ. И сошелъ огонь съ неба и поपालилъ его и пятидесятокъ его». Такъ было и со вторымъ пятидесятникомъ; третій сохранилъ жизнь себѣ и своимъ, умоливши Илью. — Въ заключеніи припомню рассказъ о взятіи пророка на небо: когда онъ и Елисей шли дорогою и разговаривали, «вдругъ явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили ихъ обоихъ, и понесся Илія въ вихрѣ на небо».

Въ этомъ рассказѣ объясненіе большей части народныхъ мифовъ объ Ильѣ; что въ нихъ не покрывается библейской легендой, типическія формы, въ которыхъ она выразилась — все это можетъ быть вмѣнено народнымъ апперцепціямъ явленій дождя, грома и молніи и т. п., при чемъ для насъ безразлично, складывались-ли онѣ уже ранѣе въ цѣльный образъ до-христіан-

скаго громовника, либо соединились впервые вокруг новаго центра — Ильи. Идя такимъ восходящимъ путемъ, мы сохранимъ за собой преимущество твердой точки отправленія, которою лишаются себя изслѣдователи, нисходящіе къ Ильѣ напр. отъ искомаго славянскаго Перуна.

Разбирая народныя ильинскія повѣрья, мы распредѣлимъ ихъ на извѣстныя группы, часто и необходимо сплывающіяся, какъ неотдѣлимы другъ отъ друга, въ порядкѣ причины и слѣдствія, явленія дождя и грозы и обусловленныхъ ими плодородія или неурожая.

1) Библейскимъ рассказомъ объясняется общее представленіе объ *Ильѣ*, какъ *заклочающемъ и подающемъ небесную влагу*. «Meminerit (lector) sub Heliae tempore, qui pluvias cum voluit abstulit, et cum libuit arentibus terris infudit», говоритъ Григорій Турскій во введеніи къ своей 2-й книгѣ. Сл. въ гармоніи евангелій Отфрыда III, 12, 13:

quedent sum giwâro, Helias sis ther mâro,
ther thiz lant sô tharta, then himil sô bisparta,
ther iu ni liaz in nôtin regonon then lintin,
thuangta si giwâro harto filu suâro ¹⁾.

Въ Апостолахъ, который читается на Ильинъ день, сказано: «Иліа . . . молитвою помолися, да не будетъ дождь, и не одожди по земли гѣта три и мѣсяць шесть; и паки помолися — и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой». Церковная пѣсня молитъ его объ отверстіи неба и ниспосланіи дождя, а во время бездождія возглашается такая молитва: «Иліа словомъ дождь держитъ на земли, и паки словомъ съ небесе низводитъ; тѣмъ-же молимъ тя (Бога) того молитвами, щедре послѣ дожди водныя землѣ съ небеси». Къ церкви Ильи Сухаго совершался въ древнемъ Новгородѣ крестный ходъ съ мольбою о ясной погодѣ, къ Ильѣ Мокрому съ просьбой о дождѣ ²⁾. — Появленіе Ильи

¹⁾ J. Grimm, D. Myth. 4. A. I, 144.

²⁾ Аванасьева, I. с. I, 477—9.

въ русскихъ заговорахъ отъ руды мотивировано библейскими воспоминаніями: онъ изсушилъ рѣки, источники, пусть уймешь и кровь ¹⁾. Какъ въ южной Италіи ему молились объ отвращеніи засухи ²⁾, такъ и на Кавказѣ. Въ Кахетіи, во время засухи, крестьянскія дѣвочки собираются вмѣстѣ и, надѣлавъ *куколъ*, называемыхъ *лазарэ*, ходять по селенію, распѣвая: «Лазарэ, Лазарэ, . . . Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи»; либо:

Лазарь подошелъ къ воротамъ
И всё обводитъ глазами . . . .
Обошелъ онъ всё углы
И сдѣлался какъ луна . . . .
На тѣ, *святой Илья*, —
Чего ты нахмурилъ брови? —
Козла и козленочка
Мы приносимъ тебѣ въ даръ . . . .
Боже, избавь отъ засухи
И подай намъ дождя . . . .

Если-же долго бываетъ дождливая погода, тогда, вмѣсто дождя, просятъ у Бога засухи. — Изъ дому, передъ которымъ поютъ дѣвочки, выходитъ хозяинъ, выноситъ имъ нѣсколько яицъ и немного муки и обливаетъ водою куклу, а иногда и самихъ дѣвочекъ. Собранные продукты онѣ продаютъ, а на вырученныя деньги покупаютъ барана и козленка: первый приносится въ жертву Богу, второй Ильѣ ³⁾. Сходный обычай существуетъ и у Абхазцевъ ⁴⁾: во время засухи дѣвушки, одѣвшись въ свои лучшія

¹⁾ Майковъ, Великорусскія заклинанія, №№ 166 и 170. Въ малорусскомъ заклинаніи «на оставленіе крови» традиціоннымъ представляется одно лишь имя Ильи (Ефименко, Сборникъ малороссійскихъ заклинаній, № 41).

²⁾ AA. Sanctorum a. d. 20 Julii, p. 8.

³⁾ Дубровнянъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. II, стр. 176—7.

⁴⁾ I. с. 25—8; см. тамже, I, 1, стр. 102 (Черкесы); моленіе о дождѣ у Осетинъ см. у Б. Гатиѣва, Суевѣрія и предрасудки у Осетинъ, стр. 32 (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, выш. IX).

платья и раздѣлившись на три части, идутъ къ рѣкѣ, гдѣ одна часть устраиваетъ изъ вѣтвей плотъ, другая подноситъ къ плоту сухую солому, третья занимается изготовленіемъ *куклы* въ видѣ женщины. За тѣмъ приводятъ эшака, покрываютъ его бѣлою простынею и сажаютъ на него куклу. Одна изъ присутствующихъ беретъ его подъ уздцы, двѣ становятся по бокамъ, поддерживая куклу, а остальные, раздѣлившись на двѣ части, становятся по обѣ стороны эшака и въ такомъ видѣ ведутъ его къ плоту. «Воды дашь! воды дашь! поютъ онѣ хоромъ, воду дождевую маргаритку красную; сынъ владыки (или владѣтеля) жаждетъ немного воды, немного воды». — У плота снимаютъ съ эшака куклу, сажаютъ её на плотъ, зажигаютъ на немъ солому и въ такомъ видѣ пускаютъ его по теченію рѣки. Эшака перегоняютъ на другой берегъ, его ревъ принимаютъ за признакъ будущаго дождя. Если дождь не послѣдуетъ, Абхазцы обращаются съ просьбою къ Афы, богу грома, молніи и всѣхъ вообще атмосферическихъ явленій; ему приносятъ въ жертву быковъ. — Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ этотъ Афы къ Шибле, богу грома, которому Абхазцы празднуютъ одновременно съ Ильей и котораго также молятъ объ отвращеніи засухи — я не знаю. Черкесы отождествляютъ Шибле съ Яліемъ = Ильею. — Что касается до самаго обряда умоленія дождя, то кахетинское *лазарэ* и абхазская *кукла* становятся въ одинъ рядъ съ сербскою додолой или прперушей, болгарскими пеперугой или дюдюломъ, румынской *părălúgă*, *părălúďă*, новогреческой *πυρπυροῦνα* ¹⁾. Интереснѣе этимологическая и отчасти обрядовая аналогія *лазарэ* съ обычаемъ болгарскихъ дѣвушекъ *лазарватъ* на шестой недѣлѣ поста. *Убранныя цѣттами* онѣ ходятъ по домамъ къ своимъ роднымъ и носятъ корзинки, куда собираютъ *яица*; имъ даютъ бѣлое яичко, хлѣбъ, который называется *кукла*, серебряную или золотую

¹⁾ Сл. J. Grimm, D. M. I, 493—495; Аванасьевъ, I. с. II, 172 слѣд.; Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, p. 286—7; Сінас, Dictionnaire, II, a. v. pepéle.

монету и разные фрукты. Обходъ сопровождается пѣснями. Возрастные дѣвушки въ этотъ день собираются «ладувать» у рѣки, при чемъ гадаютъ, бросая въ воду вѣнки, и поютъ. Ладинныя пѣсни поминаютъ *Илью*, *Николу*, *Лазаря*, который является съ мольбой о *дождь*:

Лазарь са вози
 На златна коца,
 Изъ село ходи,
 Богу са моли:
 «Йя даи ми, Боже,
 Дребенъ ми дъждецъ и т. п. ¹⁾).

Въ *сербо-болгарскихъ* пѣсняхъ ключи отъ неба являются у *Ильи*; ими онъ замыкаетъ семь небесъ, кладетъ печать на облака, такъ что на грѣшную землю не падаетъ ни дождей, ни росы; грѣшники наказаны еще и другимъ образомъ: на нихъ

страшна ся коса пораснала,
 Изъ коса-то змии пораснале.

Я указалъ при другомъ случаѣ ²⁾, что обрастаніе тѣла явилось выраженіемъ внутренней нечистоты, мрака невѣрія, какъ въ русскихъ стихахъ о Егоріи, гдѣ обасурманившіяся сестры святаго также обросли и освобождаются отъ этой скверны лишь искупавшись въ *Иорданѣ*, т. е. окрестившись. — Замѣтимъ, кстати, что въ болгарской пѣснѣ, изъ которой заимствована цитата, земля покаранныхъ такимъ образомъ грѣшниковъ названа «Паливнянской» и — «Палестинской». Если это не подновленіе, то названіе Палестины интересно въ народномъ пересказѣ библейской повѣсти объ *Ильѣ*. — Небесная кара прекращается и *дождь* нисходитъ на землю лишь съ обращеніемъ грѣшниковъ, какъ въ румынской колядкѣ громъ *Ильи* пугаетъ невѣрный народъ *Ирода*, драковъ, которые принуждены принять «крещеніе мѣромъ и водою» ³⁾. —

¹⁾ Каравеловъ, I. с. р. 202 слѣд.

²⁾ Разысканія II, стр. 145; сл. тамже, стр. 89—91, 96.

³⁾ Разысканія VI, стр. 14—16.

Въ современномъ русскомъ и южно-славянскомъ повѣрїи нечестивцами являются не блюдушіе святыню, работающіе по праздникамъ, не чествующіе Ильина дня: наказаніе принадлежитъ Ильѣ, сжигающему ниву огнемъ молніи, грозящему *потопомъ*, отнимающему хлѣбъ у грѣшныхъ людей и т. п. ¹⁾. — Чуваши соблюдаютъ его день недопустительно: нарушеніе своего праздника пророкъ караетъ тѣмъ, что не посылаетъ дождей во время и побиваетъ поля градомъ ²⁾.

Примѣты о дождѣ и влагѣ, привязавшіяся къ имени Ильи, не столько касаются его значенія, какъ дождевика, сколько опредѣлены календарнымъ приуроченіемъ его праздника. Вотъ нѣсколько русскихъ: Илья надѣлливъ (наробиць) гнилья (съ Ильина дня идутъ дожди, отъ которыхъ гнѣетъ хлѣбъ и сѣно); до Ильи попь дождя неумолить, послѣ Ильи баба фартукомъ нагонить; до Ильи облака (хмары) ходять за вѣтромъ, а послѣ Ильи противъ вѣтра. — На Ильинъ день олень копыто обмочилъ, либо: купается, обмакиваетъ хвостъ, ногу, копыто, мочится въ рѣку, прогорчилъ воду; или: Илья наскокавъ въ рѣку, Илья въ воду наля; съ Ильина дня дьяволы начинаютъ жить въ водѣ: все примѣты, выражающія, что съ этого дня нельзя купаться, потому что вода холодѣетъ (на Ильинъ день и камень прозябаетъ). —

¹⁾ Аванасьевъ, I, 225, 473—4, 480; Крачковскій, Бытъ западно-русскаго селянина, стр. 149 и др. — Болгарская легенда (Каравеловъ I, 239—40 = Аванасьевъ, I, 482) рассказываетъ, что Илья хотѣлъ было отнять у нечестивыхъ людей весь хлѣбъ и оставилъ лишь нѣсколько колосьевъ на долю собакъ, у которой люди заняли зерна и посѣяли. Вотъ почему они обязаны кормить собаку; «человѣкъ пользуется собачьею частью», какъ говорится въ соответствующемъ малорусскомъ преданіи, замѣнившемъ Илью — Богомъ (Чубинскій, Труды I, 156). Сл. хевсурскую легенду о бѣломъ Георгіи и его собакѣ, объясняющую, почему св. Георгію дважды приносятъ жертву, а собакѣ однажды (Разысканія II, 60—1).

²⁾ Каменскій, Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у Чувашъ, стр. 16.

Ильинскимъ дождемъ умываются, окачиваются отъ очнаго призора и всякой вражей силы; отыскиваютъ (на Ильинъ день) ключи около старыхъ дубовъ и т. п. ¹⁾.

2) Какъ податель дождя Илья вмѣстѣ съ тѣмъ и *плододавецъ*: русскій народъ зоветъ его «надѣляющимъ»; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставятъ на воротахъ чашку съ зернами ржи и овса, прося священника «провеличать Илюю на плодородіе хлѣба» ²⁾. Въ общемъ значеніи плододавца онъ перешелъ въ шедривку, съ аграрнымъ значеніемъ которой мы познакомились выше: онъ — провозвѣстникъ богатаго урожая:

Шовъ Илья
На Васпля,
Въ ёго пужечка
Житяночка и т. д. ³⁾.

Осетины ⁴⁾ считаютъ Илью = Еля, Тубау-Ваццлла, Уаццлла покровителемъ земледѣлія и скотоводства и молятъ его: «Помоги намъ, содѣлай такъ, чтобы житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верха съ остатками. Какой урожай былъ на курпѣ, когда Уаццлла посѣялъ на этой нивѣ лѣвой рукой, а Марія, идя во слѣдъ его, держала для него корзинку съ сѣменами, такой подай, Боже, и намъ въ настоящее лѣто»; «святый Илія, помилуй насъ, проси у Бога и дай намъ хлѣба, дай урожаю, отврати отъ насъ огонь громовой. Прости намъ наши слабости и стрѣлы твои, посылаемыя на землю въ наказаніе, отклони

¹⁾ Аванасьевъ, I, 473—4, 640; III, 793; Петрушевичъ, Каравеловъ, Чубинскій, Нар. Дневникъ, подъ 20 Іюля. О дубѣ, какъ деревѣ, посвященномъ громовнику, см. Grimm, D. M. I, 141, 143, 153. Абхазецъ вѣрить, что молнія бьетъ преимущественно въ дубовыя деревья, почему тщательно ихъ уничтожаетъ, Дубровинъ, I, II, 27.

²⁾ Калининскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси р. 423.

³⁾ Разысканія VII, стр. 112.

⁴⁾ Дубровинъ, I, I, стр. 293—4, 301; Б. Гатіевъ, Суевѣрія и предрасудки у Осетинъ, I. с., стр. 26, 30—32, 52—3.

и не направляй на насъ. Пошли намъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, распложеніе скота, насъ питающаго, птицъ, насъ кормящихъ, и барановъ, намъ доставляющихъ одежду для прикрытія наготы». — На Руси Илья считается покровителемъ телятъ, барановъ и козлятъ ¹⁾; выборъ животныхъ опредѣлялся, вѣроятно, ихъ жертвеннымъ употребленіемъ. На отношеніе Ильи къ распложенію скота указываютъ, между прочимъ, и слѣдующіе русскіе обряды: въ Великороссіи по окончаніи жнива оставляютъ на корню связанный узломъ пучекъ ржи, въ честь Ильи пророка: это зовется «*завязать Илью бороду*», какъ въ другихъ мѣстахъ такимъ-же образомъ завязываютъ бороду *св. Николы* (или и Христу), въ Малороссіи *Волосу*, а въ архангельской, вологодской и костромской губерніяхъ послѣдніе несжатые колосья связываются на корню снопомъ, который убираютъ цвѣтами: это зовется «*волотка на бородку*» ²⁾. Вниманіе обращаетъ на себя чередованіе въ одномъ и томъ-же обрядѣ именъ Ильи, Николы и — Волоса, въ которомъ нельзя не видѣть «скотьяго бога» древне-русскаго свидѣтельства. Чередованіе Ильи и Николы мы встрѣтимъ и далѣе въ варянтахъ одной легенды, распространенной у русскнхъ, чувашей и ингушей; такое-же сближеніе Николы съ Волосомъ отмѣчено было Буслаевымъ: въ 16-ти верстахъ отъ Владиміра былъ, нынѣ упраздненный монастырь Волосовъ, во имя св. Николая угодника, сначала на горѣ, будто-бы на мѣстѣ капища божества Волоса ³⁾. Эти сопоставленія позволяютъ заключить, что Илья считался у насъ, какъ и у Осетинъ, покровителемъ скота, скотнымъ богомъ; Волосъ, можетъ быть, ни что иное,

¹⁾ Калининскій, I. с. 424.

²⁾ Аванасьева, I, 474, 475—6, 697—698; Мандельштамъ, I. с. р. 235—7; Майковъ, Заключенія, № 281; сл. Ефименко, Матеріалы по этнографіи русск. населенія архангельской губерніи, р. 255 (борода завязь).

³⁾ Буслаевъ, въ Отчетѣ объ О. Миллерѣ, Илья Муромецъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1871 г., т. 154, отд. 2, стр. 215.

какъ обобщенный эпитетъ громовника, плододавца и — *дождевика*, что объяснило-бы его дальнѣйшую замѣну *Николай*, мокрымъ, владѣтелемъ надъ водами. — При этомъ гипотетическомъ объясненіи мы принуждены были-бы включить въ границы частнаго вліянія — воздѣйствіе легенды о св. *Власіи* на образъ *Волоса* «скотьяго бога»¹⁾.

Сообщаю содержаніе легендъ, упомянутыхъ выше:

Илья раззоряетъ градомъ и ливнемъ поле крестьянина, небрежнаго имъ и чествовавшего *Николу-угодника*, который успѣлъ передъ тѣмъ подговорить мужика — продать весь хлѣбъ на корню *Ильинскому* попу. Узнавъ объ этомъ *Илья*, послалъ дождя, хлѣбъ отродился снова — а нива-то ужъ выкуплена мужикомъ, по совѣту *Николы*. «Постой-же, отыму я у хлѣба спорынью, говоритъ еще разъ обойденный *Илья*: сколько-бы ни накладе мужикъ сноповъ, больше четверика заразъ не вымолотятъ». А *Никола* совѣтуетъ ему, во время молотбы, больше какъ по одному снопу не класть на токъ; какъ сталъ онъ молотить, что ни снопъ, то и четверикъ зерна; пришлось строить новые амбары²⁾. Я указалъ, по другому поводу³⁾ на *ингушскую* легенду того-же содержанія, гдѣ *Ильѣ* отвѣчаютъ *Богъ*, *Николѣ* — *Елта*. Въ *Чувашскомъ* пересказѣ⁴⁾ тоже разсказывается о великомъ *Богѣ* (= *Никола*) и богѣ *Николѣ* (= *Илья*), вмѣсто котораго называютъ и *Херле-сыр'а*, т. е. духа или бога, оплодотворяющаго землю. Однажды, когда они ходили по землѣ и заплутались, *Никола* зашелъ справиться о дорогѣ въ баню, гдѣ въ то время находилась роженица съ бабкой, которая налетѣла на него съ вѣникомъ и крикомъ: куда, куда *Русскій* идешь! Разгнѣванный *Никола* просить *Бога* не давать

¹⁾ О *Волосѣ* см. *Крек*, *Veles*, въ *Archiv für slavische Philologie*, I, 134 слѣд.; *Потебня*, Слово о *Полку Игоревѣ*, стр. 21—3. *Волотка* (на бородку), можетъ быть, замѣна *Волоса*, подъ вліяніемъ *володь* = *волоса*.

²⁾ *Аванасьевъ*, I, 476—7.

³⁾ *Разысканія* VI, стр. 11, прим.

⁴⁾ *Магнитскій*, I, с. 253—5; сл. 29 и 67.

счастья новорожденному: у него умирають родители и скоть, хлѣбъ выбило градомъ; когда, подросши, онъ сталъ навматься въ работники, всюду приносилъ несчастье, и его прогоняли. Какой-то старичекъ (это былъ великій Богъ) велитъ ему наняться въ пастухи къ одному богатому Чувашину и за пастьбу брать не деньгами, а приплодомъ: въ первый годъ выговорить себѣ черныхъ ягнятъ и телятъ, а во второй бѣлыхъ. Пришлось хозяину отдать ему двухлѣтній приплодъ. Снова идетъ по землѣ великій Богъ съ богомъ Николой, увидѣли стадо. Такого хорошаго скота я ни разу не видалъ, говоритъ Никола и узнаетъ, что принадлежитъ онъ тому ребенку, при рожденіи котораго его, Николу, оскорбили. — Я-же просилъ, Господи, не давать ему счастья: отними-же у него скотину! Господь согласился и послалъ моръ на скоть: къ вечеру не осталось и шерстинки. — Снова явился старичекъ, велитъ молодцу посѣять рожь на заброшенномъ клочкѣ земли: рожь уродилась на славу, но Богъ опять вынужденъ исполнить просьбу Николы и посылаетъ градъ на нивы, такъ что отъ ржи осталась самая малость. — По совѣту старичка молодецъ обмолотъ еѣ, подѣлалъ солоду, крупы, сварилъ пиво и кашу, позвалъ сельчанъ и прохожихъ и началъ всѣхъ подчивать. Въ числѣ прохожихъ оказались великій Богъ и Никола, который, довольный угощеніемъ, сталъ просить Господа оказать хозяину всякія милости. — Да это тотъ самый, при рожденіи котораго тебя обидѣли! — Дѣлать нечего, все-таки дай ему всѣ милости, ужъ черезъ чуръ хорошъ человекъ, сказалъ Никола. Съ той поры молодецъ разжился.

Примѣты аграрнаго характера, связанныя на Руси съ именемъ Ильи, опять-же опредѣлены календаремъ. На Илью начинаютъ жать, отсюда присловья: Илья пророкъ въ полѣ кошны считаетъ; или

Святый Илья славная жнея,
Святый Борисъ снопы зносиць,
Святый Спасъ жито посвящаецъ,
Больша Пречистая попары мѣшаецъ и т. д.

Оттуда появленіе громовитаго Ильи въ сербской жатвенной пѣснѣ. — Приведу рядъ другихъ примѣтъ и поговорокъ: Петръ съ колоскомъ, Илья съ колобкомъ; св. Пятро вколосився, а св. Илья жито жала; Пришелъ Пятрокъ, опалъ листокъ, пришла Илья, опало два; св. Пятро въ жицѣ ядро, а св. Илья Божія жнея; въ купальской пѣснѣ: Только нѣту Ильи съ Пятромъ, Пошовъ Илья коло жита. — Новый хлѣбъ на Ильинъ день — то и веселье Ильинскимъ ребятамъ, что новый хлѣбъ. — У мужика та и обнова на Ильинъ день, что новинкой сѣтъ. — Знать бабу по наряду, что на Ильинъ день съ пирогомъ. — Если первый громъ слышенъ на западѣ, то хорошій урожай хлѣба; или наоборотъ: удары грома на западѣ предвѣщаютъ неурожай и эпидемію, на востокѣ и югѣ, либо ранней весною, урожай. — На Илью повну печку хлѣба налью. — До Ильина дня сѣно сметать, пудъ меду въ него накласть. — На Ильинъ день перегоняютъ пчелъ. Ильинскій рой не въ корысть; только до Ильѣ добрые рой, а по Ильѣ лиши роя на гѣбли. — У карпатскихъ Бойковъ: Ильевъ мѣсяцъ — срубка сплавнаго лѣса. — Капусту накрываютъ горшкомъ, чтобъ была бѣла. — Чуваши деревни Масловой называютъ Ильинъ день картофельнымъ праздникомъ (Паранга прасникъ): кто въ этотъ день начнетъ ѣсть картофель, у того онъ родится крупный, и наоборотъ. Если будетъ громъ въ день Ильи, то орѣхи будутъ пусты, а вино хорошее, говорятъ въ Болгаріи ¹⁾.

3) Какъ податель дождя Илья вмѣстѣ съ тѣмъ и *громовникъ*: Илья грозы держить, говоритъ русское присловье ²⁾. Связь обихъ атмосферическихъ явленій представлялась естественно сама собою, но дѣйствовала и библейская легенда: низведеніе небеснаго огня на жертву и пятидесятниковъ могло быть истолко-

¹⁾ Аванасьевъ, I, 473, 474; Петрушевичъ, подъ 20 Іюля; Чубинскій, Нар. Дневн. подъ 20 Іюля и Труды I. с. I, р. 23; Крачковскій, I. с. р. 149; Магнитскій, I. с. 223; Каравеловъ, I. с. 241.

²⁾ Аванасьевъ, I, 473.

вано, какъ молнія, огненная колесница явиться символомъ молніе-носной, въ которой съ грохотомъ-громомъ катается громовникъ и т. д. Таково именно представленіе о колесницѣ Ильи въ новогреческомъ, болгарскомъ, сербскомъ, русскомъ и эстонскомъ повѣрьяхъ ¹⁾. Въ колесницѣ катается и Торъ, подобнымъ-же образомъ объясняли себѣ и гремящаго Зевса ²⁾. Къ этому присоединился цѣлый рядъ частныхъ мифическихъ апперцепцій, то становившихся рядомъ съ библейскимъ образомъ, то вступавшихъ съ нимъ въ сочетаніе. Осетины видятъ въ Ильѣ *огненного* молніе-носнаго змѣя ³⁾; либо пророка изображаютъ въ *красной* шапкѣ и мантии *огненного* цвѣта, съ мечемъ, на остріѣ котораго горитъ *пламя*. Матери Василія Македонянина, большаго почитателя святаго, Илья явился въ сонномъ видѣніи, предвѣщая ей величіе ея сына: *пламя* исходило изъ его усть ⁴⁾. Такъ и у сѣвернаго Тора глаза искрятся *огнемъ*, борода — цвѣта *молніи* (*rauðskeggjaðr*), а у финскаго Укко огненные рубаха и мечъ, лукъ и стрѣлы ⁵⁾.

Особливо посчастливилось при имени Ильи представленію, распространенность котораго свидѣтельствуетъ о его психологической законности на извѣстной степени умственного развитія: что молнія и громъ — отзвукъ и отблескъ ударовъ, наносимыхъ громовникомъ демону, змѣю, ламіи и т. п. Индра поражаетъ молніей облачнаго змѣя Аhi; какъ въ старосѣверныхъ разсказахъ Торъ преслѣдуетъ великановъ своимъ молніеноснымъ молотомъ, такъ и теперь на Schonen'ѣ говорятъ во время грозы, что Торъ побиваетъ троллей; въ прусскомъ повѣрѣи громовникъ побиваетъ дьявола синимъ бичемъ-молніей; у Лапландцевъ Аїеке гоняется

¹⁾ I. c. I, 470—1, 479—2; II, 6; Δημώδεις μετεωρολογικοί μῦθοι, ὑπο Ν. Γ. Πολίτου, стр. 4—5; Wiedemann, Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten, p. 457.

²⁾ J. Grimm, D. M. I, 138—9; сл. 156 (vagna verr).

³⁾ Аванасьевъ, I. c. I, 483.

⁴⁾ AASS. I. c. p. 7.

⁵⁾ Сл. Castren, Vorlesungen über die Finnische Mythologie, übers. von Schiefner, p. 43—44.

за колдунами и привидѣніями, у Эстовъ Богъ за дьяволомъ, какъ у Ингушей ангелъ Жебраль-Мелекъ ¹⁾ и т. п. ²⁾). Представленіе грозы борьбою допускало большое разнообразіе второстепенныхъ мотивовъ. Въ эстонской сказкѣ старый Tühi, дьяволъ, похищаетъ громовую волынку Píkne, которую уноситъ на дно озера; сюда проникаетъ къ нему Píkne, обернувшись мальчикомъ, и только что занолучилъ волынку въ свои руки и заигралъ на ней, какъ всѣ черти *попадали* на землю. Позднѣе, онъ вызываетъ звуками своего инструмента дождь, котораго не было передъ тѣмъ въ теченіи семи мѣсяцевъ ³⁾). — Сказка напоминаетъ сѣверный мифъ о Торѣ, у котораго великанъ Þrung похитилъ громовой молотъ. Торъ проникаетъ къ нему, переодѣтый невѣстой, какъ и Píkne является къ Tühi — на свадебный пиръ. Раздобывъ свой молотъ, громовникъ убиваетъ имъ врага. — Укажу въ заключеніи на одно кавказское преданіе съ чертами забытой грозовой борьбы. Богатырь Урузмекъ поклялся убить князя Нартовъ, трусливаго козлино-бородаго Пука, который, не видя возможности укрыться отъ него на землѣ, улетѣлъ на небо и остался тамъ жить, построивъ себѣ стеклянный дворецъ. Такъ какъ Пукъ былъ богъ, то онъ, разгнѣвавшись на Нартовъ, задержалъ дожди; произошла засуха, хлѣба перестали цвѣсти, деревья стояли безъ листьевъ, животныя не плодились, женщины

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VIII: Чаха Ахрѣва, Ингуши, стр. 10.

²⁾ Сл. вообще Полята, *Δημόδαις μῦθοι*, стр. 4, 9, 40.

³⁾ Сл. выше стр. 263 и J. Grimm, D. M., I, 146; Castren, l. c., p. 46—7. — Kreutzwald (*Ehstnische Märchen, übers. v. Löwe, № 9 u. 10*) сообщил два варьянта этой сказки, изъ которыхъ второй (№ 10) совершенно сходенъ съ пересказомъ Янсена. Тамъ и здѣсь Píkne, чтобы узнать, гдѣ прячется Tühi, поступаетъ въ услуженіе къ рыбаку, по имени *Lijon'u*. По эстонскому повѣрью — это посредникъ между людьми и богомъ, иначе: «земной богъ, сопутствующій грозѣ». Сл. Wiedemann, l. c., p. 428—9. Löwe (l. c. p. 123—4, прип.) спрашиваетъ: не пошло-ли это имя отъ Ильи?

не рождали. Нарты упрекають Урузмека, что онъ — причина ихъ горя, и тотъ, взобравшись на небо, разомъ *отстыкаетъ* Пуку голову. Послѣ того семь недѣль лился дождь съ кровью, на землѣ опять наступилъ «берекетъ», довольство: хлѣба начали цвѣсти и т. д. ¹⁾.

Такого рода представленія привязались и къ Ильѣ громовнику, молнія очутилась въ его рукахъ оружіемъ противъ вражьей силы, гроза — борьбою. Уже въ житіи Андрея Юродиваго, какъ и въ *новогреческомъ повѣртіи* ²⁾, пророкъ представляется на колесницѣ гремящимъ и поражающимъ молніей дракона. Болѣе обычнымъ является въ современной Греціи воззрѣніе, что молнія гоняется за змѣями (ἡ ἀστραπή κυνηγᾷ τὰ φίδια); въ греческихъ пѣсняхъ жена пугаетъ дракона, готовящагося пожрать ея мужа, что она — дочь молніи, внучка и правнучка грома, сожжетъ врага, и, поднявъ вѣтеръ, развѣетъ его прахъ:

Καὶ τῆς ἄστραπῆς παίδιν εἶμαι καὶ τῆς βροντῆς ἀγγόνιν,
καὶ τῆς χαμηλοπούμπουρης διαάγγονον καὶ ἀγγόνιν,
Τώρα ἄστράβω καὶ κάβω σε, βροντῶ καὶ κατὰλυῶ σε,
σηκώνω καὶ ἀνεμῶ καὶ παίρω τὸν σταχτὸν σου.

То-же въ пѣснѣ итальянскихъ албанцевъ, гдѣ роль дракона играетъ *clushèdra* ³⁾.

Уже Иоаннъ Дамаскинъ упоминаетъ о повѣртіи, «ὅτι ὑπὲρ βροντῆς διώχεται ὁ δράκων», которое опровергаетъ, а Пселль, отрицая дѣйствіе молніи на безтѣлесныхъ демоновъ, признаетъ его для драконовъ: «Ὅτι [τὸ] τῶν δρακόντων γένος ξηρόν τε τὴν φύσιν ἐστὶν καὶ διαίρει τὰ σώματά εἰ[τις] ψαύσει αὐτῶν ἔνθεν, καὶ εὐπρηστός ἐστιν δι' ἣν ἔχει ξηρότητα καὶ πρὸς κατάφλεξιν ἐπιτήδειος.

¹⁾ Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа I, отд. 2, стр. 1—6.

²⁾ Такъ у Полита, 'Ο Πλωс р. 53; въ Δημῶδες μῦθοι р. 5 онъ заявляетъ, что ему неизвѣстно, сохранилось-ли это представленіе и въ новой Греціи.

³⁾ Δημ. μῦθοι 5, 9—10.

Πεφόβηται γοῦν διὰ ταῦτα τὸν κεραυνόν· καὶ ἀλώμενον φέρεται διαέριον ἐπὶ στεγανούς τόπους καὶ καταξήρους καὶ μάλιστα περὶ λίμνας καὶ φρέατα· ἅτε ὦν, ὡς ἔφθην εἰπών, διὰ τὴν ξηρότητα εὐπρηστος. Καὶ ἀπὸ διαστάσεως τῷ κεραυνῷ πυρὶ καταφλέγεται· διὸ ἔνθεν δὴ δράκων φανῆ συρίζων καὶ διῶν, ἐκεῖσε δὴ ἀποσκήπτων ὁ κεραυνός τὰ παρακείμενα μέρη νέμεται. Πολλάκις δὲ καὶ δράκοντος ἄτερ λεγόμενοι ἀραγμοὶ καὶ συριγμοὶ καὶ γρυλλισμοὶ ἐξακούονται· τὸ γὰρ αἴριον τοῦτο πῦρ ἐπιπίπτον τοῖς γεώδεσι τούτοις σώμασιν, εἰ μὲν ἐφ' ὑγρὰν ἐκπεσεῖται οὐσίαν, σίζει ὡς ἄπερ ἀποσβεννύμενον· εἰ δὲ ἐπὶ ξηρὰν, εἰ μὲν μανοτέραν, χοιρογρύλλου ἦχον ἀποτελεῖ, χωροῦντος τοῦ πνεύματος διὰ βάρους, καὶ τὸν τοιοῦτον ἦχον ἀποτελοῦντος, εἰ δὲ ἐπὶ ρευστὴν καὶ στερρὰν τὸν λεγόμενον ἀραγμὸν ἀποτελεῖ· ὅς δὴ πεποιμένος ψόφος ἐστί· καὶ τὴν ὀνομασίαν εἴληγεν ἀπὸ τῆς τῶν ὀδόντων συγκρούσεως· σκληροὶ γὰρ καὶ οὗτοι ὄντες πρὸς ἀλλήλους ἀντιτυποῦντες ἀράσσουσιν . . .

За этой рационалистической попыткой объяснить народное повѣрье, отдѣливъ въ немъ естественный элементъ отъ демоническаго, слѣдуетъ небольшою эпизодъ, «Исторία περὶ τῶν δρακόντων», очевидно принадлежащій позднѣйшей рукѣ и снова смѣшывающій раздѣленное тамъ, демона со змѣемъ, и именно библейскимъ:

«Τὸ ὀλεθριώτατον τῶν δρακόντων γένος χειρὶ μὲν ἀνθρωπίνῃ καὶ ἀκμῇ ξίφους ἤκιστα κτείνεται· φοβερὸν γάρ ἐστι οὐ μόνον τῷ μαχεσθῆναι, ἀλλ' ἤδη καὶ θεαθῆναι· οὐκοῦν τούτῳ τῷ τρόπῳ τὰ πολλὰ διαφθείρεται σκηπτῷ αὐτοῖς οὐρανόθεν καταρρηγνυμένου, ἐκ θείας δυνάμεως, ἢ σχισμαῖς γῆς ἢ πυθμέσι πελαγῶν ἐγκαταρταρούσης ¹⁾ καὶ ἐγκαταποντούσης ²⁾ αὐτούς. Οὕτω γοῦν, ἐπεὶ

¹⁾ Текстъ: Ἐγκαταρταρούσης. Поправка принадлежитъ проф. Дестунису, указавшему мнѣ и на Евстаφία Θεσσαλονικίискаго: Ἐγκαταχωσθέντος τοῦ ἔργου ὀλέθρῳ οἷα καὶ τινι τάφῳ, и на существование глагола тартарόω.

²⁾ Текстъ: Ἐκποντούσης (sic). Поправкой я обязанъ проф. Дестунису.

ὄφειδος καὶ δράκοντίδος ἡ ἀμαρτία, οὐ μόνον ὅτι δάχνει θανατηρὰ καὶ ὀλέθρια, ἀλλ' ὅτι καὶ δι' ὄφειδος ἐξ ἀρχῆς τῶ τῶν ἀνθρώπων γένοι παρεισεφθάρη τῶ ταλαιπώρῳ δικαίως κατὰ τοὺς ὄφεις καὶ δράκοντας ὑπὸ τοῦ Σωτῆρος ἐξολοθρεύεται, φλεγόμενη μὲν τῶ θείῳ πρῆστῆρι τοῦ Πνεύματος, τοῖς δὲ τοῦ Ἰορδάνου ρεῖθροις ἐγχαταπονομένη» ¹⁾. —

Подобныя воззрѣнія, пройдя въ литературу, распространялись далѣе по путямъ византійскаго вліянія. Аѳанасьевъ указалъ, между прочимъ, на апокрифическую бесѣду Панагіота съ Азимитомъ, гдѣ громъ и молнія исходятъ отъ ангеловъ «на проклятаго змія», тогда какъ въ одной апокрифической статьѣ, по ркп. XVI вѣка, громъ толкуется оружіемъ ангела, гонящаго дьявола, молнія — одеждой архангела Наѳанаила и т. п. ²⁾. Въ отреченномъ Исходѣ Моисеевомъ дьяволъ препирается о тѣлѣ Моисея съ архистратигомъ Михаиломъ, который «помолиса къ бгѹ, и бысть громъ и мѣлнія, и абѣ ищезе дѣволъ». Въ этомъ смыслѣ понята была и «брань на небеси» Михаила съ древнимъ змѣемъ въ XII главѣ Апокалипсиса и въ апокрифическихъ и пошедшихъ отъ нихъ народныхъ рассказахъ — о Михаилѣ-громовержцѣ ³⁾.

Въ этой связи стоятъ румынскіе и славянскіе грозовые мѣны.

Какъ во вставкѣ у Пселла молнія св. Духа и воды Иордана поражаютъ, въ образѣ змѣй и драконовъ, нечестіе первороднаго «змѣвиднаго» грѣха, такъ въ *румынской* колядкѣ крестятся драки, пораженные громовникомъ Ильей ⁴⁾. Иначе: онъ охотится на драковъ, стрѣляя въ нихъ громомъ и молніей, и истребилъ-бы ихъ всѣхъ, еслибъ Господь не скрывалъ отъ него дня его памяти, или не поразилъ его въ десницу. Причину этой вражды повѣрье

¹⁾ I. с. 5—7; сл. поправки къ тексту въ концѣ 49 страницы.

²⁾ Аѳанасьевъ, I. с. II, 516—517; I, 263—4.

³⁾ Тихонравовъ, Пам. отреченной русской литературы I, 253; Аѳанасьевъ, I. с. I, 585, II, 418, 463, 593.

⁴⁾ Сл. выше, стр. 14—16.

объясняетъ различно, но врагъ одинъ и тотъ-же: либо это дьяволъ, увлекшій святаго къ убійству отца и матери, либо похитель солнца и мѣсяца, Юда, а мы знаемъ что румынское преданіе равумѣетъ подь нимъ дьявола ¹⁾.

Когда ударить громъ *Сербы* говорятъ, что св. Илья преслѣдуетъ дьявола; по *болгарскому* повѣрью онъ гонитъ ламью, поражая её своимъ копьемъ — молніей; вѣрятъ, что ламья ѣдятъ жито и лишь благодаря молніи Ильи земля родить хлѣбъ, не производя плода, пока пророкъ не выѣдетъ на небо въ своей огненной колесницѣ, — какъ и по великорусской примѣтѣ земля не растворяется до перваго грома ²⁾. Ламія, пожирающая жито и побиваемая Ильей, напоминаетъ ламію болгарской пѣсни на Юрьевъ день, изъ которой истекають три (задержанныя ею?) рѣки: пшеницы, молока и вина; житнаго змѣя Луличанъ и Эстовъ (*lendawa, lendwa, wedaja*) ³⁾. — Въ Болгаріи рассказываютъ, что Илья заставляетъ умершихъ цыганъ дѣлать градъ изъ снѣгу и пускаетъ его лѣтомъ на поля грѣшниковъ; либо: что души

¹⁾ Сл. выше, стр. 263—4. Сказку объ Ильѣ, убійцѣ отца и матери, см. у Schott'овъ, *Walachische Märchen*, p. 281—2. Съ Юдой, похитителемъ мѣсяца, сл. малорусскій заговоръ «на вырванне завитьте: якъ берестъ одъ огню корчигца, такъ беззаконного Юду (або Юдиху), *мѣсячмаю вѣдьмача*, або вѣдьму, щобъ корчили». Ефименко, Сборн. малор. заклинаній, № 134. — Можетъ быть эстонское *jūdas* = чертъ, финское *juitas*, относятся сюда-же; Wiedemann сблизаетъ первое съ литовск. *judas* = черный, латышск. *johds*: «ursprünglich der Name für den Oberen der Kriegergeister.... deren Kämpfe den Erdbewohnern als Nordlicht erscheinen (Wiedemann, l. c. p. 372, 409, 420, 421, 439, 446, 454). Сл. Castren, l. c. стр. 110.

²⁾ Каравеловъ, l. c. 240, 241; Аванасевъ, I, 481—2, 582; Петрушевичъ, l. c. подь 20 Юля.

³⁾ Разысканія II, 146; Аванасевъ, II. В. II, 561; Wiedemann, l. c. 428. Какъ въ лужицкомъ, такъ и въ эстонскомъ повѣрѣ змѣя приноситъ жито своимъ любимцамъ, — похищая его у другихъ? Можетъ быть и въ вѣмецкомъ *Roggenwolf* слѣдуетъ считать основной эту демоническую черту хищенія, задерживанія (сл. Аванасевъ, l. c. I, 769). О тождественности волка и змѣя сказано будетъ ниже.

дѣтей, родившихся по смерти отца, помогаютъ Ильѣ преслѣдовать ламію ¹⁾. Поить указываетъ по этому поводу на распространенное представленіе грозовой бури — стремительнымъ полетомъ отжившихъ душъ (Маруты въ окруженіи Индры, *Wüthendes Heer* и т. п.) ²⁾.

Молнію *русскій* народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Богомъ или Ильей въ змѣя или дьявола, который старается укрыться отъ нея въ разныхъ животныхъ и гадахъ. Въ галицкомъ сказаніи о сотвореніи міра Илья низвергаетъ громомъ и молніей чертей на землю, какъ въ румынской колядкѣ Іюду—дьявола. Малорусскія легенды рассказываютъ объ охотникѣ, пристрѣлившемъ во время грозы черта и награжденномъ за то Богомъ либо архистратигомъ Михаиломъ, тогда какъ сходныя бѣлорусское и хорутанское преданія выводятъ на ихъ мѣсто — Илью пророка. Въ южно-русскихъ повѣрьяхъ въ роли громовержца, преслѣдующаго, поражающаго дьявола, чередуются, *рядомъ съ Ильей* — св. *Юрій и архангелы Михаилъ и Гавріилъ*, или просто ангелы; «якъ св. Илья замахне палкою, то блысне, а якъ ударить по черту, то гримне»; либо: «смертоносное орудіе заряжаетъ стрѣлою св. Юрій, а зажигаетъ и направляетъ выстрѣлъ арханг. Гавріилъ; не забыть и образъ колесницы: громъ — стукъ отъ колесницы, въ которой ѣдутъ Илья или архангелъ Гавріилъ; «якъ гримыть, до то Илья іздыть по небі, а блыскае, до то Гавріилъ кыткою махае» и т. п. Орудіемъ громовника является огненная палка, чаще громовыя каменныя стрѣлы, какъ и извѣстный молотъ Тора и финскаго Укко въ сущности ни что иное, какъ камень,

¹⁾ Каравеловъ, I. с. 240; Rosen, *Bulgarische Volksdichtungen*, p. 36.

²⁾ I. с. 11; сл. 28—9. Можетъ быть, земную локализацию представленія грозы — воздушной борьбой демоновъ слѣдуетъ видѣть въ многочисленныхъ рассказахъ о воздушной борьбѣ, которую продолжаютъ или возобновляютъ между собою души ратниковъ, павшихъ на полѣ битвы. Нѣсколько древнихъ свидѣтельствъ собрано у Фотія, *Biblioth. res. Bekker I*, p. 339.

вѣроятно, заостренный стрѣлообразно, а русскій Перунъ вооруженъ былъ палицей и, быть можетъ, камнемъ ¹⁾. —

Св. Георгій громовникъ принадлежитъ, какъ извѣстно, не одному лишь русскому суевѣрью: Чуваши, знающіе Илью, приписываютъ и Георгію (23 Апрѣля) пораженіе громомъ, говоря, что человекъ, сдѣлавшійся его жертвой, прогнѣвалъ святаго ²⁾. Жители Ріонской долины видятъ въ грозѣ преслѣдованіе змѣя свят. Георгіемъ на летучемъ конѣ, въ громѣ — звуки отъ его ударовъ, въ молніи — стрѣлы, которыми онъ поражаетъ врага, либо — стѣны и куполь церкви, когда предвѣщаетъ чью-либо смерть. Наоборотъ: по вѣрованію Осетинъ злыхъ духовъ истребляетъ ударами грома Илья, развѣзжающій по небу; встрѣтивъ демона, его слѣдуетъ разсѣчь съ одного маху и, на его просьбу повторить ударъ, отвѣчать: «во имя св. Ильи слѣдуетъ нанести демону только одинъ ударъ», ибо отъ всякаго послѣдующаго демоны будутъ умножаться. — Отсюда понятно древнее сближеніе Ильи и Георгія у Мусульманъ, сливавшихъ ихъ въ одинъ образъ Khidrellez'a, и Абазиновъ, чествующихъ ихъ въ одинъ и тотъ-же день ³⁾. Мы увидимъ далѣе, что русскіе заговоры привлекаютъ въ эту связь и еще одного громовника: архангела Михаила.

Для зооморфическаго представленія демона, котораго побираетъ громовникъ, интересна примѣта, что на Ильинъ день *волки* и *зми* выходятъ изъ своихъ норъ и бродятъ по полямъ и лѣсамъ, терзая домашнюю скотину, и лишь одинъ громъ въ состояніи разогнать ихъ; видны «*волчи выходы*» ⁴⁾. Апперцепція демона

¹⁾ Аванасьевъ, I. с. I, 256, 257, 263 слѣд.; 461, 471—3; II, 516—517; III, 783; Труды этногр. стат. эксп. и т. д. т. I, 19—20; Крачковскій, I. с. 149—150; Яс. Grimm, D. M. I, p. 149—151; Castren, I. с. p. 33, 42.

²⁾ Каменскій, I. с. p. 16.

³⁾ Разысканія II, 86—7, 53. Въ прим. 3 на стр. 86 ссылку на книгу Дубровина слѣдуетъ исправить: стр. 243 вм. 234. — Б. Гатіевъ, I. с. 29, 30.

⁴⁾ Разысканія II, 85—6. — Петрушевчъ, I. с. подъ 20-мъ Іюля.

змѣмъ принадлежить къ числу распространенныхъ, поддерживавшихся въ христіанскую пору библейской легендой, но и *волкъ* могъ являться въ той-же символической роли. Обратимъ вниманіе на средневѣковыя выраженія для дьявола: *infernus lupus*, *lupus vocax*, волкъ, похищающій души и т. п.; на чередованіе *змѣя*, *волка и демона* въ народныхъ повѣрьяхъ, особливо тѣхъ, которые объясняли затмѣніе солнца и луны поглощеніемъ ихъ чудовищнымъ врагомъ — и послѣдовательно перенесли этотъ актъ и на эсхатологию ¹⁾. Въ Эстонскомъ преданіи чертъ не только произвелъ на свѣтъ жабу и создалъ змѣю изъ песку, но сотворилъ и *волка*. По этому поводу разсказывается легенда ²⁾, интересная тѣмъ, что она встрѣчается въ Малороссіи, Албаніи и Греціи. Когда небесный отецъ (Тѣг) создалъ звѣрей, діаволь также пожелалъ быть творцемъ: изъ синей глины онъ слѣпилъ собаку, но не будучи въ состояніи оживить её, обратился съ просьбой къ Господу. Господь будто-бы сказалъ тогда: Встань, волкъ, разорви черта! Другіе говорятъ, что эти слова сказалъ самъ діаволь. Оттого чертей и покойниковъ, возвращающихся на этотъ свѣтъ, пугаютъ волками, которые послѣднихъ и пожираютъ. — Сличите слѣдующее малорусское повѣрье: Сотворилъ Богъ человѣка изъ земли, и діаволь пожелалъ сдѣлать себѣ такого-же. Принялся за работу, но у него вмѣсто человѣка вышелъ волкъ. Одинъ варьянтъ разсказываетъ, что онъ слѣпилъ

¹⁾ Сл. Аванасъевъ, I. с. I, 736; 740 прим. 5, 743—4, 749—751, 753, 754, 755—6, 758, 759—761 прим. 1, 762—4. Сл. W. Grimm, Die Mythische Bedeutung des Wolfes, въ Zs. f. deutsch. Alterthum, XIV, 212—3; Wiedemann, I. с. 458; осетинское повѣрье у Б. Гатіева, I. с. 73—4; Rolland, Faune populaire de la France. Les mammifères sauvages p. 123. — Съ сказками, приведенными Аван. II, 535—6: о змѣѣ, похитителѣ небесныхъ свѣтилъ, поражаемомъ героемъ, сл. извѣстную намъ румынскую колядку объ Ильѣ и Іудѣ и въ прозаической Эддѣ обвиненіе Локи богами, что онъ затѣялъ отдать Йотунамъ — Фрею, солнце и мѣсяцъ (ed. Jónsson, p. 46).

²⁾ Wiedemann, I. с. 425, 440, 445, 449, 454.

его изъ глины, но такого большаго, что его пришлось острогать: изъ стружекъ понадѣлались шершни, оводы, мухи, комары ¹⁾. Чтобъ оживить волка бѣсъ сказалъ: «гужя Бога», но волкъ не двигался. Затѣмъ Богъ сказалъ волку: «гужя ёго», волкъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дѣволомъ, а чертъ ушелъ и хотѣлъ взлѣзть на дерево, но волкъ догналъ его, схватилъ за ноги и откусилъ пяты. Изъ раны потекла кровь и заструилась по стволу дерева, а то дерево было ольха. Потому и теперь это дерево красно. Говорятъ съ тѣхъ поръ черти безъ пяты, а волки гоняются за чертями и поѣдаютъ ихъ. *Кабы не они и не громъ, ихъ бы расплодилось видимо-невидимо* ²⁾. Послѣднія слова разъясняютъ сомнѣніе Гана, когда, сообщая албанскую сказку о созданіи волка ³⁾, онъ недоумѣваетъ, какъ объяснить имя архангела Михаила въ народномъ заклѣтѣи на дьявола: «Волкъ, ѣшь его, св. Михайлъ, пусть онъ лопнетъ!» Мы знаемъ изъ малорусскаго повѣрья Михаила-громовника.

Содержаніе сказки такое: когда Господь создалъ прародителей, чертъ создалъ изъ того-же матеріала волка, но оживить не умѣлъ: какъ ни дулъ въ него до изнеможенія, ничего не сдѣлалъ. Тогда Богъ ударилъ волка жезломъ по боку (оттого у него перехватъ) и сказалъ: Твореніе, пожри твоего творца! Первый кого пожралъ волкъ, былъ дьяволъ. — Харисій Мегданъ сообщаетъ подобный же мифъ: «Ὁταν ὁ Θεός ἐπλασε τὸν ἄνθρωπον, ἀντέπλασε καὶ ὁ δαίμων τὸν λύκον· ἀλλὰ δὲν ἠδυνήθη καὶ νὰ τον ζωοποιήσῃ καὶ ὁ Θεός πρὸς παιδείαν (τιμωρίαν) τοῦ ἀνάρτου τὸν ἐπρόσταξε νὰ ζωοποιήθῃ καὶ νὰ φάγῃ τὸν πλάστην τοῦ, καὶ μόνον

¹⁾ См. подобное преданіе о насѣющихъ, зародившихся изъ убитаго змѣя, въ повѣсти о Кирилѣ Кожемякѣ (Аванасьевъ, I. с. II, 591) и въ голумбачской легендѣ о Георгій. См. Schott, Wal. Märchen, p. 379—80.

²⁾ Чубинскій, Труды, т. I, вып. 1, 145, 52, 56.

³⁾ Nahn, Griechische und albanesische Märchen, II, № 105, p. 144—145.

τόν ένα του πόδα ἐπρόλαβε· και ἐκ τούτου (ὁ δεσιδαίμων) τόν εἰξεύρει ὡς χωλόν, και μονόποδα, και λυκοφαγώμενον τόν ὀνομάζει. Και διά τόν λύκον λέγει, ὅτι ἐκτοτε ἔχει τήν ιδιότητα νά τον βλέπη και τήν ἄδειαν νά τον τρώγη. πλὴν αὐτός ἂν και χωλός, ὅμως ὡς πνεῦμα πάλιν τόν ἀποφεύγει και προφυλάττεται· ὁ δὲ σωματούμενος ὡς παχυλός δὲν ἠμπορεῖ· και διά τούτο λέγεται λυκοφαγωμένος μὲν ὁ ἄπαξ καταβρωθεῖς· και βρωτόλυκος δὲ ὁ πάντοτε ὑποκείμενος εἰς βοράν, ὁπόταν συναπαντηθῆ ἀπό λύκον. ὅστις ὄλον τόν τρώγει, πλὴν τῆς κοτύλης τοῦ γόνατος· τήν ὁποίαν αὐτός (ὁ δεσιδαίμων) εὐρίσκει και τήν συντηρεῖ ὡς κειμήλιον παντοδύναμον· και τήν δείχνει ὡς ἰσχυράν τινα μαρτυρίαν εἰς τὰς τοιαύτας μυθικὰς φλυαρίας του»¹⁾.

Нѣмецкіе commentators Wolfdietrich'a А могли-бы воспользоваться приведенными выше данными для объясненія слѣдующаго эпизода поэмы: мальчикъ Wolfdietrich заброшенъ въ пустынное мѣсто, потому что отцу его внушили, что онъ сынъ — демона. Къ ребенку собираются волки, но не трогаютъ его, хотя онъ теребить ихъ, хватаясь за глаза. Видитъ это Berhtunc и говорить, строфа 105:

dirst der lip vil unbenomen,
dir mûeszen disiu zeichen von gotes gûete komen.
ich wil das wol gelouben, und waerst du's tiuwels barn,
du waerest von den wolven erstorben und verwarn,

ПОТОМУ ИМЕННО, ЧТО ВОЛКИ ПОѢДАЮТЪ ДЬВЯВЬСКОЕ ОТРОДЬЕ.

Мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ разновидностями одной и той-же сказочной данной изъ обширнаго сюжета: о созданіи свѣта и животнаго міра богомъ и дьяволомъ. Дьяволъ создаетъ

¹⁾ Πολιτῆ, I. с. II, 472. Πολιτῆ утверждаетъ, съ большимъ вѣроятіемъ, что βρωτόλυκος Медана стоитъ вм. βρυκόλακας; см. *ibid.* p. 480. Волки пожираютъ демоническихъ воввулабовъ, какъ у Эстовъ — блуждающихъ по смерти покойниковъ, находящихъ успокоеніе лишь тогда, когда ихъ три раза съѣдятъ волки и поразитъ молнія. Wiedemann, I. с. 425.

всё вредное: змѣю, волка, жабу и т. п. ¹⁾); финская Louhi производит на свѣтъ лихія болѣсти, волка и собаку ²⁾); въ первой брашнѣ романа о Ренарѣ всѣ вредныя звѣри, между прочимъ, лиса и волкъ, выходятъ изъ моря по мановенію Евы, а въ преданіяхъ сѣвера *міровой змѣи*, *Míðgarðsormr*, и чудовищный *волкъ* Фенрирь, въ борьбѣ съ которыми погибаютъ боги, являются порожденіемъ *Локи*, т. е. *дьявола* ³⁾).

Это объясняетъ намъ значеніе волка въ русскихъ Ильинскихъ и особливо Георгіевскихъ повѣрьяхъ. Власть Георгія надъ волками выработалась, очевидно, изъ идеи обузданія: *St. Georges leuq serge la gueule*, говорятъ во Франціи ⁴⁾); они — его «отрицательный» символъ, какъ у сѣвернаго Одина, который и называется «врагомъ волка», и кормитъ двухъ волковъ со своего стола, а волки зовутся его «псами» ⁵⁾. Въ русскомъ стихѣ о Егоріи они ѣдятъ лишь «повелѣнное» ⁶⁾); «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ»; онъ ихъ питаетъ, и въ этой роли рядомъ съ нимъ являются

¹⁾ Въ нѣмецкой сказкѣ у Гриммовъ № 148 чертъ создаетъ козу, (какъ въ болгарскомъ сказаніи о сотвореніи міра у Драгоманова, Малор. нар. преданія и рассказы, стр. 431), Богъ волка. Вѣроятно позднѣйшее смѣшеніе: волкъ, хотя и сотворенный дьяволомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему враждебный, могъ очутиться божьей «собакой».

²⁾ Castren, l. c. 310.

³⁾ Если *Lóburg*, являющийся въ *Völuspá*, въ рассказѣ о созданіи человѣка, одно лице съ *Loki*, то его участіе въ актѣ творчества матеріальное. *Óðinn* даетъ дыханіе жизни (*önd*), *Hoerir* — даръ слова (*öðr*), *Lóburg* — кровь (я такъ понимаю въ этой связи *lá*, *lae*) и здоровое сложеніе (*litu góða*).

⁴⁾ Rolland, l. c. p. 125.

⁵⁾ Сл. W. Grimm, *Die mythische Bedeutung des Wolfes*, l. c. 212.

⁶⁾ Въ Разысканіяхъ II 143—4 я не обратилъ достаточно вниманія на то, что звѣри, которыхъ встрѣчаетъ Егорій въ большомъ стихѣ, преимущественно — *волки*. Въ связи съ слѣдующей далѣе встрѣчей съ змѣемъ или змѣями это получаетъ особое значеніе. — Волки *Wolfdietrich'a*, упомянутые выше, также являются не лишнимъ моментомъ сближенія между Вольфдитрихомъ и Георгіемъ. Сл. l. c. p. 123—4.

Спаситель и Никола, какъ въ осетинской легендѣ Богъ. Его представляютъ на бѣломъ конѣ, либо старикомъ, вокругъ котораго волковъ видимо-невидимо; волки — его хорты: такъ въ Малороссіи, на Литвѣ и у Эстовъ; онъ — волчій пастырь, какъ у Осетинъ другой змѣборецъ — св. Феодоръ Тиронъ (Тутыръ) ¹⁾. Имя Георгія въ нашихъ пастушьихъ и охотничьихъ заговорахъ имѣетъ первоначально значеніе оберега отъ лихаго звѣря, надъ которымъ властенъ святой. «Спаси меня и скоть мой отъ пастей волковъ твоихъ», молится Осетинъ св. Феодору, какъ русскій пастухъ и охотникъ Георгію: чтобъ онъ охранилъ его стадо «отъ широколапаго звѣря медвѣдя и медвѣдицы, отъ насланнаго волка и жироваго»; св. Михаилу: пусть пошлетъ лихому, завидующему человѣку «громовую стрѣлу въ глаза, въ бѣлое тѣло и въ языкъ». «И какъ ты, св. Илья милостивый, убиваешь сатану и дьяволовъ изъ своего огненнаго оружія, такъ же ты, св. Илья милостивый, убей же моихъ порчениковъ и порченицъ, колдуновъ и колдуній», говорится въ одномъ «отпускѣ лисицъ ловить». Народные громовники, поборовшіе демона, призываются на помощь противъ лютаго звѣря и гада, противъ злой немощи и лихаго глаза, въ которыхъ усматривали демоническія силы; наконецъ, послѣдовательно, противъ вѣшняго врага. Какъ въ русскомъ заговорѣ Илью молятъ отстрѣлить недугъ и порчу, такъ въ часахъ, напечатанныхъ въ Римѣ въ 1677 году для монаховъ-василіанъ монастыря Grotta Ferrata, говорится, что Илья «*νόσους ἀποδιώχει καὶ λέπρους χαθαρίζει*», а въ житіи св. Патриція онъ является въ значеніи пособника противъ наважденія злаго духа. — Замѣтимъ и еще одно уравненіе — съ свв. Георгіемъ и Феодоромъ тропайофорами: преданіе объ Ильѣ, чудесномъ

¹⁾ Сл. Аванасіевъ, I. с. I, 709—712, 762—3; Чубинскій, Труды I, стр. 51—2, 171—2; также, стр. 167; Никола и волки; Wiedemann, I. с. p. 449; Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ III: Джантеміръ Шаваевъ, Осетинскіе нар. сказанія, стр. 8—9; IX: Б. Гатіевъ, I. с. p. 33 слѣд.

помощникъ противъ Сарадинъ, привязавшееся къ храму св. Ильи Ebuli (Εὐβουλος), основанному будто-бы по этому поводу Рожеромъ Сицилійскимъ около 1080-го года ¹⁾.

Всѣ доселѣ сообщенныя свѣдѣнія объ Ильѣ, какъ объектѣ народнаго почитанія, указываютъ на категоріи, по которымъ мы расположили предъидущій обзоръ: на Илью какъ *подателя дождя, плододавца и громовника*. Онѣ даны библейскимъ рассказомъ, разработаны общими мотивами подъ вліяніемъ представленія грозы — борьбою; такъ были поняты съ другой стороны и легендарные образы Георгія и арханг. Михаила, хотя здѣсь точка соприкосновенія была другая. Необходимо, наконецъ, допустить и значеніе взаимнаго приравненія, аккомодация мифическихъ типовъ, такимъ образомъ полученныхъ. Народный образъ Ильи явился однимъ изъ результатовъ сложнаго процесса, устраняющаго, какъ мнѣ кажется, сближеніе Ильи = Гелиоса.

IV.

Намъ остается разобрать, съ точки зрѣнія ихъ стоимости для нашего вопроса, еще нѣсколько указаній Полига.

Вѣра во вторичное появленіе Ильи стоитъ въ связи съ идеями еврейскаго мессіанизма. Говоря объ источникахъ послѣдняго, Полигъ указываетъ на обобщеніе солнечнаго мифа и, въ частности, на вліяніе парсизма. Вопросъ — для насъ безразличный, такъ какъ въ средневѣковыхъ эсхатологическихъ повѣрьяхъ и ихъ народныхъ отраженіяхъ, между прочимъ, русскихъ, образъ Ильи непосредственно примыкаетъ къ установившемуся уже еврейско-христіанскому преданію, къ апокрифическому

¹⁾ Сл. Майковъ, Великорусскія заклинанія № 285, 210; Ефимовко, Матеріалы по этнографіи Арх. губ. II, заклинанія № 53. — Сл. AASS. ad. d. 20 Julii, p. 7, 9 и Разыскалія II, 5, 9—10 и прим. 2 на стр. 9.

Апокалипсису Ильи¹⁾. Илья, взятый на небо, избѣгнувъ смертной доли, явился естественнымъ провозвѣстникомъ грядущаго Судн, и въ этомъ смыслѣ было понято извѣстное мѣсто у Малахія IV, 5—6; съ нимъ вмѣстѣ предстанетъ и Энохъ, также не умершій и взятый Господомъ (Бытія V, 24): «два свидѣтеля» Апокалипсиса (XI, 3 слѣд.); къ нимъ присоединили впослѣдствіи и апостола Іоанна, о которомъ сложилось, на основаніи Еванг. отъ Іоанна XI, 22—3, преданіе, что онъ не умеръ и живой покоится въ своемъ гробѣ до общаго воскресенія²⁾, либо пребываетъ съ Энохомъ и Ильей: «и никто не думаетъ, чтобы онъ былъ безсмертенъ, но что онъ пребываетъ вмѣстѣ съ Энохомъ и Илією до втораго пришествія Господня», говоритъ въ VI вѣкѣ Ефремъ, патріархъ Антиохійскій³⁾. Въ Ἀποδείξεις св. Ипполита (Ἰππολίτου ἐπισκόπου καὶ μάρτυρος ἀποδείξεις περὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ Ἀντιχρίστου), II—III вв., Іоаннъ еще не названъ въ числѣ обличителей Антихриста, имѣющихъ явиться въ послѣдніе дни: названы только Энохъ и Илія; облеченные во вретнища, они будутъ проповѣдывать дней тысячу двѣсти и шестьдесятъ (Апокал. XI, 3), т. е. три съ половиною года, возвѣщая людямъ и всѣмъ народамъ покаяніе⁴⁾. Такъ и у Ефрема Сирина⁵⁾ и въ апокрифическихъ Вопросахъ Іоанна Богослова Господу на Фаворской горѣ (Ἀποκάλυψις τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου), относимыхъ къ IV—IX вѣкамъ: Энохъ и Илія обличаютъ Антихриста во лжи и преступленіи; καὶ ἀνελεῖ αὐτοὺς ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον, сказано въ греческихъ текстахъ, тогда какъ славянскій сообщаетъ (вѣроятно, по забвенію) лишь о смерти Иліи⁶⁾. — Въ Апока-

¹⁾ Renan, L'Église chrétienne, p. 526, прим. 3.

²⁾ Относящіяся сюда свидѣтельства см. у Renan'a, Les Évangiles, p. 432, прим. 1.

³⁾ Въ Photii Bibl. cod. 229. Сл. Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и связанія въ древне-русской письменности, стр. 94—5, прим. 2.

⁴⁾ Сахаровъ, I. с. стр. 81.

⁵⁾ I. с. стр. 86.

⁶⁾ Сахаровъ, I. с. p. 124.

липисѣ XI также говорится о смерти двухъ свидѣтелей отъ звѣря, исходящаго изъ бездны; но послѣ трехъ дней съ половиною въ нихъ снова войдетъ духъ жизни, и они вознесутся на небо въ облакѣ ¹⁾).

Другой рядъ, относительно, болѣе позднихъ памятниковъ выводитъ, вмѣстѣ съ Ильею и Энохомъ, и ап. Іоанна. Такъ въ житіи Андрея Юродиваго, отрывокъ котораго сообщенъ выше: они обличаютъ Антихриста, за что будутъ преданы мученію и смерти ²⁾; то-же въ псевдо-меоодіевскомъ Откровеніи: обличителями Антихриста являются Илія, Энохъ и Іоаннъ, «сынъ громовъ» («τὸν υἱὸν τῆς βροντῆς Ἰωάννην»); они также убиты «сыномъ погибельнымъ» ³⁾. Въ словѣ о скончаніи міра и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, приписанномъ св. Ипполиту (τοῦ μακαριωτάτου Ἰππολίτου ἐπισκόπου καὶ μάρτυρος λόγος περὶ τῆς συντελείας τοῦ κόσμου καὶ περὶ τοῦ Ἀντιχρίστου καὶ εἰς τὴν δευτέραν παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ), но очевидно представляющемъ позднѣйшую компиляцію различныхъ эсхатологическихъ статей, показанія колеблются: въ главѣ 21 авторъ говоритъ о трехъ предтечахъ втораго пришествія Христова, а въ 29-й лишь о двухъ ⁴⁾. Въ послѣднемъ числѣ они являются еще въ особой, интерполированной редакціи псевдо-меоодіевскаго Откровенія, распространенной въ русскихъ спискахъ: «послетъ Господь Илію и Эноха, и обличать его (Антихриста) предъ всѣми людьми... онъ же разгнѣвается на нихъ и посѣтитъ Илію и Эноха въ церкви (въ Вопросахъ Іоанна: въ алтарѣ). И мнози повѣстуютъ, будто отъ Иліи и Эноховы крови загорится земля. Но нѣсть тако, но Божиимъ повелѣніемъ ангель

¹⁾ Къ литературѣ преданія о возвращающихся Ильѣ и Энохѣ см. еще J. Grimm, D. M. II, p. 676—7, прим. 1.

²⁾ Сахаровъ, I. с. p. 94.

³⁾ I. с. p. 107.

⁴⁾ I. с. p. 122.

Господень снесетъ съ небеси огонь и зажеть землю», которая сгорить въ глубину «сѣмь сотъ лакоть»¹⁾.

Откуда развилось представленіе о горѣніи земли, или ея гибели огнемъ? Къ нему могли вести нѣкоторые библейскіе тексты²⁾; Апокалипсисъ его не знаетъ; первое упоминаніе въ христіанской средѣ встрѣчается во 2-мъ посланіи ап. Петра, гл. III, 7, 11—12: «А нынѣшнія небеса и земля, содержимыя тѣмъ-же Словомъ, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивыхъ человѣкъ. . . . Если такъ всё это разрушится, то какими должно быть во святой жизни и благочестіи вамъ, ожидающимъ и желающимъ пришествія дня Божія, въ который воспламененныя небеса разрушатся и разгорѣвшіяся стихіи растають»? Впослѣдствіи эта идея становится типическою для христіанской эсхатологіи: мы встрѣчаемся съ нею у Гермы (*Vis. IV, 3: δεῖ τὸν κόσμον δι' αἵματος καὶ πυρός ἀπόλλυσθαι*), въ апологіи св. Юстина и у гностика Валентина, у Мелитона, Теофила Александрійскаго и Минуція Феликса и т. д. Въ *Ἀποδείξεις* Ипполита Господь сотворитъ сожженіе, *ἐκπύρωσις*, міра³⁾; въ такъ называемыхъ Видѣніяхъ или Апокалипсисѣ Даниїла (IV—V вв.) *ἄβρῆξει ὁ Θεὸς πῦρ ἐπὶ τὴν γῆν, καὶ κατακαήσεται ἡ γῆ πῆχας τρίακοντα* (var. *κατακαύσει αὐτὴν πῆχεις λγ'*); въ Вопросахъ Іоанна ангелы *κατακαύσουσιν τὴν γῆν πῆχας ὀκτακισχιλίας πεντακοσίας*⁴⁾; въ словѣ Палладія мниха рѣка огненная выйдетъ отъ востока, пожигая землю, камни, древа и проч.; тогда праведные будутъ взяты на облакахъ свѣтлыхъ, грѣшники-же, опаляемые рѣкою, не умрутъ, только ихъ лица и тѣла омрачатся. Уничтоживъ всё на землѣ, рѣка, по Господню повелѣнію, перестанетъ течь, и будетъ, по слову тайновидца Іоанна, небо ново

¹⁾ Сахаровъ, 145.

²⁾ Сл. Renan, *Les Évangiles*, p. 170—1, 166—7 и указанную тамъ литературу.

³⁾ Сахаровъ, 78, 82.

⁴⁾ I. с. 126, 130—1.

и земля нова. Господь сотворитъ рай на востокѣ, на западной-же сторонѣ потечетъ, для мученія грѣшниковъ, рѣка огненная¹⁾. — Древне-русскій авторъ Слова «о небесныхъ силахъ» нашелъ готовые образы, когда говорить намъ, что въ то время «неугасимый огонь потечетъ отъ востока до запада, поѣдая горы, каменя, древа, море.... Твердь, какъ береста, свертится.... Земля изгоритъ и всѣ люди пройдутъ чрезъ огонь. Нельзя будетъ въ это время куда нибудь убѣжать или скрыться.... Особенно грѣшнымъ не покающимся будутъ злыя терзанія.... Согрешившихъ мало огонь, искусивъ ихъ, просвѣтитъ и очиститъ тѣла ихъ, какъ солнце.... Совершивши свое дѣло, огненная рѣка отойдетъ на западъ и образуетъ огненное озеро для мученія грѣшниковъ. Послѣ этого будетъ земля нова и равна.... изыдутъ изъ нея травы и цвѣты многоразличные и никогда не увядающіе, потому что они духовны.... возрастутъ древа, не какъ видимыя теперь, но высоту, лѣпоту, величество ихъ невозможно изглаголатъ устами человѣческими, понеже суть духовни»²⁾).

Главное развитіе это вѣрованіе—въ гибель земли огнемъ — получило въ Александрійской средѣ, отчасти навѣянное греческой философией; многія школы, особливо стойки, учили, что міръ уничтоженъ будетъ огнемъ³⁾; эссеяне приняли это мнѣніе, ставшее ходячимъ и въ литературѣ такъ называемыхъ Сивиллинныхъ пророчествъ. Сл. *Carin. Sib.* II v. 196 слѣд.:

Καὶ τότε δὴ ποταμός θ' ὁ μέγας πρὸς αἰδομένοιο
 Ρεύσει ἀπ' οὐρανόθεν καὶ πάντα τόπον δαπανήσει,
 Γαίαν τ', ὠκεανόν τε μέγαν, γλαυκὴν τε θάλασσαν,
 Λίμνας καὶ ποταμούς, πηγὰς καὶ ἀμείλιχον ἔδην,
 Καὶ πόλον οὐράνιον. Ἄτὰρ οὐράνιοι φροσῆρες

¹⁾ I. c. p. 154—5.

²⁾ I. c. p. 189.

³⁾ Ἐκπύρωσις. Сл. Cic. *Quaest. acad.* II, 37; Ovid. *Metam.* I, 256 слѣд.; Senecae *Consol. ad Marciam* 26; *Quaest. nat.* III, 28; *De Monarchia* 3 (приписано св. Юстину). Сл. Ἐκпύρωσις св. Ипполита.

Εἰς ἓν συρρήξουσι, καὶ εἰς μορφήν πανέρημον.
 Ἄστρα γὰρ οὐρανόθεν τε θαλάσση πάντα πεσεῖται.
 Ψυχαὶ δ' ἀνθρώπων πᾶσαι βρύξουσιν ὁδοῦσι,
 Καιόμεναι ποταμῶ καὶ θείῳ καὶ πυρὸς ὄρμη,
 Ἐν δαπέδῳ μαλερῶ, τέφρα δέ τε πάντα καλύψει η τ. δ.

IV v. 161 слѣд.:

- Α μέλεοι, μετάθεσθε, βροτοὶ, τάδε, μηδὲ πρὸς ὄργην
 Παντοίην ἀγάγητε Θεὸν μέγαν....
170. Εἰ δ' οὐ μοι πείθοισθε κακόφρονες, ἀλλ' ἀσέβειαν
 Στέργοντες τάδε πάντα κακαῖς δέξησθε ἀκουαῖς,
 Πῦρ ἔσται κατὰ κόσμον ὅλον καὶ σῆμα μέγιστον....
- 175 Φλέξει δὲ χθόνα πᾶσαν, ἅπαν δ' ὀλέσει γένος ἀνδρῶν,
 Καὶ πάσας πόλιας, ποταμούς θ' ἅμα ἠδὲ θαλάσσας
 Ἐκκαύσει, τάδε πάντα κόνις ἔσεται αἰθαλόεσσα.

I. III v. 80 слѣд.

τότε δὴ στοιχεῖα πρόπαντα
 Χρηεῦσει κόσμου, ὅποταν Θεὸς αἰθέρι ναίων
 Οὐρανὸν εἰλίσση, καθάπερ βιβλίον εἰλεῖται
 Καὶ πέσεται πολύμορφος ὅλος πόλος ἐν χθονὶ δίᾳ
 Καὶ πελάγει· ρεύσει δὲ πυρὸς μαλεροῦ καταράκτης
 Ἀκάματος, φλέξει δὲ γαίαν, φλέξει δὲ θάλασσαν,
 Καὶ πόλον οὐράνιον, καὶ ἤματα, καὶ κτίσιν αὐτήν
 Εἰς ἓν χωνεύσει καὶ εἰς καθαρὸν διαλέξει.
 Κουκέτι φωστήρων σφαιρώματα καγχαλόωντα,
 Οὐ νύξ, οὐκ ἠώς, οὐκ ἤματα πολλὰ μερίμνης,
 Οὐκ ἔαρ, οὐχὶ θέρος, οὐ χειμῶν, οὐ μετόπωρον.
 Καὶ τότε δὴ μέγαλοιο Θεοῦ κρίσις εἰς μέσον ἤξει
 Αἰῶνος μέγαλοιο, ὅταν τάδε πάντα γένηται.

Сл. еще I. VII v. 120 слѣд.; VIII v. 225 слѣд.

Этими образами Сивилинскихъ пророчествъ питалось воображение древняго христианина, пугливо смотрѣвшаго въ будущее; въ этой литературѣ и въ твореніяхъ псевдо-Гистаспа о таинствахъ халдѣйскихъ почерпали свои видѣнія христіанскіе писатели ¹⁾, отъ которыхъ они перешли и въ эсхатологическія пред-

¹⁾ Сл. Iustin. Apol. I, 22, 44; II, 7; Lactant. De ira Dei 23; Div. Inst. VII, 18.

ставленія средних вѣковъ. Такъ къ Киневульфѣ въ его *Crist* в. 931 слѣд.:

Dyneð deop gesceaft and fore dryhtne færeð
 vālmfýra maest ofer wíðne grund,
 hlemmeð hāta lēg, heofonas berstað,
 trume and torhte tungol ofhreósað:
 þonne veorðeð sunne sveart gevended
 on blódes hiv, seó þe beorhte scān
 ofer aervorud ālda bearnum;
 mōna þāt sylfe, þe aer moncynne
 nihtes lýhte, niðer gehreóseð
 and steorran svá some stredað of heofone
 þurh þā strongan lyft stormum ābeátne.

Въ старосаксонскомъ Гелиандѣ въ концѣ дней придетъ на людей сила огня (*mudspelles megin*), придетъ темной ночью, какъ тать. Тоже въ отрывкахъ старонѣмецкаго такъ называемаго *Muspilli*, единственная сохранившаяся запись котораго приписывается рукѣ Людовика Нѣмецкаго. Критикѣ Царнке и Веттера удалось устранить ходячую народно-миеологическую экзегезу этого памятника и объяснить его внутреннія противорѣчія — двумя ученіями отцевъ церкви о загробной судьбѣ человѣка, которыми руководились авторы двухъ стихотворныхъ произведеній, внѣшнимъ образомъ спаянныхъ и не помиранныхъ въ поэмѣ. Ея вторая часть, посвященная вопросомъ эсхатологии, также соединяетъ гибель міра съ огнемъ, отъ котораго (*uioða demo muspille*) никто не въ состояніи будетъ спасти своего ближняго, и ничто вообще не спасется. Обличеніе Антихриста Ильей, о которомъ говорятъ древніе эсхатологическіе тексты, понято, съ точки зрѣнія народной образности, какъ матерьяльная борьба, битва. «Слышалъ я, пророчили люди мудрые, что Антихристъ съ Ильей будутъ братися: Злодѣй вооружень; между ними поднимется борьба. Сильные борцы, велика и награда! Илья сражается за вѣчную жизнь, хочетъ утвердить царство праведныхъ, оттого будетъ ему на помощь небесный властитель. А Антихристъ

держитъ сторону древняго врага Сатаны, имѣющаго погубить его: оттого онъ падетъ раненный въ той битвѣ, и не будетъ ему на этотъ разъ побѣды. Но думаютъ многіе божіе люди, что и Илья въ той битвѣ падетъ. Когда кровь Ильи канетъ на землю, загорятся горы, не останется во всемъ свѣтѣ дерева, изсякнутъ воды, море поглотится, небо сплавится въ огнѣ. Падаетъ мѣсяцъ, горитъ вселенная, не останется на мѣстѣ камня».

Daz hōrtih rāhhōn dia ueroltrehtuonson,
 daz sculi der Antichristo mit Eliase pāgan.
 der uarch ist kiuuāfanit, denne uairdit unar in uufhe arhapan.
 khenfun sint sō kreftic, diu kōsa ist sō mihhil.
 Elias strtit pī den ēunigon līp,
 uuili dēn rehtkernōn daz rīhhi kistarkan:
 pī diu scal imo helfan der himiles kiualtit.
 der Antichristo stēt pī demo altffiante,
 stēt pī demo Satanāse, der inan uarsenkan scal:
 pī diu scal er in deru uufsteteti uunt pinallan
 enti in demo sinde sigalōs uerdan.
 doh uuānit des uilo gotmanno,
 daz Eliās in demo uufge aruuartit uerde.
 Sō das Eliases pluot in erda kitriuft,
 sō inprinnant die pergā, poum nikistentit
 ēnhc in erdu, ahā artruknēt,
 muor uarsuuilhit sih, suilizōt lougiu der himil,
 mano uallit, prinnit mittilagart,
 stēn ni kistentit....¹⁾

Феттеръ, толкуя подробность о крови Ильи, отъ которой воспаляется земля, сравниваетъ сѣверное преданіе о наказаніи Локи, связаннаго въ подземельи нерушимыми узами, тогда какъ сверху змѣи источаютъ на него ядъ, отчего онъ содрагается, вызывая тѣмъ землетрясенія. Сравненіе, очевидно, ничего не разъясняющее, почему Феттеръ предполагаетъ еще возможнымъ

¹⁾ Текстъ сообщается по P. Piper, Die Sprache und Litteratur Deutschlands bis zum XII Jhrh. II p. 122—3.

воздѣйствіе какого-нибудь еврейскаго повѣрья. Вѣрнѣе, быть можетъ, допустить вліяніе какого-то эсхатологическаго преданія, внушеннаго отчасти, либо развитаго изъ словъ Апокалипсиса XI, 5: «и если кто захочетъ ихъ обидѣть (двухъ свидѣтелей — Илью и Эноха), *то огонь выйдетъ изъ устъ ихъ и пожретъ враговъ ихъ*; если кто захочетъ ихъ обидѣть, тому надлежитъ быть убиту». Преданіе могло замѣнить огненный духъ Ильи, пожирающій враговъ, его кровью, зажигающей землю, сплотивъ такимъ образомъ эпизодъ объ убіеніи Ильи съ послѣдовавшимъ за тѣмъ гореніемъ земли. На существованіе подобной эсхатологической статьи указываютъ ея отраженія, съ одной стороны, въ Muspilli, съ другой, какъ мы видѣли, въ интерполированномъ Откровеніи псевдо-Меводія («мнози повѣствуютъ»), откуда она перешла и въ духовный стихъ:

Сошлетъ Господь пророчество,
 Илю пророка и Онофріа (= Эноха ¹),
 И стануть святыя пророчити.
 И сойдетъ бездушный богъ,
 Бездушный богъ Антихристовъ;
 Онъ исколетъ святое пророчество;
Отъ той-то отъ святой крови
Загорится матушка сыра-земля,
 Съ восхода загорится до запада,
 Съ полудень загорится да до ночи,
 И выгорять горы съ раздольями,
 И выгорять лѣсы темныя ²).

Сл. Безсон., I. с. № 483 (и Русскія народныя пѣсни, собранныя Якушкинымъ, стр. 33): Господь посылаетъ на землю Илью; «пророкъ» будетъ пророковать, обличая Антихриста.

¹) Сл. варианты имени у Безсонова, Калѣи Перехожіе II № 482: Оновъ, Онохъ; № 505: Онофръ; № 506: Онохъ; № 507: Енохрій.

²) Кирѣевскій въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1849, IX ч., № XIX; Безсоновъ, I. с. № 477.

Онъ беретъ, злой Антихристъ, жезло во праву руку,
 Онъ ударитъ Илію пророку жезломъ во мезиный перстъ,
 Тогда падетъ кровь пророческа на сыру землю,
 Отъ той отъ крови, есь буде, отъ пророческой,
 Загорится наша матушка вся сыра земля,
 Она выгоритъ, земля, на шестьдесятъ локотвъ.

.....
 Тогда грѣшныи со праведными будутъ розличатися:
 Праведныя души будутъ взяты на восточной стороны,
 А грѣшныя души будутъ взяты на западную страну;
 Между ихъ протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,

.....
 Пожжетъ рѣка огненная всѣ горы и каменя и т. д.

Другіе духовные стихи стоятъ на точкѣ зрѣнія автора интер-
 полированнаго Откровенія, отдѣляющаго убіеніе пророковъ отъ
 пожара земли. Такъ у Безсонова, 1. с. № 482: Антихристъ
 велитъ темнымъ бѣсамъ побить Илью (и Эноха):

Разольется ихъ кровь пророческая,
 Разольется кровь по всей землѣ.
 Сошлетъ Господь грозныхъ ангеловъ,
 Ангелы съ небесъ слетятъ,
 Во утробѣ огня снесутъ,
 Зажгутъ землю съ четырехъ сторонъ,
 И выгоритъ земля на тридевятъ локоть....
 Съ небесъ сойдутъ святыи ангелы,
 Съ небесъ снесутъ престолъ Господень,
 Поставятъ во дому во Давыдовомъ.
 Возлѣ престола Господняго
 Протечетъ рѣка огненная
 Отъ востока и до запада и т. д.

Такъ и въ № 481.

Антихристъ въ Muspilli является *на сторону* Сатаны, дре-
 няго врага, какъ и въ эсхатологической литературѣ онъ пред-
 ставляется то сыномъ, порожденіемъ дьявола, то дьяволомъ.
 Замѣтимъ его произвище: *marh*; гот. *vargs*, староверхненѣм.
warg, средневерхненѣм. *warg*, старосакс. *warag*, англосакс.

weargh, wearg, старосѣв. vargt, шведск. и норвежск. varg, среднелат. wargus означаютъ вообще злодѣя, стоящаго внѣ закона, скитающагося въ изгнаніи, демона; старосѣв., шведск. и норвежск. присоединяютъ къ общему еще особое значеніе: *волка*. Это бросаетъ свѣтъ на uargh'a — Антихриста, на прозвище Юды, одержимаго злымъ духомъ, въ Гелиандѣ: waqag, въ параллель къ прозванію Ирода волкомъ въ поэмѣ Вернера ¹⁾. Мы возвращаемся къ представленію волка — порожденіемъ дьявола. Съ другимъ зооморфическимъ образомъ демона, *змѣемъ*, мы уже встрѣчались; онъ естественно перенесенъ былъ и на Антихриста: это древній змій, обольстившій Еву и подстрекнувшій Адама, говоритъ о немъ св. Ипполитъ, прилагая къ нему пророчество книги Бытія 49, 17: «да будетъ Данъ змій, на земли сѣдяй, угрызая пята конскую»; змѣемъ называетъ его и св. Ефремъ; Вопросы Іоанна описываютъ его чудовищными чертами: «видъ лица его мраченъ, власы головы его остры, какъ стрѣлы, видъ ему яко и *диаволу* (οἱ ἄγγελοι αὐτοῦ ὡσεὶ ἄγρου), око его десное какъ и звѣзда заутра восходящая, а другое аки лву (λέωντος), уста его будутъ подобны локтямъ, зубы его подобны пядямъ, персты подобны серпу, стопа ногъ его пядю двою» (τὸ ἕνος τῶν ποδῶν αὐτοῦ σπιδαμῶν δύο) ²⁾.

Всѣ эти черты понадобятся намъ при объясненіи эсхатологии Völusrá'ы и въ ней роли громовника Тора. Конецъ міра наступаетъ, міровая змѣя вьется въ исполинскомъ гнѣвѣ, бьетъ по волнамъ: snýsk iörmungandr — i iötnunmöði; — ormr knýt unnir. Разумѣется Miðgarðsormr, котораго представляли себѣ лежащимъ въ морѣ и обвивающимъ землю. Очень можетъ быть, что на такое представленіе повліялъ образъ Левіаэана и что рассказъ Нүмисквіða'ы о томъ, какъ Торъ выудилъ міроваго змѣя, ни что иное какъ варьянтъ распространеннаго въ средніе

¹⁾ W. Grimm, Die myth. Bedeutung des Wolfes, I. c., стр. 203—4, 213, 215.

²⁾ Сахаровъ, I. c. 79—80, 84, 119, 124.

вѣка преданія о Богѣ Отцѣ или Христѣ, ловящихъ такимъ образомъ Левіаѳана ¹⁾). Важнѣе указать, что именно Торъ является и ловцемъ змѣя и его противникомъ въ эсхатологической борьбѣ. Въ приведенномъ отрывкѣ Völuspá'ы этотъ змѣй названъ *iörmungandr*; *gandr* переводятъ и — *волкомъ*; образы змѣя и волка смѣшиваются въ зооморфическомъ символизмѣ демона: вспомнимъ, что и міровой змѣй, *Míðgarðsormr*, *iörmungandr*, и волкъ *Fenrir* — сыновья Локи-Луцифера, какъ Антихристъ представлялся сыномъ дьявола.

Продолжаемъ сообщать рассказъ Völuspá'ы: *съ востока* на кораблѣ являются сонмы Muspell'я, самъ Локи правитъ судномъ, съ нимъ его отродье и волкъ (*freki*), т. е. *Fenrir*. Съ юга приходитъ *Surtr*, съ пламенемъ и огненнымъ мечемъ. — Неясно, къ чему понадобилось это различіе востока и юга: *Muspell* — область вѣчнаго огня, оттуда и являются его сонмы; но *Surtr*, собственно черный, закоптѣлый, стражъ этой области! Представленія очевидно запутались. Въ словѣ Палладія огненная рѣка выйдетъ *съ востока*. — Дѣйствіемъ огня объясняется, вѣроятно, вслѣдъ за появленіемъ Сурта, что небо лопается, *himinn klofnar*, какъ у Киневульфа: *heofonas berstað*.

Слѣдуетъ битва боговъ съ чудовищами. Рассказъ Völuspá'ы, въ сравненіи съ прозаической Эдой, менѣе подробенъ: Одинъ противопоставленъ волку Фенри, который проглатываетъ его; Фрей — Сурту, Торъ бьется съ міровымъ змѣемъ; прозаическая Эdda указываетъ еще на другія единоборства, между прочимъ Геймдала и Локи. Что Локи = Луциферъ — это мы знаемъ изъ соображеній Бугге; Геймдала, «блага аза», обитающаго въ *Himinbjörg*, на краю неба, у моста-радуги, обладателя чудеснаго рога, которымъ онъ призываетъ боговъ на послѣднюю битву — я приравниваю къ арханг. Михаилу: какъ въ христіанской эсхатологіи Михаилъ поражаетъ Анти-

¹⁾ Bugge, Studien I, 11—12.

христа сатану ¹⁾, такъ Геймдалъ Локи-Луцифера, поражающаго его въ свою очередь. Тамъ и здѣсь эта борьба является заключительной, которую предваряютъ единоборства Илья съ Антихристомъ, Тора съ мировымъ змѣемъ. Представленіе послѣдней, и въ такихъ-именно образахъ, *на почетъ прозоваго явленія* на столько распространено и кажется естественнымъ, что не возбудило-бы вопроса о его самостоятельности; перенесенное въ эсхатологию оно едва-ли не указываетъ на источники христіанскаго характера, на Илью-громовника, поражающаго въ грозѣ демона-змѣя—и выступающаго въ концѣ дней противъ древняго змѣя, Антихриста. — Какъ Илья въ преданіи, разсмотрѣннымъ выше, такъ погибаетъ и Торъ, поразивъ своего противника, едва успѣвъ отступить отъ него на девять шаговъ. За его гибелью слѣдуетъ картина общаго разрушенія, въ которой не трудно найти знакомыя намъ черты: солнце меркнетъ, земля погружается въ море, падаютъ съ неба свѣтлыя звѣзды, огонь свирѣпствуетъ, высокое пламя добирается до самаго неба:

Sól tær sortna,
sigr fold í mar,
hverfa af himni
heiðar stíðrnur;
geisar eimi
ok aldrnari,
leikr hár hiti,
við himin síálfan.

Если въ своей эсхатологической роли Торъ явился намъ сколкомъ съ Илья, то въ остальныхъ чертахъ его образа такую зависимость я не берусь пока услѣдить. Что онъ поражаетъ своимъ молотомъ-молніей исполиновъ мрака — это лежитъ въ общей его роли, какъ громовника; на тождество животныхъ

---

¹⁾ Сл. Grimm, D. M. II, 677 и прим. 1. Сл. м. проч. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, г, 287 прим. 1, 299; I, п, 74 прим. 1.

аттрибутовъ Тора и Ильи будетъ указано въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Интересно, во всякомъ случаѣ, наблюденіе Гримма ¹⁾, что въ сѣверной сагѣ ему не встрѣтилось ни одного указанія на Тора, какъ *подателя дождя*, что во всякомъ случаѣ странно при громовникѣ, покровителѣ земледѣлія и земледѣльческаго быта. Быть можетъ, эта роль была уже отдана, когда водворился культъ Тора? Гриммъ ²⁾ указываетъ, между прочимъ, на *Frugr'a*, какъ на древняго громовника, отмѣненного Торомъ. Замѣчу съ своей стороны что дождь и солнечный свѣтъ находятся во власти вана Фрея.

V.

Илья принадлежитъ къ популярнымъ святымъ всего восточнаго христіанства. Храмы его имени, его культъ встрѣчаются или встрѣчались всюду, куда ни проникало, на долго или временно, восточное церковное вліяніе: въ Греціи и Румыніи, въ Сициліи и Южной Италіи и на Кавказѣ, у южныхъ славянъ и на Руси, гдѣ еще при Игорѣ существовала церковь во имя пророка. Его праздникъ (у насъ и пятница, ему предшествующая) соблюдался свято, воздержаніемъ отъ работы, приношеніемъ животной жертвы. Таковой является на Кавказѣ преимущество *коза, козленокъ, баранъ*, (но и быкъ) ³⁾; въ Россіи *бараны и козлята* (но также: *теленкъ, быкъ*), откуда, быть можетъ, и поговорка «Илья-бараній рогъ» ⁴⁾; Гриммъ спрашиваетъ: не были-ли козлы и козы специальнымъ жертвеннымъ животнымъ и германскаго громовника ⁵⁾.

¹⁾ D. Myth. I 145.

²⁾ l. c. p. 151.

³⁾ Дубровинъ, I, ч. 102; I, ч. 26, 177; Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. IX, Б. Гатіева, l. c. 29, 32; Grimm, D. Myth. 145, 154.

⁴⁾ Петрушевичъ, l. c. подъ 20 Іюля.

⁵⁾ D. Myth. 154.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ русскаго жертвеннаго обряда.

Въ Пермской губерніи устраивали на Ильинъ день обѣдъ на мірскую складчину, убивали быка и теленка и съѣдали ихъ всею общиною. Въ Калужской губерніи въ этотъ день приносятъ къ церкви колотыхъ молодыхъ *барашиковъ* и просятъ священника окропить ихъ святою водою. О другихъ мѣстностяхъ сообщаютъ такой обиходъ: къ церкви пригоняютъ рогатый скотъ; послѣ обѣдни выбираютъ одно животное, за которое и платятъ міромъ хозяину деньги; потомъ закалываютъ его, варятъ мясо и раздаютъ по кускамъ за деньги, которыя идутъ въ церковь. Не быть на этомъ праздникѣ и не получить священнаго мяса — считается за большой грѣхъ¹⁾. При другомъ случаѣ²⁾ я указалъ на аналогію этого обряда съ закланіемъ, въ честь Георгія Илорскаго, быка, мясо котораго раздавалось какъ святыня. Другую аналогію представляютъ слѣдующіе обычаи, интересные по легендарному указанію на совершившуюся когда-то замѣну жертвенныхъ животныхъ, однихъ другими. Въ архангельской губерніи, на Ильинъ день, въ мѣсто, назначенное заранее, приводятъ *барановъ*, которыхъ и рѣжутъ тотчасъ по окончаніи обѣдни; шкуру снимаютъ, а мясо варятъ въ котлахъ надъ костромъ. Всѣ прохожіе приглашаются принять участіе въ торжествѣ. Рассказываютъ, что въ старину вмѣсто барановъ приносился въ жертву *олень*, который ко времени жертвоприношенія выбѣгалъ изъ лѣса и какъ бы самъ предлагалъ себя на закланіе. Но въ одинъ изъ такихъ праздниковъ олень почему-то не явился во время; крестьяне не вытерпѣли и зарѣзали быка; но едва только послѣдній испустилъ духъ, какъ олень выбѣжалъ изъ лѣса, но затѣмъ тотчасъ-же скрылся и уже не возвращался болѣе. Съ этого времени въ жертву приносятся *бараны*. — Въ Вологдѣ существуетъ то-же преданіе: двѣ бѣлыя *лани* перестали являться за великія людскія неправды;

¹⁾ Афанасьевъ, I. с. I, 475.

²⁾ Разысканія II, 157—8 прим. 2; сл. р. 61—2.

у верховьевъ Ваги приуроченіе другое: на Петровъ день у церкви убиваютъ быка — вмѣсто выбѣгавшаго въ былое время изъ лѣсу оленя ¹⁾. — На Кавказѣ Георгію закаляютъ быка, а прежде, быть можетъ, и оленя, судя по изображеніямъ на древнихъ надгробныхъ крестахъ ²⁾; русскія повѣрья объ Ильинской жертвѣ указываютъ, на такой-же обычай ³⁾. Съ другой стороны черта архангельскаго (вологодскаго) преданія, будто олень (— лань) какъ-бы самъ выходилъ на закланіе — отвѣчаетъ извѣстной подробности Илорской легенды о Георгіи, что самъ святой приводилъ къ себѣ свою жертву, быка съ позолоченными рогами, который за-ночь оказывался стоящимъ въ запертой на ключъ оградѣ церкви. — Я отношу сюда-же разсказъ прозаической Эдды о Торѣ на ночлегѣ у крестьянина: богъ закаляетъ для ужина двухъ козловъ (Tanngnióstr и Tanngtisnir), на которыхъ представлялся разѣзжающимъ, и которые потомъ чудесно воскресаютъ. Жертвенный Тору козель очутился его атрибутомъ (какъ кабанъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, атрибутомъ Фрея ⁴⁾), впряженъ въ его колесницу, и самъ богъ приноситъ его себѣ въ жертву, какъ Илья и Георгія въ соответствующихъ легендахъ.

Популярность на Руси Ильи-громовника должна была вызвать въ поэзіи обряда, примѣты и пѣсни цѣлый рядъ народныхъ отраженій: Таковое усматриваютъ многіе въ Ильѣ-Муромцѣ нашихъ былинъ. Полить видитъ въ немъ, по слѣдамъ другихъ и согласно своему взгляду на народный культъ Ильи пророка — эпическое отраженіе Ильи-солнца, другіе — Ильи-громовника, обороняющаго солнце-Владимира отъ Соловья-разбойника, первоначально «исполнительской» птицы, затемняющей всё небо, въ образѣ которой фантазія воплотила неудержимо несущійся буйный вихрь, который,

1) Современныя Извѣстія 1880, N. 169; Афанасьевъ, I, 255—8.

2) Разысканія II, 153—4.

3) Сл. также примѣты на Ильинъ день: что олень копыто, хвостъ обмочилъ и т. п.

4) Сл. выше, стр. 109.

нагоняя на небо черныя тучи, потемняетъ солнечный свѣтъ, волнуеть моря и съ корнемъ вырываетъ столѣтнія деревья» (Аванасьевъ). — Чтобы заставить насъ увѣровать въ мифическое — солнечное или громовое — значеніе Ильи Муромца, необходимо болѣе прочныя доказательства, чѣмъ какія приводились доселѣ: ключъ, выбитый конемъ богатыря, гдѣ теперь часовня св. Ильи пророка близъ Муромца, слишкомъ не типическая черта для Ильи, чтобы на ней можно было основать какое-бы то ни-было заключеніе: подобное рассказываетъ и о Георгіи, и о Бальдрѣ и о цѣломъ рядѣ другихъ народныхъ героев¹⁾. Необходимо помнить, что не всё мифическое, или кажущееся таковымъ, необходимо древнее, исконное, принадлежащее къ сути того или другаго эпического лица или образа, а могло приклеиться къ нему и внослѣдствіи, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше, въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошли отъ своего источника. Переселившись на новое мѣсто, оторванная отъ живыхъ корней, пѣсня легче подвергается превращеніямъ, особливо когда она полюбилась, пришлось къ дому; въ такихъ случаяхъ она не только обрастаетъ сказочными и мифическими подробности, но приурочивается на-ново: захожаго богатыря начинаютъ считать своимъ. Такъ было въ Даніи съ французской *chanson de geste* объ Ogier le Danois: изъ народной книги онъ перешелъ въ мѣстное повѣрье, локализовался, очутился въ роли народнаго освободителя, возврата котораго ждуть въ послѣдніе дни. Богатырь-разбойникъ Соловей подвергся иному превращенію: его собственное имя, русская перегласовка собственнаго имени Славъ, стоитъ не одиноко: вспомнимъ Соловья Будимировича; въ былинѣ объ Аникѣ оно подставилось, очевидно, на мѣсто Соломона:

Былъ на землѣ богатырь Соловей.

¹⁾ Сл. Разысканія II, 54; Bugge, Studien, 1° Reihe, 2⁶⁸ Heft, стр. 111 (лишь при корректурѣ настоящаго листа я могъ воспользоваться этой частью работы Бугге).

Позднѣ богатырь Соловей, гнѣздящійся въ лѣсу, былъ понятъ, какъ птица, но очевидно, птица чудовищная, которая свила гнѣздо на (трехъ, шести, семи, двѣнадцати) дубахъ, свиститъ по змѣиному, кричитъ по звѣриному; у него крылья. Но образъ, продуктъ поздняго смѣшенія, не выдержанъ: за птицей видѣнъ богатырь, рядомъ съ гнѣздомъ упоминаются и палаты, у Соловья есть семья, которой онъ совѣтуетъ дать за него богатый выкупъ; въ Кіевѣ, гдѣ отъ его свиста богатыри окарачь наползались, Владимиръ предлагаетъ ему положить его воеводою, либо въ монастырь строителемъ. Если гдѣ совершилось окончательное превращеніе богатыря въ птицу, то это — въ чувашскомъ пересказѣ извѣстнаго былиннаго сюжета объ Ильѣ-сиднѣ: превосходномъ образчикѣ того народнаго «миеологизированія», которому подвергается иногда преданіе, первоначально не имѣвшее ничего общаго съ миеомъ. Не только Соловей является большимъ, преобладающимъ соловьемъ, но изъ частей его тѣла рождаются птицы, а Илья называется богомъ и о немъ рассказывается, что совершивъ свой подвигъ, онъ уѣхалъ на небо, гдѣ гоняетъ и бьетъ шайтана. Илья муромецъ примкнулъ къ Ильѣ громовнику, и въ данныхъ условіяхъ этотъ процессъ представляется на столько-же естественнымъ, на сколько превращеніе Ogier le Danois — въ Holger Danske. Миеъ тамъ и здѣсь становится не въ началѣ, а въ концѣ развитія.

Вотъ чувашское сказаніе ¹⁾:

Илья-богъ былъ сиднемъ до тридцати лѣтъ. Разъ отецъ его съ помочанами ушелъ корчевать лѣсъ; Илья, какъ сидень, остался дома. Передъ обѣдомъ приходитъ въ избу великій Богъ съ Херлессиремъ (духъ, оплодотворяющій землю) и проситъ напиться. Илья сказалъ, что у отца есть пиво, да некому принести. Богъ велѣлъ принести ему самому. Илья, какъ молодой ребенокъ, пошелъ и принесъ ведро пива. Богъ велѣлъ Ильѣ выпить самому, и Илья выпилъ ведро безъ отдыха. Богъ велѣлъ принести еще

¹⁾ Магнитскій, I. с. 251—3; сл. 29.

ведро и выпить. Илья опять выпилъ все ведро; принесъ третье ведро и выпилъ только половину. Богъ спросилъ Илью: чувствуетъ ли онъ въ себѣ силу? Илья сказалъ: какъ-бы у земли была скобка, то онъ приподнял бы её. Ну, довольно съ тебя, сказалъ Богъ и ушелъ. Когда приспѣло время обѣда, Илья взялъ подъ мышку 40-ведерную бочку съ пивомъ, котель каши, хлѣба, и пошелъ къ помочанамъ. Отецъ, мать и помочане всё диву дались. Послѣ обѣда, когда всё рабочіе легли отдыхать, Илья сталъ корчевать лѣсъ: возьметъ дубъ за вершину, выдернетъ и броситъ въ рѣчку; пока помочане спали, Илья побросалъ въ рѣчку столько дубья, что вода вышла изъ береговъ и стала заливать помочанъ. Послѣ этого Илья пошелъ отыскивать себѣ лошадь, но долго не нашелъ: лишь положить руку на лошадь, а лошадь и споткнется. Узналъ Илья, что у одного Чувашина есть хорошій жеребецъ, пошелъ осмотрѣть жеребенка; хорошъ, но въ цѣнѣ не сошлись. На другой день Илья послалъ отца дать Чувашину просимую имъ цѣну, но жеребенокъ за ночь выросъ въ самую большую лошадь, и хозяинъ запросилъ новую цѣну. Черезъ недѣлю въ цѣнѣ сошлись, и Илья, сдѣлавъ себѣ желѣзную шапку въ 40 пудовъ и палку въ 10 пудовъ, поѣхалъ по всему свѣту. Вотъ на пути онъ увидалъ слѣпаго старичка, разговорился съ нимъ про сяку. И говоритъ старичекъ: а ну-ка, дай мнѣ свою руку. Илья вмѣсто руки далъ ему свою палку. Старикъ пожалъ палку, и палка затрещала и сплюснулась. А ну-ка, дай я тебя обниму, говоритъ старикъ. Илья подошелъ и преподнесъ старику свою шапку: старикъ обнял шапку — не поддается; ну ничего, говоритъ, кость у тебя здоровая, будешь патгыр (богатырь). Послѣ этого Илья поѣхалъ дальше и наѣхалъ на гнѣздо соловья. Соловей этотъ былъ большой, пребольшой: гнѣздо у него было на семи ветлахъ, и свистъ его слышенъ былъ за семь верстъ. Илья бросилъ въ соловья палку и отшибъ ему крыло, бросилъ шапку и придавилъ; затѣмъ разсѣкъ его на части, и изъ каждой части мяса выросли птицы, изъ большихъ частей — большія птицы, изъ малыхъ малыя, а изъ кусочковъ сала выросли: шингорсъ

(по описанію Чувашъ: желтая птица, съ красной пояской, величиной съ воробья), сара кайык (желтянка) и другія желтыя птицы. Послѣ этого Илья недолго жилъ на землѣ, уѣхалъ на небо, и теперь гоняетъ и бьетъ шайтана.

Я не думаю, чтобъ сравнительная мѣологія была вправѣ воспользоваться заключеніемъ этой побывальщины — для отождествленія Ильи Муромца съ громовникомъ.

«Если есть наука, сдѣлавшая необыкновенные успѣхи въ наше время, такъ это наука сравнительной мѣологіи; но она не столько раскрыла намъ, какъ образовался каждый мѣоъ, сколько указала различныя категоріи его сложенія, такъ что если мы не въ состояніи утверждать, что такой-то полу-богъ, такая-то богиня навѣрно означаетъ грозу, молнію, зарю и т. п., то можемъ сказать вообще, что атмосферическія явленія, особливо относящіяся къ грозѣ, восходу и заходу солнца и т. п. были обильнымъ источникомъ боговъ и полубоговъ»¹⁾. На этихъ результатахъ наука мѣологіи, очевидно, не можетъ успокоиться и, несомнѣнно, достигнетъ болѣе точныхъ, отказавшись отъ излишней увѣренности въ незыблемости уже полученныхъ. Необходимо, прежде всего, новый пересмотръ разныхъ «порѣшенныхъ» вопросовъ, хотя-бы затѣмъ, чтобъ имѣть право сказать себѣ, что мы многого не знаемъ. Въ этомъ *отрицательномъ* смыслѣ полезна недавняя попытка Бугге отыскать источники сѣвернаго мѣоа — въ реальныхъ комментаріяхъ къ классикамъ, компендіозныхъ пересказахъ древнихъ преданій, прошедшихъ черезъ келью ирландскаго монастыря, чтобъ отложиться въ воображеніи сѣвернаго человѣка загадочными образами Бальдра-Ахилла, Гёдра-Париса, Вёлунда-Вулкана, Гарма-Кербера и т. п.

1) Renan, Les Évangiles, p. IV—V.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

ІХ.

ПРАВЕДНЫЙ МИХАИЛЪ ИЗЪ ПОТУКИ.

Память св. Михаила воина, неизвѣстнаго греческой церкви, праздновалась 22-го Октября, какъ видно изъ надписанія его житія, изданнаго архіепископомъ Филаретомъ: «Въ тѣжѣ дѣѣ (кѣ ѡктѣ) оупение стѣо и праведнаго Михайла воина¹⁾; о. Мартыновъ²⁾ полагаетъ тотъ-же день памятованія и для русской церкви; обычно оно совершается 22-го Ноября: такъ у Сербовъ и уже въ похвальномъ Словѣ Евфимія Трновскаго³⁾; въ до-Марьяевскихъ минеяхъ — 17-го Юня⁴⁾.

Въ рукописяхъ проф. Григоровича, поступившихъ въ Румянцевскій музей⁵⁾, нашелся еще одинъ текстъ житія праведн. Михаила воина, тождественный съ изданнымъ въ Извѣстіяхъ.

¹⁾ Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, т. VIII (1859), стр. 153—4.

²⁾ Martinov, Annus Ecclesiasticus, подъ 22-мъ Ноабря.

³⁾ Напечатано въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1870, Октабрь, стр. 220—229.

⁴⁾ Martinov, l. с.; архим. Сергій, Мѣсецословъ II, II, 309, подъ 22-мъ Ноабря; архіеп. Филаретъ, Святые южныхъ Славянъ, отд. 2-ое, стр. 219—222.

⁵⁾ Сл. Описаніе, стр. 16, № 24.

Сообщая его здѣсь по копіи, любезно сдѣланной для меня В. И. Семевскимъ, я имѣю въ виду снова обратить вниманіе на этотъ памятникъ, не лишенный значенія, какъ для исторіи христіанства въ Болгаріи, такъ, быть можетъ, и для народной поэзіи ¹⁾.

Въ тѣжѣ днѣ оуспѣніе стго и праведнааго Михаїла воина (рубрика).

Тѣи стѣ бжїи Михаїль. бѣше въ лѣта блгочтївааго цра Михаїла. ѿ града Потоуки. родомъ съи блгарины. не нѣкако ѿ нижнихъ. нѣ высѣтнаа и блговѣрнаа рѣда сы. и прѣвѣ ^{а)} ѿ прьвородныхъ хртїанъ. егѣ же нарекоше родителіе егѣ. и инѣ мнозы стѣе дѣте. юнѣже сыи иже изъ младенства своегѣ ^{б)}. чїсто пожївъ житїе. и бжїи страхъ прѣ ^{в)} ѿчїма имѣ ^{г)}. мѣтїнами же и пощенїемъ ^{д)} и къ нишїи ^{е)} роукоподателъ (Ф. и посѣтителъ) ^{ж)} болецїимъ. кроткъ и смѣренъ. и всакыми добродѣтелми оукрашешъ. дош ^{з)} до возраста двадесете и петымъ лѣтомъ. и по чїноу войнскому избранъ примикыръ съи на ^{и)} вои волними ^{к)}. бысть же въздвїженїе еѣѿпланомъ и агарѣномъ на римскыи гра ^{л)}. и нарѣ хртїанскыи дръжавы и цртво. възвїгошежесе и римлянстїи лѣдїе, съ многїимъ множьствомъ ^{м)} на агарѣни пош ^{н)}. и множьствоу бѣвшу агарѣнскому есѣку. видѣвїше же римлянѣ ꙗко посылаютсе ^{о)} агарѣнѣ и еѣѿплане. на скорѣ всїи въ ^{п)} горы бѣжахоу, и скрозѣ скрѣвнаа мѣста. стѣже Михаїль не оубогесе, нѣ свое люды непрѣстанно потврѣжааше. видѣвъ ^{р)} ꙗко всїи

¹⁾ Въ примѣчанїяхъ помѣщены главныя отличїя печатнаго проложнаго житїя.

^{а)} Въ рки. слово, очевидно, опущено; добавляемъ по тексту архїеп. Филарета, что дѣлаемъ и далѣе, отмѣчая добавленїя такимъ образомъ: Ф.

а) перваго. б) младости своеа. в) страхъ бжїи выну предѣ ѿчїма имѣа. д) оугождаа ему, и к' нишїи ^{е)} рукоподателство ^{ж)} и посѣтителствомъ болашихъ, кротокъ. з) же возраста, яву уоби быти ему двадесати и пяти лѣтъ. и) доволными; Ф. воволними. к) и народъ хртїанскїи дръжавы црства римскаго ѿслужити. Воздвїгошажесе и римстїи. л) и агараны. м) посылаютсе. н) съ. о) же ꙗко.

римляне бѣжаше. абѣ просльзѣвѣсе паде ниць на землю молѣсе
 Бу ѿ хрѣтіанѣхъ глѣ. Гѣ Ісу Хѣ Бѣ въседръжителю и прѣее.
 и скончавъ млтвоу оуст[р]ѣмы се на иноѣзыкы ^{а)} съ своимы вои.
 и вышѣ посрѣѣ бесчисльнааго мно́жства агарѣнъ и еѣѣсплганъ.
 и въсѣхъ побѣдывъ разгна. Самъ же тѣи и въсіи вои еѣго, ни еѣдинъ
 неврѣжѣень ^{б)} бѣ. и възвратисе ^{в)} ѿ рати тое. шѣствѣе начѣтъ
 творити къ домоу своему. и ^{д)} приспѣвъ до стѣраискааго мѣста.
 и въсхотѣвъ почѣти тоу. бѣше въ мѣстѣ томъ езеро велико.
 искожѣаше [Ф. ѣзь езера того зми и погѣдаше] члѣкы и скѣоты.
 видѣвже рабъ еѣго дѣимъ прѣ езерѣ. и прѣемъ на скорѣѣ іастіе.
 и идѣ тамо идеже бѣше дымъ исходѣ. и обрѣтѣ дѣвѣцу сѣдѣшу.
 и гачнъ рабъ онъ въпрашати двѣу. ѿнаже сказа ему ѿ сѣы томъ.
 ономо[у]же на ню възырающоу и вѣнимающоу бесѣды еи.
 прикадыше се ^{е)} іастіа гѣна еѣго. и принесе іастіа къ рабоу бѣжѣю
 Михаѣлу. И въпроси еѣго почтѣ оукъснѣлъ еси и прикадышесѣ ^{ф)}
 іастіа. онъ же ѿповѣда ему все іѣже слыша ѿ двѣце. рабъ же
 бѣжѣи Михаѣл. сѣи слышавъ, и поноудывъ свое рабы итѣи съ нимъ.
 ѿни же не въсхотѣше. блжѣныи же помѣлисе и сѣтворѣи знамѣнѣи
 чѣтнааго крѣта на лицѣ своемъ. и въсѣде на конь свой. и поѣмъ
 раба своего болѣшаго, и дошѣше на езеро идеже бѣше дѣба.
 и въпросѣ ю ѿ въсѣмъ. и како пришла еси само ^{г)}. ѿнаже прѣ-
 щѣаше ему ѿтити ради звѣрѣскааго снѣденіа ^{ж)}. и сказа ему
 како имаше ѿбѣчан градь тѣи. давати дѣты свое на ізѣденіе
 смію. и повелѣ рабу своему ѿтити и съ конѣмъ и стоати далѣче.
 рабъ же бѣжѣи падѣ низъ ^{з)} на землю и помѣлисе бѣ. по млтвѣ же
 вѣставъ, и се смѣи гѣвисе посрѣѣ езера свѣстае. и възвышаашесѣ
 выи еѣго ѿ езера сежнѣѣи двадесѣтъ, ѿпашъ же еѣго бѣющи по
 водѣ. идѣаше лакѣтеи чѣтиридесѣ. и ѿврѣзъ троа оуста. стѣиѣ

а) иноазычнѣи. б) вреждѣнъ. в) возвратившиса. д) Ф. и прѣ-
 спѣвъ до тѣраискааго мѣста; Прол. доспѣвъ донѣи ранескааго мѣста и.
 е) провуднѣшаса. ф) прѣсмаднѣшаса. г) сѣмо. ж) Смѣева ради
 снѣденіа. з) самъ же паде ниць.

пріемъ щитъ и мѣчь. и ѡсѣче лоукавому три главы привидѣнныя ¹⁾). смѣяже свѣивъ ѡпашь ѡудары стго въ десную ланиту и въ лѣвую руку ²⁾) и рану ему сѣтвори(ти). И мало бездоушествовавъ. пакы скоро вѣста. рабже его такое чюдо видѣвъ. тѣче въ градъ и възвѣстїи бывшаа. гражѣне же изышѣше изъ градъ съ свѣщцами и кадилы на срѣтеніе стго славеще бѣ. двцоу же прѣдѣ родителямъ ею. Сты ³⁾) поуѣшьствоуе прїиде въ домъ свой. и прѣбывъ мало дни. прѣдасть блженноую свою дщю гвѣ. его же изъ млада възлюбѣ, и прѣиде въ нбное цртво. Знаменїа же и чюдеса многаа творе, цѣлѣбныя дары дае притекающимъ ⁴⁾) къ нему съ вѣроу. и цртвоу[ющему] великому цроу каіоіѡанноу и прѣмшому Потоуку ⁵⁾). прѣнесе стго Михаила. и слышавъ патрїархъ васїлїе изъиде съ вѣсѣ⁶⁾ причтомъ и болары на срѣ[те]нїе стго. съ свѣщцами и съ кадылѣ. прѣмшеже прѣ каіоіѡанъ и патрїархъ ⁷⁾) възнесоста стго въ гбопсны градъ Трїновъ. и положише его въ велицѣи патрїархїи въ црквы ⁸⁾) стго възнесенїа въ рацѣ новѣ. Его же мѣтвами да споубит ны Гб Бѣ нашъ цртвоу своему. аминь.

Похвальное слово Евѡимїа Трновскаго несомнѣнно почерпнуло свое содержаніе изъ сообщеннаго житїя, которое лишь распространило общими мѣстами духовной реторикѣ, молитвами, обращенїями, эпитетами: Михаилъ «славный воевода, изредный храборникъ, благочестїа твердый столпъ, непобѣдимый оружникъ, прекрасная и свѣтлая звѣзда, иже отъ младенства себѣ Богови освятивый, стрѣла Божїа избранная, молнїа блистающая сущихъ окрестъ, гражданинъ вышняго Іеросалима, высокопарный орелъ». Болгарское происхожденіе Михаила замѣнено общимъ — привожу отрывокъ текста: «Романїа убо сице обычне зовомаа того изнесе,

¹⁾ Такъ въ текстѣ Ф.; въ нашемъ: привидѣнїе; Прол. привидѣнныа.

²⁾ рп. ихъ.

а) Напечатаннаго курсивомъ нѣтъ въ Прологѣ. б) Прол. же пакы.

с) Прол. Потоку. д) Васїлїй. е) Хртова.

рожденіе же и воспитаніе весь, глаголемая Потука. Яко убо смысломъ укрѣписе и въ юношескій прииде возрастъ, во всѣхъ хождаше заповѣдехъ Господнихъ, непорочне пребываетъ въ *цѣломудрїи и чистотѣ*, въ кротости и простотѣ; зѣло бо отъ благородныхъ и нарочитыхъ сынъ, всѣми вѣдомъ бѣ и за прекрасное лѣпоты и возраста въ воинскій избирается чинъ; и тако пребываетъ, всѣ въ добродѣтеляхъ свое иждиваше дни. Многѣи же побѣды на бранехъ показа различныхъ, и ради сего и въ *воеводскій* вѣчиненъ бываетъ *самъ*. Многимъ убо воемъ подъ нимъ сущимъ, вся бранная устрояема бѣху добрѣ же и по лѣпотѣ; отсюда убо слухъ о немъ по всюду прошедъ, всѣмъ вѣдома того устрои. Не по мнозе убо брань слышасе и брань паче всѣхъ лютейшая. Божїимъ бо тогда поущенїемъ, ими же судьбами вѣсть той Единъ, до конца повоеванъ бѣше отъ римлянъ (sic) весь греческій родъ и елико со всѣми и царствующій Константиновъ подъ собою имѣти градъ и всѣ окрестныя его страны на лѣта многая¹⁾. Эѳіопляне же и Агаряне брань велику и нестерпиму на Римляне подвигаше; яко убо сія слышавше Римляне, многіе и тїи събравше вое тогда убо, тогда и славный призывается Михаилъ *со встѣмъ своимъ воинствомъ*. Въ виду многочисленной агарянской рати онъ ободряетъ свою дружину; когда въ слѣдующей за тѣмъ брани Римляне побѣжали, онъ молится; окончивъ молитву, «виде множества римлянская внезапно безъ вѣсти бывшая и въ пропасти распаденїя себѣ скрывшее, себѣ же единого посредѣ варваръ оставлена. Знаменїе вскорѣ всечестнаго креста на лица своемъ сотвори и все поостривъ на брань воинство, мужески храбрствовашу и мужески побѣждаху иже съ Михаиломъ», тогда какъ *громъ и молнїя* поражали враговъ, устремлявшихся въ бѣгство.

1) Объяснить послѣднюю фразу можно развѣ искаженїемъ. Сл. въ житїи: «бѣсть же въздвиженїе еѳіопляномъ и агарїномъ на римскїи градъ и на рцѣ хртїанскїе дръжавы и цртво. възвоигоше же и римлянисти людїе.

Возблагодаривъ Господа за побѣду и за цѣлость своей дружины, святой «во свою отхождаше страну; и яко тамо приближисе, вся своя отпусти воинства съ многимъ дерзновеніемъ и корыстію, самъ же съ своими отроки къ своему устремисе поити дому. О семъ убо тому тщецусе и спѣшешу, приѣде до *тиранскаго мѣста* *обычне сице зовомаго* и ссѣде еже упокойтесе бѣже(?) и коніе свое; отроки убо отпусти за еже пасти коніе, самъ же ту почить, одинаго себѣ коня и отрока оставль. Бѣше же убо ту близъ нѣгде езеро, въ немъ же змій живеше лють и превеликъ, исходе внѣ и поядае чловѣки и скоты. Въ сонъ убо той сведенъ бывъ глубокъ отъ путнаго труда, рабъ его, иже съ нимъ, дымъ нѣкако чуденъ исходещъ видѣвъ, тамо устремисе бываемое усмотрити. Шедъ убо тамо, обрѣте дѣвицу у езера седѣшу и плачушу; тому-же вину плача истежему, отвѣща она со слезами и съ рыданіемъ, плача жалостне же и умиленне: звѣринаго ради злѣ приведоша ме снѣденія, ибо въ семъ езерѣ звѣрь живеть зѣло лють и чловѣки и скоты нещедно исходе поядаеть, никтоже можетъ противетеса ему. Сего ради градъ сей, таковые хоте примѣнитися нуждѣ, усмотри чеда своя по единому и единому отдати тому на снѣдъ; и се нынѣ отцу моему должный приѣде редъ, и приведе ме сѣмо, и се жду когда приѣдетъ и поглотитъ ме окаянную». Она молитъ отрока удалитса, «яко да не и самъ съ тѣломъ душу злѣ извержеши». Между тѣмъ проснулся «стратилаѣ», и вернувшійся отрокъ повѣдалъ ему о причинѣ своего промедленія. Михайль идетъ самъ къ озеру, гдѣ дѣвица «отъ прежде реченныхъ ничтоже сокрытъ, но вся по чести тому сказа». Въ молитвѣ, которую святой произноситъ передъ битвой съ змѣемъ, онъ проситъ Господа «яко да иже въ семъ зепри живущаго побѣжду діавола, якоже иногда сподобилъ еси святаго своего угодника Θεодора». — Легенды о святыхъ змѣборцахъ были въ памяти славянаго слово: оттуда (изъ чуда св. Георгія) черта, не находящаяся въ житіи: объ очереди (жеребій?), учрежденной горожанами для жертвъ, обреченныхъ змѣю.

«Скончавшу убо тому молитву, абіе змії отъ езера исхождаше, звизданія и сопанія безмѣстная творе, и всякъ ужасающа возрастъ. Яко убо Святый змія тако идуща видѣвъ, вскорѣ отроку съ конемъ далече отступити повелѣ, самъ же вземъ свой мечъ и щитъ не потресною стояше душею, ожидае того пришествіе.... Лукавому же нань устремившусе змію и главу на высоту воздвигшу, опашію же своею шествоваше по водахъ и, яко ближае бысть, многострашную и злую свою съ высоты преклонивъ главу, на три сежане или на четьри на высоту воздвижену, и уста ненасытимая разверзъ, готову себѣ того имѣе ловитву. Абіе дивный страдалецъ мечъ напрасно извлекъ, много лукавную и злую того отсече главу; злонравный же тотъ змії злонравную свою свивъ опашъ удари святаго въ десную ланиту и въ лѣвую руку, узви того зѣло люте». Горожане выходятъ на срѣтеніе побѣдителю, который передаетъ дѣвицу ея родителямъ «научивъ, тѣхъ правые держатисе вѣры и чистые уже къ Богу любве и того вѣдѣти ненадежное сіе даровавшего чедо, и весь убо утверди тогда града того соборъ въ Божиємъ пребывати страсть и того чистѣ заповѣдь хранити». Это наставленіе въ вѣрѣ, неизвѣстное житію, напоминаетъ проповѣдь христіанства въ заключеніи чуда св. Георгія съ змѣемъ. — Какъ въ житіи, такъ и въ словѣ св. Михаилъ уходитъ, послѣ подвига, въ домъ свой, «имѣе предреченную отъ врага язву; время же убо мало тамо пребывъ, вся дома своего добре урядивъ и вся имѣнія своя церквамъ и нищимъ убогимъ раздавъ, блаженнымъ успе сномъ».

Элементы житія кончаются въ словѣ упоминаніемъ о перенесеніи мощей святаго царемъ Калоіоанномъ изъ Потоуки въ Трновъ, что совершилось въ 1206 г. ¹⁾ При Эвеміи они находились еще въ Трновѣ: «идѣже даже и до днесъ лежитъ»; «ты же, послушателю, не яко мертвы кости суть зри, но невидимо отъ нихъ исходящую благодѣть сматрай». — Когда около 1825 г. митрополитъ Иларіонъ приказалъ прорубить въ митрополичьей

¹⁾ Филаретъ, Святые южныхъ Славянъ, I. с. стр. 222.

церкви въ Трновѣ дверь изъ алтаря на дворъ, обнаружилась небольшая комната со сводами, библіотека трновскихъ патриарховъ; здѣсь найдены были книги и мощи святыхъ; изъ нихъ голову св. Михаила изъ Потоуки Иларіонъ продалъ въ Валахію¹⁾.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ житія. Оно говоритъ о св. Михаилѣ Болгаринѣ, что онъ былъ отъ «првородныхъ хрстіанъ», какъ и современникъ его и императора Михаила III (+ 867) — болгарскій князь Борисъ, также принявшій въ крещеніи (864 г.) имя Михаила. — О войнѣ съ Агарянами, упоминаемой въ житіи, архіеп. Филаретъ²⁾ замѣчаетъ: «война имп. Михаила противъ агарянъ есть та самая война 865 г., во время которой имп. Михаилъ, дойдя до Черной рѣки, получилъ извѣстіе, что Руссы напали на Константинополь съ моря и сухимъ путемъ, и потому поспѣшилъ возвратиться въ столицу имперіи». — Въ сущности ничто въ разсказѣ житія не указываетъ на походъ именно 865 г., битва описывается, какъ пораженіе Византійцевъ, остановленное вмѣшательствомъ св. Михаила. Это напоминаетъ скорѣе несчастную битву императора Михаила при Даксимонѣ въ походѣ 859—860 гг., гдѣ спасителемъ явился Мануилъ, романтическая исторія котораго такъ загадочно распредѣлилась между царствованіями Теофила и Михаила, иногда съ повтореніями однихъ и тѣхъ же сценъ и оборотовъ³⁾.

¹⁾ Констант. Иречекъ, Исторія Болгаръ, перев. Бруна и Палаузова, стр. 664—5.

²⁾ I. с. р. 220.

³⁾ У Генесія битва при Даксимонѣ разсказывается съ тѣми-же эпическими подробностями, какъ и другой бой съ Агарянами при императ. Теофилѣ и съ участіемъ того-же Мануила.

Genesisius l. III ed. Bonn, p. 69 = id. ib. l. IV, p. 93—4 (ср. Hamartoli Chron. ed. de Muraltto p. 733 въ прим.).

Говоритъ Мануилъ: «συναχερῶν ἐκ τοῦ καθ' ἡμᾶς στρατεύματος τὸ αἰγὼ δὲ λογάδας ἀνδρῶν φ' γενναίους συλλάβοιμι καὶ δι' αὐτῶν

Житіе св. Михаила не опредѣляетъ мѣстности, въ которой происходило сраженіе; не видно также, чтобы бой съ змѣемъ, въ который святой вступаетъ на обратномъ пути, былъ локализованъ вблизи этой мѣстности. Это полагаетъ однакожъ архіеп. Филаретъ: «мѣстность сраженія съ непріятелями, говоритъ онъ, указывается вблизи райской пустыни, т. е. въ Аравіи»; «по окончаніи войны, возвращаясь въ домъ, на одномъ мѣстѣ пустыни

κατ' ἐκλογὴν σύστημα, δι' οὐ τὸ σὸν κράτος ἐκ τῶν πολεμίων ἐξοίσομαι». ὁ δὲ βασιλεὺς «καὶ τούτου γινομένου, ὁ Μανουὴλ, τῷ λαῷ τί συμβήσεται; » — « ὁ βασιλεῦ σοὶ μὲν θεῶθεν παρέσται τὸ σώζεσθαι, ὁ δὲ λαὸς καὶ αὐτὸς ὑπόθεν, οἶμαι, προνοηθήσεται».

γὰρ πρὸς ἐν μέρος τῶν πολεμίων χωρήσομεν καὶ ῥαδίως δελευσόμεθα». Καὶ ὁ βασιλεὺς ἀντειρήκει «ὁ δὲ λαὸς ἐκ τούτου τί πείσεται; καὶ ὁ Μανουὴλ ἀπεκρίνατο «ὅτι καὶ μὲν βασιλεία σου πάντως ἐξ ἀναγκαιῶν διασωθήτω, ὥστε μὴ κατασχεθῆναι σε τοῖς πολεμίοις; τούτο γὰρ εἶγε συμβήσεται, ἐλεεινὸν ἔσται χριστιανοῖς. περὶ δὲ τοῦ λαοῦ ὅπερ τὸ θεῖον κράτος κλεύσειεν εὐσεβῶς διακκρητήσομεν». φ' οὖν ἄνδρας γενναίους ἀφορίσας ὁ Μανουὴλ παρεγένετο εἰς τι μέρος Σαρακηνικοῦ τάγματος, καὶ «τὸ Σωτῆρος νενίκηκεν» ἀνακράγως αὐτὸς μετὰ τῶν κατ' ἐκλογὴν αὐτῷ προσβαλῶν ἀνδρείως διέκοψε καὶ ἐξέθορεν.

Такия повторенія объясняются механически; другія, недословныя (разсказъ о первой битвѣ имп. Θεοφιλα, гдѣ Мануилъ также является его свасителемъ), объясняются иначе, въ связи съ романическимъ разсказомъ о бѣгствѣ Мануила къ Агарянамъ, съ отзвуками Генесія объ этомъ новомъ Ахиллѣ, наполнявшемъ Сирію и Романію славою своего мужества и благочестія. За византійской риторикой чувствуется почва какого-то героическаго, можетъ быть, народно-пѣсеннаго преданія, сохранившаго память о борьбѣ имп. Михаила съ Агарянами, религиозное отраженіе которой слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть въ разбираемомъ нами болгарской легендѣ.

раиеской вздумалъ онъ отдохнуть»¹⁾. Раиеса, отстоящая въ двухъ дняхъ пути отъ Синая, извѣстна избіеніемъ преподобныхъ отцевъ, памятуемыхъ 14 Генваря. Но ни о Раиесѣ, ни о пустынѣ нѣтъ рѣчи въ текстахъ житія, напечатанныхъ архіеп. Филаретомъ и мною; въ первомъ говорится о святомъ: «и преспѣвъ до *тирайскаго мѣста*. и всхотѣ почити тоу»; у Евсеимія: «прииде до *тиранскаго мѣста* обычне сице зовомаго»; во второмъ текстѣ легенды: «до *сѣрайскаго мѣста*»; въ печатномъ Прологѣ, которымъ, очевидно руководился Филаретъ: «доспѣвъ дойти раиескаго мѣста». Въ подлинникѣ могло стоять: дойти *тиранскаго* (или *тиранскаго мѣста*), откуда легко могла произойти описка: дойти (*ти*)райскаго, и далѣе: раиескаго мѣста, — не пустыни; мѣста, τόπος, regio, съ озеромъ и городомъ, куда отправляется рабъ святаго — возвѣститъ о пораженіи змѣя, и куда возвращается дѣвица. Совершивъ чудо святой, «путешествуя прииде въ домъ свой», гдѣ, по прошествіи немногихъ дней, скончался. Это заставляетъ предположить, если позволено исходить изъ топографическихъ и хронологическихъ опредѣленій житія — что домъ святаго находился не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста дѣйствія чуда. Житіе говоритъ о святомъ, что онъ былъ родомъ изъ Потуки. «Потукъ (Потокъ), упоминаемый и у Кантакузена 1322 г., по словамъ Шафарика, вѣроятно, нынѣшній Батакъ», говоритъ архіеп. Филаретъ²⁾, колеблясь далѣе между Батакомъ и сосѣднимъ Баткуномъ. У Захаріева³⁾ я не нашелъ никакихъ дальнѣйшихъ матерьяловъ для отождествленія Потуки съ Батакомъ. — «Тиранское мѣсто» — можетъ быть Τύραννα (алб. Турάννε-α): городъ и область между Дураццо и Алессіо, которую Барлетій называетъ Туганна мајор (въ отличіе отъ Туганна мінор, вблизи

1) Святые южныхъ славянъ, I. с. 220 и прим. 75.

2) Святые южныхъ Славянъ, I. с. стр. 219, прим. 73.

3) Стефанъ Захаріевъ, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-пазарджитскъ-тж каазж. Віена 1870, стр. 29, 69—71 и прим. на стр. 70.

Кроја'и), а Hahn ¹⁾ сближаетъ съ этническимъ именемъ Тирреновъ.

Замѣчательно, что ни болгарскія вѣрованія, ни болгарскій народный дневникъ, на сколько можно судить по сборнику Каравелова, не сохранили никакой памяти о болгарскомъ святомъ. Это не единичное явленіе: святые древней церкви заняли всѣ мѣста въ народномъ вѣрованіи, притянули къ себѣ его живыя силы и, явившись ихъ выразителями, лишь немного оставили на долю новоявленныхъ. Оттого такъ блѣдны, въ поэтическомъ и миѳическомъ смыслѣ, пѣсни о святыхъ новаго времени, хотя-бы и народныхъ, въ сравненіи напр. съ духовными стихами о свв. Георгии, Θεодорѣ, Николѣ и т. д. Роль змѣборца была уже взята и тѣсно связана съ извѣстными любимыми именами; змѣборцемъ и громовникомъ знаетъ народное повѣрье арханг. Михаила. Повятно, что чудо Михаила изъ Потуки или Потока съ змѣмъ и дѣвицей не удержалось въ народной памяти южныхъ Славянъ — и, развѣ, отложилось общими чертами, или только именемъ дѣйствующаго лица — въ русской былинѣ о Михайлѣ Потокѣ или Потыкѣ. Здѣсь не мѣсто разбирать генеалогію и внутреннія отношенія былинъ, привязавшихся къ этому имени; ясно во всякомъ случаѣ, что былины не даютъ повода къ толкованію имени Потока — каликой; что до духовнаго стиха о Сорока каликахъ со каликою, то ихъ атаманъ, обыкновенно отождествляемый съ Михайломъ Потокомъ, зовется Михайлушкой Касьяновымъ, Романовичемъ, Касьяномъ Михайловичемъ, Офонасьевичемъ, Оомой Ивановичемъ. — Въ основѣ былины, по пересказу Кириши, лежатъ извѣстныя черты: у моря синяго, на тихихъ заводяхъ *Михайло Потокъ* видитъ дѣвушку-лебедушку, Авдотью Лиховидьевну, женится на ней, и сойдя съ нею, по зароку, въ могилу, убиваетъ «змѣя лютаго», приближавшагося къ ней, очевидно, съ намѣреніемъ еѣ поглотить, — какъ

¹⁾ Hahn, Albanesische Studien I, стр. 85—87, 233.

Михаилъ изъ Потока убиваетъ змѣя при озерѣ, гдѣ выставлена была обреченная въ жертву дѣвица. — Я обращаю пока вниманіе на совпаденіе именъ и общихъ очертаній, предоставляя себѣ вернуться, при другомъ случаѣ и подробнѣе, къ вопросу объ источникахъ былинь о Потокѣ.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

Х.

ЗАПАДНЫЯ ЛЕГЕНДЫ О ДРЕВѢ КРЕСТА И СЛОВО ГРИГОРІЯ О ТРЕХЪ КРЕСТНЫХЪ ДРЕВАХЪ.

Мои изслѣдованія, касавшіяся той или другой стороны крестнаго сказанія, его праисторіи и позднѣйшихъ судебъ — до его появленія въ легендахъ о сухомъ деревѣ и послѣднемъ императорѣ, не разъ приводили меня къ заключенію, какъ важно было бы привлечь славянскіе матеріалы къ вопросу, рѣшавшемуся до сихъ поръ почти исключительно на почвѣ западной легенды. Изученіемъ ея разнообразныхъ рецензій обыкновенно ограничивались изслѣдователи (Mussafia, Schröder, Morris и др.), такъ какъ византійскихъ пересказовъ сохранилось крайне мало, а славянскіе, которые могли-бы служить ихъ показателемъ, не обращали на себя вниманіе, потому что — не читались. Краткая передача ихъ содержанія въ моихъ *Altslavische Kreuz- und Rebensagen*¹⁾ могла дать хотя общее понятіе объ ихъ важности и указала-бы напр. Zoeckler'у (*Das Kreuz Christi* 1875, p. 469), что свидѣтельство Анастасія Синаита, противопоставляющаго три райскихъ древа

¹⁾ *Russische Revue*, Jahrg. VII, 8^{es} H., стр. 130 слѣд.

тремя крестнымъ древамъ на Голгоѣ, не имѣя ничего общаго съ «*lignum genere trium foliorum frondatum*» западныхъ легендъ, едва-ли не указываетъ на три райскихъ-крестныхъ дерева той славянской редакціи, которая носитъ имя св. Григорія Богослова либо Двоеслова.

Недавно Wilhelm Meyer¹⁾ пересмотрѣлъ вопросъ о «исторіи крестнаго дерева», опираясь на богатое собраніе текстовъ, между которыми многие были неизданы либо извѣстны лишь въ отрывкахъ. Если изслѣдованіе его не изобилуетъ новыми результатами, оставляя открытыми нѣкоторые вопросы, то причину тому я нахожу въ одностороннемъ увлеченіи однимъ лишь западнымъ матеріаломъ; увлеченіи, которое Meyer (p. 105) откровенно выразилъ такимъ образомъ: *Wenn irgendwo, so zeigt sich bei diesem Sagengebilde, dass im Mittelalter die lateinische Literatur die anderen bestimmte, wie der Mittelpunkt den Kreis.... Die Geschichte der lateinischen Sagenformen gibt fast die Geschichte dieser Sage überhaupt und nur die Kenntniss jener setzt uns in den Stand die Darstellungen in den anderen Sprachen im Ganzen and im Einzelnen zu verstehen und ihre Vorzüge und Fehler zu würdigen.* Я постараюсь указать, что исторія саги, прослѣженная единственно въ ея латинскихъ отраженіяхъ, по необходимости не полна и что иные изъ ея пробѣловъ восполняются лишь при помощи славянскихъ, т. е. византійскихъ данныхъ. Слѣдующая далѣ замѣтка преслѣдуетъ исключительно указанную цѣль.

Славянскія крестныя сказанія распадаются на двѣ группы: исторія *трехъ крестныхъ деревьевъ*, являющаяся въ рукописяхъ съ именемъ Григорія Богослова или Двоеслова²⁾, и рассказъ

¹⁾ Die Geschichte des Kreuzholzes vor Christus въ *Abhandlungen der philol. philol. Classe d. kön. bayer. Ak. d. Wiss.* XVI B., 2° Abth., стр. 103 слѣд.

²⁾ Напечатана у Тихонравова, *Памятники Отреченной русск. лит.* I, стр. 305—313 (№№ 1, 2), *Памятники старинной русской литературы* III, стр. 81—2 (№ 3), стр. 6—8 (Слово непосредственно примы-

объ одномъ крестномъ деревѣ, отмѣченный именемъ Северіана Габальскаго ¹⁾. Имена, очевидно, подставныя, такъ какъ между сочиненіями указанныхъ отцовъ церкви не находится ничего соотвѣтственнаго. Только въ одномъ Словѣ Григорія Богослова проведена краткая параллель между паденіемъ Адама и крестною смертію Спасителя, между деревомъ познанія добра и зла и деревомъ креста; а въ стихахъ того-же отца церкви замѣчено, что Сивилла прославила крестъ Христовъ. Съ другой стороны въ Словѣ о крестѣ, приписанномъ Северіану Габальскому, говорится, что жезлъ, которымъ Моисей раздѣлил море и извелъ воду изъ каменной горы для Іудеевъ, былъ прообразомъ креста и распятаго на немъ Спасителя ²⁾. Эти подробности могли быть вѣщнымъ поводомъ — обозначить именами извѣстныхъ церковныхъ писателей два извода крестной легенды. Я полагаю, что такимъ-же вѣщнымъ сближеніемъ слѣдуетъ объяснить и имя Аванасія, на котораго ссылается, какъ на свой источникъ, Готфридъ изъ Витербо:

каеть въ Слово объ Адамѣ и исповѣданіи Еввы) = № 4; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по ркп. соловецкой бібліотеки, стр. 96—100 (= № 5); А. Поповъ, Первое прибавленіе къ описанію ркп. и каталогу книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова, стр. 63—67 = № 6; букурештскій сборникъ, описанный у Hăşdey, Cărtile porogane, стр. 182 слѣд., №№ 4—7 (по списку г. Сырку) = № 7. — Указанія на другія рукописи см. у Порфирьева, I. с., стр. 47 (соловецкіе сборники); въ Описаніи ркп. Соловецкаго монастыря, ч. I, № 382, л. 167 слѣд.; у Бычкова, Описаніе славянск. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. библ., вып. II, стр. 264—5, № LVI. — Текст сообщается по № 2 (XV вѣка) съ указаніями на варьанты.

¹⁾ Напечатанъ въ Пам. старинн. русск. лит. III, стр. 82—3 (№ 1); у Порфирьева, I. с., стр. 101—103 (№ 2), стр. 227 (изъ Пален, безъ имени Северіана). Указанія на другія рукописи см. у Порфирьева, I. с., стр. 49; Попова, Описаніе ркп. и т. д. Хлудова, стр. 217, 481; Бычкова, I. с. № LVII

²⁾ Порфирьевъ, I. с. 48—9.

Сборникъ II Отд. В. А. Н.

Narrat Athanasius quoniam Noe patriarcha
 filiolos genuit binos egressus ab archa;
 ex quibus Jonitus tunc erat astrologus и т. д. ¹⁾.

Этотъ Jonitus (Hionitus, Hiontus) = Монитонъ, Мунтъ (= Симвъ), о которомъ мы скажемъ дальше, достаетъ изъ рая «plantas arboreas tres»: будущее древо креста. — Въ «Написаніи Аванасія мниха Ерусалимскаго къ Панкови о древѣ разумнѣмъ добру и злу» ²⁾ — приводится «великии Афанасиѣ» въ свидѣтельство того, что «древу разумное», т. е. крестное древо легенды, было не виноградное, а смоковница. Тамъ и здѣсь, можетъ быть, имѣется въ виду одно и то-же лицо.

Слѣдующій далѣе разборъ имѣеть главнымъ образомъ въ виду Слово, приписанное Григорію, къ чему естественно примкнетъ анализъ сказанія Северіана. На сколько первый памятникъ является синкретическимъ сводомъ легендъ, первоначально самостоятельныхъ выраженій крестной саги, — это вопросъ, ставящійся самъ собою.

I.

Когда Господь насаждалъ рай, Сатанайлъ похищаль отъ всѣхъ сѣмянъ и сѣялъ ихъ среди рая. «Рѣ Гѣ: Ту бу^а азъ и телѣ моѣ, и буйдетъ тебѣ на прогнаніе. йзьшь^ашиже вѣвъ Сатанайлъ и рѣ: Гѣ, блѣвы ѣліко насадишѣ^а. Бѣ рѣ: Тоу ѣсмь азъ посрѣ^а

¹⁾ Meyer, l. c. 112.

²⁾ Пам. старинн. русск. лит. III 84—5; сл. Архим. Леониды, Посланіе Ерусалимскаго монаха (болгарина) Аванасія о древѣ познанія добра и зла къ нѣкоему болгарскому книжнику Панько, XIV вѣка (Моск. Епархіальныя вѣдомости, 1870 г. № 3). Древнѣйшій, не изданный доселѣ, текстъ этой статьи, находится въ Новгородской Кормчей XIII вѣка (до 1283 г., либо позже 1284 г.). См. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ), изд. И. И. Срезневскимъ, 2-ое изданіе, стр. 143.

раіа: ёг'а иде Сатанаіилъ дѣ видѣть дрѣво своёе ѣже насадѣ, тог'а почрънѣнь бѣ дѣзволъ ѣ дрѣво ёго ѣзгнѣ ѣз' раіа. Дрѣво ѣзрастѣ на три стлѣпы: ёдинь стлѣпь Адамъ, ѣ друзѣ стлѣпь Ёв'ва, трети стлѣпь посрѣдѣ самъ Гѣ. Да ёг'а сыгрѣшы Адамъ ѣ Ёв'ва, тог'а паде Адамова чѣ въ рѣку Тѣгръ ѣ ѣзнѣ ёго, ѣ Ёв'вина чѣ въ раіа. Да ёг'а бѣ потопѣ на водѣ потопѣ ѣзѣде. ѣсьше потопѣ, дрѣво ѣста при мер'стѣ рѣцѣ» ¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ пересказѣ мы выдѣляемъ исторію каждой части райскаго дерева, такъ какъ въ изложеніи статьи послѣдовательность нѣсколько спутана.

1) *Адамову часть* ѣизнесе тѣгръ река ѣзъ раіа (№ 6: аггль..., вложи в рѣку рекомую Тѣгръ. ѣ ѣзнесѣ в землю мадѣамъскую). ѣ стоѣше на пѣс'це. ёг'а хотѣше Сѣтъ помѣнути ѣца своёго Адама ѣ каза ёму аггль дрѣво ѣ сѣтвори ѣгнь на рѣце рекоѣ Илои (№№ 3, 4, 7: Илои; № 1: Нилои; № 6: Нилъ; ркп. Имп. Публ. Библ. № LVI: Лои; № 5: Инить) ѣ сѣтвори помѣнь ѣцу своёму. ѣ ту бѣдетъ ѣгнь неоѣгасими до вѣка. ѣ въ ёдинѣ горѣть непрѣстанѣ, ѣ лютѣнъ звѣрѣи стрѣгутъ огнь. Да ёг'а сыгрѣшы Лоѣтъ ѣ прѣиде къ Авраму на покаянѣе, ёг'а чѣ Аврамъ, оѣжасень бѣ вѣлко, ѣ поусти Лоѣта да погѣбне²⁾: ѣди ѣ прѣнеси ѣгнь, ёже ѣ въ Вѣвилонѣ рѣце (№ 4: Илои; № 5: Нилъ; № 6: Илъ; № 7 и ркп. Публ. Библ. № LVI: Лои). Пошь Лоѣтъ ѣ (ѣ)брете звѣрѣе спѣше ѣ вѣзетъ .Г. главнѣи ѣ прѣнесе къ Авраму. ѣ виде Аврамъ ѣ почудисе, ѣ заповѣда ёму посадѣти вѣ на горници мѣста ѣ полѣватѣ водою; да ёг'а порастѣтъ главнѣи, тог'а си прѣостѣ ѣ того грѣха. Вода бѣ бе далече. .Г. на днѣ доносѣше ѣ полѣватѣе. Також'еже ѣзѣдоше ѣ прорастѣше главнѣи, ѣзѣде древо пречуд'но ѣ прѣкрасно сѣло» (№ 6: в земля Мадѣамъстеи) ²⁾. Впослѣдствіи, когда Соломонъ началъ искать «дрѣво, да покриетъ цѣрковь,.... иде на дрѣво, ѣже бѣ ѣ главнѣи ѣ бѣше бѣ ту нарѣ³⁾ многѣ

¹⁾ № 2; сл. №№ 4, 5, 7.

²⁾ № 2; сл. №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7.

весе^х .Г. людѣ, еже вѣруваху въ дрѣво. Тò бò дрѣво тòраше чю^х веліе. ѥ всѣи мнѣху *на томъ се хоцетъ распети Гѣ*. ег^а хотеше дрѣво посешти Солóмонь, людіе не даваху ёму: о Солóмоне, не дамо тебѣ посешти дрѣво животное; г^е видѣ ты .Г. главнѣи прораслѣи ѥ чюдò вѣліе да твореть, ѥ мнози ѡбрѣтаютъ ѡ него спніе, *пòнеже на нѣъ раснетъ се Гѣ*. (№ 6: тò ёсть дрѣво спасеніе міру, ѥ просвѣщеніе тёмнымъ. ѡ Солóмоне, тò дрѣво ёсть разрушеніе аду, ѥзвесті адама ѥ вса прѣки. ѡ Солóмоне, не посѣцаи дрѣво еже возраститъ міру пло^х животенъ). Солóмонь мнози поразѣи ѥ посече дрѣво ѥ принесе въ іерлѣмъ. Людіе вѣруваше въ дрѣво, събраше все древоу ѥ принесоше въ іерлѣмъ, плачуще ѥ позирающе на дрѣво. ѥ принесе Солóмонь дрѣво къ прѣвы, ѥ не пріесе г^е хóтеху поставитѣи нò. ѥ печалѣ^х бѣи Солóмонь. Чю ѥ Сивила ѡ дрѣве ѥ пріиде видѣти ѥ седѣ на дрѣве, ѥ óгоре еѣ заднѣца. Тòг^а Сивила рѣ: ѡ *трѣклѣтòе дрѣво!* Всѣи людіе ёдиногласно възупіше: ѡ *трѣблѣженное дрѣво, на немъже раснетъ се Гѣ*. (№ 6: людіе же вѣрующіи во дрѣво ёдиногласно вопіахоу, глѣюще: ѡ трѣблѣженное дрѣво. Солóмонь же тако же вопіаше). Також^е ѥ въз^хвиже Солóмонь дрѣво къ прѣви ѥ приклони^х ¹⁾. — *Позднѣе на этомъ деревѣ распяли «разбойника втораго».*

Фабриціи ²⁾ нашель отдѣльный пересказъ этой повѣсти въ одномъ спискѣ хроники Глики: когда Авраамъ узналь о паденіи Лота съ дочерьми, то, глубоко пораженный этимъ проступкомъ, онъ «ἐξαπέστειλεν αὐτὸν εἰς τὰ μέρη τοῦ ποταμοῦ Νείλου ἐπαίρειν ἐξ αὐτοῦ ὡς δῆθεν θαλοὺς τρεῖς, τῇ δ' ἀληθείᾳ, ἵνα θηριόβρωτος γένηται καὶ ἐξιλεώσας τὸ ἀμάρτημα. Ὁ δὲ Λῶτ ταχυδρομήσας, οἰκονομία Θεοῦ προσήνεγκε τῷ Ἀβραάμ θαλοὺς τρεῖς, ἤγουν ἐκ κυπαρίσσου, ἐκ πεύκου, καὶ ἐκ κέδρου. Καὶ θαυμάσας ὁ Ἀβραάμ ὅτι διεσώθη ἐκ τῶν θηρίων ἀλώβητος, ἐδόξασε τὸν Θεόν. Ἀνελθόντες δὲ

¹⁾ № 2; сл. № 4, 5, 6, 7.

²⁾ Cod. Vet. Test. I р. 428—431; сл. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о верховавшихъ лицахъ и событіяхъ, стр. 114.

ἀμφότεροι μετὰ τῶν δαλῶν εἰς τὸ ὄρος, ἔπηξεν αὐτοὺς ἐπὶ πέτραν ὁ Ἀβραάμ χωρὶς ἀπ' ἀλλήλων, πλησίον δὲ, ὡς φέροντας σχῆμα τρίγωνον, προσέταξε δὲ τῷ Λῶτ ἀπέρχεσθαι καὶ ἀντλεῖν ὕδωρ ἐκ τοῦ Ἰορδάνου, καὶ ποτίζειν αὐτὰ καθ' ἡμέραν. Ἀπέχε δὲ τὸ ὄρος ἐκ τοῦ Ἰορδάνου ὡσεὶ μίλια χίδ. Ἐντὸς δὲ μηνῶν τριῶν ἐβλάστησαν οἱ δαλοὶ. καὶ κατελθὼν ὁ Λῶτ ἐξείπε τοῦτο τῷ Ἀβραάμ. Καὶ ἀνελθόντες ἰδεῖν τὸ γεγονός, εὔρησαν, ὅτι ἠνώθησαν οἱ τρεῖς δαλοὶ καὶ εἰς ἓν ἐγεγόνεισαν, αἱ ρίζαι δὲ μόναι ἐναπελείφθησαν ὡς καὶ ἐφυτεύθησαν κεχωρισμέναι. Ἰδὼν δὲ Ἀβραάμ τὸ γεγονός ἐν τοῖς ξηροῖς ξύλοις, πεσῶν προσεκύνησε τῷ Κυρίῳ καὶ εἶπε· τοῦτο δὲ τὸ ξύλον ἔσται ἀμαρτίας ἀπόφασις. Τὸ δὲ ξύλον εἰς μέγα δένδρον ἐγένετο, διαρκέσαν αὐτὸ μέχρι καὶ τῆς βασιλείας Σολομῶντος. Ἐλαβε δὲ πληροφορίαν ὁ Ἀβραάμ περὶ τῆς ἀμαρτίας τοῦ Λῶτ. Ὅτε δὲ ὁ ναὸς τῶν Ἱεροσολύμων ἐκτίζετο, μετὰ τῶν ἄλλων ἐξεκόπη καὶ αὐτὸ τὸ δένδρον, καὶ πελεκηθὲν ἔκειτο ἀργὸν ἐν τῷ ἱερῷ, οἰκονομία καὶ τοῦτο Θεοῦ. Ὅτε δὲ ἔμελλε παθεῖν τὸ ὑπερ τοῦ κόσμου σωτήριον πάθος ὁ Χριστὸς καὶ Θεὸς ἡμῶν, ἐσταυρώθη ἐν αὐτῷ παρὰ Ἰουδαίων.

Подобная этой греческая легенда напечатана была Гретсеромъ по ркп. XIV—XV вв.; она является эпизодомъ сказанія объ обрѣтеніи честнаго креста царицей Еленою¹⁾; имени Лота нѣтъ.

«Ζητοῦσι δὲ τινες, πόθεν ἄρα τὸ ξύλον τοῦ σταυροῦ γέγονεν, καὶ ἐν ποίῳ τόπῳ καὶ πῶς, τριμερὶς ἢ σύγκρισις αὐτοῦ ἔστι, καὶ ἀναμεμιγμέναις ἔχει τὰς τῶν τριῶν ξύλων οὐσίας, πεύκης λέγω καὶ κέδρου καὶ κυπαρίσσου, καὶ πῶς εὔρέθη κατὰ τὰς ἡμέρας τοῦ Κυρίου σταυρώσεως· καὶ ἡμεῖς μὲν, ὧ πνευματικοὶ ἀδελφοί, πανταχοῦ τῆς ἀληθείας φροντίζοντες φαμέν, ὡς οὐδενὸς φιλοθέου ἀνδρὸς ἱστορίαν ἠκούσαμεν λέγοντός τι περὶ τούτου, πλὴν ὅτι ἐν Βηρίτῳ καταχθέντων ἡμῶν παρὰ τισὶ χριστιανοῖς, καὶ ἐπὶ συντυχίας τῆς ζητήσεως ταύτης ὑφ' ἡμῶν προηγμένης, ὑπεδείχθη ἡμῖν ἐπιστολὴ ἐβραίου

¹⁾ J. Gretseri, Opera omnia, t. II, p. 429—436; cl. t. I, p. 6 π Leonis Allatii, Συμμίχτα, I, p. 227—29, 230—231.

τινός ἀρχέου πρὸς φίλον αὐτοῦ γνήσιον πεμφθεῖσα ἔρευναν καὶ αὐτοῦ τοῦ ξύλου ποιουμένου, ἣτις οὕτω περιεῖχε. δύο ποταμοὶ ἐν Παλαιστίνῃ ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐνούμενοι, ὁ τε Ἰὸρ, καὶ ὁ Δάνης, ἓνα ποταμὸν τὸν Ἰορδάνην ἀποτελοῦσιν, ἀπὸ τε τῆς ἐνώσεως τῶν ὑδάτων, ἀπὸ τε τῆς συνθέσεως τῶν ὀνομάτων τὴν κλῆσιν κληρωσαμένου τοῦ ποταμοῦ. μεταξὺ οὖν τῆς ἐνώσεως τῶν ποταμῶν πλησίον δηλαδὴ τῶν δύο μίξεως διερχομένῳ τῷ τότε χρόνῳ τοῦ μεγάλου Ἀβραάμ, ἐγένετο εὑρεῖν αὐτὸν τινὰ σκηνικὸν κτηνοτρόφον ὀδυρόμενόν τε καὶ στένοντα ἐπὶ ἀτόπῳ ἀμαρτήματι. Πρὸς ὃν ὁ μέγας Ἀβραάμ, εἰ βοῦλει, φησὶν, ἀδελφε, τὸ θεῖον ἐξιλέωσασθαι, τρεῖς δαλοὺς ἐνεγκέ μοι, τούτου δὲ γενομένου καὶ ὡς ἀπὸ ἡμίσεως σταδίου τῶν ἀμφοτέρων ποταμῶν ὑποχωρήσαντος τοῦ Ἀβραάμ, θεὶς αὐτοὺς κατὰ τρίγωνον σχῆμα, ὡς διύστασθαι ἀπ' ἀλλήλων ὀργυιᾶς μιᾶς, φησὶν, ἐφ' ἐκάστην ἡμέραν ἕκαστον τῶν δαλῶν ποτίζειν ὀφείλεις ἀνά στάμνους τεσσαράκοντα, ἄχρις οὐ ριζωθέντες οἱ δαλοὶ ζωοθῶσι, γινώσκων ἔσομαι ὡς εὐίλατος θεὸς σοι ἐστίν. εἰ δὲ μὴ, ἀλλὰ πάλιν ὄφομαι σε, καὶ τὰ προσήκοντα διδάξω. ὁ δὲ τὸ προσταττόμενον ἐποίει, καὶ τῶν τεσσαράκοντα ἡμέρων πληρουμένων οἱ δαλοὶ ἀνέφυον, καὶ αὐτὸς ζωοπυρισθεὶς πρὸς τὸν μέγαν Ἀβραάμ ἐπὶ τὴν ὄρῴν ἀπήει, τούτους τοὺς τρεῖς δαλοὺς βλαστήσαντάς εἰς ἀμφοτέρον ἐνωθῆναι λέγεται, καὶ τὰς μὲν ρίζας διακεχωρισμένας ἔχειν, καὶ τὰς κορυφὰς ὁμοίως ἀπ' ἀλλήλων διεσπηκίαις, τὸ δὲ τῆς μέσης ἅπαν ἐν εἶναι καθ' ἐνωσιν ἀδιάσπαστον, μὴ δ' ὅποσόν ἐν τοῦ ἐτέρου χωρισθῆναι δυνάμενον.

Τινὲς δὲ φασὶ τὴν βάρβδον Ἐλισσαίου εἶναι, δι' ἧς τὰ ἀλμυρὰ ὕδατα πόσιμα ἐγένετο, ἀλλὰ ἡ μὲν βάρβδος ἐν ξύλον, καὶ ἐνός εἶδους ἀπεδείκνυτο, τὸ δὲ τοῦ σταυροῦ τρία ἐμφαίνει. ὄθεν δῆλον κακῶς ὑπειληφέναι τοὺς οὕτω λέγοντας. τοῦτο τὸ ξύλον ὠραῖον πάνυ γινόμενον καὶ ἐν τῇ τοῦ ναοῦ Σολομόντος κατασκευῇ τοῖς τεχνίταις ἀρέσαν ἐκόπη καὶ εἰς τὸν ναὸν εἰσενεχθὲν, κάτω μὲν κείμενον τῷ μήκει ἀποφῆρον ἦν, ἐν δὲ τῇ στέγῃ ἀναβιβαζόμενον κατὰ πολὺ τῶν τευχῶν ἐλείπετο. διὸ καὶ κατεβιβάζετο. τῆς οὖν ὠραιότητος τοῦ ξύλου ἀντεχόμενος λίαν ὁ Σολομών, καὶ μὴ θέλων αὐτὸ ἀνενέργητον καταλειφθῆναι, πάλιν μετρεῖ, καὶ αὐτῷ τῷ μήκει ὑπερέχον ἦν, ὡς δὲ ἀναβιβασθὲν πάλιν κόλοβον εὑρέθη. Ἐγνώ δὲ ὁ Σολομών θείας προνοίας

ἔργον εἶναι τὸ γινόμενον, ὄθεν καὶ ἔνδον τοῦ ναοῦ αὐτίκα κατατίθησιν εἰς παρατυγχανόντων ἀνάπαυσιν. — Ἀπαρτισθέντος δὲ τοῦ τοιοῦτου ναοῦ καὶ τοῦ βασιλέως Σολομόντος τὰ τούτου κάλλη τῆ Ἐρυθραία Σιβύλλη πρὸς θαῦμα ὑποδεικνύντος, καὶ ἐν τῷ εἰρημένῳ ξύλῳ καθεσθῆναι σὺν αὐτῷ παρακελευομένου, αὐτῇ προφητικοῦ χαρίσματος ἐμπλεως οὔσα, τὴν μὲν καθέδραν ἀντείπατο, πρὸς δὲ τὸ ξύλον ἔφησεν· ὦ τρισμακάριστον ξύλον ἐν ᾧ κτανθήσεται Χριστὸς ὁ βασιλεὺς καὶ κύριος. Τούτων τῶν ρημάτων κατήκοος γεγωνὼς ὁ βασιλεὺς, εὐθύς ἴστησιν αὐτὸ ὄρθιον κατὰ ἀνατολάς, καὶ περιβάλλει αὐτῷ τριάκοντα στεφάνους ἐξ ἀργύρου καθαροῦ. Ἰστατο οὕτως τὸ ξύλον μέχρι τοῦ καιροῦ τῆς Ἰησοῦ σταυρώσεως. καὶ τούτους φασὶ τοὺς στεφάνους αἰτήσαι τὸν τούτου μαθητὴν, ὃς καὶ προδεδῶκεν αὐτὸν τοῖς πατράσιν ἡμῶν, ὡς λοιπὸν τούτων ἀναφαιρεθέντων πάλιν γυμνὸν κεῖσθαι τὸ ξύλον καὶ ἀνερέργητον, ὄθεν καὶ διὰ τὸ ἀχρηστον αὐτοῦ οἱ τὸν σταυρὸν ὀφείλοντες κατασκευάσαι τέκτονες, τοῦτο αἰτησάμενοι, τὸ διὰ τῆς Σιβύλλης προῤῥηθὲν ἐβεβαίωσαν».

Гретсеровскую повѣсть, либо сходную съ нею, имѣлъ въ виду Ласпопулъ, пересказывая въ общихъ чертахъ преданіе о Лотѣ: какъ, по совѣту Авраама, онъ посадилъ на горѣ головни кедра, сосны и кипариса, которыя поливаетъ; онѣ чудесно сростаются въ дерево, привлеченное въ послѣдствіи, но неуспѣшно, къ постройкѣ Соломонова храма. Здѣсь оно и лежитъ, не портясь, до времени распятія ¹⁾).

Сушественно сходно съ греческими отдѣльное сказаніе о крестѣ, ходящее у насъ подъ именемъ Северіана Габальскаго; локализация на *Иорданъ* сближаетъ еѣ съ разсказомъ Гретсера и Глики, который съ своей стороны роднится съ нашимъ апокрифомъ именемъ *Лота*. Источникомъ названо, какъ и у Гретсера, «посланіе нѣкоего Жидовина древняго къ другу нову усердну», видѣнное «въ Виритѣ» ²⁾).

¹⁾ Λασπόπουλος, "Ολυμπος καὶ οἱ κατοικοὶ αὐτοῦ. Ἡθῆ καὶ ἔθιμα Αὐτοχώρας, въ Παρθιασός, т. 6, вып. 5, стр. 397.

²⁾ Текстъ сообщается по № 1 (сл. выше, стр. 369, прим. 1).

«Двѣ рѣцѣ въ Палестинѣ суть, вкупѣ смѣшени, иже Иоръ и Данъ, и едину рѣку совершаютъ *Иорданъ*, и отъ соединенія водъ, отъ сложенія имянъ ихъ нареченіе пріятши рѣцѣ¹⁾. Посреди убо соединенія рѣкъ, близъ явѣ двоиэхъ смѣшеніихъ обходящу во онъ годъ великому Аврааму, бытъ обрѣсти ему нѣкоего мужа (*Лота*)²⁾, горко рыдающа и плачуща; егоже великій вопросивъ, слыша тягость исповѣдающа грѣха и безмѣстіе сотворенныхъ, къ нему же великій Авраамъ рече: «аще хочещи, брате, божественное умолити, три главни принеси ми». Авраамъ садитъ ихъ «по образу триуголну, якоже есть растоятися коеждо отъ другія по единому растягу сажени. И заповѣда ему, рече: до $\bar{m}$ дній напоити, на кійждо день по $\bar{d}$. (или: $\bar{m}$) мѣрѣ куюждо отъ главней, да аще въ четыредесять дней оживятся и вскоревятся главни, вѣдомо буди, яко умилитья есть Богъ на тя». Главни разцвѣли «и мало отъ земля возвысившася во особствіи каяждо, тако же во едино совокупишася вси триѣ къ высотѣ и въ равности красно растяху; коренію же по обычею растоящуся и верху же единовидно растуще, въ мале вершіемъ поособно коемуждо являтися. И бѣ дивно зримое: триѣ отъ корене зрятся, триѣ верси, среда же единораслена». — Это дерево срубають для постройки Соломонова храма, но какъ ни ладили его, оно оказывалось то слишкомъ коротко, то длинно. Царь велѣлъ положить его «къ покою прилучающимся въ церкви, яко бесѣду»; на неѣ приглашаютъ сѣсть царицу южскую *Сивиллу*, но она отказалась и, исполнясь пророческаго духа, сказала: «О трблаженное древо, на немъже распнется Христось, царь и Господь». Услышавъ это, царь велитъ поставить «праведное древо къ востокомъ» и обложить его тридцатю вѣнцами изъ чистаго серебра, по тридцати серебря-

¹⁾ Сл. ту-же подробность у Свида, а. в. *Iordanes*, у Кедрина; въ путешествіяхъ *Θεοδοσία*, *Вилибальда* и друг.

²⁾ Такъ у *Цорфирьева* *Апокр. Сказанія* (текстъ), стр. 227; сл. *ib.* стр. 101 прим. 3 и въ *Исслѣдованіи*, стр. 113, прим. 1. (указаніе на ту-же статью въ одной синодальной рукописи). Тамъ и здѣсь — безъ имени Северіана.

никовъ каждый. Впослѣдствіи одинъ изъ этихъ вѣнцовъ (= 30 серебряниковъ) отданъ былъ Іудѣ, а во время распятія изъ дерева сдѣлали крестъ Спасителю.

Къ текстамъ, собраннымъ выше, присоединяются нѣсколько показаній путешественниковъ къ святымъ мѣстамъ Палестины. Анонимъ у Алляція ¹⁾ говорятъ: «ἐρχομένου σου εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ εἰς μιλία β' εἶναι τὸ μοναστήριον τοῦ τιμίου Σταυροῦ, καὶ ἀποκάτω εἰς τὴν ἀγίαν τράπεζαν εἶναι ὁ τόπος, ὅπου ἐφύτευσεν τοὺς τρεῖς δαλοὺς ὁ Ἄωτ, καὶ ἐγινήσαν δένδρη. Ἄυτὸ τὸ δένδρον ἔκοψαν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ ἐποίησαν τὸν σταυρὸν, καὶ ἐσταύρωσαν τὸν Κύριον τῆς δόξης». Разумѣется *Иверскій монастырь*, «ἣς τῆς περιγραφῆς ἐντὸς τοῦ τιμίου Σταυροῦ τμηθῆναι λέγεται ξύλον» ²⁾, что подтверждаетъ и авторъ старофранцузскаго описанія Иерусалима ³⁾, и Зосима: «оттуда поидохъ въ монастырь Иверскій, идѣже усѣчено древо Кресту Господню; то бяше мѣсто подѣ престоломъ, еже знати и донынѣ» ⁴⁾. Грузинскій епископъ Тимоѳей, посѣтившій Иерусалимъ въ 1755 году, сообщаетъ по этому

¹⁾ J. Allatii Συμμίκτη, I: Ἀπόδειξις περὶ Ἱεροσολύμων p. 95—6.

²⁾ Сл. I. с. Ioh. Phocas, p. 37.

³⁾ Tobler, Descriptiones Terrae Sanctae ex Saec. VIII—XV p. 216 (La citez de Iherusalem).

⁴⁾ Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 66. Сл. то-же въ путешествіи Иеродіакона Іоны, I. с., стр. 166. — Алляцій въ своей *Epistola de lignis S. Crucis* (I. с. p. 224 слѣд.) компилировалъ некритически изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ изъ Готфрида изъ Витербо и текста, сходнаго съ *Fioretti della Bibbia*. Согласно съ послѣдними онъ рассказываетъ, что сынъ Ноя, Lerico (sic), посадилъ въ пустынѣ три вѣтви, выросшія изъ рта Адамова. «Sic ex ore eradicatos, in solitudine plantavit prope Hierusalem, ubi nunc est *Iberorum monasterium, vocantque Crucem*: plantavitque separatim diversis ac variis locis. Illi postmodum, ita procurante Numine, in unam coaluerunt arborem, nullo signo divisam, eamque ingentem effecerunt: foliis tantum varietas discernebatur, cum haec cedrinis, alia pineis, alia supressinis assimilarentur» и т. д. Сборный характеръ Алляціева пересказа заставляетъ сомнѣваться, чтобы сообщенныя подробности отвѣчали какой нибудь *дѣйствительной* редакціи сказанія.

поводу и легенду о Лотѣ: мѣсто, на которомъ построенъ *монастырь Св. Креста*, то самое, гдѣ Лотъ посадилъ три дерева: сосну, кедръ и кипарисъ, дабы узнать, будетъ-ли ему прощено его грѣхопаденіе. Деревья срослись въ одно; впоследствии его срубилъ Соломонъ для храма, но оно оказалось лишнимъ и съ тѣхъ поръ лежало у стѣны, и на него, бывало, садились люди; на немъ впоследствии распяли Христа, но пень отъ этого дерева виденъ и теперь подъ престоломъ храма св. Креста¹⁾. — Легенду о головняхъ Лота могъ слышать Василій Гогара, если я вѣрно истолковалъ его намекъ: «Да по *обону страну Иордана*, противъ того мѣста, гдѣ мы купались, *на мѣсть томъ курится также безпрестани*, и сказали, что *де тудо Лотъ былъ*»²⁾.

Сображая отношенія *отдѣльныхъ* рассказовъ о дровѣ Лота къ легендѣ того-же содержанія, *включенной* въ Слово Григорія, укажемъ прежде всего на различіе въ приуроченіи: въ первыхъ дерево служитъ распятію Христа, во второй — вѣрнаго разбойника. Я полагаю первое приуроченіе болѣе древнимъ: когда легенда съ подобнымъ окончаніемъ была принята въ сводъ Слова, гдѣ орудіемъ Христова распятія являлось другое дерево, она по необходимости измѣнила свое примѣненіе, и ея древо стало служить другой цѣли: на немъ, взрожденномъ *раскалявшимся* грѣшникомъ, будетъ распятъ *покаявшийся*, вѣрный разбойникъ.

Эта большая внятность символизма, едва-ли не указывающая на сознательный подборъ, сближаетъ нашу легенду, въ редакціи Слова, съ небольшою группой, преимущественно славянскихъ рассказовъ, развивающихъ извѣстную тему о разцвѣтаніи головки, какъ признакъ, что покаянный искусь грѣшника (разбой-

¹⁾ Сообщеніи проф. Цагарели.

²⁾ Сахаровъ, I. с. р. 119. «Мужіе и жены п всѣ купались (въ Иорданѣ) въ рубашкахъ». Оттуда въ былинахъ о Василю Буслаевѣ наказъ ему, не купаться нагимъ тѣломъ въ Иорданѣ: наказъ, который онъ преступаетъ.

ника, кровосмѣсителя) угоденъ Господу. У насъ разсказывается¹⁾

¹⁾ Аванасьевъ, Нар. русскія легенды № 28 и примѣчанія (сл. его-же Поэт. возрѣн. II, 508); Кулишъ, Записки о южной Руси I, 309—11; Шейковский, Быть Подолянъ т. I, в. 2 (Кіевъ 1870), стр. 62 слѣд.; Драгомановъ, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 130—132; Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени, изд. И. Боричевскимъ, стр. 130—5; Wojcicky, Klechdy I, 174, 205; Kulda, Moravské Národní pohádky etc. № 117; сл. Prima Sobotky, Rostlinstvo v národním podání Slovanském, стр. 143; Schmalzer, Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, II, стр. 176—8; Wilibald von Schulenburg, Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald, p. 60—1; Schleicher, Litauische Märchen, p. 75—79; Grimm, Kinder- und Hausmärchen (Kinderlegenden № 6); Schott, Walachische Märchen № 15 и др. Библиографію западныхъ легендъ, богѣ или менѣ сюда относящихся, но далеко не полную, см. между прочимъ у Liebrecht'a, Des Gervasius v. Tilbury Otia Imperialia, p. 112 прим. 40^a. Чудесно раздвѣтающее дерево является показателемъ невинности заповѣрѣннаго либо казненнаго неправедно (сл. Vernaleken, Mythen und Bräuche d. Volkes in Oesterreich, p. 117—119 и Germania V, 125; Zs. für Deutsche Mythol. I, 34: Der Weissdorn; Bartsch, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, I, стр. 462—3, 465, №№ 647—9, 652 и др.), либо знаменіемъ угоднаго Богу покаянія (сл. полустертыи мотивъ въ старофранцузской легендѣ у Tobler'a, Eine handschriftliche Sammlung altfranz. Legenden, въ Jahrb. f. rom. und engl. Literatur, VII, p. 408—9), либо, наконецъ, плодомъ смиреннаго послушанія. Такъ въ пересказѣ Гervasія, со ссылкой на Постуміана: аббатъ налагаетъ на послушника искусь: поливать сухую вѣтку (*stogascinam virgam*), воткнутую въ землю, пока она не дастъ ростковъ. На третій годъ чудо совершается; послушникъ «*aquam a Nilo per duo ferme milliaria humeris quotidie convehebat*...»; «*ego, inquit Posthumianus, ipsam ex illa virga arbusculam, quae hodie intra atrium monasterii est, gamis virentibus vidi*». Либрехтъ не замѣтилъ, что Гervasій дословно передалъ разсказъ Сульпиція Севера (Dialog. I. с. 13), слышанный имъ отъ Постуміана, лично посѣтившаго египетскихъ пустынножителей. Сл. Migne, Patrol. lat. LXXIII: De Vitis patrum, lib. IV: Excerpta ea Severo Sulpicio et Cassiano, с. XII, p. 823—4; сл.ч. ib. с. XXVI подобный же искусь послушанія, наложенный аббатомъ на блж. Іоанна, но имъ-же остановленный по истеченіи года (изъ Cass. lib. IV Instit., с. 24), тогда какъ древній Патерикъ разсказываетъ сходно

про бѣднаго парня, нашедшаго на горѣ котель полный золота. Три раза онъ наклоняется къ нему, два раза чей-то голосъ остерегаетъ его не трогать и наконецъ говорить: коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. — Невеселымъ вернулся парень домой, мать его выпросила, подговорила дочь и куму; подпоили они парня, а пьяному море по колѣно. Когда протрезвился онъ и узналъ, какой грѣхъ сотворилъ невольно, не захотѣлъ брать и золота: «я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только-бъ грѣха избыть». И вотъ онъ идетъ, куда глаза глядятъ, никто не въ состояніи сказать ему, какъ замолить его грѣхи; съ отчаянія онъ пустился въ разбой: кто не отвѣтитъ на его вопросъ, какъ замолить ему грѣхи, того онъ тотчасъ убивалъ. Одинъ скитникъ взялся наложить на него эпитимію; только снесетъ-ли онъ её? «Что знаешь, то и приказывай, хоть камня грызть зубами — и то стану дѣлать!» Взявъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ этому озеру на колѣнкахъ, носи оттудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она не пуститъ отростковъ и не выростетъ отъ нея яблоня. Вотъ когда выростетъ отъ нея яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты трянешь её, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на землю:

съ Постуміаномъ: Іоаннъ Коловъ удалился въ скитъ къ одному Фивскому старцу, который, посадивъ сухое дерево, велитъ подвижнику каждый день цоливать его водою, пока не принесетъ плода. Вода-же была далеко отъ нихъ, такъ что Іоаннъ уходилъ за нею съ вечера и возвращался къ утру. Послѣ 3-хъ лѣтъ дерево принесло плодъ. И старецъ, взявши плодъ его, принесъ въ собраніе братій и сказалъ братіи: возмите, вкусите плодъ послушанія (Древній Патерикъ, перев. съ греческаго. Москва 1874, гл. 14, § 4, стр. 304—5).

тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи». Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спастись по прежнему. Тридцать лѣтъ ползалъ разбойникъ къ озеру, таская воду во рту и поливая головешку; дорогу онъ пробилъ колѣнками по поясъ глубины. Наконецъ головня дала отростокъ; прошло еще семь лѣтъ, и она выросла въ яблоню, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости. «Ну, братъ, трясись теперь яблоню!» Тряхнулъ онъ дерево, и съ разу осыпались всѣ до единого яблоки; въ ту-же минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

Легенды подобнаго рода существуютъ въ Великороссіи, у Мало-и Бѣлоруссовъ, Литвиновъ, Поляковъ, Чеховъ и Лужичанъ. Вездѣ дѣло идетъ о великомъ грѣшникѣ, разбойникѣ; идея кровосмѣшенія не вездѣ выражена; для Лота она существенна: «Ἄωτ θυγατρώγαμος γίνεται γαμβρός ἐαυτοῦ καὶ πενθερός, ὁ πατήρ ἀνὴρ, καὶ ὁ πάππος πατήρ, ἑκατέρωθεν τοὺς νόμους τῆς φύσεως ἐνυβρίζων» ¹⁾. На западѣ легенда о кровосмѣшителѣ выразилась цѣлымъ рядомъ фантастическихъ эпитафій, играющихъ такими-же сапоставленіями:

Cy-gist la fille, cy-gist le père,
Cy-gist la soeur, cy-gist le frère,
Cy-gist la femme et le mary
Et si n'y a que deux corps icy ²⁾

¹⁾ S. Anastasii Sinaitae Quaestiones, въ Migne Patrol. graec. t. 89, p. 669 (Βασιλείου ἐκ τῶν Ἀσκητικῶν). Сл. въ Талмудической легендѣ о бесѣдѣ Соломона съ царницей Савской слѣдующіе вопросы и отвѣты: «Iterum, inquit illa, ego quaeram: Quid hoc est? Foemina dicit filio suo: Pater tuus erat pater meus, avus tuus erat maritus meus, tu es filius meus, et ego sum soror tua. Cui respondit ille: Certe filiae Lothi erant. Сл. W. Hertz, Die Rätsel der Königin von Saba, въ Zs. für deutsches Alterthum, XXVII, p. 4.

²⁾ Alessandro D'Ancona, La leggenda di Vergogna, стр. 48—51; Constans, La légende d'Oedipe, p. 120—1.

Лотъ-кровосмѣстель, на *дерево* котораго распятъ добрый *разбойникъ*, во всякомъ случаѣ не отдѣлимъ отъ *разбойника-кровосмѣстеля*, подобно Лоту взрощающаго чудесное *дерево изъ иоловни*. Въ одной лужицкой сказкѣ онъ названъ *Вараовой* (Barabas); кровосмѣшенія нѣтъ; грушевый посохъ, воткнутый въ землю, вырастаетъ въ дерево, знаменующее прощенье и — становящееся *крестомъ* для покаявшаго разбойника, который подъ нимъ и погребенъ ¹⁾.

Возвращаясь еще разъ къ вопросу объ отношеніяхъ отдѣльныхъ легендъ о *древѣ* Лота къ соответствующему сказанію Слова, остановимся на нѣсколькихъ частностяхъ.

Въ Словѣ рассказывается, что Сивилла сѣла на святое дерево, и «огоре ей задныца» ²⁾. О треклятое дерево, восклицаетъ

¹⁾ W. von Schulenburg, l. c., стр. 60—1.

²⁾ Въ циклическомъ сводѣ крестныхъ легендъ, составленномъ монахомъ Andrius (напеч. Муссафіей, Sulla leggenda del legno della stose p. 202—6) и говорящемъ лишь *объ одномъ деревѣ*, также является *Сивилла*, садится на дерево, объята пламенемъ и прорицаетъ о Христѣ. За это Евреи побиваютъ ея камнями, заключаютъ въ темницу и впоследствии предають смерти; въ темницѣ ангель вѣщаетъ ей, что Господь уготовилъ ей небесный вѣнецъ; отнынѣ ея имя будетъ — Сусанна. — Въ сводной латинской легендѣ, которую до сихъ поръ знали по ея отраженіямъ и текстъ которой напечаталъ Мейеръ in extenso (стр. 131 слѣд.), являются одна за другой двѣ пророчашія жены: сначала дерево положено въ храмъ; aduenit quaedam mulier *Maximilla* nomine, quae incaute residebat super lignum sanctum, cujus vestes ut stuppae concremar; ceperunt, quo igne stupefacta mulier clamauit uoce prophetica: dominus meus et deus meus Iesus! (p. 146). За это Евреи убили ея камнями: haec est prima martyr, quae pro Christi nomine subiit martyrium. Далѣе рассказывается, что крестное дерево извлекли изъ храма и бросили въ овчую купель; но когда и здѣсь оно продолжало творить чудеса (возмущеніе воды ангеломъ), перебросили въ видѣ мостка черезъ Силоамскій потокъ, черезъ который проходитъ вбродъ *Sibylla regina austri*, не дерзая вступить на святыню и прорицая (стр. 148—9). — Эта двойственность дѣйствующихъ лицъ — принадлежность цѣлой группѣ крестныхъ легендъ, разобранныхъ Муссафіей (l. c. p. 179 слѣд.: «seconda

пророчица, тогда какъ народъ отвѣчаетъ увѣреніемъ, трижды повтореннымъ въ текстѣ, что на томъ древѣ — *распятъ будетъ Христосъ*. Проклятiе Сивиллы отвѣчаетъ, быть можетъ, удивленію царицы Савской (*regina Austri*) въ *Historia de ligno Crucis*¹⁾, что Соломонъ такъ чувствуетъ (крестное) древо: «*si sciret Salemon, quid lignum significaret, nequaquam ulterius illud adoraret . . . hominem talem in eo suspendendum, per quem totum regnum Iudaeorum foret destruendum*». Если и Сивилла и народъ видятъ въ древѣ — орудіе будущаго Христова распятiя, а на самомъ дѣлѣ на немъ распинаютъ впоследствии вѣрнаго разбойника, то въ этомъ противорѣчii я вижу слѣдъ свода, не сумѣвшаго удалить признаки древняго приуроченiя. — Замѣтимъ кстати, что восклицаніе, вложенное въ уста народа: «О треплаженное древо!», обыкновенно приписывается *Сивиллѣ* (и отождествленной съ нею царицѣ Савской)²⁾, и что это

---

famiglia», группы С и D), указанiя котораго дополняетъ отчасти работа Мейера. Прибавлю, съ своей стороны, что въ *Curios Mundi* (ed. Morgis, II, стр. 513 слѣд.) также являются двѣ пророчасiя жены: жена безъ имени (*Maximilla* латинской сводной легенды) и Сивилла; такъ еще въ греческой легендѣ у Иоанникiя Картава: жена безъ имени и царица Савская (сл. *Allatii Шумицка*, I, стр. 229 и 231). — Эпизодъ о Максимилѣ Мейеръ (р. 129—130) объясняетъ приблизительно такъ, какъ я истолковалъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ (сл. моп Опыты, II, 1, стр. 248—9): «по однимъ рассказамъ крестное древо было оставлено въ храмѣ; жена пророчица садится на него, и пламя охватываетъ ея платье; она начинаетъ проричать. Въ другой редакцiи дерево служитъ мосткомъ черезъ потокъ, и пророчества вѣщей жены привязаны къ тому обстоятельству, что она не рѣшается перейти черезъ святыню. Когда оба эпизода были связаны въ сводныхъ редакцiяхъ, явилась необходимость дать лицамъ, дѣйствующимъ въ томъ и другомъ, различныя имена».

¹⁾ Meyer, l. c. p. 107.

²⁾ Сл. W. Hertz, l. c., p. 19: отождествленіе царицы Савской съ Сивиллою встрѣчается впервые у Георгiя Амартола, и черезъ его посредство, у Кедрина и Глики. О послѣднемъ см. Славянскiя сказанiя о Соло-

приурочение стиха изъ *Сивиллиныхъ пророчествъ* (I. VI v. 26: ὦ ξύλον ὦ μακαριστόν, ἐφ' ᾧ Θεὸς ἐξετανόσθη; сл. въ Гретсеровской легендѣ слова Эриорейской Сивиллы: ὦ τρισμαχάριστον ξύλον ἐν ᾧ κτανθήσεται Χριστός) должно быть признано древнѣйшимъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на локализацию чуда: въ легендѣ Гретсера и у Северіана оно происходитъ на Иорданѣ; у Глики Авраамъ посылаетъ Лота за деревьями къ рѣкѣ Нилу—, а чудо происходитъ на Иорданѣ. Въ словѣ Григорія тамъ и здѣсь Ниль, (Нилой, Илой, Илѣ, Вивилонѣ и т. п.). Непонятнымъ остается, какимъ образомъ «Адамова часть», вынесенная Тигромъ и оставленная на пескѣ — сжигается впоследствии Сиеомъ — на рѣкѣ

монѣ и Китоврасѣ, р. 348, прим. 2. Кстати предложу нѣсколько замѣтокъ къ работѣ Герца, предметомъ которой мнѣ не разъ приходилось заниматься. Новыхъ результатовъ она не даетъ; одинъ изъ существенныхъ вопросовъ остается безъ попытки разрѣшенія: въ восточныхъ сказаніяхъ царица Савская является съ ногами, обросшими волосами; животный признакъ остается за нею (= Сивилла) и въ западныхъ пересказахъ. Такъ уже въ рассказѣ, интерполированномъ около 1150 года въ рип. Гонорія Отѣнскаго *De imagine mundi: Saba quoque Ethiopissa et regina quoque et Sibilla habens pedes anserinos et oculos lucentes ut stelle*. Герцъ предполагаетъ, что замѣна *anserinos* вм. *asininos* принадлежитъ нѣмецкому переписчику, которому знакомы были гусинья и утинья ноги его эльфовъ, водныхъ жень и т. п. Но дѣло идетъ не объ единичной опискѣ, а о довольно распространенномъ представленіи гусиной Сивиллы, которое я нашелъ, между прочимъ, и у Скаррона, *Virgile travesti* (ed. Fournel, *Bibl. Gaul.* I. VI, p. 223): *Sibylle . . . Lui présenta sa patte d'oie* (Сл. мои Опыты, II, 1, стр. 250, прим. 3) и въ старой болгарской легендѣ: о Сивиллѣ Маріи, вылупившейся изъ гусиного яйца и надѣленной — гусиными ногами (ib. p. 252). — Что до *цѣточной* загадки царицы Савской, которую Герцъ (I. с. p. 28 слѣд.) нашелъ у Кальдерона, на goblenѣ 1566 и фрескахъ 1576 годовъ, то я давно тому назадъ (Соломонъ и Китоврасъ, р. 344, прим. 1) указалъ на ея пересказъ въ комментаріяхъ Маро въ *Roman de la Rose*. — Къ «испуганію пола» (Hertz, I. с. p. 4 слѣд.) сл. мою статью: *Croissans-Cressens* (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XXXIX, p. 7—8 и прим. на стр. 8).

Нилѣ. Не принадлежалъ-ли Нилъ оригиналу, Тигръ — своду, приурочившему это сказаніе къ легендѣ о дрѣвѣ въ раю, откуда рѣка Тигръ, по древнимъ представленіямъ, могла дѣйствительно вынести «Адамову часть»? Замѣтимъ, впрочемъ, что и Нилъ отождествлялся съ одной изъ райскихъ рѣкъ: Геономъ ¹⁾.

II.

Перейдемъ къ исторіи Еввиной части.

«СѢ то́же дрѣва ѡнесе вода́ пото́пна (№ 6: СѢ дрѣва то́го свѣ́тнаго ѡ него́ изгнанъ бысть а́дамъ и раа, е́гѣа бысть вре́ма пото́па, то́гда ѡнесе́ вода́ пото́пнаа). е́гѣа ѡ ѡсьше́ вода, то́гѣа дрѣво́ ѡста при Мерѣстей рѣ́це. Да е́гѣа ѡведе Моўси́ ісрѣі́тѣнны́ (рѣк. Имп. Публ. библ.: і Гдѣ пото́пи Фарао́вна, и прѣиде Гдѣ на реку Меръру; № 6: нѣтъ Фараона: прѣиде Мѡисеи на реку Мерьскую), не ѡмаше что́ пѣты, по́нѣже бо́ бѣ вода́ горѣка.

¹⁾ Выше, сообщая народныя сказки о дрѣвѣ раскаявшагося разбойника, я обошелъ общій вопросъ объ ихъ *генеалогическихъ* отношеніяхъ къ соотвѣтствующему эпизоду крестной легенды. Нѣкоторыя указанія даетъ лужицкая сказка у Шуленбурга (сл. выше, стр. 382), гдѣ древо разбойника становится и его *крестомъ*; но интереснѣе сравненіе одной бретонской народной легенды (Luzel, *Légendes chrétiennes de la Basse Bretagne*, t. I, 3e partie, № II; сл. *ibid.* № I, III, IV и X) съ соотвѣтствующими польской, моравской, бѣлорусской, литовской и др. Тамъ и здѣсь разбойникъ, узнавъ отъ юноши, ходившаго въ адъ, о страшномъ наказаніи, ему уготованномъ, начинаетъ каяться; покаяніе всюду выражается извѣстнымъ разсказомъ о *древѣ изъ иоловни*, но въ бретонскомъ преданіи разбойникъ устроилъ *крестъ*, на которомъ велитъ распять себя, какъ распять былъ Христосъ. — Имя разбойника въ польскомъ варіантѣ *Мадей* (въ бретонскомъ Maudès — имя юноши, ходившаго въ адъ); уважу мимоходомъ, что въ *Collectanea*, приписываемыхъ Бедѣ, *Matha* — имя одного изъ разбойниковъ, распятыхъ со Спасителемъ.

Моўсиже скрѣбень бы ꙗ́вѣже во́ду не ѡ́бретше ѿ сѣтвори мѣ́тву къ Бѣ́гу, ѿ показа́ ему́ аггѣ́ль дрѣ́во, ѿ то́ дрѣ́во лѣ́жаше врѣ́ху ниць. Възе́мь Моўси дрѣ́ва ѿ крѣ́тао́бразно ꙗ́вѣды дрѣ́во въ рѣ́це (№ 6: аггѣ́ль повѣ́да ему́ дрѣ́во ѿз ра́а ише́ши водо́ю пото́бною. ѿ вѣа́ три пруты крѣ́тао́бразно погрузи вѣ́ воду го́ркую), ѿ оу́сладисѣ́ вода ѿ́ дрѣ́ва, ѿзрасте́ дрѣ́во оу́крашені́о вѣ́лїко ѿ прѣ́чуно».

При постройкѣ Соломонова храма царю повѣдали о дрѣвѣ, «ѣже ꙗ́вѣды Моўси въ Мерѣ́, ѿ шѣ́а постѣкоше дрѣ́во и возеху .п. бѣво́ль ѿ ѡ́мрачїшесе при Йо́рданѣ ѿ бы́ боура вѣ́лїка, ѿ пото́пи дрѣ́во Йо́рдань, ѿ не ѡ́бретоше́ его́ . . . . Е́динь му́жь ѿме́немь Е́лїскї дрѣ́во делаше́ на́ Йо́рдань ѿ спа́де сева́бра въ Йо́рдань ѿ вѣ́гльбѣ́ на дрѣ́во ѿже пото́пи Йо́рдань. При́иде ѿ повѣ́да Со́ломену, ѿ при́идоше́, ѿзеше́ дрѣ́во ѿ ꙗ́вѣдше́ его́, ѿ при́несоше́ въ Іерлѣ́мь ѿ при́ложїше́ къ црѣ́квї ѿ не прѣ́есе. И при́клоныше́ пакѣ́ то́ къ дру́гому дрѣ́ву». — Позднѣ́ «разбо́и́ныка невѣ́рнаго́ расше́ ошо́ую Ха́ на дрѣ́вѣ́ ѣ́же ѿзрасте́ на Мерѣ́скої рѣ́цѣ́ ѣ́же ꙗ́вѣды Моўси» ¹⁾.

Прежде, чѣ́мь обрати́ться къ разбору *отдѣльнаго сказанїя* о дрѣвѣ́, насажденномъ Моисеемъ, остано́вимся на эпизо́дѣ объ Елїсеѣ́ въ соотвѣ́тствующей легендѣ́ Слова. Извѣ́стное чудо Елїсея́ пророка́ съ сѣ́кирой перенесено ко времени Соломона, съ удержаніемъ имени дѣ́йствующаго лица (не пророка); самому чуду дано прообразовательное толкованіе, съ которымъ мы встрѣ́чаемся уже у Юстина мученика, Dialog. с. Triumph. Iud. с. 86: Ligno Elisaeus in fluvium Iordanem misso, ferrum securis revocavit, quacum profecti fuerant filii prophetarum, ut ligna caederent ad aedificandum domum, in qua legem et mandata Dei praedicare et meditari volebant (2 Reg. 6, 1—6): quemadmodum et nos peccatis gravissimis, quae admisimus, demersos Christus noster tum per lignum, in quo crucifixus est, tum per aquam, qua expiamus, liberavit ac domum precationis et adorationis effecit». —

¹⁾ Слово Григорїя, №№ 2; сл. 4, 5, 6, 7.

Греческая легенда, напечатанная Гретсеромъ, указывала на другое отожествленіе: крестнаго древа съ железомъ, которымъ пророкъ Елисей осладилъ горькія воды. Это отождествленіе, устраняемое авторомъ легенды, извѣстно было и въ западныхъ крестныхъ сказаніяхъ. Такъ въ отрывкахъ одного нѣмецкаго, XII вѣка, напечатаннаго Keinz'емъ и оставшагося неизвѣстнымъ Meyer'у: *Helyseus ein heiligir wissageder chome ê, lange ê got geboren wrde, in eine michel stat, in eine wite gegende. Die lute, die darinne waren, die chlagete ime, daz ir wazzer also suer were unde also hantech, daz lute unde vihe da vone sturben, unde baten in, daz er in hulfe umbe got, daz in diu ungenade ze beserunge verwandlet wrde. Do gie sozehant der heilige man Helyseus, da diu ursprinch waren, unde warf dar in salz unde ein *wenigez holz* in der bezeichnenunge des heiligen cruces. Davone wart allez daz wazzer in eine grozze sueze verwandelt»¹⁾.*

Легенда о дрѣвѣ Моисея (= Еввина часть нашего Слова) встрѣчается въ отдѣльныхъ пересказахъ. Одна старая компиляція разныхъ богомильскихъ апокрифовъ о Христѣ, составленная, впрочемъ, христіанскою рукою²⁾, расположила свое содержаніе въ рамкахъ легенды о крестномъ дрѣвѣ. Разсказъ начинается *чудомъ Моисея въ Мерри*, специфическимъ для сказанія объ «Еввиной части», но болѣе развитымъ, чѣмъ въ Словѣ. «Пожть Моиси сыны

¹⁾ Сл. мон Опыты II, 1, стр. 243, прим. 2.

²⁾ Jagić, Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga стр. 28—40; Opisi, 1. с. р. 83—95; А. Поповъ, Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова, стр. 31—44. Древнѣйшій (около 1300 г.) текстъ этой статьи, сохранившійся въ одномъ сборникѣ Львовской бібліотеки, до сихъ поръ не изданъ. Я, впрочемъ, предполагаю его тождественность съ извѣстными намъ лишь на основаніи надписанія: «Слово Икремина прѣрка (sic: вм. пресвитера) о дрѣвѣ чѣвѣмъ и ѿ възвѣщѣнни стѣна грѣца». См. И. И. Срезневскаго, Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-ое изданіе, стр. 162. — Текстъ сообщается по изданію Ягича, Opisi.

израилевы ѡт мора чръмнаго и прѣведе ихъ въ Мерърѣ. море же не можахъ питиѣ ѡт мнѣжства води, зане бѣ горька зѣло. Възъи же Моиси къ госпоуду глаголе и помоли са ѡ людехъ, и приде аггелъ къ нему и показа ему .г. дрѣва певыгыи, кеньдри и купарисъ. И створи Моиси, ꙗкоже повелѣ емоу аггелъ и възъа .г. дрѣва и сплета ꙗко плѣницѣ и възсади прѣ исходящи водѣ. и рече аггелъ господень се ѡбразъ сватыѣ троицѣ, се дрѣво бѣде спасениу, се дрѣво жизнь мироу, на семь дрѣве ѡубо хотеть жидове распати господѣ. . . . Се слово прорече Моиси ѡ Христѣ, ꙗкоже научень бысть ѡт аггела. И ѡт того часа ѡсладише са воды»¹⁾. Черезъ много лѣтъ, когда Моисей пришелъ въ землю Хоривскую, гдѣ змѣи уязвляли его народъ, по молитвѣ пророка «посланъ бысть аггелъ ѡт бога, дрѣже въ рѣцѣ крѣстное знамение и ꙗдовитаго гада ѡт мѣди пронжы по срѣдѣ. «И створи ꙗкоже видиши въ рѣцѣ моеи. И дрѣво еже сади при водѣ, что бѣде ѡ немъ, и кто бѣдетъ ѡбѣшаеми на немъ». Моисей сотворилъ мѣднаго змѣя, которымъ испѣляетъ уязвленныхъ, и повторяетъ народу откровение ангела: что «дрѣво кже сади при водѣ, при Мерърѣ, се дрѣво бѣдетъ готово на распатие, иже родит са ѡт колѣна Иудова, ѡт дѣвы Марие изыде и бѣде ѡт колѣна Давида, Авраамова вьноука и ѡт Есѣа праведнаго изыдетъ дѣва прѣчистаѣ, ѡт дѣвы родит са сынъ вышнааго, и сего распнѣтъ съ дѣвѣма разьбойникама».

« . . . Прѣшедьшимъ родомъ многомъ, и бѣхъ хранеще дрѣво то и блюдеще ѡт тоуждихъ». Въ числѣ стрегущихъ являются покаявшіеся разбойники: Афросить (Амвросій) и Эсромъ. Первый умираетъ въ услуженіи дереву, пока оно еще стояло въ Меррѣ, второй слѣдуетъ за нимъ, когда Соломонъ велѣлъ перенестъ его въ Иерусалимъ, и здѣсь «створи лѣтъ .д. стрѣгъще дрѣво и прѣдасть доущѣ свою богоу». — Когда Давидъ заповѣдалъ Соломону построить храмъ по образу небеснаго, открытаго ему:

¹⁾ См. сходный разсказъ о чудѣ въ Меррѣ — въ Палеѣ. Порфирьевъ, Апокриф. сказанія (изслѣдованіе) 138—9.

въ видѣнїи, Соломонъ велить срубить, въ числѣ прочихъ, и «древо спасеное» въ Меррѣ; его доставляютъ съ большимъ трудомъ въ Иерусалимъ, но въ постройку храма оно «не угодно бысть», и его положили «на сѣданіе многымъ». Одна бѣсная жена сѣла на него, и ангель господень, ударивъ её, отогналъ отъ нея «неприказанъ»; она присоединяется къ тѣмъ, которые продолжали стеречь «дрѣво осажденію» въ мѣстѣ, «еже зоветь са до селѣ разбойще. аще выидѣше тоу добръ или зль, то начнѣхъ звати разбойникъ». Нѣкто Насонъ пришелъ въ Иерусалимъ помолиться въ домѣ Божьемъ, съ женою Нарюю, которая родить сына, нареченнаго Спутникомъ. Отецъ поручаетъ ему: «блюди, чадо, дрѣво лѣжжщее, яко на семь дрѣве распеть хоцеть быти Христось ѡт жидовъ; да аще придетъ когда, и ты, чадо, распни са съ нимъ, и весь родъ нашъ свободиши ѡт муки вѣчныя». Это — праведный разбойникъ другихъ разсказовъ, т. е. жившій въ «разбойщѣ»¹⁾.

При Пилатѣ «прѣтрыше дрѣво Моисево на трое и створише еже ѡт корѣне кръсть Ісоусовъ, якоже рече: азъ есмь и нозѣ мои ѡт корѣне дрѣва. Срѣдни-же Спжтникуо сътворише, .г. сътворише друугомоу разбойнику».

Исторія древа Христова распятія восходитъ въ разобранномъ текстѣ къ чуду Моисея въ Меррѣ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ чудо съ змѣемъ. Западные пересказы крестной легенды позволяютъ тѣснѣе связать оба эпизода, взаимныя отношенія которыхъ въ нашемъ сказанїи неясны: и во второмъ, какъ и въ первомъ могло дѣйствовать — одно и то-же крестное древо.

¹⁾ Иначе разсказывается праясторія «вѣрнаго» разбойника въ арабскомъ Евангелїи о Дѣтствѣ Христовѣ, гл. 23. Въ одномъ текстѣ Слова Григорїя (№ 3) разсказъ апокрифа измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Богородица «воздоила» сына разбойника, у котораго прїютилось св. семейство во время бѣгства въ Египеть. Этотъ ребенокъ, «иже млека сѣа оу прѣтма Бѣа, — и есть вѣрный разбойникъ крестнаго сказанїя.

Легенда о Моисеѣ представляется на западѣ въ двухъ видахъ: либо самостоятельно, какъ въ славянской компиляціи, либо въ сводѣ съ рассказомъ о древѣ Сина. Къ первому типу относится, вѣроятно, текстъ монаха Andrius¹⁾: Моисей съ народомъ, пройдя по суху черезъ Чермное море, «vindrent premierement au desert de Sur et errerent .III. jours et .III. nuis, que onques point d'aigue ne porent trouver et tendirent lor tente à plain cham et furent illueques toute nuit. Et quant vint au matin que Moyses s'esvilla, si vit devant lui une mout bele grande verge, qui fu mise à con cevés et une devers sa destre et une devers sa senestre (кедръ, кипарисъ и сосна)... Et quant Moyses vit iceste meruelle, si s'esmervella mout et fu mout esbahis, ne onques de ces verges n'en osa nule toucier ne n'osa ainques puis d'illueques remanoir (?remouvoir), ains s'en ala au plus tost qu'il pot; si s'en ala en une tere que on apiele Elym (библ. Ἰλίου) et trestout son peuple que il menoit... Quant vint au matin que Moyses s'esvilla, si trouva environ soi de rechief ices .III. verges que il avoit veues devant, et estoient fichies en la tere». Онъ объясняетъ ихъ символомъ Троицы. «Et si tost come Moyses ot ce dit, si s'en ala mout tost d'illueques et vint en la tere de Taphindun (библ. Τάφιδείν) avoec trestout le pueple qu'il menoit avoecques lui et trouverent en celle terre unes aigues si ameres que li pueples ne le[s] pooit boivre. Moyses fut mout en grant tribulation, et li pueple qui estoit o lui, pour l'amertume des aigues. Et quant li solaus fu couciés, si alerent dormir, et quant vint au matin que Moyses s'esvilla, si vit de rechief jouste lui les .III. verges, dont nous avons desus dit. Lors s'esmervella mout Moyses et ne sot que dire». — Dboec van den houte²⁾, близкій къ тексту Andrius, досказываетъ, что ими онъ совершаетъ чудо надъ водами, которыя дѣлаетъ изъ горькихъ — питомыми; эти лозы онъ беретъ

¹⁾ Mussafia, l. c. p. 203; сл. Meyer, 155.

²⁾ Meyer, l. c. 155.

съ собою на Синай и въ Моавъ, гдѣ ихъ и насаждаетъ. Главное отличие Двоес отъ текста Andrius опредѣлено источникомъ, въ которомъ исторія Моисеева дерева уже слита была во едино съ исторіей Сивоова, выросшаго на могилѣ Адама отъ вѣтви, либо сѣмянъ райскаго дерева, принесенныхъ Сивоомъ (= «господня часть» нашего Слова). Сирийскій и эіопскій апокрифы объ Адамѣ, равно какъ и греческій Апокалипсисъ Моисея и Vita Adae et Evae¹⁾ говорятъ, что Адамъ похороненъ былъ въ раю, либо вблизи его, тогда какъ раввинское преданіе, упоминаемое уже Иеронимомъ и воспринятое западной крестной легендой, указываютъ на *Хевронъ*²⁾. Когда древо, обрѣтенное Моисеемъ, оказалось тождественнымъ съ древомъ отъ «адамовой главы», Моисею пришлось ходить за лозами — въ Хевронъ. Такъ въ вульгарной сводной легендѣ, напечатанной Meyer'омъ³⁾; приводя изъ нея отрывки, замѣтимъ напередъ, что незнакомство издателя съ славянскими редакціями сказанія повели его (стр. 129) къ излишнему предположенію самостоятельныхъ *измышлений* автора легенды и къ невѣрной оцѣнки ея варьянтовъ.

Разсказывается, что Сивъ похоронилъ Адама въ долинѣ Хевронъ и положилъ въ ротъ усопшаго три зерна отъ райскаго дерева, данныя ему ангеломъ. Отъ зеренъ выросли три вѣтви. «In ore Adae steterunt virgulae illae ab Adam usque ad Noe, a Noe usque ad Abraham, ab Abraham usque ad Moysen, nunquam crescentes, nunquam viriditatem amittentes. Cumque Moyses

¹⁾ Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія (пзсгд.) р. 168—9, 179, 181; W. Meyer, Vita Adae et Evae въ Abhandlungen der philos. philol. Cl. der kön. bayer. Ak. d. W. XIV B. III Abth. р. 221 слѣд.; сл. ib. 194, 207, 241 и Разысканія III, 45, прим. 2. Я принимаю краткое, хотя, быть можетъ, не точнѣе обозначеніе Meyer'a (194) для памятника, извѣстнаго подъ заглавіемъ: *Διήγησις καὶ πολιτείη Ἀδάμ*. и т. д., цитую его дажѣ, какъ Апокалипсисъ Моисея.

²⁾ Meyer, Gesch. d. Kreuzh. р. 110 (Нон. August.), р. 138 (сводная легенда). О *Hebron* см. Herzog, Realencyclopädie, а. v.

³⁾ l. c. стр. 131 слѣд.

propheta precepto domini populum Israheliticum ex Egypto de servitute Pharaonis trans mare rubrum educeret, dimerso Pharaone cum omni exercitu suo *venit in Ebron*. Ubi cum castra metatus fuisset Moyses, in vespera sanctificato populo *tres virgulae quae stabant in ore Adae apparuerunt*. Arripiens ergo illas in timore domini spiritu prophético clamavit: Vero, haec tres virgulae trinitatem demonstrant. Cum illas ex ore Adae extraheret, fragrantia totum exercitum replevit, ut jam se crederent in terram promissionis translatos esse». Иначе варьянтъ Р: cumque Moyses populum trans mare rubrum ex servitute Egyptiaca eduxisset in desertum et aquas amaras bibere non posse(?), mox clamavit. Dominus dixit *quod mitteret in Ebron pro illis virgis et illae dulcorarentur . . . quod et fecit*. Quas (virgas) ut vidit, ait: haec sunt s. trinitatem denuntiantes. Tantam enim fragrantiam emittebant virgae, ut populus crederet se subito translatum in terram promissionis. Quibus in aquam positis dulcoratae sunt. Въ теченіи сорока лѣтъ Моисей носить ихъ съ собою, завернутыя въ бѣлый платъ; «cumque aliqui in exercitu percussi a serpentibus vel ab aliis vermibus venenosis veniebant ad prophetam, deosculantes virgulas sanabantur». Ими онъ изводитъ изъ камня воду ¹⁾. Въ послѣдствіи онъ садитъ ихъ «ad radicem montis Thabor, . . . juxta quas caveam sepulchralem cavavit, in quam introiens exspiravit». Очевидно смѣшеніе съ библейскимъ Φουῶρ; варьянтъ говорить о Хоривѣ, т. е. мѣстности, гдѣ въ сообщенной выше славянской компіляціи совершилось чудо съ змѣемъ. Замѣчательно, что удаливъ это чтеніе въ варьянты, Мейеръ не усмотрѣлъ послѣдовавшаго отъ того противорѣчія: Моисей садитъ вѣтви на Ѡavorѣ (вар. Oreb = Хоривъ); сюда (вар. Oreb) приходилъ

¹⁾ Такъ въ провансальскомъ переводѣ легенды у Meyer'a, l. c. p. 140, и въ провансальской-же легендѣ, недавно изданной Grafомъ, Giornale di Filologia romanza v. IV, fasc. 1—2, p. 102. Сл. Suchier, Denkmäler provenzalischer Literatur, I, № VII и VIII (Zwei Uebersetzungen der Kreuzlegende «Post peccatum Adae» nebst dem lat. Originale).

и здѣсь обрѣлъ лозы Давидъ, а далѣе говорится, уже безъ указанія разнорѣчія: *pona die pervenit (David) ad montem Oreb!*

Характерной чертой сводной легенды является, такимъ образомъ, нахождение *Моисеемъ* чудесныхъ лозъ *въ Хевронѣ, на гробницѣ Адама*. Всякій разъ, когда мы встрѣтимъ подобное сочетаніе, мы можемъ говорить *о сводѣ*, если не всегда о вліяніи сводной легенды. Въ *Fioretti della Bibbia* напр. Моисей находитъ лозы въ пустынѣ (какъ у *Andrius*) и насаждаетъ на *Ѡаворѣ* (согласно съ легендой), но въ пустыню ихъ принесъ *Iericho*: онѣ выросли *изъ рта Адама* ¹⁾. *Dboes van den houte* рассказываетъ исторію *Сиеова древа*; затѣмъ исторію *Моисеевыхъ лозъ*, послѣднюю согласно съ текстомъ *Andrius*, не съ легендой: связь между той и другой ставится такимъ образомъ, что Моисей находитъ лозы — *въ Хевронѣ* ²⁾. Иначе въ *Cursor Mundi*: въ началѣ передается легенда о лозахъ *Сиеа* (ed. *Morris I*, p. 79 слѣд.); онѣ стояли отъ *Адама* до *Ноя*, *Авраама* — и *Моисея*, который ихъ увидѣлъ (I. c. p. 91); позднѣе (I. c. II, p. 365 слѣд., 401—3, 461 слѣд.), согласно съ *Andrius*, Моисей находитъ лозы въ пустынѣ *Surye* (*Sur* въ текстѣ *Andrius*), онѣ являются ему три раза, и онѣ носить ихъ съ собою, сажаетъ на *Синаѣ* и, передъ смертью, на своей могилѣ, по ту сторону *Иордана*, гдѣ ихъ и находятъ *Давидъ*. Объ *Адамѣ* и *Сиеовомъ древѣ* въ *Хевронѣ* нѣтъ ни слова болѣе въ связи съ легендой о *Моисеѣ*, которая и далѣе рассказывается въ замѣчательномъ согласіи съ текстомъ *Andrius*.

Изъ предъидущаго обозрѣнія выяснилось, какъ мнѣ кажется, что и на западѣ существовала особая легенда о *древѣ Креста*, какъ лозахъ *Моисея*, по типу нашей славянской компіляціи. Я не сомнѣваюсь, что роль *Моисея* въ исторіи крестнаго древа опредѣлялась символической *Моисеева жезла*, понятаго прообразовательно въ христіанскомъ смыслѣ. Книга *Яшаръ* рассказываетъ

¹⁾ Meyer, I. c. 161.

²⁾ I. c. 155.

цѣлую исторію этого жезла, напоминающую такую-же преемственность крестныхъ легендъ. Я передаю легенду по ея пересказу въ црквносл. апокрифѣ: Исходъ Моисеевъ.

«И прїиде Моѡси въ ограда Рагуиловъ, иже баше за дворомъ его, и мола боу своему . . . и възрѣ: оли палица потчена сре ограда. И приступи къ палицѣ и бѣ написано на неи йма га ба Савабѡа. И приступивъ и истерже ю и ѡчютиса палица в рука его трестата, екуже суть чинена чудеса бжїа. Егда створи бѣ нбо и землю и вса дѣла и. мѡре и рѣкы и всю рыбу и, и коли изгна Адама изъ ѡграда раискаго, и взя палицу ту съ собою въ роуку. И доиде палица та ѡ Адама до Ноа, Ноиже дастъ Симови и родо его, донде доиде в руцѣ Авраамовѣ; Авраамже дастъ ю Исаакови, Исаакже да Игакѡву, Игакѡвже егда бѣже на поле Арменское, палицу же тоу взà съ собою; онѣ ю да Иѡсифови часть едїну излиха братїа. И бысть по смерти Иѡсифовѣ, разграбиша Егѣптѡне до Иѡсифѡ, и попаде Рагуилу палица та, и посади ю въ ѡградѣ своемъ срѣ. И ѡкушѡхуса вси храбрїи, хѡтаще поати дщерь его и не могоша (т. е. выдернуть палицу) до пришествїа Миѡсеова, екуже сужена поати, то(и)же ю вытрѣже. И бѣ, икоже ю оузрѣ Рагуилъ палицу в роуку Миѡсеову, оудивиса, вда ему Семфору дщерь свою женѣ»¹⁾.

Этотъ-то жезлъ-лоза, которымъ Моисей совершаетъ чудо предъ лицомъ Фараона, преобразился въ знаменїе креста; преемственность одного была перенесена на преемственность другаго; идея Троицы выразилась въ образѣ трехъ лозъ, сплетшихся воедино: такъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ, такъ, надо полагать, и въ соотвѣтствующихъ западныхъ, говорящихъ о 3-хъ лозахъ — а затѣмъ объ *одномъ* деревѣ. — Если предположить, что подобнаго рода сказанїе — о трехсоставномъ крестѣ, древѣ Моисея, внесено было въ легенду, отвѣчавшую составу нашего

¹⁾ Тихонравовъ, Памяти. отреч. русской литературы, т. I, стр. 244—5; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанїя (ислѣдованїе), стр. 58—9.

Слова, то оно должно было подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ. Слово говоритъ о *трехсоставномъ* дрѣвѣ въ раю, развивая далѣе исторію каждой изъ трехъ частей въ отдѣльности; въ этихъ частныхъ легендахъ не было необходимости снова выразить идею *троичности*. Таково отношеніе легенды объ Адамовой части въ отдѣльныхъ ея пересказахъ (греческ. и у Северіана Габальскаго), гдѣ древо является тричастнымъ, къ соответствующему эпизоду Слова, гдѣ эта черта смягчена; такимъ-же представляются отношенія рассказовъ о дрѣвѣ Моисея въ нашей славянской компиляціи — къ «еввиной части» Слова. Интересно при этомъ слѣдующее наблюдение: въ компиляціи древо — трехсоставное, служащее распятію Христа и двухъ разбойниковъ; съ этой цѣлью оно пилятся на три части, причемъ часть отъ корня служитъ распятію Спасителя: «азъ есмь и нозѣ мои отъ корене дрѣва». Въ Словѣ № 2 одно древо «лѣжаше врѣху ниць», корнемъ вверхъ ¹⁾: черта понятная лишь въ связи съ символическимъ толкованіемъ корня, — и, можетъ быть, съ легендой трехсоставнаго типа? Если такъ, то въ этой подробности Слово обнаружилло-бы свой сводный характеръ, какъ и въ перенесеніи Моисеева дрѣва отъ Спасителя на — невѣрнаго разбойника.

III.

Между исторіей Моисеева дрѣва, какъ еѣ представляетъ компиляція богомилскихъ апокрифовъ, изданная Ягичемъ и Поповымъ, и эпизодомъ объ Еввиной части въ Словѣ, необходимо предположить посредствующую форму легенды, также богомилскаго оттѣнка, основныя очертанія которой указаны слѣдующимъ памятникомъ ²⁾.

¹⁾ № 4: древо лежаше, а сверхъ цвѣтъ его виростаеть(?).

²⁾ Сл. моя *Altislavische Kreuz- und Rebensagen*, I. с. стр. 136 слѣд.; Галахова, *Исторія русск. литературы*, 2-ое изд., I, стр. 468 слѣд.

Въ «написаніи к Панкови ѿ древѣ разумнѣмъ доброу и злоу»¹⁾ іерусалимскій мнихъ Аѳанасій нападетъ на пристрастіе Панка къ богомильскимъ лжеученіямъ и отреченнымъ повѣстямъ «Еремѣя прозвитера». — «Повѣдаша нѣне нѣдци, іако многы оучиши ѿ древѣ разоумнѣмъ доброу и злоу, ѿ него-же Бѣ Адамоу вкусити възбранѣ, и глѣши: *вино кѣсть было*. А слышиши писаньѣ ѿ Ѳвзѣ: Видѣ жена дрѣво красно видѣньемъ и добро въ снѣдѣ. Виньнѣи же грзнь кою красотоу иматъ?» Этому лжеученію, которое было мнѣніемъ и нѣкоторыхъ талмудистовъ, авторъ противопоставляетъ мнѣніе св. Аѳанасія, также раздѣлявшееся иными талмудистами: что то дерево было — смоковъ; «того ради Хѣ смоковъ прокла». — «И глѣши, продолжаетъ ревнитель: *виномъ бѣ престоупленъ Адаму*. того ради блгословилъ кѣсть Хѣ вино. Ни, не Адамова ради престоупленъ блвилъ вино, но прѣчѣи крови своѣи ѿобразъ данъ, юже излига за наше сѣсениѣ ... И паки глѣши ты: на томъ дрѣвѣ Хѣ распатъ, *что Моисѣи в Мерртѣ воды ѿслади*. Ни оубо, не на томъ; ни кыи же прѣркъ или писаньѣ глѣтъ, іако на томъ распатиса хоцетъ, нѣ то дрѣво въ ѿобразъ крѣта баше. Оно горкыи воды ѿслади, се же невѣрыи въ вѣроу преложи и глоубокою льсть дыволоу раздроуши. *Древо же крѣтное не Моисѣемъ ѿстиса*, ни инѣмъ кымъ, ни само преже стѣ баше, нѣ кровью Хѣю распатаго на немъ. *Аще бѣ чѣ Хѣу творили домъ или црковъ или престолъ*, іако Бѣоу и црю, все быша доброн и славнои и краснои избрали, нѣ іако злодѣю хоулоу и роуганинъ, то на распатыи ли юго славнаго древа възпцють, *имже Моисѣи чудо створи?*»

Въ богомильскомъ апокрифѣ крестное дерево являлось, стало быть, Моисеевымъ — и винограднымъ. Имъ соблазнилися прародители: такъ въ «Свиткѣ божественныхъ книгъ», исполненномъ

¹⁾ Пам. старинной русск. лит. III, стр. 84—5. Слѣдующіе даѣе отрывки текста сообщаются по Синодальной ркп. № 132 (Кормчая XIII вѣка, сл. выше, стр. 370 прим. 2), по списку г. Шахматова, обязательно доставленному мнѣ акад. Ягичемъ.

богомильскихъ басенъ: «не повелѣлъ-же ясть винограднаго древа»; на одной миниатюрѣ рукописи Козмы Индикоплова (1542 года) Адамъ и Ева изображены стоящими около запретнаго дерева, отъ котораго въ ту и другую сторону спустились виноградныя гроздья, тогда какъ змѣй обвилъ его стволъ; въ русской повѣсти о Горѣ-злочастии говорится, что Адаму и Еввѣ Господь далъ заповѣдь божественную:

Не повелѣлъ вкушать плода винограднаго
Отъ адемскаго древа великаго.

У Богомиловъ это воззрѣніе являлось въ ряду другихъ, выражавшихъ религіозное міросозерпаніе секты. «Вино и жена отъ діавола кстаа», учили они ¹⁾; винограднымъ древомъ соблазнилъ Сатана Евву — что могло выразиться легендой о насажденіи имъ и лозы; если она становится въ послѣдствіи древомъ распятія, то и эта образность отвѣчала богомильскому воззрѣнію на крестъ, какъ на орудіе, измышленное демонами для смерти Спасителя ²⁾.

Эти теоретическія соображенія подтверждаются, между прочимъ, слѣдующими фактами.

Небольшая апокрифическая статья, озаглавленная въ одной синодальной рукописи (Опис. отд. II № 330): Видѣніе Варуха — рассказываетъ, что когда Господь повелѣлъ своимъ ангеламъ насадить рай, то Сатанаилъ посадилъ виноградную лозу; отъ нея-то вкусилъ Адамъ и вмѣстѣ съ нею подвергся осужденію. Во время потопа её вынесло водою изъ рая, а съ благословенія Божія она насаждена была Ноемъ. Такимъ образомъ осужденіе съ винограда снято, но «еще имать отъ злобы тоя, да еще кто піеть безъ мѣры отъ него, впадетъ во многій грѣхъ». Насажденіе винограда Сатанаиломъ отвѣчаетъ вступительному эпизоду нашего Слова, гдѣ райское трехсоставное дерево также выро-

¹⁾ Jagić, Opisi I, стр. 81 (изъ рукописи проф. Григоровича).

²⁾ Racki, Bogomili i Patareni, стр. 195—6.

стаетъ отъ сѣмянъ, посѣянныхъ Сатанаиломъ — какъ и въ Преніи Панагіота съ Азимитомъ райское древо «имать отъ всѣхъ сажений дрѣвныхъ въспрято на себѣ и отъ всѣкого снѣденія и плода». Въ одномъ текстѣ Слова Григорія (нашъ № 3), въ которомъ оно является продолженіемъ Слова объ Адамѣ (= *Vita Adae*), эпизодъ о насажденіи Сатанаила надписанъ: «О виноградѣ и како ростяше» и начинается словами: «Тако егда насади Господь виноградъ въ рай,.... Сатанаилъ крадя отъ всякаго сада» и т. д. Какъ виноградную лозу Сатанаила выносятъ изъ рая воды потопа, такъ въ Словѣ — «свиню часть» райскаго дерева; позднѣйшее благословеніе винограда напоминаетъ ученіе богомиловъ, въ написаніи Аѳанасія: «виномъ бысть преступленіе Адаму, и того ради благословилъ есть Христосъ вино». — Участіе дьявола въ насажденіи лозы естественно связалось съ извѣстнымъ библейскимъ разказомъ о Ноѣ, Быт. IX, 20. По талмудической легендѣ, когда Ной садилъ лозы, дьяволъ, присосѣдившись къ нему, закалываетъ овцу, льва, обезьяну и собаку. Оттуда разнообразное дѣйствіе вина: выпьетъ его человекъ немного, будетъ овцей, выпьетъ больше — то львомъ, а далѣе онъ становится прыгающей обезьяной и грязной, валяющейся свиньей¹⁾. Въ повѣствователь-

¹⁾ Fabricii. Codex pseudepigraph. Vet. Testamenti p. 275 прим. Позднѣйшія отраженія этой легенды сл. въ примѣчаніяхъ Oesterley къ с. 159 *Gesta Romanorum*; сказку нижегородскихъ татаръ см. у Аѳанасьева, Нар. русск. легенды, стр. 182—3. — Въ моихъ *Altslavische Kreuz- und Rebensagen* я собралъ нѣсколько легендъ о происхожденіи вина и лозы. Присоединимъ къ нимъ еще слѣдующую: Однажды Немвродъ охотился въ лѣсу. Возвращаясь домой безъ добычи, онъ увидѣлъ змѣя, подрадавившагося въ гнѣзду голубицы, свитому высоко въ пальмовыхъ вѣтвяхъ. Сжаллся надъ ней Немвродъ и, прицѣлившись въ змѣя, поразилъ его золотою стрѣлою. На другой день благодарная голубица прилетѣла къ кущѣ царя и, кружась надъ его головою, опустила ему вѣтку. Немвродъ посадилъ еѣ своими руками и прилежно поливалъ. Выросла высокая лоза, а на ней уродился гроздь, желтый какъ янтарь. То былъ бѣлый виноградъ. Сл. Архим. Порфирія Успенскаго, Первое путешествіе въ Синайскій монастырь, стр. 316—317.

ной вставкѣ, встрѣчающейся въ новыхъ русскихъ рукописяхъ Слова Мееодія Патарскаго ¹⁾, изобрѣтеніе хмѣльнаго питія, съ замѣной лозы народнымъ хмѣлемъ, приписывается дьяволу: онъ научаетъ тому Ноеву жену, съ тѣмъ, чтобы она опоила мужа и заставила его проговориться о построеніи имъ ковчега, которое онъ держалъ въ тайнѣ. Легенда эта до сихъ поръ существуетъ въ русскихъ народныхъ пересказахъ ²⁾ съ отмѣнами, драгоцѣнными для ея генеалогіи. Сказаніе о крестномъ древѣ-виноградѣ привязывалось, какъ мы видѣли, къ грѣхопадению Адама и Еввы и далѣе къ Ною; русскій простонародный пересказъ смѣшалъ оба эпизода: Господь сотворилъ «Ноя Праведнаго», чтобы въ свѣтѣ была правда; изъ ребра его дѣлаетъ ему жену *Евву*; на нихъ-то перенесена библейская повѣсть о прегрѣшеніи прародителей — за которой слѣдуетъ извѣстный разсказъ о построеніи ковчега и о хмѣлѣ.

Виноградную лозу, насажденіе Сатанаила, Еввину часть райскаго дерева, выносятъ изъ рая воды потопа; её вторично сажаетъ Ной. По показанію крестной легенды особаго типа, вставленной (въ XII вѣкѣ) въ текстъ Гонорія Отѣнскаго, это совершилось на Голгоѣ: «*Adam primus homo.... in loco Calvariae sepultus aliquamdiu requieuit, deinde in Ebron translatus in terram de qua assumptus est rediit*». Вставной эпизодъ присоединяетъ къ этимъ словамъ Гонорія еще слѣдующее: *Mortuo autem eo (sc. Adam) apparuit angelus dei ferens ostrum ejusdem longitudinis expanditque illud super eum ac nucleum vetiti ligni ori ejus inponens; et sic sepultus est.... In eodem etiam colliculo Calvarie plantaverat Noe vineam....*» слѣдуетъ еще нѣсколько упоминаній о событіяхъ, совершившихся на Голгоѣ, а далѣе говорится: *Igitur de prefato nucleo crevit arbor —*

¹⁾ Тихонравовъ, Пам. Отреч. русск. лит. II, стр. 249—50; онъ-же: Лѣтописи русск. лит. и древности т. I, 1859 г., Матеріалы, стр. 158—160.

²⁾ Афанасьевъ, I. с. № 48, стр. 49—50.

древо распятія ¹⁾; лоза Ноя является лишь въ значеніи прообразовательнаго символа, какъ въ корнійской драмѣ (*Ordinale de origine mundi*) жертвенникъ Ноя, сложенный имъ на Голгоѣѣ, у подножья которой вырастаютъ крестныя лозы Сива ²⁾). Связь между лозой Ноя и крестнымъ деревомъ устанавливалась путемъ дальнѣйшаго символическаго сближенія, слѣды котораго мы находимъ и въ гимнѣ къ Кресту Фортуната:

*Appensa est vitis inter tua brachia, de qua
Dulcia sanguineo vina rubore fluunt* ³⁾,

и въ толкованіи бл. Ипполита: «Испереть виномъ одежду свою.... и кровію гроздію одѣяніе свое. Кровію какого гроздія, какъ не своей плоти, подобно виноградной кисти, выжатой на деревѣ?» ⁴⁾; и у Анастасія Синаита, текстомъ котораго мы воспользуемся далѣе: «*Cruх Christi est lignum vitae, in quo in altum sublatus fuit botrus maturus*». Въ этомъ кругѣ прообразовательныхъ идей и формальныхъ смѣшеній могло создаться представленіе о виноградѣ, какъ деревѣ распятія, стало быть, и райскомъ; о крестной лозѣ Ноя. Русскій епископъ XII-го вѣка, Антоній, видѣлъ въ Царьградѣ въ церкви св. Михаила «*крестъ съ лозъ Ноевъ учиненъ, иже по потопе насади*».

Быль-ли извѣстенъ и на западѣ такой именно типъ крестной легенды?

Нѣкоторыя особенности поэмы Лютвина «объ Адамѣ и Еввѣ», которыя Мейеръ ⁵⁾ не сумѣлъ объяснить себѣ, освѣщаются при помощи разобранной нами группы рассказовъ: о крестѣ — лозѣ Ноя.

¹⁾ Meyer, l. c. p. 109—110.

²⁾ Mussafia, l. c., p. 190—1.

³⁾ Migne, Patrol. gr. t. 88, p. 87.

⁴⁾ Сл. выше, стр. 235.

⁵⁾ l. c. 159. Изд. К. Hoffmann'омъ и W. Meyer'омъ въ *Bibliothek des litterar. Vereins in Stuttgart*, B. 153 (1881 г.).

Евва и Снеъ отправляются въ рай за «селеемъ милосердія» для больного Адама. Райскій стражъ, архангѣль Михаилъ, вѣщаетъ имъ, что Адамъ сподобится того едея лишь черезъ 5500 лѣтъ. Снеъ горюетъ, что страданіямъ его отпа суждено такъ длиться, но Михаилъ говоритъ, что онъ умретъ черезъ шесть дней, и даетъ Снеу вѣтку оливы: Адамъ возстанетъ изъ мертвыхъ, когда эта вѣтка принесетъ плодъ, т. е. тѣло Христово.

2737 Und darzu sol der selbe zwy
Wahssen, das der sunden fry
Gottes lamp daran ersturbe.

Эта вѣтка посажена на могилъ Адама въ головахъ, разростаеся въ чудесное дерево, которое дѣти Адама берегутъ, ожидая, что она дастъ плодъ. Когда эти ожиданія долго не исполнялись, стругущіе разошлись по лицу земли. Снеъ, одинъ оставшійся при деревѣ, рѣшился снова *отправиться* въ рай. На вопросъ Херувима (= Михаила сл. v. 3754), райскаго стража, что ему нужно, Снеъ отвѣчаетъ просьбой о помощи, такъ какъ остался сиротой (! сл. vv. 3741—3753). Херувимъ подаетъ ему вѣтку съ яблокомъ:

3755 Diner muter ungemach
Din leit und dines vatter dot
Gar und aller welte not
Ist bekomen von disem reie,
Do in dem paradise
Din muter beis den appfel dan.
Von dem holtze sol erstan
Der vatter und die muter din.
.....

3770 Du solt es haben in dinre hut
Mit vil heiligem mute,
Und habe ouch in dinre pflage
Den oleyboum alle wege
Der dort floriaret stat,

Do din vatter sin grap hat.
 Von diesen holtzen beiden
 Wurt erlost von allen leiden
 Eva und din vatter Adam.

Снѣъ бережетъ эту драгоценную вѣтвь, и послѣ него блюли еѣ
 лучшіе изъ народа,

3802 Wanne, als die geschrift gih,
 Uff der erde was anders niht
 In der zit, das heiltum were,
 Nuwen der zwig heilbere.

Ной беретъ еѣ съ собою въ ковчегъ, куда по окончаніи потопа
 голубь приноситъ ему вѣтку отъ маслины, росшей на гробницѣ
 Адама.

3918 Den zwig behielt er ewiglich,
 Als siner hailigkeit gezam.
 Des appfels zwig er darzu nam
 Und hette es in grosser wirdikeit,
 Wanne, als ich vor han geseit,
 Die swige beide kunfftig waren,
 Was des todes was verfarem,
 Das das von den zwigen beiden
 Von dem tode wurde gescheiden. -
 Sus lassent wir die swige hie

.....
 3936 *Wie unser herre Jesu Crist*
An dem swige die martel leit,
Das wurt von mir nu nit geseit.

Мейеръ не могъ не замѣтить странныхъ подробностей этой
 саги, нигдѣ болѣе не встрѣчающихся, говорить онъ, и не нашед-
 шихъ подражанія. Два раза ходитъ Снѣъ въ Эдемъ, возвращаясь
 то съ оливной вѣткой, то съ вѣткой и плодомъ на ней, отъ кото-
 раго вкуса Эва. Обѣ оказываются позднѣе—крестными древами,

съ которыми Лютвинъ, вѣроятно, не зналъ-бы, что и начать при распятіи, если-бы не предпочелъ окончить свою поэму раньше. Едва-ли позволено говорить, по поводу всей этой неладицы, о какой-то особой формѣ саги (Sagenform); необходимо признать довольно неумѣлое смѣшеніе двухъ формъ сказанія. Одно изъ нихъ говорило о хожденіи Сноа въ рай, откуда онъ принесъ вѣтку отъ райскаго дерева, разросшуюся на могилѣ Адама: будущее древо креста. Это — обычная рамка западныхъ легендъ начиная съ XII вѣка (Meuser p. 116). Другое сказаніе могло возводить исторію крестнаго древа къ вѣткѣ того древа, отъ чьего плода вкусила Евва, и вводитъ въ его исторію Ноя, сберегшаго ту вѣтвь въ своемъ ковчегѣ: стало быть, какъ въ отрывочныхъ указаніяхъ славянскихъ апокрифовъ. Эти двѣ редакціи и оказываются сплоченными у Лютвина — двойственною ролью Сноа: онъ достаетъ оливную вѣтку (надо полагать, что отъ райскаго дерева, что нигдѣ не сказано), она разрастается на могилѣ отца, вѣтку отъ этого дерева приносятъ голубь Ною; тотъ-же Сноа достаетъ и другую вѣтвь съ плодомъ, отъ котораго вкусила Евва — и эта вѣтвь также попадаетъ къ Ною. Органически свести эти разнорѣчія къ какому нибудь единству авторъ не сумѣлъ: въ самомъ концѣ поэмы, говоря о распятіи, онъ то ссылается на *дѣя стѣпи* (v. 3923), то снова на *одну* (v. 3937). Наше «Слово» удачнѣе распорядилось своимъ матеріаломъ, приурочивъ вѣтку Сноа къ «господней» части и распятію Христа, «часть Еввы», вынесенную изъ рая водами потопа, — къ неправедному разбойнику.

Подобное-же смѣшеніе, и на столь-же прозрачное для меня, мы встрѣчаемъ у Кальдерона. Въ его *auto*: *El arbol del mejor fruto* крестное трехсоставное дерево (съ листьями пальмы, кедра и кипариса) выростаетъ на могилѣ Адама изъ трехъ сѣмянъ райскаго, принесенныхъ Сноомъ. Позднѣ сынъ Ноя, Іегісо, пересадилъ его на Ливанъ, гдѣ оно срублено при Соломонѣ, служить скрѣпой мостка черезъ Кедронъ и не ладится въ постройку храма. О немъ прорицаетъ царица Савская, что на немъ

пострадаетъ нѣкогда человѣкъ, во спасеніе всего человѣчества. Стало быть — крестное дерево.

Этой-же легендой, нѣсколько измѣненной, воспользовался Кальдеронъ въ другой своей пьесѣ: *La Sibila del Oriente y Gran Reina de Saba*. Сюжъ идетъ въ рай за едеемъ милосердія, видитъ тамъ среди зелени высокое сухое дерево: это и есть искомый елей, говоритъ ему ангелъ. Адамъ уразумѣлъ вѣщее значеніе этихъ словъ, переданныхъ ему Сиеомъ, и самъ прорицаетъ, что на его могилѣ вырастетъ дерево жизни. — О вѣткѣ либо семенахъ райскаго дерева, отъ которыхъ имѣеть произойти Адамово, не говорится ни слова. — Далѣе *Iericho*, сынъ Ноя, пересаживаетъ это дерево изъ Хеврона, гдѣ похороненъ Адамъ, на Ливанъ — и слѣдуютъ извѣстныя намъ подробности *auto*. Но легенда о крестѣ въ пьесѣ Кальдерона этимъ не ограничивается: по окончаніи потопа голубь принесъ Ною масличную вѣтвь (неизвѣстно откуда), которую онъ садитъ на Ливанѣ. Дерево, выросшее изъ нея и казавшееся въ одно и то-же время пальмой, кедромъ и кипарисомъ, окружено общимъ почетомъ. Срубленное и оказавшееся негоднымъ для постройки храма, оно брошено въ саду, а за тѣмъ служитъ мосткомъ къ той горѣ, гдѣ похоронена Адамова голова (= Голгоѳа). На этомъ стволѣ, который Соломонъ рѣшается беречь какъ величайшее сокровище, пострадаетъ Мессія.

Мейеръ (р. 165) полагаетъ, что матерьялъ для этой драмы далъ Кальдерону сборникъ Пинеды (*De rebus Solomonis*. Майнцъ, 1613 г.); явныя противорѣчія — дѣло самого поэта. «Я считаю вѣроятнымъ, говоритъ Мейеръ, что внесеніемъ оливной вѣтви Кальдеронъ желалъ придать легендѣ болѣе библейскій характеръ». — А оливная вѣтвь Лютвина? — «Хотя и говорится аллегорически о древѣ на могилѣ Адама, но на самомъ дѣлѣ крестное дерево вырастаетъ изъ масличной вѣтки Ноя. Такимъ образомъ Кальдеронъ самъ себѣ противорѣчитъ; рассказалъ же онъ раньше, что *Iericho* пересадилъ вѣтку съ могилы въ Хевронъ на Ливанъ! Этимъ онъ уничтожаетъ главную прелесть сказанія,

существенную черту котораго составляет происхождение крестнаго дерева — отъ древа познанія. Какъ прекрасное дѣйствіе Auto «о дрѣвѣ лучшаго плода» съ его типомъ язычницы, царицы Савской, становящейся исповѣдницей Троицы, искажилось до неузнаваемости во второй пьесѣ, вслѣдствіе измѣненій и внесенія свѣтскаго элемента — такъ, съ другой стороны самыя измѣненія легенды, какія позволилъ себѣ Кальдеронъ, умалили, по моему мнѣнію, поэтическое достоинство его произведенія».

Наша точка зрѣнія опредѣлена оцѣнкой подобныхъ смѣшеній, замѣченныхъ въ поэмѣ Лютвина. Дѣло не въ измѣненіяхъ одной легенды, а въ соединеніи двухъ, недостаточно помиранныхъ между собою: легенды о вѣткѣ-крестномъ дрѣвѣ Ноя, и сказанія о дрѣвѣ, вырастающемъ на могилѣ Адама. Последнюю Кальдеронъ зналъ въ особой редакціи. Рядомъ съ рассказомъ, встрѣчающимся на западѣ съ конца XII вѣка (у Iohannes Beleth, ок. 1170 г.)¹⁾ и становящимся тамъ особенно популярнымъ: о Сноѣ, принесшемъ Адаму вѣтвь (либо зерна) райскаго дерева — намѣчается въ томъ-же вѣкѣ (ок. 1180 г.) и другое, въ которомъ главное дѣйствіе предоставлено сыну Ноя, Иониту (Ionitus, Hionthus у Готфрида изъ Витербо; Iericho, Ierico Кальдерона и Fioretti della Bibbia, Lericho въ пересказѣ Алляція). Это — Μονύτων, сынъ Ноя, въ греческихъ Откровеніяхъ псевдо-Меоодія по списку Алляція, гдѣ другіе тексты даютъ: Σῆμ, славянскій переводъ: Монитонъ, Монить, Моунить, Моунтъ, латинскій: Ionithus²⁾. Объ этомъ Ионитѣ «астрологѣ» Готфридъ изъ Витербо рассказываетъ, что, наслышавшись отъ отца о славѣ рая, утраченнаго прародителями, онъ отправляется туда и

plantas arboreas tres tulit inde bonas.
Nomina sunt abies et palma fuitque cypressus,
quas pater Ionitus feliciter inde regressus
plantat diversis disparibusque locis.

¹⁾ Meyer, l. c. 115.

²⁾ Сл. мон Опыты I, 1, стр. 307.

Sed trahit has natura simul, pariter coalescunt,
 diversis foliis uno sub cortice crescunt,
 absque labore viri sola fit arbor ibi.
 Unus erat truncus sed forma triplex foliorum.
 trina fit unius ligni natura colorum.
 trina deum trinum significare volunt ¹⁾.

Судя по тому, что далѣе Давидъ находитъ ихъ на Ливанѣ, онѣ тамъ были и посажены. Fioretti della Bibbia ²⁾ прибавляютъ, что Jericho = Ionitus пожелалъ узрѣть не рай, а могилу Адама въ Хевронѣ, на которой выросли три чудныя лозы; ихъ-то онъ посадилъ въ пустынь, ими Моисей сотворилъ чудо въ Меррѣ и пересадилъ на Оаворъ (последняя локализациа, какъ въ сводной латинской легендѣ). Таково, въ сущности и сказаніе, разработанное Кальдерономъ, сходящееся съ Готфридомъ въ упоминаніи Ливана.

Преданіе о Ионитѣ-Монитонѣ-Симѣ, не вошедшее въ составъ извѣстныхъ намъ славянскихъ апокрифовъ, сложилось вѣроятно, на сколько это касается идеи «хожденія въ рай», по типу хожденія Сива. Мы уже знаемъ, что Адама представляли себя погребеннымъ — въ раю либо у рая, или въ Хевронѣ; тамъ выросли и лозы, принесенныя Сивомъ. И вотъ Ионита заставили отправляться за лозами либо въ Эдемъ (Готфр. изъ Витербо), либо въ Хевронъ (Sibila del Oriente, Fioretti). Почему именно Ионитъ = Симъ явился въ этой роли, я объясняю себѣ такимъ образомъ: въ лѣтописи александрійскаго патріарха Евтихіа, пользовавшагося, вѣроятно, эіопской книгой Адама, рассказывается, что Адамъ, умирая, завѣщалъ своимъ потомкамъ, когда они выйдутъ изъ рая, взять его тѣло и положить въ срединѣ земли. Передъ началомъ потопа Ной съ дѣтьми перенесли тѣло праотца въ ковчегъ; умирая, Ной, въ свою очередь, заповѣдалъ Симу: возьми тѣло Адамово тайно изъ ковчега, возьми въ дорогу хлѣба и вина, пригласи Мельхиседека, сына Фалекова, и вмѣстѣ отправьтесь, подъ руководствомъ ангела,

¹⁾ Meyer, l. c. 112—113.

²⁾ l. c. 161. .

пока не достигнете мѣста, гдѣ должны похоронить тѣло Адама. Это мѣсто — середина земли; здѣсь будетъ распять Спаситель, добавляетъ эѳіопскій текстъ. — Мельхиседекъ остается при тѣлѣ Адама въ постоянномъ служеніи Богу вышнему¹⁾. — Если взять въ расчетъ, что, по словамъ Іеронима, еще Евреи отождествляли Мельхиседека съ Симомъ²⁾, то мы близко подойдемъ къ объясненію легенды объ Іонигѣ = Симѣ: онъ перенесъ на Голгову тѣло Адама, — стало-быть и вѣтвь отъ выросшаго надъ нимъ крестнаго древа, могли подсказать по сложившейся уже легендѣ о Сноѣ? Подробности о ковчегѣ были забыты, а въ такомъ случаѣ Іонигъ = Симъ долженъ былъ ходить за вѣтвями въ Эдемъ (или Хевронъ), чтобы пересадить ихъ въ пустыню или на Ливанъ. Последняя локализациа, обусловленная, какъ мы увидимъ далѣе, необходимостью ввести въ дѣйствіе легенды Давида (Готфридъ, Fioretti) или Соломона (Кальдеронъ), могла явиться на смѣну другой, болѣе древней; не Голговы-ли? Такимъ образомъ мы объяснили-бы себѣ отчасти ссылку Готфрида на какого-то *Аванасія*; не разумѣется-ли Аванасій Александрійскій, въ сомнительныхъ или и подложныхъ сочиненіяхъ котораго³⁾ встрѣчается указаніе на погребеніе Адама на Голговѣ? Максимъ Грекъ приводитъ это указаніе, но съ особыми отиѣнами — по поводу своей полемики съ противоположнымъ мнѣніемъ Луцидарія (Гонорій Отѣнскій): «повѣсть отъ отецъ дойде до насъ, яко глава перевозаннаго Адама пренесена бысть потопомъ, иже при Нои, отъ востока въ Іудею и остала на Голговѣ Божиимъ мановеніемъ, да освятится кровію новаго Адама»⁴⁾.

¹⁾ Порфирьевъ, I. с. (изслѣд.) 108—9; 193—6 (Эѳіопская книга Адама); сл. 168—9 (сирійскій завѣтъ Адама). Сл. Разысканія III, стр. 42—3.

²⁾ Порфирьевъ, I. с. 116; сл. 140.

³⁾ У Migne, Patrol. ser. graeca, t. XXVIII, стр. 207 (In passionem et crucem Domini), 627 (Quaestiones ad Antiochum ducem.)

⁴⁾ Порфирьевъ, I. с. 107, 141; сл. Пам. старинной русск. литературы, III, стр. 14 (О главѣ Адамовой): «потопною водою принесена

Я высказываю лишь предположеніе, которое считаю столь-же вѣроятнымъ, какъ и указанные выше поводы — внести въ славянскія легенды о крестѣ имени Григорія и Северіана Габальскаго.

Легенда объ Іонитѣ увлекла насъ далеко отъ нашего Слова. Между тѣмъ разборъ его втораго эпизода, сказанія объ Еввиной части, привелъ насъ къ нѣкоторымъ выводамъ, которые полезно формулировать: 1) Выяснилось существованіе въ южно-славянскихъ (тексты Ягича и Попова) и, можетъ быть, западныхъ текстахъ (Andrius) *особой* повѣсти о древѣ Христова распятія, какъ о *найденномъ Моисеѣмъ*. Параллель ей мы усмотрѣли въ талмудическомъ разсказѣ о Моисеевомъ жезлѣ; 2) по эпизодическимъ указаніямъ славянскихъ и западныхъ источниковъ можно заключить о существованіи такой-же группы сказаній, гдѣ исторія креста символически привязана была къ *лозѣ Ноя*; 3) на западѣ эти сказанія неорганически смѣшивались съ легендами другаго типа (Lutwin, Calderon); 4) посланіе Аванасія къ Панку указываетъ, что въ составъ богомильскаго крестнаго апокрифа входила легенда о лозѣ Ноя — и о лозахъ Моисея. Соображая ученіе богомилловъ о крестѣ, какъ орудіи дьявола, о виноградѣ, какъ древѣ познанія, и взявъ въ расчетъ соответствующій эпизодъ нашего Слова, можно предположить, что содержаніе богомильскаго апокрифа составляли: разсказъ о насажденіи Сатанайломъ въ раю древа¹⁾, которымъ искусилась Ева; о томъ, что воды потопа вынесли его къ Меррѣ, гдѣ видитъ его Моисей; наконецъ о постройкѣ храма и распятія Спасителя. — 5) Подобная статья, вступивъ

быть глава Адамова въ Палестину, и обрѣтъ ю Соломонъ, и принесе во Іерусалимъ, и осыпа ю каменіемъ, и нарекъ имя Гольгофа». Сл. слѣд. § и стр. 413 (Citez de Iherusalem); Meyer, Gesch. d. Kreuzh., p. 110.

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, разсказъ о насажденіи Самуила (= Сатанайла), несомнѣнно — отрывокъ извѣстной намъ крестной легенды, въ Вопросахъ и отвѣтахъ, изданныхъ Новаковичемъ по болгарской рукописи прошлаго вѣка въ Starine VI, 49.

въ составъ Слова, должна была поступиться нѣкоторыми своими особенностями и, въ виду общаго плана, подвергнуться новому приуроченію: на Еввиной части древа распять не Спаситель, а нераскаившійся разбойникъ.

IV.

Намъ остается рассказать исторію третьяго дерева «Слова»: его «Господней части».

«Адамъ бѣше прѣ^а двѣри^а райскѣми въ Едемѣ. ѣг^а приближишесе днѣи ѣго къ смрти, вѣлико бѣлаше немощію. Снѣ ѣго Сить рѣ къ мѣри своеѣ ѿ мѣи моѣ, ты вѣсѣи вѣсе ѣгова. повѣжъ намъ, что сико ѿць нашъ болѣдуеъ. Ёв^а рѣ. ѿ снѣ, вьсег^а желаеъ блга райска, еда того ра^у поменуеъ и боледуеъ. Сить рѣ идемъ въ рай и принесу ѿцу моему, еда како оутолит^{се} болѣсть ѣго. иде и выпіе, плаче прѣтиву раю. и принесе ему архнгль д^рѣво (№ 6: три пруты), ѿ него-же снѣ а^дамъ, и рѣ сѣ дрѣво ѣже раз^рѣшаеъ грѣхѣи, се дрѣво проганяеъ дхѣи нечѣсты, се и прѣсценіе темнѣи; [кто] вѣруеъ въ мнѣ, не имать заблудѣти. Приеъ Сить дрѣво ѣже ему дасть аггль и принесе ѿцу [сво]ему а^даму. ѣг^а вѣде а^дамъ и позна и възъхну вѣлико и рѣ сѣ дрѣво ѣго же [ра^у] бы^а изгнанъ изъ рага. и вземъ изъвѣи себѣ вѣнець. и положше ѣго [в] вѣн^це въ земли (№ 6: едемъстеи, прѣ^а двѣрми райскими), и израсте дрѣво изъ вѣн^ца и бѣи вѣлико (вѣлико) висотою и прѣчудно растомъ, на три растеше и въ едино стогаше и бѣи прѣвисоко вьсе^а дрѣв^ь.¹⁾...

¹⁾ Гр. № 2; №№ 1, 3, 5, 7 сократили этотъ рассказъ; въ № 4 онъ примыкаетъ къ слову Адама = Vita Adae. Въ № 6: і израстоша .Г. древа изъ главѣи а^дамовы і паки сотворишася во едино. и расте дрѣво .Э. вратъ(?) раздѣляющиса на двое, и паки совокупатса во едино.

«Егѣ хотеше ГѢ БѢ да съжжѣть домъ бжїи стѣ Сѣѣнѣ, поустѣ ГѢ прѣстень Соломоноу и ѡбладаше дѣмонѣи въсеѣи. Съзѣа дѣѣ бжїи стѣ Сѣѣнѣ и ѣскаше дрѣво да покриѣтъ црѣвѣ». Слѣдуетъ извѣстный намъ разсказъ объ исканїи двухъ первыхъ деревьевъ (Адамовой и Еввиной части), которыя оказываются негодными для постройки. Дивится этому Соломонъ и спрашиваетъ: «Гѣ ѡбрещетѣсе ѡ теѣ повѣлїко? и въпроси демони ѣже дрѣжаше печатїю гнїю. ѡни же реше: знаѣмъ дрѣво нѣ далече кѣ въ ѣдѣмѣ, великочюднѣ и прѣдѣвнѣ (№ 6: на трѣе дѣлѣщїса і паки во ѣдино собирающеса), страшнѣ намѣ ѡ томѣ глѣтї. Соломонъ рѣ: Завѣзую ваѣ азѣ печатїю гнїю ѣже мѣи да бѣ, ѣдете (ѣдете), ѣмете за врьшѣ и за корень и принесете ми зѣе. Шедше дѣмонѣи и възеху дрѣво с коренѣмъ, ѣздрѣваше главу адамову въ коренїи и принесоше въ Тѣрлїмѣ. Сѣсекѣше дрѣво въ коренѣи и прѣмерише дрѣво на землї прѣсоса. на црѣвѣи несѣса вѣлїко»¹⁾. — И это дерево пришлось «приклонить къ церкви»....

Въ корнѣ дерева, принесеннаго демонами, осталась Адамова голова, и никто не зналъ, гдѣ она. «Соломонъ ѣзѣде на лѣвъ да лѣвїтъ, и въземъ ѣго бѣра напрасна. ѣдинъ ѡтрокъ ношаше црѣву свѣтоу горнѣ (№ 6: вѣрхнюю) и не оѣгодїсе сѣ прѣмѣ. виде пѣщеру и вѣниде въ неѣ, сѣ собою ѣмаше хрѣта и гѣстреба и седеци видетѣи пещерѣ бѣ кѣсть, а не камень. Егѣа прѣста бѣра, ѣзѣде ѡтрокъ и ѡбрѣте црѣа. и рѣ Соломѣ: ѡ члѣче, како тѣи моѣю свїту ѡнѣ, а менѣ бурѣ потѣпї? и рѣ: повежѣ ми, что тѣи несї ѡбурѣ? ѡтрокъ рѣ ѣму: Гїи, видехъ пещеру и вѣнидоѣ въ неѣ, кѣнѣ моѣи вѣнеоѣду стоѣаше, азѣже сѣ хрѣтомѣ і гѣстрѣбѣмъ вѣнидоѣ, и вѣидехъ — кѣсть, а не камень пещерѣ тѣ. Црѣ на оѣтрїе ѣде и ѣчїстѣи кѣсть ѡ коренїа и ѡ прѣстѣи... и позѣа

¹⁾ Такъ въ № 2; въ № 4: и примѣрився на земли древо и прѣтосоваши, а на церкви не прѣтосоваши; въ № 5: примѣривша ко црѣвѣи на земли и прїсѣгаше выше мѣри, и въздвїгоша его на црѣвѣи и недѣсѣзашеса, — Не заключается-ли въ загадочномъ прѣсоса — црѣвѣи. прѣтосѣ: въ храмѣхъ прѣсовни соломена = τὸν ζύλων αἱ ἱμαντώσει;? Miclosich, Lex. a. v. прѣсовѣ.

Соломонъ, ꙗко то ꙗ Адамова глава, ꙗ прїнесе ю посрѣ^а "Іерлїма, ꙗ посла, ꙗ съидошесе вьси люде, ꙗ рѣ къ нимъ: ꙗко менѣ видите, тако ꙗ вѣ творїте. ꙗ возьмь камнїкъ Соломонъ ꙗ рѣ: Покланѣю тї се, ꙗко ꙗ прьвоѣ тварї бжїе. И врьже камїкъ на главу ꙗ рѣ: Побываемъ те ꙗко ꙗ прѣступника бжїа. Вѣ нарѣ врьгоше каменїе ꙗ сътѣрише литѣстратѣ, єврескї побиень[e]. То бѣ съборїще вьсєму "Іерлїму». — На этомъ древѣ и былъ распятъ Христосъ¹⁾.

Разбирая составъ этого сказанїя мы напередъ выдѣлимъ изъ него эпизодъ объ Адамовой *головѣ* - пещерѣ, найденной Соломономъ во время *охоты*. Неизвѣстно, насколько этотъ эпизодъ отвѣчаетъ содержанїю апокрифа, упоминаемаго славянскимъ индексомъ: «Лобъ Адамль, что седьмъ царей подъ нимъ (въ немъ) сидѣли»²⁾. — Замѣтимъ кстатї, что въ одной группѣ текстовъ *Vitae Adae et Evae*, интерполированныхъ крестной легендой, райское древо (вырастающее въ изголовьї Адама) «*inventata est a venatoribus Salomonis*»³⁾. — Понятно, что славянскїе тексты, возводяще лишь къ чуду Моисея исторїю крестнаго дерева, (Ягичъ, Поповъ), отдѣляютъ отъ него разсказъ объ обрѣтенїи Адамовой головы. «Въ той же днь, егда роди се господъ нашъ,

¹⁾ Текстъ передается по № 2.

²⁾ Лѣтопись занятїй Археографич. комиссїи 1861, вып. II, стр. 39; сл. ib. 53: «Лобъ Адамль, что дванадесѣ служебъ в' немъ и седьмъ царей подъ нимъ сидѣло, и въ Описанїи рвп. Соловецкаго монастыря ч. I (№ 261), стр. 403: «Что три чернцы ходили въ адъ, что Соломона видѣли имуци злато цолїнадило, и діакона Арсенїа, что служилъ во Адамлѣ главѣ». — Исполнскїе черепа встрѣчаются въ сказкахъ. Въ одной чеченской (изъ Ичкерїи) семь великановъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ другихъ, еще большїхъ гигантовъ, находятъ, выѣстѣ съ своими конями, убѣжище въ громадномъ черепѣ. Сл. *Russische Revue* XI, I, стр. 84—7 и подобную-же черту въ осетинскихъ преданїяхъ у Всев. Миллера, *Осетинскїе этюды*, I, отд. 1-й, № XII, отд. 3-й, № I.

³⁾ Meyer, *Gesch. d. Kreuzh.* p. 121; сл. ib. 160: указанїе на *Mystère du viel Testament* (XV в.), гдѣ лозы найдены на *охотѣ* — Исавомъ. Мистерїя эта недавно напечатана Джемсомъ Ротнильдомъ въ изданїяхъ *Société des anciens textes français*. Сл. *Le mystère du viel Testament*, publ.

повѣле наводнити сѣ Ердану, излити сѣ до гроба его и разнести кости его на четыры чѣсти земле, от нѣдоу же бѣ и създанъ, и крестити сѣ костѣмъ его, прѣво Ерданомъ, а вторе моремъ, третие господиномъ нашимъ Ісоу-Христомъ. И вннесенѣ бывши главѣ его въ Ероусалимъ и томуо чюдоу бывшу, течаху на видѣние глави и маали и велиціи и дивлаху са величествоу прадѣда своего глава, бѣше бо іако сѣдети .т. мѣжи въ ней¹⁾. Христось велить положить еѣ на Голгоѣѣ, гдѣ самъ восхотѣлъ смерть вкусить и креститься кровію своею²⁾.

Что касается до главной части сказанія — отъ Сиѳа до построенія Соломонова храма включительно —, то она отвѣчаетъ тому типу крестной повѣсти, который съ XII вѣка является на западѣ преобладающимъ. Матеріаломъ легендѣ послужилъ рассказъ о хожденіи Сиѳа въ рай за елеемъ отъ древа милосердія, въ Апокалипсисѣ Моисея и *Vita Adae et Evae*, и заключительный эпизодъ послѣдняго памятника въ рукописяхъ, восходящихъ къ оригиналу ок. 730-го года³⁾: по просьбы Еввы «*Seth fecit tabulas lapideas et luteas et scripsit in eis vitam patris sui Adae et matris suae Evae quam ab eis audivit et oculis suis vidit et posuit tabulas in medio domus patris sui in oratorio ubi orabat dominum, et post diluvium a multis videbantur hominibus tabulae illae scriptae et a nemine legebantur. Salomon autem sapiens vidit scripturam et deprecatus est dominum et apparuit ei angelus domini dicens: ego sum qui tenui manum Seth, ut scriberet cum*

---

par le baron James de Rothschild, t. II, p. 140—1. Сообщаю надписаніе соотвѣтствующей сцены: Il (Esau) voyt les arbres de la croix et les oyseaux qui les adorent, et partent lesditz troys arbres d'une mesme souche et tige, et portent divers feuillages et fruyt.

¹⁾ Эти подробности о крещеніи Адама и о величій его головы нашли себѣ мѣсто въ «Чтеніи отъ Адама» (Вопросы и отвѣты). Сл. Jagić, *Prilozi*, p. 42.

²⁾ Jagić, *Opisi I*, p. 88—9.

³⁾ Meyer, *Vita* p. 210, 218—19, 244; сл. варьянтъ на стр. 250 (и о рукп. p. 218).

digito suo lapides istos, et eris sciens scripturam, ut cognoscas et intelligas quid contineant lapides isti omnes et ubi fuerit oratorium, ubi Adam et Eva adorabant dominum deum, et oportet te ibi *aedificare templum domini, id est domum orationis. Tunc Salomon supplevit templum domini dei.* Къ заключительной подробности этого разсказа естественно могло приурочиться райское древо Сіѳа, когда оно явилось замѣной «селея отъ древа милосердія» и оказалось негоднымъ въ постройку древняго Сіона, — какъ камень Писанія, отверженный строителями, а впоследствии оказавшійся «краеугольнымъ»¹⁾.

Какимъ образомъ попало Сіѳово древо къ Соломону — на это Слово отвѣтило, разработавъ легенду о построеніи храма согласно съ извѣстнымъ талмудическимъ разсказомъ о созданіи Соломонова храма и повѣрьемъ о власти Соломона надъ демонами; они-то и доставляютъ ему древо съ гробницы Адама у Эдема. — Другіе, между прочимъ, западные разсказы того-же типа, не знаютъ о такомъ участіи демоновъ и по своему отвѣтили на вопросъ. Деревья для храма доставлялись Соломону съ Ливана: Ваз. γ', V, 8—9: *ξύλα κέδρινα καὶ πεύκινα οἱ δούλοι μου κατὰξουσιν αὐτὰ ἐκ τοῦ Λιβάνου*²⁾; тамъ, стало быть, найдено было и крестное древо, *ливанитовъ* крестъ нашей народной поэзіи³⁾. Старофранцузское описаніе Иерусалима (*La citez de Iherusalem*) говоритъ о дровѣ Сіѳа, выросшемъ у изголовья Адама, что воды потопа вырвали его съ корнемъ, въ которомъ находилась Адамова глава, и перенесли на *Ливанъ*, гдѣ оно и было срублено для храма⁴⁾. — Въ основѣ лежитъ память о ливанскихъ порубкахъ Соломона, какъ и у *Jacobus de Voragine*:

¹⁾ Сл. Разысканія III 4—5.

²⁾ Сл. ливанскіе кипарисы, кедры и сосны у Исайи гл. V, 11, въ Псалмѣ 103 и т. п. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обычныя деревья крестной легенды.

³⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 174.

⁴⁾ Meuser, *Gesch. d. Kreuzh.* 119. Сл. выше легенду объ Адамовой главѣ въ пересказѣ Максима Грека, стр. 407—8.

legitur quoque alibi, quod angelus eidem (Seth) ramusculum quandam obtulit et jussit, quod in monte *Libani* plantaretur¹⁾. —

Такъ объясняется Ливанская локализація и въ группѣ сказаний, которая выводитъ на сцену сына Ноева, Ионита. У Готфрида изъ Витербо онъ садитъ райскія лозы, очевидно, на Ливанѣ, ибо далѣе говорится.

25 Dum montis *Libani* succidi silva iubetur,
arboris illius species miranda videtur;

Давидъ велитъ срубить его, а Соломонъ впоследствии пытается употребить его на постройку храма. Такъ и въ обѣихъ драмахъ Кальдерона, съ тою разницей, что дерево велитъ срубить Соломонъ. I Fioretti della Bibbia замѣнили это приуроченіе другимъ: Jericho = Ionitus насаждаетъ лозы — въ пустынѣ. Это измѣненіе оказалось необходимымъ, потому что авторъ Fioretti, слѣдовавшій тексту вульгарной, сводной легенды о крестномъ деревѣ, пожелалъ комбинировать сказаніе о Ионитѣ, которое легенда не знаетъ, съ ея эпизодомъ: о Моисеѣ, нашедшемъ чудодѣйственныя лозы въ Хевронѣ. Но въ Хевронѣ (либо въ рай) приходилъ за тѣми-же лозами и Ионитъ, пересадившій ихъ на Ливанѣ. Авторъ Fioretti, либо его источникъ, сводятъ эти легенды такимъ образомъ, что въ Хевронѣ идетъ Ионитъ, но лозы посажены имъ не на Ливанѣ, что помѣшало-бы дальнѣйшему приуроченію, а въ пустынѣ, гдѣ Моисей и находитъ ихъ.

Во всемъ этомъ, какъ и въ судьбахъ легенды о Ноевой лозѣ, разсмотрѣнныхъ выше, видны попытки свести къ рамкѣ одного, излюбленнаго легендарнаго типа разнообразіе символическихъ типовъ, въ которое сложилось крестное сказаніе. Крестъ — это вѣтка Сива, это лозы (= жезлы) Моисея, виноградная лоза Ноя, либо дерево, взращенное изъ головней усердіемъ раскаявшагося грѣш-

¹⁾ Meyer, ib. 124.

ника. Всѣ эти сказанія, отвѣчавшія одной и той-же прообразовательной идеѣ, могли существовать самостоятельно: циклическій сводъ монаха Андрея начинается съ заключительнаго эпизода *Vitae Adam et Evae*: о дскахъ Сивѣ, найденныхъ Соломономъ, и — рассказываетъ исторію Моисеева дерева до построения Соломонова храма (и далѣе), стало быть, по плану извѣстной намъ славянской статьи, изданной Ягичемъ и Поповымъ — Литературная судьба этихъ отдѣльныхъ сказаній на западѣ и у насъ была различна. Три изъ нихъ (дерево Сивѣ, лоза Моисея, дерево-головня Лота) попали у насъ въ Сводъ, приписанный какому-то Григорію и приурочились въ новый планъ такимъ образомъ, что *три дерева* были распределены между Спасителемъ и двумя разбойниками, въ соответствии съ тремя частями одного и того-же райскаго дерева: Господнею, Адамовой и Еввиной. Планъ, по которому распределился весь этотъ матеріалъ указываетъ, какъ на исходную точку отравленія, на Слово объ Адамѣ и хожденіе Сивѣ. Во всѣхъ семи текстахъ, бывшихъ у меня подъ руками, и въ описаніи восьмага (Пуб. Библ. № LVI) распорядокъ одинъ и тотъ-же:

- 1) Хожденіе Сивѣ: дерево изъ вѣнца Адамова.
- 2) Разсказъ о второмъ древѣ: головни Лота.
- 3) Дерево Моисея (въ № 1 нѣтъ этого эпизода, какъ и всѣхъ слѣдующихъ).

4) Вопросъ: откуда взялись тѣ три дерева? Разсказъ о насажденіи Сатанаила (нѣтъ въ № 6 и ркп. Пуб. Библ. LVI).

5) Соломонъ достаетъ всѣ три дерева для постройки храма.

Рамка своднаго разсказа (Сивѣ — постройка Соломона) отвѣчаетъ той, въ которую вылились западныя крестныя сказанія, но она наполнена иначе. На западѣ *дерево Сивѣ* исключило остальные, легенды о нихъ послужили матерьяломъ для распространенія одной, распространенія часто неудачнаго, иногда противорѣчиваго (сл. Лютвина и Кальдерона); въ рамки этой одной легенды вошла подъ конецъ большая часть сказаній о крестѣ.

Оба типа сосуществуют, такъ сказать, въ Шестодневѣ св. Анастасія Синаита (VII в.)¹⁾: съ одной стороны говорится о Спасителѣ, что онъ «*in crucis ex tribus arboribus confectae ligno rescubuerat et obdormierat*» (lib. V), — что, можетъ быть, указываетъ на тресоставность *древа распятія*, сросшагося во одно изъ трехъ вѣтвей или лозъ; съ другой (lib. VII) *три креста*, на Голгоѣ сближаются съ тремя древами въ Эдемѣ. «*Tria ligna erant in paradiso: unum quidem ut vesceretur homo; alia autem duo, alterum quidem lignum vitae, alterum autem lignum cognoscendi bonum et malum: propterea tria quoque ligna confixa sunt in horto Golgotha seu Calvariae; unum quidem lignum latronis qui fuit servatus, ut per ipsum percipiamus non diffluentem fructum theologiae, sicut ille paradisum, et eo vescentes laetemur, non semel sed semper eum comedentes. Crux Christi est lignum vitae, in quo in altum sublatus fuit botrus maturus, et vita nostra ante nos visa est suspensa, cujus virtute multi etiam ex monumentis, vivificati, sunt excitati. Lignum autem cognoscendi bonum et malum fuit crux blasphemantis, quae in bonum illi fixa fuerat, si voluisset; in malum autem illi cessit, cum temere ab ingrato animo linguam extendisset, et pro Dei laudatione Deum blasphemasset et comedisset mortem et interitum. Tres rei peccarunt in paradiso, Adam, et Eva, et serpens, ex quibus duo quidem sunt salvati, unus autem periit. Cum ita propterea tres rei penderent in Calvaria (nominabatur enim etiam Dominus peccatum, etiamsi propter ipsum non esset reus ac condemnatus, et cum non esset, solum haberet quod diceretur), unus latro ingratus, cum esset typus diaboli et serpentis et Iudae qui se in ligno suffocavit, periit.* Параллелизмъ Эдема и Голгоѣ развивается и далѣе: «*illic diabolum et serpentem (въ Эдемѣ), hic Pilatum et Caipham (при крестномъ страданіи); hinc et hinc Adamum et Evam et medium lignum; et hic blasphemantem hinc latronem et illinc alium deum laudantem, et medium lignum, sed crucis*».

¹⁾ Migne, Patrol. graec. t. LXXXIX p. 917 и 944—946.

Такимъ образомъ идея нашего Свода оказывается довольно древнею, но ея разработка обличаетъ вліяніе противоположнаго легендарнаго типа: намъ говорятъ не о трехъ древахъ въ Эдемѣ, а о трехъ частяхъ - стволахъ *одного* и того - же, райскаго.

Популярность сказанія о *трехъ* крестныхъ древахъ не стоитъ ли въ связи съ распространеніемъ извѣстной повѣсти объ обрѣтеніи царицей Еленой *трехъ* крестовъ распятія, «честныхъ», «Христосовыхъ» крестовъ сербскихъ и болгарскихъ пѣсень ¹⁾, изъ которыхъ одинъ, послужившій праведному разбойнику, перенесенъ былъ, по преданію, на островъ Кипръ, гдѣ творилъ чудеса, «носимъ на въздухъ»? ²⁾.

V.

Возвращаясь еще разъ къ западной легендѣ о древѣ Сноа, замѣтимъ, что не всѣ отдѣльныя крестныя сказанія исчезли въ ея поглощающей компиляціи. Нѣкоторыя, правда немногія, остались въ сторонѣ: такъ легенда о головняхъ Лота, неизвѣстная мнѣ въ западныхъ пересказахъ нашего цикла, тогда какъ, наоборотъ, въ нашемъ Словѣ не видно участія Давида и нѣтъ типическаго эпизода: о царицѣ Савской = Сивилѣ, не рѣшающейся вступить на древо спасенія и вбродъ переходящей черезъ потокъ ³⁾. — Изолированной оказывается и повѣсть объ

¹⁾ Безсоновъ, Калѣки II № 437, 438; Качановскій, Памятникъ болгарскаго народнаго творчества, вып. I, № 2, 3. «Три стѣрка босилѣкъ», обрѣтенные Еленой на мѣстѣ находженія крестовъ, напоминаютъ подобное-же греческое повѣрье, добавляющее, что и названіе растенію (*βασιλικός* = царскій) дано было царицей. Сл. Амарантосъ или розмъ возрожденной Эфлады и т. д., стр. 47, прим. а, и выше стр. 242, прим. 1.

²⁾ Путешествіе Игумена Даниїла, изд. Норова, стр. 12—13 и прим. 2; Wilbrand de Oldenburg у Laurent, Peregrinatores p. 180—1.

³⁾ Что этотъ эпизодъ западныхъ крестныхъ легендъ возникъ изъ рассказовъ объ искушеніи Соломономъ царицы Савской, вступившей

Авраамовомъ древѣ, отнесенная г. Мейеромъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, въ одну группу съ Гервасіемъ изъ Tilbury, Никодимовымъ Евангелиемъ и друг. ¹⁾ Мнѣ не разъ приходилось касаться этой легенды ²⁾; я возвращаюсь къ ней еще разъ съ нѣкоторыми новыми подробностями ³⁾.

Тысячу лѣтъ спустя по грѣхопадѣніи Адама и Евы древо жизни перенесено было въ вертоградъ Авраама. Ангелъ говоритъ ему, что на томъ дрѣвѣ распяты будутъ Сынъ Божій, и что отъ цвѣта того дерева родится витязь, который, безъ помощи жены, произведетъ на свѣтъ мать дѣвицы, предызбранной Господомъ стать матерью Его Сыну. — Всѣ совершается такъ, какъ предрекъ ангелъ: дочь Авраама забеременѣла, понюхавъ цвѣтокъ съ того дерева. Иудеи обвиняютъ её въ порочной жизни и принуждаютъ доказать свою невинность — божьимъ судомъ: она ввержена въ огонь, но огненные языки чуднымъ образомъ обращаются въ розы и лиліи. У ней родится сынъ, излюбленный господомъ, по имени Фануилъ, становящійся впоследствии императоромъ. Плоды древа жизни служили ему средствомъ — врачевать недужныхъ и прокаженныхъ. Однажды, онъ разрѣзалъ одинъ такой плодъ, чтобы раздѣлить его между больными, а сокъ,

---

въ мнимую воду, на это давно указано мною въ моихъ Опытахъ II, 1, 245 слѣд.; см. еще мою «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», стр. 142—3: о такомъ-же испитаніи Навуходоносорома (сыномъ Соломона и царицы *Савской* = Южской, либо Лузія и царицы *Савы*) своей невѣсты, персидской царевны.

¹⁾ Meyer, l. c. p. 120.

²⁾ См. мой разборъ сборника Чубинскаго, въ 22-мъ присужденіи Уваровскихъ премій, стр. 12—17; сл. Разысканія IV, стр. 68 прим. 1.

³⁾ Извлеченія изъ легенды см. у Leroux de Lincy, *Le livre des légendes* p. 24; въ *Histoire littéraire de la France XVIII* p. 834—6; напеч. Лассбергъ: *Ein schoen alt Lied von Grave von Zolre dem Oettinger und der Belagerung von Hohen—Zolren etc. in druck ausgegeben durch den alten Meister Sepp (Freiherrg von Lassberg) стр. 67—80. См. также Stengel, Mittheilungen aus franz. Handschriften der Turiner Bibliothek p. 20, Anm 21. Далѣе рассказъ сообщается сводный.*

оставшійся на лезвѣ ножа, отеръ о колѣно. Оттого его колѣно «поносъ понесло», и по прошествіи девяти мѣсяцевъ родилась красивая дѣвочка: это была св. Анна, мать Маріи. — Исполненный стыда и недоумѣнія, Фануилъ поручаетъ одному изъ своихъ рыцарей отнести дѣвочку въ дремучій лѣсъ и тамъ убить, дабы никто не узналъ, что съ нимъ приключилось. Рыцарь готовится исполнить данное ему повелѣніе, когда съ неба является голубъ, садится къ нему на плечо и вѣщаетъ: пусть онъ не убиваетъ ребенка:

De ly naistra une puceille
En cui Dieux char et sanc prendra
Quant il en terre descendra.

Рыцарь покидаетъ дѣвочку въ гнѣздѣ лебедей, гдѣ её стережетъ лань, питая её своимъ молокомъ, убаюкивая цвѣтами:

Chascun jor ert desos le ni:
Quant li enfes jetoit .I. cri,
D'um des flors le rapaisoit
Tant que li enfes s'endormoit.

Фануилу сообщаютъ между тѣмъ, что его приказаніе исполнено.

Десять лѣтъ спустя онъ отправляется на охоту, сопровождаемый своимъ сенашалемъ, Іоакимомъ, который (либо: самъ императоръ), преслѣдуя лань, добирается до лебединого гнѣзда, откуда слышитъ дѣтскій голосокъ: красивая дѣвочка запрещаетъ ему убить животное, называя себя по имени, Фануила — своей матерью. — Впослѣдствіи отецъ и дочь узнаютъ другъ друга, а Фануилъ, по просьбѣ Іоакима, отдаетъ ему руку своей дочери.

Чудесное зачатіе отъ цвѣта или плода принадлежитъ къ столь распространеннымъ сказочнымъ мотивамъ, что желающему остаться въ чертѣ апокрифа приходится сдѣлать выборъ. Сообщенная легенда представляетъ два эпизода: 1) чудесное

оплодотвореніе цвѣтомъ (дочь Авраама) и 2) рожденіе отъ бедра (Фануилъ).

1) Дочь Авраама родить отъ цвѣта крестнаго дерева Фануила, отца св. Анны. Другое французское преданіе, отмѣченное, какъ апокрифическое, въ поэмѣ «*sur la Conception*», перенесло зачатіе отъ цвѣта — на св. Анну:

Anne de Bethleem fu nee,
 De flour ne fu pas engenee,
 Ce saichiez vous certainement,
 Meis d'omme conseue charnellement.
 Celles et cil soient confondu
 Qui croient un roman qui fu,
 Qui dist que de flour fust venue
 Sainte Anne et engeneue.

Имена Фануила и Анны въ этомъ преданіи едва-ли слѣдуетъ объяснить простымъ смѣшеніемъ — съ Фануиломъ, отцемъ Анны пророчицы (Paganom. I с. 8). Я указалъ на значеніе еврейскаго *Rhénuel, Rhéniel*: *ликъ Божій*. Съ этой точки зрѣнія легенда, въ пересказѣ поэмы *sur la Conception*, получаетъ особое значеніе: самъ Господь созидаетъ отъ цвѣта (или плода) жену, которую предназначилъ быть бабкой своему сыну. — Малорусское преданіе¹⁾ выражаетъ то-же воззрѣніе, но переноситъ его на *Богородицу*: Господь сотворилъ Адаму жену «зъ рожи», но тотъ ея недоволенъ: «Не хочу жінки зъ цвіту, якъ бы мені така жінка, якъ и я». Тогда Господь сотворилъ Еву изъ ребра Адама и спрашиваетъ его: какая изъ двухъ лучше? «А Адамъ каже: «Уже жъ певно мені лучче нехай тая, що зъ мого ребра». А Богъ: «Ну, а мені здаеться, що тая, що зъ цвіту; я її дамъ сыну своєму за матіръ». — Наконецъ въ болгарскомъ народномъ апокрифѣ рожденіе отъ цвѣта приписано *Спасителю*. Господь размышляетъ: «какъ може, само съ духъ-тъ мой да ми са роди синъ на земж-тж прѣдъ сячки свѣтъ!» Дьяволь совѣтуетъ ему: «Земи, че направи

¹⁾ Чубинскій, Труды, I. с. I, стр. 145—147.

отъ босиллѣкъ - цвѣтъ кидж киткж, тури жъ въ пазухж и да прѣспишь съ неж кидж ношть, като си намислишь, че желаншь да ти са роди синъ отъ духъ божи, и, штомъ като станешъ, да ж проводишь на благочестивж цѣломждж Маринж, сестру Йордановж, за да ж подуши, и ты ште стана непразна». Этотъ цвѣтокъ архангелъ Гаврилъ подаетъ Дѣвѣ Маріи. «Тя зела киткж-тж и ж помирисала. Слѣдъ два-три дена Марита станжла лжфусна¹⁾».

2) Св. Анна родится отъ бедра Фануила, на которое попалъ сокъ отъ райскаго плода. Я привелъ въ параллель греческую сказку съ Закиноа, напомнившую Б. Шмидту²⁾ многи о рожденіи Аэины и Діониса: о благочестивомъ царѣ - дѣвственникѣ, желавшемъ имѣть потомство; ангелъ вѣщаетъ ему, что у него родится дочь отъ икры (у ноги); вскорѣ послѣ того икра у него распухла и, когда разъ на охотѣ онъ накололъ еѣ терніемъ, оттуда выпорхнула дѣвушка, вооруженная съ ногъ до головы. Господь, особенно еѣ любившій, даетъ ей въ приданое даръ предвидѣнія, «возведя еѣ какъ бы въ значеніе богини».

Въ мадагаскарской сказкѣ³⁾ такъ именно родится первая жена. Господь поставилъ перваго человѣка въ великолѣпномъ саду, полномъ плодовъ, запретивъ ему что-либо ѣсть или пить. Злой демонъ, принявъ видъ свѣтлаго духа, явился ему посланникомъ съ неба, повелѣвая ему дѣлать то и другое. Человѣкъ повиновался. Вскорѣ послѣ того у него появилась опухоль, лѣзущая черезъ шесть мѣсяцевъ; оттуда вышла красивая дѣвушка, на которой первый человѣкъ и женился: она стала матерью всего людскаго поколѣнія.

Ближе всего подходитъ ко второму эпизоду французской легенды слѣдующая румынская сказка⁴⁾. Жили были старикъ

1) Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы, стр. 432.

2) B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder № 6.

3) Baring-Gould, Legends of old-testament characters, I, 20. Сл. Wolf, Deutsche Märchen und Sagen, № 198 и прим.

4) Rumänische Märchen, übers. von Mite Kremnitz, № X.

и старуха, старые — престарые, и не было у нихъ дѣтей, къ великому ихъ горю. Всѣ средства они испытали, наконецъ старикъ рѣшается пойти куда глаза глядятъ, попытаться — не достанетъ-ли онъ ребенка. Въ глухомъ лѣсу древній пустыльникъ, которому онъ повѣдалъ о своемъ желаніи, даетъ ему яблоко; благословилъ его, разрѣзалъ по поламъ и говоритъ: эту часть съѣшь самъ, а эту отдай своей женѣ. На обратномъ пути старикомъ овладѣла жажда; не найдя нигдѣ воды, онъ вспомнилъ о яблокѣ и съѣлъ — не ту часть, которая была предназначена ему самому. Съѣлъ и заснулъ мертвымъ сномъ; ангелъ Господень сталъ у него на стражѣ, а когда старикъ проснулся, увидѣлъ рядомъ съ собой барахтающеюся въ травѣ хорошенькую дѣвочку. Ангелъ принесъ травы босилька и воды, освященной въ раю девять лѣтъ назадъ, и окрестилъ дѣвочку, которой далъ имя Розы. — Счастливый старикъ отправился домой съ найденнымъ; придя къ своей землянкѣ, положилъ дѣвочку въ квашню, а самъ пошелъ звать старуху полюбоваться на нее; пока онъ ходилъ, огромный грифъ унесъ ее въ гнѣздо, гдѣ однако птенцы не разорвали ее, а, напротивъ, принялись кормить крошками, уложили и прикрыли отъ холода.

Недалеко отъ того дерева ¹⁾ находился ядовитый колодезь, а въ немъ двѣнадцатиглавый змѣй. Всякій разъ, какъ подрастали птенцы грифа и готовы были отлетѣть отъ гнѣзда, огненные головы протягивались изъ колодца и пожирали ихъ. Такъ могло случиться и въ эту ночь; уже показались двѣ головы, какъ раздался громъ, въ облакѣ явился архангелъ съ мечемъ въ рукѣ и принялся поражать чудовище, продолжавшее высывать изъ колодца все новыя и новыя головы. Падая отъ меча, онѣ такъ сильно ударялись о дерево, что листья на немъ облетѣли; всё кругомъ залито было кровью и ядомъ. Архангелъ окропилъ мѣстность святой водою, кровь собралась въ одно мѣсто и про-

¹⁾ Позднѣе говорится о двухъ деревьяхъ.

валилась вмѣстѣ съ головами и колодцемъ, а въ лѣсу стало чисто и свѣтло. Когда на утро вернулся къ гнѣзду старый грифъ, онъ подивился этой перемѣнѣ и тому, что дѣвочка не съѣдена. Онъ догадывается, что чудо совершилось ради нея, и начинаетъ её холить: устраиваетъ ей изъ цвѣтовъ и моху гнѣздо, въ которой вѣтеръ качалъ её, какъ въ колыбели. И она вырастаетъ здѣсь до несказанной красоты, которою любитъ сама природа. Однажды, погнавшись на охотѣ за звѣремъ, царевичъ зашелъ въ чащу, гдѣ стояло дерево съ гнѣздомъ грифа, цѣлится въ грифеня, но тотчасъ-же опустил лукъ: такъ поразила его красота дѣвушки, которую онъ напрасно умоляетъ къ нему спуститься. Опечаленный онъ возвращается домой; на другой день царскій указъ объявилъ большую награду тому, кто приведетъ красавицу. Удастся это какой-то горбатой старухѣ— и сказка кончается бракомъ.

Сходство этой сказки со второй половиной легенды о Фануилѣ ясно: тоже рожденіе отъ яблока—безъ участія женщины; дѣвушка въ гнѣздѣ, охота; но важнѣе мистическіе элементы разсказа: двойное явленіе ангела и его борьба съ змѣемъ, головы котораго то протягиваются къ дереву, то, ударяясь о него, дѣлаютъ его безлистнымъ. Вспомнимъ, что въ легендѣ о Фануилѣ дерево является — крестнымъ ¹⁾, на немъ будетъ распятъ Спаситель; укажемъ съ другой стороны, что образъ сухаго дерева, безъ коры и листьевъ, съ змѣей вокругъ ствола, съ ребенкомъ на вершинѣ или — въ гнѣздѣ пеликана — принадлежитъ спеціально крестной символикѣ ²⁾. Эти сопоставленія позволяютъ предпо-

---

¹⁾ Крестное древо въ саду Авраама не стоитъ-ли въ связи съ Авраамовымъ дубомъ въ Хевронѣ, о которомъ ходила легенда, что онъ выросъ изъ жезла, воткнутаго въ землю ангеломъ? Легенда эта привязана съ разсказу о посѣщеніи Авраама ангелами и о дотолѣ неплодной Саррѣ. Отъ этихъ давнихъ отправилось, быть можетъ, и развитіе французскаго сказанія.

²⁾ Сл. Разысканія IV, 60.

ложить за румынской сказкой какое-нибудь забытое отреченное сказаніе, которое послужило-бы къ объясненію легенды о Фанулѣ по крайней мѣрѣ на столько-же, на сколько вообще славянскіе апокрифы о крестномъ древѣ — проливаютъ свѣтъ на запутанную генеалогію западныхъ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ VI-й главѣ.

Къ стр. 17, съ четвертой строки снизу, напечатано по недосмотру: «Подъ № 23 встрѣчаемъ: «Слово ω Сивилѣ і ω Давидѣ цари», вѣроятно, тождественное съ напечатаннымъ мною по списку проф. Дринова въ Архивѣ проф. Ягича». Слѣдуетъ читать: «... тождественное съ преданіемъ о Сивилѣ-Самовилѣ, сообщенномъ мною въ Опытахъ по исторіи развитія христіанской Легенды I, 1, стр. 292—3, II, 1, стр. 251—2». — Согласно съ этимъ надо такимъ образомъ измѣнить редакцію примѣчанія 2-го (стр. 17—18): «Другое болгарское преданіе о Самовилѣ напечатано мною въ статьѣ: Zur Bulgarischen Alexander-sage» и т. д.

Къ стр. 40—53, стр. 222—223 прим. 2: *Къ молитвѣ св. Сисинія* (Дубровинъ, I, II, стр. 126; сл. стр. 122). По повѣрью Грузинъ *ами* — духъ женскаго пола, гибельный для новорожденныхъ, которыхъ онъ умерщвляетъ, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али живетъ вездѣ, преимущественно въ Базалетскомъ озерѣ, гдѣ она плещется и поетъ сладострастныхъ пѣсни. Противъ нея существуетъ слѣдующая молитва, которую просимъ сличить съ собраннымъ выше матеріаломъ для молитвы св. Сисинія.

«Насъ было три брата, во имя св. Троицы, и носили мы каждый двойное имя: Арозъ - Марозъ, Эмброзъ - Эдварозъ, Эвмарозъ - Ангюхось. *Охотились мы на поля дамасскомъ*, гдѣ есть *гора*, изобилующая оленями, и напали мы на слѣдъ прямой—

превратный: пятки прямая, а животь наоборотъ, спина прямая, а лицо на оборотъ. Отправились мы по тому слѣду и увидѣли стоящую въ пещерѣ *дѣвушку*: волосы у нея пурпурные, зубы жемчужные. Мы спросили *ихъ*: кто вы? и какъ ваше имя? Она отвѣчала: Я — али, нечистая сила, что прихожу къ родильницѣ, хватаю её за волосы и удавливаю вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тутъ мы обнажили мечи и стали поражать злодѣйку. Тогда начала она умолять насъ и сказала съ клятвою: Господа мои, пощадите меня, и я впредь на сто миллионовъ триста восемнадцать *стадій* не осмѣлюсь приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произносить *наши имена* или будетъ находиться *хартія съ нашими именами*. — Явились свв. архангелы Михаилъ и Гавриилъ; выпелъ черный всадникъ, ведя черного коня, въ черной сбруѣ, съ черной плетью. Съѣлъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: Куда ѣдешь, злодѣй смрадный, съ зубами ядовитыми? Отстань отъ сего раба Божія и войди въ голову дракона. Христось, Богъ милосердія, благиости и отрады! помоги, Матерь Христа Марія, и даруй облегченіе рабу Божію».

Несомнѣнно, что въ приведенномъ заговорѣ смѣшаны два: одинъ, отвѣчающій типу молитвы Сисинія, кончался, вѣроятно явленіемъ ангеловъ (сл. напр. арх. Михаила въ молитвѣ, приписанной Іереміи Богомилу, выше стр. 40; его-же въ рум. «чудесахъ св. Сисоя», стр. 48; ангеловъ въ буслаевскомъ заговорѣ и др. 48—50), другой могъ начинаться встрѣчей ангеловъ съ чернымъ всадникомъ; сліяніе произошло въ этомъ мѣстѣ. — Искаженія перваго заговора ясны сами собой: два брата греческой молитвы (Сисиній и Сисинодоръ) обратились въ трехъ, и ихъ имена замѣнены новыми; нѣтъ моря, осталась гора, какъ въ позднѣйшихъ румынскихъ и славянскихъ текстахъ. Для источника одной особенности, отличающей новый румынскій пересказъ легенды о Сисиніи отъ древняго, важна подробность грузинскаго заговора: *что братья охотятся*, какъ тамъ *Сисиній съ братьями* (р. 46). Главное искаженіе постигло всё, что касается али = Гилу греческой молитвы. Въ послѣдней является *одинъ демонъ съ нѣ-*

сколькими именами; въ позднѣйшихъ ея отраженіяхъ, напр. русскихъ, эти имена обратились въ столькожъ-же демоновъ. Грузинскій заговоръ стоитъ на перепутьи къ русскимъ варьянтамъ: али одна; но далѣе говорится: мы спросили ихъ, они отвѣчали, наши имена. — За грузинскимъ текстомъ стоитъ какой-нибудь утраченный греческій (?) оригиналъ, гдѣ вмѣсто Аравіи легенды, изданной Алляціемъ, упоминалось дамасское поле.

Нѣсколько заговоровъ отъ трясавицы, сисяннѣвскаго типа и съ перечнемъ именъ, напечатаны въ Трудахъ этнограф. стат. эксп. и т. д. I р. 119—120 и Ефименкомъ въ Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2-я, №№ 41—44, 46. Замѣтимъ особенно № 43: *демонъ одинъ, Сисяннѣй, вѣдъ отъ горы Синайскія, обрѣте бѣсица, имуща очи разжены и руже желѣзны и власы верблюжіе*. На вопросъ святаго она начинаетъ сказывать свои имена; первое изъ нихъ *вящица*, какъ въ румынскихъ текстахъ статьи (Сисой, Іосифъ; сл. выше стр. 50); у попа Симеона оно приходится вторымъ, упоминается и какъ общее названіе демона: *обрѣтохъ вѣщицъ именемъ Авизою*. Въ архангельскомъ заговорѣ въ такомъ двоякомъ значеніи является *бѣсица*; вотъ приводимыя въ немъ имена: *Вящица, Бѣсица, Преображенница, Убійца, Елина, Полобляющая, Имарто, Арія, Изгѣдущая, Негризущая, Голяда, Налукія*. —

Замѣтимъ, что имена родовыхъ дочерей встрѣчаются не въ однихъ только заговорахъ отъ трясавицы. Такъ у Ефименка, I. с. р. 161, 164: въ молитвѣ отъ нечистаго духа; у Майкова, Заклинанія № 28: въ присушкѣ; въ Трудахъ этногр. стат. эксп., I. с. I, 115—116: въ заговорѣ отъ *«бешыжи»* (рожи): *«бехъ Иродовъ сынъ, а одынацать бешыхъ — дочки Иродовъ»*. Сл. толкованіе заговоровъ у Аѳанасьева, I. с. III р. 81—96.

Что касается до каталонскаго преданія объ Иродіадѣ (сл. выше, стр. 221—2) то оно слѣдующее: рассказываютъ, что однажды разсвѣтъ засталъ её на берегу замерзнувшаго Sigge, а ей надо было перейти на ту сторону, чтобы укрыться въ находившейся тамъ пещерѣ. Только что она дошла до половины

рѣки, какъ ледъ разступился и отрѣзалъ ей голову, когда она была въ его уровнѣ, заставивъ Иродіаду испытать страданія Іоанна Предтечи. Съ тѣхъ поръ вокругъ шеи Иродіады остался знакъ, точно красная нитка. — Сл. Журналъ Мин. Нар. Просв. ч. ССХХІІІ отд. 2, стр. 217—218. — Источникъ этого преданія была, по всей вѣроятности, *Historia ecclesiastica* Никифора Каллиста, lib. I, с. XX (сл. Migne, *Patrolog. gr. t.* 145), рассказъ которой перешелъ въ проповѣди (сл. Schwartz, *Zur Herodias-Sage*, въ *Zeitschrift f. deutsch. Alterth.* XXV, p. 170—173: Abraham a Sancta Clara) и въ народныя повѣрья (сл. Laistner, *ibid.* p. 244—5; R. Köhler, l. с. XXVII, p. 96); сирійскій варьянтъ сообщилъ въ переводѣ Pius Zingerle, *Zs. f. deutsche Mythol.* I, p. 319 (сл. *ib.* p. 102). Сообщаемъ текстъ Никифора: «Ὁ δὲ τῆς θυγατρὸς αὐτῆς (т. е. Иродовой жены) θάνατος . . . τοιοῦδε τις ἦν. Ἐπί τινα τόπον ταύτη δεῖσαν ὥρα χειμῶνος πορεύεσθαι, καὶ ποταμὸν διαβαίνειν, ἐπεὶ περ ἔχεινος κεκρυστάλλωτο καὶ πεπηγὸς ἦν, ὑπὲρ νότου αὐτῆ διῆει πεζεύουσα. Περιβραγέντος δὲ τοῦ κρυστάλλου, οὐκ ἄδειε δὲ πάντως τὸ συμβάν ἦν, κατεβῆ μὲν εὐθὺς καὶ αὐτῆ ἄχρι δῆπου καὶ κεφαλῆς· καὶ ὑπωρχεῖτο σπαργῶσα καὶ ὑγρῶς λιγυζομένη, οὐκ ἐν γῆ, ἀλλ' ἐν ὕδατι. Ἡ δὲ κεφαλὴ τῶ κρῦει παγεῖσα, εἶτα καὶ διαδραυσθεῖσα, καὶ τοῦ λοιποῦ διαιρεθεῖσα σώματος, οὐ ξίφει, ἀλλὰ κρυστάλλῳ, ὑπὲρ τῶν πάγων ὠρχεῖτο καὶ αὐτῆ τὴν ἐπιθανάτιον ὄρχησιν· καὶ ὑπ' ὄψιν ἔκειτο πᾶσιν ἢ μιὰρὰ κεφαλὴ εἰς ὑπόμνησιν ὧν ἔδρασε τοὺς θεωμένους ἀνάγουσα».

Къ стр. 67—78. Интересный варьянтъ *пѣсни о превращеніяхъ* представляетъ пѣсня, которая поется на кумыкскомъ «сарынѣ». Сущность этой игры слѣдующая: составляются двѣ группы, мушницъ и женщинъ. Изъ первой кто-нибудь, приплясывая, выходитъ на середину сакли и начинаетъ говорить на распѣвъ, а мушницы хоромъ повторяютъ послѣднія слова куплета; изъ женской группы также выступаетъ женщина или дѣвушка и отвѣчаетъ мушницѣ, а прочія ей подтягиваютъ, ударяя въ мѣдныя

тазъ. Завязывается споръ, кто кого перетанцуетъ и переговоритъ; на вопросы слѣдуютъ отвѣты. Не рѣдко обѣ стороны бываютъ очень свободны въ своихъ выраженіяхъ, намекахъ и жестахъ; всякая выходка сопровождается взрывомъ общаго хохота. Въ этой игрѣ одна пара смѣняется другою. — Вотъ одна изъ пѣсень, употребляемыхъ въ «сарынь»:

Мущина.

Сѣрне олени бѣгутъ съ поляны,
Прекрасныя дѣвушки любятъ ими.
Скажи, что будетъ, если я тебя поцѣлюю?

Дѣвушка.

Если ты рѣшишься меня поцѣловать,
Я превращусь въ бѣлаго голубя
И улечу подъ небеса — тогда ты что сдѣлаешь?

Мущина.

Если ты улетишь подъ небеса голубемъ,
Я сѣрнимъ ястребомъ нагоню тебя
И тамъ схвачу тебя — ты что тогда сдѣлаешь?

Дѣвушка.

Если ты схватишь меня подъ небесами,
Я обращусь въ рыбу и ускользну въ море,
Тогда, въ морѣ, что ты со мной сдѣлаешь?

Мущина.

Если ты уйдешь въ море,
Я, обратясь въ желѣзный крюкъ, нырну въ море
И тамъ подцѣплю тебя — ты что тогда сдѣлаешь?

Дѣвушка.

Если ты въ морѣ меня подцѣпишь,
Я разсыплюсь просомъ по травѣ,
Тогда ты что со мной сдѣлаешь?

Мущина.

Если ты размылишься просомъ по травѣ,
Я сдѣлаюсь пѣтухомъ и подберу просо.
Тогда ты что сдѣлаешь?

Дѣвушка.

И подѣ небесами, и въ морѣ, и въ травѣ
Ты преслѣдуешь меня; мнѣ остается одно:
Я умру, скроюсь въ сыру землю; мои родные,
Подруги меня ужъ не увидятъ.

Мущина.

Если ты умрешь, твои родные и подруги
Липатся тебѣ; тогда и я умру, лягу
Въ ту-же сырую землю — и тамъ, вмѣстѣ всѣхъ,
Одинъ останусь съ тобою.

Къ стр. 79—80. (*Поэты чиселъ, редакція В*) Къ варьянтамъ, собраннымъ Насдеу, слѣдуетъ присоединить еще слѣдующій кавказскій: богатъ даритъ быка своему пріятелю бѣдняку, съ условіемъ, чтобы черезъ три дня онъ былъ готовъ отвѣтить ему на вопросы, которые онъ предложитъ, иначе пусть заплатитъ ему въ семь разъ стоимость подарка. Нищій, котораго бѣднякъ пріютилъ у себя на ночь, отвѣчаетъ вмѣсто него богачу, ночью постучавшемуся въ дверь съ вопросами: Чего на свѣтѣ одинъ, а не два? — Одинъ Богъ. — Чего два, а не три? — День и ночь (либо: солнце и луна). — Чего три, а не четыре? — Три развода съ женою (при разводѣ съ женою мусульманинъ бросаетъ три камешка). — Чего четыре, а не пять? — Четыре священныя книги, низпосланныя отъ Бога (Новый Заветъ, біблія, псалтирь и коранъ). — Чего пять, а не шесть? — Пять условій исламизма. — Чего шесть, а не семь? — Шесть правилъ при совершеніи намаза. — Чего семь, а не восемь? — Семь небесъ до престола Божія (либо семь земель и семь адовъ). Сборникъ

свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, вып. IV: Фонъ-Плотто, Природа и люди Закатальскаго округа, стр. 49—50. Сл. еще Starine, VI, стр. 53 (Вопросы и Отвѣты, изъ болгарскаго сборника прошлаго вѣка. Отвѣчаетъ «риторъ философъ»); Mite Kremnitz, Rumänische Märchen, № XVI, стр. 201 слѣд.; Luzel, Légendes Chrétiennes de la Basse Bretagne, t. II, 7e partie, № X (Le jeu de cartes servant de livre de messe: комическое примѣненіе мотива). — Къ христіанской символикѣ чиселъ вообще см. S. Melitonis Clavis, cap. XII: De Numeris, у Pitra, Spicilegium Solesmense III, стр. 282 слѣд.; Rev. du Monde Catholique, 4e année, t. IX, № 80: La mystique des églises gothiques par l'abbé Lecanu, p. 651—2.

Къ стр. 97—222: *Святки, масляница и народные потѣшники на Кавказѣ*. Матеріалъ, собранный нами на предъидущихъ страницахъ для исторіи празднованія генварскихъ календъ въ ихъ отношеніи къ современной обрядности Рождества, Новаго года и связанной съ послѣднимъ Масляницы ¹⁾, въ значительной мѣрѣ освѣщается данными соотвѣтствующихъ *кавказскихъ* обычаевъ ²⁾. Къ сообщеніямъ о нихъ мы присоединимъ нѣсколько новыхъ фактовъ, дополняющихъ сказанное въ текстѣ.

Въ *Абхазіи*, въ селеніяхъ смежныхъ съ Самурзаканью, наканунѣ новаго года совершается обрядъ *каланда* или *калинда*. Послѣ ужина въ каждой семьѣ пекутъ большой четырехугольный пирогъ, начиненный сыромъ. Съ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ пирогъ кладутъ на большую доску, прилѣпляютъ къ ней зажженную восковую свѣчу и ставятъ жаровню съ угольями. Члены семейства становятся на колѣни вокругъ пирога, и старшій въ семействѣ, бросивъ ладонь на уголья, *проситъ у Каланды*

¹⁾ Сл. выше, стр. 102—3 и Сахаровъ, Сказанія VII, 73: въ Ярославлѣ *колядовали* на масляницѣ.

²⁾ Сл. Дубровинъ, I. с. I п, 18, 147—152 (сл. ib. 21—22); 230—5; I, г 297—8; Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ VII: Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ р. 20.

счастія и всякаго блага семейству. Пирогъ ѣдятъ, а остатокъ его сожигаютъ, наблюдая особенно за тѣмъ, чтобы обрядъ этотъ кончился непременно до разсвѣта. — Въ самый день новаго года младшіе поздравляютъ старшихъ и дарятъ имъ убитаго дрозда, стараясь во время охоты снять ему пулею голову, чтобы тѣмъ показать свою мѣткость въ стрѣльбѣ. Поздравляющіе получаютъ подарокъ. — О современныхъ отраженіяхъ названія Календы см. выше, стр. 104—5; объ олицетвореніи Коляды-Каланды стр. 210 и прим. 1.

Наканунѣ Рождества *Грузинки* запасаются мѣдными деньгами и печется огромное количество лавашей (тонкія и длинныя прѣсныя лепешки). Толпа мальчиковъ, отъ 10 до 12-лѣтняго возраста, обходитъ каждый домъ и, въ сопровожденіи дьячка, держащаго образъ Божьей Матери, славить Христа. Пропѣвъ: «Рождество твое...», они поздравляютъ хозяевъ и желаютъ имъ встрѣтить много такихъ-же дней; хозяева ихъ отдариваютъ. Молодые люди, собравшись толпою, также ходятъ славить; обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *амло* и сопровождается особой пѣсней, выражающею поздравленіе и просящею, въ награду, однажды на всегда опредѣленную часть напитковъ и сѣстнаго. Почти вся рождественская недѣля служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Наканунѣ хозяйки пекутъ хлѣбы счастія, обсыпанные изюмомъ, отдѣльно для каждаго члена семьи: чей хлѣбъ опадетъ, тому умереть непременно въ предстоящемъ году. Пекутъ *хлѣбъ бакила* или *бацмла*, одинъ въ образѣ чловѣка, въ честь св. *Василія Великаго*, празднуемаго православною церковью въ день новаго года и называемаго у Грузинъ *Бацмла*; остальнымъ хлѣбамъ даютъ разную форму: книги, пялецъ, ножницъ или псра, смотря по ремеслу хозяина. — Знакомые посылаютъ другъ другу всякія сладости съ пожеланіемъ — въ сладости состарѣться. — Вечеромъ и въ теченіи ночи молодежь стрѣляетъ, провожая старый годъ и встрѣчая новый; у всѣхъ домовъ растворены двери, потому что счастье въ эту ночь разгуливаетъ по свѣту.

Въ самый новый годъ хозяинъ дома, поднявшись до свѣта, посѣщаетъ всѣхъ членовъ семейства, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ уставлены хлѣбы счастья, чашка меду и четыре горящія свѣчи, нарочно отлитыя для этого хозяйкою. «Я вошелъ въ домъ, говоритъ онъ, обращаясь къ членамъ семьи: да помилуетъ васъ Богъ! Нога — моя, но слѣдъ да будетъ ангела!» И онъ обходитъ кругомъ комнату, съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ обильно уставленъ его подносъ. — За хозяиномъ долженъ войти кто-нибудь *посторонній*, и каждое семейство имѣетъ *завѣтнаго гостя*, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастье. Въ Тифлисѣ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ сохранились еще древніе обычаи, наканунѣ новаго года, глава семейства ожидаетъ наступленія его, когда семья уже давно покоится на широкихъ тахтахъ. У него заготовленъ *мѣшечекъ съ хлѣбными зернами* и кусочки леденца по числу членовъ семьи. Наступленіе новаго года онъ привѣтствуетъ громкимъ голосомъ, *бросая хлѣбныя зерна во все ушы дома*. Проснувшаяся семья получаетъ отъ отца или дѣда по кусочку леденца, съ пожеланіемъ, чтобы жизнь въ наступающемъ году была такъ же сладка, какъ предлагаемый сахаръ.

Грузинское названіе рождественскаго славленія: *амло* не стоять-ли въ связи съ румыно-славянскимъ припѣвомъ колядокъ: *o! lelom, d'ai Leg-om* и т. д.? (см. выше, стр. 227, прим. 3 и Потебню, Русскій Филологическій Вѣстникъ 1882, II, р. 218 слѣд.). — Хлѣбъ: *бакила* или *бацила*, въ честь (и въ образѣ) Василія Великаго, тождественъ съ сербск. *васильица* (сл. стр. 109); *завѣтный гость* на новый годъ отвѣчаетъ сербскому *полажайнику* (стр. 108 прим. 2 на стр. 107—108), *обсыпаніе зерномъ* такому же обряду славянскому и новогреческому (стр. 107, 123, 126).

По связи масляничной обрядности съ святочной (сл. стр. 102 — 103) отмѣтимъ нѣсколько подробностей грузинской масляницы. Интересно въ ней участіе странствующихъ *пѣнцовъ-музыкантовъ*, вооруженныхъ инструментомъ, похожимъ на волюнку, и за нѣ-

сколько грошей поющихъ передъ домомъ хвалебную пѣсню его хозяину. — По улицамъ ходятъ мальчикъ, наряженный старикомъ и называемый *берика*: онъ пляшетъ и кривляется передъ каждымъ проходящимъ и неотступно выпрашиваетъ денегъ. Этотъ-же самый *берика* носить иногда названіе *дато* (медвѣдь), когда принимается въ хороводы женщинъ, изображая изъ себя звѣря, упоминаемаго въ пѣснѣ. — Сидѣльцы лавокъ пускаютъ другъ въ друга большой мячъ, съ крикомъ: *клеріаріа* (груз. масляница), или, накинувъ на себя запыленную рогожу либо обрывокъ войлока, бросаются какъ пугало на сосѣда и привѣтствуютъ его съ масляницей. Въ сумерки, въ предмѣстьѣ города, разгарается кулачный бой, а въ деревняхъ играютъ въ чаличи (жгутъ): нѣсколько человекъ въ чертѣ круга получаютъ ловкіе удары жгутомъ отъ тѣхъ, которые находятся внѣ круга, пока кого-нибудь изъ бьющихъ не задѣнутъ ногою въ чертѣ; тогда противная партія становится въ кругъ. — Въ деревняхъ, въ первый день масляницы, молодые грузины наряжаются и ходятъ по улицамъ съ пляскою и пѣніемъ. Партія ряженыхъ состоитъ изъ *берикееби* и *юри* — свиньи, т. е. человека; наряженнаго свиньею. Послѣдній прикрытъ спереди и сзади свинными шкурами, сшитыми въ видѣ чехла, на голову надѣта свиная голова съ огромными зубами. Прийдя въ домъ, толпа ряженыхъ начинаетъ пляску: *гори* бѣгаетъ вокругъ нихъ и колетъ ихъ своими клыками, тѣ бьютъ его деревянными саблями, пока онъ не притворится убитымъ. Берикееби беззапретно пьютъ хозяйское вино, имъ выносятъ въ подарокъ яицъ, причемъ *выщипываютъ изъ бороды берики волосъ* и кладутъ его въ курятникъ, чтобы куры въ предстоящій годъ лучше неслись. — Въ прежнее время, въ прощальный вечеръ воскресенья на масляной, слуги приходили къ своимъ господамъ съ палахою: палка съ веревкою, слабо натянутою отъ одного конца къ другому. Палка эта надѣвалась на босую ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ этотъ вечеръ *господа обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ*, и чтобы отдѣлаться отъ наказанія палахою, должны были щедро одариваться. —

Въ чистый понедѣльникъ у грузинъ бываетъ кееноба или возстаніе шаховъ — праздникъ, установленный (будто-бы) въ воспоминаніе побѣдъ грузинъ надъ персіянами. Въ прежнее время дѣло рѣшалось между двумя лицами, представлявшими шаха и грузинскаго царя: между ними завязывался бой, въ которомъ шахъ оставался побѣжденнымъ, и его *сбрасывали въ воду*, какъ-бы съ намѣреніемъ утопить. — Иначе праздникъ описывается такимъ образомъ: въ понедѣльникъ утромъ выбирали кеени изъ числа лицъ, отличающихся своею бойкостью, веселостью и шутливостью; надѣвали на него колпакъ, сдѣланный изъ бурки, шубу на изнанку, *лицо пачкали сажеею*, а въ руки давали мечъ, конецъ котораго украшенъ былъ яблокомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ. *Ему предоставляли власть царя или шаха* и оказывали всевозможныя почести; каждый становился передъ нимъ на колѣни и снималъ шапку, неучтивцу онъ приказывалъ выколоть глаза; виноватаго хватали и намазывали глаза сажеей. Всякій прохожій долженъ былъ остановиться передъ повелителемъ, возсѣдавшимъ на скамьѣ-тронѣ, поклониться и что-нибудь подарить. Свита его раздѣлялась на двѣ стороны, вступавшія въ кулачный бой; по народному представленію Господь благословлялъ побѣдителей обильнымъ урожаемъ.

Анализъ этихъ обрядовъ указываетъ на цѣлый рядъ аналогій съ разобранными нами святочными, съ обиходомъ генварскихъ календъ. И тамъ и здѣсь участіе народныхъ потѣшниковъ является наслѣдіемъ обычая, который мы могли услѣдить и въ средневѣковой Греціи, и въ Европѣ. Масляничныя маски грузинъ: *берика* (груз. бери = старикъ, монахъ) и *гори* указываютъ на святочныхъ ряженныхъ. Первый носитъ еще и названіе *дато*, т. е. медвѣдь (груз. датви = медвѣдь), когда, ряженный медвѣдемъ, онъ вмѣшивается въ хороводъ женщинъ. Къ этой подробности мы вернемся въ одномъ изъ слѣдующихъ экскурсовъ. — *Дато*, ряженный свиньею, стоитъ въ связи съ святочнымъ, жертвеннымъ значеніемъ этого животнаго (сл. стр. 100, 108—110); въ такомъ именно значеніи мы встрѣтимъ его и на Кавказѣ. —

Наконецъ, *повиновение господъ слугамъ, какъ и избраніе потыи-наго царя, лицо котораго начкаютъ сажей* и т. п.: всё это восходить къ обычаямъ Сатурналій, перешедшихъ позднѣе въ святочные (сл. стр. 100, 139—140, 164¹⁾).

Въ *Гуріи* наканунѣ новаго года, *каландоба*, рѣжутъ *свиней*, и готовятъ изъ нихъ кушанье. Всю ночь проводятъ на площади въ играхъ, пѣсняхъ и стрѣльбѣ изъ ружей; съ появленіемъ зари всё спѣшить по домамъ. «Проснитесь, *св. Василій идетъ!*» кричатъ мужья, поднимая своихъ женъ и дѣтей. Мушцины ходятъ славить. Заслышавъ ихъ приближеніе, хозяинъ дома запираетъ двери и ждетъ посѣтителей.

«Отворяй!» кричитъ подошедшая толпа и стучитъ въ двери.

— А что вы несете? —

«Образъ св. Василія, драгоценныя каменья, крестъ, золото, серебро, словомъ, всё, что нужно».

Хозяинъ не отворяетъ, пока гости три раза не повторятъ послѣдней фразы; тогда-только дверь распахивается: прежде всего *входитъ человекъ, одѣтый богаче другихъ, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а вокругъ него образъ св. Василія, драгоценныя каменья, фрукты и свиная голова, означающая, будто бы, кабана, въ древности истреблявшаго народъ и убитаго Василіемъ Великимъ*. — За тѣмъ слѣдуетъ другой человекъ съ палкою, убранною стружками и называемою *чичилаки*, либо съ пучкомъ *цветовъ*; подъ чичилаки туземцы разумеютъ *бороду св. Василія*. — Далѣе слѣдуютъ всѣ остальные посѣтители, несущіе съ собою ячмень, вино, птицъ и т. д. Начинаются поздравленія. Каждый подходитъ къ присутствующимъ и поздравляетъ другъ друга, дотрагиваясь при этомъ

¹⁾ Имя *морисковъ* въ пляскѣ, распространенной въ Европѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ, дѣйствительно ли заимствовано отъ *Мауровъ*, — или отъ обычая плясунновъ чернить себѣ лицо? *Édel. Du Méril, Hist. de la Coméd.*, I, 89 стоятъ за первое объясненіе. — Чувашскіе мальчики, пляшущіе о святкахъ вокругъ чучелы съ льняной бородой, также вымазываютъ свое лицо сажей. Магнитскій, I. с. р. 100.

до каждой вещи; затѣмъ, поставивъ поднось посреди комнаты, молятся передъ образомъ св. Василія. По окончаніи обряда, при выходѣ, каждый бросаетъ немного дровъ въ огонь, восклицая: хо! хо! хой! — Обойдя такимъ образомъ все дома, стрѣляютъ цѣлый часъ и отправляются въ церковь. — На другой день новаго года каждая женщина въ домѣ беретъ посуду, наполненную пшеномъ и, поставивъ её у курятника, кормитъ птицу, прося Бога, чтобъ у ней въ будущемъ году было столько куръ, сколько въ посудѣ зеренъ и т. д.

Съ гурійской каландобой сл. выше абхазскую каланду, калинду. Важно по отношенію къ *Василію съ житяной пучгой малорусскихъ щедрівокъ* (стр. 112; сл. стр. 114), къ *Василію новогреческихъ каландъ, съ хлѣбомъ или пучкомъ травы въ рукахъ, съ чудесно растускающимся жезломъ* (стр. 123 слѣд.), *отвѣчающимъ рум. surcova'n, бол. суравъ* (стр. 121—2) — совершенно такая-же образность гурійскаго обряда. Богато одѣтый человекъ, съ подносомъ въ рукахъ, хлѣбомъ и образомъ св. Василія, идущій впереди славящихъ, несомнѣнно представляетъ собою самого святого; въ грузинскомъ обрядѣ, описанномъ выше, ему отвѣчаетъ хозяинъ дома, обходящій свою семью съ подносомъ, на которомъ также красуется хлѣбъ и т. д. Можно предположить, что первоначально чичилаки или пучекъ цвѣтовъ находился въ рукахъ Василія, какъ въ греческихъ каландахъ жезльвѣтка; онъ самъ представлялся колядующимъ (стр. 127): «Василій идетъ!» — *Свиная голова*, которую онъ несетъ на поднось, намъ хорошо знакома, и легенда объ убіеніи святымъ кабана указываетъ только на забвеніе смысла древней обрядности. Жертвоприношеніе свиньи перешло отъ Сатурналія къ обиходу святокъ и тамъ получило новое значеніе символа, атрибута. Сл. рум. vassilca, кесарецкаго поросенка на Руси, Василія-покровителя свиней и т. д. (стр. 108—110), святочные печенья въ формѣ кабана, кабанью голову — необходимую принадлежность старо-англійскихъ рождественскихъ обрядовъ и т. п. См. Uhland's Schriften, III p. 61—64 и прим.; Édel. Du

Mérid, Hist. de la Comédie I p. 434 прим. 3; Wolf, Beiträge II p. 412—413; Wiedemann, l. c. 344: печенье jöulu-orikas = Weihnachtseber. — *Борода Василя* напоминает *Бороду Илья* наших жатвенныхъ обрядовъ; обратимъ вниманіе на появленіе Илья въ малорусскихъ щедривкахъ: *Шовъ Илья — на Василя*, *Въ ёго пужечка — Житяночка* и т. д.

Празднованіе и встрѣча новаго года у *Осетинъ* сходны съ грузинскими ¹⁾. Хозяйки пекутъ изъ тѣста разныя фигуры, имѣющія видъ барана, коровы, лошади и т. д.; для украшенія ихъ втыкается въ тѣсто по нѣскольку зеренъ фасоли и кукурузы. Фигуры эти носятъ названіе *Басилтѣ*, т. е. *Василій*, по имени котораго называется и мѣсяць, соотвѣтствующій концу декабря и половинѣ генваря (*Басилтумаі*, *Басилтѣ мајѣ*). — Всю ночь *поддерживаютъ огни*, стрѣляютъ изъ ружей, чтобъ прогнать дракона (*арви-калмъ*), угрожающаго лунѣ именно въ эту ночь. — Съ разсвѣтомъ дня новаго года въ нѣкоторыхъ аулахъ, и на другой день въ другихъ, мальчики и парни надѣваютъ вывороченную на изнанку одежду и маски, выкроенныя изъ бурки, и въ такомъ видѣ, съ пѣснями и привѣтствіями, обходятъ всѣ сакли аула. Одну такую пѣсню изъ Дигорія сообщаетъ В. Миллеръ:

О праздникъ Василя, Василя!
 Счастливый праздникъ!
 Да получить мальчика ваша хозяйка,
 Да убьетъ оленя вашъ хозяинъ,
 Намъ-же дайте нашъ васильевъ долгъ;
 Вашъ пѣтухъ такъ говоритъ:
 Зеленую бутылку полную зеленого араку,
 Зеленаго араку, зеленаго араку,
 Баранью ногу, баранью ногу.
 Эй (имя рекъ), къ вамъ мы идемъ!

Хозяйка подаетъ мальчикамъ нѣсколько фигуръ *Басилтѣ*, сыръ и бутылку арака, и тогда они повторяютъ ей свои пожеланія;

¹⁾ Объ Осетинскихъ обрядахъ сл. еще В. Миллера, Осетинскіе этюды, II, стр. 266 слѣд.

если она поскупилась, мальчики запѣвають новую пѣсню, отмѣняющую прежнюю, и укоряющую хозяевъ въ скуности. —

Наканунѣ новаго года гадаютъ: собираются на горѣ или въ отдаленномъ домѣ, избираютъ жреца, который обязанъ отвѣчать на заданные вопросы. — Въ день новаго года поздравляютъ другъ друга; обыкновенно гость приноситъ съ собою пригоршню соломы и щепокъ, которую и бросаетъ въ огонь: какъ полны были его руки, такое обиліе да будетъ въ теченіи года и у хозяина.

Осетинское *басимтѣ* отвѣчаетъ грузинскому *бакила*, *бацила*. — Обычай жечь *огни* на новый годъ — древній, которымъ сопровождалось вообще празднованіе календѣ, особливо генварскихъ (стр. 136); то-же слѣдуетъ сказать и о гаданіи. — Я не остановился бы особо на элементѣ *пожеланій*, еслибъ мотивъ *охоты за оленемъ* не встрѣтился намъ въ румынскихъ и малорусскихъ колядкахъ (сл. выше, стр. 64—5).

То, что мы знаемъ о народныхъ пѣвцахъ, потѣшникахъ на Кавказѣ и объ ихъ участіи въ народныхъ увеселеніяхъ и обрядахъ, представляетъ не менѣе интересныя аналогіи къ развитію этого института въ Византіи и средневѣковой Европѣ. Къ указаніямъ собраннымъ въ текстѣ (стр. 181 и прим. 1; 218—219) я присоединю теперь новыя. Грузинскихъ странствующихъ пѣвцовъ мы видѣли участвующими въ празднованіи масленицы; ихъ приглашаютъ и на свадьбы (Дубровинъ I, п, 131), какъ у Кумыковъ шута (огончу. Сл. Сборн. свѣдѣній о Терской области, вып. I, стр. 296). У Сванетовъ (Дубровинъ, I. с. 102) и Абхазцевъ (I. с. 21—2) они являются на пирахъ и попойкахъ: абхазскій *погмиванъ* — въ одно и тоже время фигляръ и плясунъ, сказочникъ и зачастую ловкій плутъ; странствуя иногда цѣлыми труппами они потѣшаютъ народъ комедіями, содержаніе которыхъ основано на какомъ-нибудь историческомъ событіи. — При татарскихъ ханахъ въ Нухѣ состояла цѣлая труппа такихъ погмивановъ, представленія которыхъ напоминаютъ упражненія средневѣковыхъ мимовъ и жонглѣровъ. При тихихъ и мѣрныхъ

ударахъ музыки, погливаны брали огромныя палицы, въ родѣ большихъ кеглей, фунтовъ въ 20 каждая, и становились вокругъ главнаго погливана, вооруженнаго лукомъ, на тетивѣ котораго насаживались серебряныя бляхи и погремушки. Имъ онъ подавалъ сигналъ, и дубины начинали вертѣться въ тактъ; сперва медленно, потомъ чаще, образуя условныя фигуры; потомъ всѣ принимались плясать на маломъ пространствѣ, съ какою-то систематическою точностью, становились на колѣна, тактъ переходилъ изъ половиннаго въ четвертной, пока плясуны не доходили до совершеннаго изнеможенія. Послѣ небольшого отдыха, они начинали между собою борьбу, дѣлали разныя гимнастическія упражненія: одинъ становился по срединѣ бокомъ, немного наклонившись, а прочіе, на бѣгу, касаясь одною только рукою его головы, перевертывались на воздухъ и становились на ноги и т. п. (I. с. 376—377).

Погливаны, какъ и грузинскіе народныя пѣвцы, являются на *свадьбахъ*; рядомъ съ этимъ существуетъ рядъ указаній на ихъ участіе въ *тризнахъ*. Такъ у Абхазцевъ и Хевсуровъ, гдѣ они поютъ похвальную пѣсню усопшему (I. с., стр. 58 и 316); совершивъ обрядъ оплакиванія покойника, осетины развлекаются сказкою туземнаго пѣвца, которую онъ сопровождаетъ аккомпаниментомъ на двуструнной скрипкѣ (I. с. I, 1, 299). Въ той-же роли выступаютъ и кабардинскіе гегуако (сл. выше, стр. 218—219) или гегоко (Дубровинъ, I, 1, 152 слѣд.; 188—9), съ которыми черкесъ соединяетъ понятіе о шутѣ или канатномъ плясунѣ (I. с. 154): соединеніе, напоминающее намъ двойственное значеніе нашего скомороха и нѣмецкаго шпильмана. Интересно слѣдующее сообщеніе о нихъ (р. 159): для потѣхи публики, въ особую подставку инструмента пѣвца вдѣта палочка, къ которой прикрѣпленъ *конекъ-горбунокъ*, вершка въ три, связанный въ суставахъ ногъ ниточкой. Когда пѣвецъ водить по струнамъ пальцами, къ которымъ привязанъ шнурокъ отъ палочки, конекъ выдѣлываетъ въ тактъ уморительныя штуки и движенія. Старикъ тянетъ свою заунывную пѣсню, а толпа помираетъ

со смѣху. — Это — остатокъ подвижныхъ куколь, которыя показывали жонглеры, шпильманы и скоморохи (сл. выше стр. 165—166, 187 слѣд., 213).

Къ характеристикѣ *международныхъ инструментовъ*, бывшихъ въ употребленіи между странствующими пѣвцами (сл. стр. 159—161), интересны соответствующіе кавказскіе. У кавказскихъ Ногайцевъ (Дубровинъ, I, 1, 278) въ употребленіи *домра*, родъ балалайки (русск. домра, домбра; у Остяковъ домбра. Сл. Потанинъ, Очерки сѣверозап. Монголіи, вып. II, прим. 13 къ гл. III), и *кобузъ* — инструментъ похожій на скрипку съ двумя струнами изъ волоса (малор., польск., чешск. кобза; «*capuntur adhuc fortium res gestae resonanti lyra aut flebili chely, quam patria lingua kobza vocant*». Disquisit. de regno hungar. Auct. Martin. Schädel Hungar. Argentorat. 1629, у Am. Thierry, Hist. d'Attila, II p. 362); въ Дагестанѣ *пандуръ* — трехъструнная балалайка; у Грузинъ *дайра* или *чонгури* — особаго устройства балалайка съ мѣдными струнами (Дубровинъ, I, п, 137, 173; сл. стр. 374: чонгури или сазы у татаръ); у Армянъ *зурна* — видъ рожка (сл. чувашскій сурнай, выше стр. 200 прим. 2). О черкесскихъ народныхъ инструментахъ сл. Дубровина, I, 1, 148—9.

Къ стр. 110. *Св. Мартинъ*. Народное празднованіе этому святому (30 октября, 10, 11, 12, 15, 20 ноября), принадлежащее западной церкви и потому неизвѣстное среди восточныхъ славянъ¹⁾, получаетъ для насъ особое значеніе въ связи съ цикломъ языческихъ празднествъ, легшихъ въ основу святочныхъ. Я думаю указать на цѣлый рядъ аналогій между послѣдними и мартиновскими, оставляя въ сторонѣ недоказанное, по моему, отожде-

¹⁾ Сл. впрочемъ у Качановскаго, I, с., стр. 14: Съ 11—13 ноября праздниѣ *Мратинци* = Вучлеци празднуется болгариномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы волки не причиняли вреда скоту. (Мратинци = Мартинци?)

ствленіе св. Мартина европейскихъ обрядовъ — съ Однимъ ¹⁾. Аналогіи эти я объясняю тѣмъ, что оба празднованія явились отраженіемъ древнихъ колядныхъ, отвѣчая ихъ различными моментамъ, причеиъ Мартиновская обрядность, противъ которой возстаеъ уже соборъ 590 года, покрываеъ обиходомъ Врумалій. Какъ съ Врумалій (съ 24-го ноября) начиналась пора самыхъ короткихъ дней въ году, а въ древне-германскихъ календаряхъ и на скандинавскомъ сѣверѣ къ 23 ноября приурочивалось начало зимы, такъ кое-гдѣ въ Германіи — ко дню св. Мартина (11 ноября), что отвѣчаетъ началу зимы въ рустикальномъ календарѣ древнихъ ²⁾. Оттого по погодѣ въ день св. Мартина, какъ въ старыя годы по Врумаліямъ, гадаютъ о томъ, какова будетъ зима ³⁾; жгутъ костры, что напоминаетъ, равно какъ и элементъ гаданія, соотвѣтствующіе обычаи календѣ, особливо генварскихъ; обрядовое кушанье — *свинина, свиная голова* ⁴⁾ одинаково принадлежить тому и другому празднику и, по нашему мнѣнію, не можетъ быть объяснено отдѣльно для каждаго. Значеніе этого жертвеннаго яства теперь утратилось и объясняютъ его себѣ различно. Въ нѣмецкомъ заговорѣ Мартинъ являеъ *пастыремъ свиней*, какъ на Руси ихъ покровителемъ — св. Василій

¹⁾ Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie, I, стр. 38 слѣд.; сл. объ обрядности въ праздникъ св. Мартина - Reinsberg-Düringsfeld, Das festliche Jahr p. 340 слѣд.; Hanuš, Bájelovný Kalendář 221 слѣд.; въ особенности Pfannenschmid, Germanische Erntefeste, стр. 193—243 и прим. Слѣдующія далѣе обрядовыя подробности, при которыхъ нѣтъ смысла, заимствованы изъ указанныхъ сочиненій.

²⁾ Tomaschek, Ueber Brumalia, I. c. p. 359—60; Hanuš, I. c. p. 223—4; Pfannenschmid, I. c. p. 237—9 и прим. 53—62, p. 511 слѣд.

³⁾ Wolf, I. c. 48; Finn Magnussen, Lexicon Mythologicum, подъ 20-мъ ноября; Tomaschek, p. 361.

⁴⁾ Сл. Wolf, I. c. 49 слѣд.; Pfannenschmid, I. c. стр. 204; стр. 466, прим. 11; стр. 479, въ пѣснѣ изъ Uelzen; Coelho, Revista d'ethnologia, fasc. II—III, p. 86: Cada porco tem seu S. Martinho (пословица, заимствованная отъ обычая рѣзать свиней на св. Мартина).

(сл. выше, р. 109); поводъ къ подобной интерпретаціи былъ тамъ и здѣсь одинъ и тотъ-же. На другую указываетъ Finn Magnusen: «Traditiones Germanicae loquuntur de certamine quodam duorum ferorum *aprorum*, hac die (20 Nov.) olim peracto, quae saltem mythicam originem ac priscum quidem Freyeri et Freyae cultum prodere videntur. Multi Norvegi, anseris loco, *porcellum* in diei festivitatem assant et comedunt». Обычай, упоминаемый Магнусеномъ, засвидѣтельствованъ для Германіи XVI вѣка Себастьяномъ Франкомъ: «In Franken schleusst man zwei *eberschweine* in ein cirkel oder ring uff diesen Tag (Martini) zusammen, die einander zerreißen; das fleysch teylt man auss under das Volk, das best schickt man der oberkeyt». Тоже рассказываетъ Ioannes Voëmus Aubanus, De omnium gentium ritibus etc. 1520, F. LX ¹⁾. Между жертвеннымъ обычаемъ и народной игрой могла лежать какая-нибудь легенда, сложившаяся ad hoc, какъ въ Гуріи свиную голову, которую наканунѣ новаго года несетъ ряженный св. Васильемъ — объясняютъ воспоминаніемъ о страшномъ вепрѣ, будто-бы убитомъ святымъ ²⁾.

Св. Мартинъ открывалъ зиму, но и завершалъ собою пору жатвы и сбора винограда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ празднованіе окончанія жатвы падаетъ на его день; самъ святой является «надѣляющимъ», награждающимъ дѣтей яблоками, орѣхами, пирогами; таже идея выражается и въ обходахъ дѣтей, собирающихъ по домамъ не только дрова на костры святому, но и каштаны, орѣхи, груши и т. п. Характеренъ въ особенности обычай пить *новое вино* въ день св. Мартина, обычай, отразившійся въ цѣломъ рядѣ присловіи (post Martinum bonum vinum; mal St. Martin = состояніе охмѣленія и т. п.) и пѣсень, поминующихъ «Mertenstrunk», либо молящихъ:

Marteine, Marteine,
Mach das Wasser zu Weine.

¹⁾ Pfannenschmid, l. c. p. 500 и 501, 6° и 8°.

²⁾ Сл. выше, стр. 438.

«Cantus ille turpissimus et plenus luxuriosis plausibus», говорятъ, вѣроятно, объ этихъ пѣсняхъ Тома Квентерберійскій¹⁾ — а это снова относитъ насъ, и не только синхронически, но и содержательно, къ веселому празднеству Врумалій и призыванію Діонисова имени «при точилахъ».

Замѣчательны эстонскіе обряды на день св. Мартина своимъ сходствомъ съ святочными. Наканунѣ праздника ходятъ и побираются по домамъ ряженые, «Мартины» (Ma'rdid), о которыхъ говорятъ, что они существуютъ со времени Лютера (?), что у нихъ своя страна, и они не могутъ показываться днемъ, чтобы не испугать людей своимъ безобразіемъ. Въ числѣ ряженыхъ есть «отецъ», «мать» и ихъ «дѣти»; первый является иногда въ святочной маскѣ *козла*. Побираясь, ряженые поютъ: «Мартинъ пришелъ не за тѣмъ, чтобы поѣсть, а чтобы дѣтей поугаать, не для выпивки, а чтобы стадо было здорово. Въ избу онъ бросаетъ преуспѣяніе житу, на кровлю преуспѣяніе стаду». При этомъ разсѣваютъ по избѣ хлѣбныя зерна съ пожеланьями, которыя повторяются и при уходѣ: да будетъ здѣсь приплодъ черно-краснымъ быкамъ, свиньи рослыя и стройныя, овцы съ мягкимъ руномъ!²⁾

Къ стр. 115—116. Съ *аграрными образами* румынской плуговой пѣсни и нормандской «gonde» сл. малорусскую весеннюю игру «Макъ», сопровождающуюся такимъ-же мимическимъ дѣйствомъ, какъ и нормандская. См. Чубинскій, Нар. Дневн. стр. 47, слѣд.

Къ стр. 126—7, 137—8 (Σίγνα, Σίγνοφόροι). На Олимпѣ Σίγνα (= σίγνα) — праздникъ Богоявленія, ἡμέρα τῶν Φώτων, названный такъ по хоругвямъ, σίγνα, носимымъ сигнофорами

¹⁾ Wolf, l. c. 44 слѣд.

²⁾ Wiedemann, l. c. 367—8, 348. Пѣсни на день св. Мартина см. у Neus, Ehnstische Volkslieder, I, p. 93 слѣд.

(σιχυφόροι) и погружаемымъ въ воду. Сл. Λασπόπουλος, "Όλυμπος και οι κατοικοι αὐτοῦ, въ Парнаσσός, томъ 6-й, вып. 7—8, стр. 581 слѣд.

Къ стр. 128—9 (*средневьковые запреты противъ святочныхъ масокъ, ряженія*). Сл. E. Friedberg, Aus deutschen Bussbüchern, p. 25—6 и прим.; Pfannenschmid, l. c., стр. 577—580, прим. 35, 36. Въ проповѣди св. Элигія читаютъ вм. vetulos — vitulos.

Къ стр. 131—2, 133 прим. 2; 170—1, 184—7 (*Медвѣдь въ народномъ обрядѣ и потѣхѣ*). Ряженье медвѣдемъ принадлежитъ къ распространенной народной забавѣ: еще и теперь это—излюбленная святочная или масляничная маска въ Германіи, Чехіи, Моравіи, Болгаріи, Россіи и Грузіи ¹⁾; сл. для среднихъ вѣковъ свидѣтельство Фроумунда ²⁾:

Si facerem mihi pendentes per cingula caudas,
gesticulans manibus, lubricis stans pedibus,
Si lupus, aut ursus (sed vellem fingere vulpem),
Si larvas facerem furciferis manibus,
Gauderet mihi qui propior visurus adesset.

Традиціонное ряженіе явилось замѣной появленія въ обрядѣ самого звѣря, спустившагося послѣдовательно отъ серьезнаго, культоваго значенія къ роли потѣшнаго, ученаго звѣря, который

¹⁾ Сл. Аванасьева, II, В., I, 387; Weinhold, Weihnacht-spiele und Lieder, p. 6; Édelestand Du Méril, Hist. de la Comédie I, 77, прим. I; Haniš, Bájeslovní Kalendář p. 80; v. Reinsberg-Düringsfeld, Fest-Kalender aus Böhmen p. 49, 50, 51, 64; Sušil, Moravské národní písně, VIII 732. Dozon, Българ. нар. пѣсни, Introd. p. XVI; Качановскій, Памятники болг. народн. творчества, вып. I, стр. 3—4 и въ словарѣ а. в. Суровъ (= тур. Суратъ - базъ: скоморохъ, человекъ переодѣтый въ медвѣдя, козу и т. п. въ рождественскія святки); Сахаровъ, Сказанія русск. народа, VII, p. 73.

²⁾ Pez, Thesaurus anecdotorum novissimus t. VI, p. 1, c. 184.

saltat, festisque diebus

Hunc labor affligit gravior. Sed non suus horret
Ductor, quum plebi soleat praebere timorem ¹⁾.

Между бѣлымъ медвѣдемъ, являвшимся въ Діонисовской процессіи Птолемея Эпифана ²⁾, и «*ursos mimum agentes*» Вописка ³⁾ прошла цѣлая исторія — паденія, отчасти задержаннаго костью народнаго обряда. Апулей (Metamorph. XI) уже относить къ «*oblectationes ludicros popularium*» театральную обстановку предпразднества Изиды, съ фигурировавшимъ въ немъ медвѣдемъ. «*Esse pompae magnaе paulatim procedunt anteludia, votivis cujusque studiis exornata pulcherrime. Hic incinctus balteo militem gerebat, illum succinctum chlamyde copides et venabula venatorem fecerant, alius soccis obauratis, indutus serica veste mundoque pretioso et adtextis capite crinibus incessu perfluo feminam mentiebatur, porro alium ocreis scuto galea ferroque insignem e ludo putares gladiatorio procedere. Nec ille deerat, qui magistratum fascibus purpuraque luderet, nec qui pallio baculoque et baxeis et hircino barbitio philosophum fingeret, nec qui diversis arundinibus, alter aucupem cum visco, alter piscatorem cum hamo induceret. Vidi et ursam mansuetam, quae cultu matronali sella vehebatur, et simiam pileo textili crocotisque Phrygiis, catamiti pastoris specie aureum gestantis poculum; et asinum pinnis adglutinatis adambulantem cuidam seni debili: ut illum quidem Bellerophontem, hunc autem diceres Pegasus, tamen rideres utrumque*». Я нарочно привелъ это описаніе in extenso, чтобы можно было сравнить его съ обычаемъ колядныхъ празднествъ у Астерія (сл. выше, стр. 138—9)

¹⁾ Anonymus Clarevallensis y Pitra, Spicilegium Solesmense, III 61.

²⁾ Сл. Bachofen, Der Baer in den Religionen des Alterthums, p. 18. Слѣдующія свѣдѣнія, касающіяся культа медвѣда въ классической древности, заимствованы изъ этой работы. Сл. Pauly, Realencyclor. d. class. Alterthumswissenschaft a. v. Brauronia и Artemis.

³⁾ Сл. выше, стр. 131.

и средневѣковымъ скоморошнымъ репертуаромъ (сл. выше, стр. 170). *Ursam mansuet, quae cultu matronali sella vehabatur*, Бахофенъ вводитъ въ цѣлый рядъ другихъ представленій, указывающихъ на древность до-еллинскаго культа медвѣдя, собственно медвѣдицы, распространеннаго отъ береговъ Чернаго моря и Малой Азіи до Сиріи и Крита, Аркадіи и Аеинъ, Пелопоннеза и Италіи. Въ этомъ культѣ медвѣдица являлась съ значеніемъ *производительной, охраняющей силы материнства*, *maternitas*. Въ Атикѣ, въ мѣстечкѣ Βραυρών, куда по преданію Орестъ принесъ статую Таврической Артемиды и гдѣ содержали въ честь богини ручную медвѣдицу, совершали и такъ называемыя Βραυρώνια, либо ἄρκτεία и Ἀιδιότηα, въ которыхъ принимали участіе лишь дѣвочки отъ 5 до 10 лѣтъ, въ одеждѣ *шафрановаго цвѣта*, χρῶματός, которую схолиастъ Аристофана объясняетъ: μίμησις τῆς ἄρκτου. Самый обрядъ посвященія назывался: ἄρκτεῖν, ἄρκτεῦσαι, посвященныя дѣвушки — ἄρκτοι = медвѣдицы; аеинянки, прежде чѣмъ выйти за мужъ, должны были быть «медвѣдицами», подвергнуться μίμησις τῆς ἄρκτου, конечною цѣлью котораго было, по мнѣнію Бахофена ¹⁾, испрошеніе γάμου εὐδαίμωνος. — Вравроніи и вравронскія празднества въ честь Діониса, въ которыхъ принимали участіе мушны и публичныя женщины, отбывались черезъ каждыя пять лѣтъ; Отфрідъ Мюллеръ полагаеъ, что оба празднества совпадали.

Здѣсь — объясненіе цѣлаго ряда обрядовъ и примѣтъ, связанныхъ у европейскихъ народовъ съ медвѣдемъ: припомнимъ медвѣдей, участвующихъ въ женской пляскѣ (Ruodlieb: mulieribus se applicuere) ²⁾, либо ряженыхъ медвѣдемъ, вмѣшивающихся въ хороводъ грузинокъ ³⁾; отсюда запретъ Гинкмара: nec turpia joca cum urso vel tornatricibus ante se facere permittat ⁴⁾, и совѣтъ

¹⁾ l. с. 26.

²⁾ Сл. выше, р. 126.

³⁾ Сл. выше, р. 436.

⁴⁾ Сл. выше, стр. 132.

Кленовича по поводу медвѣжьей пляски: *Talia casta, prescor, fugiat spectacula virgo* ¹⁾).

Свѣжѣе сохранилось это «до-эллиническое» значеніе медвѣдя въ современныхъ народныхъ обрядахъ. Въ толкованіи Зонары и Вальсамона на 61-й канонъ Трульскаго собора поводыри медвѣдей водятъ ихъ въ красныхъ попонахъ (*βαμματα*? Сл. аттичeskія *χρσχωτός*) ²⁾ и раздаютъ женщинамъ обрѣзки ихъ шерсти, какъ филиктерій. — У *грузинскаго* берика (ряженаго медвѣдемъ) выщипываютъ волосъ и кладутъ въ курятникъ, чтобы куры лучше неслись ³⁾, какъ у *чешскаго* масляничнаго «медвѣдя», ряженаго, окутаннаго съ головы до ногъ соломой, женщины вытягиваютъ соломинки, чтобы подложить ихъ подъ своихъ гусей ⁴⁾. — *Русскіе* крестьяне просятъ медвѣжьяго поводилицка обвести звѣря кругомъ двора, или берутъ медвѣжьей шерсти и окуриваютъ ею домъ и хлѣвы, съ приличными заклинаніями; чтобы водилась скотина, употребляютъ тоже средство, а на конюшнѣ вѣшаютъ медвѣжью голову, съ полнымъ убѣжденіемъ, что это защититъ лошадей отъ проказъ домоваго. Лихорадку лѣчатъ такъ: кладутъ больного лицомъ къ землѣ, заставляя медвѣдя перейти черезъ него и коснуться лапой его спины. Въ русскомъ сборникѣ прошлаго вѣка говорится о слѣдующемъ гаданьи; «я чреваты жены медвѣдю хлѣбъ даютъ изъ руки, да рыкнетъ — дѣвица будетъ, а молчитъ — отрокъ будетъ». Какъ Альдрованди полагаетъ, что высушенный глазъ медвѣдя, повѣшенный на шею ребенка, предохраняетъ его отъ дурнаго глаза, такъ *италцы* приписываютъ медвѣдю силу отстранять отъ домашней скотины злое колдовство вѣдьмъ ⁵⁾. Св. Richardis строитъ монастырь на мѣстѣ медвѣжьей берлоги; въ часовнѣ показывали впадину, гдѣ

¹⁾ Сл. выше, р. 186.

²⁾ Сл. выше, стр. 133, прим. 2.

³⁾ Сл. выше, р. 436.

⁴⁾ Reinsberg-Düringsfeld, l. c. 51.

⁵⁾ Аванасьевъ, l. c. I, 390—1; Aldrovandi, De Quadr. Dig. Viv.

нашли медвѣдицу съ дѣтенышами, и народъ приходилъ сюда лѣчиться отъ болѣзней ногъ; въ монастырѣ, въ память его основанія, долгое время держали живыхъ медвѣдей и подавали каждому прохожему медвѣдчику хлѣбъ и три гульдена (Wolf, Beiträge z. deutsch. Mythol. II, p. 416—417). — *Эсты* охотно принимаютъ къ себѣ медвѣдчиковъ, вводятъ медвѣдя въ хлѣвъ: это на пользу скота; молодымъ также полезно, если на ихъ ложѣ спалъ медвѣдь ¹⁾. — Въ Генварѣ *Гилляки* празднуютъ «медвѣжій праздникъ», на которомъ торжественно убиваютъ стрѣлами и съѣдаютъ медвѣдя, приводимаго иногда издалека. Юрты, въ которыхъ съ нимъ останавливаются, считаются особенно счастливыми; родители, ребенка которыхъ онъ случайно-бы задавилъ, видятъ въ этомъ хорошій знакъ. Доставивъ его на мѣсто, его водятъ по деревнѣ, изъ избы въ избу, стараясь всякій разъ провести его черезъ рѣку, чтобы такимъ образомъ доставить дому изобиліе рыбы. Деревня, въ которой наиболѣе съѣдали медвѣдей, можетъ надѣяться и на большой достатокъ. Шкура и черепъ медвѣдя, убитаго для праздника, хранится какъ талисманъ ²⁾. — Во *Франціи* вѣровали, что съѣсть на медвѣдя — лучшее средство избавиться отъ чувства страха, почему медвѣдчики и предлагаютъ испытать это, за извѣстное вознагражденіе, деревенскимъ ребятишкамъ. Очевидно — это лишь толкованіе болѣе древняго повѣрья, возвращающаго насъ къ комментарию Зонары (*καὶ ἀξιοῦσι τὰ τέχνα αὐτῶν τοῖς νότοις τοῦ θηρὸς ἐπιδέσθαι*). Chevaucher sur un ours est un préservatif contre certaines affections. Placez un petit enfant sur l'échine de la bête, qu'elle marche et fasse neuf pas; reprenez-le aussitôt et il est exempt d'une gourme appelée le mal de Saint Loup et de l'épilepsie qu'on nomme le mal de terre ³⁾.

Быть можетъ, въ одинъ рядъ съ обрядностью Бравроній и медвѣдемъ, участникомъ женскаго хора, слѣдуетъ по-

¹⁾ Wiedemann, l. c. p. 451.

²⁾ Russische Revue XI, 9, Seeland, Die Ghiliaken, p. 235, 236, 237.

³⁾ Rolland, l. c. 42, 43.

ставить распространенное повѣрье о медвѣдѣ, похищающемъ женщину и приживающемъ съ ними полу-звѣря, полу-человѣка (Иванъ Медвѣдко, Меѣедовић и т. п.; сл. Wolf, Beiträge II, р. 64—9). — Какъ-бы то ни было, объясненіе приведенныхъ выше суевѣрій — объ оплодотворяющихъ, охранительныхъ свойствахъ медвѣдя — тѣмъ, что онъ является символомъ громовника (Аэанасъевъ), должно быть устранено, равно какъ и соображеніе Гриммовъ¹⁾, усматривающихъ въ аналогическихъ нѣмецкихъ выраженіяхъ XVI—XVII вв. память о какомъ-то забытомъ, древнегерманскомъ воззрѣніи. Den bären treiben означало *kuppeln*, «wahrscheinlich weil die bärentreiber gelegenheit hatten liederliche leute zu unterstützen» (?), замѣчаютъ издатели; *bärentreiber* = вожакъ медвѣдя, но и *leno*; *bärentreiberin* = *lena*. Гриммы предложили гадательную этимологию *bär* = *parens*, *der bärende*, *tragende vater*. Укажу, съ своей стороны, на символику медвѣдя въ обрядѣ Вравроній, на чарованіе медвѣжьихъ поводырей у Зонары, во Франціи, у Эстовъ и т. п.²⁾ Поводыри могли быть распространителями суевѣрныхъ воззрѣній, а это бросаетъ свѣтъ и на эпическое вліяніе бродячихъ, какъ они, шпильмановъ, скомороховъ. Замѣчу, впрочемъ, что *bärentreiber* = *leno* отвѣчаетъ такому-же опредѣленію средневѣковаго шпильмана и можетъ быть понято, какъ доказательство ихъ относительно древняго отождествленія³⁾.

Къ стр. 154 прим. 1 (*жонглёры - развѣдчики*). У Bugge, Studien, 1° Reihe, 2° Heft, стр. 120—1 собрано еще нѣсколько указаній на распространенность мотива переодѣванія пѣвцомъ,

¹⁾ Deutsches Wörterbuch a. v. *bär*, *bärentreiber*, -in.

²⁾ Сл. въ болгарскомъ «Словѣ ради Самовилы и бродницы и магеонцы и шболаницы»: «завезуатъ Свѣри и мечки и вльци» (Бачановскій, I. с. р. 24).

³⁾ Сл. у Ducange Gloss. med et inf. lat. a. v. *minator*: *scurra id est minator* (S. Eligius Noviom. Episc. Homil. 14), гдѣ *minator* = *mimator* либо мечководъ, *meneur d'ours*.

шпильманомъ, чтобы подъ этимъ видомъ проникнуть въ непріятельскій лагерь и т. п.

Къ стр. 160—1 прим. 3. (*Κα πανδοῦροι Μαλαμι*). У Костантина Багрянороднаго (*Ἐκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως*, I. I, cap. 83) имъ отвѣчаютъ *пандуристы*: τῶν πανδουριστῶν μετὰ τῶν πανδούρων (въ описаніи такъ называемой «готской» игры).

Къ стр. 162 слѣд. (*маски*). Съ *barba roja* провансальскаго жонглёра у Gir. de Calanson, нѣм. schēm-, hagebart, сл. пров. barbuda = larve, fantôme, старофр. barbaut, barbeoire (barboire, berboire; baboire, babeoire, rapoire) = лат. barbitoria: masque qui avait une barbe, peint, fardé; «barboires-Hideuses, cornues et noires» у Phil. Mouskes v. 6086—7, сл. v. 6103. Сл. Ducange, Gloss. med. et inf. latin. a. v. barbator (= mimus, scurra), barbatoria, barbualdus, barbuda; Gedefroy, Dict. de l'anç. langue française, a. v. barbeoire. — Что крашеніе лица заступило мѣсто маски допускаетъ и Pfannenschmid, но тому и другому онъ, по примѣру Маннгардта, склоненъ дать мнѣически-обрядовое значеніе. Сл. I. с., стр. 583 (прим. къ стр. 298) и стр. 617 слѣд. (къ стр. 517 прим. 35). Объ обрядовомъ (между прочимъ святочномъ, весеннемъ и т. д.) обычаѣ чернить лицо сл. Mannhardt, Baumkultus I, стр. 162, 314, 321, 322, 326, 336, 342, 343, 349, 365, 427, 442, 540 слѣд.

Къ стр. 198 (*къ скоморохамъ*). Передъ концемъ міра будетъ горе: «священники [и] — кощунники и игреци и запойци, и черноривци — злобѣсници и сквернословцы, и обрящутца на игрищехъ мудрѣйши *скомороховъ*» (изъ Толстовск. сборника, въ Пам. стар. русск. лит., III, стр. 90). — «И посла царица (южская) слугу своего, рекше: Пришли, Соломане, *бъснаго съ бѣснымъ, а умнаго съ умнымъ*. — Соломанъ же той разумѣвъ посла ей *отца съ скоморохомъ, а философа съ книгами*» (Сказаніе о премудрости царя Соломона и т. д., I. с. р. 62).

Къ стр. 201—2 (*къ драматическимъ сценкамъ на русской свадьбѣ*). Тема комическаго разговора между двумя балагурами

разработана въ группѣ потѣшныхъ сказокъ. Сл. Аѳанасьевъ, Нар. русск. сказки № 230 (Хорошо да худо) и прим. — Драматическія интермедіи на второй день свадьбы обычны и въ Швеціи; ихъ исполнители, съ размалёванными лицами и въ одеждѣ на изнанку, называются *gärande*, что указываетъ на типъ пришлыхъ нѣмецкихъ скомороховъ, *gerende Leute*. Потѣха состоитъ нерѣдко въ томъ, что по деревнѣ водятъ вола, украшеннаго, смотря по времени года, то цвѣтами, то пестрыми лентами и бумагой; на немъ сидитъ верхомъ какой-нибудь *gägarde*, въ дурацкомъ костюмѣ, съ саблей или чѣмъ-нибудь подобнымъ въ рукахъ; толпа ряженныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ сопровождаетъ это шествіе, впереди котораго идутъ ряженые музыканты, вооруженные, между прочимъ, сковородами и заслонками. У дома, гдѣ совершается свадьба, этотъ поѣздъ останавливается, послѣ чего *gägarde*, сидѣвшій на волѣ, объявляетъ, кого онъ будетъ представлять. Сл. Liebrecht, Gernde Leute in Schweden, въ Germania XI, стр. 77—8.

Къ стр. 231—2. Нѣсколько указаній на *символику дерева* въ народныхъ пѣсняхъ собрано Потемней (Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка, Филологическія Записки 1877, II, стр. 44—7). Въ сербской является яблоня, у ней по два яблока на каждой вѣткѣ, на верху — четыре;

На врх соко' гн'јездо вије,
 На корјен ми змаје сједи,
 Змај соколу поручује:
 Ако пуштих жива огња,
 Гн'јездо љу ту попати,
 Ти ље љу ти попати

(Караџић, Пј. I, 488).

Въ болгарской пѣснѣ — дерево кипарисъ,

Во корен-отъ змехъ му лежить,
 На вжрво'и славей пейтъ.

(Миладановы № 167).

Бѣлорусская противопоставляетъ счастливое и несчастливое дерево:

Рабина—дзерива нащасливая:
 З-подъ камля рабину вадою мыць,
 Пасирод рабины черви точуць,
 А з макушен рабину птицы влююць.
 Станови коничка подъ ягорой:
 Ягора—дзерива щасливая:
 З-под камля ягора сытой мыць,
 Пасирод ягора пчолен бруюць,
 А на макушки салавы пляюць.

(Шейнъ, Бѣлор. п. 472—3, 480—1).

Къ дереву въ колядкахъ сл. еще щедрівку у Чубинскаго (Народный Дневникъ, стр. 473—4) № 46.

Къ стр. 237—239 (*колядки о церкви съ тремя окнами, въ одно изъ нихъ влетаетъ ангелъ*). Сл. Путешествіе Коробейникова и Грекова (Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 143): «Да есть ту пещера, гдѣ родися святая Богородица, и изъ тоя пещеры два оконца вверхъ, а сказываютъ, что единымъ оконцемъ вииде ангелъ ко Аннѣ благовѣстити о зачатіи и о рождествѣ Богородицы, а другимъ оконцемъ выйде ангелъ Господень».

Къ стр. 243—4. Къ *колядкамъ о Христовомъ мученіи* слѣдуетъ присоединить и Чуб. I. с. р. 358 № 86 (нѣтъ явы: «Де кровця пала — церковця стала, Де слізки впали — престоли стали»).

Къ стр. 245—6 прим. (*проклятіе и благословеніе дерева*). О травѣ-христопридавкѣ (*Aconitum Lycostopum*), имѣющей разрѣзныя листья, въ Вологодской губерніи рассказываютъ, что Христось подъ нею спрятался, когда его преслѣдовали жидаы; они кололи траву копьями и истерзали ея листья (Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, вып. II, примѣчаніе 56 къ

гл. V-й). Что она выдала Христа — не говорится, но название «христопридавка» дано не даромъ. Г. Потанинъ (I. с.) предполагаетъ, что проклятіе Богородицей травы-прострѣльгъ (Сибирь) могло быть мотивировано такимъ-же предательствомъ. (Сл. еще I. с. прим. 14 къ гл. V-й: цитаты несомнѣнно перепутаны). — Ива проклята Богомъ за то, что изъ нея дѣланы были гвозди, которыми сколачивали крестъ для пропятія Спасителя; осина за то, что, когда св. семейство, во время бѣгства въ Египетъ, скрывалось подъ нею отъ преслѣдованія, она продолжала шелестить листьями, когда другія деревья стояли недвижно; наоборотъ: благословеніе Божіе почіетъ на соснѣ, сердцевина которой оказалась негодной на гвозди при крестномъ страданіи Христа. Оттого она постоянно зелена, тогда какъ иву точатъ черви, а осика постоянно трясется (Чубинскій, Труды I, вып. 1, стр. 75, 76). — Въ галицкой колядкѣ Богородица отдыхаетъ, всѣ деревья преклонились, кромѣ осики, которая и проклята (Prima Sobotky, Rostlinstvo v národním podání slovanském p. 122), какъ въ каталонскомъ повѣрьѣ мята осуждена быть символомъ лжи, цвѣсти, не принося плодовъ (Tu ets menta y mentirás — Florirás y no granarás) за то, что выдала преслѣдователямъ убѣжище св. Семейства (Maspons y Labrós, Lo Rondallayre, 2ª Serie, p. 28). Сл. еще Marmier, Lettres sur l'Islande p. 106, y Maury, Essai sur les légendes pieuses, p. 212, note 3.

Къ стр. 246—7 прим. 2 (*благословеніе животныхъ*). Сл. Bartsch, Sagen, Märchen etc. aus Meklenburg I, p. 52.

Къ стр. 247—8 прим. Апокрифическій рассказъ о томъ, какъ *Христосъ плутомъ оралъ*, напечатанъ Ягичемъ въ Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, стр. 36 и имъ-же въ Opisi I, стр. 86.

Къ стр. 249. Къ колядкамъ у Головацкаго II, стр. 93, № 33; IV, стр. 547, № 6 слѣдуетъ прибавить еще колядки у Чубинскаго, p. 311—12, № 41 и варьянты.

Къ стр. 278 (*колядки о молодцѣ и конѣ*). Сл. бесѣду молодца съ конемъ у Шейна, Бѣлор. нар. пѣсни, № 437, р. 250—1 и р. 445—6, № 2 (на новыи годъ).

Къ стр. 295 прим. 2: *почему солнце красно на восходѣ*. Сл. Luzel, Lég. Chrét. de la basse Bretagne, t. I, р. 250—1: отъ лучей, отражающихся отъ золотого замка красавицы, либо оттого, что солнцу необходимо явиться во всемъ блескѣ, чтобы не быть затемнену ея красотой.

Къ стр. 312—314 (*грузинское Лазарѣ и лазарскія пѣсни южныхъ славянъ*). У Болгаръ воскресенье пятой недѣли поста зовется «цыганскимъ Лазаремъ»: на этой недѣлѣ «Циганки лазарвать», а христiane съ понедѣльника на шестой до страстнаго (Каравеловъ, I. с. 197, 200). — Съ грузинской молитвой о дождѣ, соединенной съ обрядомъ *лазарѣ*, я сравнилъ одну *лазарскую* болгарскую пѣсню того-же содержания (сл. выше р. 312, 314). Интересна въ этомъ смыслѣ замѣтка Чолакова: «Като приблизи *Лазаровденъ*, тръгнать накытени циганки, ходять по кѣщи-та та игражть лазарицѣ и пѣжть нѣкои пѣсни. Кога-то е сушыя, ходять натруфени съсъ бурень, игражть на *пеперудѣ* (=пеперуга) като пѣжть: «Пеперудо, Рудоле, да зароси ситна роса, Рудоле, да ся роди жито просо, Рудоле, да ся рожть кошере, Рудоле» и пр. домакыны-тѣгы поливать съсъ водѣ, като игражть, и гы дарявать» (Чолаковъ, Българскый Народенъ Сборникъ, стр. 34).

Къ стр. 316—320 (*Илья плододавецъ*). «Илья-старая жнея» принадлежитъ, между прочимъ, бѣлорусскимъ волочечнымъ пѣснямъ (Шейнъ, Бѣлор. народн. пѣсни № 142, 143, 146, 150, 151), гдѣ ему помогаетъ жать и вязать — св. Ганна (№№ 142, 143). Въ одномъ пересказѣ онъ «уросиѣся, ѣмочиѣся — мокрошенекъ», потому что

По межамъ ходиѣ, жито родзиѣ,
Жито пшеници, ѣсякую пашиницу (№ 142),

что напоминаетъ припѣвъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ колядокъ *съ чудеснымъ съятелемъ* (сл. выше, стр. 112—113). Юрій и Микола, являющіеся въ той-же волочебной пѣснѣ, пасутъ — первый коней, второй коровъ: не будетъ скоту «упадку»

Ни отъ мядвѣдзя, ни отъ парѳву,
 Ни отъ гада бѣгучаго,
 Ни отъ змѣя лугучаго,

какъ въ пастушьихъ и охотничьихъ берегахъ (сл. выше, стр. 333).

Къ стр. 326 прим. 1; сл. стр. 88 и 263—4 (*Люда=дьяволъ*). Сл. Vernaleken, Oesterreichische Kinder- u. Hausmärchen, № 46: *Die Judasteufin*. Какъ въ рум. эпитетъ «Искаріотскій» обобщился въ значеніе дьявола, такъ въ другомъ случаѣ въ прозвище Евреевъ: Quo modo, o *Scariothei*, — Dicant nunc Hebrei . . . male dormierunt? (Luzarche, Office de Pâques, p. 40). Это то-же, что «Жида-Кайны» румынской колядки (сл. выше, стр. 236).

Къ стр. 327: къ малорусскому, бѣлорусскому и хорутанскому рассказамъ *объ охотникѣ, пристрѣлившемъ черта и награжденномъ за то Богомъ, архистратимомъ Михаиломъ либо Ильей*, — слѣдуетъ присоединить еще польскій, въ которомъ Ильѣ отвѣчаетъ Перунъ. Сл. Archiv für slav. Philol. V, стр. 641—2 (Matusiak, Volksthümliches aus d. Munde der Sandomierer Waldbewohner).

Къ стр. 328 (*Нечистая сила удваивается отъ повтореніа удара*). Сл. Hahn, Griech. und albanesische Märchen, № 70, стр. 53; Bartsch, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, I, № 650, и русскія былины о гибели богатырей на Руси.

Къ стр. 328—332 (*волкъ*). Въ церковной символикѣ волкъ обычный синонимъ дьявола. Сл. Pitra, Spicilegium Solesmense III, стр. 62—64; Maury, Essai sur les légendes pieuses p. 162—164 и прим. — Съ эстонскимъ, малорусскимъ, албанскимъ

и греческимъ преданіями о созданіи волка дьяволомъ сл. слѣдующее южнославянское: Когда Господь творилъ, *djavo namisli, da i on kakvu god životinju stvori, pa šta će nego kurjaka. Načini ga lepo od blata, pa stane prema njemu i pogleda kako je ler.* — Послѣ неудачныхъ попытокъ оживить его, онъ проситъ о томъ Бога. «*Ноу, reče bog, samo ćeš učiniti nešto, što ću ti reći; pa ako to učiniš, onda ću ti je oživiti; a to je, da rekneš tri put ove reči: Sin na oca! A kad to rekneš, ona će ti odmah oživeti.* Дьяволъ сначала не соглашается, но потомъ хочетъ попытаться: «*ja ću se sakriti pod obalu, pa ću onda reći, pak ako baš skoči na mene da me pojede, ja ću pobeći u vodu. Onda sidje pod obalu i poviče polako: Sin na oca! Toko je dvaput reкао. Kad treći put zausti da rekne: Sin na — te tako treću reč ne mogaše da izgovori, nego go san uhvati; i samo se začu, gde reče: «Ку —». Hteo je valjda da kuka; i otud поста kurjak.* I tako mu ime osta i dan današnji. Pa i sad, gde god vidi ili nadje djavola, hvata ga i jede; i da nije kurjaka, ne bi se moglo od budi boga s nama živeti, nego ih kurjaci trebe i jedu». См. Jagić, Prilozi, p. 44—5. Въ Читеніи отъ Адама (Вопросы и Отвѣты, сл. ib., стр. 43) дьяволу приписывается сотвореніе медвѣдя, но онъ же создалъ «вѣшки и емодлаки». Замѣтимъ, кстати, что и медвѣдь считался символомъ дьявола, сл. Pitra, l. c. p. 61 слѣд.; Ducange, Gloss. med. et inf. lat. a. v. carnevarium: *occidunt ursum, occiditur diabolus, id est, temptator nostrae carnis.* — Интересную параллель къ эпизоду романа о Renart'ѣ, упомянутому на стр. 332 (созданіе вредныхъ звѣрей, между прочимъ волка, Евой), представляетъ народная бретонская легенда (Luzel, Légendes chrétiennes de la basse-Bretagne I, p. 1 слѣд.): Господь, ударивъ палкой по очагу, создаетъ корову; женщина повторяетъ ударъ, отъ котораго является огромный волкъ, пожирающій корову.

Къ стр. 329 прим. 1 (*затмѣніе, гибель солнца и луны = пожраніе чудовищемъ*). Сл. выше, стр. 440 (осетинскій рожде-

ственскій обычай); Потанинъ, 1. с. вып. II, стр. 126—7 и прим. 27 къ гл. I-й (въ концѣ), прим. 20 къ гл. IV-й; В. Миллеръ, Осетинскіе этюды, ч. II, стр. 297—299.

Къ стр. 333—334 (*Имя тропайофоръ*). Сл. Кондакова, Исторія византийскаго искусства и иконографіи и т. д., р. 171.

Къ стр. 344 (*дьяволъ-змѣй*). «І повелѣ Михайлу потруби^т. І востру^т Михайлъ. І в томъ ча^ѣ изведень бы дьяволъ держимъ. X. І. X. англъ. ѿгненными верига^ѣ связанъ. баше же высота змита того. X. локо^т. лице-же ёго тако молань^а. ѿчи же ёго га^ѣ іскриё. ѿ ноздри ёго ісходаще вона смердаще. оуста же ёго тако пропасть глубока» (Вареоломѣевы вопросы Богородицѣ у Тихонова, Пам. Отр. русск. литературы II, стр. 22.

Къ стр. 350, прим. 1 (*конь богатыря, выбивающій копытомъ источникъ*). Сюда относятся два пересказа пѣсни о «Трехъ поѣздкахъ Ильи» у Кир. I, стр. 35; Рыбн. IV, № 3. Послѣдній указываетъ на несомнѣнное подновленіе языка подъ вліяніемъ книжнымъ (сл. замѣтку О. Миллера у Рыбн. IV, стр. VIII—IX). Оттуда, вѣроятно, странное, очевидно, не миеологическое названіе коня: *Тучападушка*. Не *Дучипалъ*-ли славянской Александріи?

Къ стр. 355 слѣд. (*Праведный Михаилъ изъ Потужи*). Служба ему въ Трефологіи Зографскаго монастыря (XIII в.) у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LXVIII р. 412—413. Стихари стихов.: «Копіе твое възать и мечъ в рацѣ своей и скороа твердостиа, с копиемъ же к свѣреви притече. и въздвиге рака своа. и главъ его ѿсѣче тако доблестьвно неврѣденъ гависа. въ сила кртнаа ѿблъкъса борца прободе. Придѣте прововѣрныхъ събори днѣ пѣми вѣнчаимъ воина Хва Михаила. сѣ бе тако добрымъ воинъ вѣрѣ оудодень. ниши^т оудовлѣа. алчащихъ крьма. ѿрж-жие кртное приемъ изведе къ борению врага. и сего оубивъ двѣа

избвѣ ѿ мѣство его (?). и нѣ мѣте прославльшаго Ха̂ ба
нашего избавитиса намъ прѣгрѣшениа вражіа. спѣса дшамъ
нашимъ».

Къ стр. 379—81 (*Легенда о разбойникѣ и деревѣ покаянія*).
Сл. Правда, 1868 г., стр. 147.

— Къ стр. 383—4, прим. 2 (*Гусиная Сивилла*). Сл. Gaster,
Zur Quellenkunde deutscher Sagen und Märchen, въ Germania
XXV, стр. 290 слѣд., № VII: Die Vogelfüße der Geister.

Къ стр. 409 слѣд. (*Древо Сива*). Въ малорусской легендѣ
у Драгоманова (Малорусск. народныя преданія и рассказы,
стр. 93—4) крестное древо вырастаетъ изъ прута, принесен-
наго Сивою: того прута, «що Богъ Гадама виганяв із раю». Изъ
него сдѣланы три обруча, которые возлагають на голову
Адама; съ ними онъ погребенъ, изъ нихъ вырастають три де-
рева: кипарисъ, кедрина и *треблаженное древо*. Говорять, Бого-
родица какъ-то запнулась о него и воскликнула: «О треблажен-
ное древо, на тебѣ распнется Сынъ мой». На Богородицу
перенесено пророчество Сивиллы (сл. выше, стр. 383—4).

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXXII, № 5.

ПИСЬМА В. С. СОПИКОВА

къ

К. О. КАЛАЙДОВИЧУ.

сообщилъ

И. ШЛЯПКИНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лнк., № 12.)

1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1888 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Л. Веселовскій*.

ПИСЬМА В. С. СОПИКОВА КЪ К. Θ. КАЛАЙДОВИЧУ.

Помѣщаемыя здѣсь письма, собранныя покойнымъ И. П. Сахаровымъ, заслуживаютъ вниманія всякаго просвѣщеннаго русскаго, тѣмъ болѣе историка русской литературы. Отрывочныя свѣдѣнія, въ нихъ заключающіяся, показываютъ намъ съ какою массою всевозможныхъ препятствій приходилось бороться нашимъ первымъ палеологамъ. Они первые загляли у насъ свѣтлильникъ народности, а много ли мы знаемъ о ихъ жизни и трудахъ? ¹⁾. «Всему этому причиною», говоря словами Сопикова: «русское хладнокровіе къ своему истинному просвѣщенію».

I.

12-го сентября 1813.

Любезный и почтенный другъ мой
Константинъ Федоровичъ!

Пріятыѣйшее письмо ваше отъ 1-го сентября крайне меня обрадовало! — до него я не зналъ что объ васъ думать. Я не буду здѣсь хвалить васъ за бранныя ваши подвиги и спрашивать о ужасныхъ дѣлахъ, вами видѣнныхъ ²⁾. На сіе славное поприще вступили вы, думаю, по какому-нибудь непредвидѣнному случаю —

¹ О крайней скудости матеріаловъ для біографіи Сопикова см. въ Древней и Новой Россіи 1876 г., № 1, статью академика М. И. Сухомлинова «Василій Степановичъ Сопиковъ». Θ Калайдовичѣ статьи Безсонова въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., кн. 2, и Читеніяхъ О. И. и Д. Р., 1862 г., кн. 3, и отдѣльно.

²⁾ Калайдовичъ служилъ въ ополченіи 1812 года.

но что до того за дѣло. Но слава Богу, что вы живы и здоровы! Мирный дружескій кровъ, вами теперь обрѣтенный, послѣ страшныхъ бурь и превращеній, долженъ быть для васъ сладостенъ. На длинное письмо ваше на сей разъ отвѣчать буду кратко, только бѣ на сей почтѣ написать вамъ что нибудь — ибо оно подано мнѣ вчера вечеромъ уже поздно. На будущей почтѣ напишу болѣе. Извѣстную вамъ мою роспись¹⁾ я дѣйствительно печатаю, коей первая часть, состоящая изъ 29 листовъ, чрезъ двѣ недѣли явится къ вамъ съ своею должною благодарностію непремѣнно. Набирается въ типографіи послѣдній оной листъ. Труда много, а добра по жалкой способности моей и безъ дѣятельнаго вашего участія въ томъ видятъ немного — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ — пусть знатоки не прогнѣваются.

Но впредь надѣюсь при помощи вашей и другихъ исправить и дополнить. Не оставьте присылкою недостающаго и исправленіемъ погрѣшностей, что можно внести съ оговоркою во вторую часть. На нѣкоторые вопросы ваши здѣсь отвѣчаю, а другіе останутся до другаго времени. Остромирово Евангеліе, писанное въ Новгородѣ 1056 года и вѣрная копія Лаврентьева снимка Несторовой Лѣтописи находятся теперь у г. Оленина, въ сказанномъ вами мѣстѣ Лицея²⁾ оно описано. Рукописей X, XI и XII вѣковъ, кажется, здѣсь ни у кого нѣтъ, кромѣ подложныхъ, поддѣланныхъ невѣжествомъ и корыстію. Молитвенникъ, такъ называемый Анны Ярославовны, есть ничто иное, какъ Сербскій Служебникъ XIV или XV вѣка и ничего не значить. Г. Дубровскій, первый владѣтель оваго, по наклонности своей къ шарлатанству и корыстолюбію, сплелъ объ немъ нелѣпую и небывалую басню, которая многихъ ввела въ заблужденіе своею новостію. Напрасно любезный другъ беспокоитесь о томъ, о чемъ я совѣмъ (не) думаю. Зная ваши благородныя чувствованія, нѣтъ нужды мнѣ о малости беспокоится. Правда, я теперь въ нуждѣ

¹⁾ Роспись Россійской Библіографіи, изд. Сопикова, 5 ч. Спб., 1813—1820.

²⁾ Лицей, періодическое изданіе Мартынова на 1806 г., 12 номеровъ.

послѣ московской моей потери. Но въ общемъ несчастіи всякое горе не столь чувствительно кажется, какъ въ особенномъ. Вы молоды, имѣете таланты, при дѣятельности и бережливости потерянное съ избыткомъ еще вознаградить можете, а когда крайняя моя нужда заставитъ прибѣгнуть къ великодушію вашему, я увѣренъ, что при избыткѣ вашемъ вы мнѣ помочь не откажете. Вотъ моя претензія! За погибель музея и другихъ сокровищъ, въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія, начальники вашего университета на именахъ своихъ понесутъ незагладимое пятно за безпечность свою и нерадѣніе о спасеніи оныхъ. Они заслуживаютъ достойно это наказаніе въ примѣръ другимъ. А потеря словесныхъ сокровищъ (sic) частныхъ людей остается на отчетѣ равнодушнаго нашего правительства. По крайней мѣрѣ, уцѣлѣли отпечатанные листы Нестора и Славянскихъ Древностей, вами издаваемыхъ, съ ихъ оригиналами? Библіотека духовной типографіи и синодальная, кажется, сохранены. Такъ, любезный другъ, чего мы боялись съ вами относительно нашихъ древностей, то, къ сожалѣнію, и случилось — вотъ до чего доводитъ безпечность! Но пусть будетъ все, какъ быть можетъ? Желательно, чтобы Карамзинъ хотя нѣсколько утѣшилъ и позабавилъ насъ изданіемъ своей исторіи. Г. Языковъ еще не началъ переводить вторую часть своего Шлецера¹⁾, а собирается, но примѣтно не очень охотно, въ смутное время онъ лишился за ничто своей библіотеки. Теперь прилѣпился къ Библии и хочетъ трудиться надъ переводомъ Псалтыри съ нѣмецкаго Михаелисова перевода. Въ минуты унынія многіе люди прибѣгаютъ къ сей книгѣ. Въ сентябрѣ прошлаго года я возилъ на суднѣ лучшую часть Императорской Библіотеки въ Олонецкую губернію и до половины декабря жилъ съ нею въ деревнѣ Устланкѣ, на рѣкѣ Свири. Дѣло, мнѣ порученное, исполнилъ какъ должно, и отъ начальства за то получилъ словесную и на письмѣ надлежащую признательность — обѣщана и награда при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Тутъ

¹⁾ Шлецера «Несторъ», переводъ Языкова, 3 ч. Спб. 1809—1819.

я по домашней моей части нѣсколько потерпѣлъ, не считая хлопотъ и заботъ. Терпѣніе и время все поправить.

Простите, сгѣшу письмо отдать на почту. Съ почтеніемъ
 пребуду вамъ преданный
 Сопиковъ.

II.

Спб. 21-го октября 1818.

О глаголическихъ буквѣхъ, выгравированныхъ на двухъ доскахъ, найдете рисунокъ при стр. 60-й моей книги. Заглавіе, или лучше, букварь глаголическій, я только у васъ видѣлъ переплетенный въ книгѣ съ другими піесами, а никогда не получалъ. А здѣсь бралъ его у одного собирателя древностей. О драгоцѣнной находкѣ вашей сообщить г. Оленину и Ермолаеву не имѣю я времени, потому что при полученіи вашего письма у насъ готовилось внутреннее открытіе Библіотеки, служащее предтечею къ публичному. Оно послѣдовало 14-го сего октября, въ присутствіи министра. По отпѣтїи молебна и освященія воды, въ 12 часовъ началось засѣданіе, въ которомъ секретарь читалъ уставъ Библіотеки, а за тѣмъ директоръ читалъ свой отчетъ министру за всѣ годы своего управленія Библіотекою. Сей отчетъ будетъ напечатанъ. Знатоки и любители древностей нашихъ, чтобъ оцѣнить единственную вашу рукопись, пожелаютъ узнать нѣкоторыя объ ней подробности, а именно: на чемъ она писана, какимъ письмомъ, какого содержанія и какимъ слогомъ или нарѣчіемъ и проч., а безъ того не могутъ и не рѣшатся дѣлать своего приговора. Они не захотятъ слѣпо удивляться и уважать оную, подобно тому любителю всякой древности, описанному въ Персидскихъ письмахъ¹⁾, который Епиктетовъ свѣтильникъ предпочиталъ всѣмъ свѣтильникамъ на свѣтѣ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ симъ поступкомъ своимъ доказалъ, что онъ обыкновенные куски

¹⁾ *Montesquieu, Lettres persannes*, l. CXLII: «Il y a quelques jours que je vendis ma vaisselle d'argent pour acheter une lampe de terre qui avoit servi à un philosophe stoicien».

золота или серебра цѣнить выше всякихъ рѣдкостей. Не онъ первый, не онъ и послѣдній, а всему этому причиною русское хладнокровіе къ своему истинному просвѣщенію!

Желалъ бы еще съ вами бесѣдовать, любезный другъ, но спѣшу на почту, и за тѣмъ простите преданнаго вамъ душевно

В. Сопикова.

NB. Одинъ экземпляръ моей книги я осмѣлился надписать Михаилу Трофимовичу¹⁾, въ надеждѣ о васъ на благосклонное его къ моему труду вниманіе. Я бы желалъ чтобы онъ нѣсколько словъ сказалъ объ немъ въ своемъ журналѣ.

III.

30-го октября 1818 (получено).

Любезный другъ Константинъ Федоровичъ!

Пріятнѣйшее ваше письмо отъ 2-го октября я получилъ и, читая и перечитывая оное, восхищался. Принимаемое вами ревностное и дружеское участіе въ трудахъ моихъ, желая довести ихъ до нѣкотораго совершенства, не позволяеть оставаться мнѣ равнодушнымъ и вмѣстѣ обязываетъ меня чувствовать къ вамъ чистѣйшую благодарность. Сямъ даете вы мнѣ полное право часто прибѣгать къ вамъ съ моими просьбами, тѣмъ съ большею увѣренностію, что онѣ согласны съ вашимъ благороднымъ расположеніемъ къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ нашъ отечествѣ. Перечневую записку о всѣхъ книгахъ, не дошедшихъ до моего свѣдѣнія, буду ожидать отъ васъ съ несказанною нетерпѣливостію. Но извѣстно вамъ, что она не можетъ еще удовлетворить достаточно моему намѣренію. Мнѣ необходимо нужна порядочная и обстоятельная онымъ роспись, чтобы ею воспользоваться и дополнить мою роспись. Я увѣренъ, что вы ни въ чемъ возможномъ мнѣ не откажете. Посылаемую при

¹⁾ Каченовскому, издателю Вѣстника Европы.

семь мою книгу прокладывать для сего по листамъ бѣлою бумагою почитаю не нужнымъ потому, что вы и безъ того увидите чего въ ней недостаетъ, и при томъ это потребуетъ обратной пересылки самой книги, что совсѣмъ излишній трудъ. Я бы желалъ все мною упущенное помѣстить въ дополненіи при второй части, и потому волю и молю васъ съ колѣнопреклоненіемъ о доставленіи мнѣ того въ надлежащее время, дабы трудъ мой явился достойнымъ благосклоннаго вниманія просвѣщенныхъ нашихъ словесниковъ, а содѣйствователю оному могъ бы я по долгу моему вмѣстѣ предъ лицомъ ихъ изъяснить сердечную мою благодарность. Прекрасная ваша статья о Иванѣ Федоровѣ¹⁾, помѣщенная въ Вѣстникѣ Европы, вышла уже, къ сожалѣнію, поздно; она мнѣ нужна была только для послѣсловія Львовскаго Апостола, которое въ моемъ, какъ вамъ извѣстно, не полно, о чемъ я молилъ васъ двукратно по пріѣздѣ моемъ сюда, но не былъ услышанъ. При семъ смѣю вамъ замѣтить о сказанномъ вами про Скорину, что яко бы онъ книги *Новаго Завета издавалъ прежде Ветхаго*, что, мнѣ кажется, не вѣрно, ибо Апостоль его изданъ 6-ю годами послѣ другихъ книгъ, а о Евангеліи его и слуху нѣтъ. Слѣдственно, надобно это поправить. Преосвященный Евгений по всѣмъ отношеніямъ въ глазахъ моихъ выше всякой нашей похвалы. На слѣдующей почтѣ съ книгою моею буду писать къ нему въ Калугу. Препорученіе его вамъ изданія, неопѣннаго словаря его, доказываетъ, что кромѣ многихъ другихъ добродѣтелей, украшается онъ и добродѣтелию безкорыстія, что въ ихъ чинѣ величайшая рѣдкость. Остромирово Евангеліе привезено было къ Государю изъ Нова-города г. Дружининымъ²⁾. Г. Оленинъ, яко знатокъ, боясь, чтобъ сія драго-

1) «Иоаннъ Федоровъ, первый московской типографщикъ». В. Е. 1813, ч. 71, № 18, стр. 93.

2) Это не совсѣмъ точно. Остромирово Евангеліе хранилось прежде въ Новг. Соф. соборѣ. При Петрѣ уже было въ С.-Петербургѣ (см. Лѣтописи рус. лит. и дрвѣ., т. I, кн. 1, стр. 145). Затѣмъ Я. А. Дружининъ нашелъ его въ покояхъ Имп. Екатерины II, послѣ ея кончины, и въ 1806 году поднесъ Имп. Александру I. См. изданіе Востокова. Спб. 1848.

цѣнность сохранилась, выпросилъ его у Государя подъ свое сохраненіе. Оно на пергаментѣ въ средній листъ, писано прекраснѣйшимъ чистымъ уставнымъ письмомъ. Заглавныя буквы росписаны живописью и покрыты золотомъ. Сборникъ кн. Щербатова¹⁾ также у г. Оленина, у коего также находится еще въ рукописи и Евгениевы объясненія Новгородскихъ грамотъ²⁾. Библиографическихъ извѣстій о двухъ первыхъ книгахъ на сей разъ сообщить вамъ не могу и буду стараться исполнить это въ удобнѣйшее время. Обаронѣ Фитингофѣ простите, что не имѣю еще случая узнать, ибо знакомые мои его не знаютъ.

IV.

5-го декабря 1818.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Федоровичъ!

Письмо ваше съ примѣчаніями на мою книгу я получилъ. Извините, что поздно на него отвѣчаю, по причинѣ случившихся разныхъ хлопотъ. За примѣчанія сердечно васъ благодарю и желаю продолженія. Типографическими погрѣшностями прошу не заниматься, ихъ исправить не трудно. Онѣ болѣе произошли отъ неисправности типографіи. Многія изъ нихъ означены на концѣ книги. Вы знаете, что трудно избѣгнуть ихъ. Въ Лудольфовой³⁾ грамматикѣ, въ экз. наход. въ Императ. Библіотекѣ, другаго посвященія не было. Пріятеля ваши книгу мою могутъ получить изъ лавки г. Свѣшникова. Крайне сожалью, что я съ г. Тургеневымъ не знакомъ, а только имѣлъ случай видѣть нѣкогда ево библіотеку, почему въ двухъ мѣстахъ моей книги я и ссылаюсь

---

¹⁾ Это извѣстный сборникъ 1076 года, хранящійся въ Императорской С.-Петербургской Библіотекѣ.

²⁾ Объ этомъ смотри въ книгѣ Ивановаго: «Митрополитъ кievскій и галицкій Евгений». Спб. 1872, стр. 33.

³⁾ Грамматика Россійская, соч. Генрихомъ Вильгельмомъ Лудольфомъ, на русскомъ и латинскомъ языкахъ, нап. въ Оксфордѣ 1696 г.

на оную. Виновать, что по сіе время не выслалъ вамъ Зырянской грамматики. Заходилъ нѣсколько разъ въ лавку чтобы купить ее, но была заперта. Постараюсь доставить. Я желалъ, чтобъ г. Каченовскій о моей книгѣ въ журналѣ своемъ¹⁾ сказалъ что нибудь болѣе, но видно не хотѣлъ. Въ послѣднихъ книжкахъ №№ 21 и 22 Вѣстника Европы, въ біографіи А. И. Пушкина, не справедливо сказано, что будто съ журналомъ Петра Великаго, собраннымъ г. Крекшинымъ, купленнымъ на рынкѣ у книгопродавца, нашель онъ Лаврентьевскій Списокъ Несторовой Лѣтописи и многія другія важныя древнія лѣтописи и книги. Книгопродавецъ, у коего онъ эту кучу купилъ за 300 руб., былъ я. Сія куча привезена была ко мнѣ не на многихъ телѣгахъ, а на однихъ обыкновенныхъ роспускахъ, и содержала въ себѣ 37 (а не 27) книгъ чернаго журнала о дѣлахъ П. В. и нѣсколько печатныхъ указовъ Импер. Анны Иоановны и ничего болѣе. Это происходило въ 1791 году, а въ 1795 году, по случаю издаваемой мною лѣтописи Св. Димитрія въ Св. Синодѣ, сей журналъ, по желанію самаго графа П., я взялъ обратно за 300 руб. и промѣнялъ его на книги Петру Богдановичу, который увезъ его съ собою въ Полтаву. Но нужныя и важныя записки, въ немъ бывшія, графомъ П. всѣ были уже вырваны, чего однакожъ ему при возвращеніи объявить мнѣ было не угодно. Слѣдственно, это мѣсто въ біографіи графа А. И. М.-П. должно быть исправлено. О журналѣ тогда же я писалъ къ одному пріятелю въ Москву, который мое письмо показывалъ Н. Н. Б.-Каменскому, который отозвался о немъ съ уваженіемъ.

---

¹⁾ М. Т. Каченовскій, издатель Вѣстника Европы.

V.

9-го декабря 1818.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Весьма благодарю васъ за дополненіе и поправки моей книги. Мнѣ пріятно, что она нѣкоторымъ знающимъ людямъ нравится. Гораздо съ большимъ тщаніемъ желается мнѣ напечатать ее вторымъ изданіемъ и для того перваго я не много напечаталъ. Просилъ также я и преосвященнаго Евгенія, чтобы и онъ, сдѣлавъ свои замѣчанія, мнѣ оныя доставилъ¹⁾. Вторая часть также печатается, пять листовъ уже напечатано. При Императорской Библиотекѣ начнутъ издаваться скоро русскія лѣтописи, подъ заглавіемъ: *Собраніе русскихъ дѣписателей*. Первая часть содержитъ Несторову Лѣтопись по списку Суздальскому, на иждивеніи графа Н. П. Румянцова, который на первый случай опредѣлилъ на сіе 25 т. рублей, какъ изъ газетъ могли видѣть Жертва благородная и похвальная! Любопытно будетъ видѣть, которое изданіе его списка будетъ исправнѣе, здѣшнее или московское? Продолжаете сіе послѣднее? Письмо ваше въ женское благотворительное общество я доставилъ на другой же день по полученіи къ г. эконому онаго общества. Оно обратится въ Москву къ г-жѣ Каменской, вѣроятно, фельдмаршалшѣ, которая управляетъ тамъ дѣлами сего общества. По времени вамъ надобно будетъ къ ней явиться. Надобно вамъ знать, что сіе общество имѣетъ въ сборѣ значущую сумму, но весьма малыя дѣлаетъ выдачи просящимъ, а особливо въ Москвѣ, куда отсюда посылаются по временамъ къ г-жѣ Каменской небольшія суммы. Сыщите случай тамъ, для лучшаго успѣха вашей просьбы, сію госпожу Каменскую заблаговременно расположить въ вашу пользу. Имѣете ли вы нынѣ входъ въ типографскую и патріаршую библиотекы? Я хотѣлъ просить васъ чтобъ съ находящихся тамъ нѣкоторыхъ книгъ списать полныя заглавія, кои въ мою

¹⁾ О содѣйствіи митр. Евгенія труду Сопикова см. изданныя мною письма Евгенія къ Сопикову (Древняя и Новая Россія 1881, № 2, стр. 314).

книгу внесены не вѣрно и безъ означенія года и мѣста изданія. Опытъ о человекѣ Яскаго изданія, съ заглавiемъ и посвященiемъ князю Потемкину, имѣю я болѣе 10 лѣтъ въ своихъ рукахъ и внесена въ мою роспись съ замѣчанiемъ, что напечатано сходно съ первымъ изданiемъ, въ коемъ мѣста, напечатанныя крупными буквами, переправлены архіепископомъ Амвросiемъ, убиеннымъ. По замѣчанiю г. Козлова, что я малыя форматы не отнесъ ли всѣ къ 8? Точно такъ, по той причинѣ, что они точно печатаны въ 8, но только на малой бумагѣ. Въ Смоленскѣ была типографiя до нашествiя французовъ, а нынѣ нѣтъ. Митавская и рижская у меня означены, но г. Козловъ не видалъ, то мудрено ли мнѣ было нѣкоторые пропустить. Замѣчанiя г. Козлова весьма малозначущи потому, кажется, что онъ книгу мою не читалъ, а пробѣгалъ. За тѣмъ пребываю вашимъ покорнымъ слугою Василій Сопиковъ. С.П.Б.

Адресъ мой лучше: въ Императорскую Публичную Библиотеку.

VI.

Спб. 19-го декабря 1813.

Любезный и почтенный другъ Константинъ Федоровичъ!

На прошлыхъ почтахъ я къ вамъ два письма писалъ, кои, думаю, вы уже и получили. При семъ же увѣдомлю васъ, къ моему огорченiю, что письмо ваше въ женское благотворительное общество останется безъ успѣха по той причинѣ, что въ немъ объявили себя имѣющимъ домъ, онѣ таковымъ не помогаютъ, и наипаче холостымъ. У женщинъ къ холостымъ сердце не лежитъ. О пользѣ вашего родителя по письму его къ князю Голицыну, прiятель мой просилъ г. Тургенева; который искренно взялся у князя ходатайствовать; кажется и надѣяться можно.

Простите, что я къ вамъ рѣдко и мало пишу; это оттого, что нѣкоторыя подлыя полицейскiя души запутали меня въ свои сѣти, взвели на меня небывалую уголовщину, будто жившая у

меня малолѣтняя дѣвочка на воспитаніи выбросилась въ окно изъ третьяго этажа и хотѣла утопиться, разумѣется, убѣгая моею жестокости. Сущая небылица! Пока истинныя откроется, должно перенести множество безпокойствъ и огорченій. Съ 29-го минувшаго ноября ни за какое дѣло не могу приняться, не имѣю спокойствія духа. Дѣло еще у оберъ-полицмейстера, но, кажется, дойдетъ еще и до военнаго губернатора. Пока простите преданнаго вамъ покорнаго слугу
Сопикова.

VII.

13-го января 1814.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Федоровичъ!

Благодарю васъ за многія пріятныя ваши письма и извѣстія. Прошу почетче ихъ писать, чтобъ я могъ поскорѣе ихъ читать. Историческіе ваши отрывки, помѣщенные въ послѣдней книжкѣ Вѣстника Европы, написаны превосходно. Тациты, Робертсоны, Юмы и Гиббоны не постыдились бы признать своими. Вотъ какъ должно писать русскую Исторію¹⁾. Вы увѣрили всѣхъ любителей просвѣщенія нашего отечества, что историографъ нашъ оставитъ по себѣ достойнѣйшаго преемника. Пресвященный Евгений прислалъ мнѣ при самомъ лестномъ письмѣ послѣсловіе древнѣйшаго Евангелія и примѣчанія на мою книгу, съ обѣщаніемъ прислать оныхъ больше.

Баронъ Фитингофъ, о коемъ вы меня спрашивали, живетъ здѣсь. Къ нему одинъ мой пріятель часто ходитъ. Онъ обѣщаетъ прислать вашему обществу тѣ 100 червонныхъ, кои обѣщайи имъ за рѣшеніе задачи о подлинномъ славянскомъ языкѣ. Сказываютъ, что онъ много долженъ и разстроень. Какая надобность? Благородное честолюбіе имѣетъ свои расчеты. Чернь можетъ и подождать!

¹⁾ Статья Калайдовича въ Вѣстникѣ Европы 1813 г., ч. 72, стр. 183.

Въ словарѣ пресвященнаго Евгенія статью о иностранцѣ Гутри и его женѣ надлежитъ исправить. Мнѣ обѣщали объ нихъ вѣрную записку, кою я вамъ доставлю. Г. Тургеневъ за родителя вашего хорошо прошенъ, обѣщаль возможное сдѣлать. Пожалуйста не скупитесь тѣмъ, что у васъ есть къ дополненію и усовершенію моей книги. Это дѣло, согласитесь, требуетъ общихъ соединенныхъ силъ, а одинъ всякій станетъ въ пень. Сказать ли и покаяться ли вамъ? Я на васъ за ученую скупость жаловался отцу нашему Евгенію, и онъ за это вами, кажется, недоволенъ. Кто писалъ статью: *о сочиненіяхъ Петрова*¹⁾? Написано прекрасно, вѣроятно Карамзинъ или Мерзляковъ, и, кажется, по просьбѣ книгопродавцевъ, чтобъ ихъ раскупали, ибо похвалы слишкомъ увеличены. При семъ посылаю вамъ два экземпляра моей книги для вашихъ пріятелей. Письмо г. Ермолаеву доставлено. Вы нынѣ имѣете свободный входъ въ бібліотеку типографскую, то не можете ли нѣкоторыхъ рѣдкихъ книгъ, тамъ находящихся, списать точныя заглавія, кои въ моей книгѣ или не полны, или не вѣрны?

Простите вашего преданнаго

Сопикова.

VIII.

20-го марта 1814.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ

Константинъ Ѳеодоровичъ!

Виновать крайне, что по сіе время не отвѣчалъ на ваши письма, исправно мною полученныя.

Тысячу разъ прошу у васъ въ томъ прощенія. Я цѣлую недѣлю былъ болѣнъ, хотя и на ногахъ, но не могъ ни за что приняться. Теперь опять здоровъ. Благодарствую вамъ отъ всего моего сердца за дружеское ваше усердіе о поправкахъ и допол-

¹⁾ Тамъ же, стр. 224.

неніяхъ моей книги. Прошу васъ также по предложенной у сего запискѣ справиться въ типографской бібліотекѣ, поправить и дополнить означенныя въ ней статьи. За все сіе да наградитъ васъ съ избыткомъ внутреннее ваше чувство и любовь къ просвѣщенію нашихъ собратій. За присылку книжекъ съ Василюемъ Ив. Козловымъ особенно благодарствую. Указъ печатный помѣстится при книгѣ: *Граціана Балтазара придворный человекъ* и вамъ тотчасъ возвратится. Граматику зырянскую на слѣдующей почтѣ непременно пришлю. Графъ Николай Петровичъ очень жалѣеть, что не можетъ теперь удовлетворить вашихъ требованій, и потому лишается удовольствія видѣть васъ при себѣ. Это я слышалъ отъ него лично. Начертаніе жизни князя Долгорукова, сочиненное г. Бороздинымъ, у меня давно записано. Не можете ли одолжить присылкою одного экземпляра Душиньки, изданіе 1811 года, у г. Бекетова? 1-е изданіе нынѣ рѣдко. Также прошу увѣдомить, можно ли въ Москвѣ купить Требникъ Петра Могила, чистый экземпляръ и за какую цѣну? Я бы выслалъ вамъ на него деньги. Мнѣ онъ собственно для себя нуженъ. Весьма бы желательно знать о 1-мъ и 3-мъ изданіи Номоканона, не можете ли постараться отыскать объ нихъ свѣдѣнія? Живъ ли старецъ почтенный Игнатій Оерапонтовичъ и занимается ли по прежнему книжными дѣлами¹⁾? Прошу васъ объявить ему мое почтеніе. Неѣрпѣливо ожидаю отъ васъ извѣстія о Библиографическомъ сочиненіи, обрѣтенномъ вами въ типографской бібліотекѣ. О путешествіи N. N. доселѣ я не зналъ. Кажется тоже самое, что помѣщено въ сочиненіяхъ г. Дмитріева²⁾. Слишкомъ уже много для меня чести называться русскимъ Дебюромъ³⁾. Довольно и того, что я подалъ поводъ заняться этою частью другимъ, способнѣйшимъ меня. И вѣрно сыщутся охот-

¹⁾ См. примѣчаніе 2 къ письму XI.

²⁾ См. примѣчаніе 2 къ письму X. Сопиковъ думалъ, вѣроятно, о стихотвореніи Дмитріева «Путешествіи».

³⁾ Гильомъ Дебюръ (De-Bure) извѣстный французскій бібліографъ, авторъ *Bibliographie instructive* 7 т. Paris 1768—1768.

ники продолжать мой трудъ, слѣдственно, не пропадетъ напрасно. Третья часть начнется печататься не прежде нынѣшняго лѣта, если только буду здоровъ.

Желаю вамъ добраго здоровья и душевнаго спокойствія, остаюсь вамъ усервующимъ
Сопиковъ.

Книги, о коихъ прошу справиться и дополнить и отыскать въ типографской библиотекѣ.

Четыре книги Царствъ изъ Скорин. Библии, не переплетены ли съ нею другія какія книги?

264: Догматики. Показать автора, годъ и мѣсто изданія.

795. О Сакраментахъ. Пополнить заглавіе.

1101. Слова похвальныя Кирилла Транквилона. Не таже ли книга это, что изъясненіе его воскресныхъ Евангелій?

Списать полныя заглавія разныхъ проповѣдей, говоренныхъ въ Москвѣ 1741, 42, 43; 44, 45, 46 и слѣдующихъ годовъ, кои не помѣщены въ моей книгѣ.

При службахъ на праздники и разнымъ святымъ означить годъ изданія, коихъ у меня не означено.

1429. Судъ Святительскій. Дополнить заглавіе и годъ.

207. Вѣдомости о военныхъ дѣйствіяхъ. Нѣтъ ли на другіе годы?

789. Опись, сирѣчь и проч., не переплетено ли съ нею другихъ книгъ. Я видѣлъ, что это довольно толстая книга. Въ предисловіи не означенъ ли авторъ и не можно ли сдѣлать краткую выписку.

792. О послѣдованіи Христу. Списать полное заглавіе и сдѣлать для примѣра краткую выписку.

IX.

28-го марта 1814.

Поздравляю васъ любезный другъ Константинъ Ѳеодоровичъ съ великимъ христіанскимъ праздникомъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ! и желаю вамъ всѣхъ благъ по сердцу вашему!

Съ прошедшею почтою просилъ я васъ выправиться въ типографской библиотекѣ о нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ, коимъ приложена тамъ и записка. При семъ же нужно мнѣ узнать есть ли московское изданіе книги Пращицы 1752 года въ 4 или въ листъ; хотя оно и помѣщено въ моей книгѣ, но я имѣю въ немъ сомнѣніе. Здѣсь послѣдовало запрещеніе на книгу: походъ Императора Александра I, а у васъ въ Москвѣ слышно, на мистическую тетрадку: *Дружескій Советъ*. Соч. по сказанію г. Руничемъ. Сей мистикъ на стр. 28-й почитаетъ общимъ и опаснымъ заблужденіемъ крещеніе наше считать таинствомъ и новымъ возрожденіемъ, но по его мнѣнію оно есть только наружный обрядъ; а на стр. 44-й всеблагому Творцу нашему приписываетъ злобу. Всѣ книжки вообще написаны учительскимъ тономъ, неприличнымъ свѣтскому человѣку. Посылаю вамъ при семъ Зырянскую грамматику, которую черезъ меня дарить г. Языковъ Д. И. Онъ весьма желаетъ имѣть вышедшіе листочки Словенскихъ древностей, вами издаваемыхъ. Не можете ли одолжить присылкою оныхъ, хотя только на время, если вовсе нельзя? Онъ по желанію графа Румянцева занимается теперь сочиненіемъ словаря Словенскихъ древностей. Если успѣетъ кончить, то не бесполезенъ будетъ для антикваріевъ.

Я все не очень здоровъ. Чувствую боль въ груди. Боюсь отдаться нашимъ эскулапамъ, чтобъ не растравили оную, и боюсь, чтобы въ теперешнее опасное время года не усилилась. Пробую избавиться отъ нея діетою. Всего будетъ досаднѣе, если она не дастъ мнѣ кончить моей книги вторымъ изданіемъ.

Простите, пребываю вамъ преданнымъ Сопиковъ.

Х.

1-го октября 1814.

Любезный другъ Константинъ Федоровичъ!

Долго не зналъ я что думать о вашемъ молчаніи, наконецъ пріятное письмо ваше отъ 21-го сентября вывело меня изъ сего

скучнаго недоумѣнія. Впрочемъ я всегда остаюсь увѣреннымъ о непремѣнномъ вашемъ дружескомъ ко мнѣ расположеніи, воспоминаніе коего приноситъ мнѣ особенное удовольствіе. Увѣдомте пожалуйста о вашихъ обстоятельствахъ. Своенравное счастье начинается ли вамъ нѣсколько улыбаться, и стараетесь ли вы искать его благоволенія? Время дорого и летитъ на самыхъ быстрыхъ крыльяхъ. Жить въ нынѣшнемъ обществѣ, и безпрестанно бороться съ нуждами крайне прискорбно, особенно человеку, вкусившему плода отъ *древа познанія добра и зла*. Благодарю васъ за вниманіе къ моей работѣ. 4 экземпляра второй части опыта были отправлены для васъ съ книгами московскаго книгопродавца Романчикова, отъ коего ихъ извольте получить. Изъ нихъ 1 экземпляръ доставьте пожалуйста г. Каченовскому. Указа печатнаго о перепечаткѣ листовъ¹⁾ теперь не могу вамъ послать; ибо они завалились гдѣ-то въ бумагахъ; искалъ, но не могъ сыскать, а почту не хотѣлось пропустить, чтобъ не писать къ вамъ. Письмо ваше подано вчера поздно вечеромъ. Онъ напечатанъ у меня во второй части при книгѣ *Граціана Валтазара придворный челоутокъ*. Сыщу и возвращу съ благодарностію. Извините, что Зырянскую грамматику послалъ вамъ не свою. Въ народную лавку много разъ заходилъ купить ее, но все не заставалъ сидѣльца.

Не помню вопроса о путешествіи NN²⁾ Скажите, не особо ли оно напечатано, когда и гдѣ и въ какой форматъ? За увѣдомленіе о Працидѣ благодарю, въ извѣстіи о сей книгѣ въ издавіяхъ есть ошибка.

Прошу увѣдомить, гдѣ теперь Евгениевъ Словарь о писателяхъ, и скоро ли будетъ напечатанъ? Съ недѣлю назадъ я писалъ къ Евгению, не можетъ ли онъ на малое время доставить его ко мнѣ для просмотрѣнія и сличенія съ моею книгою, чтобъ выпра-

¹⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ о листѣ, вынутомъ изъ первой части Опыта Россійской Библиографіи.

²⁾ Уничтоженная книга А. Н. Радицева. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790.

вить въ обѣихъ неизбежныя ошибки, при изданіи оныхъ порознь остаться долженствующія.

Третью часть моей книги, надѣюсь, если Богъ поможетъ, кончить къ новому наступающему году—6 листовъ уже отпечатано. По полученіи второй части, не можете ли по дружбѣ вашей нѣчто сказать объ ней въ Вѣстникѣ Европы, или прислать къ издателю въ Сына Отечества?

Съ почтеніемъ остаюсь преданнымъ Вамъ

Василій Сопиковъ.

P. S. По особенному участию вашему въ трудѣ моемъ прошу васъ, сдѣлавъ ваши замѣчанія на 2-ю часть доставить мнѣ оныя безъ замедленія. Что вы скажете о выпискахъ, мною помѣщаемыхъ, и что скажутъ знающіе ваши пріятели, увѣдомте.

XI.

17-го ноября 1814.

Любезный другъ Константинъ Федоровичъ!

Не нахожу довольно словъ, чтобъ достойно благодарить васъ за дружеское ваше ко мнѣ расположеніе и особенно за безпримѣрное участіе ваше въ моей Библиографіи. Вы сыплете для нея дары свои самою щедрою рукою и тѣмъ усвершенствуете и украшаете трудъ мой.

Вы желаете отъ меня узнать значеніе 7-ми словъ въ Игоровой пѣсни находящихся; вамъ думаю извѣстно, что я въ семъ противъ васъ и тысящной доли не разумѣю, то и странно отъ большой и чистой рѣчки ходить за водою къ мутному колодезю. Игоровой пѣсни (для?) графа П(ушкина?) я не покупалъ, хотя онъ съ прочими книгами для изданія и отдавалъ мнѣ, но я отказался отъ сего предложенія его. Ничего бы не стоило узнать о просьбѣ вашей у военнаго министра, но я право не имѣю тамъ ни малѣйшаго знакомства. Крайне совѣстно, что въ сей малости даже не могу вамъ быть полезнымъ. Скажу вамъ откровенно, хотя это и

непріятно для моего самолюбія, что не имѣю здѣсь никакихъ значительныхъ связей: ибо по уединенной моей жизни не могу ихъ поддерживать, притомъ и характеръ мой мало къ тому способенъ. Осла провожаютъ дубемъ, когда онъ захочетъ ласкаться по-собачьему. Человѣкъ какъ микрокозмъ: каждый долженъ пользоваться своимъ удѣломъ. Находка ваша древности драгоценна сама по себѣ, но безъ натяжки изъ словъ *повтай Уранъ*¹⁾ едва ли можно разумѣть о творцѣ пѣсни Игорева. Натяжки даже неумышленные много надѣлали бѣдъ нашей бѣдной братіи людямъ: многія враки и бредни изступленные сочли оракулами. Отъ того вѣковые успѣхи просвѣщенія въ ничто обратились. Человѣкъ достоинъ того, чтобъ говорили ему ясно и съ доказательствами, т. е. логически; и тогда пылинка, нами обитаемая, явится тѣмъ, чѣмъ она должна быть: неизчетнымъ слѣдствіемъ благъ.

О 7-ми словахъ и о сей находкѣ я предложу искуснѣйшимъ нашимъ волхвамъ въ древностяхъ, и васъ увѣдомлю о мнѣніи ихъ. Графы едва ли что нибудь въ семь разумѣютъ? Многіе согласно съ вами осуждаютъ мои выписки въ Библиографіи помѣщенные. Но выслушайте мои оправданія. Я ихъ дѣлалъ не для столичныхъ жителей, которые обложены книгами, и многіе не читаютъ ихъ — разумѣется и некогда читать, и голова занята другими дѣлами. Представьте жителей малыхъ городовъ и деревень, которые нуждаются въ хорошихъ книгахъ. Сими выписками я желалъ имъ доставить свѣдѣнія о хорошихъ книгахъ нашихъ. Въ Библиографіяхъ, говорите вы, сего не водится. Такъ, знаю, но наша Библиографія идетъ ли съ какою нибудь другою европейскою Библиографіею? Я желаю о семъ говорить съ тѣми, которые хорошо знаютъ иностранную словесность, и всѣ удобства, которыми каждый тамъ пользуется. Намъ о себѣ откровенно говорить невозможно. Въ предисловіи 3-й части моей книги я нѣчто о семъ скажу. Продолжайте, любезный другъ, ваши со-

¹⁾ Дѣло идетъ о «Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ», которое начинается этими словами и представляетъ много выражений, заимствованныхъ изъ «Слова о Полку Игоревѣ».

кровища доставлять въ бѣдную мою Библиографію: *стѣй со слезами, съ радостію можнетъ*. Кстати: живъ ли нашъ почтенный Игнатій Ѳерапонтовичъ? Продолжаетъ собирать древности, за что прославленъ почтеннымъ и любезнымъ моимъ Калайдовичемъ¹⁾. Нашему Ермолаеву²⁾ крайне хочется имѣть отпечатанный листъ Славянскихъ древностей и Несторова Лѣтописца: не можете ли вы въ крайнее одолженіе доставить оныя, буде это возможно? Видите, онъ будетъ скоро издавать Нестора по Лаврентьеву списку, на щетъ канцлера³⁾. Пришли любезнѣйшій, коли можно.

Правда ли, что съ 1815 Вѣстникъ Европы будетъ опять издавать г. Каченовскій? Преславный Измайловъ⁴⁾ право ужъ наскучилъ. . . .

ХП.

4-го декабря 1814.

Любезный другъ Константинъ Ѳедоровичъ!

Пріятныя ваши письма я исправно получаю, но многія изъ нихъ по нынѣ безъ отвѣта остаются, въ томъ великодушно простите. Я не знаю, что заставляетъ васъ беспокоиться о долгѣ вашемъ? Неужели въ моемъ къ вамъ истинномъ душевномъ расположеніи имѣете вы сомнѣніе. Первая часть Библиографіи умножена вами вдвое самыми рѣдкими книгами, мнѣ неизвѣстными!! Вотъ въ чемъ трудно не сомнѣваться. Иное дѣло, если пополнены и исправлены вами заглавія многихъ книгъ, списанныя съ нихъ самихъ; этому я легко повѣрю; ибо, не имѣя самихъ книгъ,

---

1) Извѣстіе о древностяхъ Славянорусскихъ и объ Игнатіи Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ. Соч. Калайдовича. М. 1811.

2) Археологъ и бібліотекаръ Спб. Публичной Библиотеки.

3) Графа Николая Петровича Румянцева.

4) В. В. Измайловъ, по случаю болѣзни М. Т. Каченовскаго, издавалъ Вѣстникъ Европы въ 1814 г. и, между прочимъ, напечаталъ первыя стихотворенія Пушкина, двѣ статьи Грибоѣдова и пр.

вносилъ я по доставленнымъ мнѣ каталогамъ, весьма неисправно сочиненнымъ, заглавіи многихъ рѣдкихъ изъ оныхъ. Но если и отъ слова до слова оныя внесутся, выключая царскихъ титуловъ и многихъ рѣченій, относящихся къ обыкновенной формѣ всѣхъ заглавій московскихъ и кievскихъ изданій, то и тогда никакъ не можетъ она вдвое увеличиться. Нѣтъ, нѣтъ никогда сему я не повѣрю. Развѣ думаете вы наполнить оную изъ неизвѣстныхъ книгъ выписками? Это хорошо, но въ семъ надобно ограничить себя только полезнымъ и самымъ нужнымъ. Вы скажете, что 2-ая часть моей книги доказываетъ сему противное. Нѣтъ, выписки изъ гражданскихъ книгъ, безъ сомнѣнія, въ послѣдствіи принесутъ несравненно болѣе пользы, нежели изъ церковныхъ. Первые только любопытны, а вторыя прекрасныя образцы для подражанія и уроки нравственности для молодыхъ людей.

О продажѣ (передачѣ?) письма вашего къ г. Каменскому¹⁾ радъ сердечно стараться — присылайте скорѣе.

Пѣсни о побоищѣ Мамаевомъ у моихъ знакомыхъ находится здѣсь два списка, имѣющіе въ нѣкоторыхъ рѣченіяхъ разность: а третій за подписью г. Малиновскаго доставленъ былъ еще покойной Императрицѣ Екатеринѣ. Откуда же пришло вамъ въ голову называть это новымъ открытіемъ?

Прошу увѣдомить, скоро ли общество ваше приступитъ къ изданію Евгеніева Словаря? Авторъ въ письмѣ своемъ съ равнодушіемъ говоритъ, что онъ и самъ не знаетъ, когда его напечатають. Не стыдно ли обществу²⁾ столь полезную и всѣми любителями нашей словесности нетерпѣливо ожидаемую книгу, такъ долго держать подъ спудомъ? Какія у насъ пустыя и гнилыя общества! Напрасно только важнымъ титуломъ величаются. Одинъ способный человѣкъ при довольныхъ средствахъ право больше сдѣлаетъ. Въ два года ничѣмъ ничего цѣлому обществу не сдѣ-

¹⁾ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, извѣстный историкъ. О немъ и отношеніяхъ его къ Калайдовичу см. записки Калайдовича въ 3-й книгѣ «Лѣтописей русской литературы и древностей», изд. Н. С. Тихонравовымъ.

²⁾ Обществу Исторіи и Древностей, гдѣ работалъ Калайдовичъ.

латъ весьма непростительно. На что дѣлать пустой шумъ къ общему только стыду?

Не забудьте поскорѣе прислать 1-ю Библиографію вдвое вами увеличенную, чего съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ записной библиографъ вашъ, отъ чего древнее ваше рукописаніе раздраннымъ къ вамъ явится.

ХІІІ.

Спб. 27-го апрѣля 1815.

Любезный другъ Константинъ Федоровичъ!

Весьма сожалѣю о случившемся съ вами, конечно неосторожность ваша подвергла васъ такому жестокому испытанію. По крайней мѣрѣ симъ урокомъ надлежитъ воспользоваться на будущее время. Увѣдомте пожалуйста обстоятельно о семъ странномъ приключеніи¹⁾.

Н. И. Гречъ также проситъ одного московскаго своего знаконца увѣдомить его о семъ. Благодарю васъ за книжку русской Исторіи. Жаль, что она уже слишкомъ кратка. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ дополненій къ Библиографіи. Въ наступающемъ маѣ вы получите 3-ю часть моей книги. Начали ли печатать Словарь Евгенія? Мнѣ навѣрное сказывали, что Евгеній переведенъ въ Псковъ архіепископомъ. Я видѣлъ имъ изданный Селіевъ Каталогъ писавшихъ объ Россіи²⁾.

Желаю вамъ добраго здоровья и спокойствія остаюсь вашимъ
Сопиковымъ.

---

¹⁾ Объ этомъ происшествіи всѣ говорятъ очень глухо. Послѣ него отецъ К. Θ. объявилъ сына сумасшедшимъ и посадилъ въ домъ умалишенныхъ.

²⁾ Каталогъ писателей.... соч. А. Селія. М. 1815 — библиографическая рѣдкость.

XIV.

Слб. 17-го іюня 1815.

Любезный другъ Константинъ Ѳеодоровичъ!

Отпечатагась у меня 3-я часть Библіографіи. При книгахъ г. книгопродавца Романчикова, для васъ я отправилъ оной 3 экземпляра и 1 экземпляръ для г. Каченовскаго, о чемъ я къ г. Романчикову уже и писалъ, чтобы вамъ сіи книги выдалъ. Въ сей части очень мало выписокъ, и въ 4-й и совсѣмъ ихъ не будетъ, дабы болѣе я не слышалъ упрековъ отъ ученыхъ нашихъ библіографовъ. Въ предисловіи къ 3-ей части сказано нѣсколько словъ въ оправданіе помѣщенныхъ мною выписокъ. Извѣстно, думаю уже и вамъ, что Евгенийъ перемѣщается на Псковскую епархію и ѣдетъ сюда. Проѣзжая Москву, вѣроятно онъ напомнитъ вашему пресловутому дѣписательному сословію, съ какимъ намѣреніемъ подарилъ ему свой Словарь, толико всѣми ожидаемый, чтобы скорѣе увидѣлъ свѣтъ Божій. Въ противномъ случаѣ ему нужно употребить родительскія свои руки, и вынуть его изъ-подъ спуда.

При семъ смѣю вамъ и я напомнить о исполненіи вашего благодѣтельнаго обѣщанія пособить бѣдной моей Библіографіи.

Желаю вамъ добраго здоровья и всѣхъ благъ по сердцу вашему остаюсь вамъ преданный

Сопиковъ.

НВ. Пятый уже день, какъ мы здѣсь пользуемся благотворною теплою солнца и чистымъ воздухомъ.

XV.

6-го октября 1816.

Любезный другъ Константинъ Ѳеодоровичъ!

Простите великодушно, что я на письмо ваше отъ 24-го прошлаго іюля по сіе время не могъ отвѣтить. Я кромѣ его и еще другаго отъ 25-го сентября никакихъ отъ васъ писемъ не

получалъ. На оба, улуча благопріятное время, буду писать обстоятельно. Теперь же спѣшу васъ увѣрить только въ прежнемъ моемъ къ вамъ сердечномъ расположеніи, и притомъ успокоить васъ относительно заемнаго вашего письма, что я давно считаю его ничтожнымъ и васъ прошу не почитать себя мнѣ должнымъ изъ увѣренія къ вашей дружбѣ и обстоятельствамъ неблагопріятствующимъ, не смотря на то, что я самъ нуждаюсь. Смѣю ли при семъ просить васъ о доставленіи ко мнѣ тѣхъ многихъ прибавленій къ библиографіи, вами собранныхъ и въ послѣднемъ вашемъ письмѣ упомянутыхъ? Я не думаю, чтобъ вы когданибудь сдѣлали какое либо изъ нихъ употребленіе, а для меня онѣ весьма будутъ полезны, я бы ихъ помѣстилъ при концѣ V части, которой уже 5 листовъ отпечатано. 4-й части экземпляръ вышлю вамъ на слѣдующей почтѣ непременно.

XVI.

18-го октября 1816.

Вотъ вамъ, любезный другъ, Константинъ Фодоровичъ, 3 экземпляра 4-й части Библиографіи. Покорнѣйше прошу васъ вновь обязать меня, удостоя особеннаго вашего вниманія 3-ю и 4-ю части моего слабаго труда, замѣчаніе ваши на оныя сообщить мнѣ безъ замедленія, и вмѣстѣ собранныя вами разныя дополненія, кои бы я присовокупилъ къ послѣдней части. Въ нынѣшнемъ вашемъ положеніи конечно заниматься чужими дѣлами крайне тягостно, и я бы никакъ не смѣлъ бы васъ беспокоить, если бы вы сами не сдѣлали мнѣ великодушнаго вашего о томъ предложенія. Я уже писалъ вамъ съ прошедшею почтою увѣрительно, и здѣсь тоже подтверждаю, чтобъ вы должнымъ мнѣ себя не считали. Несторовой Лѣтописи здѣсь печатается второй листъ. Издатели онаго г. Оленинъ и г. Ермолаевъ. Г-жу Тучкову я не знаю, кромѣ ея напечатанной книжки. Здѣсь довольно бываетъ случаевъ отправиться за границу, и особливо

морскимъ путемъ, и чтобъ имъ воспользоваться, то надобно здѣсь быть готовымъ въ такой путь; ибо никто безъ вѣрной причины не будетъ напрасно терять время.

Съ душевнымъ почтеніемъ пребываю вашимъ покорнымъ
слугою
Василій Сопиковъ.

XVII.

24-го ноября 1816.

Любезный другъ Константинъ Феодоровичъ!

Благодарю за два пріятныя ваши письма, а особливо за начало дополненій къ Библиографіи. Выписку изъ Евангелія Матѳея вамъ пришлю. Нестора 2-й части въ лавкахъ еще нѣтъ, а я свой экземпляръ переплетя, скоро вамъ доставлю.

Прошу васъ сердечно заняться составленіемъ росписи авторовъ къ моей Библиографіи, послѣдуя способу, какой мною употребленъ въ 1-й части, съ тою разницею, что бѣлаго духовенства ставить съ начала прозваніе, какъ наприм.: Журавлевъ, Андрей Ивановичъ, протоіерей Троицкой церкви, члѣнъ на Большой Охтѣ, † 1812 г. Извѣстіе о древн. Ст(р)игольникахъ. А чернаго духовенства имена, какъ-то: Амвросій Серебренниковъ, архіеп. екатеринославскій, ексархъ молдовлахійскій, † 1792 г.

Свѣтскихъ: Озеровъ, Владиславъ Александровичъ, генералъ-маіоръ, † 1816 г.

Дополненія извѣстій о типографіяхъ я помѣщу въ примѣтномъ мѣстѣ. Роспись по матеріямъ я самъ буду дѣлать; годъ при крестикѣ означаетъ время смерти авторовъ. За симъ будьте здоровы, чего желаю вамъ отъ сердца.

Лаврентьевскаго списка 3-й листъ только въ корректурѣ; отпечатанныхъ двухъ и сего прислать вамъ не могу.

XVIII.

4-го января 1817.

Любезный другъ Константинъ Федоровичъ!

Поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ, въ теченіи коего желаю вамъ сердечно быть счастливымъ и здоровымъ. На предпоследней почтѣ писалъ я къ вамъ, прося васъ написать отвѣтъ г. Линде¹⁾: но не знаю, получили ли вы то письмо, которое я адресовалъ въ университетскую книжную лавку, затерялся на тотъ разъ вашъ адресъ квартиры. Отвѣтъ на рецензію пишите пожалуйста на полустраницѣ, чтобъ на другой половинѣ помѣстить, что вздумается послѣ. О книжкѣ Мальгина: Исслѣдованіе о древнихъ р. монетахъ я еще не успѣлъ узнать. О Мстиславовой Грамотѣ я ничего вамъ не могу сказать, ибо не знаю, гдѣ ее искать. Книгу же «День и ночь Россіи» у книгопродавцевъ нельзя найти. Экземпляръ оной находится въ библиотекѣ иностраннаго архива. Посылаю вамъ при семъ 2-ю часть Нестора, 2 книжки період. сочин., въ коихъ найдете описаніе городовъ Черниговской губерніи упоминаем. Несторомъ и о достопамятностяхъ черниговскихъ; оба отрывка достойны прочтенія, и отчетъ управленія нашею библиотекою за 1814 годъ. По крайней мѣрѣ вы будете имѣть идею, какъ пишутся наши отчеты. При прошедшемъ письмѣ хотѣлъ я положить извѣстный указъ, но забылъ, теперь уже его получите. Если у Ферапонтова *Заблудовское* учительное Евангеліе продажное, то прошу васъ увѣдомить меня о послѣдней цѣнѣ онаго; я бы купилъ его для себя, буде не очень дорого. Также спросите пожалуйста, нѣтъ ли у него Евангелія, напечатаннаго въ Вильнѣ 1600 года, означенное у меня подъ № 276-мъ; въ бытность мою въ Москвѣ я видѣлъ у него онаго 2 экземпляра. Мнѣ хотѣтся также и его имѣть. Увѣдомте, что и оно стоитъ; чтобъ экземпляръ былъ съ выходнымъ листомъ и не худой. Я виноватъ предъ вами, что по сю пору не доставилъ

---

¹⁾ Извѣстный польскій ученый, авторъ Польскаго словаря.

вамъ выпишки изъ Остромирова Евангелія: постараюсь. Теперь пожалуйста не затрудняйте себя доставленіемъ ко мнѣ извѣстій о тѣхъ книгахъ, коихъ заглавія помѣщены у меня или не полно, или ошибочно. Это можно оставить до другою времени. За тѣмъ остаюсь вашимъ покорнымъ слугою

Василіемъ Сопиковымъ.

Письма писаны на синеватой бумагѣ. Печатаются они здѣсь съ соблюденіемъ орфографіи подлинника. И. Ш.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXXII, № 6.

А. Н. РАДИЩЕВЪ,

АВТОРЪ

„ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ“.

М. И. Сухомлинова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1883 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Юношескіе годы Радищева. — Литературная исторія Путешествія. — Появленіе его въ печати. — Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева. — Арестъ автора и предварительное слѣдствіе. — Литературныя занятія Радищева въ крѣпости. — Мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ комиссію о составленіи законовъ. — Отношеніе послѣдующей литературы къ Радищеву.

Книга А. Н. Радищева, изданная имъ подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», обратила на себя вниманіе общества при самомъ своемъ появленіи. Весьма скоро послѣ выхода ея авторъ подвергся чрезвычайно строгому суду, но не литературному, а уголовному. На всѣ вопросы о томъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ издалъ свою книгу, Радищевъ отвѣчалъ одно и то же, утверждая, что написалъ и напечаталъ ее для того и только для того, чтобы «прослыть писателемъ». И въ этомъ отношеніи цѣль его вполне достигнута. Литературная извѣстность Радищева создана его Путешествіемъ. Имя Радищева, какъ автора Путешествія, появлялось и появляется не только во многихъ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, но и въ словаряхъ русскихъ писателей и въ руководствахъ по исторіи русской литературы. Какъ содержаніе и направленіе книги, такъ и судьба автора, постигшія его несчастія, выдвигали ее изъ ряда произведеній нашей литературы прошлаго столѣтія.

Для того, чтобы повясть дѣйствительное значеніе книги Радищева и вѣрно одѣнить отношеніе къ ней различныхъ лагерей, необходимо имѣть въ виду тѣ измѣненія и колебанія, которыя

совершались въ нашей общественной жизни втеченіе чуть не цѣлаго столѣтія, протекшаго со времени выхода книги, или — что тоже самое — со времени ссылки автора. Отрѣшившись отъ представленія о злобѣ дня, о ея неумолимыхъ требованіяхъ и неизбѣжныхъ жертвахъ, не дашь себѣ яснаго отчета во всемъ происходившемъ и не разберешься въ массѣ противорѣчій.

Въ литературныхъ работахъ вѣрность выводовъ и соображеній зависитъ отъ количества и качества матеріаловъ, разъясняющихъ литературную и общественную дѣятельность писателей. Въ настоящемъ очеркѣ мы предлагаемъ нѣсколько подобныхъ матеріаловъ, найденныхъ нами въ различныхъ архивахъ. Данныя эти должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ Радицева какъ писателя; вмѣстѣ съ тѣмъ они проливаютъ свѣтъ на весь ходъ дѣла, возникшаго по поводу его книги и живо рисующаго не только тогдашнее судопроизводство, но и тогдашніе нравы вообще.

II.

Не задаваясь никакою предвзятою мыслію и относясь совершенно безпристрастно какъ къ собственному свидѣтельству Радицева, такъ и ко всему тому, что вышло изъ подъ пера этого писателя, невольно приходишь къ заключенію, что преобладающею, отличительною чертою Радицева была необыкновенная впечатлительность и воспримчивость. Все, что онъ видѣлъ, слышалъ или читалъ, производило на него болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Обладая, какъ самъ говоритъ, чувствительнымъ сердцемъ и легко раздражающимися нервами, онъ давалъ полный просторъ своей чувствительности, т. е. чрезвычайно живо воспринималъ все то, что дѣйствовало на его чувство. Отзывчивый ко всѣму и въ высшей степени впечатлительный, Радицевъ съ самой ранней юности своей поставленъ былъ въ такія условія, которыя не вполне соответствовали истиннымъ потребностямъ его духовной природы. Радицевъ, какъ натура исключительная, тре-

боваль и особеннаго, приспособленнаго къ нему ухода; но воспитаніе не дало спасительнаго равновѣсія духовнымъ силамъ даровитаго юноши. Для правильнаго развитія его способностей необходима была разумная сила, сдерживающая порывы и увлеченія и призывающая къ упорному труду и самообладанію; необходимы были совѣты и примѣръ руководителя, понимающаго и уважающаго нравственное достоинство человѣка. Не то, повидному, выпало на долю Радищева. По крайней мѣрѣ, тѣ скудныя извѣстія, которыя сохранились о его ближайшей обстановкѣ въ его юношескіе годы, показываютъ, что онъ въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ, хотя и имѣлъ, и не одного даже, а нѣсколькихъ, официальныхъ руководителей.

Воспитаніе и образованіе Радищева началось въ пажескомъ корпусѣ, а окончилось въ лейпцигскомъ университетѣ.

Къ тому времени, когда Радищевъ былъ пажемъ, относится планъ для обученія пажей, составленный академикомъ Миллеромъ. Въ планѣ этомъ находимъ слѣдующее:

«Пажи обыкновенно вступаютъ въ службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ, и для того стараться должно съ самаго начала вкоренить въ нихъ истинную любовь къ добродѣтели и омерзене къ порокамъ. Вслѣдствіе сего гофмейстеръ и учителя должны о всемъ томъ, что читано и рассказывано будетъ, дѣлать правоучительныя разсужденія. Чего ради для морали особливо опредѣляются нѣскольکو часовъ. Черезъ сіе воздержаны будутъ пажи отъ обыкновенныхъ ихъ рѣзвостей, кои при другихъ дворахъ подъ именемъ *mechanceté des pages*, какъ неразлучныя свойства сихъ молодыхъ людей, разумѣются. . . . Правила жизни подавать имъ можно въ примѣрахъ и притчахъ изъ Соломона или Сираха. За столомъ не бесполезно читать каждый день главу изъ какой-нибудь правоучительной книги, дабы чрезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ. . . .

Для обученія пажей потребны:

1) Учитель математики, ариеметики, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механики.

2) Учитель «философій, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ.

3) Учитель исторіи, географіи, генеалогіи и геральдики.

4) Учитель юриспруденціи, гражданскаго и государственнаго права и церемоніаловъ.

5) Учитель російскаго языка долженъ быть непременно русскою націи и такой, который бы писалъ хорошею рукою, ибо онъ долженъ также учить російской каллиграфіи».

Въ преподаваніи русскаго языка предлагалось обращать вниманіе на слѣдующіе предметы:

«Правописаніе. Грамматическія правила. Красота языка въ разсужденіи порядка и избранія словъ, показывая всѣ красоты, наблюдаемыя лучшими писателями. Различіе высокихъ и низкихъ словъ и оныхъ употребленіе. *Сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденнымъ комплиментовъ*».

О латинскомъ языкѣ сказано: «По крайней мѣрѣ пажъ долженъ знать читать, склонять, спрягать, положить правильно падежъ и разумѣть легкую мысль или надпись, ибо быть въ ономъ совсѣмъ невѣдущу не только по обыкновенію другихъ народовъ непристойно благородному человѣку, но еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вредно, какъ-то въ путешествіяхъ и переговорахъ»¹⁾).

И обиліе предметовъ, и нравственное наблюденіе существовали на бумагѣ, въ планахъ и проэктахъ, а какъ было въ дѣйствительности, это — другой вопросъ, и судя по многимъ даннымъ, дѣйствительность представляла мало утѣшительнаго. О нравственномъ вліяніи пажескихъ гофмейстеровъ можно до нѣкоторой степени заключить по тому образцу, который представляетъ гофмейстеръ, выбранный для руководства пажей, отправляемыхъ въ лейпцигскій университетъ.

¹⁾ Государственный Архивъ. XIV, № 216. Планъ для обученія пажей, составленный Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, 1765 года.

Руководителемъ нашей молодежи избранъ былъ пресловутый маіоръ Бокумъ, весьма вѣрно изображенный Радищевымъ въ написанной имъ біографіи Ѳ. В. Ушакова. «Не зналъ нашъ путево-дитель, — говоритъ Радищевъ — что худо отвергать справедли-вое подчиненныхъ требованіе, и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ тре-бованіяхъ, и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали наконецъ пре-зирать его власть». Русскіе студенты, и во главѣ ихъ Радищевъ, жаловались властямъ на «несчастную и горестную жизнь, въ ко-торую ввергнулъ ихъ маіоръ Бокумъ». Онъ подвергалъ моло-дыхъ людей жестокому тѣлесному наказанію: билъ фухтелемъ, сѣкъ розгами, и т. п. Пререканіямъ, столкновеніямъ и оскор-бленіямъ не было конца. Гофмейстеръ Бокумъ обмѣнивался съ своими питомцами не только дерзостями и бранью, но и по-щечинами.

Матеріальное положеніе студента Радищева было самое не-завидное. Во время пребыванія своего въ лейпцигскомъ уни-верситетѣ Радищевъ жилъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Алексѣемъ Кутузовымъ. Въ донесеніяхъ своихъ изъ Лейпцига, кабинетъ-курьеръ Яковлевъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ изображаетъ бытъ русскихъ студентовъ и обращеніе съ ними гофмейстера:

«Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ — во второмъ этажѣ, безъ гофмейстера. У нихъ одна комната посредственной величины, а спать въ той же комнатѣ, въ сдѣланной къ стѣнѣ, глухой отъ пола и до потолка перегородкѣ такой величины, какъ кровати стать могли. И оттого, что воздухъ не можетъ порядочно проходить, всегда сырость. Кровати деревянные, нанятые у хозяина; перины жъ и подушки собственныя, а одѣяла у Ку-тузова свои, а у Радищева казенное, данное по пріѣздѣ въ Лейп-цигъ, ветхо, надѣвается безъ подшивки простыни.

У каждаго комнату моютъ въ годъ два раза, и чистота въ оныхъ дурно наблюдается. Во всякомъ кушаньѣ масло горь-

кое, тожь и мясо старое крѣпкое, да случалось и протухлое. А г. Радищевъ находился всю бытность мою въ Лейпцигѣ болень, да и по отъѣздѣ еще не выздоровѣлъ, и за болѣзнію къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ»¹⁾.

Русскихъ студентовъ лейпцигскаго университета обвиняли въ нравственной распущенности— «въ непреодолимой склонности къ женскому полу», развившейся подъ вліяніемъ лейпцигской жизни: «должно признаться, что городъ Лейпцигъ — мѣсто соблазнительное, и что такихъ довольно здѣсь находится, кои молодыхъ людей слабость видя, ко всему склонить ихъ умѣютъ». Обвиненіе это подтверждаетъ и Радищевъ, но главную причину зла видитъ въ отсутствіи надзора и руководства. «Во все продолженіе нашего пребыванія (въ Лейпцигѣ) — говоритъ Радищевъ— кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ-то: на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ. Не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любви неводержанію, но не они къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень»²⁾ . . .

Если вѣрить извѣстіямъ, доходившимъ изъ Лейпцига, во всемъ тамошнемъ университетѣ не было и трехъ профессоровъ, которые не ссорились бы между собою изъ корыстныхъ видовъ, а мѣстные жители наперерывъ старались о томъ, чтобы на счетъ русскихъ студентовъ вознаградить себя за убытки, понесенные во время послѣдней войны»³⁾.

¹⁾ Государственный Архивъ. XVII. 1766—1775 года. № 62.

²⁾ Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. 1811. Часть пятая, стр. 38—39.

³⁾ Сборникъ русскаго историческаго общества. 1872. Томъ десятый, стр. 115.

Свѣтлая сторона лейпцигской жизни заключалась, для Радищева и его товарищей, въ тѣхъ познаніяхъ, которыя выносили они изъ бесѣдъ и лекцій профессоровъ и изъ научныхъ занятій подъ руководствомъ профессоровъ, наиболѣе внимательныхъ къ своимъ русскимъ слушателямъ.

Въ первые года, съ 1767 по 1769 годъ, русскіе студенты обучались: логикѣ, естественному праву, народному праву, «универсальной исторіи, генеральному политическому праву, исторіи всѣхъ государствъ и о состояніи оныхъ».

Объ успѣхахъ русскихъ студентовъ, черезъ полтора года по приѣздѣ ихъ въ Лейпцигъ, отзывались такимъ образомъ: «Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи, и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во первыхъ — старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей»¹⁾.

Въ 1769 году, знаменитости лейпцигскаго университета, профессора: Гоммель, Бемъ и др., составили слѣдующій планъ обученія русскихъ студентовъ, распредѣленный на четыре полугодія, по истеченіи которыхъ студенты должны были возвратиться въ отечество:

— 1) По первому и второму пункту инструкціи, нужно истолковать всю практическую философію.

2) Для генеральнаго знанія юриспруденціи можно съ пользою читать такъ называемую книгу *Encyclopaedia juris*, сочиненную на Пюттерову Записную книгу.

3) Потомъ наипаче приступить надобно къ установленію римскихъ правъ по Гебауеровой Записной книгѣ. Она содержитъ въ себѣ изъясненія, раздѣленія и знатнѣйшія понятія правъ, то искуснѣе и полезнѣе гг. дворянамъ у разныхъ профес-

---

¹⁾ Письмо князя Бѣлосельскаго, изъ Дрездена $\frac{29 \text{ апрѣля}}{10 \text{ мая}}$ 1768 года.

соровъ по два раза сряду слушать, а именно, первый разъ только теоретически, а во второй больше практически.

4) Особливо потребно имъ обучаться прагматической исторіи о германской имперіи, начиная съ государствования императора Максимилиана перваго.

5) Нѣмецкое политическое право, но больше исторически, а не юристическое.

6) Исторію и изъясненіе о достойнѣйшихъ примѣчанія приключеніяхъ, заключеніи мирныхъ и прочихъ трактатовъ прошедшаго и нынѣшняго вѣка, по Ахенвалеву плану (о) европейскихъ политическихъ дѣлахъ.

7) Наставленіе о политической перепискѣ на Пюттерово Предуготовленіе къ нѣмецкой имперской и политической практикѣ. —

СЪ МИХАЙЛОВА ДНЯ 1769 г. (ПО СЕМЕСТРАМЪ).

Первые полгода:

Encyclopaedia juris.

Исторія о сѣверныхъ государствахъ.

Математика.

Нѣмецкій и латинскій языки.

Вторые полгода:

Практическая философія.

Установленіе юриспруденціи, теоретически.

Исторія нѣмецкой имперіи.

Физика.

Третьи полгода:

Философія (продолженіе).

Установленіе юриспруденціи, практикою.

Знаніе о сѣверныхъ государствахъ.

Физика.

Четвертые помоды:

Европейскія политическія дѣла XVII и XVIII вѣка.

Германское политическое право.

Наставленіе для нѣмецкой переписки по политическимъ дѣламъ.

Въ воспоминаніяхъ о своей студенческой жизни Радищевъ съ особенно-теплымъ чувствомъ упоминаетъ о Геллертѣ, преподававшемъ словесныя науки въ лейпцигскомъ университетѣ. Призваніе писателя—говорилъ Геллертъ своимъ слушателямъ—заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить *истинѣ* и *добродѣтели*. Радищевъ благодаритъ судьбу, пославшую ему такого наставника: «Отличнымъ счастьемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелию славимаго. Таковымъ счастьемъ пользовались мы, хотя недолгое время, наслаждаяся преподаваніями Геллерта: малое знаніе тогда нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствіемъ» и т. д.¹⁾ т. е. работать подъ руководствомъ Геллерта и представлять на его судъ свои литературные опыты.

Самымъ популярнымъ профессоромъ былъ Платнеръ, читавшій философію и физиологію. Онъ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями, и въ лекціяхъ своихъ затрогивалъ соціальныя вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, между сытыми и голодными, и т. п. Но въ преподаваніи Платнера былъ весьма важный недостатокъ: оно не отличалось послѣдовательностью, а потому и не приучало слушателей къ строго-систематическому мышленію.

Будучи студентомъ университета, Радищевъ съ большимъ увлеченіемъ читалъ французскихъ писателей, преимущественно энциклопедистовъ. Говоря его собственными словами, онъ «учился мыслить» по книгѣ Гельвеція: О разумѣ—de l'Esprit. Извѣстно,

¹⁾ Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. 1811. Ч. V, стр. 68—69, 60—61.

въ какія крайности впадалъ Гельвецій, и какъ рѣзко порицали его книгу сами энциклопедисты. Послѣдующіе критики отзывались о ней такимъ образомъ: *Ce livre est partout écrit avec la même faiblesse de logique; on n'y sent aucune force de tête.* Какъ представитель самыхъ крайнихъ воззрѣній Гельвецій, едва ли годился въ наставники такому ученику, котораго слѣдовало всячески удерживать отъ крайностей, а не наталкивать на нихъ.

Еще сильнѣе, несравненно сильнѣе было вліяніе Руссо. Блестящіе, увлекательные парадоксы Руссо производили неотразимое впечатлѣніе на читателей вообще и на молодые умы въ особенностях.

Къ студенческимъ годамъ Радищева относится и знакомство его съ сочиненіями Мабли. Гельвецій и Мабли отвлекали русскихъ студентовъ отъ профессорскихъ лекцій. Передъ открытіемъ курса одного изъ первостепенныхъ ученыхъ своего времени, профессора *Vöhter*, русскіе студенты заявили, что они предпочитаютъ этому курсу чтеніе книги Мабли: *Droit public de l'Europe fondé sur les traités*, будучи заранѣе увѣрены, что образцовое «по мнѣнію всего свѣта» произведеніе Мабли заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поучительнаго, нежели какія-бы то ни было лекціи — *gewiss mehr sachen enthält, als in irgend einer vorlesung über diese materie gesaget werden kann.* Такой отзывъ далъ товарищъ Радищева, студентъ лейпцигскаго университета Яновъ. Съ мнѣніемъ Янова вполне согласились студенты: Рубановскій и *Радищевъ*. Радищевъ написалъ: *in ansehung der lehrart bin ich vollkommen der meinung des hr. von Janoff.*

Однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Радищева былъ переводъ на русскій языкъ сочиненія Мабли: *Observations sur l'histoire de la Grèce* — *Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ.*

Особенно громкую извѣстность въ обществѣ и въ литературѣ приобрѣлъ Мабли историческимъ трудомъ своимъ, изданнымъ подъ названіемъ: *Observations sur l'histoire de France.* Взглядъ Мабли на задачу историка поражаетъ своею оригинальностью. Обра-

щаясь къ памятникамъ прошлаго, Мабли искалъ въ нихъ не исторической истины, а поучительнаго смысла для настоящаго и будущаго — для переустройства общества по тѣмъ идеаламъ, которые ему казались единственно вѣрными и вполне согласными съ требованіями природы во всей ихъ безпримѣсной чистотѣ. Онъ говорилъ: исторія должна не только просвѣщать разумъ, но и направлять сердце и научать обязанностямъ *гражданина*. Главнѣйшая обязанность гражданина заключается въ стремленіи къ *свободѣ* и равенству. Ради своей излюбленной идеи, Мабли готовъ помириться со всевозможными передѣлками и извращеніями историческихъ фактовъ. Отъ историка, также какъ и отъ поэта, онъ требуетъ соблюденія только психологическаго правдоподобія. На этомъ основаніи онъ охотно прощаетъ Вольтеру «невѣжественное и наглое искаженіе и изуродованіе большинства описываемыхъ событій». Вотъ собственные слова Мабли о Вольтерѣ: *J'étais très disposé à lui pardonner son ignorance et la hardiesse avec laquelle il tronque, défigure et altère la plupart des faits. Mais j'aurais au moins voulu trouver dans l'historien un poète qui eût assez de sens pour ne pas faire grimacer ses personnages et qui rendit les passions avec le caractère qu'elles doivent avoir*¹⁾. Идеи свободы и равенства, развиваемыя въ сочиненіяхъ французскихъ писателей восемнадцатаго столѣтія, Мабли переносятъ въ вѣка отдаленные, и описывая событія глубокой древности, толкуетъ о державныхъ правахъ народа, о законодательномъ собраніи, о представителяхъ народной свободы, и т. п. Вильменъ остроумно замѣтилъ, что Мабли заставляетъ исторію лгать и обманывать изъ либеральныхъ соображеній: *de même qu'avant lui une érudition servile avait mal interprété les vieux monuments de notre histoire pour leur faire mentir la servitude, ainsi souvent Mably leur fait mentir la liberté*²⁾.

¹⁾ De la manière d'écrire l'histoire, par m. l'abbé de Mably. A Paris. 1783, стр. 31—33.

²⁾ Cours de littérature française par m. Villemain. 1840. Tableau du dix-huitième siècle. Dix-septième leçon, стр. 155—156.

Выдавая за бѣлыя свои мечты и гаданія, высказывая вещи чрезвычайнаго страннаго и даже дикія, Мабли тѣмъ самымъ вербовалъ себѣ многочисленныхъ читателей и почитателей. Тогдашнее общество — говоритъ Тьерри — требовало отъ писателя революціоннаго возбужденія, а не научной истины — *l'excitation révolutionnaire, non la vérité scientifique*: Мабли умѣлъ удовлетворить этому требованію, и вотъ причина необычайной популярности его книги во всѣхъ классахъ читающаго общества¹⁾.

III.

Радищевъ возвратился въ Россію подъ сильнымъ вліяніемъ идей, развиваемыхъ энциклопедистами и ихъ приверженцами и подражателями. Въ Россіи онъ засталъ тоже поклоненіе энциклопедистамъ. Сочиненія ихъ переводились на русскій языкъ и издавались на средства не только частныхъ лицъ, но и правительства. Вліяніе Руссо, Рейналя и другихъ писателей ярко обнаружилось въ сочиненіяхъ Радищева. вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ же ярко отразилось въ нихъ и общественное состояніе среды, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. По складу своихъ понятій и по своей необычайной восприимчивости, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на все, что происходило передъ его глазами.

Радищевъ быстро и всецѣло поддавался впечатлѣніямъ, откуда бы ни получались они — изъ книгъ или изъ жизни. Все, что поражало мысль или волновало чувство, сейчасъ же изливалось на бумагу. Черновыя рукописи Радищева почти безъ поправокъ; въ бѣглыхъ замѣткахъ его слышится свѣжесть перваго впечатлѣнія. Большая часть того, что написано и напечатано Радищевымъ, представляетъ въ сущности одни наброски, а не строго обработанное цѣлое; но именно потому, что это только наброски,

---

¹⁾ *Récits des temps mérovingiens, par Augustin Thierry. 1858. Considérations sur l'histoire de France. Глава III, стр. 63—71.*

а не *сочиненія*, въ нихъ заключается много жизненной правды, и вѣрно и искренно передается то, что было на душѣ автора, что онъ думалъ и чувствовалъ.

Для оцѣнки литературной дѣятельности Радищева вообще и его Путешествія въ особенности, всего надежнѣе обратиться къ собственному свидѣтельству Радищева, которое можно называть его авторскою исповѣдью. Въ бессонныя ночи, которыя Радищевъ проводилъ въ крѣпости, онъ брался за перо, и то, что писалъ онъ тогда, весьма любопытно во многихъ отношеніяхъ. Въ одну изъ подобныхъ ночей онъ описалъ исторію своего идеальнаго Путешествія.

16 іюля 1790 года Шешковскій доносилъ графу Безбородко: «Сего утра въ шестомъ часу прислалъ ко мнѣ Радищевъ написанную сею ночью, при офицерѣ, на оставленномъ листу, бумагу, съ коею списавъ копію, имѣю честь при семъ приложить къ вашему сіятельству. Она въ себѣ много не содержитъ, какъ онъ описалъ гнусность своего сочиненія, и кое онъ самъ мерзитъ».

Рукопись Радищева заключаетъ въ себѣ данныя, имѣющія неоспоримое значеніе для характеристики его, какъ писателя:

— «Не въ оправданіе моего мерзительнаго сочиненія я сказать что-либо намѣренъ, ибо, убѣжденный теперь самъ въ себѣ, сколь оно гусно, я бы самъ могъ написать на оное опроверженіе, если бы разумъ не былъ въ разстройкѣ и сердце не болѣло. Но я желаю показать шествіе моихъ мыслей, и какъ разумъ, цѣпляясь изъ заблужденія въ заблужденіе, дошелъ наконецъ въ сію путаницу, которая ввергла меня въ погибель.

До женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ, до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова, ибо, имѣя малое знаніе въ російскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ. Родясь съ чувствительнымъ сердцемъ, опыты моего письма обращались всегда на нѣжные предметы, но все было съ неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставилъ

и наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаясь ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами.

Когда я опредѣленъ былъ въ комерцъ-коллегію, то за долгъ мой почелъ приобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до комерціи касающіяся, возобновилъ паки чтеніе общей исторіи и путешествій, и старался приобрѣсти знанія въ россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся. Доселѣ разумъ мой какъ будто забылъ прежнюю свою охоту упражняться въ сочиненіяхъ, или отвлеченъ былъ отъ того, какъ то я сказалъ, неудачею въ любовныхъ сочиненіяхъ. Въ сіе время я опредѣленъ былъ въ помощь г. Далу къ таможеннымъ дѣламъ, и въ сіе же время, между другими комерческими книгами, купилъ я *Исторію о Индіяхъ Ренала*. Сію-то книгу могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію. Я началъ ее читать въ 1780 или 81 году. Слогъ его мнѣ понравился. Я высокопарный (amroulé) его стиль почиталъ краснорѣчіемъ, дерзновенныя его выраженія почиталъ истиннымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу. Но въ сіе время, т. е. при началѣ вступленія моего въ таможду, и по случаю составленія общаго тарифа, за препоручаемыми мнѣ многими письменными дѣлами, я не имѣлъ случая книгу сію окончить чтеніемъ. Вослѣдовавшая потомъ, въ 1783 году, смерть жены моей погрузила меня въ печаль и уныніе, и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія. Не прежде, какъ въ 1785 году я началъ паки упражняться въ чтеніи, и недочтеннаго Ренала окончалъ. Для упражненія въ слоgѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ писать о ценсурѣ; началъ повѣсть Систербецкую; но все не было dokonчено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій *Юрикова Путешествія*, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать. И такъ могу сказать поистинѣ, что *слогъ Реналева*, вода меня изъ путаницы въ путаницу, довелъ до совершенія моей безумной книги, которая готова

была въ исходѣ 1788 года; въ ценсурѣ была въ 1789 году; начата печатью въ началѣ генваря 1790 г.

Такимъ образомъ, желая подражать сему писателю, я произвелъ своего урода. О безуміе, безуміе! О пагубное тщеславіе быть извѣстну между сочинителями! О вы, несчастные и возлюбленные чада, научитесь мовѣ примѣромъ и убѣгайте пагубнаго тщеславія быть писателемъ! —

Въ словахъ Радищева заключаются весьма цѣнныя указанія. Доказательствомъ правдивости ихъ можетъ служить и содержаніе книги и ея изложеніе. Подражаніе слогу Рейналя, котораго французскіе критики называютъ не иначе, какъ *le déclamateur Raynal*, развило въ нашемъ авторѣ наклонность къ фразерству, къ риторическимъ украшеніямъ и многословію. Возгласамъ и восклицаніямъ нѣтъ конца. Они появляются не только тамъ, гдѣ самый предметъ задѣвалъ за душу, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Радищевъ приходитъ въ ужасъ при мысли о томъ, что люди ѣдятъ хлѣбъ, о, даже и въ тѣхъ странахъ гдѣ есть крѣпостное право; что многіе пьютъ кофе, а нѣкоторые занимаются минералогіею, и т. п.: «Вообрази себѣ, что кофе, налитый въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенный въ ономъ, лишили покоя тебѣ подобнаго человѣка; что они были причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія: дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою! . . . . Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой! Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской! На немъ почилъ скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалось проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдитесь, да не отравлены будете вожделѣнною вами пищею. Отрините ее отъ устъ вашихъ; поститесь: се истинное и полезное можетъ быть пощеніе!». . . . Обращаясь мысленно къ Ломоносову, спускающемуся въ рудники для изученія минераловъ, Радищевъ восклицаетъ: «Неужели отличила тебя природа своими дарова-

нiями для того только, чтобы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратiя. Желаешь ли снискать вiдшее искусство извлекати серебро и золото? Или не вѣдаешь, какое въ мiрѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеванiе Америки? Познай подземныя ухищренiя человѣка, и возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа подать совѣтъ зарыть и заровнять сiя могилы, гдѣ тысячи, въ животѣ сущiи, погребаются» и т. д. (стр. 270—272, 431). Во всемъ этомъ много искусственнаго, преувеличеннаго, много риторики, навѣянной чтенiемъ «декламатора» Рейналя.

Совершенно иное впечатлѣнiе производятъ тѣ рѣчи, въ которыхъ авторъ говоритъ изъ глубины души и рисуетъ картину, дѣйствительно ужасную по своему внутреннему смыслу. Таково изображенiе горя и отчаянiя отца, сознающаго на могилѣ безвременно погибшаго сына всю вину свою передъ покойнымъ. Вина эта не преслѣдовалась ни закономъ, ни даже общественнымъ мнѣнiемъ, а между тѣмъ по существу своему она есть самое тяжкое изъ преступленiй. Развратный отецъ влил разрушительный ядъ въ своего сына при самомъ его зачатiи, и вся жизнь несчастнаго сына была непрерывнымъ, незаслуженнымъ страданiемъ за грѣхи и пороки отца. . . .

Многое въ книгѣ Радищева заимствовано изъ иностранныхъ писателей; но главное и существенное, т. е. то, чему самъ авторъ придавалъ особенное значенiе, взято изъ русской жизни. Самъ Радищевъ весьма опредѣленно указываетъ свои источники.

Многiя мѣста и, что всего важнѣе, общiй тонъ и направленiе книги—заимствованы: «дерзновенныя *выраженiя* и неприличной *смѣлости* почерпнулъ я, читая *разныхъ писателей*» и т. д. На страницахъ Путешествiя помѣщены извлеченiя, выписки изъ Рейналя, Гердера и др. Заимствованiя изъ Руссо бросаются въ глаза безъ всякихъ постороннихъ указанiй. Труднѣе опредѣлить тѣ мѣста или тѣ взгляды, которые взяты у писателей гораздо менѣе извѣстныхъ. Такова, напримѣръ, мысль о принципиальной невозможности *оскорбить* Бога, какъ всесовершеннѣйшее Существо, высказанная Радищевымъ и подробно разви-

ваемая въ одномъ изъ тѣхъ курсовъ философіи, которые Платнеръ читалъ въ бытность Радищева въ лейпцигскомъ университетѣ. Идя отчасти по слѣдамъ Платнера, Радищевъ приходитъ къ заключенію, что нѣтъ никакого основанія преслѣдовать и наказывать богохульство, такъ называемое оскорбленіе религіи, изданіе книгъ, отрицающихъ бытіе Бога, и т. п.

Нѣкоторыя изъ описаній, раскрывающихъ темныя стороны тогдашняго быта, оказываются картинами съ натуры. Въ одной изъ главъ Путешествія, которой дано названіе станціи *Чудово*, описывается съ возмутительными подробностями, какъ буря разбила судно, какъ погибающіе молили о спасеніи, и какъ никто изъ береговой команды не подавалъ имъ помощи, потому что никто не рѣшался разбудить спавшаго начальника. «Происшествіе, въ *Чудовѣ* описанное, — говоритъ Радищевъ — было на самомъ дѣлѣ». Недосказанное Радищевымъ дополняется другими свидѣтельствами, вполне достовѣрными. Въ главѣ *Валдай* Радищевъ описываетъ фривольные нравы валдайскихъ красавиць. Вѣрность его описанія подтверждается записками Державина. Въ главѣ *Едрово* говорится о развратномъ помѣщикѣ, изнасиловавшемъ шестьдесятъ дѣвушекъ; во время пугачевщины, крестьяне, связавъ его, повели на вѣрную казнь. «*Повѣсть сія неложива*» — замѣчаетъ Радищевъ (стр. 217). Екатерина спрашивала по этому поводу: «едва ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова»? и т. д.

Въ книгѣ Радищева рѣзко отдѣляются одна отъ другой двѣ ея составныя части: съ одной стороны — заимствованное; чужое, вычитанное изъ книжекъ; съ другой — свое, взятое изъ жизни, изъ тогдашняго быта. Между своимъ и чужимъ, какъ между Парижемъ и Едровомъ, нѣтъ внутренней, органической связи; они сопоставлены болѣе или менѣе случайно, образуя два, независимыя одно отъ другаго, теченія. Эта двойственность объясняется двоякостью той цѣли, для достиженія которой нашъ авторъ и подвизался на литературномъ поприщѣ.

Съ какою же цѣлью напечаталъ Радищевъ свое ПUTE-

шествіе? Радищевъ прямо говорить, что сочиненіемъ своимъ онъ желалъ приобрѣсти *славу писателя* и вмѣстѣ съ тѣмъ принести *пользу обществу*. Слѣдовательно, у него было двѣ цѣли.

О первой изъ своихъ цѣлей Радищевъ говоритъ: «Главное мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ *прослыть писателемъ* и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ обо мнѣ думали до того. . . Самое изданіе книги ни къ чему другому стремилось, какъ быть извѣстну между авторами» и т. д. ¹⁾. По духу того времени, весьма лестно было заслужить званіе писателя, и притомъ такого, который усвоилъ себѣ идеи энциклопедистовъ. Обычный приѣмъ тогдашней критики состоялъ въ сближеніи именъ русскихъ писателей съ именами иностранныхъ знаменитостей въ различныхъ отрасляхъ литературы. Вѣдь были же и русскіе Гораціи, и русскіе Малербы, и русскіе Корнелии и Расины, отчего же не быть и русскому Рейналю и даже русскому Мирабо, какъ называлъ Радищева одинъ изъ его современниковъ. Подобно тому, какъ Фонвизинъ заставлялъ героев своихъ комедій говорить словами Вольтера, Дюкло и другихъ французскихъ писателей, такъ и Радищевъ влагалъ въ уста русскихъ людей тирады, заимствованныя изъ Руссо, Рейналя и другихъ представителей французской литературы восемнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Фонвизина, разсужденія Стародума и Правдина поражали современниковъ своею смѣлостью, и были главною причиною громаднаго успѣха его комедій. Такимъ же образомъ и смѣлыя рѣчи лицъ, выведенныхъ въ книгѣ Радищева, могли дѣйствовать на публику, непривыкшую къ свободѣ печатнаго слова, и авторъ могъ быть увѣреннымъ, что завѣтная мечта его исполнится — что онъ прослыветъ хорошимъ писателемъ.

Но не одна только авторская *слава* соблазняла Радищева. У него были и другія мечты и надежды, болѣе возвышенныя, благородныя и чистыя. Онъ дорожилъ званіемъ писателя, сознавая, что писатель выдѣляется изъ толпы не внѣшними отличіями, не случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а дѣйствительнымъ

¹⁾ Ср. Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 431, 423.

достоинствомъ — силою ума и таланта. Истинное, прямое призваніе писателя заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать умственному и нравственному совершенствованію своихъ современниковъ. Радищевъ говоритъ: «Блаженъ писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго; блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель!» (стр. 96—97). Чтобы достигнуть этой прекрасной цѣли — чтобы принести посильную *пользу обществу*, Радищевъ выступилъ обличителемъ самыхъ опасныхъ, по его убѣжденію, общественныхъ язвъ. На первомъ планѣ является у него крѣпостное право и затѣмъ — наши административные и судебные порядки.

Много страницъ въ книгѣ Радищева посвящено крѣпостному праву, о злоупотребленіяхъ котораго онъ говоритъ особенно подробно и особенно горячо. И суровая доля крѣпостныхъ крестьянъ вообще, и невыносимая тяжесть возлагаемаго на нихъ труда, и самоуправство и необузданный развратъ помѣщиковъ, и нравственная пытка, переживаемая тѣми изъ крестьянъ, которые, по барской прихоти, получили образованіе, и т. п. — представлены въ самыхъ яркихъ и возмущающихъ душу чертахъ. Въ каждой строкѣ слышится участіе автора къ печальной судьбѣ рабовъ и неудержимая ненависть его къ рабовладѣльцамъ. Обличая злыхъ и жестокосердыхъ помѣщиковъ, Радищевъ надѣялся пробудить въ нихъ чувство стыда и раскаянія — «посрамить, а не меньше и навести страхъ» указаніемъ опасныхъ послѣдствій отъ безчеловѣчнаго обращенія съ крестьянами. На вопросъ, почему онъ оуждалъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, Радищевъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «чая, что между помѣщиковъ есть такіе можно сказать уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда предосудительныя дѣянія, сямъ своимъ писаніемъ думалъ дурнаго сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить». Гдѣ есть рабство, тамъ нѣтъ и не можетъ быть благосостоянія. Въ подтвержденіе этой мысли Радищевъ приводитъ не только нравственныя соображенія, но и прямыя указанія житейскаго

опыта. Трудъ свободный всегда производительнѣе труда подневольнаго, и свое поле обрабатывается лучше и усерднѣе, нежели поле чужое. Самымъ свѣтлымъ событіемъ въ государственной жизни Россіи будетъ освобожденіе крестьянъ — окончательное паденіе рабства. Но это великое событіе совершится не вдругъ. Сознавая, что «высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно», Радищевъ предлагаетъ слѣдующій проэктъ или «путь къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи» (стр. 265—267):

«Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и *рабства домашняго*. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ, по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ брать въ дома. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ.

Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина.

Запретить брать выводныя деньги.

Второе положеніе относится къ *собственности* и *защитѣ* земледѣльцовъ.

Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать.

Приобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно.

Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Дозволить крестьянину приобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю.

Дозволить невозбранное приобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму.

Запретить произвольное наказаніе безъ суда.

За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства». —

Наши общественные порядки, вся система управленія и всѣ представители ея темныхъ сторонъ подвергаются въ книгѣ Ра-

дищева рѣзкому и безопаданому осужденію. Восходя все выше и выше, отъ почтоваго комисара до намѣстника, онъ обращается съ своимъ обличительнымъ словомъ къ самому источнику власти. Въ одной изъ главъ Путешествія описано такого рода сновидѣніе. На золотомъ престолѣ возсѣдаетъ верховный владыка, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ. Вокругъ престола всѣ атрибуты роскоши и власти. Въ раболѣпной толпѣ придворныхъ слышатся лицемѣрные возгласы: «онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; онъ расширилъ предѣлы отечества; онъ обогатилъ государство; онъ распространилъ торговлю; онъ любитъ науки и художества; онъ поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе; вельнію гласа его повинуются стихіи» и т. д. Только одно честное существо оказалось во всемъ этомъ сонмищѣ: въ толпѣ придворныхъ появилась невѣдомая странница; имя ея — Истина. Подойдя къ властителю, она сказала: «у тебя на обоихъ глазахъ бѣльма, а ты такъ рѣшительно судишь обо всѣхъ». Истина сняла предательскія бѣльма, и властитель долженъ былъ сознаться въ жестокомъ разочарованіи (стр. 61—72). Увидѣвши вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, онъ пришелъ къ такому убійственному выводу: «Подвигъ мой, коимъ *въ ослѣпленіи* моею душа моя наиболѣе гордилася — отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моему чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ» (стр. 80—81)... Снимать бѣльма, мѣшающія правителямъ узнавать нужды и горе своихъ подвластныхъ, Радищевъ считалъ прямою обязанностью писателей, и обращаясь къ прозрѣвшему владыкѣ, говоритъ: «если изъ среды народныхъ возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній, и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя» (стр. 75).

Такой же точно взглядъ на призваніе писателей-публицистовъ высказываетъ и Мабди. Но къ великому несчастью для

Радищева, совершенно иначе смотрѣла Екатерина и на права литературы и на выборъ друзей между писателями.

III.

Екатерина признала сочиненіе Радищева: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву* книгою «наполненною самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской». Вслѣдствіе этого авторъ былъ приговоренъ къ смертной казни; но по случаю мира съ Швеціею и по желанію императрицы «соединить правосудіе съ милосердіемъ», смертная казнь замѣнена была десятилѣтнею ссылкой въ Сибирь. Такое наказаніе, даже въ его смягченномъ видѣ, поразило Радищева и своею строгостью и своею неожиданностью. Но какимъ образомъ Радищевъ могъ не чужь бѣды, которую самъ накликалъ на себя? Возставая противъ существующаго порядка вещей, и расширявъ до послѣднихъ предѣловъ кругъ своихъ обличеній, Радищевъ долженъ былъ взвѣсить свои силы въ неравной борьбѣ и заранѣе приготовиться къ пораженію со всѣми его послѣдствіями. На чемъ же основывалась самоувѣренность Радищева, и чѣмъ объяснить рѣшимость его напечатать подобную книгу? Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе не столько для оцѣнки личныхъ свойствъ Радищева — его предусмотрительности или недалекости, сколько для выясненія общественныхъ и литературныхъ условий, при которыхъ появилась его книга. Суть вопроса заключается въ слѣдующемъ: были ли въ дѣйствительной жизни достаточные поводы для того, чтобы книгу Радищева считать революціоннымъ набатомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ тогдашними произведеніями литературы и неоставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что автору угрожаетъ самая жестокая уголовная кара?

Отвѣтомъ, и весьма краснорѣчивымъ, могутъ служить данныя, находящіяся въ произведеніяхъ императрицы Екатери-

ны II, въ законодательныхъ памятникахъ ея времени, и въ литературныхъ трудахъ Фонвизина и самого Радищева.

Въ наказѣ Екатерины II говорится: «Называть преступленіемъ, до оскорбленія Величества касающимся, такое дѣйствіе, которое въ самой вещи онаго въ себѣ не заключаетъ, есть самое насильственное злоупотребленіе. . . . Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя: сей царь приказалъ казнить его смертію, говоря, что не приснилось бы сіе ему ночью, если бы онъ о томъ днемъ на яву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо *если бы онъ то и думалъ*, однакожъ на исполненіе мысли своей еще не поступилъ: законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ вѣшнихъ или наружныхъ *дѣйствій*. . . . *Слова не вмѣняются никогда съ преступленіе*, развѣ оныя приуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствию беззаконному. Все превращаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное. . . . Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ *сочиненія очень язвительныя: весьма беречься надобно изысканія о семъ далеке распространять*, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество; опровергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметъ», и т. д.

Подъ сильнымъ вліяніемъ идей наказа и началась и продолжалась литературная дѣятельность Радищева. Отдаваясь всецѣло своимъ первымъ и лучшимъ впечатлѣніямъ, онъ словно боялся провѣрять ихъ критически: ему больно было разставаться съ золотыми снами доврѣчивой молодости. Идеалы, начертанные въ наказѣ, увлекали воспримчиваго автора, и онъ прогонялъ отъ себя мысль о противорѣчии ихъ съ дѣйствительностью. Въ оправданіе своей смѣлости, онъ въ самой книгѣ своей ссылается на наказъ: «*Пуškai печатаютъ все, кому что на умѣ ни взойдетъ*. Я говорю не смѣхомъ. *Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же — не преступленія*: се правила *Наказа о новомъ уложеніи*» (стр. 294). Надо полагать, что Радищевъ говорилъ это дѣйствительно «не смѣхомъ», а вполне искренно, считая не-

возможнымъ, чтобы авторъ *наказа* призналъ автора *язвительнаго сочиненія* заслуживающимъ смертной казни, и если отмѣнилъ этотъ приговоръ, то не во имя *правосудія*, а только по чувству милосердія. Какъ бы въ отвѣтъ на оговорку, сдѣланную въ наказѣ, что слова могутъ быть преступленіемъ только тогда, когда готовятъ къ дѣйствіямъ, Радищевъ говоритъ въ своей повинной: «Ежели кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается, потому что народъ нашъ книгъ не читаетъ, и что писана она слогомъ, для простаго народа невнятнымъ».

Впечатлѣніе, произведенное въ литературномъ мірѣ наказомъ и начинавшее сглаживаться, возобновлено было изданіемъ закона *о вольныхъ типографіяхъ*, въ которомъ увидѣли, если не прямое, то косвенное, признаніе свободы печатнаго слова. Указомъ 15 января 1783 года повелѣвалось «типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій», и вслѣдствіе того позволено, какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи, «каждому *по своей собственной воли* заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія». Такая мѣра возбудила преувеличенныя надежды въ людяхъ, постоянно мечтавшихъ о свободѣ слова и находившихъ, что новый законъ «развязывалъ и умъ и руки» писателей. Въ то самое время, когда Радищевъ готовилъ къ изданію свое Путешествіе, Стародумъ Фонвизина писалъ слѣдующія строки: «Я буду сообщать мысли мои по мѣрѣ, какъ они мнѣ въ голову приходятъ будутъ. Я буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человекъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно. Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ *вольныхъ* разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно, ибо погибель

сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сія узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы, и позволила вездѣ охотникамъ заводить *вольныя типографіи*, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. Итакъ, російскіе писатели, какое обширное поле предстоятъ вашимъ дарованіямъ. Я думаю, что таковая *свобода писать*, каковою пользуются нынѣ россияне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, *гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысити грозный гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, ередящихъ отечеству*, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть *полезнымъ совѣтодателемъ государю*, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества¹⁾.

Указомъ о вольныхъ типографіяхъ цензура книгъ возложена на полицію, на управу благочинія. Полиція и не разрѣшила напечатать приведеннаго письма Стародума. Но статьи Радищева, изъ которыхъ большая часть вошла и въ Путешествіе, дозволены управою благочинія — полицеймейстеромъ Жандромъ и оберъ-полицеймейстеромъ Рылѣвымъ. Подъ заключительною статью Путешествія, оканчивающеюся словами: «Москва, Москва!» подпись, относящаяся ко всей книгѣ: «Печатать позволено. 22 іюня 1789 года. Никита Рылѣвъ». На другихъ рукописяхъ Радищева подписи: «Печатать позволено. 25 сентября 1789 года. Никита Рылѣвъ». — «Печатать позволено отъ управы благочинія въ С.-Петербургѣ. Марта 10 дня 1790 года. Андрей Жандръ» и т. д. Разрѣшеніе печатать, данное правительственными цензорами — полицеймейстеромъ и оберъ-полицеймейстеромъ, могло въ значительной степени способствовать увѣренности Радищева въ томъ, что предпріятіе его сойдетъ съ рукъ и во всякомъ случаѣ не надѣлаетъ ему большой бѣды.

¹⁾ Сочиненія, письма и избранные переводы Дѣниса Ивановича Фонвизина. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1866, стр. 229—230, 356.

Та рѣзкость въ сужденіяхъ и выводахъ по вопросамъ общественной жизни, которая бросается въ глаза въ Путешествіи Радищева, замѣтна, въ большей или меньшей степени, и во всѣхъ прежнихъ его трудахъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ. Общее направление, господствующіе взгляды — одни и тѣже. Какъ человѣкъ образованный и знающій иностранные языки, Радищевъ приглашенъ былъ къ участию въ работахъ общества, учрежденнаго Екатериною для перевода замѣчательныхъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій. Во главѣ общества стояли лица, пользовавшіяся особеннымъ довѣріемъ правительства; на вознагражденіе переводчикамъ назначалась весьма значительная сумма изъ собственной шкатулки государыни. На долю Радищева достался переводъ сочиненія Мабли: *Observations sur l'histoire de la Grèce*¹⁾. Къ переводу своему Радищевъ присоединилъ нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. Всего любопытнѣе примѣчаніе, разъясняющее смыслъ слова *despotisme*, переведеннаго Радищевымъ словомъ *самодержавство*:

Подлинникъ Мабли.

Quelle que fût la situation de la Macédoine, ses maux n'étaient point incurables comme ceux de la Grèce. Les prédécesseurs de Philippe n'avaient pas exercé sur leurs sujets cette autorité aveugle et absolue qui dégradait l'humanité dans la Perse; et quand les monarchies ne sont pas encore dégénérées en ce

Переводъ и примѣчаніе
Радищева.

Каково Македоніи состояніе ни было, но болѣзни ея не были неисцѣлимы, какъ то были болѣзни Греціи. Филипповы предшественники не царствовали надъ своими подданными со властію слѣпою и неограниченною, человѣчество въ Персіи унижающею, а какъ монархіи не прешли еще въ самодержав-

¹⁾ Опытъ российской библіографіи, собранный изъ достовѣрныхъ источниковъ Васильемъ Сопиковымъ. 1816. Часть IV, стр. 279. № 9493.

despotisme qui ôte à l'âme tous les ressorts, le citoyen conserve le sentiment de la vertu et du courage, et le prince se crée, lorsqu'il le veut, une nation nouvelle. Le peuple accoutumé à obéir sans lâcheté, et qui n'est point son propre législateur, ne résiste jamais aux exemples de ses maîtres. Il sort de son assoupissement, quitte ses vices; et, sans qu'il s'en aperçoive, prend un nouveau caractère et la vertu qu'on veut lui donner¹⁾.

ство *), отъемлющее у души все ея пружины, то гражданинъ соблюдалъ чувствованіе добродѣтели и мужества, а государь созидалъ, если хотѣлъ, народъ совсѣмъ новый. Народъ, навъикшій повиноватися безъ малодушія, не будучи самъ свой законодатель, никогда не противится примѣру своихъ государей. Онъ изступаетъ изъ своего забвенія, отменяетъ свои пороки, и, не вѣдая самъ того, воспріемлетъ новый нравъ и добродѣтель, ему подаваемую.

*) «Самодержавство есть наипротивѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти; но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другаго права наказывать преступниковъ опрочъ права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать должны неотмѣнно; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы она употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества²⁾. —

¹⁾ Observations sur l'histoire de la Grece ou des causes de la prospérité et des malheurs des Grecs. Par m. l'abbé de Mably. A Geneve 1766. стр. 170—171.

²⁾ Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де Мабли. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ общества, старающагося о напечатаніи книгъ. Въ С.-Петербургѣ. При императорской академіи наукъ. 1773 года, стр. 126—127.

Въ книгѣ Радищева: «Житіе Федора Васильевича Ушакова», напечатанной въ томъ самомъ году, когда Путешествіе представлено было въ цензуру, встрѣчаются такія мѣста: «Не тревожился Юлій Кесарь о томъ, что прослыветъ государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну. Не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиняя войну и предавая смерти тысячи вонновъ... Примѣръ самовластія государя, неимѣющаго закона, ниже другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что, пользуясь удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. Да и сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію, и Гельвеціево о семъ мнѣніе ежечасно подтверждается» и т. д. (стр. 63—64, 20—21, изд. 1811 г.). Ссылка на Гельвеція весьма краснорѣчиво указываетъ на тѣ источники, откуда вытекали у нашего автора воззрѣнія на общество и на укоренившійся въ немъ порядокъ вещей.

Предшествующіе литературные опыты Радищева могли поддерживать въ увлекающемся авторѣ увѣренность, что и новая и самая смѣлая попытка, хотя и не удостоится награды «изъ собственной шкатулки», однако же ни въ какомъ случаѣ не приведетъ его къ смертной казни, какъ государственнаго преступника.

IV.

Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева, находится въ связи съ личными взглядами и степенью образованности читателей, которыхъ нашлось довольно много для того времени. Одни — читали и не понимали, въ чемъ откровенно и сознавались; просто-напросто они не могли взять въ толкъ мудреныхъ разглагольствій русскаго энциклопедиста. Другіе очень хорошо

понимали въ чемъ дѣло, но таили свой взглядъ про себя, по крайней мѣрѣ до поры, до времени. Никто, кажется, не предполагалъ, что исторія можетъ окончиться плахою или висѣлицею. Только одна читательница признала автора опаснымъ революціонеромъ, и, какъ власть имѣющая, подвергла его строгому, уголовному суду.

Когда стали производить разслѣдованіе о книгѣ Радищева, одинъ изъ первыхъ спрошенъ былъ книгопродавецъ Зотовъ. Онъ прямо заявилъ, что онъ хотя и продавалъ эту книгу, и самъ ее читалъ, но никакъ не могъ думать, что она заключаетъ въ себѣ что-либо противное правительству!.. Безграмотныя подписи Зотова служатъ доказательствомъ искренности его показанія.

При самомъ началѣ слѣдствія Екатерина полагала, что авторами книги были Радищевъ и Челищевъ, товарищъ Радищева по лейпцигскому университету. Графъ Безбородко писалъ графу Воронцову: «По слѣдствію, порученному оберъ-полицеймейстеру, а болѣе, думаю, *по слухамъ*, сказано государынѣ, что авторы извѣстной развратной книги — господа Радищевъ и Челищевъ, и что ее печатали въ домовой типографіи того или другаго изъ нихъ. Дѣло сіе весьма въ дурномъ положеніи. Хотя ея величество, узнавъ имя перваго, кажется болѣе расположена умягчить свое негодованіе, но все впрочемъ не лучший конецъ оно имѣть можетъ»¹⁾.

Ходили также слухи, что сотрудникомъ Радищева былъ другой товарищъ его по лейпцигскому университету — Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. Основываясь на свидѣтельствѣ «честнаго и неживаго» Богдановича, княгиня Дашкова сообщаетъ извѣстіе, что Державинъ говорилъ при многихъ: «Вотъ какой я души человекъ, что я не сказалъ о *Козодавлевѣ*, что онъ *участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева*. Козодавлевъ противъ меня неблагодаренъ, меня злословитъ»²⁾. Былъ ли Козодавлевъ дѣйствитель-

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. 1879. Книга XIII, стр. 200.

²⁾ Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 221.

нымъ *участникомъ* въ составленіи книги, объ этомъ нѣтъ никакихъ положительныхъ, вполне достовѣрныхъ указаній. Но что онъ сочувствовалъ идеямъ Радищева объ освобожденіи крестьянъ и о свободѣ печатнаго слова, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Стоитъ только прочесть статьи Козодавлева въ *Растущемъ Виноградѣ* и въ *Собесѣдникѣ* любителей россійскаго слова, и сравнить съ ними нѣкоторыя мѣста въ *Путешествіи* Радищева. Козодавлевъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ Радищева съ Державинымъ, которому и передалъ, по порученію автора, одинъ экземпляръ *Путешествія*.

Радищевъ отдавалъ справедливость поэтическому таланту Державина, и по всей вѣроятности, ожидалъ сочувственнаго приѣма своей книги со стороны пѣвца Фелицы и безстрашнаго обличителя ея двора. То четверостишіе, которое молва почему-то приписывала Державину, признаетъ правдивость содержанія книги, но обвиняетъ автора за излишнюю смѣлость:

Бзда твоя въ Москву *со истиною сходна,*
 Некстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна.
 Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: «вирь, вирь»!
 Знать, *русскій Мирабо*, поѣхалъ ты въ Сибирь¹⁾.

Вообще въ отзывахъ своихъ о Радищевѣ Державинъ вовсе не касается содержанія его сочиненій, и ограничивается замѣтками о слогѣ. Отсюда можно заключить, что Державинъ не видѣлъ ничего опаснаго для общественнаго спокойствія въ книгахъ и идеяхъ Радищева. Чтобы убѣдиться въ томъ, что литераторы наши плохо знаютъ русскій языкъ, Державинъ совѣтовалъ прочитать сочиненіе Радищева — *Описаніе жизни* Ѳ. В. Ушакова. Княгиня Дашкова говоритъ: *Un jour que nous étions à l'académie russe, mr. Державинъ, en parlant du peu de connaissance què l'on avait de la langue russe, que l'on ne connaissait pas*

¹⁾ Вчера и Сегодня. Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845. Книга I, стр. 63.

la valeur des mots et qu'on prétendait pourtant être auteur, me dit qu'il venait de lire un sot livre de Радищевъ au sujet d'un de ses amis morts.

Не только писатели, но и государственные люди временъ Екатерины II были, повидимому, далеки отъ мысли, что Радищевъ совершилъ преступленіе, подлежащее смертной казни. Въ правительственныхъ сферахъ, въ кругу лицъ, призываемыхъ къ обсужденію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, въ средѣ сановниковъ, составлявшихъ такъ называемый «совѣтъ ея императорскаго величества» находились ходатаи за Радищева, желавшіе смягчить гнѣвъ императрицы.

Одинъ изъ членовъ совѣта ея величества, главный начальникъ Радищева по службѣ его въ комерцъ-коллегіи, графъ Александръ Романовичъ Воронцевъ, навлекъ на себя даже подозрѣніе въ пособничествѣ Радищеву, т. е. въ такомъ же *участіи* въ составленіи книги, въ какомъ обвиняли и Козодавлева. Подобное же подозрѣніе падало и на сестру графа Воронцова, княгиню Екатерину Романовну Дашкову, президента академіи наукъ и россійской академіи. Екатерина говорила окружающимъ, что она не вѣритъ слухамъ, распускаемымъ о Дашковѣ и о ея братѣ. Но лицо, ручавшееся за искренность этихъ словъ, не возбуждаетъ особеннаго довѣрія. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія уже одно то обстоятельство, что единомышленниковъ Радищева искали въ самомъ высшемъ кругу тогдашняго общества. Изъ письма Дашковой очевидно, что и Державинъ могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о друзьяхъ и сотрудникахъ Радищева. Въ своемъ полурусскомъ и полуфранцузскомъ письмѣ къ брату княгиня Дашкова говоритъ: «Vers le soir, Samoiloff vient chez moi. Vous connaissez le faible de ce galant homme. Il commença à se vanter qu'il ne me disait pas le quart de ce qu'il avait dit en ma faveur, parce que, dit-il, Elle m'a dit, qu'Elle n'a pas voulu croire à la colomnie que moi et vous avions eu part au livre de Радищевъ. . . . Державинъ меня и брата злословить. Для

чего, когда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія, и *зная прямыхъ сочинителей, мараль и клеветалъ на честныхъ людей*¹⁾.

Ближайшимъ помощникомъ Екатерины II по дѣлу о Радищевѣ былъ членъ совѣта ея величества, гофмейстеръ и «надъ почтами въ государствѣ главный директоръ» графъ Александръ Андреевичъ Безбородко. Всѣ распоряженія Екатерины касательно предварительно слѣдствія, а также и сношенія ея по этому поводу съ Шешковскимъ, происходили при участіи графа Безбородко. Онъ получалъ приказанія отъ императрицы, передавалъ ихъ кому слѣдуетъ, и докладывалъ о ходѣ и результатахъ дознанія, очныхъ ставокъ, и т. п. Безпрекословный исполнитель воли Екатерины, не промолвившій слова въ защиту Радищева, Безбородко дѣйствовалъ не по своему внутреннему убѣжденію, и не всегда думалъ то, что писалъ въ официальныхъ бумагахъ. Будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Екатерины и не допуская официально ни малѣйшаго повода къ смягченію вины подсудимаго, Безбородко указывалъ, въ откровенной перепискѣ, на смягчающія обстоятельства, и — что всего замѣчательнѣе — искалъ ихъ въ мѣрахъ и дѣйствіяхъ самого правительства. Онъ указывалъ преимущественно на законъ о вольныхъ типографіяхъ и о цензурѣ книгъ въ полиціи, въ которомъ люди осторожные усматривали поводъ и даже вызовъ къ разнаго рода излишествамъ и крайностямъ въ печати. Во время суда надъ Радищевымъ, графъ Безбородко писалъ къ правителю канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попову: «Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, несмотря что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, *правду сказать, и правилъ изрядно и безкорыстно*, вздумалъ лишніе часы посвящать на мудрованія. Заразившись, какъ видно, Францією, выдалъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненную защитою крестьянъ,

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 220—223.

зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго, и наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рыгѣевъ, оберъ-полицмейстеръ въ С.-Петербургѣ, цензуровалъ сію книгу, не читавъ, а, удовольствовавшись титуломъ, надписалъ свое благословеніе. *Книга сія начала входить въ моду* у многихъ шали; но, по счастью, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ — авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, ему выправится нечѣмъ. *Съ свободою типографій да съ глупостію полиціи* и не усмотришь, какъ напалятъ»¹⁾.

Самымъ неумолимымъ критикомъ сочиненія и обвинителемъ автора явилась императрица Екатерина II. Она разобрала книгу Радищева до мельчайшихъ подробностей, отъ первой строки до послѣдней, съ необыкновеннымъ вниманіемъ и безпощадною строгостью. «Намѣреніе сей книги — говорить Екатерина — на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства»²⁾. Подъ именемъ *французскаго заблужденія* Екатерина понимаетъ тотъ порядокъ вещей, отъ котораго «теперь Франція разоряется», т. е. французскую революцію.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева и прямая связь ихъ съ ходомъ и исходомъ уголовного суда надъ авторомъ представляютъ рѣзкую противоположность съ тѣмъ, чего можно было бы ожидать отъ государыни-писательницы, прославленной энциклопедистами за свое сочувствіе къ свободѣ мысли и слова.

¹⁾ Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко, въ связи съ событіями его времени. Н. Григоровича. 1881. Томъ II, стр. 94—95.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова. 1872. Книга V, стр. 407—422. Разборъ сочиненія Радищева, написанный императрицею Екатериною II.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

Вслѣдствіе какихъ же причинъ Екатерина измѣнила свой взглядъ, и, вопреки наказу, признала слова преступленіемъ? По всей вѣроятности, это произошло главнымъ образомъ подъ влияніемъ политическихъ событій въ западной Европѣ; быть можетъ также, примѣшались сюда и личныя опасенія и чувство глубоко-оскорбленнаго самолюбія. Екатерина читала книгу Радищева подъ свѣжимъ еще и чрезвычайно сильнымъ впечатлѣніемъ французской революціи. Подъ влияніемъ этого впечатлѣнія измѣнился и взглядъ Екатерины на литературу. До революціи Екатерина много разъ высказывалась въ томъ смыслѣ, что между книгою и дѣйствительною жизнью — цѣлая бездна, а потому весьма снисходительно смотрѣла на либеральныя «упражнения» литераторовъ. Но революція заставила признать за писателями болѣе серьезное, хотя и отрицательное, значеніе. При первыхъ попыткахъ объяснить событіе, вызвавшее всеобщую панику, главными виновниками провозглашены энциклопедисты, на томъ основаніи, что они, постоянно толкуя о пересозданіи общества и государства, сочиненіями своими подготавливали революцію. Нагляднымъ доказательствомъ измѣнившагося взгляда Екатерины II на свободу печатнаго слова могутъ служить слѣдующіе два примѣра.

Въ трагедіи одного писателя встрѣчаются такіе стихи:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
 Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
 Лѣзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
 Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца....

Въ трагедіи другаго писателя таже самая мысль выражена стихами:

Самодержавіе, повсюда бѣдъ содѣтель,
 Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
 И невозбранные пути открывъ страстямъ,
 Даетъ свободу быть тиранами царямъ....

Цензура запретила-было первое четверостишіе; но Екатерина сняла запрещеніе, и велѣла напечатать трагедію въ академическомъ изданіи — въ Россійскомъ Театрѣ. Авторъ трагедіи, Николевъ, заслужилъ «благоволеніе» государыни. Второе четверостишіе находится въ трагедіи Княжнина: «Вадимъ», напечатанной въ томъ же академическомъ изданіи. Екатерина пришла въ ужасъ отъ этихъ стиховъ, и увидѣла въ нихъ что-то зловѣщее. «И вы еще увѣряете меня, что мнѣ нечего бояться» — сказала Екатерина своей собесѣдницѣ, прочитавъ трагедію Княжнина.

Въ сущности, вся разница заключается въ томъ, что первое четверостишіе появилось до революціи, а второе — послѣ революціи.

Страхъ, навѣянный французскою революціею, былъ до того силенъ, что и въ сочиненіяхъ русскихъ писателей стали искать слѣдовъ и вліянія событій, происходившихъ во Франціи. Радищеву пришлось оправдываться въ приписываемыхъ ему замыслахъ и по совѣсти увѣрять, что сочиненіями своими онъ не желалъ произвести революцію на подобіе французской. Вотъ подлинныя слова Радищева: «не можетъ онъ того отрицать, чтобы Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ, не казалось произвести французскую революцію, но однакожь по чистой совѣсти своей увѣряетъ, что онъ сего злаго намѣренія не имѣлъ».

Къ тревожнымъ вѣстямъ, получаемымъ изчужа, присоединялось безпокойство относительно нашихъ домашнихъ дѣлъ. Особенно подозрительно смотрѣли тогда на такъ называемыхъ *мартинистовъ*, которыхъ считали опасными заговорщиками. По этому поводу происходила весьма оживленная переписка между Петербургомъ и Москвою. Донесенія свои князь Прозоровскій облекалъ большою таинственностью, увѣряя Екатерину, что онъ только ей и ей одной можетъ представить дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ, и умоляя не выдавать его и не указывать источника, откуда получены свѣдѣнія о мартинистахъ. Ходили слухи, что мартинисты, въ одномъ изъ своихъ собраній, метали жребій «кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину», и что число

метавшихъ жребій простиралось будто бы до тридцати. Говорятъ даже, что показанія и повинныя ихъ находились впоследствии въ рукахъ Екатерины¹⁾. Разбирая книгу Радищева, Екатерина дѣлала такого рода замѣтки: «онъ едва ли не *мартинистъ*» . . . «касательно метафизики — *мартинистъ*» и т. п.

Всего болѣе Екатерина была изумлена и оскорблена вызывающимъ тономъ книги Радищева и небывалою смѣлостью обличеній, далеко выходявшихъ за тѣ предѣлы, у которыхъ почти тельно останавливались всѣ предшествующіе обличители.

Многія изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя разсѣяны въ книгѣ Радищева, можно встрѣтить и въ одахъ Державина и въ произведеніяхъ другихъ тогдашнихъ писателей. Но Державинъ — употребляя его собственное выраженіе — «говорилъ истину съ улыбкой», а Радищевъ говорилъ ее съ пѣною у рта. Оттого и впечатлѣніе получалось совершенно противоположное.

Обыкновенный пріемъ нашихъ обличителей заключался въ слѣдующемъ. Вся вина взваливалась на второстепенные и третьестепенные органы власти; что же касается ея источника, ея верховнаго представителя, то онъ изображался въ самомъ привлекательномъ и лучезарномъ свѣтѣ. Державинъ превозносилъ Екатерину именно за то, что она «не подражаетъ своимъ мурзамъ», что она нисколько на нихъ не походитъ. Описавши пороки и недостатки придворныхъ, окружающихъ Фелицу, Державинъ восклицаетъ, обращаясь къ ней:

Еди́на Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого . . . . .
Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога

¹⁾ Русскій Архивъ. 1875. Книга третья. Записка о мартинистахъ, представленная, въ 1811 году, графомъ Растиопчинымъ великой княгинѣ Екатерины Павловны, стр. 76—77.

Покрылъ, одѣлъ и накормилъ . . . .
 Тебѣ единой лишь пристойно,
 Царевна, свѣтъ изъ тьмы творишь.
 Изъ разногласія согласье
 И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
 Ты можешь *только* созидать . . .

Въ такомъ же духѣ писались официальные бумаги и постановленія высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Совѣтъ ея величества, слушая учрежденіе о губерніяхъ «ощущалъ во всѣхъ частяхъ онаго мудрое предусмотрѣніе, матернее о подданныхъ попеченіе, человеколюбіе и милосердіе ея императорскаго величества; признавалъ, что доставить оно всѣмъ и каждому благополучную и спокойную жизнь» и т. д.¹⁾

Для читателей, привыкшихъ къ подобному краснорѣчію, книга Радищева была самою неприятною и возмутительною новостью. Рѣчи странницы-истины, снимающей бѣльма, звучали диссонансомъ въ общемъ хорѣ торжественныхъ восхваленій, а «проектъ въ будущемъ» представляется пародіею на хвалебную лирику и на нѣкоторые официальные акты. Въ проектѣ говорится: «Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оно нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія возведенныя до высочайшаго совершенства степени, до коей человѣку достигнуть дозволяется; наслаждаяся внутреннею тишиною; внѣшнихъ враговъ не имѣя; доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія» и т. д. (стр. 236—238). Радищевъ подводитъ итогъ государственной дѣятельности неожиданно прозрѣвшаго владыки, и въ итогѣ оказывается, что его постоянно обманывали блестящими призраками и сказочными успѣхами исполинскихъ замысловъ, а онъ такъ слѣпо вѣрилъ величію небывалыхъ подвиговъ и такъ щедро награждалъ своихъ мнимыхъ сподвижниковъ . . .

¹⁾ Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи. Составлена помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта Даневскимъ. 1855, стр. 39—40.

Всякому понятно, кого разумѣтъ Радищевъ подъ именемъ прозрѣвшаго владыки. Екатерина прямо приняла на свой счетъ все то, что говорится о самовластїи и верховномъ властителѣ и написала: «скажите сочинителю, что я читала его книгу отъ доски до доски, и прочтя, усумнилась, *не сдѣлано ли ему мною какой обиды*? Радищеву и былъ предложенъ вопросъ: «не чувствуете ли вы со стороны ея императорскаго величества какой себѣ обиды»? Посылая въ совѣтъ дѣло о Радищевѣ, Екатерина велѣла сказать, что она презираетъ все, что относится *лично къ ней* въ книгѣ Радищева.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева послужили главною основою при производствѣ слѣдствїя и дознанїя. Отвѣчая на вопросные пункты, предложенные ему на слѣдствїи, Радищевъ въ сущности давалъ отвѣты на замѣчанїя, сдѣланныя Екатериною.

V.

Истинною и въ высшей степени энергическою руководиельницею дѣла, державшею въ своихъ рукахъ всѣ его нити, была сама Екатерина. Отъ нея исходили всѣ распоряженїя; по ея почину возникло дѣло; по ея настоянїю производилось оно съ необычайною для того времени быстротою, и ею же доведено оно до предназначеннаго конца. Докладчикомъ по дѣлу Радищева былъ, какъ мы сказали, графъ Безбородко. Допрашивалъ Радищева, какъ важнаго государственнаго преступника, Стѣпанъ Ивановичъ Шешковскїй, хорошо извѣстный петербургскому населенїю и получившїй довольно мѣткое названїе *духовника*. Когда кто-либо изъ петербургскихъ жителей исчезалъ безъ вѣсти на нѣкоторое время, то, по возвращенїи его, знакомые и незнакомые говорили ему: «вы навѣрно были у духовника». На разспросы любопытныхъ нельзя было отвѣчать, потому что Шешковскїй отбиралъ подписки въ соблюденїи стро-

жайшей тайны, подъ угрозою неизбежнаго наказанія за малѣйшую нескромность.

Дѣло о Радищевѣ велось около двухъ съ половиною мѣсяцовъ, съ конца іюня и до начала сентября 1790 года.

Сохранилась собственноручная записка Екатерины, на клочкѣ бумаги, безъ означенія года и числа: «По городу слухъ, будто Радищевъ и Щелищевъ писали и печатали въ домовой типографіи ту книгу: *изслѣдовавъ, лучше узнаемъ*».

Подъ 26 іюня 1790 года записано въ дневникѣ Храповицкаго: «Говорено о книгѣ: *Путешествіе отъ Петербурга до Москвы*. Тутъ разсѣваніе заразы французской; отвращеніе отъ начальства. Авторъ — мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева»¹⁾).

Тогда же, 26 іюня, взятъ подъ стражу книгопродавецъ Зотовъ, продававшій книгу Радищева. Но самъ Радищевъ не былъ въ этотъ день арестованъ, какъ можно заключить изъ содержанія слѣдующаго письма.

27 іюня 1790 года графъ Безбородко писалъ графу Александру Романовичу Воронцову: «Ея императорское величество, свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, оную читать изволила, и нашедъ ее наполненною разными дерзостными израженіями, влекущими за собою развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ. Почему, прежде формальнаго о томъ слѣдствія, повелѣла мнѣ сообщить вашему сіятельству, чтобъ *вы призвали предъ себя помянутаго г. Радищева*, и сказавъ ему о дошедшемъ къ ея величеству слухѣ на счетъ его, спросили его: онъ ли *сочинитель* или *участникъ* въ состав-

¹⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго, по подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. 1874, стр. 338.

ленія сея книги; кто ему въ томъ способствовалъ; гдѣ онъ ее печаталъ; есть ли у него домовая типографія; была ли та книга представлена на цензуру управы благочинія или же напечатанное въ концѣ книги: *съ дозволенія управы благочинія* есть несправедливо. При чемъ бы ему внушили, что чистосердечное его признаніе есть единое средство къ облегченію жребія его, котораго, конечно, нельзя ожидать, если, при упорномъ несправедливо отрицаніи, дѣло слѣдствіемъ откроется. *Ея величество будетъ ожидать, что онъ покажетъ»*.

Но въ тотъ же день, 27 іюня, Безбородко извѣщалъ Воронцова о перемѣнѣ рѣшенія: «Спѣшу предувѣдомить ваше сіятельство, что ея величеству угодно, чтобъ вы уже господина Радищева ни о чемъ не спрашивали для того, что дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ»¹⁾.

30 іюня Радищевъ былъ уже въ крѣпости. Дежурный подполковникъ Дмитрій Горемыкинъ доносилъ Шешковскому, 7 іюля 1790 года: «Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Радищевъ, съ даннымъ мнѣ отъ его сіятельства господина генераль-аншефа и кавалера графа Якова Александровича Брюса ордеромъ къ его превосходительству г. генераль-маіору и с. - петербургскому оберъ-коменданту Андрею Гавриловичу Чернышову, минувшаго іюня 30, по полудни въ девять часовъ, показанному г. генераль-маіору доставленъ».

Радищеву предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросныхъ пунктовъ, представляющихъ дословное сходство съ замѣчаніями Екатерины, какъ на примѣръ:

Замѣчанія Екатерины.

Вопросные пункты Радищеву.

На страницѣ 341 начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина; на 349 кончится сими за долги, помѣщены сіи слова:

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. 1879. Книга XIII. стр. 199—201.

СЛОВАМИ: и свободы не отъ ихъ
советовъ ожидать должно (от-
чинниковъ), но отъ самой тя-
жести порабощенія, то есть
надежду полагаетъ на бунтъ
отъ мужиковъ.

Съ 350 до 369 содержится,
но случаю будто стихотворче-
ства, ода совершенно явно и
ясно бунтовская, гдѣ царямъ
грозится плахою. Кромвелевъ
примѣръ приведенъ съ похва-
лами. Сіи страницы суть кри-
минальнаго намѣренія, совер-
шенно бунтовскія. О сей одѣ
спросить сочинителя, въ какомъ
смыслѣ и кѣмъ сложена.

и свободы не отъ ихъ советовъ
ождать должно (отчинниковъ),
но отъ самой тяжести пора-
бощенія, то что вы подъ оними
разумѣете?

Начиная съ 350 до 369 стр.
помѣстили вы, по случаю буд-
то бы стихотворчества, оду со-
вершенно явно и ясно бунтов-
скую, гдѣ царямъ угрожаете
плахою. Кромвелевъ примѣръ
приведенъ съ похвалами, и сіи
страницы суть криминальнаго
намѣренія, совершенно бунтов-
скія; то скажите, въ какомъ
смыслѣ она писана и кѣмъ сло-
жена? ¹⁾

Письменные показанія по вопроснымъ пунктамъ Радищевъ
давалъ втеченіе трехъ дней—8, 9 и 10 іюля.

Рукою Шешковскаго написано: «Пожалуйте, объясните:

- 1) Гдѣ вы жили въ приходѣ и у которой церкви?
- 2) Кто у васъ и семьи вашей отецъ духовный?
- 3) Когда вы и семья ваша были у исповѣди и святаго при-
частія?»

Радищевъ отвѣчалъ, также письменно и собственноручно:

- 1) Жительство имѣлъ въ приходѣ Знаменія.
- 2) Отецъ мой духовный былъ протоіерей церкви Богома-
тери Владимірскія, если помню хорошо, Дмитрій;
онъ же былъ и духовникъ моей семьи. Но когда его
перевели въ другой приходъ, то семья моя имѣла ду-
ховникомъ священника младшаго церкви Знаменія.

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V. стр. 430—443.

3) Я не былъ у исповѣди и причастія, кажется, лѣтъ пять или шесть. Домашніе же мои, по причинѣ болѣзней, не были только въ нынѣшнемъ году, въ намѣреніи исправить оное въ августѣ мѣсяцѣ».

Въ книгахъ, поданныхъ отъ церкви Входа въ Іерусалимъ, что у Лигова канала, значится (1789 г.): Портовой таможенный полковникъ Александръ Радицевъ, 41 года. Дѣти его: Василій 12, Николай 10 лѣтъ. У исповѣди и св. причастія всѣ были.

Весьма подробно также допрашивали книгопродавца *Зотова*. Приводимъ его показанія:

1.

— 28 іюня 1790 года «допрашиванъ и показалъ: Отъ роду ему 25 лѣтъ. Зовутъ его Герасимъ Козьминъ сынъ Зотовъ. С.-Петербургскій третьей гильдіи купецъ; производитъ торгъ книгами, гостиного двора по суконной линіи, въ лавкахъ подъ № 15 и 16. Съ мѣсяцъ времени какъ познакомился онъ съ приходящимъ къ нему въ лавку купцомъ, торгующимъ въ Москвѣ, Петромъ Михайловымъ сыномъ Сидѣльниковымъ, который недѣли съ три назадъ принесъ для продажи къ ему книгу подъ названіемъ *Путешествія отъ Санктпетербурга до Москвы*, одинъ экземпляръ. На другой же день послѣ того пришедъ къ ему, Зотову, спрашивалъ, не хочетъ ли онъ купить у его сихъ книгъ. По чему онъ, Зотовъ, согласясь, приказалъ ему принести. Отъ коего на другой день и получилъ двадцать пять экземпляровъ¹⁾, изъ коихъ отдано было имъ въ переплетъ двадцать шесть, а остальные проданы были безъ переплета разнымъ людямъ — съ переплетомъ по два рубли тридцати пяти копеекъ, а безъ переплета по два рубли. Печать была сихъ

¹⁾ Не двадцать пять экземпляровъ, а пятьдесятъ, какъ говорится во второмъ показаніи. Двадцать пять экземпляровъ получено Зотовымъ, какъ видно изъ третьяго его показанія, лично отъ Радицева. Что въ первомъ показаніи число 25 экз. поставлено по ошибкѣ, очевидно уже изъ того, что изъ нихъ отдано въ переплетъ 26.

книгъ с.-петербургская. И по надписи: «съ дозволенія управы благочинія» не публиковалъ; а продавалъ безъ публикаціи. Отъ помянутаго купца Сидѣльниковъ хотя онъ и требовалъ для продажи еще сихъ книгъ, но онъ, по неимѣнію ихъ, болѣе дать отказался. Гдѣ же здѣсь онъ, Сидѣльниковъ, жительство имѣеть, онъ не знаетъ. а думаетъ, что онъ, какъ ему проговаривалъ нерѣдко, уѣхалъ въ Москву. Сего же мѣсяца 26 дня взять онъ, Зотовъ, подъ стражу и представленъ къ оберъ-полицеймейстеру, генералъ-маіору и кавалеру. Кто же сей книги издатель и гдѣ въ типографіи печатана, того онъ не знаетъ; по литерамъ же узнаетъ печать похожую на Шнорову. Кто же сіи книги отъ неизвѣстныхъ особъ ꙗкоупалъ, о томъ показываетъ подписаннымъ имъ регистромъ, и симъ утверждаетъ по сущей правдѣ. Къ сему допросу купецъ Герасимъ Зотовъ руку приложилъ». —

2.

— 29 іюня 1790 года, показалъ на допросѣ: «Извѣстную книгу «Путешественникъ въ Москву» подлинно получилъ онъ отъ московскаго купца 50 экземпляровъ, и хотя онъ ее и читалъ, но только, по глупости своей, не могъ онъ думать, что она противная правительству потому болѣе, что на ней выставлена цензура управы благочинія. На что сказано ему, что въ управѣ въ послѣднемъ листу книги цензуры не выставляють, а пишутъ въ началѣ книги. На что онъ сказалъ: это правда; что у него книгъ до 5000, но цензура выставлена въ первой страницѣ, а не внизу. На что ему сказано: «сія-то разница и удостовѣряла и вразумяла тебя, что сія книга есть пасквиль». На что онъ сказалъ: «теперь я и самъ вижу, что эта книга невѣрная. А что о ней не объявилъ, въ томъ виновать». Сочинителя книги онъ подлинно не знаетъ, а только многіе гостинодворцы и писари Радищева ему говорили, что де эта книга печатана въ типографіи Радищева, но точно ли у него она печатана, сего онъ утвердить не можетъ. Но, по помянутому слуху,

думаетъ онъ, что *можетъ быть та книга подослана и отъ Радищева, а о семъ думаетъ онъ потому, что Радищевъ могъ подослать и съ-сердцевъ за то, что онъ, по доносу его о неявленныхъ товарахъ, получилъ изъ таможи тысячу до семи, а Радищеву, по простотѣ своей, ничѣмъ не поклонился.* Сіи книги вступили къ нему въ маѣ мѣсяцѣ, и болѣе не были, какъ недѣли двѣ, въ лавкѣ. Какъ же *многіе стали спрашивать*, то онъ, по объявленному слуху, что она печатана у Радищева, къ нему ходилъ; а какъ спросилъ онъ Радищева, не продастъ ли онъ той книги еще нѣсколько экземпляровъ, то онъ съ негодованіемъ сказалъ, что нѣтъ. И послѣ спрашивалъ его: «кто жъ тебѣ сказалъ, что эта книга моя?» Онъ оторопѣлъ, и не сказавъ, отъ кого о семъ слышалъ, изъ дому его ушелъ. Послѣ чего онъ былъ спрошенъ: тѣ люди, о коихъ онъ показалъ, что они у него книги покупали, но если иногда можетъ быть запрутся, то можетъ ли чѣмъ ихъ онъ уличить? На что онъ сказалъ съ совершенною горестію: «чѣмъ мнѣ ихъ уличить, — я погибъ; воля всемилостивѣйшей государыни и со мною, а я сказалъ правду». Какъ же онъ, Зотовъ, хаживалъ почасту къ Радищеву въ домъ, то видѣлъ самъ въ домѣ его типографію, а наборщики у него — таможенные досмотрщики и его люди». —

3.

— «1790 года, іюля 6 дня. По соизволенію ея императорскаго величества, призванъ былъ въ домъ г. Шешковскаго купецъ Зотовъ и спрошенъ, самъ ли онъ лично получилъ отъ Радищева книги или чрезъ другихъ, и сколько. На сіе онъ отвѣчалъ, что лично отъ Радищева получилъ онъ на мѣну книгъ только 25 экземпляровъ, да отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, ему незнакомыхъ, которые приносили ему по два и по три экземпляра, до 50. Объ ономъ московскомъ купцѣ думаетъ Зотовъ, что онъ — не московскій купецъ, а какой ни есть изъ таможенныхъ; а о другихъ людяхъ, которые приносили ему по два и по три экзем-

пьяра, думаетъ онъ, Зотовъ, что они изъ его домашнихъ. Кому жъ оныя продавалъ, всѣхъ тѣхъ людей именъ и прозваній не знаетъ, а кого вспомнилъ, о тѣхъ объявилъ, и именно:

- 1) Ивану Ивановичу Кушалеву.
- 2) Никитѣ Демидову. Купилъ дворецкій.
- 3) Купцу Варенкову. Въ желѣзн. линіи торг.
- 4) Камеръ-пажу Балашову.
- 5) Алексѣю Лукину Михайлову.
- 6) Какому-то сочинителю Николаю Петрову.
- 7) Ивану Яковлевичу. 2 экзмп. При Ник. Ив. Рымѣвѣ.
- 8) Матвѣю Федоровичу Капшталинскому.

Наконецъ объявилъ, что послѣ того, какъ онъ въ домѣ оберъ-полицеймейстера былъ спрашиванъ, приходили къ нему въ лавку многіе незнакомые люди, и спрашивали его: «былъ ли ты у *духовника*?» Онъ, Зотовъ, спрашивалъ: «у какого?» Они отвѣтствовали: «у Шешковского». Но я де имъ говорилъ, что никогда не бывалъ, и его не знаю; а они ему на сіе говорили: «врешь ты, дуракъ; мы знаемъ, что былъ». —

4.

— «Юля 8 дня. Онъ же, Зотовъ, спрошенъ былъ, не вспомнилъ ли онъ кого изъ тѣхъ, которые спрашивали, былъ ли у *духовника*, т. е. у Шешковского. На сіе онъ отвѣчалъ, что вспомнилъ. Прежде, нежели взять онъ былъ къ оберъ-полицеймейстеру, приходили къ нему двое въ лавку, и сторговавъ книжку, просили въ долгъ, такъ какъ де съ ними мелкихъ денегъ не случилось, а какъ я имъ сказалъ, что васъ не знаю, то одинъ изъ нихъ сказалъ: «какъ ты не знаешь: вѣдь вы у насъ бумагу покупаете изъ лавки, я — Хлѣбниковъ», почему я имъ и повѣрилъ. Послѣ жъ того, какъ я былъ у оберъ-полицеймейстера, то приходили они опять, и заплатя за ту книгу деньги, другой съ нимъ, Хлѣбниковымъ, бывшій спросилъ меня: «былъ ли ты у *духовника*» т. е. у Шешковского? Я ему отвѣчалъ, что не былъ и его не знаю;

но онъ мнѣ сказалъ: «врешь ты». Но имени и прозванія не знаетъ; примѣтою жъ онъ поплотнѣе сына Хлѣбникова, и на немъ былъ бриліантовый перстень сотъ въ шесть.

Также вспомнилъ онъ, что одинъ экземпляръ продалъ Амбоднику. Когда жъ онъ, Зотовъ, спросилъ его, гдѣ тотъ экземпляръ, на сіе Амбодикъ отвѣчалъ, что онъ отдалъ частному приставу ихъ части, а приставъ оберъ-полицмейстеру». —

5.

— «1790 года, іюля 13 дня. Извѣстный книгопродавецъ Зотовъ, по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, приведенъ въ крѣпость офицеромъ управы благочинія, и о чемъ по дѣлу надлежало, спрашиванъ и показалъ:

Во первыхъ сказано ему, Зотову, было: «въ первомъ допросѣ въ домѣ оберъ-полицеймейстера показалъ ты, что извѣстной книги: *Путешествіе изъ Санктпетербурга въ Москву* получилъ ты отъ какого-то московскаго купца 50 экземпляровъ, а во второмъ, въ домѣ г. Шешковскаго, когда сказано тебѣ было, что г. Радищевъ показываетъ, будто ты отъ него получилъ только 25 экземпляровъ, то ты показалъ, что 25 отъ него лично на мѣну книгъ точно получилъ, да кромѣ того, отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, кои приносили по два и по три экземпляра, до 50. Изъ чего и выходитъ разнь. Сверхъ же того Радищевъ и нынѣ утверждаетъ, что онъ болѣе 25 экземпляровъ тебѣ не давалъ, да и ни чрезъ кого къ тебѣ не присылалъ. А посему всемилостивѣйшая государыня требуетъ отъ тебя, чтобъ ты непременно открылъ самую истину». На сіе онъ отвѣчалъ, согласно со вторымъ допросомъ: «воля ваша—что я показалъ прежде, то есть самая истина, и ничего не утаилъ».

Послѣ многаго увѣщанія призванъ былъ на очную ставку и г. Радищевъ, который и началъ его уличать такимъ образомъ: «ты, конечно, лжешь, что получилъ отъ какого-то московскаго купца Михайлова, и кромѣ тѣхъ, которые я тебѣ далъ 25 экзем-

плярвъ, ни отъ кого не получалъ», уличая его (какъ и прежде въ запискѣ, еще до привода Зотова, онъ написалъ) тѣмъ, что «ты послѣ того, какъ г. Шешковскій у оберъ-полицеймистра тебя спрашивалъ, то присылалъ ко мнѣ приказчика Семена (имя сего показалъ Зотовъ послѣ) съ тѣмъ, что ежели меня будутъ спрашивать, продавалъ ли ты Зотову экземпляры, то де вы скажите, что не продавалъ, а что они у васъ изъ типографіи *пропали*». Зотовъ и противу сего нѣсколько заперся, и путался разнымъ образомъ. Почему г. Шешковскій говорилъ ему: «слушай, ты долженъ непременно сказать правду, а то я пошлю за Семеномъ, и ежели онъ тебя въ семъ изобличитъ, то ты тогда жестоко наказанъ будешь». То онъ, наконецъ, обратясь къ г. Шешковскому, сказалъ: «Виновать. Это было дѣло такъ, и первые мои допросы оба несправедливы въ томъ, что я болѣе тѣхъ 25 экземпляровъ, которые получилъ отъ г. Радищева, ни отъ кого не получалъ».

На сіе сказано ему, Зотову: «Какую жъ ты имѣлъ причину лгать въ прежнихъ своихъ допросахъ, что получилъ отъ такого-то купца, а не прямо отъ Радищева». На сіе онъ говорилъ: «Я для того говорилъ такимъ образомъ, что г. Радищевъ, отдавая мнѣ оную книгу для продажи, просилъ меня, чтобъ я не сказывалъ, отъ кого оную получилъ, а притомъ де меня обнадеживалъ, что тебѣ ничего за сіе не будетъ, да я и самъ думалъ, что какъ скажу на неизвѣстнаго человѣка, то тѣмъ и его просьбу исполню и себя оправдаю». Какъ же де я показалъ сіе въ первомъ и во второмъ допросахъ, что получилъ оную отъ московскаго купца, то и теперь не хотѣлось отстать отъ прежнихъ словъ. Въ первыхъ же допросахъ показалъ ложь для того, думая, что г. Радищевъ отъ дачи оной книги отпрется, а ему уличить его нечѣмъ, то и опасался, что его доносу не повѣрятъ, за что онъ и претерпитъ наказаніе. Обѣщанія жъ такого, чтобъ сказать ложно, что у него *пропали* экземпляры изъ типографіи, Радищевъ ему не дѣлалъ, а выдумалъ онъ, Зотовъ, самъ собою, думая, что какъ Радищевъ скажетъ, что у него *пропали*, то ему

въ томъ и повѣрять. И для того посылалъ онъ, послѣ бывшаго ему у оберъ-полицеймейстера допроса, приказчика своего Семена къ г. Радищеву съ тѣмъ, чтобъ онъ его упросилъ о томъ, чтобъ Радищевъ показалъ, что у него *пропало* изъ типографіи 50 экземпляровъ. Но приказчикъ, возвратясь, сказалъ ему, что де Радищевъ такъ сказать не хочетъ, также и того, что будто бы 50 экземпляровъ отдалъ онъ купцу московскому, говорить не хотѣлъ, а сказалъ, что де ему бояться нечего: «я не отопрусь, что книга *моя*», а того приказчика онъ посылалъ уговаривать о семъ Радищева для того, чтобъ его, Зотова, противъ прежняго показанія не сочли лжецомъ.

На все сіе сказано ему было: «Какъ же ты осмѣлился сіе сдѣлать:

1) Солгать, — ибо тебѣ сказано было, чтобъ ты показалъ самую истину, такъ какъ предстать предъ страшный судъ Божій, и что сего требуетъ отъ тебя всемилостивѣйшая государыня.

2) Послѣ взятія съ тебя допроса обязанъ ты былъ подпискою, чтобъ ты о томъ, о чемъ г. Шешковскимъ спрашиваешь, никому ни подъ какимъ видомъ не открывалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ наказанія; но ты на другой же день открылъ оное приказчику Семену, да еще послалъ его и къ Радищеву съ извѣщеніемъ, что ты Шешковскимъ спрашиваешь.

На сіе онъ говорилъ: «Въ семъ я виноватъ. Помилуйте. Я и самъ не радъ, что такъ сдѣлалъ».

По окончаніи всего вышешаннаго, спрошенъ онъ, Зотовъ, былъ, не напечаталъ ли онъ, Зотовъ, гдѣ той книги вновь, и не послалъ ли въ Москву или куда на продажу. На сіе онъ съ клятвою говорилъ, что ей-ей не печаталъ, доказывая наконецъ тѣмъ, что де ее и напечатать такъ скоро нельзя, а надобно де ее печатать мѣсяца два, такъ какъ де она велика.

Также спрошенъ былъ: «по крайней мѣрѣ, не слыхалъ ли ты отъ кого, чтобъ ее еще гдѣ печатали?» На сіе отвѣчалъ: «сочинитель *Николай Петровъ*, о которомъ я въ прежнемъ до-

просѣ показалъ, что продалъ ему одинъ экземпляръ, въ одно время пришедъ ко мнѣ въ лавку, сказывалъ, что ее гдѣ-то въ чужихъ земляхъ печатаютъ на нѣмецкомъ языкѣ, а гдѣ именно, того не сказалъ. Болѣе жъ сего онъ ни отъ кого не слышалъ. Оный же де сочинитель какъ прозывается, того онъ, Зотовъ, не знаетъ, а знаетъ де про его прозваніе полицеймейстеръ Жандръ. Жительство жъ имѣетъ онъ у Владимирской, по улицѣ отъ кабака ведернаго, противъ нерваго двора Зеленова, въ хуленькомъ домикѣ. —

— «А Радищевъ, противъ того, приказывалъ ли ему, Зотову, о себѣ никому не сказывать, на очной ставкѣ говорилъ, что онъ при дачѣ съ самага начала книги наказывалъ ему, Зотову, чтобъ онъ до времени, чья это книга, никому не сказывалъ для того, чтобъ сперва услышать, какъ приметъ оную публика, т. е. ежели одобрить, то онъ самъ себя объявитъ, а ежели публикѣ не понравится, то онъ и въ продажу ея болѣе не пустить». —

Хотя Зотовъ, на очной ставкѣ съ Радищевымъ, и отказался отъ своего прежняго показанія о томъ, что самъ Радищевъ говорилъ, что экземпляры книги его *пропали* изъ типографіи; но есть убѣдительное доказательство, что Радищевъ если и не говорилъ, то во всякомъ случаѣ писалъ объ этой пропажѣ или *покражѣ*. При самомъ началѣ дознанія, содержатель типографіи Иванъ Шноръ объяснилъ, что онъ, въ счетъ долга, состоящаго на Радищевѣ, просилъ прислать ему отъ пятидесяти до ста экземпляровъ книги, печатаемой подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующую, собственноручную, записку Радищева, на нѣмецкомъ языкѣ: *Mit dem grössten vergnügen würde ich dem h. Schnoor von dem buche exemplare geben. Für jetzt ist es aber mir unmöglich. Diejenigen, die ins publico gegangen sind, sind gestohlen.*

Тогда же, 13 іюля «Радищевъ, по поводу показанія Зотова о печатаніи книги его въ чужихъ краяхъ, спрошенъ былъ, не посылалъ ли онъ къ кому въ чужіе края для напечатанія

книги своей. На чтò онъ сказалъ, что одинъ экземпляръ послалъ онъ въ Берлинъ къ г. Кутузову, но не для того, чтобъ ее напечатать, а для единого прочтенія, при своемъ письмѣ, занечатавъ въ пакетѣ. Для пересылки жъ оный пакетъ отдалъ г. *Вальцу*, находящемуся при его сіятельствѣ вице-канцлерѣ, прося его, чтобъ онъ тотъ пакетъ съ книгою доставилъ чрезъ посланнаго курьера. И какъ помнится ему, что онъ Вальцу отдалъ тотъ пакетъ въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ съ шуриномъ его».

Всѣ показанія Радищева и Зотова были представлены Екатеринѣ, и она указала дальнѣйшій ходъ слѣдствія, и не дожидаясь окончанія его, велѣла судить Радищева, какъ уголовного преступника.

13 іюля 1790 года послѣдовалъ на имя главнокомандующаго въ Петербургѣ графа Брюса указъ о преданіи Радищева уголовному суду.

16 іюля графъ Безбородко писалъ Шешковскому: «Возвращая допросы, отъ васъ, милостивый государь мой, присланные, имѣю честь извѣстить о высочайшемъ соизволеніи ея императорскаго величества, чтобъ ваше превосходительство объ упомянаемомъ тутъ *сочинителѣ Николаѣ Петровѣ* освѣдомился и у него спросили о касающемся до него, такъ какъ и отъ *Вальца* узнали, послалъ ли онъ пакетъ и къ кому именно, да и сказано ли ему было чтò-либо о семъ пакетѣ или книгѣ. О купцѣ *Зотовѣ* государыня находитъ нужнымъ справиться образомъ повальнаго обыска, какого онъ поведенія и нѣтъ ли за нимъ еще какихъ худыхъ дѣлъ, а тогда и можно будетъ его выслать изъ столицы въ какой-либо городъ, гдѣ меньше худыхъ книгъ читаютъ».

По указанію императрицы, допрошены были: состоявшій при вице-канцлерѣ *Вальцъ* и сочинитель *Николай Петровъ*.

На вопросъ о пакетахъ, въ которыхъ были сочиненія Радищева, Вальцъ отвѣчалъ: «Когда оныя пакеты я получилъ, точно упомянуть не могу, а думаю, что въ маѣ мѣсяцѣ. Получилъ же ихъ чрезъ моего шурина, капитана Девиленева, который служить

при таможенѣ ученикомъ, для того, чтобъ съ куріеромъ отправить; но даже до сего времени я отправить случая удобнаго не имѣлъ, хотя нѣкоторыя оказіи и были. А распечаталъ оныя потому: какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за какую-то книжку, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ можетъ быть есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большаго конверта одну сторонку, и вытащивъ книгу, увидѣлъ, что это *та книга, о которой по всему городу говорятъ*. А послѣ я открылъ и другой маленькій конвертъ, чтобъ посмотрѣть, чтò въ немъ посылается, и нашелъ, что и тутъ книжки. Почему оба оныя конверты въ кабинетъ спряталъ и посылать болѣе не хотѣлъ для того, что ежели объ нихъ будутъ спрашивать, то бы я могъ ихъ отдать. Были ль же въ тѣхъ конвертахъ письма, того сказать не могу, потому что я, распечатавъ оныя конверты, и посмотря, что тутъ лежатъ книги, тотчасъ оныя въ кабинетъ положилъ, и ихъ не читалъ, чтò доказательно тѣмъ, что у большой книги и листы не разрѣзаны, да и теперь, при отдачѣ оныхъ конвертовъ, внутри оныхъ я не смотрѣлъ. Надворный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Вальцъ». —

Сочинитель *Николай Петровъ* оказался отставнымъ поручикомъ *Николаемъ Петровичемъ Осиповымъ*, добывавшимъ себѣ пропитаніе литературными трудами. Онъ работалъ весьма усердно на избранномъ имъ поприщѣ, занимаясь преимущественно переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Съ французскаго онъ перевелъ, между прочимъ, *Донъ-Кихота*: «*Донъ-Кихотъ ла Манхскій, сочиненіе Серванта*». Съ нѣмецкаго перевелъ: «*Алкивиадъ, соч. Мейснера*»; «*Дѣтская физика, или разговоры отца съ дѣтьми своими касательно до первыхъ понятій естественной науки, соч. Шица*» и др. Онъ составилъ довольно много книжекъ въ такомъ родѣ: *Подробный словарь для сельскихъ и городскихъ охотниковъ и любителей ботаническаго, увеселительнаго и хозяйственнаго садоводства*; *Карманный коновальъ*; *Псовый лѣкаръ*; *Опытный винокуръ*; *Любопытный, загадчивый, угадчи-*

вый и предсказчивый мѣсяцословъ, и т. п. Ему же принадлежатъ: *Виргиліева энеида*, вывороченная наизнанку и *Овидіевы любовныя творенія*, переработанныя въ *Энеевскомъ вкусѣ*. Онъ издавалъ и еженедѣльникъ подъ названіемъ: *Что-нибудь отъ бездѣля на досугѣ*. Въ одномъ 1790 году, памятномъ для него по бесѣдѣ съ *Шешковскимъ*, *Осиповъ* издалъ нѣсколько вещей, а именно: *Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь*; *Бездушный говорящій*, или повѣсть булавки и ея знакомыхъ, — пер. съ нѣмецкаго; *Англинскія письма*, или приключенія госпожи *Клевландши*, — пер. съ французскаго, и т. д.

По дѣлу *Радищева Н. П.* *Осиповъ* далъ слѣдующее, собственноручное, показаніе:

— «1790 года, іюля 17 дня. Отставной поручикъ *Николай Петровъ* сынъ *Осиповъ*, на вопросъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Шешковского*, объявилъ: Назадъ тому недѣли три или четыре приходилъ онъ въ квартиру коллежскаго ассессора *Петра Богдановича* для прошенія имѣющагося на немъ долгу за переводы съ французскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ имъ, *Осиповымъ*, книгъ. И въ то время *Богдановичъ* спросилъ его, *Осипова*, нѣтъ ли у него книги, называемой *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*. На что онъ, *Осиповъ*, ему сказалъ, что у меня та книга была, но онъ для прочтенія отдалъ ее господину генералъ-поручику *Николаю Ивановичу Ладыженскому*. *Богдановичъ* спросилъ: «гдѣ ты ту книгу досталъ?» На что *Осиповъ* отвѣчалъ ему, что купилъ ее въ книжной лавкѣ у купца *Зотова* за 2 р. 40 к. *Богдановичъ* сказалъ на сіе, что посылалъ къ нему въ лавку, но ея не досталъ; также спрашивалъ и въ домѣ у *Радищева*, но и тамъ ея не получилъ. Между тѣмъ говорилъ, что слышалъ онъ, будто та книга въ *Лейпцигѣ* на нѣмецкомъ языкѣ — не помню — печатается или переводится. И послѣ того онъ, *Осиповъ*, будучи въ книжной лавкѣ у купца *Зотова*, послѣ того, какъ онъ, *пропадавши нѣсколько дней*, явился, между разговорами пересказалъ ему слышанное имъ отъ *Богдановича* о печатаніи той книги въ *Лейпцигѣ* на нѣмецкомъ языкѣ. Оная книга здѣсь или въ дру-

гихъ городахъ печатается или нѣтъ, онъ, Осиповъ, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. Но судя по великому любопытству публики къ той книгѣ, нельзя не сумнѣваться, чтобы кто-нибудь изъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ типографщиковъ не вздумалъ ее печатать. Службу онъ, Осиповъ, продолжалъ сначала лейбъ-гвардіи въ измайловскомъ полку солдатомъ и капраломъ; потомъ выпущенъ въ володимирскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ; гдѣ былъ и подпоручикомъ. А послѣ того, въ 1781 году, за болѣзнями отставленъ на свое пропитаніе съ награжденіемъ поручичья чина. Обучался на своемъ коштѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ и архитектурѣ. О семъ, исполняя волю ея императорскаго величества, никому во всю свою жизнь объявлять не будетъ, въ чемъ и подписуюсь. Поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ». —

По справкамъ, собраннымъ о *Зотовѣ*, оказалось, что онъ записался, въ 1789 году, изъ московскихъ купцовъ въ петербургскіе иногородные гости; ни въ какихъ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ; всѣ знающіе его купцы объявили, что онъ всегда былъ поведенія хорошаго, и ни въ какихъ подозрительныхъ поступкахъ никѣмъ не замѣченъ. Такимъ образомъ не предстояло надобности выслать «туда, гдѣ худыхъ книгъ не читаютъ». Но очная ставка съ Радищевымъ не прошла ему даромъ: онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости.

21 августа 1790 года содержащемуся въ с. петербургской крѣпости *Зотову* объявлено слѣдующее:

«На очной ставкѣ, по уличенію Радищева, самъ ты признался, что получилъ оную книгу лично отъ него, Радищева, и не болѣе, какъ двадцать пять экземпляровъ, слѣдовательно, въ первыхъ своихъ показаніяхъ говорилъ ты о всемъ ложь, за чтò и достоинъ ты быть строжайшаго по законамъ осужденія. Но ея императорское величество, изъ матеряго своего милосердія, вмѣня тебѣ содержаніе подъ стражею въ наказаніе, а притомъ и въ разсужденіи заключенія съ королемъ шведскимъ мира, всемилостивѣйше указать соизволила изъ подъ стражи

тебя освободить, съ таковымъ однакожъ высочайшимъ ея императорскаго величества подтвержденіемъ, чтобъ ты впредь при судѣ отнюдь лгать не отваживался, подь опасеніемъ неминуемаго уже съ тобою по законамъ поступленія. Причемъ напоминаетъ тебѣ, чтобъ ты о томъ, гдѣ содержался, и о чемъ былъ здѣсь спрашиванъ, никому ни подь какимъ видомъ не сказывалъ, подь опасеніемъ въ противномъ случаѣ тожъ строжайшаго по законамъ наказанія».

Вся отвѣтственность и вся тяжесть наказанія *пала на Радищева*.

Въ именномъ указѣ графу Брюсу, 13 іюля 1790 года, говорится: «Недавно издана здѣсь книга подь названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодование противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми изреченіями противу сана и власти царской. Сочинителемъ сея книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, который учинилъ въ томъ признаніе и потому взять подь стражу. Такое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ палатѣ уголовного суда въ с. петербургской губерніи, гдѣ заключа приговоръ, взнестъ оный въ сенатъ нашъ».

Въ уголовную палату не было сообщено ни показаній Радищева, ни его повинной и вообще никакихъ данныхъ, относящихся къ предварительному слѣдствію. Сообщать объ этомъ считали излишнимъ и неудобнымъ какъ потому, что слѣдствіе было келейное, такъ и потому, что Радищева спрашивали, не обидѣла ли его чѣмъ-либо Екатерина. Въ одно время съ указомъ, графъ Брюсъ получилъ отъ Безбородко наставленіе, какъ слѣдуетъ вести дѣло въ уголовной палатѣ. Въ собственноручной запискѣ Безбородко сказано:

«Порядокъ, которымъ дѣло о преступленіи Радищева раз-

смотря и рѣшено быть долженствуетъ, не можетъ быть иной, какъ слѣдующій:

Палата уголовного суда призоветъ его и спроситъ:

- 1) Онъ ли сочинитель книги?
- 2) Въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее?
- 3) Кто его сообщники?
- 4) Чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія?

По такомъ допросѣ не трудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный, и оный объявля при открытыхъ дверяхъ, взнестъ на разсмотрѣніе въ сенатъ.

Посему кажется, что ни допросовъ, ему по тайной экспедиціи учиненныхъ, ни его раскаяній, туда посылать не слѣдуетъ, ибо допросы келейные ему учинены быть долженствовали изъ предосторожности, какіе у него скрывались умыслы и не далеко ли они произведены. Многія тутъ вещи никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ, и имѣетъ прямыя законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія или обиды на ея величество» отнюдь непристойно выводить предъ судомъ.

Раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ». —

Вопросы, указанные Безбородко, и были предложены Радищеву въ уголовной палатѣ. Его спрашивали: Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу? Кто именно вамъ были въ томъ сообщники? Чувствуете ли вы важность своего преступленія? и т. д. Палата приговорила: Радищева казнить смертію, а книгу его истребить. Въ приговорѣ своемъ, палата ссылалась и на уложеніе, и на воинскій уставъ, и на морской¹⁾.

---

¹⁾ Подробности суда надъ Радищевымъ, преимущественно въ уголовной палатѣ, изложены въ статьѣ В. Е. Якушкина: Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ. В. Е. Якушкина (Русская Старина. 1882. Сентябрь, стр. 457—532).

По тогдашнему порядку судопроизводства, палата препроводила свое рѣшеніе, для внесенія въ сенатъ, с. петербургскому главнокомандующему. До какой степени скоро велось дѣло о Радищевѣ, видно изъ слѣдующаго письма графа Брюса. 26 іюля 1790 года графъ Брюсъ писалъ графу Безбородко: «Я счелъ за нужное ваше сіятельство увѣдомить, что *очерась ввечеру* я получилъ изъ уголовной палаты дѣло о господинѣ Радищевѣ, который приговоренъ, какъ на основаніи уложенія, такъ и по многимъ артикуламъ военнаго процесса и морскаго устава, къ смертной казни. Я то дѣло разсмотря и находя той палаты рѣшеніе правильнымъ, *сею же утра* представилъ правительствующему сенату, *о чемъ покорнѣйше прошу* ваше сіятельство *ея величеству донести*».

Разсмотрѣвши представленіе уголовной палаты, и постановляя свой приговоръ по дѣлу Радищева, сенатъ приводилъ статьи изъ уложенія, изъ законовъ временъ Петра Великаго и Елисаветы Петровны, и сверхъ того изъ законовъ Екатерины II. Въ уложеніи сказано: «А которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнить смертію». Въ морскомъ уставѣ: «Ежели въ пасквилѣ про кого и правду напишетъ, то однакожь, по разсмотрѣнію судейскому, наказанъ быть имѣетъ тюрьмою, сосланіемъ на галеру на время, шпицрутеномъ или инымъ чѣмъ». Въ указѣ императрицы Екатерины II, данномъ 4 іюня 1763 года, говорится: «Къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе люди, кои сами заражены *странными разсужденіями* о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, стараются заражать и другихъ слабоумныхъ. По природному нашему челоуѣколюбію, всѣхъ таковыхъ, зараженныхъ *неспокойными мыслями*, матерински увѣщаемъ удалиться отъ всякихъ *вредныхъ разсужденій*, нарушающихъ покой и тишину. А если сіе наше материнское увѣщеваніе не подѣйствуетъ, то преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва».

Сенать приговорилъ Радищева къ смертной казни: «по силѣ воинскаго устава, 20 артикула, отсѣчь голову».

Въ приговорѣ своемъ, сенать обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что Радищевъ, издавая книгу, скрылъ свое имя, «слѣдовательно не могъ себѣ льстить, чтобъ въ свѣтѣ его остроумнымъ сочинителемъ считали». Указомъ сената предписано было отобрать книгу Радищева у лицъ, названныхъ имъ при производствѣ дѣла въ уголовной палатѣ, и сжечь. Петербургскій губернаторъ получилъ устное приказаніе передать всѣ отобранныя книги Шешковскому. Возвратили свои экземпляры: Козодавлевъ, Державинъ и князь Петръ Ивановичъ Трубецкой. Оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ объявилъ, что онъ *истребилъ* свой экземпляръ, полученный отъ банковскаго совѣтника Хитрово, а о двадцати пяти экземплярахъ, находившихся у книгопродавца *Зотова*, управа благочинія увѣдомляла, что на квартирѣ, на которой онъ жилъ, не только никакихъ книгъ, но и *его самою не оказалось*.

Постановляя свой приговоръ о *дворянствѣ* Радищевѣ, сенать, на основаніи жалованной дворянству грамоты, окончательное рѣшеніе дѣла «предавалъ въ монаршее благоволеніе». Докладъ сената представленъ былъ 8 августа 1790 года. Недовольствуясь установленными для уголовного судопроизводства инстанціями, Екатерина сочла почему-то нужнымъ передать дѣло Радищева на разсмотрѣніе «совѣта ея величества», который учрежденъ былъ во время турецкой войны для совѣщанія собственно по военнымъ событіямъ, но въ который вносились и другаго рода дѣла, по особенному повелѣнію императрицы. Такое отступленіе отъ общепринятаго порядка объясняютъ различнымъ образомъ. Одни видятъ въ этомъ безпристрастіе Екатерины; Храповицкій замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, 11 августа: «съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, *чтобы не быть пристрастною*». Другіе полагаютъ, что дѣло перенесено въ совѣтъ по вліянію Безбородко, желавшаго смягчить участь подсудимаго. Но предположенія эти не подтверждаются

ни указаніями, сдѣланными самою Екатериною, ни собственно-ручною запискою графа Безбородко. Екатерина прямо указываетъ совѣту на два новыя, но не смягчающія, а усиливающія вину обстоятельства, незамѣченныя ни сенатомъ, ни уголовною палатою. Екатерина обращаетъ вниманіе на то, что Радищевъ нарушилъ вѣрноподданническую *присягу* и нанесъ своею книгою *личное оскорбленіе* императрицѣ, которое впрочемъ она презираетъ. Совѣтъ ограничился внесеніемъ въ свой, чрезвычайно краткій, протоколъ записки Безбородко, прибавивъ отъ себя нѣсколько словъ, удостовѣряющихъ, что воля государыни исполнена въ точности. 10 августа 1790 года въ засѣданіи совѣта читанъ былъ докладъ сената о Радищевѣ. Въ протоколѣ сказано: «А какъ при внесеніи сего доклада гофмейстеръ графъ Безбородко приложенною здѣсь запискою объявилъ, что «ея императорское величество указать изволила поданный отъ правительствующаго сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы, кромѣ *присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился*; причемъ объявить, что ея величество презираетъ *все, что* въ развратной его, Радищева, книгѣ *оскорбительнаго оособъ ея величества сказано*», — то совѣтъ, по выслушаніи реченнаго доклада, слѣчая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находить, что сочинитель сей книги, поступа въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное»¹⁾).

Весьма вѣроятно, что передавая дѣло въ совѣтъ, Екатерина имѣла въ виду, чтобы судебный приговоръ основанъ былъ на возможно большемъ числѣ *обвинительныхъ* данныхъ. Екатерина очень хорошо понимала, что дѣло Радищева выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ процессовъ, и приговоръ по этому дѣлу вызо-

¹⁾ Архивъ государственнаго совѣта. Протоколы Совѣта. Протоколъ засѣданія 10 августа 1790 года.

ветъ различныя толки въ обществѣ. Чѣмъ сложнѣе и ужаснѣе преступленіе, тѣмъ рѣшительнѣе можетъ дѣйствовать *правосудіе*, и тѣмъ съ болышимъ правомъ можно назвать *милосердіемъ* какое-бы то ни было смягченіе опредѣленнаго законами наказанія. О впечатлѣніи, которое произведено не только самимъ приговоромъ, но и степенью его *смягченія*, можно судить по отзыву графа С. Р. Воронцова, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при англійскомъ дворѣ. Воронцовъ писалъ: «такой приговоръ и такое смягченіе заставляютъ содрагаться» — *la condamnation du раувге Radistchef me fait une peine extrême; quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie. . . cela fait frémir*¹⁾. Съ своей точки зрѣнія, Екатерина желала представить дѣло въ такомъ видѣ: Радищевъ совершилъ цѣлый рядъ ужасныхъ преступленій, и *правосудіе* исполнило требованіе закона — приговорило преступника къ смертной казни; но я дарую ему жизнь, и, руководствуясь *милосердіемъ*, и забывая о личной обидѣ — объ оскорбленіи величества, смягчаю вполнѣ заслуженное наказаніе. Такая именно мысль проводится въ указѣ, окончательно рѣшившемъ судьбу Радищева. Въ указѣ, данномъ сенату 4 сентября 1790 года, говорится:

«Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народъ недоволаніе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того ложивый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За тако-*

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. 1876. Книга IX, стр. 181.

вое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ санктпетербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя, по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неуспѣшные труды въ благо имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вождѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ»¹⁾).

Замѣчательно, что въ приведенномъ актѣ дословно повторяются обвиненія, послужившія поводомъ къ уголовному суду надъ Радищевымъ. Такимъ образомъ съ самаго начала процесса Радищевъ являлся въ сущности не подсудимымъ, а осужденнымъ, и суду оставалось только подобрать законы, опредѣляющіе наказаніе за вину. Такая роль прямо указана суду въ запискѣ Безбородко, принятой въ руководство уголовною палатою. Вопросы о томъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый, не было да и не могло быть потому, что обвиняемый преданъ суду тою же самою властію, которая произнесла надъ нимъ и окончательный приговоръ. Въ дѣлѣ Радищева весьма ярко обнаруживается одна изъ тѣхъ особенностей тогдашняго судопроизводства, противъ которой высказывались не только депутаты въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, но и сама Екатерина. Находя справедливымъ мнѣніе Монтескье, что правительству неудобно являться въ одно и тоже время и истцомъ

¹⁾ Полное собраніе законовъ. Т. XXIII, № 16901.

и судьбою, Екатерина писала въ своемъ наказѣ депутатамъ: «тамъ нѣтъ гражданской свободы и безопасности, гдѣ судебная власть не отдѣлена отъ законодательной». Многія поколѣнія судей и подсудимыхъ сошли въ могилу прежде, нежели судопроизводство подверглось коренному преобразованію. О необходимости преобразованія, извѣданной горькимъ личнымъ опытомъ, Радищевъ говорилъ и въ литературныхъ произведеніяхъ и въ дѣловыхъ бумагахъ — въ тѣхъ «мнѣніяхъ», которыя онъ представлялъ въ комиссію о составленіи законовъ.

VI.

Во' время заключенія своего въ крѣпости. Радищевъ томился неизвѣстностью объ участи, ожидающей его семейство. Радищева преслѣдовала мысль о томъ, что станется съ его несчастными дѣтьми. Вопросъ о долгѣ родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, затронутый въ Путешествіи, возставалъ передъ умомъ и чувствомъ узника, вызывая мучительное сознаніе виновности отца, погубившаго своихъ дѣтей. Подавленный горемъ, Радищевъ умолялъ Екатерину пощадить его не ради его самого, но ради дѣтей его, безвинно погибающихъ за преступленіе отца. Въ приливѣ отчаянія онъ безпощадно осуждалъ свой поступокъ и клеймилъ позоромъ свою книгу, надѣлавшую ему столько бѣдъ. Онъ совершенно искренно признавалъ себя преступникомъ въ отношеніи своихъ дѣтей, и заклиналъ ихъ никогда не заниматься литературою. Но въ эти минуты онъ говорилъ противъ самого себя, отвергая тѣ, что составляло живую потребность его духовной природы. Литературныя занятія были до такой степени ему по душѣ, что какъ только стихали первые порывы негодованія и раздраженія, онъ снова брался за перо, и мысли сами собой просились на бумагу.

Право читать и писать было единственнымъ свѣтлымъ лучемъ, падавшимъ въ темницу Радищева. Обращаясь къ пред-

ставителю власти, Радищевъ говоритъ: «Богъ вамъ воздастъ, что не лишаете несчастнаго плачевнаго *удовольствія изъяслять свои мысли*. Благодареніе чувствительнѣйшее приношу за *священные книги*. Читая ихъ, въ бѣдствіи нахожу утѣшеніе и подкрѣпленіе силъ и, можно сказать, нѣкоторое ободреніе». Находясь въ крѣпости, Радищевъ, по свидѣтельству его сына, заказалъ художнику написать образъ святаго, вверженнаго въ темницу за слишкомъ смѣло говоренную истину; надпись на образѣ: «блаженны изгнанные правды ради»¹⁾.

Въ бумагахъ Радищева сохранилась повѣсть, написанная имъ въ крѣпости и обнаруживающая религіозное настроеніе автора. Изъ прочитанныхъ имъ книгъ особенно сильное впечатлѣніе произвела на него жизнь *Филарета милостиваго*, представляющая трогательный образецъ самоотверженія и любви къ человѣчеству. Необычайная щедрость привлекала къ Филарету, въ его счастливые дни, массу нуждающихся, и повсюду прославляла его имя. Съ перемѣною своей судьбы, изъ богача сдѣлавшись бѣднякомъ, онъ не переставалъ быть вѣрнымъ другомъ несчастныхъ, дѣлясь съ ними своими послѣдними крохами. У него осталась всего одна пара воловъ; запрягши ихъ, онъ отправляется въ поле на работу; тамъ узнаетъ онъ, что у бѣдняка-крестьянина неожиданно палъ волъ, и сейчасъ же отпрягаетъ своего вола и отдаетъ его крестьянину, и т. п. Радищевъ считалъ милосердіе самую высшую добродѣтелью; этимъ объясняется и выборъ сюжета для повѣсти, которую авторъ предназначалъ преимущественно въ назиданіе своимъ дѣтямъ, чтобы преподать имъ живой урокъ безкорыстнаго служенія человѣчеству. Съ цѣлю подѣйствовать на юныхъ читателей, придуманы различныя подробности, относящіяся къ воспитанію и образованію идеальнаго героя. Авторъ далъ полный просторъ своей фантазіи. За исключеніемъ нѣсколькихъ чертъ, заимствованныхъ изъ источника, повѣсть представляетъ рядъ описаній и размышленій, принадле-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая. Александръ Николаевичъ Радищевъ. По воспоминаніямъ сына П. А. Радищева, стр. 409.

жащихъ самому автору. Въ общемъ ходѣ разсказа, въ эффектныхъ сценахъ, въ чувствительныхъ рѣчахъ выводимыхъ лицъ и т. п., отражается общее направленіе тогдашней беллетристики. Каковы бы ни были литературныя достоинства или недостатки произведенія, написаннаго Радищевымъ въ крѣпости, самая обстановка, среди которой оно явилось, придаетъ ему своего рода интересъ. Оно знакомитъ насъ съ внутреннею стороною темничной жизни Радищева, и должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности вообще.

Помѣщаемъ повѣсть Радищева въ томъ видѣ, въ какомъ находится она въ собственноручной рукописи автора:

—«Положивъ непреодолимую преграду между вами и мною, о возлюбленные мои, — преграду, которую единое монаршее милосердіе разрушити можетъ; лишенный жизнедательнаго для меня веселія слышати глаголы устъ вашихъ; лишенный утѣшенія васъ видѣть; не имѣя даже и той малѣйшій отрады — бесѣдовать съ вами въ разлученіи, я простру къ вамъ мое слово, безнадеженъ — о бѣдствіе! — достигнетъ ли оно вашего слуха. Всечасно хотя тщуся, напрягая томящееся воображеніе, сдѣлать васъ мысли моею присутственными, всечасно плачевный стонъ и восклицаніе именъ вашихъ ударяетъ въ безчувственные стѣны моего пребыванія. Но вся мечта ежеминутно сокрушается, и бѣдствіе, умножаясь бѣдствіемъ, преломляетъ сердце и терзаетъ душу.

Почти младенцамъ вамъ сущимъ, я старался внятнымъ вамъ сдѣлать, что добродѣтель есть вершина всѣхъ нашихъ дѣяній и наилучшее украшеніе житія человѣческаго. А дабы сіи понятія врожденными, такъ сказать, въ васъ были, то старался я всякими способами возбудить въ васъ мягкосердіе, которое можно назвать физическимъ коренемъ добродѣтели. Я видѣлъ уже въ васъ начало благое моихъ трудовъ. Счастіе не допустило меня видѣть дальнѣйшіе въ томъ успѣхи и надежнѣйшую дать мягкосердію опору — разсудокъ благорасположенный. Отче всеблагій! призири на нихъ окомъ милосердымъ. . . .

Шестіе природы есть постепенно, а потому твердо. Слѣдую ея стезямъ, не ослабѣвайте упражняться въ мягкосердіи, и яко упражненіе въ тѣлодвиженіяхъ укрѣпляетъ тѣлесныя силы, яко упражненіе въ размышленіяхъ укрѣпляетъ силы разумныя, тако упражненіе въ мягкосердіи укрѣпляетъ корень добродѣланія. Заматерѣвъ въ семь благомъ подвигѣ, колико блестящія промзойдутъ изъ того слѣдствія. Милосердіе, человѣколюбіе, благодѣланіе, милость, будутъ обыкновенныя души вашей движенія, и въ сладостное помышленіе вамъ самимъ все сіе будетъ нечувствительно.

Пройдите всѣ языки и всѣ столѣтія, найдете ли гдѣ-либо, чтобы добродѣланіе было ненавистно, чтобы человѣколюбіе было порокомъ, чтобы милосердіе было презрѣнно. Различны ихъ виды и образы, но корень благъ повсюду, повсюду одинаковъ, ибо природа себѣ неизмѣнна нигдѣ. Дикій американецъ, преторгающій жизнь изнемогшаго своего родителя, когда дальное предпріемлетъ путешествіе, чѣмъ подвигается на толико варварское убивство? Мягкосердіемъ. Любомудріе не престаётъ поощрять насъ къ оному доводами; воспитаніе тщится оное въ насъ сдѣлать привычкою; слово украшаетъ его цвѣтами витійства и стихотворенія, а христіанскій законъ оное освятить. Повсюду и во всѣхъ состояніяхъ оно славится. Законъ же Христовъ подвижниковъ мягкосердія причиталъ къ лику праведныхъ. Вина сему отмѣнному почитанію вездѣ одинакова: дабы человѣкъ, легко къ соращенію со стези добродѣланія удобный, благоуязвлялся изыщнымъ примѣромъ и не ослабѣвалъ бы въ добродѣтели.

Проходя повѣствованія дѣлъ человѣческихъ, вамъ замѣчали удостоившіяся напоминовенія потомства; читали вы иногда вымышленные примѣры добродѣтелей: прочтите нынѣ, если сіе до васъ когда-либо достигнетъ, примѣръ отличнаго мягкосердія, соблюденный *въ священныя христіанскія книга*. Чрезъ весь вѣкъ свой упражнялся въ добродѣланіи, человѣкъ, о которомъ будетъ слово, заслужилъ названіе *милостиваго*, и церковь причла его къ лику праведныхъ. Поистинѣ достоинъ тотъ къ оному

причтенъ быть, кто, забывая даже свое благосостояніе, старается ежечасно облегчать бѣдствія себѣ подобныхъ.

Филаретъ праведный родился въ Галатіи, во дни греческаго царствія, отъ родителей благородныхъ, почти убогихъ, но отличавшихся всегда своимъ безпримѣрнымъ благонавіемъ и страннопріимствомъ. Предки его, во время двѣнадцати первыхъ римскихъ кесарей, были почтены первыми въ государствѣ чинами; немалое во всѣхъ тогдашнихъ происшествіяхъ имѣли участіе; знатны, почитаемы, богаты чрезмѣрно, властительны. Но пріявъ христіанскую вѣру, претерпѣли изгнаніе, лишились всего имущества и еле животь спасти могли, живучи въ убожествѣ и неизвѣстности. Съ того времени не стяжали ни почестей, ни богатства, хотя имъ уже то было при христіанскихъ царяхъ невозбранно; посвяти себя сельскому жителству, упражнялись въ земледѣліи, и пріобрѣтаемые избытки употребляли на угощеніе странныхъ и пришельцевъ. Въ семь дому обитала поистинѣ благодать Вышняго, ибо стяжаніе онаго было незлобіе и кротость. Въ такомъ семействѣ воспитанъ былъ Филаретъ. Благому примѣру навывшая душа издѣтства укоренилась во благодѣланіи и явила свѣту дѣянія во благосердіи, почти невѣроятныя.

Отецъ Филаретовъ счастливыми нѣкоторыми оборотами могъ сдѣлать больше пріобрѣтеній, нежели его предки. Не отступая отъ призрѣнія странныхъ, онъ думалъ, что наилучшее употребленіе своего имѣнія будетъ то, которое онъ обратитъ на воспитаніе любезнаго своего Филарета. Утвердясь въ семь намѣреніи, онъ сына своего отправилъ въ Аѳины. Если разумъ его предузнавать не могъ, каковъ будетъ плодъ его о снѣгѣ попеченія, душа его то предчувствовала, въ чемъ и вѣра Христова его утверждала. Упованіе возлагая на Отца всѣхъ благъ, онъ хотя со слезами разстался съ Филаретомъ, но въ твердомъ увѣреніи, что благонамѣреніе его не будетъ тщетно.

Аѳины далеко уже тогда низпали отъ той славы, которую ей пріобрѣли знаменитые мужи, въ ней бывшіе въ разныя времена. Неощутительна уже была въ ея бесѣдахъ древняя аѳи-

ческая сланость, и многожды уже невѣжество и суевѣрія, возгнѣздившіяся въ портикѣ, простирали черное свое крыліе. Но отечество Ѳемистокла, Аристиды, Платона и Сократа долго пребыло твердынею учености, простирая владычество любомудрія на своихъ побѣдителей. Аѳины были и въ сіе время училищемъ любомудрія и словесности, водворяя славныхъ витій, софистовъ и учителей христіанскихъ.

Изъ сельскаго своего пребыванія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, Филаретъ къ жертвеннику любомудрія принесъ незлобіе, благонравіе, кротость, навѣкъ челоуѣколюбія и правила Христова евангелія. Чуждый всякія учености, отецъ его преподавалъ ему ученія любомудрія своимъ примѣромъ; изустно же наставлялъ его заповѣдямъ Христовымъ. Онъ ему вѣщалъ: «чадо возлюбленное, помни всечасно, что умѣренность желаній, что любовь къ ближнему сдѣлають челоуѣка счастливымъ во всякомъ состояніи. Послушай словесъ Христовыхъ и кого Онъ училъ блаженными быти: блаженны нищіе духомъ, блаженны кроткіе, блаженны алчущіе и жаждущіе правды, блаженны милостивіи, блаженны чистые сердцемъ, блаженны миротворцы. Радуйтесь и веселитесь, глаголетъ Богочелоуѣкъ, мзда ваша многа. О чадо возлюбленное, коликое утѣшеніе, когда душа ничѣмъ не тревожится, и волнуется тогда токмо, когда устремляется на благодѣяніе! Коликое услажденіе—подавать пишу алчущему и жаждущему питію!» Мать въ простотѣ души своей Филарету твердила: «возлюбленный, се слова священнаго писанія: блаженъ, иже и скоты милуетъ». Возможно ли, чтобы на такихъ началахъ любомудріе произрастало плевелы!

Филаретъ, упражняяся во всѣхъ частяхъ философіи, наипаче прилѣпился къ ученію о душѣ или психологіи, къ богословію, или наукѣ о познаніи Бога, и къ нравственному любомудрію. Но коль много онъ удивился, нашедъ, что все, ему преподаваемое, было уже для него не новое; что все, что другіе называли *понятіе*, въ немъ было то *чувствованіе*, которое онъ почиталъ въ себѣ врожденнымъ, ибо навѣкъ оному отъ сосца почти матерня.

«Всѣ вещи—говорилъ Филарету учитель его Теофилъ—суть или сами по себѣ или отъ другихъ. Одни суть причины, другія—дѣйствія. Но восходя отъ одной причины къ другой, постепенно дойдемъ до крайнія или высшія всѣхъ, которую именуемъ Богомъ. Изъ самаго сего понятія слѣдуетъ, что первѣйшая причина отличествуется отъ всѣхъ другихъ; что всѣ другія суть ограничены тѣмъ самымъ, что они существуютъ не сами собою, и что первая причина есть неограничена, ибо она существуетъ сама по себѣ».

«Отче — отвѣтствовалъ Филаретъ — съ того времени, какъ разсудокъ сталъ во мнѣ дѣятеленъ; я мысль мою обращалъ на вещи, окрестъ меня находящіяся, и на самого себя. Легко примѣтно мнѣ стало, что все на землѣ существующее подвержено переменѣ, все родится и все гибнетъ, но въ превращеніяхъ сихъ есть правило непремѣнное, отъ котораго ничто удаляться не можетъ. Я примѣтилъ, что тѣла небесныя слѣдуютъ начертанному пути и отъ него не устраняются. Вопросилъ я самъ себя: «кто зиждетъ все; кто живить; кто разрушаетъ, дабы оживить паки; кто путь взмѣрилъ тѣлесамъ небеснымъ?» Потомъ вопросилъ себя паки: «ты живъ, но кѣмъ и какъ; кто жизнь тебѣ далъ, и почто она скончается?» Силу сію, вся содержащую, вся зиждущую, всему предѣлъ положившую, вся оживляющую, въ коей теряется и самое разрушеніе, отче, я чувствовалъ отъ млечныхъ ногтей. Именовали мнѣ Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже Его ощущалъ въ себѣ, и душа моя къ Нему прильне».

«Всѣ вещи — говорилъ Теофилъ — суть сложны или единственны, то есть несложны. Всѣ сложныя суть протяженны; къ симъ принадлежатъ всѣ тѣlesa, ибо суть протяженны. Всякое протяженіе можно дѣлить на части. Возьми мысленно малѣйшую часть тѣла, дѣли ее на части, разумъ не найдетъ въ раздѣленіи семъ предѣла, и какую бы я часть себѣ ни вообразилъ, вообразить могу оныя половину. Слѣдуетъ, что всякое тѣло можетъ раздѣляться, разрушиться, измѣнить свой

видъ, умереть. Посему человекъ, яко вещество сложенное, умираетъ.

Напротивъ того, если вообразу себѣ вещество несложное, то не могу найти въ немъ частей; оно будетъ нераздѣлимо, не можетъ разрушиться: слѣдуетъ, не можетъ умереть. Какія же суть вещи, въ коихъ частей воображать невозможно? Опричь математической точки, въ умозрѣннн только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обрѣтаемъ — *мысль*. Напряги всѣ мышцы свои, устремися на разрушеніе мысли, — силы твои немощны и тщетно стараніе. Мысль нераздѣльна, ибо несложна. Чтò же мысль, или несложное, производитъ? Конечно, несложное, ибо невозможно, чтобы сложенное несложность производило. Мысль производящее существо именуемъ мы *душю*. А поелику душа есть несложна, то и нераздѣлима — не можетъ разрушиться, не умереть. Познай, о человекъ, твое величество; ты сопричастенъ божеству; если тѣло твое разрушится, но мысль твоя вѣчна и душа безсмертна.

«Отче—вѣщаль Филаретъ—доселѣ я не чувствовалъ печали. Но отлученный отъ возлюбленныхъ моихъ родителей, воспоминанная о нихъ, душа моя терзается, горитъ желаніемъ быть съ ними. Углубленный самъ въ себя, всѣ окрестные предметы почти исчезаютъ изъ очей моихъ; я чувствую нѣчто, отдѣляющееся отъ меня. Мысль мгновенно прелетаетъ въ жилище родившихъ меня; я съ ними бесѣдую, лобызаю ихъ чело. Но все мгновенно исчезаетъ. Зрю окрестъ себя—я не сходилъ съ мѣста. Два существа я въ себѣ чувствовалъ: одно было въ Аѳинахъ, другое — съ моими возлюбленными».

«Востечемъ мыслію — вѣщаль Теофиль — въ тѣ времена, когда человекъ скитался по невоздѣланнымъ нивамъ, житію общественному былъ чуждъ. Опричь заблудшихъ въ пустыняхъ, мы дикаго человека находимъ обществующаго: онъ поемлетъ себѣ жену. Итакъ, первое основаніе къ общежитію есть *любовь*. О человекъ, познай коликò природа до тебя была всещедре. Первое твое побужденіе къ общественному житію она основала

на усладительнѣйшемъ изъ всѣхъ чувствованій, и сіе чувство-
ваніе изліяно щедрою рукою на всѣхъ животныхъ, побуждая
ихъ къ обществуванію, хотя временному. Итакъ, человекъ въ
пустынномъ почти состояніи имѣлъ *обязанности*, имѣлъ *права*.

«*Право, обязанность* между супруговъ? — прервалъ Фила-
ретъ — мнѣ кажется, сія слова здѣсь употреблены несвойственно.
Я неженатъ, но мнѣ кажется, что у мужа съ женою обязанность
должна быть — *согласіе*, право — *любовь взаимная*. Вотъ что
я видѣлъ ежечасно между моими престарѣлыми родителями.
Одинъ въ разсужденіи другаго принужденія не ощущалъ; чего
одинъ хотѣлъ, другаго желанія туда же обращалися».

«За правами супруговъ — продолжалъ Теофилъ — слѣдуютъ
права и обязанности взаимныя родителей и чадъ». «Любезный ста-
рецъ, — прервалъ паки Филаретъ — давно ли ты лишился своихъ
родителей?»

Теоф.: «Счастіе не допустило меня пользоваться ихъ о мнѣ
призрѣніемъ. Родивъ меня, мать моя скончалася въ третій день;
отецъ мой не могъ пренести сея печали — по прошествіи года
скончался. Итакъ, не вкусивъ млека матерня, я осиротѣлъ су-
губо, питаюся наемными сосцами».

Фил.: «Любезный старецъ, въ какомъ возрастѣ твои чада?»

Теоф.: «Едва не нищенское состояніе, въ которомъ я остался
по кончинѣ моихъ родителей, воспретило мнѣ вступить въ супру-
жество и носить сладостное именованіе супруга и отца».

«Ахъ, любезный старецъ, — сказалъ Филаретъ — вниди
въ домъ отца моего; въ немъ узришь все собраніе сихъ любез-
нѣйшихъ законоположеній чадолюбивой природы, румяною, но
незаглядимою чертою ознаменованныхъ на сердцахъ родителей
и чадъ. Внемли: — о хотя я малъ былъ, но помню, какъ бы теперь
тò видѣлъ — мнѣ уже исполнилося семь лѣтъ; играя на дворѣ при
глазахъ моихъ родителей, я нечаянно запнулся и вывихнулъ
ногу. О если бы ты видѣлъ сѣтованіе возлюбленныхъ моихъ ро-
дителей о моей болѣзни; о если бы ты видѣлъ ихъ скорбь! По-
печеніе ихъ было неусынно; лишались они пищи и покоя, доколѣ

я не получилъ отъ болѣзни облегченія. Какъ назовешь сіе, любезный старецъ? *Обязанность*. Присовокупи, присовокупи и другое къ тому именованіе, назови: *горячность*. Ахъ, какъ не любить, какъ не чтить, кто насъ любитъ до изступленія. Мою къ нимъ обязанность ношу я въ моемъ сердцѣ непрестанно, и если бы не была на то ихъ воля, я бы упрекалъ себя мое отъ нихъ отсутствіе».

Такимъ-то образомъ Филаретъ, шествуя въ ученіи любомудрія, доводами укрѣплялъ свои чувствованія, а изъ чувствованій своихъ новые почерпалъ доводы къ утвержденію умозрительныхъ истинъ любомудрія.

Филарету сотовариществовалъ во ученіи его Пробъ, юноша знатныя породы, котораго отецъ имѣлъ чинъ патриція. Одинаковыя склонности, одинаковое незлобіе души, скоро изъ товарищей сдѣлали друзей искреннѣйшихъ. Хотя состоянія ихъ были неравны, но въ храмѣ любомудрія сіе неравенство теряется совсѣмъ изъ виду, и тамъ, гдѣ отличествовать могли только остроуміе, прилежаніе и качества душевныя, знатность и богатство своей цѣны не имѣли.

Филаретъ съ Пробомъ были нераздѣльны. Жили они вмѣстѣ, пили и ѣли вмѣстѣ, учились вмѣстѣ, бесѣдовали вмѣстѣ; радость и печаль были взаимны между ими, и привычка, укрѣпляя склонность ихъ сердець, явила свѣту примѣръ дружества отличныя твердости.

Лѣта ихъ ученія приходили уже къ окончанію, и послѣдніе мѣсяцы казались Филарету столѣтіями: столь сильно возродилось въ немъ желаніе видѣть давшихъ ему жизнь. «О день возделанный, о минута блаженная, въ которую я васъ узрю, возлюбленные мои родители! Боже — вѣщаль Филаретъ, проливая слезы — Боже, сохрани жизнь угодниковъ твоихъ; Царь щедрый, дай зрѣти ихъ, да облобызаю еще, уморченныя въ благихъ подвигахъ, ихъ чела. Но почто смущаюся въ моемъ надѣяніи; неужели возвращеніе мое будетъ столь бѣдственно, что

ихъ не узрю... Нѣтъ, нѣтъ. Въ Богѣ мое упованіе; бѣги мысль лютая, отчаяніе исчезни!»

Въ такихъ размышленіяхъ проходилъ послѣдній годъ пребыванія Филаретова въ Аѳинахъ. Помаваемый неизвѣстно(сті)ю будущаго и нетерпѣніемъ, онъ твердость обрѣталъ въ щедротѣ предвѣчнаго Отца.

Пробъ получилъ нечаянное извѣстіе, что отецъ его, поблѣвъ мало дней, скончался. Мать его, извѣщая его о семь, звала его къ себѣ послѣшно для того, что одержима была отчаянною болѣзнію. Письмо уже писано было не ею, но сестроку Проба: «Спѣши, любезный братъ, спѣши,—можетъ быть, радость твоего возвращенія дастъ силы родшей насъ, и сохранить ея жизнь». Пробъ получилъ другое письмо отъ епарха константинопольскаго: «Государь, сожалея о смерти твоего родителя, помня его великія заслуги, и желая утѣшить изнемогающую его супругу, а твою мать, возводить тебя въ отцовское достоинство».

Лице возрыдавашаго Проба при читаніи извѣстія о кончинѣ отца своего и о болѣзни матери, начало паки оживляться румянцемъ веселости. Онъ отиралъ текущія еще изъ очей его слезы, объялъ вью любезнаго своего Филарета: «мой другъ возлюбленный! если Пробъ счастливъ, Филаретъ не отречется блаженству его быть сопричастенъ». Видя друга своего безмолвна, Пробъ вѣщаль съ сокрушеніемъ: «мысль твою понимаю, но укоризна твоя несправедлива; ужели мой другъ думалъ, что чинъ патриція во мнѣ произвелъ радость. О возлюбленный, — продолжалъ Пробъ, проливая слезы — какъ могъ ты мыслить, чтобы другъ Филаретовъ радовался наслѣдію отца своего. Мысль возвышенія моего для того вознесла мгновенно мое сердце, что всѣхъ благъ, всѣхъ радостей, Пробу въ удѣлъ доставшихся, Филарету будетъ половина». Филаретъ, горестнымъ видомъ, отвѣтствовалъ: «о Пробъ, любезный Пробъ, не спѣши радостію; жизнь наша есть мгновение, счастье — зыбь морская».

Пробъ, оставляя Аѳины, звалъ Филарета съ собою, а Филаретъ, горя желаніемъ видѣть своихъ родителей, охотно за

нимъ слѣдовалъ. Возвратившись въ Константинополь, Пробъ не имѣлъ удовольствія закрыть очей умирающей своей матери. За день до его приѣзда она скончалася. «Увы — воскликнулъ Пробъ — почто мы не поспѣшили, почто». . . . «Жизни нашей — вѣщалъ Филаретъ — мой другъ, ты самъ то знаешь — предѣлъ неотвратимый. Немоцны силы естественныя продлить ее или сократить на одну минуту. Болѣзнь матери твоей была конечная, опредѣленная естественно, да теченіе ея жизни скончаетъ. Ужели бы ты пожелалъ, чтобы Всесильный, творящій чудеса, жизнь матери твоей продлилъ на одинъ день токмо, да ты ее живу обрящешь. Но дерзая на таковое желаніе, не помыслишь, что болѣзненное терзаніе родшей тебя продлилось бы, и для чего? Въ твое утѣшеніе. О юноша, зри здѣсь самолюбіе твое, сокровенное подъ покровомъ сыновнія любви». Такимъ образомъ Филаретъ, утѣшая своего друга, на всѣ испытанія житейскія находилъ всегда оправдающую божественное провидѣніе причину, и не вознегодовалъ николи.

Пробъ, сопряженный съ Филаретомъ дружбою, давно уже помышлялъ, какъ бы въ тѣснѣйшій съ нимъ вступить союзъ, и смертію своихъ родителей ставъ начальникъ своего дома, вознамѣрился возлюбленному своему Филарету отдать сестру свою въ супружество. «Коликимъ чувствованіямъ — вѣщалъ Пробъ самъ себѣ — я тѣмъ удовлетворить могу. Осиротѣвшей сестрѣ моей дамъ надежную опору, другаго я дамъ отца; другъ мой мнѣ будетъ братъ, и — на чтò бы его согласія я получить не могъ — отдавая ему сестру мою, дамъ ему и половину, ббльшую половину, моего имѣнія».

Легко къ сему супруеству Пробъ могъ склонить сестру свою Θεозву. Воспитанная въ благонравіи и въ послушаніи къ родителямъ своимъ, брата своего почитая теперь своимъ отцемъ, она тѣмъ болѣе непрекословна была къ сему союзу, что въ Филаретѣ видѣла друга возлюбленнаго своего брата и юношу, всѣми отличными качествами украшеннаго. Филарета нашель Пробъ равно къ сему склонна, ибо благая его душа, видя кра-

соту, благоправіе, цѣломудріе и кротость молодой Θεозвы, любовію уязвленна стала. «Колико лестно Филарету, — вѣщалъ онъ Пробу, когда сей сдѣлалъ ему предложеніе о женитьбѣ — колико лестно другу твоему премѣнить имя сіе и называться твоимъ братомъ. О, мой возлюбленный, ты вѣдаешь, что душа моя давно уже къ твоей прилѣпилася, но теперь и паче будетъ съ нею воедино. Но сколь сердце мое ни горитъ желаніемъ совершить твое намѣреніе, позволь, чтобы я отдалилъ сію счастливую для насъ минуту; позволь, и за сіе на меня не сѣтуй, позволь, чтобы не было еще къ тому моего согласія.» — Мой другъ любезнѣйшій, — вскричалъ, вострепетавъ, Пробъ — что слышу я; Филареть ли сіе вѣщаетъ? — «Не смущайся, возлюбленный, Филареть пребудеть всегда тебѣ и себѣ неизмѣненъ. Требуя моего на женитьбу согласія, ужели ты забылъ, что большее моего согласія на сіе нужно и необходимо. Если въ волѣ моей иногда направлять мои желанія, и разсудку подлежитъ устремлять ихъ къ пути благому, опредѣленіе желаній не въ моей еще рукѣ, ибо я состою подъ властію. Запомятовалъ развѣ Пробъ, что родители мои живы». . . . . О любезнѣйшій мой, — сказалъ Пробъ, опомнившись и лобызая своего друга — ступай, поспѣшай, все къ отъѣзду твоему уже готово. — «Мой другъ, — вѣщалъ Филареть — я уже наказанія достоинъ. Сочти, сколько дней я у тебя умедлилъ — непростительный поступокъ: не долженствуетъ дружба совершаться на счетъ благоговѣнія къ родителямъ». Пробъ лобызалъ только своего друга, и понуждалъ его къ отъѣзду.

Отпустивъ Филарета, Пробъ, горя нетерпѣніемъ быть ему родственникомъ, вознамѣрился его предупредить и совершить бракъ сестры своей въ селѣ Филаретовыхъ родителей: «снимъ способомъ предварю всѣмъ его отговоркамъ и возраженіямъ, въ вѣрномъ упованіи, что родители друга моего не восхотятъ оскорбить сердца любящаго (ихъ) сына и желающаго наречисся его братомъ». Исполненъ сего намѣренія, онъ вслѣдъ почти за Филаретомъ отправилъ все, что нужно могло быть для соверше-

нія великолѣпнѣйшія свадьбы. Все, что въ тогдашнее время производили Европа, Азія и Африка изящнаго и драгоценнаго, все было собрано, и въ добавокъ всему Пробъ наполнилъ брачныя сосуды многими тысячами сребра и злата. Но бояся, что Филаретъ не приметъ его безвременныхъ даровъ, и все посланное велѣлъ вручить отцу его и матери, сопровождая все письмомъ слѣдующимъ: «Пробъ патрицій благочестивымъ родителямъ возлюбленнаго Филарета. Другъ Филаретовъ къ родителямъ своего друга не можетъ иначе быть, какъ почитать ихъ съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Съ таковыми мыслями устроено сіе мое къ вамъ посланіе. Не отвергните, благочестивые старцы, сихъ недостойныхъ васъ даровъ, но примите ихъ, какъ приходящихъ отъ чистѣйшія души. Малѣйшее, чѣмъ я могъ предъ вами изъяснить мою дружбу къ вашему сыну, суть сія дары. Но лучшее, что онъ мнѣ дать можетъ, есть названіе брата — взять сестру мою себѣ въ жену, которая, цѣлуя васъ, проситъ на то вашего благословенія. Миръ вамъ и здравіе».

Между тѣмъ Филаретъ, разставшись со своимъ другомъ, поспѣшилъ въ село своихъ возлюбленныхъ родителей. На межѣ, отдѣляющей селитбы ихъ отъ сосѣдей, построена была при дорогѣ гостиница, въ которой отецъ и мать Филаретовы, въ свободныя часы отъ сельскихъ упражненій, ходили сами на угощеніе убогихъ, нищихъ и странныхъ. Уже солнце лучи свои скрывало въ нощную тѣнь; родители Филаретовы, угостивъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ для дальнаго пути проходящаго убогаго, намѣрены были возвратиться въ домъ свой, и стояли у воротъ гостиницы. Видятъ приближающуюся блестящую колесницу. «Куда лежитъ сей путь, — говорила мать — дорога проселочная, какому вельможѣ судьба довела направить стопы своя въ здѣшнюю весъ? Отецъ не отвѣтствовалъ ни слова, стоялъ въ изумленіи. Не успѣли они ничего примыслить, какъ Филаретъ, скочивъ съ остановившейся колесницы, висѣлъ уже на ихъ выяхъ. «Филаретъ, сынъ возлюбленный! — Дражайшіе мои, о koliko небо до меня было всецѣдро: васъ вижу, васъ лобызаю!

О koliko отсутствіе тягостно любящему сердцу! — Любезный Филаретъ, чадо моего сердца!» Престарѣлые родители не въ силахъ были произносить другихъ словъ. Сладостныя минуты, веселіе неизреченное! Чѣмъ уста безмолвнѣе, тѣмъ сердце въ чувствованіяхъ избыточнѣе.

Услаждаяся бесѣдою своихъ родителей, Филаретъ забылъ на время о своей женитьбѣ. Но по осьми дняхъ его въ домѣ отчечь пребыванія достигло онаго посланіе Проба. Отецъ Филаретовъ, прочитавъ письмо, пошелъ къ сыну, который тогда сидѣлъ съ матерью своею: «Не могъ я мыслить, чтобы Филаретъ мой любезный потаилъ отъ меня что-либо, но и тѣмъ важнѣйшее, что оно до блаженства его касается». Не могъ Филаретъ вообразить себѣ, чтобы Пробъ, не дождавшись его отвѣта, самъ пошлетъ къ отцу его на испрошеніе дозволенія о его бракѣ. Робкимъ взоромъ и прослезившимися очами смотрѣлъ онъ на отца своего, стараяся понять его мысль. «Прочти» — вѣщаль старецъ, и не давъ ему письмо докончить чтеніемъ — «о любезный мой, благословеніе наше всегда съ тобою, да благословитъ тебя Всевышній на благое сіе дѣло!» Филаретъ упалъ къ ногамъ своихъ родителей, его благословляющихъ.

Пробъ, получивъ соизволяющее на бракъ сыновній отвѣтствіе отъ отца Филаретова, не медля нимало отправилъ сестру свою къ ея жениху, снабдивъ ее богатымъ приданымъ, и укрѣпивъ ей съ будущимъ ея супругомъ большую половину своего имѣнія. Самъ принужденъ былъ остаться въ Константинополѣ ради усмиренія случившагося въ народѣ смятенія, обѣщаяся за сестрою слѣдовать, не теряя драгоцѣннаго времени.

Өозва принята была сугубо съ честію и любовію отъ родителей Филаретовыхъ, отъ Филарета же встрѣчена яко любезнѣйшая невѣста и сестра друга безпримѣрнаго. Наслаждаяся взаимными чувствованіями, сердце услаждающими, всѣ они нетерпѣливо ожидали пріѣзда Проба. Время, имъ къ тому назначенное, давно уже протекло. Разныя слухи, достигшіе до ихъ, о бывшихъ въ столицѣ возмущеніяхъ, ихъ тревожили. Нако-

нець, къ неизреченной ихъ печали, они получили извѣстіе, что въ царствіи послѣдовала перемѣна — что Пробъ со многими другими посланъ отъ новаго царя въ дальнѣйшія страны въ заточеніе и лишился оставшаго всего своего имѣнія.

Феозва, желая исполнить приказаніе своего брата, и повиная уже начинающейся къ будущему ея супругу горячности, ускорила совершеніемъ брака, и, скорбя съ Филаретомъ о возлюбленномъ ихъ братѣ, искала отраду во взаимной ихъ горячности.

Филаретъ однакоже, бояся, чтобы злосключеніе его друга не простерлося на его сродниковъ, продалъ все приданое жены своей имѣніе и селитбы своего отца, и переселился со всею своею семьею въ Пафлагонію, въ весь нарицаемую Амнія, и дабы жить въ неизвѣстности, перемѣнилъ названіе своего рода.

Распоряжая своимъ имѣніемъ, Филаретъ купилъ многія села, земли, устроилъ сады и домъ, не великолѣпный, но снабженный всѣмъ, что къ нуждѣ и спокойствію житія нашего потребно. Оставшія же деньги отдалъ въ торгъ купцамъ тирскимъ и александрійскимъ.

Всевышній, вѣнчая горячность Филарета и Феозвы, благословилъ плодомъ ихъ супружество. Феозва по прошествіи года родила сына и чрезъ нѣсколько лѣтъ двухъ дочерей. Отецъ и мать Филаретовы, благословивъ своихъ внучатъ, на шестомъ году по женитьбѣ ихъ сына представились, скончавъ безбожненно жизнь праведную въ смиреніи и незлобіи.

Филаретъ и Феозва, упражняяся въ воспитаніи своихъ дѣтей, слѣдовали примѣру отшедшихъ къ Богу старцевъ въ угощеніи пришельцевъ и въ снабженіи нищихъ. Дѣти ихъ предсѣвали въ ученіи и добрыхъ поступкахъ, и пришедъ въ совершенный возрастъ, вступили въ супружество, купно по волѣ родителей своихъ и слѣдуя своей склонности. И Филаретъ и Феозва наслаждались, видѣвъ благіе успѣхи во внучатахъ. Всѣ жили въ одномъ родительскомъ домѣ, ибо Филаретъ, отдавая дочерей своихъ въ супружество, избралъ себѣ въ зятя юношей, богатыхъ добрыми качествами паче, нежели имуществомъ.

Благословилъ Богъ Филарета богатствомъ, и казалось, чѣмъ онъ былъ щедролубивѣе, тѣмъ имѣніе его множилось. Плодотворные годы, доброе хозяйство и разсмотрительное земледѣліе одаряли его обильнѣйшими жатвами. Честность, вѣрность и счастье въ торгу воздали ему соотичную мзду отъ употребленныхъ капиталовъ»¹⁾ . . .

VII.

Радищевъ оставался въ ссылкѣ до самой кончины Екатерины II. По воцареніи Павла I отмѣнены многія распоряженія предшествовавшаго царствованія, и въ томъ числѣ и указъ о десяти-лѣтнемъ пребываніи Радищева въ Илимскѣ. Но отмѣна этого указа вовсе не служитъ признакомъ измѣнившихся воззрѣній на свободу печатнаго слова. Напротивъ того, стѣснительныя мѣры усилились въ весьма значительной степени. По свидѣтельству современниковъ, заботы о просвѣщеніи выражались тогда преимущественно въ учрежденіи строгой и бдительной цензуры, ограждающей умы отъ «обольстительныхъ напѣвовъ вольности», и т. п. Сокращеніе срока ссылки еще не снимало опалы съ сосланнаго литератора и не возвращало ему его гражданскихъ правъ. Надъ нимъ былъ учрежденъ надзоръ; письма его вскрывались; для перемѣны мѣста жительства требовалось особенное дозволеніе, и т. п. Вскорѣ по воцареніи, 23 ноября 1796 года, императоръ Павелъ повелѣлъ: «Находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и *перетискою*».

6 декабря 1797 года Радищевъ писалъ императору Павлу: «Я живу нынѣ въ деревнѣ моей, наслаждаясь сельской жизни спокойствіемъ. . . . За толь великое благодѣяніе благословляю

---

¹⁾ Государственный Архивъ. VII. № 2760.

десницу, даровавшую мнѣ новую жизнь, прося Всевышняго, да продлитъ на многія лѣта вашего императорскаго величества здравіе и царствованіе, подѣ которымъ вся Россія спокойствуетъ, счастливетъ, благоденствуетъ... . Желаніе видѣть (престарѣлыхъ родителей) возростало по мѣрѣ моего отъ нихъ отдаленія и усугубляемо было терзательною для чувствительной души мыслию, что безразсуднымъ моимъ поступкомъ, въ несчастіе меня ввергнувшимъ, я навлекъ имъ много скорби, печали и убытка. Позволь, всемилостивѣйшій государь, мнѣ ѣздить къ нимъ на свиданіе; позволь, великій монархъ, да могъ бы я хотя однажды видѣть родившихъ меня и родительскаго себѣ испросить благословенія. Болѣзнь ихъ и древнія ихъ лѣта побуждаютъ опасаться, что не долго могутъ пользоваться благодѣяніемъ жизни. Я самъ хотя еще на пятидесятомъ году отъ рожденія, не могу надѣяться долготѣшняго продолженія дней моихъ, ибо горести и печали умалили силы естественныя. Взглянувъ на меня, всякъ сказать можетъ, колико старость предварила мои лѣта. Радищеву разрѣшено было съѣздить въ саратовскую губернію, для свиданія съ родителями, одинъ только разъ.

Дѣйствительнымъ освобожденіемъ своимъ Радищевъ обязанъ преемнику Павла I. Въ первые же дни своего царствованія императоръ Александръ I «простилъ и освободилъ» всѣхъ тѣхъ, которые осуждены были ненавистною ему тайною экспедиціею. Число освобожденныхъ, имена которыхъ названы въ четырехъ спискахъ, представленныхъ государю, простирается до ста пятидесяти шести.

Въ первомъ списокѣ помѣщены: заключенные въ крѣпостяхъ и сосланные въ разныя мѣста, съ лишеніемъ чиновъ и дворянскаго достоинства.

Во второмъ списокѣ — заключенные и сосланные безъ лишенія чиновъ и дворянства.

Въ третьемъ спискѣ — содержащіеся въ крѣпостяхъ и посланные на поселеніе и въ работу, не имѣющіе чиновъ.

Въ четвертомъ спискѣ — разосланные по городамъ и въ деревни подъ наблюденіе и присмотръ земскихъ начальствъ.

Въ первомъ спискѣ осужденныхъ находится и «Радищевъ, бывшій коллежскій совѣтникъ; въ калужской губерніи».

12 марта 1801 года императоръ Александръ I взошелъ на престолъ, а 15 марта тогоже года изданъ манифестъ, въ которомъ сказано: «Желая облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ, въ тайной экспедиціи производившимся, препровождаемъ при семъ четыре списка, всемилостивѣйше прощая всѣхъ, поименованныхъ въ тѣхъ спискахъ, возводя лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ достоинство, и повелѣвая сенату нашему *освободить ихъ немедленно изъ постоянныхъ мѣстъ ихъ пребыванія, и позволять возвратиться, кто куда пожелаетъ, уничтожая надъ послѣдними и порученный присмотръ*»¹⁾).

Указомъ капитулу, 29 сентября 1801 года, Радищеву возвращенъ былъ и орденъ св. Владиміра четвертой степени, пожалованный ему въ 1784 году.

Радищеву не только возвращены его гражданскія права и служебныя отличія, но онъ призванъ былъ правительствомъ къ участию въ трудахъ, предпринятыхъ въ области законодательства. Довѣріе правительственныхъ лицъ къ Радищеву, къ его образованности и здравому пониманію юридическихъ вопросовъ, выразилось въ назначеніи его членомъ комиссіи о составленіи законовъ.

Императоръ Александръ I возлагалъ большія надежды на дѣятельность законодательной комиссіи. Онъ думалъ, что пришло наконецъ время преобразовать наше судопроизводство и оградить отъ произвола какъ приговоры судовъ, такъ и участь подсудимыхъ. Въ такомъ именно духѣ написанъ рескриптъ графу

¹⁾ Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 584—588. № 19784.

Завадовскому, которому поручалась комиссія въ непосредственное управленіе¹⁾. Въ рескриптѣ говорится: «Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства, и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ *счастливыя времена*, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ *настки*, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней нашихъ, т. е. втеченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда *всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго; мракъ, омрачающій равно судью и подсудимаго; бессиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*».

Чтобы внести свѣтъ въ эту мрачную область, Александръ I указывалъ комиссіи необходимость составить общій, руководящій, планъ работъ по различнымъ отраслямъ законодательства и выбрать въ члены комиссіи людей, вполне способныхъ и подготовленныхъ къ этимъ работамъ.

Прежде всего необходимо было; по мнѣнію императора Александра I, разсмотрѣть всѣ матеріалы, находяшіеся какъ въ комиссіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. А матеріаловъ накопилось великое множество, съ половины семнадцатаго столѣтія и до начала девятнадцатаго. Для разбора этихъ матеріаловъ учреждаемы были, въ разныя времена и подъ разными названіями, комиссіи, но для успѣшнаго хода работъ не доставало главнаго — общаго плана. Императоръ Александръ I находилъ, что

¹⁾ Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, стр. 682—685. № 19904.

«разнородной массѣ предположеній» надо «дать образъ и *единство*», и тогда можно будетъ надѣяться, что возникнетъ довольно твердое основаніе къ лучшему законоположенію.

Касательно выбора людей въ комиссію императоръ Александръ I замѣтилъ, что когда будетъ составленъ и утвержденъ общій планъ, то «съ симъ планомъ сообразить и самый составъ комиссіи, держась того правила, что не количество, а *качество* людей успѣхъ удостовѣряетъ».

Число членовъ комиссіи о составленіи законовъ, во времена Радищева, было весьма ограничено. Постановленія комиссіи подписывались предсѣдателемъ, графомъ Завадовскимъ, и членами: Ананьевскимъ, Пшеничнымъ, Прянишниковымъ, *Радищевымъ* и Ильинскимъ. Всѣхъ чаще подавалъ особыя мнѣнія Прянишниковъ.

Радищевъ вступилъ въ комиссію уже съ надломленными силами, и преждевременная смерть прервала труды его въ самомъ ихъ началѣ. Со времени опредѣленія его въ комиссію и до его кончины прошло всего тринадцать мѣсяцевъ, изъ которыхъ четыре проведены имъ въ Москвѣ, куда онъ уѣзжалъ по случаю коронаціи.

6 августа 1801 года данъ былъ слѣдующій указъ правительствующему сенату: «Въ комиссіи сочиненія законовъ всемиловѣйше повелѣваемъ быть членомъ коллежскому совѣтнику Александру Радищеву съ жалованьемъ по тысячѣ пятисотъ рублей на годъ». Въ журналѣ комиссіи о составленіи законовъ, 13 августа 1801 года, записано: «Опредѣленный по именному его императорскаго величества указу, данному сенату сего августа въ 6 день, членомъ въ комиссію сочиненія законовъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ въ присутствіе въ комиссію вступилъ».

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи Радищева въ комиссію, 17 августа 1801 года, графъ Завадовскій прислалъ ей такое предложеніе: «По случаю отъѣзда моего въ Москву, на время пребыванія тамъ его императорскаго величества для высочай-

шей коронаціи, нужнымъ нахожу быть при мнѣ члену оной комиссіи коллежскому совѣтнику Радищеву».

Радищевъ воротился изъ Москвы 21 декабря 1801 года, и 23 декабря вступилъ въ комиссію; тогда же ему вручены были орденъ и лента, присланные изъ капитула еще въ октябрѣ. Въ послѣдній разъ Радищевъ былъ въ засѣданіи комиссіи 2 сентября 1802 года, за девять дней до своей смерти ¹⁾.

Въ чемъ же выразилась дѣятельность Радищева въ законодательной комиссіи? Извѣстія объ этомъ весьма неопредѣленны и сбивчивы; они составлены большею частью по слухамъ, которые еще требуютъ подтвержденія, а потому и не могутъ считаться вполне достовѣрными источниками. Тщательная провѣрка тѣмъ необходимѣе, что всѣ хвалебные отзывы о Радищевѣ, какъ о писателѣ, *опередившемъ свой вѣкъ*, основываются главнымъ образомъ на Путешествіи и на *трудахъ въ законодательной комиссіи*.

О дѣятельности Радищева въ законодательной комиссіи и о составленномъ имъ проектѣ говорится всего подробнѣе въ біографическомъ очеркѣ Радищева, написанномъ его младшимъ сыномъ, Павломъ Александровичемъ; есть и нѣсколько другихъ указаній.

Въ собственноручной запискѣ старшаго сына Радищева, Николая Александровича, сказано только слѣдующее касательно участія А. Н. Радищева въ трудахъ комиссіи: «По вступленіи на престолъ государя императора Александра I, Александру Николаевичу возвращено было прежнее его званіе и совершенная свобода. Онъ воспользовался ею, чтобъ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, благодарить великодушнаго монарха, и, по весьма краткомъ тамъ пребываніи, опредѣленъ былъ членомъ комиссіи

---

¹⁾ Архивъ бывшаго втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи:

Журналы комиссіи составленія законовъ 1801 и 1802 годовъ.

Дѣла комиссіи. V разр. Ч. I. Отд. 8. № XXIII.

о составленіи законовъ. Послѣ священнаго обряда коронаціи, Александръ Николаевичъ отправился изъ Москвы въ Петербургъ, и ревностно приступилъ къ отправленію своей должности; но здоровье ему измѣнилось, онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость» и т. д. ¹⁾).

Николай Александровичъ Радищевъ передалъ свою записку князю Петру Андреевичу Вяземскому. На рукописи, полученной отъ Радищева-сына, князь Вяземскій сдѣлалъ такую приписку: «Радищевъ-отецъ, кажется, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія *проектъ, весьма неблагоприятный освобожденію крестьянъ*, и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній».

Пушкинъ, въ статьѣ своей о Радищевѣ, говоритъ слѣдующее: «Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ, и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину, и *въ проектъ, представленномъ начальству*, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ» ²⁾).

Позднѣйшій біографъ Радищева, младшій сынъ его, Павелъ Александровичъ, сообщаетъ такого рода подробности: «Радищевъ, помѣщенный въ комиссію составленія законовъ, занялся сочиненіемъ *уложенія*, и уже составилъ *проектъ гражданского уложенія*, полагая представить его графу Петру Васильевичу Завадов-

¹⁾ Русская Старина. 1872. Ноябрь, стр. 580—581, 573.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Томъ V, стр. 350.

скому, предсѣдателю комиссія. Для составленія *уголовнаго уложенія* онъ имѣлъ намѣреніе отправиться въ Англію, въ видахъ изученія тамошнихъ уголовныхъ законовъ, и изслѣдовать на мѣстѣ публичное судопроизводство и учрежденіе *присяжныхъ* (jury). *Проектъ гражданскаго уложенія*, сочиненный въ Петербургѣ, переписанный набѣло его рукою, былъ ввѣренъ Василю Назарьевичу Каразину, удержанъ имъ и потерянъ. Мнѣнія Радищева вообще таковы: онъ расхобдился въ убѣжденіяхъ со Сперанскимъ, написавшимъ, при изданіи Свода законовъ, что Россія не имѣетъ нужды въ новыхъ законахъ, а только нужно привести старые въ систематическій порядокъ, и что даже невозможно Россіи дать новое уложеніе. Радищевъ, напротивъ, допускалъ реформу законодательства, говоря, что невозможно знать, какъ современемъ люди будутъ управляемы. Вотъ его мнѣнія:

- 1) Всѣ состоянія должны быть равны передъ закономъ, а потому и тѣлесное наказаніе должно отмѣнить.
- 2) Табель о рангахъ уничтожить.
- 3) Въ уголовныхъ дѣлахъ—отмѣнить пристрастные допросы ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ: иначе не можетъ быть правосудія.
- 4) Вѣротерпимость должна быть совершенная, и устранено все то, что стѣсняетъ свободу совѣсти.
- 5) Ввести свободу книгопечатанія, съ ограниченіями и ясными постановленіями о степени ответственности.
- 6) Освободить крѣпостныхъ господскихъ крестьянъ, а съ тѣмъ и прекратить продажу людей въ рекруты.
- 7) Поземельную подать ввести вмѣсто подушной.
- 8) Установить свободу торговли.
- 9) Отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ — нѣчто въ родѣ *habeas corpus*¹⁾.—
Ни одно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ о содержаніи

¹⁾ Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая. стр. 422, 424—425.

проекта Радищева не подтверждается точными и вполне убѣдительными данными, и не устраняетъ вопроса о томъ, существовалъ ли подобный проектъ въ дѣйствительности.

Лицо, показанія котораго внушаютъ наиболѣе довѣрія, старшій сынъ Радищева, вовсе не упоминаетъ о проектѣ, который составленъ его отцомъ, какъ членомъ законодательной комиссіи. А между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай Александровичъ, болѣе, нежели кто-либо другой, могъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ въ комиссіи, такъ какъ онъ въ то время не только находился при отцѣ, но и самъ, вмѣстѣ съ отцомъ, служилъ въ тойже комиссіи о составленіи законовъ. Въ очеркѣ своемъ онъ перечисляетъ всѣ труды отца своего: отчего же бы онъ умолчалъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ? Вѣдь обстоятельный, *строго обдуманнѣйшій и примѣненный къ условіямъ русской жизни* проектъ гражданскаго уложенія былъ бы великою заслугою Радищева, совершившаго въ нѣсколько мѣсяцевъ то, чего не могли сдѣлать цѣлыя комиссіи втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Молчаніе старшаго сына Радищева бросаетъ тѣнь на показанія другихъ лицъ, гораздо дальше стоявшихъ отъ непосредственнаго источника.

Не знаемъ, откуда взято княземъ Вяземскимъ извѣстіе, что Радищевъ составилъ проектъ, направленный *противъ освобожденія крестьянъ*. Во всякомъ случаѣ извѣстіе это, составляющее рѣзкую противоположность съ общепринятымъ мнѣніемъ о Радищевѣ, какъ о заклятомъ врагѣ крѣпостнаго права, требуетъ подтвержденія. Поставивъ слово: *кажется*, самъ Вяземскій далъ поводъ предполагать, что онъ не совершенно точно припомнилъ обстоятельство, о которомъ говорить въ своей припискѣ. По всей вѣроятности, Вяземскій выразился бы съ большею опредѣленностью и быть можетъ даже съ указаніемъ источника, если бы слышалъ о проектѣ отъ ближайшаго свидѣтеля и очевидца трудовъ Радищева въ законодательной комиссіи—отъ его старшаго сына. Притомъ, самая приписка князя Вяземскаго сдѣлана уже послѣ смерти Радищева-сына.

Пушкинъ говорить о какихъ-то «мысляхъ» и о какомъ-то, ему неизвѣстномъ, проектѣ Радищева.

Какъ бы въ поясненіе недосказаннаго Пушкинымъ, являются проектъ и его основныя начала, приводимыя въ статьѣ младшаго сына Радищева, писанной по воспоминаніямъ о случившемся болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Подробности, сообщаемыя младшимъ сыномъ Радищева, не заключаютъ въ себѣ несомнѣнныхъ признаковъ исторической достовѣрности. Рисуемая имъ картина производитъ впечатлѣніе нѣсколько подновленнаго снимка съ такого подлинника, черты котораго, незамѣченныя современниками, стали привлекать вниманіе знатоковъ впослѣдствіи. Радищевъ-сынъ желалъ возстановить съ математическою точностью основныя черты рукописи, исчезнувшей во времена его дѣтства. О реформахъ, предложенныхъ въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія, онъ писалъ во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, когда и въ обществѣ и въ литературѣ слышались оживленные толки о предстоящихъ реформахъ: объ освобожденіи крестьянъ, о новыхъ началахъ въ судопроизводствѣ и т. п. Сопоставленіе давно-минувшаго съ настоящимъ могло такъ или иначе отразиться и на воспоминаніяхъ старца, излагавшаго ихъ на основаніи единственнаго источника — своей старческой памяти.

Изъ словъ Радищева-сына выходитъ, что отецъ его былъ вызванъ правительствомъ въ Петербургъ именно для составленія проекта: «отчего препоручили бы это не предсѣдателю комиссіи, не кому-либо другому изъ членовъ, а бѣднаго Радищева взяли изъ деревни, если-бъ Радищевъ не имѣлъ ни обширнаго ума, ни познаній». Какъ-то странно предположить, чтобы проектъ, написанный по вызову комиссіи и для комиссіи, Радищевъ отдалъ въ чужія руки, не извѣстивши даже своихъ сочленовъ, что окончилъ возложенную на него работу.

Всѣ поиски наши въ архивѣ бывшей комиссіи о составленіи законовъ оказались напрасными: намъ не удалось найти не только самага проекта, но и какихъ бы то ни было слѣдовъ

его. Ближайшее же знакомство съ ходомъ дѣлъ, общепринятымъ въ комиссіи, еще болѣе заставляеть сомнѣваться въ существованіи проекта, представляющаго обработанное, стройное цѣлое.

Комиссія о составленіи законовъ вела свои работы сообразно указаніямъ, которыя получала отъ верховной власти. Приступивъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, къ разбору матеріаловъ для начертанія общаго плана, комиссія должна была вскорѣ заняться главнымъ образомъ выработкою *формы суда*, т. е. такого порядка судопроизводства, при которомъ бы достигалось *возможно-скорое* рѣшеніе дѣлъ въ различныхъ инстанціяхъ.

Существеннымъ, вопіющимъ недостаткомъ нашего судопроизводства была крайняя медленность въ ходѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ указѣ, данномъ сенату 24 іюля 1801 года, и вызванномъ «ежедневно входящими» къ государю жалобами на медленное рѣшеніе дѣлъ, повелѣвалось сенату «представить мѣры, какія признаеть онъ къ *скорѣйшему* рѣшенію дѣлъ наилучшими». Въ общемъ собраніи сената, графъ А. Р. Воронцовъ предлагалъ предварительно потребовать отъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ мнѣнія по этому поводу, и то, что получится изъ палатъ, передать на разсмотрѣніе комиссіи о составленіи законовъ. Державинъ заявилъ, что по трудности и сложности вопроса, онъ можетъ подать свое мнѣніе не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца. Сенатъ успѣшилъ впрочемъ представить свой докладъ, ограничившись изложеніемъ его въ самыхъ общихъ чертахъ. Дальнѣйшая и чрезвычайно трудная работа возлагалась на комиссію о составленіи законовъ.

Въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комиссіи, графа Заводскаго, 25 августа 1801 года, говорилось, что дѣла влчаться въ продолженіе многихъ лѣтъ, бывъ подчинены одной и той же формѣ, несвойственной ни существу ихъ, ни современному состоянію просвѣщенія, и потому требовалось, чтобы комиссія заня-

лась этимъ предметомъ «предпочтительно всѣмъ другимъ»¹⁾. Надо замѣтить, что еще въ 1784 году учреждена была, и также подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, комиссія для составленія проекта о сокращеніи канцелярскаго порядка, и въ нее поступило довольно много матеріаловъ.

Въ декабрѣ 1801 года графъ Завадовскій распредѣлялъ между членами комиссіи работы по сокращенію канцелярскаго порядка.

Въ 1803 году комиссія разсматривала систематическій планъ по гражданской части, составленный *Ананьевскимъ*, (а не *Радищевымъ*) и подготовительное собраніе бумагъ по уголовной части, составленное *Ильинскимъ*.

Комиссіи о составленіи законовъ вѣнено было въ обязанность не ограничиваться исключительно отечественными источниками, и обращаться, въ случаѣ надобности, къ источникамъ иностраннымъ — къ постановленіямъ, существующимъ или въ смежныхъ намъ странахъ или у народовъ, наиболѣе прославившихся своимъ просвѣщеніемъ и своимъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи Радищевъ могъ оказать комиссіи большое содѣйствіе. Будучи основательно знакомъ съ юридическою литературою, имѣя всегда подъ рукою, въ своей библіотекѣ (какъ оказалось послѣ его смерти) законодательные памятники различныхъ странъ и народовъ, онъ съ большимъ удобствомъ, нежели кто-либо другой изъ его сочленовъ, могъ взять на себя составленіе требуемыхъ отъ комиссіи выписокъ и извлеченій изъ иностранныхъ кодексовъ. Такихъ выписокъ, считавшихся необходимымъ матеріаломъ для работъ комиссіи, находится довольно много въ ея архивѣ. Но такъ какъ рукописи эти не собственноручныя, и неизвѣстно, кто именно представилъ ихъ въ комиссію, то можно только предполагать, что значительная доля труда въ собираніи матеріаловъ изъ иностранныхъ источниковъ принадлежитъ Радищеву.

¹⁾ Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 759—760. № 19989.

По счастью, въ архивѣ законодательной комиссіи и въ архивѣ сената сохранились хотя немногія, но весьма цѣнные доказательства участія Радищева въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, относящихся къ области законодательства. Комиссія для составленія законовъ, по самой цѣли, съ которою она учреждена, обязана была давать заключенія по такимъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены на точномъ основаніи существующихъ постановленій, и вызывали вслѣдствіе этого потребность въ составленіи новаго закона. Обстоятельство, непредусмотрѣнное законодателемъ; называлось *казусомъ*, и дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ — *казусными*. Накопившіяся въ сенатѣ, съ давнихъ поръ, казусныя дѣла были переданы въ комиссію о составленіи законовъ. Комиссія представила въ сенатъ какъ коллективное заключеніе по каждому дѣлу, такъ и отдѣльныя мнѣнія членовъ по тому или другому поводу. Въ числѣ отдѣльныхъ мнѣній есть и принадлежащія Радищеву. При этомъ считаю не лишнимъ сдѣлать оговорку, чтобы устранить недоразумѣніе, которое можетъ возникнуть при пользованіи рукописями, уцѣлѣвшими въ архивѣ бывшей законодательной комиссіи, вошедшемъ въ составъ архива бывшаго втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Въ одномъ изъ оглавленій рукописей, помѣщенныхъ въ связкѣ подъ № XLIV, значится: *Мнѣнія г. Радищева касательно различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, производившихся въ сенатѣ*. Подъ этимъ заглавіемъ находятся самыя краткія, въ нѣсколько строкъ, замѣтки о восьми дѣлахъ, въ такомъ родѣ: «Когда о семъ есть точный законъ, то съ моей стороны *казуса* къ разрѣшенію не нахожу» и т. п. Въ заключеніи комиссіи по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою по манифесту 1782 года, сказано: «*Небезупотребительно*, что жребій ихъ рѣшился новымъ манифестомъ 1787 года, по которому должны они, освободясь отъ каторги, поселены быть на земляхъ, къ тому назначаемыхъ». Одинъ изъ членовъ комиссіи (Прянишниковъ — какъ видно изъ дѣлъ сената) замѣчаетъ: «Остается

только правительствующему сенату имѣть рапорты, что жребій сихъ несчастныхъ *точно и достоверно*, а не *уловительно*, совершился». Оказывается, что мнѣнія или замѣтки эти принадлежать не Радищеву, а *Прямышникову*, что положительно доказывается подписью его на подлинныхъ рукописяхъ, представленныхъ въ сенатъ, какъ напримѣръ на замѣткѣ по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободой, и т. д. Въ этомъ удостоверяетъ также и приписка къ составленному въ комиссiи перечню дѣлъ, названныхъ *мнѣнiями Радищева*: «къ сему мнѣнiю и *г. Радищева*». Значитъ, всѣ остальные мнѣнiя — не его, а кого-либо другаго.

Несомнѣнно принадлежать Радищеву два мнѣнiя, представленные имъ въ законодательную комиссiю: одно — по вопросу о неумышленномъ убiйствѣ, другое — по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастiи.

Соображенiя, высказанныя Радищевымъ по поводу спорнаго вопроса о наказанiи за неумышленное убiйство, въ высшей степени замѣчательны. Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ лицахъ обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ, то Радищевъ долженъ былъ говорить о предметѣ, особенно дорогомъ для его ума и чувства. И онъ остался на высотѣ своей задачи. «Мнѣнiе» его, небольшое по объему, чуждое многословія и риторическихъ прикрасть, заслуживаетъ особеннаго вниманiя по своей основной мысли и по достоинству изложенiя. Радищевъ выступаетъ, *передъ лицомъ закона*, искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ крестьянъ, основывая свои доводы частiю на общихъ началахъ, выработанныхъ наукою права, частiю на живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ русской жизни. Двумя-тремя штрихами очерчиваетъ онъ возмутительное явленiе, которое безнаказанно совершается въ дѣйствительности, и которое онъ изобразилъ такими яркими красками въ своемъ Путешествiи.

Мнѣнiе Радищева до такой степени выдѣляется изъ массы бумагъ, писанныхъ въ комиссiи по дѣламъ, поступавшимъ изъ

сената, что весьма возможенъ вопросъ, не оно ли послужило поводомъ къ извѣстію, сообщаемому Пушкинымъ: «графъ Завадовскій удивился молодости сѣдинъ Радицева и сказалъ ему съ *дружескимъ* упрекомъ: эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить *попрежнему*». Что упрекъ былъ *дружескій*, видно изъ того, что самъ же Завадовскій представилъ мнѣніе Радицева въ сенатъ, какъ вполне достойное вниманія и разсмотрѣнія въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Въ словѣ: *попрежнему* заключается очевидно намекъ на *Путешествіе*. А въ мнѣніи своемъ Радицевъ беретъ нѣсколько чертъ изъ Путешествія, и притомъ такихъ, о которыхъ Екатерина замѣтила, что авторъ ожидаетъ «свободы отъ самой тяжести порабощенія, т. е. надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ». Какъ бы то ни было, мнѣніе, представленное въ законодательную комиссію, должно занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду того, что когда-либо написано или напечатано Радицевымъ по крестьянскому вопросу.

Для вѣрной оцѣнки мнѣнія Радицева необходимо сопоставить его съ мнѣніями другихъ членовъ комиссіи и сенаторовъ, разсматривавшихъ какъ самое дѣло, такъ и заключеніе комиссіи. И въ мнѣніяхъ сенаторовъ и членовъ комиссіи, и въ самыхъ законахъ, на которые они ссылались, находятся весьма любопытныя черты, рисующія чрезвычайно живо тогдашнія понятія о крѣпостномъ правѣ.

Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1769 году крестьянинъ князя Дулова, Василій Тимоѣевъ, убилъ крѣпостную крестьянку помѣщика Трухачева Степаниду Ѳедосѣеву. На допросѣ, крестьянинъ Тимоѣевъ показалъ, что онъ отнюдь не замышлялъ убійства, и совершенно случайно попалъ на ссору жены своей съ крестьянкой Ѳедосѣевой. Ссора произошла изъ-за коровы, «подъ которую подналъ его собственный теленокъ». Услышавши брань между женщинами, Тимоѣевъ «прибѣжалъ къ воротамъ, ударилъ Степаниду по лѣвому плечу небольшою палочкою, отъ котораго удара въ тожъ время

и умре). Но такъ какъ на тѣлѣ убитой оказались кровавые слѣды побоевъ: на головѣ, на лицѣ, на груди и на спинѣ, то убійца подвергся «пристрастному подѣ плетью разспросу» и трижды пытанъ былъ въ провинціальной канцеляріи. Но онъ все стоялъ на своемъ, утверждая, что убилъ неумышленно, вслѣдствіе чего его и выпустили, въ 1771 году, на свободу. А такъ какъ въ законахъ не опредѣлено взысканіе за *неумышленное убійство помѣщичьихъ крестьянокъ*, то дѣло внесено въ сенатъ. За неимѣніемъ точныхъ законовъ, сенаторы порѣшили: собрать въ сенатъ коллежскихъ президентовъ и членовъ. Дѣло однакожъ не двигалось съ 1775 года, цѣлые пятнадцать лѣтъ. Только въ 1800 году сенатъ постановилъ передать дѣло на разсмотрѣніе комиссіи о составленіи законовъ.

Комиссія приводитъ цѣлый рядъ законовъ, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ разсматриваемому дѣлу, а именно:

Уложенія глава 21, статья 73:

Ежели чей-нибудь крестьянинъ неумышленно убьетъ чьего крестьянина, то вмѣсто убитаго выдать, по наказаніи кнудомъ, самого убійцу съ женою, съ дѣтьми и съ животы, тому помѣщику, чей былъ убитый крестьянинъ. А буде его взять не похочетъ, то вмѣсто онаго, кого выберетъ, другаго крестьянина жъ, съ женою и съ дѣтьми, и со всѣми животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и который сѣянъ въ землѣ.

Въ новоуказныхъ 1777 года статьяхъ, статья 80:

Какъ дворцовымъ крестьянамъ, посадскимъ и ямщикамъ, съ помѣщиковъ, такъ и помѣщикамъ съ посадскихъ, дворцовыхъ и ямщиковъ, за убитыхъ безъ всякаго умышленія брать деньгами по 50 рублей.

Именной указъ 1765 года, генваря 28 дня:

Экономическимъ крестьянамъ, по взятіи оныхъ въ казенное вѣдомство, сравнивая ихъ съ дворцовыми крестьяны, за убитыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, такъ какъ и помѣщикамъ за экономическихъ, на основаніи предписанныхъ новоуказныхъ

7177 года статей, платитъ деньгами же, но только не по 50, а по 100 рублей.

Вслѣдствіе сихъ узаконеній, сенатомъ въ 1766 году опредѣлено:

Съ дворцовыхъ крестьянъ, также съ посадскихъ и ямщиковъ, за убитыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ, и напротивъ того — съ помѣщиковыхъ за убитыхъ посадскихъ и ямщиковъ, тожь и дворцовыхъ крестьянъ, не отдавая ихъ самихъ и вмѣсто ихъ другихъ, равно какъ и съ экономическихъ и вмѣсто экономическихъ, взыскивать за каждаго человѣка по 100 рублей.

Именной указъ 1798 года, генваря 28 дня:

Разсмотрѣвъ докладъ сената по предмету взысканія казенныхъ и партикулярныхъ долговъ съ помѣщиковъ, которые имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, повелѣваемъ оцѣнять ихъ по работѣ и по тому доходу, каковъиждымъ изъ нихъ, чрезъ искусство, рукодѣліе и труды, доставляется владѣльцу, брать ихъ въ казну, принимая оный процентомъ съ капитала, который и зачитать въ казенный долгъ. При взысканіи же по долгамъ партикулярнымъ, продажу чинить обыкновеннымъ при купчихъ образомъ.

Именной указъ 1798 года, февраля 24 дня:

По дѣлу коллежскаго ассесора Раstopчина съ помѣщицею Бутеневою, въ рапортѣ сената апелляціоннаго департамента намъ представленному, повелѣваемъ: *вмѣсто убитаго* въ пьянствѣ крестьянина Раstopчина, по нежеланію его взятаго самого убійцу, *отдать* изъ деревень Бутеневою *другаго, неоглашеннаго въ порокъ, крестьянина*, по волѣ ея, Бутеневою, поступая согласно сему и въ прочихъ таковыхъ дѣлахъ.

На основаніи приведенныхъ законовъ, комиссія представила въ сенатъ слѣдующее

Заключеніе.

—«За неумышленно-убитаго крестьянина сторублевая цѣна положена въ 766 году, чему протекло тридцать пять лѣтъ, а въ

высочайшемъ 786 году марта 9 числа указѣ изображено: «Какъ цѣны нынѣ вообще на все противу прежняго гораздо возвысились; то положенная въ рекрутскомъ 766 года учрежденіи рекруту цѣна 120 р. недостаточна, а потому и велѣно постановить рекруту цѣну 360 р.» Въ разсужденіи чего и за убитаго неумышленно, во владѣльческихъ, равно какъ и во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, какого бы рода и званія они ни были, мужеска пола крестьянина падлежитъ постановить сообразную за рекрута цѣну 360 р.; а за крестьянокъ, женщину или дѣвку, по 100 р. Буде же таковое неумышленное убивство случится дворовому человѣку или дворовой женкѣ или дѣвкѣ, которые, по художествамъ, искусствамъ, ремесламъ и трудамъ, болѣе иногда стоятъ, нежели лучшій крестьянинъ и крестьянка, то хотя и за нихъ полагать такую же цѣну, но въ такомъ только случаѣ, буде помѣщикъ ихъ будетъ тѣмъ доволенъ. Если же онъ сею цѣною почтетъ себя за потерю человѣка неудовлетвореннымъ, то обязанъ представить суду неоспоримыя доказательства, почему точно болѣе той цѣны убитый ему стоитъ, и тогда уже, на основаніи высочайшаго именнаго 1798 году генваря 28 числа указа, оцѣнять таковыхъ дворовыхъ людей, женокъ и дѣвокъ, по работѣ и по тому доходу, каковъй каждый изъ нихъ, чрезъ искусство, руководѣе и труды, доставлялъ своему владѣльцу. И сіе относится единственно на тотъ случай, ежели владѣльческій казеннаго или казенный владѣльческаго крестьянина, или женку или дѣвку, неумышленно убьетъ до смерти. Но что касается до подобныхъ несчастныхъ случаевъ между одними владѣльческими крестьянами, то поступать по состоявшемуся въ 1798 году, февраля 24 числа, высочайшему именному указу»

и т. д.

Подписали: Иванъ Ананьевскій.

Григорій Пшеничный.

Иванъ Прянишниковъ (при своемъ мнѣніи).

Александръ Радищевъ (при своемъ мнѣніи).

Николай Ильинскій.

При разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ большинство сенаторовъ согласилось съ мнѣніемъ сенатора Алексѣева, который полагалъ, что есть довольно основательныя причины допустить вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ неумышленнаго убійства. Первая причина та, что неумышленные убійства происходятъ большею частью въ пьянствѣ и дракахъ, а потому и взысканіе, опредѣленное за убитыхъ людей, можетъ побудить помѣщиковъ и сельскія общества заботиться объ устраненіи безчинствъ. Вторая причина заключается въ томъ, что помѣщики или общества казенныхъ поселенъ, теряя въ убитомъ работника, и сверхъ того будучи обязаны платить за него до новой ревизіи всѣ казенныя подати и повинности, были бы весьма отягощены, если бы остались безъ всякаго удовлетворенія. Сенаторъ Алексѣевъ продолжаетъ: «Что принадлежитъ до *крестьянскихъ женщинъ*, то, кажется мнѣ, неопредѣлено за нихъ удовлетвореніе, какъ потому, что они ни дракамъ, ни пьянству сопричастными не полагались, такъ и въ разсужденіи того, что сей полъ ни въ какихъ окладахъ и повинностяхъ государственныхъ не состоитъ». Общій выводъ тотъ, что всего лучше оставить вещи такъ, какъ они есть, до изданія новыхъ законовъ, вѣрнѣе и въ полной мѣрѣ соображенныхъ съ другими предметами. Мнѣніе Алексѣева цѣликомъ внесено въ протоколъ общаго собранія сената, 30 января 1803 года, какъ мнѣніе большинства, именно четырнадцати сенаторовъ.

Меньшинство, пять сенаторовъ, полагало: за неумышленно-убитыхъ, какъ крестьянскихъ, такъ и дворовыхъ помѣщичьихъ женщинъ или дѣвокъ, производить взысканіе въ размѣрѣ *ста* рублей за каждую женщину или дѣвку. Цыфра *сто* явилась вслѣдствіе того, что императоръ Павелъ I повелѣлъ департаменту удѣловъ: «вдовъ и дѣвокъ удѣльнаго вѣдомства выпускать только въ замужество, взывая за выходъ по *сту* рублей; въ купеческое же и мѣщанское состояніе лично женскаго пола не выпускать».

Сенаторъ Захаровъ писалъ въ своемъ мнѣніи: «За дворо-

выхъ мужеска и женска пола людей, убитыхъ неумышленно, полагаю удобнѣйшимъ постановить положительную цѣну, которую, размѣряя съ *настоящею дороговизною продаемыхъ существъ*, мню быть довольною: за мужескъ полъ — *500 рублей*, а за женскъ — *столы*».

Такимъ образомъ всѣ мнѣнія сводились къ одному и тому же — къ опредѣленію стоимости убитаго крестьянина, измѣряемой тою прибылью, которую получалъ отъ него помѣщикъ. Никто, ни въ комиссіи, ни въ сенатѣ, не замѣтилъ, или не желалъ замѣтить, что крестьянинъ, хотя и крѣпостной, но все-таки *человекъ*, а не вещь, предназначенная единственно и исключительно для того, чтобы приносить матеріальную пользу и выгоду своему владѣльцу. Никто не вспомнилъ и о томъ, что смерть крестьянина составляетъ потерю не только для его господина, но и для семьи умершаго. Одинъ Радищевъ возвысилъ голосъ за оскорбленныя права человѣка, и заявилъ о необходимости оградить ихъ закономъ, вполне сообразнымъ съ требованіями правды и съ уваженіемъ къ человѣческому достоинству.

Вмѣстѣ съ коллективнымъ заключеніемъ комиссіи о составленіи законовъ представлено въ правительствующій сенатъ и слѣдующее мнѣніе Радищева:

О цѣнахъ за людей убіенныхъ.

— «Когда въ нынѣшнее время и въ кроткое и человѣколюбивое правленіе нынѣ царствующаго въ Россіи государя императора Александра перваго дойдетъ дѣло издавать какія-либо новыя постановленія, то духъ, ими путеводительствовать долженствующій, не можетъ быть тотъ, который руководствовалъ трудившимся надъ соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Ни пытка, ни казнь смертная нынѣ уже неупотребительны, а за ними должны отмѣнены быть и многія постановленія соборнаго уложенія, сообразныя грубости нравовъ тогдаш-

няго времени, сообразныя тогдашнему образу мыслей, но нынѣ уже несомѣстныя. Тогда казнь торговая, кнутъ, были наказанія исправительныя и стыда не приносили наказаннымъ ими, хотя многое, о чемъ законополагаетъ соборное уложеніе, еще существуетъ. Но полтора столѣтія, исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даетъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда удобно нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ.

Съ сей стороны должно смотрѣть о распоряженіи закона поставляющему цѣну за убитенныхъ неумышленно.

Законъ постановляетъ за убитаго помѣщичьяго крестьянина неумышленно — отдать крестьянина, за другихъ же — отдавать деньгами: за мужчину 100 р.; за женщинъ въ законѣ не положено. Комиссія полагаетъ отдавать за мужчину противъ рекрута, за женщину 100 р.; но за тѣхъ людей, которые, будучи ремесленные, приносили господамъ своимъ прибыль, платятъ по мѣрѣ прибыли, которую они господамъ приносили, считая труды ихъ процентами, а ихъ — капиталомъ, въ сходственность указа 1798 года, генваря 28 дня.

Если мы, слѣдуя всѣмъ законоучителямъ, разыщемъ цѣны вещей, то мы увидимъ, что *цѣна* вещи есть то опредѣлительное сравненіе вещи, которое мы ей постановляемъ вслѣдствіе пользы, отъ вещи происходящей. Итакъ, польза вещи опредѣляетъ ея цѣну. Если цѣна вещи бываетъ для всѣхъ *одинакова*, то вещь таковая есть *цѣны обыкновенной*. Если же станемъ исчислять пользу, которую можно имѣть отъ вещи, то цѣна уже будетъ *необыкновенная*, ибо время, обстоятельства, нужда и проч. могутъ цѣну возвысить или понизить. Если же вещь, ради какихъ-либо причинъ или ради ея качествъ, уважается особо, тогда вещь бываетъ *драгоцѣнная*. Если же качества вещи, или паче ея цѣну, ни съ чѣмъ не можно постановить въ сравненіе, то вещь становится *безцѣпной*. На сія опредѣленія цѣны вещей

дальнѣйшія изъясненія ненужны. Если мы цѣну неумышленно убійственныхъ опредѣлять будемъ по вышеозначеннымъ правиламъ, то она нерѣдко выходитъ будетъ совсѣмъ не та, какъ то ее опредѣляетъ комиссія. *Какую цѣну можно опредѣлить за довереннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчество, въ его отрочество, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая вскормила господина своего своими сосцами и стала вторая его мать. Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикамъ за убійственныхъ и имъ принадлежащихъ людей: цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами¹⁾.*

Если бы можно было помыслить о удовлетвореніи за убіеніе челоуѣка, то оно принадлежать долженствовало бы тѣмъ, которые истинно страдаютъ, когда бываетъ убійственный. Убійственный можетъ быть отецъ, сынъ, супругъ или мать, жена, дочь и проч. Не остающимся ли по нихъ — и сіе разумѣть должно о людяхъ низкаго состоянія — принадлежать можетъ всякое удовлетвореніе, по той истинной причинѣ, что они больше, нежели ихъ господинъ, потерю челоуѣка претерпѣть могутъ: мужъ лишается жены, жена мужа, дѣти отца, отецъ сына или дочери; но чѣмъ такую потерю замѣнить можно? Сверхъ того, кому неизвѣстно,

---

¹⁾ Ср. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 341 — 344: «Кажую недѣлю два раза вся российская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, что занялъ или взялъ. Занятое проиграно, прожито, проѣдено, пропито... Публикуется: сего дня продаваться будетъ съ публичнаго торга недвижимое имѣніе, домъ и при немъ шесть душъ мужскаго и женскаго полу. Наступилъ день и часъ продажи. Въ залѣ стоять на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, съ отцомъ господина своего былъ въ крымскомъ походѣ при фельдмаршалѣ Миннихѣ: въ Франк-фуртскую баталію, раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю; возвратяся домой, былъ дядькою молодого барина; во младенчествѣ спасъ его отъ утопленія, бросаясь за нимъ въ рѣку; въ юности выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги. Женщина, лѣтъ въ 40, вдова, кормилица молодого своего барина; въ жилахъ его льется ея кровь; она ему вторая мать, и ей онъ болѣе животоу своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія о младенчествѣ его не радѣла» и т. д.

сколько потерпѣть можетъ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ, если семья его лишится работника. Итакъ, заключимъ:

1) Цѣны убиенному человѣку, умышенно или неумышенно, опредѣлить не можно, ибо, сверхъ общихъ чувствованій человечества, потеря таковая есть всегда неоцѣнимая. Каждый, участвующійся жизни, принадлежитъ къ какому-либо семейству, слѣдственно кончина его всегда бываетъ чувствительна, и, отъ какой бы причины она ни происходила, она равно для чувствующихъ бѣдственна.

2) Если убіеніе бываетъ неумышенно, то наказанія за него быть не можетъ. Нечто же за него полагать цѣну, ибо платимая цѣна есть родъ наказанія. Но въ отношеніи теряющаго, все равно — убить ли кто умышенно или неумышенно. А какъ въ законѣ за умышенно убіеннаго платы не положено, то не должно ей быть и за убіеннаго неумышенно.

3) Хотя убійство въ пьянствѣ не столь виновно, какъ убійство умышенное, или паче злостное, однакоже убивающій въ пьянствѣ наказанъ быть долженъ, не по мѣрѣ опасности, въ которой бываетъ жизнь гражданъ отъ злоумышляющихъ на нее, но по мѣрѣ вреда, который отъ того проистекаетъ обществу. Умыленный убійца, ради будущей опасности, долженъ быть изъ общества изъятъ; но вредящій обществу своею невоздержностью, сдѣлавшій убійство въ пьянствѣ, въ сильномъ изступленіи, побуждаемъ страстію, долженъ быть воздержанъ и исправленъ. Слѣдственно, перваго наказаніе должно быть навсегда, другаго — временное. Перваго отослать въ ссылку, въ отдаленность отъ людей, которые могутъ заражаться его худымъ примѣромъ. Другаго — лишить свободы, посадить въ смирительный домъ на большій или меньшій срокъ, и воздержаніемъ и работою, соразмѣрною состоянію и свойству убійцы, стараться укротить страсть и неумѣренность, и воздержаніе(мъ?) преступившаго исправить.

4) Что же касается до потерпѣвшихъ отъ убіенія человѣка, какъ-то дѣтей, жены, то какъ сія статья входитъ въ общее

распоряженіе о призраженіи, то здѣсь о ней говорить невмѣстно; но докогда не будетъ сдѣлано о призраженіи общихъ распоряженій, то терпящіе отъ убіенія челоуѣка должны быть на попеченіи общества того селенія или города, къ которому убіенный принадлежитъ»¹⁾.—

Александръ Радищевъ.

Когда въ комиссіи о составленіи законовъ разсматривался вопросъ о правѣ подсудимыхъ заявлять подозрѣніе на судей, Радищевъ не согласился съ мнѣніемъ большинства, неблагопріятнымъ для подсудимыхъ.

Въ указѣ 3 мая 1725 года сказано, что виновныхъ въ богохульствѣ, въ противныхъ словахъ про ихъ величества, ихъ высокую фамилію, въ измѣнѣ и бунтѣ, смертоубійцѣ, разбойниковъ и татей, пойманныхъ съ поличнымъ, — разспрашивать какъ злодѣевъ, и не давать имъ списковъ съ пунктовъ или челобитень. Комиссія замѣчаетъ по этому поводу: «Слѣдственно, когда списковъ давать не велѣно, то колыми паче подозрѣній на судей отъ таковыхъ подсудимыхъ принимать не должно и несвойственно, поелику сужденіе преступника почитается дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, и въ семъ случаѣ истцомъ бываетъ самъ законъ».

Учрежд. о управл. губерній 107, 108, 110 — 113; указы 29 мая 1784 г. и 28 марта 1796 г., требующіе просмотра дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ, «всякое отнимаютъ сомнѣніе въ томъ, что судимые по важнымъ уголовнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, и подлежащіе къ лишенію жизни или къ лишенію чести, или торговой казни, объявлять подозрѣній на судей не могутъ, и принимать отъ нихъ того ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ».

Радищевъ признаетъ за подсудимыми право *отводитъ судей и выбирать себѣ защитника*. Для постановленія приговора по

¹⁾ Архивъ сената, въ Петербургѣ. Дѣло 1808 года. № 9. Производство общаго собранія по дѣлу о неумышленно-убитыхъ крестьянскихъ женахъ.

уголовнымъ дѣламъ, требуетъ не абсолютнаго большинства, а по крайней мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Приводимъ мнѣніе Радищева:

— «Согласуясь со мнѣніемъ статскаго совѣтника Прянишниковъ, что для огражденія безопасности гражданской нужно дозволить при производствѣ дѣлъ уголовныхъ подавать подозрѣніе на судей, я въ дополненіе еще полагаю, чтобы во всѣхъ уголовныхъ производствахъ дозволено было подсудимому не только подавать подозрѣніе, но отвергнуть весь судъ, не приводя причинъ, для чего онъ судей отвергаетъ, и требовать быть судимы иными судьями. Правило Наказа, означенное въ статьѣ 126, мудрое и человѣколюбивое, стремится къ тому, чтобы соблудности невиннаго — не дать ему пострадать. Нужно конечно, чтобы преступникъ былъ наказанъ безъ упущенія; но нужно столько же, чтобы онъ былъ уличенъ, а еще того нужнѣе — чтобы не наказанъ былъ невинный. Можно здѣсь опереться на древнѣе правило законоученія, гласящемъ: лучше отпустить сто виновныхъ, нежели заставить пострадать одного невиннаго. Итакъ, заключаю: если дозволено въ дѣлахъ, касающихся до имѣнія или въ обидахъ гражданскихъ подавать подозрѣнія на судей; когда уже такое правило постановлено въ воинскомъ уставѣ, то еще нужнѣе, чтобы оно наблюдаемо было въ тѣхъ судопроизводствахъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни, свободѣ или чести. И дабы безопасность личная не могла пострадать, и невинность бы не потерпѣла николи, то должно постановить въ производствахъ дѣлъ уголовныхъ слѣдующія правила:

1) Судимому, или обвиняемому въ преступленіи, дозволить избрать себѣ для совѣта, кого онъ хочетъ, а если никого не имѣетъ, то такого человѣка дать ему отъ суда. Сіе тѣмъ паче дозволить можно, что и въ гражданскихъ дѣлахъ не возбранено препоручать оныя, кто кому пожелаетъ.

2) Дозволить судимому отвергнуть всѣхъ судей, которые должны были бы судить о его дѣлѣ, не сказывая причинъ, для чего онъ ихъ отвергаетъ.

3) Дозволить на избранныхъ вновь судей подавать подозрѣніе.

4) Чтобы во всѣхъ уголовныхъ приговорахъ рѣшеніе постановляемо было не по большинству голосовъ, но или единогласно, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ согласныхъ мнѣній было двѣ трети. Единогласное рѣшеніе не есть что-либо новое въ російскомъ законоученіи, ибо оно установлено было для рѣшеній правительствующаго сената. Такимъ образомъ соблюдется правило Наказа императрицы Екатерины II, статьи 127, гдѣ она изъясняется слѣдующими словами: «чтобъ онъ, то есть обвиняемый, не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ». Въ заключеніе прибавимъ еще, что, въ сходственность уложенія, гл. 21, ст. 7, можно на уголовныхъ судей производить искъ въ недружбѣ и проволочкѣ¹⁾. —

Александръ Радицевъ.

Радицевъ находился на службѣ въ комиссіи о составленіи законовъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 12 сентября 1802 года. Онъ былъ въ засѣданіяхъ комиссіи 25, 26, 27, 28 августа и 1 и 2 сентября.

Сынъ покойнаго, Николай Александровичъ, доносилъ комиссіи: «Сего 1802 года, сентября 12 дня, родитель мой, оной комиссіи членъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Радицевъ *волею Божіею* скончался».

Въ журналѣ комиссіи 16 сентября 1802 года записано: «По доношенію служащаго въ оной губернскаго секретаря Николая Радицева, коимъ показывая, что родитель его, оной комиссіи членъ, Александръ Радицевъ, сего сентября 12 дня, *бывъ боленъ*, умре» и т. д.

¹⁾ Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. У разр. Ч. II. О. II. № XLIV. Мнѣнія членовъ комиссіи по различнымъ необыкновеннымъ дѣламъ, присланнымъ изъ правительствующаго сената въ комиссію на разсужденіе, № 2 и 6.

Радищевъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Въ вѣдомости церкви Воскресенія Христова, что на Волковскомъ кладбищѣ, подъ 13 сентября 1802 года показанъ въ числѣ погребенныхъ «коллегскій совѣтникъ Александръ Радищевъ; пятидесяти лѣтъ»; умеръ *«чахоткою»*; при выносѣ былъ священникъ Василій Налимовъ¹⁾.

Но въ обществѣ ходили слухи, что Радищевъ — самоубійца. Современникъ и почитатель Радищева, литераторъ Борнъ, говоритъ: «Радищевъ умеръ, и, какъ *сказываютъ, насильственной смертію*. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостью философа, покаряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи? Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? Или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели? . . . Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости, — и сошелъ во гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи, и во гробъ сошелъ»²⁾.

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ дней и кончины Радищева, старшій сынъ его, говоритъ о покойномъ: «здоровье ему измѣнилось; онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость, и, наконецъ, къ неописанной горести семейства своего, скончался, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, имѣя отъ роду 53 года».

Пушкинъ указываетъ и причину и видъ самоубійства. Завадовскій сказалъ подружески Радищеву: «Охота тебѣ пустословить попржнему! или мало тебѣ Сибири? Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ. . . . и отравился! Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и которъй онъ самъ себѣ напороочилъ».

¹⁾ Архивъ с. петербургской духовной консисторіи. Метрическая книга объ умершихъ, за сентябрь 1802 года, погребенныхъ на Волковомъ кладбищѣ.

²⁾ Свитокъ музъ. Книжка вторая. 1803, стр. 141—142.

Младшій сынъ Радищева рассказываетъ, что Завадовскій дагь однажды почувствовать Радищеву, что его *слишкомъ восторженный образъ мыслей* можетъ навлечь ему бѣду, и «даже произнесъ слово *Сибирь*. Пораженный ли такою угрозою, или по другой какой причинѣ, онъ вдругъ сдѣлался задумчивъ. *Душевная болѣзнь* развивалась все болѣе и болѣе». Выпилъ стаканъ крѣпкой водки; пытался зарѣзаться бритвою. Ядъ дѣйствовалъ ужаснымъ образомъ. Радищевъ потребовалъ священника, который его и исповѣдовалъ. На вопросъ врача о причинѣ самоубійства, «отвѣтъ былъ продолжительный, несвязный». Врачъ сказалъ: «видно, этотъ человекъ былъ несчастный».

По смерти Радищева, бібліотека его приобрѣтена комиссіею для составленія законовъ. Комиссія купила у наслѣдниковъ Радищева книги, «нужныя для соображенія при составленіи законовъ Россійской имперіи». Изъ бібліотеки Радищева поступило въ комиссію 130 книгъ: 77 на французскомъ языкѣ и 53 на нѣмецкомъ¹⁾. Въ томъ числѣ:

Code criminel d'Angleterre. —

Examen du gouvernement d'Angleterre. —

Constitution d'Angleterre. —

Manuel de la justice de paix. —

Principes du droit naturel. —

Du contract social. —

Principes d'économie politique. —

Instituts de Tamerlan. —

Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres. —

Sur l'administration des finances de France de Necker. —

Considérations sur la puissance et la faiblesse de la Russie. —

Gesetzbuch für die preussischen staaten. —

System des preussischen civilrechts. —

---

¹⁾ Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. V разр., Ч. I, Отд. 3, № XIII.

Abhandlung über wichtige gegenstände der staatswissenschaft von Struensee. —

Schmaussens Einleitung zur staatswissenschaft. —

Sonnenfels Ueber die staatsverwaltung. —

Grundriss der finanzwissenschaft. —

Ueber den luxus. —

Klugheit vereint mit tugend oder die politik des weisens. —

Vergleichung des ältern und neuern Russlands. — и т. д.

VIII.

Смерть Радищева не прошла совершенно безслѣдно въ тогдашнемъ литературномъ кругу. Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ почтило, стихами и прозою, память писателя, преждевременно сошедшаго въ могилу. Общество это основано бывшими студентами академическаго университета или гимназiи: Попугаевымъ, Борномъ и др.; въ числѣ членовъ были: А. Е. Измайловъ, Дм. Ив. Языковъ, знаменитый впоследствии Востоковъ и др.¹⁾ Въ одной изъ рѣчей своихъ въ собранiи общества, Иванъ Мартыновичъ Борнъ, обращаясь къ своимъ сочленамъ, указываетъ на предметы, особенно достойные ихъ пера: «Друзья мои! Кто изъ васъ сообщалъ разсужденiя о разныхъ частяхъ наукъ, о философіи, морали; кто изобрѣталъ или кто собиралъ матерiи касательно лучшихъ способовъ воспитанiя дѣтей, сей первой потребности жизни; кто подавалъ свои мысли объ *урачеванiи неиметныхъ золъ человечества*, —

¹⁾ Переписка А. Х. Востокова, въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчанiями И. Срезневскаго. 1878, стр. XXXIX. Востоковъ говоритъ о вольномъ обществѣ любителей словесности: «Это общество составилось, 15 июня 1815 года, изъ шести студентовъ, выпущенныхъ изъ бывшей при академіи наукъ гимназiи. Основатели общества были: Вас. Вас. Попугаевъ, Ив. Март. Борнъ, Вас. Вас. Дмитріевъ, Алексѣй Гавр. Волковъ, Вас. Ив. Красовскій, Мих. Козм. Михайловъ». Въ краткомъ историческомъ очеркѣ общества сказано, что первую идею общества подали Попугаевъ и Борнъ (Періодическое изданіе вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804. Ч. I, стр. I).

вотъ поле, любезные друзья и сотрудники, поле обширное для вашихъ способностей и вашей ревности ко благу отечества, *ко благу всѣхъ людей*» и т. д. ¹⁾). Считаая величайшею заслугою писателя стремленіе къ общему благу, обыкновенно сопровождаемое горькими разочарованіями и жертвами, Борнъ говоритъ о Радищевѣ: «Пламенное его челоуѣколюбіе жадало озарить *всѣхъ своихъ собратьевъ*, жадало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ»....

Чертогъ сатрапскій не манитъ
 Того, кто жизни цѣну знаетъ,
 И въ цвѣтѣ юныхъ лучшихъ лѣтъ
 Стопы свои не совращаетъ
 Искать большихъ, мірскихъ суетъ....
 Кто добродѣтель лишь пріемлетъ
 Отличіемъ земныхъ властей.
Кто, силы не страшася ложной,
Дерзаетъ истину вѣщать,
 Тревожитъ спящій сонъ вельможный,
 Ихъ чорство сердце раздирать!
 Но участь правды — быть гонимой....
 ..... тамъ Сократъ,
 Мудрецъ и смертныхъ благодѣтель,
 Казненъ, а *въ ссылку* тамъ стократъ
 Пьютъ *патріоты* смерти чашу ²⁾....

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Радищева, дѣти его издали всѣ его сочиненія, *за исключеніемъ Путешествія*. Издатели говорятъ: «Вотъ *все, что осталось изъ сочиненій* челоуѣка, извѣстнаго уже публикѣ. Мы бы почли себѣ преступленіемъ, имѣя оставшіяся г. Радищева бумаги въ рукахъ своихъ, пре-

¹⁾ Периодическое изданіе общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804. Ч. I. Рѣчь на случай чрезвычайнаго собранія 15 іюля 1802 года.

²⁾ Свитокъ музъ. 1803. Книжка вторая, стр. 136—144. Борна: На смерть Радищева (къ О. Л. И.).

дать ихъ забвенію и не издать въ свѣтъ». Имена издателей не названы; но младшій сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, въ прошеніи, поданномъ императору Александру II, говоритъ: «родитель мой оставилъ сочиненія, которыя были напечатаны нами, его наследниками»¹⁾. Къ изданію не приложено біографическаго очерка, котораго тѣмъ скорѣе слѣдовало ожидать отъ людей, близкихъ къ Радищеву, что сообщенныя ими свѣдѣнія могли бы напомнить о писателѣ, такъ скоро позабытомъ и обществомъ и литературою. Кое-гдѣ еще можно было услышать разсказъ о печальной судьбѣ Радищева, но уже и въ тѣ времена многое передавалось невѣрно, было смѣшивалась съ небылицею, и собраніе точныхъ свѣдѣній представляло большія трудности. Доказательствомъ служить краткая собственноручная замѣтка митрополита Евгенія, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ и вошедшая въ его словарь русскихъ писателей.

Дорожа памятью о лицахъ, потрудившихся для русской литературы и науки, митрополитъ Евгеній счелъ нужнымъ внести и Радищева въ словарь писателей, труды которыхъ заслуживаютъ вниманія историковъ русской литературы. Въ матеріалахъ для словаря сохранилась слѣдующая замѣтка: «Радищевъ, Александръ Николаевичъ, коллежскій совѣтникъ, сочинилъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, напеч. въ С. Петербургѣ, 1790 года. Однакожъ она, за многія дерзкія и возмутительныя въ ней мѣста, конфискована была и сожжена, а сочинитель сосланъ былъ въ Казань; но по кончинѣ императрицы Екатерины II, возвращень, и жилъ въ С. Петербургѣ частно, занимаясь разными сочиненіями, до кончины своей, случившейся въ 1802 году. Собраніе его сочиненій, въ 6 частяхъ, напечатано въ Москвѣ, 1807—1811 года»²⁾.

¹⁾ Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. Москва. Первая часть издана въ 1806 году; вторая и третья — въ 1809 г.; четвертая, пятая и шестая — въ 1811 г.

²⁾ Поступившіе въ публичную бібліотеку изъ древлехранилища Погодина, рукописные Матеріалы къ словарю писателей митрополита Евгенія Т. 2.

Замѣтка Евгенія относится къ весьма давнему времени. Уже въ 1813 году словарь Евгенія отосланъ былъ въ московское общество исторіи и древностей, и съ тѣхъ поръ переходилъ изъ рукъ въ руки, перебивалъ у многихъ литераторовъ и ученыхъ, дѣлавшихъ свои замѣчанія, поправки и дополненія. Его читали и журналисты, помѣщая въ своихъ изданіяхъ извлеченія изъ него, безъ вѣдома автора и распоряжаясь его трудомъ, какъ своею собственностью. Словарь Евгенія послужилъ главнѣйшимъ источникомъ и для перваго опыта исторіи русской литературы, составленнаго Гречемъ. Но ни одинъ изъ литераторовъ, пользовавшихся трудомъ Евгенія, не обратилъ вниманія на статью о Радищевѣ, и не измѣнилъ въ ней ни единой черты. Только въ 1845 году трудъ Евгенія былъ, наконецъ, напечатанъ, и замѣтка о Радищевѣ, написанная много лѣтъ тому назадъ, появилась на страницахъ словаря въ своемъ первоначальномъ видѣ¹⁾.

Не только позднѣйшія, но и современныя Радищеву поколѣнія литераторовъ мало, повидимому, интересовались и книгою и судьбою Радищева. Члены того же общества любителей словесности, которое заявило свое уваженіе къ памяти Радищева, отзывались, при его жизни, довольно равнодушно и съ легкой ироніей о его Путешествіи. Извѣстный литераторъ того времени, Г. П. Каменевъ (1772—1803), бывшій также членомъ общества, писалъ о своемъ намѣреніи ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ: «Скоро отправлюсь я въ резиденцію царя добраго. Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Радищевъ, и мечталъ, перомъ своимъ, въ жолчи обмакнутымъ, давать уроки властямъ» и т. д.²⁾

Одинъ изъ самыхъ искреннихъ литературныхъ друзей Радищева, позабылъ о немъ въ своемъ перечнѣ русскихъ писателей, изданномъ всего черезъ пять лѣтъ послѣ «Свитка мюзъ»,

¹⁾ Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Т. V. Выпускъ I, стр. 226—227.

²⁾ Вчера и Сегодня. Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845. Книга I, стр. 63.

въ которомъ тотъ же авторъ, Ив. Март. Борнъ, оплакивалъ безвременно погибшаго друга человѣчества. Говоря, въ своемъ руководствѣ¹⁾, о произведеніяхъ русской словесности восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія, Борнъ упоминаетъ и о Карабановѣ, переводчикѣ Делиевыхъ Садовъ, и о Барковѣ, издателѣ сатиръ Кантемира, и о Львовѣ, написавшемъ стихи: къ рѣкѣ Талажнѣ, къ лирѣ, къ пѣночкѣ, и о «россійскомъ Скарронѣ» Осиповѣ, выворотившемъ наизнанку Энеиду, — о томъ самомъ Осиповѣ, который былъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу о Радищевѣ, и т. д. Но о Радищевѣ — ни полъ-слова. Положимъ, что онъ не могъ привести въ примѣръ Путешествія Радищева, какъ вещи запрещенной, когда говорилъ: «Особенный родъ путешествій, цѣлю имѣющихъ наблюденіе нравственности и степени народнаго и частнаго просвѣщенія, извѣстенъ подъ именемъ *сентиментальныхъ* путешествій». Но и когда шла рѣчь о «стихотворствѣ», т. е. о различныхъ размѣрахъ стиховъ, автору, приводившему выписки не только изъ Ломоносова и Державина, но изъ Востокова, Каменева и др., не вспомнились стихотворенія Радищева, появившіяся уже въ печати и заслужившія впоследствии похвалу перваго мастера и судьи въ области поэзіи.

Изданіе перваго опыта исторіи русской литературы, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, послужило для тогдашнихъ писателей прекраснымъ поводомъ вспомнить о своихъ предшественникахъ на литературномъ поприщѣ. Со всѣхъ сторонъ получалъ Грець указанія на разнаго рода пропуски и недомолвки. Бестужевъ, Катенинъ, Измайловъ и др. обращались къ Гречу съ вопросами. Грець едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Одни упрекали его за пропускъ *Грибоѣдова*, *Заоскина*, *Баратынскаго* и т. д. Другіе выражали сожалѣніе, что не нашли въ книгѣ Греча именъ: *Спасскаго*, ознакомившаго насъ съ зауральскою природою; *Штовскаго*, едва ли не перваго переводчика

---

¹⁾ Краткое руководство къ россійской словесности. Санктпетербургъ. 1808 года.

языкомъ человѣческимъ; *Осипова*, творца вывороченной назнанку Энеиды; *Сковороды*, сочинителя многихъ народныхъ пѣсень; *Н. И. Тургенева*, автора политическихъ сочиненій; *Кайданова*, *Кошанскаго*, и т. д. ¹⁾ Словомъ, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, искали именъ, которыми слѣдовало бы дополнить опытъ исторіи русской литературы при новомъ его изданіи. Но никто не вспомнилъ о Радищевѣ, никто не упрекнулъ Греча за пропускъ его имени. Не вспомнилъ о Радищевѣ и другъ Рылѣва Бестужевъ въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи» ²⁾. Упомянувъ о Бобровѣ, Маринѣ, Осиповѣ, Кайсаровѣ и др., Бестужевъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на Путешествіе Радищева. Невольно приходятъ на умъ слова Пушкина: «всѣ прочли книгу Радищева, и забыли ее» . . . .

Если и встрѣчается имя Радищева на страницахъ стариннаго журнала, то какъ-то неожиданно и совершенно случайно, какъ напримѣръ въ статейкѣ: «Взглядъ на русскую литературу» помѣщенной во французской газетѣ, выходившей въ Петербургѣ. Авторъ статьи упрекаетъ русскихъ писателей за то, что они чрезчуръ увлекались французскими образцами, и не хотѣли знать великихъ поэтовъ Англіи и Германіи, *несмотря на усилія Радищева и Нарѣжнаго: Malgré les efforts de Radichtcheff, de Narejène et de quelques autres, efforts qui peut-être avec le temps seront appréciés, il existait dans notre poésie jusqu'au commencement du 19 siècle une école entièrement fondée sur les principes de la littérature française* ³⁾. Сопоставленіе Радищева съ Нарѣжнымъ указываетъ какъ-бы на Путешествіе, но далѣе говорится съ упрекомъ, что стихами считались только *рифмованныя* строки, а такъ какъ Радищевъ писалъ безъ рифмъ свои сти-

¹⁾ Сынъ отечества. 1822. Часть семьдесятъ шестая, стр. 249—261.—Часть семьдесятъ седьмая, стр. 165—168.

²⁾ Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любителей и любителей русской словесности, на 1823 годъ, издаваемая А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ, стр. 1—44.

³⁾ Le Conservateur impartial. № 77, стр. 386. Variétés. Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe. Article 1er; communiqué.

хотворенія большаго объема: Бова, Пѣснь историческая и т. д., то можно бы подумать, что о Радищевѣ упоминается, какъ о стихотворцѣ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ сравнивать его съ Нарѣжнымъ? Да и какимъ образомъ Нарѣжный (род. 1780 г.) могъ измѣнить направленіе нашей литературы въ *восемнадцатомъ столѣтіи* . . . .

Среди всеобщаго равнодушія къ Радищеву и его литературной дѣятельности, раздался только одинъ голосъ, напомнившій о забытомъ писателѣ. Но это былъ голосъ Пушкина. Пушкинъ, можно сказать, открылъ Радищева и для своихъ современниковъ и для русской литературы вообще. Чтобы оцѣнить заслугу Пушкина въ этомъ отношеніи, надо посмотрѣть прямыми глазами и на самого Пушкина, какъ писателя, и на открытаго имъ Радищева, отдѣливъ, въ сужденіяхъ Пушкина о Радищевѣ, существенныя, основныя черты отъ всего того, что навѣяно злобою дня.

Не встрѣчая имени Радищева ни въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча, ни въ статьѣ Бестужева: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», Пушкинъ писалъ Бестужеву: «Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ ни хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ. Покажишь жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о *русской словесности* забыть *Радищева*? *Кого же мы будемъ помнить?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни *Гречу*: я отъ тебя его не ожидалъ»¹⁾.

Но Пушкинъ не ограничился упреками и совѣтами. Онъ самъ извлекъ книгу Радищева изъ забвенія, на которое она была осуждена, и воспроизвелъ ее, отчасти при другомъ освѣщеніи, въ рядѣ живыхъ очерковъ, напоминающихъ опальнаго писателя временъ Екатерины. Пушкинъ оцѣнилъ въ Радищевѣ литературное чутье, выразившееся въ вѣрномъ выборѣ предметовъ, составляющихъ главное содержаніе книги. Въ своихъ «Мысляхъ на дорогѣ»

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Т. VII, стр. 162.

Пушкинъ говоритъ о *тѣхъ же самыхъ предметахъ*, которые въ такихъ яркихъ чертахъ изображены Радищевымъ въ его Путешествіи.

Статья Пушкина о Радищевѣ, предназначавшаяся для Современника, служитъ также своего рода доказательствомъ, что Пушкинъ признавалъ Радищева крупною литературною величиною, съ которою можно и должно считаться, и забывать о которомъ не слѣдуетъ занимающимся исторіею русской литературы. Многочисленныя и пространныя выписки изъ Путешествія Радищева, сдѣланныя Пушкинымъ и въ «Мысляхъ на дорогѣ» и въ статьѣ о Радищевѣ, свидѣлствуютъ самымъ нагляднымъ образомъ о желаніи Пушкина познакомить современное ему общество съ произведеніемъ писателя, несправедливо преданнаго забвенію.

Указывая недостатки Радищева, какъ писателя, Пушкинъ выставляетъ и свѣтлыя стороны, и передъ вами является сочувственный образъ человѣка, совершенно чуждаго какихъ-либо расчетовъ и неспособнаго мириться со зломъ, господствовавшимъ въ общественной жизни. При всей строгости своего приговора, Пушкинъ признаетъ въ Радищевѣ искренность, *честность* убѣжденій и *рыцарскую совѣстливость*; называетъ *замѣчательными* его *изученія* въ области русской литературы, и т. д. Въ основномъ содержаніи книги Радищева — въ изображеніи быта и несчастій крѣпостныхъ крестьянъ Пушкинъ видитъ сущую правду, и не только соглашается съ Радищевымъ во многихъ случаяхъ, но и подтверждаетъ его свидѣтельство своими личными наблюденіями. Приводимъ подлинныя слова Пушкина:

— «Человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины! У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. . . . Не можемъ не признать въ немъ преступника съ духомъ необыкновеннымъ, политическаго

фанатика, дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію» ¹⁾).

Самопожертвованіе Радищева, искренняго и восторженнаго поборника свободы, производило сильное впечатлѣніе на поэтическую душу Пушкина. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего говоритъ замѣчательный варіантъ въ стихотвореніи «Памятникъ»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ;
 Что *вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу*,
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Въ окончательной редакціи третій стихъ читается такъ: «Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу» ²⁾).

— «Радищевъ, будучи нововодителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахидаы замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: *Осмадцатое столтіе, Сафическія строфы*, басню или, вѣрнѣе, элегію: *Журавли*, — все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ «Тверь» помѣщена его извѣстная ода *на волюность*: въ ней много сильныхъ стиховъ». —

— «Радищевъ, въ главѣ: «Черная Грязь», говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни. Неволя браковъ — давнее зло» и т. д.

Въ главѣ «Мѣдное» Пушкинъ, приведа изъ Путешествія выписку о продажѣ крестьянъ съ молотка (стр. 341—342), говоритъ: «Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она *правдоподобна*. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ,

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 347—348.

²⁾ Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235 и приложенное fac-simile рукописи «Памятника» Пушкина.

но *искреннихъ* мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ *соглашаются* поневоле».

— «Радицевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народъ къ рекрутству» и т. д.

— «Въ Вышнемъ-Волочкѣ Радицевъ любитъ шлюзами, и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку руководѣльную, и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній — корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуется состояніе русскаго земледѣльца... (Путешествіе, стр. 268—275). Помѣщикъ, описанный Радицевымъ, привелъ мнѣ на память другаго, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію. Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Приучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ ностепенно ихъ обогатить, возвратитъ имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара».

Возражая Радицеву, Пушкинъ, въ приемахъ своихъ, остается вѣренъ литературному преданію, идущему со временъ Болтина. Подобно Болтину, онъ сопоставляетъ явленія русской жизни съ тѣмъ, что происходитъ въ западной Европѣ. Судьбу русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ Радицевъ сравниваетъ съ горькою участію африканскихъ невольниковъ. Пушкинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волосы встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное

варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ»... Соглашаясь съ Радицевымъ, что рекрутскій наборъ — самая тягчайшая изъ повинностей народа, Пушкинъ указываетъ на то, что не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, наборъ «влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи. Прусское landwehr возбуждаетъ ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятійхъ всей Франціи», и т. д. ¹⁾.

Пушкину не нравились въ книгѣ Радицева ея «надутый, жеманный» слогъ и пестрая смѣсь скептицизма, филантропіи и цинизма, заимствованныхъ изъ иностранныхъ источниковъ. Но подобные недостатки въ книгѣ Радицева замѣчаемы были даже самыми ревностными ея защитниками, желавшими выставить на видъ преимущественно ея достоинства, а отнюдь не ея слабыя стороны. При всемъ сочувствіи къ Радицеву и его произведенію, Искандеръ сдѣлалъ такую оговорку: «тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала въ французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго романтизма — устарѣло для насъ» и т. п.

Въ статьѣ Пушкина о Радицевѣ замѣтны довольно-ясные слѣды того непривычнаго положенія, въ которомъ находились наши писатели, когда имъ случалось говорить о вопросахъ общественныхъ. По тогдашнимъ условіямъ печати, весьма рѣдко поднимались въ ней подобные вопросы, а вслѣдствіе этого писатели, пользуясь представившимся случаемъ, высказывали то, что накопилось у нихъ на душѣ, и дѣлали разнаго рода обобщенія. Къ числу подобныхъ обобщеній принадлежатъ и слѣдующія строки, обращенныя только по внѣшней формѣ лично къ Радицеву: «Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 192—225.

своимъ горькимъ злорѣчьемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? . . . Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна» и т. д. ¹⁾ Пушкинъ совершенно правъ въ томъ отношеніи, что для умовъ серьезныхъ, для истинныхъ друзей человѣчества и свободы, нѣтъ ничего дороже «просто-полезнаго», и нѣтъ ничего противнѣе безцѣльнаго шума и соблазна. Но о Радищевѣ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ упорно избѣгалъ «просто-полезнаго» въ своей литературной и общественной дѣятельности. Упреки въ умышленномъ противодѣйствіи правительству едва ли справедливы по отношенію къ Радищеву. Напрѣтивъ того, есть весьма вѣскія свидѣтельства, что онъ, и словомъ и дѣломъ, пытался оказать правительственной власти свое посылное содѣйствіе. Сохранилось извѣстіе, заимствованное, какъ утверждаютъ, изъ «совершенно-достовернаго источника», о такого рода проектѣ Радищева. Сознывая необходимость въ строгомъ и неподкупномъ контролѣ за дѣйствіями судовъ и чиновниковъ, потворствующихъ неправдѣ, Радищевъ «предлагалъ учредить тайное общество, котораго члены были бы обязаны слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія, и въ случаѣ надобности доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства» ²⁾. Самъ Радищевъ говорилъ, что если бы книга его вышла гдѣ за десять или за пятнадцать до Французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, могъ бы разсчитывать на награду, потому что въ книгѣ его есть полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству ³⁾. Прямой отвѣтъ на вопросы, по-

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 352—353.

²⁾ Библиографическія Записки. Томъ II, стр. 541—542.

³⁾ Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая, стр. 425.

ставленные Пушкинымъ, находится въ книгѣ Радищева. Въ ней авторъ ясно и опредѣленно указываетъ, что величайшее благо, которое верховная власть можетъ сотворить, есть освобожденіе крестьянъ, и представляетъ весьма разумный и дѣльный способъ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Не вина Радищева, если ни правительство, ни умные помѣщики не пожелали воспользоваться его указами. А что было чѣмъ воспользоваться, это признало само правительство, какъ только разсѣлся страхъ, навѣянный французскою революціею. По свидѣтельству Пушкина, императоръ Александръ обратилъ вниманіе на Радищева, какъ на *сочинителя Путешествія*, и замѣтивъ въ немъ отвращеніе отъ злоупотребленій и благонамѣренные виды, призвалъ его содѣйствовать правительству трудами своими въ законодательной комиссіи.

Статья о Радищевѣ предназначена была для журнала: «Современникъ». Предпринявъ повременное изданіе, Пушкинъ очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ отбиваться отъ нападений и нареканій враждебной литературной партіи; съ другой стороны, ему надо было ограждать свое изданіе отъ придирокъ цензуры, черезчуръ зорко слѣдившей за «журнальными замыслами».

Выступивъ на поприще журналистики, и отстаивая за своимъ журналомъ право за существованіе, Пушкинъ вынужденъ былъ бороться противъ опасной монополіи. Во всякой борьбѣ неизбежна нѣкоторая доля страстности, и въ статьяхъ, хотя бы и о далекомъ прошломъ, но писанныхъ въ разгарѣ полемики, всегда отзывается, такъ или иначе, раздраженіе настоящей минуты. И внутренний смыслъ, и даже тонъ нападокъ на Радищева показываютъ, что не всѣ они направлены по его адресу, и что за Радищевымъ скрывается, въ иныхъ случаяхъ, другое лицо. Изъ-за Радищева, къ которому такъ часто обращалась мысль Пушкина, виднѣлись ему въ туманной дали ненавистныя черты Полеваго, уронившаго себя въ глазахъ Пушкина и загробившаго враждою къ Карамзину и журнальною дружбою къ Булгарину. Статья

о Радищевѣ и его Путешествіи должна быть разсматриваема въ связи съ статьями о Полевомъ и объ его Исторіи русскаго народа. Въ Радищевѣ — говоритъ Пушкинъ — отразилась вся французская философія его вѣка, взгляды Вольтера, Руссо, Дидро, Рейналя, но все «въ нескладномъ и искаженномъ видѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣбое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему» и т. д. Указанные Пушкинымъ признаки полупросвѣщенія только примѣнены къ Радищеву, а списаны они съ другаго, болѣе современнаго образца. Отзывы Пушкина о Полевомъ въ такомъ родѣ: «Г. Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неопита. Онъ очень забавно пародировалъ Гизо и Тьерри. Въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою — первый признакъ ума просвѣщеннаго; позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г. Полевой — никакого» и т. д. ¹⁾ При этомъ невольно вспоминаются слова другаго противника Полеваго, князя Вяземскаго: «Смѣшно, когда русскій историкъ передразниваетъ наобумъ, наугадъ понятія, соображенія и языкъ Гизо или Тьерра; когда онъ кроить нашу исторію по чужимъ вырѣзкамъ, привыкнувъ въ званіи своемъ журналиста одѣвать насъ по парижскимъ покроямъ» и т. д. ²⁾ Самъ Пушкинъ даетъ ключъ къ пониманію того взгляда на Радищева,

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Томъ V, стр. 81, 95, 83, 116, 79, 80.

²⁾ Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. 1879. Томъ II, стр. 164.

который сложился у нашего поэта подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній. Въ высшей степени замѣчательны слова, зачеркнутыя Пушкинымъ въ рукописи и относящіяся къ Радищеву: «отымите у него *честность*, въ остаткѣ будетъ Полевой» ¹⁾).

При оцѣнкѣ статьи Пушкина, не слѣдуетъ забывать и о томъ обстоятельствѣ, что авторъ находился на ту пору подъ двойною, и, пожалуй, даже подъ тройною цензурою. Чтобы добиться возможности напечатать «въ его жестокой вѣкѣ» статью о государственномъ преступникѣ, съ выписками изъ книги, за которую онъ приговоренъ къ смертной казни, Пушкину надо было какъ можно ярче выставить свое неодобреніе поступку Радищева, и отклонить всякое подозрѣніе въ своемъ политическомъ единомысліи съ человѣкомъ, въ которомъ онъ признавалъ и необыкновенную силу духа и рыцарскую совѣстливость. Пушкинъ предвидѣлъ затрудненія, угрожавшія ему со стороны цензуры, но не въ силахъ былъ отклонить ихъ. Цензура не пропустила статьи Пушкина, какъ онъ ни «перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ».

По разсмотрѣніи рукописи Пушкина, с.-петербургскій цензурный комитетъ препроводилъ ее, въ августѣ 1836 года, въ главное управленіе цензуры при слѣдующемъ представленіи:

— «Г. цензоръ Крыловъ донесъ с.-петербургскому цензурному комитету, что на разсмотрѣніе его поступила статья для періодическаго изданія — Современникъ, подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, съ эпитафюмъ: «il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu». — Статья сія напоминаетъ о лицѣ и происшествіи временъ императрицы Екатерины II-й. Радищевъ, посланный на счетъ правительства для усовершенствованія себя въ иностранныхъ университетахъ, возвратился въ Россію, напивавшись, какъ и другіе сверстники его, философіею своего вѣка. По вступленіи въ службу, онъ напечаталъ въ домашней типографіи возмутительное сочиненіе: *Попытка въ Москву*, и по повелѣнію императрицы былъ сосланъ въ Сибирь.

¹⁾ Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235.

Императоръ Павелъ I-й приказалъ его возвратить, а Александръ I-й соизволилъ и на принятіе въ службу, по комиссіи составленія законовъ. Не смотря на то, Радищевъ повторилъ старыя идеи свои въ одномъ проектѣ, котораго составленіе было ему поручено съ высочайшаго повелѣнія. Графъ З. сдѣлалъ, по сему случаю, замѣчанія, и уstraшенный Радищевъ отравилъ себя ядомъ. Жизнь Радищева политическая и литературная составляетъ содержаніе статьи, назначаемой для періодическаго изданія — *Современникъ*; въ ней предполагается помѣстить и два отрывка изъ его сочиненій: одинъ въ стихахъ, заимствованный изъ сочиненій, напечатанныхъ въ 1807 году, съ позволенія правительства; другой въ прозѣ, подъ заглавіемъ: *Клики*, взятъ изъ упомянутой *Повѣдки изъ Москвы*, но въ отдѣльности не заключаетъ однакожъ мыслей, не позволительныхъ по правиламъ цензуры. Не зная, въ какой степени можетъ быть допущено въ періодическомъ изданіи возобновленіе свѣдѣній *о такомъ лицѣ и происшествіи, которому, въ наше время, есть еще многіе современники*, г. цензоръ представилъ статью сію на разрѣшеніе комитета. Комитетъ, по уваженію причинъ, затруднявшихъ г. цензора Крылова одобрить статью о Радищевѣ къ напечатанію, призналъ себя не въ правѣ пропустить ее безъ разрѣшенія высшаго начальства.

Вслѣдствіе сего имѣю честь представить оную на благо-смотрѣніе главнаго управленія цензуры. —

Министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, написалъ на представленіи цензурнаго комитета: «Статья (сама?) по себѣ недурна, и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія» ¹⁾.

¹⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи главнаго управленія цензуры. 1836 года. № 72/1081. Представленіе цензурнаго комитета 24 августа 1836 г. Отвѣтъ министра 26 августа 1836 г.

Въ 1840 году, когда печаталось посмертное собраніе сочиненій Пушкина, статья о Радищевѣ была снова представлена въ цензуру, и на этотъ разъ уже непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Тотъ же министръ, С. С. Уваровъ, писалъ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа: «Г. цензоръ Никитенко представилъ мнѣ на усмотрѣніе статью подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, предполагаемую въ трѣтій томъ *Сочиненій Пушкина, собранныхъ послѣ его смерти*. По разсмотрѣніи этой статьи, я нахожу, что она *по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ* къ напечатанію допущена быть не можетъ, и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея» ¹⁾).

Только въ 1857 году, слѣдовательно спустя болѣе двадцати лѣтъ по написаніи, появилась наконецъ въ печати статья Пушкина: *Александръ Радищевъ*. Она помѣщена въ седьмомъ, дополнительномъ, томѣ *Сочиненій Пушкина*, изданныхъ П. В. Анненковымъ.

Разсмотрѣніе статьи Пушкина, какъ и всего дополнительнаго тома его сочиненій, поручено было одному изъ первостепенныхъ писателей нашихъ, пользующихся общимъ уваженіемъ и по силѣ своего таланта и по своей образованности и благородному образу мыслей,—Ивану Александровичу Гончарову. Такое порученіе дано было И. А. Гончарову вслѣдствіе его служебнаго положенія: онъ занималъ въ то время должность цензора. Въ донесеніи своемъ цензурному комитету И. А. Гончаровъ говоритъ:

«Въ статьѣ *Александръ Радищевъ* (стр. 67 по 97) представляется полный очеркъ извѣстнаго вольнодумца временъ Екатерины II, автора книги: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, за которую онъ былъ сосланъ въ Сибирь, потомъ возвращенъ.

---

¹⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія по главному управленію цензуры. 1840 года. № 50. Отношеніе министра попечителю, 9 марта 1840 года.

Пушкинъ описываетъ вступленіе его въ существовавшее тогда общество мартинистовъ, ихъ духъ и направленіе. Образъ мыслей того времени, воспитаніе, лица, — все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашей современности, и можетъ развѣ только послужить матеріаломъ будущему историкъ нравовъ той эпохи, а потому вся статья могла бы быть безъ всякаго вреда напечатана, какъ любопытный историческій эскизъ и т. д. Сдѣлавши общій обзоръ содержанія седьмага тома сочиненій Пушкина, И. А. Гончаровъ приходитъ къ такому выводу: «Принимая въ соображеніе, что со времени кончины Пушкина прошло двадцать лѣтъ, и эпоха его дѣятельности, относительно современнаго литературнаго движенія, можетъ считаться минувшею, и — что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени, составить исключеніе противу другихъ писателей, я полагаю бы испросить разрѣшеніе главнаго управленія цензуры на одобреніе седьмага тома сочиненій Пушкина въ печать *безъ всякихъ измѣненій*».

Въ такомъ же духѣ высказался и другой писатель, исполнявшій въ то время должность чиновника особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, Николай Ѳедоровичъ Щербина. Въ запискѣ, которую Н. Ѳ. Щербина представилъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, князю Петру Андреевичу Вяземскому, говорится слѣдующее:

«При чтеніи рукописи VII-го (дополнительнаго) тома сочиненій Пушкина, издаваемыхъ П. В. Анненковымъ, представляются, въ цензурномъ отношеніи, слѣдующія общія соображенія:

а) Такъ какъ эти произведенія принадлежатъ перу великаго русскаго національнаго поэта, а великіе писатели наши имѣли счастье быть постоянно подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти въ государствѣ, то цензура къ таковымъ сочиненіямъ должна относиться *стисходительно*, чѣмъ къ произведеніямъ писателей меньшаго значенія и извѣстности, принявъ въ соображеніе то, что нѣкоторыя творенія Пушкина, Гоголя,

комедія Грибоѣдова, удостоились быть напечатанными съ монаршаго соизволенія и одобренія, тогда какъ обыкновенная цензура не рѣшалась дозволить ихъ къ напечатанію.

б) Такъ какъ въ этой рукописи находятся пьесы, представляющія какъ-бы нѣкоторыя цензурныя сомнѣнія, и пьесы, до сихъ поръ ни разу еще не напечатанныя, содержаніе которыхъ отчасти выходитъ изъ уровня обыкновенно дозволяемыхъ къ печати сочиненій, то, въ подобномъ случаѣ, неизлишне соображаться и съ тою мыслію, что произведенія, сохраняемые какъ-бы въ тайнѣ, пользуются своего рода привлекательностію и обожаніемъ, съ жадностію переписываются, останавливаютъ на себѣ гораздо большее вниманіе, и возбуждаютъ толки; между тѣмъ какъ эти же произведенія, явившись въ печати, дѣлаются обыкновенными, лишаются прежняго вниманія, и какъ-бы профанируются печатью.

в) Замѣчено, что сочиненія великаго національнаго писателя, долгое время не являвшіяся въ печати, и дозволенные къ ней правительствомъ, пріобрѣтаютъ къ нему еще большую искреннюю любовь всѣхъ и cadaго. Кромѣ того, изъ читающей публики, самый строгій и придирчивый, въ цензурномъ отношеніи, ригористъ, читая подобныя произведенія любимаго поэта, составляющаго національную славу, какъ-бы подкупленный сердцемъ и патриотическимъ чувствомъ, не можетъ видѣть ничего хоть сколько-нибудь предосудительнаго въ дозволенныхъ къ изданію посмертныхъ твореніяхъ поэта.

г) Въ пьесахъ этой рукописи, даже въ самой большей степени представляющихъ цензурныя сомнѣнія и затрудненія, нѣтъ новыхъ, невѣдомыхъ доселѣ, идей для мыслящаго и стоящаго на высшей ступени образованности читателя, а для большинства читающей публики *содержаніе ихъ чуждо*, не остановитъ на себѣ ея вниманія, и не возбудитъ никакихъ толковъ, — а это-то большинство и должна брать цензура въ соображеніе.

е) Всякая пьеса великаго національнаго поэта и даже, нѣкоторымъ образомъ, всякая строка его составляютъ какъ бы ду-

ховный капиталъ народа и государства, и служить къ объясненію и къ большому уразумѣнію личности великаго поэта, такъ дорогаго сердцу каждаго русскаго,—что необходимо взять цензурѣ въ соображеніе»¹⁾).

Статья Пушкина о Радищевѣ, впервые появившаяся въ печати, произвела большое впечатлѣніе. Она возбудила интересъ къ Радищеву, къ его судьбѣ, къ его литературной и общественной дѣятельности. Съ легкой руки Пушкина, начали появляться, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, статьи и замѣтки о жизни и сочиненіяхъ Радищева. Въ литературныхъ кругахъ заговорили объ изданіи сочиненій Радищева, и преимущественно его Путешествія и т. д.

Первое изданіе Путешествія напечатано самимъ Радищевымъ, въ его домовой типографіи, подъ такимъ заглавіемъ:

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

«Чуднѣе обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй».
Тилемахида. Томъ II. Кн. XVIII, сти. 514.

1790.

Въ Санктпетербургѣ.

На послѣдней, 453-й, страницѣ книги, внизу напечатано:
«Съ дозволенія Управы Благочинія».

Любопытно, что книгу Радищева набирали и печатали крѣ-

¹⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія по главному управленію цензуры. 1857 года. № 98. — Донесеніе И. А. Гончарова, 6 апрѣля 1857 года. — Докладная записка Н. Ѳ. Щербины, 23 мая 1857 года.

постные крестьяне автора и таможенные надсмотрщики, служившіе у него подъ начальствомъ.

Такъ какъ судъ постановилъ истребить книгу Радищева, и ее разыскивали и отбирали, то уцѣлѣвшіе экземпляры сдѣлались библиографическою рѣдкостью.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ статьи Пушкина о Радищевѣ появилось второе изданіе Путешествія. Оно напечатано въ Лондонѣ, въ 1858 году. Издатели нисколько не заботились о точномъ воспроизведеніи подлинника. Желая сдѣлать книгу удобочитаемою, они *подновляли* слогъ, сглаживали шероховатости, измѣняли порядокъ словъ, выпускали цѣлыя фразы, вмѣсто однихъ словъ ставили другія и т. п. Отъ подобныхъ перемѣнъ измѣняется иногда и самый смыслъ сказаннаго Радищевымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, наглядно знакомящихъ съ приемами лондонскаго изданія Путешествія Радищева:

Первое изданіе, 1790 г.

Дорогой мой затюшка ходитъ повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованія бросилъ въ огонь. *Кости изъ вѣсѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ*, но уже поздно. *Сросшихся твоихъ накриво составовъ тѣмъ не спрямитъ*. — *Плачь, мой любезный зять, плачь. Мать наша, слѣдуя плачевной и смертію разрывающихся отъ бремени женъ означенной модѣ*, уготовала за многія *лѣта* тебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе.. (стр. 214).

Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго

Второе изданіе, 1858 г.

Дорогой мой затюшко ходитъ повѣся носъ. Всѣ твои шнурованія бросилъ въ огонь, *есть кости изъ платьевъ твоихъ повытаскивалъ*; но уже поздно. *Криво сросшихся твоихъ составовъ тѣмъ не спрямишь*. *Плачь, мой любезный зять! Плачь мать наша, слѣдуя плачевной модѣ, означенной смертію разрывающихся отъ бремени женъ; она уготовала тебѣ на многія лѣта* печаль, дочери твоей болѣзнь, а дѣтямъ слабое тѣлосложеніе. . . . (стр. 212).

Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго

состоянія, въ которомъ *оное* нынѣ находится; видя науки, искусства и рукодѣлія, возведенныя до высочайшійя совершенства степени, до коей человѣку достигнута дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, *волью распростирая* свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и надежнымъ нынѣ сталъ стражею общественныхъ законоположеній; подъ державнымъ его покровомъ, *свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко Всевышнему Творцу возсылаемыхъ*;— съ неизреченнымъ радованіемъ *сказати можемъ* (можемъ?), что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо *сложеніе ево* не на предразсудкахъ и *суетрїяхъ* основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ. . . . Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществвахъ, *отземлютъ корень даже гражданскіихъ несогласій*. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы *верховныя* власти, *яко* велѣнія нѣжныхъ родителей *къ своимъ чадамъ*, предупреждаетъ *даже и* безхитростныя злодѣя-

состоянія, въ которомъ *оно* нынѣ находится; видя науки, искусства и рукодѣлія, возведенныя до высочайшей степени совершенства, до коей человѣку достигнута дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, *распростирая* свободно свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и сталъ нынѣ надежнымъ стражею общественныхъ законоположеній, *и что* подъ державнымъ его покровомъ *сердце наше* свободно возсылаетъ молитвы ко Всевышнему Творцу: съ неизреченнымъ радованіемъ *сказать можемъ*, что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо *оно* не на предразсудкахъ и *суетрїи* основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ. . . . Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществвахъ *истребляютъ даже гражданскія несогласія*. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы *верховой* власти, *какъ* велѣнія нѣжныхъ родителей *своимъ чадамъ*, предупреждаетъ *и* безхитростныя злодѣянія. . . . Звѣрскій обычай поработать

нія... Звѣрскій обычай пора- бощать *себя подобнаго* чело- вѣка, знаменующій *сердце ока- менѣлое и души отсутствіе со- вершенное*, простерся *на лицѣ земли* быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именовъ и дѣлами словуты въ ко- лѣнахъ земнородныхъ, поражен- ные *невъжества мракомъ*, вос- спріяли *обычай сей*, и ко стыду нашему, *ко стыду прошедихъ от- ковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія*, сохранили его не- рушимо даже до сего дня... (стр. 236—239).

Правильныя черты лица *его знаменовами души его спокой- ствіе*, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *безмятежнаго* удовольствія, *незлобіемъ раж- даемаго*, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь *премьщающимъ*. Взоры его, ког- да я *вошелъ* въ ту комнату, гдѣ онъ *сидѣлъ*, были *устремле- ны* на двухъ *его сыновей*. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица *незыбки*, являли на- чатки души неробкой и непоко- лебимости въ предпріятіяхъ... (стр. 157—158).

Пріявъ васъ *даже* отъ чрева ма- терня *въ объятія мои*, не восхо-

подобнаго себя челоуѣка, зна- менующій *окаменѣлое сердце и совершенное отсутствіе души*, простерся *по лицу земли* быстро- течно, широко и далеко; и мы, сыны славы, мы, именовъ и дѣ- лами словуты въ колѣнахъ зем- нородныхъ, пораженные *мра- комъ невольчества*, восприяли *сей обычай*; и къ стыду нашему, *къ стыду сего времени*, сохра- няли его нерушимо даже до сего дня... (стр. 222—223).

Правильныя черты лица *по- казывали душевное его спокой- ствіе*, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *кроткаго* удо- вольствія, *раждаемаго незло- біемъ*, изрыла ланиты его ям- ками, въ женщинахъ столь *пре- лестными*. Взоры его, когда *вошелъ* я въ ту комнату, гдѣ *сидѣлъ* онъ, *устремлены* были на двухъ *сыновей его*. Въ стар- шемъ взоры были тверды, черты лица являли начатки души не- робкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ... (стр. 184).

Пріявъ васъ отъ чрева ма- терня *въ свои объятія*, не восхо-

хотѣлъ николи, чтобы кто-либо былъ *рачителемъ* въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалась тѣлеси вашего, и никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око *моея* горячности бдѣло надъ вами *демонночно*, да не приблизится васъ оскорбленіе, и блаженъ *нарицаюся*, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобы я хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе, или же *признаніе*, *хотя слабое*, ради васъ мною *содѣланнаго*. *Вождаемъ* собственныя *корысти побужденіемъ*, *предпріемлемое* на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное мое утѣшеніе. Итакъ, *изжемите изъ мыслей вашихъ*, что *вы есте подѣ властію моею*. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, *хочу искати* твердости союза нашего. Онъ *оснуется* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если его въ забвеніи оставите!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителю союза *нашей дружбы*, *поженеть* его въ сокровенности

тѣлъ николи, что былъ кто *родителемъ* въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалась тѣлеси вашего; никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око *моей* горячности бдѣло надъ вами *демонночно*, да не приблизится васъ оскорбленіе; и блаженъ *нарицается*, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобъ хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ *благодарность* за мое о васъ попеченіе или *хотя слабое признаніе* мною для васъ *сдѣланнаго*. *Предпрінимаемое* на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное мнѣ утѣшеніе. Итакъ, *не думайте*, что *вы подѣ властію моею*. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, *хочу искати* твердости союза нашего. Онъ *основанъ* *будеть* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если вы его забудете!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителя союза *дружбы нашей*, *будеть терзать* его въ сокровенности, и устроить ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, *вы не*

ею, и устройтъ ему казнь не- *должны мнѣ ничѣмъ.* Воззрите
 сносную, дондеже не возвра- *на меня, какъ на странника и*
 тится къ союзу. Еще вѣщаю *пришельца, и если сердце ваше*
 вамъ, *вы мнѣ ничѣмъ не должны.* *ощутитъ нѣжную ко мнѣ на-*
 Воззрите на меня, яко на стран- *клонность,* то проживемъ въ
 ника и пришельца, и *если сердце* *дружбѣ — въ семь величайшемъ*
ваше ко мнѣ ощутитъ нѣжную *на землѣ* благоденствіи. Если
нѣжную склонность, то пожи- *же оно не почувствуетъ ничего,*
 вемъ въ дружбѣ — въ семь *то забудемъ другъ-друга, какъ*
наивеличайшемъ на землѣ бла- *будто мы не родились.....*
 годенствіи. Если же оно безъ *(стр. 185—186).*
ощущенія пребудетъ, да забвени
будемъ другъ-друга, якоже намъ
не родитися..... (стр. 160 —
 161).

Различіе между подлинникомъ Радищева и лондонскимъ изданіемъ послужило отчасти причиною того разногласія, которое встрѣчается въ отзывахъ о предметѣ, самомъ, повидимому, безспорномъ. Одни находятъ, что слогъ Радищева утомителенъ по своей напыщенности, по длинотѣ періодовъ и *по изобилію устарѣлыхъ словъ и оборотовъ.* Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что книга Радищева написана слогомъ довольно живымъ, который *даже и для нашего времени весьма мало устарѣлъ,* особенно если сравнить книгу Радищева съ другими произведеніями нашей литературы прошлаго столѣтія. Такое противорѣчіе объясняется всего проще тѣмъ, что одни читали книгу Радищева въ подлинникѣ, а другіе — въ ея лондонской передѣлкѣ.

Третье изданіе Путешествія, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Радищева, предпринимаемо было въ 1860 году, въ Россіи, а не за границей. 9 августа 1860 года, сынъ автора Путешествія, Павелъ Александровичъ Радищевъ, обратился къ императору Александру II съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ:

— Всемиловѣйшій Государь!

Родитель мой, Александръ Николаевичъ Радищевъ, оставилъ послѣ себя сочиненія, которыя были напечатаны нами, его наслѣдниками, въ 1807, 1809 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, но въ 1812 году, во время нашествія непріятели, были истреблены пожаромъ, и мы не могли воспользоваться ихъ изданіемъ, и съ тѣхъ поръ они не были перепечатаны.

Книга его: *Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву*, въ 1790 году напечатанная, и подвергшаяся запрещенію, нынѣ напечатана за границею, и, съ распространеніемъ русскаго языка, пользуется европейскою извѣстностію, какъ произведеніе русскаго, предупредившаго свой вѣкъ, и котораго главныя идеи впоследствии осуществились. Многіе изъ нея отрывки и цѣлая глава *Клинъ* уже появились въ Россіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но все это сочиненіе, высоко цѣнимое, до сихъ поръ не имѣетъ права гражданственности въ отечествѣ автора.

Всемиловѣйшій Государь! Осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество о разрѣшеніи цензурному комитету принять отъ меня къ разсмотрѣнію означенное *Путешествіе*, и что онъ найдетъ не противнымъ даннымъ ему правиламъ, дозволить мнѣ напечатать. И какъ всѣ эти сочиненія еще въ продажѣ не были, мнѣ, какъ единственному законному наслѣднику Радищева, благоволите даровать на нихъ привилегію на двадцать пять лѣтъ.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанный

Павель Радищевъ. —

Прошеніе Радищева было препровождено въ главное управленіе цензуры. Узнавши о томъ, что цензурное вѣдомство встрѣчаетъ препятствія къ напечатанію Путешествія, П. А. Радищевъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Пет-

ровичу Ковалевскому, 24 ноября 1860 года: «Прошеніе мое состоятъ не въ томъ именно, чтобъ позволить напечатать эту книгу, а чтобъ это дозволеніе дать только на тѣ статьи *въ представленной мною съ сокращеніями копіи съ этой книги*, которыя будутъ цензурою найдены позволительными, каковы, какъ я полагаю, кромѣ напечатанной неоднократно *Книжъ*, статьи: *Едрово, Крестны, Вытѣздъ, Посвященіе* сочинителя, *Валдай, Слово о Ломоносовѣ*. Статьи: *Любани, Зайцово, Вышній Волочекъ, Хотилово, Млѣдное, Городня, Пешки, Черная Грязь*, относятся къ быту крестьянскому — современному вопросу, о которомъ было такъ много писано въ журналахъ и особыхъ сочиненіяхъ. Статья *Млѣдное* была напечатана, почти вся, въ 1858 или 1859 году, въ одномъ журналѣ. Благоволите обратить вниманіе на эти статьи, особливо на семь первыхъ, и, по крайней мѣрѣ въ видѣ отрывковъ, позволить представить въ цензуру для присоединенія къ прочимъ сочиненіямъ А. Радищева».

Главное управленіе цензуры признало несвоевременнымъ изданіе въ свѣтъ Путешествія Радищева.

Въ 1865 году тотъ же сынъ Радищева ходатайствовалъ о напечатаніи Путешествія, и также безуспѣшно. Онъ представилъ и біографію Александра Николаевича Радищева, не обозначивъ имени ея автора; но, по ея восторженному тону, полагали тогда, что авторомъ ея былъ не кто другой, а самъ сынъ Радищева, представившій ее въ цензуру. Въ біографіи были изложены разныя подробности слѣдствія, суда, ссылки и помилованія Радищева. Хотя, по существовавшимъ тогда постановленіямъ о печати, Радищевъ могъ напечатать сочиненія своего отца и безъ предварительной цензуры, но онъ очевидно желалъ заручиться дозволеніемъ со стороны цензурнаго вѣдомства. Главное управленіе по дѣламъ печати не взяло однакоже на себя отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что надъ книгою Радищева тяготѣло запрещеніе уголовнаго суда, утвержденное верховною властію.

Въ 1867 году петербургскій книгопродавецъ Шягинъ напеча-

такъ, подъ именемъ Путешествія, не подлинный текстъ Путешествія, а извлеченіе изъ него, съ большими пропусками. Обращаясь въ цензурный комитетъ, Шигинъ заявилъ, что имъ *«тщательно исключено изъ книги Радищева все, что было въ противорѣчій съ цензурными установленіями»*, и на этомъ основаніи просилъ ходатайствовать о выпускѣ его изданія въ свѣтъ. Главное управленіе по дѣламъ печати, не видя достаточнаго повода испрашивать высочайшаго разрѣшенія для плохой книгопродавческой спекуляціи, признало вмѣстѣ съ тѣмъ вполне справедливымъ ходатайствовать вообще о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Министерство внутреннихъ дѣлъ не только дало движеніе этому ходатайству, но и усилило его новыми доводами съ своей стороны. При снятіи запрещенія принято было во вниманіе, что книга Радищева представляетъ одинъ изъ хорошихъ образцовъ карамзинской литературы и служитъ интереснымъ памятникомъ языка и понятій того времени; что новое изданіе этого сочиненія, составляющаго библиографическую рѣдкость, было бы не бесполезно для исторіи отечественной литературы; что Радищевъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, совершенно прямо указавшій на страшную тягость крѣпостнаго права, и т. д.

22 марта 1868 года послѣдовало высочайшее соизволеніе о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Государь императоръ повелѣлъ: «запрещеніе, наложенное, вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 4 сентября 1790 года, на сочиненіе Радищева подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ узаконеній о печати»¹⁾.

---

¹⁾ Вслѣдствіе указа о снятіи запрещенія съ книги Радищева, выпущено было, въ 1868 году, въ свѣтъ и изданіе 'купца Шигина, подъ названіемъ: «Радищевъ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Къ изданію Шигина приложена статья: «Александръ Николаевичъ Радищевъ». Статья эта есть компиляція изъ біографическаго очерка, составленнаго

Въ 1869¹ году появилось въ газетахъ (С. Петербургск. Вѣдом. № 291) извѣстіе, что *печатаются* и въ концѣ этого года выйдутъ въ свѣтъ сочиненія Радищева, всѣ какія остались, со включеніемъ полнаго текста Путешествія по изданію 1790 года, подъ редакцію П. А. Ефремова, съ приложеніемъ статьи А. Н. Пыпина. Газетные слухи оказались невѣрными: въ 1869 году не появилось объявленнаго изданія. Сочиненія Радищева дѣйствительно напечатаны, и въ числѣ ихъ и Путешествіе по подлинному тексту 1790 года, съ небольшими пропусками, подъ редакцію П. А. Ефремова, но не въ 1869, а въ 1872 году, и безъ статьи А. Н. Пыпина, который вовсе и не писалъ статьи о Радищевѣ для этого изданія.

Помѣщенный въ напечатанныхъ въ 1872 году Сочиненіяхъ Радищева текстъ Путешествія долженъ считаться *третьимъ* изданіемъ Путешествія. Въ 1872 году напечатаны, въ двухъ томахъ: «Сочиненія Александра Николаевича Радищева. Съ портретомъ автора и статьею о жизни и сочиненіяхъ Радищева А. П. Пятковского. Редакція изданія П. А. Ефремова». Хотя въ заглавіи и упоминается о статьѣ А. П. Пятковского, но въ дѣйствительности она не только не напечатана, но не была еще и написана, когда изданіе подверглось запрещенію. Изданіе это въ свѣтъ не выходило: оно уничтожено въ 1873 году.

П. А. Радищевымъ и помѣщеннаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 года, и изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ, въ 1865 году, въ Читеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей. Авторомъ этой компіляціи нѣкоторые считаютъ младшаго сына Радищева, Павла Александровича. Академикъ Я. К. Гротъ, хорошо знавшій П. А. Радищева, говоритъ: «Въ 1868 году Павелъ Александровичъ напечаталъ отдѣльно брошюру *Радищевъ и его книга*, и здѣсь (стр. 12) прежнее свѣдѣніе на счетъ Державина дополнилъ слѣдующимъ образомъ» и т. д. (Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1880. Т. VIII, стр. 693).

Что сталося съ біографіею, которую П. А. Радищевъ представлялъ въ цензурное вѣдомство въ 1865 году? Есть ли связь сокращеннаго текста Путешествія, изданнаго въ 1868 году, съ тѣми *сокращеніями*, о которыхъ П. А. Радищевъ говорилъ въ 1860 году, въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія? Вотъ вопросы для бібліографовъ.

Въ 1876 году вышло въ Лейпцигѣ «Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву, А. Радицева» (Международная Библиотека. Томъ XVII). Лейпцигское изданіе есть точный снимокъ, дословная перепечатка лондонскаго изданія. Вслѣдствіе этого въ лейпцигскомъ изданіи, какъ и въ лондонскомъ, встрѣчается безчисленное множество разнаго рода уклоненій отъ подлинника, какъ напримѣръ:

Первое изданіе, 1790 г.

Возможно ли, чтобы были столь безумные *судьи*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь? Я напишу жалобницу въ высшее правительство. *Уподроблю все произшествіе*, и представлю неправосудіа судившихъ и *невинность* страждущаго (стр. 58—59).

Не отягощала я разсудка вашего готовыми размышленіями или мыслями чуждыми.

Съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шестуете къ отверстой вамъ стезѣ.

Доколь силы разума не были въ васъ дѣйствующи.

Тѣ, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ.

Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ (стр. 171—172), и т. д.

Лейпцигское изданіе, 1876 г.

Возможно ли, чтобы были столь безумные *суды*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь и жизнь? Я напишу жалобницу въ высшее правительство. *Я изобразжу все произшествіа*, и представлю неправосудіе судившихъ и *невино* страждущаго (стр. 37).

Не отягощала я разсудка вашего готовыми размышленіями или чужими мыслями.

Съ тѣхъ поръ, какъ начали вы ощущати силы своего разума, шестуете сами къ открытой вамъ стезѣ.

Пока силы разума въ васъ еще не дѣйствовали.

Тѣ, что узнали бы вы прежде, нежели сдѣлались разумны, было бы въ васъ предразсудокъ.

Когда жъ увидѣлъ, что вы въ сужденіяхъ своихъ руководствуетесь разсудкомъ (стр. 95), и т. д.

Не только проза Радищева, но и стихи, приводимые въ его Путешествіи, подверглись передѣлкамъ и *подновленіямъ* въ заграничныхъ изданіяхъ, лондонскомъ и лейпцигскомъ.

Первое изданіе, 1790 г.

(стр. 866 и слѣд.)

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тягченныхъ жатвой

нивь,

Гдѣ нѣжны процвѣтають
кринны

Средь мирныхъ подъ стѣнами
оливъ,

Пароска мрамора бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,
Стоить прозрачный всюду
храмъ...

Воззримъ мы въ области об-
ширны...

Кровавымъ потомъ доставая
Плодъ, кой я въ нищу наса-
дилъ....

Лейпцигское, 1876 г.

(стр. 188 и слѣд.)

Въ срединѣ злачныя долины,
Средь отягченныхъ жатвой

нивь,

Гдѣ нѣжны процвѣтають
кринны

Подъ мирной стѣною оливъ,

Пароска мрамора бѣлѣе,
Лучей яснѣйша дня свѣтлѣе,
Стоить прозрачный всюду
храмъ...

Воззримъ на области обшир-
ны...

Кровавымъ потомъ доставая
Тотъ плодъ, кой въ нищу на-
садилъ....

Стихъ: «Во свѣтъ рабства тьму претвори» измѣненъ такимъ образомъ: «Во свѣтъ тьму рабства претвори», несмотря на то, что самъ Радищевъ поясняетъ, что съ умысломъ помѣщенъ не какой-либо другой, а именно этотъ стихъ: «*Во свѣтъ рабства тьму претвори*». Радищевъ говоритъ: «Сію строфу обвиняли за стихъ: *Во свѣтъ рабства тьму претвори*; онъ очень тугъ, и труденъ на изреченіе, ради частаго повторенія буквы *т*, и ради соетія согласныхъ буквъ: *бства, тьму, претв*. Иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя *въ негладкости стиха изобразительное выраженіе трудности самого дѣйствія*».

Главными источниками свѣдѣній о жизни, а отчасти, также и о литературной дѣятельности, Александра Николаевича Радищева служили и служатъ два биографическіе очерка, составленные людьми самыми близкими къ Радищеву — сыновьями его, бывшими при немъ въ самой ранней своей молодости.

Старшій сынъ автора Путешествія, Николай Александровичъ Радищевъ, началъ свою службу въ гвардіи, въ измайловскомъ полку; въ 1783 году произведенъ сержантомъ и выпущенъ въ армію подпоручикомъ въ малороссійскій гренадерскій полкъ. Въ 1797 году уволенъ, по прошенію, отъ службы. Въ 1801 году опредѣленъ въ комиссію о коронаціи, а въ 1802 году — въ комиссію о составленіи законовъ. Въ 1803 году онъ перешелъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ занималъ должность архивариуса. Въ исходѣ 1806 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ службы съ тѣмъ, чтобы поступить въ милицію, желая «раздѣлять подлежащія труды и жертвы, которыя понесетъ дворянство калужской губерніи при образованіи милиціи и служеніи въ оной»¹⁾. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій говоритъ о Ник. Ал. Радищевѣ: «Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ: въ этомъ кружкѣ познакомился и я съ нимъ въ 1810 году, а послѣ нашелъ его въ саратовской губерніи, за короткое время до смерти его (скоропостижной). Онъ тогда занимался переводомъ сельскохозяйственныхъ сочиненій. Былъ очень любимъ и уважаемъ въ губерніи; служилъ предводителемъ въ кузнецкомъ уѣздѣ». Изъ литературныхъ трудовъ Радищева извѣстны: Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ — «богатырскія пѣснотворенія»; переводы романовъ Августа Лафонтена: Вальтеръ, дитя ратнаго поля, или и вторая любовь надежна; Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе, и др.

Въ бумагахъ покойнаго князя П. А. Вяземскаго хранилась

---

¹⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картона № 196. Дѣла № 8633.

собственноручная записка Николая Александровича Радищева: *О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева*. Князь Вяземскій отмѣтилъ на ней: «Записка сія составлена и доставлена мнѣ сыномъ Радищева, извѣстнымъ нѣкоторыми литературными занятіями». Рукописью Радищева, находившеюся у князя Вяземскаго, воспользовался Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли. Статья о Радищевѣ, помѣщенная въ словарь Бантышъ-Каменскаго, представляетъ дословное извлеченіе изъ статьи Н. А. Радищева, изъ которой заимствованы не только свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Александра Николаевича Радищева, но и отзывы о его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ: «слозь Радищева устарѣлъ, но замѣчательна смѣлость мыслей, чистая и глубокая философія и т. п.¹⁾». Записка, составленная Николаемъ Александровичемъ Радищевымъ, до сихъ поръ остается самымъ цѣннымъ біографическимъ матеріаломъ и необходимымъ пособіемъ для литературныхъ изслѣдованій о Радищевѣ-отцѣ. Только въ 1872 году появилась въ печати записка Н. А. Радищева. Она помѣщена въ Русской Старинѣ (1872 г., ноябрь, стр. 573—581) Н. П. Барсуковымъ, занимавшимся тогда разборомъ бумагъ архива князя П. А. Вяземскаго.

Меньшой сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, получилъ образованіе въ морскомъ корпусѣ, откуда и выпущенъ во флотъ мичманомъ. Прослужа около трехъ лѣтъ во флотѣ, вышелъ въ отставку, и вскорѣ опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Но и тамъ оставался недолго, не болѣе двухъ лѣтъ, и въ 1807 году уволенъ отъ службы за болѣзнію²⁾. Въ 1812 году поступилъ въ московское ополченіе. Впослѣдствіи, онъ не разъ мѣнялъ свое мѣстопробываніе; въ сороковыхъ годахъ онъ жилъ на югѣ, въ Таганрогѣ; въ шестидесятыхъ —

¹⁾ Словарь достопамятныхъ людей русской земли, составленный Дмитриемъ Бантышъ-Каменскимъ. 1886. Часть IV, стр. 258—264.

²⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 197. Дѣла № 8794.

въ Петербургѣ, и т. д. Много натерпѣлся онъ на своемъ долгомъ вѣку.

Все то, что Павелъ Александровичъ Радицевъ «вспомнилъ изъ своего грустнаго давно-минувшаго и записалъ самъ» передано въ статьѣ его: *Александръ Николаевичъ Радицевъ*, помещенной въ Русскомъ Вѣстникѣ (1858 г. декабрь, книжка первая, стр. 395 — 432). Статью свою П. А. Радицевъ писалъ единственно по воспоминаніямъ, и притомъ уже въ глубокой старости. Въ разсказѣ его есть неточности; нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ извѣстій требуютъ повѣрки; въ изложеніи нѣтъ той объективности, которая замѣтна въ очеркѣ старшаго сына Радицева; мѣстами черты давно-минувшаго сливаются съ проблесками настроенія, господствовавшаго въ ту пору, когда П. А. Радицевъ писалъ свои воспоминанія. Ему пришлось разсказывать по старой памяти, какъ по грамотѣ. У него не было подъ руками ни мемуаровъ, ни писемъ, ни другихъ какихъ-либо достовѣрныхъ источниковъ. Бумаги Радицева — отца исчезли какъ-то вдругъ и совершенно безслѣдно. Пропалъ и «проектъ уложенія»; пропали и «многія важныя и забавныя творенія»; пропала и «пространная и занимательная» переписка съ А. М. Кутузовымъ, которая могла бы составить «важную книгу» и т. д.

Статья П. А. Радицева находится въ непосредственной связи со статьєю Пушкина. Многія подробности заимствованы П. А. Радицевымъ у Пушкина. По свидѣтельству А. Корсунова, самая мысль о составленіи біографическаго очерка А. Н. Радицева возникла «при чтеніи, въ одной литературной бесѣдѣ, *статей Пушкина: Радицевъ*». Мысль эта сообщена была П. А. Радицеву, который и привелъ ее въ исполненіе.

Вліяніе статьи Пушкина отразилось, въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно, въ значительной части всего того, что писалось впоследствии о Радицевѣ.

При самомъ появленіи статьи Пушкина въ печати, издатель сочиненій Пушкина, П. В. Анненковъ, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ея значеніе: «Статья *Александръ Радищевъ* принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здравому и про- ницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ незадолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣ- ренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постанов- леній, и никакія злоупотребленія, столь неизбѣжны въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и поро- ками, Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля *любви* и пребыванія въ границахъ *закона*, — и это состав- ляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи»¹⁾).

Четверть вѣка прошло со времени появленія статьи Пушкина и отзыва о ней, и почтенный издатель ея, пользующійся вполне заслуженнымъ уваженіемъ въ литературѣ, не измѣнилъ своего взгляда, какъ можно заключить изъ статьи его: *Общественные идеалы А. С. Пушкина*. Разъясняя политическіе и обществен- ные идеалы поэта, П. В. Анненковъ видитъ въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ отраженіе тѣхъ началъ, которыя намѣчены «въ без- смертныхъ словахъ» друга Пушкина, обращенныхъ къ наслѣд- нику престола: «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ про- свѣтителемъ монарха; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и т. д. Близкое знаком- ство съ литературною дѣятельностью Пушкина, чуткаго къ воп- росамъ общественной жизни, привело П. В. Анненкова къ такому заключенію: «Пушкинъ былъ примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чув- ство, и всею душою постоянно желалъ для своей родины умно-

¹⁾ Сочиненіе Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1857. Т. VII. Часть II, стр. 3—4.

женія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденного всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи¹⁾).

Иначе взглянуть на статью Пушкина, какъ и слѣдовало ожидать, лондонскій издатель Путешествія. Онъ говоритъ, что статья не дѣлаетъ особенной чести поэту, и лучше бы ея не печатать, но тутъ же прибавляетъ оговорку, что поэтъ чуть ли не перехитрилъ ея изъ цензурныхъ видовъ. Что касается книги Радищева, то въ ней всего сочувственнѣе были для лондонскаго издателя протестъ противъ крѣпостнаго права и юморъ; но его отталкивала устарѣлая для насъ риторическая форма и филантропическая философія; онъ находить, что идеалы Радищева также высоко на небѣ, какъ идеалы князя Щербатова — глубоко въ могилѣ, и т. д.

Два противоположные взгляда, высказанные двумя глубокими почитателями Пушкина, обнаруживаются, болѣе или менѣе ясно, и въ другихъ статьяхъ и отзывахъ о Радищевѣ, появлявшихся отъ времени до времени въ нашей литературѣ. Въ иныхъ изъ этихъ статей и отзывовъ слышится злоба дня, и Радищевъ выставляется въ томъ или другомъ свѣтѣ, съ тѣми или другими отгѣнками, смотря по господствовавшему тогда настроенію. Подобныя статьи и взгляды не прибавляютъ ничего существеннаго для характеристики Радищева, но въ совокупности своей могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для исторіи нашихъ литературныхъ идей вообще. Въ отношеніи же собственно къ Радищеву, для справедливой и серьезной оцѣнки его, какъ писателя, несравненно важнѣе такія статьи и изданія, въ которыхъ заключаются или новые матеріалы или дѣльныя соображенія о кругѣ его литературной дѣятельности, объ участіи его въ повременныхъ изданіяхъ, о связи его Путешествія съ другими произведеніями современной ему литературы, и т. п.

Весьма важные матеріалы обнародованы въ «Архивѣ князя Воронцова», какъ на примѣръ: разборъ сочиненія Радищева, на-

¹⁾ Вѣстникъ Европы. 1880. Іюнь, стр. 624, 637 и др.

писанный императрицею Екатериною; повинная Радищева; отвѣты его на вопросные пункты, предложенные при слѣдствіи, и т. д. ¹⁾).

Вопросъ о Радищевѣ настолько уже выяснился въ нашей литературѣ, что историку ея представлялась полная возможность взвѣсить относительную цѣнность различныхъ мнѣній, подвести имъ итогъ, и повѣрить ими свой собственный взглядъ, добытый путемъ самостоятельнаго изученія предмета. Подобный трудъ принялъ на себя почтенный авторъ «Исторіи русской словесности, древней и новой» А. Д. Галаховъ. Добросовѣстный изслѣдователь русской литературы восемнадцатаго столѣтія, крайне осторожный въ своихъ похвалахъ и порицаніяхъ, А. Д. Галаховъ посвящаетъ, въ своей исторіи словесности, нѣсколько страницъ Радищеву и его книгѣ, въ которой указываетъ какъ достоинства, такъ и недостатки. При всей строгости отзыва Пушкина, А. Д. Галаховъ признаетъ невозможнымъ не согласиться съ нимъ безпристрастному историку, и приводитъ довольно пространную выписку изъ статьи Пушкина о Радищевѣ. По замѣчанію А. Д. Галахова, Радищевъ подражалъ многимъ авторамъ, но въ этой подражательности не пристроился ни къ одной системѣ; въ книгѣ его — смѣшеніе доктринъ, или, скорѣе, вычитанныхъ мыслей разнаго значенія и характера; онъ думалъ только о выраженіи того, что вычиталъ изъ книгъ, не принимая въ соображеніе строя жизни, выработаннаго исторіей, которую ни сломишь ни разсужденіями, какъ бы они ни были справедливы, ни заявленіемъ желаній, какъ бы они ни были благонамѣренны». Главная и неотрицаемая заслуга Радищева заключается въ слѣдующемъ: «Въ книгѣ своей Радищевъ указалъ — говоритъ А. Д. Галаховъ — темныя стороны современной ему дѣйстви-

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга пятая, стр. 407—444.

Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ. 1865. Книга третья. Смѣсь. А. Н. Радищевъ, стр. 67—106. — См. Русская Старина. 1882. Сентябрь стр. 522, примѣчаніе.

тельности, и предложилъ нѣсколько проектовъ, которые, по его мнѣнію, могли вести къ улучшенію неудовлетворительнаго общественнаго состоянія. Главный изъ этихъ проектовъ имѣетъ предметомъ отмену крѣпостнаго права. *Историкъ Россіи, безъ сомнѣнія, воздастъ справедливую похвалу филантропіи и гражданскому мужеству автора, который не только доказывалъ вредъ рабства въ нравственномъ отношеніи, но и предложилъ меры постепеннаго освобожденія крестьянъ.* Мысль Радищева получаетъ еще большую цѣнность, если припомнить, съ какою осторожностью подходилъ къ рѣшенію того же вопроса Руссо» и т. д. ¹⁾

Замѣтимъ, что приведенные отзывы принадлежатъ такому историку литературы, котораго никакъ нельзя заподозрить ни въ недостаточномъ знаніи своего предмета, ни въ равнодушіи къ «просвѣтительнымъ началамъ, дающимъ — говоря его же словами — ростъ и крѣпость общественному сознанию». Съ особенною полнотою и научнымъ достоинствомъ изслѣдованы А. Д. Галаховымъ памятники нашей литературы восемнадцатаго столѣтія, къ числу которыхъ относится и Путешествіе Радищева. Самый строгій и безпощадный судья Исторіи словесности А. Д. Галахова, признаетъ, что та часть ея, которая относится къ восемнадцатому и началу девятнадцатаго столѣтія «по широтѣ объема, по богатству содержанія, далеко оставляетъ за собою всѣ попытки составить учебное руководство по исторіи русской литературы. Эта обширнѣйшая по объему часть имѣетъ всѣ права на титулъ самостоятельнаго изслѣдованія. Особенную цѣнность придаютъ сочиненію г. Галахова тѣ горячія симпатіи автора успѣхамъ русской литературы и просвѣщенія, которыми проникнута книга, и которыя сообщаются читателю; въ повѣствователѣ минувшихъ судебъ русской словесности чувствуется

¹⁾ Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Изданіе второе. 1880. Томъ I. Отдѣлъ 2, стр. 273—276.

Исторія русской словесности, А. Галахова. 1868. Томъ II. Первая половина. Дополненія и поправки, стр. V—VII.

писатель съ образованнымъ вкусомъ, воспитанный благородными преданіями нашей литературной критики»¹⁾).

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ Радищеву, А. Д. Галаховъ исполнилъ то, что было указано знаменитымъ ученымъ своего времени, митрополитомъ Евгеніемъ, истиннымъ основателемъ исторіи русской литературы, какъ науки. Митрополитъ Евгеній внесъ имя Радищева въ словарь русскихъ писателей. Доводы, представленные А. Д. Галаховымъ, показываютъ, что Радищевъ, какъ авторъ *Путешествія*, можетъ и долженъ сохранить свое значеніе въ ряду писателей, труды которыхъ составляютъ неотъемлемое достояніе исторіи русской литературы.

Мы не перечисляемъ всѣхъ статей и замѣтокъ о Радищевѣ, появившихся въ нашей литературѣ, и не входимъ въ оцѣнку ихъ относительнаго достоинства, предоставляя это будущимъ издателямъ сочиненій Радищева.

Весьма желательно, чтобы скорѣе появилось такое изданіе его сочиненій, которое удовлетворяло бы научнымъ требованіямъ, будучи дѣйствительно полнымъ, и воспроизводя подлинникъ со всевозможною точностью, безъ всякихъ подновленій и передѣлокъ. Неполнота и несовершенство матеріала, подлежащаго изслѣдованію, всегда отражаются, въ большей или меньшей степени, какъ на ходѣ научныхъ работъ, такъ и на выводахъ и объясненіяхъ изслѣдователей.

---

¹⁾ Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1878. Рецензія профессора Н. С. Тихонравова, стр. 135—136.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXXII, № 7.

ЗАМѢТКИ

по

ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)

1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1883 года.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРѢ И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ЭПИЗОДЪ О ЮЖСКОЙ ЦАРИЦѢ ВЪ ПАЛЕѢ.

Въ замѣткѣ, напечатанной мною въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1880 г. Апрель (О талмудическомъ источникѣ одной легенды въ Палеѣ) я указалъ на источникъ одной Соломоновской повѣсти, оставшійся мнѣ неизвѣстнымъ, когда я собиралъ матеріалы для моего изслѣдованія: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ (СПБ. 1872). Мнѣ уже не разъ приходилось, и еще придется, обращаться къ вопросамъ тамъ затронутымъ, потому что матеріалъ сравненія далеко не исчерпанъ и новыя данныя открываются постепенно¹⁾, вызывая повѣрку добытыхъ результатовъ. Явившійся недавно сборникъ Эрманна (Aus Palästina und Babylon. Eine Sammlung von Sagen, Legenden, Allegorien etc. aus Talmud und Midrasch, mit sachlichen und sprachlichen An-

---

¹⁾ О Соломоновскихъ повѣстяхъ въ Румыніи см. интересную замѣтку Gaster'a: *Legende Talmudice și legende Romane, Studiu comparativ de Dr. M. Gaster.*

merkungen nebst einer allgemeinen Einleitung über Geist und Form der Agada, von Daniel Ehrmann. Wien, Hölder, 1880) далъ мнѣ поводъ для слѣдующаго сообщенія.

Въ разсказѣ русской Палеи ¹⁾ царица южская приходитъ къ Соломону и искушаетъ его загадками. Соломонъ разрѣшаетъ ихъ, «она же вельми сему подивися». Тогда начинается преніе въ мудрости между мудрецами той и другой стороны.

1) «Мудреци же ея загонуша хитрецемъ Соломонимъ: *имамы кладъзъ далече града, мудростію своею оуогните, чимъ можемъ привести въ градъ?* — Хитреци, разумѣвше речъ, и реша: *исплетите уже штрубно, а мы привлечемъ кладъзъ вашъ во градъ.*»

Въ «Сказаніи о премудрости царя Соломона и о южской царицѣ и философѣхъ», на которое я сослался въ моей книгѣ ²⁾ и которое теперъ привлеку къ сравненію, ужище должно быть не отрубьяное, а *песчаное*. Это — извѣстная еще въ древности задача: свить веревку изъ песку; её задаетъ Фараонъ въ русскомъ сказаніи объ Акирѣ Премудромъ. Въ талмудической легендѣ, которую мы приводимъ далѣе, ужище — *отрубьяное*.

2) «И паки загонуша мудреци ея: *аще возрастетъ нива ножи, ино чемъ ю пожать можете?* — Отвѣщаша и реша имъ: *рогомъ шслимъ.* — И рѣша мудреци ея: *Гдѣ у осла рога?* — Шниже рѣша: *А где нива родить ножи?»* —

Таково содержаніе второй загадки и въ талмудической повѣсти. Иначе въ сказаніи, смѣшавшемъ № 2 съ слѣдующимъ у насъ № 3 и замѣнившимъ первый изъ нихъ такой загадкой: «Царица рече: «А коли нива поростетъ ножи, чѣмъ ю пожать? — Соломанъ рече: Со всего свѣта собрать росу и въ томъ шить рукавицы, тѣмъ ю пожати. — Она-же рече: какъ можетъ въ росѣ рукавицы шить? — Соломонъ же рече: А коли выростаеть нива ножи».

¹⁾ Сл. мой Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. стр. 347—350.

²⁾ Славянскія сказанія и т. д. стр. 349.

3) «Загонуша-же и еще», продолжаетъ Палея: *«аще възгнѣется соль, чѣмъ ю можете осолити? — Униже рѣша: ложе мьскы вземше, темъ-же посолить. — И рѣша: Да иди мьска родитъ? — Они-же: да иди соль възгнѣваетъ?»* — То-же въ талмудической повѣсти; Сказаніе удержало вопросъ загадки, но разрѣшеніе ея заимствовало изъ предыдущаго №: И рече парица: *«аще соль изгнѣтъ, то чѣмъ ея пособитъ(?)»*, дабы не изгнила? Соломонъ же рече: *«Рогомъ коневымъ. — Она-же рече: А коли у коня рогъ живеть? — Соломанъ рече: А коли соль гнѣтъ?»*.

Этими тремя загадками ограничивается преніе въ мудрости въ указанномъ нами эпизодѣ Палея; тѣ лишнія, какія встрѣчаются въ Сказаніи, принадлежатъ, быть можетъ, позднѣйшему приращенію; по крайней мѣрѣ онѣ не поддерживаются содержаніемъ талмудической повѣсти, которую я извлекаю изъ книги Эрманна (I. с. стр. 1—14).

Рабби Іозуа бенъ Хананья похвалился однажды передъ римскимъ императоромъ, что еврейскіе мудрецы превышаютъ умомъ и остроуміемъ аѣнскихъ, которыхъ онъ вызывался побѣдить и всѣхъ доставить въ Римъ. Съ этой цѣлью онъ велитъ, съ согласія императора, снарядить себѣ корабль о 60-ти каютахъ, съ 60-ю сѣдалищами въ каждой, по числу аѣнскихъ мудрецовъ. Прибывъ въ Аѣны, онъ добирается хитростью до дома, гдѣ засѣдали мудрецы, который запрещено было, подѣ страхомъ смерти, указывать иностранцу. Миръ вамъ! произнесъ Іозуа, войдя въ собраніе.

Мудрецы. Чего ты отъ насъ желаешь?

Іозуа. Я — еврейскій мудрецъ, пришелъ у васъ поучиться мудрости.

Мудрецы. Напередъ мы предложимъ тебѣ нѣсколько вопросовъ.

Іозуа. Я согласенъ. Коли вы меня побѣдите, то можете поступить со мною, какъ вамъ заблагоразсудится; коли побѣди-

телемъ останусь я, то я потребую отъ васъ лишь одного: чтобы вы пожаловали къ обѣду на мой корабль, стоящій въ гавани.

Мудрецы. Идетъ! Отвѣтъ-же намъ на слѣдующій вопросъ: Молодой человѣкъ сватается за дѣвушку и получаетъ отказъ; вскорѣ послѣ того сватается за другую, болѣе родовитую, чѣмъ первая. Какъ могъ онъ на то отважиться?

Иозуа взялъ гвоздь, попытался вбить его въ стѣну немного повыше пола, но безуспѣшно; попробовалъ вбить его выше, и гвоздь вошелъ свободно. Видите-ли, сказалъ онъ: такъ и болѣе родовитая жена болѣе пришлась по юношѣ, чѣмъ менѣе родовитая.

Мудрецы. Одному человѣку дали въ займы денегъ; онъ не выплатилъ долга, а ему еще дали въ займы. Какъ могло это статься?

Иозуа. Нѣкто идетъ въ лѣсъ, нарубилъ дровъ, но первая вязанка была ему не по силамъ; тогда онъ дѣлаетъ и другую, и для обѣихъ беретъ носильщика. Такъ часто второй долгъ бываетъ побужденіемъ къ уплатѣ перваго.

Мудрецы. Расскажи намъ что нибудь диковинное.

Иозуа. На жеребенкѣ мьскы (мьска црквнослав. мѣла) висѣла надпись, въ которой значилось, что мой отецъ долженъ ему 100000 сусъ.

Мудрецы. Можетъ-ли мьска родить?

Иозуа. Вы-же хотѣли услышать что-нибудь диковинное!

Мудрецы. Когда соль загниетъ, чѣмъ еѣ осолить?

Иозуа. Зародышемъ мьскы.

Мудрецы. Не бываетъ у мьскы зародыша.

Иозуа. Но и соль не гниетъ.

Мудрецы. Построй намъ домъ на воздухѣ. —

Иозуа призвалъ святое Божье имя и вознесся на воздухъ. Несите мнѣ сюда дерева и кирпичей, закричалъ онъ мудрецамъ. — Это, съ видоизмѣненіями, извѣстный эпизодъ русской повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.

Мудрецы. Гдѣ средоточіе вселенной.

Иозуа указаль на первое попавшееся мѣсто и сказалъ: Здѣсь! коли не вѣрите, прикажите измѣрить.

Мудрецы. *Есть у насъ дворецъ за городомъ, мы желали бы привести его въ городъ.*

Иозуа. *Велите мнѣ свить веревку изъ отрубей, и я приведу его.*

Мудрецы. Сломалась у насъ ручная мельница; заштопай её намъ.

Иозуа. Вытяните изъ нея нитокъ, и я вамъ заштопаю её.

Мудрецы. Чѣмъ пожать поле, поросшее серпами?

Иозуа. *Ослиными рогами.*

Мудрецы. *Но у осла нѣтъ роговъ.*

Иозуа. *И на нивѣ не растутъ серпы.*

Привожу еще двѣ слѣдующія загадки о яйцѣ — хотя не надѣюсь освѣтить ими слѣдующую замысловатую подробность Сказанія: «Царица-же рече: А коли мертвецъ восплачется, чѣмъ его утѣшити, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: Мгляное яйцо дати ему. — Она-же рече: Како можешь во мглѣ яйцо сдѣлать? — Соломанъ рече: А коли мертвецъ плачетъ?» — Аѣинскіе мудрецы предлагаютъ *Иозуа* угадать, какое изъ двухъ яицъ снесено бѣлой, какое черной курицей — на что тотъ отвѣчаетъ такимъ-же вопросомъ: пусть рѣшатъ какой изъ двухъ сыровъ приготовленъ изъ молока бѣлой, какой изъ молока черной коровы. — Вопросъ: когда въ яйцѣ околѣваетъ цыпленокъ, какимъ отверстіемъ выходитъ его душа? — Отвѣтъ: Тѣмъ-же, какимъ вошла.

Аѣинскіе мудрецы принуждены были признать духовное превосходство надъ нами *Иозуа* и принять его приглашеніе. Онъ размѣстилъ ихъ на кораблѣ, по одному въ каютѣ, и такъ какъ въ каждой было 60 сѣдалищъ, то всякій изъ нихъ поджидалъ товарищей. Когда всѣ собрались, корабль тронулся; *Иозуа* взялъ съ собою горсть аѣинской земли и бочку воды, почерпнутой изъ того мѣста въ морѣ, которое поглощаетъ всю остальную воду. — Когда *Иозуа* представилъ мудрецовъ императору въ Римѣ, они

стояли молча, подавленные, пока не посыпали имъ на голову родной земли: тогда они оживились и даже обнаружили строптивое настроеніе духа. Императоръ отдалъ ихъ во власть Іозуа, который приказалъ имъ наполнить водою бочку, куда опущена была капля воды отъ поглощающей морской пучины. Бочка никогда не наполнялась, и мудрецы погибли отъ безконечной, непосильной работы.

Другой мидрашъ объясняетъ отчасти вторую половину предыдущаго: рабби Еліезеръ и рабби Іозуа ѣдутъ океаномъ и достигаютъ мѣста, «куда не текла вода». Мы прибыли сюда для опыта, говорятъ они, наполнили бочку тамошней водою и отправляются въ Римъ. Императоръ Адрианъ спрашиваетъ ихъ: каковы свойства воды океана? Она поглощаетъ всѣ другія, почему океанъ и не наполняется, хотя всѣ рѣки текутъ въ него. Раввины доказываютъ это, смѣшавъ въ кувшинахъ обыкновенную воду съ водой океана, которая и поглощаетъ первую ¹⁾.

Очень вѣроятно, что и въ первомъ мидрашѣ слѣдуетъ поставить Адриана вмѣсто анонимнаго императора. Если такъ, то одни и тѣ-же «вопросы и отвѣты» являются передъ нами въ различномъ историческомъ приуроченіи: то къ Соломону, то къ Адриану, появленіе котораго въ циклѣ русскихъ повѣстей о Соломонѣ я старался объяснить въ другомъ мѣстѣ ²⁾. Что одна изъ загадокъ разобранной нами легенды Палеи давно приурочилась къ имени Соломона, доказывается сближеніемъ двухъ сообщаемыхъ далѣе повѣстей, тождественныхъ по общему замыслу (умерщвленіе всѣхъ стариковъ): изъ нихъ одна рассказываетъ о Соломонѣ, въ другой испытаніе мудрости сводится къ загадочному вопросу, являющемуся и въ рассказѣ Палеи.

---

¹⁾ Wünsche, Bibliotheca rabbinica, 1-e Lief. p. 11. Сл. въ Сказаніи Аще пополницца море воды, еуды потекутъ рѣки? — На небо теши. — Какъ можетъ вода на небо теши? — *А коли наполницца море можетъ?*

²⁾ Разысканія V, p. 134—5.

Въ старофранцузскомъ фавльò, изданномъ Муссафией ¹⁾, Соломонъ, qui fu roi de Surie, велить умертвить всѣхъ стариковъ въ своемъ царствѣ; приказаніе исполнено, только одинъ сынъ рѣшается спасти жизнь своему отцу, спрятавъ его подъ бочкой. За то среди юныхъ совѣтниковъ царя онъ является мудрѣйшимъ, потому что слѣдуетъ совѣтамъ и указаніемъ испушеннаго житейскимъ опытомъ старика. Эта мудрость возбуждаетъ сомнѣнія Соломона, онъ хочетъ испытать, откуда она въ юношѣ, и предлагаетъ ему одну изъ тѣхъ мудреныхъ задачъ, которыя дали сюжетъ цѣлой группѣ средневѣковыхъ повѣстей и современныхъ народныхъ сказокъ: въ означенный день юноша долженъ привести къ царю своего друга, раба, damoisiauz, наконецъ своего смертельнаго врага. По совѣту отца, онъ приводитъ къ Соломону свою собаку, осла, сына и жену, которая и оказывается смертельнымъ врагомъ мужа, ибо подъ впечатлѣніемъ гнѣва, она выдаетъ его тайну: что, вопреки цареву повелѣнію, онъ сохранилъ жизнь своего отца. Но Соломонъ не только не гнѣвается на молодаго человѣка, а и благодаритъ его и возводитъ въ санъ сенешаля.

Въ слѣдующей повѣсти у Pauli, Schimpf und Ernst ²⁾ царь не названъ, и мудреная задача сводится къ вопросу, намъ извѣстному: чѣмъ осолить загнившую соль?

In einer stat waren vil junger Lüt, die wolten das regiment haben, und wolten die alten ratzherren vertreiben, und hetten sie gern alle züdot geschlagen. Da was einer der behielt sein altvatter

¹⁾ Mussafia, Ueber eine altfranzösische Handschrift der k. Universitätsbibliothek zu Pavia, въ Sitzungsberichte der kais. Ak. d. W. Philos. hist. Cl. LXIV B. III H. Jahrg. 1870, März, p. 596 слѣд. Сл. тамже библиографическія указанія, касающіяся содержанія разсказа. Преданіе о томъ, что существовалъ когда-то обычай убивать стариковъ, принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ. Сл. В. Schmidt; Griechische Märchen etc. стр. 26—7.

²⁾ J. Pauli, Schimpf und Ernst, ed. Oesterley № 442; сл. ibid. библиографическія указанія.

in einem dubhusz verborgen. Der künig des lands het die stat auch gern gehebt zü dem land, und wolt ir weiszheit beweren, und schrieb dem rat umb rat. *wie er sein saltz soll behalten, er het ein schatz von saltz, das woltten im die milchen fressen.* Die güten jungen ratzherren sassen ob der sach, und wussten im kein antwort wider züschreiben noch rat zügeben. Der sagt es seinem vatter da er heim kam. Der vatter sprach, wan du morgen in den rat kumest, so sprich, man sol dem künig schreiben, *er soll das saltz mit mulesels milch besprengen.* so sei es behalten vor den wurmen. Aber das saltz verderbt die würm, darum saltz man das fleisch, *man findt auch kein mulesels milch, wan sie sein unfruchtbar, wan sie sein zü viel heisser natur.* Der künig wil sich nur versuchen. Da sie das in dem rat horten, da sprachen sie, die weiszheit hast du nit von dir selber. Da sprach er, wie er sein vatter verborgen hat. Da erkanten sie das weiszheit noch in den alten wer, und schickten wider nach inen, und gaben inen das regiment widerumb.

Замѣтимъ въ заключеніи, что въ талмудической легендѣ, прототипъ разсказа Палея о царцѣ Савской и ея загадкахъ Соломону — загадки другія: 1) что такое колодезь изъ дерева, ведро изъ желѣза, черпаетъ камни и пьетъ воду? (выдолбленное бревно и черпакъ); 2) прахъ выходитъ изъ земли и питается прахомъ земли, разливается, какъ вода и стремится въ домъ? (нефть); 3) бурный вѣтеръ несетъ по всѣмъ головамъ, съ громкимъ и жалобнымъ воемъ, наклоняетъ эти головы, какъ тростники; честь вельможамъ, униженіе бѣднымъ, краса умершимъ, печаль живымъ, радость птицамъ, горе рыбамъ? (лень) ¹⁾.

---

¹⁾ Марголянъ, Сказанія о Соломонѣ (Памятники древней письменности, вып. III), стр. 40. Сл. W. Hertz, Die Rätsel der Königin von Saba, въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum, XXVII B., p. 5: разрѣшеніе первой загадки иное: Schminkrohr.

II.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПОВѢСТЬ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ И ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ
ВИДѢНІЯ ДАНИИЛА.

Въ древне-русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ¹⁾ царь Левъ, по нашему мнѣнію Левъ VI Философъ, посылаетъ въ Вавилонъ «взяти тамо *знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила». Онъ говоритъ посламъ: «Аще обряцете *глаголъ знаменіе* у святыхъ трехъ отроковъ, да принесите сѣмо». Посланные приходятъ въ Вавилонъ, счастливо избѣгнувъ опасности, вошли въ «церковь трехъ святыхъ отроковъ», поклонились имъ и говорятъ, что пришли по цареву повелѣнію «принести отъ васъ къ нему, елико вы изволите дати». Они хотятъ взять кубокъ, стоявшій на гробѣ св. отроковъ и нести его къ царю; но отъ гробницы былъ гласъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но пойдѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возмите *знаменіе*». Въ царской палатѣ онѣ находятъ богато украшенный одръ, на немъ два вѣнца царскихъ; «и тутъ-же видѣша *грамоту* лежащу, написану греческимъ языкомъ», въ которой говорилось, что тѣ вѣнцы принадлежали нѣкогда Навуходоносору и его царицѣ, нынѣ же будутъ на греческомъ царѣ Левѣ и его супругѣ. — Послы захватили съ собою вѣнцы и грамоту и сердоликовую крабицу съ багрянницею и другія драгоценности и снова вернулись въ церковь св. трехъ отроковъ. Здѣсь имъ снова былъ гласъ: «кое взяете *знаменіе* у насъ, и нынѣ же пойдите въ путь свой, водими Богомъ». Прибывъ

¹⁾ А. Веселовскій, Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ; Славянскій сборникъ, т. II, стр. 122—165; см. Archiv für Slavische Philologie II, 1, 2.

къ царю, послы вручаютъ ему «грамоту, что взяше на дворѣ царевѣ въ полатѣ», а патриархъ вѣнчаетъ его вѣнцомъ Навуходоносора.

Въ комментаріи, предложенномъ мною на приведенный отрывокъ Вавилонской повѣсти, я остановился, главнымъ образомъ, на вещественномъ значеніи «знаменія»: знаки царскаго достоинства, вѣнецъ Навуходоносора, то и другое перенесенное изъ Вавилона въ Византію, выразили символически перенесеніе царственной власти отъ восточныхъ династовъ къ византійскимъ Императорамъ. — Мнѣ кажется теперь, что нѣкоторыя выраженія и подробности Повѣсти позволяютъ извлечь изъ нихъ болѣе, чѣмъ я предполагалъ возможнымъ. Говорится не только о *знаменіи*, но и о *глаголь знаменія*, который я связываю съ *грамотой*, написанной по гречески и *возвѣщающей* о вѣнцахъ, имѣющихъ быть возложенными на имп. Льва и его супругу. Грамота представлялась, такимъ образомъ, такимъ-же политическимъ хризмомъ, какъ и приписанные Льву VI и византійскія *Ὁράσεις* Даниила, о которыхъ говоритъ Лиутпрандъ: *Habent Graeci et Saraceni libros, quos ὀράσεις sive visiones Danielis vocant, ego autem sybillinos, in quibus scriptum reperitur, quot annos imperator quisque vivat, quae sint futura eo imperante tempora: praeterquam an simultas, secundae Saracenorum res, an adversae.* — Что подъ Данииломъ могли разумѣть ветхозавѣтнаго пророка, это доказываетъ не только существованіемъ отреченнаго Апокалипсиса и Откровеній съ его именемъ, но и показаніемъ русскаго паломника Антонія (1200 г.), тѣмъ болѣе интереснымъ для насъ, что говоря о пророчествахъ, онъ соединяетъ имена Льва VI Мудраго, *ὁ σοφός* (Корлѣй, Кор Лей = *Κύριος Λέων*), и пророка Даниила. Сообщаю напередъ отрывокъ изъ путешествія Антонія по изданію П. Савваитова ¹⁾. Дѣло идетъ о св. Софіи: «на странѣ-же

¹⁾ Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савваитова. (СПБ. 1872), стр. 78—9.

дверій стоитъ икона велика, а на ней написанъ царь Корлѣй о Софосъ, и у него камень драгій въ челѣ, и свѣтитъ въ нощи по святѣй Софѣи. *Той-же царь Корлѣй, возьмъ грамоту въ гробъ у святаго пророка Данила, и переписавъ ю философски, кому же быти царемъ во Царьградѣ, дондеже и стоитъ Царьградъ*. — Посланіе пресвітера Іоанна помѣщаетъ гробницу пророка Данила въ «пустынномъ Вавилонѣ» (*singulis annis visitamus corpus Sancti Danielis prophetae cum exercitu magno in Babilone deserto*)¹⁾ — и туда-же приурочиваетъ её другой списокъ Путе-

¹⁾ Характеризуя въ моей статьѣ о Вавилонской повѣсти древнее представленіе о «пустынной», населенной змѣями Вавилоніи, я указалъ на интересное отложеніи его въ народномъ повѣрьѣ: въ Солонѣ (Sologne) рассказываютъ, что когда змѣи достигаютъ *семи лѣтъ*, у нихъ отрастаютъ крылья и онѣ улетаютъ — въ Вавилонъ (Слав. сборн. II, стр. 155). — «Если обыкновенная змѣя въ продолженіи ста лѣтъ не увидитъ человѣка, то обратится въ вишаба (драконъ)», см. Этнограф. очерки изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи, живущихъ въ Нахичеванскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи, въ Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изд. Управл. Кавказск. учебн. окр. вып. II, стр. 47 и тамже стр. 107—108: преданіе о горѣ Иланъ-Дагъ («змѣиная гора»), проклятой Ноемъ: съ тѣхъ поръ её населяютъ змѣи и крылатые драконы, являющіеся, черезъ каждые *семь лѣтъ*, на поклонъ къ царю змѣй на Апаратъ. Сл. Mannhardt, Uebereinstimmungen deutscher und antiker Volksüberlieferung (Zeitschr. f. d. Alterth. XXII, 1878), стр. 17: повѣрье въ Schässburg, въ Седмиградіи: *im August nach dem Kornschnitt sammeln sich die Krähen in Haufen von vielen Tausenden auf den Feldern und verschwinden dann für einige Wochen. Nur hin und wider sieht man eine zurückgebliebene einsam in den Stoppeln umherhüpfen; aber von den fortgezogenen führt jede zu der Zeit eine Ähre nach dem babylonischen Turm* (F. Müller, Siebenbürgische Sagen, s. 137, 177). Die Aufklärung für diese merkwürdige Vorstellung finde ich in einer Superstition aus der Sologne: die Cocadrille, ein aus dem Ei des Hahnes ausgebrüteter Basilisk, bekommt im siebenten Jahre Flügel und nimmt dann ihren mächtigen Flug *nach dem babylonischen Turm*, dem unreinen Wohnsitz aller weltverwüstenden Ungeheuer (Laisnel de la Salle, Croyances et légendes du centre de la France. Paris 1875, I, 200). Es ist dies eine Combination auf Grund der Weissagung des Esaias

шестья Антонія, изданный И. И. Срезневским¹⁾ и представляющій болѣе подробностей въ интересующемъ насъ эпизодѣ: «По сторонѣ же райскихъ дверей горѣ икона велика, а на ней написанъ Кор' Леи о Софонѣ, а у него камень драгія въ челѣ и свѣтитъ въ ночь во св. Софее. Мы-же вопросихомъ что ради сеи написанъ, и церковници повѣдаша намъ, яко той царь *Кор Леи* взявъ грамоту *Вавилонъ во гробъ у св. пророка Даниила* и о себя содержа; по смерти же его по мнозѣхъ лѣтѣхъ *принесена бысть въ Царьградъ* и приведена бысть отъ философъ на греческій языкъ. Написано бысть имена въ ней царей Греческихъ, кому царемъ быти дондеже стоитъ Цареградъ».

Эти показанія Антонія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ общимъ чертамъ: Императоръ Левъ Философъ взялъ — или послалъ взять (сл. «принесена бысть въ Царьградъ») въ Вавилонѣ, въ гробницѣ пророка Даниила, грамоту, которую либо самъ истолковалъ («переписалъ») философски, либо перевели позднѣе философы на греческій языкъ. Въ ней были написаны имена будущихъ царей, кому быть царемъ, пока стоитъ Царьградъ.

Таково въ сущности содержаніе и того эпизода русской Повѣсти о Вавилонѣ, который я назвалъ: Посланіемъ византійскаго императора Льва въ Вавилонъ. Къ грамотѣ, къ «глаголу знаменія» присоединилось еще и вещественное перенесеніе регалий; гробница пророка Даниила замѣнена гробницей св. трехъ отроковъ, связанныхъ съ прор. Данииломъ уже въ библейскомъ

über Babylon XIII, 21»; слѣдуетъ, разумѣется, признать посредство средневѣковыхъ представленій о пустынномъ Вавилонѣ. См. еще Sébillot, Traditions et superstitions de la haute-Bretagne, t. II, p. 218: A une certaine époque, ou quand ils ont fini leur vie (?), tous les reptiles vont à Babylone; ils montent dans la grande tour.... et quand la cloche sonne, ils retombent dans un trou.... Quand les serpents n'ont pas vu de monde pendant sept ans, ils allongent comme des pieds de maré (houe); c'est à ce moment qu'ils vont à la tour».

¹⁾ И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LX, стр. 343—4: Сказаніе о Софійскомъ храмѣ Царяграда въ XII в.

разскажѣ. Какъ объяснить эту замѣну — я не знаю; по свидѣтельству Кодина мощи пророка Даниила были положены царицей Еленой въ церкви св. Романа, сооруженной ею близъ Романовыхъ вратъ ¹⁾).

Такъ или иначе — разсказъ Антонія нельзя отдѣлить отъ посланія Льва въ русской Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Это даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что уже въ XII вѣкѣ существовала въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени главнаго дѣйствующаго лица съ *посланиемъ* русской повѣсти; 2) что *посланіе* это явилось эпическимъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи загадочныхъ пророчествъ о судьбѣ Византіи, въ которыхъ знаменательно чередовались имена Даниила и Льва Мудраго.

Для литературной исторіи вавилонской повѣсти не безынтересенъ тотъ фактъ, что ея баснословные мотивы проникли — въ отреченное житіе свв. Кирика и Улиты, какъ такимъ-же образомъ Акиръ Премудрый славянской повѣсти — въ чудо св. Николая. Кирикъ и мать его Улита жили при Александрѣ и Максиміанѣ, говоритъ житіе, встрѣтившееся мнѣ въ сборникѣ г. Сырку; въ Тарсѣ первый подвергаетъ ихъ различнымъ мукамъ; при видѣ одной изъ нихъ — ихъ собираются ввергнуть въ котель съ кипящею смолою, масломъ, воскомъ, — Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ еѣ напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей «отъ печи» Ананія, Азарія и Мисаила и пророка Даниила изъ львинаго рва ²⁾. — Что слѣдуетъ далѣе, переноситъ насъ къ чертамъ Вавилонской повѣсти. «Не вѣсы ли, мѣи моа, егѣа Маѣѣмианъ црѣ повелѣ наю вѣложити въ корабѣ и сточитъ наю ѿ свое земле? Беху бо тамо сверіе мноси, не мо-

¹⁾ Саввантовъ, I. с. прим. 165 на стр. 135.

²⁾ Въ житіи свв. Кирика и Улиты, помѣщенномъ въ Acta Sanctorum, (Junii IV, подъ 16 числомъ, стр. 27) сынъ также ободряетъ мать напоминаніемъ Божьей помощи; примѣры: три отрока въ печи, Сусанна, Даниилъ во рвѣ львиномъ. — Слѣдующаго въ славянскомъ текстѣ эпизода нѣтъ.

жеть ёзыкъ члѣчъ нѣ йсчесты, и ёхиднѣ аспидь; бѣше бо тѣ змеи великы, ѿпашь ёго досезаше до оустъ ёго и посрѣа ёго блато ѿбстояше минующѣи .н. днѣи. И грѣзеше травѣ и трѣстѣи, и хотѣхоу наю пожрѣти зверѣи тѣи, нѣ Бѣ спсе наю, и избави на ѿ звѣри лютыѣ. Не всѣи ли мѣи моа: ёга придохѣ къ *аву лону градоу*, и ѿбрѣтоховѣ ёго пуста, и бѣху тѣ зверѣи мнози, и ны ёдинъ къ намъ не прикоснусе? Не всѣи ли мѣи моа гакѣ ёгда придохѣ на рѣцѣ мадиам'ли, та бо ѣ рѣка исходеце ѿ безднѣи и с пекломъ течеть размесь, тоу же реку не можеть нѣ ёдинъ члѣкъ прѣйти, нѣ божемъ повеленѣемъ въ сѣ прѣходѣти, и тогда придуть всѣи зверѣи, темъ же ѣ камень зелель, — а ми прѣидохѣ въ днѣ четвертъ повелѣнѣемъ бжемъ?»

Образъ пустаго, населеннаго чудовищами Вавилона ясно напоминаетъ содержанѣе повѣсти. Обращу вниманѣе лишь на одну подробность: на переходъ черезъ рѣку, къ которой, въ урочное время (въ субботу), собираются звѣри, потому что только въ этотъ день она проходима; у тѣхъ звѣрей какой-то, очевидно чудодѣйственный, камень *зелель*. Я указываю, въ параллель, на чудесное быліе Вавилонской Повѣсти и Аполлонія Генриха von Neustadt; вспомнимъ кстатѣ, что въ нѣмецкой поэмѣ Лоніи, возвращаясь изъ пустыннаго Вавилона, принужденъ перебраться черезъ рѣку и дѣлаеть это при помощи своихъ перстней, подкрѣпивъ себя и коня зелемъ, которымъ снабдилъ его властитель звѣрей, баснословный *Milgot*.

III.

КЪ СКАЗАНІЮ О ПРЕНІИ ЖИДОВЪ СЪ ХРИСТІАНАМИ.

Разбирая сказанѣе о двѣнадцати пятницахъ эдеверіевской редакціи, я подробно рассмотрѣлъ мотивъ пренія, нашедшій выраженѣе то въ формахъ мистической легенды, то въ веселой

новеллѣ, распространенной на западѣ и у насъ ¹⁾. Въ послѣдней препирающихся являются: еврей и бродяга Freiheit (Disputatz Розенблюма), либо жидовскій философъ и скоморохъ (русская повѣсть), или: магометанинъ и христіанскій священникъ, монахъ (Сорокъ визирей). Я остановился съ умысломъ на тѣхъ пересказахъ, гдѣ споръ ведется между представителями двухъ религій — и рѣшается въ пользу той или другой, смотря по вѣроисповѣданію рассказчика: у магометанъ побѣждаетъ магометанинъ, у насъ побѣжденнымъ является еврей. — Споръ ведется знаками, значеніе которыхъ каждый изъ спорщиковъ понимаетъ различно; отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній, тѣмъ не менѣ приводящихъ къ торжеству праваго дѣла. У Розенблюма Еврей поднимаетъ вверхъ одинъ палецъ, выражая тѣмъ,

wie ein gerechter weg nur sei;

Freiheit отвѣчаетъ ему, поднявъ два пальца, которые еврей толкуетъ такъ, что его противникъ указалъ ему на два пути,

*und wie sie bed auch gerecht sein,
der ein zu freud, der ander zu pein,
das ist gen himmel und gen hell.*

У Аккурсія греческій мудрецъ препирается съ придурковатымъ Римляниномъ (stultus): Graecus sapiens nutu disputans coepit et elevavit unum digitum, unum deum significans; stultus credens, quod vellet eum uno oculo excaecare, elevavit duos et cum eis elevavit etiam pollicem, sicut naturaliter euenit, quasi caecare eum vellet utroque. Graecus autem credidit quod Trinitatem

---

¹⁾ См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, II, vi: Freiheit — Элеверей. Къ тексту Элеверейской легенды, изданной мною по нарядскому списку, стр. 124—5, см. замѣчанія о. Мартынова въ Памятникахъ древней Письменности, вып. III, стр. 32. — Старосверный рассказъ, отвѣчающій глоссѣ Аккурсія (Опыты I. с. стр. 97—98), издавъ недавно Gering'омъ, Islendzk Aeventyri, I, стр. 239—244: Af gómverska daganum.

ostenderet. На самомъ дѣлѣ Freiheit понялъ, что, поднявъ палець, Еврей угрожалъ ему выколоть глазъ — онъ и посулилъ ему выколоть *оба*. Такъ и въ одномъ варьянтѣ русской повѣсти: «і паки став Тараска жидовинъ, единъ персть устава скомороху; і помысливъ скоморохъ: то ми хоцетъ глас выколот — и скоморох ему два перста устави: аз тебѣ два глаза выколю». — Что разумѣлъ подъ тѣми знаками жидовинъ, изъ разсказа не видно. — Новую подробность приносить другой варьянтъ: скоморохъ — *кривъ*; «жидовинъ Тараска устави на него одинъ персть и помысли: «Богъ единъ сотвори челоуѣка одинаго Адама», а скоморохъ помысли, «что де азъ кривъ и онъ хоцетъ и другой глазъ выколоть», и постави ему концемъ два перста и мысляше: «Я де тебѣ и оба выколю». Тараска же мысляше: «Азъ де загадалъ, что Богъ сотвори Адама, а онъ де казалъ: той-же сотвори и Евву». И мысляше Тараска, яко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творить». — Замѣтимъ, что въ одной западной новеллѣ, приведенной Регисомъ, точно также спорятъ испанскій посоль при дворѣ Якова I англійскаго и *кривой* мясникъ изъ Абердина, усматривающій въ пальцѣ, поднятомъ противникомъ, желаніе поглумиться надъ его тѣлеснымъ недостаткомъ.

Откуда взялась черта нашей повѣсти, что христіанскій скоморохъ, побѣждающій жидовина, представляется *кривымъ*?

Намъ придется по этому поводу познакомиться съ особой повѣстью о «преніи» христіанъ съ невѣрными, распространенною въ западныхъ и греко-славянскихъ пересказахъ ¹⁾.

¹⁾ Къ библиографіи см. Schimpf und Ernst von Johannes Pauli, hrsg. v. H. Oesterley, p. 378—80, № 683-й. Издатель указываетъ въ примѣчаніяхъ на существованіе того-же разсказа въ другихъ памятникахъ: Herolt, Sermones discipuli de tempore et de sanctis et Promptuarium exemplorum (Nuremb. 1486), f. 6 (Vincentius Bellovacensis, Spec. historiale, Duaci 1624, f. 1225); Bernardinus de Bustis, Rosarium sermonum, Hagen, 1503, I, 98, Z (Marco Nic. Polo); Speculum exemplorum, Daventr. 1481, 9, 145; ed. Major, Duaci, 1611, 422; Geiler, Das Evangeli buch. Strasz. 1515, f. 70^b, sign. Mij verso; id. Evangelia, Strasz. 1522, f. 73^b, sign. N verso.

I.

Марко Поло¹⁾ рассказываетъ о чудѣ, приключившемся между *Багдадомъ* (Baudas) и *Мосуломъ*. Какой-то багдадскій калифъ денно и ночью думалъ съ приближенными ему духовными лицами, какъ — либо извести подвластныхъ ему христіанъ, либо обратитъ ихъ въ исламъ. Въ св. Писаніи они открыли изреченіе, что если у христіанина есть вѣра хотя-бы съ горчичное зерно, и онъ велитъ сдвинуться горѣ, она сдвинется (Матѣ. XXI, в. 21—22; XVII, в. 19—20). Христіане, созванные калифомъ, подтвердили истинность этихъ словъ, и калифъ, не сомнѣваясь, что между ними найдется потребное количество вѣры, предлагаетъ имъ на выборъ: либо сдвинуть ту гору, либо принять исламъ или умереть. Сроку на размышленіе дано десять дней. Восемь дней и восемь ночей молятся, собравшись вкупѣ, христіане; наконецъ Господень ангелъ открылъ нѣкому благочестивому епископу: пусть обратятся къ такому-то *одноглазому башмачнику* (*chabitier, zabater = savetier*; въ текстѣ, изданномъ Географическимъ Обществомъ, онъ названъ и *scalantur = Kalandar* по догадкѣ Юля) и попросятъ его помолиться; Господь, за его святую жизнь, услышитъ его моленіе. Тотъ башмачникъ жилъ въ праведности и чистотѣ, постясь и воздерживаясь отъ грѣха, ежедневно ходя къ обѣднѣ и отдавая Господу часть своихъ заработковъ. А глаза онъ лишился такимъ образомъ однажды какая-то женщина пришла къ нему заказать баш-

---

Далеко не всѣ эти тексты были у меня подъ руками. Обычной любезности Рейнгольда Келера я обязанъ указаніемъ на Pauthier, *Livre de Marco Polo* (р. I, р. 52 слѣд. и прим. на р. 57) и извлеченіями изъ *Rosarium sermonum, Speculum Exemplorum* и *Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon, publ. pour la Société de l'histoire de France par A. Lecoq de la Marche, Paris 1877, р. 282, № 332.*

¹⁾ Yule, *The book of ser Marco Polo*, I, р. 65 слѣд. (l. I c. VII—X); сл. ib. р. CXLIX—CL (эпизодъ изъ *Baudouin de Sebourg*); Pauthier, *Le livre de Marco Polo*, I, р. XXV—XXVIII. Сл. *I viaggi di Marco Polo*, ed. Adolfo Bartoli, *Appendice*, ch. XXVII—XXX.

маки и показала ногу, чтобы снять мѣрку. А нога и лядвія у ней были красивыя; и башмачникъ ощутилъ въ себѣ грѣховныя помыслы. Слышалъ онъ часто слова св. Евангелія: если око твое соблазнить тя, изми его и верзи отъ себя, а не грѣши (Матѳ. XVIII, в. 9; V, в. 28, 29). И вотъ, какъ только та женщина вышла отъ него, онъ взялъ шило, которымъ работалъ, и выкололъ себѣ глазъ. Такъ-то онъ сталъ одноглазымъ.

Нѣсколько разъ было епископу видѣніе о башмачникѣ, который, узнавъ о возлагаемыхъ на него надеждахъ, объявляетъ себя недостойнымъ, но уступаетъ общимъ просьбамъ. Въ назначенный день сто тысячъ христіанъ, отстоявъ обѣдню, идутъ процессіей, съ распятіемъ во главѣ, въ долину, за которой возвышалась гора и гдѣ ожидалъ ихъ калифъ съ вооруженными Сарацинами, готовыми истребить ихъ, еслибъ не совершилось чудо. Но оно совершается, по молитвѣ башмачника, къ ужасу Сарацинъ, большая часть которыхъ принимаетъ христіанство; калифъ также крестится тайно, по его смерти на немъ нашли шейный крестъ, почему и погребли его отдѣльно отъ другихъ калифовъ.

Нѣкоторые латинскіе тексты путешествія Marco Polo приурочиваютъ чудо къ *Tauriscu*; Rosarium Sermonum predicabilium (Pars prima, fol. XCVIII^a) начинается свой пересказъ легенды указаніемъ на города *Baldac* и *Taurisium*, гдѣ жили подвластные невѣрнымъ христіане. Дѣйствующія лица легенды: Калифъ и «quidam christianus simplex et idiota, sed veracem fidem habens», въ простотѣ сердца допрашивающій епископовъ, точно-ли Христосъ сказалъ слова, на которые сослался калифъ. Получивъ увѣреніе, онъ идетъ со всѣми къ горѣ и «cum martello montem percussit, dicens: O mons, precipio tibi in nomine domini nostri Jesu Christi et in virtute fidei christianae, ut proicias te in mare. — Ничего не сказано о томъ, что онъ башмачникъ и одноглазъ, и о причинѣ этого недостатка. Въ концѣ помѣчено: Et hoc miraculum retulit Marcus Nicolai polo (sic) venetus de visu, qui tunc erat in partibus illis (?).

По разсказу одного миссіонера XVI вѣка чудо съ горою (Manhus) совершилось между *Tavrisomъ* и *Накимваномъ* ¹⁾.

Въ *Speculum exemplorum* (*Distinctio nona, Exemplum CXLV*) мѣстность не названа; годъ, хотя и ошибочный (*Anno domini CXXV*), указываетъ, быть можетъ, на текстъ *Marco Polo* у *Рамузія*, гдѣ чудо отнесено къ 1225 году (*CXXV* вм. *MCCXXV?*); *Caliphus rex Tartarogorum* даетъ христіанамъ десятидневный срокъ, спасителемъ является *sutor monopilus*. Подробности о женщинѣ нѣтъ.

Yule предполагаетъ, что соотвѣтствующій эпизодъ *Baudouin de Sebourg*, старофранцузскаго романа XIV вѣка, обличаетъ знакомство его автора съ *Marco Polo* и, между прочимъ, съ легендой о чудѣ. Замѣтимъ, однако, что въ романѣ пересказъ чуда представляетъ отмѣны, сближающія его съ редакціей *Johannes Pauli* и *Geiler'a*, а это указываетъ на какой нибудь общій источникъ, можетъ быть параллельный съ *Marco Polo*.

Baudouin, разбитый бурей въ Индѣйскомъ морѣ, выброшенъ на берегъ въ странѣ Багдадской (*Baudas*), у города *Falise* на рѣкѣ *Baudas*, жители котораго

.... ne creioient Dieu, ne Mahon, ne Tervagant,
Ydole, cruchefis, diable ne tirant.

Въ самомъ городѣ *Baudas* = Багдадѣ жило около ста человѣкъ христіанъ, платившіе Калифу за право существованія. — Я опускаю нѣсколько приключеній *Baudouin*, чтобы перейти къ слѣдующему: *Baudouin* заболѣлъ и принужденъ продать своего коня и оружіе; болѣзнь его на столько злокачественна, что его выгоняютъ изъ дому; сидя на камнѣ онъ продолжаетъ исповѣдывать Христову вѣру, говорить, что еще мало взысканъ былъ за свои прегрѣшенія и не ропщетъ, когда въ христіанскомъ кварталѣ никто не подаетъ ему милостыни.

¹⁾ *Yule*, l. c. съ ссылкою на *Gravina, Christianità nel' Armenia etc. Roma, 1605, p. 91.*

Ensement Bauduins chelle rue cherqua
 Tant qu'à un *chavetier* Bauduins s'arresta
 Qui chavates consoit; son pain en gaaigna,
 Jones fu et plaisans, apertement ouvra;
 Boudouins le regarde, c'onques mot ne parla.

Милосердый башмачникъ подаетъ ему хлѣба, пару башмаковъ и сѣрый плащъ, не по росту короткій; онъ предлагаетъ Бодуэну *выучить его своему ремеслу*, но тотъ, какъ рышарь, горделиво отказывается. — Слѣдуетъ за тѣмъ знакомое намъ объявленіе Калифа, наущеннаго старымъ Сарациномъ, знавшимъ тридцать языковъ, между прочимъ еврейскій и латинскій: христіанамъ предлагаютъ двинуть своими молитвами гору *Thir* въ долину *Joachim*. Невѣдомый голосъ указываетъ имъ на святаго человѣка, живущаго у башмачника, и Бодуэнь совершаетъ чудо. Калифъ крестится, уступаетъ свое царство Бодуэну, а тотъ — башмачнику.

За сообщеннымъ эпизодомъ старо-французскаго романа я предполагаю существованіе слѣдующей схемы: Бодуэнь выброшенъ бурей на берегъ, приютился у башмачника, учится его ремеслу, и ставъ его наслѣдникомъ, совершаетъ знакомое намъ чудо. Такова схема легенды у *Johannes Pauli*; новымъ является отождествленіе башмачника чуда съ башмачникомъ легенды объ ап. Маркѣ, встрѣчающейся отдѣльно, напр. въ *Speculum Historiale* Винценція изъ Бовэ¹⁾. Внесеніе ап. Марка стоитъ въ связи

¹⁾ *Spec. historiale*, l. X, c. LVII (De gestis sancti Marci evangeliste):... cum.... autem venisset Alexandriam, mox ut urbem ingressus est, calciamentum ejus disruptum est, quod ipse intelligens ait: Vere iter meum expeditum est. Quendam vero conspiciens qui suere vetera solitus erat, calciamentum tradidit corrigendum. Quod cum faceret, sinistram manum vulneravit et exclamavit: Unus Deus! Audiens Marcus quod ille dixerat Unus Deus, ait inter se gaudens: Prosperum fecit Deus iter meum. Et expuens in terram unxit manum viri dicens: In nomine Hiesu Christi fili dei! Et confestim sanata est manus ejus. — По еро просьбѣ апостолъ

съ перенесеніемъ мѣста дѣйствія изъ Багдада въ Александрію; у Гейлера въ его *Evangelibuch* (ed. Oesterley), при часто буквальномъ тождествѣ разказа, отличие то, что дѣйствующимъ лицомъ является не Kaiser, а какой-то «*König von Babiloni*», т. е., несомнѣнно, Каира ¹⁾.

Вотъ разказъ Pauli.

Богатый купецъ, по имени Аманъ (Amanus), терпитъ кораблекрушеніе, направляясь въ Александрію, куда является нищимъ. Онъ поступаетъ въ обученіе къ одному башмачнику, платавшему старую обувь, по смерти котораго самъ становится мастеромъ. «*Es fügt sich das sant Marx der ewangelist dar kam, und was im ein bletz von einem schüh gebrochen, den wolt er wider lassen machen, und kam zû disem Amano, der setzt in im wider uff, und sant Marx lag uff dem laden und lügt im zû. Amanus sahe in als an, und dunckt in wie etwas götlichs usz seinem angesicht gieng, und uber sahe es, und stach sich mit der alen durch ein hand, und fieng an zû schreien und sprach. O ewiger Got wie ist mir so we. Sant Marx salbt im die wunden mit speichlet, da was er gleich gesunt, also predigt er im, und taufft in, und underwiz in in dem cristen glauben und liesz im sein ewangelienbüch. Sant Marx zohe hinweg, diser Amanus nam fast zû, und macht vil cristen, und thet grose wunderzeichen. Es fügt sich das iuden zû Babiloni die cristen gern hetten vertriben und umbracht, und kamen zû dem Keiser und sprachen. Her, ir haben ein berg da an dem ort, den hetten ir gern hinweg, berüffen dy cristen, und sagen inen, das sie dem berg gebieten, das er hinweg gang, oder ir wöllen sie lassen döten, war ir glaub*

поселяется у него, крестить его и ставитъ епископомъ; его имя *Anianus*. Полагаю, что *Amanus* слѣдующаго далѣе разказа Pauli — описка въ *Anianus*.

¹⁾ См. мою «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», Славянскій Сборникъ т. 2-й, стр. 153; см. Zingerle, въ *Sitzungsberichte d. phil. hist. Cl. der Wiener Ak.* 1865, В. 50, р. 371 слѣд.

sei nit gerecht. Wan Christus spricht in dem ewangelio, wan ir ein glauben haben eins senfkörnlin grosz sprechen ir zû dem berg, gang da hinweg, so würt er es thûn». Согласно съ этимъ царь дѣлаеть такое именно предложеніе епископу, который, испросивъ себѣ сроку, налагаетъ на свою паству трехдневный постъ и молитву. Ангелъ Господень является ему и говоритъ, что никто не въ состояніи будетъ подвинуть гору, кромѣ *криво* Амана. Чудо состоялось въ назначенный день: по молитвѣ Амана «fieng der berg an zû laufen, als ein schiff uff dem mer, und lieff gegen der stat Babiloni. Da erschrack der keiser fast ubel und forcht er würd die stat gantz verderben und bat Amanum das er dem berg gebüt stil zûston. Da thet es Amanus, da stûn der berg stil, und stot noch da. Diser Amanus da er in dem ewangelien büch gelesen het, ergert dich dein aug, so stich es usz, das hat er gethon, *er stach im selber ein aug usz*. Zwo hübsche frauen giengen für sein laden anhin, die sahe er an, und er begert ir unordenlich, und verstünd die geschriff nit recht (?), darumb ward er darzû erwelt dem berg zûgebieten».

II.

Локализация легенды въ *Александріи* и *Каирь-Вавилонѣ* сближаетъ разсказъ Pauli и Geiler'a съ группою греческихъ и славянскихъ. На востокѣ¹⁾ чудо съ горою примкнуло къ имени *александрійскаго* патріарха Іоакима (избранъ въ 1486 году), о которомъ повѣствовалося и другое: врачъ египетскаго султана Гаври, *еврей*, сталъ вождемъ заговора, имѣвшаго цѣлью истребленіе или вытѣсненіе христіанъ; съ согласія султана онъ приготовилъ

---

¹⁾ Сл. Малышевскаго, Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви (Кіевъ, 1872), стр. 163—165, прим. 1; сл. стр. 158, прим. 1, стр. 161—2 и 167—8, прим. 2. Слѣдующія далѣе подробности заимствованы изъ этой книги.

ядъ и, чтобъ подь благовиднымъ предлогомъ заставить патріарха выпить его, посовѣтовалъ потребовать оправданія словъ Евангелія: «аще что смертное испіють, не вредить имъ». Патріархъ вышелъ побѣдителемъ изъ испытанія, а врагъ, принужденный выпить изъ той-же чаши не самый ядъ, а лишь воду, въ ней взболтанную, погибъ. — Такъ въ разсказѣ Синайскихъ старцевъ, приходившихъ въ Москву къ Іоанну Васильевичу съ грамотою отъ Іоакима и Синайскаго архіепископа Макарія отъ 20 окт. 1557 г. — и въ Сказаніи Трифона Коробейникова, бывшаго въ Каирѣ въ 1584 г. — Легенда, переведенная однимъ Коптомъ съ арабскаго языка на греческій въ 1688 г. и открытая преосвящ. Порфиріемъ, присоединяеть къ чуду съ ядомъ — и чудо съ горою, подвинувшейся по молитвѣ Іоакима и монаха *τζαγγάρης*, т. е. *башиачника, сапожника*, еврей названъ — Муза, онъ *γραμματοῦ τοῦ διβανίου*; имя царя — *Μίναξ*. — Тоже соединеніе двухъ чудесъ представляетъ краткая греческая повѣсть Христофора Ангела¹⁾, выводящая дѣйствующимъ лицомъ одного лишь безыменнаго патріарха: Евреи, жившіе въ Каирѣ, убѣдили пашу (*πασίας: «τουτέστιν Λατενικῶς καλεῖται Πρίντζεψ»*), общаніемъ двойной подати, чтобъ онъ потребовалъ отъ христіанъ подтвержденія словъ Христовыхъ: «ὁ ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὄρη μεθιστάνειν» (Matth. XVII, v. 20) и «καὶ θανάσιμον πίνη, οὐ μὴ βλάψῃ ἐκεῖνον» (Marci XVI, v. 18). Патріархъ выпиваетъ, безъ

¹⁾ Christophori Angeli Graeci De statu hodierno Graecorum Enchiridion Graece conscriptum, jam correctius cum versione Latina e regione posita et annotationibus multo quam antea locupletioribus, cura Georgii Fehlavii, Ecclesiastae Dantiscani, adornatum. Lipsiae, 1676, 4°, Cap. XXVI, p. 550—560. За выдержки изъ этого изданія, о существованіи котораго я узналъ изъ работы Малышевскаго, приношу благодарность Р. Келлеру и Ѡ. Д. Батюшкову. Самъ я могъ пользоваться изданіемъ 1678 г. (Fragaequae, ex officinâ Johannis Gyselaer), изъ котораго (p. 54—58) помѣщенъ дагѣ въ Приложеніи разсказъ о чудѣ; на стр. 4—8 перепечатаны *Dedicaciones graeco exemplari anno MDCXIX in typographia Academiae Cantabrigiensis publicis typis edito praefixae.*

вреда для себя, чашу сильнаго яда, осѣнивъ её знаменіемъ креста, что было ему воспрещено; но онъ обошелъ этотъ запретъ, спрашивая Калифа: съ какой стороны чаши онъ прикажетъ ему пить, съ этой, или той и т. д. и такимъ образомъ въ четырехъ мѣстахъ на-крестъ касается пальцами краевъ чаши. — Еврей, выпившій послѣ того воды, въ нее влитой, тотчасъ-же умираетъ. — Слѣдуетъ за тѣмъ другое испытаніе вѣры: христіане проводятъ въ молитвѣ три дня и три ночи, послѣ чего тотъ-же патріархъ простираетъ руку къ горѣ, съ словами: Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος. И гора двинулась и остановилась лишь когда патріархъ благословилъ её, сказавъ: Στήδι ὄρος. Такъ она зовется и по сю пору, *τουρικήν δὲ γλώττα καλεῖται ΔΤΟΡΔΤΑΓ, τούτέστι, στήδι ὄρος.* Патріархъ не воспользовался своимъ правомъ: умертвить Евреевъ, но, съ дозволенія паши, даровалъ имъ жизнь подъ условіемъ: возить на свой счетъ Нильскую воду въ выше расположенный Каиръ, — что они и до сихъ поръ дѣлаютъ ¹⁾).

Замѣтимъ хронологическое показаніе въ началѣ сообщеннаго разсказа: что чудо совершилось πρὸ ἐξήχοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλείον. Если это — замѣтка Христофора Ангела, то, отправившись отъ 1619 году, т. е. перваго изданія Энхиридиа, мы придемъ приблизительно къ 1560-му году, т. е. послѣднимъ годамъ патріаршества Иоакима, оставившаго кафедру въ 1565—6 гг. Но дѣло въ томъ, что русскій паломникъ Гогара, бывшій въ Александріи въ 1634 году и передающій легенду съ нѣкоторыми отличіями отъ Христофора Ангела, также говоритъ о чудѣ, какъ о совершившимся *60 лѣтъ тому назадъ.* Это совпаденіе можетъ

---

¹⁾ Къ этому разсказу въ изданіи 1676 г. замѣчено, p. 560: *Tale etiam legitur apud Discipulum de Tempore (= Herolt) de Calipha Rege Tartarico. Simile quid refert ex Petr. de Natalibus in Catal. Sanct. Lib. 9 cap. 19 Theatrum V. H. Beyerlingi Lit. F. Fides, p. 104. Et de Graecis sub Mahometo narrat M. Paulus Venetus de Regionibus Orientalibus Lib. I, c. 18 in Theatr. Beyerl. p. 107 a.*

быть истолковано въ томъ смыслѣ, что тотъ и другой имѣли передъ собой какую-нибудь болѣе древнюю запись преданія, и выкладка г. Малышевскаго, основанная на текстѣ Гогары (1634—60=1574) оказывается во всякомъ случаѣ сомнительной¹⁾.

Современное Синайское преданіе, сообщенное преосв. Порфиріемъ, знаетъ лишь чудо съ горою: Жилъ нѣкогда въ *Каирѣ* одинъ сапожникъ, православный христіанинъ, неизвѣстно какъ называвшійся по имени. Въ то время Калифомъ былъ одинъ весьма жестокий человѣкъ. Разъ онъ призвалъ къ себѣ патріарха Александрійскаго и сказалъ ему: въ книгѣ вашей говорится, что кто изъ васъ скажетъ горѣ какой-нибудь: двинься съ мѣста, то гора подвинется. И такъ: или ты сдѣлаешь то, что говорится въ книгѣ вашей, и докажешь, что вѣра ваша истинна, или принимай исламъ со всѣмъ твоимъ народомъ, если хочешь жить на свѣтѣ. — Никакое возраженіе патріарха не было принято. Онъ былъ въ отчаяніи, вышедши отъ калифа. Ночью во снѣ кто-то повелѣлъ ему отыскать въ городѣ такого-то *цангара* (сапожника) и просить его сдѣлать передъ калифомъ требуемое чудо. Цангаръ былъ отысканъ и послѣ долгихъ отговоровъ упрощень подчиниться волѣ Божіей и пойти съ патріархомъ къ Калифу. Калифъ, не менѣе патріарха изумленный видомъ приведеннаго, созвалъ весь свой синклятъ и множество народа на небывалое зрѣлище. Бѣдный цангаръ помолился Богу и въ простотѣ сердца сказалъ первой, какая была передъ глазами, гора: двинься! Гора двинулась. Калифъ и весь народъ въ одинъ голосъ закричали: стой, стой! Христіанство этимъ не только спаслось въ Египтѣ, но и получило разныя привилегіи. Гора получила имя: *Дурда* (стой). А цангаръ, вошедшій въ величайшую славу друга Божія и чудотворца, не вынесъ своего положенія и скрылся на Синай. Но и здѣсь добродѣтель его не замедлила просіять. Въ первый-же разъ, какъ онъ поднимался изъ монастыря на гору Божію и, изнемогши отъ усталости

¹⁾ Малышевскій, I. с., стр. 181 и 165 прим.

и жажды, сказалъ: Если бы тутъ была хоть капля воды! вода вдругъ просочилась изъ подъ камня (= ключъ Цангара). Чудотворецъ долго жилъ тутъ и тутъ-же почилъ о Господѣ ¹⁾).

Славянорусскіе пересказы легенды о чудѣ съ горою, восходящія къ XIII вѣку, удерживаютъ александрійское приуроченіе, знаютъ одноокаго чудотворца и поводъ къ его самоистязанію, но въ отличіе отъ знакомыхъ намъ разсказовъ называютъ его не башмачникомъ, а *златокузнецомъ*, *златоковачемъ*. Этотъ загадочный для меня варьянтъ имѣлъ, впрочемъ, болѣе широкое распространеніе, судя по версіи нашего чуда у Étienne de Bourbon: item *audivi* a quodam magno quod, cum in quibusdam partibus oppressissent gentiles.... начинается онъ свой пересказъ; властитель той страны (*rector illius terrae*) требуетъ отъ епископовъ и священниковъ оправданія словъ Христа: *Si habueritis fidem* и т. д. Далѣе легенда совпадаетъ съ редакціей *Rosarium sermonum*, но дѣйствующее лицо — *faber quidam catholicus*, ударяющій гору своимъ *молотомъ*. Можетъ быть, и оригиналъ *Rosarium*, въ которомъ намъ встрѣтился тотъ-же эпизодъ, зналъ его героя ковачемъ — *faber*?

Сообщаю пересказъ Пролога, воспроизведенный и въ Макарьевскихъ Минеяхъ ²⁾:

«Въ Александрѣи Египетстѣи бѣше нѣкто златокузнецъ, славенъ зѣло въ всемъ градѣ томъ, хытлости ради рукодѣлія

¹⁾ Преосв. Порфирій, Изъ Записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1872, май, стр. 297—8; сл. его-же: Первое путешествіе на Синай, стр. 175.

²⁾ Легенда о чудѣ встрѣчается уже въ Хлудовскомъ Прологѣ 1262 г. (сл. Н. Петровъ, О происхожденіи и составѣ славянорусскаго печатнаго Пролога, стр. 209, прим. 5). Обыкновенно она стоитъ подъ 7 октября: такъ въ печатномъ Прологѣ и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ (сл. А. Ф. Бычкова, Описаніе слав. и русск. рукописн. сборн. Имп. Публ. Библ., № XLVII, ч. I-я, стр. 222), тогда какъ другіе помѣщаютъ его подъ 6-мъ, равно какъ и Макарьевскія Минеи. Мы слѣдуемъ тексту послѣднихъ, кое гдѣ исправляя по проложнымъ.

своего. Къ сему прииде нѣкая жена, моляшетъ и главную сѣтворити утварь на красоту своего телесѣ. Бывшую же сѣвъпрошанію ихъ и бесѣдѣ, нача глаголати жена, юже к любодѣланію подобна, и блазняшеса златокузнецъ в' помыслехъ на ню. Ти, яко быв'шую бѣсовску пгѣненію о грѣсѣ и осязанію руками и помизанію очима и неподобному смѣху, преже даже не устрѣмися къ грѣху, и помяну слово іевангельское, въ немъ же мѣстѣ глаголетъ: аще съблажняеть тя рука твоя десная или нога, отсѣци ю, или око, избоди е; луче бо ти есть кюснву съ единѣмъ окомъ внити въ царство небесное, нежели цѣлыми уди имущу въвер'жену быти въ езеро огненное. И възрѣвъ на жену рече: Мало ми отступи, хоцю бо сѣтворити повелѣная намъ, — и иземъ ножъ, удари са въ око десное и рече: Виждь, Господи, яко съхранитель заповѣдей твоихъ есмь; да егда въстрѣбую помощи отъ тебе, не удалися отъ раба твоего». Въ дальнѣйшемъ разсказѣ отмѣтимъ слѣдующее: Египтомъ владѣють Сарацины, въ Александріи «мучитель лють на Христіанъ» принуждаеть ихъ причаститься къ скверной могометовой вѣрѣ — и предъявляетъ епископу извѣстное намъ требованіе: повергнуть въ Ниль гору Адаръ; если чудо совершится, «въ ослабѣ послужите Христу вашему; аще ли ни, то все богатство христіанское взято будетъ въ ризницю цареву, вы же вся мотыла и проходы наша изъ града сего потребити (вар.: требити, истребити) имате». Христіанамъ дается восемь дней сроку; епископъ собираеть 3000 христіанъ, не считая женщинъ и дѣтей, на моленіе и всенощное стояніе; жена повѣдаеть ему о праведномъ златокузнецѣ, за которымъ посылають. На третій день всѣ идутъ къ горѣ и трижды обходятъ её съ крестами; она движетъ по молитвѣ кузнеца и останавливается лишь тогда, когда невѣрные обѣщали креститься. Иные такъ и сдѣлали; «нечестивіи же в'писаша вклят'ву оттолѣ и до вѣка не пакостити хрѣстіаномъ».

Въ 1634 году то-же преданіе слышалъ, будто-бы, въ Александріи русскій паломникъ Гогара. Ничто не мѣшаетъ намъ повѣрить этому его заявленію — на сколько оно не касается

редакціи его разсказа, несомнѣнно обличающей двойное литературное вліяніе. Во первыхъ вліяніе Пролога — Миней, хотя бы напр: въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Гогара.

Миней.

Въ то же время *приступи* етера жена ко епископу и сказа ему о златоковачъ, и еже все умышленье прежнее на него-же исповьдая, и его твердую вѣру и не приложную любовь къ Богу. Азъ бѣхъ, рече, любодѣяніе хотѣхъ съ нимъ сотворити; онъ же, яко твердый адамантъ, не поколебися и не прельстися на грѣхъ любодѣянія, избоде десное око свое. Слышавъ епископъ и не обрѣте его въ пришествии собора, и посла по него *вскоръ*.

Приступи же она жена къ епископу и сказа ему о златокузнице, исповьдаючи ему прежде свое умышление и того твердую Христову вѣру: тако не прельстися моими любодѣяными словесы, но свое десное око избоде. Си слышавъ епископъ и не обрѣте его въ пришедшемъ соборѣ, и посла по нь.

Другимъ источникомъ, съ которымъ могъ справляться Гогары, было какое-нибудь греческое сказаніе, близкое, по нѣкоторымъ подробностямъ, къ тексту Христофора Ангела. Какъ въ немъ повѣствуется о событіи, совершившимся за *шестидесятъ лѣтъ* или болѣе, такъ и у Гогары: *лѣтъ шестидесятъ*; тотъ и другой кончаютъ анекдотомъ: будто *Евреи* до сихъ поръ *возятъ нильскую воду на христіанъ* въ память о чудѣ съ горою; тамъ и здѣсь Александріей править *наша*.

Вотъ разсказъ Гогары ¹⁾.

«Да близъ же Египта Александрійска есть гора каменная, вельми высока, на кремль городъ, именуемая Одоръ. Да и азъ Василій про ту гору Грековъ спрашивалъ: Что сей градъ по-

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, VIII, стр. 115—117.

ставленъ близъ горы великія и страшныя, едва не осыплется на градъ? И Греки о ней повѣдаша: что та гора Одоръ давно подъ градъ пришла Божіимъ изволеніемъ *мѣтъ шестьдесятъ*. Было де у православныхъ Христіанъ прѣніе съ жидами о вѣрѣ Христіанской, что ту вѣру жидове ни во что полагаху и на Господа нашего Иисуса Христа хулу возглаголаху: что де не можете сей горы переставити; и они де за то стояли крѣпко, яко же Богъ наставилъ». Жиды подкупили турецкаго пашу и говорятъ: «аще вѣра Христіанская велика, да возмогутъ сію гору Одоръ призвати на градъ нашъ и придетъ (о)на гора ко Египту и падеть въ Геонъ рѣку, то-де вѣра ихъ велика и Христось силенъ, и имъ де дадимъ, Христіаномъ, пять сотъ тысячъ златыхъ. Аще ли не могутъ гору сію Одоръ призвати на Египетъ, имъ де на Христіанѣхъ взять пять сотъ тысячъ златыхъ». Епископу паша далъ «на осмь днѣй ослабу, да ся помогутъ», и тотъ, собравъ христіанъ, увѣщаль ихъ стоять крѣпко и прилежно молиться. — Слѣдуютъ: явленіе и показанія жены и призваніе златокузнеца. Его молитвами гора снялась съ своего мѣста, пошла на городъ и остановилась лишь тогда, когда устрашенные горожане обѣщали креститься. «И мнози вѣроваша жиды въ Господа нашего Иисуса Христа и написаша клятву на ся оттолѣ и до вѣку не пакостити Христіаномъ . . . . И паша де избра лучшихъ жидовъ человекъ съ пятьдесятъ и предасть смертной казни, и много казны съ нихъ взялъ, и вѣру ихъ прокляша. *Ини же жиды и донынѣ возятъ воду на Грековъ за то прѣніе*».

Разобранные выше рассказы о чудѣ распадаются на двѣ географическія группы: оно совершается либо въ Багдадѣ, Таврисѣ и т. п. (Марко Поло и его отраженія), либо въ Александріи, Каирѣ (Pauli, Geiler's Evangelibuch, греческіе и славянскіе пересказы). Авторъ Vaudouin de Sebourg, зналъ редакцію съ Багдадомъ, но, можетъ быть, и александрійскую. Его герой терпитъ кораблекрушеніе, какъ Аманъ у Pauli, чтò понятнѣе на пути къ Александріи, чѣмъ у Багдада; въ его оригиналѣ стояло, вѣроятно, и имя Іоахима; какъ объяснить иначе *«val*

Ioachim, куда чудеснымъ образомъ движется гора Thir? — Въ такомъ случаѣ это имя явилось въ легендѣ задолго до известнаго александрійскаго патріарха. — Другой выводъ предусматриваетъ всѣмъ предъидущимъ изложениемъ: кривой простецъ чудесной легенды объяснить намъ, быть можетъ, криваго скомо-роха смѣхотворнаго пренія.

Παροложение.

Ἱστορία περὶ τοῦ μετατεθέντος ὄρους ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Αἰγύπτου διὰ προσευχῆς τοῦ Πατριάρχου ἕνεκα τῆς εὐσεβοῦς πίστεως τῶν Χριστιανῶν, καὶ περὶ τοῦ ἰοῦ, ὃν πέπωκεν ὁ Πατριάρχης τῆς Ἱερουσαλήμ.

Πρὸ ἐξήκοντα ἐτῶν ἢ καὶ πλεον οἱ Ἑβραῖοι οἱ κατοικοῦντες ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Καίρου, φθόνῳ μεγάλῳ κινηθέντες κατὰ τῶν Χριστιανῶν, διὰ τὸ γενέσθαι τὸν Πασιάν (τουτέστιν Λάτεινικῶς καλεῖται Πρίντζεψ) πάνυ φιλάργυρον, συνεβουλεύσαντο τῷ Πασιᾷ, λέγοντες, δοῦναι τῷ Πασιᾷ τὸν φόρον τῶν κατοικούντων Ἑλλήνων ἐν ἐκεῖνοις τοῖς τόποις δις τόσον φόρον, καὶ ἀποκτείνειν τοὺς Χριστιανούς, διὰ τὸ ψεύδεσθαι τὸν Χριστὸν λέγοντα, ὃ ἔχων πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως ὥστε ὄρη μεδιστάνειν, Ματθαῖος κεφ. ιζ. στοιχ. κ. Καὶ κἄν θανάσιμον πίνῃ, οὐ μὴ βλάψῃ ἐκεῖνῳ, Μάρκος, κεφ. ις. στοιχ. ιη. Τότε ὁ λυσιώδης Πασιᾶς ἐκάλεσε τὸν Πατριάρχην καὶ λέγει· Ἡ πίστις ὑμῶν ἐστὶν ἀπάτη, διὰ τὸ λέγειν τὸν Χριστὸν· Ὁ πιστεύων εἰς ἐμὲ, κἄν θανάσιμον πίνῃ, οὐ μὴ βλάψεται ἐκεῖνῳ. Καὶ ἐν τούτῳ προσέταξεν ἵνα ὁ Πατριάρχης πῖνῃ ἰὸν ἔμπροσθεν τοῦ Πασιᾶ, μηδὲν σημεῖον σταυροῦ ποιησάμενος, ὅτι εἶπον οἱ Ἑβραῖοι τῷ Πασιᾷ· Οἱ Χριστιανοὶ ἔχουσι μαγίαν τὸν σταυρὸν, καὶ τότε κόπτεται ἢ ἐνέργεια τοῦ ἰοῦ. Καὶ τούτου ἕνεκα προσέταξε τῷ Πατριάρχῃ ὁ Πασιᾶς, μὴ ποιῆσαι σημεῖον τοῦ σταυροῦ ἐν τῷ πίνειν τὸν ἰόν.

Ὁ δὲ Πατριάρχης προσκαλεσάμενος τὸν λαὸν σὺν τῷ λαῷ τρεῖς ἡμέρας προσευχόμενος ἐνήστευε καὶ ἐδέετο τοῦ Θεοῦ, καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ θυσίας, σὺν ὄλῳ τῷ λαῷ ἐπορεύθη πρὸς τὸν Πασίαν, ἐκεῖ παρόντων καὶ πάντων τῶν Ἑβραίων. τότε ἐκομίσεν εἰς τῶν Ἑβραίων τὸν ἰὸν καὶ δίδωσι τῷ Πατριάρχῃ πιεῖν ποτήριον πλήρες ἰσχυροτάτου ἰοῦ. Ὁ δὲ Πατριάρχης κρατῶν τὸ ποτήριον πρὸς τὸ πίνειν, λέγει πάλιν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ· Πρόσεχε, μὴ ποθήσεις σχῆμα σταυροῦ ἐν τῷ ποτηρίῳ. Ὁ δὲ Πατριάρχης, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ' αὐτοῦ μυστικῶς, ἐρώτα τῷ Πασίᾳ, λέγων, τὸ λοιπὸν, πόθεν θέλεις ἵνα πῖω ἐκ τούτου τοῦ μέρους, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου, ἢ ἐκ τούτου, καὶ τούτῳ τῷ τρόπῳ ἔδηκεν ἐν τέσσαρσι τόποις τοῦ χεῖλους τοῦ ποτηρίου τοὺς δακτύλους αὐτοῦ, εὐλογῶν τὸ ποτήριον καθ' αὐτοῦ. Τότε πάλιν λέγει ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ, πῶς ὁπόθεν θέλεις, μὴ γνοὺς, ὅτι ὁ Πατριάρχης ἐν σχήματι σταυροῦ εὐλόγησε τὸ ποτήριον. Μετὰ ταῦτα ὁ Πατριάρχης πέπωκεν ὅλον τὸ ποτήριον, καὶ μετὰ τὸ πιεῖν κελεύει ἡ Πατριάρχης ἵνα φέρωσιν ὕδωρ, καὶ κομίσαντες τὸ ὕδωρ ἔβαλεν ὀλίγον ὕδωρ ἔσω τοῦ ποτηρίου, καὶ ἔπλυε τὸ ποτήριον. ἔπειτα λέγει τῷ Πασίᾳ· ἐγὼ πέπωκα τὸν καρπὸν ὅλον τοῦ ἰοῦ, πινέτω καὶ ὁ Ἑβραῖος μόνον τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ ὕδωρ, ἵνα εἰδῶμεν κάκεινου τὴν πίστιν. Τότε δίδωσιν ὁ Πατριάρχης τὸ ποτήριον τῷ Ἑβραίῳ πιεῖν, ὃδε Ἑβραῖος οὐκ ἤθελε πίνειν. τότε ὁ Πασίας ἠπειλήσε τῷ Ἑβραίῳ, λέγων· πίνε, ἵνα εἰδῶμεν καὶ τὴν σὴν πίστιν. Καὶ οὕτως ὁ Ἑβραῖος πέπωκε τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ, καὶ αὐτίκα ἐρράγη. Τότε οἱ Ἑβραῖοι ἔδωκαν πλείονα χρήματα τῷ Πασίᾳ, λέγοντες· μαγίαν ἐποίησεν ὁ Πατριάρχης. Καὶ λέγουσι· Περὶ τοῦ ὄρους ἄλλα λέγει ὁ Χριστὸς· Ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως, ἐρεῖτε τῷ ὄρει τούτῳ· μετάβηθι ἐντεῦθεν ἐκεῖ καὶ μεταβήσεται. Καλέσει ἔτι καὶ τὸ ὄρος ἐκεῖνο, καὶ ἐὰν ἔλθῃ τὸ ὄρος τὸ κατέναντι ἡμῶν πρὸς ἡμᾶς, τότε ἀποκτενέδωσαν ἡμᾶς οἱ Χριστιανοί· Τότε πάλιν ἐκέλευσεν ὁ Πασίας τῷ Πατριάρχῃ ἵνα τὸ ὄρος καλέσῃ ἔλθειν, ἄλλως δεῖ τοὺς Χριστιανούς ἀποκτανθῆναι. Τότε ὁ Πατριάρχης ἐδεήθη τῷ Πασίᾳ, ἵνα χαρίσῃται αὐτῷ τρεῖς ἡμέρας, ἵνα καὶ οἱ Ἕλληνες συμβουλήν λάβωσιν· Ὁ δὲ Πατριάρχης σὺν τῷ λαῷ ἠύχετο μετὰ δακρύων νυκτὶ καὶ ἡμέρᾳ. τῇ δὲ τρίτῃ ἡμέρᾳ κατὰ

τὸ εἰωθὸς θυσιάσας, πάλιν ἠθροίσθησαν ὁμοθυμαδὸν πάντες Ἕλληνες τε καὶ Τοῦρκοι καὶ Ἑβραῖοι, καὶ ἐπορεύθησαν εἰς τὸν τεταγμένον τόπον. Καὶ τότε ὁ Πατριάρχης, ἐκτείνας τὴν χεῖρα πρὸς τὸ ὄρος, λέγει· Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἔρχου ὄρος. Ἀυτίκα δὲ τὸ ὄρος ἐρράγη εἰς μέρη καὶ ἤρχετο πρὸς αὐτούς. Ἐφοβήθησαν δὲ πάντες, μήπως καλύψῃ αὐτούς. Καὶ τότε ὁ Πασιὰς πάλιν λέγει τῷ Πατριάρχῃ· εἰπέ τὸ ὄρος ἵνα στῆ. Τότε πάλιν ὁ Πατριάρχης ἐκτείνας τὴν χεῖρα εὐλόγητο τὸ ὄρος, λέγων· στῆθι ὄρος. καὶ ἐστάθη ἐκεῖ τὸ ὄρος. Καὶ ἐκ τότε ἐκλήθη τὸ ὄνομα τοῦ ὄρους ἐκείνου Στῆθι ὄρος ἕως τὸ σήμερον ἡμέρας, τουρκακῆ δὲ γλῶττα καλεῖται Δτουρδάγ, ταυτέστι Στῆθι ὄρος. Τότε ὁ Πασιὰς εἶπε τῷ Πατριάρχῃ ἵνα οἱ Ἕλληνες ἀποκτείνωσι τοὺς Ἑβραίους. Ὁ δὲ Πατριάρχης λέγει τῷ Πασιὰ· ἡμεῖς οἱ Χριστιανοὶ οὐκ ἔχομεν ἔθος ἀποκτείνειν τοὺς ἀνθρώπους, ἀλλὰ ἀντὶ τιμωρίας αὐτῶν, φέρτωσαν τὸ ὕδωρ, ὃ ῥέει ὑπὸ τοῦ Καίρους, ῥέει ἔσω τοῦ Καίρους, ὥστε πίνειν πάντας τοὺς τῆς πόλεως ἀνθρώπους ἐξ ἐκείνου τοῦ ὕδατος τῶν αὐτῶν δαπάναις. Καὶ οὕτως ἐχαρήσατο τὸ ζῆν τοῖς Ἑβραίοις ὁ Πασιὰς, καὶ ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας οἱ Ἑβραῖοι φέρουσι τὸ ὕδωρ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ ἔσω τοῦ Καίρους ταῖς ἰδίαις δαπάναις, πρὸς τὸ πίνειν πᾶσαν τὴν χώραν, ὅτι ὁ Καίρος ἐστὶν ἐν ὑψηλότερῳ τόπῳ τοῦ Νείλου τοῦ ποταμοῦ, καὶ ἐστὶ μεγάλη δαπάνη ποιεῖν τὸ ὕδωρ ἀναβαίνειν. Δύναται ἕκαστος ἐκ τῶν ἐμπείρων, ἐμπόρων τῶν ἐκεῖσε πορευομένων μανθάνειν καλῶς, ὡσαύτως καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε πορευομένων Ἑλλήνων, ἐὰν θέλωσι λέγειν τὴν ἀλήθειαν....

Лишь при послѣдней корректурѣ этой замѣтки получилъ я легенду о чудѣ съ горою въ пересказѣ Герольта. Такъ какъ въ Веймарской библиотекѣ его Sermones не оказалось, то Reinhold Köhler сообщилъ мнѣ выписку изъ экземпляра, доставленнаго ему изъ библиотеки въ Gotha (Sermones discipuli de tempore et de sanctis una cum promptuario exemplorum. Argentine 1492. fol. Exempla de F. Scite y). Печатаю еѣ здѣсь, не желая разбивать набора.

Ad confirmationem fidei catholice mons motus est de loco suo. *Exemplum VI.* Vincentius in speculo hystoricali scribit, quod anno domini M. CC. XXV. Calipha rex Tartarorum conatus extirpare christianos de regno suo quia christiani mixtim habitabant inter paganos. Et unus de consiliariis suis consuluit regi ut eos vinceret ex evangelio. Nam Christus deus christianorum locutus est: Si quis christianus non hesitaverit et dixerit monti huic: tolle te et mitte te in mare, fiet ei. Qui cum vocavit omnes christianos, quaesivit, si verba Christi et evangelium verum sit. Respondentibus omnibus sic, statim conminatus est eis, quod nisi infra decem dies hoc factum ostenderent, omnes perirent. Tunc episcopus et sacerdotes convocaverunt christianos, et indicto ieiunio per triduum et orationibus intendentes rogaverunt dominum Iesum Christum, ut suis fidelibus succurreret. Et revelatum est cuidam episcopo devoto viro, quod sutor monoculus dignus esset illa verba proferre et populum Christi de periculo eruere. Qui ex humilitate renuit et se peccatorem esse asseruit, tamen ex obedientia praecepto se submitit. Et christiani ex una parte steterunt et crucem Christi secum habuerunt, et rex Caliphus ex alia parte cum populo suo, qui fuerunt parati ad occidendum christianos. Oravit autem sutor flexis genibus, ne Christus tot christianos necari permetteret, et praecepit monti, ut se tolleret. Quod et statim factum est. Quo viso rex baptizatus est et plures cum eo, et sic fides roborata et augmentata est.

IV.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АПОЛОГАХЪ КИРИЛЛА.

Такъ называемое Speculum sapientiae beati Cirilli episcopi alias quadripartitus apologeticus vocatus — имѣтъ свою литературную исторію, полную непорѣшенныхъ вопросовъ, недоказанныхъ утверждений и странныхъ недоразумѣній. Памятникъ

нѣсколько разъ былъ изданъ въ XV вѣкѣ и въ томъ-же столѣтїи переведенъ на нѣмецкїй и чешскїй языки, что указываетъ на значительное его распространеніе, а между тѣмъ въ 1630 году іезуитъ Кордерїй напечаталъ его по рукописи бывшей библіотеки Матѳея Корвина, какъ дотолѣ неизданный. Нѣчто подобное случилось съ *Édelestand Du Méril*'емъ: въ своихъ *Poésies latines inédites du Moyen-âge* (Paris 1854) p. 149 слѣд. онъ приводитъ по вѣнской рукописи, указанной ему Фердинандомъ Вольфомъ, два отрывка изъ средневѣковаго латинскаго собранія апологовъ, которое считалъ неизданнымъ, тогда какъ оно ни что иное какъ *Speculum* Кирилла. Всего интереснѣе то, что нѣсколькими страницами выше (стр. 146 прим. 3) *Du Méril* говоритъ именно объ этомъ памятникѣ, оспаривая мнѣніе Мирея, будто авторомъ Апологовъ былъ — Геннадїй Марсельскїй!

Это, впрочемъ, одно изъ многихъ предположеній, вызванныхъ вопросомъ: кто былъ авторъ апологовъ, «блаженный Кириллъ епископъ». Его отождествляли то съ Кирилломъ Александрїйскимъ, то съ Кирилломъ Іерусалимскимъ, наконецъ съ соименнымъ первоучителемъ Славянъ. Послѣднее мнѣніе, выраженное впервые Коначемъ (*Finitor*) — либо его источникомъ? — по поводу изданнаго имъ въ 1516 году чешскаго перевода *Speculum*, было поддержано впоследствии Бальбиномъ (*Epitome regum Bohemiarum* 1677, I, 1, p. 9; сл. его *Miscell. IV*, p. 4 и его *Corrig. in Bohem. doct. p. 15*), полагавшимъ даже, что св. Кириллъ написалъ свои апологи по гречески. Празднованіе тысячелѣтняго юбилея славянскихъ апостоловъ въ 1863 г. оживило еще разъ мертворожденную гипотезу Конача-Бальбина. Укажу на переводъ «Нравоучительныхъ басенъ св. апостола Моравїи, Кирилла», сдѣланный Симономъ *Perzich*'омъ, посвятившимъ это «апостольское твореніе» архиепископу Оломуцкому¹⁾. —

¹⁾ *Moralische Fabeln des hlg. Apostel Mährens, Cyrill, nebst einer kritischen Untersuchung der Beweisgründe für deren Echtheit* и т. д., 2^о (Jubiläums-) Auflage. Leobschütz 1863.

У насъ статья Соболевскаго, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ (1864 г. вып. II, р. 172) и затѣмъ въ Кирилло-Меоодіевскомъ сборникѣ Погодина (Москва, 1865, стр. 528—33) поддерживала тоже отождествленіе, къ которому склонялся и Коларь, въ замѣткѣ, помѣщенной въ томъ-же Архивѣ (1864 г. вып. IV). Статьи Платонова и П. Лавровскаго въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія за 1868 годъ (май и іюль) освободили насъ отъ этого народно-патріотическаго кошмара. Первый, обратившись между прочимъ къ наблюденіямъ надъ латинскимъ стилемъ апологовъ, не нашель въ немъ слѣдовъ той «*gtaesa phrasis*», въ которой Бальбинъ усматривалъ отраженія греческаго оригинала и вмѣстѣ доказательство его существованіе ¹⁾. Какъ видно, отрицательное рѣшеніе этого вопроса, предусмотрѣнное Корнелиемъ а *Laride*, Лаббеємъ и др., касается на столько-же Кирилла Славянскаго, на сколько двухъ другихъ, которыхъ привлекали къ авторству апологовъ. «Притчи или Апологи Кирилла ни по духу, ни по выраженію, не принадлежать не только нашему Кириллу, но и всему греко-славянскому міру», говоритъ г. Платоновъ въ заключеніи своего разбора, и съ этимъ устраняющимъ выводомъ нельзя не согласиться ²⁾, положительный вызываетъ сомнѣніе, потому что въ сущности не доказанъ: будто-бы *Speculum* — «произведеніе смягчавшейся схоластической почвы (sic) Германіи, написанное въ назиданіе нѣмцамъ XV вѣка». Г. П. Лавровскій предпочелъ возвратиться къ старому мнѣнію Добровскаго (*Slavin, Prag 1834, p. 162*; сл. *Hanka, Rozbor staročeské lit. t. II, p. 18—27* и его статью въ *Abhandl. d. k.*

¹⁾ Гречизми въ словарь не доказательны. Сл. I. III, с. 10: *brabitae, civilitatis cultores* (?), = греч. *βραβεύς, βραβευτής*, среднелат. *brabeta*, сл. *Ducange, Gloss. med. et inf. latin. a. v. brabeta*; I. II, с. 28: (*gallus erecto pollimito collo*, т. е. пестрый; сл. греч. *πολύμιτος* и *τὰ πολύμιτα* = lat. *polymita*).

²⁾ Этотъ выводъ принять и г. Вороновымъ, Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меоодія, въ Труд. Кіевск. Духовн. Академ. 1877, авг., стр. 461, 462.

böhm. Ges. d. Wiss. 5^e Folge, b. III, Prag. 1845, p. 686 слѣд.: по чешски), основанному на показаніи одной рукописи: что авторомъ ея былъ Cygillus de Guidenon, т. е. изъ Guidone, городка въ провинціи Капитанатѣ, — poeta laureatus, жившій въ XIII в. Рукопись эту, принадлежащую библіотекѣ Пражскаго университета (VI, 3 прежней нумераціи) Добровскій видѣлъ еще въ 1779 году, прежде чѣмъ по ней прошлась рука извѣстнаго подобными вандалскими продѣлками скриптора Циммермана. Въ слѣдующихъ помѣткахъ слова, поставленные въ скобкахъ, были имъ вырѣзаны: *Incipit libe[r primus Quadripar]titi editus a Cirillo epo. Alias gwidenon laureato poeta. Semper disce et i ext'mis Sapiencie magis stude. — Explicit liber quadripartiti editus a Cirillo epo alias [gwidenon laureate po]eta ffnit' anno dñi M° CCCC° LX° II° ff. III añ Greg'oij. —* Такой-же вырѣзкѣ подверглась запись другой рукописи Апологовъ (VI, 2 прежней нумераціи), также видѣнная Добровскимъ: *Cyrilli [alias Sycinderini Poetae laureati] apologorum libri 4 a folio 1 usque ad fol. 55 versum.*

Какъ помирить Gwidenon съ Sycinderinus, спрашиваетъ себя Graesse, недавно переиздавшій старопечатный текстъ *Speculum* ¹⁾ — и сообщаетъ вмѣсто отвѣта письмо къ нему старшаго библіотекаря Пражской университетской библіотеки, Цейдлера, о нынѣшнемъ состояніи рукописей, разсмотрѣнныхъ Добровскимъ:

а) Текстъ, находящійся въ сборникѣ V D 8, подъ № 5, начинается словами: *Incipit liber quadripartiti editus a cirillo epo alias gwidenon laureato poeta. —* Тоже имя Gwidenon находилось и въ *Explicit*, но вырѣзано святототатственной рукою. Теперь это *Explicit* читается такимъ образомъ: *Explicit liber quadripartiti editus a Cirillo Epō alias [. . . . .]eta finitus anno dñi M° CCCC° LX° Ij°.*

¹⁾ Die beiden ältesten lateinischen Fabelbücher des Mittelalters etc. hrgs. v. Th. Grässe, Bibl. des litter. Vereins in Stuttgart, 148 Publication. Cl. p. 288—9.

b) Текстъ пергаменной, дефектной въ началѣ ркп. XIII F. 9, кончается лаконически: *Explicit Quadripartitus apologeticus Anno dōi M&*. — *Incipit*'а нѣтъ, но что въ немъ было имя *Sycinderinus*'а, можно заключить изъ перечня содержанія рукописи, номѣщенного на внутренней сторонѣ верхней переплетной доски: 1mo *Cyrilli alias Sycinderini Poetae laureati Apologorum libri 4 a folio 1mo usque ad folium 55 versum*; 2do *Seneca de quatuor cardinalibus virtutibus a folio 55 verso usque ad folium 59*; 3^{io} *Elucidarium theologicum* и т. д. — Откуда могъ бы писецъ перечня взять имя *Sycinderinus*'а, если не изъ *Incipit*, нынѣ недостающаго? Трудно предположить, чтобы онъ прочелъ невѣрно: такъ отчетливо и красиво написаніе рукописи.

А вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятность заставляетъ предположить вмѣсто *Sycinderinus* какое-нибудь другое имя, болѣе близкое къ *Gwidenon*. Страннымъ образомъ *Graesse* упустилъ изъ виду работу *Voigt*'а, явившуюся двумя годами раньше его собственнаго изданія ¹⁾, работу, въ которой небольшой отрывокъ *Speculum* изданъ впервые при помощи рукописей (стр. 139—146; сл. р. 51—57), между прочимъ, одной бреславльской и одной лейпцигской. Въ первой апологии Кирилла обозначены такъ:

Liber vocatur Gwidrinus sic nominatur;

во второй: *libri quattuor Gwidrini*, а на л. 183ⁿ названъ: *venerabilis dominus Guidrinus*. Это ближе къ *Gwidenon* пражской рукописи, написаніе которой осталось неизвѣстнымъ *Voigt*'у, равно какъ и обусловленная имъ гипотеза *Добровскаго*: о южно-итальянскомъ происхожденіи, либо отношеніяхъ автора *Апологовъ*. Съ мнѣніемъ *Добровскаго* *Фойгтъ* познакомился лишь позже (*Zs. f. d. Alterth. XXIII B. p. 283*) и пытается комбинировать его со своимъ: «*meine Ergebnisse über Cyrill werden durch die von Dobrowsky Gesch. d. böhm. Spr², s. 295 gefundene hs. notiz*

¹⁾ *Kleinere lateinische Denkmäler der Thiersage aus dem XII bis XIV Jhrh., hrsg. v. E. Voigt (Quellen und Forschungen, XXV). Strassb. 1878.*

dahin bestätigt, bez. berichtigt, dass ein Cyrillus aus Guidone in Neapel (?) der Verfasser ist». Но какъ соединить собственное имя *Gwiderinus* съ мѣстнымъ *Gwidenon* и при чемъ тутъ епископъ Кирилль?

Грессе (l. c. p. 288 слѣд.) считаетъ итальянскую гипотезу слабо обоснованной: упоминаніе Дуная (l. III, cap. 8 и 23) указываетъ, по его мнѣнію, на другую національность писателя. Что онъ не былъ грекъ, это видно изъ его заявленія (l. I, cap. 15) о числѣ гласныхъ въ алфавитѣ, которыхъ онъ насчитываетъ не семь, а пять. Прибавимъ къ этому, въ видѣ косвеннаго доказательства, что священнымъ Писаніемъ онъ пользовался по Вульгатѣ, не по переводу Семидесяти, какъ можно было-бы ожидать отъ византийца ¹⁾. — Слѣдующія за тѣмъ соображенія Грессе замѣчательны своей наивностью, чтобъ не сказать бѣльшого. Авторъ могъ быть французомъ — заключаетъ онъ изъ употребленія *si* въ значеніи *pium* (l. II, c. 9, p. 45, l. 10), *fontana* вм. *fons* и упоминанія *Gallia*, *Gallia bulbus* (p. 289; въ текстѣ стоитъ: *bullus*). Но первые два признака вовсе не говорятъ исключительно за Францію, а связь, въ которой является слово *Gallia* въ l. II, c. 5: *inde furit ebrja Gallia*, прямо говоритъ противъ автора-француза, что и замѣчено было Voigt'омъ (p. 56). — «Впрочемъ, продолжаетъ Грессе, другія выраженія какъ *brodium* (l. IV, c. 2) и *zusaum* (l. IV, c. 3) указываютъ на германскія племена, — и на другую страну испорченная, очевидно, фраза l. IV, c. 5, опущенная Кордеріемъ, но удержанная нами въ текстѣ: *in bays et hanicis*». Среднелатинское *brodium* (ит. *brodo*, исп. порт. *brodio*, пров. *bro* и т. д.) свидѣтельствуетъ о присутствіи германскихъ элементовъ въ романскихъ языкахъ, — не о національности автора апологовъ; *zusaum* — слово, внесенное въ новые языки Арабами, воздѣлывавшими сахаръ въ Египтѣ, Критѣ, Сиріи, Сициліи и Испаніи. Что до указанной выше фразы, то она требуетъ объясненія. Свинья наслаждается своей лужей (текстъ Грессе): *quam tam*

¹⁾ Платоновъ, l. c. стр. 402, прим. 2.

fruibile balneum carni meae, aqua refrigerii, stilla roris, transcendens nempe *Libani latices, Damasci et Panormitani fontes et in bays et hanicis lavacra sospitatis*. — Въ старопечатномъ изданіи Апологовъ (Аугсбургъ, у Зорга; экземпляръ Импер. Публ. библіотеки) непонятное мѣсто читается такъ: transcendens nempe *Libani latices, Damasci et Panormitani fontes dulcedines et lavacra seu balnea sospitatis*; у Кордерія: *Damasci fontes et Panormitana balnea sospitate*; Voigt (I. c. 56): *Panormitani fontes et in bays ethanicis lauacra sospitatis*, стало быть, удерживая текстъ Грессе, но читая et hanicis = ethanicis, можетъ быть, вмѣстѣ Aethneis? По крайней мѣрѣ Voigt утверждаетъ, ссылаясь на это мѣсто, что авторъ апологовъ изъ цѣлебныхъ европейскихъ водъ (Heilquellen) знаетъ лишь сициліанскія. О цѣлебныхъ водахъ нѣтъ, кажется, рѣчи; ethanicus сомнительно; но Panormitani fontes, напоминающіе извѣстныя похвалы Фальканда и богатство водныхъ сооруженій вокругъ мусульманско-норманскаго Палермо, являются довольно вѣскимъ моментомъ въ пользу южно-итальянскаго происхожденія автора. Такъ понимаетъ это дѣло и Voigt. Менѣе или и вовсе недоказательны выбранные имъ образцы итальянизмовъ языка Апологовъ: beuagus (I. II c. 20, 30), barda (I. II c. 22, 14), ballagius (I. II 24) ¹⁾, brodium (I. IV, 2, 20), comitua (I. III c. 12, 20), ничего не говорятъ за Италію; на сколько темное выраженіе I. IV c. 2: semper vivo in croceis — итальянизмъ — пусть рѣшатъ другіе; съ berta въ I. III c. 12 (сл. I. II, c. 6: bertina facie) = обезьяна сл. подобное-же значеніе итальянскаго bertuccia, bertuccio, хотя, быть можетъ, выраженіе: bene conveniunt iocus et berta слѣдуетъ истолковать нѣсколько иначе, чѣмъ то дѣлаетъ Voigt: *ein Spielmann und ein*

¹⁾ «Aurum es, sub terra late, pretiosissimus es rubinus, in petra bellagii te absconde». Voigt толкуетъ ballagius = ит. balascio. Этимологію послѣдняго см. у Diez, Wb. a. v. balascio (: отъ Бадакшана) и у Dozy-Engelmann'a, Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe, 2e éd. a. v. balax, balajo, balaxo: rubis balais, de l'arabe-persan balaksch.

Affe, принимая *iocus* въ смыслѣ *iocularis*, согласно съ надписаніемъ аполога (*De simia et histrione*) и типическимъ въ средніе вѣка соединеніемъ бродячаго скомороха съ обезьяной ¹⁾). Но съ тѣми словами обращается гистріонъ къ обезьянѣ, предлагающей вступить къ нему въ услуженіе; ит. *berta: bugla, beffa*; отсюда: *bene conveniunt iocus et berta* можетъ означать: шутка и насмѣшка вмѣстѣ уживутся!

Болѣе положительныхъ результатовъ для опредѣленія народности автора Апологовъ можно ожидать отъ разбора его труда со стороны его содержанія, разумѣя подъ этимъ: объемъ и направленіе начитанности и приемы литературной разработки. Въ томъ и другомъ смыслѣ было сдѣлано многое, но не все возможное для рѣшенія вопроса. Кордерій выбралъ изъ Апологовъ указанія на знакомство автора съ Библіей и новозавѣтной литературой ²⁾); Voigt и Грессе на его начитанность въ области римскихъ классиковъ ³⁾), на цитаты и извлечения изъ Гиппократа, Галена и особенно Аристотеля, съ сочиненіями котораго по логикѣ, этикѣ и естественной исторіи авторъ былъ несомнѣнно знакомъ по латинскимъ переводамъ — что стало возможнымъ лишь съ половины XIII вѣка. Съ этой поры образовались въ Италіи, прежде всего въ Болоньѣ и Падуѣ, и тѣ «*universitates philosophorum et medicorum*», къ которымъ, вѣроятно, принадлежалъ авторъ апологовъ, почерпнувшій свою ученость не столько

¹⁾ Сл. Разысканія VII р. 169—70. Сл. еще чудо, рассказанное Григоріемъ Великимъ *Dial. I, 9*: о Бонифаціи и скоморохѣ.

²⁾ Сл. выборъ изъ Кордерія у Грессе I. с. р. 294—6. Интересно замѣтить значительное преобладаніе ссылокъ на книги Вѣтхаго Завета.

³⁾ Voigt, I. с. 54—5; Graesse, р. 290. Первый указываетъ на Саллюстія, Валерія Максима, Виргилія и Горация; второй на Сенеку, Горация и Публия Сира. Что до двустипшія въ I. III, с. 27, заимствованнаго изъ *Praxis iocandi Nigellus Wireker'a*, то оно не находится въ *editio princeps*, и, вѣроятно, вставлено въ текстъ Кордеріемъ (сл. Graesse, I. с. р. 103 и 290). Этимъ устраняется заключеніе Voigt'a (55), что двустипшіе Wirekera не позволяютъ отнести написаніе Апологовъ раньше XIII вѣка!

изъ чтенія, сколько изъ живаго преподаванія. Такъ заключаетъ Voigt изъ словъ Пролога: *exempla moralia, non de nostra paupertate stillantia, sed de vena magistrorum*: заключение произвольное, если разумѣть подъ *magistri* — Аристотеля, Галена и друг., которыхъ естественно было противополжить своей собственной умственной скудости. Конечный выводъ Фойгта, принятый и нѣкоторыми изъ его критиковъ ¹⁾, сводится къ тому, что Апологи принадлежатъ какому-нибудь клирику XIV-го вѣка (Гвидрину), воспитавшемуся въ Италіи (р. 57), гдѣ струя животной саги была слабѣе, чѣмъ напр. на сѣверѣ, — что отразилось напр. и на ея бѣдности въ Апологахъ: изъ общаго числа 95-ти Voigt могъ выбрать всего пять (I. I, с. 5, 13, 24; II, 15; III, 11), имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ циклу «Ренара» (сл. р. 54 и 139 слѣд.). Но и въ этихъ рассказахъ автора очевидно интересовала не сказочная канва, а тотъ элементъ умозрѣнія и нравоченія, который такъ или иначе въ ней вкладывался. Въ *Romanz du Renart* рассказывается о Лисѣ-паломницѣ, идущей въ Римъ

---

¹⁾ Сл. Seiler, въ *Anz. für deutsch. Alterthum u. deutsche Literatur* V, 2, April 1879, p. 120; Peiper, въ *Jen. Literaturzeitung* 1878, № 36, p. 525—6. Замѣтка послѣдняго поднимаетъ, случайно, новый вопросъ, на который я укажу словами критика, хотя считаю его догадку совершенно не избыточной. «Der Italiener verräth sich, . . . hauptsächlich durch die Sprache, говорится объ авторѣ апологовъ. Mich erinnert die Sprache ausserdem an ein anderes Land: an Polen; es ist nicht ganz das Latein, das wir in Italien in jenen Jahrhunderten finden; es ist viel zu schwerfällig dazu, zu geschraubt. Sollte der Mann identisch sein mit einem «Viduinus Canonicus Vratislaviensis, Capellanus Cracoviensis», welchen eine Rhedigersche HS. (S. IV 2 a 26, chart. s. XV scr. per manus Niskoviach Zamyde) als Verfasser des allerwärts bekannten, aber meist anonym verbreiteten *Antigameratus* (Inc. Has morum flores) ausgiebt? (Bebelius citiert das Werk unter den opuscula, die man lesen müsse: *Facetus, Floretus, Antigameratus, Physiologus, Contemptus mundi*; und in dieser Gesellschaft findet es sich denn auch ungemein häufig). Etwas Wahres muss an der Angabe sein, obwohl die Münchner Hss. lat. 7678 u. 7740, s. XV, dafür «Johannis Cracoviensis Canonici» bieten».

каяться въ своихъ грѣхахъ; къ ней присосѣживаются баранъ и осель; въ Isengrimus спутниковъ больше: олень, баранъ, пѣтухъ, козель, гусь и осель; тамъ и здѣсь они попадаютъ въ передѣлку къ волкамъ, отъ которыхъ отдѣляются. Сл. соотвѣтствующій разсказъ Апологовъ, l. I, с. 24 (Cum electo socio proficiscaris aut converseris): «Ad declinationis etatem vulpes deducta patradi reatus conscia ut satisfaceret peregrinari cum vellet, mox peregrinationis eius humor insonuit». Собака, онагръ, медвѣдь, левъ, павлинъ, волкъ, свинья, осель поочередно предлагаютъ себя ей въ спутники, но она всѣхъ отсылаетъ по разнымъ причинамъ: собаку, потому что она «provocator inimicitie», свинью — за ея неопрятность, и т. д. Она беретъ съ собою другихъ звѣрей: *pantheram* videlicet, *cujus os redolet, simeam* que in plenilunio gaudet, *agnum* mitem, *pusillanimum leporem, erinacium* cutis spinose, *bovem* de labore viventem, *crusininum*¹⁾ sordes vitantem, *formicamque* prudentem. — Что это за сонмъ? спрашиваетъ лиса воронъ; та отвѣчаетъ: *electa quidem est comitiva prudentis, namque cum electo electus eris, et qui cum sapientibus graditur, sapiens erit.* — Et ille: Recte iudicasti, sed doce: Cum quibus conversatur, ut prosperetur? Мохъ illa: Cum amatore quippe sapientie, zelatore iustitie et amicitie fideli cultore. Quibus diffinitis ultra processit.

Приведенный апологъ можетъ дать понятіе о стилѣ остальныхъ. Не вездѣ являются и тѣ блѣдныя очертанія животной сказки или басни или воспоминанія Физиолога, какія намъ встрѣ-

¹⁾ Варьянты этого слова см. у Voigt'a, l. с. p. 143 прим.; Graesse, p. 32: *crusininum*. Лиса, отвергнувъ *восемь* звѣрей, избираетъ вмѣсто нихъ другихъ *восемь*, противоположныхъ имъ по качествамъ. Такимъ образомъ *свинья* противопоставляется *crusininus* = *кош* по переводу Perzich'a, что можно оправдать указаніямъ на l. IV, с. 1: *De turilego et porco*. Иначе поняли это слово старо-нѣмецкіе переводы (у Voigt'a, l. с. прим.: охотничья собака). *Crusininus*, во всякомъ случаѣ, стоитъ въ связи съ среднелат. *crusina, cursina*, предполагаемо-славянскаго происхожденія.

тились выше, а дѣло ограничивается бесѣдой двухъ или нѣсколькихъ животныхъ между собою, либо споромъ драгоценныхъ камней или растений (I, I, сс. 26, 27; сл. II, 14: тростникъ и сахарный тростникъ; II, 23: тернъ и фиговое дерево; III, 14: пальма и тыква; IV, 9: роза, лилія и фиговое дерево)¹⁾, Солнца съ Меркуріемъ (I, 17), Сатурна и тверди (II, 24), Земли съ воздухомъ (II, 11 и III, 19), туманомъ (II, 12) либо двигающимъ началомъ (III, 21); дня и ночи (III, 22), солнца и тьмы (III, 24), души съ тѣломъ (II, 2) и волей (II, 8), похоти съ разумомъ (II, 10: *De affectu et intellectu*), уха съ глазомъ (I, 25), богача со счастьемъ (III, 4). — Собственно говоря, нѣтъ и пренія, а заявленіе, похвальба одной стороны, нерѣдко опредѣленная характеристикой Физиолога, вызываютъ правоучительно-богословскую отвѣдь другой, полную указаній на Соломона и Аристотеля, при чемъ безразлично, кто держитъ отвѣдь: лиса или солнце-Титанъ. Это нарушеніе вѣроятія не умаляло интереса къ учительному содержанію апологовъ, которое и объясняетъ причины и — границы ихъ сравнительно поздней популярности: извѣстный въ католическомъ мірѣ толкователь св. Писанія, картезіанскій монахъ Діонисій, приводитъ въ разясненіе притчей Соломона — апологи Кирилла, а Корнелій а *Lapide* въ своихъ *Commentaria in Ecclesiasticum* (Antverpiae 1723) нерѣдко «*citat Cyrillum ad verbum*»²⁾. Не изъ этихъ-ли толкованій, бывшихъ въ большомъ употребленіи въ нашихъ семинаріяхъ, или изъ другаго источника заимствованъ былъ текстъ единственнаго кирилловскаго аполога, извѣстнаго мнѣ въ русскомъ переводѣ? Онъ сохранился на переплетномъ листѣ рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (Доп. Кат. № 30), заключающей въ себѣ Келейный гѣтописецъ Димитрія Ростовскаго. Послѣдній писанъ

¹⁾ Сл. къ мотиву пренія между растениями, деревьями *Fab. Aesop. ed. Halm* 125 п 385; *Kurz* къ *Burkh. Waldis* I, II, № III; I, III, № LXXVIII.

²⁾ Платоновъ, I, с., стр. 382.

въ 1758 году; текстъ аполога принадлежитъ современной рукѣ. Приводимъ его параллельно съ латинскимъ подлинникомъ ¹⁾.

Апологъ отъ правоученія Кирилла
Александрскаго, книга 4. Г. 1.

Сѣдѣящу когу в нѣкоемъ пре-
изрядномъ вертоградѣ облизаю-
щуся, да отъ прилипшаго к нему
праха очистится, противу ему
тогожде времени в близъ быв-
шемъ тамо блатѣ свинія валяю-
щаяся глаголаше к себѣ: «О коль
преизящное мнѣ сіе ложе и мяг-
кая постеля! О коль прелюбез-
нѣйшее мнѣ здѣ пребываніе,
коль веліе плоти моея угожде-
ніе, коль пресладкое в тинѣ сей
увеселеніе! Честнѣе есть горь
Ливанскихъ и источниковъ Да-
масковыхъ (ркп. Дамосковыхъ)
и Панормитскихъ (ркп. Пар-
номитскихъ) банѣй здравѣе». Котъ-же,
сіе слышавъ, возне-
годова и рече ко свиніи: «Что се
есть, идѣже лежиши?» Отвѣща
ему свинія: «Блато и калъ». Тогда
котъ ругаяся к ней рече:
«Воистину свинія еси, понеже
смордными и скверными утѣ-

l. IV, c. 1: De murilego et porco.

Stabat murilegus in splendido
prato, lingendo lingua pellem
suam ut polleret etiam adhaeren-
tem pulverem expiare, sed con-
tra porcus non longe in coeno
foetido, hinc inde perfusus, cu-
tem spinis turpissimam jacta-
tione hujusmodi amplius sordi-
dabat. O, inquit, quam amoenis-
simus mihi lectus et status hic
est dulcissimus, quam mihi de-
lectabilissimus census, quam tam
fruibile balneum carni meae,
aqua refrigerii, stilla roris, trans-
cendens nempe Libani latices,
Damasci et Panormitani fontes
et in bays Ethanicis lavacra
sospitatis. Atque murilegus dum
hoc dicentem in sorde volutatum
audiret, indignatus ad verbum
et abominatus accubitum mente,
voce quoque clariori haec dixit:
de falsitate talis extollentiae
multo magis quam de immundi-

¹⁾ Сл. Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV (1862 г.), Смѣсь, стр. 28: «Апологъ отъ правоученія Кирилла Александрскаго, книга 4. Г. 1.» (Сообщенъ А. Е. Викторовымъ). — Латинскій текстъ по изд. Грессе. Объ ethanicis вм. et hanicis сл. выше, стр. 39.

шпашися и веселишися вещами». Свинія-же, слышавши укоризну, глагола: «Иди ты [с]удити мыши твоя. Что тебѣ во мнѣ?» Онъ же рече: «Во правду, якоже вижду, добръ Соломонъ глаголетъ: Не обличай безумна, да не ненавиждь тебя. Азъ, аще и есмь судія мышамъ, обаче устроениемъ естества того ради поставленъ есмь, да не излишно дѣють чловѣкомъ пакости. И тебѣ скверной, аще разумѣши, отъ того-же естества учиненъ есмь (рпк. есть) исправитель в дѣлѣхъ и обычаехъ твоихъ скаредныхъ; ибо самъ очищаюся языкомъ отъ праха, тебе такожде учу очищаться отъ всякой нечистоты, аще внемлещи словесемъ моимъ. Суждуже творящыя людемъ пакости мыши, егда ногти мои уловляю я и козню, тебе же осуждаю о нечистотѣ твоей. Не вѣси ли, яко и самому Богу коль благоприятна и любезна чистота есть въ душахъ и естествахъ? Онъ бо (ю) себѣ во пребываніе вѣчное созда небо (рпк. ибо) пречистѣйшее и миръ сей исполнилъ есть сіяніемъ свѣта чистѣйшимъ; душу отъ пречистаго естества производить и плоть младенца, заченшагося въ

tiei foeditate dolerem, nisi, ut tibi referrem aliquid per eloquium, parum me direxisses. Quid enim hoc est ubi jaces? At ille respondit: lutum coenurae. Tunc murilegus increpando adjunxit: bene es porcus, quia delectaris in foetidis, impinguaris in sordibus et laetaris in rebus pessimis. Cui porcus impatiens dixit: Vade, judica mures tuos; quid mihi et tibi? At ille: Bene Salomonicum est: Non arguere derisorem, ne oderit te. Attamen pestilenti muri judex auctoritate naturae constitutus sum suus, et tibi immundo, si percipis, natura in moribus corrector sum tuus; te namque lingendo lingua vitare sordes edoceo, si attendis, et illum scilicet murem judico, cum in maleficiis eum judicialis ungula comprehendit. Vide, quaeso, quam cara est Deo grataque munditia tam animae quam naturae. Ille enim coelum sibi in aeternum paravit mundissimum et replevit luce clarissima mundum, animam de candido semine generat et puro membra sanguine cibatur, mira quidem rutilantia flores germinat ac splendenti pluma, squama

утробѣ матернѣй, чисту воз-
ращаетъ, пречудными цвѣты
землю украшаетъ и дражайшія
бисеры отъ глубины моря,
злато же и серебро отъ нѣдръ
земныхъ производитъ. Почто
убо ты, свинія, в нечистотахъ
усплаждаешься? Не вѣси ли яко
и въ иномъ естествѣ, еже отъ
Бога разумомъ почтено, поги-
баеть, аще плоть нечистотами
оскверняется? Совѣтую убо
тебѣ, аще хочещи чисто жити:
бѣгай кака и смрада и, шедъ
въ чистую воду, абіе умыйся.
То рекъ котъ ко свиніи и умолча;
а свинія пребыть въ калѣ тин-
номъ, не слушая полезнаго его
совѣта.»

et pellicula carnes ornat. Sic
natura pretiosas gemmas gignit
purissimas et metalla quidem
puritate splendentia parit, et
condit suo diverso modo digesta.
Ut quid ergo in immunditiis
delectaris? Nescivisti, quod,
expulsiva dissoluta virtute,
retentis foeditatibus caro perit?
Et ideo si vitam tantum diligis,
sordes fuge et ad purgativum
mox lavacrum ascende. Quo
dicto requievit».

II.

Слѣдующія бѣглыя замѣтки, накопившіяся постепенно, имѣють въ виду не исчерпать всё содержаніе Апологовъ, а лишь обратить вниманіе на нѣкоторые изъ нихъ, интересные по сюжету либо по культурному матеріалу.

1. I, c. 1. *Vulpes decrepita ardens cupiditate plus sciendi quaerendo magistrum, membris gravioribus sui corporis itineris addidit grave pondus. Mox ergo tendenti senectutis infirmitate quidem gravi, sed aviditate sciendi peragili, cum corvus astutior occurrisset, peracto mutuae salutationis officio satis laeta subjunxit: Vere voluntas dei erat, ut mihi occurreret quem volebam. Te namque qui coeli per cardines ambulas et multa consideras, ut me disciplinae sitibundam instrueres, perquirebam. Cui ille*

respondit: *sanctae calliditatis antiqua(ta) magistra*, quid amplius quaeris scire? Hoc certe tantum tibi restat peccatum finem habere. Ad haec discipula facta doctrix ita dicitur respondisse: Numquid, frater mi, scriptum est a Salomone: audiens sapiens sapientiam sapientior erit, nisi quod sapientiae non est numerus. Unde semper oportet addiscere et in extremis horis fundum sapientiae desiderabilius indagare и т. д. Первый апологъ сборника тотчасъ-же знакомитъ насъ съ двумя главными, равносильными другъ другу дѣятелями животной саги, знакомой автору: *лисой и ворономъ*. Оба они мудры; какъ въ приведенномъ апологѣ лиса названа *sanctae calliditatis magistra*, такъ въ I. II, с. 27 таже характеристика дается ворону: *Reminiscens corvus priorum facinorum, subtilium fraudum et magnarum calliditatum hinc fastu tumidus et adulationis avidus coepit quaerere auram laudum; лиса* обличаетъ его въ самомнѣніи, какъ въ другой разъ (I. III, с. 1) отвращаетъ отъ любостыжанія указаніемъ на его опасности. Апологи не разъ сводятъ ихъ вмѣстѣ (I. I, с. 13), заставляя ихъ помѣриться въ хитрости (I. I, с. 5). Когда на совѣтѣ звѣрей поставленъ былъ вопросъ *quis eorum astutius famaretur. . . . hinc volatilia corvum, hinc vulpem terrestria, singula quaeque suum prudentia mox exaltare coeperunt. . . . hinc quidem corvi multiformis dolositatis et versutiae ostensis astutiis, hinc vulpis deceptivae artis igeniis ventilatis quasi juris dignitate singulorum facinora praetulerunt* (I. I, с. 3). — Въ европейскомъ развитіи животнаго эпоса преимущество хитрости и мудрости предоставлено одному Ренару; матерьялъ животной саги, бывшей въ распоряженіи автора апологовъ, указываетъ на болѣе древнюю точку зрѣнія: по индійскому народному повѣрью какъ *ворона* мудрѣйшая изъ птицъ, такъ *лиса* мудрѣйшая изъ четвероногихъ¹⁾; а Аристотель говоритъ о дружбѣ *ворона* съ *лисою*: *Κόραξ δὲ καὶ ἀλώπηξ ἀλλήλοισι φίλοι* (De Animal. I. IX, с. I). Сл. I. I, с. 13: *amicus corvus*.

¹⁾ Сл. De Gubernatis, Zoological Mythology II, p. 252—3.

1. I, с. 4: Въ жаркій день стрекоза дивится, что муравей работает, а не покоится, подобно ей, въ тѣни; муравей еѣ наставляеть. — Очертанія тѣже, что въ Esop. ed. Halm, 401; сл. Kurz къ Burkhard Waldis I, LXXXIV; Landsberger, Die Fabeln des Sophos, № 35.

1. I, с. 5. Лисица прикидывается мертвой, чтобы привлечь къ себѣ голоднаго ворона; но тотъ догадывается, въ чемъ дѣлю, и, бросивъ ей камешекъ на ухо съ словами: scito non minus vidisse corvinum oculum quam vulpinum, принимается уличать еѣ. Что дѣлать? говорить она: quandoque dormitat bonus Homerus, id est philosophus; умъ не всегда помогаетъ, какъ и ей въ данномъ случаѣ; sic serpens callidus negligentia perit et mus vigilantia unguam murilegi astutioris effugit (указаніе на какіе-то апологи). — Рамка дана извѣстнымъ рассказамъ Физиолога о такой-же хитрой продѣлкѣ лисы. Сл. Колмачевскій, Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ, стр. 36 слѣд. Въ одномъ апологѣ Solwan el Mota', ossia Conforti politici di Ibn Zafer, versione italiana di Michele Amari, с. IV, § 6 медвѣдь точно также прикидывается мертвымъ, чтобы поймать обезьяну.

1. I, с. 8: рыбакъ принимаетъ хребетъ морской рыбы за островъ, на которомъ разводитъ огонь; рыба трогается съ мѣста, а рыбакъ, спасшійся въ лодку, вступаетъ съ чудовищемъ въ назидательную бесѣду. — Преданія о рыбѣ-островѣ см. у Zacher'a, Pseudocallisthenes, p. 147—9; Freudenthal, Die im Talmud vorkommenden Märchen, Orient und Occident III, 2, p. 353—4; сл. Teofilò Folengo, Histoire massaronique, ed. Lacroix, p. 337 и прим., и Paulus Cassel, Drachenkämpfe, p. 36, 100—1. Въ греч. Физиологѣ у Pitra, Spicileg. Solesm. III, p. 352 (περὶ ἀσπίδοχελώνης) китъ похожъ на островъ; корабельщики пристають къ нему и вбивъ копыя, привязываютъ къ нимъ корабли; чудовище не трогается; но стоитъ развести на его хребтѣ огонь, чтобъ оно ушло въ глубину, увлекая съ собою неосторожныхъ. Сл. еще Physiol. Symb. с. 30.

1. I, с. 9. *In pleniluniis symeae cordis laetitia exsultanti vulpes*

mox adstitit et haec dixit: indica mihi, soror, ut tecum gaudeam, hujus jucunditatis quae sit ratio et exsultationis quae causa. At illa laeta laetanter, ut secum laetaretur respondit: (nimirum) *lunari, quam amo, plena luce nunc fruor*. Сл. I. I, с. 24: *simeam quae in plenilunio gaudet*. Сл. I. II, с. 29. — Лиса вступаетъ съ ней въ преніе, убѣждая: *illam dumtaxat lucem diligas ac ea fruaris, quae durabilis, invariabilis atque summa*; сл. въ ея рѣчи ссылку на какой-то апологъ: *Sed quid lugenti camelionti de colore aureo mutato in luteum sagax corvus responderit, non audisti? Claude aurum, pone desuper lutum et de caetero tepescit aurum*. Этотъ-ли или другой апологъ разумѣтся въ I. I, с. 26: *Non audisti, quod sagax vulpes semel responderit camelionti de adoptione coloris aurei glorianti: quippe ubi non est stabilitas, umbralis est entitas et gloriositas non est vera?* — и въ I. II, с. 21: *Si audisti formicae consilium datum chamelionti glorianti de colore aureo et laetanti, hoc ipsum tibi dictum est: claude oculum et eris in vera gloria stabilitus*. — Хамелеонъ и воронъ, какъ дѣйствующія лица какого-то аполога, упоминаются еще I. III, с. 2: *Quam bene certe chameleon suae carnis cupiditate coraci* (текстъ Graesse: *thoraci*; другія изданія: *corvo*) *ipsum hostiliter infestanti respondit: o, si vitiositatis interjecta caligine nutum prudentiae tibi cupiditas non cessasset, profecto attenderes, quod te, si me possides, perdes*.

I. I, с. 11: свинья удивляется, что волъ вмѣсто того, чтобъ отдыхать, жуесть жвачку. Волъ говорить въ защиту жвачки; *tu quidem ergo, carissime, quia non ruminas, impurius suscipis alimentum, et ob hoc divina lege judicaris immundus*. Въ слѣд. № 12 волъ, надъ раздвоеннымъ копытомъ котораго глумится конь, говорить ему: *tu autem, carissime, quia indivisa ungula velociter agitaris, saepe lapsu confunderis, quo nimirum immundum etiam animal judicaris*. — Точно также въ I. III, с. 16 (*De bove et lupo*; сл. I. I, с. 14) волъ говорить волку: *Attende, quod animalia viventia de rapina hinc divina lex, hujusmodi immunda dicens, in holocaustum hujusmodi prohibens eorumque*

esum hominibus interdicens ut maligna damnavit. — Интересъ автора къ вопросу о нечистыхъ животныхъ во всякомъ случаѣ характеренъ. По закону Моисееву чистыми животными между четвероногими считаются лишь тѣ, у которыхъ раздвоено копыто и которыя жуютъ жвачку.

1. I, с. 13. Воронъ, желая доставить пищу пріятельницѣ лисѣ, говоритъ курицамъ, что имъ нечего болѣе ея бояться, такъ какъ она постриглась въ монахини; пусть посмотрятъ, какъ она поетъ вечерню. Довѣрчивыя курицы направляются къ ней, но во время остановлены предостереженіемъ пѣтуха. Съ *vulpes* (въ Апологахъ всегда женскаго рода) *tonialis* сл. Ренара-монаха средневѣковыхъ барельефовъ, проповѣдующаго гусямъ и обыкновенно пожирающаго ихъ. Сл. Мейсснера у Колмачевского, 1. с., стр. 301 слѣд.

1. I, с. 18. Левъ и лиса встрѣчаются съ мышью, первый кланяется ей, вторая едва удостоиваетъ ее вниманія. Позднѣе оба попадаютъ въ тенета, и мышь освобождаетъ изъ нихъ льва, а лису оставляетъ. Сл. *Fab. Esop. ed. Halm, № 256*, гдѣ указанія и на друг. тексты; *Esopus von Burkhard Waldis, ed. Kurz, прим. къ Buch I, XIV Fabel.*

1. I, с. 19. Разговоръ ежа и ехидны (*De erinacio et viperula*) о дружбѣ. «*Spina.... erinacia—verus et sensatus amicus*»; сл. 1. II, с. 21: *mirae prudentiae* (*Isid. Etym. 1. XII, с. III: hujus prudentia quaedam est*, изъ *Ambros. Неѡем. VII*); 1. I, с. 24: лиса выбираетъ его въ число спутниковъ своего паломничества, вмѣстѣ съ котомъ, обезьяной, пантерой, *cujus os redolet* и др. Последняя несомнѣнно указываетъ на Физиологъ. См. *Voigt, Ecbasis captivi, p. 58—9 прим.*; *Koloff, Die sagenhafte u. symbolische Thiergeschichte des Mittelalters, въ Raumers Hist. Taschenbuch, IV Folge, 8^{or} Jahrg. (1867), стр. 220 слѣд.*; *Dialogus Creaturarum, dial. 114* (съ ссылкой на Физиологъ) и т. д. Сл. греч. Физиологъ у *Pitra, 1. с., III, p. 351—2*, и *Aelianus, De Nat. animal. 1. V, с. XL*. Что до аллегорическаго толкованія *ericius = erinaceus*, то въ Физиологѣ оно двойственное: онъ тамъ символъ

дьявола, грѣшника, еретика, двоедушнаго и лукаваго, но также кающагося и прозорливаго (*futuri providens*). Сл. Voigt, I. с. 61 и прим.; Koloff, I. с. 234; Pitra, I. с. 350—1 (греч. Физиологъ) и 73—4 (*S. Melitonis Clavis* и комментарий). Замѣтимъ ежа и kota — спутниковъ лисы въ старой слав. сербск. притчѣ у Даничича, *Tri stare priče*, въ *Starine IV*, стр. 68 слѣд.

I. I, с. 21 (*De grano frumenti et lapide*). «*Pretiositatem . . . dracontidis perdit draco, cum eo si moritur*. (Сл. Isid. Etym. I. XVI, с. XIV и Физиологъ Aldhelm'a у Pitra I. с. р. 427: *De cerebro draconis . . . draguntia lapis exciditur, sed nequaquam praecisum dicunt, nisi viventi extrahatur. Inopinantes enim uno ictu ad aestum cubantes transvesberantur in capite, et sic adhuc in pleno vigore palpitantibus lapis extrahitur*). Въ I. II, с. 19 (*De burdone et mulo*. Сл. Petri Alphonsi *Disc. clericalis V*, 4 и прим. Валентина Шмидта): «*de dracone dracontides pretiosissima gemma oritur, de gallo serpentum nequissimus regulus generatur . . ., aurum de sulphure gignitur*»; сл. III, 7: *In suo vertice splendente dracontide, tantae gemmae draco pretiositate dotatus, cum superbus incederet, inventa quidem hyena dixit: satis certe ambo beneficae regratiari tenemur naturae . . . tibi namque oculum mirabiliter ingeminavit caputque meum solis regibus libito insignivit dracontide*. Гиена умѣряетъ его веселье указаніемъ на превратности судьбы: *Nonne Nabuchodonosor, clypeis tractus aureis Salomonis, hostiliter hostis, quam petivit amicam, copiosam argento Iherosolimam spoliavit? — Scuta . . . aurea Salomonis* встрѣчаются въ другомъ мѣстѣ рядомъ съ *Croesi et Asveri opum magnalia* въ I. III, с. 1 (сл. I. III, с. 4: *si totum invenires aurum male conditum Salomonis*), чудесныя глаза гиены въ I. III, с. 2 (*hyenae oculos ingeminasti*) и 5, гдѣ старая лиса наставляетъ молодую обезьяну, что богатство приноситъ несчастье: онѣ идутъ вмѣстѣ и находятъ слона безъ клыковъ, гиену «*luminibus privatam suis*», пѣтуха съ раздробленнымъ черепомъ, ласточку съ распоротымъ желудкомъ, бобра, лишеннаго дѣтородныхъ частей, безхвостаго павлина и окарнаннаго ястреба (*vultur*).

Всюду — слѣды человѣческаго любостыжанія, доискивавшагося драгоцѣнныхъ камней въ головѣ пѣтуха и желудкѣ ласточки и — глазъ гиены. Сл. Isid. Etym. I. XVI, с. XV: *hyaenia lapis in oculis hyaenae bestiae invenitur, qui sub lingua hominis subditus fuerit, futura eum praecinere dicunt.* — О драконитѣ еще въ апологѣ II, 25: *Sua gemma draconem pecat.*

I. I, с. 24: *De vulpe peregrinante* (сл. выше, стр. 42).

I. I, с. 26: Споръ драгоцѣнныхъ камней: *Gelosia, asbeston, sinoclitcs*, рѣзрѣшаемый карбункуломъ. *Gelosia* хвалится тѣмъ, что «*ab igne minime calefit*» (*Chalazias* у Isid. Etym. I. XVI, с. X, XIII); *asbeston*, что *vix aut nunquam extinguitur*; *sinoclitcs*,... *quoniam varietate mirabili cum luna continue cresco et decresco* (= *selenites*; сл. Isid. Etym. I. XVI, с. IV). Къ лапидарію сл. еще I. II, с. 23: *hexacontolicus lapis* (*hexacontalithus* Isid. Etym. I. XVI, с. XII), *saphirus, onycha, bius lapis*; с. 28: *chrysopazion splendens in tenebris* (сл. Isid. Etym. I. XVI, с. XIV: *chrysoprasus*); I. III, с. 17 (взглядъ совы отнимаетъ врачебную силу сафира: *contuitus tuus frangit saphirum, qui attactus fugat venenum*) и IV, с. 8 (*saphirus, stella, orbis et animus non generant*).

I. II, с. 6. Обезьяна, подражая моряку, взбирается на мачту, не смотря на предупрежденіе мудраго ворона (*corvus . . . consiliarius*), и оборвавшись ушибается головой; затѣмъ, увидѣвъ царя на престолѣ, сама въ его отсутствіи садится на его мѣсто. *Sed hoc nimirum viso vulpecula venit ad solium et salutato sophisticatedo rege ministra provida ironice flagitavit mandatum. Cui simia dixit: hoc tamen praecipio, laeta gloriam cerne! At illa: egoque consulo sane, hinc quam cito descende. Дѣйствительно: обезьяну прогнали и натравили на неё собакъ. Лиса спрашиваетъ её, жалующуюся: почему изо всѣхъ животныхъ она одна желаетъ выдѣлиться и сравняться съ человѣкомъ. Обезьяна указываетъ на прирожденное влеченіе и на свое сходство съ человѣческимъ образомъ. Сходство есть, отвѣчаетъ лиса, но *quia haec similitudo in te pervertitur, hinc tua forma fore deformior invenitur. Quid enim bertina facie turpius, planta digitata deformius,**

nudisque natibus foedius...? Въ заключеніи лиса совѣтуетъ обезьянѣ подчиниться волѣ человѣка: онъ накормитъ тебя сластями и *прикроетъ пестрой одеждой* (jocunda veste) твою срамную наготу. — Въ l. II, с. 20 лиса хвастаетъ передъ тощей обезьяной своимъ роскошнымъ мѣхомъ и хвостомъ; тебѣ-же не иначе придется быть одѣтой, какъ когда тебя поймаютъ (ut capta sis); въ l. III, с. 5 голая обезьяна завидуетъ лисьему мѣху¹⁾, а l. III, с. 9 она уже является въ пестрой одеждѣ, но на дѣпи, и на вопросъ лисы о причинѣ ея веселья; *adhuc animi modicitate feminei memorans derisae nuditatis injuriam retroactam simul cum reminiscencia nata ira, vade, inquit, tu olim derisisti nuditatem team vel paupertatem, intuere nunc gloriam, quoniam usque ad me divitiarum exundantiam humanarum non minus feliciter quam liberaliter dulcis fuit fontana.* Лиса смѣется надъ этимъ счастьемъ, которое куплено потерю свободы. Апологъ 12 той-же III-й книги объясняетъ, какъ это случилось: обезьяна обращается къ скomoroxу съ просьбой дать ей одежду, чтобъ прикрыть наготу; тотъ не только одѣваетъ её, но и кормитъ медомъ, а та позволяетъ ему надѣть на неё дѣпъ. Сл. еще II, с. 11: *Simia . . . suppletiva arte induitur*; II, с. 25: *Simia . . . dum ornatur, fit turpior et anus ipsius difformior.* — Физиологъ также говорить о безобразіи безхвостой, человѣкоподобной обезьяны, и даже дѣлаетъ её подобіемъ дьявола. Апологи стоятъ, очевидно, на другой точкѣ зрѣнія. Загадочной для меня является дважды повторяющаяся подробность (сл. выше, подъ l. I, с. 9): объ обезьянѣ и *полтолуніи*. Сл. Artemidori Onirocriticon, l. II, с. XII: *Κυνοκέφαλος τὰ αὐτὰ τῷ πιδήκῳ σημαίνει . . . ἀνάκειται γὰρ τῇ Σελήνῃ* (ed. Hercher, p. 104).

l. II, с. 9: овца, наскучивъ тиранніей пастуха, ищетъ ево-боды бѣгствомъ. Олень, указавъ ей на грозящія ей опасности, побуждаетъ её возвратиться.

¹⁾ Сл. басню объ обезьянѣ, попросившей у лисы половину ея хвоста, Kurz къ Burkh. Waldis, I, № XLI и Oesterley къ Romulus III, 17.

1. II, с. 11. Лиса, «*magistra fallaciae*», заманиваетъ къ голодному медвѣдю лань обѣщаніемъ, что онъ сдѣлаетъ ей рога (*ad magistrum te dirigam jam expertum*). Олень, встрѣтившійся ей по дорогѣ, спрашиваетъ её: *quo vulpinam sequeris caudam?*, и узнавъ, въ чемъ дѣло, останавливаетъ её такимъ разговоромъ: *propter cornua ursus dedit quiete virtutis auriculam, cave, ne tu deterius amittas pellem et vitam. Ursus namque interrogatus a lupo, ut quid faciem pronam ferret, respondit: quia habeo debile caput. Cui lupo ait: muni ipsum cornibus, his ergo caput armavit natura bovinum, vade ad hominem arte dotatum et ponet. Quo invento magister ait: solve pro labore, volo hoc, quod dare non noceat; si brancham peterem, non dares, da mihi aures et nil tibi nocet. Quo volente scidit eas et ferens malleum, ut perforaret cranium ejus, audivit: fatuusne sum, ut perfores mihi caput? Qui ait: aliter tibi cornua non ponuntur. Tunc ursus abbreviatis auribus inquit: bene enim fatuus qui cornua cupit, perdit enim, ut video, caput discretionis et aures quietae virtutis. Et sic abscissis auribus sine cornibus abiit illusus.* Сл. указаніе на ту-же или сходную басню въ 1. II, с. 17: *dicam . . . illud quod olim bos urso inquit appetenti cornua: amice, bona sunt cornua, sed non tibi.* — Въ греческой баснѣ (Halm 184; сл. Kurz къ Buck. Wald. I, XCIII) верблюдъ, завидуя быку, проситъ рога у Юпитера, который, въ наказаніе за неумѣстную просьбу, укорачиваетъ ему и уши. Такъ и въ талмудической баснѣ у Landsberger'a 1. с. р. XLIV—V. — Съ лисой, увлекающей лань въ медвѣжью берлогу, сл. извѣстную басню въ *Gesta Theodorici*: о лисѣ, заманивающей оленя ко двору льва.

1. II, с. 12: (*De nube et terra*) споръ тумана (облака) и земли. Интересны слѣдующія подробности: связь восточной и правой стороны; адъ на сѣверѣ: *ex magna quidem providentia conditoris superborum habitabilis locus aquilonari polo supponitur.*

1. II, с. 15. *De gallo et vulpe*. Пѣтухъ поетъ, сидя на деревѣ, лисица выражаетъ свое изумленіе, пляшетъ отъ восторга, проситъ поцѣловать его мудрую голову, и схвативъ, съѣдаетъ. —

Сюжетъ разобранъ Колмачевскимъ, I. с. р. 93 слѣд.; ближе всего подходитъ нѣм. переводъ *Directorium humanae vitae* Иоанна Капуанскаго, (I. с. 100).

I. II, с. 21. Бесѣда павлина и ежа (*De pavone et erinacio*). Указаніе на апологи: *Memento, quaeso, quod basilisci oculus occidit, quia et dicam tibi illud, quod olim simiae, se in eo cernendo lucescere gratulanti, inquit vulpes: gaude magis quod es, et nequaquam quod in luce similitudinis specularis appares.... Non audisti, quod tigris velocior raptos catulos perdidit, quia fixo quidem oculo in semita in speculo sui mirando similitudinem jam eos invenisse putavit?*

I. II, с. 22: *De struthione et corvo* (сл. I. II, с. 4: *de struthione et gallina*): о страусѣ, пробующемъ летать. Указанія на два аполога: *non audisti, quid mus responderit talpae de oculis glorianti, habere quippe oculum et non verum monstruosa caecitas est?...* *Similiter autem superbientem ex sexu taliter equatulum confundit: nimirum apparentiae sexum habes, sed cares existentiae fructu, adulterina conjunctione plantatus* (сл. а) I. III, с. 2: *De talpa contra naturam*; б) I. II. с. 5 и 19).

I. II, с. 25: похвальба павлина и обличенія ворона. «*Amens ergo gloriaris in umbra, sed sicut aureus circulus in naribus (Graesse: auribus) sordidae suis, sic carnis luciditas cum ignavia mentis*». Извѣстное изреченіе Соломоновскихъ Притчъ (XI, 22: *ὡσπερ ἐνώπιον ἐν ρινὶ ὑός, οὕτως γυναικὶ κακόφρονι κάλλος*), распространенное въ цѣломъ рядѣ примѣненій. Слѣч.

Пчела 1623 г., по рѣк. Снн. библ. Слово Даниїла Заточника (Русск. № 314. Бесѣда, стр. 106).

Не глѣпо въ ноздри [свиніи] Не глѣпо усеразь златъ въ оусеразь златъ, ни на безумномъ ноздри свиніи ни на холопехъ ни на холопѣ добрыа порты, добрыи портъ. Аще бы котлу аще бо бы оу котла златаа золоты коуца во ушню, на дну дна, а дну его ни черности не его не избыти черности и же- избыти, такъ и безумну и хо- нія его — такожь и холопу. лопу оукура.

[Сл. въ поученіи Акира Анадану: ты похожъ на свинью, которая пошла мыться въ банѣ съ боярами, но предпочла банѣ первую лужу, встрѣтившуюся на дорогѣ... ты подобенъ котлу, къ которому прикованы золотыя кольца, дно же его не избавится отъ черноты: «сыну, былъ ти еси якоже котлу прикованѣ золотѣ колцѣ, а дну его не избыти черноти». Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 79—80. — Ркп. Волоколамскаго монастыря, № 662, начала XVI в. (Кирила Философа): Братіе мой, котлѣ аще быша были златыя колца въ оушю, а дну его черноти не избыти. тако и холопъ, аще бы паче мѣры величал'ся и гордил'ся, а имени емъ не избыти холопья¹⁾]. — Изъ слова святаго Козмы презвитера: «и стражетъ святое евангеліе въ руку ихъ (еретиковъ)..., акы златъ усерязъ свиньи во ртѣ» (Православный Собес. 1864, II, 99—100); «и какъ золотыя серги въ ноздряхъ у свиньи, такъ и злой женѣ красота» (Буслаевъ, Очерки I, 587: изъ Синодальной Пален XVII вѣка). Сл.: *bous d'or en gruing de porc* (Guarnier de Pont St. Maxence, Vie de St. Thomas, v. 2769, сл. Romania, № 6, p. 240 прим.).

1. II, с. 26: Воронъ и Соловей: о пѣннѣ. Музыкальные инструменты: *Nonne sapidius folles in organis canunt et in psalterio plectrum, in figella (fidella, vitella = vielle?) pilus et in cithara mortuum intestinum?*

1. III, с. 3. Крокодила убиваетъ *scrophilus* (птица). Смѣшеніе *τροχιλος* (птицы) и ихневмона = ила. Сл. *Aelian. VIII 25, Aristot. 335; Athen. IX, 10 Phile 76; Plin. VIII, 37*. Упоминаются: Диогенъ и Александръ Македонскій, философъ *Stilbon* и Димитрій. — «*An ignoras quod post Darium maximo, cum Democriti praeceptoris sui opinionem ei comes Ausquardus (sic) exposuit de pluralitate mundorum, gemitum donanti Macedoni*

---

¹⁾ Сл. Вас. Рождественскій, Притчи съ именемъ Кирила Философа, Чтенія въ Общ. любит. Духовнаго Просвѣщенія 1881, Дек. стр. 581—2, см. 583—4, 585. Исслѣдованіе Рождественскаго касается вопроса о нашихъ Апологахъ, но не даетъ ничего новаго къ ихъ разрѣшенію.

Alexandro: heu me, quia post tot labores invidos laetalesque casus nondum eorum potitus sum uno! ¹⁾).

1. III, с. 4. Разговоръ богача, желающаго еще болѣе разбогатѣть, съ Фортуной. Упомянания: *Non audisti olim, quid Apollinis idolum pastori per achatem lapidem regni Lydiae facto regi sciscitanti, si quis in mundo superesset felicior, deliciosas confutans divitias respondit? Mox enim superbienti Gygi Zophidium Achadium senem pauperem praetulit . . .*

1. III, с. 8. Разговоръ лисы, страдающей водянкой, съ ласочкой (*mustela*). Лиса напоминаетъ ей *qualiter olim dente tuo vitam de laqueo mortis quasi noviter renatam haruerim*. Сл. 1. III, с. 11 (ласочка совѣтуетъ голодной лисѣ, пролѣзшей въ амбаръ, не слишкомъ набѣдаться, чтобы не застрять въ щели при выходѣ) и 1. IV, с. 4 (ласочка, какъ совѣтница лисы). Это — мотивъ Эзоповской басни (*Halm 31 и 31 b; Babrios 86; сл. Édélestand Du Ménil, Poésies inédites du moyen âge, p. 134, прим. 3 и 4; Kurz къ Burkh. Waldis I, XLIV*), о распространенности которой см. у Колмачевскаго, 1. с. р. 149; сл. еще *Landsberger, 1. с. р. LX—LXI*.

1. III, с. 10. Нѣкій юноша, услышавъ о золотыхъ горахъ въ Индіи, отправляется туда, влекомый любостыжаніемъ. Его останавливаетъ *gymnosophisticorum* (у *Graesse: Gigno sophisticorum!*) *quidam . . . : si grifes appropinquare te viderint, jam pro auro perniciem habebis . . . Smaragdinamque gemmas arenulasque aureas Sithiae hosque montes grifes possident* ²⁾. Отчаяніе юноши и утѣшенія старца (на тему: что есть высшее благо?);

---

¹⁾ Сл. *Nicolai Pergameni Dialogus Creaturarum, ed. Graesse, dial. 82, p. 228—9: Narrat Valerius libro VIII°, quod, cum Alexander audisset ab Anaxarcho comite suo ex auctoritate Democriti sui praeseptoris praecipui, innumerabiles esse mundos, heu me, inquit, miserum, qui nec uno adhuc potitus sum.*

²⁾ Сл. о грифахъ *Dialog. creat., dial. 87* (съ ссылкой на *Isidor. Etym. XII°*).

«bragmani ut libera tranquillitate civiliter versarentur, aurum totaliter a suis finibus abdicarunt, et brabitaе, civilitatis cultores, ne usu ejus polluti avaritia corrumpere аequitetem et salutarem pacem perderent, ideo in terrarum profundum abjiciunt hujus genus metalli, cum emunt. — Подробности о чудесахъ Индіи, о брахманахъ и гимнософистахъ напоминаетъ Палладіево Peri τῶν τῆς Ἰνδίας ἔθνων καὶ τῶν Βραχυμάων и соотвѣтствующій эпизодъ Псевдокаллиена; индійскіе грифы, стерегущіе золото, перешли изъ разсказа Ктезія къ Павзанію и Эліану; сл. еще Геродота III, 116; IV, 13.

l. III, c. 12. De simia et histrione (сл. выше, стр. 53). — «Muneribus excaecatus tam admirabilis Balaam periit, muneribus judicialis sedes domus Jacob depravata liberis Samuelis Israhel in praеjudicium cecidit. Muneribus corrupto senatu dudum florido, sicut providerat princeps, ingravata murmuratione Romana gloria transivit. Etenim cum emptis iniquo munerum pretio datoribus legum fratricida ingrattissimus et nequam praedo justificatus fuit, tunc Iusticia recessit a Roma et converso ad eam vultu clamavit et dixit: O urbem venalem et matrem tradituram, si inveniret emptorem!

l. III, c. 14. De sanguisuga et formica (пиявка, напившись большой крови, околѣваетъ; такъ и драконъ отъ крови слона).

l. III, c. 18. Бесѣда паука и шелковаго червя; онъ названъ: *doctor liberalitatis*; сл. l. III, c. 20 (De vermiculo faciente sericum): *vermiculus liberalis*; сл. еще III, c. 22 (sic *liberalis vermiculus viscera propria in beneficium cuncta dedit*). *Doctor liberalitatis* отзывается какъ-бы арабскимъ стилемъ.

l. III, c. 22. De die et nocte. Упоминается Антигонъ, отказавшій просителю (Cuneo) въ талантѣ, и щедрость Александра Македонскаго.

l. III, c. 26. De vipera et ejus filiis. Извѣстныя баснословныя подробности Физиолога о зачатіи и рожденіи эхидны (Pitra, l. c. p. 347: греч. Физиологъ). Сл. эпизодически с. 25 в IV, c. 7, 8 (De phoenice et vipera) и 10 (De vipera et elephantе).

Эхиднѣ противопологаются фениксъ и слонъ, какъ образцы чистоты, *castitas*. О слонѣ и эхиднѣ по Физиологу сл. Koloff, I. с. 222 слѣд., 262—3.

I. III, с. 27; сл. I. IV, с. 3. *De cane et lupro*. Мотивъ отчасти эзоповскій (Halm, № 231; сл. Колмачевскій, I. с. р. 145).

I. IV, с. 2: *De porco et vulpre*. Мотивъ разговора напоминаетъ Бабрія (F. 37, Halm 163) и соответствующія индѣйскую и еврейскую басни. Landsberger р. XXXIV слѣд., Benfey, *Orient u. Occ.* I, 2, р. 360—1.

I. IV, с. 9. Преніе розы, лиліи и фиговаго дерева. Восторженная похвала «святой дѣвственности» вложена въ уста розы и лиліи: *sancta virginitas ipsum naturae et virtutis est germen pretiosissimum, flos amoenissimus et splendor clarissimus, fructus dulcissimus, decor praestantissimus, odor suavissimus, valor totus.... Ut rosa igitur fragrans et lilium rutilans est sancta virginitas, flos et fructus, ad cujus quidem fragrantiam unicornis tractus suaviter currit, cujus dulcedine ferocitas mansuescit, cujus puritate ejus tam valida delectata potestas quasi victa in nitido gremio virginali reverentialiter prostrata recumbit*. Инорогъ, умиротворяющійся на лонѣ дѣвственницы — извѣстный по Физиологу символъ Христа (Koloff, I. с. 226; сл. Pitra, I. с. 355—6: греч. Физиологъ; *ibid.* р. 57—8: *Melitonis Clavis* и комментарий).

Вопросъ объ авторѣ Апологовъ по прежнему остается открытымъ. Выбирая изъ нихъ матерьялъ животной саги и физиолога, историческаго анекдота и бытовыхъ данныхъ, я лишь желалъ указать на группу вопросовъ, отъ освѣщенія которыхъ зависитъ, быть можетъ, и разрѣшеніе общаго. — Не лишеными значенія представляются пока два общихъ наблюденія, которыя мы могли сдѣлать: уравнившенныя роли ворона и лисы, напоминающія восточную животную сагу и — принципъ вводныхъ апологовъ (I, 9, 26; II, 11, 15, 17, 21, 22; III, 2, 7), указываю-

щій на обычный планъ восточныхъ сборниковъ (Панчатантра и ея истоки и переводы) либо тѣхъ, которые составлялись подъ ихъ влияніемъ (Solwan el Mota' сициліанскаго арабскаго писателя XII вѣка Ibn Zafer'a; Raimon Lull). Подъ вводнымъ апологомъ я разумію то его употребленіе, когда онъ является орудіемъ убѣжденія или отвѣди въ устахъ лица, дѣйствующаго въ другомъ апологѣ или разсказѣ. Въ нашемъ текстѣ эта популярная на востокѣ литературная рамка обыкновенно является не развитію, дѣйствующія лица указываютъ лишь въ общихъ выраженіяхъ на *знакомое* содержаніе басни; но въ одномъ случаѣ (II, 11) мы имѣемъ дѣло съ такимъ-же точно развитіемъ, какой встрѣчаемъ напр. въ пересказахъ Панчатантры: лиса увлекаетъ ланя въ медвѣжью берлогу, а олень останавливаетъ её не увѣщаніемъ, а конкретнымъ апологомъ: о медвѣдѣ, домогавшемся роговъ и лишившемся ушей. Въ Gesta Theodorici, составленныхъ въ Италіи, пріятель его Птоломей, не имѣя возможности прямо предупредить его о коварныхъ замыслахъ императора, точно также прибѣгаетъ къ апологу, который съ умысломъ разсказываетъ въ присутствіи посланца Теодориха: объ оленѣ, завлеченномъ въ лвиную берлогу хитрой лисою. Подобное-же литературное употребленіе вводнаго аполога встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ памятникѣ, который, сколько помнится, еще не былъ привлекаемъ къ исторіи средневѣковой басни — и также принадлежитъ Италіи. Я имѣю въ виду Liber de obsidione Anconae (Muratori, *Rer. Ital. Script.* t. XI), написанный флорентійцемъ Вонсопрагні, профессоромъ въ Болоньѣ съ 1218 г., авторомъ цѣлаго ряда сочиненій по реторикѣ. — Въ 1172 году имперское войско подъ начальствомъ Христіана, архиепископа Майнцаго и канцлера имперіи, осадило Анкону.

Cap. V. Qualiter ivit legatus civium ad Cancellarium. Porrò Anconitani fame valida oppressi quemdam sapientem virum ad Cancellarium transmiserunt, immensam promittendo pecuniam, si vellet ab obsidione cessare. Ille autem hoc audito subridens ait: En offerunt nobis Anconitani pecuniam, quam habemus et habere

videmur. Sed dicimus tibi quod merito posset inter fatuos reputari qui haberet totum et requireret partem. Ediscite tandem parabolam istam, quae sapientis indiget explanatione.

Cap. VI. Quaestio Cancellarii facta illi legato. Quidam venator non cum paucis canibus intravit maximam sylvam, in qua reperit Leonam, quae dominari pluribus animalibus videbatur. Hanc non modico tempore insequens, multos canes amisit, et vestimenta propria dilaniavit. In spelunca demum ipsam reclusit, ubi fame taliter angebatur, quod manus non poterat evadere venatoris. Rugiebat in fine, volens cum venatore componere pro ungula pedis. Consuleres igitur venatori, ut pro ungula dimitteret Leonam? — Ille autem excogitavit aliquantulum, quid Cancellario responderet; postmodum verò in hunc modum sic respondit:

Cap. VII. Responsio legati. Si venator, qui sylvam intravit, meis deberet consiliis acquiescere, non dimitteret pro ungula Leonam; sed si vellet cum ungula summitatem traderet aurium, consulerem venatori facere pactum, quia breviter habuisset totius corporis potestatem.

Cap. VIII. Quomodo legatus aliam posuit quaestionem. Contigit quippe multotiens quod qui totum requirit, partem amittit, sicque diuturno labore privatur. Nam cum aucups quidam rete pro columbis in agro tendisset, more solito escam projecit, ad quam capiendam VII columbae venerunt, pro quibus expandere noluit rete, credens illas, quae in arboribus residebant, comprehendere cum illis. Expectavit diu, et ecce supervenerunt falcones volitando per aërem et sic VII quae jam ceperant escam fugerunt. Tutius ergo fuisset aucupi VII comprehendisse columbas, quam sic rediisse domum oneratum labore.

V.

ПОВѢСТЬ О ВАСИЛІИ КОРОЛЕВИЧѢ-ЗЛАТОВЛАСОМЪ ЧЕШСКІЯ ЗЕМЛИ
И НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

Акад. А. Ѳ. Бычкову удалось недавно открыть въ одномъ сборникѣ Имп. Публ. бібліотеки списокъ повѣсти, которая, со времени Снегирева, не была доступна по рукописямъ ни А. Н. Пыцину, ни послѣдующимъ за нимъ ученымъ. Изданіе г. Шляпкина¹⁾, познакомившее насъ съ содержаніемъ повѣсти, позволяетъ отнести её къ тому западному литературному теченію, которое принесло къ намъ и Римскія Дѣянія, и Брунцвика и Аполлонія Тирсаго и т. п. Какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь, вѣроятно посредство Польши; разумѣтся, имена Мечислава = Мстислава = Станислава (безразлично употребляемые для обозначенія одного и того-же лица, чешскаго короля) ничего не говорятъ ни за польскій пересказъ, ни за чешскій оригиналъ: рядомъ съ Мечиславомъ стоитъ романическое Полимистра; воспоминаніе о старыхъ историческихъ сношеніяхъ Чехіи съ Франціей исчезаютъ за измышленіями сказочнаго характера и позднѣйшаго повѣствовательнаго стиля.

Языкъ перевода крайне пестрый: рядомъ съ сенаторскими и рыцарскими дѣтьми — «поклисари» и откровенность народной пословицы.

Повѣсть заявляетъ себѣ «притчей» съ самаго заглавія: «Притча яко невѣстамъ девицамъ и юнымъ вдовицамъ хотящимъ посягати за мужъ не довлѣтъ жениховъ своихъ злословити и присланныхъ о(тъ) нихъ безчеститъ». — «Бысть в древнія времена лѣта в нѣмецкихъ режихъ въ чешской земли во градѣ Прагѣ

¹⁾ Изд. въ Памятникахъ древней письменности и искусства, СПб. 1882.

король именовъ Мечиславъ» (далѣе: Мстиславъ, Станиславъ), у него сынъ красавецъ, «Василій Златовласый». Когда приспѣло ему время жениться, отецъ ищетъ ему подходящей невѣсты, а гость Василій указываетъ царевичу на Полиместру, дочь французскаго короля Карлуса: она «красотою лучше тебя и разумомъ подобна тебѣ во всемъ». Царевичъ проситъ отца послать къ ней «поклисарей, сирѣчь сватовъ», но тотъ сомнѣвается въ успѣхѣхъ: «Франчушское королевство издавна велико и славно и честно и богато, а наше кролевство предъ нимъ мало и убого и неславно и франчушской народъ не дастъ за тя, лишь срамоту примешь себѣ и мнѣ и поклисари наши бездѣльны возвратятся». Тѣмъ не менѣе онъ предоставляетъ сыну дѣйствовать по своей волѣ: сваты отправлены съ письмомъ и дарами, между прочимъ съ драгоценной чашей, назначенной королевицѣ, на днѣ которой было написано: «кравелна государыня, прекрасная Полиместра, прими сію чашу и поди за меня за кравевича Василя Златовласова». — Поклисари приняты честно, но когда Полиместра прочла написаніе въ чашѣ, бросила её о помость «и рекла выкладъ сице: не терть-де (не) колачь, не мять-де не ремень, не тотъ-де сапогъ не въ ту-де ногу обуть: садится лычко къ ремяшку лицомъ, понять-де хочеть смердовъ сынъ кравельскую дочь: никогда-де того не будетъ еже смердову сыну кравельскую дщерь понять». Въ томъ-же смыслѣ отвѣтилъ и король, «поклисари-же возвратишася посрамлени».

Опечалился Василій Златовласый, проситъ отца отпустить его во Францію, «отмстити смѣхъ свой королю Карлусу и дщери его кравелицѣ Полиместрѣ». И на этотъ разъ отецъ отговариваетъ его, но воли съ него не снимаетъ. Снарядивъ корабль съ великими дарами, королевичъ беретъ съ собою гостя Василя и тридцать отроковъ, сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей: всѣ они будутъ матросами и одинаково называться Васильями, гость Василій хозяиномъ, онъ самъ — его рабомъ. Когда они пріѣхали во Францію и пристали «на берегу града», король велѣлъ Василю-гостю быть у себя и посадилъ его съ собою за столъ,

а тѣмъ временемъ «кравевичъ Василій на кораблѣ началъ въ гусли играть отъ премудрости своея зѣло дивно, яко никто отъ человекъ юныхъ тако не умѣеть играть; и какъ заигра въ гусли, то вся во градѣ и на дворѣ кравевскомъ танцовать стали». Узнавъ, что то играетъ «рабъ» гостя Василія, король велитъ позвать его, но тотъ повинуется лишь приказу своего господина. Явившись, онъ начинаетъ играть на гусяхъ, «и король и кравея ево и вси ту предстоящіи начаша танцовать»; снова заигралъ, и всѣ плясавшіе заснули. Тогда вышла къ нему королева, доголъ любовавшаяся на него изъ другаго покоя, и сказала: «Играй, Василій! Онъ же, увидѣвъ ее, зѣло возрадовался душою. яко такова прекрасна, како возвѣстилъ ему о ней гость Василій. И рече ей королевичъ Василій: Государыня, прекрасная кравея Полимистра, изволь пойти во свою комнату, аще не изыдеши отсюда, не буду играть; батюшка твой пробудется отъ сна и мати твоя и тебя ту узрять, и тогда ты срамоту примешь. а язъ гнѣвъ прииму отъ батюшки твоего. И тако кравея Полиистра исшедь вонъ изъ палаты». Тогда королевичъ опять принимается играть, и всѣ проснулись.

Королю такъ понравился гусельникъ, что онъ предлагаетъ гостю Василію — продать ему его. «Цѣна сему отроку такова», говоритъ, послѣ долгаго отнѣкиванія, гость Василій: «поставь его на златомъ коврѣ и осыпь его всего съ головы даже до ногъ червонцами златыми, то ему цѣна». На этомъ сошлись. Оставшись при королѣ, Васька гусельникъ проситъ его, по нѣкоторомъ времени, отвести ему по близости, мѣсто, гдѣ ему постройться, чтобы близко было ходить играть ко двору. Король далъ ему мѣсто на строеніе и десять тысячъ червонцевъ; къ нимъ Василій присоединилъ своихъ денегъ болѣе того, и вскорѣ выросли каменные палаты на диво, лучше королевскихъ; «и построилъ едину палату, гдѣ опочивъ ему держати, изъ стеколъ зеркальныхъ, и мостъ изъ стеколъ-же зеркальныхъ; а въ ней устроилъ и кровать себѣ изъ стеколъ-же зеркальныхъ лучше кровати королевскія и покры мостъ въ спальнѣ сукномъ краснымъ кармазиннымъ».

Въ палаты онъ перевелъ съ корабля своихъ тридцать отроковъ, а гостю Василию велѣлъ оставаться на кораблѣ.

Каждый день ходилъ онъ играть къ королю и королеви, которая начинаетъ подозрѣвать, что онъ не простаго рода и, желая вывѣдать отъ него тайну, подпавляетъ его. Но Василий замѣтилъ ея намѣреніе, вино выливаетъ въ сторону, а самъ, прикинувшись пьянымъ, просить королеву дать ему провожатаго до дому, который донесетъ-бы за нимъ его гусли. Королева отпускаетъ съ нимъ одну изъ своихъ дѣвицъ, которой Василий показываетъ свои палаты и сокровища; «токмо единого полу хрустальнаго не показа ей подъ закрытіемъ сукна». Дѣвица изумляется: «откуда таково красованіе и строеніе палатъ взято и за какіе малые дни устроено, яко и у самаго короля таково строенія нѣтъ». Василий, очевидно, не простаго рода; онъ даритъ ей, вынувъ изъ чпага ¹⁾, золотой перстень и отпускаетъ домой. Та все пересказала королеви. Когда на другой день Василий опоздалъ приходомъ къ королю, онъ объясняетъ это тѣмъ, что поздно игралъ у его дочери, явился домой хмѣльной и проспалъ. Станный сонъ онъ видѣлъ: «Кабы, государь, чрезъ твой королевскій дворъ шла елени зѣло изредна и пришла на той дворншкѣ, азъ же даровалъ ей златый перстень, изъ двора спустилъ, она же паки пошла чрезъ твой королевскій дворъ». Король говоритъ, что сну этому нечего ужасаться: «сонъ твой добръ есть, аще сбудется».

Слѣдуетъ новая попытка Полиместры подпоить Василия, котораго на этотъ разъ провожаетъ другая дѣвица. Тѣже подробности, подарокъ (золотая цѣпь) и тотъ-же сонъ, только елень была «лепшя той елени во всемъ, иже въ прежней ноци видѣлъ».

На третій разъ сама королева изъявляетъ желаніе побывать у Василия, когда дѣвицы успокоили её, что она не приметъ отъ

¹⁾ Слово чпагъ г. Шляпкинъ посвятилъ въ предисловіи небольшую замѣтку. Сл. тоже слово въ житіи Нифонта, Разысканія VII 205: очевидно — мѣшокъ, кошелекъ, а не ковчегъ.

него никакого «безчестія». Одна изъ дѣвицъ облеклась въ ея одежды и, когда подгулявшій будто-бы Василій попросилъ себѣ провожатаго, мнимая королева велитъ Полиметрѣ, явившейся на этотъ разъ въ роли «дѣвицы», сопутствовать гусельнику. Василій показываетъ ей свои палаты, вводитъ въ спальную, гдѣ, снявъ сукно съ стеклянаго полу и раздѣвъ королеву до-нага, принимается бить её нагайкою, приговаривая: вотъ тебѣ не тергъ не калачъ, не мять не ремень и т. д. По тѣмъ словамъ Полиметра познала Василія Златовласаго. Она проситъ у него прощенія, молить пощадить по крайней мѣрѣ ея дѣвственность; онъ отвѣчаетъ: «аще сего не сотворю, не имаша мнѣ быти кралева и не пойдеши за мене, понеже не есть отомщень смѣхъ твой». Лишь сотворивъ съ ней свою волю онъ отпускаетъ её отъ себя, подаривъ ей драгоценный вѣнокъ. — На другой день Василій рассказываетъ королю о златорогой лани, видѣнной имъ во снѣ: будто онъ ее поймалъ и билъ довольно и кожу содралъ, и возлюживъ на главу ея вѣнецъ, отпустилъ, а она побѣжала черезъ королевскій дворъ. Король опять успокаиваетъ Василія, а самому приходитъ въ голову: что это онъ часто сны видитъ? не затѣваетъ-ли что противъ меня?

Между тѣмъ Василій тайкомъ уѣхалъ на кораблѣ въ свою землю, а на вратахъ двора своего прибилъ письмо, въ которомъ объявилъ, кто онъ и какъ отмстилъ королевнѣ Полиметрѣ. Та во всемъ повинилась отцу. Три раза посылаетъ онъ поклицарей въ Чешскую землю, моля Василія пріѣхать и взять за себя его дочь; лишь на третій разъ склоняется Василій на просьбы. По смерти Карлуса онъ становится французскимъ королемъ — и Чешскимъ, по смерти отца; первое королевство онъ оставляетъ въ наслѣдіе сыну своему Карлу, второе другому сыну Александру.

Имена эти, равно какъ и имена главныхъ дѣятелей повѣсти, принадлежать, вѣроятно, ея искомому оригиналу, въ которомъ, быть можетъ, нашли бы себѣ объясненіе и нѣкоторые неясно рассказанные ея эпизоды. Къ чему оказывается нужнымъ стеклянный

поль, прикрытый сукномъ? Откуда взялись у царевича чудесныя гусли, очевидно, гусли сказки, гдѣ онѣ чередуются съ столь-же диковинною свирѣлью, то усыпляющей, то подстрекающей къ пляскѣ? Мудрость царевны, о которой говорится въ началѣ разсказа, дагѣ ничѣмъ не мотивирована, какъ остается необъясненнымъ, почему и гость, ѣдущій съ царевичемъ, и его тридцать спутниковъ названы Васильями.

Большая часть этихъ недоумѣній разрѣшаются слѣдующими сказками: *о хитрой дѣвѣ*.

Въ сказкѣ № 116 b у Афанасьева царь отправляется свататься за Елену прекрасную; съ нимъ его совѣтникъ *Никита Колтома* (въ № 116 а: Котома, дядька царевича), берущій съ собою «двѣнадцать добрыхъ молодцевъ: ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ и голосъ въ голосъ»: *двѣнадцать Микитъ* въ сказкѣ у Худякова (ск. III, № 120). Въ № 116 с вмѣсто Колтомы названъ Иванъ Голой, отправляющійся съ царевичемъ (сл. Ивана Голика въ малорусск. сказкѣ у Кулиша, Зап. о Южной Руси, II, стр. 59 слѣд., и въ сборникѣ Чубинскаго, отд. I, № 60); въ тождественной сказкѣ № 133 царевичъ ѣдетъ свататься за Елену прекрасную, его помощникъ *Иванъ купеческій сынъ* (= Василій гость въ повѣсти), съ нимъ *двѣнадцать человекъ*, а похожи другъ на дружку, словно братья родные — ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Нарядились они въ одинаковые кафтаны, по одной мѣркѣ шитые; *«ихъ всѣхъ зовутъ Иванами»* — и ихъ роль понятна: *хитрая* царевна ставитъ условіемъ брака — разрѣшеніе ея загадокъ и исполненіе мудреныхъ порученій: дѣлаетъ то и другое, за царевича, его слуга, Иванъ купецкій сынъ; догадавшись въ чемъ дѣло, царевна изъявляетъ желаніе видѣть слугу Ивана, но оказывается, что у царевича всѣ слуги — Иваны, всѣ одинъ, какъ другой, и ухищренія дѣвушки — заставить настоящаго объявиться или проговориться, не достигаютъ цѣли.

Первоначальная роль Василія-гостя и молодцевъ Васильевъ опредѣляется аналогіями указанныхъ сказокъ, въ которыхъ я

отмѣчу еще слѣдующія черты: въ № 133 Иванъ-Купеческій сынъ = Котома-Иванъ № 116 добываетъ на пути къ невѣстѣ три диковинки, которыя далѣе являются пригодными при сватовствѣ: шапку-невидимку, коверъ-самолѣтъ и сапоги-скороходы; въ стихотворномъ пересказѣ у Рыбникова, III, № 57, достойно становящемся рядомъ съ сказочной былинной о Подсолнечномъ царствѣ¹⁾: шапочку невидимочку, скатерешпочку-хлѣбсолочку и коверъ-самолетный. Въ этой связи могъ первоначально являться въ № 116b Аван. и чудесный свистокъ, отъ звука котораго всё ходитъ ходуномъ, и свинки въ стадѣ принимаются плясать; въ записанномъ варьянтѣ этотъ эпизодъ едва-ли не попалъ не въ свое мѣсто, уже послѣ разсказа о сватовствѣ, съ которымъ онъ первоначально могъ быть связанъ. Укажу на аналогію, представляемую № 131 Аван.: Иванъ достаетъ у сѣдлаго рогатаго старика гусли-самогуды, подъ звуки которыхъ пляшетъ его стадо. «Ванька сидитъ на пенькѣ да играетъ въ гусли самогуды, а передъ нимъ свиньи пляшутъ. Посылаетъ царевна свою дѣвушку, проситъ у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говорить: Пусть сама придетъ! — Приходитъ царевна: Пастухъ, Пастухъ! Продай мнѣ свинку! — У меня свинки не продажныя, а завѣтныя! — А какой завѣтъ? — Да коли угодно, царевна, свинку получить, такъ покажи мнѣ свое бѣлое тѣло до колѣнъ». — Царевна согласилась, и пастухъ могъ замѣтить на правой ногѣ у ней родимое пятно. Впослѣдствіи отецъ царевны обѣщаетъ отдать её замужъ тому, кто узнаетъ на ней примѣты; пастухъ явился естественнымъ отгадчикомъ. Сл. W. v. Schulenburg, Wendische Volkssagen etc., p. 66—9. — Жениха — свинопасы мы встрѣтимъ въ одной изъ версій разсматриваемаго далѣе сказочнаго типа.

Нѣкоторыя подробности Повѣсти выяснились изъ приведенныхъ выше сказочныхъ параллелей; ея дидактическая цѣль:

---

¹⁾ Сл. мою статью: Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ, Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1878, Апрель.

«яко невѣстамъ, дѣвицамъ... не довлѣетъ жениховъ своихъ злословити» ставить её въ рядъ многочисленныхъ западныхъ сказокъ: *о разборчивой невѣстѣ* ¹⁾.

Въ нѣмецкой сказкѣ. (Grimm № 52: König Drosselbart и варьянты) горделивая царевна отказывается всѣмъ женихамъ,

¹⁾ Ея библиографію см. у Grimm'овъ прим. къ № 52; Аенасьева, прим. къ № 132; R. Köhler'a, прим. къ Sicilianische Märchen, von Laura Gonzenbach № 18; Pitrè, Fiabe, novelle, racconti, къ № CV; Köhler у Cederschöld, Clarus Saga, Clari fabella, islandice et latine. Lund, 1879, p. 1; сл. Edzardi въ Literar. Centralbl. 27 März 1880 и Bugge, Studien über die Entstehung der nord. Götter- u. Heldensagen, 1° Reihe, 2es Heft p. 141—2; Cosquin, Contes populaires lorrains, въ Romania № 32, къ XLIV. — Вотъ относящіяся сюда сказки: Норвежскія у *Asbjørnsen'a og Moe*, Norske Folkeeventyr, 2 ed., № 45 = v. II, № 15 въ переводѣ Breesemann'a (сл. ibid. еще № 8); *Stov. pohádky a pověsti* (Sebrané spisy Boženy Němcové, VII díl) p. 213 слѣд. (Otcovo dědictví); *Grundtvig*, Gamle danske Minder, III, 1; *Grimm*, Kinder- und Hausmärchen, № 52 (и варьянты); *Pröhle*, Kinder- und Volksmärchen, Nr. 2; *Kuhn*, Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen, t. II, p. 251—255, Nr. 17 (сл. вторую часть одной сказки у Zingerle, Sagen, Märchen u. Gebräuche aus Tirol, p. 436, № 1 и конецъ сказки у Kuhn'a, l. c. № 13); P. Kennedy, Fireside Stories of Ireland, p. 114; Sébillot, Contes populaires de la Haute Bretagne № XXIII (La dédaigneuse punie); *Cosquin*, l. c. № XLIV; *Pitrè*, l. c. № CV; *Gonzenbach*, l. c. № 18; *Gradi*, La vigilia di Pasqua di seppo, p. 97: La principessa Salimbecca e il principe Carbonajo (сіэнская); *Knust*, Italienische Märchen, въ Jahrb. f. rom. u. engl. Liter. VII, № 9 (ливорнская); *Coronedi Berti*, Nov. popolari bolognesi, въ Propugnatore VII, № 15: Brisla in barba; F. Adolpho Coelho, Contos populares portuguezes (Lisboa, 1879), p. 100—102. — Изъ древнихъ пересказовъ: *Clarussaga*, l. c.; *Luigi Alamanni* (1495—1556): новелла о графинѣ Тулузской и графѣ Барселонскомъ (сл. Köhler къ № 18 Gonzenbach); *Pentamerone*, übertr. von Felix Liebrecht, v. II, № 40. — Присоединю къ этому и новеллу *Konrad'a v. Würzburg* у v. d. Hagen, Gesamt- abenteuer, I, стр. 211 слѣд.; сл. Simrock, Die Quellen des Shakespeare, 2 изд., Bd, I, p. 214, 215, 242 слѣд. — Выдержки изъ сборниковъ Куна и Козьмо сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, проф. Л. З. Колмачевскимъ.

надо всѣми глумится, всѣмъ даетъ смѣшныя клички. Одною она прозвала Drosselbart или Bröselbart; послѣднюю кличку Гриммъ объясняетъ, очень вѣроятно, изъ того, что у царевича во время ѣды застряла въ бородѣ крошка. — Черезъ нѣкоторое время является ко двору красивый шпильманъ и поселяется насупротивъ царевниныхъ оконъ. Однажды она видитъ, какъ онъ вертитъ пальцами небольшое золотое колесо, издающее мелодическіе звуки; она проситъ его научить её играть, желала бы приобрести и колесо, но шпильманъ отдаетъ его лишь подъ условіемъ: чтобы царевна вышла за него замужъ. Та горделиво отказывается. Въ другой разъ она опять видитъ шпильмана, играющаго на золотомъ «мотовилѣ», и на этотъ разъ она не выдержала и цѣной колеса и мотовила отдала свою руку. Рядомъ лишеній и униженій она искушаетъ свою гордость, пока не узнаетъ въ концѣ, что ея мужъ — отверженный ею царевичъ Bröselbart.

Содержаніе норвежской сказки (Bresemann II, № 15) существенно такое-же. Гаконъ Боркенбартъ, оскорбленный насмѣшкой гордой певѣсты (она велѣла обрѣзать уши его коню, у другаго распоротъ ротъ до ушей), рѣшается наказать её: добывъ дорогія золотыя вещи, прялку съ такими-же пестикомъ и мотовиломъ, онъ три раза является къ ней въ видѣ нищаго и уступаетъ ей тѣ вещи — первую за то, чтобы она позволила ему заснуть у дверей собственной спальни, другую за то, чтобы позволила провести ночь въ самой спальнѣ на полу, а третью, если дозволить ему выспаться рядомъ съ собою. Предыденная этимъ предложеніемъ, дѣвушка на всё соглашается; послѣ того она забеременѣла и родила малютку, а раздраженный отецъ отдалъ её за нищаго: это былъ Гаконъ. Онъ привелъ её въ большую хижину, заставилъ исполнять самыя черныя и трудныя работы и далъ много уроковъ ея гордости; такая жизнь смиряетъ её, и сказка кончается счастливо, какъ и предыдущая.

Въ датской сказкѣ дѣвушка также издѣвается надъ молодецмъ (дважды она велитъ обрѣзать уши и гривы его бѣлымъ и воронымъ конямъ; пробить его яхту, такъ что она пошла ко дну)

который прельщаетъ её въ послѣдствіи подарками (золотая прялка съ такими-же пестикомъ и мотовиломъ), и также добивается позволенія проспять у покоя царевны, въ немъ самомъ, наконецъ въ постели. Дальнѣйшее развитіе, въ общемъ, такое-же, какъ во всѣхъ сказкахъ этого типа.

Въ рассказѣ Пентамерона (übertr. v. Liebrecht, v. II, № 40) дѣйствующія лица: царь, домогающійся напрасно руки неприступной царевны, которая, чтобы получить драгоценныя одежды, дозволяетъ мнимому садовнику-царю переночевать въ ея загѣ, прихожей и, наконецъ, въ спальнѣ. Результатъ тотъ-же, что въ предыдущихъ сказкахъ: тѣ-же испытанія царевны, которая рѣшилась бѣжать съ садовникомъ, чтобы скрыть свой стыдъ. — Сицилианская сказка у Питрѣ (№ CV) повторяетъ сюжетъ Пентамерона въ главныхъ его подробностяхъ. Остановлюсь лишь на глумленіи царевны: за столомъ царевичъ нагнулся, чтобы поднять упавшее на полъ зернышко гранаты, которую до тѣхъ поръ никогда не ѣдалъ; дѣвушка вмѣняетъ это его жадности и потому отвергаетъ его. Такъ и въ португальской сказкѣ: царевна отказываетъ жениху, графу Парижскому, потому что за обѣдомъ онъ не стряхнулъ съ бороды зернышка гранаты, а взялъ его въ ротъ. Иначе въ довольно искаженномъ сицилианскомъ варьянтѣ сборника Гонценбахъ № 18: царевна замѣтила, что женихъ сѣлъ на стулъ, на которомъ лежало перышко, и что, когда онъ ѣлъ, капля соуса упала ему на грудь. *Pinna in seggia e sarsa in pettu!* глумится она и не хочетъ слышать о сватовствѣ. Въ болонской сказкѣ она смотритъ изъ за занавѣса на жениховъ, сидящихъ на пиру: у этого носъ великъ, у того ротъ; вотъ этотъ всѣмъ-бы хорошъ, да неопрятенъ (*sgà un gran porch*): у него послѣ обѣда осталось на бородѣ крошка (*brisola*). Это опять знакомый мотивъ нѣмецкаго *Bröselbart*. Сравните для этой черты скабрѣзную новеллу Конрада Вюрцбургскаго: гордая царевна, отказывавшая всѣмъ женихамъ, глумится и надъ рыцаремъ Арнольдомъ: за столомъ подали груши, по одной на двоихъ; рыцарь, сидѣвшій рядомъ съ дѣвушкой, разрѣзаетъ одну, позабывъ очистить её

отъ кожурѣ, половину самъ съѣдаетъ, другую предлагаетъ дѣвушкѣ, что и даетъ ей поводъ издѣваться надъ нимъ — и не мѣшаетъ ему отдаться, когда онъ явился къ ней подъ видомъ юродиваго.

Особую разработку нашей сказочной темы представляетъ словацкая и одна норвежская сказки (Bresemann, II, № 8). Начну съ первой, какъ болѣе сохранной. Умирая, старый король спрашиваетъ своихъ сыновей, что каждый изъ нихъ пожелалъ-бы получить въ наслѣдство. Двое старшихъ хотѣютъ быть королями, третій, Петька, выражаетъ желаніе, чтобы его любилъ всякій, кто на него ни посмотритъ. По смерти отца братья отправляются странствовать: двухъ старшихъ всюду принимаютъ съ почетомъ, третьяго, бѣдняка, хозяйки (krčmářka, gazdina, raní) встрѣчаютъ вначалѣ сурово, но, поглядѣвъ на него, тотчасъ-же предлагаютъ гнѣвъ на милость и дарятъ на память: горшокъ изъ оплетенной тѣквы, въ которомъ не переводилось питье; скатерть самобранку; треугольную шапочку: подвинешь еѣ на лѣвое ухо, будетъ стрѣлять изъ всѣхъ трехъ концовъ; подвинешь на правое, раздастся волшебная музыка. — Всѣ три брата сватаются за своенравную царевну, не хотѣвшую слышать о женихахъ, схвачены и посажены въ тюрьму, гдѣ Петька кормитъ и поитъ узниковъ при помощи скатерти-самобранки и горшка. Царь, прослышавшій объ этихъ диковинкахъ и пожелавшій ихъ пріобрѣсти, принужденъ согласиться на условія Петьки: дозволить ему простоять двѣ ночи у ложа царевны. Въ третій разъ онъ пускаетъ въ ходъ свою чудесную шапочку: надѣлъ еѣ на лѣвое ухо, и раздалась прелестная музыка. Покуда онъ игралъ весело, всѣ пускались плясать, игралъ-ли печально, всѣ принимались плакать, и всѣ слушали, забывая ѣду и питье и дѣло. Тогда Петька передвинулъ шапочку на правое ухо, и пошла такая польба, будто свѣтъ рушится. Эту диковинку Петька готовъ уступить, если ему позволятъ пролежать одну ночь въ ногахъ царской дочери. Она уступаетъ убѣжденіямъ отца, но ночью не вытерпѣла, чтобы не посмотрѣть однимъ глазомъ на чудака, отдавашаго ради

одного ея взгляда свои сокровища. Взглянула — и тотчасъ-же полюбила, а на другой день объявила отцу, что пойдетъ замужъ лишь за Петьку.

Норвежская сказка воспроизводитъ весь ходъ словацкой; забыта специфическая черта: разборчивость неприступной царевны; старшіе братья сватаются за нею; а младшаго-бѣдняка они дозволили помѣстить, вмѣстѣ съ другими нищими и оборванцами, на островѣ, гдѣ онъ и пускаетъ въ дѣло свои подарки: ножницы, кроившія въ воздухѣ бархатныя и шолковыя одежды, скатерть-самобранку и кранъ, источавшій, по желанію, разные напитки. — Добивается этихъ диковинокъ сама царевна; условія юноши: проспать одну ночь у дверей царевнина покоя, другую — на скамьѣ возлѣ ея ложа, третью — въ ея постели. Заключение тоже, что въ предъидущемъ №: юноша женится на царевнѣ, а братьевъ, державшихъ его въ черномъ тѣлѣ, помѣщаетъ на островъ, куда былъ высланъ самъ.

Въ двухъ послѣднихъ сказкахъ нѣтъ глумленія царевны; тамъ, гдѣ этотъ мотивъ имѣетъ мѣсто, является и отместка.

Отринутый женихъ мститъ, являясь въ чужомъ образѣ: *нищаго*, *бѣдняка* (норв. датск., слов. ск.), *садовника* (Рептаме-гопе, сиц. ск. у Pitrè, португальск. ск.), *холодильника* (сиц. сказка у Гонценбахъ), *угольщика* (сіэнская ск.), *пекаря* (ливорнская, болонская ск.), *парикмахера* (лорренская сказка), *пастуха* (нѣм. ск. у Куна), *лакея* (брет. сказка), *юродиваго* (Konr. v. Würzburg) или *шпильмана-гусельника*: такъ въ нѣмецкой сказкѣ у Гриммовъ, соединившей арфу, гусли шпильмана — съ золотыми прялкой, мотовиломъ другихъ рассказовъ, откуда представление: о мотовилѣ, колесѣ, издающихъ чудесные звуки; сл. такой-же *кловоушекъ* словацкаго пересказа. Наша повѣсть представляетъ въ этомъ смыслѣ болѣе простой типъ (гусельникъ прельщаетъ своими гуслими) и ту особенность, не встрѣчавшуюся намъ въ прошедшихъ передъ нами версияхъ, что сама дѣвушка приходитъ къ неузнанному ею жениху — первоначально, вѣроятно, привлеченная обѣщаніемъ — отдать ей чудесныя гусли,

наводившія плясъ или сонъ — какъ въ словацкой сказкѣ веселье или слезы? Въ повѣсти этотъ естественный, съ точки зрѣнія нашей сказочной группы, мотивъ уступилъ мѣсто другому, богѣе вычурному: дѣвушка несетъ гусли за Васильемъ и такимъ образомъ попадаетъ въ его палаты. Въ началѣ могли рассказывать приблизительно такъ, какъ въ эпизодѣ слѣдующей нѣмецкой сказки (Simrock, Deutsche Märgen, № 14):

Отставной солдатъ заходитъ въ подземный замокъ, предъ которымъ стоялъ на часахъ желѣзный часовой, der eisegne Johann; набивъ свой ранецъ золотомъ и драгоценностями и захвативъ съ собою свѣчу, стоявшую тамъ на столѣ, солдатъ выбирается на Божій свѣтъ (подробности я опускаю) и приобрѣлъ въ столицу. Здѣсь онъ останавливается въ лучшей гостинницѣ, окнами на царскій дворецъ, и начинаетъ жить широко, будто у него денегамъ и конца не будетъ. — А онѣ подходятъ къ концу. Однажды вечеромъ онъ засидѣлся: изъ головы у него не выходила царевна, которую онъ видѣлъ изъ своего окна. Свѣча у него догорѣла и, такъ какъ всѣ улеглись спать и негдѣ было достать другой, онъ вспомнилъ о свѣчѣ, захваченной имъ въ замкѣ. Только что онъ зажгѣтъ её, какъ желѣзный мужъ сталъ передъ нимъ и спрашиваетъ: Что прикажете, Ваше Величество? — Да развѣ я могу тебѣ приказывать? — Вашему Величеству приказывать, мнѣ исполнять? — Коли такъ, то принеси мнѣ арфу, что виситъ въ первой боковой залѣ замка. — Сказано, сдѣлано. — Ладно, сказалъ солдатъ и, какъ только потушилъ свѣчу, желѣзный мужъ снова очутился на своемъ посту передъ замкомъ. На слѣдующее утро, усѣвшись передъ окномъ, солдатъ принялся за арфу, и она играла всё, что только ему приходило на умъ. Ея звукъ былъ такой серебристый, что услышавъ её царевна пожелала её купить; но солдатъ отвѣтилъ, что она не продажная, а коли царевна захочетъ посѣтить его, онъ подаритъ ей арфу. Царевна не пожелала пойти сама, а послала вмѣсто себя одну изъ своихъ фрейлинъ, обѣщавъ ей, за исполненіе порученія, сто талеровъ въ награду. Солдатъ условился съ хозяиномъ: если

придетъ царевна, то встрѣтитъ её съ двумя свѣчами, если Фрейлина, то съ одной. Фрейлина пробыла у солдата всю ночь и получила отъ него арфу; на вопросъ царевны, какъ она провела время, она отвѣчала, что проспала рядомъ съ солдатомъ такъ-же спокойно, какъ-бы въ своей постели. — На другой день желѣзный мужъ достаетъ солдату вторую арфу, золотымъ звукомъ которой также прельстилась царевна и послала за нею другую Фрейлину. Третья арфа звенѣла, точно жемчугъ и алмазы; на этотъ разъ отправляется за нею сама царевна, но съ нѣсколькими результатами для своего спокойствія, — въ чемъ она и принуждена открыться отцу. Вслѣдствіе этого солдата схватили и посадили въ тюрьму; послѣдняя услуга «желѣзнаго Ивана» состоитъ въ томъ, что онъ-разнесъ и въ тюрьму и царскій дворецъ, и то и другое возстановляетъ, когда царь согласился повѣнчать свою дочь съ солдатомъ.

Связь этой сказки съ группою разбираемыхъ нами не подлежитъ сомнѣнію; отличія объясняются забвеніемъ нѣкоторыхъ существенныхъ мотивовъ: опущенъ напр. мотивъ отверженнаго сватовства. Иначе слѣдуетъ понять другія отиѣны, на столько-же отдаляющія нашу сказку отъ другихъ версій, на сколько сближающія её съ русской повѣстью: я разумію двоякую попытку царевны замѣнить себя другимъ лицомъ. Ту-же черту встрѣчаемъ мы и въ нѣмецкомъ варьянтѣ у Куна, указывающемъ на новыя точки соприкосновенія съ прототипомъ нашей повѣсти: сынъ нѣмецкаго короля не лично ѣдетъ свататься за французскую королеву, а посылаетъ посла. Скорѣе выйду за свинопаса, чѣмъ за нѣмца; говоритъ она. Тогда царевичъ отправляется самъ, запасшись тремя драгоценными мячами: серебрянымъ, золотымъ и брилліантовымъ и принимается пасти свиней подъ окнами красавицы, играя серебрянымъ мячемъ. На предложеніе царевны продать его, онъ отвѣчаетъ, что отдастъ его, если она согласится раздѣлить съ нимъ ложе. Но она посылаетъ вмѣсто себя Фрейлину, а на другой день другую — какъ въ предыдущемъ разказѣ. Царевичъ замѣтилъ обманъ и объявляетъ, что третій

мять отдасть лишь когда къ нему придетъ сама царевна. Фрейлины говорятъ ей, что опасности ей не предстоитъ никакой, спать съ пастухомъ то-же, что рядомъ съ колодой. Тогда она является къ нему, но ошибшись въ расчетѣ, принуждена бѣжать отъ стыда вмѣстѣ съ пришельцемъ, въ которомъ узнаеть отвергнутого царевича лишь послѣ цѣлаго ряда лишеній и страданій.

Въ сказкахъ о «разборчивой невестѣ» мы не встрѣтили до сихъ поръ участія — дядьки, помощника жениха, въ родѣ гостя Василя нашей повѣсти или Котомы-Ивана сказокъ о «хитрой дѣвѣ», который помогаетъ царевичу въ сватовствѣ и подъ конецъ расправляется съ строптивой: «Иванъ Голой ухватилъ царевну за косы и до тѣхъ поръ волочилъ её по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всемъ мужа (Аван. № 116 с.). — Этого сказочнаго дядьку мы встрѣчаемъ въ *Clagusa*, пересказанной на старосѣверный языкъ въ началѣ XIV вѣка (1322—39) епископомъ *Íón Haldórsson*’омъ съ какого-то латинскаго «*rithmos*», съ которымъ онъ познакомился во Франціи. Содержаніе саги слѣдующее: у Тибурція, императора Саксланда, т. е. нѣмецкаго, сынъ *Clagus*, прозванный такъ за свою красоту (*príat Clagus rúðiz upp á vort mál «bjarttr»*), а при красотѣ и силѣ онъ обладалъ и особой мудростью (*med frábaeri vizku*). Отецъ далъ ему въ учителя извѣстнаго Пера (*Pegus*), родомъ изъ Аравіи, мудрѣйшаго всѣхъ смертныхъ, о знаніи и хитростяхъ котораго говорится во многихъ книгахъ, ходитъ множество разсказовъ (*af hverjum víða er lesit í bókum ok mörg æfintýg víð spærtr af sínum listum ok klókskap*). Отъ него царевичъ узнаеть о Серенѣ, дочери франкскаго короля Александра: красивѣе и мудрѣе ея не найти; съ шестидесятью дѣвицами изъ именитѣйшихъ родовъ, охраняемая тысячею рыцарями, она пребываетъ въ башнѣ, куда дозволенъ доступъ лишь ея отцу и его служителямъ; такова ея мудрость, что тебя съ твоимъ знаніемъ она считаетъ «деревенщиной», говоритъ *Pegus* и, когда царевичъ обнаруживаетъ желаніе посвататься за нее, прибавляетъ, что многихъ именитыхъ жениховъ она провела своею хитростью —

и отказывается съ нимъ ѣхать. Slagus отправляется на корабляхъ, богато снаряженныхъ, и любезно принять Александромъ; Серена, заинтересованная гостемъ, посылаетъ свою Фрейлину Теклу посмотреть на него, а за тѣмъ велитъ пригласить его къ себѣ. Царевичъ пораженъ великолѣпиемъ, которое онъ видитъ въ башнѣ; «во полу-столѣ» (sem ðlit gengr um) онъ рѣшается объявить Серенѣ о цѣли своего прибытія. Та выслушала его милостиво и предлагаетъ ему раздѣлить съ нею яйцо въ смятку, такъ чтобы каждый съѣлъ половину; но въ то время, какъ Slagus принималъ яйцо изъ ея рукъ, она тихонько нажала его, такъ что его содержимое пролилось на одежду царевича. Тогда, обратившись внезапно изъ Serena'ы въ Severa'у, она принимается стыдить его, бранить неряхой и деревенщиной и велитъ съ позоромъ выгнать отъ себя.

Опозоренный онъ возвращается во свояси и проситъ отпа и Regus'a помочь ему «отмытить» свой стыдъ. Regus соглашается лишь подъ условіемъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ ему предоставлена будетъ царская власть. Ею онъ пользуется, чтобы при помощи лучшихъ мастеровъ Саксоніи создать три диковинки, три драгоценныхъ шатра: передъ однимъ ходитъ на привязи и движетъ его золотой медвѣдь; передъ другимъ такой-же золотой левъ; надъ третьимъ летаетъ литой изъ золота ястребъ. Черезъ три года Regus и Slagus съ товарищами снова ѣдутъ свататься; царевичъ неузнаваемъ, Regus натеръ его какимъ-то порошкомъ, отчего онъ сталъ похожъ на людей, живущихъ вдали отъ общества и лучей солнца; онъ назовется Эскельвардомъ, сыномъ царя Bláland'a (Æioþin), пріѣхавшимъ свататься за Серену. Однажды утромъ царевна, выглянувъ въ окно, увидѣла богатый раскинутый шатеръ и передъ нимъ чуднаго медвѣдя; ей хочется пріобрѣсть эту диковинку, и она посылаетъ Теклу разузнать о пріѣзжемъ и пригласить его къ столу. Она проситъ царевича уступить ей шатеръ; но тотъ отвѣчаетъ, что онъ не продажный, ему цѣна — любовь Серены. Разсчитывая на свою хитрость, она соглашается принять царевича вечеромъ.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, ей и Slagus'у подають кубокъ, изъ котораго оба пьютъ; кубокъ о двухъ днахъ, напитокъ, что былъ сверху, достался Серенѣ, а нижній былъ сонный, «забыдущій»; какъ отвѣдалъ его Slagus; такъ и свалился. Серена велитъ его высѣчь и выбросить изъ башни; когда на другое утро онъ проснулся, шатеръ былъ уже взятъ людьми царевны.

Въ другой разъ повторилась та-же продѣлка: Slagus поддался на уловку Серены, завладѣвшей тѣмъ-же путемъ и второй диковинкой.

Остался еще третій шатеръ съ золотымъ ястребомъ, и царевна снова посылаетъ къ Slagus'у, съ извиненіями за прошлое и просьбой явиться. Между тѣмъ Regus устроилъ въ шатрѣ порогъ, «*einu limitum, þat köllum veg þresköld*», на которомъ что-то начерталъ: когда посланная царевной Текла переступитъ черезъ него, будетъ тебѣ предана, говорить онъ царевичу, ты-же надѣнь ей на палецъ этотъ перстень ѿ, подержавъ руку, пока не нагрѣется въ твоей, попроси её послужить тебѣ вѣрой и правдой и открыть, почему ты одинъ засыпаешь непробуднымъ сномъ, отвѣдавъ одного напитка съ Серепой. — Текла открываетъ тайное устройство кубка и общаетъ наполнить его, вмѣсто забыдущаго зелья, какимъ-нибудь другимъ, менѣе дѣйствительнымъ, того-же цвѣта.

Когда Slagus пришелъ къ Серенѣ по третьему зову, онъ также заснулъ и подвергся истязаніямъ; но сонъ длился недолго, такъ что, добравшись до ложа царевны, онъ могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Серена забыла о шатрѣ, Slagus посѣщаетъ её въ теченіи двухъ недѣль, послѣ чего проситъ у отца согласія на бракъ. Всѣ готово къ отъѣзду молодыхъ, приданое убрано на корабли, остался лишь шатеръ, въ которомъ должны были провести послѣднюю ночь Slagus и Серена. Проснувшись утромъ, Серена видитъ себя въ лачугѣ, о-бокъ съ какимъ-то страшилищемъ (*dólgr*), который называетъ себя ея мужемъ, обращается съ ней грубо, заставляетъ её голодать и странствовать съ собою, а хлѣбъ себѣ зарабатываетъ игрой на флейтѣ,

skáldþíra, на какой играютъ прохожіе люди (fantar), и смѣхотворными прибаутками (talar sem einn dári á allar lundir). Это былъ — Regus, взявшійся усмирить строптивую, которая все терпѣливо переноситъ отъ мнимаго мужа и, по окончаніи испытанія, соединяется съ настоящимъ. Все это она претерпѣла въ отместку за свое глумленіе (í hefnd móti þeim dáraskar, sem hon hafði áðg leikit keisara syni).

Испытанія, претерпѣваемые царевной, тѣ-же, какія сохранились въ современныхъ западныхъ сказкахъ; если я не останавливался на этой ихъ подробности, то потому лишь, что имѣлъ въ виду освѣтить источники нашей Повѣсти, въ которой она, по ходу разсказа, оказалась не нужной и замѣнена болѣе грубой расправой.

Сходство сѣверной саги съ сказками о «разборчивой невѣстѣ» ясно и не требуетъ особаго разъясненія. Edzardi указывалъ на сходные мотивы въ эпосѣ нѣмецкихъ шпильмановъ: дѣло касается чудесныхъ подѣлокъ Regus'а. Я не сомнѣваюсь, что онѣ находились уже во франко-латинскомъ оригиналѣ саги; ему-же принадлежало и имя Regus'а, о мудрости котораго ходили многіе разсказы. Въ Исландскихъ повѣстяхъ, недавно изданныхъ Герингомъ, помѣщены три разсказа о чародѣйскихъ продѣлкахъ Regus'а, носящаго какъ, и въ сагѣ, названіе meistari ¹⁾. Тамъ и здѣсь разумѣется, вѣроятно, знаменитый Pietro d'Abano (род. 1250 г.), котораго легенда издавна окружила ореоломъ мага и кудесника ²⁾. Знакомое имя могло подставиться вмѣсто неизвѣстнаго, отвѣчавшему Василию нашей повѣсти, Котомѣ-Ивану русскихъ сказокъ о «хитрой дѣвѣ». Какъ Иванъ достаетъ диковинки, потребныя для сватовства, и расправляется съ гордой

¹⁾ Islenzk aeventyri. Isländische Legenden, Novellen und Märchen, hrsg. von Hugo Gering. 1er B. Text, p. 217 слѣд.: Af meistara Pero ok hans leikum.

²⁾ Сл. м. проч. Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, t. V (Modena, MDCCLXXV), p. 152 слѣд.

царевной, такъ и Regus; какъ Regus, такъ и Василій указываютъ невѣсту, тамъ и здѣсь сватовство отсовѣтывается. — Замѣтимъ, по пути, совпаденіе мотивовъ саги съ словацкой сказкой и соотвѣтствующей ей норвежской: диковинки, достающіяся юношѣ, заставляютъ сочувствовать ему всякаго, кто на него ни посмотритъ; Текла, едва переступивъ черезъ порогъ шатра и надѣвъ перстень Slagus'a, не можетъ не быть ему преданной. — Василій и Полимистра, Slagus и Serena — прекрасны и мудры; и въ повѣсти и въ сагѣ говорится, что дѣвушка мудрѣе жениха. Какъ Василій «златовласый» — «прекрасенъ зѣло», такъ и имя Slagus'a дано по его красотѣ. Интересно, наконецъ, совпаденіе локализациі: отецъ Василія царитъ въ Прагѣ, но въ началѣ повѣсти говорится о «*нѣмецкихъ режизъ*» (regio? Reich? чешск. říše?); Тибурцій — царь Саксланда, т. е. *нѣмецкій*; и Василій и Slagus сватаются за дочь *французскаго* или *франкскаго* короля. Такъ и въ сказкѣ у Kuhn'a. Этими совпаденіямъ нельзя давать особой цѣны: въ сказкахъ являются и другія географическія приуроченія; весь интересъ нашей повѣсти не въ этомъ, а въ богатствѣ сказочныхъ мотивовъ, или лучше, въ цѣльности сказочнаго типа. Это — сказка, только литературно перелицованная.

VI.

ИЗЪ МѢСТНЫХЪ ПРЕДАНІЙ: АНТЫ И ЧУДЬ.

Этимологія слова entrisch не разъ занимала нѣмецкихъ изслѣдователей, отъ Граффа и Я. Гримма до Лексера ¹⁾: *староверхненѣм.* antisc, antrisc, entrisch = antiquus, priscus; *англосакс.* entisk = giganteus, отъ ent = gigas; *средневерхненѣм.* entrisch въ текстѣ XII вѣка, приводимомъ далѣе, гдѣ Гриммъ (D. Wb.

¹⁾ Lexer, Mittelhochd. Handwörterbuch, a. v. entrisch.

а. v. enterisch) и Лексеръ даютъ лишь значеніе: alt, alterthümlich, ehemalig, но въ Ackermann aus Böhmen: ungeheuer, grausig: «die starkwaltigen leben in entrischen wüstungen»¹⁾. — Въ современныхъ нѣмецкихъ говорахъ: entrisch, enterisch, entersch, enzisch, enzianisch и т. д. встрѣчаются съ значеніемъ чего-то необычнаго (потому что древняго?), страннаго, чрезвычайнаго, сверхъестественнаго, таинственнаго, что выразилось и въ значеніи усилительныхъ префиксовъ ent, end, enz и т. д. (сл. entschön, entberg и древнія Enzawip, Enzewip и т. п.), и въ рядѣ мѣстныхъ названій: «ad viam giganteam, Entiskenweg», der Enterisch Weg; Entrischer Brunn; Enzinsperig и др. — Объясненій этой группѣ словъ предложено было нѣсколько: указывали на староверхненѣм. andar = alter, при чемъ andarisk могло бы развиться отъ значенія «не свой», barbarus, къ болѣе общимъ и отвлеченнымъ; на староверхненѣм. anado, ando, anto, средневерхненѣм. ande = animus, zelus; на лат. antiquus, старо-франц. antif. Съ другой стороны англосакс. ent = gigas повело Я. Гримма къ предположенію, что за этимъ словомъ и родственными ему скрываются древніе Анты, обобщенные въ народныхъ повѣрьяхъ, какъ то случилось съ другими отжившими, когда-то славными народами: Гуннами у Нѣмцевъ, Обрами, Чудью, Спалами у Славянъ, Эллинами у современныхъ Грековъ. Анты явились исполинами, имъ стали приписывать загадочныя древнія сооруженія (Entiskenweg, entisca geweorc); какъ у насъ курганы нерѣдко носятъ этническія прозвища, такъ въ слѣдующихъ далѣе преданіяхъ является какое-то «антское» пещерное племя.

Первое преданіе записано въ Тироли²⁾. Если пойти изъ Пре-

¹⁾ Lexer l. c. Nachträge, a. v. entrisch. Сл. Der Ackermann aus Böhmen, hrsg. von Joh. Knieschek, p. 13 и цитату у Schmeller'a, Bair. Wh., a. v. enderisch: «wie die starckwaltigen lewen in entrischer Wüstung». Изъ какого текста?

²⁾ Сл. мою замѣтку: Опѣмеченное славянское поселеніе въ Тироли, Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. ноябрь, стр. 83. Передаю преданіе съ нѣсколько большими подробностями.

граттена (Preggratten, слав. Преграда) въ Виндталъ (Windthal = долина Виндовъ?), то на раздѣлѣ водъ и племень, байварскаго и славянскаго, встрѣтишь такъ называемую *антскую берлогу* (das antische Loch), о которой рассказываютъ слѣдующее: въ старые годы жили въ Виндталѣ, въ этой берлогѣ, какіе-то люди, рѣдко или никогда не показывавшіеся въ долину. Только однажды пришла оттуда дѣвушка-красавица и нанялась въ услуженіе въ Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своемъ родѣ-племени; говорила только, что въ Преттау ей быть не долго, потому что когда появится тамъ вооруженный всадникъ на бѣломъ конѣ, ей снова надо будетъ вернуться въ свою берлогу. Такъ рассказывая, она плакала; и, дѣйствительно, какъ скоро появился всадникъ, дѣвушка исчезла. — Изъ берлоги и теперь еще слышится дѣтскій плачь, а на камняхъ кругомъ видѣли нерѣдко пелѣнки, сушившіяся на солнцѣ. Въ песокъ у берлоги находили крошечные свѣтло-желтые камешки, величиной съ горошину и менѣе; имъ приписываютъ цѣлебныя свойства: вытягивать изъ глазъ осколки дерева и соръ, туда попавшій. Говорятъ, что это окаменѣвшія слезы Антскихъ людей.

Въ XII вѣкѣ сходная легенда объ антской берлогѣ и антскихъ людяхъ извѣстна было въ Хорутаніи, гдѣ его могъ слышать авторъ стихотворной притчи «о бракѣ»¹⁾. Въ славномъ мірѣ (meregarte) стоитъ высокая гора, на которую съ давнихъ поръ переселился господинъ съ своимъ народомъ. Нѣкоторые изъ его служителей (chnehte) провинились передъ нимъ и за то понесли наказаніе: подъ той горой была юдоль печали, глубокая пещера,

¹⁾ Изд. Karajan'омъ въ Deutsche Sprachdenkmale des XII Jh. Wien, 1846. Хорутанское происхожденіе этого стихотворенія доказывалъ Scherer (Geistliche Poeten der deutschen Kaiserzeit, II Heft: Drei Sammlungen geistlicher Gedichte. Strassburg, Trübner, 1875, стр. 14—19; его же: Geschichte der deutschen Dichtung и т. д., стр. 51—53), противъ котораго писалъ Vogt, Ueber Genesis und Exodus, въ Paul und Braune's Beiträgen zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, II, 11, стр. 267.

оставленная антскими людьми и наполненная змѣями. Туда-то заключалъ господи́нь своихъ невѣрныхъ людей.

Do was undir dem gebirge
 ein uil michil sorge:
ein tieffir charchaere,
 der stuont alle wile laere,
Des habeten entrische loutte vergezaen,
 Der was mit wrmen besezen.
 Dar undir swief der herre
 Sine ungetriwe chnehte nerre

(Karajan, l. c., стр. 23).

Могучій царь, пребывающій на горѣ — Господь, невѣрные слуги — отпавшіе ангелы, низверженные въ преисподнюю, поясняетъ авторъ притчи (l. c., стр. 42). Какъ небо представлено горою, такъ преисподняя выражена образомъ пещеры, забытой антскими людьми. Что она населена змѣями — можетъ относиться къ духовному толкованію притчи и къ обычной символикѣ ада, не къ антской берлогѣ, хотя представленіе о послѣдней естественно вело къ образамъ ада, преисподней. Въ Enzi-loch, антской берлогѣ у подошвы высокаго Enzen'a, заклѣты всякіе преступники, притѣснители, обманщики, злые духи. По ночамъ слышны ихъ голоса, будто громъ или пушечные выстрѣлы; они собираютъ тучи, стрѣляютъ молніей, втаскиваютъ на вершину каменные глыбы, которыя, обрываясь, съ грохотомъ скатываются въ пропасть; либо, сидя въ полукругѣ у своей пещеры на пурпурныхъ креслахъ, держать совѣтъ, а отъ нихъ тянется сѣрый, непроглядный туманъ, застилающій всю окрестность¹⁾.

Въ параллель къ рассказамъ объ антскихъ пещерныхъ людяхъ приведемъ такія-же легенды о Чуди, распространенныя на сѣверѣ Россіи и въ Сибири²⁾.

¹⁾ Otto Henne-Am Rhyn, Die deutsche Volkssage, стр. 266.

²⁾ Слѣдующими библиографическими указаніями я главнымъ образомъ обязанъ г. Потанину: Извѣстія Имп. Общ. любит. естествознанія,

Чудь жила давно, а какъ давно, старики не помнятъ, рассказываютъ въ приуральскомъ краѣ. Чудаки были роста небольшого, немного болѣе двухъ аршинъ, а бороды имѣли длинныя; жили они въ землянкахъ, а крыши поддерживались деревянными столбами. Чудаки слыли за народъ именитый, занимались скотоводствомъ и земледѣлемъ, имѣли разнаго рода дорогія вещи, золотыя и серебряныя. Когда они узнали, что пришелъ какой-то новый народъ, чудаки начали таскать на крыши землю, потомъ сами забрались въ землянки и подрубили столбы: такъ они и похоронили себя. Но другіе оставили свои богатства и сами куда-то бѣжали. — Нашъ начальный лѣтописецъ, передавая со словъ Гюри Тороговича о торговлѣ русскихъ съ уральской Югрою, заставляетъ послѣднихъ такъ рассказывать о какомъ-то невѣдомомъ народѣ въ ущельяхъ горъ: «дивно мы находимъ чудо, его же нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто поча быти: суть горы заидуче въ луку моря, имже высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ-ли, ли секиру, и они дають скордю противу». — Очевиденъ реальный фактъ мѣновой, нѣмой торговли, лежащій въ основѣ этого рассказа, который у лѣтописца примѣненъ къ легендѣ о поганыхъ народахъ, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ

антроп. и этнограф. т. XXXV, ч. I, вып. 1—3 (Москва, 1880), стр. 170 (Нефедовъ, о курганахъ *приуральскаю края*); см. *ibid.* т. XIII, вып. 1, стр. 6 (Б. Поповъ, *Зырянне и зырянскій край*). — Записки Русск. Географ. Общ. по отд. этногр. т. VII, стр. 34 (замѣтка Л. Н. Майкова) и 6; Иванова, Материалы къ Антропологии Пермскаго края (Труды Общ. естествоиспытателей при Имп. Каз. Унив. т. X, вып. 1), стр. 6, 12—13 (*пермскія преданія*). — Castren, Vorlesungen über die finnische Mythologie p. 189 и Kleinere Schriften, стр. 103 (*самоды*); Ефименко, Заволоцкая Чудь, стр. 42.

Македонскимъ, а Лопарями примѣняется — къ Чуди, будто-бы запертой въ щель, гдѣ она шумить и кличетъ.

«Югра . . . сосѣдять съ Самоядью на полуночныхъ странахъ», — и Самоѣды Архангельскіе и енисейскіе (Юраки) также знаютъ о древнемъ народѣ Чуди, который называютъ «сиртье» (Siirtje): они, будто-бы, жили частью въ пещерахъ, частью въ вырытыхъ ямахъ, куда прятали свои богатства, нерѣдко терпя нападенія отъ Самоѣдовъ и русскихъ. Чтобы положить конецъ этимъ обидамъ, русскій царь велѣлъ устроить поединокъ: чей представитель скорѣе срубить дерево, того племя и должно владѣть землей. Выбрали два дерева: русскій тѣмъ перехитрилъ противника, что рубилъ подъ вершиной дерева, а Чудинъ рубилъ у комля. Послѣ того Чудь ушла подъ землю, гдѣ и живетъ богато: у ней много золота, серебра и драгоценностей, бобровъ и лисицъ; вмѣсто оленей у нихъ стада мамонтовъ. Говорятъ, они невидимо показываются на поверхности земли; на Калгуевѣ, гдѣ нѣтъ ни одной юрты, часто слышенъ лай ихъ собакъ и людской говоръ — какъ по поморскимъ рассказамъ и на Новой Землѣ обитаетъ невидимо краснокожая Чудь.

Роль дерева въ Самоѣдскихъ рассказахъ о Чуди напоминаетъ Сибирское повѣрье, сообщенное мнѣ г. Потанинымъ: будто въ Сибири *бѣлой* березы прежде не было, а когда она появилась, Чудь испугалась, потому что было предсказано, что когда она появится, придетъ *бѣлый* царь и заберетъ землю. Чудь вырыла ямы въ землѣ, построила балаганы на четырехъ столбахъ, прикрыла ихъ землею, подрубила столбы и засыпалась. Стало-быть также, какъ въ уральскихъ повѣрьяхъ, тогда какъ въ Вологодской губерніи «бѣлоглазая Чудь», или просто «поганый народъ» погибаетъ въ своихъ землянкахъ, когда русскіе обрушили на нихъ крыши. Въ пермскомъ краѣ рассказываютъ: у Чуди были вещи все изъ серебра и золота, но когда пришли русскіе, Чудь испугалась всего бѣлаго (сл. бѣлую березу, бѣлаго царя сибирской легенды), сдѣлала ходы въ горахъ, снесла туда все добро и зарылась. Не легко докапаться до кладовъ: Чудь стережетъ

свои богатства: въ Иванову ночь вся Буркова гора, гдѣ по преданію было большое чудское населеніе и встрѣчаются археологическія находки, страшно колышется и ходенемъ ходитъ. «Чудскія мѣста» пользуются до сихъ поръ особымъ суевѣрнымъ почетомъ: въ семикъ, когда взрослые ходятъ поминать на кладбище своихъ родителей, подростки отправляются на чудскія мѣста съ брагой и пищей, говоря: Вотъ, Чудь, мы принесли тебѣ браги и хлѣба, пришли пировать съ тобой; или: Помяни Господи чудскаго дѣдушку и чудскую бабушку! — Иначе рассказываютъ объ исчезновеніи Чуди въ Оханскомъ уѣздѣ, близъ большаго села Сивы, расположеннаго на мѣстѣ чудскаго городища, съ обиліемъ чудскихъ находокъ: къ западу отъ Сивы, въ лѣсной, болотистой лощинѣ произошла битва между туземцами и Русью; Чудь не пускала нашихъ, которые всю её перебили, а мѣсто назвали «Побоище», какъ и теперь еще зовется небольшая деревушка. Упомянемъ въ этой связи, что по пермскимъ преданіямъ Чудь была — богатыри.

Пещерныя, курганныя, озерныя находки и постройки, возбуждающія теперь единичное любопытство археолога, давно тому назадъ возбуждали дѣятельность народной фантазіи, ставя ей вопросы: откуда всё это взялось, куда дѣлся народъ, оставившійся по себѣ столь загадочные слѣды? Онъ, очевидно, удалился передъ пришествіемъ новыхъ людей, ушелъ въ щели и пещеры, либо заключенъ туда роковой силой; здѣсь Чудь, тамъ какіе-то «антскіе люди», смотря по этнографической памяти; завалился землей либо потопленъ: легенды о затонувшихъ городахъ и селеніяхъ — такая-же народная интерпретація свайныхъ построекъ, какъ легенды, подобныя приведеннымъ, находокъ пещерныхъ и курганныхъ.

VII.

МОЛИТВА СВ. СИСИНІЯ И ЕВАНГЕЛИСТАЯ ПѢСНЬ.

Нѣсколько новыхъ матерьяловъ.

Тотъ и другой памятникъ были рассмотрѣны мною, по поводу извѣстнаго труда проф. Häsdey, въ моихъ Разысканіяхъ, вып. IV, стр. 40—53, 220—3, 427—30 (Сисиній); стр. 78—82 и 432—3 (Евангелистая пѣсня). Въ виду ихъ особаго интереса по отношенію къ славянской письменности и народной поэзій позволю себѣ указать здѣсь еще на нѣсколько относящихся къ нимъ новыхъ данныхъ, часть которыхъ появилась въ печати уже послѣ изданія моего труда.

I.

Въ немъ (стр. 51—53) я уже могъ воспользоваться нѣкоторыми указаніями д-ра Гастера, недавно вернувшагося къ вопросамъ, меня занимавшимъ, въ своей интересной работѣ: о народной литературѣ Румынъ (*Literatura populara română. Bucuresci 1883*). Здѣсь стр. 393—400 и 406 слѣд. посвящены легендѣ и молитвѣ св. Сисинія-Сисоя; на стр. 394—5 сообщается въ извлеченіи пересказъ молитвы, безъ имени Сисоя, хотя въ текстѣ, близкомъ къ помѣщаемому въ *Minunile sfintului Sisoie* (сл. у меня стр. 48); дѣйствующія лица: арханг. Михаилъ, сходящій съ Елеона, и Авѣщица, у которой 19 именъ. — Слѣдуетъ стр. 396—7 отрывокъ, полный пропускъ, какого-то заговора, несомнѣнно принадлежащаго къ нашему циклу, въ которомъ упоминаются дѣвы, мучащія христіанскій людъ: не дочери ли Ирода, спрашиваетъ себя издатель? Но онѣ встрѣтились пока

лишь въ русскихъ заговорахъ, отождествившихъ демона или демоновъ Сисиніевскаго заклинанія съ плясуньей-плясавицей Иродіадою или Иродовыми дочерьми (сл. у меня, р. 221—2, 429—30). Я предположилъ ¹⁾, что память о пляшущей Иродіадѣ могла отразиться въ русскомъ суевѣрїи и по другому поводу: въ неистовой пляскѣ въ ночь на св. Ивана, описанной игуменомъ Памфиломъ, въ Стоглавѣ и Синописѣ и Повѣсти о дѣвцахъ смоленскихъ; что праздникъ рожденія Предтечи (24 Іюня) могъ обставиться цѣлой группой воспоминаній, захватывавшихъ въ свою область и крещеніе имъ Спасителя (Ивана *Купалы*) и его усѣкновеніе: *Иродіада*. Интересно подобное же сплоченіе воспоминаній въ повѣрьяхъ неаполитанской области: на Иванову ночь крестьяне ставятъ на дворѣ ведро съ водой, въ отраженіи которой видятъ проносящихся мимо Иродіаду и ея мать, упрекающихъ другъ друга въ смерти Іоанна Крестителя ²⁾.

Легенду о св. Сисинїи и его сестрѣ Мелентїи г. Гастеръ (р. 397 слѣд.) передаетъ согласно съ текстами, впервые напечатанными г. Насдей (у меня стр. 44 слѣд.). Сличеніе съ греческими оригиналами (у меня стр. 89—96) указываетъ на имя Сисинїя, какъ на древнѣйшее, лишь въ послѣдствїи замѣненное Сисоємъ. Въ одномъ румынскомъ Отечникѣ или скитскомъ Патерикѣ г. Гастеръ (р. 399) нашелъ рассказъ объ ученикѣ Сисоя, Аполлосѣ, намѣревавшемся тайно покинуть своего учителя: демонъ, страшнаго вида, обращающійся потомъ въ женщину, является ему на пути и исчезаетъ лишь когда Аполлосъ помолится Господу, прося его помощи «ради молитвъ отца моего Сисоя». Я не думаю, чтобы именно это общее мѣсто скитской легенды дало поводъ замѣнить Сисинїя, также гонящаго злую силу, Сисоємъ. Болѣе могло подѣйствовать созвучіе именъ.

¹⁾ Новые журналы по народной словесности и мѣнологїи, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХХІІІ, отд. 2, стр. 220—1.

²⁾ Pitrè, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, I, 2, стр. 327 (изъ Giornale Napoletano della Domenica, an. I, № 5).

Отношеніе мѣлитвы св. Сисинія, нерѣдко служащей въ Румыніи амулетомъ (Gaster, 406—7), къ легендѣ Гастеръ (393—4) понимаетъ такимъ образомъ, что въ сущности это — двѣ самостоятельныхъ статьи, изъ которыхъ первая, т. е. молитва, повліяла на вторую. Я считаю болѣе вѣроятнымъ обратное развитіе и молитву какъ-бы сокращеніемъ легенды, удержавшимъ ея рамку и сосредоточившимъ вниманіе на ея развязкѣ и на именахъ демона (см. стр. 47). Имена эти въ греческомъ и въ славяно-румынскихъ пересказахъ¹⁾ разнообразны, и тѣмъ больше, чѣмъ дальше уходятъ въ тотъ или другой народный обиходъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Третье имя греческой легенды Βυζοῦ = рум. Авизоя и т. д. сближали съ Ὀβιζοῦδъ въ Testamentum Solomonis (сл. у меня стр. 51); ближе Ἄβυζοῦ трапезунтскаго глоссарія у Іоаннида, который толкуетъ это слово изъ ἄβυσσος и объясняетъ: *καταχθόνιον πνεῦμα, μάγισσα*. — Морá или Моррã греческаго текста, Мора у попа Симеона = црквносл. мора — пага, новогреч. *μόρα* — кошмаръ и т. д., рум. *moróiu* = *lutin*, vampire (Cihac, Dict., Élem. slaves etc., а. v.). Въ румынскомъ заклинаніи (Gaster, 409—11), сложенномъ по типу Сисиніевой молитвы, являются мужскіе и женскія моры: Богородица сидитъ на золотой скамьѣ, подъ золотой яблоней, и видитъ цѣлый рядъ чудищъ, идущихъ къ такому-то, чтобы высосать у него кровь, вложить вмѣсто души гнилушку; въ ихъ числѣ:

Moroï cu moroaië,
Strigoï cu strigoaië.

Стрилла является послѣднимъ демоническимъ полу-именемъ греческой легенды о Сисиніи. — Вмѣсто Моръ называются въ румынскихъ заклинаніяхъ и другія олицетворенныя болѣсти, напр. *Beșică* (Gaster, 417); сл. малорусск. бешыху (= рожа) и заклин-

¹⁾ Малорусскій заговоръ отъ лихорадки, сисиніевскаго типа (Павхутій = Сисиній), см. еще у Драгоманова, Малорусск. народн. преданія и рассказы, стр. 26.

наніе: «бехъ — Иродовъ сынъ, а одынадцать бешыхъ — дочки Иродовы» (у меня стр. 429). — Въ *въщици* - *авъщици* румыно-славянскихъ текстовъ мы узнали сербскую и русскую въщицу-вѣдму (стр. 222—3, прим.). Сл. о ней-же Потанина, Очерки IV, стр. 673 и Мозель, Пермская губернія, стр. 542: «въщица — вѣдма; она въ трубу вылетаетъ, у спящей женщины распарываетъ брюхо, вынимаетъ младенца и съѣдаетъ; летаетъ сорокой». — *Ψυχοανασπάστρια* ю греческаго заклѣтія (сл. у меня стр. 223, прим.) и *Пладнищу* попа Симеона мы найдемъ въ молитвахъ отъ трясавицъ синайскаго глаголическаго евхологія X вѣка, недавно изданнаго Гейтлеромъ¹⁾. Не относясь къ типу Сисиніевскихъ и отличаясь, такъ сказать, каноническимъ характеромъ, эти молитвы тѣмъ не менѣе интересны для исторіи суевѣрія. Первая, общая, «на трасѣщимъ са трасавицеѣ» молитъ — изгнать «трасавицѣ сижъ отъ раба твоего сего, сѣщѣѣмъ подьбнѣ бѣсоу, емлѣщѣѣмъ на врѣмена, ѣко и бѣсъ, грабашѣ водѣ, трасѣщѣѣмъ виѣлицѣѣ, въ тѣлеси его, мразѣщѣѣмъ плѣть его, трасѣщѣѣмъ в'сѣми оудми его, творащѣ кльчетъ жѣбы его, *притѣжѣжѣщи дѣи* его (*ψυχοανασπάστρια*?) въ болѣзни сеп, в'сѣхъ часъ, въ тайномьныхъ, в'сѣхъ же годинъ і в'сѣхъ врѣменъ, възбрани еи в'сѣхъ пѣтеи в'ходьныхъ, затвори еи вс'а пѣти в'ходьныхъ, прѣсѣчи еи істочьникъ, отъ него-же исходитъ, възбрани еи в'сего възиманиѣ, отъ негоже възимаетъ силѣ, і в'сели въ нь сѣдравіе».

Слѣдуютъ за тѣмъ заговоры противъ отдѣльныхъ трясавицъ, при чемъ эпическій элементъ заключается иногда въ краткихъ пересказахъ того или другаго событія изъ страданій Христа, съ чисто внѣшнимъ отношеніемъ къ элементу заклѣнанія.

Первой идетъ «*Мѣ на вѣ трасѣ трасавицеѣ*». Inc.: «Запрѣщаетъ ти іменемъ гнѣмъ, *трасавице послѣднѣмъ ѣзе, оу корена*

¹⁾ Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda, izdao Dr Lavoslav Geitler. U Zagrebu 1882, стр. 81 слѣд.

сжиги, слабѣшии въ сѣхъ ѣзъ, не ты ли сама и вѣса твоѣа боите са вѣсѣхъ мѣдростей земьныхъ мѣдрыхъ і крѣпостей крѣпѣкихъ . . . , емлетъ же . . . хоудооумѣа і хоудосилѣныа, тѣмъ пакости творите на врьмена мѣсачнаа, ходите скозѣ на, яко скозѣ чѣто другое макѣко і скозѣ творащаа вола ваша». Заклинаніе кончается обращеніемъ къ трясавицѣ: удались отъ раба Божія «і не имѣи памати на немъ, не въспомани его, не бѣди по семь имени твоего въ немъ, ни тебѣ самоа въ немъ, ни твоихъ».

Второй заговоръ: *Мѡ нѣ трѣмѡ вечѣ*.

Третій: *Мѡ нѣ трасомѡ ѡз нѡ*. Инс. «Запрѣщаетъ ти гѣ і изгонитъ та, трасавице, краджщиѣ отан силѣ его, тѣмоуж задѣжщи са ѣко и тать»; далѣе къ ней обращаются: «оукорен(ен)аа ѣзе»; пусть выйдетъ изъ раба сего, покаяніе котораго принялъ Господь, какъ и покаяніе Петрово. Эпическій элементъ заговора обнимаетъ: предательство Іуды, Христа у Каяфы, отреченіе и — покаяніе Петра.

Четвертый заговоръ: *Мѡ нѣ трасомѡ за оутра*. Инс. «Изгонитъ та гѣ, трасавице ютрѣнѣѣ, послѣднѣѣ ѣзе».

Пятый: *Мѡ нѣ трасомѡ ѡз ѡ часѣ*.

Шестой: *Мѡ нѣ трасомѡ пладѣне*. Заклинается трясавица «полоуден'наа» (= Пладница Симеона) именемъ Господа, распятаго на Крестѣ: какъ разбойникъ убоился его, сотникъ и всѣ съ нимъ сущіе ужаснулись, такъ и ты, «трасавице, паче вѣсѣхъ оубои са гѣ і възтрепещи і избѣгни і сего раба гѣѣ».

Соотношенія заклинанія къ эпическому элементу формулы достаточно выясняются изъ нашихъ указаній къ №№ 3 и 6. Я нарочно выбралъ эти примѣры въ виду подобныхъ же сочетаній, представляемыхъ слѣдующимъ русскимъ заговоромъ¹⁾: «Во святую Великую Пятницу, егда распяли Жидове Господа нашего Исуса Христа, онъ-же, на крестѣ вися, дрожалъ,

¹⁾ Л. Майковъ, Великорусскія Заклинанія, № 108.

Жидове же, окрестъ стоя, смѣяхуся и глаголюще: «О чемъ, Иисусъ, дрожишь?» Иисусъ же: Азъ, рече, въ себѣ не дрожу немощи ради студеныя, но страсти ради великія». И паки Иисусъ самъ о себѣ моляшеся, ко Отцу рече: «Отче, молю ти ся, да си всѣмъ, страсть мою поминающимъ, молитву сію носящи(мъ) при собѣ отъ всѣхъ трясавицъ избавлени(е). Иисусъ рече: «Заклинаю вы, трясавицы, иже семь сестръ дневныя и три дневныя (sic) и т. д. Бѣжите вы, тряscopy, отъ того раба Божія крестьянска евангеліе въ новое мѣ.... Предъ враты галилейскими лежатъ Петръ, полонъ трясцъ, о милости Божіей размышляше, и прииде къ нему Иисусъ и рече ему: Отче(го), Петре, лежишь? — Петръ же отвѣща: Господи, полонъ есмь трясцъ. — И рече ему: Здравъ будеши. — Вставъ же Петръ и здравъ бысть отъ трясцъ» и т. д.

Заговоры Синайскаго эвхологія указываютъ на древность раздѣльныхъ представленій о трясавицахъ и ихъ родѣ, бѣсopodobныхъ женахъ, съ особымъ назначеніемъ каждой: утренняя, полудница. Когда многоименный бѣсъ Сисиніевой легенды или молитвы раздробился на нѣсколько лицъ, ничто не мѣшало перенести на нихъ понятіе этихъ трясавицъ, а въ дальнѣйшемъ актѣ сплоченія отождествить послѣднихъ съ «дочерьми Ирода».

II.

Къ «Евангелистой пѣснѣ» или тому, что Häsdeу назвалъ «*Povestea Numerelog*», собрано или указано недавно нѣсколько новыхъ матеріаловъ, которые ни г. Häsdeу, ни я не имѣли или не могли имѣть въ виду. О русскихъ редакціяхъ писалъ Петровъ, О влияніи западно-европейской литературы на древнерусскую, въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад. 1872 г., Іюнь, стр. 466—70; нѣсколько румынскихъ вариантовъ пѣсни сообщилъ Гастеръ (l. c. p. 467—471); венеціанскій — Bernoni, *Pregchiere popolari veneziane*, p. 34—39; сициліанскій Cannizzaro (*Pitrè e Salomone Marino*, *Archivio per lo studio delle tradizioni popolari* I, 3, стр. 418 слѣд.), абруцскій Finamore (l. c. II, 1, стр. 97—9),

португальскій (пересказы котораго были напечатаны въ разное время Coelho, Consiglieri Pedroso и Leite de Vasconcellos) и два испанскихъ — Antonio Thomaz Pires (ib., стр. 100—6), наконецъ каталонскій Milá y Fontanals (сл. ib. стр. 142). Варьянты эти не измѣняютъ распредѣленія на группы, предложеннаго мною для текстовъ, бывшихъ мнѣ извѣстными: либо это «пѣсня», состоящая въ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ на тему: что такое одинъ, два, три? и т. п.; либо сказка, съ преніемъ загадками на такіе-же числовые вопросы. — Взаимныя отношенія этихъ двухъ группъ, представлявшіяся мнѣ (стр. 81) не достаточно ясными, могутъ быть опредѣлены приблизительно такимъ образомъ. Существовала древняя сказка, въ которой демонъ и человѣкъ препирались числовыми загадками. Типомъ можетъ служить малорусская сказка у Драгоманова (Малор. нар. преданія и рассказы, стр. 56—7), приведенная г. Насдей: чертъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ, отчего онъ разбогатеетъ; условіе на три года: чертъ явится тогда и предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить, иначе онъ пропадетъ. Вмѣсто бѣдняка берется отвѣчать старикъ, которому онъ далъ пріютъ на послѣднюю ночь. Около полуночи чертъ спрашиваетъ подъ окномъ:

Кто есть в хаті?

Один так як одного нема.

А два?

Вдвох добре молотити.

А три?

Втрох добре в дорогу їхати.

А чотирі?

Чотирі чоловік колись мав, то свій віз має.

А п'ять?

П'ять чоловік дівок мав, то свої вечерниці мав.

А шість?

Шість кабанів чорт мав, бідному чоловікові дав і на вічне відданне пропало.

Разсердился чертъ, сорвалъ крышу съ хаты и былъ таковъ.

Эта сказка могла имѣть извѣстное распространение.

Въ сакскомъ вариантѣ чертъ общаетъ юношѣ замокъ и *девять свиной*, если онъ отгадаетъ его загадки. Что есть девять — и при томъ нѣчто хорошее? спрашиваетъ онъ между прочимъ. Отвѣтъ: *девять свиной въ закутъ!* — и дьяволъ обращается въ бѣгство (сл. у меня, стр. 79). Сл. въ бретонскихъ вопросахъ и отвѣтахъ, приводимыхъ Häsdey (р. 592) №№ 8 и 11, въ соотвѣтствіи съ №№ 2 и 6 малорусской сказки:

(Что есть восемь?) *Huit petits batteurs sur l'aire: battant des pois, battant des rampres; ils battent sur l'aire en se tenant par la main.*

(Что есть одиннадцать?) *Grognant et regrognant onze truics toutes semblables allant à l'accouplement.*

Независимо отъ сказки былъ издавна въ ходу родъ катехическаго перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: Что есть одинъ? Одинъ Богъ и т. д. Пѣсни такого содержанія поются о святкахъ въ Румыніи, Польшѣ и у Галицкихъ Русиновъ, о Пасхѣ у Евреевъ; у французовъ въ Канадѣ цѣніе сопровождается пляской духовнаго характера.

Такого рода пѣсенные Вопросы и Отвѣты были включены въ сказку о Преніи числовыми загадками, занявъ ихъ мѣсто. Получилось такимъ образомъ смѣшенная форма, образцемъ которой могутъ служить: кавказская сказка (сл. у меня стр. 432), гдѣ катехическіе вопросы и отвѣты приняли мусульманскій оттѣнокъ, и слѣдующая, записанная въ Сициліи.

Староста церкви св. Николы, человекъ набожный, сѣтуеть, что у него нѣтъ денегъ справить, какъ слѣдуетъ, праздникъ Святаго. Не зная, что начать, онъ идетъ бродить и на горѣ встрѣчаетъ господина — то былъ дьяволъ —, который, разспросивъ его о причинѣ его грусти, предлагаетъ ему денегъ — съ пустяшнымъ условіемъ: сказать ему *дванадцать истинъ* (dudici

ralori di verità). Св. Никола, подъ видомъ старика нашедшій приютъ у старосты, отвѣчаетъ вмѣсто него дьяволу, явившемуся ночью. Кто стучится? спрашиваетъ Святой? — Дьяволъ: Сколько васъ тамъ? (Oh quantu semu?) И кто тебя научилъ отвѣчать? — Святой: Хорошій учитель, лучше тебя. — Кто царствуетъ? — Одинъ Богъ во вѣки вѣковъ, Иисусъ Назарянинъ, распятый. — Слѣдующіе отвѣты принадлежатъ болѣе или менѣе къ типическимъ: Двѣ скрижали Моисея, три Патріарха (Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ), четыре евангелиста, пять ранъ Спасителя, шесть мессъ, имъ отслуженныхъ, семь свѣтильниковъ передъ образомъ Богородицы (sette torci chi 'ddhumanu in Caluria — Avanzi di la purissima Maria), восемь спасенныхъ душъ (ottu armuzzi giusti), девять ангельскихъ хоровъ, десять заповѣдей Божіихъ, одиннадцать ученій (articuli) святой католической церкви, двѣнадцать апостоловъ. —

А что тринадцать?

Лопни, дьяволъ-фараонъ, не съ тринадцатю, не съ двѣнадцатю, а со всѣми твоими товарищами.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXII, № 8.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ БИБЛЮГРАФІИ ЛИТЕРАТУРЫ

0
Н. М. КАРАМЗИНЪ.

КЪ СТОЛѢТІЮ
ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
(1783—1883).

СОБРАЛЪ
С. Пономаревъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1883 г.

Непримѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Дань памяти Карамзина.....	V—VII.
I. Хронологическій списокъ всёхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій и переводовъ Н. М. Карамзина и собраній его сочиненій .	1— 38
II. Алфавитный указатель къ списку сочиненій.....	38— 42
III. Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ его произведеніяхъ.....	42— 43
IV. Изданія, обязанныя ему своимъ содержаніемъ.....	43— 46
V. Списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранныя языки.	46— 51
VI. Псевдонимы его.....	51— 53
VII. Алфавитный и хронологическій указатели всёхъ доселѣ напечатанныхъ писемъ его.....	54— 81
VIII. Указатель портретовъ, бюстовъ, автографовъ, снимковъ съ черка его и рисунковъ къ его произведеніямъ.....	82— 85
IX. Указатель статей о жизни его и вообще матеріаловъ для его біографіи	85— 99
X. Указатель статей о сочиненіяхъ его.....	100—130
XI. Указатель писемъ къ нему.....	131—132
XII. Стихотворенія: посланія къ нему; эпиграммы на него; воспоминанія о немъ.....	132—137
XIII. Изданія, ему посвященные; Карамзинская бібліотека.....	137—138
XIV. Столѣтній юбилей его *).	139—145
XV. Алфавитный указатель лицъ, что либо писавшихъ о немъ (упоминаемыхъ въ IX—XIV спискахъ).....	146—149
XVI. Алфавитный указатель періодическихъ изданій, говорившихъ о Карамзинѣ.....	149—152

---

*) Литературу о немъ послѣ-юбилейную (рѣчи, стихи, біографическіе очерки, критическія статьи) мы размѣстили въ предыдущихъ отдѣлахъ, *соответственно содержанію*, для облегченія будущихъ біографовъ и изслѣдователей Карамзина.

ДАНЬ ПАМЯТИ

Н. М. КАРАМЗИНА

---

*„Онъ съ мнѣю завязалъ есть свѣтце, около
котораго девились есъ мы, какъ планеты“.*

Плетневъ-Жуковскому (1847).

*„Всѣ, лично знавшіе исторіографа, согласны
съ тѣмъ, что какъ ны высоко стоилъ Карамзинъ-
писатель, еще выше былъ Карамзинъ-человѣкъ“.*

Гротъ (на юбилей 1866).

При такихъ высокихъ и строго-справедливыхъ отзывахъ о Карамзинѣ, не странно-ли видѣть, что русская литература въ великомъ долгу передъ нимъ: вотъ уже исполнилось *сто* лѣтъ съ начала его литературной дѣятельности (1783), вотъ 57 лѣтъ проходитъ послѣ его смерти, а мы до сихъ поръ не имѣемъ ни полнаго собранія его сочиненій, ни достойной его біографіи, ни безпристрастной, установившейся оцѣнки его произведеній. А Карамзинъ давно и вполнѣ заслуживаетъ всего этого, и какъ писатель, и какъ человѣкъ. Отъ самой его смерти и до нашихъ дней, лучшіе люди отзывались о немъ въ такихъ словахъ, которыхъ ни о комъ другомъ не скажешь. Непосредственное, личное

значение его для современников очертилъ въ 1831 г. Жуковский въ стихахъ, исполненныхъ глубокаго благоговѣнія:

«О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ».

Черезъ 15 лѣтъ послѣ того, въ 1846 году Гоголь говорилъ: «Карамзинъ представляетъ, точно, явленіе необыкновенное. Вотъ о комъ изъ нашихъ писателей можно сказать, что онъ весь исполнилъ долгъ, ничего не зарылъ въ землю и на данные ему пять талантовъ истинно принесъ другіе пять. Карамзинъ первый показалъ, что писатель можетъ быть у насъ независимъ и почтенъ всѣми равно, какъ именитѣйшій гражданинъ въ государствѣ.... Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату писателю!»

Черезъ 20 лѣтъ послѣ того, въ 1866 г., Тютчевъ призывалъ Карамзина быть намъ путеводной, вдохновительной звѣздой, видѣлъ въ немъ «духъ цѣломудренно-свободный»,

«Умѣвшій, не сгибая вни
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрнопопдавшимъ Россіи».

Наконецъ, въ 1880 году, на Пушкинскомъ праздникѣ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей нашихъ, И. А. Гончаровъ, оглядываясь на свою жизнь, такъ вспоминалъ о Карамзинѣ:

«Первымъ учителемъ въ развитіи гуманитета, вообще въ нравственной сферѣ, былъ Карамзинъ».

Правда, раздавались немногіе голоса противъ нѣкоторыхъ взглядовъ Карамзина, но и самыя строгіе судьи его, конечно, не стануть отрицать, что къ нему съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ къ

кому бы то ни было другому, можно примѣнить стихи Державина, что онъ умѣлъ —

«Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину Царямъ съ улыбкой говорить».

Богѣе, чѣмъ ко многимъ другимъ, можно примѣнить къ нему стихи Пушкина:

«Что чувства добрыя онъ (словомъ) пробуждалъ
И милость въ падшимъ призывалъ».

Учителемъ въ нравственной сферѣ Карамзинъ будетъ всегда, особенно если появится полное собраніе его сочиненій, его переписка, и если чья-нибудь опытная рука съумѣетъ извлечь изъ нихъ (для нашего многозаботливаго времени) избранныя отрывки и составить «*Карамзинскую Антологію*». Подобная книга вся дышала бы гражданскимъ, общественнымъ характеромъ, имѣла бы значеніе нравственнаго катихизиса и несомнѣнно производила бы сильное вліяніе на развитіе человѣческаго чувства въ подрастающемъ поколѣніи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна его переписка, а между тѣмъ у насъ нѣтъ даже указателя всѣхъ напечатанныхъ его писемъ. . .

Наступившее столѣтіе литературной дѣятельности Карамзина властно зоветъ всѣхъ насъ — поскорѣе исполнить нашъ общій и давній долгъ передъ нимъ. Проникнутый этими мыслями, смѣю представить вниманію Академіи свою долю подготовительнаго труда. И да исполнятся на каждомъ русскомъ теплыя слова поэта:

«И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя «Карамзинъ»».

І.

Хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій и переводовъ Н. М. Карамзина и собраній его сочиненій.

По словамъ И. И. Дмитріева («Взглядъ на мою жизнь», М. 1866, стр. 40), *первымъ* литературнымъ опытомъ Карамзина былъ переведенный имъ съ нѣмецкаго языка «*Разговоръ Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ*»; но доселѣ всѣ старанія нашихъ библіографовъ не могли найти никакихъ слѣдовъ этого перевода; вѣроятно, онъ остался неизданнымъ. За тѣмъ извѣстны намъ печатныя произведенія Карамзина, начинаясь съ 1783 года, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1783.

1. *Деревянная нога*, швейцарская идилія, гос.: Геснера, перев. съ нѣм. Спб. 1873. 12^о. 18 стр. (Смирд. № 8275; Сопик. II, 3118).

1786.

2. *Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы и Провидѣнія, на каждый день года, и бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе и вечерніе часы*. Три части. 1-я часть соч. Штурма, 2-я соч. Тиде, 3-я безъ имени автора. Перев. съ нѣмецк. Свидѣтельство И. И. Дмитріева о переводѣ этого изданія Карамзинымъ подтверждено позднѣй-
Сборн. II Отд. II. А. Н.

шимъ изысканіемъ П. П. Пекарскаго (см. «Письма Карамзина къ Дмитріеву», Спб. 1866, стр. 472). Подлинныя корректуры перевода сохранились только за январь и февраль 1787 г.; это время прямо указываетъ, что переводъ сдѣланъ еще въ 1786 г. (см. Сборникъ М. П. Погодина «Утро», М. 1866, стр. 38—39).

3. *О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера* (въ 3-хъ пѣсняхъ), перев. съ нѣмецк. М. Посвященъ брату Вас. Мих. Карамзину, при письмѣ (Смирд. 8184; Сопик. IV, 8725)¹⁾.

1787.

4. *Дѣтское Чтеніе для сердца и разума*, 20 частей, перев. съ нѣмецк. и франц. (1785—1789). Изданіе 2-е, Владимірь 1799—1804. Изд. 3-е (а на заглавномъ листкѣ второе!) 1801—1819. Тоже, Орель, 18 ч. 1819 (Геннадіи II, 110). Участіе Карамзина въ этомъ журналѣ начинается съ 9-й части 1787 г. и продолжается до половины 1789 г.

Ему принадлежать:

- (4) *Деревенскіе вечера*, перев. изъ сочиненій г-жи Жанлисъ: «Les veillées du château» и «Nouveaux contes moraux et nouvelles historiques». Отсюда заимствованы слѣдующіе 15 рассказовъ (и при нихъ вступленіе), помѣщенные въ 9—12 частяхъ «Дѣтскаго Чтенія» за 1787 г. и въ 13—15 частяхъ за 1788 годъ.

- (4) Вступленіе, 1787, ч. IX, стр. 3, (въ изданіи 1819 г. стр. 7. NB. Изданіе 1819 года будемъ постоянно заключать въ скобки).

5. *Дельфина, или счастливое измѣненіе*, IX, 20, (IX, 27).
 6. *Мѣдникъ, или взаимная благодарность*, 101; (123).
 7. *Великодушіе дружбы*, 144, (173).
 8. *Исправленная лѣнь*, X, 3, (X, 9).

---

¹⁾ Письма Карамзина къ брату и ко всѣмъ другимъ корреспондентамъ составляютъ особый хронологическій списокъ, слѣдующій за нимъ.

9. *Исторія г. Чудина*, 71, (88).
10. *Евгенія и Леонъ*, 168, XI, 3; (X, 205).
11. *Альфонсъ и Даллинда*, или волшебство искусства и природы, 49, XII, 3; XIII, 3, (XI, 1, XII, 3).
12. *Невольники или сила благодарня*, 51; (XIII, 1).
13. *Памела*, 82; (XIII, 36).
14. *Олимпія и Теофилъ*, 136, XIV, 3; (XIII, 98).
15. *Пустынники въ Нормандіи*, 56, (XIV, 1).
16. *Дафнисъ и Пандроза*, 85, (XIV, 34).
17. *Исторія герцогини Ч****, 145; XV, 3, (XIV, 101).
18. *Пустынникъ*, 27, (XV, 1).
19. *Благодѣяніе*, 94, (75).
20. Изъ поэмы англійскаго поэта Томсона. Времена года: «*Весна, Лѣто, Осень и Зима*», Дѣтск. Чтен. 1787, IX, 195; X, 193; XI, 193 и XII, 193. Переводъ сдѣланъ прозою. (Въ изд. 1819, ч. VIII, стр. 163, 179, 199 и 219).
21. *Юлій Цезарь*, трагедія, соч. Виліама Шекспира; переводъ сдѣланъ съ французскаго, прозою (еще въ прошломъ году, напечатанъ позднѣе). М. Въ типогр. Компаніи Типографической. 136 стр., въ 8 д. л. (Сопиковъ V, 11989; Смирдинъ 6992). Въ 1794 г. книга эта попала въ число вредныхъ книгъ и была сожжена; вотъ почему у Сопикова о ней сказано: «*рѣдка*»; имени переводчика не обозначено, такъ какъ нѣтъ его и на самой книгѣ. Наши свѣдѣнія о переводѣ взяты изъ статьи, помѣщенной въ «Сѣверномъ Обзорѣннѣ» 1849, (№ 2, августъ, стр. 464). Въ началѣ перевода помѣщено предисловіе, заключающее оцѣнку Шекспира вообще и переведенной трагедіи въ частности. По словамъ г. Галахова, предисловіе Карамзина есть выборка изъ предисловія Летуэрнера, переводчика разныхъ англійскихъ піесъ на французскій языкъ.

См. здѣсь же № 70, піесу 1787-го года.

1788.

22. *Эмилія Галотти*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Лессинга, перев. съ нѣмецкаго, прозою. М. (Сопик V, 11983; Смирд. 6991). У Сопикова при этомъ ссыла на Московскій журналъ I, 62, т. е. январь 1791 г., стр. 62, гдѣ помѣщенъ разборъ этой трагедіи. Въ началѣ перевода нѣсколько словъ: «Къ читателю».
23. *Непостоянство*, изъ Беркея, Дѣтск. Чтен. ч. XV, 179, (XV, 156).
24. *Господину Д** на болѣзнь ея* (т. е. Дмитріеву И. И.), Дѣтск. Чтен., изд. 1819, ч. XVII, 107. См. «Письма Карамзина къ Дмитріеву» (Спб. 1866), стр. 7, гдѣ есть варианты. См. также здѣсь № 66.

1789.

25. *Гимнъ*, заключительный, къ поэмѣ Томсона «Времена года», перев. въ стихахъ, Дѣтск. Чтен. XVIII, 151, (XVII, 115).
26. *Отрывки изъ «Созерцанія природы», Боннета*, Дѣтск. Чтен. XVIII, 3; XIX, 165, (XVII, 35, 180).
27. *Аркадскій памятникъ*, сельская драма съ пѣснями, въ 1 дѣйствіи, соч. Вейса (Дѣтск. Чтен. XVIII, 65; въ изд. 1819 г. «Дѣтскій Театръ» II, 25).
28. *Анакреонтическіе стихи А*. А*. П**. (Петрову) Дѣтск. Чтен. XVIII, 93, (XVII, 102).
29. *Прогулка*, проз. соч., Дѣтск. Чтен. XVIII, 161, (XVII, 128).
30. *Евгеній и Юлія*, истинная русская повѣсть, Дѣтск. Чтен. XVIII, 177, (XVII, 146).

Всѣ эти статьи Карамзина въ «Дѣтскомъ Читеніи» указаны нами на основаніи изслѣдованій А. Д. Галахова, подтверждаемыхъ М. П. Погодинымъ (Современ. 1853, № XI, критика, стр. 53—64; Утро, 1866, стр. 42—46).

Далѣе въ своемъ трудѣ мы пользуемся главнымъ образомъ смирдинскимъ изданіемъ сочиненій Карамзина; здѣсь,

подъ каждой пьесой, мы встрѣчаемъ указаніе года: если эти указанія принадлежатъ самому Карамзину, то къ 1789 же году должно отнести еще слѣдующія стихотворенія:

31. *Военная пѣсня*, (у Смирдина I, стр. 28).
32. *Осень*, 33.
33. *Графъ Гвариносъ*, 112, хотя они напечатаны были позднѣе — въ 1791—1792 годахъ.

1790.

34. *Объявленіе* объ изданіи въ 1791 году «Московского Журнала» (Моск. Вѣдомости 1790, № 89, ноября 6).

1791.

35. *Московский Журналъ*, 4 части. Въ немъ Карамзину принадлежатъ ¹⁾.
36. *Предувѣдомленіе* (ч. 1, № 1).
37. *Филлида* (№ 1), стихотвореніе, писанное еще въ 1790 году. Въ изданіи Смирдина (1848, т. I, стр. 45—47) оно напечатано съ пропусками. *Въ Смирдинскомъ изданіи вообще столько пропусковъ и ошибокъ всякаго рода, что оно отнюдь не можетъ быть принято за основаніе для будущаго изданія сочиненій Карамзина.* Г. Лонгиновъ въ 1864 г. объявлялъ, что въ принадлежащихъ ему экземплярахъ сочиненій и переводовъ Карамзина отмѣчено, гдѣ именно и когда появилась въ печати въ первый разъ всякая пьеса его въ стихахъ и въ прозѣ (Р. Арх. 1864, стр. 870); желательно было бы воспользоваться этими экземплярами при ожиданіи собранія сочиненій Карамзина.

---

¹⁾ Сочиненія Карамзина въ «Моск. Журналѣ» мы исчисляемъ по списку М. Н. Лонгинова (Русск. Архивъ 1864, вып. 7—8) и по статьѣ М. П. Погодина объ этомъ журналѣ (Русск. Вѣстн. 1866, № 7), такъ какъ самого изданія у насъ подъ руками нѣтъ: вотъ почему въ этомъ исчисленіи легко могутъ встрѣтиться пропуски. При изданіи полнаго собранія сочиненій Карамзина, необходимо сличеніе съ «Московскимъ Журналомъ».

38. *Къ прекрасной*, стр. 19.
 39. *Раиса*, древняя баллада, 20.
 40. *Веселый часъ*, 27.
 41. *Письмъ мира*, 29.
 42. *Эпитафія калифа*, 218.
 43. *Письма русскаго путешественника*, съ 1-го № въ каждомъ номерѣ журнала и потомъ въ «Аглаѣ» 1794 и 1795 гг.
 44. *Палемонъ и Дафнисъ*, идиллія, III, 655.
 45. *Фролъ Силингъ*, III, 661.
 46. *Невинность*, III, 666.
 47. *Камифъ Абдуль Раманъ*, III, 668.
 48. *Райская птичка*, III, 678.
 49. *Дережня*, III, 458.
 50. *Ночь*, III, 669.
 51. *Новый годъ*, III, 673.
 52. *Посвященіе кущи*, III, 675.
 53. *Софія*, драматической отрывокъ¹⁾ III, 283.
 54. *Сельмскія пьсы*, изъ твореній Оссіановыхъ (съ надписью: Гавріилу Романовичу Державину посвящаетъ переводчикъ), Моск. Журн. № 8.
 Слѣдующія небольшія статьи Карамзина, помѣщенныя въ разныхъ книжкахъ журнала, группируемъ въ отдѣлы, по однородности ихъ содержанія. Думаемъ, что именно въ такомъ видѣ всего лучше имъ явиться въ полномъ собраніи его сочиненій.
 55. *Театръ*. Московскій театръ (№ 1, стр. 62; II, 223; III, 353; IV, 77; VI, 319; VII, 84; X, 107; XI, 240)²⁾.

} Стихотворенія.

¹⁾ Доселѣ не указываемъ №№ и страницъ журнала, потому что всѣ названныя пьсы вошли въ изданіе Смирдина; далѣе начинается рядъ невошедшихъ статей, и потому при нихъ указывается мѣсто и время напечатанія въ Московскомъ Журналѣ. Но повторяемъ, что и время напечатанія и самый текстъ сочиненій Карамзина должны быть тщательно провѣрены въ изданіи Смирдина по изданіямъ предыдущимъ.

²⁾ Этотъ отдѣлъ непременно долженъ войти въ полное собраніе сочиненій, какъ матеріалъ для исторіи литературы и театра, тѣмъ болѣе, что въ немъ рѣчь идетъ о такихъ пьсахъ, какъ «Эмилиа Галотти, Лессинга, Сидъ, Корнеля, Оптимистъ, Ненависть къ людямъ и Раскаяніе, Коцебу» и проч.

56. *Парижскіе спектакли*, II, 207; IV, 65; VI, 315; IX, 326; XII, 342.
57. *О русскихъ книгахъ*, I, 80; II, 236; III, 358; IV, 79; V, 207; VI, 322; VIII, 217; X, 108. (Здѣсь разбираются сочиненія Хераскова, Николева, Осипова и друг.).
58. *Объ иностранныхъ книгахъ*, I, 101; II, 248; III, 365; IV, 85; V, 203; VI, 326; VII, 97; VIII, 201; IX, 333; XII, 355. (Здѣсь разбираются между прочимъ: «Путешествіе Вальяна въ Африку; Анахарсисъ, Бартеlemi; Кларисса, Ричардсона; Записки Гольдони; Натуральная исторія, Бюффона; Генриада, Волтера; Роландъ, Аріюста» и проч.).
59. *Смѣсь*, IV, 56; V, 173; VII, 37; X, 101; XII, 357.
60. Небольшія оригинальныя и переводныя статьи: *Самоубійца*, перев. I, 56; *Выздоровленіе*, II, 146; *Анекдоты*, перев. II, 204; *Ночь и день*, III, 352; *Мишенькъ*, IV, 8; *О досугѣ*, изъ Гарве, VI, 174; *Антиподы*, VI, 277; *Погребенная истина*, VI, 279; *Наводненіе*, XI, 236.
61. *Отъ издателя*, XI, 245.

1792.

62. *Московскій Журналь*, части 5—8. Къ этому году относятся слѣдующія помѣщенныя здѣсь произведенія Карамзина:
63. *Къ милости*, (у Смирдина) I, 13.
64. *Къ божию здравію*, 18.
65. *Эпитафіи*, 24.
66. *Къ Дмитріеву*, («Многіе барды...» написано еще въ 1788, ноября 18. Въ изд. Смирдина напеч. съ перемѣнами. I, 42).
67. *На разлуку съ Шетровымъ*, 47.
68. *Прости*, 49.
69. *Могила* (въ изд. Смирдина, подъ заглавіемъ «Кладбище»), 16.
70. *Поззія*, № 9, (написано еще въ 1787; въ изданіи Смирдина его нѣтъ).
71. *Весеннее чувство* (помѣщено позднѣе — въ 1-й книгѣ «Аглаи», 1794), 55.

72. *Письма русскаго путешественника*, (продолженіе). Здѣсь, между прочимъ, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 29 апрѣля 1790 г., помѣщено извѣстное стихотвореніе Карамзина «*Жиль-быль въ свѣтъ добрый царь*» (Смирд. II, 485 — 486).
73. *Людоръ*, неоконченная повѣсть.
74. *Бѣдная Лиза*, повѣсть ¹⁾, въ июньской книжкѣ.
75. *Прекрасная царица и счастливый Карла*, старинная сказка.
76. *Наталя, боярская дочь*, повѣсть. (Было изданіе и въ 1856, 1872, 1879 и 1880 г.).
77. *Сцены изъ Саконталы*, съ предисловіемъ (ч. VI, 125 и 294; у г. Лонгинова не показаны).
78. *Исторія Ледвева*, перев. съ англ., изъ «Тристрама Шэнди», соч. Стерна, ч. V, стр. 203, съ послѣсловіемъ.
79. *Московский театръ*, I, 135; IV, 98; XII, 330.
80. *Парижскіе спектакли*, III, 397; V, 208.
81. *О русскіхъ книгахъ*, V, 204; X—XI, 158; XII, 332.
82. *Объ иностранныхъ книгахъ*, I, 150; III, 401; V, 214; VII, 103; VIII, 254; IX, 377; X—XI, 159.
83. *Смѣсь*, III, 393; V, 212; VI, 326; VII, 102.
84. Небольшія оригинальныя и переводныя статьи: *Кораблекрушеніе*, I, 123; *Послѣдній часъ Іакова II-го*, III, 390; *Нѣчто о мивологій*, VI, 277; *Корделія*, VII, 68; *Шотландская баллада*, VII, 99; *Юліана*, VIII, 122; *Бѣлые арабы*, VIII, 252; *Боини*, IX, 360; *Письмо изъ Рима*, X—XI, 154; *Надежда*, XII, 206; *Жизнь и дѣла Іосифа Бальзамо, 1791 г.*, XI, 205; XII, 325; *1792 г.*, I, 57; II, 234.
85. Отъ издателя, II, 291.
86. Заключение, XII, 335 ²⁾.

¹⁾ См. о ней любопытное письмо Иванова къ Востокову, «Сборникъ 2 Отд. Имп. Ак. Н. т. V, вып. 2, стр. VII—IX.

²⁾ Въ декабрѣ 1792 г. Евгений Болховитиновъ, получавшій Моск. Журн., писалъ Селивановскому: «Пожалуйте извѣдайте, будетъ ли Карамзинъ что нибудь издавать въ слѣдующій годъ и поскорѣе меня увѣдомьте. (Б. Зап. 1839. II, 67).

1793.

Этимъ годомъ помѣчены слѣдующія пѣсы въ изданіи Смирдина, явившіяся позднѣе въ разныхъ изданіяхъ:

87. *Вола*, у Смирдина, 1, 9.
88. *Посланіе къ Дмитріеву* («Конечно такъ — ты правъ, мой другъ») ¹⁾. Напечатано въ *Аглаѣ* 1795, кн. 2, (у Смирдина 36).
89. *Молитва о дождѣ*, 25.
90. *Пѣсьнь Божеству*, 34.
91. *Къ соловью*, 44.
92. *Надѣробная надпись Боннету*, 51.
93. *Любезной въ день ея рожденія*, 52.
94. *Странность любви или безсонница*, 52.
95. *Отвѣтъ моему пріятелю*, 76.
96. *Басня. Соловей, галки и вороны* (явилась въ 1796, въ 1-й кн. *Аонидъ*), 82.

Всѣ эти пѣсы напечатаны позднѣе. Здѣсь является слѣдующее недоумѣніе: если помѣты подъ ними въ смирдинскомъ изданіи дѣйствительно принадлежатъ Карамзину, то какимъ образомъ стихотвореніе *Моиша (Кладбище тожъ)*, напечатанное еще въ августовской книжкѣ «Московского Журнала» за 1792 годъ, оказывается въ смирдинскомъ изданіи съ помѣтой 1793 г.?!... Не принадлежатъ ли эти помѣты *исправленнымъ* редакціямъ пѣсень?...

1794.

97. *Алая*, сборникъ, 1-я часть (Сопиковъ III, 5056; Смирд. 6135). Въ ней находятся:
98. *Приношеніе французамъ*. (Нѣтъ у Смирдина).
99. *Къ ней*, 77.

¹⁾ У Смирдина, въ этой пѣсѣ, на стр. 41, читаемъ такіе курьезы:
 Украсить западъ нашихъ людей
 Бесѣда опытныхъ дней...
 У насъ не черныя сердца...

- 100—101. *Двѣ пѣсни*: «Мы желали — и свершилось», 78;
«Доволенъ я судьбою», 86.
102. *Приписаніе къ 1-юль N*, 81.
103. *Посланіе къ А. А. Плещееву* (въ 1 кн. Аонидъ).
104. *Письма русскаго путешественника* (продолженіе).
105. *Цѣптокъ на гробъ Аглатона* (Петрова).
106. *Что нужно автору?*
107. *Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи.*
108. *Островъ Борнгольмъ.*
109. *Отъ сочинителя*, стр. 144.
110. *Мои Бездѣлки*, 2 части. М. 1794. 12°. ч. 1-я 196 стр. и 1 ненум.; ч. 2-я 217 стр. и 2 ненум. Сюда вошли сочиненія Карамзина, въ стихахъ и прозѣ, извлеченныя изъ «Московского журнала», съ предувѣдомленіемъ. Изданіе второе М. 1797. 12°. ч. 1-я 314 стр. и 1 ненум. ч: 2-я 314 стр. Изданіе третье въ 1801. (Сопик. III, 5060—5062; Смирдинъ 8403)¹⁾.
111. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, переводъ съ франц. Первая часть. Они были напечатаны прежде въ «Моск. журналѣ» (Сопик. IV, 8362; Смирд. 9100). Вторая часть вышла только въ 1798 г.
112. *Юлія*, повѣсть. Напечатана только въ 1796 г., написана теперь. См. ее въ 1796 г.
- 1795.
113. *Аглая*, сборникъ, 2-я часть. (Сопиковъ, II, 5056—5057, говорить, что нѣкоторыя статьи изъ Аглаи переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны въ Митавѣ въ 1805 г., но

---

¹⁾ Произведенія Карамзина, помѣщенные въ журналахъ и потомъ отдѣльно изданныя, снова упоминаются нами подъ тѣмъ годомъ, въ который они явились. И вообще, всѣ труды Карамзина — стихи, статьи и сборники — выходявшіе двумя и тремя изданіями, мы помѣщаемъ здѣсь два и три раза, подъ тѣми годами, къ которымъ они относятся: такимъ образомъ яснѣе обозначится потребность публики въ сочиненіяхъ Карамзина, нагляднѣе увидимъ, въ какой степени жила и живетъ еще въ нашемъ обществѣ память о Карамзинѣ.

не указываетъ какія именно). Въ составъ этой части вошли прозаическія статьи, написанныя еще въ 1794 г.

- 1 14. *Сіерра-Морена.*
- 1 15. *Афинская жизнь.*
- 1 16. *Письмо Мелодора къ Филалету* ¹⁾.
- 1 17. *Отвѣтъ Филалета къ Мелодору.*
- 1 18. *Дремучій лѣсъ.* Сказка для дѣтей.
- 1 19. *Нѣжность дружбы въ низкомъ состояніи.*
- 1 20. *Илья Муромецъ,* богатырская сказка 255.
- 1 21. *Другу моею сердца,* посвященіе.
- 1 22. *Къ самому себѣ,* у Смирдина 83.
- 1 23. *Нытъ: Нытъ, полно, впередъ не буду,* 85.
- 1 24. *Время.* Подражаніе 87.
- 1 25. *Къ Мелодору,* 88.
- 1 26. *Хлоя,* 89.
- 1 27. *Гекторъ и Андромаша,* отрывокъ изъ *Иліады*, (явилось позже въ 1796 г., въ *Аонидахъ*), 91.
- 1 28. *Послание къ женщинамъ* (тоже въ *Аонидахъ*), 96.
- 1 29. *Послѣднія слова умирающаго,* 118.
- 1 30. *Любовь и дружба,* 118.
- 1 31. *Печаль и радость,* 119.
- 1 32. *Страсти и безстрастіе,* 119.
- 1 33. *Стихи на день рожденія А. А. II-ой,* 131.
- 1 34. *Тріолетъ Алетъ,* 132.
- 1 35. *Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы,* 133.
- 1 36. *Дѣлины слова,* 135.
- 1 37. *Надпись къ дамской табакеркѣ,* 135.
- 1 38. *Нескромное эхо* (*Аониды*, III кн.), 136.
- 1 39. *Надпись къ портрету жестокой,* 136.
- 1 40. *Дарованія,* 137.
- 1 41. *Къ Алинѣ, на смерть ея супруга,* 156.

¹⁾ Мастерское извлеченіе изъ него сдѣлалъ Герценъ въ предисловіи къ своей книжкѣ «Съ того берега». О немъ упоминаетъ г. Н. Страховъ въ своей книгѣ «Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ». Спб. 1882 г.

142. *Выборъ жениха*, 160.

143. *Непостоянство*, 176.

144. *Письма русскаго путешественника* (продолженіе).

Объ книжки «Аглая» вышли вторымъ изданіемъ в 1796 г. ¹⁾.

145. *Смѣсь*, Моск. Вѣдомости 1795 г. Во всѣхъ 102-хъ номерахъ этой газеты помѣщено было подъ этимъ заглавіемъ 169 переводныхъ небольшихъ статей, съ предварительнымъ объявленіемъ о содержаніи «Смѣси». Статьи эти перепечатаны въ Москвитянинѣ 1854 г., №№ 3—4, 6, 7, 10, 11 и 12, «Историческіе матеріалы», съ предисловіемъ С. П. Шевырева.

146. *Мелина*, соч. г-жи Сталь, перев. съ французскаго. Посвящено Наст. Ив. Плещеевой (Сопик. III, 6197). Изданіе 2-е 1796, изд. 3-е 1802 (Смирд. 9011; Сопик. III, 6198).

1796.

(Къ № 112). *Юлія*, повѣсть, М. 12°. Сопиковъ (III, 5072) справедливо говоритъ, что «Юлія» была переведена на французскій языкъ, М. 1797 г.; а у Смирдина (9596) ошибочно сказано, что *Юлія* — переводъ съ французскаго. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Карамзина повѣсть эта помѣчена 1794 годомъ (III, 68).

147. *Аониды*, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, книжка 1, съ предъувѣдомленіемъ отъ издателя (Сопик. II, 1996; Смирд. 6579).

148. *Надежда*, 57.

149. *На смерть кн. Хованскаго*. (См. его сочиненія у Сопикова III, 3945 и 6266), во 2-й кн. Аонидъ.

¹⁾ Погодинъ въ своей біографіи Карамзина два раза указываетъ, что первая книжка Аглаи вышла зимою 1793 г. (I, 227 и 283), а вторая — 8 октября 1794 г. (235 и 283); но въ книгѣ Погодина столько грубѣйшихъ опечатокъ, что трудно повѣрить ему, даже когда онъ правду говоритъ.

150. *Прощаніе*, 82.
 151. *Лилія*, 90.
 152. *Спорщикъ*, 119.
 153. *Любовь ко врагамъ*, 120.
 154. *Къ невѣрной*, 120. } (Объ эти пьесы относились къ кня-
 155. *Къ вѣрной*, 125. } гинѣ Пр. Юр. Гагаринной).
 156. *Долина Иосифатова*, 129.
 157. *Эпитафія*, 131.
 158. *Тріолетъ Лизетъ*, 132.
 159. *Импromptu графиня Р.*, 134.
 160. *Импromptu двумъ молодымъ дамамъ*, 134.
 161. *Къ лосочку Полены*, 136.
 162. *Къ Лиль*, 157.
 163. *Клятва и преступленіе*, 163.
 164. *Надписи на статуя Купидона*, 168.
 165. *Два сравненія*, 171.
 166. *Дурной вкусъ*, 171.
 167. *Вопросы и отвѣты*, 172.
 168. *Характеръ Нисы*, 172.
 169. *Эпиграмма*, 177.
 170. *Истина*, 177.
 171. *Мыслятъ и не мыслятъ*, 177.
 172. *Надиробіе шарлатана*, 177.
 173. *Перемѣна цвѣта*, 178.
 174. *Соловей*, (Аовиды, кн. 1, стр. 163; у Смирдина нѣтъ).
 175. *Опытная Соломонова мудрость*, 1.
 176. *Къ бѣдному поэту*, 62.
 177. *Отставка*, 66.

Три послѣднія пьесы появились во 2-й книгѣ «Аонидъ», вышедшей въ слѣдующемъ году.

178. *Ода на случай присяги московскихъ жителей императору Павлу I.* (Сопик. III, 5063). См. ее и во 2-й части сборника его «Мои Бездѣлки», изд. 1797, стр. 258—269¹⁾.

¹⁾ Ода эта, какъ и очень многое другое, не вошли въ Смирд. изданіе.

179. *Агая*, изданіе 2-е, 2 книжки. М. 1796. 8°. 1-я кн. 144 стр. и 1 нenum.; 2-я кн. 191 стр. и 1 нenum. (Смирд. 6135; Сопиковъ III, 5056—5057).
180. *Блѣдная Лиза*, истинная россійская повѣсть, съ картинкою представляющею Лизинъ прудъ и гравированною въ 1796 году. 4°. 38 стр. (Сопик. III, 5058); у Смирдина 8349, годъ не означенъ; Сопиковъ ошибочно отнесъ къ 1797 году. Первое изданіе было въ Московскомъ журналѣ 1792 г.

1797.

181. *Аониды*, книжка 2, съ предисловіемъ.
182. *Разлука*, у Смирдина, 162.
183. *Покой и слава*, 172.
184. *Исправленіе*, 174.
185. *Желаніе*, 178.
186. *Тацитъ*, 178.
187. *Къ Шекспинову подражателю*, 179.
188. *Къ портрету Ломоносова, Аониды*, стр. 224¹⁾.
189. *Мои Бездѣлки*, изд. 2-е, дополненное. (Сопик. III, 5061; Смирд. 8403).
190. *Хоръ и куплеты*, пѣтые въ Марѣинской рошѣ (графа И. П. Салтыкова, въ 30 в. отъ Москвы), Аониды, кн. III, стр. 98 и 102.
191. *Куплеты* на тотъ же голосъ.
192. *Письма русскаго путешественника*, 4 части. Посвящены семейству Плещеевыхъ. (Сопик. 5067; Смирд. 3716)²⁾. Съ виньеткою.
193. *Разговоръ о счастіи*. (Сопик. III, 5069, ошибочно отнесъ его къ 1799 г.). Изданіе 2-е было въ 1802 г. (Смирдинъ

¹⁾ О принадлежности этой пьесы Карамзину, см. Русск. Арх. 1864, вып. 7 и 8, стр. 855.

²⁾ Карамзинъ называетъ это *новымъ* изданіемъ, считая *первымъ* помѣщеніе въ Московскомъ журналѣ 1791—1792 г. Это изданіе весьма важно, потому что Карамзинъ впоследствии исключилъ изъ него нѣкоторыя мѣста. Двѣ остальные части (5 и 6) были задержаны цензурою при Павлѣ и вышли только при Александрѣ, въ 1801 г.

6380). Годъ сочиненія «Разговора» (1797) подтверждается и помѣтой въ Смирдинскомъ изданіи (III, 503).

194. *Un mot sur la littérature Russe*, соч. на франц. языкѣ, въ Гамбургскомъ журналѣ «Spectateur du Nord», 1797 г., октябрь, стр. 53—72; перепеч. въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», (1866 г.), стр. 473—483.
195. *Quelques idées sur l'amour*, въ книгѣ «Письма К. къ Дм.», стр. 85; переводъ см. въ книгѣ Погодина «Карамзинъ», т. I, 270—274, далѣе — приведенъ и подлинникъ.
196. *Выписки изъ записной книжки 1797 и 1798 г.*, напечатаны въ первый разъ въ 1862 г., въ книгѣ «Неизданныя сочиненія Карамзина».

1798.

197. *Протей*, или несогласія стихотворца, 185.
198. *Разныя повѣсти*, 2 ч. 1798—1803. Второе изданіе, 1816. Третье изданіе 1835.
199. *Пантеонъ иностранной словесности*, 3 книжки. М. 1798. 12^о: кн. 1-я 4 нenum. и 263 стр.; кн. 2-я 310 и 2 нenum. стр.; кн. 3-я 263 и 2 нenum. стр. У Сопикова (IV, 8074) показано изданіе 1801 года, въ 12 д., безъ обозначенія, какое это изданіе. Вѣроятно, онъ списывалъ годы не всегда съ *первыхъ* частей изданія, которое часто тянулось нѣсколько лѣтъ, напр. какъ этотъ же «Пантеонъ» въ 1798—1803 г. Изданіе 2-е—въ 1818; изд. 3-е—1835.
200. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, перев. съ франц. Вторая часть. (Смирд. 9100). Обѣ части были изданы потомъ въ 1815, 1822 и 1835 г. (Первая часть вышла въ 1794 г.). См. здѣсь № 261.

1799.

201. *Аониды*, книжка 3-я.
202. *Дѣтское Чтеніе*, изданіе 2-е, Владиміръ и Москва, 1799—1804. Сопиковъ при этомъ замѣчаетъ, что только *нѣкоторыя* части «Дѣтскаго Чтенія» въ типографіи Пономарева напечатаны вторично (Сопик. II, 3604).

1800.

203. *Приписки*, 1800 годовъ, во время подготовительныхъ его занятій исторією («Неизданныя сочин. Карамзина, 1862 г., стр. 205»).

1801.

204. *Ода Е. И. В. Александру I (на восшествіе его на престолъ)*. (У Сопикова, III, 5064, ошибочно поставленъ 1800 годъ: императоръ Александръ I вступилъ на престолъ 1801 г. 12 марта). М. 1801. 4°. 10 стр.
205. *На прибытіе императора Александра I въ Москву*, не напечатано. Копію съ него Карамзинъ послалъ своему брату, см. Атеней 1858, № 19, письмо 16, стр. 203. Едва-ли можно видѣть въ этомъ оду на коронованіе, потому что самъ Карамзинъ называетъ «на прибытіе императора въ Москву».
206. *Ода на торжественное коронованіе Е. И. В. Александра I* (сент. 15; Сопик. III, 5065). М. 1801. 4°. 12 стр.
207. *Слова ораторіи, «Сотвореніе міра»*, соч. Гайдена, перев. съ нѣмецкаго. 4°. (Сопиковъ IV, 10339; Смирдинъ 7984; Шторхъ I, 954).
208. *Письма русскаго путешественника*, 6 частей. Сопиковъ (III, 5067) говоритъ, что изданы вторично только первыя четыре части, а двѣ прибавлены, т. е. 5 и 6 только теперь были дозволены.
209. *Мои Бездѣлки*, изд. 3-е. (Сопик. III, 5062). Гг. Лонгиновъ и Погодинъ указываютъ только два изданія (Русск. Архивъ 1864, стр. 849; Погодинъ I, 217).
210. *Московский журналъ*, изд. второе, восемь частей, безъ раздѣленія на мѣсяцы. М. 1801—1803. (Сопик. III, 3823; Смирд. 9707)¹⁾.

---

¹⁾ На этомъ журналѣ можно представить краснорѣчивый образчикъ точности нашей библіографіи: судите сами:

211. *Пантеонъ Россійскихъ авторовъ*, или собраніе ихъ портретовъ, съ замѣчаніями. Текстъ къ портретамъ, изданный Бекетовымъ. 4 тетради. (Смирдинъ относитъ его къ 1801 г., Сопиковъ — къ 1801—1803 г., а въ Смирдинскомъ изданіи Карамзина I, 602, стоитъ 1802 г. (Смирд. 2886; Сопик. III, 5066).
212. *Объявленіе объ изданіи «Вѣстника Европы»*, Моск. Вѣдом. 1801 г., № 92, ноября 16.

1802.

213. *Разговоръ о счастіи*, изд. 2. (Смирд. 6380).
214. *Мелина*, изд. 3. (Сопик. III, 6198; Смирд. 9011).
215. *Повѣсти Жанлисъ*, 1802—1803; изд. 2-е, 2 части, 1816; изд. 3-е, 1835. (Смирд. 9191).
216. *Историческое похвальное слово* Екатеринѣ II, (посвящено императору Александру I). М. 1802. 8°. 187 стр. Сопик. III, 5068; Смирд. 6521); но написано оно въ 1801 году.
217. *Вѣстникъ Европы*, 2 рѣза въ мѣсяцъ, 24 книжки въ годъ (Сопик. III, 3779; Смирд. 9723)¹⁾. Въ немъ помѣщены стихотворенія Карамзина:
218. *Меланхолія*, подражаніе Делилю, I, 53.
219. *Къ Эмили*, III, 61.

---

1) Сопиковъ (III, 3823) говоритъ, что второе изданіе «Московского журнала» было въ 1803 году.

2) Смирдинъ (9707) утверждаетъ, что второе изданіе продолжалось въ 1801—1803 годахъ. Тоже повторяетъ и Старчевскій въ своей книгѣ о Карамзинѣ (стр. 118); то же и у Геннади (II, 15 и 110).

3) Пекарскій, ссылаясь на Смирдина, выводитъ заключеніе, что «Моск. журналъ» былъ два раза перепечатанъ въ 1801 и 1803 г. (Москвитян. 1853 г., № 10, Май, кн. 2, Смѣсь, стр. 113—114).

4) Погодинъ въ своей статьѣ о «Моск. журналѣ» (Русск. Вѣстн. 1866 г., № 7, стр. 262, послѣднія строки) говоритъ, что Моск. журналъ былъ перепечатанъ въ 1803 г.

Вотъ вамъ четыре разнорѣчащихъ показанія. И послѣ этого извольте заниматься въ провинціи успѣшнымъ образомъ библиографической работой.

¹⁾ Въ томъ же году первая книжка была напечатана вторымъ изданіемъ. Сборн. II Отд. И. А. Н.

220. *Гимнъ мутцамъ*, V, 59. (Въ изданіи Смирдина I, 213, нѣтъ седьмага стиха во второмъ куплетѣ:

«Какъ ночью кажется все гладко —»).

221. *Стихи на слова*, заданныя мѣ Хлюею, VIII, 366.

222. *Берегъ*, XIX, 186.

223. *Къ добродѣтели*, XXIII, 206.

224. *Стихи къ портрету И. И. Дмитріева* (въ изданіи Смирдина I, 223, они помѣщены между піесами, помѣченными 1802 годомъ, но гдѣ они въ Вѣстникѣ Европы — не знаемъ.

225. *Письмо къ издателю*, I. (Здѣсь высказано отчасти направленіе журнала, цѣль и польза его, и потому оно обыкновенно приписывается Карамзину). Въ Смирдинск. изданіи его нѣтъ.

226. *Всеобщее обозрѣніе*, политическая статья I, 66.

227. *Странность*, II, 52.

228. *О любви къ отечеству и народной гордости*, IV, 56.

229. *Моя исповѣдь*, VI, 147¹⁾.

230. *О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ XIX в.*, VII, 250.

231. *О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи*.
Письмо изъ Т., VIII, 358 *).

232. *О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи*, IX, 57.

233. *Мысли объ уединеніи*, X, 227²⁾.

234. *Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени*, XII, 314.

235. *Рыцарь нашего времени*, XIII, 35; XVIII, 111; 1803 г. XIV, 121.

¹⁾, ²⁾, ³⁾ и ⁴⁾ Эти четыре статьи, помѣщенные въ Вѣстникѣ Европы за 1802 годъ, помѣчены въ Смирдинскомъ изданіи 1803 годомъ; стало быть, члсловымъ помѣтамъ его нельзя безусловно вѣрить.

*) Шторхъ, (I, 1461) приписываетъ эту статью Карамзину, и это несомнѣнно статья Карамзина, какъ по мыслямъ и языку, такъ и по тому простому обстоятельству, что кромѣ ея въ 8-мъ № нѣтъ другой капитальной статьи, которую можно бы приписать Карамзину, а онъ не оставлялъ ни одного № безъ своего солиднаго вклада. Ее приписываютъ Карамзину и Я. К. Гротъ и М. И. Сухомлиновъ.

236. *Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ*, XIV, 120³).
237. *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицъ и въ семь монастырь*, XV, 207; XVI, 287; XVII, 30.
238. *О почетномъ легионѣ* } XV, 242.
239. *О похитителяхъ* }
240. *Паденіе Швейцаріи*, XX, 319.
241. *Извѣстіе о бывшемъ въ Москвѣ землетрясеніи*, XXI, 69; XXIV, 347.
242. *Анекдотъ, рассказъ*, XXII, 108⁴).
243. *О случаяхъ и характерахъ въ росс. исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ*, XXIV, 289.
244. *Швейцарія*, XXIV, 330.

Почти всѣ доселѣ исчисленные нами статьи за 1802 годъ вошли въ изданіе Смирдина; мы и перечисляемъ ихъ особо, какъ такія статьи, которыя самъ авторъ призналъ достойными войти въ собраніе его сочиненій. Но вотъ еще длинный рядъ статей, по указаніямъ г. Лонгинова, несомнѣнно принадлежащихъ Карамзину¹).

245. *Статьи о Россіи*, Путешествіе Биллинга, VII, 240; О посредствѣ Россіи и Франціи въ дѣлахъ Германіи, XIX, 231.
246. *Статьи объ Англіи*: Народный британскій памятникъ I, 17; о силѣ Англіи VII, 256; засѣданіе англійскаго парламента VII, 278; феноменъ англійской литературы XIII, 21; ^хобъ англійскихъ министрахъ XIII, 68; ^хчисло жителей въ Англіи XIV, 154; ^хвыборъ парламентскихъ членовъ XV, 229; таблица англійской торговли XVI, 326; исторія англійскаго министерства XVIII, 130; Письмо изъ Лондона XXII, 153.

¹) Мы сводимъ ихъ въ болѣе или менѣе однородные отдѣлы, такъ какъ при этихъ статьяхъ соблюденіе порядка появленія ихъ было бы излишнею роскошью; впрочемъ, кого интересуетъ этотъ порядокъ, тотъ можетъ обратиться къ списку г. Лонгинова (Русск. Арх. 1864, стр. 856—861). Мы группируемъ статьи по юсударствамъ, чтобы представить такимъ образомъ болѣе стройный источникъ для исторіи и для характеристики Карамзина, какъ публициста.

* Или signed by Bonaparte!

247. *Статьи о Франціи*: Анекдоты о Бонапартѣ I, 60; нѣчто о нынѣшнемъ Парижѣ I, 65; изображеніе состоянія Франціи I, 84; письмо парижскихъ музыкантовъ къ Гайдну II, 16; Людовикъ XVI-й, II, 18; рѣчь французскихъ депутатовъ консуламъ II, 66; объявленіе перваго консула II, 70; дѣйствіе войны и революціи II, 77; о французскомъ епископѣ въ Кохинхинѣ III, 36; рѣчь Порталиса III, 65; письмо министра юстиціи къ Бонапартѣ IV, 88; Марія Антуанета VI, 115; парижскій лицей VI, 134; Кантова философія во Франціи VI, 138; нота французскаго кабинета VI, 170; умноженіе силъ Франціи VI, 189; споръ о Вольтерѣ VII, 237; маркиза Дю-Шатле VII, 242; опредѣленіе консуловъ VII, 276; письмо о Бонапартѣ VIII, 343; письмо изъ Амьена VIII, 376; возстановленіе католической религіи во Франціи IX, 77; черты характера Людовика XVI-го X, 124; первое торжественное молебствіе во Франціи X, 155; планъ народнаго ученія во Франціи X, 163; переписка агентовъ Людовика XVIII-го XI, 253; расходы и доходы Франціи XII, 335; уголовные суды Франціи XIII, 138; описаніе картины Жиродета XIX, 195; о посредствѣ Россіи и Франціи въ дѣлахъ Германіи XIX, 231; политическія мысли Неккера XX, 302; новыя сочиненія г-жи Неккеръ III, 46; о французской конституціи XXI, 52; смыслъ народнаго согласія на консульство XXII, 139 и XXIII, 230; письма изъ Парижа II, 28; VI, 167, 175; VII, 269; VIII, 354; IX, 65; X, 171; XIV, 138.
248. *Статьи объ Италіи*: новый монументъ Виргилія II, 58; письмо изъ Генуи II, 72; итальянская консульта въ Лионѣ V, 63; письмо изъ Милана V, 79; нѣчто о Венеціи X, 147; собраніе чиновъ въ Сициліи X, 159; о республикѣ итальянской XI, 245; письма изъ Неаполя XIII, 26; XV, 206; о состояніи Рагузы (въ Далмаціи) XVII, 57.
249. *Статьи объ Австріи и славянскихъ земляхъ*: Письмо изъ Землина (въ Сербіи) V, 83; описаніе Вѣны IX, 35.

250. *Статьи о Турціи, Голландіи, Швейцаріи и другихъ европейскихъ государствахъ*: Пасванъ-Оглу IV, 70; письмо изъ Константинополя IV, 79; о провинціальномъ начальствѣ въ Турціи VII, 264; республика семи острововъ XIV, 145; о Голландіи X, 169; письмо изъ Берна XVI, 321; письмо Дона Гарсіи III, 33; Медоръ III, 49.
251. *О государствахъ Азии и Африки*: новѣйшая исторія Китая VIII, 379; якутская пѣсня XXII, 133; о военныхъ дѣйствіяхъ въ Египтѣ III, 77; египетскія происшествія VI, 179; египетскіе вечера XXII, 129.
252. *Статьи, относящіяся къ Америкѣ*: король Цесарь, негръ въ Америкѣ II, 35; письмо изъ Америки II, 75; письмо изъ Санъ-Доминго II, 79; письма изъ Балтимора III, 87; XVI, 323; свиданіе Туссеня Лувертюра съ дѣтьми его, X, 188; жизнь Туссеня Лувертюра XIII, 57; XV, 232; умноженіе жителей и успѣхи торговли въ Америкѣ XIV, 155; о Вашингтонѣ XVI, 309.
253. *Статьи о просвѣщеніи и книгахъ*: о просвѣщеніи I, 41; объ Антеноровыхъ путешествіяхъ по Греціи и Азии X, 143; о книгѣ А. Шторха «Историческое описаніе российской торговли», XVII, 55; предисловіе къ «Пантеону русск. авторовъ» XX, 285.
254. *Смѣсь*: I, 98; II, 60; III, 90; V, 55; VI, 191; VII, 245; XII, 331 и 361; XV, 227; XVI, 311 и 327; XVII, 50; XVIII, 126 и 146; XX, 296; XXII, 136.
255. *Извѣстія и замѣчанія* II, 86; III, 94; IV, 90; V, 84; VI, 194; VII, 288; VIII, 384; IX, 94; X, 177; XI, 259; XII, 345; XIII, 73; XIV, 157; XV, 241; XVI, 329; XVII, 68; XVIII, 150; XIX, 233; XXI, 69; XXII, 155¹⁾.

---

¹⁾ Нѣкоторыя статьи изъ этого отдѣла вошли въ изданіе Смирдина, напр. о почетномъ легіонѣ; о похитителяхъ; паденіе Швейцаріи; извѣстіе о землетрясеніи въ Москвѣ; Швейцарія (см. т. I, 539, 541, 543, 544 и т. III, стр. 581). Это даетъ поводъ отнести къ этому отдѣлу внимательнѣе, чѣмъ доселѣ.

256. *Разнородныя статьи*: Женскіе парики I, 38; Плоды войны и мира II, 78; способъ истребить нищету IV, 83; благодѣяніе V, 52; новаго рода самоубійство VIII, 351; о мирѣ VIII, 371; благоразумный человѣкъ XIV, 132; о крокодилѣ XV, 199; воздушное путешествіе XV, 202; о долголѣтней жизни XVI, 304; истинное происшествіе XVIII, 85; о самоубійствѣ XIX, 207; отрывки изъ Эшассеріо XIX, 212; ремесленныя изобрѣтенія XX, 294; о магнетизмѣ XXIII, 225; нынѣшній вкусъ XXIV, 308; о выгодахъ торговли по Черному морю XXIV, 326. (Эту статью г. Лонгиновъ приписываетъ Карамзину, а г. Полуденскій въ своемъ «Указателѣ къ Вѣстнику Европы» (1861, стр. 5) говоритъ, что она заимствована изъ соч. г. Малекевскаго). Анекдотъ XXIV, 348.
257. *Къ читателямъ*, XXIII, 226.

[Къ 1802 г. относится книга: «Кончина російскаго императора Павла I, характеръ императора Александра I, внутреннія перемѣны, новыя положенія во всей Европѣ. М. 8°. Сопиковъ (III, 5749) говоритъ: «г. Шторхъ эту книжку почитаетъ сочиненіемъ Карамзина, но несправедливо». (Шторхъ I, 775)].

Также несправедливо приписываетъ Шторхъ Карамзину статью *о русскихъ комедіяхъ* (В. Евр. VII, 232; Шторхъ I, № 935). Самъ Карамзинъ не признаетъ ее своею, см. В. Евр. 1803, № 23, стр. 283—284.

1803.

258. Вѣстникъ Европы, 24 книжки въ годъ. Сопиковъ (III, стр. 24—35) приводитъ три статьи изъ В. Европы за этотъ годъ: «О характерѣ», «объ учтивости и хорошемъ тонѣ» и «мысли г-жи Жанлисъ о старости»; думаемъ поэтому, что уже Сопиковъ былъ увѣренъ въ принадлежности ихъ Карамзину. Лонгиновъ также приписываетъ эти статьи Карамзину. Въ изданіи Смирдина ихъ нѣтъ. Мы укажемъ

ихъ въ своемъ мѣстѣ. Въ «Вѣстникѣ Европы» за этотъ годъ помѣщены стихотворенія и прозаическія статьи Карамзина слѣдующія:

259. *Васня: Филины и Соловей*, IV, 273.
 260. *Стихи на смерть П. А. Пельскаго*, XI, 210.
 261. *Куплеты изъ одной сельской комедіи* (написаны въ 1798), XXIII—XXIV, 246.
 262. *Марѳа Посадница*, I, 3; II, 103; III, 193. (Въ изданіи Смирдинскомъ — допущенъ небольшой пропускъ въ концѣ первой книги)¹⁾.
 263. *Взоргъ на прошедшій годъ*, I, 75 (въ Смирдинскомъ изданіи съ пропускомъ въ концѣ).
 264. *Путешествіе вокругъ Москвы*, IV, 278.
 265. *О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи*, V, 49.
 266. *О тайной канцеляріи*, VI, 122.
 267. *Изображеніе французской республики*, VI, 167²⁾. / "Izvestiia i Zamechania".
 268. *Великій мужъ русской грамматики*, VII, 200³⁾.
 269. *О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей*, VIII, 317.
 270. *О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ*, IX, 3; X, 75.
 271. *О россійскомъ посольствѣ въ Японію*, XI, 159.
 272. *Извѣстіе о Марѳѣ Посадницѣ*, XII, 294.
 273. *О счастливейшемъ времени жизни*, XIII, 51.

¹⁾ Любопытный разсказъ гр. Блудова Я. К. Гроту объ этой повѣсти бу деть указанъ въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Статью подъ этимъ заглавіемъ г. Лонгиновъ приводитъ какъ *непомы- щенную* въ изданіи Смирдина и указываетъ на 6 № В. Евр., стр. 154; между тѣмъ у Смирдина (I, 552) *есть* статья, заимствованная изъ 6-го же № «*изобра- женіе республики*»: неужели это не одно и тоже?

³⁾ Карамзинъ разумѣлъ здѣсь Барсова, какъ показываетъ К. Калайдо- вичъ; но въ статьѣ есть нѣсколько замѣчаній и противъ академической грам- матики, которые не остались незамѣченными: пресвящ. Евгенийъ писалъ о нихъ гр. Хвостову: «*грамматика Россійской Академіи осмистана въ Вѣстникѣ Европы* (См. «Сборн. Отдѣл. Русск. Языка и Слов., т. V, вып. I, стр. 119).

274. *О русской грамматикѣ Модрю*, XV, 204.
 275. *Записки стараго московскаго жителя*, XVI, 276.
 276. *Письмо сельскаго жителя*, XVII, 42.
 277. *О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича*, XVIII, 119.
 278. *Чувствительный и холодный*, XIX, 205.
 279. *О французской высадкѣ*, XIX, 234.
 280. *Русская старина*, XX, 251; XXI, 94.
 281. *О публичномъ преподаваніи наукъ въ московскомъ университетѣ*, XXIII—XXIV, 261.

Всѣ эти статьи вошли въ изданіе Смирдина. Заслѣмъ представляемъ рядъ статей изъ «В. Евр.» за тотъ же 1803 г., не вошедшихъ въ Смирдинское изданіе; по образцу предыдущаго года, сводимъ и ихъ въ однородныя группы.

282. *Россия*: О смерти Богдановича III, 227; великодушное дѣло русскаго офицера VIII, 298; два письма Екатерины II, VIII, 305; письма Екатерины II къ Циммерману XIV, 142; объ имени Яхромы XIII, 60; свиданіе королевы прусской и матери ея съ Петромъ I-мъ, XIV, 85; о силѣ Франціи и Россіи XV, 213.
283. *Англія*: О политической системѣ Англіи I, 50; открытіе англійскаго парламента I, 60; засѣданія англійскаго парламента VIII, 330; англійское великодушіе II, 92; описаніе царства англичанъ въ Индіи IV, 298; о долгахъ Великобританіи IX, 49; забавныя шотландскіе графы XI, 190; важность Мальты для Англіи XIII, 63; о войнѣ между Англіей и Франціей XVII, 69; англійская промышленность XXII, 33; выписки изъ лондонскихъ вѣдомостей IV, 327; V, 71 и 81; XVI, 287; выписки изъ англійскихъ журналовъ IX, 62; X, 116; XI, 226; XV, 186; хитрости лондонскихъ журналистовъ IX, 56.
284. *Франція*: генераль Лефевръ I, 43; отцы оверньскіе II, 133; Франція III, 236; донесеніе Себастіани консулу IV, 314; рѣчь Сюара VI, 141; рѣчь на погребеніе Лагарпа VI, 143;

- изображеніе Французской республики VI, 154 (*Смчи съ статей въ Смурдинскомъ изданіи I, 552*); теорія Ламарка VII, 219; Сіэсъ VII, 231; рѣчь Порталиса VII, 243; о Сень-Ламберѣ и Лагарпѣ, VIII, 301; письмо г-жи Жанлисъ IX, 22; Георгъ Томасъ IX, 51; о войнѣ французовъ въ Санъ-Доминго X, 141; Самозванецъ во Франціи XI, 219; о госпожѣ Бонапарте XII, 279; письма Ж. Ж. Руссо XII, 283; день Бонапарте XII, 307; письмо изъ Лангедока XV, 198; о силѣ Франціи и Россіи XV, 213; Бонапарте единственный XV, 216; рѣчь Бонапарте XV, 218; письмо о Моро XVI, 243; отрывокъ тайной исторіи консульства XVIII, 146; Карно XVIII, 153; описаніе консульскаго парада XX, 292; письмо изъ Булони XX, 311; карета Калоня XXII, 36; о твердости правленія Франціи XXII, 104; о мнимомъ предложеніи Бонапарта XXII, 122; мысли г-жи Жанлисъ о старости, XXIII—XXIV, 234; письма и извѣстія изъ Парижа II, 156; III, 169; IV, 324; V, 76; XVII, 23; XVIII, 106; шутки парижскихъ журналистовъ XIV, 148.
285. *Италія*: участь Сардиніи IV, 323; любезный гость у капуциновъ XI, 187; итальянскіе вулканы XI, 192; римская роскошь I, 33; взоръ на нынѣшній Римъ, III, 183.
286. *Германскія земли*: погребеніе Клопштока VIII, 315; Архенгольцъ о Клопштокѣ XI, 171; записки нѣмецкой дамы XI, 199; мудрое предложеніе ученаго нѣмца XI, 189.
287. *Швейцарія*: письмо изъ Берна III, 246; Аловсъ Редингъ VI, 146; швейцарскіе апологи VII, 214; кладбище въ Цугѣ, IX, 31.
288. *Пиренейскій полуостровъ*: описаніе испанскихъ спектаклей, I, 39; письмо изъ Лиссабона XXII, 8.
289. *Турція и Греція*: о нынѣшнемъ состояніи Греціи XI, 214; письмо изъ Корфу XXII, 127.
290. *Азія и Африка*: о дѣлѣ карнатскаго набоба I, 48; шествіе тибетскаго Ламы XIV, 102; о свободѣ азіятскихъ женщинъ

- XVIII, 85; извѣстіе объ островахъ канарскихъ XIX, 179; письмо изъ Алена XX, 314.
291. *Америка*: происшествія въ Санъ-Доминго III, 232; Джеферсонъ X, 137; письмо изъ Квебека XVI, 272; забавы въ Гаванѣ XVII, 20; письмо изъ Монтъ-Реала XX, 279; о состояніи Санъ-Доминго XX, 308; письмо американца XXII, 30.
292. *Книги и литература вообще*: о Дельфинѣ, г-жи Сталь II, 136; о врагахъ стихотворства III, 175; о переводѣ Анахарсиса XIII, 57; объ извѣстности литературы нашей въ чужихъ земляхъ XV, 195; «о силѣ Франціи и Россіи», книга вышедшая въ Германіи, на англійскомъ языкѣ XV, 213.
293. *Смѣсь* III, 229; V, 44; XIV, 145; XVI, 251; XVII, 36; XVIII, 114; XX, 290; XXII, 47; XXIV, 268.
294. *Извѣстія и замѣчанія* I, 80; II, 159; III, 247; V, 86; VI, 167. (*Одна статья: «Изображеніе республики» вошла въ Смирдинское изданіе I, 552*); VII, 235; VIII, 342; IX, 68; X, 145; XI, 230; XII, 310; XIII, 71; XIV, 151; XV, 227; XVI, 301; XVII, 76; XVIII, 156; XIX, 234. (*Одна статья: «о высадкѣ» вошла въ Смирдинское изданіе I, 555*); XX, 318; XXII, 131; XXIV, 276.
295. *Разнородныя статьи*: Дзетангъ I, 31; новая пашечная игра I, 42; о восточномъ и западномъ народѣ I, 54; о привычкѣ II, 85; кометы II, 96; удивительный пѣшеходъ III, 180; о камняхъ падающихъ съ неба III, 187; непроницаемое полотно III, 191; трогательная добродѣтель женщины IV, 249; описаніе Соломонова трона IV, 257; импровизаторы IV, 259; о кофе IV, 264; героическая любовь супруги IV, 290; обзорѣніе прошедшаго года IV, 305; новая Спарта V, 3; чудный младенецъ V, 24; завѣщаніе ариметика V, 33; похвала кокетству VI, 107; лавры VI, 135; письмо иностранца VII, 212; дѣйствіе тонкаго воздуха VIII, 326; исторія слезъ IX, 18; объ учтивости и хоро-

шесть тоиъ IX, 24; анекдоты и мысли IX, 42; тайное общество благотѣльности IX, 60; орденъ азiятскихъ братiй IX, 66; о предразсудкахъ X, 130; остроумное замѣчанiе XII, 282; орденъ дураковъ XIII, 58; о небесной физикѣ XIV, 93; разговоръ Диогена съ Аристиппомъ XIV, 114; искусство дѣлать женъ вѣрными XVI, 255; о благотворномъ дѣйстви наукъ XVI, 258; совѣты прiятельницъ XVI, 264; о нынѣшней войнѣ XVI, 293; лѣкарство отъ любви XVII, 27; письмо Окоама XVII, 31; письмо натуралиста XVII, 34; рѣчь ландманна Д'Аффри XVII, 60; Мегалантропогнозiя XVIII, 100; докторъ въ маскарадѣ XX, 271; девизы XX, 276; женитьба старика XX, 278; какъ судили о женщинахъ XX, 283; гороховый дождь XX, 287; къ благотворительной незнакомкѣ XX, 289; о высадкѣ XX, 296. (*Сличи у Смирдина I, 555*); о характерѣ XXI и XXII, 3; турниръ XXII, 12; о челоуѣкѣ XXII, 20; пѣсня XXII, 25; иппохондрiя XXII, 26; что выгодноѣ для Европы XXII, 108; можно выгѣчиться отъ страха XXIV, 255 ¹⁾).

296. *Къ читателямъ Вѣстника Европы, XXIV, 282.*

297. *Собранiе сочиненiй Карамзина, 8 частей. М. 1803—1804. 12^о. У Сопикова (III, 5070) при этомъ стоитъ сокращенiе: «Патр. III, 407»; это, вѣроятно, ссылка на журналъ «Патрiотъ», издававшiйся въ 1804 г. Вл. Измайловымъ). Изданiе второе, исправленное и умноженное, 9 частей. М. 1814. Изданiе 3-е, 9 частей. М. 1820 (Сопик. III, 5070—5071; Смирд. 6136). Изданiе 4-е, 9 частей. Спб. 1834—1835. Изданiе 5-е — Смирдинское, Спб. 1848 г., три части.*

---

¹⁾ Дѣло будущей редакцiи — рѣшить: взять или нѣтъ что нибудь отсюда въ полное собранiе сочиненiй Карамзина; но мы смѣемъ выразить свое мнѣнiе, что по крайней мѣрѣ такой списокъ статей необходимъ при будущемъ изданiи, и не только для биографа и критика, но и для любознательнаго читателя.

1806.

298. *Письмъ воиновъ* (сочинена въ 1806 г.), но когда и гдѣ была напечатана въ первый разъ — не знаемъ.

1808.

299. *Марша Посадница*, или покореніе Новагорода, историческая повѣсть. М. (Смирд. 8399; но у Смирдина не обозначено, какое это изданіе; у Соникова же (III, 5059) сказано: изданіе *второе*, съ картинами — 4 рубли, безъ картинъ 2 рубли. Значить ли это, что въ одинъ годъ было два изданія? или же первымъ изданіемъ должно считать появленіе повѣсти въ 1803 году, въ Вѣстн. Европы?). А Словарь Геннади называетъ это уже *третьимъ* изданіемъ (II, 397).

1810.

300. Въ этомъ году Карамзинъ издалъ сочиненія М. Н. Муравьева «Опыты исторіи словесности». 2 части. Рукописи Муравьева съ любопытнѣйшими поправками Карамзина хранятся въ Чертковской библіотекѣ (Русск. Арх. 1875. III, 350).

1811.

301. *О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ* (писано въ 1811 г., найдено въ 1836 г.). Отрывки изъ нея въ Современникѣ 1837, т. 5, стр. 89—112. Перепечатано съ нѣсколькими добавленіями въ «Исторіи Государства Россійскаго», изданіе Эйнерлинга, 1843, книга III, стр. XXXVII—XLVII, въ концѣ книги. Выписка изъ нея — *объ ассимиціяхъ*, въ газетѣ «Акціонеръ», 1861, № 23. Довольно подробное содержаніе ея въ статьѣ Лонгинова «Графъ Сперанскій» (Русск. Вѣстн. 1859, т. 23, стр. 535—547). За границей, какъ говорятъ, она издавалась неоднократно, даже въ позднѣйшіе годы. — См. 1861 годъ.

1814.

302. *Освобожденіе Европы и слава Александра I-го*, стихотвореніе, посвященное московскимъ жителямъ. Вѣстн. Европы, ч. 75, № 12, стр. 278. Оно же было напечатано въ Москвѣ (1814. 8^о. 22 стр. и 1 нenum.) отдѣльно и въ одинъ годъ имѣло два изданія, — второе напечатано въ С.-Петербургѣ, въ типогр. Иоаннесова, 1814, въ 8 д. л. (Смирд. 8107). Отдѣльное изданіе было съ предисловіемъ Карамзина, которое въ *Смирдинскомъ изданіи выпущено*¹⁾; позднѣе предисловіе было перепечатано въ *Москвитянинѣ* 1852, № 6, отд. IV, стр. 61, съ примѣчаніемъ Погодина.
303. *Собраніе сочиненій*, изд. 2-е, исправленное и умноженное, 9 частей. 12^о. М. (Сопик. III, 5071; Смирд. 6136). Сопиковъ замѣчаетъ, что первое изданіе (1803—1804) добротою бумаги и чистотою оттиска предъ вторымъ имѣеть преимущество.

1815.

304. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, 2 ч., изданіе второе. Съ портретомъ переводчика. М. (Сопик. IV, 8363; тоже самое повторено у него V, 13056).

1816.

305. *Разныя повѣсти*, 2 ч. Изданіе второе. М. (Смирд. 9332).
306. *Повѣсти Жанлисъ*, 2 ч. Изданіе второе. М. (Смирд. 9191).
307. *Мысли въ саду Павловскомъ*, напечатаны только въ 1862 г., въ книгѣ «Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», стр. 185—186.

---

¹⁾ Калайдовичъ, получившій экземпляръ этого стихотворенія отъ самого Николая Михайловича, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Слабое произведеніе, недостойное имени Карамзина; въ немъ одно только предисловіе сносно «Лѣтописи русской литературы и древности» 1859—1860. кн. 6, стр. 110.

1816—1818.

308. *Исторія Государства Россійскаго*. 8°. Восемь томовъ. Первое изданіе (разомъ всѣ 8 томовъ) вышло 28 января 1818 г., поступило въ продажу 1-го февраля (см. Сынъ Отеч. 1818, ч. 43, стр. 225 и 251). Печатано по Высочайшему повелѣнію. Спб. Томъ 1, въ военн. тип. Главн. Штаба, XXXVII и 510 стр.; томъ 2, въ медиц. типогр. 526 стр.; томъ 3, въ военн. типогр. Главн. Штаба, 582 и II стр.; томъ 4, въ медиц. типогр. 496 и 2 нен. стр.; томъ 5, въ военн. типогр. 592 стр.; томъ 6; въ медиц. типогр. 486 и 2 нен. стр.; томъ 7, въ военн. типогр. 344 и 2 нен.; томъ 8, тамъ же, 399 стр., съ картою и съ 9-ю родословными таблицами (Каталогъ Чертк. библиот. М. 1863 г., отд. 1, № 80, стр. 17) ¹⁾.

1818.

309. *Записка о московскихъ достопамятностяхъ*. Писано въ 1817 г. для нѣкоторой Особы, ѣхавшей въ Москву (именно — для императрицы Маріи Ѳеодоровны). «Украинскій Вѣстникъ» 1818, № 5 . 6. Потомъ она внесена Карамзинымъ въ собраніе его сочиненій 1820 (т. IX, стр. 280), съ оговоркою, сохранившеюся во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Объ этой «Запискѣ» см. интересныя строки Я. К. Грота въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 0104—0107.
310. *Паптеонъ иностранной словесности*. Изд. второе, исправленное и умноженное. 3 ч. М. (Смирд. 6191).
311. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. второе, исправлен-

---

¹⁾ Въ Каталогѣ Чертк. Библ. сказано однако, что всѣ 8 томовъ вышли въ 1817; г. это безъ сомнѣнія опечатка: см. письма Карамзина къ брату отъ 27 декабря 1817 и отъ 12 февраля 1818, гдѣ онъ положительно указываетъ 1818. Тоже подтверждается и письмомъ къ Дмитріеву отъ генваря 1818, («Письма Карамзина къ Дмитріеву» стр. 232) и книгой Погодина «Карамзинъ» (II, 182).

ное. Иждивеніемъ братьевъ Слениныхъ. Спб. въ типогр. Н. Греча. 8°. Т. 1-й, XXXV, 254, 220 и 8 нен. (списокъ подписавшихся на 2-е изданіе), съ портретомъ сочинителя; томъ 2-й, 316, 260 и 4 нен.; томъ 3-й, 288, 220 и 2 нен.

312. *Записка о Новиковѣ*, напеч. въ 1862, въ книгѣ «Неизд. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина», стр. 223 и въ книгѣ Лонгинова «Новиковъ», М. 1867, стр. 0161.

1819.

313. *Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Росс. Академіи, 5 декабря 1818 года, о предстоящихъ ей трудахъ*, Сынъ Отечества 1819, т. 51, стр. 3—22.

314. *Исторія Государства Россійскаго*, продолженіе втораго изданія (1818): томъ 4—300, 255 и 4 нен.; томъ 5—412, 284 и 4 нен.; томъ 6—367, 173 и 2 нен.; томъ 7—235 и 109; томъ 8—308, 163 и 2 нен., съ картою и 9 таблицами.

315. *Дѣтское Чтеніе*, изданіе третье (а на заглавномъ листкѣ—2-е). Москва и Орелъ. (Смирд. 1528). Первые 12 частей въ М., въ типогр. Селивановскаго, а части 13—18 въ Орлѣ, въ губ. тип. Последнія двѣ части, 19 и 20, имѣютъ особое заглавіе: «Дѣтскій театръ для образованія сердца и разума», изд. 2-е, части 1 и 2. М.

Yale
A 90. D 58
10 parts

316. *Къ портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны*. (У Смирд. I, 87).

317. *Мысли русскаго гражданина*, напеч. только въ 1862 г., въ книгѣ «Неизданныя сочиненія», стр. 3. Съ припискою: «Для потомства», стр. 9—10.

318. *Прошеніе Государю*, отъ имени неизвѣстнаго отца о помилованіи сына, тамъ же, стр. 227.

319. *Прошеніе отъ лица дворянки*, осужденной сенатомъ въ торгу, тамъ же, стр. 230. (Оно относится къ 1819 году: см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 267; Погодинъ II, 396—397).

1820.

320. *Въ день рожденія Императрицы Маріи Теодоровны*, (у Смирд. I, 88).
321. *Собраніе сочиненій*, изданіе 3-е, девять частей. 12°. М. (Смирд. 6136). При этомъ, въ «Пантеонѣ россійскихъ авторовъ» прибавлено нѣсколько характеристикъ».

1821.

322. *Исторія Государства Россійскаго*, томъ девятый, 472, 296 и 2 нен. Изданіе Слевина.
323. *Луизъ въ день ея рожденія, 13 генваря*. «Неизданныя сочиненія», стр. 187.
324. *Стихи, съ поднесеніемъ выписокъ*, тамъ же, 188.

1822.

325. *Новыя Мармонтелевы повѣсти*, изданіе 3-е, 2 части. М. (Смирд. 9100).
326. *Прошеніе Государю*, отъ лица матери осужденнаго на каторгу офицера, «Неизданныя сочиненія». 1862 г., стр. 228.

1823.

327. *Тѣнь и предметъ*, стихи въ альбомъ г-жи Шимаховской, Моск. Телегр. 1827, т. 18, № 23, отд. 2, стр. 119. Въ изданіи Смирдина ихъ нѣтъ.

1824.

328. *Исторія Государства Россійскаго*, томъ десятый, 291, 166 и 2 нен., изданіе Слевина.
329. *Моему сыну Андрею, въ день его рожденія*, «Неизд. сочин.» 1862, стр. 189.

Два сейчасъ указанные тома «Исторій» были послѣднимъ изданіемъ въ жизни Карамзина.

1825.

330. *Новое прибавленіе къ «Мнѣнію русскаго гражданина»* (1819), «Неизд. сочин.», стр. 11.
331. *О манифестъ 12 декабря 1825 г.*, съ прибавленіемъ «для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства», тамъ же, стр. 13 и 17.
332. *Мысли объ истинной свободѣ*, тамъ же, 194.
333. *Разныя мысли*, тамъ же, 196.

Неизвѣстныхъ годовъ:

334. *Краткая записка по дѣлу о земляхъ*, капитана А. Жданова, тамъ же, 236.
335. *Мысли для исторіи отечествен. войны*, тамъ же, стр. 192.
336. *Замѣтки при чтеніи Библии*, тамъ же, 213.

ПОСМЕРТНЫЯ ИЗДАНІЯ.

1827.

337. *Выписки изъ писемъ и мыслей*, «Памятникъ Отечественныхъ Музъ».

1829.

338. *Исторія Россійскаго Государства*, томъ двѣнадцатый. Отъ издателей — VII стр. (подписано: Дм. Б., т. е. Дм. Никол. Блудовъ), 830, 243 и 2 нен. стр. Въ тип. Греча. (Смирд. послѣ 10112 №). Изданіе семейства его и друзей.

1830—1831.

339. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. третье, Смирдина, 12 томовъ, съ присовокупленіемъ 13-й книги, подъ названіемъ «Родословныя владѣтельныхъ князей Россійскихъ». Съ портретомъ при 8-мъ томѣ. Спб. Въ тип. Смирдина и Плюшара, 8^о.

1832.

340. Къ Исторіи Карамзина тѣсно примыкають два ключа; первымъ былъ Азбучный списокъ всѣхъ важнѣйшихъ происшествій, именъ достопамятныхъ людей, народовъ и городовъ, заключающихся въ 3-мъ изданіи И. Г. Р-го, составилъ В. Т. (Чертковъ, отд. 1, стр. 18, № 84).

1833—1835.

341. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. четвертое, 12 том., изд. Смирдина, въ тип. Плюшара, 12°.

1834—1835.

342. *Собраніе сочиненій*, изданіе четвертое, 9 ч., 12°. Спб.
343. *Переводы Карамзина*, изданіе 4-е, 9 частей. Спб. Сюда вошли:

Повѣсти Мармонтеля, 2 ч. (изд. 4-е).

Разныя повѣсти, 2 ч. (изд. 3-е).

Пантеонъ иностранной словесности, 3 ч. (изд. 3-е).

Повѣсти Жайлись, 2 ч. (изд. 3-е).

1836.

Неразрывною частью «Исторіи» Карамзина давно уже сдѣлался (потому и входитъ въ этотъ списокъ)

344. *Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго*, составилъ П. М. Строевъ. М. 8°, 2 части, съ 15 таблицами. Изданіе Россійской Академіи. Этотъ ключъ приспособленъ былъ къ второму изданію И. Г. Р. (Сленина).

1842—1843.

345. *Исторія Государства Россійскаго*, изданіе 5-е, И. Эйнерлинга, въ 3-хъ книгахъ, заключающее въ себѣ 12 томовъ съ полными примѣчаніями, съ портретомъ автора, съ приложеніемъ отрывковъ изъ «Записки о др. и нов. Р.». Спб. Въ тип. Эд. Праца. Въ 8°. (Ольхинъ 1648; Смирд. 11000). Особый томъ къ ней составляетъ:

1844.

346. *Ключъ*, или алфавитный указатель къ «Исторіи Государства Россійскаго», составленный и нынѣ дополненный, исправленный и приспособленный къ 5-му ея изданію П. Строевымъ, и двадцать четыре составленныхъ Карамзинымъ и Строевымъ родословныя таблицы князей російскихъ. Изд. И. Эйнерлинга. Спб. Въ тип. Э. Праца. 8°. (Ольхинъ 1650).

1848.

347. *Сочиненія Карамзина*, изданіе (пятое) Смирдина. Спб. 1848. 3 тома, въ 16°. XI, 647; XII, 790; III, 742. Сюда вошли всѣ 9 томовъ прежнихъ изданій.

1850—1853.

348. *Исторія Государства Россійскаго*, изд. А. Смирдина (шестое). Спб. 1850—1853, 12 частей. (О немъ не упомянулъ г. Лонгиновъ въ своемъ списокѣ: Р. Арх. 1864, стр. 850).

1855.

349. *Бѣдная Лиза*, повѣсть, въ «Библиотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ». Книга 14-я. Спб. 24°.

1856.

350. Двѣ сказки: *Прекрасная царевна и Дремучій лѣсъ*. М. 16°.
351. *Наталя*, боярская дочь. М. 1856.

1858.

352. *Бѣдная Лиза*, повѣсть. М. Въ типогр. Н. Эрнста, 1858, 12°. 52 стр.

1859.

353. *Альбомъ Н. М. Карамзина* (написанный для в. кн. Екатерины Павловны 1811 г.), съ предисловіемъ Н. П. Лыжина, «Лѣтописи русской литературы и древности», кн. 2, отд. II, стр. 161—192 и отд. оттискъ, М. Въ тип. В. Грачева, 1860, 32 стр.

1860.

354. *Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому*..... изд. Общества Любителей Россійской Словесности, подъ редакціею М. Н. Лонгинова, съ его примѣчаніями, 8°. 88 стр. ¹⁾).

1861.

355. Четыре новые отрывка изъ записки «*О древней и новой Россіи*»: въ книгѣ барона М. Корфа «*Жизнь графа Сперанскаго*», Спб. т. 1, стр. 133—141, 161—165, 180—181, 224—230.
356. *Записка Н. М. Карамзина о древней и новой Россіи*, Берлинъ, 16°, 160 стр. F. Schneider. Изданіе неисправное.

1862.

357. *Записка дочери Н. И. Новикова, Вѣры Николаевны*, исправленная рукою Карамзина, *Лѣтописи русск. лит. и древн.*, т. IV, отд. III, стр. 70—71.
358. *Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина*, ч. 1. Спб. 1862. VI и 240 стр. (вторая часть и доселѣ не выходила). Издано при содѣйствіи К. С. Сербиновича.

1866.

359. *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, съ примѣчаніями и указателемъ, составленными Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ. Спб. 8°. Къ письмамъ приложены снимки почерка и портретъ Карамзина. XII, 483, 0214 стр. Въ составъ книги вошли еще восемь разныхъ приложений, близко относящихся къ Карамзину. Въ письмахъ замѣчаются нѣкоторые пропуски, помѣщенные въ книгѣ Погодина «*Н. М. Карамзинъ*», вышедшей тогда же. (См. «*Письма*», стр. 119, 277, 287, 308, 329, 393); нѣтъ письма 31 дек. 1825 г., приведеннаго у Погодина (II, 458), если только не опечатка это въ книгѣ Погодина, чрезвычайно невнимательно напечатанной.

¹⁾ Письма, разсѣянные въ періодическихъ изданіяхъ, войдутъ въ составъ особаго списка.

1870.

360. *О древней и новой Россіи*, Русскій Архивъ 1870, столб. 2225: такъ указываетъ оглавление Архива (стр. II, № 41); но ни въ одномъ изъ видѣнныхъ мною въ провинціи экземпляровъ Русскаго Архива этой Записки нѣтъ; какъ видно, она была скоро изъята изъ состава книжки.

1872.

361. *Наталья*, боярская дочь. Русская классная библіотека для Дерптскаго учебнаго округа. Дерптъ.
362. *Письма русскаго путешественника*, Русская классная библіотека для Дерптскаго учебнаго округа.

1876.

363. *Бѣдная Лиза*, изд. Прѣснова, 12,000 экз. по 15 коп.

1878.

364. *Бѣдная Лиза*, Варшава. 16°.

1879.

365. *Повѣсти Карамзина*, (Бѣдная Лиза, Наталья, Марѳа Посадница). Изданіе Суворина.

1880.

366. *Повѣсти Карамзина*, изд. А. Суворина. Второе изданіе, дополненное. (Бѣдная Лиза; Наталья; Марѳа Посадница; Островъ Борнгольмъ; Чувствительный и холодный). Цѣна 15 коп.

Изъ неизданныхъ сочиненій Карамзина можемъ назвать:

367. *Переводъ Адиссоновой оды*.
368. *Отрывки изъ Гердера*.
369. *Письмъ изъ Мессіады*, поэмы Клопштока.
370. *Только для Марѳина*, сценическая піеска (см. о ней Русскій Архивъ 1863, стр. 295—296, изъ записокъ Вигеля; о ней упоминаетъ Карамзинъ въ письмѣ къ Дмитріеву 20 іюня 1800 г., (стр. 118).

371. *Историческая записка о городахъ*, находящихся на пути императора Александра въ восточныя губерніи (1824).

Въ Москвитянинѣ 1855, № 1, (стр. 77) обѣщаны были:

372. *Указатель статей* въ сборникѣ «Извлечение изъ библиотеки Ватиканской», съ примѣчаніями историографа;

373. *Нѣсколько писемъ и записокъ Карамзина* къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ;

374. *Нѣкоторыя неизданныя статьи Карамзина*, собранныя А. И. Тургеневымъ;—но ничего изъ этихъ обѣщаній Москвитянина не явилось въ свѣтъ ни въ Москвитянинѣ, ни—сколько помнится — въ другомъ какомънибудь изданіи.

375. *Вторая часть книги*, вышедшей въ 1862 г. «*Неизданныя сочиненія и переписка*». Въ ней обѣщаны были, между прочимъ, письма Карамзина къ имп. Маріи Феодоровнѣ.

Этимъ оканчиваются наши свѣдѣнія объ изданіяхъ сочиненій Карамзина. Для болѣе удобнаго пользованія этимъ спискомъ, прилагаемъ къ нему два алфавитныхъ указателя; цифры при заглавіяхъ означаютъ нумера, подъ которыми помѣщены въ списокѣ названные сборники, переводы, сочиненія. Въ первый указатель однако, не вошли мелкія журнальныя статьи 1791, 1792, 1802 и 1803 годовъ.

II.

Алфавитный указатель къ хронологическому списку переводовъ, изданій и сочиненій Карамзина.

Аглая 97, 113, 179.
Азбучный списокъ 340.
Альбомъ 353.
Альфонсъ и Далинда 11.
Анакреонтическіе стихи 28.
Анекдотъ 238.
Арииды 147, 181, 201.
Арвадскій памятникъ 27.
Аѳинская жизнь 115.

Басни 96, 259.
Берегъ 218.
Благодѣяніе 19.
Бѣдная Лиза 74, 180, 349, 352,
363, 364, 365, 366.
Великій мужъ р. грамматики 268.
Великодушіе дружбы 7.
Веселый часъ 40.
Весеннее чувство 71.

- Весна. Лѣто. Осень. Зима 20.
 Взоръ на прошедшій годъ 263.
 Военная пѣсня 31.
 Волга 87.
 Вопросы и отвѣты 167.
 Время 124.
 Всеобщее обозрѣніе 222.
 Вступленіе (4).
 Въ день рожденія императр. Маріи 320.
 Выборъ жениха 142.
 Выписки изъ записной книжки 196, 337.
 Вѣстникъ Европы 213, 258.
 Гекторъ и Андромаха 127.
 Гимнъ глухцамъ 216.
 Гимнъ изъ поэмъ Томсона 25.
 Господину Д* 24, (66), (88), (220).
 Графъ Гваринсъ 33.
 Дарованія 140.
 Дафнисъ и Пандроца 16.
 Два сравненія 165.
 Двѣ пѣсни 100—101.
 Дѣлины слова 136.
 Дельфина 5.
 Деревенскіе вечера (4).
 Деревня 49.
 Деревянная нога 1.
 Добрый царь 72.
 Доволенъ я судьбою 101.
 Долина Юсафатова 156.
 Дремучій лѣсъ 118, 350.
 Другу моего сердца 121.
 Дурной вкусъ 166.
 Дѣтское чтеніе 4, 202, 315.
 Евгенийъ и Юлія 30.
 Евгения и Леонидъ 10.
 Желаніе 185.
 Заключение 86.
 Законы осуждаютъ предметъ моей любви, въ пов. Островъ Борнгольмъ 108.
 Замѣтки при чтеніи Библии 336.
 Записка дочери Новикова 357.
 Записка о московскихъ достопамятностяхъ 309.
 Записка о Новиковѣ 312.
- Записка стараго московскаго жителя 275.
 Извѣстіе о землетрясеніи 237.
 Извѣстіе о Марѣѣ Посадницѣ 272.
 Извѣстія и замѣчанія 255, 294.
 Изображеніе французской республики 267.
 Илья Муромецъ 120.
 Исправленіе 184.
 Исправленная лѣность 8.
 Истина 170.
 Историческая записка о городахъ 371.
 Историческія воспоминанія 233.
 Историческое похвальное слово Ев. В. 244.
 Исторія герцогини Ч*** 17.
 Исторія г. Чудна 9.
 Исторія Государства Россійскаго 308, 311, 314, 322, 328, 338, 339, 341, 345, 348.
 Исторія Лефевра 78.
 Impromptu графинѣ Р. 159.
 Impromptu двумъ молодымъ дамамъ 160.
 Калифъ-Абдуль-Раманъ 47.
 Quelques idées sur l'amour 195.
 Кладбище (Могила) 69.
 Ключъ къ Исторіи Г. Р. 344, 346.
 Клятва и преступленіе 163.
 Краткая записка по дѣлу Жданова 334.
 Кто могъ любить такъ страстно (Прости) 68.
 Куплеты (190), 191, 261.
 Къ Алнѣ, на смерть ея супруга 141.
 Къ богинѣ здравія 64.
 — Обѣдному поэту 176.
 — вѣрной 155.
 — Дмитріеву 66 (88), (220).
 — добродѣтели 219.
 — Лилѣ 162.
 — лѣсочку Полины 161.
 — Мелодору 125.
 — милости 63.
 — невѣрной 154.

- Къ ней 99.
 — портрету имп. Елисаветы 316.
 — портрету Ломоносова 188.
 — прекрасной 38.
 — самому себѣ 122.
 — соловью 91.
 — читателямъ 257, 296.
 — Шекспирову подражателю 187.
 — Эмилиі 215.
 Lettre au Spectateur 194.
 Лілея 151.
 Ліодоръ 73.
 Луизѣ, въ день ея рожденія 323.
 Любезной, въ день рожденія 93.
 Любовь и дружба 130.
 Любовь ко врагамъ 153.
 Марса Посадница 262, (272), 299.
 Меланхолія 214.
 Меліна 146, 242.
 Мнѣніе р. гражданина 317, 330.
 Могила (кладбище) 69.
 Моему сыну Андрею 329.
 Мои бездѣлкі 110, 189, 209.
 Молитва о дождѣ 89.
 Московскій журналъ 35, 62, 210.
 Московскій театръ 55, 79.
 Моя исповѣдь 225.
 Мы желали — и свершилось 100.
 Мысли въ саду Павловскомъ 307.
 — для исторіи отечеств. войны 335.
 — объ истинной свободѣ 332.
 — объ уединеніи 229.
 Мыслять и не мыслять 171.
 Мѣдникъ 6.
 Надгробіе шарлатана 172.
 Надгробная надпись Боннету 92.
 Надежда 148.
 Надписи на статуѣ Купидона 164.
 Надпись къ дамской табакеркѣ 137.
 Надпись къ портрету жестокой 139.
 На прибытіе имп. Александра 205.
 На разлуку съ П* 67.
 На смерть кн. Хованскаго 149.
 Наталья, боярская дочь 76, 351, 361.
 Невинность 46.
 Невольники 12.
 Незданныя сочиненія 358, 375.
 Незданныя статьи 374.
 Непостоянству 23, 143.
 Нескромное эхо 138.
 Новый годъ 51.
 Новыя Мармонтелевы повѣсти 111, 200, 304, 325.
 Ночь 50.
 Пѣжность дружбы 119.
 Пѣть, полно 123.
 Пѣчто о наукахъ, искусствахъ 107.
 О Богдановичѣ 270.
 Объявленіе объ изданіи 34, 212.
 О вѣрномъ способѣ имѣть учителей 269.
 Ода на восшествіе на престолъ А. 204.
 Ода на случай присяги 178.
 Ода на торж. коронованіе А. 206.
 О древней и новой Россіи 301, 355, 356, 360.
 О книгахъ русскихъ 57, 81, 253, 292.
 О книгахъ иностранныхъ 58, 82, 292.
 О книжной торговлѣ 228.
 О легкой одеждѣ красавицъ 226.
 Олимпія и Теофиль 14.
 О любви къ отечеству 224.
 О манифестѣ 12 декабря 1825 года 331.
 О московскомъ мятежѣ 277.
 О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія 265.
 О новыхъ благородныхъ училищахъ 227.
 О похитителяхъ 235.
 О почетномъ легионѣ 234.
 О происхожденіи зла 3.
 О публичномъ преподаваніи наукъ 281.
 Опытная Соломонова мудрость 175.
 О российскомъ посольствѣ въ Японіи 271.
 О русской грамматикѣ Модрю 274.
 Освобожденіе Европы 302.

- Осень 32.
 О случаях и характерах въ русск. исторіи 239.
 Островъ Борнгольмъ 108.
 О счастливѣйш. времени въ жизни 273.
 О тайной канцеляріи 266.
 Отвѣтъ моему пріятелю 95.
 Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы 135.
 Отрывки изъ Боннета 26.
 Отрывки изъ Гердера 368.
 Отставка 177.
 Отчего въ Россіи мало талантовъ 232.
 Отъ издателя 61, 85.
 Отъ сочинителя 109.
 О французской высадкѣ 279.
 Паденіе Швейцаріи 236.
 Палемонъ и Дафнисъ 44.
 Памела 13.
 Пантеонъ иностранной словесности 199, 310.
 Пантеонъ російск. авторовъ 211.
 Парижскіе спектакли 56, 80.
 Переводъ Аддисоновой оды 367.
 Переводы Карамзина 343.
 Перемяна цѣта 173.
 Печаль и радость 131.
 Письма къ А. О. Малиновскому 354.
 — къ И. И. Дмитріеву 359.
 — русскаго путешественника 43, 72, 104, 144, 192, 208, 362.
 Письмо къ издателю 221.
 — Мелодора къ Филалету 116.
 — сельскаго жителя 276.
 — Филалета къ Мелодору 117.
 Повѣсти Жанлисъ 243, 306.
 Покой и слава 183.
 Посвященіе кущи 52.
 Посланіе къ женщинамъ 125.
 — — Дмитріеву (24), (66), 88.
 — — Плещееву 103.
 Послѣднія слова умирающаго 129.
 Поэзія 70.
 Предъувѣдомленіе 36.
 Прекрасная царевна 75, 350.
 Приношеніе граціямъ 98.
 Приписаніе г-жѣ N. 102.
 Приписка 203.
 Пріятные виды, надежды... 230.
 Прогулка 29.
 Прости 68.
 Протей 197.
 Прошенія государю 318, 319, 326.
 Прощаніе 150.
 Пустынники въ Нормандіи 15.
 Пустынникъ 18.
 Путешествіе вокругъ Москвы 264.
 Пѣснь Божеству 90.
 — воиновъ 298.
 — изъ Мессіады 369.
 — мира 41.
 Пѣсня: Нѣтъ полно... 123.
 Разговоръ о счастіи 193, 241.
 Разлука 182.
 Размышленія о дѣлахъ Божіихъ 2.
 Разныя мысли 333.
 Разныя повѣсти 198, 305.
 Ранса 39.
 Райская птичка 48.
 Русская старина 280.
 Рыцарь нашего времени 231.
 Рѣчь въ Россійской Академіи 313.
 Сельскія пѣсни 54.
 Сиера Морена 114.
 Слова ораторіи 207.
 Смѣсь 59, 83, 145, 254, 293.
 Собраніе сочиненій 297, 303, 321, 342, 347.
 Соловей 174.
 Соловей, галки и вороны 96.
 Софія 53.
 Сочиненія Муравьева 300.
 Спорщикъ 152.
 Статьи журнальныя мелкія (оригинальныя и переводныя) 60, 84, 256, 295.
 Статьи объ Австріи и Германіи 249, 286.
 Статьи объ Азій и Африкѣ 251, 290.
 — — Америкѣ 252, 291.
 — — Англии 246, 283.

Статьи объ Италиі 248, 285.	Триолеть Алетѣ 134.
— — Пиренейскомъ полу- островѣ 288.	— Лизетѣ 158.
— — Россіи 245, 282.	Тѣнь и предметъ 327.
— — Турціи 250, 289.	Указатель статей 372.
— — Франціи 247, 284.	Un mot sur la littér. russe 194.
— — Швейцаріи 287.	Флины и соловей 259.
Стихи къ портрету Дмитріева 220.	Филлядѣ 37.
— на день рожденія А. А. П-ой	Фроль Силинѣ 45.
— 133.	Характеръ Нисы 168.
— на слова, заданныя 217.	Хлоя 126.
— на смерть Пельскаго 260.	Хоръ и куплеты 190.
— съ поднесеніемъ выписокъ	Цвѣтокъ на гробъ Агатона 105.
— 324.	Что нужно автору 106.
Странность 223.	Чувствительный и холодный 278.
Странность любви 94.	Швейцарія 240.
Страсти и безстрастіе 132.	Эмилія Галотти 22.
Сцены изъ Сакопталы 77.	Эпиграмма 169.
Тадить 186.	Эпитафіи 42, 65, 157.
Театръ 55, 79.	Юлій Цезарь 21.
Только для Марейна 370.	Юлія 112.

III.

Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Карамзина.

А. А. П. см. Петровъ.	Виргилій 248.
Аддисонъ 367.	Вольтеръ 58, 247.
Александръ I, импер. 204 — 206, 302, 371.	В. Т. 340.
Алексѣй Михайловичъ, царь 277.	Гайдень 207, 247.
Алонсъ Редингъ 287.	Галлеръ 3.
Аріосто 58.	Гарве 59.
Аристиппъ 295.	Георгъ Томасъ 284.
Архенгольцъ 286.	Гердеръ 368.
Бартелеми 58.	Геснеръ 1.
Бекетовъ 211.	Гольдонн 58.
Беркенъ 23.	Делиль 214.
Биллингъ 245.	Державинъ 54.
Богдановичъ 270, 282.	Джеферсонъ 291.
Бонапарте 247 (2), 284 (3).	Диогенъ 295.
Боннетъ 26, 92.	Дмитріевъ 24, 66, 88, 220, 359.
Бюффонъ 58.	Донъ Гарсія 250.
Вальянъ 58.	Дю-Шатле 247.
Вейсе 27.	Екатерина II, 244, 282.
	Екатерина Павловна, в. кн. 353.

- Елисавета Алексѣевна, имп. 316, 323.
 Жанлисъ (4), 243, 284 (2), 306, 343.
 Жанъ-Жакъ-Руссо 284.
 Ждановъ 334.
 Жиродеть 247.
 Илья Муромецъ 120.
 Иаковъ II, 84.
 Иосифъ Бальзамо 84.
 Калонъ 284.
 Кантъ 247.
 Карамзинъ Андрей Ник. 329.
 — Вас. Мих. 3.
 Карно 284.
 Клопштокъ 286, 369.
 Коцебу 55.
 Корнель 55.
 Лагарпъ 284.
 Ламарь 284.
 Лессингъ 22, 55.
 Лефевръ 284.
 Ложносовъ 188.
 Луиза (имп. Елисавета).
 Людовикъ XVI 247 (2).
 — XVIII 247.
 Малекевскій 256.
 Малиновскій 354.
 Марія Антуанета 247.
 Марія Феодоровна, имп. 307, 309, 320.
 Мармонтель 111, 200, 304, 325, 343.
 Мареа Посадница 262, 272, 299.
 Модрю 274.
 Моро 284.
 Муравьевъ, М. Н. 300.
 Неккеръ 247.
 Неккеръ, г-жа 247.
 Николевъ 57.
 Новикова В. Н. 357.
 Новиковъ Н. И. 312.
 Осиповъ 57.
 Оссіанъ 54.
 Павелъ I, импер. 178.
 Пельскій 260.
 Петровъ, А. А. 28, 67, 105.
 Петръ I, 282.
 Плещеева, А. 133, 146, 192.
 Плещеевъ, А. 103, 192.
 Порталисъ 247, 284.
 П—а, А. А. (Плещеева?) 133.
 Р., графиня 159.
 Ричардсонъ 58.
 Салтыковъ, графъ 190.
 Себастьянъ 284.
 Сень-Ламберъ 284.
 Сербиновичъ, К. С. 358.
 Сіэсъ 284.
 Сталь 146, 292.
 Стернь 78.
 Строевъ, П. М. 344, 346.
 Сваръ 284.
 Тацитъ 186.
 Томсонъ 20, 25.
 Туссенъ Лувертюръ 252 (2).
 Херасковъ 57.
 Хованскій, вл. Г. 149.
 Циммерманъ 282.
 Шекспиръ 21.
 Шимановская 327.
 Шторхъ 253, послѣ 257 л.
 Штурмъ 2.

IV.

Изданія, обязанныя своимъ содержаніемъ Карамзину.

Значеніе Карамзина въ нашей литературѣ доказывается, между прочимъ, наглядными фактами — тѣми разнородными сборниками, въ составъ которыхъ входили его произведенія и

которые даже цѣликомъ состояли изъ его произведеній. Начиная съ изданій, составленныхъ исключительно изъ его произведеній.

1. *Духъ Карамзина*, или избранныя мысли и чувствованія сего писателя, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ обзорнѣй и историческихъ характеровъ, издалъ Николай Иванчинъ - Писаревъ. 2 части. М. 1827. XV, 279 и 293 стр. (Смирд. 9884).

Г. Иванчинъ - Писаревъ былъ ревностнымъ поклонникомъ Карамзина, но книгу свою дурно составилъ: рецензентъ «Московского Вѣстника» (1827, ч. V, № 18, стр. 176—183), скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ «Первый Зоилъ», отозвался о книгѣ Иванчинъ-Писарева въ томъ смыслѣ, что она представляетъ собою нескладные лоскуты растерзанной мастерской ткани, мохры, недающія понятія о цѣлой матеріи, безсистемные оборвыши, надерганные изъ всѣхъ сочиненій Карамзина. Въ подобномъ же тонѣ отозвался и «Моск. Телеграфъ» (1827, ч. XVI, № 13, стр. 76—81).

Гораздо важнѣе были тѣ сборники, въ которыхъ сочиненія Карамзина дано было, принадлежавшее имъ по всѣмъ правамъ, значеніе педагогическое; таковы были:

2. *Избранныя мѣста изъ писемъ русскаго путешественника*. Изданіе Импер. Московскаго университета, для упражненія учащихся въ переводахъ съ русскаго языка на иностранныя. М. Въ универс. типограф. 1838. (Ольхинъ 4081). Второе изданіе. М. 1846.

3. *Сокращеніе Россійской Исторіи Н. М. Карамзина*, въ пользу юношества и учащихся русскаго языку, съ знаками ударенія и истолкованіемъ труднѣйшихъ словъ и рѣченій, на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и ссылками на грамматическія правила, изд. Августъ Таппе. 2 ч. Спб. и Рига. 1819 и 1824. XV, VII и 388 въ обѣихъ частяхъ. (Смирд. 2431; Чертковъ № 83).

4. *Животисный Карамзинъ*, или русская исторія въ картинахъ, изд. Андрей Прево, 3 части. Спб. 1836—1844 (Ольхинъ 1652).

5. *Русская исторія въ картинахъ, дополненіе «Живописнаго Карамзина»*, соч. Б. Федорова. Спб. 1844, (рец. въ Отеч. Зап. 1844, т. 34, отд. VI, стр. 38 и Маякъ 1844, т. 15, стр. 7).

Напоминаемъ о двухъ ключахъ къ исторіи Карамзина, составленныхъ гг. В. Т. и Строевымъ.

Впослѣдствіи явилось нѣсколько отдѣльныхъ извлеченій изъ Исторіи Карамзина, изданныхъ — не знаемъ ужь — съ какою цѣлію. Таковы:

6. Историческое сказаніе о благовѣрной великой княгинѣ Ольгѣ, *составлено по Исторіи Государства Россійскаго*. М. въ типогр. М. Смирновой. 1857. 61 и III нен.

7. Полная исторія о славномъ великомъ князѣ Владимірѣ Великомъ. *Составлено изъ Исторіи Гос. Росс.* М. тамъ же, 1857. 99 стр.

8. Битва Куликовская (*заимствовано изъ Исторіи Государства Россійскаго*). Библіотека для легкаго чтенія 1856, ч. IV, стр. 70.

9. Первое завоеваніе Сибири (*заимствовано изъ Исторіи Гос. Росс.*), тамъ же, стр. 78.

10. Князь Дмитрій Шемяка. М. 1863, 35 стр.

11. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. М. 1863, 79 стр.

Оба сочиненія представляютъ выборку изъ Карамзина.

12. Кратко напомнимъ о томъ, что Исторія Карамзина послужила обильнымъ матеріаломъ для составленія *многихъ и многихъ историческихъ романовъ, повѣстей и разныхъ литературныхъ компиляцій*.

13. Письма его входили во всякіе письмовники, всеобщіе секретари, руководства къ общежитію и т. под.

14. Стихи его помѣщались на ряду съ произведеніями Ломоносова, Державина, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Баратынскаго, Козлова, Пушкина, во множествѣ самыхъ разнообразныхъ сборниковъ. Такъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка, была издана книжка:

Приношеніе религій, или собраніе стихотвореній Ломоносова,

Хераскова, Державина, *Карамзина* . . . изд. М. Вышеславцевъ. 2 части. М. 1798—1800. (Сопик. IV, 9036).

Изъ сборниковъ, являвшихся въ великомъ обиліи въ настоящемъ вѣкѣ, назовемъ немногіе:

Пантеонъ русской поэзіи, Никольскаго.

Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, издававшееся А. Тургеневымъ, Жуковскимъ и Воейковымъ (1810—1826). (Смирд. 6074, 6075, 6575, 6576). Въ одномъ собраніи Воейкова, въ шести томахъ, помѣщено 25 стихотвореній Карамзина.

Букетъ благовонныхъ цвѣтовъ, М. 1829.

Собраніе романсовъ и пѣсень, М. 1835.

Во всѣхъ этихъ книжкахъ есть стихи Карамзина. Даже въ 1854 г. басни его вошли въ составъ сборника, изданнаго И. Ваненко. М. 1854 и 1858.

Въ 1856 г. являются «Духовно-нравственныя пѣснопѣнія Ломоносова, Державина и *Карамзина*». М. 64 стр.

V.

Списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранныя языки.

А. На нѣмецкій языкъ.

1. Письма русскаго путешественника, перев. Иог. Рихтера. Лейпцигъ. Два изданія, 1800 и 1804. (Сопик. III, 5067; Шторхъ I, 798; Геннади въ Словарѣ II, 109 показываетъ 1799—1805). Печатаніе этого перевода въ Ригѣ не позволилъ цензоръ Ѳ. Туманскій.

2. Пѣсня изъ «Писемъ» «Я въ бѣдности на свѣтъ родился» переведена Н. Станковичемъ въ 1834 г. «Magazin belehr. und angen. Unterhaltung, Band. 3.

3. Похвальное слово импер. Екатеринѣ II, перев. Рихтера. Рига. 1802. (Сопик: III, 5068).

4. Извлеченіе изъ статьи: О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи, въ журналѣ Рихтера «Russische Miscellen». Leipzig. 1803—1804.

5. Аглая, перев. Биденфельда. Лейпцигъ. 1819.

Нѣкоторыя статьи изъ Аглаи. Митава, 1805. (Сопик. III, 5057); по Геннади 1801 (II, 110).

6. Могыла, Magazin belehr. und angen. Unterhaltung 1835, № 50.

7. Бѣдная Лиза, перев. Алексѣя Перовскаго. М. 1807. (Сопик. III, 5058).

8. Наталья, боярская дочь.

9. Марѳа Посадница, перев. Юг. Рихтера въ его журналѣ Russ. Miscellen (Сопик. III, 5059) и отд. Лейпцигъ, 1806.

10. Пантеонъ російск. авторовъ, перев. Рихтера, тамъ же (Сопик. III, 5056).

11. О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи, перев. Рихтера (Шторхъ I, № 1461).

12. Исторія Государства Россійскаго, первые шесть томовъ перевелъ директоръ пансіона при Ц. С. лицей Гауэншильдъ, съ 7-го тома — Ертель, подъ смотрѣніемъ и съ участіемъ Карамзина; IX т. переводилъ Шредеръ. 1820—1827. Нѣсколько отрывковъ изъ Исторіи было переведено и напечатано Коцебу въ его журналѣ Literarisches Wochenblatt (1818—1819).

Б. НА ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Юлія, повѣсть. М. 1797. (Сопик. III, 5072), переводъ Boulliers.

Тоже, въ журналѣ Le Spectateur du Nord, 1797, № 2, съ предисловіемъ отъ издателя.

2. Наталья, боярская дочь.

3. Бѣдная Лиза, Paris. 1808; то же, перев. В. Панова. Казань. 1817.

Объ повѣсти перев. еще съ нѣмецкаго Коафье въ 1803 г., въ журналѣ, издаваемомъ въ Парижѣ г. Жанлисъ (см. Вѣст-

никъ Европы, 1803, ч. VII, № 3, стр. 230). — *Les mille et une nouvelles*, tome IX, Paris. 1808.

4. Марѳа Посадница. М. 1804. Лейпцигъ. 1805, (Сопик. III, 5059), перев. J. B. P...ze. Тоже, Женева. 1805. 12°.

5. Тоже, перев. Ф. Ф. Вигеля, изданный Ипп. Оже, Парижъ, 1817. (Воспоминанія Вигеля т. III, ч. 5, стр. 121).

6. Чувствительный и хладнокровный, перев. Арсенія Хвостова. Спб. 1806.

7. Въ 1833 г. во Франціи была издана книжка «*Le conteur russe, par Bulgarine, Karamsin et autres*; но какія тамъ повѣсти переведены — не знаемъ.

8. *Le siège de Casan; traduit de l'Histoire de Russie de Karamsin, par P. H. M., professeur de la littérature, St-Pétersb.* 1818. in 8. VIII и 99 (Чертковъ, отд. 1, № 135, стр. 26).

9. *Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin; traduite du russe par St. Thomas et Jauffret.* Paris. 1819. 8 volumes. Посвящено переводчиками императору Александру. Въ предисловіи они говорятъ, что переводъ весь просмотрѣнъ самимъ Карамзинымъ, по указанію котораго выпущены нѣкоторыя примѣчанія (Чертковъ, отд. 1, № 82). Въ переводѣ этомъ большое участіе принималъ и К. С. Сербиновичъ. (Погод. II, 228 – 230 и 259). IX томъ переводимъ былъ въ 1821 г., при помощи О. М. Сомова; IX и X — Auger, при помощи Дивова. Отзывъ Карамзина о С. Тома см. въ письмахъ его къ Дмитріеву, стр. 325.

10. *Abrégé de l'Histoire de l'Empire de Russie, par G. Ludent. Pét.* 1841.

11. Нѣкоторыя мѣста изъ «Записки о древней и новой Россіи», именно о преобразованіяхъ императора Александра I, при сочиненіи: «*La Russie et les Russes. Bruxelles.* 1847, I, 327.

12. *Extrait des voyages du docteur Karamsin, médecin de Moscovie, 1815, par Tuault de Bouvrie.* Здѣсь только отрывокъ изъ «Писемъ русскаго путешественника», въ которомъ описывается Лондонъ и вообще Англія. Переводчикъ ошибочно титулуетъ Карамзина богатымъ московскимъ врачомъ и утверждаетъ

что письма свои написалъ онъ на нѣмецкомъ языкѣ (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1864 г.).

13. Записка о московскихъ достопамятностяхъ. М. 1826.

14. Письма русскаго путешественника, перев. В. С. Порошина. Парижъ, 1866. Къ столѣтнему юбилею Карамзина. (Объ этомъ переводѣ см. Протоколы засѣданій 2-го Отд. Имп. Академ. Наукъ, за декабрь 1861, Спб. Вѣдом. 1867, № 11; Сборн. II Отд. 1867, т. 1, стр. L—LII; статью Лонгинова: «Отголоски Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ», Русск. Арх. 1867, № 3, стр. 467—470.

15. Нѣкоторыя статьи Карамзина переводила на франц. языкъ въ 1807 г. г-жа Чагина, урожд. Геннади; см. письмо къ ней Карамзина въ журналѣ «Разсвѣтъ» 1860, № 11.

В. На англійскій языкъ.

1. Письма русскаго путешественника. Лондонъ. 1803. (Сопик. III, 5067).

2. Юлія, перев. съ французск. *Анны Гавкинсъ*. Спб. 1803. (Сопик. 5072).

3. Нѣсколько статей переведено Андерсеномъ, а какихъ? надо справиться въ Вѣстн. Европы 1803, ч. XII, № 21, стр. 50; этой книги у насъ нѣтъ подъ рукою.

4. Исторія Государства Россійскаго.

5. Tales of K-p. Лондонъ. 1804.

Г. На греческій языкъ.

1. Разговоръ о счастіи, перев. I. Каскамбо. Спб. 1803. (Сопик. III, 5069).

2. Отрывки — какіе? не знаемъ, надо обратиться къ показанію «Журнала Россійской Словесности», Н. Брусилова, 1805, ч. 3, сентябрь, № 9, стр. 51—52.

3. Исторія Государства Россійскаго, перев. Дм. Бернабаки. Аѳины. 1855.

Д. На итальянскій языкъ.

1. Storia dell' Impero della Russia, scritta dal Consigliere di Karamsin, перев. съ французскаго Москвини и Гамба. Венеція 1820—1823. («Вода къ водѣ, ошибки къ ошибкамъ» — говоритъ объ этомъ переводѣ Карамзинъ въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 26 генваря 1820). 8 томовъ. 1820—1824.

Неполный переводъ Истории въ «Classici russi, di Cetti. Bologna 1816».

2. Poesie e prose, tradotte per Cetti. 1812—1814. (Не они ли были въ библиотекѣ Соболевскаго? Русскій Архивъ 1878, III, 379).

Е. На польскій языкъ.

1. Юлія, повѣсть. Вильно, 1798. (Сопик. III, 5072 ошибочно показываетъ 1809 г.).

2. Бѣдная Лиза (Погодинъ, I, 243, въ книгѣ своей «Н. М. Карамзинъ»).

3. Исторія Государства Россійскаго, переводъ Григорія Бучинскаго. Варшава, 1824—1830. (Историографъ подарилъ его Сербиновичу въ 1824 г.). Межовъ (1 Приб. XXX, № 5493) показываетъ переводчикомъ какого-то Brkzyńskiego.

4. Письма русскаго путешественника, перев. Wuzona. Wilno. 1802. (Г. Межовъ указываетъ еще «Pisma Juswicza», гдѣ помѣщенъ переводъ «Марьиной роши» Карамзина (Каталогъ 1869, № 10035, 27); но «Марьяна роша» доселѣ принадлежала Жуковскому.

Ж. На голландскій языкъ. (?)

1. Письма русскаго путешественника. Лейденъ. 1804—8. (Геннади II, 109, первый столбецъ).

З. На датскій языкъ.

1. Повѣсти Карамзина, Копенгагенъ. 1801, пер. Thiele.

2. Островъ Борнгольмъ, Копенгагенъ. 1856.

И. На шведскій языкъ. (?)

1. Berättelser of K-n, Göteborg. 1806, перев. L. Brentius.

I. На сербскій языкъ.

1. Мареа Посадница, перев. Кукулевича-Сакцинскаго. Загребъ. 1842.

Списокъ переводовъ требуетъ тщательной повѣрки по самимъ книжкамъ переводовъ.

VI.

Псевдонимы Карамзина.

Въ первыхъ своихъ изданіяхъ Карамзинъ обыкновенно или ставилъ свою фамилію подъ своими произведеніями, или вовсе не подписывался, такъ что разныя подписи въ нихъ буквами, знаками принадлежать почти исключительно другимъ лицамъ, и только подъ повѣстью «Людоръ», въ Московскомъ журналѣ (1792, V, 305), встрѣчаемъ его сокращенную подпись, намекающую на фамилію: «— нз». Г. Лонгиновъ, впрочемъ, утверждаетъ, что Карамзинъ еще до 1795 г. подписывалъ иногда свои статьи буквою *Ц*, но не указываетъ этихъ статей. Не имѣя всѣхъ изданій Карамзина, мы не можемъ опредѣлить, гдѣ и какія это статьи. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ въ Вѣстникѣ Европы: здѣсь поражаетъ насъ обиліе подписей, придуманныхъ Карамзинымъ для себя. Самъ онъ объясняетъ отсутствіе своей фамиліи такимъ образомъ: «Удовольствіе читателей казалось мнѣ важнѣе авторскаго хвастовства, и для того я не подписывалъ своего имени подъ сочиненіями». (Вѣстн. Евр. 1803, № 24, стр. 284). Но не трудно, кажется, разгадать настоящую причину этого. Онъ наполнял журналъ *большою частію* своими произведеніями; между тѣмъ на него стали уже ополчаться многіе критики; ихъ приговоры раздражали его самолюбіе; но отвѣчать на нихъ онъ не хотѣлъ, полемики не любилъ и не видѣлъ въ ней пользы; желая сохра-

нить свое имя отъ журнальнаго помыкательства, онъ сталъ подписывать свои сочиненія разными затѣйливыми подписями. Мы приводимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, указывая время, когда онѣ употреблены въ журналѣ и статьи, подъ которыми онѣ поставлены:

- 1) А. Б. В. } 1795, Аглая, кв. 2, Посланіе къ Дмитріеву.
 } 1803, № VII, Великій мужъ р. грамматики.
- 2) Анонимъ. 1803, XVI, Записки стараго моск. жителя.
- 3) В. Мулатовъ. 1802, VII, О легкой одеждѣ. . .
- 4) В. Ф. 1802, XV—XVII, Историческія воспомнанія.
- 5) Г. О. О. 1802, XXIV, О случаяхъ и характерахъ.
- 6) Графъ N. N. 1802, VI, Моя исповѣдь.
- 7) Лука Еремѣевъ. 1803, XVII, Письмо сельск. жителя.
- 8) М—въ. 1803, IV, Путешествіе вокругъ Москвы.
- 9) N. 1802. IX, О книжной торговлѣ.
- 10) N. N. 1802, VIII, О новыхъ благородныхъ училищахъ.
- 11) О. О. 1802, II, Странность (и въ Аглаѣ II).
- 12) П. Ф. 1802, X, Мысли объ уединеніи.
- 13) Р. 1802, X, Критика.
- 14) Р. О. 1802, XII, Пріятные виды. . .
- 15) Р. П. 1802, XXII, Анекдотъ.
- 16) Свирлово, 1803, XI, Стихи на смерть.
- 17) У. О. 1802, IV, О любви къ отечеству.
- 18) У. О. 1803, VI, О тайной канцеляріи.
- 19) Ф. 1803, XII, Извѣстіе о Марѣѣ.
- 20) Ф. Ц. 1802, XIV, Отчего мало талантовъ.
- 21) Ф. О. Ц. 1803, XI, О російскомъ посольствѣ.
- 22) Ц. П. У. 1803, XIV, Рыцарь нашего времени.
- 23) Ц. Ц. 1803, VIII, О способѣ имѣть учителей.
- 24) Ы. (Моск. журн. 1792, ч. VI).
- 25) Ц. Ы. (Моск. журн. 1792, ч. VI).

Изъ псевдонимовъ, подъ которыми выводили его самого литературные противники, мы знаемъ только «Ермалафидъ» (въ журналахъ Крылова), «Новый Стернъ» (въ комедіи того-же назва-

нія, кн. Шаховскаго, 1807), *Плаксивая птичка* (въ Вѣстн. Евр. 1818) и *Алаужикъ* (въ стихахъ Марина, «Чтенія въ Бесѣдѣ любит. русск. слова» III, 121). Послѣдній псевдонимъ прилагался иногда и къ князю П. И. Шаликову, и безъ того слишкомъ богатому подобными прозвищами въ литературныхъ кружкахъ того времени. Тогда же былъ еще обычай придавать нашимъ писателямъ, какъ почетную характеристику ихъ, имена извѣстныхъ иностранныхъ писателей; почитатели Карамзина называли его «*Нашъ Ливій*». Самъ Гееренъ называлъ его *Русскимъ Ливіемъ*. Но противники его, конечно, съ другимъ чувствомъ титуловали его «*Невскимъ Плутархомъ*» или «*Россійскимъ Стерномъ*». Еще называли его «десятникомъ россійской литературы» («старостою» ея тогда считался Херасковъ).

Къ слову о псевдонимахъ Карамзина. Предлагаемъ вниманію свѣдущихъ людей слѣдующее обстоятельство. Стихи Карамзина на скоропостижную смерть П. А. Пельскаго (Вѣстн. Евр. 1803, XI, стр. 210) подписаны «*Свирлово*»; мы знаемъ, что это — названіе подмосковнаго села, въ 7 верстахъ отъ Москвы; что тамъ жилъ Карамзинъ въ 1802 и 1803 году; что оно принадлежало Н. П. Высоцкому (по крайней мѣрѣ въ 1817 г.: Карамзинъ т. I, 443—444); но вотъ въ чемъ дѣло: объ этомъ селѣ встрѣчаемъ книжку: «*Сельскій праздникъ въ селѣ Свирловѣ, въ стихахъ. М. 1806, въ 8^о*». (Сопик. IV, 8879). Спрашивается: кому принадлежитъ эта книга? не имѣеть-ли она какого нибудь отношенія къ Карамзину? кто изъ литераторовъ нашихъ жилъ тогда въ этомъ селѣ? или кого они посѣщали тамъ? что за праздникъ такой былъ, что заслуживалъ описанія въ стихахъ? Во всякомъ случаѣ заглянуть теперь въ эту книгу не мѣшало бы, если обстоятельства пощадили ее въ столичныхъ библіотекахъ. Даже при безыменности ея автора, содержаніе ея и самый языкъ дали бы хоть нѣкоторый намекъ на рѣшеніе занимающихъ насъ вопросовъ¹⁾.

¹⁾ Нашъ трудъ былъ уже въ печати, когда появилось разрѣшеніе на этотъ вопросъ въ статьѣ Н. С. (Собко?). Росс. Библіогр. 1881, № 7 (89), стр. 151—152.

VII.

Алфавитный и хронологическій указатели всѣхъ доселѣ напечатанныхъ писемъ Карамзина.

Важное историческое значеніе писемъ Карамзина не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: въ нихъ заключаются драгоценные матеріалы какъ для біографіи его самого, такъ и для характеристики цѣлаго періода его времени. Между тѣмъ письма его то напечатаны отдѣльными книжками, то разсыяны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и пользованіе всѣми ими затруднительно.

Ясно какъ день, что собраніе ихъ вмѣстѣ, и притомъ въ хронологическомъ порядкѣ, было бы великимъ подспорьемъ для біографа и историка эпохи, было бы дорогимъ подаркомъ обществу. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ — указать теперь не только сборники его писемъ и письма въ раздробъ напечатанныя, но представляемъ еще списокъ всѣхъ ихъ въ возможно-строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Ласкаемъ себя надеждою, что мысль наша объ изданіи такимъ образомъ писемъ рано или поздно осуществится. Конечно, и говорить нечего, что письма должны быть изданы съ необходимыми историко-литературными примѣчаніями.

Представляемъ сначала алфавитный списокъ лицъ, коимъ были адресованы письма Карамзина, и тутъ-же указываемъ, гдѣ были напечатаны эти письма. Такой указатель болѣе доступенъ для справокъ и дополненій. Въ хронологическомъ указателѣ нѣкоторыя краткія примѣчанія къ письмамъ помѣщаемъ въ выноскахъ, а болѣе подробныя отводимъ къ концу указателя.

Арсеньеву К. И. (1825), Собрн. II Отд. т. IX, 40 одно письмо.
Балашову А. Д. (1821—1822), Сочин. Карамзина, изд. Смирдина, III, 705—709. 4 письма.

Бантышу-Каменскому Д. Н. (1822) Русск. Стар. 1871, II, 526.
1 письмо.

- Батюшкову К. Н. (1819), Памятникъ Отечествен. Музъ 1827, стр. 6; Сочин. Карамзина III, 700—702. 1 письмо.
- Вяземскому кн. А. И. (1796), Русск. Архивъ 1872, стр. 1324. 1 письмо.
- Вяземскому кн. П. А. (1812), Русск. Архивъ 1866, стр. 229—235; письма снабжены интересными примѣчаніями князя. 4 письма.
- Глиикъ С. Н. (1825), въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву стр. 441, и Погодинъ II, стр. 400. 2 письма.
- Голицыну кн. А. Н. (1820), Р. Арх. 1869, стр. 618. 1 письмо.
- Гречу Н. И. (1813), Р. Арх. 1869, стр. 1723. 2 письма.
- Державину Г. Р., (1790, 93), Сочин. Державина, академическ. изд. V, 775, 776, 820. 3 письма.
- Дмитріеву И. И., (1787—1826), «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составленными Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ. Спб. 1866. XII. 483 и 214. (358 писемъ и 1 приписка). 359 писемъ.
- Евграфу, ректору Троицкой семинаріи, (1805), Исторія Тр. Семинаріи, 1867, стр. 370—371. 1 письмо.
- Екатеринѣ Павловнѣ, в. кн. (1813—15), «Неиздан. сочин. и переписка Карамзина, Спб. 1862, стр. 111 и 117. 2 письма.
- Жуковскому В. А., (1803, 1816, 1817), Русск. Арх. 1868, № 11, стр. 1827; 1869, № 9, стр. 1383; 1870, стр. 1682—1688. 22 письма.
- Иванову, бурмистру, (1820—26), Погодинъ II, 487, 438, 439, 440(3), 441, 484. 8 писемъ.
- Измайлову В. В., (1822—23), Русск. Арх. 1869, № 3. 2 письма.
- Императору Александру I, (1810, 1822—1825), Москвитян. 1847, ч. II, стр. 130; Неизд. сочин. и переписка Карамзина, стр. 27—29, 31, 32, 34 и 35, подъ №№ 5, 6, 8, 11, 14, 16 и 18; Зап. Имп. Ак. Н. т. XI, кн. 2, стр. 227 и Сборн. статей II Отд. т. I, 1867, стр. LXXVI. 9 писемъ.
- Императору Николаю I, (1826), Неизд. сочин. и переп. Карамзина, стр. 130; Погодинъ II, 477. 2 письма.

- Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, (1826), Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 442—443. 2 письма.
- Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, (1818—1825), Неиздан. сочин., стр. 39—81. 29 писемъ.
- Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, (1813, 18), Погодинъ II, 112, 217. 2 письма.
- Калайдовичу К. Ѳ., (1818—1824), Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1862, кн. 3, стр. 112—120; Русск. Зритель 1828, I, стр. 29; въ болѣе исправномъ видѣ — въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 444—450. 17 писемъ.
- Каподистрія, гр. И. А., (1818—1825), Журн. Мин. Нар. Пр. 1835, № 1, стр. 1—13; Неиздан. сочин., стр. 133; Утро 1866, стр. 195 и 200; Погодинъ II, 339; Сочин. Жуковского 1878, VI, стр. 1—8; Русск. Стар. 1871, II, 526; — всего три письма.
- Карамзиной Е. А., (1812, 1816), Неизд. сочин. и переп. Карамзина, стр. 141—182; въ книгѣ Погодина II, 96, 97 (2), 98 (3), 102 (3). 26 писемъ.
- Карамзину В. М., (1786—1826), при переводѣ поэмы Галлера; Моск. Сборн. 1847, стр. 363; Сочин. Карамзина III, 712; Атенеи 1858, ч. III, стр. 197, 244, 339, 416, 474, 532, 598, 652; ч. IV, стр. 56 и 110. Всего 188 писемъ.
- Козодавлеву О. П., (1809), «Русская Правда», Кіевъ, 1860, стр. 71. 1 письмо.
- Константину Павловичу, вел. кн., (1821—24), Русск. Архивъ 1868, № 2. 3 письма.
- Кривцову Н. И., (1818—1825), въ книгѣ Погодина «Карамзинъ», II, стр. 333—337. 5 писемъ.
- Малиновскому А. Ѳ., (1813—1826), особой книжкой «Письма Карамзина къ М.», Москва, 1860, стр. 3—83. 73 письма.
- Мантейфелю (1802), Спб. Вѣдом. 1866, № 325. 1 письмо.
- Муравьевой Е. Ѳ., (1816—1825), Русск. Арх. 1867, вын. 3, стр. 455—466. 17 писемъ.
- Муравьеву М. Н., (1803—1807), Москвит. 1845, ч. 1, стр. 1—

- 16; въ Сочин. Карамзина изд. Смирдина, т. III, стр. 680—699, перепеч. съ пропусками. 15 писемъ.
- Неизвѣстному (1816), (это записка для императ. Александра I), Русск. Арх. 1866, стр. 1765. 1 письмо.
- Нелединскому-Мелецкому Ю. А., (1814), Москвит. 1847, ч. II, стр. 131—132. 1 письмо.
- Новосильцову Н. Н., (1808—1809), Москвитян. 1847, ч. I, стр. 139—140; Погодинъ II, 50. 2 письма.
- Оболенскому, кн. А. П., (1813—24), Погодинъ II, 109, 110; «Хроника недавней старины», стр. 256. 3 письма.
- Писареву А. А., (1823—24), Труды и Лѣтоп. Общества Ист. и Древн. Росс. 1827, ч. 3, кн. 2, стр. 39 и 84; Жизнь Строева, Барсукова, стр. 74. 2 письма.
- Погодину М. П., (1825), Москвитян. 1845, № 9, «Письмо изъ Симбирска», стр. 17; Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0169. 1 письмо.
- Полторацкому Дм. М., (1815?), Иллюстрація 1846, т. II, № 9, стр. 133; Сѣв. Пчела 1846, № 24, въ статьѣ С. Д. Полторацкаго. 1 письмо.
- (А. Н. Афанасьевъ въ Библ. Зап. 1858, (стр. 580) указываетъ еще два письма къ Полторацкому—въ Сѣв. Пчелѣ 1846, №№ 19—45), перепеч. въ Иллюстр. 1846, стр. 129—177; у насъ этихъ изданій нѣтъ подъ рукою).
- Протасовой Е. А., (1802), Р. Арх. 1870, стр. 1689. 1 письмо.
- Румянцеву, гр. С. П., (1816—25), Р. Арх. 1869, № 3. 9 писемъ.
- Румянцеву, гр. Н. П., (1823), Погодинъ II, 350. 1 письмо.
- Селивановскому С. I., (1813—1818), Библ. Зап. 1858, № 19, стр. 581—587. 19 писемъ.
- Сень-Тома и Жоффре (1817?) въ книгѣ Погод. II, 259. 1 письмо.
- Сербиновичу К. С. (1823—1825), Русск. Стар. 1874, XI, 65, 69—74, 250—252. 10 писемъ.
- Соколову П. И., (1818), Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0113. 1 письмо.
- Стойковичу А. И., (1805), Р. Арх. 1869, стр. 2019. 1 письмо.

- Строеву П. М., (1818), въ книгѣ «Жизнь и труды Строева», 1878, стр. 42—43. 1 письмо.
- Толстому, гр. Ф. А., (1821), Письма Карамзина къ Дмитрію, 0184. 1 письмо.
- Трощинскому Д. П., (1801), Погодинъ I, 322, 337 (2). 3 письма.
- Тургеневу А. И., (1806—1825), Москвит. 1855, № 1, стр. 71—106; № 23—24, стр. 180—190 (А прежде того — въ Памятн. Отеч. Музъ 1827; Моск. Сборн. 1847, стр. 388—392; въ изд. Смирдина III, 703, 735—740); Русск. Арх. 1866, вып. 4, стр. 656. 53 письма.
- Уварову С. С., (1818), Изъ Сына Отеч. 1818 перепеч. въ Учен. Зап. II Отд. Имп. Академ. Н., кн. II, вып. 1, стр. LXIII. 1 письмо.
- Херасковымъ П. М. и Р. М. (1795), Библиограф. Зап. 1858, № 19, стр. 588—590. 3 письма.
- Ходаковскому З. Я. (1819), Москвит. 1843, ч. I, стр. 273; 1 письмо.
- Чагиной А. А. (1807), Разсвѣтъ 1860, № 11, стр. 227, на франц. языкѣ, 1 письмо.
- Шаликову, кн. (1826), Погодинъ II, 474. 1 письмо.
- Шишкову А. С. (1824, 1825), Погодинъ II, 399; Русск. Стар. 1874, XI, 70; — два письма.
- Языкову Д. И., (1809—26), Русск. Архивъ 1868, № 7—8, стр. 1103. 2 письма.

Всего по настоящее время извѣстно напечатанныхъ писемъ Карамзина *девятьсотъ тридцать*. Изъ нихъ 925 болѣе или менѣе приурочены къ извѣстному времени, а 5 остаются внѣ всякаго опредѣленія, именно 5 записокъ къ А. И. Тургеневу. Два письма къ имп. Елисаветѣ (стр. 79 и 82, Нездан. сочин.) мы приблизительно отнесли къ 1825, но они могутъ быть немного раньше.

1786.

1. Письмо къ брату Вас. Мих., при переводѣ поэмы Галлера «О происхожденіи зла»; перепеч. у Погодина I, 48.

1787.

2. Безъ помѣты, И. И. Дмитріеву¹⁾..... 1
3. Безъ помѣты (въ концѣ сентября) ему же..... 2

1788.

4. Марта 2. И. И. Дмитріеву 3
5. Мая 18 " " 4
6 и 7 Безъ помѣты, (но несомнѣнно 1788 г.)..... 5 и 6
8. Юля 2. ему же..... 7
9. Августа 3. " " 8
10. Сентября 3. " " 9
11. Ноября 17. " " 10

1790.

12. Юля 4. Дмитріеву..... 11
13. Ноября 12. Державину. V 775
14. " Дмитріеву .. 12
15. Безъ помѣты, " " 13
16. Декабря 16. Державину. V 776

1791.

- 17 и 18. Безъ помѣты, Дмитріеву..... 14 и 15
19. Апрѣля 23. ему же..... 16
20. Юля 1 " " 17
(Здѣсь упоминается о письмѣ къ Державину, неизвѣстномъ намъ).
21. Юля 23. Дмитріеву..... 18
22. Безъ помѣты, но не позже августа, ему же..... 19
23. Сентября 1. " " 20
24. Ноября 18. " " 21
25. Декабря 2. " " 22

¹⁾ См. примѣч. 1-е, въ концѣ настоящаго указателя. Противъ каждаго письма мы указываемъ № его по книгѣ «Письма К. къ Дм. Спб. 1866.

1792.

26. Юля 14. Дмитріеву... 23
27. Юля 18. " " 24
28. Сентября 6. " " 25
29. Октября 21. " " 26

1793.

30. Января 3. " " 27
31. " 28. " " 28
32. Февраля 17. " " 29
33. Марта 21. " " 30
34. Мая 4. " " 31
35. Юля 2. " " 32
36. " 22. " " 33
37. Юля 26. " " 34
38. Августа 17. " " 35
39. Сентября 20. Державину V 820
40. Декабря 1. Дмитріеву... 36

1794.

- 41—42. Безъ помѣты, Дмитріеву..... 37 и 38
43. Апрѣля 18. ему же.... 39
44. Безъ помѣты..... 40
45. Юля 7. " " 41
46. Августа 2. " " 42
47. Сентября 6. " " 43
48. Ноября 8. " " 44

1795.

49. Февраля 12. Дмитріеву.. 45
50. Апрѣля 5. " " 46
51. Безъ помѣты " " 47
(Погодинъ относитъ его къ 1794 году: I, 232).
52. Мая 13. " " 48
53. " " П. М. Хераскову, Библ. зап. 1858, ... стр. 587
54. Юля 3. Дмитріеву..... 49
55—56. Въ іюлѣ (не мѣсяцъ Лонгинова)—Р. П. Хераскову, Б. Зап. 1858, с. 588—589
57. Юля 11. Дмитріеву..... 50
58. Юля 23. Брату, Погодинъ I,¹⁾..... 253

¹⁾ Письма къ брату В. М. указываемыя у Погодина, не находятся въ Атенеѣ.

59.	Августа 8. Брату, тамъ-же.	
60.	Августа 9. Дмитріеву . . .	51
61.	Сентября 2. "	52
62.	" 19. "	53
63.	Октября 10. Брату, Пого- днѣ I.	254
64.	Октября 17. Дмитріеву . .	54
65.	" 31. Брату, Погод. I.	255
66.	Декабря 12. Брату, Погод. I.	256
67.	Декабря 20. Дмитріеву . .	55
68.	" 26. Брату, Погод.	256

1796.

69.	Генваря 9. Атенея 1858. № 19 ¹⁾ . . . . . стр.	195
70.	Генваря 22. Дмитріеву . .	56
71.	Февраля 2. "	57
72.	" 13. Брату	195
73.	" безъ помѣты, Дми- тріеву	58
74.	" 18. Дмитріеву	59
75.	Марта 3. Брату, Пого- днѣ I.	259
76.	Марта 16. Дмитріеву . . .	60
77.	Іюня 4. "	61
78.	Августа 6. "	62
79.	" 28. "	63
80.	Октября 20. кн. А. И. Вя- земскому, Р. Арх. 1872, стр.	1324
81.	Ноября 6. Дмитріеву	64
82.	" 12. "	65
83.	" " Брату . . стр.	195
84.	Декабря 17. "	195
85.	" 29. Дмитріеву	66

1797.

86.	Генваря 5. Дмитріеву . . .	67
87.	" 21. "	68

¹⁾ Начиная съ этого письма до 20 августа 1801 г., письма къ брату помѣщены въ 19 № Атенея. До 1799 года это собственно не письма, а *извѣщенія*.

88.	Февраля 26. Дмитріеву . .	69
89.	Марта 11. "	70
90.	" 17. Брату, 196; Смирд. III, 711. у Смир- дина <i>нѣсколько помѣте</i> .	
91.	Мая 18. Дмитріеву	71
	(Погодинъ относитъ его къ 1799 г., см. ч. I, с. 303).	
92.	Іюня 17. Дмитріеву	72
93.	Іюля 6. "	73
94.	Іюля 29. Брату, Смирдинъ III, 712; <i>въ Атенея нѣтъ этого письма</i> .	
95.	Августа 10. Дмитріеву . .	74
96.	" 26. Брату, . . . с.	196
97.	" 31. Дмитріеву	75
98.	Октября 14. Брату, Пого- днѣ I.	288
99.	Ноября 16. Дмитріеву . .	76
100.	" 17. Брату, . . . с.	196
	у Смирдина <i>нѣтъ этого письма</i> .	
101.	Декабря 10. Дмитріеву . .	77
102.	" 31. "	78

1798.

103.	Генваря 18. Дмитріеву . .	79
104.	" 28. Брату . . . . с.	196
105.	Февраля 11. Дмитріеву . .	80
106.	Марта 1. "	81
107.	Апрѣля 7. Брату, Смир- динъ 712, <i>въ Атенея нѣтъ этого письма</i> .	
108.	Апрѣля 15. Дмитріеву . .	82
109.	" 29. "	83
110.	Іюня 3. "	84
111.	" 17. "	85
112.	Іюля 27. "	86
113.	Августа 18. "	87
114.	Сентября 20. "	88
115.	Октября 12. "	89
116.	Ноября 8. "	90
117.	" 20. "	91
118.	Декабря 13. "	92
119.	" 30. "	93

1799.

120. Безъ помѣты, Дмитріеву.	94
121. Февраля 2. Брату ¹⁾	1
122. » 7. Дмитріеву.....	95
123. Марта 10. »	96
124. Апрѣля 4. »	97
125. Мая 19. »	98
126. Іюня 26. »	99
127. Іюля 25. (въ книгѣ опечатка: Іюня).....	100
128. Іюля 26. Брату.....	2
129. Сентября 28. Брату.....	3
130. Октября 29. Дмитріеву..	101
(у Погодина это Октября 24, 1798 года: I, 281)	
131. Ноября 29 Брату.....	4
132. Декабря 14. Дмитріеву..	102

1800.

133. Марта 7. Брату.....	5
134. » 28. Дмитріеву...	103
135. Мая 2. »	104
136. » 20. »	105
137. » 22. Брату.....	6
138. Іюня 19. »	7
139. » 20. Дмитріеву.....	106
140. » 27. Брату.....	8
141. Безъ помѣты, Дмитріеву.	107
142. Ноября 13. Брату.....	9
143. » 15. Дмитріеву...	108
144. Декабря 3. »	109
145. » 20. Брату.....	10
146. » 23. Дмитріеву. .	110

1801.

147. Февраля 19. Брату.....	11
148. » 26. »	12
149. Марта 9. »	13
150. Марта 26. »	14
151. Мартъ. Д. П. Троцинскому	
Погод. I.....	322
152. Апрѣля 24. Брату.....	15
153. Мая 26. »	16

¹⁾ Съ этого письма, начинаются полныя письма въ Атенеѣ, и мы обозначаемъ ихъ нумерами.

154. Безъ помѣты Брату ¹⁾ ...	17
155. Августа 20. ²⁾ »	18
156. Декабря 31. »	19
157—158. Въ концѣ года два письма Троцинскому, Погод. I.....	337

1802.

159. Генваря 7. Брату.....	20
160. » 14. Дмитріеву...	111
161. Февраля 12. Брату.....	21
162. » » Дмитріеву...	112
163. Безъ помѣты, но несомнѣнно въ мартѣ, Дмитріеву.....	113
164—166. Три письма, безъ помѣты, брату, 22, 23 и 24. Изъ нихъ 23 и 24-е несомнѣнно позже слѣдующаго письма отъ 15 апрѣля, по самому содержанію своему; такъ и поставилъ Погодинъ, который называетъ и деревню 23-го письма — Свирилово, а 15 апрѣля Карамзинъ былъ еще въ Москвѣ.	
167. Марта 30. Мантейфелю, Сиб. Вѣд. 1866, № 325 (это переводъ; а подлинникъ письма, на французскомъ, см. въ Neue Deutsche Zeitung 1866, № 280 и въ книгѣ — Торж. собраніе Имп. Ак. Н. 1 дек. 1866, стр. 32, въ примѣ-	

¹⁾ Думаемъ, что оно должно быть позже слѣдующаго, августовскаго, потому что въ немъ говорится о праздникахъ, спектакляхъ въ присутствіи императора, который пріѣхалъ въ Москву, какъ видно, позже 20 августа; а праздники предыдущаго письма конечно были по поводу коронаціи, которая совершилась 15 сентября.

²⁾ Письма къ брату отъ 20 авг. 1801 по 13 іюня 1805 помѣщены въ 20 № Атенея, 244—259.

чанинъ въ рѣчи Я. К. Грота о Карамзинѣ.			193. Ноября 24. Жуковскому, Р. Арх. 1868 стр. 1827—8.	
168.	Апрѣля 15. Брату.....	25	194. Декабря 7. Брату.....	42
169.	Безъ помѣтки, Брату.....	26	195. » 20. »	43
170.	Августа 19. Брату.....	27	196. 'Безъ помѣтки ¹⁾	44
171.	Сентября 17. »	28	1805.	
172.	Ноября 12. »	29	197. Января 21. Брату.....	45
173.	Декабря 22. »	30	198. Марта 26. »	46
174.	» » Протасовой К. А., Р. Арх. 1870, стр. 1689.		199. Апрѣля 26. »	47
1803.			200. Мая 16. Стойковичу, Р. Арх. 1869. с. 2019.	
175.	Марта 4. Брату	31	201. Мая 16. Муравьеву.....	7
176.	Безъ помѣтки, Брату (<i>со- держаніе ея указываетъ на Апрель</i>).....	32	202. Іюня 3. »	8
177.	Іюня 6. Брату.....	33	203. » 13. Брату.....	48
178.	Сентября 28. М. Н. Му- равьеву, Москвит. 1845 ч. I стр. 1 — 16, здѣсь и слѣд. письма къ нему.	1	204. Іюля 16. ему же ²⁾	49
179.	Октября 13. Брату ¹⁾	34	205. Сентября 27. Брату.....	50
180.	Ноября 9. М. Муравьеву (см. ссылку выше; см. ихъ у Смирдина, III, 680 — 699).....	2	у Смирдина: 21 Сент. въ- роятно опечатка (III. 714).	
181.	Декабря 2. Брату.....	35	206. Октября 5. Муравьеву... ..	9
182.	» 9. »	36	207. » 25. ректору Ев- графу—Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, М. 1867, стр. 370—371.	
183.	» 24. Муравьеву... ..	3	208. Ноября 20. Брату.....	51
1804.			209. Безъ помѣтки, ему же ³⁾	52
184.	Февраля 18. Муравьеву..	4	1806.	
185.	Марта 8. Брату.....	37	210. Генваря 18. Брату.....	53
186.	Безъ помѣтки, ему же....	38	211. Марта 6. Муравьеву... ..	10
	у Смирдина обозначено: <i>Іюня 8.</i> (III, 713).			
187.	Сентября 12. Муравьеву.	5		
188.	» 13. Брату.....	39		
189.	Октября 10. Муравьеву..	6		
190.	» 16. Брату.....	40		
191.	» 31. Жуковскому Р. Арх. 1868, стр. 1827.			
192.	Ноября 1. Брату.....	41		

¹⁾ Въ книгѣ Старчевскаго «Н. М. Карамзинъ», (Спб. 1849) это же самое письмо помѣчено почему-то 29 сен-
тября (стр. 182). У Смирдина—окт. 13.

¹⁾ Едва ли оно относится къ *Декабрю 1804 г.*, во первыхъ потому, что уже два раза въ декабрь 1804 г. писалъ Карамзинъ къ брату, а во вторыхъ потому, что въ письмѣ высказывается мысль о поѣздѣ въ деревню съ больнымъ кн. Вяземскимъ, что не могло быть зимою.

²⁾ Отъ 18 іюля 1806 по 20 авг. 1807 г. письма къ брату помѣщены въ 21 № Атенея.

³⁾ Оно должно быть 1806 года, и притомъ осеннее и слѣдовать послѣ 54 письма, потому что въ 54-мъ онъ еще ожидаетъ рожденія жены, а въ 52-мъ пишетъ, что жена уже родила; тоже повторять и въ 55 письмѣ, отъ 20 ноября 1806 г. Новорожденная была дочь Катерина, впоследствии княгиня Ме-
щерская.

212. Апрель 5. Муравьеву... 11
213. » 20. » ... 12
214. Май 18. » ... 13
215. Безъ помѣтки..... 14
216. Юня 3. А. И. Тургеневу, Москвит. 1855, № 1, стр. 79 ¹).
217. Безъ помѣтки, Брату..... 54 но у Смирдина (III, 715) помѣтка есть: <i>Августа 14²</i>).
218. Ноябрь 20. Брату..... 55

1807.

219. Января 28. Муравьеву.. 15
220. Апрель, Жуковскому, Р. Арх. 1868, стр. 1828, письмо 3, тамъ оно оши- бочно отнесено къ 1806 году ³).
221. Юля 18. А. А. Чагиной, Разсвѣтъ 1860, № 11, с. 227.
222. Юля 24. Брату..... 56
223. Августа 20. Брату ⁴).... 57

¹) На письмѣ этомъ нѣтъ числа, но оно показано въ оглавленіи писемъ, стр. 77. Всѣ письма къ А. И. Тургеневу, съ 3 юня по 1 апр. 1820 г., помѣщены въ 1 № Москвитянина 1855, стр. 79 — 106. При каждомъ письмѣ къ Тургеневу мы обозначаемъ страницу журнала.

²) Послѣ этого письма, которое называется 14 августа, должно слѣдовать письмо подъ № 52, ошибочно напечатанное въ Атенеѣ раньше.

³) Въ Р. Архивѣ годъ смерти кн. А. И. Вяземскаго показанъ 1806, но письма Карамзина къ брату отъ 24 юля 1807 и 12 октября 1807 указываютъ на этотъ послѣдній годъ; стало быть, и въ «Полномъ собраніи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго» (т. II, с. 381) ошибочно указанъ 1806 годъ; это вѣроятно опечатка позднѣйшей редакціи: см. тотъ же томъ, стр. 282, гдѣ указанъ 1807 годъ.

⁴) За сими слѣдовало бы письмо отъ 28 августа къ А. И. Тургеневу, помѣченное въ Москвитянинѣ (стр. 80) 1807 годъ; но Погодинъ въ книгѣ своей «Н. М. Карамзинъ» (II, 49—50) справедливо относитъ это письмо къ 1809, гдѣ мы его и помѣщаемъ.

224. Октября 12. ему же ¹)... 58
225.. » 20. » ... 59

1808.

226. Февраля 11. Брату..... 60
227. Марта 21. » 61
228. Май 3. Н. Н. Новосильцову (Москвит. 1847 ч., 1, с. 139—140; у Смирдина <i>тѣтъ</i>).
229. Май 20. Брату..... 62
230. Юня 2. » 63
231. » 6. » 64
232. Августа 22. Брату..... 65
233. Сентября 3. А. И. Турге- неву, стр..... 81
234. » 26. Тургеневу, стр. 83
235. Октября 17. Брату..... 66
236. Декабря 3. Тургеневу, стр. 84
237. » 18. Брату..... 67

1809.

238. Января 14. Тургеневу, стр..... 85
239. Января 25. Брату..... 68
240. Февраля 28. Тургеневу, стр..... 86
241. Марта 11. Брату..... 69
242. Апрель 4 » 70
243. Юня 21. Брату..... 72 (Послѣ 70-го письма въ Атенеѣ (№ 22, с. 422), слѣдуетъ письмо 72-е (Атенеѣ, № 23, стр. 474), а 71-го письма вовсе нѣтъ; вѣроятно, оно опущено по цензурнымъ затрудне- ніямъ. И этотъ пропускъ не оговоренъ въ Атенеѣ и нигдѣ еще.
244. Августа 15. Брату..... 73
245. » 23. Новосильцову Погодинъ П. 50
246. Августа 23. Тургеневу,

¹) Отъ 12 окт. 1807 письма къ брату въ 22 № Атенея.

- Москвит. 1855 № 1, с. 80;
 на письмѣ ошибка: 1807
 г. И вотъ еще доказа-
 тельство ошибки: въ пись-
 мѣ говорится о выдѣлѣ
 княжны Вяземской за-
 мужъ за князя Щерба-
 това, а княжна въ 1807
 г., послѣ смерти отца
 своего, оставалась дѣву-
 шкой, за мужъ вышла
 только въ 1809 г. (см.
 письмо К. къ брату отъ
 16 октября 1809 г.),
 именно съ апрѣля: см.
 книгу «Хроника недавней
 стар.» Спб. 1876, стр. 98).
247. Сентября 8. Д. И. Язко-
 ву, Р. Арх. 1868, с. 1103.
248. Сентября 17. Тургеневу,
 с. 87
249. Октября 15. Тургеневу с. 88
250. » 16. Брату. 74
251. Декабря 12. Тургеневу с. 89
252. » 13. О. П. Козо-
 давлеву, Русск. Правда,
 1860, стр. 81.
- 1810.**
253. Февраля 15. Брату. 75
254. Марта 3. Дмитріеву. 114
255. » 28. Брату. 76
256. Апрѣля 3. Тургеневу¹⁾,
 стр. 91
257. Апрѣля 10. Дмитріеву... 115
258. Мая 22. » ... 116
259. » » Брату. 77
260. Юля 7. Дмитріеву. 117
261. » 11. » 118
262. » 14. Тургеневу, стр.. 90
263. » » имп. Александру,
 Москвит. 1847, II, 130;
 у Смирдина тѣт.
264. Юля 19. Брату. 78
265. Августа 4. Дмитріеву ... 119
266. Сентября 8. » 120
267. » 19. » 121
268. » » Брату. 79
269. Октября 16. Дмитріеву.. 122
270. » 17. Брату. 80
271. Ноября 3. Дмитріеву. 123
272. Декабря 13. Брату. 81
273. » 21. Дмитріеву.. 124
- 1811.**
274. Января 2. Дмитріеву... 125
275. Февраля 19. » 126
276. » 28. Брату. 82
277. Марта 16. Дмитріеву. 127
278. » 20. » 128
279. » 22. » 129
280. Апрѣля 9. » 130
281. » 12. Брату. 83
282. » 21. Тургеневу, стр. 93
283. Мая 1. Дмитріеву. 131
284. » 4. » 132
285. » 11. » 133
286. » 27. » 134
287. » 30. Брату. 84
288. Юня 3. Дмитріеву. 135
289. » 15. » 136
290. Юля 5. » 137
291. Августа 1. Брату. 85
292. » 9. Дмитріеву. 138
293. » 20. Брату. 86
294. » 27. Дмитріеву. 139
295. Сентября 13. » 140
296. » 21. » 141
297. Октября 8. » 142
298. Ноября 9. » 143
299. » 11. Брату. 87
 (въ Атенѣ оно безъ по-
 мѣты, но у Смирдина она
 есть (III, 721)).
300. Декабря 4. Дмитріеву... 144
301. » 26. Брату. 88
302. » 30. Дмитріеву... 145
303. Къ 1811 г. несомнѣнно
 относится письмо къ Тур-
 геневу, помѣщенное въ

¹⁾ Въ Москвитинѣ не соблюденъ
 порядокъ печатанія писемъ: это письмо
 напечатано ниже послѣдовавшаго за
 нимъ письма.

Москвит. 1855, № 23—24, стр. 186; начало: «*Давно я не писалъ къ вамъ отъ разныхъ работъ, а теперь только возвратился изъ Твери*». Карамзинъ былъ семь разъ въ Твери: въ концѣ 1800 или въ началѣ 1810 года, въ декабрѣ 1810 г., въ февралѣ 1811 г., въ Мартѣ 1811 г., въ маѣ 11, въ июнѣ 11, въ ноябрѣ 11 г. Соображая эти числа съ числами писемъ къ Тургеневу, можно заключать, что послѣднее письмо относится къ ноябрю 1811 года.

1812.

304. Января 11. Дмитріеву ..	146
305. Февраля 1. Тургеневу стр.	94
306. Марта 6. Брату	89
307. Апрелья 8. Дмитріеву ...	147
308. » 22. »	148
309. Мая. 9. »	149
310. » 28. Брату	90
311. Юня 6. Дмитріеву	150
312. Юля 5. Брату	91
313. » 29. »	92
314. Августа 7. Женѣ, Погод. II, стр.	96
315. Августа 20. Дмитріеву ..	151
316—317. Августа 21 и 23. Женѣ, Погод. II, с.	97
318—320. Августа 25, 26 и 27 Женѣ, Погод. II, с.	98
здѣсь приводятся только двустрочные отрывки изъ писемъ.	
321. Августа 27. Брату	93
322—324. Августа 29, 30, 31. Женѣ, Погодинъ, II.	102
325. Сентября 19. Брату	94
326. Октября 11. Дмитріеву ...	152
327. » 16. Брату ¹⁾	95

328. Октября 16. кн. Вяземско- му П. А. Русск. Арх. 1866, вып. 2, стр. 229.	
329. Безъ помѣтн, кн. Вязем- скому ¹⁾ , <i>ibid.</i> с.	230
330. Октября 28. Дмитріеву ..	153
331. Ноября 12. Брату	96
332. » 14. кн. Вязем- скому, Р. А. 1866, с.	233
333. Ноября 26, Дмитріеву ...	154
334. Декабря 10. Брату	97
335. » 12. кн. Вяземско- му, Р. Арх. 1866, с.	234
336. Декабря 18. Дмитріеву ..	155

1813.

337. Января 14. Дмитріеву ..	156
338. » 21. Брату	98
339. » » Тургеневу, стр.	84
(см. отрывокъ изъ него въ книжкѣ Погодина «Карам- зинъ», II, 102) ²⁾ .	
340. Февраля 17. Дмитріеву ..	157
341. » » Малиновскому, въ особой книжкѣ «Пись- ма К. къ М-му»	1

по 20 окт. 1814 помѣщены въ 24 № Атеней, стр. 532—542.

¹⁾ Это письмо несомнѣнно 1812 и при- томъ должно быть поставлено позже слѣдующаго письма къ князю отъ 14 ноября, и это вотъ почему: въ ноябрьскомъ письмѣ Карамзинъ говоритъ: «московская бібліотека моя обратилась въ пепель: еще не знаю, что сдѣлалось съ книгами, отправленными мною въ Остафьево. Хорошо, еслибы хотя онѣ уцѣлѣли»; а въ предыдущемъ, прежде напечатанномъ письмѣ говоритъ: «не перестаю жалѣть о своей бібліотекѣ; радуюсь, что ваша цѣла, равно какъ и мои остафьевскія книжки». Вѣдь это прямой отвѣтъ на прежнее недоумѣніе.

²⁾ Это письмо есть и у Смирдина (III, 735), но въ изданіи Смирдина читаемъ: наша армія оставила Москву въ жертву непріятелю; у Погодина читаемъ: «наша армія предала ее въ жертву непріятелю». (Погод. II, 102).

¹⁾ Письма къ брату отъ 16 окт. 1812
Сборн. II Отд. II. А. Н.

342. Февраля 26. Брату..... 99
 343. Марта 13. » 100
 344. » » Дмитріеву... 158
 345. » » кн. А. П. Оболенскому, Погод. II..... 109
 346—348. Три письма, безъ помѣты, Малиновскому, 2, 3, 4.
 349. Апрѣля 2. Брату..... 101
 350. » 23. кн. А. П. Оболенскому, Погод. II, 109—110.
 351. Апрѣля 30. Дмитріеву... 159
 352. Мая 6. Селивановскому, Библ. З. 1858, с. 581, № 1.
 353—354. Безъ помѣты, Селивановскому, 2 и 3.
 355. Мая 15. Брату..... 102
 356. » 20. Дмитріеву..... 160
 357. » 28. Брату..... 103
 358. Іюня 15. Дмитріеву..... 161
 359. » 21. Импер. Марія, Погод. II..... 112
 360. Іюня 21. Дмитріеву (въ книгѣ: іюля ошибочно)... 162
 361. Іюня 27. Брату..... 104
 362. Іюля 1. Брату..... 105 (въ Атенеѣ опечатка: Іюня)
 363. Іюля 6. Дмитріеву..... 163
 364. » 10. » 164
 365. » » Жувовскому, Р. Арх. 1868. с. 1829
 366. Августа 18. Тургеневу¹⁾ с. 95
 367. Сентября 2. Брату..... 106
 368. Октября 6. » 107
 369. Ноября 2. Тургеневу, с. 96
 370. » 12. Гречу, Р. Арх. 1869, с. 1723.
 371. Ноября 29. Екатеринѣ Павловнѣ, в. кн., Пензд. Соч., стр. 111.
 372. Декабря 2. Брату..... 108
 373. » 8. Гречу, Р. Арх. 1869 г. 1724.
 374. Декабря 17. Брату..... 109
 375. Къ концу декабря надо отнести первую записку къ Калайдовичу, см. Письма К. Дм. стр. 444 и 0176
- 1814.
376. Генваря 12. Тургеневу¹⁾ стр. 97
 377. Февраля 10. Брату..... 110
 378. » 23. Дмитріеву.. 165
 379. Марта 19. » .. 166
 380. » 25. Брату..... 111
 381. » 30. Дмитріеву... 167
 382. Апрѣля 14. Брату..... 112
 383. » 20. Дмитріеву... 168
 384. » 21. Брату..... 113
 385. Мая 11. Дмитріеву..... 169
 386. Іюня 13. Брату..... 114
 387. » 15. Дмитріеву..... 170
 388. » 27. Тургеневу стр. 97 (письмо напечатано прежде генварьскаго)
 389. Іюня 30. Дмитріеву,.... 171
 390. Іюля 5. Брату... .. 115
 391. Іюля 11. Нелединскому, Москвит. 1847, II..... 131
 392. Іюля 12. Дмитріеву..... 172 (у Погодина (II, 117—119) оба эти письма отнесены къ іюню: новья ошибки!)
 393. Іюля 15. Тургеневу стр. 97 (въ текстѣ: іюня, а въ оглавленіи: іюля: такъ и быть должно: см. Погод. II. 119).
 394. Августа 25. Брату..... 116
 395. Сентября 9. Дмитріеву.. 173
 396. » 21. Тургеневу, стр. 98

¹⁾ Въ Москвитянинѣ число надъ письмомъ не обозначено, но оно есть въ оглавленіи писемъ, тамъ же, стр. 77). Тоже письмо въ книгѣ Погодина (II, 113) обозначено: августа 8-го, а не 18-го (?!).

¹⁾ Въ Москвитянинѣ, въ оглавленіи писемъ пропущено; въ текстѣ нарушенъ порядокъ мѣста. Вообще погодинскія изданія требуютъ зоркаго вниманія и осторожности.

397. Къ сентябрю 1814 г. нуж-
но огнести и вторую за-
писку къ Калайдовичу, см.
письма К. къ Д. стр. 444
и 0178.
398. Октября 20. Брату 117
399. Ноабра 17. Брату¹⁾. 118
400. Декабря 29. » 119

1815.

401. Генвара 21. Тургеневу,
стр. 99
(такъ и у Погодина II,
117, а въ оглавленіи
Москвитянина стоитъ: 31
января.
402. Февраля 16. Брату 120
403. Апрѣля 12. Полторацкому
Дм., Сѣв. Пчела 1846, №
24.
404. Апрѣля 20. Брату. 121
405. Мая 31. » 122
406. Юля 24. » 123
407. Сентября 9. Тургеневу, стр. 99
408. » 20. Брату. 124
409. Октября 20 Тургеневу, стр. 100.
410. » 24. Брату. 125
411. Ноября 14. » 126
412. » 17. Тургеневу²⁾
стр. 101
413. Ноября 28. Брату. 127
414. Декабря 21. » 128
415. » 28. » 129
416. Безъ помѣты, в. кн. Ека-
теринѣ Павловнѣ, «Неизд.
Сочин.» стр. 117—120.

1816.

417. Января 19. Брату. 130

¹⁾ Съ 17 ноября 1814 по 8 авг. 1816 г.
письма къ брату помѣщены въ 25 №
Атеней стр. 598 — 606.

²⁾ Надъ письмомъ помѣты нѣтъ, но
она указана въ оглавленіи; тоже у
Смирдина, III, 737. Письмо адресовано
изъ Остафьева, а не изъ Нижняго, какъ
показано въ оглавленіи Москвитянина,
на 77-й страницѣ.

418. Января 20. Малиновскому 5
419. Февраля 3. Женѣ, Неизд.
Соч., стр. 141
420. Февраля 7 и 8 ей же, тамъ
же, стр. 142
421. » 11. » 145
422. » 14. » 146
423. » 15. Дмитріеву. 174
424. » 18. Женѣ. 148
425. » 22. » 151
426. » 24. и 25 ей же 154
427. » 28. » 158
428. » 29. » 161
429. Марта 1. » 162
430. » 2. » 163
431. » 6 и 7. » 167
432. » 10. » 171
433. » » 174
434. » 13. » 175
435. » 16 и 17. » 179-180
436. » 21. » 181
437. » 29. Муравьевой,
(Р. Арх. 1867) письмо 1
438. Марта 30. Тургеневу с. 102
439. Апрѣля 4. Брату. 131
440. » 13. Тургеневу, с. 103
441. » 14. гр. С. П. Ру-
мянцову, Р. Арх. 1869, №
3, л. 1
442. Апрѣля 20. Тургеневу, с. 104
443. Мая 8. » 105
444. » 16. Брату. 132
445. » 24. Тургеневу, Мо-
сквит. № 23—24, с. 188
446. Мая 25. Малиновскому. 6
447. » » Дмитріеву. 175
448. Въ концу мая относится
письмо къ Селивановско-
му, Библ. Зап. 1858, с. 582,
№ 4.
449. Юня 8. Дмитріеву. 176
450. » » Малиновскому. 7
451. » 12. Брату. 133
452. » 27. Селивановскому,
стр. 582 5
453. Юня 27. Дмитріеву. 177
454. Юля 4. Малиновскому. 8

455. Юля 18. Дмитріеву 178
 456. Августа 2. Малиновскому 9
 457. » 3. Дмитріеву . . . 179
 458. » 8. Брату 134
 459. » 10. Жуковскому,
 Р. Арх. 1869 с. 1383.
 460. Августа 18. Тургеневу . . 105
 461. » 21. Дмитріеву . . . 180
 462. Къ августу 1816 г. отно-
 носимъ письмо Селиван-
 новскому, стр. 583., ... 6
 463. Сентября 1. Малиновско-
 му 10
 464. » 5. Селивановскому
 с. 583 7
 465. Сентября 12. ему же, тамъ
 же 8
 466. Сентября 12. Дмитріеву . 181
 467. Октября 1. Дмитріеву . . . 182
 468. » 12. Малиновскому 11
 469. » 14. Неизвѣстному
 (Запискядля имп. Алексан-
 дра), Р. Арх. 1866, стр.
 1765.
 470. Октября 20. Брату ¹⁾ . . . 135
 471. » 26. Дмитріеву . . 183
 472. Ноября 2. » . . . 184
 473. » 6. Малиновскому. 12
 474. Декабря 3. Дмитріеву . . 185
 475. » 10. Брату 136
 476. » средннхъ чиселъ,
 Дмитріеву, приписка при
 письмѣ жены, въ книгѣ,
 «Письма К. къ Дм.» стр.
 088.
 477. Декабря 25. Дмитріеву . . 186
 478. » 31. » . . . 187
 479. » » Малиновскому 13
- 1817.
480. Генваря 13. Импер. Алек-
 сандру, Записки Имп. Акад.
 Научъ т. XI, кн. 2, с 227
481. Генваря 18. Дмитріеву . . . 185
 482. » 27. Малиновскому 14
 483. Февраля 5. Дмитріеву . . . 189
 484. » 12. Малиновскому 15
 485. » 16. Брату 137
 (у Смирд. III, 725, ф. 18)
 486. » 18. Жуковскому,
 Р. Арх. 1869 с. 1385.
 487. » 26. Дмитріеву . . . 190
 488. Марта 12. » 191
 489. » 26. » 192
 490. » 27. Брату 138
 491. Апрелья 23. Дмитріеву . . 193
 492. Мая 6. Малиновскому . . . 16
 493. » 22. Брату 139
 494. » » Дмитріеву 194
 495. Юня 6. » 195
 496. » » Малиновскому . . . 17
 497. Юля 3. Дмитріеву 196
 498. » » Малиновскому . . 18
 499. » 17. Дмитріеву 197
 500. » 22. Муравьевой . . . 2
 501. Августа 3. Дмитріеву . . . 198
 502. » 14. Брату 140
 503. » 21. Дмитріеву 199
 504. » 24. Жуковскому,
 505. » и 25. Жуковскому,
 Р. Арх. 1868, письма
 5 и 6, стр. 1829—1830 ¹⁾
 506. Сентября 2. Селиванов-
 скому, Библ. Зап. с. 583. 9
 507. Сентября 26. Малинов-
 скому 19
 508. Сентября 26. Дмитріеву. 200
 509. Октября 15. Дмитріеву . . 201
 510. » 26. Брату 141
 511. » 27. Селиванов-
 скому, Б. З. 584., ... 10
 512. Ноябрь 1. Дмитріеву 202
 513. » » Жуковскому, Р.
 Арх. 1868, п. 7
 514. Ноябрь 22. Дмитріеву . . . 203
 515. » 29. Малиновскому 20

¹⁾ Письма къ брату съ 20 окт. 1816 по 27 янв. 1819 помѣщены въ 26 № Ате-
 нея, стр. 652 — 662.

¹⁾ Въ Р. Архивѣ ошибочно относятся
 эти письма къ 1816; въ нихъ указы-
 вается 26 августа какъ день воскре-
 сный, а это было именно въ 1817 году

516. Декабря 10. Дмитріеву.. 204	543. Мая 9. Дмитріеву..... 213
517. » 24. Малиновскому. 21	544. » 13. Малиновскому... 25
518. » » Дмитріеву..... 205	545. » 16. Дмитріеву..... 214
519. » 27. Брату ¹⁾ 142	546. » 22. Селивановскому
520. Безъ помѣты, Сень Тома и Жофре, Погод. II, 259. Намъ думается, что оно 1818 г.	585,..... 15
1818.	
521. Генваря 2. Жуковскому, Р. Арх. 1868... 8	547. Іюня 4. Дмитріеву..... 215
522. Генваря 3. Дмитріеву... 206	548. » 10. Брату..... 145
523. » 24. Имп. Елизаветѣ 1	549. » 13. Дмитріеву. ... 216
524. » 28. Дмитріеву ... 207	550. » 17. Селивановскому
525. Къ январю относится пись- мо его къ Уварову, С. Отеч. 1818, ч. 44. с 79	586,..... 16
526. Въ первыхъ числахъ Фе- враля, Селивановскому, Б. 3. 584, п. 11.	551. Іюня 17. Малиновскому.. 26
527. Февраля 12. Брату 143	552. » 20. » .. 27
528. » » Малиновскому 22	553. » 27. Дмитріеву..... 217
529. » 13. Дмитріеву.. 208	554. Іюля 4. Брату..... 146
530. » 21. » ... 209	555. » 11. Дмитріеву..... 218
531. » 27. Малиновскому. 23	556. » » Малиновскому.. 28
532. Въ началѣ марта, Селива- новскому, 584,..... 12	557. » » Калайдовичу ¹⁾ .. 3
533. Марта 11. Дмитріеву.... 210	558. » 18. Соколову, Письма К. къ Дм., 0113
534. » » Жуковскому. 9	559. Августа 2. Дмитріеву... 219
535. » 25. Малиновскому. 24	560. » 15. Малиновскому. 29
536. Въ Мартѣ гр. Каподистрія, Погод. II, 339.	561. » 22. Дмитріеву.... 220
537. Апрѣля 8. Брату..... 144	562. » 26. Селивановскому
538. » » Дмитріеву 211	586,..... 17
539. » » Селивановскому	563. Августа 27. Брату..... 147
584,..... 13	564. » 29. Строеву, Барсу- ковъ, с..... 42—43
540. Апр. 8 гр. Каподистрія (о Н. Н. Бантышѣ Каменс- комѣ), Р. Стар. 1871, т. II. с. 526	565. Въ Сентябрѣ Имп. Маріи, Погод. II,..... 217
541. Апрѣля 29. Дмитріеву... 212	566. Сентября 11. Дмитріеву.. 221
542. Мая 6. Селивановскому	567. » » Малиновско- му..... 30
585,..... 14	568. Сентября 20. Калайдовичу 4
	569. » 30. Селиванов- скому 587,.... 18
	570. Въ Октябрѣ, Селиванов- скому 587,..... 19
	571. Октября 10. Дмитріеву.. 222
	572. » » Малиновско- му..... 31
	573. Октября 21. Брату..... 148
	574. Ноября 6. Кривцову, Погод. II,..... 333

¹⁾ Смирд. III, 728 — 729 есть нѣчто, чего нѣтъ въ Атенѣ.

¹⁾ Письма къ Калайдовичу указы-
ваемъ по книгѣ «Письма К. къ Дм.»,
стр. 444 и слѣд.

575.	Ноября 6. Дмитріеву....	223
576.	» 28. »	224
577.	» » Малиновскому.	32
578.	» » Калайдовичу..	5
579.	Декабря 19. Брату.....	149
580.	» 26. Дмитріеву..	225
581.	Безъ помѣты, Муравьевой	3

1819.

582.	Генваря 12. Дмитріеву..	226
583.	» 27. » ..	227
584.	» » Брату.....	150
585.	Февраля 9 Дмитріеву....	228
586.	» 10. Малиновскому.	33
587.	» 28. Дмитріеву....	229
588.	Марта 7. Малиновскому.	34
589.	» 31. Дмитріеву.....	230
590.	Апрѣля 2. Брату ¹⁾	151
591.	» 4. Малиновскому.	35
592.	» 21. Дмитріеву.....	231
593.	Мая 1. Дмитріеву.....	232
594.	» » Малиновскому. .	36
595.	» » Калайдовичу....	6
596.	» 13. Дмитріеву.....	233
597.	» 15. Брату.....	152
598.	» 27. Дмитріеву.....	234
599.	Іюня 10. Брату.....	153
600.	» 13. Дмитріеву.....	235
601.	» » Малиновскому..	37
602.	» 20. Дмитріеву.....	236
603.	» 27. Муравьевой....	4
604.	Іюля 7. Калайдовичу....	7
605.	» 8. Дмитріеву.....	237
606.	» 11. »	238
607.	» 18. Брату.....	154
608.	Безъ числа, Кривцову, Погод. II.....	333—335
609.	Августа 1. Дмитріеву....	239
610.	» 26. Малиновскому.	38
611.	Сентября 5. Брату.....	155
612.	» 12. Дмитріеву... ..	240
613.	Октября 6. » ..	241
614.	» 20. Батюшкову, Смирд. III,....	700

¹⁾ Письма къ брату отъ 2 апрѣля 1819 по 10 сентября 1821 см. въ 27 № Атеней, стр. 56 — 66.

615.	Октября 20. Дмитріеву..	242
616.	Ноября 3. » ..	243
617.	» 21. » ..	244
618.	» 24. Малиновскому.	39
619.	» » Калайдовичу ¹⁾ .	8
620.	Въ Декабрѣ относится письмо Карамзина къ Хо- даковскому, Москвит. 1843. I,.....	273
621.	Декабря 15. Дмитріеву..	245
622.	» 16. Малиновскому.	40
623.	» 24. Брату.....	156
624.	» 29. Дмитріеву....	246

1820.

625.	Генваря 12. Дмитріеву..	247
626.	» 26. » ..	248
627.	Февраля 20. » ..	249
628.	» » Малиновскому	41
629.	Марта 1. » ..	42
630.	» 20. Дмитріеву.....	250
631.	» 26. Брату.....	157
632.	Апрѣля 1. Дмитріеву....	251
633.	» » Тургеневу, с. .	106
634.	» 11. кн. А. Н. Го- лицыну. Р. Арх. 1869. с.	618
635.	Апрѣля 19. Дмитріеву... ..	252
636.	Мая 14. » ..	253
637.	Въ половинѣ Мая, Турге- неву, Москвит. 1855, № 23—24, с.	186
638.	Мая 17. Имп. Елисаветѣ, Неизд. Соч., с.	40
639.	Мая 25. Брату.....	153
640.	» » Малиновскому..	43
641.	Іюня 7. Дмитріеву.....	254
642.	» 14. Муравьевой. . . .	5
643.	» 18. Брату.....	159
644.	» 21. Дмитріеву.....	255
645.	Іюля 9. » ..	256
646.	Іюля 26. имп. Елисаветѣ стр.	42

¹⁾ Въ Читеніяхъ Общ. Истор. и Древн. Росс. (1862, кн « 3, отд. 1, стр. 118, № 27) письмо это отнесено къ 1823 г. несправедливо.

647.	Юля 30. Ей же.....	43
648.	Августа 27. Дмитріеву..	257
649.	» » Малиновско- му.....	44
650.	Сентября 20. Дмитріеву .	258
651.	» 28. » ..	259
652.	Октября 19. » ..	260
653.	Ноября 11. » ..	261
654.	» 28. » ..	262
655.	» » Брату.....	160
656.	» » бурмистру Ива- нову, Погод. II.....	437
657.	Декабря 10. Малиновско- му.....	45
658.	» 20. Дмитріеву...	263

1821.

659.	Генваря 3. Дмитріеву...	264
660.	» 25. »	265
661.	» 30. Малиновско- му.....	46
662.	Февраля 3. гр. Толстому, Письма К. къ Дм., стр. 0184.	
663.	Февраля 17. Брату.....	161
664.	» 27. Дмитріеву	266
665.	Марта 3. Малиновскому.	47
666.	» » Калайдовичу..	9
667.	» 10. Малиновскому	48
668.	» » Дмитріеву ...	267
669.	» 15. имп. Елисаветѣ	46
670.	» 20. » » с.	47
671.	» 31. Дмитріеву....	268
672.	Апрѣля 4. Малиновскому.	49
673.	» 11. Дмитріеву....	269
674.	Мая 2. »	270
675.	» 24. »	271
676.	» » Брату.....	162
677.	» » Малиновскому...	50
678.	» 26. в. кн. Констан- тину Павловичу, Р. Арх. 1868, с. 290.	
679.	Юня 10. Дмитріеву.....	272
680.	» 13. Калайдовичу...	10
681.	» 28. Дмитріеву.....	273
682.	Юля 9. в. кн. Констан- тину, Р. Арх. 1868, стр..	291

683.	Юля 14. Дмитріеву.....	274
684.	» 26. Брату.....	163
685.	Августа 2. Дмитріеву....	275
686.	» » Малиновскому.	51
687.	» 15. Дмитріеву...	276
688.	» 27. имп. Елиса- ветѣ, с	48
689.	Августа 30. Дмитріеву...	277
690.	Безъ числа, Тургеневу, Москвит. 1885 № 23—24, с. 188.	
691.	Сентября 1. имп. Елиса- ветѣ.	с. 49
692.	Сентября 5. ей же . . .	с. 50
693.	» » Муравьевой .	6
694.	» » Балашову, Смирд. III.....	705
695.	Сентября 10. Брату....	164
696.	» 14. Муравьевой	7
697.	» 30. Брату ¹⁾ ...	165
698.	» » Дмитріеву...	278
699.	» » Малиновско- му.....	52

700.	Октября 7. Муравьевой..	8
701.	» 18. Бурмистру, Погод. II, 438.	
702.	Октября 21. Дмитріеву..	279
703.	Ноября 14. » ...	280
704.	Декабря 5. Малиновскому	53
705.	» 21. Дмитріеву...	281

1822.

706.	Генваря 2. Дмитріеву...	282
707.	» 9. »	283
708.	» 16. Брату.....	166
709.	» 19. бурмистру Иванову, Погод. II, 439.	
710.	Генваря 29. Малиновско- му... ..	54
711.	Февраля 9. Дмитріеву...	284
712.	» 27. »	285
713.	» » Калайдовичу..	11
714.	Марта 23. бурм. Иванову, Погод.	440

¹⁾ Письма къ брату отъ 30 сент. 1821 до конца переписки — въ 28 № Атenea, стр. 110 — 118.

782. Сентября 6. Муравьевой. 14	810. Апрель 7. Дмитріеву... 322
783. » 11. Дмитріеву.. 313	811. » 22. » 323
784. » 24. » 314	812. » 25. Калайдовичу... 14
785. Окт. 4. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI..... 65	813. Въ апрѣлю относимъ пись- мо къ вн. Оболенскому, Хроника, с. 256
786. Октября 5. Калайдовичу. 13	814. Мая 18. Тургеневу, Мос- квит. 1855, № 23—24, 1) с..... 180
787. » » Писареву, «Жизнь Строева», с..... 74	815. Мая 20. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 69.
788. Октября 18. Дмитріеву.. 315	816. Мая 20. Дмитріеву..... 324
789. » 21. В. Измайлову, Р. Арх. 1869.....599—600	817. » 22. Тургеневу, с.... 181
790. Ноября I. Муравьевой 15 (думается, что это письмо 1824 г.: на него есть ссыл- ка въ слѣдующемъ письмѣ отъ ноября 1824 года).	818. » 23. » 181
791. Ноября 27. Дмитріеву... 316	819. » 25. » .... 182 (въ оглавленіи пропущено).
792. Декабря 1. Брату..... 171	820. Мая 25. А. С. Шишкову, Р. Стар. 1874, XI, 70.
793. » 3. Малиновскому. 64	821. Мая 26. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 70.
794. » 11. Имп. Елисаветѣ, стр..... 57	822. Мая 27. Писареву, Труды О. И. Др. 1827, III..... 84
795. Декабря 14. Имп. Елиса- ветѣ, стр. 58	823. Мая 30. Калайдовичу... 15
796. Декабря 19. Бурмистру, Погод. II, 441; годъ не обозначенъ, но содержаніе письма намекаетъ на него.	824. Іюня 8. Тургеневу стр.. 182
1824.	
797. Генваря 1. Дмитріеву... 317	825. » 13. Брату..... 173
798. » 21. » ... 318	826. » » Дмитріеву..... 325
799. » 22. Малиновскому. 65	827. Іюля 17. » 326
800. » 27. Кривцову, По- год. II, ... 335	828. Августа 3. Тургеневу, с.. 183
801. Февраля 4. Дмитріеву... 319	829. » 17. Брату..... 174
802. » 15. Малиновскому. 66	830. » » Дмитріеву... 327
803. » 18. Дмитріеву.... 320	831. » 27. Калайдовичу. 16
804. » 20. Малиновскому. 67	832. Сентября 4. Дмитріеву.. 328
805. Марта 5. Дмитріеву..... 321	833. Сент. 6. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 73.
806. » 10. Имп. Александру. стр. 29	834. Сент. 11. Сербиновичу, Р. Стар. 1874, XI, 73.
807. Марта 17. Брату..... 172	835. Сент. 15. Малиновскому. 68
808. » безъ числа, В. К. Константину, Р. Арх. 1868, с.....291—292	836. » 16. Калайдовичу.. 17
809. Апрель 7. Имп. Алексан- дру, с..... 31	837. » 20. Тургеневу, Р. Арх. 1866, с..... 656
	838. Сентября 20. Дмитріеву.. 329
	839. Октября 7. гр. С. П. Ру- мянцову..... 8

1) Письма Тургеневу отъ 18 мая 1824 и далѣе помѣщены въ 23—24 № Москв. 1855 г.

840. Октября 21. Дмитріеву..	330	867. Февраля безъ числа, Глин-	кѣ С. Н., Погод. П.,.....	400
841. " 24. Брату ¹⁾	175	868. Марта 8. ему же, Письма	К. къ Дм., с.....	441
842. " 31. Дмитріеву..	331	869. Марта 19. Дмитріеву....		340
843. Ноября 6. " ..	332	870. Апрѣля 3. "		341
844. " 8. Имп. Елисаветѣ.	61	871. " 17. Малиновскому.		71
845. " 9. " с..	62	872. " " Дмитріеву. ...		342
846. " 10. " ...	64	873. " 25. Погодину, Мо-	сквит. 1845, № 9, стр. 17,	
847. Ноября 11. Сербиновичу,			въ примѣчаніи ¹⁾).	
Р. Стар. 1874, XI, 74.		874. Апрѣля 27. Дмитріеву. . .		343
848. " безъ числа, Дмитріеву.	333	875. Мая 2. имп. Александру, с.		34
849. " 23. " .	384	876. " 29. имп. Елисаветѣ, с.		69
850. " " Тургеневу, с..	188	877. Іюня 3. " " с.		70
851. Въ концѣ Ноября Муравье-		878. " " Дмитріеву.....		344
вой.....	16	879. " 22. Брату.....		177
852. Декабря 2. Малиновскому.	69	880. Іюля 9. Дмитріеву.....		345
853. " 8. Дмитріеву... 335		881. " 10. "		346
854. " " Тургеневу ²⁾ .	190	882. " 11. имп. Елисаветѣ. .		71
855. " 29. Брату.....	176	883. " 27. Кривцову, Погод.	П.,.....	336
856. " 30. Дмитріеву... 336		884. Іюля 31. Дмитріеву.....		347
1825.				
857. Генваря 13. Имп. Елиса-		885. Авг. 7. Сербиновичу, Р.	Стар. 1874, XI.....	250
ветѣ.....	64	886. Авг. 19. Сербиновичу, Р.	Стар. 1874, XI.....	251
858. Въ тотъ же день имп. Ели-		887. Августа 19. Муравьевой.		17
саветѣ.....	66	888. Сентября 1. Арсеньеву,	Сборн. II Отд. т. IX, ...	40
859. Генваря 16. Тургеневу, с.	189	889. Сент. 1. Сербиновичу, Р.	Стар. 1874, XI.....	251
860. " 21. Дмитріеву..	337	890. Сентября 2. Дмитріеву..		348
861. " 25. Малиновскому.	70	891. " " Кривцову.	Погод. П.,.....	336
862. Февраля 18. Дмитріеву..	338	892. Сентября 3. гр. С. П. Ру-	мянцову.....	9
863. " безъ числа, Шпш-		893. Сентября 6. Тургеневу, с.	183; Смирд. III, 739; По-	
кову, Погод. П.,.....	399		год. II,.....	324
864. Февраля 20. Дмитріеву..	339	894. Сент. 21. Сербиновичу, Р.	Стар. 1874, XI.....	252
865. " 24. имп. Елиса-				
ветѣ.....	67			
866. Февраля 26. имп. Алек-				
сандру.....	32			

¹⁾ Въ Атенеѣ безъ помѣты; но въ письмѣ сказано: «вечера въ 9 ч. вечера Государь возвратился» (изъ путешествія по восточнымъ губерніямъ); днемъ возвращенія было 28 октября. У Смирдина и помѣта есть (III, 732).

²⁾ Въ журналѣ письмо это ошибочно отнесено къ 1825 году: въ письмѣ говорится о смерти М. И. Полетики, а оная умеръ 1824 года, см. «Письма К. къ Дм.» стр. 385.

¹⁾ Въ Биограф. Словарѣ профессоръ моск. университета, II, 240, ошибочно поставлена дата при этомъ письмѣ: марта, вм. апрѣля.

895. Сентября 24. Дмитріеву. 349	911. Генваря 11. кн. Шаликову, Погод. II,..... 474
896. Октября 5. имп. Александру, с. 35	912. Безъ помѣты, Тургеневу (последняя записка къ нему) стр. 185
897. Октября 6. имп. Елисаветѣ, с. 72	913. Марта 8. Дмитріеву (приписка)..... 354
898. Октября 22. Дмитріеву... 350	914. Марта 22. Дмитріеву... 355
899. Ноября 23 и 30 гр. Каподистрія, Журн. М. Н. Пр. 1835, № 1 (текстъ на франц., переводъ Жуковскаго); Утро 1866, с. 200; Непзд. Соч. стр. 133; помѣта необозначена, но она указываетъ отвѣтомъ гр. Каподистрія Карамзину, «Утро» 1866, стр. 202	915. " " имп. Николаю, Погод..... 477
900. Декабря 1. Дмитріеву... 351	916. Марта 26. Дмитріеву (приписка)..... 356
901. " 4. имп. Елисаветѣ, с. 77	917. Апрѣля 13. Петру Васильевичу (?) Погод..... 483
902. Декабря 7. Малиновскому 72	918. Апрѣля 16. Дмитріеву... 357
903. " 18. Тургеневу с. 184	919. " 18. " ... 358
904. " 19. Дмитріеву... 352	920. " безъ числа К. С. Сербиновичу, Погод. II, .. 488
905—906. Два письма имп. Елисаветѣ, безъ всякой помѣты, с. .... 79 и 82	921. Апрѣля 22. Малиновскому 73; Смпрд. III,..... 741
907. Декабря 31. Дмитріеву, Погод. II, 458 (въ «Письмахъ К. къ Д.» изд. 1866, мы его не встрѣчаемъ).	922. Апрѣля 28. Бурминстру, Погод..... 484
1826.	923. Апрѣля 29. имп. Александрѣ Феодоровнѣ, «Письма К. къ Д.» с. 442—443; Погод. 491; оно должно быть позднѣе слѣдующаго, которое относится къ Святой недѣлѣ (стр. 18—25).
908. Генваря 3. Дмитріеву... 353	924. Безъ помѣты, Императрицѣ А. Ѳ., тамъ же, стр. 443; Погод..... 488
909. " 4. Д. Языкову, Р. Арх. 1868, с. 1104.	925. Мая 15. имп. Николаю, Непзд. Соч. 130, помѣты нѣтъ, но она есть у Погодина, II,..... 497
910. Генваря 10. Брату 178 (въ Атенеѣ ошибочно: 1825).	

Предлагаемъ исправленіе нѣсколькихъ неточностей, вкравшихся при печатаніи писемъ Карамзина въ разныхъ изданіяхъ и при разсужденіяхъ объ нихъ.

I. Первое изъ напечатанныхъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву мы относимъ къ 1787 году (а не къ 1785), по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Если отнести письмо это къ 1785 г. (какъ думалъ Пекарскій, стр. 03), то какъ объяснить пробѣлъ въ два года между первымъ и вторымъ письмомъ! Предположить, что затеряны всѣ письма за два года — мудрено: съ своей охотою къ перепискѣ Карамзинъ вѣрно не одинъ десятокъ писемъ успѣлъ написать къ своему земляку и другу, а другъ такъ любилъ его, что не могъ утратить его писемъ за цѣлыхъ два года.

б) Поэма Хераскова «Возрожденный Владиміръ», о которой упоминается въ письмѣ, дѣйствительно вышла въ первый разъ въ 1785 г., но было изданіе ея и въ 1787 г. (Сопик. IV, 8640) и весьма возможно предположить, что рѣчь идетъ объ этомъ — *второмъ* изданіи, а не о первомъ.

Въ тѣ годы литературныя новости не такъ-то широко распространялись, чтобы можно было знать объ нихъ задолго до ихъ *перваго* изданія, и Дмитріевъ могъ говорить только о *второмъ ожидаемомъ* изданіи.

в) Въ связи съ этимъ первымъ письмомъ напечатаны стихи, надъ которыми стоитъ помѣта: *1787 годъ*. Стихи эти имѣютъ тѣснѣйшую связь съ содержаніемъ перваго письма: въ немъ говорилось: «въ письмѣ вашемъ восклицаніе открываетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторымъ образомъ неудовольствіе ваше на настоящую участь вашу; но позволь мнѣ, любезный другъ, сказать, что независящее отъ насъ самихъ не должно угнетать насъ». Прочтите теперь стихотвореніе, особенно слѣдующій отрывокъ:

Но ты долженъ постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь можешь, утѣшаться,
Меньше мучить самъ себя.

и вы непременно убѣдитесь въ очевидной одновременности прозы и стиховъ. А если стихи помѣчены 1787 годомъ, то гдѣ-же основаніе относить письмо, при которомъ они приложены, къ 1785 году?

II. Къ тому-же году, именно къ концу сентября относимъ

второе письмо Карамзина къ Дмитріеву, такъ какъ въ началѣ письма Карамзинъ поздравляетъ своего друга со вступленіемъ въ новыи годъ жизни, а Дмитріевъ родился 10 сентября 1760.

III. Печатаемая въ Атеней 1858 г. переписка Карамзина съ братомъ его, г. Колбасинъ говоритъ (№ 19, с. 194), что имъ печатается 179 писемъ; а г. Лонгиновъ (Р. Арх. 1864, с. 868) утверждаетъ, что тамъ напечатано 180 писемъ. Оба показанія эти ошибочны: въ 1-хъ, *вовсе нѣтъ 71-го письма*; во 2-хъ, письма подъ №№ 179 и 180 адресованы вовсе не къ брату, а къ графу Каподистрія и Дмитріеву: стало быть, вновь напечатано въ Атеней писемъ Карамзина 177. Къ нимъ надо прибавить 8 прежнихъ изъ Московскаго Сборника, да два изъ Смирн. изданія (29 іюля 1797 г. и 7 апрѣля 1798), наконецъ одно при переводѣ поэмы Галлера.

IV. Подъ № 179 въ Атеней помѣщенъ отрывокъ изъ письма Карамзина къ гр. Каподистрія отъ 23 ноября 1825 г., съ грубою ошибкой: «я старѣюсь, *не уставая*, вмѣсто: *неуная*.» Подъ № 180 въ Атеней помѣщенъ отрывокъ изъ письма къ Дмитріеву, относящійся къ 1824 г., а не къ 1826 (см. 330-е письмо въ книгѣ «Письма К. къ Дм., стр. 380 — 381); стало быть, письмо это писано за *годъ и семь мѣсяцевъ* до смерти Карамзина, а не за *нѣсколько мѣсяцевъ*, какъ утверждали въ Атеней.

V. Помѣта надъ письмомъ Карамзина къ гр. Каподистрія, сдѣланная въ «Утрѣ» 1866, (стр. 200): «*Бернъ 8 (20) января 26*» совершенно ошибочна. Во 1-хъ, Карамзинъ въ это время былъ въ Спб. (да и вовсе не ѣздилъ въ другой разъ за границу), а во 2-хъ, въ своемъ письмѣ онъ говоритъ только о *болѣзни* импер. Александра, тогда какъ о смерти его знали въ Спб. еще 27 ноября, и наконецъ, въ 3-хъ, отвѣтное письмо гр. Каподистрія («Утро». с. 202) въ первой же строкѣ своей положительно указываетъ на день Карамзинскаго письма, именно на *23 ноября*, съ припискою отъ 30-го. Помѣта же «*Бернъ*» и проч. относится, конечно, къ отвѣтному письму гр. Каподистрія, см. подлинникъ тамъ же, на стр. 209.

VI. Писемъ къ А. И. Тургеневу помѣщено въ Москвитянинѣ 1855 (№№ 1 и 23—24) — 40, да дополненій 12, стало быть всего 52, а не 50, какъ показываетъ г. Лонгиновъ (Р. Арх. 1864, с. 868). Г. Лонгиновъ не замѣтилъ, что въ оглавленіи писемъ пропущены письма: отъ 12 генваря 1814 г. и отъ 25 мая 1824 г. (см. ихъ въ 1 № стр. 97 и въ 23—24 №, стр. 182). Въ 23—24 №, на стр. 186—188, помѣщены пять записокъ Карамзина, время которыхъ мы не могли опредѣлить. Такъ какъ записки въ журналѣ не перенумерованы, то, для яснаго указанія ихъ, намъ приходится сослаться на первыя слова этихъ записокъ: «*Съ великою...* (стр. 186); *Чего... Вотъ... Здравстуйте* (187), *Отъ сердца*» (188).

VII. Въ изданіи Смирдина (III, 703—704) помѣщены «Нѣсколько мыслей (изъ писемъ къ А. И. Тургеневу); издатели даже того не замѣтили, что мысли эти встрѣчаются въ томъ же самомъ томѣ, на стр. 737, 738, 739 и 740. Двѣ страницы напечатаны *одвойнѣ*. Остальные отрывки взяты изъ писемъ 18 августа 1813 года и 12 декабря 1809 г.; откуда взять послѣдній отрывокъ — не знаемъ. Четыре письма къ нему, напечатанныя на стр. 735—740, въ оглавленіи тома вовсе не показаны. Письма эти напечатаны и у Смирдина и въ Москвитянинѣ крайне небрежно.

VIII. Письма къ Муравьеву перепечатаны въ изданіи Смирдина (III, 680—699) съ пропусками и безъ любопытнаго примѣчанія ко 2 письму, и потому справедливо можно считать ихъ какъ бы не существующими въ изданіи Смирдина; необходимо обратиться за ними въ Москвитянинѣ 1845, ч. 1, стр. 1—16, или къ рукописямъ.

IX. Писемъ къ Калайдовичу оказывается 17 (а не 14, какъ показываетъ г. Лонгиновъ въ своей статьѣ): 16 напечатаны въ «Чтеніяхъ» 1862, кн. 3, стр. 112—120, а 17-е въ Русскомъ Зрителѣ 1828, ч. 1, с. 29 и оно не вошло въ «Чтенія», какъ утверждаетъ г. Лонгиновъ. Въ реестрѣ бумагъ Калайдовича (Чтенія, стр. 201—206) указано нѣсколько писемъ его къ Ка-

рамзину, съ которыми любопытно бы справиться, при изданіи полной переписки Карамзина. Они хранятся въ древлехранилицѣ Погодина, поступившемъ въ Имп. П. Библиотеку (№№ реестра въ «Чтеніяхъ»: 3, 78, 86—88 и 105).

Х. Не знаемъ точно, къ какому году, мѣсяцу и дню относятся два письма къ Полторацкому, напечатанныя въ Сѣв. Пчелѣ 1846, №№ 19 и 45 и въ Иллюстраціи 1846, т. II, стр. 129 и 177. Эти указанія мы находимъ въ замѣткѣ А. Н. Аванасьева (Библиогр. Зап. 1858, № 19, с. 580). Г. Лонгиновъ говоритъ, что письма къ Д. М. Полторацкому помѣщены въ Иллюстраціи 1846 г. въ № 9, но при этомъ не указываетъ ни мѣсяца, ни года, когда они писаны, ни тома, ни страницы, гдѣ они напечатаны, не упоминаетъ о Сѣв. Пчелѣ 1846 г. № 19 и 45, не говоритъ даже, сколько же наконецъ этихъ писемъ было (Р. Арх. 1866, стр. 1775). Наконецъ встрѣчаемъ еще третью ссылку — на Сѣв. Пчелу 1846, № 24, гдѣ помѣщено письмо къ Полторацкому отъ 12 апрѣля 1815 г. (См. Письма К. къ Дм., примѣчанія, стр. 080). Только этой ссылкой мы и воспользовались. И для насъ остается вопросомъ: сколько же писемъ къ Полторацкому?

XI. Изъ напечатанныхъ уже писемъ Карамзина и изъ другихъ источниковъ видимъ, что онъ писалъ къ имп. Маріи, Карамзину, Кругу, Кушникову, Новикову, В. Пушкину, къ г. Хованскому... гдѣ-жъ они, эти письма?

XII. Въ книгѣ Погодина приведено множество писемъ и извлеченій изъ писемъ; но къ величайшему сожалѣнію, письма эти приведены иногда такъ невнимательно и вообще вся книга напечатана такъ неаккуратно, что пользоваться ею надо съ величайшею осторожностію. Не говоримъ уже объ опечаткахъ въ родѣ іюня вм. іюля и наоборотъ, или 12 вмѣсто 21 (числовымъ опечаткамъ нѣтъ счету); но вотъ рядъ однихъ только грубѣйшихъ ошибокъ:

Часть 1, стр. 46, послѣ 12 строчки пропущенъ цѣлый стихъ:
«Я вздумалъ философствовать».

стр. 199	вм. <i>пришли</i>	надо	прими
» 209	» идею	»	пиесю.
» 384	«Супруга Николая Михайловича скончалась 4 апрѣля 1802 г.»		Не можетъ быть: въ письмѣ отъ 15 апрѣля о ней говорится еще какъ о живой.

Часть 2, стр. 167, въ письмо къ Дмитріеву включено письмо къ брату (съ конца страницы).

стр. 172	вм. <i>мѣсяць</i> два,	надо:	<i>черезъ</i> два
» 174	» <i>масы</i>	»	<i>мнѣ</i>
» 176	» на него	»	на меня
» —	» <i>свѣжими</i>	»	<i>важными</i>
» 177	пропущено слово <i>думаю</i>		
» 179	» » <i>умышленно</i>		
» 212	вм. <i>Дмитріева</i> ,	надо:	<i>Малиновскаго</i>
» 214	» <i>приближенъ</i>	»	<i>прибѣженъ</i>
» 232	» <i>августа</i>	»	<i>апрѣля</i>
» 317	» <i>ноября 10</i>	»	<i>декабря 8</i>
» 348	» <i>пріѣхалъ</i> меня	»	<i>пріѣхалъ</i> сюда до мая
» 349	» <i>неумолимой</i>	»	<i>неодолимой</i>
» 371	» въ концѣ <i>августа</i>	»	<i>1 сентября</i>
» 380	» <i>пріемъ</i>	»	<i>пріязни</i>
» 392	» въ устахъ	»	въ <i>умахъ</i>
» 401	» <i>нравственное</i>	»	<i>правительственное</i>
» 409	пропущено: « <i>мѣсто</i> губернаторское на выборъ»		
» 467	вм. <i>мы</i>	надо:	<i>мой</i>
» 491	» <i>mais</i>	»	<i>ami</i>
» 503	» <i>мнѣ</i>	»	<i>имъ</i>

Вотъ такъ опечатки! И это только важнѣйшія!

XIII. Въ самомъ лучшемъ изданіи писемъ Карамзина, въ академической книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», также вкралось нѣсколько неточностей. Такъ какъ этой книгой безъ со-

миѣнія, всего чаще пользуются, то не лишнимъ будетъ указать въ ней замѣченныя нами несправности. И прежде всего надо замѣтить, что нѣкоторыя письма здѣсь напечатаны съ пропусками, напр. на стр. 119, 277, 287 (?), 308, 393. . . . (изъ нихъ нѣкоторые отрывки можно найти въ книгѣ Погодина). Нѣтъ цѣлаго письма отъ 31 декабря 1825 г., которое приводитъ Погодинъ (II, 458).

Стр.	132	вм. знанія	надо: званія
»	269	» 7-й	» 9-й
»	404	» болгарской	» болгаринской
»	452	» № 22	» 12
»	458	» ноября 10	» сентября 10
»	015	Нѣтъ послѣдняго стиха въ рѣчи Миноса.	
»	0150	Эта баллада вовсе не о старушкѣ на черномъ конѣ, а «Замокъ Смальгольмъ», см. Ж. М. Н. Пр. 1866, № 11, ст. Сухомлинова, стр. 37—47.	
»	0169	вм. 19 дек. того же года	надо: 19 дек. 1824
»	0176	» Маріи	» Александрѣ
»	0201	» Николаевна	» Михайловна.

Много числовыхъ ошибокъ въ указателѣ, но онъ конечно не будетъ перепечатываемъ въ изданіи всей переписки Карамзина, и потому нечего надъ нимъ останавливаться. Правду сказалъ Карамзинъ объ опечаткахъ: «проклятыя, — хоть какъ, такъ вкрадутся». (Стр. 92).

XIV. Укажемъ и свой недосмотръ: писемъ Карамзина къ Жуковскому мы насчитали 22, а ихъ всего 13, такъ какъ девять писемъ, помѣщенныхъ въ Русск. Архивѣ 1868 г., *перепечатаны* потомъ въ немъ же, въ 1870 году, безъ всякаго упоминанія объ этомъ.

XV. Какія письма Карамзина хранятся въ Имп. Публичной Библіотекѣ?

VII.

Указатель портретовъ, бюстовъ, автографовъ, снимковъ съ почерка и рисунковъ къ произведеніямъ Карамзина.

Портреты, писанные масляными красками:

1. Портретъ, работы Дамона, писанный въ 1805 году, находился у М. А. Дмитріева.
2. Портретъ К—на, въ пудрѣ, *малаго формата*, у М. П. Погодина, въ его «Портретной Галереѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1856, № 4, отд. 7, стр. 44); а большаго формата—неизвѣстно у кого.
3. Портретъ, работы Тропинина (1814), у г. Селивановской.
4. Портретъ, рисов. Варнекомъ.
5. Копія съ него, пис. Венеціановымъ, въ Академіи Наукъ.

Гравированные и литографированные портреты (пользуемся отчасти «Словаремъ» Ровинскаго).

1. При нѣмецкомъ переводѣ «Писемъ р. путешественника». Leipzig 1801. 8°. Küchnell dell H. Lips. sculp.
2. Копія съ предыдущаго. Engraved by Norwood (Ровинскій, стр. 68 и 199).
3. Копія съ пред., рис. Ф. Кинель, грав. Н. Соколовъ.
4. Собраніе русскихъ стихотвореній, изд. Жуковскаго, М. 1811 (съ крестомъ на шеѣ, плохой).
5. Новыя Мармонтелевы повѣсти. Изд. 2. М. 1815, съ раб. Тропинина, грав. А. Флоровъ.
6. При 2-мъ изданіи Исторіи Г. Росс., 1818, т. I. (Чертковъ I, 81), съ портр., писаннаго Варнекомъ, грав. Уткина.
7. Съ него копія на стали.
8. Тоже. С. В. Laguiche del. et direxit C. Lorichon.
9. Копія съ пред., грав. А. Флоровъ.
10. Собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1825, раб. Тропинина, грав. Уткинъ.
11. При Сѣв. Цвѣтахъ, рис. А. О. (Осиповъ?), гравиров. С. Галактіоновъ.

12. При книгѣ «Духъ Карамзина», изд. Н. Иванчинъ Писаревъ. М. 1827; портретъ грав. съ парижскаго; Карамзинъ въ мѣховой бекешѣ, со звѣздою.

13. При «Альбомѣ Сѣв. Музъ», альманахѣ на 1828 г., изд. А. Ивановскаго, съ Варнека, грав. М. Ивановъ.

14. При 8 томѣ Исторіи Г. Р., 1831, изд. Смирдина.

15. На объявленіи объ изданіи его Исторіи Эйнерлингомъ.

16. При 1 томѣ «Исторіи Г. Р.», изд. Эйнерлинга, грав. на стали въ Лондонѣ, 1842.

17. Въ медали на памятникѣ его, грав. К. Аванасьевъ.

18. При книгѣ А. Старчевскаго «Н. М. Карамзинъ. Спб. 1849», литографія К. Крайя.

19. При книгѣ «Письма К. къ Дм. Спб. 1866», съ портр., писаннаго Дамономъ (1805).

20. При книгѣ «Торжеств. собраніе Имп. Ак. Н. 1 декабря 1866, Спб. 1867». Литогр. Брезе. Карамзинъ въ 1816 г., съ раб. Варнека, въ копіи Венеціанова.

21. Приложение къ книгѣ Погодина «Н. М. Карамзинъ», М. 1866. Три портрета: а) въ молодости, по возвращеніи изъ путешествія; б) въ 1805 г., работы Дамона; подлинникъ находится у дочери, княгини Е. Н. Мещерской; в) съ портр. писаннаго Варнекомъ въ 1816 году.

22. При книгѣ «Симбирскій юбилей Карамзина» 1867.

23. Портретная Галерея, изд. А. Мюнстера, Спб. 1869, часть II-я.

24. Исторія р. литературы, П. Полеваго. 1878, стр. 425.

---

1. Бюсть въ Академіи Наукъ, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Карамзина.

2. Бюсть у М. П. Погодина, въ большомъ видѣ.

3. Снимокъ съ послѣдняго бюста, въ 1866, въ Академіи Наукъ.

4. Бюстикъ, работы Н. А. Степанова, 1853.

---

1. Снимки съ почерка 1781-г., 1800, 1816, 1826, при книгѣ «Письма К. къ Дм. Спб. 1866», при 421 стр.

2. Снимокъ съ письма А. А. Писареву, 1824, Труды и Лѣтописи Общества Истор. и Древн. Рос. ч. III, кн. 2, М. 1827. Хорошо литографированный снимокъ.

3. Fac-simile письма къ Калайдовичу, Русск. Зритель 1828, № 1 и 2.

4. Автографъ письма къ С. Н. Глинкѣ, 1825, у А. В. Никитенко.

5. Въ изданіи М. П. Погодина «Русскій Историческій Альбомъ», М. 1853, листъ 38, № 247; отрывокъ изъ черновой Исторіи Г. Р.

6. Автографъ Карамзина 1807, у Г. Н. Геннадя (см. Разсвѣтъ 1860, № 11).

7. Автобиографическая записка при сборникѣ «Утро», М. 1866, стр. 432.

То же, при книгѣ Погодина «Карамзинъ», въ особомъ приложеніи.

8. Два снимка съ черновыхъ листовъ Исторіи, изъ XI и XII т., при книгѣ Погодина.

9. Fac-simile письма къ Калайдовичу, Вѣстн. Европы 1866, т. IV.

---

1. Лизинъ прудъ—при отд. изданіи «Бѣдной Лизы». М. 1797.

2. Бесѣдка Карамзина, и

3. Лизинъ прудъ, два рисунка художника Панова, грав. Паннемакера, «Пчела», 1875, № 18, стр. 223.

Они же вошли въ «Исторію р. литературы, П. Полеваго, въ 3 изданіи 1878, стр. 430—431.

---

1. Рисунокъ памятника, Худож. Газета 1841, № 18; Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. 49.

2. Гравюры памятника Карамзину, сочинялъ С. Гальбергъ,

гравировалъ К. Аванасьевъ. Два листа при книгѣ «Торж. собраніе Имп. Акад. Наукъ 1 дек. 1866». Спб. 1867.

Къ слову объ изящныхъ искусствахъ, кстати было бы сказать и о музыкѣ на произведенія Карамзина, но намъ не удалось собрать о ней никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

IX.

Указатель статей о жизни Карамзина и вообще матеріаловъ для его біографіи.

Настоящій списокъ статей — о жизни Карамзина и слѣдующій — о сочиненіяхъ его имѣютъ между собою тѣсную связь. Почти во всякой статьѣ, гдѣ говорилось о жизни Карамзина, непременно ужъ заходила рѣчь и о его произведеніяхъ и его значеніи въ литературѣ. И на оборотъ: въ статьяхъ о его произведеніяхъ, нерѣдко разъяснялись разныя обстоятельства его жизни, его отношенія къ писателямъ. Строго разграничить эти статьи было бы задачей невыполнимой даже тогда, если бы всѣ эти источники были подъ руками, а у насъ ихъ и десятой доли нѣтъ. Тѣмъ не менѣе мы не рѣшились слить оба эти списка въ одинъ: обиліе указаній не позволило намъ этого сдѣлать. Это обиліе требовало какъ можно болѣе отчетливой группировки, однородности въ содержаніи, требовало удобствъ для пользованія списками; а все это достижимо только при наибольшемъ раздробленіи на отдѣлы, разумѣется — въ возможной системѣ. Въ настоящемъ списокѣ мы располагаемъ статьи по ходу жизни Карамзина; всѣ перепечатки указываемъ вмѣстѣ; надъ однородными статьями ставимъ заголовки, сразу указывающія, о чемъ именно идетъ рядъ статей; въ тѣхъ книггахъ, гдѣ нѣтъ своихъ указателей, указываемъ страницы. Къ обоимъ спискамъ (IX и X) и всѣмъ остальнымъ прилагаемъ алфавитный указатель лицъ, работавшихъ надъ Карамзиннымъ. Этотъ послѣдній указатель облегчитъ справки и дастъ возможность исправлять и дополнять самыя списки.

а) О родѣ Карамзинныхъ.

1. Въ особомъ приложеніи къ соч. *Погодина* «Карамзинъ», М. 1867, стр. 23; тутъ же и родословная Протасовыхъ.

2. Синодикъ 1670 г., археологическая замѣтка кн. *М. Оболенскаго*, Русск. Арх. 1869, стр. 1076.

б) О мѣстѣ рожденія Н. М. Карамзина.

3. *Погодина*, Москв. 1846, ч. II, № 4, матеріалы, стр. 114—116; перепеч. въ Оренб. Губ. Вѣдом. 1846, № 22, стр. 253, отд. неоффиц.; Журн. М. Н. Пр. 1846, ч. 50, № 6, отд. VII, стр. 39—40; Сѣв. Пчела 1846, № 145.

4. *Иолентьева*: «Нѣсколько извѣстій о селѣ Михайловкѣ, нынѣ Бузул. уѣзда, Самарской губ.» Симбирск. Губ. Вѣд. 1852, № 12; перепеч. Москв. 1852, № 12, июнь, кн. 2, Внутр. Изв., стр. 146.

5. *Дмитріева М. А.*; Моск. Вѣдом. 1857, Литерат. Отд. № 135; Журн. Мин. Нар. Пр. 1857, № 12, ч. 96, отд. VII, стр. 144; Русск. Арх. 1865, № 12, стр. 1534—1535.

6. *Пекарскаго П. П.*, Старинное извѣстіе объ имѣніи Карамзинныхъ: село Михайловка-Преображенское, см. «Письма Карамзина къ Дмитріеву». Спб. 1866, стр. 451—457.

в) О годѣ рожденія.

7. *Вяземскаго* кн., Вѣдом. Спб. Гор. Полиц. 1846, № 117; Спб. Вѣд. 1846, № 120. Сочин. кн. Вяземскаго, Спб. 1879, II, стр. 300.

8. *Полторацкаго С. Д.*, Матеріалы для словаря русскихъ писателей, Н. М. Карамзинъ 1766—1826. Достоверныя свѣдѣнія о годѣ рожденія Карамзина, Сѣверн. Пчела 1861, № 65; Отеч. Зап. 1865, августъ, кн. 2, № 16; Книжникъ 1865, № 12, стр. 711—714; Соврем. Лѣтопись 1865, № 44.

9. *Погодина*, Моск. Вѣдом. 1865, № 259.

10. *Дмитріева М. А.*, Русск. Вѣдом. 1865, № 134.

11. *Погодина*, Русск. Вѣдом. 1865, № 138.
12. *Дмитріева М.*, Отвѣтъ Погодину. Русск. Вѣдом. 1865, № 142.
13. *Лоннинова*, Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. О годѣ и мѣстѣ рожденія его. Р. Арх. 1865, № 12, стр. 1532—1534.
14. *Дмитріева М.*, Извлеченіе изъ частнаго письма къ П. И. Бартеневу, Русск. Арх. 1865, стр. 1535—36.
15. *Галахова А. Д.*, О годѣ рожденія Карамзина, Спб. Вѣдом. 1865, № 314.
16. *Грота Я. К.*, Автобіографическая записка Карамзина Зап. Имп. Ак. Н. т. VIII, кн. 2, стр. 97—98.
17. *Погодина*, О годѣ рожденія Карамзина (къ М. А. Дмитріеву), Утро, 1866, стр. 429—432.
18. *Шукурова М. Ѡ.*, Еще о годѣ рожденія Карамзина, Русск. Арх. 1866, № 10, стр. 1504—1507.
19. *Пекарскаго П. П.*, О годѣ рожденія Карамзина. «Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 458—464. (Г. Пекарскій указываетъ здѣсь перепечатку статьи Полторацкаго (№ 8) въ *Соврем. Литотисы* № 65; но такого № быть не можетъ въ *еженедѣльномъ* изданіи. На стр. 461 онъ указываетъ статью Галахова (№ 15) и въ 311 и въ 314 №№ Спб. Вѣдом.: чему же вѣрить?).
20. Приносимъ и съ своей стороны одно указаніе для рѣшенія этого вопроса. Въ Московск. Телеграфѣ 1827, (ч. XV, № 12) помѣщенъ разборъ рѣчи въ память историографу, произнесенной г. Иванчинымъ-Писаревымъ; въ этомъ разборѣ, на стр. 346, между прочимъ говорится: «Жаль, что панегиристъ въ рѣчи своей руководствовался нѣкоторыми ошибками журнальных некрологовъ Карамзина. «Онъ скончался не на 61 и. своей жизни, а 59 лѣтъ». Отсюда прямое заключеніе, что Карамзинъ родился въ 1766 году. Статья подписана: *Ас.*, а эта подпись принадлежитъ князю П. А. Вяземскому, и въ Полномъ собраніи сочиненій его, во 2 томѣ, на стр. 17, мы встрѣчаемъ эти самыя строки.

Свидѣтельство такого лица, свидѣтельство, данное черезъ годъ послѣ смерти Карамзина, конечно, заслуживаетъ полной вѣры.

г) Дѣтство, молодость и первые литературные опыты.

21. *Погодина*: Н. М. Карамзинъ. Опытъ его биографіи (до мая 1789 г.), 2 статьи. Нѣкоторыя дополнительные замѣчанія къ 1-й статьѣ. Москвит. 1846, № 3, стр. 11—26; № 4, стр. 114; № 7, стр. 1—10.

22. *Ею же*, Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина, Утро, М. 1866, стр. 1—58. Примѣчанія къ этой статьѣ, тамъ-же, стр. 432.

23. Соображенія о годахъ молодости Карамзина до путешествія, Русскій 1867, № 25—26.

24. Образование Карамзина до знакомства его съ русскими масонами. Искра, 1867, № 3.

25. *Ломимова*, (о первыхъ годахъ литературной дѣятельности Карамзина) Новиковъ и Шварцъ, Русск. Вѣстн. 1857, № 19, стр. 561—562.

26. *Ешевскаго*, Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ пред. статьѣ, Русск. Вѣстн. 1857, № 21, стр. 179—182.

27. *Тихонравова Н. С.*, Четыре года изъ жизни Карамзина (1785—1788). Отношенія Карамзина къ Дружескому Ученому Обществу, Русск. Вѣстн. 1862, № 4, стр. 732—749.

28. Прикосновенность Карамзина къ дѣлу о Новиковѣ, Мѣт. Русск. Литер. и Древн., т. V. М. 1863, въ статьѣ «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ», стр. 10, 55, 79.

29. *Ломимова*, Новиковъ и московскіе мартинисты, Москва, 1867, стр. 202 пр., 236—238, 282, 298, 299, 305, 331—333, 338, 359, 368, 383.

30. *Дмитріева И.*, Знакомство съ Карамзинымъ. О молодости Карамзина до поѣздки за границу (1789). Отрывокъ изъ Записокъ Москвит. 1841, № 1, стр. 31—38.

31. *Ею же*, Взглядъ на мою жизнь. Записки въ 3 частяхъ. М. 1866. О Карамзинѣ см. стр. 38—43, 69—71, 76, 78, 80,

82—83, 86—89, 98, 102—103, 158, 195, 219, 239—240, 244—248 и 251. Записки обнимают собою не только молодость, но всю жизнь Карамзина. При книгѣ Дмитріева находятся:

32. *Лонгинова*, примѣчанія о Карамзинѣ, біографическія и историческія, стр. 271—284; примѣч. 69—96, 165, 193, 214, 216 и 231.

33. *Смирнова С.*, Исторія Московской С. Г. Л. Академіи, М. 1855, стр. 326—327, извѣстіе о книгахъ, представленныхъ Карамзиннымъ въ цензуру; здѣсь между прочимъ упоминается о Луизадѣ, поэмѣ Камюэнса; поэма эта была переведена Александромъ Дмитріевымъ. М. 1788, (Сопик. IV, 8679).

34. *А. М.*, Карамзинъ въ Швейцаріи (сентябрь, 1789 г.). Отрывокъ изъ записокъ путешественника. Отеч. Запис. 1850, т. 69, № 4, смѣсь, стр. 225—240. О Карамзинѣ собственно 232—238. Обзорѣніе въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1850, ч. 68, отд. VI, стр. 33.

д) Жизнь и литературная дѣятельность до переселенія въ ПЕТЕРБУРГЪ.

35. *Лонгинова*, о селѣ Знаменскомъ, лѣтнемъ пребываніи Карамзина въ его молодости, Утро, 1868, стр. 437.

36. *Полънова В. А.*, письмо къ И. И. Мартынову о Карамзинѣ (1797), Русск. Арх. 1866, стр. 1763—1765. Странно: это же самое письмо, хотя съ значительными вариантами, мы читаемъ въ біографіи Мартынова, сост. Е. Колбасинымъ, въ книгѣ «Литературные дѣятели», (Спб. 1859, стр. 165—166, примѣч.); но тамъ это письмо приписано не *В. А. Полънову*, а какому-то *А. Б-ву*; годъ не обозначенъ, а число поставлено: 27 апрѣля. Гдѣ-то пахнетъ поддѣлкой или искаженіемъ.

37. Участіе Карамзина въ изданіи сочиненій Державина (1797—98), Сѣв. Пчела 1843, № 131, стр. 521. Сочин. Державина, изд. Ак. Наукъ, съ прим. *Я. К. Грота*, т. I, стр. XVII—XIX; т. VIII, стр. 602, 716, 921, 944—948; Письма Карам-

зина къ Дмитріеву, 1866, стр. 0194, гдѣ указано все, относящееся къ Державину.

38. Письмо *Иванова* къ Востокову, Сборникъ статей 2 Отд. Имп. Ак. Наукъ т. V, вып. 2, стр. VII—X.

39. *Каменева Г. П.*, Письмо его изъ Москвы въ Казань С. А. Москотильникову (о посѣщеніи имъ Карамзина: 1800 г., октябрь и ноябрь). «Вчера и Сегодня», Сборн. гр. Соллогуба. Спб. 1845, кн. 1, стр. 48—50.

40. *Кайсарова*: Шутливое описаніе его бракосочетанія (1801). Русск. Старина 1876, т. 17, стр. 176—180.

41. *Вигеля Ф. Ф.*, Изъ записокъ его о Карамзинѣ (1801). Русск. Арх. 1863, № 4, стр. 295—298; въ болѣе полномъ видѣ, Русск. Вѣстн. 1864, № 3, стр. 168—171. Въ «Воспоминаніяхъ Вигеля» (М. 1866) о Карамзинѣ упоминается: ч. I, 195—197, 198, 234; ч. II, 46, 57, 59, 60, 233; ч. III, 87, 124, 131—132, 134, 138, 140, 142, 149, 152; ч. IV, 118, 119; ч. V, 38, 43, 46, 121; ч. VI, 28, 84, 85; ч. VII, 48.

42. Изъ записокъ *С. Н. Глинки*, Русск. Вѣстн. 1863, № 4; 1866, № 3. (См. далѣе здѣсь же, № 63).

43. *Погодина*, Изъ біографіи Карамзина (подготовка къ занятіямъ р. исторіей, 1790—1804). Вѣстн. Евр. 1866, т. 2, стр. 164—181, съ примѣч. *М. Стасюлевича*.

44. *А. Г.*, Встрѣча съ Карамзинымъ. Изъ записокъ старожила (1803), Современ. 1850, т. 20. Смѣсь, стр. 1—4.

45. *Грота Я. К.*, Разказы гр. Блудова о цензурныхъ препятствіяхъ при печатаніи повѣсти Карамзина «Марѳа Посадница», о «Запискѣ о Др. и Нов. Россіи»; Сборн. Отд. Русск. Яз. и Сл. 1867, т. I, рѣчь о Карамзинѣ, стр. 42, 49, 55—57. См. тамъ же, его-же Отчетъ за 1865 г. стр. 12—13, примѣч.

46. *Жихарева С. П.*, Записки Современника, (1805—6), Спб. 1859, ч. I, стр. 212, 279, 289—290, 358.

47. *Костыря Н.*, (о вызовѣ Карамзина въ Харьковскій университетъ), Моск. Вѣд. 1852, № 22.

48. *Лаверовскаго Н. А.*, О сношеніи Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ, Р. Арх. 1869, № 12, стр. 2017—2021.

49. *Гейдеке*: объ отношеніяхъ русскихъ критиковъ къ Карамзину (на нѣм. яз.) *Russische Merkur*, 1805, кн. 2, стр. 49—64. Рига. Редакторъ журнала, пасторъ Гейдеке, составлялъ этотъ журналъ въ Москвѣ и только посылалъ его печатать въ Ригу (Моск. Тел. 1827, ч. XVIII, № 24, отд. II, стр. 180—181). Статья Гейдеке о Карамзинѣ переведена въ *отрывкахъ Жихаревымъ*, въ его «Запискахъ Современ.», стр. 290—294. При этомъ въ статьѣ ошибочно сказано, что «Сѣверный Вѣстн.» издавалъ Макаровъ; нѣтъ, ни П. И. Макаровъ, ни М. Н. Макаровъ тутъ не причастны; его издавалъ И. И. Мартыновъ (Сопик. III, 3864; Смирд. 9734); Москвит. 1853, № 10, май, кн. 2, Смѣсь, стр. 113, замѣтка *Цекарскаго*.

50. Рескриптъ Государя о пожалованіи Карамзину ордена Владимира 3 ст., Атеней 1858, № 23, стр. 478.

51. *Голенищова-Кутузова П.*, Письмо къ министру графу А. К. Разумовскому о сочиненіяхъ Карамзина (1810), «Чтенія въ О. И. и Др. 1858, II, Смѣсь, стр. 185—186; Ж. М. Нар. Пр. 1858, ч. 99, отд. 7, стр. 57 и въ книгѣ А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ», 1880, т. 2. По поводу этого письма см. куплетъ *Воейкова*, въ «Домѣ сумасшедшихъ».

52. *Ломимова*, Карамзинисты и славянофилы (1809—1817), Современ. 1857, т. 42, № 3, Смѣсь, стр. 86—91.

53. *Ломимова*. Еще Шишковисты и Карамзинисты (1811—1816), Современ. 1857, № 5, отд. V. См. также «Письма Карамзина къ Дмитріеву», примѣч., стр. 068 и объ отношеніяхъ Карамзина и Шишкова см. тамъ же въ указателѣ — Шишковъ, стр. 0213. Миѣніе м. *Евгенія*, Сборн. II, отд. V, вып. 1, стр. 161.

54. *Дмитріева М. А.* Мелочи изъ запаса моей памяти, Москвит. 1854, № 1 и 2, стр. 173—184, 187, 192, 196, 197, 200, 201, 203; объ нихъ замѣтки *А. Д. Галахова*, Отеч. Зап. 1854, т. 94, № 6, Журналистика, стр. 148—151. Въ отдѣльномъ изданіи «Мелочи. . .» стр. 287, въ указателѣ.

55. *Лыжина Н.* Альбомъ Карамзина, Лѣт. Русск. Лѣт. и Древн. 1859, кн. 2, отд. 2, стр. 161—192.

56. *Бумакова А.*, о встрѣчѣ съ К. у графа Ростопчина, Москвит. 1843, № 2; Погодинъ II, стр. 98—101.

57. Вниманіе къ Карамзину ген. Муромцева, Русск. Арх. 1877, I, 311—312.

58. О пребываніи Карамзина въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1812 г., Сѣв. Пчела 1845, № 72, въ статьѣ «Общество литераторовъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1812 г.» См. также Русск. Арх. 1866, стр. 222—243, письма къ кн. П. А. Вяземскому.

59. О жизни Карамзина въ Москвѣ (1814—1815). Моск. Городск. Листокъ 1847, № 24, стр. 97—98, ст. Н. Билевича.

60. *Дмитріева М.*, поправка къ этой статьѣ, *ib.* № 27, с. 107.

61. *Вяземскаго кн., П. А.*, письмо къ ред. Моск. Гор. Листка (А. Драшусову), Моск. Гор. Лист. 1847, № 58, стр. 233: Сочиненія кн. Вяземскаго, т. II, стр. 301.

62. Бесѣда Карамзина, Дмитріева и великобританскаго агента Пинкертонъ у моск. архіеп. Августина, статья *Н. Гурчакова*, Литер. Вечеръ. М. 1844, стр. 8—15.

63. *Калайдовича К. Ѳ.* Записки (1814), Лѣт. Русск. Лѣт. и Древн. 1859—1860, кн. 6, отд. 2, стр. 81—116. О Карамзинѣ см. стр. 88—90, 92—94, 97, 106, 109, 110, 113—115. См. еще «Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1862, кн. 3, стр. 23—24, письмо Калайдовича къ С. Н. Глинкѣ.

64. *Стурдзы А. С.* Воспоминанія о Карамзинѣ (1815). (Примиреніе А. С. Шишкова съ Карамзинымъ и его сочиненіями. «Пріемъ Карамзина въ С.-Петербургѣ въ 1815» (ошибка, должно быть: 1816). И. А. Каподистрія. И. И. Дмитріевъ. Свиданіе Стурдзы съ Карамзинымъ въ 1821 г. Свѣдѣніе о томъ, что пенсію Карамзину исходатайствовалъ Жуковскій. Опроверженіе укора Карамзину А. Гумбольдта въ томъ, что въ своей исторіи, занявшись государствомъ, онъ забылъ о народѣ. Языкъ его исторіи. Слово Карамзина о выводахъ въ его исторіи и фактической вѣрности ея. Значеніе Карамзина для развитія народнаго

самосознанія. Гармонія чело­вѣка и писателя въ Карамзинѣ). Москвитянинъ, 1846, № 9 и 10, стр. 145—154; Одесскій Вѣстн. 1847, № 4, отд. изд. 8^о. 11 стр. Обозр. въ Ж. М. Н. Просв. 1847, ч. 53, отд. 6, стр. 213.

65. *Вяземскаго кн. П. А.*, (воспоминанія о Карамзинѣ). Р. Арх. 1875, т. II, стр. 106—107; 1876, т. I, стр. 365, 474; т. II, стр. 92, 213; т. III, стр. 159, 160; Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, Старая Записная Книжка, Слб. 1883, см. по указателю къ ней на стр. 517; тамъ опущены однако указанія на страницы 206, 276.

е) Жизнь въ Петербургѣ. Отношенія писателей къ Карамзину.

66. *Аксакова С. Т.* Семейная Хроника, М. 1856, ч. II, стр. 305, 306, 365, 391—393.

67. *Жуковскаго*, письмо къ И. Дмитріеву (1816, о пребываніи Карамзина въ С.-Петербургѣ и о его исторіи), Русск. Арх. 1866, стр. 1628—1631; Соч. Жук. 1878, т. VI, стр. 426, 428). (Напоминаемъ «Письма Карамзина къ Дмитріеву» и особенно письма его къ женѣ, «Неизд. соч.»).

68. *Плетнева*: Объ отношеніяхъ Карамзина и Жуковскаго, Живоп. Сборн. 1853, т. III, въ статьѣ о Жук., стр. 362, глава VI; тамъ же, стр. 365, 372, 393. О томъ же, Русск. Арх. 1866, стр. 1639 — 1640. Соч. Жуковскаго. 1878, т. VI, стр. 99, 400, 402, 414, 418, 426, 428, 431, 435, 436, 437, 475, 481, 516, 554 и 636.

69. Объ отношеніяхъ Карамзина и кн. Вяземскаго, Русск. Арх. 1866, стр. 1692, 1693, 1710 и 1715; 1876, т. I, стр. 252; Москвит. 1855, № 23—24, стр. 189.

70. Объ отношеніяхъ Карамзина и Тургеневыхъ: *Дмитріева* — Взглядъ на мою жизнь, стр. 41; М. А. Дмитріева «Мелочи изъ запаса», Москвит. 1854, № 1, стр. 181; Письма Карамзина къ Тургеневу, Москвит. 1855, № 1, 23—24, — Тургеневскія примѣчанія къ нимъ на многихъ страницахъ, особенно — 81,

82, 84, 92, 97, 98; № 23 — 24, стр. 180, 185, 188; Русск. Арх. 1875, т. I, стр. 57, 59—61.

71. *Корфа графа М. А.* Жизнь графа Сперанскаго (объ отношеніяхъ Карамзина къ Сперанскому). Спб. 1861, II, 9, 211 пр., 279 пр., 298, 299, 311. (См. здѣсь списокъ I, № 355).

72. Карамзинъ и Сперанскій. Русскій Заграничный Сборникъ, ч. I, тетр. 6, Лейпцигъ. 1857. 8°. 41 стр.

73. *Вишеля Ф.*, объ отношеніяхъ Карамзина къ В. Л. Пушкину, «Воспоминанія», т. I, ч. 1, стр. 197, 198.

74. *Колбасина Е.*, Литературные дѣятели. Сиб. 1859 г. На стр. 66 говорится, что И. И. Мартыновъ въ 1806 г. бывалъ въ обществѣ Державина, Карамзина... Это невѣрно: Карамзинъ жилъ тогда еще въ Москвѣ. Объ Исторіи Гос. Росс. см. тамъ же, стр. 125—126, 164, и примѣч. Отрывокъ изъ дневника Воейкова о Карамзинѣ, стр. 278 (см. также 251, 264).

75. *Бартенева П. И.* (Отношенія Карамзина къ Пушкину), «Пушкинъ въ Южной Россіи», Русск. Рѣчь 1861, № 85, то же, отд. оттиски, М. 1862, стр. 12—13; то же, Русск. Арх. 1866, стр. 1098—1099. О томъ же, см. Соч. Пушкина, изд. Анненкова. Спб. 1855, т. I, стр. 48, примѣчаніе; статья *Ө. Н. Глинки* въ Русск. Архивѣ 1866, стр. 917—922; 1870, стр. 1366; 1874, № 2, письма *Пушкина* къ кн. Вяземскому, стр. 429—430, 434, 0545. Сочиненія Пушкина, 1881, т. V, стр. 44, 65, 86 и 92.

76. *Ковалевскаго Ел.* (Разныя обстоятельства изъ жизни Карамзина и отношенія его къ гр. Блудову) «Графъ Блудовъ и его время». Спб. 1866, стр. 21, 40, 41, 102, 104, 105, 110—112, 114, 115, 130, 131, 134, 156—157, 169, 178, 183, 231, 233, 238, 250. О томъ же, см. письма гр. Блудова къ И. Дмитріеву въ той же книгѣ, стр. 234—241 и Русск. Арх. 1866, стр. 1649, 1653, 1657, 1658, 1660 и 1875г., I, 155.

77. *Пюгодина*, Отрывки изъ біографіи Карамзина, Русск. Вѣдом. 1864, №№ 117, 130, 131, 138. Поправки М. Дмитріева, тамъ же, № 128.

78. *Иличевскаго А. Д.* Письмо къ Фусу отъ 20 марта 1816 г. (извѣстность и значеніе Карамзина для воспитанниковъ Лицея), Русск. Арх. 1864, стр. 1072.

79. Обь отношеніяхъ Карамзина къ Грибоѣдову, *Драмат. Сборникъ* 1860 г., воспоминанія Р. Зотова, глава X, стр. 14.

80. Указъ Правительствующему Сенату о пожалованіи Карамзина въ статскіе совѣтники; указъ Кабинету о выдачѣ ему 60 т. р. на печатаніе Исторіи; грамота на его имя о пожалованіи ему ордена Св. Анны 1-й ст., *Сынъ Отечества* 1816, ч. 28, стр. 238—239.

81. *Дмитріева И.* О Карамзинѣ и началѣ Исторіи Г. Р., о преобразованіи, ею произведенномъ въ русской словесности и о приѣмѣ ея у насъ и за границей, *Москв.* 1844, № 1, стр. 251—261; *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 103, отношенія журналистовъ къ Карамзину.

82. О составленіи и печатаніи Исторіи см. почти всю переписку Карамзина, особенно письма его къ И. И. Дмитріеву, брату, А. И. Тургеневу и *Русск. Арх.* 1866, стр. 1765.

83. *Бѣлинскаго.* Отношенія писателей и публики къ Карамзину, I, 56—58; IV, 407; VI, 609; IX, 234—236; XI, 329; XII, 162—163, 176.

84. Два письма *Карамзина* и *Уварова*, по поводу избранія перваго въ академики, *Сынъ Отеч.* 1818, ч. 44, № 8, стр. 79.

85. Подлинныя протоколы Россійской Академіи за 1818, 1820 и 1823 годы.

86. *Бумарина.* Встрѣча съ Карамзинымъ (1819), *Альбомъ Сѣв. Музъ*, 1828, стр. 150—164; *Соч. Булгарина*, ч. III, стр. 178 и 202.

87. *Карамзина В.* Дневная записка украинца. О засѣданіи въ Академіи 8 января 1820 г., *Сынъ Отеч.* 1820, ч. 59, № 2, *Смѣсь*, стр. 93.

88. Письмо издателя *Отеч. Зап. (Свинина)* къ Д. П. Троицкому о торжественномъ собраніи 5 февраля 1821 г. въ Россійской Академіи, *Отеч. Зап.* 1821, № 10, стр. 224.

89. *Погодина*, Ходъ историческихъ работъ Карамзина въ Петербургѣ (1819—1826), День 1865, № 29.

90. Письмо издателя Отеч. Зап. къ А. А. Прокоповичу-Антонскому о торжественномъ собраніи въ Росс. Акад. 14 генв. 1823 г., Отеч. Зап. 1823, № 33, стр. 154.

91. *Плетнева*, о собраніяхъ у Карамзина (въ біографіи Крылова, при сочиненіяхъ его. Спб. 1847, стр. LVIII—LIX.

92. *Грена А.* Черты изъ жизни Карамзина, въ книгѣ «Подарокъ нашимъ дѣтямъ». Спб. 1840, стр. 7—27.

93. *Полеваго Кс.*, Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго, Спб. 1860, ч. 1, стр. 5, прим., 26—27, 31, 87—89, 98, 99, 107, 130, 139, 166, 241, 242.

94. *Погодина*, мое представленіе историографу (1825), Р. Арх. 1866, стр. 1766—1770.

95. *Хруцова И.* Отношенія Карамзина къ имп. Александру. Унив. Изв. 1878, и отд. стр. 13—20.

96. *Корфа графа М.*, Восшествіе на престолъ имп. Николая, изд. 5-е. Спб. 1857, стр. 108—109, 183, 217.

ж) Некрологи.

97. Письмо *Жуковскаго*: къ ред. Ж. Мин. Нар. Пр. о послѣднихъ дняхъ жизни Карамзина, Ж. Мин. Нар. Пр. 1835, № 1, стр. 1; Соч. Жуковскаго 1878, VI, 1—4.

98. Дань уваженія знаменитому историографу, Отеч. Зап. 1826, ч. 26, кн. 74, іюнь, стр. 445—453. (Извѣстіе о его кончинѣ; его значеніе въ литературѣ; милости къ нему Государя; значеніе Истории по языку и содержанию).

99. *Греча*, Сѣверн. Пчела 1826, № 64; переп. въ книгѣ: Сочиненія *Греча*, Спб. 1838, ч. 5.

100. Вѣстникъ Европы 1826, ч. 147, № 9, стр. 69. (Изъ Journal de St.-Petersbourg).

101. Моск. Телегр. 1826, ч. IX, № 9, стр. 80—87. Жизнь и заслуги Карамзина (много ошибокъ въ годахъ).

102. *Сонькина*, Дмитріевъ при гробѣ Карамзина, Сѣверн. Пчела 1838, № 19. Память Дмитріева о Карамзинѣ, Русск. Арх., 1870 г., стр. 1696, 1699—1701.

103. *Дмитріева И. И.*, отрывокъ изъ письма его о смерти Карамзина, Москвит. 1844, № 7, стр. 49, — въ статьѣ «Поэту говорить о смерти поэта», доставлено *Н. Ивановичемъ-Писаревымъ*.

104. *Жуковскаго*, Письмо къ К. А. Карамзиной, по полученіи извѣстія о кончинѣ Н. М. Утро, 1866, стр. 190; Соч. Жуковскаго 1878, VI, 510.

105. Извлеченія изъ переписки родныхъ Карамзина въ первое время послѣ его смерти, «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 425—440.

106. *Плетнева* (значение смерти Карамзина) Соврем. 1838, т. 9, стр. 42—45, въ статьѣ «о литературныхъ утратахъ». Соч. Плетнева, Спб. 1883, т. 1, стр. 331—332.

107. *Revue encyclopédique*, 1826, т. XXI, стр. 242—244.

108. *Histoire intime de la Russie*, par *Schnitzler*, т. IV.

з) Памятникъ ему.

(Надгробный памятникъ ему воздвигнуть при участіи Россійской Академіи, пожертвовавшей для этой цѣли 5,000 руб. въ 1833 г.).

109. Объ изданіи эстампа — видъ памятника Карамзину, Сынъ Отеч. 1839, т. X, июль, Разныя извѣстія, стр. 22. (Въ 1839 г., по предложенію бывшаго министра внутр. дѣлъ *Д. Н. Блудова*, для скорѣйшаго построенія памятника Н. М. Карамзину, повелѣно было выгравировать видъ сооружаемаго памятника и пустить въ продажу).

110. Памятникъ Карамзину, Худож. Газета 1841, № 18.

111. *Погодина*, письмо изъ Симбирска къ М. А. Дмитріеву, объ открытіи памятника Карамзину, съ любопытными подробностями и примѣчаніями, Москвит. 1845, № 9, стр. 1—18.

112. *Феодотія*, еписк. симбирскаго: рѣчь при открытіи па-

мятника Карамзину, Москвит. 1845, № 9, отд. 1; Письмо изъ Симбирска, стр. 7.

113. Открытіе памятника Карамзину, Симб. Губерн. Вѣд. 1845, № 34; Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 47, отд. VII, стр. 33 и 1846, ч. 49, отд. 7, стр. 1; Отеч. Зап. 1845, т. 42, отд. VIII, стр. 106.

114. Украшеніе памятника Карамзину, Отеч. Зап. 1856, т. 104, отд. V, стр. 54.

и) Домъ Карамзиныхъ.

115. Домъ Карамзиныхъ съ давнихъ дней сдѣлался дорогъ литераторамъ нашимъ. Еще въ 1819 г. *Батюшковъ* писалъ Жуковскому: «Скажи Карамзинымъ (и себѣ), что я часто объ нихъ думаю, и отдалъ бы все прекрасное за одинъ вечеръ, проведенный съ ними». (Соч. Батюшкова 1834, ч. 1, стр. 339). «Напомните обо мнѣ Карамзинымъ» — пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 330). Въ 1818 г. онъ писалъ Тургеневу: «Карамзина не выпускалъ изъ рукъ» (стр. 326). См. еще Русск. Арх. 1867, № 11, стр. 1514. См. въ книгѣ Колбасина, стр. 278, изъ дневника Воейкова. См. Сочиненія *Баратынскаго*, М. 1869, стр. 423, 424, 425.

116. Карамзины. Ихъ домъ, какъ пріютъ русской умственной дѣятельности въ 1830 годахъ. Русск. Арх. 1865, Воспоминанія *гр. Соллогуба*, стр. 738, 742, 748, 759, 766, 768.

117. Некрологъ: Е. А. Карамзина (1851, сентября 1-го); промолчали всѣ журналы, даже Москвитянинъ. См. Соч. Жуковского, VI, 602.

118. Ек. Ник. Мещерская (дочь Карамзина), Петербургская Газета 1867, № 170.

и) Биографія Карамзина.

119. *Евгенія митроп.*, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, М. 1845, т. I, стр. 273—275.

120. *Бантыша - Каменскаго Д.*, Словарь достопамятныхъ

людей русской земли. М. 1836, ч. 3, стр. 42—48. Тоже, издание 1847 г., ч. 2, стр. 109—152.

121. Справочный энциклопедический словарь; изд. К. Крайя, Спб. 1847, т. 6, стр. 518—522.

122. *La Russie et les Russes*, par *Nicolas Tourgueneff*. Вгукеллес 1847, I, p. 325 sq.

123. Н. М. Карамзинъ, соч. *А. Старчевскаго*, Библиот. для чтен. 1849, ч. 92—94 и отд. книгой, Спб. 1849, 8^о, XIII, 280, съ портретомъ Карамзина.

124. *Погодина*. Объявление (о приготавливаемой имъ биографіи Карамзина; просьба о присылкѣ документовъ; о письмахъ Карамзина къ его старшему брату; о портретахъ его). Утро, 1866, стр. 408—409.

125. Русскіе люди, изд. М. Вольфа. 1866, т. 2, с. 348—417.

126. *Погодина*. Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для биографіи, съ примѣчаніями и объясненіями. М. 1866, 2 части 8^о. Посвящено Государю Наслѣднику Александру Александровичу (нынѣ царствующему Государю Императору), II, 397, II; 505, II. Къ ней въ 1867 г. вышли отдѣльною брошюрою «Приложенія», съ тремя портретами Карамзина, четырьмя снимками съ его почерка и корректуры и пятью записками о годѣ, о мѣстѣ рожденія Карамзина, о первыхъ годахъ молодости, о предкахъ его и родословіе Протасовыхъ (Отеч. Зап. 1867, № 5; Русск. Инв. 1867, № 28, ст. А. И—на; Вѣстн. Евр. 1867, № 1, стр. 13—23; Искра 1867, № 2; Ж. М. Н. Пр., 1867, № 1.). Въ началѣ 1868 г. Погодинъ объявлялъ въ своей газетѣ «Русскій» (л. 14, стр. 224), что у него готовится къ печати книга «Н. М. Карамзинъ, матеріалы для биографіи, часть 3-я»; но до самой смерти Погодина въ 1875 г. эта часть не выходила.

127. Н. М. Карамзинъ. Воспоминанія *К. С. Сербиновича*, Русск. Старина 1874, т. XI, стр. 44 и 236.

(NB. Недостающее здѣсь изъ биографическихъ сочиненій см. въ слѣдующемъ спискѣ).

X.

Указатель статей о сочиненіяхъ Карамзина.

Для удобства пользованія настоящимъ указателемъ, мы раздробляемъ его на слѣдующіе главнѣйшіе отдѣлы. Прежде всего приводимъ *библиографическія* статьи о сочиненіяхъ Карамзина, говоряція о времени, мѣстѣ печатанія ихъ, о числѣ изданій, о его переводахъ и пр. Затѣмъ, слѣдуя *хронологическому* порядку работъ Карамзина, приводимъ статьи, объясняющія его журнальную и литературную дѣятельность въ ея частнѣйшихъ видахъ. Отсюда, на переходѣ къ Исторіи, помѣщаемъ статьи объ его историческихъ небольшихъ произведеніяхъ. Совершенно особый отдѣлъ представляютъ собою статьи объ Исторіи его; при этомъ мы строго наблюдаемъ хронологическій порядокъ появленія ихъ. Потомъ идутъ статьи о его письмахъ, статьи, въ которыхъ часто говорится вообще о Карамзинѣ. Наконецъ помѣщаемъ статьи, говоряція о всей его литературной дѣятельности, здѣсь также мы наблюдаемъ порядокъ появленія статей. Заголовки указываютъ наглядно все это размѣщеніе. При нѣкоторыхъ статьяхъ мы вносимъ краткое содержаніе ихъ, пользуясь указателями Аванасьева, Бартенева и Полуденскаго. Иногда приводимъ указанія на такія статьи, въ которыхъ содержатся только отрывочныя, небольшія замѣтки или отзывы о томъ или другомъ произведеніи Карамзина, и подобныя указанія мы вовсе не считаемъ мелочными: разбросанныя, сжатые отзывы о Карамзинѣ такихъ лицъ, какъ напр. Пушкинъ, Гоголь, Кирѣевскій, Аксаковъ, Хомяковъ, имѣютъ существенное значеніе, какъ сами по себѣ, такъ и по тому возбудительному характеру, какой они имѣютъ на мысль читателя. Въ этомъ отношеніи, что покажется мелкимъ одному, то часто имѣетъ значеніе для другаго. Справиться по готовымъ указаніямъ и оцѣнить, каковъ тотъ или другой матеріалъ, — невеликій трудъ для всякаго, а я и не имѣлъ въ виду сообщить исключительно-критическій характеръ своимъ указаніямъ, и чув-

ствовавъ себя не въ силахъ придать себѣ рѣшающій голосъ. Я только указываю и исправляю *фактическія* погрѣшности.

а) Библиографія произведеній Карамзина.

128. *Галахова А. Д.* Историческая Христоматія новаго періода русской словесности, томъ II, Спб. 1864, стр. 44—52 (библиографическія и историческія примѣчанія ко многимъ сочиненіямъ Карамзина). Второе изданіе, Спб. 1877, стр. 57—65.

129. *Лоннинова:* Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и переводовъ Карамзина, Русск. Арх. 1864, стр. 849—870 и 1866, стр. 1775. Цѣльнаго хронологическаго порядка нѣтъ здѣсь; полноты тоже нѣтъ.

130. *Межова:* Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ. Спб. 1869, съ восьмью прибавленіями, въ 5 книгахъ, 1870—1877. Здѣсь указаны рецензіи на Исторію Гос. Росс., № 5493 (и стр. 891); на Неизд. сочиненія, № 9852 (тоже повторено подъ № 10018, рецензіи разбиты; цѣна показана въ 1-мъ случаѣ 75 к., а во 2-мъ—1 р. 25 к.); на Письма Карамзина къ Дмитріеву № 9875; на Письма Карамзина къ Малиновскому № 9876 и на Полное собраніе сочиненій, № 10035 (и стр. 900); здѣсь приложенъ (стр. 712—713 и 891) перечень переводовъ соч. Н. М. Карамзина на иностранныя языки. Въ 1 приб. см. стр. XXX, № 5493; стр. LXII, № 9852 (повтореніе прежняго показанія); стр. LXIV, № 10035. Во 2-мъ прибавленіи, стр. VII, № 5493; здѣсь же статьи, написанныя по поводу юбилея Н. М. Карамзина (VII—XV), 173 указанія; въ нихъ перепечатки поставлены подъ особыми нумерами; нѣкоторыя показанія повторяются; стр. XXX, № 10035. Въ 3 и 4 приб. стр. III, № 5493; V, 10035. Въ 5 и 6 приб. стр. III, № 10035.

131. *Его-же,* Исторія русской и всеобщей словесности, библиографическіе матеріалы, Спб. 1872; см. въ указателѣ на стр. 645, рядъ статей о Карамзинѣ (съ ошибками). Здѣсь же повторенъ въ раздробъ указатель статей по поводу юбилея Карамзина, помѣщенный прежде во 2-мъ прибавленіи къ каталогу.

132. *Геннади Гр. Н.* Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. . . Томъ 2-й. Берлинъ, 1880, стр. 107—115 и 397, — *дополненія и поправки.* Показанія заимствованы иногда у Межова, съ его-же ошибками. Изъ сочиненій самого Карамзина указаны только отдѣльные изданія, а не статьи, и притомъ безсистемно.

133. *Неустрובה А. Н.* Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, за 1703—1802 г. Спб. 1875, (объ изданіяхъ Карамзина и первомъ годѣ «Вѣстн. Евр.», 1802), стр. 370, 699, 784, 801, 855.

б) Первые годы его литературной дѣятельности.

134. *Галахова:* Матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности Карамзина, *Соврем.* 1853, т. т. 37 и 42, № 1, стр. 1—32 и 11, стр. 1—64, критика. Обзорніе статей Галахова въ *Ж. Мин. Нар. Просв.*, 1853, ч. 79, отд. VI, стр. 21; *Отеч. Зап.* 1853, т. 87, отд. V, стр. 30.

135. *Пекарскаго.* Объ изданіи Карамзина «Бесѣды съ Богомъ», Письма Карамзина къ Дмитріеву, въ VII приложеніи, стр. 469—472. Кн. Прозоровскій отнесъ это изданіе въ число вредныхъ книгъ (*Лѣт. Русск. Лит. и Древн.* т. V, II, 10).

136. *Бѣлинскаго,* о «Дѣтск. Чтен.» Карамзина, III, стр. 542. Здѣсь Бѣлинскій на 11 строкахъ дѣлаетъ два промаха: 1) приписываетъ Карамзину «Переписку отца съ сыномъ о деревенской жизни» и 2) увѣряетъ, что Карамзинъ издалъ потомъ «Дѣтское Утѣшеніе». Но перваго сочиненія нѣтъ ни въ одной изъ частей Дѣтскаго Чтенія (по крайней мѣрѣ въ изданіи 1819 года); а что касается втораго, то дѣйствительно есть книжка подъ такимъ заглавіемъ, но она вышла въ свѣтъ въ 1814 году, когда Карамзину уже было не до подобныхъ изданій и переведена она (изъ сочиненій Бланшарда) г. Л. С. (Смирд. 1527).

137. Карамзинъ, какъ переводчикъ и цѣнитель Шекспира, статья *Р. Р.*, *Сѣв. Обзор.* 1849, т. 1, № 2, августъ, стр. 464—469; авторъ статьи говоритъ, что у него сохранился переводъ

Карамзина); обзор. въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1849, ч. 64, отд. VI, стр. 250. О переведенной Карамзинимъ трагедіи Шекспира см. еще Сѣв. Пчелу 1841, № 208 и Лѣтоп. Русск. Литер. и Древн. 1863, т. V, отд. II, стр. 10, въ статьѣ о Новиковѣ.

в) ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

138. *Туманскаго* Θ., о переводахъ и критикахъ Карамзина, Росс. Магазинъ 1792, стр. 198.

139. *Мартынова* И. Рассмотрѣніе всѣхъ рецензій, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи подъ названіемъ «Московск. Журналъ», изд. Н. М. Карамзинимъ, — Сѣверн. Вѣстн. 1804, № 8, стр. 141. Эту рецензію упоминаетъ и Сопик. (III, 3823).

140. *Бѣлинскаго*: о критикѣ Карамзина, VIII, 122; IX, 371.

141. *Погодина*, Московскій Журналъ Карамзина, (отрывокъ изъ біографіи), Русск. Вѣстн. 1866, № 7, стр. 237—262.

142. О переводахъ Карамзина и Жуковскаго, Моск. Телегр. 1827, ч. XVIII, № 21, отд. 1, стр. 74—79.

143. *Шевырева* и *Погодина* примѣчанія къ «Смѣси» Карамзина (1795), Москвит. 1854, № 3 и 4, стр. 45—46 (см. также №№ 6, 7, 10, 11 и 12).

144. *Полуденскаго* М. «Указатель къ Вѣстнику Европы», 1802—1830. М. 1861, стр. III—VIII.

145. Журналы Карамзина, Моск. Телегр. 1828, ч. XVIII, № 22, стр. 88, 91; № 23, стр. 130.

146. Тоже, *Бѣлинскаго*, VIII, 137; XII, 159, 166.

147. Тоже, *Полеваго* Кс., Записки о жизни Н. А. П., стр. 107.

148. Тоже, *Галахова*, Исторія Русск. Словесности, 1863, т. 1, стр. 574.

149. *Грота*. О журнальныхъ отношеніяхъ къ Крылову, Сборн. II Отд. VI, стр. 7—10.

150. *Пятковскаго* А. Русская журналистика при Александрѣ I, Соврем. 1866, № 1, стр. 40—60. Карамзинъ какъ журналистъ. Связь между идеями Карамзина и дѣятельностію масонскихъ обществъ; постепенное освобожденіе его изъ подъ этого

вліянія. «Моск. Журналъ». Политическіе взгляды Карамзина и его юношескія увлеченія. «Вѣстникъ Европы». Общій характеръ этого журнала: умѣренный прогрессъ и противодѣйствіе революціоннымъ тенденціямъ Запада. Журналистика подъ вліяніемъ «Вѣстн. Евр.». Тоже, статья 2, Соврем. 1866, № 4. Вліяніе журналовъ Карамзина, стр. 545, 546, 551. Борьба Шипкова съ новымъ направленіемъ въ литературѣ, стр. 561—562. Въ отд. изданіи соч. Пятковского, 1876, т. I, стр. 171—243.

г) ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

151. О нихъ статья самого *Карамзина* въ Spectateur du Nord, 1797, октябрь, перепечатана въ «Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву» стр. 476—483.

152. Отзывъ журнала «The Edinburgh Review», 1804, т. III, № 6, стр. 321—328; см. о немъ въ Сборн. статей II Отд. И. А. Н. V, вып. 1, отзывъ м. *Евгенія* и изложеніе содержанія статьи, стр. 130—133.

153. *Бѣлинскаго*, I, 63—64; VI, 32—33; VIII, 136—137; XII, 157. По поводу его отзывовъ, смотри:

154. *Буллича Н.* «Біограф. очеркъ Карамзина, 1866, стр. 595.

155. *Тихонравова, Н. С.* въ статьѣ «гр. Θ. В. Ростопчинъ, Отеч. Зап. 1854, т. 95, отд. II, стр. 6—8, о заимствованіяхъ Карамзина у Морица, Мура и друг.; по поводу заимствованій— см. *Галахова Истор. Р. Слов. т. II, стр. 10.*

156. *Буслаева Θ. И.*, Моск. Унив. Извѣстія 1867, № 3, и отд. оттиски 8^о, 15 стр.

157. Revue des Deux Mondes 1867, Avril 15.

д) СТИХОТВОРЕНІЯ И ПОВѢСТИ.

158. *Державина* Отзывъ въ письмѣ къ Дмитріеву, Соч. Державина VI, 55, 58.

159. *Бѣлинскаго* I, 64; X, 233—234 (о стихахъ Карамзина).

160. *Вяземскаго кн. П. А.* Бесѣды въ Общ. Любит. Росс. слов. 1867, вып. 1, стр. 45—52; Р. Арх. 1875, I, 208—209; 1875, II, 100; Соч. кн. П. А. Вяземскаго, VII, стр. 148—157.

161. *Городянинова* разборъ рѣчей изъ Марьи Посадницы, въ книгѣ «Руководство къ эстетическому разбору по части росс. словесности. 1813 (Москвит. 1854, № 1, стр. 177).

162. Изъ «Бѣдной Лизы» была сдѣлана въ 1803 г. драма В. М. Оедоровымъ, о ней см. Лѣтопись русск. театра, В. Арапова, Спб. 1861, стр. 165.

163. *Бѣлинскаго* (о повѣстяхъ Карамзина) I, 61—63, III, 277; VI, 31—32; VIII, 134—135, 185; IX, 315—316; X, 53; XII, 157—159.

164. *Его же*, о сентиментальности въ произведеніяхъ Карамзина (кромѣ сдѣланныхъ указаній), VIII, 126—129; XII, 177.

165. *Загоскина*, Искуситель, романъ, ч. III, (1854) стр. 54 и дал.

166. О повѣстяхъ Карамзина, Отеч. Зап. 1880, № 9, Нов. книги, стр. 110 (объ изданіи Суворина).

е) Рѣчи, журнальныя статьи и собранія сочиненій.

167. *Шмихова А. С.* разборъ статьи Карамзина «отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ», Разсужденіе о стар. и нов. слогѣ росс. языка. Спб. 1803, стр. 143—172.

168. Сѣверн. Вѣстн. 1804, ч. I, стр. 113—114 (разговоръ о счастіи).

169. Патриотъ, 1804, кн. 3, стр. 407—415 (о собраніи сочиненій).

170. *Евгенія митр.* Мнѣніе о рѣчахъ Карамзина, въ письмѣ къ Городянинову, 1813 г., Журн. М. Н. Пр. 1857, № 4, Смѣсь, стр. 16.

171. Соврем. Наблюдатель Рос. словесности, 1815, ч. 1, стр. 47—50 (о собраніи сочиненій).

172. *Галахова А. Д.* Карамзинъ какъ оптимистъ («Разговоръ о счастіи»; «о счастливѣйшемъ времени жизни», какъ произ-

веденія двухъ противоположныхъ воззрѣній), Отеч. Зап. 1858, т. 116, № 1, стр. 107—146.

ж) ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЯЗЫКѢ.

173. *Шишкова*, Разсужденіе о стар. и новомъ слоgѣ..., стр. 175—214, здѣсь разобрано множество примѣровъ изъ сочиненій Карамзина.

174. О слоgѣ господина Карамзина, Аглая, издав. кн. *Шамковымъ*, 1808, май, стр. 57.

175. *Макарова П. И.* о книгѣ Шишкова (*о защиту Карамзина*), Моск. Меркурій 1803, декабрь, стр. 162—164.

176. *Державина* отзывъ о языкѣ Карамзина, VI, 148; VIII, 862—863.

177. *Сперанскаго* отзывъ о языкѣ Карамзина, въ книгѣ гр. Корфа «Жизнь гр. Сперанскаго» II, 78, прим.

178. *Шишкова*, Нѣчто о Карамзинѣ (читано въ чрезвычайн. собраніи И. Росс. Академіи 18 генв. 1836) Президентъ Академіи теперь отдавалъ справедливую похвалу безсмертнымъ заслугамъ Карамзина. Ж. М. Н. Пр. 1836, ч. IX отд. 3, стр. 375. (См. Пушкина, изд. 1855, т. V, стр. 618—619; изд. 1881 г., т. V, стр. 347).

179. *Бѣлинскаго*, I, 60; IV, 407—415, (о борьбѣ Шишкова съ Карамзинымъ); VI, 30—31; VIII, — 135—136; X, 53—55, 113—115; XII, 155—156.

180. *Шевырева*, въ статьѣ «Взглядъ на современное направленіе р. литературы», Москвит. 1842, № 1, стр. VIII—XII; № 3, критика, стр. 155—167, 169, 171, 173, 177 и 191 (преимущественно о заслугахъ Карамзина въ развитіи роднаго языка).

181. *Буслаева*, «О преподаваніи отечеств. языка», ч. I, стр. 263—288. Чтеніе Исторіи Карамзина. Сличеніе его языка съ языкомъ лѣтописи, съ языкомъ «Слова о полку Игоря», Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, и проч.).

182. *Вяземскаго кн.*, «Фонъ Визинъ», Спб. 1848, стр. 291—293, сравненіе Фонъ Визина и Карамзина, въ отношеніи къ слогу и вліянію на языкъ. Фонъ Визинъ, — писатель съ дарованіемъ; Карамзинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и художникъ. Соч. кн. Вяземскаго, изд. 1880, т. V, стр. 189—190.

183. *Костыря Н.* Контрастъ и паралель между Шишковымъ и Карамзинымъ. въ книгѣ «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка. 1-й семестръ». Кіевъ. 1848, стр. 164—172.

184. *Давыдова И.* Заслуга Карамзина отечественному языку, въ статьѣ «Памяти Жуковскаго», Извѣстія II Отд. И. Ак. Н. 1852, т. I, стр. 134—135.

185. *Хомякова А.* По поводу Шипкова и Карамзина. Соч. Хомякова, М. 1861, I, стр. 524.

3) Историческіе опыты.

186. *Евгенія митр.* О похвальномъ словѣ Екатеринѣ, Сборн. II Отд. И. Ак. Н. т. V, в. I, стр. 55. (См. тамъ же, стр. 138, 164. 195). Митр. Евгеній самъ писалъ «Похвальное слово имп. Екатеринѣ», въ 1796 г. (Сопик. III, 3666).

187. *Вяземскаго кн.* Отмѣтки при чтеніи историч. похвальнаго слова Карамзина Екатеринѣ II, «Складчина» 1874, стр. 625; поправки къ этой статьѣ, самого князя, Голось 1874, № 124; Соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 345—373.

188. *Тургенева Н.*, о запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи: La Russie et les Russes. Bruxelles 1847. т. I.

189. *Блудова гр.* Отношеніе къ министру Двора кн. П. М. Волконскому (1852) о запискахъ Карамзина, «Утро» 1866, стр. 192. Тоже, подъ заглавіемъ «Мнѣніе гр. Блудова о двухъ запискахъ Карамзина». Гр. Блудовъ, соч. Ковалевскаго, Спб. 1866, стр. 231—233. Тоже, Витеб. Губ. Вѣд. 1866, № 52; Вѣстн. Зап. Россіи 1867, № 6.

190. *Корфа гр.* отзывы о Запискѣ Карамзина, въ книгѣ

«Жизнь гр. Сперанскаго», т. I, стр. 132—133, примѣчанія на стр. 134, 137, 138, 139, 140; текстъ, стр. 141—144; примѣч. на стр. 161—165, 180—181; т. II, 9.

191. *Лонгинова*, Моск. Вѣдом. 1863, № 187.

192. *Грота*, Моск. Вѣд. 1866, № 30 (о Запискѣ Карамзина) Сборникъ статей Отд. Р. Яз. и Слов., 1867, т. I, стр. 12—13, и т. X, № 3, стр. 12—13.

193. *Лонгинова*, замѣтка, Соврем. Лѣтопись 1866, № 9.

194. *Булича*, въ біограф. очеркѣ Карамзина, стр. 623—627.

195. *Блудова гр.* рассказъ Я. К. Гроту, «Торж. собраніе И. Ак. Н. 1866, 1 дек.» стр. 41, прим. 79.

196. *Калачова*, О значеніи Карамзина въ исторіи р. законодательства, Бесѣды въ Общ. Люб. Р. Слов., М. 1867, вып. I.

197. Историческая замѣтка о запискѣ Карамзина «Мнѣніе р. гражданина», Р. Арх. 1869, № 2, стр. 303.

198. *Пыпина*, Вѣстн. Европы 1870, № 9.

199. *Косицы (Н. Страхова)* Вздохъ на гробѣ Карамзина, Заря 1870, № 10 (по поводу статьи г. Пыпина).

200. Спб. Вѣдом. 1870, № 264, статья Z. (о мнѣніи Пыпина).

201. (*Каченовскаго*) Къ господамъ издателямъ «Украинскаго Вѣстника», которые въ 5 кн. своего журнала помѣстили записку о достопамятностяхъ Москвы и приписали ее Карамзину; Вѣстн. Евр. 1818, № 13, стр. 39. (Въ этой статьѣ показаны грубыя ошибки, находящіяся въ запискѣ, доказывающія, что авторъ ея—не исторіографъ, а между тѣмъ онъ точно). См. отзывъ м. Евгенія, Сборн. II. Отд. V, вып. I, стр. 167.

202. О той же статьѣ Карамзина замѣтки *Грота* въ книгѣ «Письма Карамзина къ Дмитріеву», примѣчанія, стр. 0104—0109; тутъ же приведены отрывки, бывшіе въ первопечатномъ текстѣ и потомъ выпущенные.

и) ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

203. *Жуковскаго*, письмо къ Дмитріеву (1816), Русск. Арх. 1866, стр. 1629—1630; Соч. Жуковскаго 1878, VI, 426.

204. *Орлова М. Ѳ.* письмо къ Д. П. Бутурлину (собственно о предисловіи къ И. Г. Р., 1817).

205. *Муравьева Н. М.*, то-же—о предисловіи; отрывки напечатаны у Погодина II, 199—203 и въ статьѣ Щебальскаго, Русск Вѣстн. 1866, № 11, стр. 241.

206. Первый отзывъ Вѣстн. Европы объ И. Г. Р., 1818, ч. 97, № 4, стр. 307, вслѣдъ за извѣстіемъ объ открытіи памятника Минину и Пожарскому; затѣмъ № 18, стр. 125.

207. Сынъ Отеч. 1818, ч. 43, стр. 251—256.

208. *К. III—ва* письмо объ И. Г. Р., Сынъ Отеч. 1818, ч. 44, стр. 157—159.

209. Еще объ И. Г. Р., Сынъ Отеч. 1818, ч. 46, стр. 153—158, подпись: .— з.

210. *Сперанскаго* письмо объ И. Г. Р., (1818) Русск. Арх. 1869, № 5, стр. 919—920; съ грубой опечаткой: томамъ, вм. Юмамъ; перепеч. въ № 10, стр. 1693—1694.

211. *Петрушевскаго Ѳ.*, Благонамѣренный 1818, ч. 2, стр. 366—369.

212. *Н. Н.*, О переводахъ И. Р. Г., Сынъ Отеч. 1818, ч. 48, стр. 225, 261.

213. Журналь древней и новой словесности, 1818, ч. 1, стр. 159—161.

214. *Ф. (Каченовскаго)*, письма кіевскаго жителя къ его другу, Вѣстн. Евр. 1819, ч. 103, № 2, стр. 117; № 3, стр. 198; № 4, стр. 289, часть 104, № 5, стр. 45, № 6, стр. 124. Въ этихъ письмахъ помѣщенъ критическій разборъ предисловія къ И. Г. Р. и двухъ переводовъ этого предисловія на франц. языкѣ, сдѣланныхъ въ Парижѣ г. Фюрси Лесне и Жюльеномъ, и въ Петербургѣ г. Жоффри и Томасомъ.

215. *Жителя Девичьяго поля*, Письмо къ редактору, Вѣстн.

Европы, 1819, ч. 104, № 6, стр. 115. Нѣсколько замѣчаній на нѣкоторыя неточныя выраженія въ Исторіи Карамзина.

216. *Ходаковскаго* З. Розысканія касательно русск. исторіи, Вѣстн. Евр. 1819, № 20, стр. 277. Здѣсь разсматривается вопросъ: когда родъ славянскій вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ единообразный; далѣе объясняется этимологическое производство названій племень, населявшихъ древнюю Русь; при этомъ дѣлаются замѣчанія на Исторію Карамзина; географическія показанія Ходаковскаго весьма важны, по мнѣнію Каченовскаго.

217. *Руссова С. В.* Обзоръ критики Ходаковскаго на И. Г. Р. Спб. 1820, въ 8 д. л., 130 и 2 нен. стр.

218. Письмо Каченовскаго (1820) къ Гнѣдичу о критикѣ на И. Г. Р.; Русск. Арх. 1868, № 6, стр. 972.

219. Благонамѣр. 1820, № 10, стр. 215 (о VIII-мъ томѣ).

220. Отзывы иностранныхъ журналовъ: *Le Courrier* 1810, № 107 (такъ сказано въ Запискахъ Дмитріева, стр. 102, но конечно годъ долженъ быть 1820 или 1819).

221. *L'Impartial*, 1820, № 2.

222. *Le Constitutionnel* 1820, № 8.

223. *Moniteur universelle* 1820, № 306, перепеч. въ Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, стр. 0138.

224. *Journal des Débats*, 1820, декабря 5, 10 и 12, подъ заглавіемъ *Variétés*. (см. здѣсь № 228).

225. *Bulletin des sciences historiques*, 1824 (№ не означенъ въ книгѣ Дмитріева),

226. *Jahrbücher der Litteratur*, 20 Band. 1822.

227. *Берне Людовика*, Полное собраніе сочиненій его, Stuttg. 1840. 3-е изд., ч. III, стр. 318—321; перепеч. въ Вѣстн. Евр. 1866, т. II, стр. 180—181.

228. О безпристрастіи историка и о томъ, въ чемъ именно состоятъ занимательность русск. исторіи для иноземныхъ читателей, Вѣстн. Евр. 1821, № 1, стр. 35. По поводу перевода И. Г. Р., напечатаннаго къ Парижѣ, въ *Journal des Débats* помѣщены три статьи, въ которыхъ находятся возраженія на мысль

Карамзина и за которую упрекають его въ пристрастіи; мысль та, что русск. исторія имѣеть всеобщее достоинство, а не только для русскихъ, и сравнивается съ исторією Греціи и Рима; на это возражають, что Россія не имѣла на Европу того вліянія, которое оказали Греція и Римъ, а новая Россія дѣлаеть любопытною свою древнюю исторію.

229. *Арцыбашевъ Н.* Вѣстн. Евр. 1821, №№ 12, 19 и 23, въ статьяхъ о Курбскомъ, Грозномъ и отрывкѣ изъ Леклерка, авторъ возстаеть противъ мнѣній Карамзина объ Иванѣ IV и говоритъ, что стыдно русск. историку распространяться о жестокости Ивана IV, тѣмъ болѣе, что большая часть извѣстій объ этомъ неосновательны. О статьяхъ Арцыбашева см. замѣтку пресвященнаго Евгенія въ письмѣ къ Анастасевичу, въ альманахѣ «Русск. Правда», Кіевъ 1860, стр. 81—82 и въ Сборн. П Отд. И. А. Н. т. V, вып. 1, стр. 59.

230. *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1822, т. II, № 133 и 134, стр. 1321; перев. въ Сѣв. Арх. 1822, ч. IV, № 24, стр. 486—504, подъ заглавіемъ «Взглядъ на И. Г. Р., переведенный изъ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей». Это—краткое обозначеніе того, что содержатъ въ себѣ первые 8 томовъ И. Г. Р., написанное съ пышными похвалами сочинителю и безъ всякой критики. Сдѣланы только два дѣльные замѣчанія: а) что Карамзинъ смѣшалъ имена татаръ и монголовъ и б) побудительною причиною всѣхъ дѣйствій русск. князей выставилъ чувство чести, въ смыслѣ чести рыцарской. На эти замѣтки возражаеть переводчикъ въ примѣчаніяхъ, но неудачно. Ниже встрѣтимъ въ Сѣв. Архивѣ замѣчанія какого-то А. М. на нѣмецкую рецензію, но и эти замѣчанія, по мнѣнію А. Н. Афанасьева, также не заслуживають вниманія.

231. *Лелевеля.* Разсмотрѣніе И. Г. Р., Сѣв. Архивъ 1822, № 23, стр. 402; 1823 г. № 19, стр. 52; № 20, стр. 147; № 22, стр. 287; 1824 г. № 1, стр. 41; № 3, стр. 163; № 15, стр. 132; № 16, стр. 187; № 19, стр. 47 (части 8, 9, 11, 13 и 14). Съ предисловіемъ *Бумарина*. По мнѣнію г. Афанасьева, статья Ле-

лелева очень замѣчательна; она и теперь сохраняетъ всю свою цѣну въ области нашей исторіи.

232. *А. М.*, примѣчанія на геттингенскую рецензію, Сѣв. Арх. 1823, № 1, стр. 91—100.

233. *Ходаковскаго*. Извѣстіе о Гуляй-городѣ, Сѣв. Арх. 1823, № 4, стр. 369. Авторъ опровергаетъ Карамзина, утверждая, что Гуляй-городъ было урочище на лѣвомъ берегу Оки, а не подвижное укрѣпленіе, какъ принимаетъ Карамзинъ въ описаніи битвы съ татарами. (О Ходаковскомъ см. Записки о жизни Н. Полеваго, Спб. 1860, стр. 87—94).

234. *Полеваго Н.*, о мѣдныхъ капищахъ и мѣдныхъ коняхъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи преп. Нестора. Отеч. Зап. 1823, № 42, с. 52 и № 43, с. 198. Мнѣніе Карамзина, что капища были истуканы признается невѣрнымъ; по однимъ — капищемъ означалось мѣсто, содержащее статуи, по другимъ — это были мѣдныя доски съ надписями; наконецъ думали, что переписчики лѣтописи образовали капищи отъ слова скапищи, увеличительное отъ *scapus* — косякъ и двери, затворъ.

235. *Евгенія митр.* замѣтки о нѣкоторыхъ годахъ въ исторіи Карамзина (1824), Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1864, кв. 2. отд. 1, письмо м. Евгенія къ І. Григоровичу, стр. 88.

236. *Погодина*, Нѣчто о толкованіи одного мѣста въ Несторѣ, Вѣстн. Евр. 1824, № 4, стр. 260. Погодинъ говоритъ, что Карамзинъ неправильно объяснилъ слово Нестора, что 3 братья *пояша по собѣ всю Русь*, полагая, что они взяли съ собою всѣхъ русск. варяговъ. Погодинъ же объясняетъ, что братья раздѣлили между собою земли, которыя назвались послѣ Русью.

237. *Ею же*, Вѣстн. Евр. 1824, № 4, стр. 283, еще объ одномъ мѣстѣ изъ Нестора, которое Погодинъ понимаетъ иначе, чѣмъ Карамзинъ.

238. *Ею же*: Нѣчто противъ опроверженій Лелевея, Вѣстн. Евр. 1824, № 5, стр. 19. Лелевель думалъ, что русск. князья сначала жили въ Ладогѣ, а не въ Новгородѣ, Погодинъ раздѣляетъ

мнѣніе Карамзина и въ подтвержденіе его ссылается на Калайдовича.

239. *В. (Воейкова)*, Нѣсколько словъ объ И. Г. Р., *Новости Литер.* 1824, № 10, стр. 152—158.

240. *Арцыбашева*, *Вѣстн. Евр.* 1824, №№ 16, 17, 18, 21, въ статьяхъ объ в. кн. Изяславѣ.

241. *М.*, Литературное воспоминаніе, *Отеч. Зап.* 1825, ч. 24, № 67, стр. 316—324; г. М. думаетъ, что Карамзинъ, нашъ Ливій, не можетъ подлежать критикѣ, и возстаетъ противъ Арцыбашева за его критическія замѣчанія въ статьѣ объ Изяславѣ и упрекаетъ Арцыбашева въ неуваженіи трудовъ исторіографа.

242. *Бумарина*: Критическій взглядъ на X и XI томы И. Г. Р., *Сѣв. Арх.* 1825, № 1, стр. 60; № 2, стр. 182; № 3, стр. 271; № 6, стр. 176; № 8, стр. 362. Статья неокончена и не отличается особенными достоинствами. Оспаривая Карамзина, авторъ самъ надѣлалъ едва ли не больше ошибокъ.

243. *Д. З. (Дмитрія Зубарева?)* Историческія справки. Критическія замѣчанія на V томъ И. Г. Р., *Вѣстн. Евр.* 1825, № 11, стр. 187.

244. *Бумарина*. Замѣчанія на (предыдущую) статью «Историческія справки», *Сѣв. Арх.* 1825, № 14, стр. 151—172.

245. О новѣйшихъ критическихъ замѣчаніяхъ на И. Г. Р. (по поводу «Историческихъ справокъ»), статья 1-я, продолженія не было. *Моск. Телегр.* 1825, № 15, стр. 234—243.

246. Въ защиту новѣйшихъ критическихъ замѣчаній (отвѣтъ на статью *Моск. Телегр.*), *Вѣстн. Евр.* 1825, ч. 144, № 21, стр. 17.

247. *Погодина*: о характерѣ Іоанна Грознаго (1825) противъ взглядовъ Карамзина. «Историко-критическіе отрывки», М. 1846 г.

248. *Арцыбашева Н.* Первый и послѣдній отвѣтъ на псевдокритику, *Вѣстн. Евр.* 1826, № 2, стр. 106. Отвѣтъ на статью «Литературное воспоминаніе», см. здѣсь № 241).

249. *Погодина*, (1827). Обь Отрепьевъ. Обь участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія, по поводу взглядовъ Карамзина, Моск. Вѣстн. 1829, № 3; Историко-критическіе отрывки, М. 1846 г.

250. *Leipziger Literatur-Zeitung* 1827, № 22.

251. Возраженіе на предыдущую статью — *Blätter für literarische Unterhaltung*, 1827, № 156, «Заслуги Карамзина, историческаго изслѣдователя и историческаго писателя».

252. Споръ въ нѣмецкихъ журналахъ обь И. Г. Р., Моск. Телегр. 1827, № 23, стр. 207—220.

253. *Зиновьева А.*, о началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической россійской исторіи, разсужденіе на степень магистра, М. 1827. 8°. 72 стр.

254. *Пушкина А. С.*, отзывы обь И. Г. Р. Сѣверн. Цвѣты, 1828; соч. П-на, изд. Анненкова, т. V, стр. 7, 8, 9, повтореніе на стр. 24, 25; примѣчанія Анненкова, стр. 104, 106; т. VII проза, стр. 50 (въ эпитаграфѣ), 70, 76, 77, 78, 79 и 107; Русск. Арх. 1870, стр. 1173, въ письмѣ къ Жуковскому: 1875, II, 178, въ объясненіе словъ П-на. Соч. Пушкина, 1881, V, стр. 44—46, 65, 92.

255. Сѣв. Архивъ 1828, № 1 (Указаніе г. Межова въ его каталогѣ 1869, № 5493,10; но въ указателѣ къ Сѣв. Архиву, сост. Афанасьевымъ, этой статьи мы не встрѣчаемъ).

256. *Погодина*. Нѣчто противъ мнѣнія Карамзина о началѣ государства россійск., Моск. Вѣстн. 1828, ч. 7, стр. 483—490.

257. *Гусятникова М.*, о титулѣ в. князей, Моск. Вѣстн. 1828, ч. 8, стр. 203—209.

258. *Арцыбашева*, Моск. Вѣстн. 1828, ч. 11, стр. 285—318; ч. 12, стр. 52—91 и 254—285. (Прежде было напечатано въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1822 и 1823, а здѣсь перепечатано въ исправленномъ видѣ).

259. Нѣсколько словъ на замѣчаніе Арцыбашева, Моск. Вѣстн. 12, стр. 325—344, подписано: Dixit.

260. О критикахъ Вѣстн. Евр. на И. Г. Р., Моск. Телегр. 1828, ч. XXIV, № 23, стр. 372, 1.

261. The foreign Quarterly Review, 1828, № 5.

262. *Строева П. М.*, письмо (V), Моск. Вѣстникъ 1828, №№ 23—24, стр. 389—395.

263. *Арцыбашева*, Моск. Вѣстн. 1829, ч. 3, стр. 29—68; отвѣтъ ему *Погодина*, тамъ же, стр. 197—202.

264. О критикѣ Арцыбашева на И. Г. Р., Сынъ Отечества 1829, ч. 123, стр. 122—125.

265. *Руссова Ст.* Примѣчанія на V письмо Строева о критикѣ Арцыбашева, Сынъ Отеч. 1829, ч. 123, стр. 239—241.

266. Сѣв. Пчела 1829, №№ 26 и 53.

267. *Руссова Ст.* О критикѣ Арцыбашева на И. Г. Росс., Спб. 1829, въ 12°, 105 стр. (Смирд. 10134; рец. въ Моск. Телегр. 1829, т. XXV, № 3, стр. 404).

268. Помѣщеніе въ Моск. Вѣстн. 1828 г. замѣчаній г. Арцыбашева на И. Г. Р. возбудило чуть не всеобщее гоненіе на *Погодина*, допустившаго его статьи въ своемъ журналѣ; противъ этихъ нападокъ см. статьи *Погодина* въ Моск. Вѣстн. 1828, ч. 12, стр. 186—190; 1829, ч. 2, стр. 261 и 1830, № 3, Смѣсь, стр. 309—312 и Москвит. 1845, № 9, Письмо изъ Симбирска.

269. По поводу критическихъ замѣчаній Арцыбашева (письмо къ *Погодину* 1828 г.), Соч. *кн. Вяземскаго*, Спб. 1879, т. II, стр. 82—84.

270. *Блудова*, предисловіе къ XII т. И. Г. Р. 1829, VII.

271. *Сомова О.* Антикритика. Хладнокровныя замѣчанія на толки гг. критиковъ И. Г. Росс. и ихъ сопричетниковъ, Моск. Телегр. 1829, ч. 25, № 2, стр. 238—247.

272. *Полеваго*, Московск. Телегр. 1829, ч. XXVII, № 10, стр. 249—252, и № 12, стр. 467—500; переп. въ «Очеркахъ Русск. Литер.» *Полеваго*, Спб. 1839, ч. 2, стр. 1—34; см. тамъ же, стр. 43, 44, 48, 50, 53. Нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній *Полеваго* на И. Г. Р. разбросано въ его «Исторіи русскаго на-

рода» и въ разборѣ драмы Пушкина Борисъ Годуновъ, «Очерки р. литературы, Спб. 1839», т. I, стр. 184—189.

273. *В. К.* Нѣчто о критикѣ Полеваго, Галатея 1829 ч. 8, стр. 199—216.

274. *Перовскаго Алексѣя.* Мои мысли о критикѣ сочинителя Исторіи русскаго народа на И. Г. Р., Славянинъ 1829, №№ 48 и 49, стр. 375—394, съ примѣчаніями Воейкова и отд. Спб. 1829, 8°. 20 стр. (рец. Моск. Телегр. 1829, № 24, стр. 461). Полевой думалъ, что статья принадлежит Воейкову; но онъ ошибся.

275. *Сень-При, графа А.*, объ И. Г. Р., въ рецензіи на книгу Сегюра Histoire de Russie et de Pierre le Grand, перев. въ Моск. Телегр. 1829, ч. 30, № 21, стр. 70—72.

276. *Каченовскаго*), разборъ послѣдняго тома Исторіи Карамзина; выписка лучшихъ мѣстъ, какъ образцовъ русск. слога и указаніе нѣкоторыхъ неровностей, Вѣстн. Евр. 1829, № 17, стр. 3; № 18, стр. 94.

277. Возраженія на мнѣніе Карамзина о соборномъ кievскомъ дѣяніи, въ книгѣ «Разсужденіе о соборахъ русской церкви». Спб. 1829, прим. 43.

278. *Дмитріева М.* О противникахъ и защитникахъ исторіографа Карамзина, три статьи, Атенеи 1829, ч. 1, стр. 295—312, 424—444 и 524—535. Отдѣльное изданіе. М. 1829, 8°. 52 стр.

279. *Полеваго:* Исторія русскаго народа. М. 1829—1833. Почти всѣ примѣчанія I тома и отчасти II направлены противъ Карамзина.

280. *Кирѣвскаго И. В.* (1830). Денница 1830; Сочиненія Кирѣвскаго, М. 1861, т. 1, стр. 20—22, 25—28, о критикахъ на И. Г. Р.

281. *Полеваго*, о взглядахъ Кирѣвскаго на Карамзина, Моск. Телегр. 1830, № 2, стр. 204—209, 213—215.

282. *Калайдовича И.*, Московскій Вѣстникъ 1830, ч. 2, стр. 265—295.

283. *Бояркина Н. И.*, Историческія замѣтки на примѣч. 154-е III т., на примѣч. 81-е III т., на примѣч. 164-е III т. Моск. Телегр. 1831, № 14, стр. 282—283.

284. Моск. Телегр. 1831, № 22, стр. 256.

285. *Бѣлинскаго*, о Смирдинскомъ изданіи И. Г. Р. (1831), IX, стр. 442—443.

286. *В. Т.* Азбучный списокъ всѣхъ важнѣйшихъ происшествій, именъ достопамятнѣйшихъ людей, народовъ и городовъ, заключающихся въ 3-мъ изданіи И. Г. Р., съ показаніемъ тома и страницъ. Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1832. 8°. 99 стр. (О немъ Моск. Телегр. 1833, № 7, стр. 443—446, говорить: «забавная книжка... шуточная мистификація».)

287. Сѣв. Пчела 1835, № 125.

288. *Кн. Вяземскаго* (1836): проектъ письма къ гр. Уварову (объ И. Г. Р.), Соч. кн. Вяземскаго, т. II, 1879, стр. 214—226, съ замѣтками *Пушкина*.

289. *Строева П. М.* Ключъ къ И. Г. Р. М. 1836, 8°. 2 ч. 1, 2 нен. и 398; II, 300 стр. Съ 15 табл. Замѣтки о немъ:

а) *Пушкина*, Сочиненія, изд. Анненкова, I, 426.

б) Сѣв. Пчела 1836, № 281.

в) Лит. Приб. къ Русск. Инв. 1837, № 9, стр. 86.

290. *Надеждина Н. И.* Объ историческихъ трудахъ въ Россіи, Библ. для Чтен. 1837, т. 20, № 37, отд. III, стр. 93—137 (о Карамзинѣ стр. 108); тамъ же, отд. VI, стр. 18—20.

291. Живописный Карамзинъ, рец. Библ. для Чтен. 1837, т. XXIV, отд. VI, стр. 67 и т. XXVIII, vi. 36.

292. *Давыдова И.* Чтенія о Словесности, курсъ 2-й. М. 1838, стр. 255, 289—308.

293. Новое изданіе И. Г. Р., Эйнерлинга, Ж. М. Н. Пр. 1842, ч. 33, № 1, отд. VII, стр. 18—20.

294. Тоже, Маякъ 1842, т. 1. Смѣсь, стр. 111; т. 5, Критика, стр. 55—115, статьи *С. Бурачка* (разборъ И. Г. Р. паралельно съ Исторіей Н. Полеваго).

295. Тоже, Москвит. 1842, т. 1, № 2, Смѣсь, стр. 86.

296. Тоже, Отеч. Записки 1842, № 7, стр. 19—21; № 12, стр. 46.
297. Тоже, *Полеваго Н.*, Русск. Вѣстникъ 1842, № 5—6, стр. 58—64.
298. Тоже, *Савельева Н.*, С.-Петербур. Вѣдом. 1842, № 171.
299. Тоже, Сѣв. Пчела 1842, № 120.
300. *Полеваго Н.* Прокофій Ляпуновъ (по поводу мнѣній о немъ Карамзина), Русск. Бесѣда 1842, т. III.
301. *Бантыша-Каменскаго*, Опроверженіе обвиненій, взводимыхъ на мнѣніе Карамзина о Ляпуновѣ, От. Зап. 1842, № 10.
302. *Савельева Н.* О необходимости критическаго изданія Исторіи Карамзина. Жизнь Вл. Андр. Старицкаго, Сынъ Отеч. 1842, № 1, стр. 36—54.
303. Маякъ 1842, т. 2, Смѣсь, стр. 28.
304. Маякъ 1843, т. 7, Нов. книги, стр. 39.
305. Отеч. Зап. 1843, № 7, стр. 25—26.
306. Сѣв. Пчела 1843, № 88; статья Z. Z.
307. Литературная Газета 1844, № 9.
308. С.-Петербур. Вѣдом. 1844, № 52, *Н. Савельева*.
309. *Буслаева Ѳ.* О преподаваніи Отеч. языка, М. 1844, ч. 1, стр. 143—177, Исторія Карамзина, какъ средоточіе гимназическаго курса словесности; значеніе языка; выборъ выражений изъ нея для синонимики, грамматики и стилистики; разнообразіе содержанія; выраженія, заимствованныя въ нее изъ древнихъ памятниковъ. (Примѣры приведены изъ всѣхъ 12 томовъ; слича архаизмы во II т. стр. 307—309).
310. *Бѣлинскаго*: Значеніе Исторіи Карамзина I, 64—65; II, 212—214; III, 438—439; VI, 33—35; VII, 305—308; VIII, 137—138, 613—620; X, 54—55; XII, 159—160, 180, 184.
311. *Строева П.* Ключъ къ И. Г. Р., приспособленный къ изданію Эйнерлинга; замѣтки о немъ:
- а) Библ. для Чтен. 1844, т. 63, отд. VI, стр. 31—32.
- б) Маякъ 1844, т. 14, стр. 51, Нов. книги.

в) Отеч. Зап. 1844, т. 33, стр. 20.

г) Современникъ 1844, т. 33, стр. 321; Соч. Плетнева, т. II, стр. 423.

д) Сѣв. Пчела 1844, № 105, статья Б. Ф.

е) *Срезневскаго*, Сборн. II Отд. т. XVII, стр. LXXIII—LXXIV.

312. *Руссова С.* Разборъ мнѣній Карамзина и Буткова объ Альдейгабургѣ (Нарвѣ), Маякъ, 1844, т. 14, Критика, стр. 66.

313. Русская исторія въ картинахъ, дополненіе Живописнаго Карамзина, Спб. 1844; реценз. Маякъ 1844, т. 15, стр. 7, (см. здѣсь № 291).

314. *Кавелина К.*, въ статьѣ о книгѣ Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода...», Отеч. Зап. 1845, т. 43, Библ. Хрон.; перепеч. въ Сочиненіяхъ Кавелина, М. 1859, ч. II; см. тамъ и другія мѣста: стр. 29—30, 91, 112—118, 120, 128, 151, 152, 219, 261, 454, 497, 504, 506, 532, 534, 597—599.

315. *Хомякова А.* (Отзывы объ Исторіи и вообще о Карамзинѣ, 1844—1860). Соч. X., М. 1861, т. I, стр. 41, 54, 55, 65, 483, 595, 686, 692.

316. *Вяземскаго кн. П. А.*, (1847 г.). Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 362—366; Русск. Арх. 1876, I, 201.

317. Нѣсколько примѣчаній къ словамъ Карамзина о Чудскомъ кладбищѣ, Сынъ Отеч. 1847, № 2, стр. 1—16.

318. *Жуковскаго*, Сочин. VI, 99 (нѣсколько словъ о нравственномъ значеніи Карамзина и его Исторіи).

319. *Венелина Ю.*, «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1847, кн. 8, стр. 31—50. (Мысли объ исторіи...).

320. *Старчевскаго*, Русская историческая литература въ 1-й половинѣ XIX в., Библ. для Чтен. 1852, т. 111, стр. 1—48, т. 112, стр. 1—108.

321. *Соловьева С. М.*, Н. М. Карамзинъ и его литературная дѣятельность: И. Г. Р., томы 1—12. Шесть статей, Отеч. Зап. 1853, т. 90, отд. II, стр. 31; 1854, т. 92, стр. 125—140; т. 94, стр. 33—46; 1855, т. 99, стр. 101—142; т. 100,

стр. 35—60; 1856, т. 105, стр. 405—450. Рецензія на статьи Соловьева:

- а) Пантеонъ 1855, № 7; б) Сынъ Отеч. 1856, № 7;
в) С.-Петербург. Вѣдом. 1856, № 85.

322. *Давыдова И.* Взглядъ на И. Г. Р., со стороны художественной, Извѣстія II Отд. Имп. Акад. Наукъ 1855, т. IV, вып. 5, стр. 209—243, и отдѣльно 8°, 54 стр. (Обозрѣніе въ Ж. Мин. Нар. Просв. 1855, № 12, отд. 6, стр. 135—137). Трудъ Давыдова вызванъ былъ предложеніемъ *Срезневскаго*, рѣшить вопросъ — о современномъ значеніи Карамзина, какъ историка и объ успѣхѣ историческаго художества въ Россіи послѣ Карамзина и о значеніи его въ сравненіи съ Карамзинымъ. Въ то же время *Бередииковъ* вызвался было разсмотрѣть И. Г. Р. въ отношеніи къ приведенію въ извѣстность историческихъ матеріаловъ и со стороны историко-критической, и въ засѣданіи 27 февраля 1854 г. читана имъ была «Записка о ходѣ русской исторіи отъ Петра I до нашего времени»; но, кажется, она не была напечатана (Изв. II Отд., т. III, стр. 138—139).

323. *Соловьева*, о критикѣ Каченовскаго на И. Г. Р., Біограф. Словарь профессоровъ Московск. универс. ч. I, стр. 395—399.

324. *Аксакова К.* (1856). Сочиненія, М. 1861, т. 1, стр. 60, 132, 164, 165, 220, 253.

325. С. Н. П. (*Палаузова*), Карамзинъ въ новогреческомъ переводѣ; С.-Петербург. Вѣдом. 1856, № 7 и отд. въ 12°; Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, ч. 89, № 3, отд. VII, стр. 103—107; Отеч. Зап. 1856, т. 104, отд. V, стр. 92; С.-Петербург. Вѣдом. 1860, № 41.

326. *Устрялова*, во введеніи къ его «Исторіи Петра Великаго». Спб. 1858, т. I, (противъ взглядовъ Карамзина на преобразование).

327. (*Бестужева-Рюмина*). Значеніе исторіи Карамзина въ развитіи русской исторіографіи, Моск. Обозр. 1859, № 1, въ статьѣ «Современное состояніе русской исторіи какъ науки», стр. 18—30.

328. *Попова Н. А.* Вступительная рѣчь... объ историческихъ трудахъ Татищева, Щербатова и Карамзина..., Моск. Вѣдом. 1860, № 225.

329. *Наумова А. А.* Несторъ и Карамзинъ. Опытъ уясненія нѣкоторыхъ данныхъ въ И. Г. Р. (1068—1093). Переводъ съ нѣмецкаго. Архивъ Истор. Юрид. свѣд. о Россіи, М. 1850, кв. 1, отд. V, стр. 1—46; 1861, кн. III, отд. V, стр. 1—56. Восемь статей, изъ *Studien Эверса* (1830).

330. *Погодина* (1862), въ ст. о поученіи Мономаховомъ, о переводѣ Карамзина и о разныхъ мнѣніяхъ его объ этомъ памятникѣ, Изв. II Отд., т. X, стр. 234—244.

331. *Дмитрюкова С.* Рѣка Локня, Замѣтка на исторію Карамзина и Соловьева, Этнографическій Сборн. 1862, вып. 5, Смѣсь, стр. 23—24.

332. *Ставровскаго*, разборъ сочиненія на тему: изложить историческій характеръ разработки русской исторіи отъ Карамзина до нашего времени, именно: направленія и научные результаты этой разработки, относительно пониманія и хода основныхъ элементовъ быта русскаго народа, Университетскія Извѣстія, Кіевъ, 1863, № 11, стр. 41—54.

333. *Аристова Н. Я.* Н. М. Карамзинъ, какъ русскій историкъ, Литер. Библ. 1866, № 4 (вторая ноябрьская книжка), стр. 16—25. Тоже, въ Ученыхъ Запискахъ Казанск. Университета 1867.

334. *Гоготскаго С.*, Карамзинъ какъ моралистъ и историкъ. Кіевъ. 1866. (Изъ Унив. Изв. 1866, декабрь, особ. прилож.).

335. *Устрялова.* Взглядъ на И. Г. Р., «Торж. Собр. Имп. Ак. Наукъ, 1 декабря 1866», Спб. 1867, стр. 46—58.

336. *Галаховъ А.* Образъ мыслей Карамзина, какъ историка, Вѣстн. Европы 1866, т. IV.

337. *Погодина.* Идеи Карамзина, какъ публициста, тамъ же.

338. *Соловьева.* Историческія поминки по историкѣ, Моск. Вѣдом. 1866, № 254, Моск. Унив. Изв. 1867, № 3; Кн. Вѣстн. 1867, № 5—6, стр. 120—123.

339. *Өирсова*, Карамзинъ объ исторіи сѣверовосточной Россіи, Учен. Зап. Казанск. Унив. 1867, № 1, стр. 28—51.

340. *Шпилевскаго С.*, И. Г. Р., въ отношеніи къ исторіи русскаго права, тамъ же, стр. 52—99.

341. *Бестужева-Рюмина К. Н.*, Карамзинъ, какъ историкъ, Журн. М. Н. Просв. 1867, № 1, стр. 1—20, перепечатано въ книгѣ «Біографіи и характеристики», Спб. 1882 г.

342. *Каратыгина А.*, воспитанника Новгородской семинаріи, Значеніе Карамзина, какъ историографа, для жизни русск. народа, Новгор. Губ. Вѣдом. 1866, №№ 51 и 52.

343. *Говорова К.* Куликовская битва Карамзина въ сравненіи съ лѣтописнымъ разсказомъ по Никоновской лѣтописи, Филологическія Записки 1867, № 6, стр. 287—302.

344. *Водовозова В.*: Взятіе Казани по Карамзину въ сравненіи съ разсказомъ Курбскаго и Царственной книги, «Словесность въ образцахъ и разборахъ», Спб. 1868, стр. 221—233 (тамъ же разсказъ о мищеніи Ольги по Нестору, Соловьеву и Карамзину, стр. 205—221).

345. *Стоюнина В.* О преподаваніи русской литературы, Спб. 1868, Исторія Карамзина, стр. 297—307.

346. *Иконникова*, Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи. Универс. Извѣстія. Кіевъ, 1869, №№ 1—12.

347. *Лашинюкова*: Очерки русской исторіографіи и исторіи, Унив. Извѣстія. Кіевъ, 1869, августъ 1—22; 1872, стр. 1—13, май 1—19, іюнь 1—18, сентябрь 1—13.

і) Вообще о сочиненіяхъ Карамзина.

348. *Иванчина-Писарева Н.*, письмо къ Ш-ву, о сочиненіяхъ Карамзина, Сыгъ Отеч. 1819, т. 57, стр. 81—86.

349. *Греча*. Опытъ краткой исторіи русской литературы, Спб. 1822, стр. 247—249, 277—280.

350. *Бестужева (Марлинскаго)*: Отзывъ о заслугахъ Карамзина, въ статьѣ «Взглядъ на старую и новую словесность въ

Россіи», Пол. Звѣзда, 1823. См. Полное собраніе сочин. Марлинскаго, Спб. 1847, т. IV, ч. XI, стр. 115, 117, 127, 142, 195—196, 205.

351. Въ изданіи *А. Бальби*: «Atlas ethnographique du globe. Paris, 1826», въ статьѣ: «Coup d'oeil sur ... la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie». — Отзывъ объ этой статьѣ см. въ Моск. Телегр. 1827, ч. XVII, № 18, отд. 1, стр. 29, 30, 112—116, 121, 127 и 128, *Н. Полеваго*. Статья въ изданіи Бальби принадлежитъ какому-то русскому *Л. Н.*, который въ 1827 г. въ письмѣ своемъ въ Парижъ къ Клапроту фигурировалъ подъ именемъ Бюсси-Рабютена и просилъ его помѣстить статью о сочиненіяхъ одного изъ русскихъ писателей (имени его никому знать не нужно), увѣряя г. Клапрота, что этотъ писатель есть *первый изъ вѣсѣхъ писателей русскихъ*. Потомъ открылось, что *Л. Н.* (Бюсси-Рабютень тожь) самъ себя хотѣлъ расхвалить. Кто этотъ шутъ?

352. *Иванчина - Писарева*: Рѣчь въ память историографу Россійской Имперіи, «Литер. Музеумъ 1827, изд. Вл. Измайлова, перепеч. въ Отеч. Галлерей, его же» 1832, ч. I. (Рецензія: Моск. Вѣстн. 1827, ч. III, № 10, стр. 167—177, *М. Погодина*; Моск. Тел. 1827, ч. XV, № 12, стр. 345—347, *Ас.*, (кн. *Вяземскаго*, 1879, II, 17); ч. XVI, № 13, стр. 77—78).

353. Иностранная переписка. О Карамзинѣ и молчаніи о немъ литературы нашей, Моск. Телегр. 1827, ч. XV, отд. I, стр. 67.

354. *Шуббе А.*, Сравненіе Ломоносова съ Карамзинымъ, въ брошюрѣ «Рѣчь и стихи, произнесенные въ торжественномъ собраніи Моск. губ. гимназіи», 1829, 4^о, 46 стр. (соч. ученика).

355. Библ. для Чтен. 1835, т. 14, отд. V, стр. 17—18.

356. *Полеваго Н.* «Очерки русской литературы», Спб. 1839, ч. 1, стр. XII, XXXI, XXXIX, 99, 104, 105, 107, 109, 120, 159, 161, 162, 184—189; ч. II, стр. 462—464, 472—475, 477.

357. *Бѣлинскаго*, Значеніе Карамзина для русской литера-

туры; заслуги его для литературы и современнаго ему общества, вліяніе его на дѣльный періодъ, I, 59—61, 72, 74, 75; VI, 29—35; VIII, 120, 132—146, 612—613; XI, 12, 17—18; XII, 159—161, 176—177.

358. *Греча*. Чтенія о русскомъ языкѣ, Спб. 1840, ч. I. стр. 124—145, 158; ч. II, стр. 221—224, 332, 385, 387, 388.

359. *Быстрова*, Сѣв. Пчела 1844, № 3.

360. *Погодина*, Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытіи ему памятника въ Симбирскѣ, августа 23 дня 1845, Москвит. 1846, № 1, стр. 1—66 и отд. М. 1845, 66 стр. (Отеч. Зап. 1846, т. 45, VI, 34). *Въ экземплярѣ, принадлежащемъ Чертковской библіотекѣ, вписаны нѣкоторыя мѣста, пропущенныя въ печати.*

361. *Гоголя*: «Карамзинъ». Изъ письма къ Н. М. Языкову. По поводу похвальнаго слова Карамзину, *Погодина*, Сочиненія и Письма Гоголя, 1857, т. III, стр. 378—379.

362. *Давыдова И.*, Литературная дѣятельность Карамзина и Мерзлякова, перепеч. въ Христоматіи Галахова, М. 1857, ч. I, стр. 482—483.

363. *Плакшина В.* Руководство къ изученію исторіи русской литературы, изд. 2, Спб. 1846, стр. 178—181, 218.

364. Jahrbücher für Slav. Litt., von Jordan, 1846, № 2.

365. *Селина А.*, Карамзинъ и его предшественники, диссертація на степень магистра, Спб. 1847, (реценз. *Соврем.* 1847, т. V, библиогр. стр. 105).

366. Соч. кн. *Вяземскаго*, Спб. 1879, т. II, стр. 361—366.

367. *Чистякова М.*, Курсъ словесности. Спб. 1847, ч. 2, стр. 94—96, 138, 144, 167, 170.

368. *Милюкова*. «Очеркъ исторіи русской поэзіи», изд. 1-е, 1874, изд. 2-е, Спб. 1858, стр. 120—122.

369. *Мизко Н.*, Столѣтіе русск. словесности, Одесса 1849, стр. 161—196.

370. *Старчевскаго*: Жизнь Карамзина. Спб. 1849. (Рецензія: *N. N.*, Москвит. 1849, т. III, №№ 10 и 11, стр. 53 и 103;

Галахова: Отеч. Зап. 1849, т. 63, №№ 3 и 4, отд. VII, Журнальные замѣтки, и т. 64, № 6, стр. 105; Современникъ 1849, т. 16, № 7, Библиогр. стр. 1—5; Сѣв. Обзорѣніе 1849, № 2 (августъ), стр. 539—540, статья ***з; Сѣверная Пчела 1849, № 186, ст. К. (Классовскаго).

371. *Галахова*, Полная Русская Христоматія, ч. III, примѣчанія (первое изданіе ихъ было въ 1849; мы указываемъ позднѣйшее — 7-е, М. 1857), стр. 32—55; здѣсь біографія Карамзина, перечень его сочиненій, сужденіе о литературной дѣятельности; заслуги его касательно языка, содержанія словесности и исторіи — со стороны критики и изложенія.

372. *Галахова*, въ статьяхъ объ Измайловѣ, Соврем. 1850, № 10, стр. 55, 83—84, 89, 91, 92.

373. *Сушкова Н.*, Раутъ, истор. и литер. сборникъ, кн. 3, М. 1854. Обозъ къ потомству, № 1.

374. *Булоча*, въ брошюрѣ «Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы», Казань, 1855, стр. 27—36.

375. *Шевырева*, Исторія Московскаго универс., М. 1855 (о литературной дѣятельности Карамзина въ Москвѣ, стр. 221, 235, 239, 243, 262, 263, 265, 266, 301, 305, 325, 326, 378. На стр. 266 говорится, что Карамзинъ въ 1794 г. издалъ свой переводъ изъ Боннета: «Разсматриваніе природы», отрывки изъ котораго помѣщались еще въ «Дѣтскомъ Читеніи». Мы не знаемъ этого *отдѣльнаго* изданія въ 1794 г.; есть переводы сочиненія Боннета, но они принадлежатъ не Карамзину и не въ это время они вышли (Смирд. 1219 и 1228).

376. Nouvelle biographie generale de F. Didot 1857.

377. Сочиненія *Дружинина*, Спб. 1865, т. VI, стр. 118, 122, 138, 161, 747, 758, 762, 781, 782; т. VII, 86.

378. *Добролюбова*, Соврем. 1858, № 2, переп. въ Сочинен. его, Спб. 1862, т. 1, стр. 534—536 (о народности въ произведеніяхъ Карамзина, по поводу книги Милюкова).

379. *Лыжина Н. П.*, Матеріалы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа, Лѣтоп. Русск. Лит. и Древн.

1859, кн. III, стр. 3—12 (реп. Современ. 1860, № 5, отд. III, стр. 52—53; Р. Вѣстн. 1860, № 17, стр. 32—40, Галахова).

380. *Лыжина*, Замѣтка (Отвѣтъ Пекарскому, Современнику и Галахову. по поводу Альбома Карамзина), Русск. Вѣстн., Совр. Лѣтопись 1860, № 20, стр. 384—388.

381. *Герцена*: Былое и Думы, 1861, I, 107.

382. *Шафранова и Николмча*, Русская Христоматія, Ревель 1860, ч. 2, Краткій очеркъ исторіи русской словесности, стр. 304—306.

383. *Судовицкова*, Историческое обозрѣніе русской словесности (литограф.) К. 1860, стр. 344—357.

384. *Кенига*, Очерки русской литературы, Спб. 1862, стр. 50—60. (Сочиненіе Кенига въ подлинникѣ явилось еще въ 1837 году; ему сильно помогала *Мелмуновъ*).

385. *Галахова*. Исторія русской словесности, т. I, 1863, стр. 461—463, 574, 575, 578.

386. *Боброва Н.* Историческія воспоминанія о Карамзинѣ Приложение 6-е къ газетѣ «Народное Богатство» 1863.

387. *Судовицкова Е.* Пособіе при преподаваніи исторіи русской словесности, Кіевъ, 1863, стр. 61—65.

388. *Петрова К.*, Курсъ исторіи русской литературы, 1863, стр. 98—103; изданіе 1866 г., стр. 68—70.

389. *Шевырева* (въ Парижѣ, въ 1864 г. Шевыревъ читалъ лекціи о Карамзинѣ и Жуковскомъ, и курсъ этотъ былъ имъ диктованъ, Русск. Архивъ 1865, стр. 381, вып. 3).

390. *Караулова Г.* Очерки исторіи русской литературы, Θεодосія, 1865, т. 1, стр. 612—656.

391. *Пытина*. Обзоръ исторіи славянск. литературы, Спб. 1865, стр. 194—196.

392. *Плетнева*, письмо въ редакцію «В. Евр.», 1866, т. 1, мартъ, с. XI—XV. (Общій взглядъ на значеніе дѣятельности К.).

393. *Галахова*. Карамзинъ, біографическій очеркъ, Русск. Инв. 1866, №№ 308 и 309.

394. *Н. М. Карамзинъ*. Семейные Вечера, старшій возрастъ, 1866, №№ 5, 6 и 7, статья *М. С.*).

395. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности *Н. М. К.*, Сѣв. Почта 1866, №№ 255—256. Отд. брошюрой, 8^о, въ тип. *М. Вн. Д.*, 31 стр. Тоже, изд. 2-е, 1866. Тоже, Волог. Губ. Вѣдом. 1866, № 50 и 51.

396. *Булгача*. Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности, Учен. Зап. Каз. Унив. 1866, вып. 6, и отд. брош. III и 113 стр. (См. Протоколы Засѣданій *И. А. Н.* за декабрь 1866, Спб. Вѣдом. 1867, № 11, янв. 11; Сборникъ статей II Отд. т. I, стр. XLIX—L, замѣтка *Я. К. Фрота*).

397. *Галахова*. Возрѣнія Карамзина въ первую половину его жизни, Спб. Вѣд. 1866, №№ 322, 325.

398. *Фрота*. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, «Торж. Собр. *И. Ак. Н.* 1 д. 1866». Спб. 1867, стр. 7—45; Сборникъ статей II Отд., 1867, т. 1, № 10, 60 стр. и отд. Въ сокращеніи былъ напечатанъ въ Спб. Вѣд. 1866, №№ 323—324; и въ Сем. Вечер. 1867, № 1, отд. оттиски, 26 стр.

399. *Перетца Гр.* Карамзинъ и его литературная дѣятельность, Литер. Библиот. 1866, № 4, (ноябрь, кн. 2), стр. 1—15.

400. *Петровскаю М.* Два слова въ память Карамзина, Учен. Зап. Каз. Унив. 1867, № 1, стр. 100—113.

401. *Селина А.* Значеніе Карамзина въ исторіи русской словесности, Унив. Извѣстія 1866, декабрь, приложение и отд. брошюрою, К. 1866, 8^о, 23 стр.

402. *Лавровскаю Н.* «Карамзинъ и его литер. дѣятельность», Харьковъ 1866.

403. *Линниченко А.* Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка. Кіевъ 1866. Унив. Изв. дек.

404. *Щебальскаю, Н. М.* Карамзинъ, Русск. Вѣстн. 1866, № 11, стр. 194—261.

405. *Шестакова*. Мысли Карамзина о воспитаніи, Учен. Зап. Каз. Унив. 1867, т. III, стр. 1—27.

406. *Галахова*. Біографическія и литературныя замѣтки о

Карамзинѣ, по поводу новыхъ матеріаловъ для его біографіи и дѣятельности, Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 1, стр. 21—57. (Рѣчь идетъ о книгахъ Погодина, Булпча, И. И. Дмитриева, письмахъ Карамзина къ Дмитриеву и Незданныхъ сочиненіяхъ Карамзина).

407. *Грота*: Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка, Ж. М. Н. Пр. 1867, № 3, стр. 20—76; Сборн. II Отд. 1868, т. II, Отчетъ за 1867 г., Никитенко, стр. 5—6. Перепечатано въ книгѣ Я. К. Грота: «Филологическія Разысканія», 2-е изданіе, Спб. 1876, ч. I, стр. 61—131, (противъ взглядовъ Шишкова и Н. Лавровскаго). Тамъ же, во II части, стр. 205—207, «Правописаніе Карамзина».

408. *Лонгинова*. Н. М. Карамзинъ, біограф. очеркъ, Бесѣды въ Общ. Любит. Русск. Словесн. 1867, вып. 1, приложение стр. 24—36.

409. *Погодина*, о Карамзинѣ, какъ человѣкѣ и гражданинѣ, Торж. Собр. Имп. Ак. Н. 1 д. 1866, стр. 75—84; Всемирный Трудъ 1867, № 1, стр. 199—212, и отд.

410. *Пуляты*. Карамзинъ первый русскій литераторъ, Бесѣды въ Общ. Любит. Русск. Слов. 1867, вып. 1, приложение стр. 53—55.

411. *Соколова А.* Двигатель русскаго просвѣщенія Н. М. Карамзинъ, Петерб. Листокъ 1866, № 176.

412. Плохія услуги Карамзину, Гласный Судъ 1867, № 162 (о статьяхъ Бестужева-Рюмина и Галахова).

413. Очеркъ жизни Карамзина, Грамотѣй 1867, кн. 3, стр. 97—117.

414. *Стоюнина*. О преподаваніи русской литерат., изд. 2, Спб. 1868, стр. 281—297; (остальное указано подъ № 345 здѣсь же).

415. *Галахова*. Исторія русской словесности, т. 2, половина 1, стр. 1—116; приложения III—IV.

416. Портретная галерея русскихъ дѣятелей, изд. А. Мюнстера. Спб. 1869, т. 2-й, ст. *М. Д. Хмырова*.

417. *Григорьева А.* Сочиненія, т. 1, Спб. 1876, стр. 123, 125, 231, 493—509, 548, 549, 609—611.

418—420. Въ 1869 г. отъ С.-Петербургскаго университета была дана тема «о заслугахъ Карамзина» и три студента были награждены медалями — *Галактіоновъ* — золотую, *Михайловскій* и *Юницкій* — серебряными.

421. Жизнеописаніе Карамзина и Д. Давыдова. Сборникъ для народнаго чтенія 1870, кн. 2, 161.

422. *Вяземскаго кн. П. А.* Характеристика Карамзина, Русскій Архивъ 1873, кн. 1, стр. 1018—1021 и 1874, I, 200—201; переп. въ Соч. кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 113—115, 206.

423. *Полеваго П. Н.*, Исторія русск. литературы, изд. 3-е Спб. 1878, стр. 420—444.

424. *Березина Н.* Русскій Энциклопедич. Словарь, т. III, Отд. II, стр. 40—43.

425. *Гербеля:* «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб. 1873, стр. 101; 1880, изд. 2-е, стр. 88—91.

426. *Котляревскаго А. А.* Библиолог. Опытъ о древней р. письменности, Воронежъ 1881, стр. 20—22.

427. *Веселовскаго А. Н.* Западное вліяніе въ р. литературѣ. Карамзинъ. Вѣстн. Евр. 1882, № 1, стр. 80—82. Издано и отдѣльно, 1883, съ нѣкоторыми дополненіями.

428. *Пытина А. Н.* Изученія р. народности. Карамзинъ. Вѣстн. Евр. 1882, № 4, стр. 727—737.

NB. *Оставшееся послѣ Карамзина собраніе рукописей описано въ Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1869 годъ. Спб. 1868, стр. 55—99.*

к) О письмахъ Карамзина.

429. О письмахъ его къ А. И. Тургеневу. (Москвит. 1855, № 1 и 23—24). Рецензіи Библ. д. чт. т. 130, отд. 6; Ж. М. Н. Пр. 1855, № 7, отд. 6; стр. 10—11; Отеч. Зап. т. 99, № 3, отд. IV, стр. 57—58; Спб. Вѣдом. № 81.

Сборн. II Отд. И. А. Н.

9

430. О перепискѣ Карамзина съ братомъ, замѣтка *Е. Колбасина*, Атеней 1858, № 19, стр. 192—196; Отеч. Зап. 1858, т. 118, отд. III, стр. 67.

431. О перепискѣ Карамзина, *А. Афанасьева*, Библиогр. Зап. 1858, № 19, стр. 579—581.

432. О письмахъ Карамзина къ Малиновскому, Современ. 1861, № 3, отд. II, стр. 74—86; Р. Вѣстн. 1861, № 4, стр. 145—149, замѣтка *Я. К. Грота*. (Въ письмахъ къ Малиновскому, на стр. 86, подъ № 24, г. Лонгиновъ говоритъ, что кн. П. А. Вяземскій — *зять* Карамзина. Какъ такъ? чѣмъ такое зять? — мужъ моей дочери, мужъ моей сестры. *Карамзинъ* былъ мужемъ сестры кн. Вяземскаго, стало быть *Карамзинъ* былъ зятемъ его, а кн. Вяземскій приходился ему *шуриномъ*).

433. О Неизд. сочиненіяхъ и перепискѣ Карамзина (Спб. 1862) Время 1862, № 8, современ. обзоръ, стр. 1—34, очеркъ жизни и дѣятельности Карамзина и общій взглядъ на него; Иллюстрація 1862, № 244; Моск. Вѣдом. 1862, № 79; Одесск. Вѣстн. № 117; Русское Слово 1862, № 3, отд. 2, стр. 55—70, статья *Р. Р.*, оцѣнка книги и характеристика Карамзина во всей его дѣятельности; Современ. Листокъ 1863, № 9; Ж. М. Н. Пр. 1867. № 1, ст. Галахова.

434. О письмахъ Карамзина къ Дмитріеву. Вѣстн. Евр. 1867, № 1, отд. 3, стр. 13—23; Ж. М. Н. Пр. 1867, № 1, ст. *Галахова*; Книжн. Вѣстн. 1867, № 7—8; Отеч. Зап. 1867, № 5, мартъ, кн. 1-я, стр. 1—20.

435. *Вяземскаго кн.* О письмахъ Карамзина, Торж. Собр. Имп. Ак. Н. 1 д. 1866. Спб. 1867, стр. 64—74; Сѣв. Почта 1866, № 260, 261; Волог. Губ. Вѣд. 1867, № 1. Статья эта, вмѣстѣ со стихами князя «Тому сто лѣтъ», вышла и особой брошюрой, подъ заглавіемъ «Памяти Карамзина». 31 стр. 8°.

XL

Указатель писемъ къ нему и женѣ его.

(Въ хронологическомъ порядкѣ).

436. *Петрова А. А.* (1785—1786) Памяти. Отечеств. Музъ, изд. Б. Федоровымъ на 1827; въ болѣ полномъ видѣ — отъ 1785 до 1792, Русск. Арх. 1863, стр. 473—486. Сообщены Я. К. Гротомъ. Неизданныя мѣста изъ нихъ, Русск. Арх. 1866, № 11—12, стр. 1756—1763.

437. *Лафатера* (1788), Утро, 1866, стр. 52 и въ книгѣ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 040—041 (Въ «Утро» годы 1788 и 1787, а въ Письмахъ: 1787 и 1786).

438. *Новикова*, два письма (1816), «Письма С. И. Г.» (Гамален), изд. 2. М. 1836, стр. 268; перепеч. въ Сборникѣ, изд. Студент. Спб. Унив., вып. 1, Спб. 1857, стр. 330—335.

439. *Уварова*, С. Отеч. 1818, ч. 44 стр. 79.

440. *Батюшкова* къ Е. А. Карамзиной (1818) Утро, 1866, стр. 186.

441. *Батюшкова* къ Карамзину (1819); Утро 1866, стр. 187.

442. *Голицына кн. А. Н.* (1820), Русск. Архивъ, 1869, стр. 617—618.

443. *Каподистрія гр.* (1818—1825) Утро 1866, стр. 195; Погодина, II, 340—348 и 455; къ женѣ историографа, Неизд. сочин. стр. 136.

444. *Аракчеева гр.* (1825), Погод. II, 355.

445. *В. кн. Екатерины Павловны*, (1810—1818). Неизд. сочиненія и переписка Н. М. К. Спб. 1862, стр. 85—123.

446. *Имп. Маріи Феодоровны*, съ 15 августа 1813—1826), Погод. II, 112, 114, 115, 120(2), 129, 159, 182, 374, 375, 376, 377, 464, 474, 475, 482, 490(2), 501.

447. *Имп. Александра* (1822—1825), Неиздан. сочиненія стр. 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 34.

448. *Имп. Елисаветы*, Незданные сочиненія, стр. 37—83; Погод. II, 357, 360, 363.

449. *Имп. Николая*, Незданные сочиненія, стр. 127.

450. *Имп. Николая* рескриптъ, мая 13, 1826, Незд. сочин. стр. 129. Должно замѣтить здѣсь, что этотъ рескриптъ писанъ *Жуковскимъ* (слышано отъ кн. П. А. Вяземскаго).

(Письма Сперанскаго къ Карамзину упоминаются въ Русск. Архивѣ 1878, кн. 1, стр. 405).

XII.

Стихотворенія; посланія къ нему; эпиграммы на него; воспоминанія о немъ;
стихи къ его семейству.

(Въ хронологическомъ порядкѣ).

451. *Державина* (1791), обращеніе къ Карамзину въ стихотвореніи «Прогулка въ Царскомъ Селѣ», Сочиненія Державина, изд. Акад. Наукъ, т. 1, стр. 423—427; примѣчаніе къ пьесѣ, т. II, стр. 711.

452. *Шатрова*, эпиграммы, Москвит. 1854, № 16, «Мелочи», М. Дмитріева, стр. 194; въ отд. изданіи «Мелочей», 1869, стр. 227. Истор. Христоматія Галахова, т. 2, стр. 78.

453. *Дмитріева И. И.* Старинная шутка къ портрету Карамзина, Русск. Арх. 1867, № 5—6, стр. 988.

454. *Подшивалова В. С.* (1794), Историч. Христоматія А. Галахова, 1864, ч. II, стр. 87, столбецъ 2-й.

455. *Державина*, (1796) «Другу женщинъ», III, 363.

456. *Шаликова кн. П.* (1797). Къ праху Бѣдной Лизы, — не знаемъ гдѣ и что; ужь конечно не это:

«Здѣсь утопилася Эрастова невѣста!

Тошитесь, дѣвушки: въ пруду довольно мѣста».

457. *Boulliers*, переводчика на франц. языкъ повѣсти «Юлія», Spectateur du Nord 1797, № 2; перепеч. въ Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, стр. 038.

458. *Неизвѣстнаго*, Ода въ честь моему другу, Ипокрена 1799, ч. 4 стр. 17. (См. Библ. Словарь проф. Моск. унив. II, 440); Галаховъ называетъ ее пасквилемъ или извѣтомъ на Карамзина: Отеч. Зап. 1858, № 1, стр. 137.

459. *Державина*, къ портрету Карамзина, III, 508.

460. *Шаховскаго кн.*, Новый Стернь, комедія въ 1 дѣйствіи, 1807, изд. 2-е — 1822. (Намеки на Карамзина разбросаны и въ поэмѣ Шаховскаго «Расхищенные шубы»). См. Библ. Зап. 1859. II, 308—309.

461. *Блудова* (1807) эпиграмма на противниковъ Карамзина, Русскій Вѣстникъ 1864, № 4, стр. 516; Воспоминанія Вигеля, ч. II, стр. 60; въ книгѣ Ковалевскаго «Графъ Блудовъ», стр. 107.

462. *Пушкина В.*, въ посланіи къ Жуковскому, Сочиненія его, изд. Смирдина, Спб. 1855, стр. 7—9.

463. *Гартмана*, эпиграмма на «Аглаю» кн. Шаликова, Русск. Арх. 1863, стр. 112.

464. *Хвостова гр.* Стихи Н. М. Карамзину, М. 1810. (Сопик. IV, 11374; Смирд. 8144).

465. *Марина С.*, Посланіе къ М. М. (противъ Карамзина). Чтеніе въ Бесѣдѣ Любит. Р. Слова 1811, кн. III, стр. 121. (Державинъ, VIII, 919).

466. *Горчакова кн. Д.*, эпиграмма на Карамзина, Современ. 1857, № 5, Библиогр. записки Лонгинова; Истор. русск. словесности, Галахова II, 214; но здѣсь, въ 1-й строкѣ, вм. *безпристрастно* должно быть: *безъ притворства*.

467. *Жуковскаго*, въ посланіи къ Дмитріеву (1813), Москвит. 1852, № 2, стр. 7; Москвит. 1854, № 1—2, стр. 178; Сочиненія Жуковскаго 1878, I, 307.

468. *Вяземскаго кн. П. А.*, Къ Н. Н. на смерть его сына, Вѣстн. Евр. 1816, № 14, стр. 101; Полное собраніе соч. кн. Вяземскаго III, 114. (Слышано отъ П. А. Плетнева).

469. *Жуковскаго*, въ посланіи къ Воейкову (1814) Изъ Дол-

бинскихъ стихотвореній, Русск. Арх. 1864, вып. X, стр. 1026; Соч. Жуковского I, 447.

470. *Жуковского*, въ посланіи къ Вяземскому и Пушкину, Соч. Жуковского 1878, I, 338.

471. *О. Н. Отвѣтъ и совѣтъ*, Благонамѣренный 1818, № 1.

472. *Пушкина В.*, въ посланіи къ кн. Вяземскому, изданіе Смирд. стр. 13.

473. *Батюшкова*, при письмѣ къ К. А. Карамзиной, Утро 1866, стр. 186; безъ письма, въ Соч. Батюшкова II, 123; тамъ же см. и стр. 132.

474. *Пушкина А.*, въ посланіи къ Жуковскому (1817), въ изд. 1857 г. т. II, 157 и 161; въ изданіи 1880 года, т. I, стр. 175 и 178.

475. *Ею же*, эпиграммы, VII, 99; въ изд. 1880 г. I, 212; Погодинъ II, 204 (Его же «Лѣтопись села Горохина» представляетъ пародію на И. Г. Р.).

476. *Ею же* (объ Исторіи Г. Р.), въ изданіи 1880, т. I, стр. 536.

477. *Жуковского*, въ альбомъ Е. Н. Карамзиной, (1818), Соч. Жуковского 1878, II, 86.

478. *Иванчина-Писарева Н.* «Отрывокъ посланія къ моимъ сверстникамъ», Сочиненія его, М. 1819, стр. 103—105.

479. *Вяземскаго кн.* Посланіе Каченовскому, Сынъ Отеч. 1821, № 2; Вѣстн. Евр. 1821, № 2; Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго III, 219. По поводу этого стихотворенія см. «Письмо къ редактору въ № 5 Вѣстника Европы, разборъ посланія и отвѣтное стихотвореніе С. Аксакова «Посланіе къ Птелинскому-Ульминскому (Вяземскому). См. примѣч. въ Истор. Христоматіи Галахова, Спб. 1864, II, 386—396 и отзывъ Пушкина, въ Русск. Арх. 1874, стр. 116.

480. *Дмитріева И.*, Посланіе къ Н. М. Карамзину, Стихотворенія Дмитріева, Спб. 1823, I, 96. (Собраніе Образц. Русск. Стих. IV, 44).

481. *Ею же*, Стансы къ Карамзину, тамъ же, 100 (I, 113).

482. *Его же*, Надпись къ портрету Карамзина, тамъ же ч. 1, стр. 136, надпись VI, «*Вотъ милый вѣкъ...*».

483. *Грибоедова А. С.* эпиграмма, Русск. Стар. 1872, т. V, № 5, стр. 766.

484. *Вяземскаго*. Эпиграмма, (1824) Полн. собр. сочиненій, 1880, III, 348.

485. Аврорѣ III. (Шернваль, вдовѣ Карамзина — сына), Соч. *Баратынскаго*, М. 1869, стр. 63.

486. *Пушкина В. Л.*, На отъѣздъ Карамзина въ чужіе края, Моск. Телегр. 1826, № 17, стр. 84.

487. *Иванчина-Писарева Н.*, эпитафія російскому исторіографу, Моск. Телегр. 1826, ч. IX, № 12, стр. 160.

488. *Федорова Б.*, Надгробіе Карамзину, «Опытъ р. анекдотів», 1828, стр. 68.

489. *Вяземскаго кн.*, «Деревня», Памятникъ Отеч. Музъ 1827; «Въ дорогѣ и дома», М. 1862, стр. 357, небольшой отрывокъ. Въ полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго, въ III томѣ, стр. 143.

490. *Вяземскаго кн.*, Отрывочныя воспоминанія о Карамзинѣ разбросаны въ книгѣ его «Въ дорогѣ и дома» на стр. 47, 53, 59, 168, 256, 309, 320—321, 322. Въ полномъ собр. соч. III, 73, 98; 114, 143, 220—221, 301, 348; т. IV, стр. 6, 127, 139, 164, 177, 370.

491. Литературный Музеумъ на 1827 г., чьи-то стихи, въ которыхъ говорится о Карамзинѣ:

«Его ужъ нѣтъ теперь; душа моя въ томлени,
Глядитъ на кипарисъ, глядитъ на небеса
И ждетъ въ безмолвіи свиданія часа.

492. *Вяземскаго кн.*, Быль, (по поводу критикъ Арцыбашева), Моск. Телегр. 1828, ч. XXIII, № 19, стр. 271—272, съ примѣчаніемъ. Въ Соч. кн. Вяземскаго напечатано вдвойнѣ, т. III, 298—299 и IV, 6—7.

493. *Жуковскаго*, въ посланіи къ Дмитріеву, (1831 г.) III, 87.

494. Володенькѣ Карамзину (1832), Сочин. кн. *Вяземскаго* т. IV, стр. 139.
495. Аврорѣ Карл. Карамзиной (1833), Соч. кн. *Вяземскаго*, т. IV, стр. 164.
496. Н. Н. Карамзину (1833), Соч. кн. *Вяземскаго*, т. IV, стр. 177.
497. *Ростопчиной* гр. «Ек. Андр. Карамзиной», (1838), Стих. гр. Ростопчиной, 1857, I, стр. 189—192.
498. С. Н. Карамзиной (1840), Соч. *Лермонтова*, изд. 1880, т. I, стр. 202, 556.
499. С. Н. Карамзиной, (1842), Соч. *Баратынскаго*, М. 1869, стр. 167.
500. *Ростопчиной* гр., Въ альбомѣ С. Н. Карамзиной (1843), тамъ же, т. II, стр. 140. Той же дочери Карамзина посвящено стих. гр. Ростопчиной «Пустой Альбомъ» (Лермонтова), стр. 85.
501. «Русскіе поэты. Жуковский, Пушкинъ, Карамзинъ», стих., Москвит. 1844, № 8, (о немъ *Соврем.* 1848, т. XI, Смѣсь, стр. 45—46).
502. *Ознобищина Д. П.*, стихи, произнесенные предъ памятникомъ Карамзина въ Симбирскѣ, Москвит. 1845, № 9, отд. 1, стр. 8; Журн. для чтенія воспит. В. Уч. Завед. 1845, т. 57, стр. 370.
503. *Языкова*, На открытіе памятника Карамзину, Сочиненія Языкова, изд. Перевлѣскаго, Спб. 1858, т. II, стр. 277. (Объ этомъ стихотвореніи *Вѣстникъ* X, 389).
504. А. Ил. Карамзиной (1851), Сочин. кн. *Вяземскаго*, т. IV, стр. 370; см. тамъ же примѣч. на стр. XII, подъ 1851 годомъ.
505. *Вяземскаго* кн., Андрею Карамзину, Сѣв. Пчела 1854, № 107, мая 13.
506. *Вяземскаго*, «Тому сто лѣтъ», Московск. Вѣдом. 1866, № 254, Торж. Собрание Имп. Академіи Наукъ 1 д. 1866, стр. 59; Бесѣды въ Общ. Любит. Русск. Слов. 1867, вып. 1,

стр. 56 и въ др. издан.; перевод. на нѣмецк. яз. въ *Centralblatt für Slav. Lit.* 1867. 4.

507. *Ознобишина* къ Вяземскому (по поводу предыдущаго стихотворенія), Бесѣды въ Общ. Люб. Русск. Слов. М. 1867, вып. 1, стр. 61.

508. *Ознобишина*, ст. провнесен. на юбилей въ Симбирскѣ, отд. изд.

509. *Тютчева*, Вѣстн. Европы 1866, т. IV; Стихотворенія Тютчева, М. 1868, стр. 231, пьеса 174.

510. *Тимофьева*, Сѣверн. Почта 1866, № 264.

511. *Майкова*, А. Карамзинъ, неоконченное стихотвореніе, Русск. Вѣстн. 1867, № 2, 501.

512. *Федорова Б.*, 1 декабря 1866 г., Петерб. Лист. 1866, № 173.

513. *Юрлова В.*, Симб. Губ. Вѣд. 1866, № 134.

514. *Соболева*, Памяти Карамзина, Симб. Юбилей 1867.

ХІІІ.

Издавія ему посвященныя. Карамзинская бібліотека.

515. Наталья, боярская дочь, поэма *Мещевскаго* (1816 г.).

516. *Плодина*, О происхожденіи Руси, разсужденіе на степень магистра, М. 1825, 8^о 176 стр.

517. *Кайданова*, Начертаніе исторіи Государства Россійскаго, Спб. 1830.

518. *Пушкина*, Борисъ Годуновъ, 1831.

519. Симбирскій сборникъ, Историческая часть, т. 1. М. 1845.

520. *Лешкова*, Русскій народъ и государство, М. 1858.

521. *Ярославцева*, Старицкій князь Владиміръ Андреевичъ, трагедія въ 5 д. Спб. 1858.

522. Вѣстникъ Европы, 1866 года.

523. *Вяземскаго* кн. Стихотвореніе «Тому сто лѣтъ», отд. брошюрой Спб. 1866.

524. Сборникъ Муханова, изд. 2-е, дополненное. Спб. 1866.
 525. XVI томъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей 1866.
 526. Симбирскій Юбилей, 1867. 8^о 290 стр. (Посв. потомству Карамзина).

Въ память Карамзина, въ 1846 г. основана въ Симбирскѣ «Карамзинская Публичная Библиотека, открыта 18 апрѣля 1848 г.

527. *Теодотія*, еп. симбирск. Рѣчь при открытіи Карамзинской общественной библиотеки, въ его Поучительныхъ рѣчахъ, Спб. 1850.

528. О состояніи ея: Моск. Вѣд. 1857, № 32; Сѣв. Пч. № 92.

529. Моск. Вѣд. 1859, № 24; Библ. Зап. № 5, стр. 159.

530. Моск. Вѣд. 1860, № 80; Сѣв. Пчела № 60.

531. Симб. Губ. Вѣдом. 1861, № 11 и 12, ст. *Благодарова*; Ж. М. Н. Пр. 1861, № 4, стр. 29 и № 5, стр. 68; Русск. Инвалидъ 1861, № 97.

532. Сѣверная Почта 1862, № 242.

533. Къ просвѣщенной публикѣ отъ Карамзинской Библиотеки, День 1864, № 40; Кн. Вѣстникъ 1864, стр. 412; Симб. Губ. Вѣд. 1864, № 21. О возобновленіи Симб. Карамзинской Библиотеки, *М. Дмитриева*, Моск. Вѣд. 1864, № 255.

534. Симб. Губ. Вѣд. 1865, № 41, 52.

535. Отношеніе предсѣдателя комитета Карамзинской библиотеки *А. П. Языкова* (ко всѣмъ начальствующимъ), Орлов. Епарх. Вѣд. 1866, № 23 и во многихъ другихъ изданіяхъ.

536. Симб. Губ. Вѣдом. 1867, № 29.

537. Симб. Губ. Вѣдом. 1869, № 7—9.

538. Симб. Губ. Вѣдом. 1870, № 8—9.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Карамзинской библиотекѣ подъ руками не имѣемъ.

XIV.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ¹⁾.

а) Приготовление.

539. По поводу предстоящаго юбилея Карамзина, Моск. Вѣдом. 1864, № 258, статья Л. К.

540. Голось 1866, № 307, извѣстія изъ Москвы.

541. Замятка по поводу юбилея Карамзина, *Любителя литературы*, Голось, № 324 (о скромности приготовленій къ юбилею и необходимости почтить торжественно память Карамзина).

б) Празднованіе въ С.-Петербургѣ.

542. Торжественное собраніе Имп. Акад. Наукъ для празднованія памяти Карамзина, С.-Петерб. Вѣдом., № 322; Русск. Инвал. № 310.

543. «Торжественное собраніе Имп. Акад. Наукъ 1 декабря 1866». Спб. 1867, въ 4 долю листа 100 стр., съ портретомъ Карамзина и двумя листами изображенія памятника историографу въ Симбирскѣ. Сюда вошли разсказъ о праздникѣ, рѣчи *Грота*, *Устрялова*, стихи и статья кн. *Вяземскаго*, рѣчь *Погодина* (см. здѣсь №№ 398, 335, 435, 506 и 409); извѣстія о празднованіи въ разныхъ городахъ; слово преосв. *Макарія*; о памятникѣ Карамзина въ Симбирскѣ).

544. Записки Имп. Академіи Наукъ, т. X, кн. 2, стр. 171—176; Журналь Миц. Народн. Пр. 1866, № 12, стр. 540; Сборникъ статей II Отд., т. I, 1867, отчетъ Никитенко, стр. 1—6; тамъ же, стр. XXXIII, XLI—XLIV, XLVIII—LII.

¹⁾ Мы здѣсь помещаемъ статьи, говорящія о самомъ юбилей, о празднованіи его; всѣ же рѣчи, біографіи, характеристики, стихи мы распредѣлили, *соотвѣтственно содержанию*, по прежнимъ отдѣламъ; здѣсь мы будемъ только напоминать о нихъ. Гдѣ при статьяхъ нѣтъ года, тамъ подразумѣвается юбилейный — 1866 годъ.

545. Биржев. Вѣдомости, № 319 (передовая статья).
 546. Вѣсть, №№ 99 и 100 (передовая статья).
 547. Вѣстникъ Европы, № 4, стр. I — XLII.
 548. Голось, № 324, 332 и 335; замѣтки и передовая.
 549. Домашняя Бесѣда, № 51.
 550. Иллюстрированная Газета, № 47.
 551. Иллюстрація, № 47.
 552. Моск. Вѣдом. № 257 (юбилей въ С.-Петербур.); № 263 (сравненіе съ Ломоносовскимъ юбилеемъ); № 272, (занятія академикомъ по случаю празднованія юбилея).
 553. Народный Голось, 1867, № 2, передовая.
 554. Недѣля, № 39, передовая.
 555. Отеч. Зап., № 24, отд. II, стр. 243—246.
 556. Петерб. Листокъ, № 173, № 177. Вечеръ въ память Карамзина.
 557. Русск. Инвал. № 308, передовая; № 310, (праздникъ въ Академіи и Университетѣ), 314 (въ воен. гимн.).
 558. St.-Petersburger Wochenschrift, № 50.
 559. Соврем. Листокъ, № 97.
 560. Соврем. Лѣтопись, 1867, № 13, о карамз. вечерѣ.
 561. Сынъ Отеч., №№ 285 и 286.
 562. Сѣв. Почта, №№ 257, 258, 260, 261, 263, 265, 268.
 563. Спб. Вѣдом. № 324 (юбилей); № 326 (вечеръ въ Обществѣ для пособія литераторамъ, статья *Незнакомца*); № 328 (праздникъ въ 1-й военной гимназій, статья N; здѣсь были прочитаны г. *Яновымъ* — біографія Карамзина, *Тихомировымъ* — нравственное и умственное образованіе Карамзина въ его дѣтствѣ и юности до поѣздки за границу и *Острогорскимъ* — о значеніи Карамзина въ русской литературѣ, №№ 334 и 343.

в) Празднованіе въ Москвѣ.

564. Моск. Унив. Извѣстія, 1866—1867, № 2.
 565. Рѣчи, произнес. въ торж. собраніи Имп. Моск. Унив.

1 декабря 1866 г. М. 1867, 8^о, 2 нел. и 68 стр. (рѣчи Соловьева, Буслаева, Калачева и очеркъ Лонгинова).

566. Моск. Вѣдом. № 254, передовая; № 255, объѣдъ въ университетѣ; № 260, Карамзинъ и Блудовъ, передовая.

567. *Сергѣевскаго*, протоі., Слово на поминавленіе исторіографа, Прав. Обзор. 1866, № 12, стр. 384—389; Моск. Вѣд. № 253.

568. *Погодина*, предложеніе о стипендіяхъ въ честь Карамзина и митр. Филарета, «Русскій» 1867, № 1.

569. Московскія Губернскія Вѣдомости, № 51.

570. Голосъ, 1867, № 6, въ фельетонѣ.

571. Сѣв. Почта, № 265, корреспондента.

г) Въ провинціяхъ ¹⁾.

(Въ алфавитномъ порядкѣ городовъ).

Вильно.

572. *Родевича М.*, Вил. Вѣстн. № 265; Вил. Губ. Вѣдом. № 98 (чтенія гг. Новоселова, Константиновскаго, Миротворцева, Барсова); Моск. Вѣдом. № 273.

Витебскъ.

573. Виленск. Вѣстн. № 267; Моск. Вѣдом. № 265.

Владиміръ.

574. *Флоринскаго Н.* свящ., рѣчь во время панихиды, Влад. Епарх. Вѣдом. № 24; Влад. Губ. Вѣд. № 53; Моск. Вѣд. № 258.

Воронежъ.

575. *Никитина В.*, значеніе Карамзина въ языкѣ, литературѣ, и народной жизни, Прибавл. къ 8 № Ворон. Губ. Вѣдом.

576. *Его же*, по поводу отзыва о рѣчахъ, Ворон. Листокъ № 78; отвѣтъ ему, тамъ же, № 79.

---

¹⁾ Извѣстія о празднованіи въ провинціальныхъ городахъ сгруппированы въ брошюрѣ «Торжественное Собраніе Имп. Ак. Н.». Спб. 1867, стр. 85—96.

577. Празднованіе въ Воронежской губернской гимназіи, (рѣчи: *Щепурь, В. Ковалевскаго и В. Никитина*). Ворон. Листокъ, №№ 78—82 и 1867, № 1; Виленск. Вѣстникъ 1867, № 5, ст. *П. Малыгина*; Русск. Инв. № 319.

Гродно.

578. Гродненскія Губернскія Вѣдомости № 49.

Екатеринославъ.

579. Екатер. Губ. Вѣдом. № 51, рѣчь *Козловскаго*.

Казань.

580. Спб. Вѣдом. № 328; Иллюстр. Газета № 50, корресп. *Я. Посадскаго*; Русск. Инвалидъ № 325.

Калужской губерніи въ с. Авчурино.

581. Московскія Вѣдомости № 266.

Кіевъ.

582. *Озорова*, протоі. рѣчь, Кіевскія Епархіальныя Вѣдом. № 24; Труды К. Д. Акад. № 12, стр. 589—596.

583. Рѣчи профессоровъ Селина и Гоготскаго, приложеніе къ 12 № Университетскихъ Извѣстій.

584. Кіевлянинъ №№ 142, 144, 145; Кіевск. Епарх. Изв. № 24, стр. 759—762; Кіевск. Губ. Вѣдом. №№ 146—148.

585. Другъ Народа 1867, № 1.

586. Московскія Вѣдомости №№ 265, 267.

587. *Максимовича М. А.* Нѣскольکو словъ въ память Н. М. Карамзина, «Письма о Кіевѣ». Спб. 1871, стр. 151—152.

Коломна.

588. Московскія Вѣдомости № 262.

Минскъ.

589. Виленскій Вѣстн. № 261; Моск. Вѣдом. № 264.

Митава.

590. Сѣв. Почта № 265; Русск. Инв. № 319.

Нарва.

591. Русскій Инвалидъ № 329; Народный Голосъ, № 104; Московскія Вѣдомости № 273.

Нишній-Новгородъ.

592. *Овсянникова Н.*, публичная лекція, Нижегород. Губ. Вѣдом. № 51; Моск. Вѣдом. № 265.

593. Нижегород. Епарх. Вѣд. № 49, рѣчь преосв. *Макарія*; Духовная Бесѣда 1867, № 1, стр. 14—16.

Новгородъ.

594. Новгородскія Губернскія Вѣдомости № 49.

Новочеркасскъ.

595. Донской Вѣстникъ, № 23; Моск. Вѣдом. № 266.

Одесса.

596. *Павловскаго М.* протоі. Рѣчь, Херс. Епарх. Вѣдом. № 24, стр. 382—385.

597. Спб. Вѣд. № 332 (читаны рѣчи проф. *Смирнова*: о значеніи Карамзина въ русской исторіи, *В. И. Григоровича* «Нѣсколько словъ въ память друзей Карамзина: Дмитріева, Языкова, Валуева и Панова; рѣчь Григоровича см. въ Симб. Губ. Вѣдом. 1867, № 9.

598. Одесск. Вѣстн. №№ 266, 268 и 269.

599. *Полеваго П.* Къ празднованію Карамзина, Одесскій Вѣстникъ № 268.

600. Московскія Вѣдомости № 264.

Орель.

601. Орловск. Губ. Вѣдом. № 50; Моск. Вѣд. № 264.

Пенза.

602. Пензенскія Губернскія Вѣдомости № 50.

Подольскъ.

603. Московскія Вѣдомости № 262.

Полтава.

604. *Пономарева С.* Поминовение по Карамзинѣ въ Полтавѣ, Полт. Епарх. Вѣд. 1867, № 1. Были и отд. оттиски.

605. Полт. Губ. Вѣд. №№ 93, 94, 96 и 97 (біографія Карамзина по Бантышу-Каменскому).

Симбирскъ.

606. *Яроваго А.* Сборникъ литер. и статистич. матеріаловъ о Симбирской губ. на 1868, (опытъ біографіи), стр. 194—202.

607. Симбирскія Губернскія Вѣдомости № 133.

608. Симбирскій юбилей Карамзина, съ портретомъ. Симбирскъ 1867, 290 стр. Въ книгу вошли: юбилейное празднованіе, *А. Виноградова*, ст. кн. Вяземскаго, Языкова, Ознобишина, Соболева; біографическій очеркъ, Булича; письмо П. Шестакова; похвальное слово Погодина; исторія Карамзинской общественной бібліотеки.

609. Московскія Вѣдомости № 265.

Харьковъ.

610. *Макарія*, архіеп., слово, Дух. Дневн. № 23, Духовн. Вѣстн. № 12; Харьк. Губ. Вѣд. № 95, Дух. Бес. 1867, № 1.

611. *Солнцева П.* свящ., рѣчь, Дух. Дневн. № 23.

612. Одесскій Вѣстникъ № 281.

613. Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости 1867, № 1.

614. Московскія Вѣдомости № 266.

Ярославль.

615. *Льствицына*, Ярославскія Губ. Вѣдом. № 46.

616. О рѣчахъ гг. Малиновскаго и Рогозинникова, Яросл. Губ. Вѣдом. № 49.

617. Замѣтка по поводу предыдущей статьи, Ярославскія Губ. Вѣдом. № 50.

618. Московскія Вѣдомости № 264.

д) За границею.

619. *Ломимова*, Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Па-

рижѣ, Русск. Арх. 1867, № 3, стр. 467—470. О переводѣ *Порошинымъ* «Писемъ русскаго путешественника».

620. Къ столѣтней памяти Карамзина, Dragoljub, 1867, № 3 (въ Аграмѣ).

621. Centralblatt für Slavische Literatur 1867, №№ 2, 9—13 (здѣсь же переводъ рѣчи Я. К. Грота).

622. Zwei russische Lebensbilder (Ломоносова и Карамзина) von *Hugo Hafferberg*, Westermann's illustr. deutsche Monatshefte. Juli 1867.

Прибавленіе къ IX и X отдѣлу (опущенныя статьи).

623. *Де-Пуле М.*, Библиографическое замѣчаніе (къ статьѣ «Русск. Старинны» о бракосочетаніи Карамзина, см. здѣсь № 40), Моск. Вѣд. 1876, № 232.

624. *Сербитовича К.*, Обь отношеніяхъ Карамзина къ Воейкову, Русск. Стар. 1872, т. V, № 1, стр. 147.

625. Н. М. Карамзинъ, съ портретомъ, Нива, 1873, № 33.

626. *Миллера О.*, Карамзинъ и Карамзинъ, Голось 1871, № 18, (отвѣтъ г. Миллеру, *ibid.* № 38).

627. *Шашкова С.* Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX в., Дѣло 1871, № 6, стр. 150—167.

XV.

Алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ IX—XIV спискахъ.

А. Г. 44. А. И-нъ 126. Аксаковъ К. 324. Аксаковъ С. 66. Александръ I, импер. 447. А. М. 34. А. М. 232. Аракчеевъ 444. Арановъ П. 162. Аристовъ Н. Я. 333. Арцыбашевъ 229, 240, 248, 258, 263. Афанасьевъ 231 и 431. Бальби 351. Бантышъ-Каменскій 120, 301. Баратынскій 115, 485, 499. Барсовъ 572. Бартенева 75. Батюшковъ К. Н. 115, 440, 441, 473. Березниковъ 322. Березинъ Н. 424. Берне Л. 227. Бестужевъ (Марлинскій) 350. Бестужевъ Рюминъ 327, 341. Билевичъ Н. 59. Благодаровъ 531. Блудовъ графъ 109, 189, 195, 270, 461. Бобровъ 386. Boulliers 457. Бояркинъ 283. Булгаковъ А. 56.	Булгаринъ 86, 231, 242, 244. Буличъ Н. Н. 154, 194, 374, 396. Бурачекъ С. О. 294. Буслаевъ Ѳ. Н. 156, 181, 309. Быстровъ 359. Бѣлинскій 83, 136, 140, 146, 153, 159, 163, 164, 179, 285, 310, 357. Васильчиковъ А. 51. Венелинъ Ю. П. 319. Веселовскій Ал. П. 427. Вигель 41, 73. Виноградовъ 608. В. К. 273. Водовозовъ В. 344. Воейковъ А. Ѳ. 51, 115, 239. В. Т. 286. Вяземскій кн. П. А. 7, 20, 61, 65, 160, 182, 187, 269, 288, 316, 352, 366, 422, 435, 468, 479, 484, 489, 490, 492, 494—496, 504— 506, 523, 543. Галактионовъ 418. Галаховъ А. Д. 15, 54, 128, 134, 148, 172, 336, 370—372, 385, 393, 397, 406, 415, 434. Гартманъ 463. Гаффербергъ 622. Гейдеке 49. Геннадъ Г. Н. 132. Гербель Н. В. 425.

- Герценъ А. И. 381.
 Глинка С. 42, 63.
 Глинка Ф., 75.
 Говоровъ К. Г. 343.
 Гоголь Н. В. 361.
 Готтскѣй С. С. 334, 583.
 Голицынь-Кутузовъ 51.
 Голицынь кн. А. 442.
 Городчанниковъ 161.
 Горчаковъ кн. Д. 466.
 Горчаковъ Н. 62.
 Гренъ 92.
 Гречь 99, 349, 358.
 Грибоѣдовъ А. С. 483 (это—Пушкына).
 Григоровичъ В. И. 597.
 Григорьевъ А. 417.
 Гротъ Я. К. 16, 37, 45, 149, 192, 202, 396, 398, 407, 432, 543 и 621.
 Гусятниковъ 257.
 Hugo Haferberg 622.
 Давыдовъ И. 184, 292, 322, 362.
 Де Пуле М. 623.
 Державинъ 158, 176, 451, 455, 459.
 Д. З. 243.
 Didot, 376.
 Dixit 259.
 Дмитриевъ И. И. 30, 31, 70, 81, 103, 453, 480—482.
 Дмитриевъ М. А. 5, 10, 12, 14, 54, 60, 278, 533.
 Дмитрюковъ 331.
 Добролюбовъ Н. А. 378.
 Дружининъ А. В. 377.
 Евгеній, митроп. 119, 152, 170, 186, 235.
 Екатерина Павловна, в. кн. 445.
 Елисавета Алексѣевна, имп. 448.
 Ешевскій 26.
 Житель Дѣвичьяго поля 215.
 Жихаревъ 46.
 Jordan 364.
 Жуковский 67, 97, 104, 117, 203, 318, 450, 467, 469, 470, 477 и 493.
 Загоскинъ 165.
 Зиновьевъ 253.
 Зотовъ Р. 79.
 Зубаревъ 243.
 Ивановъ И. А. 38.
 Иванчинъ-Писаревъ 20, 348, 352, 478, 487.
 Ивлентьевъ 4.
 Иконниковъ 346.
 Илличевскій 78.
 Кавелинъ К. Д. 314.
 Кайдановъ 517.
 Кайсаровъ 40.
 Калайдовичъ И. 282.
 Калайдовичъ К. 63.
 Калачовъ Н. В. 196.
 Каменевъ 39.
 Каподистрия, графъ 443.
 Каразинъ 87.
 Каратыгинъ А. 342.
 Карауловъ 390.
 Катковъ М. Н. 566.
 Каченовскій 201, 214, 218, 276.
 Кенигъ 384.
 Кирѣевскій И. В. 280.
 Классовскій Вл. 380.
 Ковалевскій В. 577.
 Ковалевскій Ег. 76.
 Козловскій 579.
 Колбасинъ 74, 430.
 Константиновскій 572.
 Корфъ, гр. 71, 96, 190.
 Косица, см. Страховъ.
 Костыръ Н. Т. 47, 183.
 Котляревскій А. А. 426.
 Лавровскій Н. А. 48, 402.
 Лафатеръ 437.
 Лашинюковъ 347.
 Лелевель 231.
 Лермонтовъ М. Ю. 498.
 Лешковъ 520.
 Линиченко А. И. 403.
 Л. К. 539.
 Л. Н. 351.
 Лонгиновъ М. Н. 13, 25, 29, 32, 35, 52, 53, 129, 191, 193, 408, 432, 619.
 Лыжинъ Н. 55, 379, 380.
 Лѣствицынъ 615.
 Любитель литературы 541.

- М. 241.
 Майковъ А. 511.
 Макарій, архіеп. харьк. 543, 610,
 Макарій, еписк. балахн. 593.
 Макаровъ П. 175.
 Максимовичъ М. А. 587.
 Малиновскій 616.
 Малыхинъ 577.
 Маринъ 465.
 Марія Θεод., имп. 446.
 Мартыновъ И. И. 139.
 Межовъ Вл. И. 130, 131.
 Мещевскій 515.
 Мизко Н. 369.
 Миллеръ О. Θ. 626.
 Милюковъ А. 368.
 Миротворцевъ 572.
 Михайловскій Н. 419.
 М. С. 394.
 Муравьевъ Н. М. 205.
 Муромцевъ 57.
 Мухановъ 524.
 N. N. 212, 370.
 Надеждинъ Н. И. 290.
 Наумовъ А. 329.
 Незнакомецъ 563.
 Неизвестный 458.
 Неустроевъ 133.
 Никитенко А. В. 544.
 Никитинъ В. 575, 576.
 Николай I, имп. 449, 450.
 Николитчъ 382.
 Новиковъ Н. И. 438.
 Новоселовъ 572.
 Оболенскій кн. М. А. 2.
 Овсянниковъ 592.
 Ознобишинъ 502, 507, 508.
 О. Н. 471.
 Орловъ М. Θ. 204.
 Острогорскій 563.
 Павловскій М., протоі. 596.
 Палаузовъ С. 325.
 Пекарскій П. П. 6, 19, 49, 135, 380.
 Перетцъ Гр. 399.
 Перовскій А. 274.
 Петровскій М. 400.
 Петровъ А. 436.
 Петровъ К. 388.
 Петрушевскій 211.
 Плаксинъ 363.
 Плетневъ П. А. 68, 91, 106, 392.
 Погодинъ М. П. 1, 3, 9, 11, 17, 21,
 22, 43, 77, 89, 94, 111, 124,
 126, 141, 143, 236—238, 247,
 249, 256, 263, 268, 330, 337,
 352, 360, 409, 516, 543, 568.
 Подшиваловъ В. С. 454.
 Полевой К. 93, 147.
 Полевой Н. 234, 272, 279, 281,
 297, 300, 351, 356.
 Полевой П. 423, 599.
 Полторацкій С. Д. 8.
 Полуденскій М. 144.
 Полъновъ В. А. 36.
 Пономаревъ С. И. 604.
 Поповъ Н. А. 328.
 Порошинъ В. С. 619.
 Посадскій 580.
 Путята Н. 410.
 Пушкинъ А. С. 254, 288, 289, 474—
 476, 518.
 Пушкинъ В. 462, 472, 486.
 Пыпинъ А. Н. 198, 391, 428.
 Пятковскій А. 150.
 Рогозинниковъ 616.
 Родевичъ 572.
 Ростопчина гр. Е. П. 497, 500.
 Р. Р. 137, 433.
 Руссовъ С. 217, 265, 267, 312.
 Савельевъ Н. 298, 302, 308.
 Свицкинъ 88, 90, 102.
 Селинъ А. И. 365, 401, 583.
 Сень-При 275.
 Сербиновичъ К. 127, 624.
 Сергѣевскій Н., протоі. 567.
 Смирновъ 597.
 Смирновъ С., протоі. 33.
 Соболевъ, 514.
 Соколовъ А. 411.
 Солмогубъ гр. 116.
 Солнцевъ 611.
 Соловьевъ С. М. 321, 323, 338.
 Сомовъ О. 271.
 Сперанскій гр. 71, 177, 210.

Срезневскій И. И. 311.
 Ставровскій А. И. 332.
 Старчевскій 123, 320, 370.
 Стасюлевичъ М. М. 43.
 Стожанинъ Вл. 345, 414.
 Страховъ Н. Н. 199.
 Строевъ П. М. 262, 289, 311.
 Стурдза А. С. 64.
 Судовщикова Е. 383, 387.
 Сушковъ Н. В. 373.
 Сценура 577.
 Тимофѣевъ К. 510.
 Тихомировъ 563.
 Тихонравовъ Н. С. 27, 155.
 Туманскій Ф. 138.
 Тургеневъ Н. И. 122, 188.
 Тютчевъ Ф. И. 509.
 Уваровъ гр. С. С. 84, 439.
 Устряловъ Н. Г. 326, 335, 543.
 Ф., см. Каченовскій.
 Флоринскій Н., свящ. 574.
 Хвостовъ гр. Д. 464.
 Хмыровъ М. Д. 416.
 Ходаковский 216, 233.
 Хомяковъ А. С. 185, 315.
 Хрущовъ И., 95.
 Чистяковъ М. Б. 367.
 Шаликовъ кн. 174, 456.
 Шатровъ 452.

Шафрановъ 382.
 Шаховской кн. А. 460.
 Шамковъ С. 627.
 Ш — въ 208.
 Шевыревъ С. П. 143, 180, 375, 389.
 Шестаковъ П. Д. 405.
 Шишковъ А. С. 167, 173, 178.
 Шнитцлеръ 108.
 Шнигевскій 340.
 Шуббе 354.
 Шугуровъ 18.
 Щебальскій 404.
 Эверсъ 329.
 Юницкій 420.
 Юрловъ 513.
 Языковъ А. П. 535.
 Языковъ Н. М. 503.
 Яновъ 563.
 Яровой 606.
 Ярославцевъ 521.
 Фаворовъ, протоі. 582.
 Фодоровъ В. М. 162, 488, 512.
 Феофанъ, еп. симб. 112, 527.
 Фирсовъ 339.
 — з 209.
 *** з, 370.
 Z. 200.
 Z. Z. 306.

XVI.

Алфавитный указатель періодическихъ изданій.

Аггяя, кн. Шаликова 174.
 Альбомъ Сѣверныхъ Музъ 86.
 Архивъ Калачова 329.
 Атеней 1829 года 278.
 Атеней 1858 года 50, 430.
 Бесѣды въ Общ. Люб. Росс. Слов. 160,
 196, 408, 410, 507.
 Библиограф. Записки 431, 460.
 Библиотека для Чтенія 123, 290,
 291, 311, 320, 355.
 Биржевыя Вѣдомости 545.

Благонамѣренный 211, 219, 471.
 Blätter.... 251.
 Bulletin des sciences 225.
 Виленскій Вѣстникъ 572, 573, 589.
 Виленскія Губ. Вѣдом. 572.
 Владим. Епарх. Вѣдом. 574.
 Воронежск. Губ. Вѣдом. 575.
 Воронежск. Листокъ 576, 577.
 Время 433.
 Всемирный Трудъ 409.
 Вчера и Сегодня 39.

- Вѣдомости Сиб. Гор. Полиціи 7.
 Вѣстникъ Европы (1804) 100, 201,
 206, 214—216, 228, 229, 236—
 238, 240, 243, 246, 248, 276,
 498.
 Вѣстникъ Европы (1866—1883 г.) 43,
 198, 227, 336, 337, 392, 427,
 428, 434, 509, 522, 547.
 Вѣсть 546.
 Галатея 273.
 Гласный Судъ 412.
 Голось 187, 540, 541, 548, 570,
 626.
 Грамотѣи 413.
 Гродн. Губ. Вѣдом. 578.
 Девница 280.
 День 89, 533.
 Домашняя Бесѣда 549.
 Донской Вѣстникъ 595.
 Dragolub 620.
 Драматич. Сборникъ 79.
 Другъ народа 585.
 Духовная Бесѣда 593, 610.
 Духовный Вѣстникъ 610.
 Духовный Дневникъ 610, 611.
 Дѣло 627.
 Екатериносл. Губ. Вѣдом. 579.
 Живописный Сборникъ 68.
 Журналъ древн. и нов. словесности.
 213.
 Журналъ Мин. Нар. Просв. 3, 97,
 170, 178, 325, 341, 406, 407,
 434.
 Journal des Débats 224.
 Записки Имп. Ак. Наукъ 16, 544.
 Заря 199.
 Извѣстія II Отд. Имп. Ак. Наукъ
 184, 322, 330.
 Иллюстраціи 433, 551.
 Иллюстриров. Газета, 550, 580.
 Инокрена 458.
 Искра 24, 126.
 Jahrbücher 226, 364.
 Impartial 221.
 Кіевлянинъ 584.
 Кіевскія Епарх. Вѣдом. 582.
 Книжникъ 8.
 Книжный Вѣстникъ 338, 434, 533.
 Constitutionnel 222.
 Courrier 220.
 Leipziger 250.
 Литерат. Вечеръ 62.
 Литературный Музеумъ 352, 491.
 Литературная Библіотека 333, 399.
 Литературная Газета 307.
 Литер. Приб. къ Русск. Инвал. 289.
 Лѣтописи Русск. Лит. 28, 55, 63,
 137, 379.
 Маякъ 294, 303, 304, 311, 312.
 Moniteur Universelle 223.
 Москвитянинъ 3, 21, 30, 54, 56, 64,
 70, 81, 103, 111, 112, 143, 180,
 295, 360, 429, 452, 467, 501,
 502.
 Московскій Вѣстникъ 249, 256—259,
 262, 263, 268, 282.
 Московскій Городск. Листокъ 59—
 61.
 Московскій Меркурій 175.
 Московскій Телеграфъ 20, 101, 142,
 145, 245, 252, 260, 271, 272,
 275, 281, 283, 284, 351, 353,
 486, 487, 492.
 Московское Обозрѣніе 327.
 Московскія Вѣдомости 5, 9, 47, 191,
 192, 328, 338, 506, 528—530,
 533, 539, 552, 566, 573, 581,
 586, 588, 600, 603, 614, 618,
 623.
 Московскія Унив. Извѣстія 156,
 338, 564.
 Народное Богатство 386.
 Народный Голось 553.
 Недѣля 554.
 Нива 625.
 Нижегород. Губ. Вѣдомости 592.
 Новгород. Губ. Вѣдомости 342, 594.
 Новости Литературы 239.
 Одесскій Вѣстникъ 433, 598, 599,
 612.
 Опытъ р. анекдотин 488.
 Оренб. Губ. Вѣдом. 3.
 Орловск. Вѣдом. 535.
 Орловск. Епарх. Вѣдом. 601.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ.

- Отеч. Записки, Краевского 34, 54,
 113, 114, 155, 166, 172, 296,
 301, 305, 311, 314, 321, 370,
 430, 434, 555.
 Отеч. Записки, Свинына 88, 90,
 98, 234, 241.
 Памятникъ Отеч. Музъ 436, 489.
 Пантеонъ 321.
 Патриотъ 169.
 Петерб. Газета 118.
 Петерб. Листокъ 411, 512, 556.
 Полтавск. Епарх. Вѣдом. 604.
 Полярная Звѣзда 350.
 Портретная Галерея 416.
 Правосл. Обзорѣніе 567.
 Раутъ 373.
 Revue des Deux Mondes. 157.
 Revue Encyclop. 107.
 Россійскій Магазинъ 138.
 Русская Бесѣда 300.
 Русская Правда 229.
 Русская Рѣчь 75.
 Русская Старина 40, 127, 483, 624.
 Русскій 23, 568.
 Русскій Архивъ 2, 5, 13, 14, 18,
 36, 41, 48, 57, 58, 65, 67, 69,
 75, 78, 82, 94, 116, 129, 197,
 203, 210, 218, 254, 316, 389,
 422, 436, 442, 453, 463, 619.
 Русскій Вѣстникъ, Каткова 25—27,
 42, 141, 205, 380, 404, 432, 461,
 511.
 Русскій Вѣстникъ, Полеваго 297.
 Русскій Заграничный Сборникъ 72.
 Русскій Инвалидъ 393, 557, 580,
 591.
 Русскія Вѣдомости 10—12, 77.
 Russische Merkur 49.
 Русское Слово 433.
 Stpb. Wochenschrift 558.
 Слб. Вѣдомости 15, 200, 298, 308,
 321, 325, 397, 542, 563, 580,
 597.
 Сборникъ соч. студ. Слб. Унив. 438.
 Сборникъ статей II Отд. И. А. Н.
 38, 45, 149, 152, 186, 192, 311,
 396, 398, 407, 544.
 Семейные Вечера 394, 398.
 Сибирск. Губ. Вѣдом. 4, 113, 513,
 531, 534, 536—538. 607.
 Складчина 187.
 Славянинъ 274.
 Современ. Лѣтопись 8, 193, 560.
 Современникъ 44, 52, 53, 106, 134,
 150, 311, 372, 378, 432, 466.
 Современный Листокъ 433, 559.
 Современный Наблюдатель 171.
 Spreatateur 151, 457.
 Сынъ Отечества 80, 84, 87, 109,
 207—209, 212, 264, 265, 302,
 317, 321, 348, 439, 479, 561.
 Сѣверная Почта 395, 435, 510,
 532, 562, 571, 590.
 Сѣверная Пчела 3, 8, 37, 58, 99,
 102, 137, 266, 287, 289, 299,
 306, 311, 359, 370, 505.
 Сѣверное Обзорѣніе 137, 370.
 Сѣверный Архивъ 230—233, 242,
 244, 255.
 Сѣверный Вѣстникъ 139, 168.
 Труды Кіевск. Дух. Акад. 582.
 The Edinburg Review. 152.
 The foreigne 261.
 Универс. Извѣстія 95, 332, 334,
 346, 347, 401, 403, 583.
 Утро 17, 22, 35, 104, 124, 189, 437
 440, 441, 443, 473.
 Ученныя Записки Казанск. Унив. 333,
 339, 340, 396, 400, 405.
 Филологич. Записки 343.
 Харьковскія Епарх. Вѣдом. 613.
 Херсонскія Епарх. Вѣдом. 596.
 Художеств. Газета 110.
 Centralblatt. 621.
 Чтенія въ Бесѣдѣ Любит. Русск. Сл.
 465.
 Чтенія въ Общ. Ист. 51, 63, 235, 319.
 Этнографическій Сборникъ 331.
 Ярославскія Губ. Вѣдомости 615—
 617.

Необходимая оговорка. Намъ снова приходится принести повинную въ досадномъ промахѣ. Настоящій трудъ приготовлялся исподоволь еще съ 1866 года; при печатаніи его въ 1882-мъ году сдѣланы были *четыре* необходимыя перестановки въ «Хронологическомъ спискѣ сочиненій Карамзина» (стр. 1—38); а въ Алфавитномъ указателѣ къ нему (стр. 38—42) эти перемѣны не приняты во вниманіе, по забывчивости, и отъ этого нѣкоторыя цифры въ немъ невѣрны. Но вотъ простое средство устранить ошибку: если какое нибудь численное указаніе окажется невѣрнымъ, прибавьте къ нему 4, и вы отыщете желаемую статью; напр. въ алфавитномъ указателѣ читаете «*Анекдотъ 238*, а между тѣмъ въ хронологическомъ спискѣ подъ этимъ № «Анекдота» не обрѣтается; прибавьте 4, и подъ № 242 вы его увидите. Тоже и въ другихъ случаяхъ.

Подъ № 483 эпитафия на Карамзина приписана нами Грибоѣдову по указанію *Русской Исторической Библиографіи* (Спб. 1882, т. II, № 19, 929) г. Межова, который заимствовалъ это свѣдѣніе изъ *Русской Старины* 1872 г. (т. V, стр. 766), гдѣ напечатана эпитафия. Справка съ ея текстомъ въ ту же минуту показала намъ, что это эпитафия вовсе не Грибоѣдова, а Пушкина.

С. П—въ.

